

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2026. 21(1)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

А. С. Черкас (г. Хьюстон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.03.2026 г.

Заказ № 87.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2026. 21(1)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
13906, Polarstone Ct., Houston,
TX, USA 77044

Тел.: +1 202 8437792 (USA)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. C. CHERKAS (HOUSTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 03/01/2026

Order № 87.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

C O N T E N T S

ARTICLES

Tarkov Shamkhalate as a Form of Revival of Kumuk Statehood in the Post-Horde Period R.G. Bukanova, M.-P.B. Abdusalamov, I.S. Igdavletov, S.M. Bagautdinov	5
The Rare Book Collection of the P.A. Cherkasov Fundamental Library at Cherkas Global University A. Cherkasova	16
Legal Acts of the Khiva Khanate as a Historical Source about the Property Status of Men and Women from the Religious Elite (17th – early 20th centuries) O.N. Naumenko, U.B. Makhmudov, B.M. Satimov, U.L. Matnazarov	34
The Formation of Russian Oriental Studies and Turkology: From the Era of Peter I to the beginning of the 20th century E.O. Bulanov, G.B. Tleubekova, T.S. Tumabaev, Zh.U. Kalelova	45
Kazakh Etiquette in the Works of Russian Researchers (of the XVIII–XIX centuries) G.A. Meirmanova, A.S. Aldeken, A.K. Beysegulova	56
Charity Practices in Russia of the XVIII – early XX centuries for Orphans and Children in Need of Social Support N.V. Prisyazhnaya, M.Yu. Timofeeva, A.A. Amirkhanyan, O.N. Bobrovskaya	66
Problematic Aspects of Infrastructure Development and Administrative Structure of Central Russian Cities on the Eve of Catherine the Great's Reforms P.S. Seleznev, S.A. Vuymentkov, V.N. Belik	79
The Kalmyk Factor in the History of the Kazakh Steppe: Migrations and the “Great Last Camping” of 1771 E.M. Uzhkenov, Z.S. Tabynbayeva, G.A. Shotanova	88
In Service of the Russian-American Company: Employees' Perception of Corporation Yu.S. Egorova	105
Sir Benjamin Brown French (1800–1870): an American Politician and the 6th Grand Master of the Grand Encampment of Knights Templar A.C. Cherkas	113
Atypical Slavery-Related Cases from the Orenburg Border Commission Practice in the first half of the 19th century A.Yu. Peretyatko	119
A Retrospection of the Social Role of Healers (Ishans, Tauips) among Kazakhs in the 19th – early 20th centuries G.K. Mukanova, K.K. Sarsembina, Z.B. Baizhumanova, Z.Sh. Bimakanova	131
At the Crossroads of Tradition and Empire: Kazakh Veterinary Feldshers in the Service of the Steppe Region (19th – early 20th centuries) T.T. Dalayeva	142
The System of Government Bodies among the Nomadic Peoples of Eastern Siberia according to M.M. Speransky's Reform V.V. Naumkina, T.V. Vorotilina, K.A. Dolgoplov, A.S. Ivlyushkin	152
Krasnoyarsk City Orphans' Court from 1823 to 1850: Historical Aspects of Organization and Activities T.G. Karchaeva, A.S. Zhulaeva, G.M. Lushchayeva, N.V. Pakhomova	162
From the Experience of the Russian Empire in Teaching Tungus Children (based on an Unpublished Article by N.A. Kostrov (1823–1881)) Yu.G. Kokorina	171

The Political Economy of the Golden Horde in Russian Historiography of the 19th and early 20th centuries N.T. Abdimomynov, D. Masimkhanuly, A. Abidenkyzy, B.Sh. Batyrkhan	181
The Russian-Persian War (1826–1828): on the 200th Anniversary of the 1826 Campaign A.A. Baibarin, S.B. Zinkovskii, E.N. Lamanov, O.V. Popova	193
The Resettlement of Highlanders to the Russian-Controlled Territories of the Kuban and Black Sea Regions in 1830–1860 through the Prism of Imperial Integration Policy E.A. Avdeev, S.M. Vorobev, T.V. Marchenko	203
Visual Sources on the History of the Gold Mining Industry of the Yenisei Province in the 19th century N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, T.K. Ermakov, N.N. Seredkina	214
The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914) T.R. Danielyan, S.A. Petrosyan	228
Female Gender Socialization in Traditional Kazakh Society in the late XIXth and early XXth centuries A.T. Abdulina, M.T. Moryakova, A.S. Yermekbayeva	240
Ethnocultural and Historical-Geographical Features of the Kazakhs and Kyrgyz in the Context of Sh. Ualikhanov's Research A.T. Serubayeva, Kh.B. Maslov, T.S. Kalenova, G.S. Abdrakhmanova	252
To the Issue of Geological Work in the North Caucasus in the XIX – early XX centuries R.S. Gurtuev, P.A. Kuzminov, I.R. Makhov, E.B. Abanokova	266
On the Interaction of Official Medicine of the Russian Empire and Kazakh Steppe Healing in the XIX – the beginning of the XX centuries Z.T. Sadvokassova, K.M. Shegirov, Zh.K. Zhumabayeva, Z.B. Baizhumanova	277
The Resettlement Case in Asian Russia: Imperial Format/Modernization Challenge A.M. Zharken, M.K. Churkin, B.S. Tokmurzayev, G.B. Kozgambayeva	287
The Role of Legal Custom in the Consideration of Family and Marital Disputes in Volost Courts of the Moscow Province in the second half of the 19th – early 20th centuries O.A. Plotskaya, A.V. Melentev, M.Sh. Shamilov, Yu.E. Kurilyuk	298
“The History of My Contemporary” by V.G. Korolenko as a Historical Source for Socio-Political Research on Russia in the second half of the 19th century T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin	307
“It is Indefinable and yet so Definable” (the First Female Ethnographer V.N. Kharuzina as a Person) L.G. Khusnutdinova	318
Development of Scientific Research and Scientific Institutions in the Turkestan Region in the second half of the 19th – early 20th centuries Yu.A. Ergasheva, X.O. Xosiyatov, B.N. Uzakov, F.U. Samarov	330
The Role of the Non-Indigenous Population in the Implementation and Development of Medicine in Turkestan (second half of the 19th – early 20th centuries) G.K. Otarbayeva, Q.A. Matxoliqov, Kh.E. Khodjamberdiev, D.Q. Turenliyazov	343
Formation of the Industrial Frontier in the Turkestan Region (late 19th – early 20th centuries): Problems and Development Projects G.N. Ksenzhik	356
The Discourse of Religious Policy of Russia in the Steppe Region and Turkestan in Personal Texts of Imperial Experts of the second half of the 19th – early 20th centuries M.S. Nogaibayeva, U.K. Zhangaliev, G.E. Abykenova, G.K. Balakhmetova	368

Statistical Expeditions of the Russian Empire and the Formation of the Source Base for the History of Kazakhstan: the Case of <i>Materials on Kyrgyz Land Use</i> N.A. Tassilova	377
V.O. Klyuchevsky and His Learners at the Moscow Theological Academy (1871–1906) P.V. Fedorov	388
The Kazan Teachers' Seminary and the Formation of the Kazakh Intelligentsia: The Experience of Socialization and Pedagogical Activity (1872–1918) G.S. Sultangalieva, Zh.S. Begimbayeva, A.T. Suinova, Zh. Dyusembek	399
Eyes and Ears of the Empire: Postal and Telegraph Service in Semirechye G. Iskakova	410
The Biography of Sattarkhan Abdulghaffarov in the Context of Imperial Policy in Turkestan L.S. Dinasheva, Zh.A. Akimbek	421
The Polenov-Voeikov Joint Library in the History of book Culture of the Tambov Province at the end of the 19th century R.M. Zhitin, A.G. Topilsky, V.P. Nikolashin	430
“The Note” by V.M. Nemchinov from the Collection of G.V. Yudin as a Source on the History of Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries A.A. Sitnikova, M.A. Kolesnik, N.N. Pimenova, A.A. Shpak	439
“Gateways of Mobility” in Imperial Russia: Interaction with Migrants of Other Ethnicities (based on the example of the Chinese) A.A. Avdashkin	451
On the Development of the Russian Youth Movement (1905–1917): Selected Pages O.E. Chuikov, I.A. Gordeev, S.A. Savostyanova, I.V. Tyurin	460
The Phenomenon of Student Press in the Early 20th Century as an Object of Historical Anthropology: Toward a Reading of “Texts from Below” (“Artichokes and Almonds” and “Anopheles”) R.A. Tleptsok	469
Ways of Forming National Identity in Children's and Youth Organizations of the Russian Empire in the early 20th century I.A. Bulatov, Iu.M. Bystrov	479
The Socio-Demographic Composition of Kharkiv University Students during World War I S.I. Degtyarev, A.E. Lebid	491
Administrative Culture of Suspicion: A Denunciation Campaign against the Newspaper “Kazakh” Ye.Ye. Ibrayev, G.K. Nurusheva, D.M. Legkiy, A.Ye. Yeralina	497
To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 3 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	512
The Russian Empire and Primary Education: The Number of School-Age Children and the Number of Students as of January 1, 1915 (A Case Study of the Asian Part of the Country) I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitin	522
Investigation and Trial of the Participants in the Events of July 11, 1916 in Tashkent: Source-Study and Procedural-Legal Aspects O.A. Makhmudov, S.I. Gabrielyan, Azizbek G. Kholliyev, S.N. Madyarova	527
The Use of Child and Adolescent Labor in Agricultural Work in Peasant Households of the Altai Province (Based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census) V.N. Razgon, D.N. Belyanin, A.V. Razgon	539

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 5-15
DOI: 10.13187/bg.2026.1.5

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Tarkov Shamkhalate as a Form of Revival of Kumuk Statehood in the Post-Horde Period

Roza G. Bukanova ^{a, *}, Magomed-Pasha B. Abdusalamov ^b, Ilshat S. Igdavletov ^c, Sapiyulla M. Bagautdinov ^d

^a Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

^b Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation

^c Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

^d Anzhi-Kala Local History Society, Makhachkala, Russian Federation

Abstract

This article, drawing on a wide range of sources, examines the history of the Tarkov Shaukhal, one of the little-studied state formations in the North Caucasus that emerged after the disappearance of the Ulus of Jochi from the historical arena. The authors address the highly controversial issue of statehood among the peoples who were under the rule of the Golden Horde and subsequently incorporated into the Russian Empire. The relevance of this topic is noted not only for Russian Caucasus studies but also for other regions experiencing the revival and establishment of statehood, where active efforts are underway to substantiate the legitimacy of newly acquired political status. The complexity of this research problem is due, on the one hand, to the methodological limitations of the theory of state and law, which fails to take into account the diversity of real political systems that do not fit into the classical model of the state. On the other hand, the regionalist approach, widespread in the post-Soviet space, is no less limited, preventing a common methodological approach to examining the formation of numerous new political centers after the collapse of the Golden Horde, taking into account their cultural and institutional specifics. This article utilizes a multifactorial approach that overcomes the isolation of Kumyk historiography and presents the processes that took place in the North Caucasus during the Golden Horde and post-Horde periods against a broad historical backdrop. Drawing on sources and recent achievements in Russian historiography, the authors conclude that the strong tradition of Kumyk political agency, preserved during the Golden Horde, contributed to the revival of their statehood in the form of the Tarkov Shaukhal State after its collapse.

Keywords: Golden Horde, Dagestan, Kumyks, Turks, Tarkov Shaukhal State, statehood, dynasty, Shaukhal.

1. Введение

Тарковское шаухальство – одно из многих государственных образований, которые появились после распада Золотой Орды. Ко второй половине XVI – первой половине XVIII вв. Тарковское шаухальство становится наиболее крупным кумыкским государством на Северном Кавказе, располагавшемся на предгорной и прикаспийской территории Дагестана – от р. Терек на севере до р. Башлы-чай (Бугам) на юге. В русских исторических документах XVI–XVII вв. оно известно как «Шамхальство», «Шевкальское

* Corresponding author

E-mail addresses: brg777.50@mail.ru (R.G. Bukanova),
vikingpasha@mail.ru (M.-P.B. Abdusalamov), barsbek28@mail.ru (S.M. Bagautdinov),
igdavlet@mail.ru (I.S. Igdavletov)

царство», «Шевкальская земля», «Шевкалы», «Кумыцкая земля» – от названия коренного населения «кумыки». В персидских источниках оно обозначалось как «Кумук».

Тарковское шаухальство представляло собой уникальную модель средневекового государства, отличавшегося от других государственных образований постордынской эпохи. Однако история кумыкского шаухальства, как и других моделей территориально-политической организации неевропейских народов раннего средневековья (орда, ханство, султанат, улус, юрт и др.) остается недооцененной. Современная теория государства и права, как и в советское время, продолжая оставаться в рамках европоцентристской парадигмы, еще не разработала методологию изучения поливариантных форм политической организации общества, не вписывающихся в каноническую схему государственности: «территория – население – централизованная система управления». Как следствие, в настоящее время государственные образования, существовавшие в разные исторические эпохи на территории Российского государства, стали предметом изучения регионалистики (Буканова, 2023: 3-6). Однако регионалистский подход, широко распространенный на постсоветском пространстве, не позволяет с общих методологических позиций рассмотреть образование новых политических центров после распада Золотой Орды с учетом их культурной и институциональной специфики.

В связи с заметным усилением евразийского контента в современной российской историографии закономерен интерес к истории государственных образований, возникших после распада Золотой Орды. Эта проблема актуальна не только для отечественного кавказоведения, но и других регионов и народов, которые длительное время находились под жестко централизованной властью чингизидов, но при этом не утратили потенциальную возможность возрождения собственной государственности на основе политико-правовых традиций Улуса Джучи в более позднее время (Ryskyldin, Asylguzhin, 2025: 1054-1055).

В данной статье поставлена задача: выявить взаимосвязь между упадком Золотой Орды и одновременным имманентным развитием кумыкских политических институтов. Образование и распад улусов империи Чингисхана, изменили всю политическую карту Евразии, приведя к образованию множества разнородных по своим характеристикам самостоятельных государств, в том числе и Тарковского шаухальства.

2. Материалы и методы

Кумыкская земля, которая располагалась на западном побережье Каспийского моря к северу от Дербента и через которую проходили традиционные трансконтинентальные торговые пути, представляла собой особый интерес в торгово-дипломатических отношениях Золотой Орды с Ближним Востоком. Как известно, архивы Улуса Джучи до нас не дошли, в связи с чем, источниковая база по теме данного исследования весьма ограничена. Она в основном представлена письменными нарративами тюрко-персидского и мусульманского происхождения (Рашид-ад-Дин, 1960; Оразаев, 2003; Мирзаев, 1957); историческими сочинениями и записками путешественников, относящимися к изучаемой эпохе (Карпини, Рубрук, 1911), а также другими документами, прямо или косвенно отражающими историю северокавказского региона в средневековую эпоху (Тизенгаузен, 1884; Тизенгаузен, 1941). Однако о кумыках домонгольской эпохи и периода перехода их под власть чингизидов сведений крайне недостаточно, что затрудняет выявление предпосылок образования Тарковского шаухальства и причинно-следственных связей между распадом Золотой Орды и возникновением шаухальства.

В средневековом сочинении итальянского архиепископа Иоанна де Плано Карпини «История монголов», в котором описывается его путешествие в Монголию в 1245–1247 гг., кумыки перечислены среди покоренных татарами народов. Кроме того, в нем впервые упоминается Тарки (Карпини, Рубрук, 1911: 35-36). Плано Карпини сам на Кавказе не был и, очевидно, принял Тарки за название одного из покоренных племен, получив сведения из сторонних источников. Тарки уже в то время был одним из главных городов кумыков. Некоторые авторы выдвигают предположение о том, что город Тарки при монголах являлся уделным владением ханов улуса Джучи.

Более полное описание прибрежных территорий Каспийского моря оставил монах Ордена миноритов Гильом де Рубрук. Его сведения отличаются большей достоверностью, так как миссия, возложенная на него французским королем Людовиком IX – получить достоверные сведения о христианских ханах Золотой Орды – требовала особой тщательности. Если Плано Карпини в основном описывает жизнь и быт татар, то Гильом де Рубрук в своих путевых дневниках за 1253–1255 гг. подробно излагает маршрут путешествия, характеризует физико-географические особенности земель, через которые ему пришлось проехать. Непосредственное общение с монгольскими ханами: Сартаком, ставка которого находилась на месте современной Астрахани, с Батыем, находившемся на территории Волжской Булгарии, с Великим Мангу-ханом в Каракоруме, безусловно, позволяло ему получать информацию из первых рук.

«У Батыя есть еще брат, по имени Берка (Жегга), пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Саррацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Батыю и проезжая через владения Берки, привозят ему дары» – пишет он (Карпини, Рубрук, 1911: 95). Под пастбищами и владениями Берке следует понимать покоренные монголами

кумыкские земли – это подтверждается современными исследованиями И.И. Ханмурзаева, Ю.М. Идрисова. Первоначально кумыкский улус принадлежал Берке, младшему брату хана Батыя, но в 1253 г. Батый отобрал его и присоединил к своим владениям (Ханмурзаев, Идрисов 2008: 123). Хан Батый скончался в 1256 г., после чего, очевидно, произошло перераспределение его земель между наследниками. По сообщению историографа Хулагуидского двора Рашид-ад-Дина Фазлуллаха, в конце XIII века землями «около реки Терека, у Дербенда» владел один из потомков Джучи-хана Тама-Токдай, командовавший передовым корпусом золотоордынского войска (Рашид-ад-Дин, 1960: 74). В приведенных нами источниках мы находим лишь косвенные свидетельства о территории проживания кумыков.

Некоторые сведения о кумыках и кумыкских шаухалах встречаются в «Книге побед» («Зафарнаме») персидского историка Шараф ад-Дина Али Йазди. Находясь при дворе сына Тамерлана Шахруха и внука Тамерлана Ибрагима-Султана, он был хорошо осведомлен о походах Тамерлана на Кавказ. Его данные позволяют предположить, что в эпоху Золотой Орды кумыки сохраняли определенную политическую самостоятельность, которую удалось отстоять даже в условиях жесточайшего террора, организованного в Дагестане завоевателем (Тизенгаузен, 1941: 184-186).

Несмотря на малочисленность средневековых источников, в совокупности они позволяют получить общее представление об истории народов Северного Кавказа, которые оказались в сфере политических интересов или в составе Золотой Орды. Сборники документов и материалов по истории Дагестана XVII–XVIII вв., опубликованные в советское и постсоветское время, содержат источники по поздней истории Тарковского шаухальства (Русско-дагестанские отношения..., 1958; Гаджиев, 1967; Письма и донесения..., 1990; История Шамхалов..., 2001; Алиев, 2004а, 2012b; Алиев и др., 2018). Их ретроспективный анализ дает возможность дополнить историю кумыков периода Золотой Орды.

В рассматриваемый период Северо-Кавказский регион представлял собой яркий образец сосуществования разных этнополитических образований, с уникальными культурно-историческими типами, сложившимися под влиянием крупных империй: Персидской, Османской, Золотой Орды, а впоследствии – Российской империи. Цивилизационный подход в сочетании с методами политической антропологии позволяют говорить о закономерности возникновения ранних государственных образований у кумыков, а междисциплинарный историко-географический подход как естественный принцип территориальной организации – раскрыть природно-географические, экономические и социокультурные параметры становления Тарковского шаухальства. Соответственно, в данной работе используются, как общенаучные, так и специальные, методы: исторические, историко-правовые, методы политической антропологии и другие. В ходе исследования источников по ранней политической истории кумыков авторы обращались к методам научной ретроспекции и герменевтики.

3. Обсуждение

Кумыки занимали очень важную в торгово-экономическом отношении территорию, а шаухальство как центральный элемент политической организации кумыков, входило в число ранних прибрежных государств Каспийского моря. Поэтому на фоне других раннефеодальных этнополитических образований Северного Кавказа история Тарковского шаухальства представляла и представляет собой большой научный интерес.

Как правило, присоединение новых территорий к России сопровождалось сбором исторических, географических и этнографических сведений. В трудах дореволюционных авторов XIX – начала XX в. (Р.А. Фадеев, Н.Ф. Дубровин и др.) появились первые сведения о шаухальстве. Уже в ходе Кавказской войны было установлено, что Кумыкская равнина занимает важное место в системе международных отношений в данном регионе.

В советской историографии, продолжившей исследование российских периферийных территорий, Тарковское шаухальство рассматривалось, либо в контексте международных отношений Московского государства, Османской империи и Сефевидской державы (Русско-дагестанские отношения, 1958), либо в связи с историей соседних государственных образований Восточного Кавказа (Ашурбейли, 1983). Кроме того, в рамках допустимого некоторые внутренние признаки государственности кумыков (структура социально-политической иерархии, титулы представителей власти, система судопроизводства и др.) не могли не найти отражения в фундаментальных историко-этнографических исследованиях (Гаджиева, 1961). При этом следует иметь в виду, что формационный подход как фундаментальная основа марксистско-ленинской методологии в области теории государства и права не позволял в полной мере признать Тарковское шаухальство как уникальное политическое наследие Улуса Джучи на Кавказе. Советским историкам, особенно провинциальным, был хорошо известен априоризм Ф. Энгельса, который считал, что «цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей» могла сыграть только Россия (Маркс, Энгельс, 1929: 209-212), блокируя тем самым потенциальную возможность постановки крупных исторических проблем на региональном уровне вне российского контекста. Поэтому основной комплекс научных работ по истории государственных образований на территории Дагестана создан в рамках современной немарксистской дагестанской историографии: в 90-х гг. XX в. – первой четверти XXI в.

Признание вариативности исторического процесса в постсоветской российской историографии, освобожденной от марксистских догм, расширило исследовательское поле: история шаухальства приобрела самостоятельное значение и стала одной из ведущих тем современного кавказоведения. Наиболее популярными вопросами, по-прежнему остаются: титулатура и генеалогия шаухальских правителей (Алиев, 2006; Богатырев и др., 2023), политические традиции и этническая характеристика региона, на фоне которой возникло шаухальство (Агларов, 1996; Агларов, 1988; Сулейманов, 2013; Гусейнов, 2020; Шиксаитова, 2023). В трудах последних десятилетий XXI в. (Кудрявцев, 2005; Хайдарбеков, 2012; Гасанов, 2014; Сулейманов, 2017; Горшенина, 2019) основное внимание авторов сосредоточено на вопросах включения кумыкских владений в орбиту внешней политики России, установления между российским правительством и кумыкскими правителями дипломатических, впоследствии – подданных отношений, вплоть до полного вхождения последних в состав Российской империи. Одной из немногих работ, непосредственно относящихся к нашей теме, является статья И.И. Ханмурзаева и Ю.М. Идрисова, в которой ставится проблема образования кумыкского шаухальства. Затрагивая спорный вопрос о происхождении титула «шаухал», авторы явно склоняются к признанию его формирования в эпоху Золотой Орды (Ханмурзаев, Идрисов, 2008: 127).

Одной из характерных черт большинства исследований по истории шаухальства является тенденция к объяснению многих процессов политической истории преимущественно через внешнеполитические факторы. Авторы данной статьи намерены рассмотреть эту проблему с противоположных позиций, с точки зрения сохранения традиций государственности в исторической практике кумыкского народа, не утраченной даже в условиях пребывания под властью золотоордынских правителей.

4. Результаты

В древности и в средние века вдоль западного берега Каспия проходило одно из ответвлений Великого шелкового пути. Персы хорошо знали этот путь. Торговая фактория, появившаяся в середине первого тысячелетия нашей эры на узкой береговой полосе Каспийского моря, была названа персами Дербент – «запертые ворота». В VIII–X вв. торговые пути Каспийского бассейна контролировали арабы. Кроме того, существовали внутренние торговые маршруты Дагестана, тесно связанные с трансконтинентальными трассами. Через кумыкские земли – Кумух – проходила так называемая «дорога владений и народов» (Гасанов, 2005: 3-4).

Вся мировая история свидетельствует о том, что торговые пути способствовали возникновению городских центров и ранних форм государственности. Очевидно, у кумыков, находившихся на перекрестке торговых путей, вызревали ранние формы политической организации, однако эволюционный процесс окончательного формирования их государственности был прерван нашествием монголо-татар. Местные институты власти оказались достаточно устойчивыми, поэтому и в период господства Золотой Орды в Дагестане сохранялась внутренняя автономия, но в некоторых частях региона местные шаухалы были заменены ставленниками золотоордынских ханов.

Начало нового возвышения кумыкских правителей относится к концу правления двадцать пятого хана Золотой Орды Шадибека (1399–1407 гг.). Ханская власть к этому времени значительно ослабла, страной фактически управлял беклярбек Эдиге. В средневековой восточной хронике, вошедшей в научный оборот под названием «Аноним Искендера», о Шадибеке говорится, что «он был царем, ищущим спокойствия, желающим безопасности» (Тизенгаузен, 1941: 133-134). Судя по другим источникам, он предпочитал проводить время в развлечениях и не вмешивался в государственные дела. Тем не менее, в годы его правления удалось временно объединить все прежние улусы Джучиева дома, но впоследствии, потерпев поражение в соперничестве с Эдиге, Шадибек был вынужден искать убежища близ кумыкских земель: в Дербенте, у дербентского эмира Шейх-Ибрахима.

К этому времени потеряли свое влияние на прикаспийские территории и тимуриды. Поражение тимуридов в войне с туркменским племенем Кара-Коюнлу открыло кумыкам путь к независимости. Так, в 1408 г. при Сардруде в Южном Азербайджане войска кара-коюнлинского эмира Кара-Юсуфа нанесли сокрушительное поражение войскам Тимура под командованием его сына Миран-шаха. Последний был убит в бою, а Кара-Юсуф овладел Тебризом и всем Азербайджаном (Ашурбейли, 1983: 240-241; Мамедов, 1993: 129). Это, в свою очередь, привело к значительному ослаблению позиций золотоордынских ханов на восточном побережье Каспийского моря.

Источники, относящиеся к первой половине XV в. говорят о нестабильности и постоянных междоусобных войнах в Улусе Джучи. Так, египетский историк Бадр ад-Дин аль-Айни (у Тизенгаузена – Бадреддин Махмуд, сын Ахмеда, Элайни) писал, что в 1427 г. земли Дешт-и-Кипчака «были разстроены и в них (царствовала) большая неурядица между старшими эмирами» (Тизенгаузен, 1884: 533-534). Большая неурядица «в землях Дештских» усилила центробежные тенденции на окраинах Золотой Орды, чингизиды уже не могли удерживать контроль над окраинными территориями. В такой благоприятной обстановке, ближе к середине XV в. кумыкам, которые являлись наиболее сильной и организованной частью тюрков на Северном Кавказе, удалось создать собственное и относительно независимое государственное образование – шаухальство, во главе с шаухалом

(шамхалом) из династии местной аристократии. По сути, на смену шаухалам из чингизидской династии пришли шаухалы кумыкские. С этого периода начинается возвышение шаухалов Тарковских.

Время образования шаухальства по косвенным данным можно отнести к началу 40-х гг. XV века. Именно этот период характеризуется возникновением на обломках Золотой Орды ряда тюркских государств: Ногайской Орды, Большой Орды, Узбекского, Казахского, Сибирского, Астраханского и Крымского ханств. Обширные территории вдоль западного побережья Каспийского моря севернее Дербента вошли, как пишут И. И. Ханмурзаев и Ю. М. Идрисов, «в состав владения, известного в исторических источниках как Шаухальство». Авторы дату образования шаухальства не указывают, но отмечают тесные союзнические отношения шаухальства с Крымским ханством, возникшим в 1443 г. и основанным на общих традициях государственного устройства, культуры, религии (Ханмурзаев, Идрисов, 2008: 133-134). Учитывая высокую зависимость Крыма от Золотой Орды в отличие от Дагестана, где не было прямого управления со стороны ханской администрации, надо полагать, что Тарковское шаухальство не могло не появиться позже Крымского ханства. В то же время, очевидно, в нем в тот период еще не было сформировавшихся центральных государственно-политических институтов, как в Крымском ханстве. Кумыками последовательно управляли: тюркская (кипчакская с начала XII в.) династия, чингизидская – с момента установления господства монгольской империи и Золотой Орды, а после падения власти и распада последней – кумыкские правящие династии.

Что касается резиденции тарковских шаухалов, то единого мнения в дагестанской историографии не наблюдается. Если взять достаточно хорошо описанный период пребывания Тимура на Восточном Кавказе, то некоторые исследователи склонны полагать, что столицей шаухальства в то время был не Тарки, а Кази-Кумух, расположенный в Горном Дагестане. Однако анализ ряда сведений за XIV–XV вв. позволяет опровергнуть данное утверждение. Впрочем, о научной несостоятельности этой версии мы писали в ранее изданных нами работах, в которых показали аргументированную точку зрения, что незначительный и расположенный высоко в горах населенный пункт Кази-Кумух не мог претендовать на столицу шаухальства в указанный период (Богатырев и др., 2023: 39-53). Изученные нами источники позволяют утверждать, что даже в XIV–XV вв. нагорный Кази-Кумух не был крупным политическим центром. Он не обозначен также на старинных географических картах XV–XVII вв.: как правило, на картах того времени указывались столичные города и крупные центры. Мы считаем, что незначительный и, соответственно, малонаселенный Кази-Кумух был лишь укрепленным пунктом с гарнизоном воинов и летней резиденцией шаухала в Горном Дагестане.

В исторических хрониках периода монголов часто упоминаются лишь два города: Тарки и Дербент. Тарки и Дербент фигурируют также на известном Каталонском атласе мира 1375 г. (Егоров, 1977: 123). Должно быть, именно Тарки имел в виду Вильгельм де Рубрук, сообщая о некоем «замке аланов, принадлежавшем самому Мангу-хану» вблизи «Железных ворот» (Дербента). Здесь Рубрук допустил ошибку: этот «замок» не мог принадлежать аланам, он находился на кумыкской земле, так как он ранее сообщал о том, что «аланы на этих горах все еще не покорены». Более того, монголо-татары устраивали засады в ущельях, боясь того, что аланы могут спуститься с гор (Карпини, Рубрук, 1911: 169).

В конце XIV в. именно Тарки занимал центральное положение на кумыкской территории. Не случайно во время похода Тимура на Северо-Восточный Кавказ он стал одной из опорных баз Тимура и не был им разорен. В начале весны 1396 г., «переправившись по льду через реку Терек и придя в Тарки, Тимур отделился от обоза» и выступил против местных сил (Тизенгаузен, 1941: 185). И в последующем, в XVI–XIX вв., город Тарки оставался крупным административно-политическим и экономическим центром Северо-Восточного Кавказа, столицей шаухальства (Богатырев и др., 2023: 39-53). После ухода Тимура с Кавказа, Дербент становится пограничным городом между кумыками и империей тимуридов. По свидетельству венецианца Амброджо Контарини, в 1475 г. Дербент был пограничным городом Ширвана, и с севера от него начиналась «татарская степь» [т.е. земли кумыков. – Авт.] (Библиотека иностранных..., 1836: 79).

Одной из наиболее популярных тем кумыкской историографии является титулатура и генеалогия шаухальских правителей. Шамхал, как в русских источниках XVII в. (шавкал, шевкал, старший князь Кумыкской земли), так и в персидских и османских источниках, однозначно рассматривается как самостоятельный правитель, носитель наследственного титула. Однако предметом дискуссии является происхождение кумыкских шаухалов. Существует три версии происхождения шаухалов: исламская (арабская), монгольская и тюркская (кумыкская).

В вопросе о происхождении шаухалов, наиболее распространено мнение об арабском генезисе шаухалов. Считается, что шаухальство возникло в результате арабского завоевания Кумыкской земли Абу-Муслимом в 734 г. и принятия кумыками ислама. Эта версия подвергается серьезной научной критике и в настоящее время не актуальна в научной среде. Здесь надо понимать, что местные дагестанские исторические хроники, сообщавшие об арабском (курейшитском) происхождении династии, несут идею могущества и законности шаухалов и шаухальства. Идеинная общность между такими дагестанскими хрониками как «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи, «Дербенд-наме»

Мухаммеда Аваби Акташи и другими, заключается в том, что в них есть концепция, призванная возвысить шаухалов в глазах своих подданных. Включение же шаухалов в генеалогию прямых родственников пророка должно было идеологически укреплять власть кумыкских шаухалов. Версия об арабском происхождении была выгодна династии и духовенству: по всей вероятности, версия об арабском происхождении шаухалов была придумана самими ранними шаухалами с целью распространения и укрепления, как ислама, так и своего влияния среди подданных. Напомним, что при ханах Узбеке, Шадибеке и особенно при эмире Эдиге шла усиленная исламизация в Орде. Это служит одним из подтверждений, что в XIV в. шаухалы-чингизиды распространяли ислам в Дагестане, так как распространение религии тесно связано с развитием государственности и необходимостью консолидации подданных вокруг власти. Одним из ярких примеров распространения ислама шаухалами служит эпиграфическая надпись первой трети XIV в. из села Ашты (современный Дахадаевский район Республики Дагестан). Надпись гласит: «Эту мечеть построил Базац шамхал, сын Таза, с согласия войска (аскар) для людей зирихгеранских (Зирихкирани), когда те перешли в ислам из неверия. Не полагается им (впредь) выплачивать харадж и (не налагается) подношений даже размером с одно яйцо, – (это) с позволения правителя (ал-амир) и его брата Бутдая, да помилует их Аллах» (Мусаев и др., 2021: 1095). Распространение и укрепление ислама, продолжилось и после господства чингизидской династии.

Монгольская или татарская версия происхождения кумыкских княжеских родов и династий весьма противоречива. Прямых указаний на назначение шаухалов монголами не имеется, но есть некоторые данные ономастики: Чингиз-Шаухал, Шаухал-Хан, вероятно, распространенные в период господства чингизидов.

Обратимся к событиям турецко-персидской войны 1578–1590 гг., которые происходили непосредственно на территории Дагестана. Они нашли отражение в хронике османского летописца Ибрахима Рахимизаде, участника похода турков против Сефевидов на Кавказ. В 1578 г. турецкие войска во главе с Осман-пашой начали завоевание Ширвана и Южного Дагестана. В военных действиях османов против персов в 1578–1580 гг. принимал личное участие и чингизид, крымский хан Мухаммед Гирей II. Однако вскоре он выступил против Осман-паши, покинул фронт и, вернувшись в Крым, стал искать поддержки со стороны Речи Посполитой, России и даже Персии. Осман-паша, чтобы наказать непокорного вассала, в 1584 г. отправил в Крым войска и флот, доставивший назначенного пашой нового хана Крыма Ислам-Гирея. Мухаммед Гирей II бежал, но был настигнут и убит. О роли Осман-паши в этих событиях Ибрахим Рахимизаде пишет следующее: «Завоеватель Ширвана, покорававший (потомка) рода Чингиз-хана, покойный Осман-паша ...» (Гусейн, 2005: 167-168). Здесь мы видим, что Рахимизаде подчеркивает общеизвестный факт происхождения династии крымских ханов из рода Чингиз-хана. Судя по тому, что он не говорит о принадлежности кумыкского шаухала к чингизидам, то с уверенностью можно утверждать о существовании собственно кумыкской династии шаухалов. В этот период территория Тарковского шаухальства находилась в составе Османской империи, и Ибрахим Рахимизаде, безусловно, был хорошо осведомлен о политической ситуации в регионе.

Следует также обратить внимание на отсутствие убедительных сведений о принадлежности кумыкских шаухалов к династии чингизидов в российской исторической научной литературе, где собран богатый материал по истории чингизидов постордынского периода (XV-XVI вв.). В них так же нет сведений о том, что шаухалы происходили из рода Чингиз-хана. Этим, пожалуй, можно объяснить и отсутствие данных об участии кумыкских шаухалов в борьбе за золотоордынское наследие во время смуты в Орде в первой половине XV в. Поскольку претендовать на верховную власть в Орде могли лишь лица, принадлежавшие к так называемому «золотому роду». Согласно монгольской традиции, «любой не чингизид, претендующий на сан хана, признавался не просто обычным государственным преступником, а мятежником против воли Вечного Неба и подлежал немедленной казни» (Султанов, 2006: 229).

Тезис о чингизидском происхождении кумыкских шаухалов в основном фигурирует в поздних источниках, а именно в документах XVIII-XIX вв. Подобные данные приводят Мехмед-эфенди Волинский, Ахмед Джевдет-Паша, Джамалутдин-Хаджи Карабудахкентский и некоторые другие авторы, находившиеся под влиянием золотоордынской генеалогической традиции. Мы полагаем, что информацию указанных авторов целесообразно отнести не к происхождению института шаухальства, а к смене династий. После того, как Кавказ был захвачен монголо-татарскими войсками, очевидно, произошла смена власти, и у кумыков стали править шаухалы-чингизиды. Об этом, к примеру, сообщали Замир Али Каяев (Замир, 1990: 26) и Джамалутдин-хаджи Карабудахкентский (Оразаев, 2003: 60, 73). Более ранние источники о чингизидском происхождении шаухалов нам неизвестны.

Конец чингизидской династии шаухалов положил Тимур в 1396 г. во время военных действий в Дагестане. Как известно, шаухал одного из кумыкских владений пытался оказать ему сопротивление, но был сражён стрелой и обезглавлен (Йазди, 2008: 205). И судя по тексту персидского историка, современника Тимура, он, Тимур, оставил эту область (т.е. шаухальство) за местными эмирами, то есть шаухалами. Так, согласно Шереф ад-Дину Йазди, Тимур, «утвердив за ними область и дав им ярлыки, он отослал их назад» (Тизенгаузен, 1941: 186). При этом Тимур выдвинул условие, что они

будут «всегда воевать с врагами и держать обнаженный меч мести для утверждения ислама...». На что местные эмиры дали свое согласие (Тизенгаузен, 1941: 186). Здесь мы видим, что, Тимур, решая вопросы престолонаследия у кумыков после гибели их правителя, шаухала из чингизидов, строго следовал династическому принципу и не нарушил его. Именно тогда в 1396 г. Тимур утвердил шаухала из местной среды, т.е. кумыкской аристократии. Таким образом, после смены чингизидской династии шаухалов к власти приходят шаухалы из местной феодальной верхушки князей и эмиров.

Впоследствии, по свидетельству ряда источников, шаухалы значатся как кумыкские правители. Так, русский купец Федот Котов, посетивший Тарки, сообщал, что шаухал «Илдырхан родом кумычанин» (Котов, 1958: 34, 70). В документах по русско-дагестанским отношениям в XVII в., правители шаухальства также названы «кумыцкими» (Русско-дагестанские отношения..., 1958: 31, 34, 62). Все они были носителями наследственного титула. Местная династия продолжала править до второй половины XIX в. – вплоть до упразднения шаухальства российским правительством в 1867 г.

В современном понимании одним из важных признаков государства является наличие институционально установленных границ. На ранних этапах формирования государства приоритетное значение придавалось не политическим границам, а территории формирования и расселения того или иного доминирующего этноса, о чем говорят названия большинства современных стран. Как правило, на взаимном признании этого фактора складывались добрососедские отношения с соседними народами. Безусловно, границы таких земель не были стабильными, что зависело от природно-климатических факторов, эпидемий, внешних военных вторжений, в результате которых завоеватели могли захватить лучшие территории. Поэтому источники разных эпох могут содержать разные сведения.

На территории Дагестана Тарковское шаухальство было не единственным государственным образованием. Например, в описании похода Тимура на Кавказ персидским историком Низам ад-Дин Абд ал-Васи Шами говорится о завоевании Тимуром «всех областей кумуков» (Тизенгаузен, 1941: 123).

В рассматриваемое время Тарковское шаухальство располагалось на прикаспийской (Кумыкской) равнине с выходом к горным районам, занимая стратегическое положение между Дербентом, Ширваном и Северным Кавказом. Вместе с тем, имеются все основания полагать, что границы расселения кумыков в период и до распада Золотой Орды были более обширными, охватывая земли от Дербента на юге и до центральных областей Северного Кавказа на севере. Это подтверждается наличием кумыкской топонимики на значительной части территории Чечни, Кабарды, включая территорию современного Моздока. Источники XVI в. сообщают, что «шаухал, владелец многих земель лежащих между провинцией Ширван и владениями принца Искендера*, ... правит горной страной, турки называют Брус, – пересеченная местность, где снег лежит постоянно» (Россия и Европа..., 2007: 92). В пользу сказанного приведем замечание шамхала Сурхая III, который царскому правительству в 1650-е годы прямо заявлял: «...все Черкасы исстари дагестанские и шевкаловы» (Алиев, 2006: 86). Здесь же уместно процитировать и слова турецкого путешественника Э. Челеби, посетившего Северный Кавказ в XVII в. В частности, он отмечал: «Дагестан расположен у подножья горы Эльбрус и состоит из семи санджаков. Падишахов этих санджаков называют шамхал-ханами. Но хутба здесь читается и на дагестанского падишаха, который, однако, не владеет правом чеканить свою монету» (Челеби, 1979: 95, 97). В XV в. ядром шаухальства являлись личные владения шамхала, под которыми, без сомнения, подразумевались наилучшие земли (равнина и предгорья). А периферией (окраинами) шаухальства являлись зависимые или полузависимые бийлики, владения и области, которые управлялись наибами и родовой знатью.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что образование Тарковского шаухальства было закономерным явлением, так как основные институты государственности существовали на данной территории задолго до включения ее в состав Улуса Джучи.

5. Заключение

Историю Тарковского шаухальства следует рассматривать в контексте других государственных образований, появившихся в начале 40-х гг. XV века после падения Золотой Орды. Как правило, процесс образования новых государств после распада Улуса Джучи рассматривается однобоко: через призму возникновения политического соперничества и экономического упадка внутри самой Золотой Орды. Однако история образования Тарковского шаухальства показывает, что традиция кумыкской государственности имела глубокие исторические корни, основанные на эволюционном развитии кумыкского общества до монголо-татарского нашествия. На пересечении торговых путей и под влиянием Персидской, Османской и золотоордынской империй сформировалась уникальная модель средневекового государства, отличавшаяся от других государственных образований постордынской эпохи. Административным центром шаухальства был город Тарки, а сфера влияния тарковских шаухалов распространялась на равнины и предгорья Северного Кавказа. В XV-XVII вв. они контролировали в своих руках торговые пути, выходы из горных ущелий и подчинили себе соседние народы. В XVIII в., в результате Каспийского похода Петра I, Тарковское шамхальство со всеми его

* Имеется в виду кахетинский царь Александр II.

вассальными землями и засулакскими княжествами было присоединено к Российской империи, в составе которой просуществовало до середины XIX в.

Литература

- [Агларов, 1996](#) – Агларов М.С. Политическая история Дагестана в XVII–XVIII вв. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1996. 412 с.
- [Агларов, 1988](#) – Агларов М.С. Дагестан и Россия: очерки политических отношений XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 310 с.
- [Алиев, 2004](#) – Алиев О.Б. Акты политической истории Дагестана XVIII века. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004. 528 с.
- [Алиев, 2006](#) – Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Кумыкская аристократия. Махачкала: Дагпресс-Медиа, 2006. 280 с.
- [Алиев, 2012](#) – Алиев О.Б. Тарковское шамхальство в XVIII веке: документы и материалы. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 364 с.
- [Алиев и др., 2018](#) – Алиев О.Б., Абдулаев М.М., Гаджиев Г.Г. Памятники истории и культуры народов Дагестана: документы и материалы. — Махачкала: Юпитер, 2018. 432 с.
- [Ашурбейли, 1983](#) – Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: «Элм», 1983. 344 с.
- [Библиотека иностранных..., 1836](#) – Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. 603 с.
- [Богатырев и др., 2023](#) – Богатырев Э.Д., Абдусаламов М.-П.Б., Багаутдинов С.М. «Казикумукское шамхальство: о правомерности употребления термина в дагестанской историографии» // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2023. Т. 15. № 4. С. 39–53.
- [Буканова, 2023](#) – Буканова Р.Г. Исторический плюрализм как альтернатива европоцентристскому подходу в изучении истории и теории государства и права / *Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф.* / ред.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швеиц, и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 3–6.
- [Гаджиев, 1967](#) – Гаджиев Г.Г. Хроника Гази-Кумуха и Тарковского шамхальства. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 248 с.
- [Гаджиева, 1961](#) – Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко этнографическое исследование. М.: Наука, 1961. 388 с.
- [Гасанов, 2005](#) – Гасанов М.Р. Дагестан – перекресток международных путей (V–XV вв.) // *Вестник института истории, археологии и этнографии* / Рос. акад. наук, Дагестанский науч. центр. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2005. № 3. С. 3–8.
- [Гасанов, 2014](#) – Гасанов З.М. Политическая культура Дагестана в раннее новое время. Махачкала: ДНЦ РАН, 2014. 296 с.
- [Горшенина, 2019](#) – Горшенина С. Кавказ в российской политике XVII–XVIII вв. М.: РОССПЭН, 2019. 368 с.
- [Гусейн, 2005](#) – Гусейн Фарах Адиль Кызы. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг. (по материалам трудов османского летописца Ибрахима Рахимизаде). Баку: «Нурлан», 2005. 216 с.
- [Гусейнов, 2020](#) – Гусейнов М.М. Шамхальство в системе дагестанских политических образований. М.: Ламберт, 2020. 146 с.
- [Егоров, 2020](#) – Егоров В.Л. География городов Золотой Орды // *Советская археология*. № 1. М.: «Наука», 1977. 327 с.
- [Замир, 1990](#) – Замир А. Исторические очерки. Шамхалы // *Советский Дагестан*. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. № 3–4. С. 20–26.
- [История Шамхалов..., 2001](#) – История Шамхалов (рукопись XVIII в.) / публ., исслед. и прим. М.-С. Агларова. Махачкала: ЭПОС, 2001. 320 с.
- [Йазди, 2008](#) – Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Ташкент: издательство журнала «SAN`AT», 2008. 486 с.
- [Карпини, Рубрук, 1911](#) – Карпини Иоанн де Плано. История Монголов / Рубрук де Гильом. Путешествие в Восточные страны. СПб.: «Издание А.С. Суворина», 1911. 232 с.
- [Кудрявцев, 2005](#) – Кудрявцев А.В. Россия и Дагестан в XVII–XVIII вв.: проблемы политической интеграции. М.: Академкнига, 2005. 280 с.
- [Котов, 1958](#) – Котов Ф. Хожение купца Федота Котова в Персию в 1624 г. М.: «Изд-во Восточной литературы», 1958. 296 с.
- [Мамедов, 1993](#) – Мамедов А.С. Азербайджан по источникам XV – первой половины XVIII вв. Баку: «Элм», 1993. 236 с.
- [Маркс, Энгельс, 1929](#) – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 1. Т. 21. Переписка 1844–1853. Под редакцией Д. Рязанова. М.; Л.: Госиздат, 1929. 566 с.
- [Мирзаев, 1957](#) – Мирзаев А.М. Дагестанские летописи XVIII века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1957. 290 с.

- [Мусаев и др., 2021](#) – Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. // *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 17. № 4. Махачкала, 2021. С. 1084–1129.
- [Оразаев, 2003](#) – Оразаев Г.М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, комментарии). Книга 1. Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2003. 332 с.
- [Письма и донесения..., 1990](#) – Письма и донесения русских воевод о Дагестане XVII–XVIII вв. / сост. М.-С. Агларов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1990. 260 с.
- [Русско-дагестанские отношения..., 1958](#) – Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагестанское книж. изд-во, 1958. 336 с.
- [Рашид-ад-дин, 1960](#) – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: «Изд-во АН СССР», 1960. 253 с.
- [Россия и Европа..., 2007](#) – Россия и Европа глазами Орудж-Бека Баята-Дон-Жуана Персидского. СПб.: «Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та», 2007. 209 с.
- [Сулейманов, 2017](#) – Сулейманов М.О. Северо-Восточный Кавказ в системе политических отношений XVIII века. Махачкала: ДНЦ РАН, 2017. 302 с.
- [Сулейманов, 2013](#) – Сулейманов М. О. Тарковское шамхальство: формирование политической структуры. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2013. 244 с.
- [Султанов, 2006](#) – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: «АСТ МОСКВА», 2006. 445 с.
- [Тизенгаузен, 1884](#) – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб: «Типография Императорской Академии наук», 1884. 554 с.
- [Тизенгаузен, 1941](#) – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из персидских сочинений собранные В. Тизенгаузеном и обраб. А.А. Ромаскевичем, С.Л. Волиным. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 305 с.
- [Ханмурзаев, Идрисов, 2008](#) – Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальство в контексте политического наследия Улуса Джучи на Северном Кавказе / *Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ*. 2008. Вып. 1. С. 122–136.
- [Челеби, 1979](#) – Челеби Э. Книга Путешествия. Вып. 2. М.: «Наука», 1979. 288 с.
- [Шиксаитова, 2023](#) – Шиксаитова А.С. Политические традиции Дагестана в эпоху раннего нового времени. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2023. 256 с.
- [Ryskyldin, Asylguzhin, 2025](#) – Ryskyldin A.Kh., Asylguzhin A.R. Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1052–1064.

References

- [Aglarov, 1988](#) – Aglarov, M.S. (1988). Dagestan i Rossiya: ocherki politicheskikh otnoshenii XVII–XVIII vv. [Dagestan and Russia: Essays on political relations in the 17th–18th centuries]. M.: Nauka. [in Russian]
- [Aglarov, 1996](#) – Aglarov, M.S. (1996). Politicheskaya istoriya Dagestana v XVII–XVIII vv. [Political history of Dagestan in the 17th–18th centuries]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]
- [Aliev i dr., 2018](#) – Aliev, O.B., Abdulaev, M.M., Gadzhiev, G.G. (2018). Pamyatniki istorii i kul'tury narodov Dagestana: dokumenty i materialy [Monuments of history and culture of the peoples of Dagestan: Documents and materials]. Makhachkala: Yupiter. [in Russian]
- [Aliev, 2004](#) – Aliev, O.B. (2004). Akty politicheskoi istorii Dagestana XVIII veka [Acts of political history of Dagestan of the 18th century]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]
- [Aliev, 2006](#) – Aliev, K.M. (2006). Shaukhali Tarkovskie. Kумыкская аристократия [The Tarkov Shaukhaly. Kumyk aristocracy]. Makhachkala: Dagpress-Media. [in Russian]
- [Aliev, 2012](#) – Aliev, O.B. (2012). Tarkovskoe shamkhal'stvo v XVIII veke: dokumenty i materialy [The Tarkov Shamkhalate in the 18th century: Documents and materials]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]
- [Ashurbeyli, 1983](#) – Ashurbeyli, S. (1983). Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI–XVI vv.) [The state of the Shirvanshahs (6th–16th centuries)]. Baku: Elm. [in Russian]
- [Biblioteka inostrannykh pisatelei, 1836](#) – Biblioteka inostrannykh pisatelei o Rossii [Library of foreign writers about Russia]. T. 1. St. Petersburg: Tipografiya III Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii. 1836. [in Russian]
- [Bogatyrev i dr., 2023](#) – Bogatyrev, E.D., Abdusalamov, M.-P.B., Bagautdinov, S.M. (2023). «Kazikumukhskoe shamkhal'stvo: o pravomernosti upotrebleniya termina v dagestanskoi istoriografii» [The Kazikumukh Shamkhalate: On the legitimacy of the term in Dagestani historiography]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 15(4): 39–53.
- [Bukanova, 2023](#) – Bukanova, R.G. (2023). Istoricheskii plyuralizm kak al'ternativa evropotsentristskomu podkhodu v izuchenii istorii i teorii gosudarstva i prava [Historical pluralism as an

- alternative to the Eurocentric approach in the study of history and theory of state and law]. Krasnodar. [in Russian]
- [Carpini, Rubruck, 1911](#) – *Carpini, J. de Plano, Rubruck, W. de.* (1911). *Istoriya mongolov; Puteshestvie v vostochnye strany* [History of the Mongols; Journey to the Eastern countries]. SPb. [in Russian]
- [Chelebi, 1979](#) – *Chelebi, E.* (1979). *Kniga puteshestviya* [Book of travels]. Vol. 2. Moscow: Nauka. [in Russian]
- [Egorov, 1977](#) – *Egorov, V.L.* (1977). *Geografiya gorodov Zolotoi Ordy* [The Geography of the Cities of the Golden Horde]. *Sovetskaya arkheologiya*. № 1. M.: Nauka. P. 327. [in Russian]
- [Gadzhiev, 1967](#) – *Gadzhiev, G.G.* (1967). *Khronika Gazi-Kumukha i Tarkovskogo shamkhal'stva* [Chronicle of Gazi-Kumukh and the Tarkov Shamkhalate]. Makhachkala: Dagknigoizdat. [in Russian]
- [Gadzhieva, 1961](#) – *Gadzhieva, S.Sh.* (1961). *Kumyki. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Kumyks: A historical and ethnographic study]. M.: Nauka. [in Russian]
- [Gasarov, 2005](#) – *Gasarov, M.R.* (2005). *Dagestan – perekrestok mezhdunarodnykh putei (V–XV vv.)* [Dagestan as a crossroads of international routes (5th–15th centuries)]. Makhachkala. [in Russian]
- [Gasarov, 2014](#) – *Gasarov, Z.M.* (2014). *Politicheskaya kul'tura Dagestana v rannee novoe vremya* [Political culture of Dagestan in the early modern period]. Makhachkala: DNTs RAN. [in Russian]
- [Gorshenina, 2019](#) – *Gorshenina, S.* (2019). *Kavkaz v rossiiskoi politike XVII–XVIII vv.* [The Caucasus in Russian policy of the 17th–18th centuries]. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- [Husein, 2005](#) – *Husein Farakh Adil Kyzy* (2005). *Osmano-sefevidskaya voyna 1578–1590 gg.* [The Ottoman–Safavid War of 1578–1590]. Baku: Nurlan. [in Russian]
- [Huseinov, 2020](#) – *Huseinov, M.M.* (2020). *Shamkhal'stvo v sisteme dagestanskikh politicheskikh obrazovaniy* [The Shamkhalate in the system of Dagestani political entities]. M.: Lambert. [in Russian]
- [Istoriya Shamkhalov..., 2001](#) – *Istoriya Shamkhalov (rukopis' XVIII veka)* [History of the Shamkhals (18th-century manuscript)]. Makhachkala: EPOS, 2001. 320 p. [in Russian]
- [Khanmurzaev, Idrisov, 2008](#) – *Khanmurzaev, I.I., Idrisov, Yu.M.* (2008). *Problema obrazovaniya srednevekovogo kumykskogo gosudarstva Shaikhals'tvo v kontekste politicheskogo naslediya Ulusa Dzhuchi na Severnom Kavkaze* [The problem of the formation of the medieval Kumyk state Shamkhalate]. Kazan'. [in Russian]
- [Kotov, 1958](#) – *Kotov, F.* (1958). *Khozhdenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu v 1624 g.* [Journey of the merchant Fedot Kotov to Persia in 1624]. M. [in Russian]
- [Kudryavtsev, 2005](#) – *Kudryavtsev, A.V.* (2005). *Rossiya i Dagestan v XVII–XVIII vv.: problemy politicheskoi integratsii* [Russia and Dagestan in the 17th–18th centuries: Problems of political integration]. Moscow: Akademkniga. [in Russian]
- [Mamedov, 1993](#) – *Mamedov, A.S.* (1993). *Azerbaidzhan po istochnikam XV – pervoi poloviny XVIII vv.* [Azerbaijan according to sources of the 15th – first half of the 18th centuries]. Baku: Elm. [in Russian]
- [Marks, Engel's, 1929](#) – *Marks, K, Engel's, F.* (1929). *Sochineniya* [Collected Works]. Izdanie 1. T. 21. *Perepiska 1844–1853. Pod redaktsiei D. Ryazanova.* M.; L.: Gosizdat. 566 p. [in Russian]
- [Mirzaev, 1957](#) – *Mirzaev, A.M.* (1957). *Dagestanskii letopisi XVIII veka* [Dagestani chronicles of the 18th century]. Makhachkala. [in Russian]
- [Musaev i dr., 2021](#) – *Musaev, M.A., Shikhaliev, Sh.Sh., Shekhmagomedov, M.G.* (2021). *Rezultaty epigraficheskoi ekspeditsii v Dakhadaevskii raion Dagestana v 2020 g.* [Results of the epigraphic expedition to the Dakhadaevsky district of Dagestan in 2020]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. 17(4): 1084–1129. [in Russian]
- [Orazaev, 2003](#) – *Orazaev, G.M.-R.* (2003). *Istoricheskie sochineniya Dagestana na tyurkskikh yazykakh* [Historical works of Dagestan in Turkic languages]. T. 1. Makhachkala: Epokha. [in Russian]
- [Pis'ma i donesenii..., 1990](#) – *Pis'ma i donesenii Pis'ma i donesenii russkikh vovod o Dagestane XVII–XVIII vv.* [Letters and reports of Russian governors about Dagestan in the 17th–18th centuries.]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. 1990. [in Russian]
- [Rashid al-Din, 1960](#) – *Rashid al-Din* (1960). *Sbornik letopisei* [Compendium of chronicles]. T. 2. M.–Leningrad. [in Russian]
- [Russko-dagestanskii otnosheniya..., 1958](#) – *Russko-dagestanskii otnosheniya XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Russian-Dagestani relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials]. Makhachkala. 1958. [in Russian]
- [Ryskyldin, Asylguzhin, 2025](#) – *Ryskyldin, A.Kh., Asylguzhin, A.R.* (2025). *Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century.* *Bylye Gody*. 20(3): 1052–1064.
- [Shiksaitova, 2023](#) – *Shiksaitova, A.S.* (2023). *Politicheskie traditsii Dagestana v epokhu rannego novogo vremeni* [Political traditions of Dagestan in the early modern era]. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN. [in Russian]
- [Suleimanov, 2013](#) – *Suleimanov, M.O.* (2013). *Tarkovskoe shamkhal'stvo: formirovaniye politicheskoi struktury* [The Tarkov Shamkhalate: Formation of the political structure]. Makhachkala: Dagknigoizdat. [in Russian]

- [Suleimanov, 2027](#) – *Suleimanov, M.O.* (2017). Severo-Vostochnyi Kavkaz v sisteme politicheskikh otnoshenii XVIII veka [North-Eastern Caucasus in the system of political relations of the 18th century]. Makhachkala: DNTs RAN. [in Russian]
- [Sultanov, 2006](#) – *Sultanov, T.I.* (2006). Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Genghis Khan and the Chinggisids: Fate and power]. M.: AST. [in Russian]
- [Tiesenhausen, 1884](#) – *Tiesenhausen, V.G.* (1884). Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Vol. 1 [Collected materials on the history of the Golden Horde]. SPb. [in Russian]
- [Tiesenhausen, 1941](#) – *Tiesenhausen, V.G.* (1941). Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Vol. 2 [Collected materials on the history of the Golden Horde]. M. [in Russian]
- [Yazdi, 2008](#) – *Yazdi Sharaf ad-Din Ali* (2008). Zafar-name [Book of victories]. Tashkent: SAN'AT. [in Russian]
- [Zamir, 1990](#) – *Zamir, A.* (1990). Istoricheskie ocherki. Shamkhaly [Historical essays. Shamkhals]. Sovetskii Dagestan. (3–4): 20–26. [in Russian]

Тарковское шаухальство как форма возрождения кумыкской государственности в постордынский период

Роза Гафаровна Буканова ^{a, *}, Магомед-Паша Балашович Абдусаламов ^b,
Ильшат Сулейманович Игдавлетов ^c, Сапиюлла Магомедович Багаутдинов ^d

^a Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова, Кокшетау, Республика Казахстан

^b Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Российская Федерация

^c Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Российская Федерация

^d Краеведческое общество «Анжи-Кала», Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников рассматривается история Тарковского шаухальства, одного из малоизученных государственных образований Северного Кавказа, появившегося после исчезновения с исторической арены Улуса Джучи. Авторы затрагивают острую дискуссионную проблему о наличии государственности у народов, находившихся под властью Золотой Орды и впоследствии инкорпорированных в состав Российской империи. Отмечается актуальность данной темы не только для отечественного кавказоведения, но и других регионов, где идут процессы возрождения и становления государственности, ведутся активные поиски путей обоснования легитимности вновь обретенного политического статуса. Сложность данной научной проблемы обусловлена, с одной стороны, методологической ограниченностью теории государства и права, которая не учитывает многообразия реальных политических систем, не вписывающихся в классическую модель государства. С другой стороны, не менее ограниченным является широко распространившийся на постсоветском пространстве регионалистский подход, который не позволяет с общих методологических позиций рассмотреть образование множества новых политических центров после распада Золотой Орды с учетом их культурной и институциональной специфики. В статье использован многофакторный подход, который дает возможность преодолеть обособленность кумыкской историографии и представить процессы, происходившие на Северном Кавказе в ордынский и постордынский период, на широком общесторическом фоне. Опираясь на источники и достижения отечественной историографии последних лет, авторы делают вывод о том, что устойчивая традиция политической субъектности кумыков, сохранившаяся в период господства Золотой Орды, способствовала возрождению их государственности в виде Тарковского шаухальства после его распада.

Ключевые слова: Золотая Орда, Дагестан, кумыки, турки, Тарковское шаухальство, государственность, династия, шаухалы.

* Корреспондирующий автор

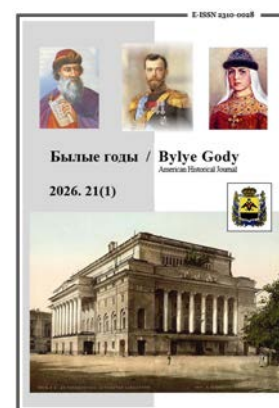
Адреса электронной почты: brg777.50@mail.ru (П.Г. Буканова),
vikingpasha@mail.ru (М.-П.Б. Абдусаламов), barsbek28@mail.ru (С.М. Багаутдинов),
igdavlet@mail.ru (И.С. Игдавлетов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 16-33
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.16

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Rare Book Collection of the P.A. Cherkasov Fundamental Library at Cherkas Global University

Anastasia Cherkasova ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

Abstract

This article analyzes the rare book collection of the P.A. Cherkasov Fundamental Library at Cherkas Global University and considers it as an independent object of library science and source-critical research. The study focuses on the formation, structure, and composition of the rare collection, which includes editions published between 1455 and 1836, i.e., from the beginning of European printing to the first third of the nineteenth century. It is shown that the chronological boundaries of the collection are determined both by the history of print culture and by the requirements of scholarly classification of book collections.

The article reconstructs the institutional history of the library, the stages of its transformation from a university collection into a fundamental library with a rare book collection, and the role of Masonic and historical publications in shaping the library's profile holdings. Particular attention is paid to the characteristics of individual groups within the collection: incunabula and post-incunabula, editions of the sixteenth–seventeenth centuries, as well as books of the Enlightenment and the early period of U.S. national publishing.

Methodologically, the research relies on a set of general scientific, library, and book-historical methods, including analysis and synthesis, systemic and historical approaches, and elements of bibliographical and provenance attribution. As a result, the article demonstrates that the rare collection has substantial scholarly value as a source for the history of the book, intellectual culture, and transnational connections of the early modern period and the early nineteenth century.

Keywords: P.A. Cherkasov Fundamental Library, Cherkas Global University, rare collection, 1455–1836, cataloguing, library science.

1. Introduction

The library of Cherkas Global University began to take shape as early as 1992, and by 2019 its total holdings amounted to approximately 1,500 books. Beginning on January 10, 2020, the library also started to develop an electronic collection.

On August 1, 2022, the library was officially renamed the “P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library.” Prokopii Antonovich Cherkasov (1659–1725) was a representative of the Cherkasov (Keretsky) family. In the early 1700s, his estate in the village of Kereti (in the territory of the Tsardom of Muscovy) hosted a shelter for the visually impaired.

In the autumn of 2024, in connection with the creation of a library collection devoted to the Masonic Order of Knights Templar, the library began to acquire printed (paper) books. On June 6, 2025, the printed holdings were merged with the electronic holdings, and the library received its current name: the “P.A. Cherkasov Fundamental Library.”

As of 2025, all printed books in the library are divided into three collections: the Rare Collection (1455–1836), the Victorian Collection (1837–1899), and the Modern Collection (1900–present). The chronological boundaries of these collections are justified as follows. The Rare Collection includes books

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasova.la@gmail.com (A.A. Cherkasova)

published from 1455, i.e., from the publication of the first printed book in world history – the Gutenberg Bible. The Victorian Collection almost entirely coincides with the Victorian era, with the only difference being that it ends not in 1901 but in 1899; this was done for the convenience of classifying nineteenth-century books. The Modern Collection needs no additional explanation.

2. Materials and methods

The materials used in this study comprise the Rare Collection of the P.A. Cherkasov Fundamental Library, a structural unit of Cherkas Global University. The Rare Collection includes books published between 1455 and 1836. In total, the library holds 25 books from this period, as well as two incunable leaves printed in 1464 and 1474.

Methodologically, the study relies on a combination of general scientific, specialized library-science, and interdisciplinary methods. For example, analysis and synthesis were applied to break down the object of study (a book or a collection) into constituent elements and then integrate them into a coherent descriptive model. The systemic approach made it possible to consider the library collection as an integral system with internal connections (collection structure, typology of editions, chronology), while the historical method allowed the collections to be examined in the dynamics of their formation and circulation.

3. Discussion

The history of Cherkas Global University and its structural units has repeatedly become the subject of scholarly research. For example, A. Yu. Peretyatko devoted a study to the organization's publication activity ([Peretyatko, 2024](#)), while S. N. Gonta analyzed the publication activity of the Laboratory of World Civilizations for 2014–2024 ([Gonta, 2025](#)). In 2019, V. V. Tarakanov and M. A. Ponomareva undertook a comprehensive attempt to examine the organization's activities from 2014 to 2019 ([Tarakanov, Ponomareva, 2019](#)).

One of the university's structural units is the museum dedicated to the American Order of Knights Templar, whose exhibits have also repeatedly become objects of research. For instance, museum materials have been used for a biographical study of Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) ([Cherkas, 2024](#)) and other figures of that era, and the museum collections have likewise been examined ([Cherkasova, 2025](#)).

The library of Cherkas Global University has also been studied: in 2023, I. Yu. Cherkasova devoted a paper to this topic ([Cherkasova, 2023](#)).

4. Results

The library's Rare Collection can be divided into four main parts:

1. Incunabula and post-incunabula (1455–1540) (two leaves from different incunabula and one book containing two works);
 2. Editions of 1541–1699 (three books);
 3. Editions of 1700–1799 (five books);
 4. Editions of 1800–1836 (sixteen books).
- These parts are discussed below.

4.1. Incunabula and post-incunabula

As is well known, the dating of incunabula, i.e., the earliest printed books in the world, covers the period from 1455 to 1500, inclusive. Books published from 1501 to 1540 are referred to as post-incunabula. Three items in the library fall under this periodization: two leaves from different incunabula and one post-incunable book.

The earliest printed item in the library is an incunable leaf from Adolf Rusch, *Sophologium* ([Rusch, 1464](#)), printed in Strasburg in 1464 ([Figure 1](#)), i.e., nine years after the publication of the first printed book in the world, the Gutenberg Bible (1455). This leaf was acquired at an auction in the United Kingdom in 2025.

The second earliest item is also an incunable leaf, from a work attributed to Königshofen, printed in 1474 ([Königshofen, 1474](#)), presenting a fragment from a German universal chronicle ([Figure 2](#)). At present, it has not been possible to establish the exact title of the incunable; however, during source-critical examination the place and year of publication, the printer, and the authorial tradition were confirmed.

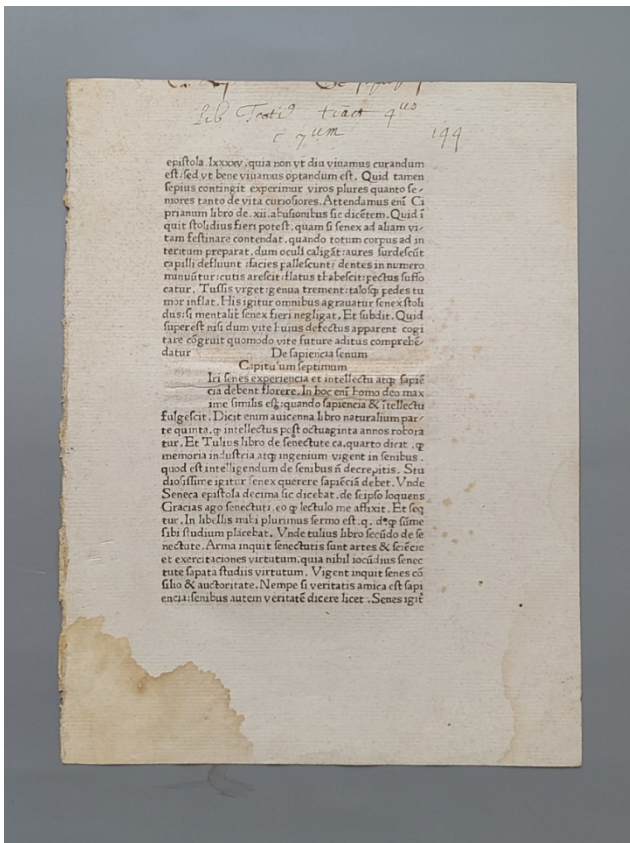

Fig. 1. Incunable leaf from Adolf Rusch, *Sophologium* (1464)

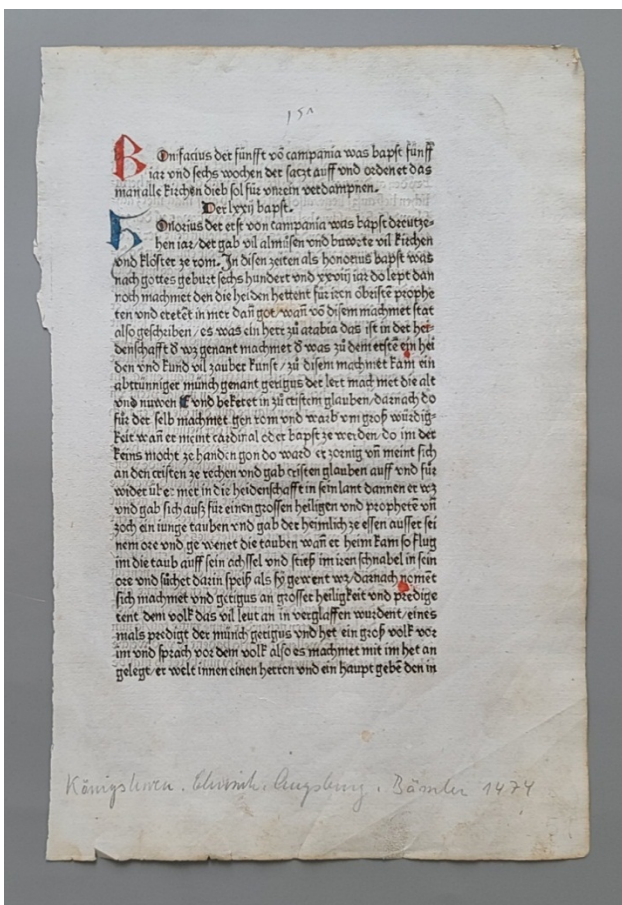

Fig. 2. Incunable leaf attributed to Königshofen, printed in Augsburg in 1474

Finally, the third of the rarest items is a book bound as a convolute, finalized in 1526, containing two works: Quintus Curtius Rufus, *De rebus gestis Alexandri Magni*. Basel: Johann Froben, 1518 ([Quintus Curtius Rufus, 1518; Figure 3](#)) and Paulus Orosius, *Historiarum adversus paganos libri VII*. Basel: Eucharius Cervicornus, 1526 ([Paulus Orosius, 1526; Figure 4](#)).

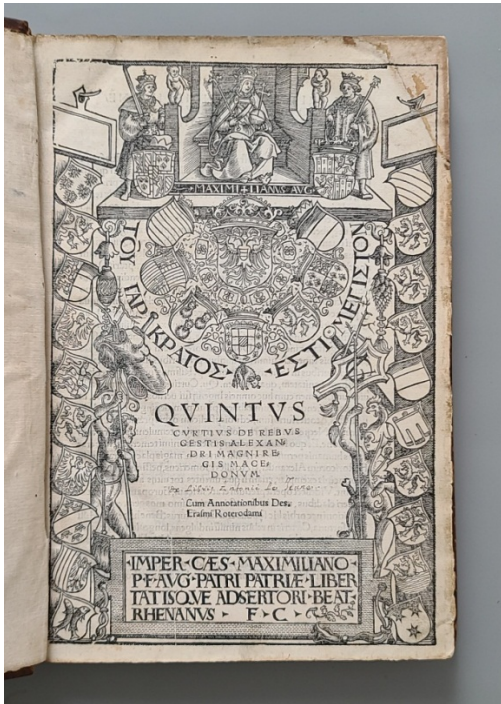

Fig. 3. *De rebus gestis Alexandri Magni* (1518).

Fig. 4. *Historiarum adversus paganos libri VII* (1526).

4.2. Editions of 1541–1699

This section includes three books.

The first is Dominicus de Soto, *De natura et gratia* ([Dominicus de Soto, 1570](#)), published in Salmanticae in 1570 ([Figure 5](#)). This book is an example of classical Counter-Reformation Catholic theology; its author was an advisor to Emperor Charles V and one of the formulators of Catholic teaching on justification.

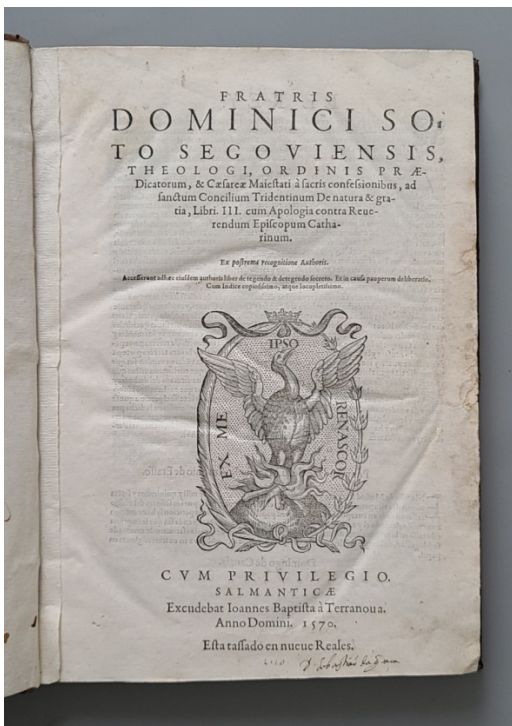

Fig. 5. Dominicus de Soto, *De natura et gratia* (1570)

The second is Antoine Fabri, *Rationalium in tertiam partem Pandectarum* (Fabri, 1626), Volume V (final) (Figure 6), published in Aurelianae in 1626. This book is an early seventeenth-century legal treatise on Roman law, published in France. The author was one of the leading European jurists of late humanism, an advisor to the Duke of Savoy, and president of Savoy's highest court.

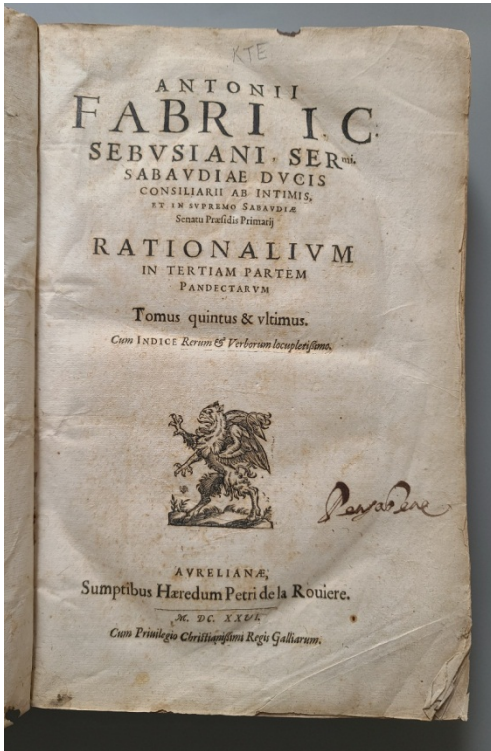

Fig. 6. Antoine Fabri, *Rationalium in tertiam partem Pandectarum* (1626)

The third is a French-language book, Antoine Godeau, *La Vie de S. Augustin* (Godeau, 1679; Figure 7), published in Paris in 1679. The author of this work on the life of Saint Augustine was Antoine Godeau (1605–1672), Bishop of Vence, poet, and theologian.

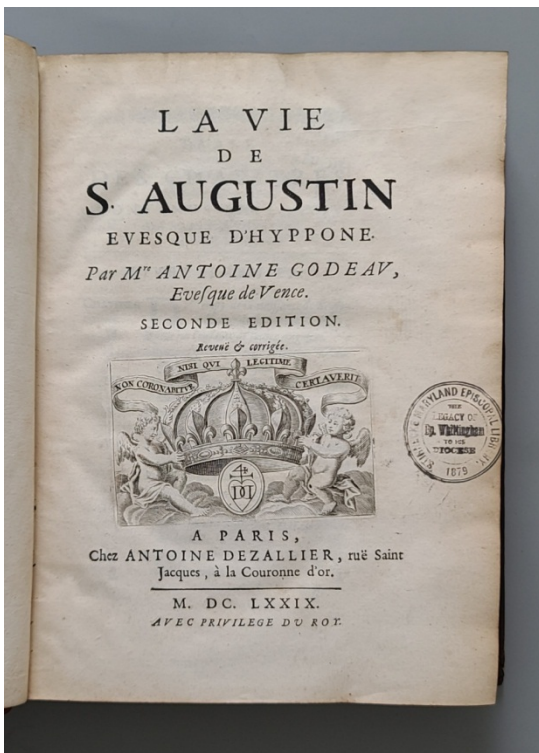

Fig. 7. Antoine Godeau, *La Vie de S. Augustin* (1679)

4.3. Editions of 1700–1799

Among the five books published in this period, two belong to the first half of the eighteenth century, while three belong to the second half.

The earliest is Aegidius Francken, *Heilige Feeststoffen* (Francken, 1742), published in Dordrecht in 1742 (Figure 8). The author was a Reformed preacher and minister of the Gospel in Maassluis. By genre, the book belongs to Protestant homiletics (a collection of sermons) and is affiliated with the Dutch Reformed Church.

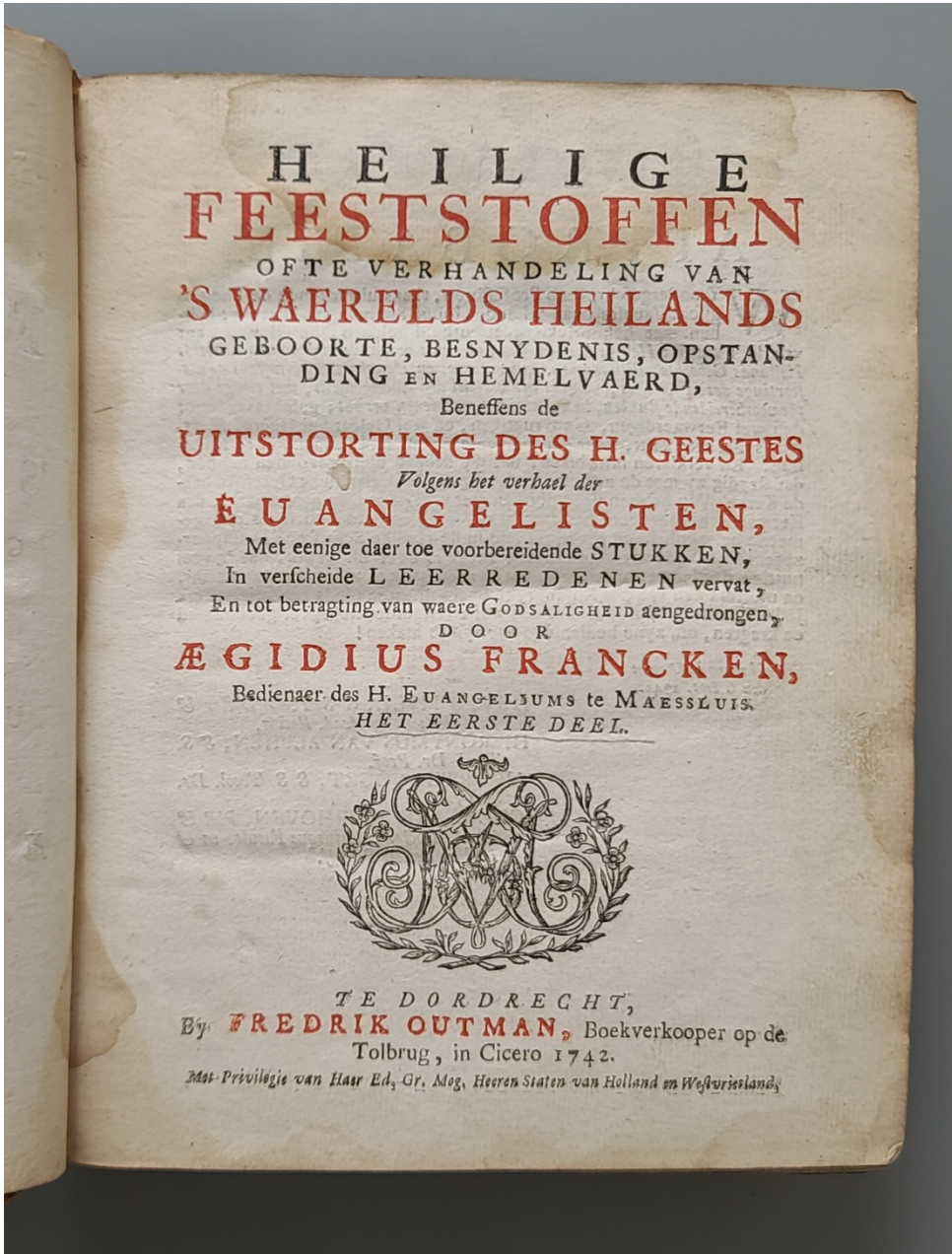

Fig. 8. Aegidius Francken, *Heilige Feeststoffen* (1742)

The next is an eighteenth-century Swedish Lutheran sermon book: Christian Scriver, *Guds Barnas Härlighet och Salighet* (Scriver, 1749), published in Norrköping in 1749 (Figure 9). The author, Christian Scriver/Christianus Scriverus (1629–1693), was a well-known Lutheran theologian and preacher from Magdeburg. By genre, the book also belongs to Lutheran homiletics (a collection of sermons).

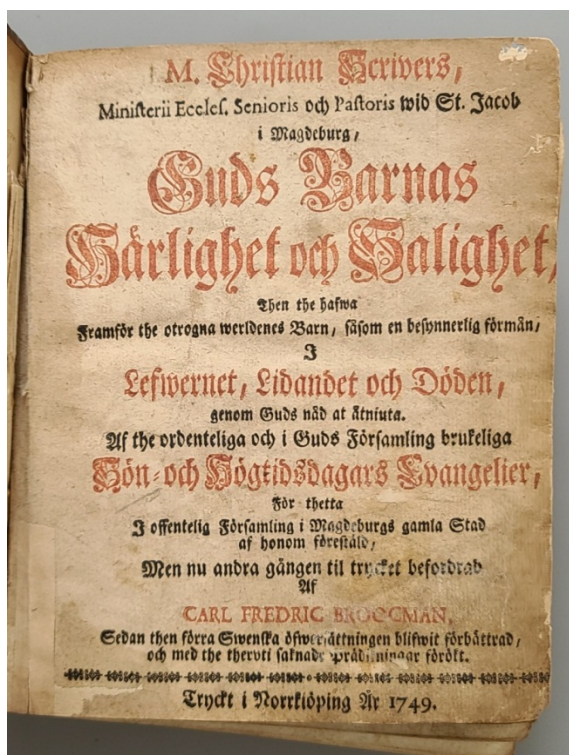

Fig. 9. Christian Scriver, *Guds Barnas Härlighet och Salighet* (1749)

The next is Nicholas Tindal, *The Continuation of Mr Rapin's History of England* (Tindal, 1763), published in London in 1763 (Figure 10). The author served as Rector of Alverstoke and chaplain of the Royal Hospital at Greenwich. The volume is Vol. XVIII, VIth of Continuation, part of the multi-volume *History of England*, one of the most authoritative historical works of the eighteenth century.

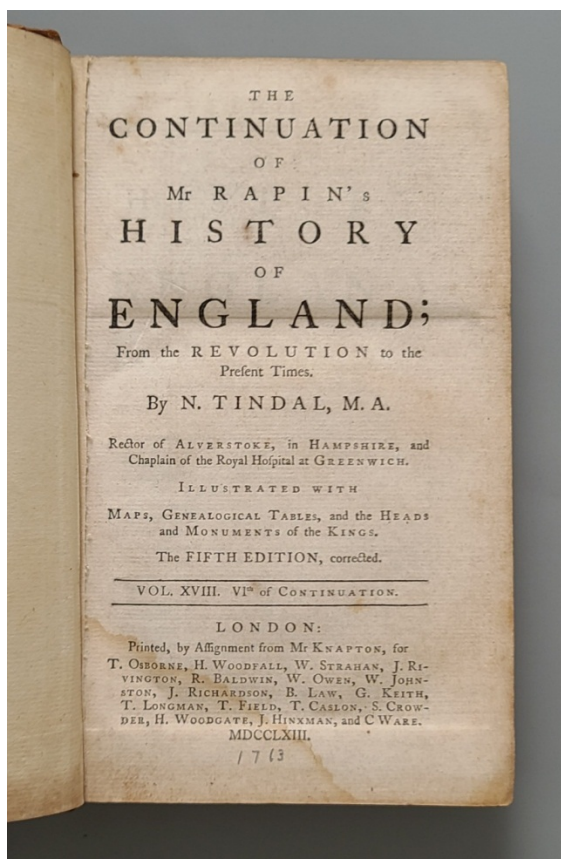

Fig. 10. Nicholas Tindal, *The Continuation of Mr Rapin's History of England* (1763)

Another book in this section is John Platt, *The Wonders of Nature and Art* (Platt, 1768), published in London in 1768 (Figure 11). This is an English encyclopedic publication of the Enlightenment era devoted to natural history and “wonders of the world.” It belongs to the genre of popular science (natural history) and compiles information from the works of historians, travelers, geographers, and philosophers.

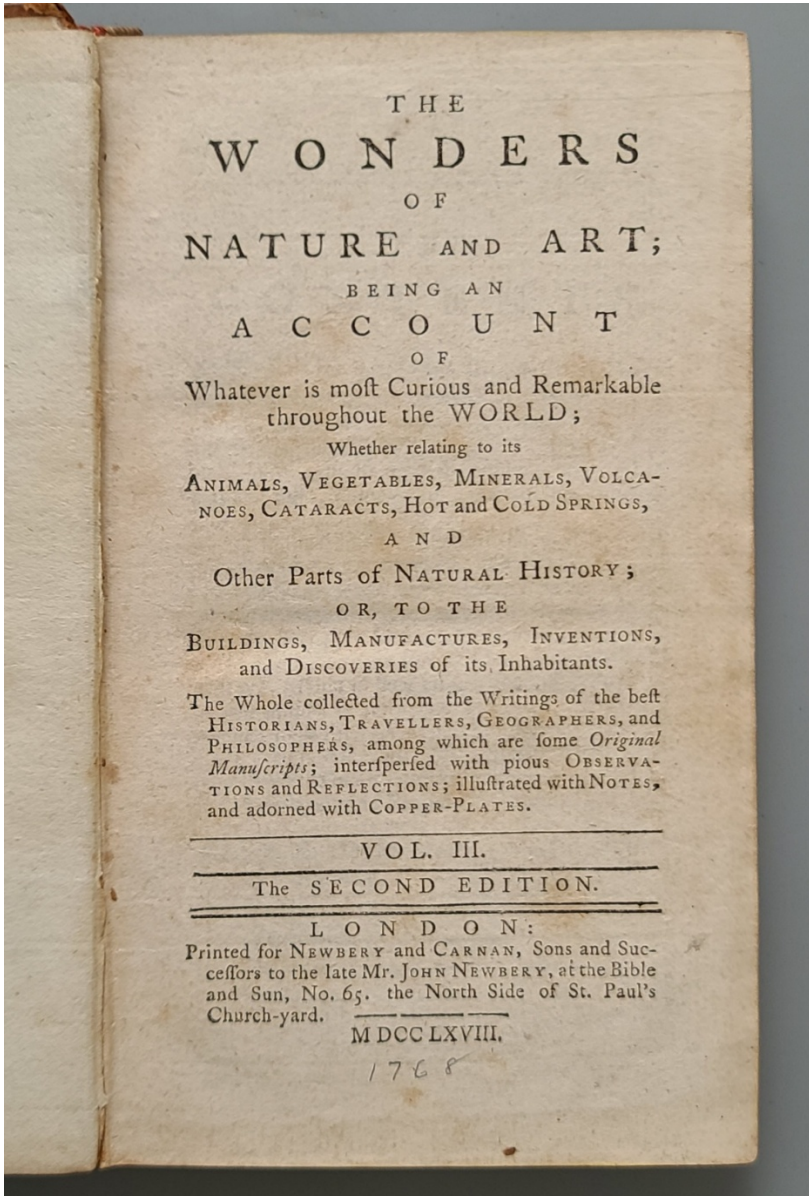

Fig. 11. John Platt, *The Wonders of Nature and Art* (1768)

The final book in this section is the directory *The Royal Kalendar* (The Royal Kalendar, 1793), published in London in 1793 (Figure 12). *The Royal Kalendar* was one of the key administrative and political reference books of the British Empire in the eighteenth–nineteenth centuries. It included information on the members of the 17th Parliament of Great Britain (convened in 1790), as well as lists of both Houses of Parliament; state, judicial, and financial institutions; the army and navy; baronets and peers; universities and hospitals; clergy, physicians, bankers, and others. The directory was intended for England, Scotland, Ireland, and America.

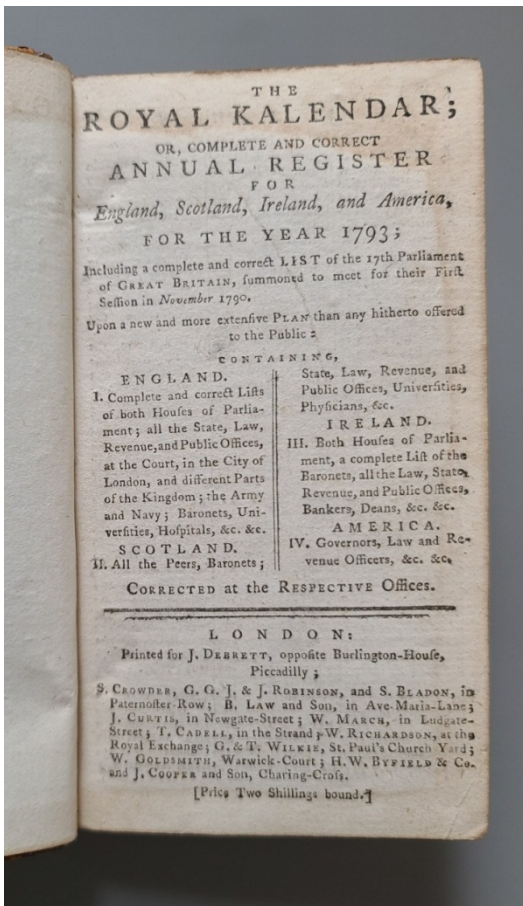

Fig. 12. *The Royal Kalendar* (1793)

4.4. Editions of 1800–1836

Publications from this period are the most numerous in the library.

The earliest is the pamphlet William Haswell, *Masonic Charge* (Haswell, 1804), published in Newcastle upon Tyne in 1804 (Figure 13). The author was a Deputy Provincial Grand Master, and the brochure prints his address delivered on June 5, 1804, to the Provincial Grand Lodge of Northumberland.

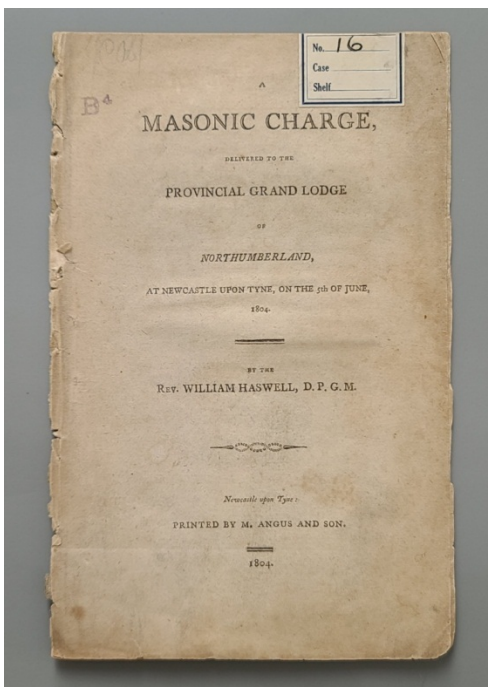

Fig. 13. William Haswell, *Masonic Charge* (1804)

The next work is Charles Rollin, *The Ancient History* (Rollin, 1805), Vol. VI (Figure 14), published in the United States in 1805. The author was a French historian and educator and former head (principal) of the University of Paris. The work covers the history of ancient civilizations: Egyptians, Carthaginians, Assyrians, Babylonians, Medes and Persians, Macedonians, and Greeks.

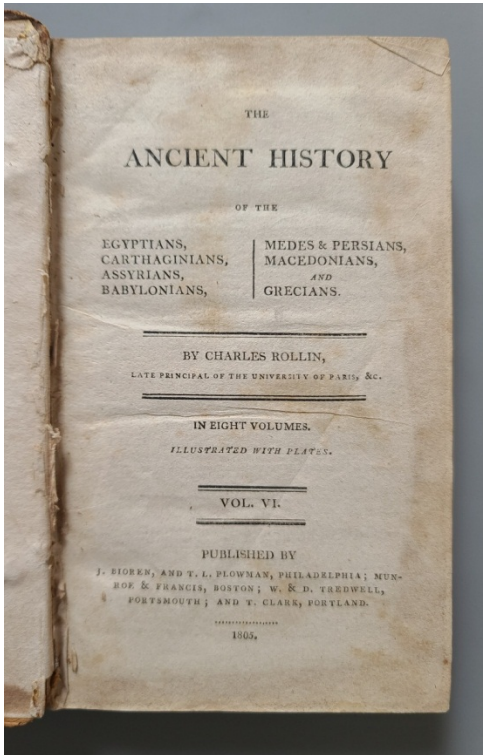

Fig. 14. Charles Rollin, *The Ancient History* (1805)

The next edition is Thomas Smith Webb, *The Freemason's Monitor; or Illustrations of Masonry* (Webb, 1808), published in Boston in 1808 (Figure 15). This book is the fourth lifetime edition of the founder of the York Rite in American Freemasonry and is a bibliographical rarity.

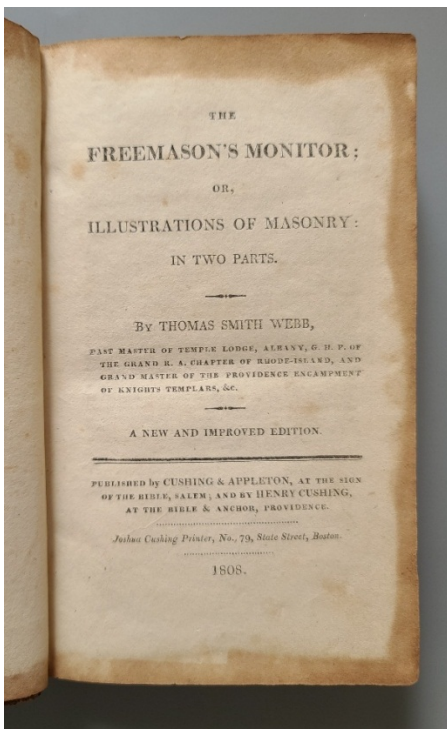

Fig. 15. Thomas Smith Webb, *The Freemason's Monitor; or Illustrations of Masonry* (1808)

Another item is a unique book—a collection of Cicero's speeches with parallel Latin text and English translation. The translator and commentator was William Duncan. The work, titled *Cicero's Select Orations* (Duncan, 1811), was published in New Haven in 1811 (Fig. 16). Its uniqueness lies in the fact that it belonged to a prominent American politician Benjamin Brown French (1800–1870). The book was acquired in Australia.

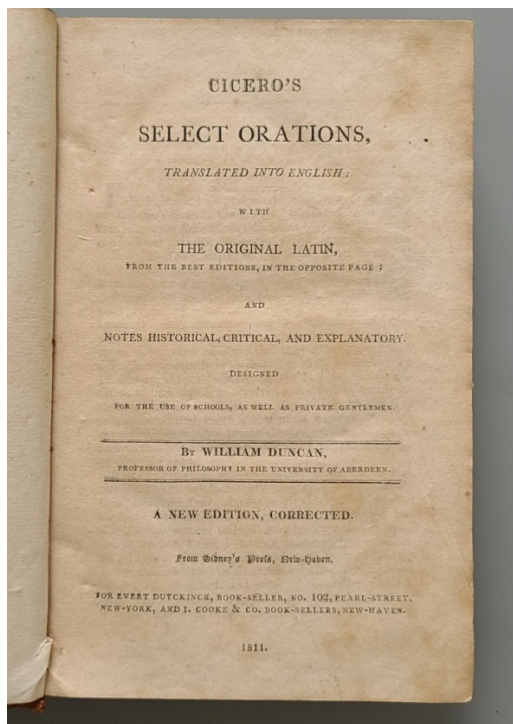
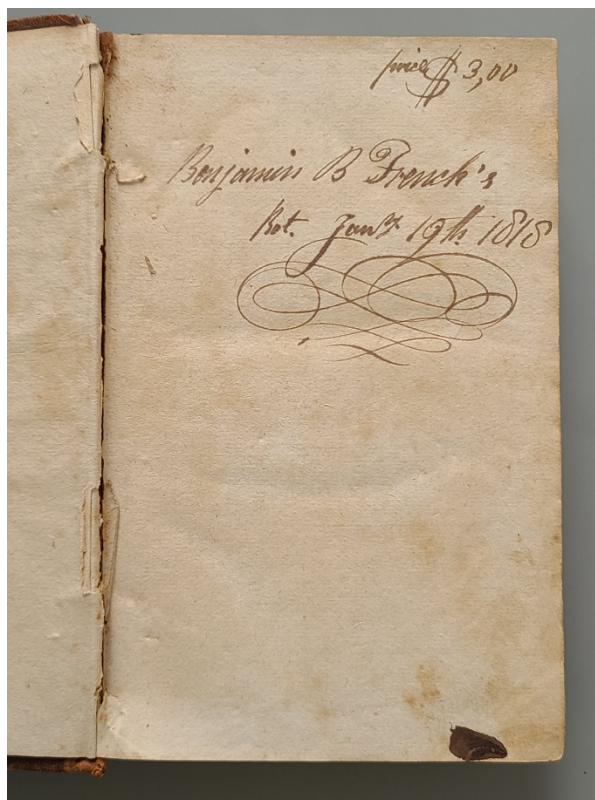
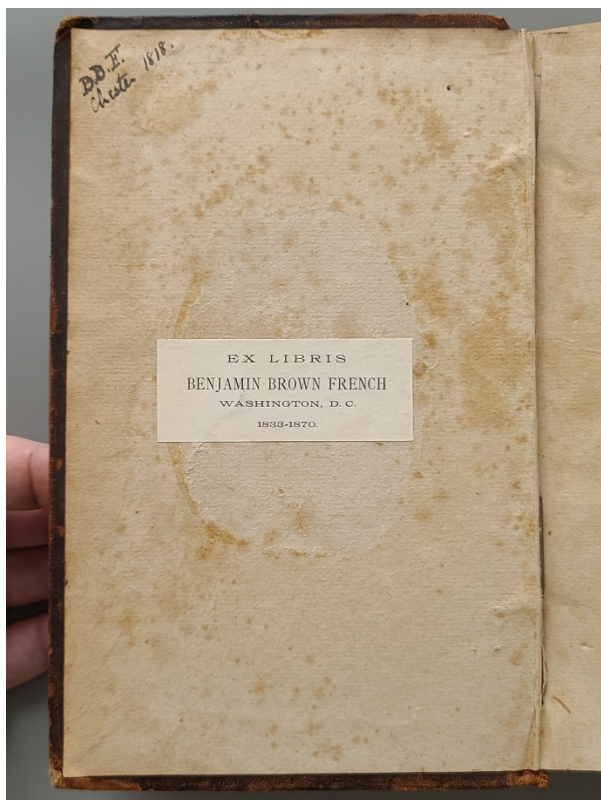

Fig. 16. William Duncan, *Cicero's Select Orations* (1811)

The provenance of the book (its association with Benjamin Brown French) is confirmed by authentic bookplates (Figures 17–18).

Figs. 17–18. *Ex Libris* of Benjamin Brown French, dated January 19, 1818

The next item is an American edition of the early nineteenth-century Bible – the so-called King James Bible. The book *The Holy Bible* ([The Holy Bible, 1812](#)) was published in Philadelphia in 1812 ([Figure 19](#)). This book is permanently displayed on the eastern side of the Museum of the History of the American Order of Knights Templar.

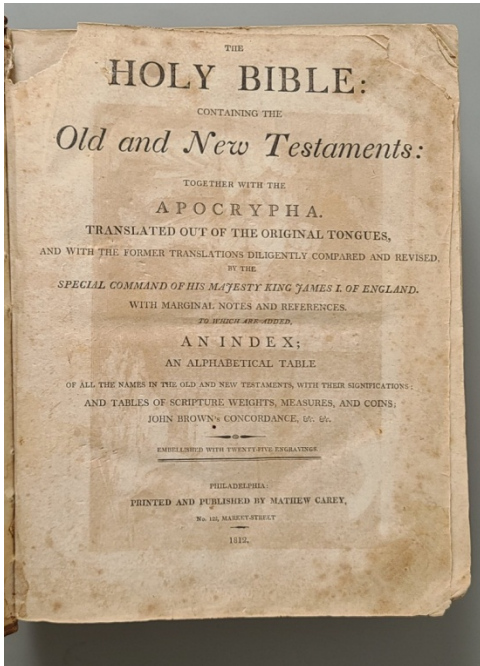

Fig. 19. *The Holy Bible* (1812)

The next edition is Thomas Smith Webb, *The Freemason's Monitor; or Illustrations of Masonry* ([Webb, 1816](#)), published in Salem in 1816 ([Figure 20](#)). This is the fifth lifetime edition of the founder of the York Rite in American Freemasonry and is also a bibliographical rarity.

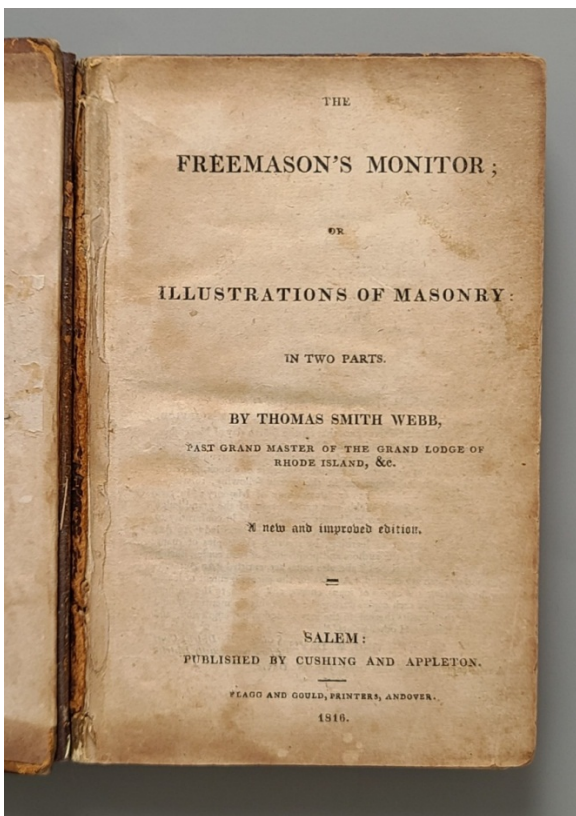

Fig. 20. Thomas Smith Webb, *The Freemason's Monitor; or Illustrations of Masonry* (1816)

The next works are the two-volume memoirs Richard Lovell Edgeworth (1744–1817), *Memoirs of Richard Lovell Edgeworth* (Edgeworth, 1820; Edgeworth, 1820a), published in London in 1820 (Figures 21–22). The author was an Irish-English philosopher, educator, inventor, and participant in the intellectual milieu of the Enlightenment. The memoirs are among the most important sources for the intellectual history of Britain at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries.

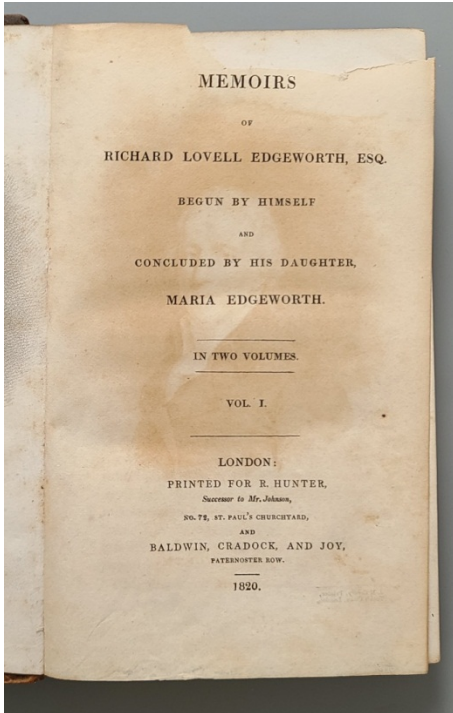

Fig. 21. Vol. 1 (1820).

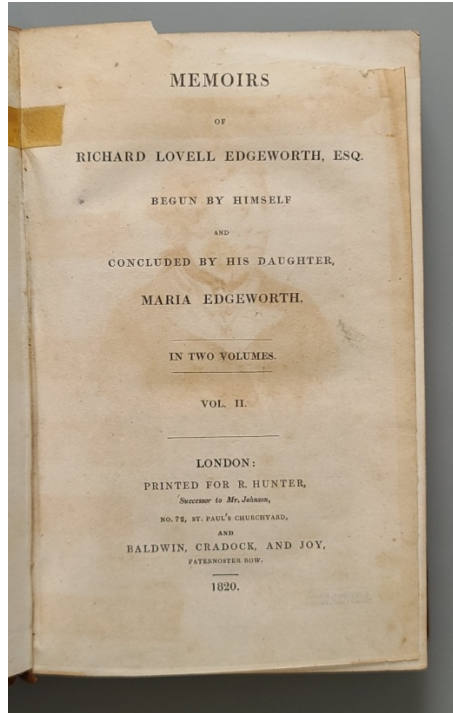

Fig. 22. Vol. 2 (1820).

The next work is Edward Baines, *History of the Wars of the French Revolution* (Baines, 1823), published in Philadelphia in 1823. The work was issued in four volumes; the library holds Volume 1 (Figure 23). This book was one of the early English-language syntheses of the French Revolution and the Napoleonic Wars and was widely used in the United States as a reference and educational publication.

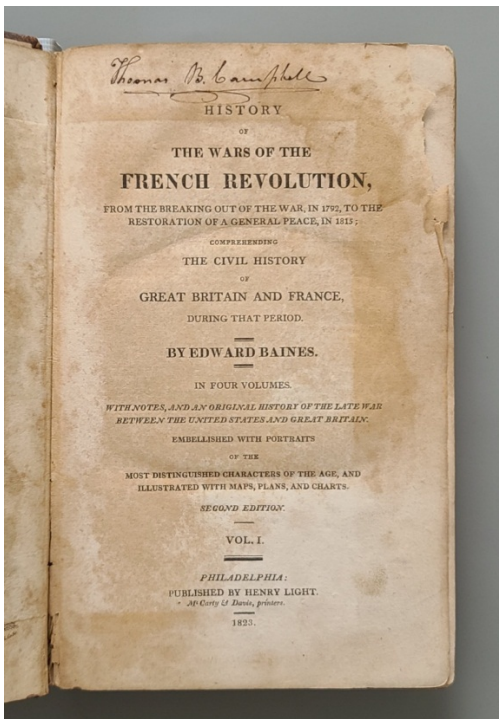

Fig. 23. Edward Baines, *History of the Wars of the French Revolution* (1823)

The next edition is an American printed address (pamphlet) of 1823, delivered before the student society Phi Beta Kappa by the well-known American politician De Witt Clinton (1769–1828), Governor of New York and initiator of the Erie Canal. The work is titled *A Discourse delivered at Schenectady* (Clinton, 1823) and was published in Albany in 1823 (Figure 24).

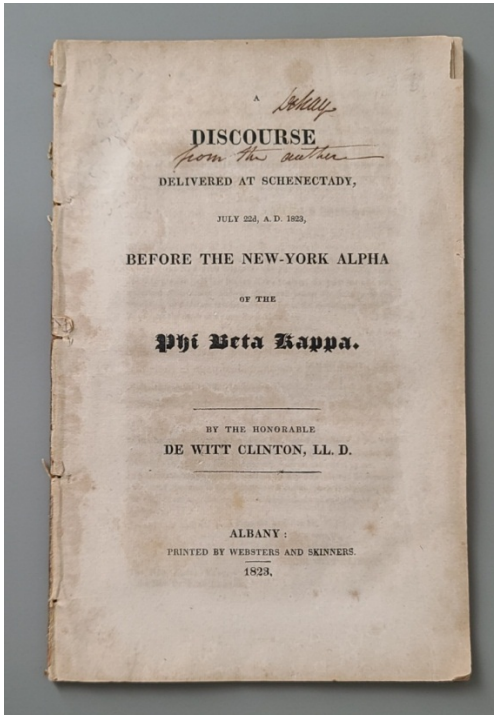

Fig. 24. De Witt Clinton, *A Discourse delivered at Schenectady* (1823)

The next item is the official compilation of the laws of the State of Vermont: *The Laws of Vermont* (The Laws of Vermont, 1825), compiled by William Slade Jr. and published in Windsor in 1825 (Figure 25). The volume includes acts issued through 1824.

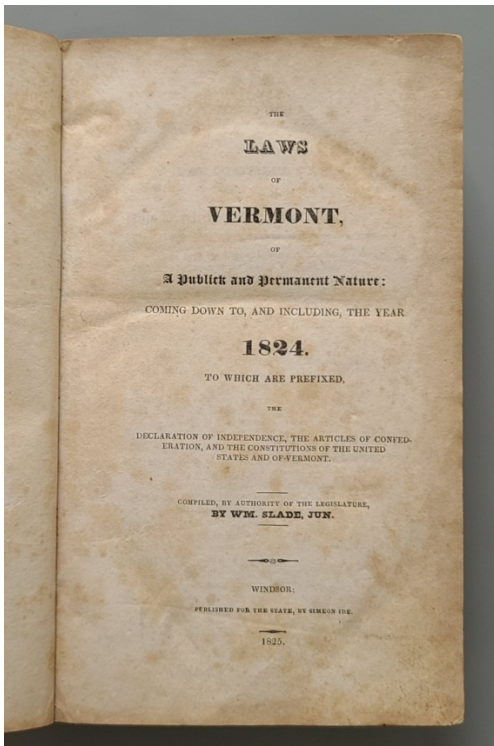

Fig. 25. *The Laws of Vermont* (1825)

The next book is Jeremy L. Cross, *The True Masonic Chart; or Hieroglyphic Monitor* (Cross, 1826), published in New Haven in 1826 (Figure 26). The author was a Past Grand Lecturer. The book was one of the key American Masonic “monitors” of the 1820s. It explains the emblems and symbols of Masonic degrees: Entered Apprentice, Fellow Craft, Master Mason, Mark Master, Past Master, Most Excellent Master, Royal Arch, Royal Master, Select Master. It includes illustrations, charges, songs, and other materials arranged “in accordance with the lectures.”

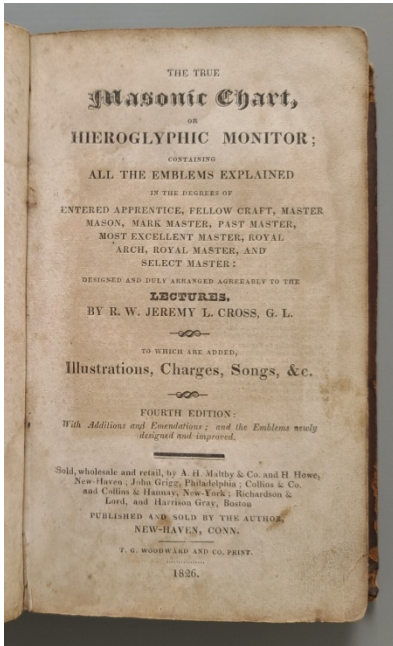

Fig. 26. Jeremy L. Cross, *The True Masonic Chart; or Hieroglyphic Monitor* (1826)

Another item in the rare collection is the memorial-biographical publication W. G. Boardman's *Tribute to the Memory of De Witt Clinton* (Citizen of Albany, 1828), published in 1828 and dedicated to the memory of De Witt Clinton (Figure 27). The author is indicated as W.G. Boardman, described on the title page as “By a Citizen of Albany.” The book includes a substantial biographical essay on De Witt Clinton; materials from sessions of the New York legislature; responses from corporate and public organizations; and obituaries and death notices from leading American journals and newspapers. By genre, it is a memorial collection published shortly after Clinton's death in 1828.

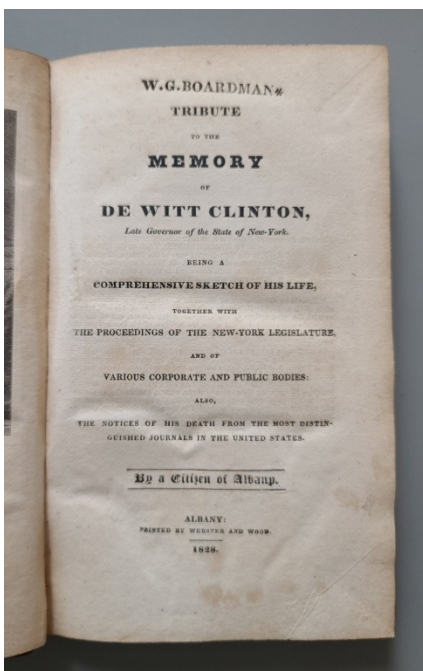

Fig. 27. W.G. Boardman's *Tribute to the Memory of De Witt Clinton* (1828)

The next book is Washington Irving, *A Chronicle of the Conquest of Granada* (Irving, 1829), in two volumes; the library holds Vol. II (Figure 28), published in London in 1829. The work is devoted to the conquest of the Emirate of Granada (1482–1492), the final stage of the Reconquista in Spain. Irving combines historical sources, chronicle style, and literary narrative. The book is not a dry chronicle but a historical narrative that strongly influenced the Romantic perception of medieval Spain in the English-speaking world.

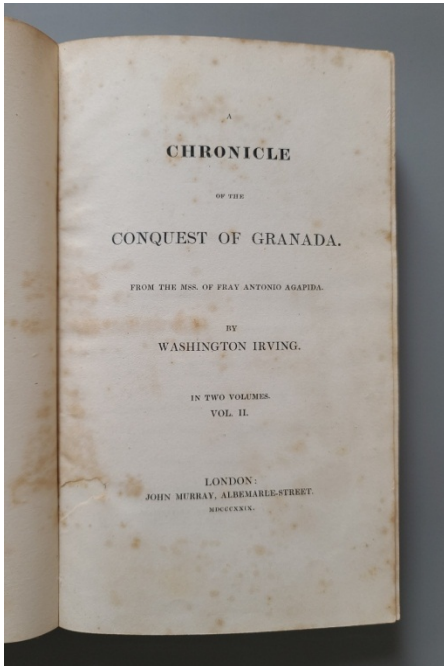

Fig. 28. Washington Irving, *A Chronicle of the Conquest of Granada* (1829)

The next item is Volume II of the encyclopedic series *The Cabinet Cyclopædia* (*The Cabinet Cyclopædia*, 1832), devoted to biographies of British military commanders. The volume was published in London in 1832 (Figure 29). *The Cabinet Cyclopædia* is one of the most authoritative British encyclopedic series of the first half of the nineteenth century. Biographical volumes, including this one, were used in universities, military educational institutions, and for home education. The book is valuable for the study of British military history, prosopography, and the intellectual culture of the era.

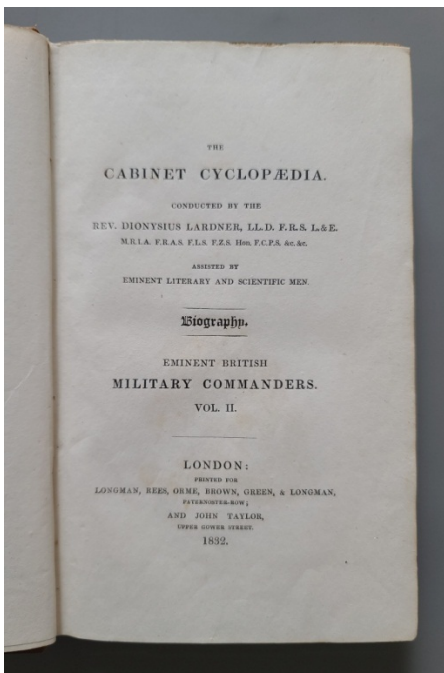

Fig. 29. *The Cabinet Cyclopædia* (1832)

The last book in the rare collection is *The Historical Cabinet* ([The Historical Cabinet, 1834](#)) ([Figure 30](#)), a popular historical publication of the first half of the nineteenth century and an eighth edition of a compilation of narratives about notable events of “modern times.” The book was published in New Haven in 1834. It contains authentic accounts of remarkable and interesting events; the material is carefully compiled from reliable sources, includes narratives not previously published together in one volume, and is illustrated with engravings.

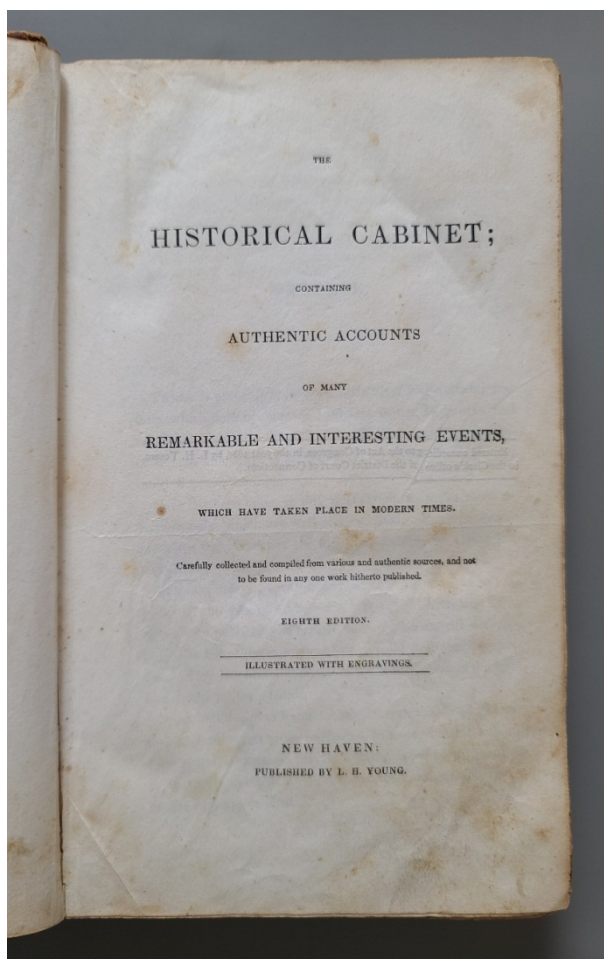

Fig. 30. *The Historical Cabinet* (1834)

5. Conclusion

The study of the rare collection of the P.A. Cherkasov Fundamental Library at Cherkas Global University makes it possible to regard it not only as a set of bibliophilic and historically valuable editions, but also as a coherent scholarly resource with substantial source-critical and library-science potential. Analysis of the collection shows that its chronological range (1455–1836) covers key stages in the development of European and North American print culture – from early printing and the humanist tradition to the Enlightenment and the formation of national intellectual traditions.

Structuring the collection by chronological and thematic principles has revealed the internal logic of the collection's formation and its profile orientation related to the history of religion, law, philosophy, political thought, and Masonic organizations. The collection's particular value lies in its incunabula and post-incunabula, early legal and theological treatises, and American editions of the early nineteenth century reflecting processes of cultural and political identity formation in the United States.

The application of a set of general scientific and specialized library-science methods has ensured the scholarly validity of the cataloguing and attribution of editions. Overall, the rare collection provides a foundation for further interdisciplinary research and may be востребовано both in academic contexts and in museum and educational projects devoted to the history of the book and the intellectual heritage of the early modern period.

References

[Baines, 1823](#) – *Baines, E.* (1823). *History of the Wars of the French Revolution*. In four volumes: Vol. 1. Philadelphia: McCarty & Davis.

- [Cherkas, 2024](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University. *Bylye Gody*. 19(4): 1674-1682.
- [Cherkasova, 2023](#) – Cherkasova, I.Yu. (2023). A History of the P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library (1992–2023). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 745-751.
- [Cherkasova, 2025](#) – Cherkasova, A. (2025). The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University: Its Collections Dating to between the second half of the 19th and the early 20th centuries. *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 188-195.
- [Citizen of Albany, 1828](#) – Citizen of Albany. W. G. Boardman's Tribute to the Memory of De Witt Clinton. Albany: Webster and Wood. 1828.
- [Clinton, 1823](#) – Clinton, De Witt (1823). A Discourse delivered at Schenectady. Albany: Websters and Skinners.
- [Cross, 1826](#) – Cross, Jeremy L. (1826). The True Masonic Chart; or Hieroglyphic Monitor. Fourth Edition. New Haven: T. G. Woodward & Co.
- [Dominicus de Soto, 1570](#) – Dominicus de Soto (1570). De natura et gratia. Salmanticae: Ioannes Baptista à Terranova.
- [Duncan, 1811](#) – Duncan, W. (1811). Cicero's Select Orations. New Haven: New York (Evert Duyckinck) и New Haven (I. Cooke & Co.).
- [Edgeworth, 1820](#) – Edgeworth, R.L. (1820). Memoirs of Richard Lovell Edgeworth. In two volumes: Vol. 1. London: R. Hunter; Baldwin, Cradock, and Joy.
- [Edgeworth, 1820a](#) – Edgeworth, R.L. (1820). Memoirs of Richard Lovell Edgeworth. In two volumes: Vol. 2. London: R. Hunter; Baldwin, Cradock, and Joy.
- [Fabri, 1626](#) – Fabri, A. (1626). Rationalium in tertiam partem Pandectarum. Aurelianae: Sumptibus Haeredum Petri de la Rouière.
- [Francken, 1742](#) – Francken, A. (1742). Heilige Feeststoffen. Dordrecht: Fredrik Outman.
- [Godeau, 1679](#) – Godeau, A. (1679). La Vie de S. Augustin. A Paris: Antoine Dezallier.
- [Gonta, 2025](#) – Gonta, S.N. (2025). Publication Activity of the Laboratory of World Civilizations at Cherkas Global University (2014–2024): First 10 Years' Performance Results. *Journal of Advocacy, Research and Education*. 12(1): 107-115.
- [Haswell, 1804](#) – Haswell, W. (1804). Masonic Charge. Newcastle upon Tyne: M. Angus and Son.
- [Irving, 1829](#) – Irving, W. (1829). A Chronicle of the Conquest of Granada. London: John Murray.
- [Königshofen, 1474](#) – Königshofen (1474). [Fragment from a German universal chronicle]. Augsburg, Johann Bämmler.
- [Paulus Orosius, 1526](#) – Paulus Orosius (1526). Historiarum adversus paganos libri VII. Basel: Eucharius Cervicornus.
- [Peretyatko, 2024](#) – Peretyatko, A.Yu. (2024). Some Features of Cherkas Global University's Publication Activity: A Response to the Challenges of the “Soviet Division of Scientific Labour”. *European Journal of Contemporary Education*. 13(1): 374-383.
- [Platt, 1768](#) – Platt, J. (1768). The Wonders of Nature and Art. London: Newbery and Carnan.
- [Quintus Curtius Rufus, 1518](#) – Quintus Curtius Rufus. *De rebus gestis Alexandri Magni*. Basel: Johann Froben. 1518.
- [Rollin, 1805](#) – Rollin, Ch. (1805). The Ancient History». Vol. VI. Philadelphia: J. Bioren.
- [Rusch, 1464](#) – Rusch, A. (1464). Sophologium. Printed at Strasburg.
- [Scriver, 1749](#) – Scriver, Ch. (1749). Guds Barnas Härlighet och Salighet. Norrköping: Carl Fredric Brukeman.
- [Tarakanov, Ponomareva, 2019](#) – Tarakanov, V.V., Ponomareva, M.A. (2019). INCFAR: Characteristics and Challenges (A Fifth Anniversary Tribute). *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 984-992.
- [The Cabinet Cyclopædia, 1832](#) – The Cabinet Cyclopædia. Biography: Eminent British Military Commanders. Vol. II. London: Longman et al. 1832.
- [The Historical Cabinet, 1834](#) – The Historical Cabinet: Containing Authentic Accounts of Many Remarkable and Interesting Events Which Have Taken Place in Modern Times. Eighth Edition. Illustrated with engravings. New Haven: L. H. Young. 1834.
- [The Holy Bible, 1812](#) – The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments. Philadelphia: Printed and Published by Mathew Carey, 1812.
- [The Laws of Vermont, 1825](#) – The Laws of Vermont. Windsor: Published for the State, By Simeon Ide, 1825.
- [The Royal Kalendar, 1793](#) – The Royal Kalendar. London: J. Debrett. 1793.
- [Tindal, 1763](#) – Tindal, N. (1763). The Continuation of Mr Rapin's History of England. London: The Fifth Edition, corrected.
- [Webb, 1808](#) – Webb, Th.S. (1808). The Freemason's Monitor; or Illustrations of Masonry: In two parts. Boston: Joshua Cushing Printer.
- [Webb, 1816](#) – Webb, Th.S. (1816). The Freemason's Monitor; or Illustrations of Masonry: In two parts. Salem: Flag and Gould, Printers, Andover.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 34-44
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.34

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Legal Acts of the Khiva Khanate as a Historical Source about the Property Status of Men and Women from the Religious Elite (17th – early 20th centuries)

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Umrbek B. Makhmudov ^a, Bahodir M. Satimov ^a, Uktam L. Matnazarov ^b

^a Urgench Innovation University, Republic of Uzbekistan

^b Urgench State Pedagogical Institute, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article analyzes 97 legal documents from among the qazi acts and labels of the Khiva khans, stored in the funds of the Ichan-Kala State Museum-Reserve (Khiva, Uzbekistan), private collections of Khorezm and published in collections. In a comparative aspect, the realization of the property rights of titled men and women of the Khiva Khanate is considered, as well as the types, amounts and number of transactions concluded in the period before the establishment of the Russian protectorate in 1873 and during its action. The results of the study showed that the labels of the Khiva khans and the qazi (juridical) acts reflected the diversity of religious titles and their evolution, but in relation to privileged women, the title “bike” (“bika”, “bibi”) was indicated mainly. The qazi documents showed the economic processes in the Khiva Khanate: at the turn of the 19th and 20th centuries, representatives of the privileged classes lost their leadership in property transactions, and the number of transactions involving them decreased by almost half. Other segments of Khiva society became more actively involved in market relations, indicating the development of commodity-money relations and the adaptation of the population to new conditions. Aristocratic women proved to be more financially secure than men, as reproduction within titled families was considered the most important function of harems. In general, Khan's labels and qazi acts are the main source for the property and social status of the religious elite, since the legal system of the Khiva Khanate was primarily focused on protecting the interests of the privileged strata of local society.

Keywords: Khiva Khanate, Khorezm, sayyid, khoja, bike, harem, Khan's yarlyks, qazi documents, Russian protectorate.

1. Введение

Отношения России с государствами Средней Азии, складывающиеся в настоящее время, требуют осмысления их общего исторического прошлого, которое связывало эти регионы дважды: при установлении протектората Российской империи (1873–1917 гг.) и в период существования СССР. Оба раза возникали культурно-правовые конфликты, одной из причин которых было недостаточное понимание особенностей восточной ментальности. Она имела внешнее и внутреннее выражение, составлявшее единую мировоззренческую систему. Внешне восточная ментальность отразилась в архитектуре, одежде, ритуалах, традиционном поведении и в целом комплексе других явлений культуры, но ее главной составляющей стало внутреннее содержание, связанное с восприятием жизни своего и других обществ.

Важнейшим элементом сложившейся системы было особое отношение к религиозной элите: сайидам, хаджиям, ишанам и др., т. к. в представлении общества их предки были связаны с историей

* Corresponding author

E-mail addresses: khorezm.khiva@mail.ru (O.N. Naumenko),
umrbekmaxmudov0088@gmail.com (U.B. Makhmudov), bsatimov263@gmail.com (B.M. Satimov),
mr.sport1965@mail.ru (U.L. Matnazarov)

возникновения и распространения ислама. Однако такое восприятие во многом носило характер, скрытый от представителей других культур. С 1991 г., когда республики Средней Азии вступили в новую историческую реальность, названную ими периодом независимости, там усилилась значимость принадлежности к этой социальной группе. Для понимания логики внутренних процессов, идущих в настоящее время в Средней Азии, необходимо знать историю привилегированных слоев общества и понимать истоки сакрального к ним отношения, сформировавшегося на глубинных уровнях общественного сознания.

2. Материалы и методы

В исследовании использовано 97 правовых документов из Хивинского ханства. Все акты, входящие в первую группу, – это рукописи на узбекском или персидском языках, написанные преимущественно стилем «насталик» в арабской графике и скрепленные казийскими или ханскими печатями. Первая часть этих манускриптов хранится в отделе рукописей Государственного художественного музея-заповедника «Ичан-Кала» (ГХМЗ, Хива, Узбекистан). Вторая часть документов опубликована в совместном узбекско-японском издании ([Каталог..., 2001](#)), а оригиналы хранятся в разных архивах, преимущественно – в Рукописном фонде Института востоковедения Академии наук Узбекистана (г. Ташкент, Республика Узбекистан).

Третья, особо ценная часть рукописей находится в семейных коллекциях жителей Хорезма, предки которых получили их от хивинских ханов или казиев. Эти акты выявлены, скопированы, переведены на русский и французский языки и опубликованы в сборнике документов ([Регесты..., 2007](#)), но полностью пока не изучены. Эти документы – редкость, т. к. в течение советского периода у многих привилегированных родов были утрачены или сознательно уничтожены не только подобные акты, но и письменные родословные – шаджара. Документы, обнаруженные в семейных коллекциях, находятся в зоне риска, т. к. отсутствуют гарантии их сохранности, что усиливает актуальность исследования этих манускриптов в настоящее время.

В целом использованные источники правового содержания включают:

- 19 ханских ярлыков (указов) за 1665–1908 гг., которые представляют собой «грамоты» о назначении разных лиц на управленческие и судебные должности, а также о предоставлении сайидам полного налогового иммунитета. Эти документы отражают место элиты в административно-управленческой системе Хивинского ханства, ее социальную роль и профессиональные функции. Зафиксированное в ханских ярлыках право казиев оформлять браки и разводы затрагивает имущественные права женщин и позволяет проследить изменения в этой сфере в условиях российского протектората.

- 62 казийских акта (судебных и «нотариальных») XVIII – начала XX вв. об установлении и переходе права собственности («запродажные», документы о выплате приданого, отказы от имущественных исков, долговые расписки, судебные протоколы и проч.). На конкретных примерах они помогают увидеть особенности реализации имущественных прав представителей привилегированных сословий.

- 16 вакуфных грамот XIX – начала XX вв., оформленных от лица привилегированных женщин. Вакуфом считалось имущество государства или частных лиц, переданное ими на религиозные или благотворительные цели, но с получением прибыли. Эти документы показывают религиозный, социальный и имущественный статус женщин из привилегированных сословий.

Методология исследования основана на сочетании «Теории столкновения цивилизаций» ([Хантингтон, 2006](#)) и «Теории имперских посредников» ([Бербанк, Купер, 2010](#)). В условиях российского протектората на территории Хивинского ханства проявился культурно-правовой конфликт двух цивилизаций, обусловленный разным мировоззренческим взглядом на восточное общество, в том числе на степень социальной значимости религиозной элиты и комплекс ее прав и обязанностей. Одним из противоречий стало разное понимание семьи: православное мировоззрение не признавало многоженство, тем более – организацию гаремов.

Модель «имперских посредников» предполагает, что государства-доминионы нуждались в потенциале завоеванных народов, а управление ими осуществлялось через лояльных правителей: в условиях протектората правящая хорезмская элита в качестве посредника тоже должна была согласовывать интересы России и Хивинского ханства. В Хорезме такими российско-ориентированными монархами стали Мухаммад-Рахим-хан II (1864–1910 гг.), Эсфандияр-хан (также Асфандияр, Исфандияр – в русских вариантах написания имени) (1910–1918 гг.) и Сайид Абдулла-хан (1918–1920 гг.). На других значимых государственных должностях имперский центр также хотел видеть прароссийских управленцев, а такой подход не учитывал их происхождение от ишанов, сайидов, хаджей и других представителей религиозной элиты. В результате изначально незыблемые позиции этой привилегированной группы постепенно ослабевали, что влияло на ее имущественное положение.

В статье использован сравнительно-исторический и количественный методы исследования. Первый позволил провести анализ текстов документов и выявить не только содержание имущественных прав женщин из привилегированных сословий, но и особенности их реализации.

С применением количественного метода составлены таблицы, которые показывают динамику изменений в условиях российского протектората.

3. Обсуждение

Поставленная научная проблема не достаточно изучена, хотя правовые акты Хивинского ханства длительное время находятся в сфере интересов историков и изучаются с конца 1930-х гг. Первые публикации с анализом рукописей появились в советский период, когда П.П. Иванов обнаружил архив, вывезенный из Хивы еще в 1873 г. Это была лишь часть документов, и в последующем коллекция пополнялась новыми находками. Их тексты публиковались с комментариями историков и вводными статьями (Брегель, 1967; Егани, Чехович, 1981; Иванов, 1940 и др.).

Долгое время исследование этих манускриптов проводилось в соответствии с советской идеологической традицией: шли споры о феодальной собственности и налоговой системе, изучался процесс эксплуатации народа и т.п., но в результате ученые внесли неоценимый вклад в написание истории Хивинского ханства (Брегель, 1957; Иванов, 1937 и др.). В дальнейшем этот архив стал базой для другой тематики: экономика Хорезма, особенности организации войска, шариат как система права и т. д. (Абдрасулов, 2015; Гулбоев, 2016; Ишанова, 1993 и др.), однако вопросы, поставленные в статье, пока не рассматривались.

Ни в одном из исследований по истории Хивинского ханства, выполненном с использованием казийских документов, нет отдельных разделов о религиозной элите и женщинах из привилегированных сословий, хотя в целом архивные источники достаточно широко используются для изучения среднеазиатского региона (Мирзаев, 2019; Baitova et al., 2025 и др.). В 2025 г. опубликована единственная статья по истории хивинского гарема, но в ней также не затрагиваются сайиды, хаджи, ишаны и другие представители религиозной элиты, а архив хивинского хана использован лишь для характеристики общих социально-экономических условий, в которых существовал гарем (Сабирова, Науменко, 2025). Н.У. Хидирова использует казийские акты Средней Азии для изучения положения женщин, но не рассматривает привилегированные сословия (Хидирова, 2015; Хидирова, 2021).

На примере Казахстана история хаджей в Средней Азии показана в статье А.М. Маликова (Маликов, 2014), но в ней не учитывалась документация Хивинского ханства, нет акцента на Хорезм и не упоминаются отличия в имущественных статусах мужчин и женщин из привилегированной среды. Наиболее значимая работа по истории среднеазиатских сайидов и хаджей принадлежит С.Н. Абашину (Абашин, 2001), где использованы архивы и исследованы противоречия в понимании религиозных титулов и социального статуса представителей элиты. Автор опирается на материалы, полученные из разных регионов Средней Азии, но непосредственно Хорезм остался вне сферы исследования. В целом имеющаяся историографическая база создала возможность проанализировать документацию Хивинского ханства в качестве основного источника по заявленной теме научного исследования.

4. Результаты

Хивинское ханство как преемник древнего Хорезма существовало в 1511–1920 гг., но в 1873 г. попало под протекторат Российской империи, что вызвало изменения в системе управления, финансово-экономической и правовой сферах: в частности, в конце XIX в. шел процесс совмещения норм шариата и российского законодательства (Науменко, Абдуллаев, 2024). Хорезмское государство исторически считалось одним из важнейших центров мусульманской цивилизации, функционируя около тысячи лет на основе предписаний ислама и местных обычаев, поэтому правовой статус представителей привилегированных сословий часто определялся их связью по мужской или женской линии с носителями социально-религиозных титулов, среди которых важнейшими считались сайид/сейид и хаджа/ходжа. По выражению Д.М. Исхакова, в узбекском и казахском обществах сайиды образовали «священную корпорацию» (Исхаков, 2014: 22). Постепенно появились группы хаджей, которые изначально складывались из мусульман, совершивших паломничество в Мекку. Такой хадж определял в дальнейшем высокий религиозный статус и, как следствие, соответствующее место в социуме. Постепенно хаджи превратились в социально-родовую группу, и этот титул начал передаваться по наследству.

В Хорезме прямая связь между сайидами и хаджами зафиксирована в документе от 1861 г., составленном на высшем уровне государственной власти: «Высочайший ярлык Хивинского хана Сайид Мухаммада о предоставлении Баба-хаджа-хатибу, Шамсатдин-хадже, Абдалгаффар-хадже и другим... (всего 101 человек)..., проживающим в Хорезме, налогового иммунитета на основании того, что они являются сайидами» (ГХМЗ: КП 1368). В этом документе понятия «сайид» и «хаджа» употребляются как синонимы. Многозначное понимание титулов отражает особенности Хорезма, где исторически смешивались народы, религии и языки, создавая, с одной стороны, синкретичные формы местных культур, а, с другой стороны, – уникальные устойчивые традиции. Это оказывало влияние на мировоззрение, ментальность, духовность местного общества и особенность восприятия сюжетов, считавшихся сакральными.

В условиях российского протектората имперский центр не вмешивался в социальную структуру Хивинского ханства (кроме рабства, и чаще всего – относительно лишь российских подданных), но к местным титулам мог добавлять российские. Например, Мухаммад-Рахим-хану II были дарованы обращения «Сиятельство» и «Ваша Светлость», а Эсфандияр-хану – «Высочество» (Брежнева, 2021: 420, 421, 423), однако отсутствует информация, что эти титулы распространялись на жен хивинских ханов. Россия не вмешивалась и в семейно-брачные отношения, кроме принципиального вопроса: с 1873 г. в гаремах запрещалось содержать наложниц, т. к. пункт 17 Гендемианского договора отменил рабство (Гендемианский..., 1992: 350). Однако наложницы, по каким-либо причинам не вернувшиеся на родину, формально были переведены в статус прислуги, и жизнь гаремов продолжилась в рамках прежней традиции (Сабинова, Науменко, 2025: 240).

Между тем, сохранившиеся документы отразили и нестандартные ситуации. 28 июня 1873 г. Мухаммад-Рахим-хан II освободил свою личную рабыню по имени Гуландам, которая больше «не подлежит купле-продаже и передаче в наследство» (Регесты..., 2007: № Q31). Уникальность случая состоит в том, что ранее этот хан отдельным указом освободил всех рабов сразу, и индивидуальный акт был уже не нужен. Однако имя «Гуландам» – иранского происхождения, а среди похищенных и проданных в хивинские гаремы иностранок встречались представительницы привилегированных сословий, и после отмены рабства они по социальному статусу объективно сближались с титулованными хорезмийками. Поэтому в результате установления российского протектората возникло два вопроса: каков теперь социальный и правовой статус титулованных женщин – бывших рабынь и как в новых экономических условиях, связанных с выплатой репараций, повышением налогов и другими сложными процессами, сохранить имущественно-правовое положение родовой элиты, включая женщин из привилегированных сословий? Правовые акты Хивинского ханства, при условии их правильной интерпретации, могут дать ответ на оба вопроса.

Прежде всего, документы показывают наличие и даже эволюцию «мужских» и «женских» титулов, использованных при составлении документов. Согласно традиции и гендерным ролям, сложившимся внутри хивинской элиты, все управленческие, судебные и иные должности занимали мужчины, оставляя женщинам сферу семьи, воспроизводства рода и воспитания детей. Это четкое деление было характерно для всех уровней среднеазиатского общества, но представляется особенно важным для сайидов и хаджей с целью сохранения и укрепления родовых кланов. Такая практика отразилась на особенностях использования титулов. Казийские документы и ханские ярлыки содержат множество почетных званий, относящихся к мужчинам, а относительно женщин, как правило, использовался только общий суффикс «бике» («бика», «биби»).

Для мужчин разнообразие титулов отражало их социальную деятельность, статус, богатство, образование, религиозную и профессиональную роль, а для женщин – функцию воспроизводства влиятельного рода: активная социальная деятельность за пределами гарема исключалась, и обращение «бике» было достаточным для узнавания такой женщины в местном сообществе. В исследованных документах суффикс «бике» («бика», «биби») присутствует только в тех случаях, когда женщина является родственницей не бедного и влиятельного человека, нередко указанного как «хаджа». В XVIII – начале XX вв. обращения «сайид» и «хаджа» в отношении женщин использовались редко, и в казийских актах к именам дочерей титулованных хаджей чаще всего просто добавлялось «бике».

Между тем, этот суффикс в некоторых случаях использовался и для рабынь, но очень редко. Например, в месяц Рамадан 1806 г. «Салихбай, сын Аралбая Казака, продал рабыню по имени Фатима Аваз-бике». Дальше она упоминается как «девятiletняя служанка», которую купила дочь муллы. Цитируя этот документ, Ф.Д. Таджиева подчеркивает, что если рабыня имела основание для освобождения или же ее предки по прямой линии были свободными, то она «имела право потребовать от любого, кто купил ее, вернуть деньги, которые они заплатили, когда бы она ни захотела» (Tadjiyeva, 2023: 59, 64). Таким образом, эта рабыня могла выбирать, у какого хозяина жить, и даже имела право сорвать сделку по своей продаже. Но это правило не могло распространяться на всех, т. к. до попадания на невольничьи рынки свободными были многие из пленников, имея на родине таких же свободных предков. В документе о Фатиме Аваз-бике речь идет о рабыне, родившейся именно в привилегированном сословии, что является редчайшим случаем и может быть связано с ее похищением из соседнего ханства.

В одном из вариантов перевода с тюркских языков «бике» означает «мудрая», «просвещенная», что отражает некоторую элитарность, а сам титул в культуре Хивинского ханства указывал на принадлежность к высшему сословию. Однако рабы не имели права участвовать в юридических действиях (Хапчаев, 2022: 54), поэтому в казийских документах об имущественных сделках суффикс «бике» не мог указывать на невольницу. Под ним понимались женщины из хорезмской элиты в целом; титул «бике», например, встретился по отношению к дочери бека: «Госпожа Базаргул-бика, дочь Бек-Нийаза» (Регесты..., 2007: Q42).

Многочисленные титулы в мужских именах, отраженные в казийских документах, за редким исключением обладают чисто религиозным содержанием. Единичность сохранившихся актов XVII в. не дает возможности проследить эволюцию и частоту использования тех или иных титулов на

территории Хорезма, но показывает, какие из них употреблялись. В частности, в ярлыке Хивинского хана за 1665 г. присутствует только два титула – «кули» и «кузи»: Аллах-кули, Падшах-кузи и т. д. (ГХМЗ: № КП 1370). Позднее встретилось имя «Худай-кули» (Регесты..., 2007: № Q12), дословно переводимое как «раб Божий». Имея аналог в христианстве, это имя отличается по смыслу: в православии рабы Божьи – все верующие, а в рассматриваемых документах – лишь избранные.

В ханском ярлыке за 1688 г. отражен только титул «шейх»: Хайит Шейх, Азур Шейх и др. (ГХМЗ: № КП 1393). В 1740 г. хивинский хан значится как «сайид» – Сайид Илбарс Мухаммад, а сам документ отразил связь между сайидами и шейхами и показал возможность совмещения титулов: «О подтверждении налогового иммунитета потомкам Пророка Мухаммеда: Назир шейху, Турсун шейху, Латиф Шейху, Мухаммад-Алим Шейху и Дур-Мухаммад Шейху, их братьям и сыновьям на основании указов, выданных прежними падишахами» (ГХМЗ: № КП 1362).

В 1764 г. ярлык хивинского хана тоже содержит лишь титулы «сайид» и «шейх»: Сайид Худайдад Мухаммад назначает на должность Иш-Мухаммад Шейха и дает ему налоговый иммунитет (ГХМЗ: № КП 1363). В ярлыке за 1853 г. в титуле хана отсутствует «сайид», хотя предки правителя его носили, но в сохранившихся налоговых документах зафиксирован «хаджа»: «Высочайший ярлык хивинского хана Мухаммад-Амина о продаже Мулла Хаджа Мураду, сыну Пир-Мухаммада... государственной земли...» (ГХМЗ: № КП 1360). В 1857 г. в ханском ярлыке отражен титул «тура» («тюря»), в данном случае указывающий на наследника престола (ГХМЗ, № КП 1385).

В документах титулы могли быть совмещенными, исходя из происхождения со стороны отца и матери, а также духовного звания и множества других факторов; иногда «сайид» не указывалось вообще. Пример сложного титула (хаджа-шейх-ишан) содержится в тексте ярлыка Мухаммад-Рахим-хана II за 1867 г. «...о подтверждении налогового иммунитета внуку почтеннейшего Хаджжи Мулла Ид шейх ишана – Мухаммад-Кариму-ишану». Степень уважения к этому человеку была настолько велика, что по просьбе заявителя хан также освободил от налогов его дворника и четырех «служителей-уборщиков» (ГХМЗ: № КП 1371). В целом частота использования в документах разных титулов показана в Таблице 1.

Таблица 1. Титулы в мужских именах, отраженные в казийских документах о собственности, Хивинское ханство (Сост. по: Регесты..., 2007: № Q1–Q63).

Период (гг.)	Общее количество документов	Количество документов с упоминанием титулов:			Другие имена с титулами (в тех же документах, где указаны сайиды и хаджи)
		всех	«хаджа»	«сайид»	
1777–1872	28	26 (93 %)	24 (86 %)	2 (7%)	Шейх (1817); Мухаммад-Амин-суфи (1821); Хаджа-ишан (1831); Назар-суфи (1831); Сайид-Назар-суфи (1834); Аваз-суфи (1840); Худай-кули (1840); Худай-кули-суфи (1844).
			Всего: 26 (93 %)		
1873–1918	34	19 (56 %)	17 (50 %)	0 (0 %)	Ибдаллах-бай (1834); Абдаллах-бай (1845); Рахман-кули (1873); Джум-кули (1874); Нийаз-Мухаммад-бай (1878); Гадай-кули (1882).
			Всего: 17 (50 %)		

Как видно из Таблицы 1, титул «хаджа» в Хорезме доминировал. Согласно исследованию А.М. Маликова, после российского завоевания Средней Азии привилегированная элита постепенно теряла свою прежнюю роль (Маликов, 2014: 38). Его вывод соответствует данным из Таблицы 1: после 1873 г. количество правовых актов о переходе имущественных прав с участием хаджей резко уменьшилось. Это свидетельствует, что в товарно-денежных отношениях активизировались другие группы населения. В этот период появились судебные иски о невыплате хаджам (или хаджами) заработной платы (Регесты..., 2007: № Q48).

В период протектората изменились и размеры участков, отчуждаемых хаджами. Один танаб земли равнялся примерно 900 кв. саженьям (Иванов, 1937: 38) – примерно 0,4 гектара. В первой половине XIX в. документы зафиксировали у титулованной знати по 2000 – 3000 танабов земли, крупные собственники существовали и в конце XIX в. (Иванов, 1937: 35-36). Для продажи большие

участки обычно делились на более мелкие, и до 1873 г., согласно казийским документам, в Хорезме стандартный размер такой доли у хаджей составлял около 1 танаба с небольшими вариациями: 1 танаб фигурирует в документах об отчуждении земли в 1777, 1817, 1832, 1834, 1841, 1844, 1845, 1860, 1866, 1867, 1871 гг.; 1,25 танаба – в 1829 г.; 0,5 танаба – в 1832, 1844, 1854 гг.; 0,75 танаба – в 1853 г.; 1,5 танаба – в 1834 и 1845 гг., а единственный документ (дарственная) с 4 танабами земли касается большой усадьбы с многочисленными строениями (Регесты, 2007: № Q1, Q2, Q4, Q7, Q9, Q13, Q14, Q15, Q20, Q21, Q22, Q25, Q27, Q28; Q29).

После 1873 г. стандарт в 0,5–1,0 танаба присутствует преимущественно при передаче хаджами земли внутри семьи, а при отчуждении ее посторонним лицам в документах появляются участки размером в 3, 4, 5 танабов (Регесты..., 2007: № Q35, Q44, Q47), – фактически это гектары земли, которые при продаже давали более значительный доход. Однако цены отличались: например, в 1896 г. Мулла Атаджан-хаджа продал 5 танабов земли за 25 тилля (Регесты..., 2007: № Q47), а в 1897 г. документы зафиксировали продажу 2 танабов земли за 250 тилля и 3 танаба – за 30 тилля и т. д. (Шайхова, 1982: 55). Такой разброс цен свидетельствовал не только о разном качестве земли, но и о возможных случаях ее продажи по заниженной стоимости. Это указывает на финансовые проблемы владельцев.

Кроме этого, в начале XX в. в договорах с участием хаджей стали фигурировать крупные для Хивинского ханства суммы. Например, в 1904 г. Йусуф-хаджа заложил землю за 70 тиллей с условием выплаты по 10 тиллей в год. В 1909 г. Бахаваддин-хаджа предъявил иски к сыну Кабил-хаджи на 55 и 150 тиллей. Для сравнения: в 1905 г. 30 тилля было заплачено по иску как заработная плата за 4 года работы (Регесты..., 2007: № Q50, Q51, Q58). Уменьшилось и количество сделок с землей: если до 1873 г. они составили 22 из 28 (около 80 %), то после 1873 г. – 16 из 34 (47 %) (Регесты..., 2007: № Q1–Q63).

В целом с XIX в. шел процесс постепенного перераспределения главной ценности – владения земельными участками хаджей. Это объяснялось не только объективными изменениями в экономической жизни Хивинского ханства, ростом производства и развитием товарно-денежных отношений, но и влиянием протектората. По Гандемиянскому договору 1873 г. (п. 2, п. 3) земли на правом берегу Амударьи, принадлежащие хану и его высшим сановникам, отошли в собственность Российской империи, а компенсация потерь предполагалась за счет территорий на правом берегу реки (Гендемианский..., 1992: 349), но там у качественных земель уже были свои владельцы.

Таким образом, земельные права религиозной элиты претерпевали изменения не только на практике, – они пошатнулись юридически, и женщины из их семей также оказались в сфере имущественной и правовой трансформации. Между тем, количественный анализ тех же казийских документов, на основе которых составлена Таблица 1, в отношении женщин показывает иную тенденцию: количество сделок с участием привилегированных хорезмиек тоже сократилось, но лишь на несколько процентов, а не в два раза, как в случае титулованных мужчин (Таблица 2).

Таблица 2. Казийские документы об имущественных правах привилегированных женщин в Хивинском ханстве (Сост. по: Регесты, 2007: № Q1–Q63).

Период	Общее количество документов	Количество документов с упоминанием женщин	Полный список женских имен и титулов (цитируется по точному переводу документов)
1777–1872 гг.	28	9 (32 %)	Нийяз-бика (1777); Госпожа Анаджан-бика (1821); Дур-пашша-бике (1826–1827); Айим-Султан-биби, дочь Аким-хаджи и Угул-Султан (1831); Мастура-биби, дочь Тахир-хаджи (1833); Госпожа Хадджи-бике (1838); Ханим-бике (1838); Мамаджан-биби, дочь Фазил-хаджи (1853); Потомки сайидов, дочери Мухаммад-Панах-хаджи: Биби-Сара, Биби-Марйам, Нурпашша-биби (1860); Мастура-бике (1871); Хадича-бике (1871); Биби-Сара (1871); Биби-Марйам (1871).

Период	Общее количество документов	Количество документов с упоминанием женщин	Полный список женских имен и титулов (цитируется по точному переводу документов)
1873–1918 гг.	34	9 (26,5 %)	Ханифа-бика (1873); Айим-бика (1878); Госпожа Угил-бика (1882); Супруга Абдалджаббара (1882); Базаргул-бика (1888); Фарида-бика (1907); Ханимжан-бика (1909); Айимджан-бика (1909); Дур-паша-бика (1909); Гуль-паша-бика (1909); Базарджан-бика (1918); Курбан-бика (1918).

Как видно из [Таблицы 2](#), из всех анализируемых казийских документов об установлении или передаче права собственности имена женщин содержит почти треть актов, оформленных до 1773 г., и примерно четверть – после 1773 г. Если в условиях протектората количество сделок с участием мужчин-хаджей сократилось почти вдвое (с 93 % до 50 %), то с участием привилегированных женщин – только на 5,5 % (с 32 % до 26,5 %). За весь исследуемый период из 18 сделок с женским участием лишь в одной (1882 г.) не указан ни титул, ни имя, а обозначено просто «супруга Абдалджаббара» ([Регесты..., 2007: № Q41](#)), что указывает на отсутствие привилегированного статуса. Таким образом, судя по сохранившимся казийским документам, среди всех хорезмиек именно титулованные женщины были главными субъектами имущественных отношений даже в условиях российского протектората.

Женщины имели право на движимое и недвижимое имущество, включая владение землей; лично или через представителей они совершали сделки купли-продажи, залога, дарения и займа. Их участие в наследственных делах достигало 100 % от всех поданных исков. Объем наследства мог быть внушительным. В частности, госпожа Курбан-бика после смерти отца получила право на следующее имущество: «...кроме усадьбы..., два чигиря¹ с помещениями, одну маслобойню (джуваз), одну мельницу (харас), водный путь (сув йули), дорогу для повозок (араба йули) и пешеходную дорожку (айак йули)». Отказавшись от этого имущества в пользу других наследников, она получила от них земельный участок и 110 тилла деньгами, что считалось крупной суммой ([Регесты..., 2007: № Q53](#)). В 1907 г. Фарида-бике выиграла суд по иску Мухаммад-Карима о наследстве двух лошадей, осла, барана, повозки, мельницы, ворот, бороны, сохи, двух лопат и другого имущества, причем казий оставил ей и 17,5 тилла денег, которые истец предложил в качестве «мировых». Таким образом, женщина с титулом «бике» осталась и с имуществом, и с деньгами истца ([Регесты..., 2007: № Q62](#)).

Из 51 сохранившейся вакуфной грамоты 16 составлены от имени женщин. Например, в 1859 г. такой документ оформлен от имени Асмай-бики, дочери Худай-суф-кули, которая себя назначила мутавалли, т. е. основательницей этого вакуфа, а в качестве последователей – родственников по мужской линии ([Каталог..., 2001: № 636](#)). Подобный документ мы видим и в 1904 г., когда Бикаджан-бика также стала основательницей вакуфа с передачей его наследникам-мужчинам ([Каталог, 2001: № 1439](#)). В 1845 г. имущество в вакуф передала Асал-бика, дочь Аллаха Назара диванбеги ([Каталог..., 2001: № 1321](#)), а в 1872 г. – Ирис-бика ([Каталог..., 2001: № 343](#)) и т. д.

Интересен документ (1831 г.) с отказом от иска о трех хорезмских тилла, которые являлись «платой за бракосочетание госпожи Рахма-Султан-биби, дочери Йахйя, а часть полагается... доверительнице Угул-Султан-биби по обычаю "сунгак-сатук"» ([Регесты..., 2007: Q5](#)). Если обратиться к дословному переводу этого обычая, то *ок-сунгак* в тюркских языках означает «белая кость», т. е. «привилегированный человек, отличающийся от простолюдина», а *сатук* можно перевести как «проданный, купленный». Таким образом, речь идет о передаче денег именно за привилегированную невесту, а не простую хорезмийку. В Средней Азии сословие «белая кость» включало аристократов ([Абашин, 2001: 65](#)).

Платой за бракосочетание могла быть и земля. Например, в 1853 г. это отражено в «запродажной», где указано, что Маманжан-биби является собственницей участка, «одна восьмая часть которого досталась ей как наследство от ее мужа и как плата за бракосочетание» ([Регесты..., 2007: Q20](#)). Особенностью Хорезма в рассматриваемый период было возможное слияние калыма (плата за невесту ее родителям) и махра (имущество, при заключении брака переданное мужем в собственность жены). Эту особенность отметила и Н.У. Хидирова, сравнив казийские документы о

¹ Чигирь – водоподъемное сооружение для орошения полей.

браке по всем среднеазиатским регионам: в Хивинском ханстве в ряде случаев калым и махр рассматривались как синонимы (Хидирова, 2015: 82).

Такое совмещение присутствует и в сохранившемся документе о разводе: в 1907 г. «...Госпожа Угил-бика, дочь Гадай кулала... отказывается от претензий относительно калыма (махр) и пособия до периода вступления в новый брак... к своему бывшему мужу Мухаммад-Сафа-хадже» (Регесты..., 2007: Q40). Из всего комплекса исследованных актов документ о разводе – лишь один. Для сравнения отметим, что в среде сибирских бухарцев – переселенцев из Средней Азии в Западную Сибирь, данные об обратившихся за разводом тоже фиксировались (Науменко и др., 2025: 137), но это было почти ежегодно. Мулла не обязательно удовлетворял просьбы, стараясь примирить супругов, однако иногда записывал их претензии и показания свидетелей. Казийские документы Хивинского ханства не дают такой картины супружеских отношений.

В целом на рубеже XIX–XX вв. высокий социальный статус и богатство уже не были так тесно взаимосвязаны через владение землей, как в более ранний период, но титул по-прежнему защищал финансово. Наиболее предпринимчивые представители элиты Хивинского ханства начали переориентироваться на предпринимательство, а поддержку им мог оказывать сам хан не только по причине родственных и социальных связей, но и в силу своего мировоззрения: многие аристократы входили в религиозную элиту Хорезма.

5. Заключение

Правовые акты Хивинского ханства отразили несколько особенностей, характерных для жизни привилегированных слоев местного общества.

Судебными и «нотариальными» услугами казиев в имущественных делах пользовались прежде всего те, кто владел недвижимым имуществом, поэтому значительный массив документов регулирует дела между сайидами, хаджами и в целом богатыми землевладельцами и собственниками. Однако только в двух из 97 документов упоминается титул «бек». Беки управляли крупными территориями, их функции были административными и не связанными с религией, но в исследованных документах эта социальная группа практически не отражена. Если бек имел дополнительный религиозный титул (например, хаджа), то указывался именно он. Таким образом, корпус документов высвечивает особенность ментальности местного общества: приоритет отдавался религиозным институтам и титулам, что соответствовало историческому месту Хивинского ханства как одного из важнейших мировых центров ислама.

Казийские документы показали, что в конце XIX – начале XX вв. в общей массе дел количество судебных исков имущественного характера с участием религиозной элиты значительно уменьшилось, включая оборот недвижимости, а в экономических отношениях активизировались непривилегированные слои хорезмского общества. Казийские акты также показали, что в условиях экономической трансформации, наблюдавшейся на рубеже XIX – XX вв., привилегированные женщины оказались более защищены финансово, чем мужчины. Воспроизводство внутри титулованных семей считалось важнейшей функцией гаремов, поэтому в материальном плане женщины-аристократки находились в особом положении, и лишь после падения Хивинского ханства эта практика уже не могла реализовываться в соответствии с традицией.

В документации Хивинского ханства титулы в мужских именах отличались многообразием, но проявилась особенность: «сайид» и «ходжа» в ряде документов употребляются как синонимы. Практически для всех привилегированных женщин указывался только титул «бике» («бика», «баба»): в традиции Хорезма он указывал на особый социальный и имущественный статус, который передавался по наследству.

В целом ханские ярлыки и казийские акты являются главным источником по истории религиозной элиты, т. к. правовая система Хивинского ханства была ориентирована на защиту интересов прежде всего привилегированных слоев местного общества.

Литература

Абашин, 2001 – Абашин С.Н. Потомки святых в современной Средней Азии // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 4. С. 62-83.

Абдурасулов, 2015 – Абдурасулов У.А. Правовая и фискальная динамика землевладения в Хорезме (XIX – начало XX в.) // *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2015. № 4. С. 32-46.

Бёрбанк, Купер, 2010 – Бёрбанк Дж., Купер Ф. Империи в мировой истории: власть и политика различий. Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 2010. 528 с.

Брегель, 1957 – Брегель Ю.Э. Землевладение у туркмен в Хивинском ханстве в XIX веке // *Советское востоковедение*. 1957. № 3. С. 123-136.

Брегель, 1967 – Брегель Ю.Э. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. М.: Наука, 1967. 522 с.

Брежнева, 2021 – Брежнева С.Н. Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2021. Т. 20. № 3. С. 411-425.

Гендемианский..., 1992 – Гендемианский мирный договор между Россией и Хивой (12 августа 1873 года) / Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 348-351.

Гулбоев, 2016 – Гулбоев Н.Н. Роль кази-аскара в войсках Хивинского ханства (XVI – начало XX вв.) / *Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари*. Самарканд, 2016. С. 49-51.

ГХМЗ – Государственный художественный музей-заповедник «Ичан-Кала».

Егани, Чехович, 1981 – Егани А.А., Чехович О.Д. Регесты среднеазиатских актов / Письменные памятники Востока. Ежегодник. М.: Наука, 1981. С. 47-345.

Иванов, 1937 – Иванов П.П. «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856–1865) / Записки Института Востоковедения Академии Наук СССР. Т. VI. М., Л., 1937. С. 27-59.

Иванов, 1940 – Иванов П.П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Сред. Азии. Ленинград: Гос. публ. б-ка, 1940. 290 с.

Исхаков, 2014 – Исхаков Д.М. Крымские сейиды // *Крымское историческое обозрение*. 2014. № 1. С. 21-40.

Ишанова, 1992 – Ишанова Ш.А. Нормы шариата и их применение казийскими судами в Средней Азии до 1924 г.: дис. ... к.ю.н. Ташкент, 1992. 238 с.

Каталог..., 2001 – Каталог хивинских казийских документов XIX – начала XX вв. Ташкент-Киото: Международный институт по изучению языков и мира Киотского университета по изучению зарубежных стран, 2001. 691 с.

Регесты..., 2007 – Регесты казийских документов и ханских йарлыков Хивинского ханства XVII – начала XX вв. / Вступ. Статья: Э. Каримов. Ташкент: «Фан», 2007. 223 с.

Маликов, 2014 – Маликов А.М. Ходжи Южного Казахстана: история и идентичность // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 4. С. 35-45.

Мирзаев, 2019 – Мирзаев Н.М. Архивные фонды казийских судов – важный источник по изучению социальной истории г. Ташкента конца XIX – начала XX в. // *Россия и мусульманский мир*. 2019. № 1 (311). С. 113-122.

Науменко, Абдуллаев, 2024 – Науменко О.Н., Абдуллаев У.И. Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII – начале XX веков // *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 5. С. 437-455.

Науменко и др., 2025 – Науменко О.Н., Махмудов У.Б., Альмухаметова М.Ш., Кенджаев Б.Б. Ирано-зороастрийский след в мусульманских метрических книгах Западной Сибири // *Журнал фронтирных исследований*. 2025. № 2. С. 128-149.

Сабирова, Науменко, 2025 – Сабирова С.Р., Науменко О.Н. Гарем Хивинского хана в условиях российского протектората в конце XIX – начале XX в. // *Манускрипт*. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 238-245.

Хантингтон, 2006 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: АСТ-Москва, 2006. 571 с.

Хапачаев, 2023 – Хапачаев С.П. Институт рабства в контексте мусульманского права // *Legal Bulletin*. 2022. № 4 (7). С. 53-62.

Хидирова, 2015 – Хидирова Н.Ў. Брачные документы Средней Азии: текст, содержание и формальная структура (на основе казийских документов XVI – начала XX вв.) // *Восточный факел*. 2015. № 3(3-4). С. 81-84.

Хидирова, 2021 – Хидирова Н.Ў. Аёллар масаласига оид манбалар ва уларнинг тахлили (XVI–XX аср бошлари Ўрта Осиё мисолида) // *Маркази Осиё Ренессанси Журнали*. 2021. Vol. 2, Is. 1. Bb. 37-47.

Шайхова, 1982 – Шайхова А. О хивинской казийской книге из фондов Института Востоковедения АН УзССР // *Общественные науки в Узбекистане*. 1982. № 6. С. 53-57.

Юлдашев, 1962 – Юлдашев М.Ю. Новые ценные архивные материалы по истории Средней Азии // *Общественные науки в Узбекистане*. 1962. № 6. С. 57-59.

Baitova et al., 2025 – Baitova F.T, Alymbaev J.B, Tolobaeva E.A. Tax Policy in the Kokand Khanate (second half of the 19th century) // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1320-1332.

Tadjiyeva, 2023 – Tadjiyeva F.J. Slavery Relations in the Khanate of Khiva (based on archival documents) // *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 59-68.

References

Abashin, 2001 – Abashin, S.N. (2001). Potomki svyatykh v sovremennoi Srednei Azii [Descendants of Saints in Modern Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 62-83. [in Russian]

Abdurasulov, 2015 – Abdurasulov, U.A. (2015). Pravovaya i fiskal'naya dinamika zemlevladieniya v Khorezme (XIX – nachalo XX v.) [Legal and fiscal dynamics of land ownership in Khorezm (XIX – early XX centuries)]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'*. 4: 32-46. [in Russian]

Baitova et al., 2025 – Baitova, F.T, Alymbaev, J.B, Tolobaeva, E.A. (2025). Tax Policy in the Kokand Khanate (second half of the 19th century). *Bylye Gody*. 20(3): 1320-1332.

- Berbank, Kuper, 2010** – *Berbank, Dzh., Kuper, F.* (2010). Imperii v mirovoi istorii: vlast' i politika razlichii [Empires in World History: Power and the Politics of Difference]. N'yu-Dzhersi: Izdatel'stvo Prinstonskogo universiteta. 528 p. [in Russian]
- Bregel', 1957** – *Bregel', Yu.E.* (1957). Zemlevladienie u turkmen v Khivinskom khanstve v XIX veke [Land ownership among the Turkmens in the Khiva Khanate in the 19th century]. *Sovetskoe vostokovedenie*. 3: 123-136. [in Russian]
- Bregel', 1967** – *Bregel', Yu.E.* (1967). Dokumenty arkhiva khivinskih khanov po istorii i etnografii karakalpakov [Documents of the Khiva Khans' archive on the history and ethnography of the Karakalpaks]. M.: Nauka. 522 p. [in Russian]
- Brezhneva, 2021** – *Brezhneva, S.N.* (2021). Vizity pravitelei sredneaziatskikh protektoratov Rossii v Sankt-Peterburg na rubezhe XIX–XX vv.: kommunikativnaya praktika [Visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to Saint Petersburg at the turn of the 19th and 20th centuries: communicative practice]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. 20(3): 411-425. [in Russian]
- Egani, Chekhovich, 1981** – *Egani, A.A., Chekhovich, O.D.* (1981). Regesty sredneaziatskikh aktov [Regests of Central Asian Acts]. Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Ezhegodnik. M.: Nauka. Pp. 47-345. [in Russian]
- Gendemianski..., 1992** – Gendemianski mirnyi dogovor mezhdru Rossiei i Khivoi (12 avgusta 1873 goda) [The Gendeman Peace Treaty between Russia and Khiva (August 12, 1873)]. Pod styagom Rossii: Sbornik arkhivnykh dokumentov. M.: Russkaya kniga, 1992. Pp. 348-351. [in Russian]
- GKhMZ** – Gosudarstvennyi khudozhestvennyi muzei-zapovednik «Ichan-Kala» [State Art Museum-Reserve "Ichan-Kala", Department of Manuscripts, Khiva, Uzbekistan].
- Gulboev, 2016** – *Gulboev, N.N.* (2016). Rol' kazi-askara v voiskakh Khivinskogo khanstva (XVI – nachalo XX vv.) [The role of Kazi-Askar in the armies of the Khiva Khanate (16th – early 20th centuries)]. *Ўzbekiston tarikhining dolzarb muammolari*. Samarqand. Pp. 49-51. [in Uzbek]
- Ishanova, 1992** – *Ishanova, Sh.A.* (1992). Normy shariata i ikh primeneniye kaziiskimi sudami v Srednei Azii do 1924 g. [Sharia norms and their application by Kazi courts in Central Asia before 1924]: dis. ... k.yu.n. Tashkent. 238 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2014** – *Iskhakov, D.M.* (2014). Krymskie seiidy [Crimean Seyyids]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. 1: 21-40. [in Russian]
- Ivanov, 1937** – *Ivanov, P.P.* (1937). «Udel'nye zemli» Seiid-Mukhammed-khana khivinskogo (1856–1865) [Archive of Khiva Khans. New sources for the history of Central Asia in the 19th century]. *Zapiski Instituta Vostokovedeniya Akademii Nauk SSSR*. T. VI. M., L. Pp. 27-59. [in Russian]
- Ivanov, 1940** – *Ivanov, P.P.* (1940). Arkhiv khivinskih khanov XIX v. Issledovanie i opisanie dokumentov s istoricheskim vvedeniem. Novye istochniki dlya istorii narodov Sred. Azii [The archive of the Khiva Khans of the 19th century. Research and description of documents with a historical introduction. New sources for the history of the peoples of Central Asia]. Leningrad: Gos. publ. b-ka. 290 p. [in Russian]
- Katalog..., 2001** – Katalog khivinskih kaziiskikh dokumentov XIX – nachala XX vv. [Catalogue of Khiva kazi documents of the 19th – early 20th centuries]. Tashkent-Kioto: Mezhdunarodnyi institut po izucheniyu yazykov i mira Kiotskogo universiteta po izucheniyu zarubezhnykh stran, 2001. 691 s. [in Russian]
- Khantington, 2006** – *Khantington, S.* (2006). Stolknovenie tsivilizatsii [The clash of civilizations]. M.: AST: AST-Moskva. 571 p. [in Russian]
- Khapchaev, 2023** – *Khapchaev, S.P.* (2023). Institut rabstva v kontekste musul'manskogo prava [The institution of slavery in the context of Muslim law]. *Legal Bulletin*. 4(7): 53-62. [in Russian]
- Khidirova, 2015** – *Khidirova, N.Ÿ.* (2015). Brachnye dokumenty Srednei Azii: tekst, sodержanie i formal'naya struktura (na osnove kaziiskikh dokumentov XVI – nachala XX vv.) [Marriage documents of Central Asia: text, content, and formal structure (based on Kazakh documents from the 16th to the early 20th centuries)]. *Vostochnyi fakel*. 3(3–4): 81-84. [in Russian]
- Khidirova, 2021** – *Khidirova, N.Ÿ.* (2021). Aellar masalasiga oid manbalar va ularning taxlili (XVI–XX asr boshlari Ÿrta Osie misolida) [Sources on the issue of women and their analysis (on the example of Central Asia in the 16th – early 20th centuries)]. *Markazi Osie Renessansi Zhurnali*. 2(1): 37-47. [in Uzbek]
- Malikov, 2014** – *Malikov, A.M.* (2014). Khodzhi Yuzhnogo Kazakhstana: istoriya i identichnost' [Khojas of Southern Kazakhstan: history and identity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 35-45. [in Russian]
- Mirzaev, 2019** – *Mirzaev, N.M.* (2019). Arkhivnye fondy kaziiskikh sudov – vazhnyi istochnik po izucheniyu sotsial'noi istorii g. Tashkenta kontsa XIX – nachala XX v. [The archive funds of the Kazi courts as an important source for studying the social history of Tashkent in the late 19th and early 20th centuries]. *Rossiya i musul'manskii mir*. 1(311): 113-122. [in Russian]
- Naumenko i dr., 2025** – *Naumenko, O.N., Makhmudov, U.B., Al'mukhametova, M.Sh., Kendzhaev, B.B.* (2025). Irano-zoroastriiskii sled v musul'manskikh metrisheskikh knigakh Zapadnoi Sibiri [The Iranian-Zoroastrian trace in the Muslim metric books of Western Siberia]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2: 128-149. [in Russian]
- Naumenko, Abdullaev, 2024** – *Naumenko, O.N., Abdullaev, U.I.* (2024). Adaptatsiya shariata k rossiiskomu ugovnomu pravu u naseleniya Zapadnogo Turkestana i sibirskikh bukhartsev v kontse XVIII – nachale XX vekov [Adaptation of Sharia to Russian criminal law among the population of Western Turkestan

and the Siberian Bukharans in the late 18th and early 20th centuries]. *Nauchnyi dialog*. 13(5): 437-455. [in Russian]

[Regesty..., 2007](#) – Regesty kaziiskikh dokumentov i khanskikh iarlykov Khivinskogo khanstva XVII – nachala XX vv. [Regests of Kazakh Documents and Khan's Yarlyks of the Khiva Khanate in the 17th and early 20th centuries]. Vstup. Stat'ya: E. Karimov. Tashkent: «Fan», 2007. 223 p. [in Russian]

[Sabirova, Naumenko, 2025](#) – *Sabirova, S.R., Naumenko, O.N.* (2025). Gareh Khivinskogo khana v usloviyakh rossiiskogo protektorata v kontse XIX – nachale XX v. [The harem of the Khan of Khiva under the Russian protectorate in the late 19th and early 20th centuries]. *Manuskript*. 18(1): 238-245. [in Russian]

[Shaikhova, 1982](#) – *Shaikhova, A.* (1982). O khivinskoi kaziiskoi knige iz fondov Instituta Vostokovedeniya AN UzSSR [On the Khiva Kazi book from the funds of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 6: 53-57. [in Russian]

[Tadjiyeva, 2023](#) – *Tadjiyeva, F.J.* (2023). Slavery Relations in the Khanate of Khiva (based on archival documents). *Vostok (Oriens)*. 4: 59-68.

[Yuldashev, 1962](#) – *Yuldashev, M.Yu.* (1962). Novye tsennyye arkhivnye materialy po istorii Srednei Azii [New valuable archival materials on the History of Central Asia]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. 6: 57-59. [in Russian]

Правовые акты Хивинского ханства как исторический источник по имущественному положению мужчин и женщин из религиозной элиты (XVII – начало XX вв.)

Ольга Николаевна Науменко ^{a, *}, Умрбек Бахтиёрович Махмудов ^a,
Баходир Манглибой угли Сатимов ^a, Уктам Латипович Матназаров ^b

^a Ургенчский инновационный университет, Республика Узбекистан

^b Ургенчский педагогический институт, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье проанализирован 97 правовой документ из числа казийских актов и ярлыков хивинских ханов, хранящихся в фондах Государственного музея-заповедника «Ичан-кала» (Хива, Узбекистан), частных коллекциях Хорезма, а также опубликованных в сборниках. В сравнительном аспекте рассмотрена реализация имущественных прав титулованных мужчин и женщин Хивинского ханства, а также виды, суммы и количество заключаемых сделок в период до установления российского протектората в 1873 г. и во время его действия. Результаты исследования показали: ярлыки хивинских ханов и казийские акты отразили многообразие религиозных титулов и их эволюцию, но в отношении привилегированных женщин указывался преимущественно титул «бике» («бика»), «биби»). Казийские документы показали экономические процессы в Хивинском ханстве: на рубеже XIX – XX в. представители привилегированных сословий теряли лидерство при совершении имущественных сделок, число которых с их участием уменьшилось почти вдвое. В рыночные отношения более активно включались другие слои хивинского общества, что свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений и о процессах адаптации населения к новым условиям. Женщины-аристократки оказались более защищены финансово, чем мужчины, т. к. воспроизводство внутри титулованных семей считалось важнейшей функцией гаремов. В целом ханские ярлыки и казийские акты являются главным источником по имущественному и социальному статусу религиозной элиты, т. к. правовая система Хивинского ханства была ориентирована прежде всего на защиту интересов привилегированных слоев местного общества.

Ключевые слова: Хивинское ханство, Хорезм, сайид, ходжа, бике, гарем, ханские ярлыки, казийские документы, российский протекторат.

* Корреспондирующий автор

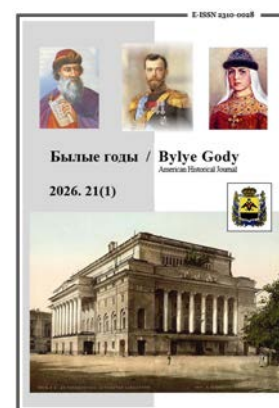
Адреса электронной почты: khorezm.khiva@mail.ru (О.Н. Науменко),
umrbekmaxmudov0088@gmail.com (У.Б. Махмудов), bsatimov263@gmail.com (Б.М.у. Сатимов),
mr.sport1965@mail.ru (У.Л. Матназаров)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 45-55
DOI: 10.13187/bg.2026.1.45

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Formation of Russian Oriental Studies and Turkology: From the Era of Peter I to the beginning of the 20th century

Erzhan O. Bulanov^a, Gulzhan B. Tleubekova^{a, *}, Turlybek S. Tumabaev^b, Zhadyra U. Kalelova^a

^a Zhetysu University named after Iliyas Zhansugurov, Taldykorgan, Republic of Kazakhstan

^b Satbayev University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the formation and historical development of Russian Oriental studies and Turkology in a chronological manner. Beginning with the initial initiatives during the reign of Peter I, it traces the trajectory through the scientific expeditions and cartographic works of the eighteenth century, the “golden age” of the nineteenth century, and the scholarly contributions of V.V. Velyaminov-Zernov and V.V. Radlov. The study highlights the establishment of the institutional foundations of Oriental scholarship, the introduction of the history and languages of Turkic peoples into academic circulation, the first scientific consideration of sources on the formation of the Kazakh Khanate, and the consolidation of Turkology as an independent discipline. The findings underscore the significance and role of Oriental studies and Turkology within Russian scholarship, as well as the decisive stages in the study of Turkic history.

In the course of Turkology’s development, particular attention was devoted to the history and culture of the Kazakh people, which opened the way for new advances in national historiography. Overall, the article provides a comprehensive analysis of the evolution of Russian Oriental studies and Turkology, elucidating their place and scholarly importance in the study of Turkic peoples’ history.

Keywords: Russia, Peter I, Oriental studies, Turkology, expedition, cartography, archive, museum, Kunstkamera, Orkhon-Yenisei inscriptions.

1. Введение

Тюркология представляет собой одну из ключевых и наиболее значимых отраслей востоковедения. Причины ее возникновения на территории России связаны, во-первых, с тем, что значительная часть многочисленных тюркских народов, проживавших на пространстве Евразии, оказалась в составе Российской империи; во-вторых, именно русские ученые впервые предприняли систематические попытки научного изучения их языка, устного народного творчества, истории, этнографии, материальной и духовной культуры.

К числу восточных народов традиционно относят все народы, проживающие в восточной части Европы и Азии. Следовательно, объект востоковедческих исследований чрезвычайно широк: он охватывает китайский, индийский, арабский, иранский, японский, корейский и другие этносы. В эту категорию входят и тюркоязычные народы. Поэтому уже в XVIII веке тюркология в России выступала как весомая составляющая востоковедения, постепенно выделяясь в самостоятельное направление. Во второй половине XVIII столетия она постепенно оформляется как отдельная научная дисциплина.

Объектом исследования тюркологии являются тюркские народы. При этом ее задачи не ограничиваются изучением мертвых, древних и современных живых языков и письменных памятников. Тюркология охватывает широкий спектр проблем, включая историю и этнографию тюркоязычных народов, их культуру и литературу, материальные и духовные ценности.

* Corresponding author

E-mail addresses: tleubekova@mail.ru (G.B. Tleubekova), erzhan_bulanov@mail.ru (E.O. Bulanov)

Актуальность темы заключается в том, что исследование истоков тюркологии в Российской империи имеет особое значение для современного научного знания. Во-первых, оно позволяет выявить первые шаги в научном осмыслении истории и культуры тюркских народов. Во-вторых, изучение языкового, этнографического и литературного наследия народов, входивших в состав империи, открывает возможности для понимания путей сохранения их национальной самобытности. В-третьих, обращение к истории становления тюркологии способствует осмыслению современных направлений развития тюркологических исследований и выявлению их научных традиций. Кроме того, данная тема демонстрирует взаимосвязь востоковедения и тюркологии, сложившуюся в научных центрах Российской империи, и подтверждает преемственность в истории науки. Рассмотрение начального этапа тюркологии позволяет определить место и значение изучения культурного наследия тюркских народов в мировой науке.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составляют официальные документы и указы эпохи Петра I, опубликованные в собрании «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ, 1830: 1642).

К числу архивных материалов относятся фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Ед. хр. 30), а также документы из архива Института востоковедения в Санкт-Петербурге (СПбФИВ, Архив востоковедов. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 1-6). В качестве картографического источника использовался «Сибирский атлас», составленный С.Е. Ремезовым в 1698 году (Ремезов, 1975: 111-114).

Значимыми источниками исследования стали сочинение Ф.И. Страленберга на немецком языке «Северная и восточная часть Европы и Азии» (Strahlenberg, 1730: 120-135), основанное на материалах, собранных им во время пребывания в плену, а также ряд трудов В.В. Радлова, созданных на основе полевых материалов: «Образцы народной литературы тюркских племен...» (Радлов, 1866–1907), «Атлас древностей Монголии» (Радлов, 1892, 1893, 1896). Шведский офицер Ф.И. Страленберг лишь случайно увидел рунические памятники и сообщил о них, то В.В. Радлов предпринял целенаправленные экспедиции: лично осматривал и фиксировал высеченные на камне тексты, фиксировал их точное местоположение, тщательно сопоставлял все обстоятельства бытования памятников и стремился раскрыть тайну письма, добиваясь их полного прочтения.

В методологии данного исследования применяются принципы историзма и объективизма, что позволяет рассматривать процесс формирования российской науки востоковедения и тюркологии в динамике – от первых инициатив эпохи Петра I до их институционального оформления в XIX–XX вв.

Для анализа использовались методы сопоставления, сравнительного анализа и интерпретации исторических данных. Сравнение русских и восточных источников позволило выявить объективную картину становления научных представлений о тюркских народах. Архивные документы, картографические материалы и труды российских исследователей рассматривались в их подлинном виде, что обеспечило возможность раскрыть их содержание, определить значимость для конкретного исторического периода и выявить роль в более широком архивном и научном контексте.

Таким образом, методологический подход дал возможность проследить эволюцию востоковедения и тюркологии в России, показать их вклад в изучение истории и культуры тюркских народов, а также обозначить ключевые этапы развития этих дисциплин от эпохи Петра I до начала XX века.

3. Обсуждение

Возникновение востоковедения в России и одного из его направлений – тюркологии относится к началу XVIII века, ко времени правления Петра I. Как самостоятельная наука оно прочно утвердилось в XIX столетии. Экспедиции, организованные в указанный период, а также исследования отдельных ученых породили многочисленные труды, которые можно отнести к числу подлинных источников по данной проблематике.

В разделе «Результаты» нашей статьи мы рассмотрели исследователей и их труды, оставившие заметный след в становлении российской науки востоковедения и тюркологии – от ее истоков до периода окончательного утверждения в XIX веке. Эти исследования важны с точки зрения источниковой базы, так и в плане непосредственного анализа предмета. Однако их нельзя отнести к работам историографического характера. Существует значительное количество трудов, посвященных изучению жизни и научного наследия востоковедов-тюркологов. Именно они позволяют всесторонне определить уровень изученности проблемы, поэтому обращение к ним представляется необходимым.

Научное систематизирование и комплексное историографическое рассмотрение данной темы впервые было осуществлено академиком В.В. Бартольдом в его труде «История изучения Востока в Европе и России» (Бартольд, 1911: 282). Востоковед отмечал, что европейцы на протяжении нескольких веков занимались преимущественно историей Османского государства и описанием османско-турецкого языка. Сравнительное изучение других тюркских языков, составление их сопоставительных словарей, филологическое исследование древних письменных памятников началось в Европе и России лишь с начала XVIII века.

В дореволюционной и советской науке особое место занимает деятельность лингвиста, востоковеда-тюрколога С.Е. Малова, прославившегося комплексным исследованием письменных памятников тюркских народов. В своих трудах он систематически обращался к исследованиям предшествовавших востоковедов (Малов, 1959: 111).

Среди ведущих представителей советской тюркологии заслуживает особого упоминания академик А.Н. Кононов. Его труд «История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период» является единственным исследованием, где историография тюркологии в России рассмотрена комплексно (Кононов, 1982: 360).

Имя немецкого востоковеда, путешественника и этнографа Юлиуса Клапрота занимает особое место в науке. Наиболее полное исследование его жизни и научной деятельности принадлежит Хартмуту Валравенсу: «Юлиус Клапрот (1783–1835): Жизнь и творчество» (Walravens, 1999: 196).

Жизнь и творчество В.В. Радлова, а также труды других востоковедов-тюркологов были всесторонне рассмотрены в исследованиях, где широко использовались их методология и методы. Среди них, несомненно, выделяются работы В.В. Бартольда и А.Н. Кононова, упомянутые выше. Следует также отметить труд С.Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» (Малов, 1951: 452), в котором он анализировал методы В.В. Радлова и продолжал его научные традиции.

Востоковед В.В. Радлов осуществил ряд научных экспедиций на территорию Казахстана в 1862–1869 гг. В ходе этих поездок им были собраны обширные материалы, касающиеся не только казахского языка и литературы, но также истории, археологии и этнографии. Научное наследие Радлова, связанное с изучением казахской культуры, получило высокую оценку в отечественной и зарубежной науке. В этом контексте заслуживает особого внимания труд А. Абдрахманова «В.В. Радлов и казахский фольклор» (Абдрахманов, 1975: 120), в котором подробно рассматриваются жизнь и научная деятельность исследователя, а также его вклад в собирание и систематизацию казахского устного народного творчества.

4. Результаты

Формирование востоковедения и одного из его ключевых направлений – тюркологии тесно связано с деятельностью Петра I. Государь ясно осознавал, что будущее России во многом определяется её тесными контактами с Востоком. В этой связи он стремился обеспечить прочное закрепление русских казаков на завоеванных землях Сибири и одновременно искал пути проникновения в Среднюю Азию. Показательным является указ Петра I от 18 июня 1700 г., адресованный главе Сибирской митрополии, согласно которому в Тобольск направлялись три человека для изучения китайского и монгольского языков. Именно эту дату А.Н. Кононов рассматривает как момент зарождения востоковедения в России (Кононов, 1982: 34).

Петр I, реализуя свои цели по развитию востоковедения и тюркологии, предпринял ряд конкретных шагов. Так, в 1707 г. была направлена в Монголию религиозная миссия под руководством Илариона Лежайского (Кононов, 1982: 34-36; Пан, 2009: 103-108), а в 1714 г. состоялась поездка в Китай (Ли Цзинчэн, 2015: 195-200). В 1719 г. капитан Л.В. Измайлов прибыл в Китай в качестве русского посланника. В 1728 г., во время пребывания графа Саввы Владиславовича Рагузинского в должности посла, был заключён Кяхтинский договор, определивший русско-китайскую границу (Кононов, 1982: 37-42). Согласно условиям соглашения, в Пекине размещался постоянный представитель России. Многие участники этих миссий позднее внесли значительный вклад в развитие востоковедных факультетов российских университетов.

Следует отметить, что интересы Петра I простирались не только на Сибирь и Дальний Восток, но также охватывали Среднюю Азию и Индию. Он стремился к глубокому изучению их языков и истории. Так, во время похода в Иран в 1722 г. Петр I, осматривая руины города Булгара, распорядился перевести на русский язык найденные там памятники, написанные на татарском и армянском языках. Однако его успехи в этом регионе оказались лишь временными. Иная ситуация сложилась на побережьях Каспийского и Аральского морей, где Россия сумела закрепить свои позиции.

В 1696 г. С.Е. Ремезову было поручено составить карту Сибири, и уже в 1698 г. он завершил работу над атласом, который доставил в Петербург. В атласе содержалась также карта Средней Азии с датой 1697 г., отличавшаяся от предшествовавших карт большей точностью. Впервые на ней Каспийское и Аральское моря были показаны как отдельные водоёмы (Ремезов, 1975: 111-114). Кроме того, были собраны конкретные сведения о ставке правителя Казахского ханства Тауке-хана (1680–1715 гг.).

В этот период Бухарский эмират и Хивинское ханство переживали внутренний кризис, связанный с борьбой за власть, что ослабляло их позиции. В результате начали обсуждаться вопросы о переходе указанных государств под протекторат России. Так, в 1700 г. хан Хивы Шах Нияз, а в 1703 г. хан Бухары Араб-Мухаммед передали грамоты, в которых говорилось о признании подданства России.

Петр I, стремясь использовать сложившуюся ситуацию и открыть путь в Индию, в 1714 г. направил экспедицию под руководством Александра Бековича-Черкесского (в тюркской традиции – Даулет-Керей) к побережью Каспия. Участники экспедиции обследовали Мангышлакскую сторону Каспийского моря и

нижнее течение Амударьи, а в 1715 г. возвратились в Астрахань. В 1716 г. они вновь отправились в Хиву с новыми задачами, однако хан Хивы обманом уничтожил отряд Бековича-Черкесского.

Наиболее достоверным источником для подробного анализа этих событий является статья Р.Ю. Почекаева, в которой исследователь опирается на конкретные архивные материалы, рассматривая экспедицию Бековича-Черкесского и российско-хивинские отношения (Почекаев, 2016: 1405-1420).

Несмотря на неудачный исход экспедиции Бековича-Черкесского, она оставила заметный след в истории востоковедения. В составе отряда находились также шведские и немецкие военнопленные, которых хан Хивы впоследствии освободил. Шведский офицер Ф.Ю. фон Страленберг, опираясь на их свидетельства, составил карту Каспийского и Аральского морей, которую после возвращения на родину включил в свою книгу на немецком языке «Северная и восточная часть Европы и Азии» (Strahlenberg, 1730: 120-135). Во время пребывания в плену в Сибири он увидел древнетюркские надписи на берегах Енисея и, сопоставив их знаки с символами скандинавских писем, назвал их «руническим письмом». В древнескандинавском языке это слово означало «тайна», «секрет», «скрытый знак». Термин закрепился в научной традиции и используется до настоящего времени.

Ф.Ю. фон Страленберг считается одним из первых исследователей, поднявших вопрос о так называемых урало-алтайских языках, что и сегодня остаётся предметом дискуссий среди тюркологов. Именно он впервые предложил классифицировать языки этой группы, выделив уральскую ветвь (угро-финские и самодийские языки) и алтайскую ветвь (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки), указав на их сходство. На этой основе позднее сформировалась теория о генетическом родстве урало-алтайских языков.

Основным соперником Российской империи в стремлении установить контроль над Черным морем, его побережьем и регионами Кавказа была Османская империя. Это противостояние в XVIII–XIX вв. привело к ряду крупных войн и оказало значительное влияние на геополитическую ситуацию в регионе. Уже при Петре I, отличавшемся стратегическим видением, проявился интерес к истории, языку и социальному устройству османских турок. Для изучения турецкого языка возникла необходимость подготовки молодых специалистов. Так, указ Сената от 18 января 1716 г. предписывал отобрать пять человек для обучения турецкому, персидскому и арабскому языкам. Полный текст указа опубликован в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ РИ, 1830: 189). В 1724 г. в Константинополь (ныне Стамбул) были направлены четыре человека для изучения турецкого языка (РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 30).

В этот период советником Петра I по делам тюркских стран выступал бывший правитель Молдавии Дмитрий Кантемир (1673–1723). Им были написаны два труда, посвящённые османской истории и исламской религии: в 1716 г. на латинском языке «История возвышения и упадка Османского двора» («Historia incrementorum atque decrementorum Aulae Ottomanicae»), (СПбФИБ, Архив востоковедов. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1-6) и в 1720 г. «Книга система или Состояние мухаммеданской религии» (Кантемир, 1722: 379). Дмитрий Кантемир также стал первым в России, кто организовал типографию для печати арабским шрифтом, что имело важное значение для дальнейшего развития востоковедения.

Впервые Академия наук в России была основана в Санкт-Петербурге в 1724 г. по указу Петра I. С самого начала научный центр уделял особое внимание изучению восточных языков и исследованию истории Востока. Для реализации этого проекта в Академию были привлечены многие известные востоковеды и тюркологи. Среди них особенно выделяются академики Г.З. Байер и Г.Я. Кер. Вклад Г.З. Байера в развитие востоковедения был значителен, академик А.Н. Кононов называл его первым тюркологом в России (Кайдаров, Оразов, 1985: 13). Байер также принимал активное участие в подготовке специалистов по восточным языкам.

В эпоху Петра I было организовано множество научных экспедиций, связанных с востоковедными исследованиями. Одной из них стала экспедиция под руководством Д.Г. Мессершмидта в Западную Сибирь, Даурию и Монголию. Его научное путешествие завершилось значительными результатами. Среди сохранившихся в рукописном виде материалов имеется немецко-татарский и татарско-немецкий словарь. Эти материалы хранятся в Архиве Российской академии наук (Санкт-Петербург), в Кунсткамере (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге) и в Научной библиотеке Готы (Германия). В XX в. они были введены в научный оборот и опубликованы в многотомном издании (Forschungsreise..., 1962–1968). Д.Г. Мессершмидту помог капитан шведской армии Ф.И. фон Страленберг, находившийся в русском плену и подробно изучавший различные районы Сибири.

Следует отметить, что название Даурия, упомянутое среди историко-географических регионов, может показаться малоизвестным широкому читателю. Даурия охватывает территорию современной Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области России. До XVIII в. эта земля была известна как место проживания даурского народа.

По сведениям академика Н.А. Кононова, среди учёных, занимавшихся исследованием тюркских языков и истории, а также сбором материалов, следует назвать В.Н. Татищева, Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, С.П. Палласа и других. Остановимся на некоторых из них.

В.Н. Татищев (1686–1750) – государственный деятель и историк России. По его инициативе начался сбор сведений о языках народов Сибири. В Самаре им была открыта школа с преподаванием на татарском, калмыцком и русском языках. В истории российской тюркологии его имя связано прежде всего с трудом «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» (ч. I–III), опубликованным в 1793 г. ([Татищев, 1793](#)).

Одним из наиболее компетентных исследователей истории Сибири и тюркоязычных народов, населявших этот регион, был Г.Ф. Миллер (1705–1783). В 1733–1743 гг. он находился в Сибири и на Камчатке, где собрал обширный материал. Итогом его работы стало завершение в 1750 г. фундаментального труда «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел» ([Миллер, 1750: 457](#)). Поскольку труд оказался слишком объемным, И.Э. Фишер переработал и сократил его, издав в 1768 г. на немецком, а в 1774 г. на русском языке под названием «История Сибири» ([Фишер, 1774: 631](#)). Многие материалы, использованные Миллером, ныне утрачены, поэтому «История Сибири» считается уникальным источником для специалистов. В ней содержится большое количество топонимов и антропонимов, представляющих ценность, а также материалы по тюркским языкам.

Руководитель III Астраханской экспедиции профессор С.Г. Гмелин, будучи натуралистом, также собрал материалы по тюркским языкам. В своём труде на немецком языке «Путешествие по России для исследования трёх царств природы» он приводит около 50 татарских названий рыб, встречающихся в Волге ([Gmelin, 1770: 200](#)).

Во времена Петра I было заложено основание востоковедения как науки, а также одним из ее направлений – тюркологии. Формирование этих направлений оказалось тесно связано с исследованием восточных регионов Российской империи. В ходе экспедиций XVIII века были собраны многочисленные сведения о истории, языке и культуре тюркских народов. Эти материалы впоследствии стали фундаментом для становления тюркологии как самостоятельной научной дисциплины.

Однако XIX век по праву можно назвать «золотым веком» развития данного направления. Академик В.В. Бартольд, оценивая достижения русских учёных в области востоковедения, отмечал: «Обзор русских трудов по изучению Востока показывает, что русской наукой в этом отношении достигнуты, особенно в XIX в., значительные успехи, но что это успехи большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого» ([Бартольд, 1963: 482](#)).

Тем не менее, исследователи XIX века во многих случаях ограничивались повторением трудов европейских ученых. В подтверждение этого можно привести пример: по инициативе государственной власти для изучения истории и языков восточных народов были специально приглашены немецкие ученые Г.Ю. Клапрот и Я.И. Шмидт. Вместе с тем нельзя отрицать и значительный вклад российских исследователей в развитие данной области.

В рамках одной статьи невозможно охватить всех учёных, внесших вклад в востоковедение. Поэтому особое внимание будет уделено трудам В.В. Вельяминова-Зернова (1830–1904) и В.В. Радлова (Фридриха Вильгельма) (1837–1918), посвятивших свои исследования истории казахского народа, занимающего огромную территорию в составе восточных народов.

В XIX веке заметный след в истории тюркологии оставил почетный член Санкт-Петербургской академии наук (с 1890 г.) В.В. Вельяминов-Зернов. В тюркологической традиции он известен прежде всего своим фундаментальным трудом в четырёх томах «Исследование о Касимовских царях и царевичах» ([Вельяминов-Зернов, 1863–1887](#)). Автор, сопоставляя русские и восточные источники, подробно рассматривает историю Золотой Орды, Казанского, Крымского, Астраханского и Казахского ханств, а главным объектом исследования делает Касимовское ханство, его правителей и роль династии Чингизидов.

Среди тюркских народов, входивших в состав Российской империи, по численности и политической организации особое место занимал казахский народ и Казахское ханство. История казахской земли свидетельствует более чем о двадцати государственных образованиях и династиях (саки, усунь, канглы, гунны, тюрки, тюркешы и др.), каждое из которых внесло вклад в развитие древней, средневековой и новой истории Казахстана, обогатило её и включило в мировую цивилизацию. Особым этапом стала эпоха Казахского ханства, возникшего в середине XV века под властью династии казахских ханов.

О возникновении Казахского ханства и его основателях Керее и Жанибеке сообщают два средневековых историка – М.Х. Дулати в «Тарих-и Рашиди» ([Мухаммед Хайдар Дулати, 2003: 110–111, 305–307](#)) и Махмуд бен Вали в «Бахр ал-асрар...» ([Махмуд бен Вали, 1969: 352–353](#)). Долгое время сведения этих авторов о создании ханства оставались вне поля зрения исследователей. Лишь в 1860-е годы данная проблема впервые была изучена русским востоковедом В.В. Вельяминовым-Зерновым, который ввел в научный оборот труд М.Х. Дулати «Тарих-и Рашиди» и содержащиеся в нем сведения о возникновении Казахского ханства. С этого момента тема привлекла внимание научной и интеллектуальной общественности, превратившись в масштабную, сложную и дискуссионную проблему отечественной историографии.

В своём фундаментальном труде «Исследование о Касимовских царях и царевичах», основанном на хронологических летописях и первоисточниках, В.В. Вельяминов-Зернов подробно описывает историю Касимовского ханства, существовавшего в 1452–1666 гг. на территории Рязанского края, к юго-востоку от Москвы. Во второй части труда рассматриваются события 1567–1610 гг., а также деятельность трёх правителей ханства – Саин-Болат, Мустафы-Али и Ораз-Мухаммеда. Особое внимание уделяется судьбе Ораз-Мухаммеда, попавшего в плен в Сибири и отправленного в Москву, где он правил Касимовским ханством в 1600–1612 гг. Вельяминов-Зернов придавал большое значение его происхождению и не избегал исследовательских трудностей, что видно из его письма востоковеду В.В. Григорьеву в 1861 г.: «...Бывший Касимовский хан, а также киргизский (казахский – Авт.) султан Ораз-Мухаммед тесно связан с историей киргизов (казахов – Авт.). Я хочу это раскрыть. Но дело близится к завершению. Самое трудное выполнено, я открыл некоторые новые сведения в истории киргизов» (Масанов, 1966: 141). Это открытие Вельяминова-Зернова касалось истории образования Казахского ханства и его развития в XV–XVI вв.

Для установления истины о происхождении Ораз-Мухаммеда и его предков Вельяминов-Зернов впервые использовал труд М.Х. Дулати «Тарих-и Рашиди» и высоко оценил его, отметив: «Найденные мною сведения, известные под названием «Тарих-и Рашиди», отличаются точностью... Всё написанное Мухаммедом Хайдаром в значительной степени ново и чрезвычайно интересно. Его повествования качественны, добросовестны и ясны» (Вельяминов-Зернов, 1864: 130–131). Востоковед сопоставил персидский оригинал, хранящийся в Санкт-Петербургском университете, с кашгарским переводом Мухаммеда Садыка, привезенным Ш. Уалихановым из Кашгара и находившимся в Азиатском музее Императорской академии наук (Вельяминов-Зернов, 1864: 138). Вельяминов-Зернов впервые перевел на русский язык разделы, относящиеся к истории Казахского ханства, и ввел их в научный оборот. Этот труд, бесспорно, стал ценным вкладом в изучение истории Казахстана.

В исторической науке особое значение имеет генеалогия. Исследователи в своих трудах отмечают ее важность и дают следующее определение: в настоящее время генеалогия как самостоятельная научная дисциплина занимается установлением происхождения отдельных индивидов, семей, родов и родовых объединений, а также выявлением их родственных связей во времени и пространстве. Она выступает важной вспомогательной отраслью исторической науки (Советская историческая..., 1963: 189–190).

В связи с этим обратимся к вопросу о генеалогии исторического деятеля, исследованного востоковедом В.В. Вельяминовым-Зерновым, султана Оразмухаммеда. Его происхождение подробно показано историком Т.И. Султановым в труде «Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана»: «Оразмухаммед – его отец Ондан – его отец Шыгай (казахский хан в 1580–1582 гг. – Авт.) – его отец Жадик (девятый сын Жанибека, одного из основателей Казахского ханства – Авт.) – его отец Жанибек (один из основателей Казахского ханства – Авт.)» (Султанов, 2001: 251–252). Согласно письменным источникам, Жанибек хан восходит к знаменитому правителю Ак Орду – Урус хана, далее к Джучи и его генеалогия приводит к Чингиз-хану.

В.В. Вельяминов-Зернов, опираясь на «Тарих-и Рашиди», использовал сведения из первой и второй книг этого труда, где описывается процесс формирования Казахского ханства (Вельяминов-Зернов, 1864: 139, 151). Его вывод заключается в следующем: подвергшиеся давлению со стороны правителя Дешт-и Кыпчака Абулхаира Керей и Жанибек в 1456 г. переселились на западные земли Могулистана и постепенно усилились. После смерти Абулхаира они смогли установить независимую власть, а время образования ханства относится к 1465/66 гг. Таким образом, востоковед фактически повторяет мнение Мирзы Хайдара без изменений.

Однако важно подчеркнуть, что именно с труда В.В. Вельяминова-Зернова проблема возникновения и становления Казахского ханства, а шире – казахской государственности, впервые вошла в научный оборот и стала предметом систематического изучения. Его концепция до настоящего времени сохраняет значение, служит ориентиром для исследователей и, несомненно, будет оставаться таковой, что является историческим фактом.

В истории тюркологии особое место занимает ученый, создавший целую эпоху, – В.В. Радлов. Его жизнь, научная деятельность и вклад в развитие тюркологии многократно освещались и получили заслуженную оценку современников. Академик А.Н. Кононов, оценивая его достижения, писал: «Благодаря трудам В.В. Радлова тюркология в целом и ее основные направления – фонология и лингвистические дисциплины поднялись на новый уровень и приобрели новое качество. Этому способствовало, прежде всего, введение в научный оборот собранных Радловым материалов по всем тюркским языкам, составление словаря общетюркской лексики, исследования по фонетике и грамматике живых языков, публикация основных рунических памятников, большинства памятников на уйгурской и арабской графике и, главное, внедрение сравнительно-исторического метода в систему тюркологических исследований» (Кононов, 1972: 13–14).

Родившись в Берлине (Германия), всю сознательную научную жизнь Радлов провёл в России. В 1858 году он прибыл по назначению в Барнаул и с этого времени до конца жизни жил и работал в России, занимаясь научными исследованиями. Его научный путь условно делится на три этапа. Первый этап – период пребывания на Алтае (1858–1871). В эти годы он собирал и систематизировал

материалы по истории, этнографии, литературе и языкам народов Алтая и юго-западной Сибири (Кайдаров, Оразов, 1985: 19). В этот период Радлов накопил огромный корпус сведений об алтайцах, казахах, татарах (казанских и сибирских), башкирах, туркменах и других тюркоязычных народах. Позднее он обработал и опубликовал их в фундаментальном труде «Образцы народной литературы тюркских племен...», состоящем из десяти томов (Радлов, 1866–1907).

На основе собранных материалов по истории, этнографии и археологии народов Сибири Радлов написал также работы «Aus Sibirien» (Radloff, 1884: 490) и «Сибирские древности» (Радлов, 1896: 70).

Второй этап жизни В.В. Радлова, связанный с пребыванием в Казани (1871–1884), в основном носил педагогико-административный характер. В 1872 году он был назначен инспектором татарских, башкирских и казахских школ Казанской губернии. В этот период ученый продолжал обработку материалов, привезённых им с Алтая. В 1882–1883 гг. вышли в свет первые два раздела его труда на немецком языке «Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen. Phonetik» (Radloff, 1884a: 318), который считается первой сравнительной фонетикой в истории тюркологии. Несмотря на то, что данное исследование и работа «Aus Sibirien» были опубликованы в один год, они представляют собой самостоятельные труды: если в «Aus Sibirien» рассматриваются быт, этнография и фольклор сибирских народов, то в «Vergleichende Grammatik...» проводится сравнительный анализ звуковой системы тюркских языков, выявляются фонетические закономерности и соответствия.

Наиболее продуктивным и богатым по количеству научных трудов стал третий период жизни Радлова, связанный с Петербургом (1884–1918). 7 ноября 1884 года он был избран академиком по истории и древней истории народов Азии. В 1885–1890 гг., занимая должность директора Азиатского музея Академии наук, Радлов опубликовал ряд фундаментальных исследований и организовал Комитет по изучению Средней Азии и восточных регионов континента. Учёный внес значительный вклад и в изучение истории Казахстана, собрав обширный материал и высказав ряд ценных наблюдений относительно казахского языка (Хусаинов, 1981: 170).

Особое значение имеет третий том его капитального труда «Образцы народной литературы тюркских племен...», посвящённый казахскому фольклору. В нём опубликованы пословицы и поговорки, загадки, благопожелания и айтысы, фрагменты шаманских песнопений, а также эпические произведения и сказания: «Ер Таргын», «Боз жигит», «Козы Көрпеш – Баян сулу» и другие дастаны, сказки и легенды (Радлов, 1870: 776).

Еще одним направлением исследований В.В. Радлова стало изучение языка древних письменных памятников и их публикация. В тюркологии процесс дешифровки рунических надписей непосредственно связан с именами В.В. Радлова и В. Томсена. Внимательный анализ трудов Радлова позволяет выявить системный характер его научных поисков. Основной целью при рассмотрении Орхон-Енисейских памятников для него было комплексное осмысление историко-языкового развития тюркских народов. Эти исследования, как показывает дальнейшее развитие науки, заложили предпосылки для изучения языка древнеуйгурских, манихейских и арабских письменных памятников.

Для изучения языка рунических надписей Радлов стремился непосредственно ознакомиться с самими артефактами: увидеть высеченные на камне исторические тексты, исследовать их местоположение и природный контекст. Именно он возглавил так называемую «Орхонскую экспедицию» (Кайдаров, Оразов, 1985: 21). Уже в том же году материалы экспедиции начали публиковаться: в труде «Атлас древностей Монголии» были представлены сведения о местонахождении Орхон-Енисейских памятников и опубликованы их фрагменты (Радлов, 1892, 1893, 1896).

Радлов предпринял попытку чтения загадочных, ещё не расшифрованных надписей Орхон-Енисейских памятников. Однако первым ученым, сумевшим прочесть руническое письмо, стал профессор Вильгельм Томсен. 25 ноября 1893 года он официально объявил о найденном ключе к письменности и сообщил о прочтении слов «тюрк» и «тэнгри». Спустя два месяца, в январе 1894 года, Радлов доложил на заседании Академии о самостоятельном чтении памятников «Могилян» и «Кюль-Тегин».

В.В. Радлов был одной из ключевых фигур в становлении и развитии тюркологии. Его труды были направлены на комплексное исследование истории, этнографии, фольклора и языка тюркских народов. Востоковед внес решающий вклад в вывод тюркологии на новый качественный уровень и в ее формирование как самостоятельной научной дисциплины.

5. Заключение

История развития тюркологии как одного из направлений востоковедения в России традиционно подразделяется на несколько этапов: первый – первая половина XVIII века; второй – вторая половина XVIII века и первая половина XIX века; третий – вторая половина XIX века до Октябрьской революции; четвертый – советский период. В данной статье внимание было сосредоточено на первых трех этапах.

Первые шаги в становлении российской науки о Востоке были предприняты в эпоху Петра I, когда государственная политика была направлена на изучение языков, истории и культуры восточных народов. Организация экспедиций, создание картографических трудов, развитие практики изучения языков и учреждение Академии наук заложили институциональные основы востоковедения.

Научные путешествия и исследования XVIII века обеспечили накопление значительного корпуса данных по истории и языкам тюркских народов. Эти материалы стали фундаментом для дальнейшего развития востоковедения в XIX веке и способствовали становлению тюркологии как самостоятельной научной дисциплины. Работы В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, С.Г. Гмелина открыли путь к научному осмыслению истории, языка и этнографии народов Сибири и Средней Азии.

Во второй половине XIX века В.В. Вельяминов-Зернов внес новый вклад в изучение казахской истории. Его труд «Исследование о Касимовских царях и царевичах» впервые ввел в научный оборот проблему возникновения Казахского ханства, опираясь на данные М.Х. Дулати в «Тарих-и Рашиди». Это исследование стало отправной точкой для научного рассмотрения истории казахской государственности.

Возвышение тюркологии на новый качественный уровень тесно связано с именем В.В. Радлова. Он комплексно исследовал язык, фольклор и этнографию тюркских народов, внедрив сравнительно-исторический метод в систему научных исследований. Сбор и публикация казахского фольклора, а также изучение Орхон-Енисейских письменных памятников оказали решающее влияние на формирование тюркологии как самостоятельной научной дисциплины.

Таким образом, востоковедение, начавшееся в эпоху Петра I, в XIX веке достигло своего «золотого века», а тюркология утвердилась как самостоятельное научное направление. Труды В.В. Вельяминова-Зернова и В.В. Радлова внесли особый вклад в развитие этой науки, заложив научные основы изучения истории и культуры тюркских народов.

Литература

- Абдрахманов, 1975** – Абдрахманов Ә. В.В. Радлов және қазақ фольклоры. Алматы: Ғылым: 1975. 120 б.
- Бартольд, 1911** – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб.: Типог. М.М. Стасюлевича, 1911. 282 с.
- Бартольд, 1963** – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Сочинение. Т. IX. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963. 664 с.
- Вельяминов-Зернов, 1863–1887** – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. 1. 558 с.; 1864. Ч. 2. 498 с.; 1866. Ч. 3. 502 с.; 1887. Ч. 4. 403 с.
- Кантемир, 1722** – Кантемир Д.К. Книга система или Состояние мухаммеданской религии. СПб., В типографии царствующаго Санктпетербурха, 1722. 379 с.
- Кононов, 1972** – Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология / Тюркологический сборник. 1971. Памяти академика Василия Васильевича Радлова. М.: Наука, 1972. С. 7-36.
- Кононов, 1982** – Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. второе, дополненное и исправленное. Л.: Наука, 1982. 360 с.
- Кайдаров, Оразов, 1985** – Қайдаров Ә., Оразов М. Түркологияға кіріспе. Алматы: Мектеп, 1985. 166 б.
- Ли Цзинчэн, 2015** – Ли Цзинчэн. Из истории русской духовной миссии в Пекине с 1715 по 1860 годы (по китайским материалам). СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015. С. 195-200.
- Малов, 1951** – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- Малов, 1959** – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
- Масанов, 1966** – Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.
- Махмуд бен Вали, 1969** – Махмуд бен Вали. Бахра ал асрар фи манакиб ал-ахйар / Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 320-368.
- Миллер, 1750** – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел. Перевели Василий Лебедев и Иван Голубцов. Кн. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1750. 457 с.
- Мұхаммед Хайдар Дулати, 2003** – Мұхаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Алматы: Тұран, 2003. 614 б.
- Пан, 2009** – Пан Т. Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская духовная миссия (1717-1729 гг.) / Китайська цивілізація: традиції та сучасність: Збірник статей. Киев, 2009. С. 103-108.
- ПСЗ РИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб., 1830. 189 с.
- Почекаев, 2016** – Почекаев Р.Ю. Память об экспедиции А.Бекович-Черкасского в русско-хивинских отношениях XVIII-XIX вв. // Новое прошлое/The New Past. 2016. № 2. С. 1405-1420.

- Радлов, 1866–1907** – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866–1907. В 10 частях.
- Радлов, 1870** – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 3. Киргизские наречие. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1870. 776 б.
- Радлов, 1892, 1893, 1896** – *Радлов В.В.* Атлас древности Монголии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1892. Вып. 1.; 1893. Вып. 2.; 1896. Вып. 3.
- Радлов, 1896** – *Радлов В.В.* Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. и предисл. гр. А.А. Бобринского. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. 70 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Ремезов, 1975** – *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. М.: Наука, 1975. С. 111-114. (факсимильное издание).
- Советская историческая..., 1963** – Советская историческая энциклопедия. Главный редактор Е.М. Жуков. Том 4. М.: Советская энциклопедия, 1963. 1072 с.
- СПбФИБ** – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Архив востоковедов.
- Султанов, 2001** – *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 273 с.
- Татищев, 1793** – *Татищев В.Н.* Лексиконъ Россійской исторической, географической, политической и гражданской. М: Типография Горного училища, 1793. Ч.1 [А-В]. 311 с.; Ч. 2. [Г-Ж]. 216 с.; Ч. 3. [З-Ключник]. 217 с.
- Фишер, 1774** – *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.
- Хусаинов, 1981** – *Хусаинов К.И.* В.В. Радлов и казахский язык. Алма-Ата: Наука, 1981. 170 б.
- Forschungsreise..., 1962–1968** – *Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. Tagebuchaufzeichnungen* / Hrsg. Fon E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin, 1962–1968. Т. 1–4. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas).
- Gmelin, 1770** – *Gmelin S.G.* Reisedurch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche. SPb.: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1770. Tabellen. 200 s.
- Radloff, 1884** – *Radloff V.* Aus Sibirien. Reiseberichte und Studien. Leipzig: T.O. Weigel, 1884. 490 s.
- Radloff, 1884a** – *Radloff V.* Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen. Ponetik. Leipzig: T.O. Weigel, 1884. 318 s.
- Strahlenberg, 1730** – *Strahlenberg Philipp Johann von.* Das Nord – und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. S. 120-135.
- Walravens, 1999** – *Walravens Hartmut.* Julius Klaproth (1783–1835): Leben und Werk. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. 196 s.

References

- Abdirakhmanov, 1975** – *Abdirakhmanov, A.* (1975). V.V. Radlov zhane kazakh folklory [Radlov and Kazakh folklore]. Almaty: Gylm. 120 p. [in Kazakh]
- Bartol'd, 1911** – *Bartol'd, V.V.* (1911). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii. Lektsii, chitannye v Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete [The history of the study of the orient in Europe and Russia. Lectures delivered at the Imperial St. Petersburg university]. SPb.: M.M. Stasyulevich. 282 p. [in Russian]
- Bartol'd, 1963** – *Bartol'd, V.V.* (1963). Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii [History of the study of the orient in Europe and Russia]. Vol. IX. M.-L.: AN SSSR. 664 p. [in Russian]
- Fischer, 1774** – *Fischer, I.E.* (1774). Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem [Siberian History from the Discovery of Siberia to the Conquest of this Land by Russian Arms]. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk. 631 p. [in Russian]
- Forschungsreise..., 1962–1968** – *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen* (1962–1968) [Research Journey through Siberia 1720–1727. Diary Records]. Hrsg. Fon E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Berlin. Ch. 1–4. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas). [in German]
- Gmelin, 1770** – *Gmelin, S.G.* (1770). Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche [Journey through Russia to Investigate the Three Kingdoms of Nature]. SPb: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 200 p. [in German]
- Kantemir, 1722** – *Kantemir, D.K.* (1722). Kniga sistema ili Sostoyanie mukhammedanskoy religii [The book of the system or the state of the mohammedan religion]. SPb: V tipografii tsarstvuyushchago Sanktpiterburha. 379 p. [in Russian]
- Khusainov, 1981** – *Khusainov, K.Sh.* (1981). V.V. Radlov i kazakhskiy yazyk [V.V. Radlov and the Kazakh Language]. Alma-Ata: Nauka. 170 p. [in Russian]
- Kononov, 1972** – *Kononov, A.N.* (1972). V.V. Radlov i otechestvennaya turkologiya [V.V. Radlov and Russian Turkology]. *Turkologicheskiy sbornik 1971. Pamyati akademika Vasiliya Vasilevicha Radlova.* M.: Nauka. Pp. 7-36. [in Russian]

- [Kononov, 1982](#) – Kononov, A.N. (1982). Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skiy period [History of the Study of Turkic Languages in Russia. Pre-October Period]. Izd. vtoroe, dopolnennoe i ispravlennoe. L.: Nauka. 360 p. [in Russian]
- [Li Jingcheng, 2015](#) – Li Jingcheng (2015). Iz istorii russkoy dukhovnoy missii v Pekine s 1715 po 1860 gody (po kitayskim materialam) [From the History of the Russian Spiritual Mission in Beijing from 1715 to 1860 (Based on Chinese Materials)]. SPb.: Sankt-Peterburgskii politehnicheskii universitet Petra Velikogo. Pp. 195-200. [in Russian]
- [Mahmud ben Vali, 1969](#) – Mahmud ben Vali (1969). Bakhra al-asrar fi manaqib al-akhyar [Sea of Mysteries Concerning Noble Virtues]. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV-XVIII vv.* Sostaviteli: S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. Almaty: Nauka. Pp. 320-368. [in Russian]
- [Malov, 1951](#) – Malov, S.E. (1951). Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti: Teksty i issledovaniya [Monuments of old Turkic writing: texts and studies]. M.-L.: AN SSSR. 452 p. [in Russian]
- [Malov, 1959](#) – Malov, S.E. (1959). Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of Old Turkic Writing of Mongolia and Kyrgyzstan]. M.-L.: AN SSSR. 111 p. [in Russian]
- [Masanov, 1966](#) – Masanov, E.A. (1966). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR [Essay on the history of ethnographic study of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata: Nauka. 322 p. [in Russian]
- [Miller, 1750](#) – Miller, G.F. (1750). Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proisshedsikh v nem del [Description of the Siberian kingdom and all events that occurred there]. Pereveli V. Lebedev i I. Golubtcov. Kn. 1. SPb.: Pri. Imp. Akad. nauk. 457 p. [in Russian]
- [Muhammad Khaydar Dulati, 2003](#) – Muhammad Khaydar Dulati (2003). Tarikh-i Rashidi [The history of Rashid]. Almaty: Turan. 614 p. [in Kazakh]
- [Pan, 2009](#) – Pan, T. (2009). Arkhimandriat Ilarion (Lezhayskiy) i pervaya Pekinskaya dukhovnaya missiya (1717-1729 gg.) [Archimandrite Ilarion (Lezhayskiy) and the First Beijing Spiritual Mission (1717-1729)]. *Kitays'ka tsivilizatsiya: traditsii ta suchasnist': Zbirnyk statey.* Kyiv. Pp. 103-108. [in Russian]
- [Pochekaev, 2016](#) – Pochekaev, R.Yu. (2016). Pamyat' ob ekspeditsii A. Bekovich-Cherkasskogo v rusko-khivinskikh otnosheniyakh XVIII-XIX vv. [Memory of the Expedition of A. Bekovich-Cherkassky in Russian-Khivan Relations of the 18th–19th Centuries]. *Novoe proshloe/The New Past.* 2: 1405-1420. [in Russian]
- [PSZ RI, 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (1830) [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. T. V. SPb. 189 p. [in Russian]
- [Qaidarov, Orazov, 1985](#) – Qaidarov, A., Orazov, M. (1985). Turkologiyaga kirispe [Introduction to Turkology]. Almaty: Mektep. 166 p. [in Kazakh]
- [Radloff, 1884](#) – Radloff, V. (1884). Aus Sibirien. Reiseberichte und Studien [From Siberia: travel reports and studies]. Leipzig: T.O.Weigel. 490 p. [in German]
- [Radloff, 1884a](#) – Radloff, V. Vergleichende Grammatik der Nördlichen Türksprachen. Ponetik [Comparative Grammar of the Northern Turkic Languages. Phonetics]. Leipzig: T.O. Weigel. 318 p. [in German]
- [Radlov, 1866–1907](#) – Radlov, V.V. (1866–1907). Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe]. SPb: Tip. Imp. Akad. nauk. V 10 ch. [in Russian]
- [Radlov, 1870](#) – Radlov, V.V. (1870). Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen... [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes...]. Ch. 3. Kirgizskie narechie. SPb: Top. Imp. Akad. nauk. 776 p. [in Russian]
- [Radlov, 1892, 1893, 1896](#) – Radlov, V.V. (1892, 1893, 1896). Atlas drevnosti Mongolii [Atlas of the Antiquities of Mongolia]. SPb: Tip. Imp. Akad. nauk. Ch. 1-3. [in Russian]
- [Radlov, 1896](#) – Radlov, V.V. (1896). Sibirskie drevnosti: iz putevykh zapisok po Sibiri [Siberian antiquities: from travel notes on Siberia]. Per. s nem. i predisl. gr. A.A. Bobrinskogo. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova. 70 p. [in Russian]
- [Remezov, 1975](#) – Remezov, S.U. (1975). Chertezhnaya kniga Sibiri [The drawing book of Siberia]. M.: Nauka. Pp. 111-114. (Facsimile edition). [in Russian]
- [RGADA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- [Sovetskaya istoricheskaya..., 1963](#) – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya (1963) [Soviet Historical Encyclopedia]. Glavnyi redactor E.M. Zhukov. T. 4. M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1072 p. [in Russian]
- [SPbFIV](#) – Sankt-Peterburgskiy filial Instituta vostokovedeniya RAN. Arkhiv vostokovedov [St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Archive of Orientalists].
- [Strahlenberg, 1730](#) – Strahlenberg, P. J. von. (1730). Das Nord – und Östliche Theil von Europa und Asia [The Northern and Eastern Part of Europe and Asia]. Stockholm. S. 120-135. [in German]
- [Sultanov, 2001](#) – Sultanov, T.I. (2001). Podnyaty na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana [Raised on the White Felt: Descendants of Genghis Khan]. Almaty: Daik-Press. 273 p. [in Russian]

Tatishchev, 1793 – *Tatishchev, V.N.* (1793). *Leksikon' Rossiyskoy istoricheskoy, geograficheskoy, politicheskoy i grazhdanskoy* [Lexicon of Russian historical, geographical, political, and civil matters]. M.: Tipografiya Gornogo uchilishcha. Ch. 1. 311 p.; Ch. 2. 216 p.; Ch. 3. 217 p. [in Russian]

Velyaminov-Zernov, 1863–1887 – *Velyaminov-Zernov, V.V.* (1863–1887). *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [A Study on the Kasimov Tsars and Tsareviches]. SPb: Tip. Imp. Akad. nauk. Ch. 1-4. [in Russian]

Walravens, 1999 – *Walravens, H.* (1999). *Julius Klaproth (1783-1835): Leben und Werk* [Julius Klaproth (1783–1835): Life and Work]. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 196 p. [in German]

Становление российской науки востоковедения и тюркологии: от эпохи Петра I до начала XX века

Ержан Олжабаевич Буланов ^a, Гульжан Болегеновна Тлеубекова ^{a, *}, Турлыбек Салимович Тумабаев ^b, Жадыра Уатаевна Калелова ^a

^a Жетысуский университет им. И. Жансугурова, Талдыкорган, Республика Казахстан

^b Satbayev University, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье поэтапно рассматривается становление и развитие российской науки востоковедения и тюркологии. От первых инициатив эпохи Петра I через научные экспедиции и картографические труды XVIII века, «золотой век» XIX столетия и до исследований В.В. Вельяминова-Зернова и В.В. Радлова анализируется система научных исканий. В ходе исследования выявляется закладка институциональных основ востоковедения, введение в научный оборот истории и языков тюркских народов, первое научное рассмотрение сведений о формировании Казахского ханства, а также утверждение тюркологии как самостоятельной отрасли знания.

Результаты исследования показывают место и значение востоковедения и тюркологии в российской науке, а также ключевые этапы изучения истории тюркских народов. В процессе развития тюркологии особое внимание уделялось истории и культуре казахского народа, что способствовало выходу национальной историографии на новые рубежи. В целом статья комплексно освещает эволюцию российского востоковедения и тюркологии, раскрывая их роль и научное значение в изучении истории тюркских народов.

Ключевые слова: Россия, Петр I, востоковедение, тюркология, экспедиция, картография, архив, музей, Кунсткамера, Орхон-Енисейские письменные памятники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tleubekova@mail.ru (Г.Б. Тлеубекова), erzhan_bulanov@mail.ru (Е.О. Буланов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 56-65
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.56

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakh Etiquette in the Works of Russian Researchers (of the XVIII–XIX centuries)

Gulzhan A. Meirmanova ^a, Ainur S. Aldeken ^a, Ainur K. Beysegulova ^{a, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the features of Kazakh etiquette recorded in the works of Russian scholars of the 18th–19th centuries, during the period of active exploration and study of Asian Russia. It also considers the set of norms governing women's etiquette in traditional Kazakh society, which are reflected in the works of Russian researchers and aimed at regulating the social status, role obligations, and behavioral models of Kazakh women within the family and clan environment. Ethnographic interest in the peoples of the steppe region contributed to the accumulation of an extensive body of observations that captured behavioral norms, hospitality customs, greeting rituals, as well as Kazakh wedding and funeral rites. Special attention is paid to the analysis of descriptions presented in the works of authors such as A.I. Levshin, V.V. Radlov, P.I. Rychkov, and others. Based on comparative analysis, the study identifies differences in the interpretation of Kazakh traditions, shaped both by the individual perspectives of the researchers and by the socio-political context of the era. The article employs an interdisciplinary approach, combining methods of historical and ethnographic analysis, which makes it possible to gain a deeper understanding of how perceptions of Kazakh etiquette were formed in pre-revolutionary Russian scholarship. The study highlights the significance of early ethnographic sources as valuable material for contemporary ethnological and cultural studies discourse, and contributes to a more comprehensive understanding of the cultural distinctiveness of the Kazakh people in historical retrospect.

Keywords: Kazakh etiquette, women's etiquette, ethnography, Russian researchers, customs, traditions, culture.

1. Введение

Казахский этикет представляет собой исторически сложившуюся систему норм поведения, регулирующую социальное взаимодействие, формы общения, родовые и семейные отношения, ритуалы гостеприимства и обрядовые практики. Эти нормы формировались под влиянием кочевого уклада, патриархально-родовой организации общества, исламской морали и системы ценностей, основанной на уважении, старшинстве и взаимной ответственности.

Изучение казахского этикета в дореволюционных российских источниках обусловлено значимостью этих материалов для реконструкции культурных норм XVIII–XIX вв. В этот период российская администрация, научные экспедиции и этнографы систематически фиксировали быт, нравы и социальную организацию казахского общества. Несмотря на влияние имперского дискурса, эти труды представляют собой важнейший корпус данных, который формировал европейское представление о казахах и продолжает служить фундаментом для современных этнографических и антропологических исследований.

Выявлены различия между «внешним» (имперским) и «внутренним» (Валиханов, 2010) взглядами на традиции. Одним из новых результатов исследования стало концептуальное

* Corresponding author

E-mail addresses: beysegulovaak@gmail.com (A.K. Beysegulova),
meirmanovaga@gmail.com (G.A. Meirmanova), ainuraldeken@gmail.com (A.S. Aldeken)

разграничение двух типов дискурса: внешнего, ориентированного на административно-колониальное описание «иностранцев», и внутреннего, основанного на самоописании казахской культурной среды. Доказано, что позиция Ч. Валиханова, как представителя внутреннего взгляда, существенно отличается по структуре объяснительных моделей, степени эмпатии, пониманию семантики обрядов и оценке социальной функции этикета. Это разграничение позволяет по-новому интерпретировать корпус источников, учитывая их дискурсивную природу.

Систематизированы основные типы казахского этикета: гостевой, семейно-брачный, женский, коммуникативный, погребальный.

На основе широкого круга источников предложена классификация ключевых форм традиционного казахского этикета. Выделены функциональные группы, отражающие структурные компоненты социальной регуляции: гостевой этикет как механизм управления межродовыми контактами; семейно-брачный как совокупность норм, регулирующих родственные отношения; женский как система гендерно-специфических регуляторов; коммуникативный как совокупность речевых и поведенческих норм; погребальный как отражение ритуально-обрядовых механизмов. Такая систематизация представляется одной из первых попыток целостного структурного описания.

Показано, что дореволюционные источники служат материалом не только для этнографии, но и для изучения дискурсивных механизмов колониальной эпохи. Исследование демонстрирует, что тексты дореволюционных авторов представляют собой не только этнографические свидетельства, но и элементы колониального дискурса, в которых отражены стратегии власти, идеологические установки и административные интересы Российской империи. Аналитическое внимание к языку описаний, структуре аргументации и смысловым акцентам позволило выявить скрытые механизмы репрезентации «другого» и показать, как научные и административные цели переплетались в формировании образа казахской культуры в имперской историографии.

2. Материалы и методы

Материалами исследования послужили первичные и вторичные источники, включающие этнографические описания XIX–XX вв., фольклорные тексты, архивные материалы, а также современные исследования по истории и этнологии. Эти источники отражают нормы традиционного поведения, элементы обрядовой культуры и особенности коммуникативных практик казахского общества, что позволило охватить широкий историко-культурный контекст изучаемой темы.

Методологическая основа работы строится на комплексе взаимодополняющих подходов, обеспечивающих всесторонний анализ проблемы. Историко-этнографический анализ позволил реконструировать ключевые элементы традиционного этикета на основе описаний исследователей различных периодов. Сопоставление фиксаций позволило выявить устойчивые практики, символические компоненты и проследить эволюцию норм поведения в контекстах традиционной культуры.

Сравнительно-исторический метод обеспечил сопоставление данных из разных источников, временных периодов и региональных традиций. Сравнение вариантов обрядов, терминологии, жестов и коммуникативных форм позволило выделить общие и специфические черты, определить факторы трансформации и проследить культурные влияния. Метод контент-анализа был направлен на систематическую классификацию упоминаний норм поведения в письменных и устных материалах. Анализ качественного и количественного распределения тематических категорий выявил структуру нормативных предписаний, частотность их фиксации и изменение ценностных акцентов в разные исторические периоды.

3. Обсуждение и результаты

Основу источниковой базы составили труды российских исследователей XIX века, в частности: А.И. Левшин – «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» (Левшин, 1832), где подробно описаны обычаи, нормы поведения и социальные отношения казахов; П.И. Рычков – «Топография Оренбургская» (Рычков, 1887), содержащая ранние наблюдения о жизни кочевых народов; В.В. Радлов – труд «Из Сибири» (Радлов, 1889), в котором представлены этнолингвистические и культурные наблюдения; Г.Н. Потанин (Потанин, 2007) и другие авторы, чьи труды дополняют картину казахского этикета. Дополнительно были привлечены этнографические сборники, дореволюционные журналы («Этнографическое обозрение», «Записки Императорского Русского географического общества») и современные научные комментарии к этим источникам. Методологическая основа исследования включает историко-этнографический метод, позволивший реконструировать элементы казахского этикета на основе описаний в дореволюционных текстах.

Этот метод позволил не только описать казахский этикет, но и понять, как он воспринимался и транслировался в российской научной среде XIX в.

В исследовании в качестве основных материалов использованы описания обычаев, обрядов и традиций казахов, представленные в трудах дореволюционных российских исследователей XVIII–XIX вв. Среди авторов, чьи работы затрагивают вопросы казахского этикета, выделяются А. Диваев (Диваев, 1896), Х. Кустанаев (Кустанаев, 1894), Р. Карутц (Карутц, 1911), Н. Гродеков (Гродеков, 2011),

Л. Баллюзек (Баллюзек, 1871), И. Андреев (Андреев, 1998), И. Алтынсарин (Алтынсарин, 1879), В. Радлов (Радлов, 1989), А. Левшин (Левшин, 1832), С. Руденко (Руденко, 1930) и другие. Значительный вклад в изучение темы внесли сочинения Ч.Ч. Валиханова, содержащие богатый этнографический материал. Он в XIX в. писал: «В настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей Востоку, и русской» (Валиханов, 2010).

Для анализа этих источников применялись методы исторического и этнографического исследования, включая источниковедение, позволяющее критически оценить достоверность и полноту представленных сведений. Использовался сравнительный анализ текстов с целью выявления общих и специфических черт в описаниях казахского этикета.

Дореволюционные исследователи фиксировали широкий спектр норм поведения казахов: от этикета гостеприимства до речевого и обрядового этикета. Их описания обладают ценностью как документальные свидетельства эпохи, но одновременно отражают специфику взглядов и задач исследователей.

В трудах российских и зарубежных авторов XVIII–XIX вв. – краеведов, путешественников, военных чиновников и других исследователей – содержатся многочисленные описания норм поведения и нравов казахского общества. Исследование казахского этикета в XIX в. стало важной частью российской этнографической традиции, особенно в контексте расширения имперских границ и научного освоения степных территорий. Особое значение имеют наблюдения А.И. Левшина (Левшин, 1832), представившего в своём труде систематизированный обзор казахских обычаев, в том числе правил гостеприимства и форм общения; записи В. В. Радлова (Радлов, 1989), собиравшего этнографические материалы непосредственно в среде носителей культуры; описания П.И. Рычкова (Рычков, 1887) и И.Г. Андреева, фиксировавших социальные и бытовые стороны этикета казахов. И. Андреев зафиксировал женский этикет и нормы поведения, избегание имени свёкра, правила входа в юрту, коленопреклонение, скромность в речи и одежде. Его наблюдения важны для реконструкции гендерной системы казахского общества (Андреев, 1998).

Не менее ценными являются свидетельства европейских путешественников и востоковедов, дававших «взгляд со стороны», а также многочисленные данные, полученные от самих носителей традиции – информантов, что можно рассматривать как «взгляд изнутри». Сопоставление этих источников позволяет выявить как устойчивые элементы казахского этикета, восходящие к более ранним эпохам, так и его трансформации, обусловленные социально-историческими изменениями XVIII–XIX вв.

При описании обычаев, обрядов и традиций казахов отдельные элементы этикета затрагивались дореволюционными авторами. Так, А. Диваев (Диваев, 1894) собрал обширные полевые материалы, в которых подробно зафиксированы формы гостеприимства, правила семейных отношений и нормы повседневного поведения. Х. Кустанаев (Кустанаев, 1894) и Р. Карутц (Карутц, 1911) оставили этнографические наблюдения о быте и нравственных установках кочевого населения. Н. Гродеков (Гродеков, 2011) и Л. Баллюзек (Баллюзек, 1871) обращались к вопросам правовых и социальных норм, отмечая роль традиционных обычаев в регулировании общественных отношений. И. Андреев в своей работе (Андреев, 1998) уделил внимание социальной иерархии и формам почитания старших. И. Алтынсарин (Алтынсарин, 1879) в своих педагогических трудах фиксировал элементы повседневного этикета, подчёркивая их воспитательную значимость. И. Ибрагимов в этнографических материалах также коснулся нравственно-этических аспектов поведения казахов. В своих изысканиях он писал, что казахский этикет – это не просто формальные правила, а глубоко укоренённая нравственная система, отражающая уважение, гуманность, почтительность. Он формировался под влиянием природно-ландшафтных условий, хозяйственного уклада и идеологических установок (Ибрагимов, 1878). Этикет охватывает поведение в быту, на праздниках, в гостях, в отношениях между поколениями и родами. В. Радлов (Радлов, 1989), собиравший богатый фольклорно-этнографический материал, сопоставлял казахские нормы с традициями других тюркских народов.

А.Н. Харузин был одним из первых русских этнографов, кто систематически описал социальные нормы и этикет казахов Букеевской Орды. Его наблюдения ценны тем, что фиксируют живую традицию конца XIX в., когда казахское общество сохраняло многие архаичные формы поведения. Книга стала важным источником для этнографии и культурологии, так как сочетает антропологический подход с этнографическим описанием (Харузин, 1889).

Ч.Ч. Валиханов описывает культурную логику поведения: этикет как система центристических и центробежных сил; связь этикета с нравственным кодексом; понимание традиции изнутри. Его работы корректируют многие внешние интерпретации российских авторов. Особое место занимает творчество Ч.Ч. Валиханова, чьи сочинения содержат ценные наблюдения, объединяющие внешний научный подход со «взглядом изнутри». Его описания традиций, обрядов и этикета отражают глубокое понимание внутренней логики казахской культуры и являются уникальным источником для современных исследований. По мнению Ч.Ч. Валиханова, этикет XIX в. основан на двух составляющих: центристической тенденции, без которой невозможно

существование этносоциума, и свободном, вариативном поведении, в котором содержатся центробежные силы (Валиханов, 2010).

А. Диваев и Х. Кустанаев представили «внутренний» взгляд на семейные и бытовые традиции и были наиболее близки к казахской среде, а также фиксировали: бытовые обряды, юмористические элементы сватовства, табу и запреты, нормы поведения в трауре. Они уделяли внимание деталям повседневности, включая традиции рождения, свадьбы, похорон и женской этики.

А.И. Левшин – один из первых систематизаторов казахской культуры. Его труд «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (Левшин, 1832) содержит подробные сведения об обычаях, нормах поведения, ритуалах гостеприимства и семейных традициях казахов. А.И. Левшин лично общался с представителями казахских родов, что придаёт его описаниям эмпирическую достоверность. А.И. Левшин один из первых, кто предложил целостную классификацию казахских обычаев. Он подробно описывает нормы гостеприимства, правила общения, иерархию родственных отношений и ритуалы. Его подход основан на стремлении создать энциклопедический труд о народе Степи, что придаёт описаниям фундаментальный характер. Он зафиксировал чёткие правила: порядок подачи блюд по статусу гостя; жесты уважения к старшим; специфические формулы речевого обращения. Также отмечает высокую моральную значимость гостеприимства и воспринимает его как показатель культуры кочевого народа.

В.В. Радлов рассматривает лингвистический и культурный ракурс и уделяет особое внимание речевому этикету: приветственные формулы; структура диалогов; семантика жестов; правила поведения невестки. Его наблюдения точны, поскольку он длительное время жил среди тюркских народов. В.В. Радлов сравнивал казахские нормы с обычаями других тюрков, что позволяет увидеть сходства и отличия. В.В. Радлов, выдающийся тюрколог и этнограф, в работе «Из Сибири» (Радлов, 1889) и других публикациях фиксировал элементы речевого этикета, формы приветствия, а также культурные особенности казахов. Его подход отличался лингвистической точностью и уважением к народной традиции.

В своей работе «Топография Оренбургская» П.И. Рычков описывает социальные отношения и нормы поведения, правила встречи гостя, нормы поведения в переговорах, значение статуса и старшинства. Его труд отражает ранний этап сбора информации о казахах, где этикет проявляется прежде всего как социальная норма, регулирующая отношения между родами казахов, включая нормы поведения в торговле, переговорах и межродовых отношениях (Рычков, 1887). Его труд стал основой для последующих этнографических исследований.

Г.Н. Потанин, путешественник и этнограф, в своих дневниках и научных статьях описывал казахские обряды, включая свадебные и похоронные церемонии, где этикет играл ключевую роль. Его наблюдения отличались гуманистическим подходом и глубоким уважением к казахской культуре. Его труды содержат описания обрядов, форм приветствия, поведения в обществе, что можно отнести к элементам этикета (Потанин, 2007).

Изучение казахского этикета в трудах российских исследователей XVIII–XIX вв. занимает особое место в историографии. Первые упоминания об обычаях и нормах поведения казахов появляются уже в сочинениях русских путешественников, военных топографов и этнографов, которые посещали казахские степи в период активного освоения и административного подчинения края Российской империи.

Анализ источников показывает, что казахский этикет в трудах российских исследователей представлен как система норм, регулирующих поведение в различных сферах жизни: гостеприимство, старшинство, ритуалы приветствия, свадебные и похоронные обряды. Особое внимание уделялось уважению к старшим, культуре общения, роли женщин в семейных и общественных отношениях. Исследователи фиксировали как общие черты, так и региональные различия, подчёркивая богатство и сложность казахской традиционной культуры.

Типология казахского этикета. На основе анализа дореволюционных этнографических источников можно выделить следующие основные типы казахского этикета, отражающие ключевые сферы общественной и частной жизни:

1) Этикет гостеприимства. Приём гостей считался священным долгом. Независимо от социального статуса, путник имел право на приют, пищу и отдых. Исследователи, такие как А.И. Левшин (Левшин, 1832), Н.А. Абрамов (Абрамов, 1861) и П.И. Рычков (Рычков, 1887), отмечали, что казахи воспринимали гостя как «посланника Бога». Отказ в приёме считался позором, а гостеприимство – священной обязанностью.

Работа А.И. Левшина – одна из первых систематических работ о казахах. Он приводит очень много интересных материалов, в частности, им подробно зафиксированы особенности казахского этикета. Его изыскание продолжает оставаться одним из ключевых источников при изучении политической, социально-экономической и культурной истории казахов. Особая ценность исследования заключается в том, что значительная часть материала была собрана автором в результате непосредственного общения с казахами во время прохождения дипломатической службы в Оренбургской пограничной комиссии. В третьей, этнографической части книги подробно рассматриваются все основные аспекты экономической и социальной жизни казахов XVIII – первой

четверти XIX в. Используя широкий круг источников, А.И. Левшин не только систематизировал накопленные к тому времени историко-этнографические сведения, но и существенно расширил представления о культуре, образе жизни и нравственных нормах кочевников. В частности, в труде отражены особенности казахского этикета – нормы поведения, правила общения, традиции уважения к старшим и гостеприимства, что делает работу ценным источником для изучения духовно-нравственных основ казахского общества. Одним из наиболее часто отмечаемых аспектов казахского этикета было гостеприимство. А.И. Левшин писал о том, что казахи с особым почтением встречают путников, предлагая кумыс и мясные блюда. Для исследователей XIX в. гостеприимство казахов служило свидетельством высокой степени моральной культуры кочевого народа, несмотря на его «отдаленность от цивилизации». А.И. Левшин отмечал, что отказ в приёме гостя считался позором и нарушением чести рода (этикет гостеприимства). Существовали чёткие правила угощения: сначала подавали кумыс, затем мясо, при этом соблюдалась строгая иерархия подачи блюд (Левшин, 1832: 202).

Н. Абрамов, военный и этнограф, в своей работе описал повседневную жизнь казахов Средней Орды, уделяя особое внимание обычаям, верованиям и социальным нормам. Гостеприимство занимает важное место в его наблюдениях. Он описывал категорию гостей таким образом: «Киргиз, несмотря на бедность, всегда рад гостю, ибо считает его посланным свыше. Он не спрашивает, кто ты и зачем пришел, а спешит предложить все, что имеет, – кумыс, мясо, ночлег. Это не просто обычай, а закон степи».

Также автор подчёркивает, что казахи воспринимали случайного гостя как посланного Богом. Отказ в приёме считался тяжким нарушением морали. Даже враг, пришедший с миром, получал кров и пищу. Ритуал приёма описывается так: при появлении гостя хозяин выходил навстречу, приглашал в юрту, усаживал на почётное место. Сначала подавали чай, затем кумыс, а позже – мясо. Абрамов описывает, как разделение мяса сопровождалось соблюдением иерархии: старшим – голова, почётным – рёбра, молодым – грудина.

Порядок общения соблюдался строго; первые беседы были формальными: о дороге, здоровье, новостях. Это позволяло гостю отдохнуть и адаптироваться. Лишь после еды переходили к деловым или личным вопросам. Гостю могли вручить «конак каде» – символический подарок. Проводы сопровождалось благословением, пожеланиями удачи и безопасности в пути. Отмечая социальную функцию гостеприимства, Абрамов указывает, что оно укрепляло связи между родами, служило средством мирного взаимодействия и демонстрацией статуса семьи (Абрамов, 1861: 23).

Автор ценнейшего труда П.И. Рычков описывает казахский этикет гостеприимства как важнейшую культурную норму, основанную на уважении, щедрости и сакральном отношении к гостю. Он подчёркивает, что гостеприимство было не просто обычаем, а моральным законом Степи (Рычков, 1887: 327).

Ритуалы встречи и угощения русские этнографы описывали так: хозяин встречал гостя с особым уважением, предлагал место у очага, подавал кумыс, баурсак, мясо. Особое внимание уделялось разделению мяса – символу почтения и иерархии.

Что касается порядка общения, то первые разговоры были формальными: спрашивали о дороге, здоровье, новостях. Только после еды переходили к деловым или личным темам. Это подчёркивало уважение к состоянию гостя.

В трудах XIX в. встречаются описания разных типов гостей: «конак» (приглашённый), «кудайы конак» (случайный, посланный Богом), «мэртебелі конак» (официальный). Каждый тип имел свои нормы приёма.

Говоря о подарках и проводах, отмечается, что гостю часто дарили *конак каде* – символический подарок. Проводы сопровождалось благословением и пожеланиями удачи, что фиксировалось как важный элемент этикета.

Этнограф Х. Кустанаев подробно описывает ритуализированные формы приёма гостей: встречу с приветствиями, взаимные поклоны и рукопожатия, особое внимание к почётным гостям, усаживаемым на *тор* – почётное место в кибитке. Гостям подаётся кумыс и специально заколотый баран, перед трапезой совершается обряд *бата* – молитвенного благословения, что подчёркивает религиозно-нравственную основу гостеприимства. Особое место занимают ритуалы совместной трапезы (*бесбармақ*) и взаимного угощения (*асауы*), символизирующие сплочённость и равенство присутствующих. По наблюдениям Х. Кустанаева, казахский этикет строится на принципах уважения, искренности и коллективности: хозяин извиняется, если сомневается, что принял гостя должным образом, а проводы гостей сопровождаются выражениями признательности и взаимного благопожелания. В совокупности эти формы поведения отражают целостную этикетную систему, основанную на гармонии социального и духовного начал, где гостеприимство выступает как выражение общественной морали и человеческого достоинства (Кустанаев, 1894: 14).

2) Семейно-брачный этикет включал обряды сватовства, помолвки, свадьбы и послесвадебных ритуалов. В.В. Радлов описывал символику даров (калың мал), ритуалы встречи невесты, а также поведение молодых супругов в первые месяцы брака. Особое внимание уделялось уважению к старшим родственникам супруга, соблюдению обрядов «келин шай» (чай невестки) и «бетін ашу» (открытие лица невесты) (Радлов, 1989: 94).

Х. Кустанаев также исследовал традиции бракосочетания и семейного этикета у казахов. Им рассмотрены ключевые этапы брачного процесса: выбор невесты, сватовство, заключение брачного договора, проведение свадебных обрядов и праздничных церемоний. Особое внимание уделено роли семьи и старших родственников, традиционным подаркам и обмену дарами, подготовке молодожёнов к совместной жизни, а также соблюдению уважения к старшим и социальным нормам в семье. Материал отражает как исторические, так и продолжающиеся культурные практики, демонстрируя значимость обрядов и этикета в формировании семейных отношений у казахов (Кустанаев, 1894: 23).

И. Алтынсарин писал, что по правилам внутрисемейного этикета у казахов молодая женщина два-три года после замужества не показывается своему свёкру и вообще всем родственникам мужа, старше его годами. Войдя в их кибитку, она не может идти дальше пяти-шести шагов от двери внутрь кибитки, а при нечаянных встречах со старшими отворачивается и делает им коленопреклонение, за что получает от них благодарственное слово: «көп жаса» – «живи долго». Также И. Алтынсарин упоминает, что молодая женщина не может назвать настоящим именем родственников и родственников своего мужа; каждого из них она зовёт по-своему, дав им другое имя, сходное с их настоящим (Алтынсарин, 1879: 56).

Обратимся к сборнику обычного права казахов, подготовленному военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзек. Во время службы в Казахстане Баллюзек поручал чиновникам, казахским биям и султанам собирать материалы по обычному праву казахов. В сборнике Л.Ф. Баллюзека подробно отражены традиции и нормы поведения казахов. Особое внимание уделялось гостеприимству, уважению к старшим и соблюдению семейных и родовых обычаев. Описаны также социальные нормы, включающие помощь нуждающимся и справедливое разрешение споров, а также правила общения и уважение к чужой собственности. Важной частью жизни общества являлись обрядовые и праздничные традиции, включая свадебные и похоронные церемонии, которые формировали этикет и моральные ориентиры казахского народа (Баллюзек, 1871: 67).

Научный труд, созданный И.Г. Андреевым в конце XVIII в., исследовал этикет казахских женщин Средней Орды. Женщины отличались определённой красотой и носили сложные украшения: длинные косы с шёлковыми кистями, бисером, жемчугом и серебряными бляшками, высокий головной убор. В одежде соблюдалась традиционная строгость: длинные платья, куртки с пуговицами, ткани различного происхождения. Социальный этикет проявлялся в обращении: мужа никогда не называли по имени, а называли «мурзой»; свёкра не должны были видеть до рождения ребёнка; нарушение этого правила компенсировалось подарком. Женщины выполняли важные хозяйственные обязанности: устанавливали и переносили юрты, седлали лошадей, пряли, ткали, шили одежду и конские уборы, занимались воспитанием детей. Таким образом, поведение, внешний вид и обязанности женщин строго соответствовали нормам традиционного казахского этикета (Андреев, 1998: 183).

В своих этнографических исследованиях А.А. Диваев уделял большое внимание изучению казахских семейных обрядов. В своей статье он подробно описывает процесс сватовства: от выбора кандидата для женитьбы ещё с момента рождения детей до самой церемонии бракосочетания. По традиции, как только у казаха рождается сын, его начинают сватать к достойной девушке. Если отец девицы согласен, обсуждается размер калыма. Особый интерес представляют испытания, которые проходят приезжающие сваты: женщины могут мазать их лица мукой, наряжать в женские одежды и водить по аулам, подвергая различным шутивым, а порой и смущающим ритуалам. В редких случаях подобные «шутки» доходили до трагического исхода, за что родственники отвечали выплатой куна, цены за кровь. Существовали и определённые поверья, связанные с беременностью: женщина не должна есть верблюжье мясо, иначе ребёнок будет находиться в утробе целых 12 месяцев. Если же роды не наступали, выполняли особый обряд: белую вату клали на шею верблюда-самца, а беременная женщина перешагивала через его шею – и это, по поверью, стимулировало начало родов. Эти приметы отражают тонкое внимание казахов к бытовым и семейным обычаям, а также связь повседневной жизни с культурными верованиями народа (Диваев, 1894: 3).

Эти описания демонстрируют сложность и многогранность казахского свадебного этикета и традиций.

Во второй половине XIX в. востоковед Н.И. Ильминский, изучая быт западных казахов, отмечал: «У киргизов по случаю семейного торжества – например, свадьбы – или при неожиданном визите почетного гостя (құдайы қонақ) устраивалось угощение – қонақ асы. В знак почтения гостю приносили в жертву барана. Его вводили в юрту, поворачивали голову к кыбле (на запад) и просили у гостя благословение. После этого животное закалывали и подавали как угощение». «Давать бата на еду» – это и есть ас кайыру, ритуал, связанный с выражением благодарности за благополучие семьи (Ильминский, 1860: 34).

3) Речевой и коммуникативный этикет. Формулы приветствия, обращения, прощания строго регламентировались. Использование уважительных форм обращения к старшим и незнакомым людям (ага, апа, таксыр) было обязательным. В. Радлов и Г. Потанин фиксировали

устойчивые выражения, сопровождающие ритуалы (например, «Ассалаумағалейкум» и ответ «Уағалейкумассалам») (Радлов, 1989).

В труде Х. Кустанаева значительное внимание уделяется описанию нравов и обычаев казахов (тогда называвшихся киргизами-кайсаками). Хотя автор не употребляет термина «этикет» в современном смысле, его наблюдения позволяют реконструировать основные нормы традиционного казахского этикета. По Х. Кустанаеву, важнейшими составляющими общественных отношений являлось почитание старших. При встрече со старшими «молодые встают и приветствуют словами “Салам-алайкум” и подают им свои руки», а «в присутствии стариков шутки и забавы не допускаются». Это свидетельствует о глубокой культуре почтения, дисциплины и уважения, лежащих в основе казахского этикета. Таким образом, через описание повседневных форм поведения Х. Кустанаев передаёт представление о казахском этикете как системе традиционных правил вежливости, основанных на уважении, сердечности и взаимопомощи (Кустанаев, 1894: 39).

4) Погребальный и поминальный этикет. Похоронные обряды сопровождались множеством ритуалов: оплакивание, раздача милостыни, поминальные трапезы (ас).

Г.Н. Потанин описывал обычаи «жоктау» (плач по умершему), «жетісі» (семь дней после поминок), «қырқы» (сорок дней), «жылдығы» (годовщина годовщина) – поминальные даты.

Из статьи А. Диваева мы узнаём о некоторых традиционных поверьях казахов, связанных с повседневной жизнью и бытом. Например, излишек дров в юрте никогда не выносят обратно – это объясняется тем, что огонь в юрте не разводят только по одной причине: если в доме находится покойник. Таким образом, невынесенные дрова считались знаком того, что в юрте есть умерший. Также у казахов не принято открывать сундуки ночью, так как кочевой образ жизни требует, чтобы вещи были сложены до переезда, а открывают сундуки только в экстренных случаях, например, во время похорон. Соблюдение траура и поведение родственников умершего строго регламентировались (Диваев, 1896).

Подполковник Генерального штаба Н. Красовский представил подробное описание региона, включавшего Акмолинский, Кокчетавский, Баянаульский, Каркаралинский и Кушмурунский округа. Его труд является ценным источником для изучения быта, хозяйства и демографической ситуации казахского населения Среднего жуза в XIX в. Н. Красовский уделяет внимание географическим особенностям, климату и природным ресурсам области, а также структуре населения, включая этнический состав и плотность расселения. Он описывает традиционные занятия казахов, такие как скотоводство, земледелие и ремёсла, а также особенности кочевого образа жизни. Особое внимание уделено социальной структуре, включая родовую организацию, семейные отношения и обычаи, такие как сватовство, брак и похороны. Работа Н. Красовского также освещает взаимодействие казахов с русскими властями, включая административное управление, налогообложение и военную службу. Он анализирует влияние российской колониальной политики на традиционный уклад жизни казахов и их адаптацию к новым условиям. Таким образом, труд Красовского является важным этнографическим и историческим источником, предоставляющим глубокое понимание жизни казахского народа в XIX в., его традиций, обычаев и взаимодействия с российским государством (Красовский, 1868: 96).

С.Б. Броневский опубликовал свой основной труд, в котором уделил особое внимание характеристике хозяйства казахов, их образа жизни, нравов, духовной культуры. С.Б. Броневский подробно описывает жизнь и быт казахов Среднего жуза. Он фиксирует их кочевой образ жизни, традиции, обычаи, семейные и родовые отношения, а также хозяйственные занятия, в первую очередь скотоводство. Особое внимание уделено социальным нормам, правилам поведения, обычаям гостеприимства и этикету, а также взаимодействию казахов с русскими властями. Труд С.Б. Броневского ценен как этнографический источник, поскольку он даёт живое представление о жизни казахов XIX в. глазами современника и участника событий (Броневский, 1830: 87).

5) Этикет повседневного общения и поведения регламентировал поведение в юрте, за столом, в дороге, на базаре. Существовали запреты на определённые жесты, слова, поведение в присутствии старших или женщин. Нарушение норм воспринималось как позор и могло повлечь за собой общественное осуждение.

Эта типология демонстрирует, что казахский этикет представлял собой сложную систему норм, регулирующих все аспекты жизни: от быта до сакральных ритуалов. Он был неотъемлемой частью социальной структуры и культурной идентичности казахского народа, что подчёркивали и российские исследователи XIX в.

В повседневном этикете тоже используют определённые правила. Отношение к гостям, родственникам, пребывание гостя в доме – зависят от характера приглашения. Если кто-то из гостей намерен уйти раньше других, он обычно заранее сообщает об этом хозяевам, получает их одобрение и, встав из-за стола, объясняет причину своего ухода. Прощаясь, он обращается ко всем присутствующим, а остальные гости в знак уважения приподнимаются или кивают ему.

Перед тем как встать из-за стола или покинуть дом, гости благодарят хозяев за радушный приём, жмут им руки и тепло прощаются, желая всего наилучшего. При этом произносят традиционные слова: «Желаем вашей семье благополучия, пусть ваш дастархан всегда будет

обильным!». Хозяева в ответ выражают благодарность гостям за проявленное уважение и визит, произнося традиционное пожелание: «До свидания, будьте счастливы и здоровы!». Прощание сопровождается рукопожатием, объятиями и проходами до двери или калитки, что символизирует уважение и доброжелательное отношение.

Таким образом, гостеприимство выступает универсальной формой социального взаимодействия между родственниками, друзьями, соседями и земляками. Оно сохраняет устойчиво положительный характер, укрепляет связи, способствует взаимопомощи и передаётся из поколения в поколение.

Хотя описанные формы поведения несколько упрощены и могут отличаться в зависимости от региона, их суть остаётся неизменной. С развитием общества гостеприимство постепенно меняет форму: если раньше оно было проявлением помощи случайному путнику, то сегодня чаще выражается в радушном приёме заранее приглашённых гостей – хотя и традиция неожиданного гостя до сих пор не утратила своего значения.

С переходом к урбанизации и глобализации наблюдается адаптация традиционного этикета к новым условиям. Молодёжь использует цифровые формы общения, но сохраняет элементы уважения – например, приветствие старших в мессенджерах. В семьях продолжается передача норм через воспитание и обряды.

6) Женский этикет и нормы поведения казахской женщины. Особое место в описаниях российских исследователей XVIII–XIX вв. занимает женский этикет – система норм поведения, регулирующая социальный статус, ролевые обязанности и модели взаимодействия казахских женщин в семье и общине. Эти нормы были тесно связаны с возрастной иерархией, родовыми традициями и морально-этическими представлениями кочевого общества. Говоря об избегании и правилах уважения к старшим, И. Алтынсарин фиксировал правила поведения молодой женщины в семье мужа: запрет на называние имени свёкра, избегание встреч со старшими мужчинами, ритуальный поклон при встрече, ограничение передвижения в юрте. Модель скромности и закрытости можно проследить в изыскании И.Г. Андреева. Он отмечал характерную скромность, сдержанность речи, закрытую одежду как форму моральной нормы. Ритуальные обязанности выглядели следующим образом: женщины выполняли ключевые обязанности – установку юрты, приготовление ритуальных блюд, встречали гостей, проводили свадебные и семейные обряды. Символическая роль была у келин (снохи): по А. Левшину, В. Радлову и Х. Кустанаеву, образ невестки воплощал уважение, трудолюбие и скромность; обряд бетін ашу служил механизмом социализации. Женский этикет выполнял социально-регулятивную, ритуальную, морально-воспитательную и интегративную функции, обеспечивая устойчивость семейных и общественных отношений.

4. Заключение

Труды российских исследователей XVIII–XIX вв. являются важным источником для изучения казахского этикета и традиционной культуры. Они позволяют реконструировать систему норм поведения, отражающую морально-этические основы кочевой культуры, несмотря на влияние колониального дискурса. Эти материалы обладают высокой этнографической ценностью и позволяют проследить механизмы социального регулирования, роль старшинства, обрядность и гендерные нормы. Современное осмысление казахского этикета способствует более глубокому пониманию историко-культурного наследия Казахстана и его места в евразийском пространстве. С точки зрения антропологии и этнологии, казахский этикет можно рассматривать как код культурной коммуникации, посредством которого реализуется не только вежливость, но и система взаимных обязательств, символических статусов и норм поведения, закреплённых традицией.

Литература

- Абрамов, 1861** – Абрамов Н.А. Областной город Семипалатинск // *Записки Императорского Русского географического общества*. Кн. 1. СПб., 1861. С. 109-174.
- Алтынсарин, 1879** – Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Оренбург: Типография Киргизской учебной комиссии, 1879. 76 с.
- Андреев, 1998** – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Второе доп. переиздание. Алматы: Изд-во «Переводческий проект»; Ылым, 1998. 280 с.
- Баллюзек, 1871** – Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // *Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. Казань, 1871. Вып. II. С. 45-167.
- Броневский, 1830** – Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // *Отечественные записки*. Ч. 43. СПб., 1830. С. 70-96.
- Валиханов, 2010** – Валиханов Ч.Ч. Сборник сочинений. Т. 1. 2-е издание. Алматы: «Толағай групп», 2010. 376 с.
- Гродеков, 2011** – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. М.: Восточная литература, 2011. 570 с.
- Диваев, 1894** – Диваев А.А. Этнографические материалы // *Сб. материалов для статистики Сырдарьинской области*. Ташкент, 1894. Т. III. С. 18-20.

- [Диваев, 1896](#) – Диваев А.А. Приметы // *Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области*. Ташкент, 1896. Т. V. С. 56-59.
- [Ибрагимов, 1878](#) – Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде // *Записки РГО*. СПб., 1878. Вып. 8. № 2. С. 1-25.
- [Ильминский, 1860](#) – Ильминский Н.И. Материалы для изучения быта киргизов. Казань: Типография Императорского университета, 1860. 72 с.
- [Карутц, 1911](#) – Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1911. 189 с.
- [Красовский, 1868](#) – Красовский Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область Сибирских киргизов. СПб., 1868. 480 с.
- [Кустанаев, 1894](#) – Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894. 52 с.
- [Левшин, 1832](#) – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Исторические известия, 1832. 364 с.
- [Потанин, 2007](#) – Потанин Г.Н. Труды по этнографии и фольклору. Астана: Изд-во Павлодарского государственного университета, 2007. 248 с.
- [Радлов, 1989](#) – Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
- [Руденко, 1930](#) – Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казахов. Л.: Акад. наук СССР, 1930. 72 с.
- [Рычков, 1887](#) – Рычков П. И. *Топография Оренбургской губернии*. Оренбург: Изд. на средства Ф. И. Базилева, Оренбургское отд. Рус. геогр. общества, 1887. 406 с.
- [Харузин, 1889](#) – Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Тип. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1889. 192 с.

References

- [Abramov, 1861](#) – Abramov, N.A. (1861). Oblastnoi gorod Semipalatinsk [The regional city of Semipalatinsk]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1: 109-174. [in Russian]
- [Altynsarin, 1879](#) – Altynsarin, I. (1879). Kirgizskaya khrestomatiya Orenburg [Kyrgyz anthology]. Orenburg. 76 p. [in Russian]
- [Andreev, 1998](#) – Andreev, I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty. 280 p. [in Russian]
- [Ballyuzek, 1871](#) – Ballyuzek, L.F. (1871). Narodnye obychai, imevshie, a otchasti i nyne imeyushchie v Maloi kirgizskoi orde silu zakona [Folk customs that had, and partly still have, the force of law in the Small Kyrgyz Horde]. *Zapiski Orenburgskogo otdela IRGO*. II: 45-167. [in Russian]
- [Bronevskii, 1830](#) – Bronevskii S. B. (1830). Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. 43: 70-96. [In Russian]
- [Divaev, 1894](#) – Divaev, A.A. (1894). Etnograficheskie materialy [Ethnographic materials]. *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoi oblasti*. 3: 18-20. [in Russian]
- [Divaev, 1896](#) – Divaev, A.A. (1896). Primety [Omens]. *Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoi oblasti*. 5: 56-59. [in Russian]
- [Grodek, 2011](#) – Grodek, N.I. (2011). Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti. Yuridicheskii byt [Kyrgyz and Karakirgiz people of the Syr Darya region. Legal life]. M.: Vostochnaya literatura. 570 p. [in Russian]
- [Ibragimov, 1878](#) – Ibragimov, I. (1878). Zаметки о киргизском суде [Notes on the Kyrgyz court]. *Zapiski RGO*. 2: 1-25. [in Russian]
- [Il'minskii, 1860](#) – Il'minskii, N.I. (1860). Materialy dlya izucheniya byta kirgizov [Materials for studying the life of the Kyrgyz people]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 72 p. [in Russian]
- [Karutz, 1911](#) – Karutz, R. (1911). Sredi kirgizov i turkmen na Mangyshlak [Among Kyrgyz and Turkmen in Mangyshlak]. SPb. 189 p. [in Russian]
- [Kharuzin, 1889](#) – Kharuzin, A.N. (1889). Kirgizy Bukeevskoi ordy (Antropologo-etnologicheskii ocherk) [Kirghiz People of the Bukeev Horde (an anthropological and ethnological essay)]. M.: Tip. Imp. o-va lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. 192 p. [in Russian]
- [Krasovskii, 1868](#) – Krasovskii, N. I. (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami general'nogo shtaba [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. Oblast' sibirskikh kirgizov. SPb. 480 p. [in Russian]
- [Kustanaev, 1894](#) – Kustanaev, Kh. (1894). Etnograficheskie ocherki kirgiz Perovskogo i Kazalinskogo uezdov [Ethnographic essays on the Kirghiz of Perovsky and Kazalinsky districts]. Tashkent. 52 p. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – Levshin, A. I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb. 364 p. [in Russian]
- [Potanin, 2007](#) – Potanin G. N. (2007). Trudy po etnografii i fol'kloru [Works on ethnography and folklore]. Aстана: Izd-vo Pavlodarskogo gosudarstvennogo universiteta. 248 p. [in Russian]
- [Radlov, 1989](#) – Radlov, V.V. (1989). Iz Sibiri [From Siberia]. M.: Nauka. 749 p. [in Russian]

[Rudenko, 1930](#) – *Rudenko, S.I.* (1930). Ocherk byta severo-vostochnykh kazakhov [An essay on the life of the northeastern Kazakhs]. L.: Akad. nauk SSSR. 72 p. [in Russian]

[Rychkov, 1887](#) – *Rychkov, P.I.* (1887). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg province]. Orenburg: Izd. na sredstva F. I. Bazileva, Orenburgskoe otd. Rus. geogr. obshchestva. 406 p. [in Russian]

[Valikhanov, 2010](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (2010). Sobranie sochinenii [Collection of essays]. T. 1. Almaty. 376 p. [in Russian]

Казахский этикет в трудах российских исследователей XVIII–XIX вв.

Гулжан Асановна Мейрманова ^a, Айну́р Сабырбайқызы Алдекен ^a,
Айну́р Кадыргалиевна Бейсегулова ^{a, *}

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье исследуются особенности казахского этикета, зафиксированные в трудах российских учёных XVIII–XIX вв., в период активного освоения и изучения Азиатской России. Также рассматривается комплекс норм женского этикета в традиционном казахском обществе, которые отражаются в трудах российских исследователей и направлены на регулирование социального статуса, ролевых обязательств и моделей поведения казахской женщины в семейно-родовой среде. Этнографический интерес к народам степного региона способствовал накоплению обширного корпуса наблюдений, в которых нашли отражение нормы поведения, обычаи гостеприимства, ритуалы приветствия, а также свадебные и похоронные обряды казахов. Особое внимание уделяется анализу описаний, представленных в работах таких авторов, как А.И. Левшин, В.В. Радлов, П.И. Рычков и других. На основе сравнительного анализа выявляются различия в интерпретации казахских традиций, обусловленные как индивидуальными взглядами исследователей, так и социально-политическим контекстом эпохи. В статье применяется междисциплинарный подход, сочетающий методы историко-этнографического анализа, что позволяет более глубоко осмыслить процессы формирования представлений о казахском этикете в дореволюционной российской науке. Работа подчёркивает значимость ранних этнографических источников как ценного материала для современного этнологического и культурологического дискурса, а также способствует более полному пониманию культурной самобытности казахского народа в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: казахский этикет, женский этикет, этнография, русские исследователи, обычаи, традиции, культура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: beysegulovaak@gmail.com (А.К. Бейсегулова), Meirmanovaga@gmail.com (Г.А. Мейрманова), ainuraldeken@gmail.com (А.С. Алдекен)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 66-78
DOI: 10.13187/bg.2026.1.66

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charity Practices in Russia of the XVIII – early XX centuries for Orphans and Children in Need of Social Support

Nadezhda V. Prisyazhnaya ^{a, *}, Margarita Yu. Timofeeva ^a, Anna A. Amirkhanyan ^a, Olga N. Bobrovskaya ^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

This article examines the evolution of institutions caring for orphans in the Russian Empire from the 18th to the early 20th centuries. Drawing on archival and statistical material, the authors trace changes in the attitudes of the Russian state and society toward the issue of children deprived of parents. The legislative framework and resulting practical measures for arranging the lives of minor orphans are summarized. The development of a stable care system based on humanist principles is documented from the 18th to the early 20th centuries. At the same time, the specifics of state policy in each period are highlighted. For example, the solution to the orphanage issue under Peter the Great, in accordance with the objectives and spirit of the time, implied a unique form of enslavement for orphans, in which the provision of shelter and food necessitated their participation, from a certain age, in the creation of public goods. Attention is paid to the role of zemstvos in organizing care, noting the attention of local governments to the problem, along with the difficulties encountered. Public organizations, such as the Imperial Philanthropic Society, played a significant role in overseeing the homeless child population. The article uses the example of correctional and educational shelters within the system of institutions for orphans to demonstrate the Russian authorities' understanding of the correctional function of such institutions. Particular emphasis is placed on the regional aspect: the work of social institutions in Central and Southern Russia, as well as in Siberia, is examined separately. The article also highlights the gender aspect of child supervision, using shelters for girls as an example.

Keywords: social welfare, orphans, charitable assistance, orphanage, correctional and educational shelter.

1. Введение

Гуманистические взгляды заботливого отношения к нуждающимся членам общества присущи народу России на всех этапах развития и преобразования государственных формаций. Бесприютные дети, оставшиеся без родительского попечения и обречённые на неминуемую гибель либо от голода и болезней, либо от нравственного падения, становятся особым объектом государственной заботы.

Представляется, что исследуемый период – с XVIII по начало XX в. – наиболее полно отражает реализацию этих гуманистических взглядов: возможности государства ограничены нарастающими потребностями социальной защиты детей-сирот, и ведущая роль в создании приютов передаётся благотворительным попечительским организациям, в которых следование нравственным принципам сопряжено с оказанием всесторонней помощи обездоленным детям, а забота включает принятие ответственности за возникшие неудачи и непредвиденные последствия. Именно в этот исторический период сформировались устойчивые модели социальной поддержки детей-сирот, которые сочетали

* Corresponding author

E-mail addresses: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (N.V. Prisyazhnaya),
imofeeva_m_yu@staff.sechenov.ru (M.Y. Timofeeva),
amirkhanyan_a_a@student.sechenov.ru (A.A. Amirkhanyan),
bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru (O.N. Bobrovskaya)

государственную инициативу с активной деятельностью общественных организаций, стремившихся обеспечить достойное будущее для наиболее уязвимых членов общества.

Актуальность исследования состоит, прежде всего, в обобщении материала, посвящённого сиротским учреждениям Российской империи на новых методологических основаниях. Необходимо выявить законодательные основы организации имперского социального обеспечения, чтобы затем определить соответствие реалий сиротского призрения имевшейся нормативно-правовой базе.

Комплексное исследование темы создания и функционирования приютов для детей-сирот на протяжении длительного исторического периода, основанное на анализе документальных источников и свидетельств современников, позволяет объективно оценить масштаб задач, которые стояли перед представителями общества, занимавшимися благотворительной деятельностью. Предметное изучение данной проблематики демонстрирует, насколько значительные усилия и эмоциональная вовлечённость требовались для обеспечения надлежащей опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Исследование базируется на архивных материалах. Фундаментом для исследования выступил корпус статистических и отчётных данных, отложившихся в архивах. Были привлечены документы как центральных архивов – Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), (Санкт-Петербург, Российская Федерация), так и региональных архивов – Государственного архива Костромской области (ГАКО) (Кострома, Российская Федерация); Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) (Тамбов, Российская Федерация); Государственного архива Ростовской области (ГАРО) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), что придаёт исследованию географическую релевантность и позволяет ознакомиться со спецификой работы социальных учреждений в нескольких ключевых имперских регионах. В частности, в исследовании использовались материалы Опекунского совета учреждений ведомства императрицы Марии (РГИА. Ф. 758) и Департамента полиции исполнителей (РГИА. Ф. 1286). Комплекс архивных источников важен тем, что содержит статистические данные, составленные по критериям количественного состава детей, их половозрастным признакам, болезням, выявляемым у детей, и моделям воспитательных заведений за период с середины XIX по начало XX в. (ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 2. Д. 465. Л. 151; РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 240б., 26; ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 16. Л. 46; ГАТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 733. Л. 4; ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529. Л. 190).

Также в исследовании были использованы нормативно-правовые акты, составляющие российское законодательство XVIII – начала XX в., материалы которого публиковались в специализированных сборниках. Правовая база, включая Свод законов Российской империи (ПСЗРИ, 1894; ПСЗРИ, 1880; ПСЗРИ, 1763; № 11908), уголовное законодательство и судебные документы (Судебные уставы..., 1864), приводится в соответствии с их публикациями в сборниках.

Привлечённые к исследованию материалы периодической печати и повременные издания (Диомидов, 1916; Журналы 45 очередного..., 1916; Журналы 46 очередного..., 1912) позволяют сделать выводы относительно реакции общества на проблему попечения детей-сирот.

2.2. Работа основывается на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Проведённый критический анализ источниковой базы убедительно демонстрирует, что создание сиротских приютов способствовало развитию системы благотворительной помощи детям, нуждающимся в социальном сопровождении, при этом концепция благотворительности выступала ключевым фактором предотвращения гибели значительного числа детей, оставшихся без попечения родителей. Расширение сети различных типов воспитательных учреждений на территории Российской империи обусловило необходимость развития законодательной базы, регламентирующей их создание и функционирование. В рамках исследования, посредством анализа архивных документальных и законодательных источников, сформирована комплексная картина структуры и особенностей деятельности социальных учреждений для призрения детей-сирот. Данный анализ позволяет выявить характерные черты этих учреждений и продемонстрировать масштаб существовавшей социальной проблемы, а также оценить роль и значение благотворительных институтов в решении проблемы социального сиротства и их влияние на развитие системы социальной защиты в рассматриваемый исторический период.

Источниковый материал свидетельствует о реализации многочисленных эффективных проектов помощи, благодаря которым сформировались устойчивые модели организации опеки над детьми-сиротами. Концептуальные подходы к решению практических задач по созданию воспитательных домов для детей-сирот получили широкое распространение на территории Российской империи.

3. Обсуждение

Историография вопроса может быть систематизирована по хронологическому принципу: от более ранних исследований, изданных в годы Российской империи, до более поздних советских и

современных российских исследований, связанных с систематизацией преобразования институтов государственного попечения и их замещением благотворительными формами деятельности.

Так, исследование Н.В. Яблокова затрагивает проблематику воспитательных домов, причём автором выявляются особенности функционирования данного типа учреждений для контроля над несовершеннолетними детьми-сиротами, включая тайный приём младенцев (Яблоков, 1901). Первым историко-компаративистским трудом, в рамках которого проводится сравнение российского и иностранного опыта социального сопровождения беспризорных детей, стала небольшая работа М.Д. Ван-Путерена (Ван-Путерен, 1893). Интересны наработки педагога-практика Н.Н. Жеденова, выступившего инициатором создания детских приютов-самопомощи (Жеденов, 1896). В качестве обобщающих работ по истории детской беспризорности и преступности в имперский период историографическую ценность представляют работы Д.Г. Тальберга (Тальберг, 1882), М. Опанина (Ошанин, 1912) и С.В. Бахрушина (Бахрушин, 1913).

Нельзя обойти вниманием работы, посвящённые региональному измерению социального призрения, типичным примером которых являются статьи И. Герда о сиротском доме Тамбовского губернского земства (Герд, 1903) или Б.П. Ручинского о социальных мероприятиях Уфимского губернского земства (Ручинский, 1912). В этом же смысле интересен очерк о Большевском ремесленно-исправительном приюте в Московском уезде (Большевский приют, 1884).

С позиции исторической документалистики следует признать важным исследование М.В. Шимановского, опирающееся на фактические данные статистических отчётов и заключений о деятельности учреждений социального призрения для детей-сирот, отражающие наиболее сложные задачи, разрешаемые приютами – это, прежде всего, данные о врачебных осмотрах и помощи заболевшим, о высокой смертности детей от различных инфекционных болезней, о попытках спасти детей от смерти, регулярном фельдшерском надзоре за детьми, переданными в приёмные семьи (Шимановский, 1888).

Необходимо констатировать историографическую лакуну в вопросе об имперском призрении несовершеннолетних в советский период (не считая эпизодических упоминаний), что обусловлено идеологическими причинами: противоестественностью понятия «благотворительность» для марксистско-ленинской догматики, стремлением замолчать достижения «царизма» в этой области и проигнорировать роль Православной Церкви в заботе о беспризорниках и сиротах.

На постсоветский период приходится пик научно-исследовательского осмысления дореволюционной системы социального сопровождения. Познавательными, с точки зрения актуализации проблематики нарастания значения учреждения государственных институтов защиты детства, следует признать исследования, направленные на анализ первого исторического опыта деятельности таких заведений с начала XVIII до начала XIX в. (Степанова, 2008; Фруменкова, 2008; Складар, 2008; Жилева, 2010). В исторических исследованиях затрагиваются различные аспекты видового разнообразия приютских учреждений в зависимости от специфики региона и потребностей социального сопровождения детей-сирот, а также особенности воспитательно-трудовых элементов при обучении детей старшего возраста (Маханцова, 2014; Сиренко, 2008; Букреева, Сиренко, 2014а).

В работе И.В. Синовой постулируется, что в первой половине XIX в. были учреждены благотворительные организации, направленные на социальное призрение детей-сирот, в которых впервые внедряется идея, предполагающая не только физическое выживание детей, но и обеспечение их доступными формами образования – что было призвано способствовать формированию у воспитанников навыков и компетенций, необходимых для ведения самостоятельной жизни после достижения установленного возраста выхода из приюта (Синова, 2022).

Российские исследователи постсоветского периода пришли к выводу, что вторая половина XIX в. отражает основные гуманистические идеи, связанные с созданием благотворительных учреждений для детей-сирот. Прежде всего, такие учреждения открываются для призрения детей работающих матерей (Морозова, 1999), а также для призрения круглых сирот на условиях полного пансиона или полупансиона (Любушкина, 2015; Сергеева, 2004; Сиренко, 2008). В исследованиях отмечается необходимость одновременного решения множества задач, от организационных до практических, включая вопросы финансового обеспечения – в частности, выделения средств на развитие новых и поддержание деятельности имеющихся приютов для детей-сирот (Морозова, 1991; Маханцова, 2014; Степанова, 2008). Актуализация вопросов приобщения детей-сирот к посильному труду, а также освоению различных ремёсел проходит красной нитью множества исторических исследований. При этом наибольшей ценностью обладают труды, описывающие возможности, предоставляемые детям-сиротам социальными учреждениями для дальнейшей самостоятельной жизни (Раттур, 2012; Степанова, 2008; Ковалева, 2008 и др.).

Создание на благотворительные средства исправительно-воспитательных приютов для нищенствующих детей, а также сирот, совершивших правонарушения, действующих с XIX до начала XX в., свидетельствует о необходимости обеспечения социального призрения бесприютным детям, вынужденным выживать на улице, прося милостыню и совершая мелкие кражи. Исследования, посвящённые этим аспектам, отражают динамику развития благотворительности и практические

вопросы помощи оступившимся детям путём приобщения к труду и вовлечённости в общественные дела (Слугина, 2012; Белова, 2021; Тальберг, 1881; Диомидов, 1916).

В современных исследованиях, посвящённых проблемам социального попечения детей-сирот в период с XVIII до начала XX в., проводится анализ социально-экономических факторов, препятствующих успешной реализации задач социального призрения детей-сирот и детей, нуждающихся в социальном сопровождении, и особенно такой его форме, как передача детей под патронаж (Морозова, 2023), что формирует у людей устойчивое мнение о сохранении приютов для сирот в качестве базовой и основной формы социальной защиты детства.

4. Результаты

4.1. Первые упоминания о развитии системы государственного призрения в отношении детей-сирот связаны с изданием 4 ноября 1715 г. Петром I Указа об устройстве в Москве и других городах при церквях госпиталей для «засорных» младенцев, рождённых вне законного брака. Целью являлось предотвращение детоубийства и смертности от иных причин, а также обеспечение анонимности оставления детей матерями (Указ Петра I, 1715: 47). В Москве такую функцию выполнял Новодевичий монастырь. Следует отметить, что все церковные учреждения, действуя с одобрения государства, рассматривали детей-сирот как потенциальных работников, позволяя использовать труд воспитанников без выплаты вознаграждения – что, в целом, соответствовало существовавшим социально-экономическим условиям того времени. Данная практика представляла собой одну из ранних форм институционализации государственного попечения над детьми, лишёнными родительского попечения, и закладывала основы для последующего развития системы социальной защиты детства в Российской империи.

По мнению М.В. Раттур, это становилось своеобразной формой закабаления сирот, при которой предоставление крова и пищи предполагало необходимость их участия, с определённого возраста, в создании общественного блага (Раттур, 2012: 111). По состоянию на 1724 г., в Московской губернской канцелярии обслуживалось более 850 детей старше 8 лет, содержание которых обходилось казне в 4731 руб. ежегодно (Степанова, 2008: 69).

Провозглашая идею государственного воспитания детей-сирот, Петр I ставил целью воспитание детей, оставшихся без родительского попечения, как будущих работников и военнослужащих, способных обеспечить сохранение и развитие империи – и, в целом, был далёк от формата замещения семьи в структуре социальной поддержки, однако указывал на необходимость создания специализированных учреждений для обеспечения жизнедеятельности и подготовки к взрослой жизни детей-сирот. Вследствие этого сиротские учреждения характеризовались строгими методами воспитания, направленными на подготовку воспитанников к службе в армии и к выполнению общественно значимых задач. Суровая дисциплина и регламентированный режим в этих заведениях были призваны сформировать у детей необходимые навыки и качества для успешного функционирования в обществе и защиты государственных интересов.

В период правления Екатерины II активно развиваются учреждения для детей-сирот, создаётся двухуровневая система социальной помощи: Приказы общественного призрения и Попечительская опека для охраны интересов людей дворянского происхождения, включая сиротские суды (Беляева, 2015: 102). Согласно манифесту от 1 сентября 1763 г. «Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особым госпиталем для неимущих родильниц» (Фруменкова, 2008: 68) строится государственное учреждение, направленное на воспитание детей-сирот, способных в дальнейшем служить отечеству при освоении навыков различных ремёсел, полезных не только для их жизни, но и для государства.

Реализация задач, возложенных на Воспитательный дом, оставалась бы невыполнимой без вмешательства влиятельных и состоятельных членов общества, таких как П.А. Демидов и И.И. Бецкой, взявших на себя опекунские полномочия и кураторство вопросов снабжения и медицинского обеспечения детей. Эти аспекты в период деятельности Воспитательного дома подробно изложены Т.Г. Фруменковой (Фруменкова, 2008: 68-69), которая отмечала, что за возможность вступления в опекунский совет Воспитательного дома боролись несколько участников, каждый из которых должен был делами доказать свою способность к выполнению опекунских обязанностей. Вместе с тем из отчётов И.И. Бецкого следует, что в Воспитательном доме существовали постоянные проблемы с надлежащим питанием детей и оплатой труда кормилиц, нанятых для ухода за сиротами, а также отсутствием прилежного надзора за детьми (РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 240б., 26). Кроме того, И.И. Бецкой столкнулся с неумелостью преподавательского состава, приглашённого для обучения детей различным ремёслам. В результате ему пришлось досрочно расторгать контракты с некоторыми учителями, не оплатив полного жалованья, поскольку дети не показывали навыков освоения нового ремесла (РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 21. Л. 7-70б., 13-20; Д. 176. Л. 1-9).

Известный факт о чрезвычайной смертности сирот в младенческом возрасте также оказывал существенное влияние на оценку эффективности его деятельности среди современников (Скляр, 2008: 105). Вместе с тем за несколько лет своей деятельности Московский Воспитательный дом принял более 3 тыс. младенцев, которые смогли получить социальную заботу (Жилиева, 2010: 14).

При высоких эпидемических рисках и скромных возможностях лекарственного обеспечения этот факт следует признать значительным достижением.

Открытый в марте 1770 г. Воспитательный дом в Санкт-Петербурге за весь период своей работы получил под опеку более 30 тыс. детей, постоянно находящихся на его финансировании при участии благотворительности и добровольных пожертвований. Среди особенностей данного учреждения можно выделить несколько моментов: прежде всего, на его попечение передавались не только сироты, но и дети родителей, не способных их содержать, а также фокусирование на воспитании детей старшего возраста, поскольку маленьких детей при поступлении переправляли в Московский Воспитательный дом (Фруменкова, 2007: 69).

Предполагалось, что Воспитательные дома позволят решить не только задачи, связанные с призрением осиротевших детей, но также и с устройством ремесленных училищ для освоения детьми различных ремёсел. В этой связи самые способные воспитанники обучались иностранным языкам, аптекарскому делу и рисованию. Самые одарённые получали шанс поступить в Московский университет, а для девушек – получить особый статус после курса Смольного института благородных девиц (Степанова, 2008: 71).

По Указу Святейшего Синода от 31 декабря 1763 г. «сиропитательницы» стали открываться во многих городах: Костроме, Тамбове, Туле и находились под управлением Приказов общественного призрения. Вместе с тем государственное попечение не справлялось с задачами финансирования подобных учреждений, а императрица Екатерина II всё более склонялась к тому, что сиротские заведения должны устраиваться за счёт благотворительных средств состоятельных членов общества (ПСЗРИ, 1763: № 11908).

Воспитательные дома не могли вместить всех сирот, нуждающихся в призрении. И само содержание в таком учреждении могло нести тяжёлые последствия, связанные с массовыми заболеваниями и высокой смертностью. Это во многом определило введение с 1768 г. практики передачи здоровых детей в крестьянские семьи под патронаж, с выплатой вознаграждения, что позволило не только значительно снизить показатели детской смертности, но и обеспечить пропитание нуждающимся семьям.

В дальнейшем на развитие сиротских благотворительных организаций повлияло Императорское человеколюбивое общество, созданное под покровительством Дома Романовых. Создание нескольких форм благотворительной помощи для нуждающихся с 1800-х гг. было реализовано в этот период посредством оказания содействия нуждающимся матерям и устройству приютов для детей-сирот, которые рассматривались в качестве особой формы благотворительного попечения без государственного вмешательства (Раттур, 2012: 114). Однако смертность детей в сиротских домах от различных причин была столь высокой, что в последующем предлагалась и такая форма попечения, как выплата пособия женщине, родившей ребёнка до достижения им возраста трёх лет, чтобы она могла сама обеспечить его выживаемость (Шимановский, 1888: 9).

Однако высокая детская смертность стала фактором пересмотра концепции призрения сирот в воспитательных домах и перехода к формированию идеи о вредности и губительности создания воспитательных домов для детей. 3 июля 1828 г. император Николай I издал указ «О воспреещении дальнейшего открытия Воспитательных домов в губерниях под ведением Приказов общественного призрения» (ПСЗРИ, 1880: 2125). Это решение не привело к уменьшению количества бесприютных детей, но переориентировало общественное сознание в сторону благотворительного попечения.

Уже в 1839 г. было утверждено Положение о Детских приютах (Комитет., 1840: 5), из содержания которого следовало, что «дети, поступающие в приют... должны получить... не только образование, но... и все, связанное с поддержанием здоровья, питания, занятий». Средства на содержание приютов поступали от благотворительных обществ и добровольных пожертвований. В основном приюты создавались для приходящих детей в возрасте не менее пяти лет из бедных или приёмных семей всех сословий, терпящих бедственное финансовое положение. При этом дети, в зависимости от возраста, распределялись таким образом, чтобы младшие находились лишь под присмотром, а старшие принимали участие в трудовом обучении. Кроме того, устав Попечительства предусматривал обучение детей и подростков различным ремёслам в мастерских под надзором опытных наставников. Фактически устанавливалась обязанность активного участия детей в каждодневных заботах о жизни в приюте (РГИА. Ф. 1288. Оп. 14-1905. Д. 212. Л. 30–31 об.). Весь период нахождения детей в приюте сопровождался врачебным контролем, который касался прежде всего санитарно-гигиенических вопросов их содержания (ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 2. Д. 465. Л. 151).

Приюты создавались по всей России, отличаясь лишь количеством принимаемых детей и спецификой функционирования как полного пансиона или полупансиона (то есть с дневным или круглосуточным пребыванием). К середине XIX в. в Санкт-Петербурге действовало 19 приютов для приходящих детей, в которые принимали в основном детей от 3 до 10 лет (Синова, 2022: 485). В Тамбовской губернии первый детский приют был открыт на частные пожертвования 21 апреля 1847 г. В Приюте на полном пансионе призревало 150 детей от 3 до 7 лет, и за 30 лет своей работы число призреваемых достигло 1371 мальчика и 2035 девочек (Герд, 1903: 122).

В Костроме 10 июня 1847 г. открылся детский Мариинский общесословный приют для детей обоего пола, принявший до 40 мальчиков и девочек (ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 16. Л. 46). Принимались лишь круглые сироты, способные к 12 годам освоить какое-либо ремесло и полноценно участвовать в хозяйственных работах. При этом, в отличие от столичных приютов, где девочек, например, обучали плетению кружев, детей приобщали к таким видам деятельности, которые наиболее соответствовали народным промыслам: прясть на самопрялке, шить простое бельё, тачать башмаки и заниматься огородничеством (Ковалева, 2008: 239).

Александровский приют для мальчиков в Костроме был открыт лишь 40 лет спустя, в октябре 1895 г., а Мариинский приют с этого времени стал принимать к призрению только девочек (ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 256. Л. 157). В приют принимались круглые сироты от 6 до 12 лет на круглосуточное пребывание. Всё время обучения подчинялось строгому распорядку и связывалось со временами года. В зимний период обучение чередовалось с освоением ремёсел. Принятые в приют мальчики проходили обучение ремёслам и ручному труду – плетению корзин и склейке коробок. В летний период общеобразовательные занятия прекращались, и детей привлекали к работам в огороде. Старших детей обучали столярному и токарному мастерству. Из документальных источников также следует, что в приюте проводились занятия по переплётному делу, позволявшие иметь сторонние заработки с продажи готовых изделий на заказ (ГАКО. Ф. 400. Оп. 2. Д. 110. Л. 112). Тем не менее, отмечалось, что, несмотря на хороший уход и качественное питание, многие дети болели. Среди основных заболеваний, выявляемых при врачебных осмотрах, наиболее часто встречался рахит, а также болезни желудочно-кишечного тракта, которые наносили максимальный ущерб детскому здоровью.

В пореформенный период, связанный с передачей земствам функционала Приказов общественного призрения, неожиданно выяснилось, что в ряде регионов вообще не было специализированных учреждений, направленных на оказание помощи и заботы о детях-сиротах. Такой функционал выполняли богадельни и больницы, где дети содержались вместе со взрослыми в неудовлетворительных условиях (Морозова, 2023: 529). Поэтому создание сиротских домов становится одной из важнейших задач российского земства. Так, например, с образованием Саратовского земства связано открытие в 1866 г. Земского сиротского дома, функционал которого построен на основе яслей для присмотра за малолетними детьми работающих женщин. Первоначально земство выделяет на нужды яслей 2,9 тыс. руб., постепенно увеличивая содержание до 37 тыс. руб. за десять лет его работы (Морозова, 1991: 180). В 1880 г. ясли перешли под управление Губернского попечительства, и с этого момента произошла переориентация яслей в приют для брошенных детей. Позднее Саратовское губернское земское собрание приняло резолюцию об устройстве Земского сиротского дома с полным пансионом пребывания детей-сирот, который функционировал до 1917 г.

4.2. Развитие социальной помощи детям-сиротам на рубеже XIX – начала XX вв.

Согласно Высочайше утверждённому Положению о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны (ПСЗРИ, 1894: 531) от 18 июля 1891 г. (далее – Положение о приютах), государственные сиротские учреждения заместились благотворительными организациями, создаваемыми на средства частных учредителей из милосердия и сострадания к сиротам, оставшимся без родительского попечения по различным причинам, но прежде всего в результате частых эпидемий, уносивших жизни многих людей.

Среди всех благотворительных заведений Петербурга детские приюты были наиболее востребованным сегментом социальной помощи, составляя не менее 33 % от их общего числа (Заколотная, 2011: 149). Такие учреждения создавались как в губерниях, так и уездах, а также на селе. Приюты для детей оказывали призрение детям обоего пола «без различия звания, вероисповедания, сословия и происхождения», при предоставлении им религиозно-нравственного воспитания и начального образования, при установлении такой необходимости. В земских приходских и сельских школах воспитанникам уездных и сельских приютов обеспечивалось получение начального образования по программам народных училищ, утверждаемых Министерством народного просвещения (Букреева, Сиренко, 2014а: 4).

При этом, как отмечали исследователи, именно в этот период реализуется принцип «...единства воспитания, образования и ремесленной подготовки воспитанников в стенах одного заведения» (Сиренко, 2008: 84). Исходя из буквального содержания Положения о приютах, учреждение предоставляло призрение детям матерей на время дневных работ, а также принимало круглых сирот и полусирот (то есть детей родителей, не способных к содержанию и воспитанию своих детей) на постоянной основе.

Детей старшего возраста предполагалось обучать в ремесленных классах с целью получения навыков различных ремёсел и рукоделия. Так, с целью приобщения к домашнему труду, девочек привлекали к приготовлению пищи, уборке в комнатах, стирке белья, рукоделию, а также уходу за садом и выращиванию овощей. Освоение ремесла должно было подготовить выпускников приютов к самостоятельной жизни, профессиональной реализации и получению средств к существованию.

Так, например, в Уфимской губернии было открыто 11 городских приютов, принадлежащих Ведомству учреждений императрицы Марии. Как правило, они подразделялись на приюты для

мальчиков и приюты для девочек, но также встречались и смешанные формы, особенно в раннем детском возрасте. Кроме общеобразовательной подготовки, велось распределение детей для обучения ремёслам в зависимости от их потенциала и проявляемой склонности. В приютах для девочек велось обучение ткацкому мастерству, вязанию кружев, в том числе приглашённым специалистом из Санкт-Петербургской школы кружевниц (Сиренко, 2008: 86). При этом основное внимание уделялось освоению навыков выполнения домашней работы и приготовления пищи, которые воспринимались как необходимой составляющей жизни взрослой женщины.

Профессиональное и трудовое воспитание позволяло задействовать призреваемых детей во множестве выполняемых работ по поддержанию порядка и хозяйственных делах. Это касалось уборки помещений, стирки белья, мелкого ремонта, присмотра за младшими детьми, что создавало оптимальные условия развития детей в обстановке необходимой требовательности и вовлечённости в дела их общего дома.

В приютах для мальчиков создавались мастерские по ремонту и производству различных вещей, закрывавшие потребности не только самих приютов, но и позволявшие зарабатывать деньги. Так, в мастерских по пошиву одежды и обуви можно было изготавливать изделия на заказ и получать собственные средства, распределяя их на необходимые нужды. В сельских приютах для детей, сирот привлекали к работам в огороде и садах, обучая деятельности с различными сельскохозяйственными культурами и готовя специалистов для аграрной отрасли. Известный пример создания практической школы огородничества и пчеловодства имени Губернатора Ключарева описан в ряде научных и практических источников как передовой опыт вовлечения детей в реализацию процесса трудового воспитания, подчёркивающий необходимость ранней ориентации детей к выбору будущей деятельности (Букреева, Сиренко, 2014b: 2).

Вместе с тем основным способом призрения детей-сирот в сельской местности оставался патронаж, состоящий в приискании детям приёмных воспитателей, способных их кормить и заботиться длительное время (Ручинский, 1912: 20).

Нетипичными, с точки зрения привычных форм общественного призрения детей-сирот следует признать такие, которые нашли своё воплощение на Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX в. Например, «убежища полного пансиона», «денные приюты для маленьких детей», «дома трудолюбия» и отдельно функционирующие мастерские, а также подразделяющиеся по категориям: для детей воинов, ушедших на войну, для сирот горнорабочих, для детей лиц, освобождённых из мест заключения (Любушкина, 2015: 95). Так, в Ростове-на-Дону в 1890-е гг. Александровским благотворительным обществом открыто убежище для детей на 60 человек. Убежище, как место безопасности и поддержки предполагало краткосрочность пребывания в нём детей в возрасте от 5 до 12 лет. Таганрогское общество призрения неимущих и помощи нуждающимся с 1892 г. стало призывать детей-сирот, оставшихся без родителей в результате смерти от холеры. Сиротский приют Таганрога принял 47 таких детей (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529. Л. 190).

В Новочеркасске в 1876 г. попечительством о бедных открыт Мариинский детский приют, в котором были учреждены рукодельные классы, где дети обучались шитью и вязанию (Отчёт комитета..., 1902).

В Тульской губернии среди благотворительных заведений преобладал тип полного призрения для детей-сирот. Например, в Николаевском приюте, учреждённом Ведомством Императрицы Марии Федоровны, одновременно содержалось более 100 детей в возрасте от 5 до 9 лет, которые в период пребывания осваивали азы арифметики и чистописания, а также всеобщую историю. Кроме того, девочек учили вязанию и шитью, стирке белья, а мальчиков – переплётному мастерству и ткачеству (Сергеева, 2004: 156). Востребованным оказался также и формат яслей для малолетних детей работающих матерей. Например, Красноглазовский приют «Ясли» ежедневно принимал от 15 до 30 детей (Обзор..., 1914).

В Симбирской губернии земства фактически перенесли функционал призрения за детьми-сиротами на различные благотворительные общества, ограничившись лишь финансовым участием в заботе. Так, Сиротский дом в Симбирской губернии был передан под попечение благотворительного общества Христианского милосердия в 1866 г. А позднее попечение о 15 девочках было поручено Попечительству о детских приютах с обязательным внесением платы за содержания каждой воспитанницы в размере 120 руб. в год от земства, передававшего ребёнка (Маханцова, 2014: 138).

Саратовский сиротский дом, о котором упоминалось ранее, состоял из двух отделений: «грудного» и «хлебного», при этом детей грудного возраста становилось всё больше, и к 1900 г. их количество достигло 108 человек (Журналы 45 очередного..., 1916). За более чем десятилетний период его существования он принял до 2117 детей, а на его содержание затрачено более 70 тыс. руб., что превышает объём первого взноса в четыре раза (Назаров, 2022: 97).

Поскольку одновременное проживание большого количества детей в сиротском учреждении неизменно создавало риски повышения заболеваемости и смертности детей, развитие находила также система передачи детей на воспитание в семью. К 1911 г. патронажная система Саратовского земства представляла собой передачу детей в крестьянские семьи на условиях возмездного воспитания. При этом, чем старше был ребёнок, передаваемый в семью, тем меньше средств получала

принявшая его семья: 48,8 руб. за ребёнка до 7 лет и 12 рублей за ребёнка старше этого возраста ([Журналы 46 очередного..., 1912](#)).

Следует также отметить, что патронажная форма призрения детей позволяла сократить земские расходы на содержание детей-сирот, однако удалённость расположения уездных земств не способствовала распространению такого опыта: дети нуждались во врачебном присмотре, который было невозможно обеспечить даже за счёт фельдшерской службы.

Вместе с тем исследователями отмечалось, что именно передача детей на воспитание в патронажную семью способствовала получению детьми правового статуса, которого были лишены сироты в приютских учреждениях ([Морозова, 2023: 532](#)). Статус гражданства устанавливался губернским земским собранием и позволял наделять сирот наделом земли для будущей вольной жизни ([Журналы 46 очередного..., 1912: 31](#)).

Патронажная форма воспитания стала особенно популярна до периода Первой мировой войны, когда в семьи передавалось по 50 человек в год, и в дальнейшем практически сошла на нет, поскольку для оставшихся без кормильцев женщин стало невыгодным содержать ребёнка-сироту; для женщин, мужья которых участвовали в боевых действиях, был предусмотрен отдельный паёк, которого хватало на удовлетворение потребностей в питании, но не на благотворительные дела ([Журналы 46 очередного..., 1912: 32](#)).

4.3. Исправительно-воспитательные приюты в системе учреждений для детей сирот

Следует отметить также, что дети, остававшиеся без родительского попечения, занимались попрошайничеством и нищенствовали, нередко становясь участниками различных правонарушений и могли втягиваться взрослыми в преступный промысел. Таких детей год от года не становилось меньше, и при совершении преступлений они подлежали наказаниям, исполнение которых осуществлялось путём помещения в исправительно-воспитательные приюты, создаваемые благотворительными организациями.

Согласно Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1894 г., «несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет могут... быть обращаемы в исправительные приюты на срок, определяемый мировым судьёй, но с тем, чтобы не оставлять их там по достижении восемнадцатилетнего возраста» ([Судебные уставы..., 1864](#)). Так, первый учебно-исправительный приют был открыт на частные пожертвования под Саратовом 20 сентября 1873 г. В него по решению Саратовского окружного суда направлялись осуждённые дети обоего пола, а также полные сироты, нищие и бесприютные дети с десятилетнего возраста в связи с мелкими правонарушениями ([Белова, 2021: 20](#)).

Документальные источники свидетельствуют, что число находящихся в учреждении детей никогда не было одинаковым, однако в нём преобладали лица мужского пола. Только за первый год с момента открытия в нём содержалось 17 мальчиков и пять девочек по решению суда ([Диомидов, 1916: 225](#)).

Все находящиеся в приюте воспитанники обучались чтению и письму, закону Божьему, а также ремёслам, освоение которых вело к возможности самостоятельной жизни ([Тальберг, 1881: 26](#)). Трудовое воспитание детей в исправительном приюте предполагало обучение вязанию и шитью, а также огородничеству и садоводству. При этом по окончании сроков нахождения в учреждении воспитанники ещё в течение трёх лет находились под патронажем правления, осуществлявшего содействие их вольной жизни ([Устав приюта..., 1873: 14](#)).

В дальнейшем воспитательно-трудовые учреждения подразделялись не только по признаку пола, но и по видам трудовой деятельности, которым обучались дети. Так, в Москве по решению общества Поощрения трудолюбия, состоявшего в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества, в 1873 г. был открыт Большевский ремесленно-исправительный приют для малолетних девочек, в который принимались нищенствующие дети от 4 до 14 лет, оставаясь в нём до достижения 16 лет ([Большевский приют..., 1884](#)). Дети, находившиеся в приюте, обучались грамоте и простому ремеслу, что создавало возможность зарабатывать на жизнь трудом.

В 1890 г. в Туле обществом Земледельческих колоний и ремесленных приютов был учреждён Тульский Баташевский исправительный приют, основой финансирования которого стали частные капиталы почётного гражданина АС. Баташева. В отчётах Министерства юстиции за 1900 г. значилось, что воспитанники приюта от 13 до 18 лет осваивали столярное ремесло, а позднее в приюте открылась Школа садоводства, огородничества и пчеловодства ([ГАТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 733. Л. 4](#)). Однако малые сроки наказания, назначаемые за совершённые правонарушения, не позволяли воспитанникам освоить полный курс обучения ремеслу, но все выпускники, обычно, были обучены грамоте и письму ([Слугина, 2012: 451](#)).

5. Заключение

Таким образом, представляется, что в проведённом исследовании затрагиваются актуальные вопросы перспективных направлений развития учреждения и деятельности организаций для детей-сирот и детей, нуждающихся в социальной поддержке.

Отечественные благотворительные организации, действовавшие в период с XVIII по начало XX в., оказали содействие в призрении десятков тысяч бесприютных детей, предоставляя не только кров и питание, но также обучая грамоте и ремеслу. Представляется, что приведённые в

исследовании аргументы убедительно доказывают высокую значимость социального попечения детей-сирот, а представленные примеры такого попечения позволяют сосредоточить внимание на конкретных потребностях социальной защиты детства на данном историческом этапе.

Масштабное развитие системы социальной помощи детям-сиротам характеризовалось не только количественным ростом учреждений, но и качественным совершенствованием форм и методов работы с данной категорией детей, что позволило выработать устойчивые каноны организации опеки и попечительства.

Таким образом, исторический опыт организации социального призрения детей-сирот в России демонстрирует формирование с XVIII по начало XX в. устойчивой системы попечения, основанной на принципах гуманизма, превалирования воспитательно-трудовой направленности, профессионального наставничества и комплексного развития личности ребёнка, последовательно совмещавшей элементы защиты и покровительства, предоставляя заботу в рамках существующих в указанный период социальных норм и требований социального контроля.

Исследование показывает, что последовательное развитие институтов социального призрения детей-сирот базировалось на комплексной основе, включающей как законодательные, так и этические принципы. Каждый из этих принципов способствовал существенной трансформации существующих моделей социальной поддержки, обеспечивая стабильность и эффективность функционирования таких перспективных форм социального призрения, как учреждение приютов и практика семейного патронажа в указанный исторический период.

Литература

Бахрушин, 1913 – Бахрушин С.В. Малолетние преступники и бродяги в Москве: исторический очерк. М.: Гор. тип., 1913. 51 с.

Белова, 2021 – Белова Н.А. Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX – начале XX века // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2021. №1(224). С. 18-24.

Беляева, 2015 – Беляева Ю.А. Правовые меры защиты беспризорных детей-сирот в имперский и революционный периоды: исторический экскурс // *Юристъ – Правоведъ*. 2015. №3 (70). С. 101-105.

Большевский приют..., 1884 – Большевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд). Очерк деятельности приюта с основания его по 1 января 1884 года. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1884. С. 108.

Букреева, Сиренко, 2014a – Букреева Л.Я., Сиренко Ю.В. Региональный исторический опыт социальной защиты детей-сирот как механизм оказания помощи нынешним нуждающимся детям (на примере Уфимской губернии XIX века до 1917 года) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2014. №3 (143). С. 26-31.

Букреева, Сиренко, 2014b – Букреева Л.Я., Сиренко Ю.В. Профессионально-трудовая подготовка как одно из направлений социально-педагогической деятельности с детьми-сиротами (из опыта дореволюционной Уфимской губернии) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2014. №3 (143). С. 20-25.

Ван-Путерен, 1893 – Ван-Путерен М.Д. О способах призрения бесприютных детей в России и за границей: Публичная лекция М. Д. Ван-Путерена, приват-доцента Воен.-мед. акад., чит. в пользу О-ва вспомоществования бедным больным, выходящим из клиник Воен.-мед. акад., 9 марта 1893 г. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1893. 20 с.

ГАКО – Государственный архив Костромской области.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Герд, 1903 – Герд И. Сиротский дом Тамбовского губернского земства // *Сборник-календарь Тамбовской губернии*. Тамбов, 1903. С. 121-123.

Диомидов, 1916 – Диомидов И.М. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют // *Журнал Министерства юстиции*. 1916. № 3. С. 225.

Жеденов, 1896 – Жеденов Н.Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. СПб.: Кн. маг. Фену, 1896.

Жиляева, 2010 – Жиляева С.К. История призрения сирот в России как государственная проблема в XVIII веке // *История государства и права*. 2010. № 2. С. 13-19.

Журналы 46 очередного..., 1912 – Журналы 46-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1911 года. Саратов: типография Саратовской губернской земской управы, 1912.

Журналы 45 очередного..., 1916 – Журналы 45-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 года. Саратов: типография Саратовской губернской земской управы, 1916.

Заколотная, 2011 – Заколотная В.Н. Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2011. № 3. Т. 4. С. 145-150.

- Ковалева, 2008** – Ковалева Л.А. Детские приюты как форма помощи бедным в Костромской губернии // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2008. №5. Т. 14. С. 237-242.
- Комитет..., 1840** – Комитет главного попечительства детских приютов. Положение о детских приютах. СПб.: Типография Мин-ва внутр. дел, 1840. 112 с.
- Любушкина, 2015** – Любушкина Е.Ю. Деятельность благотворительных общественных организаций по открытию приютов для детей на Дону во второй половине XIX – начале XX вв. // *Гуманитарные юридические исследования*. 2015. №4. С. 94-97.
- Маханцова, 2014** – Маханцова Е.В. Роль земства в сфере детского призрения в Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX в. // *Власть*. 2014. № 5. С. 137-140.
- Морозова, 1991** – Морозова Е.Н. Саратовское земство, 1866-1890 / Под ред. Н.М. Пирумовой. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 180 с.
- Морозова, 2023** – Морозова Е.Н. Формы благотворительной деятельности Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910 годы) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 528-536.
- Назаров, 2022** – Назаров В.В. Земское здравоохранение Саратовской губернии в 60-е гг. XIX – начала XX вв. Саратов: Саратовский источник, 2022. 197 с.
- Обзор..., 1914** – Обзор Тульской губернии за 1914 год. Тула: Типография Губернского правления, 1915.
- Отчёт комитета..., 1902** – Отчёт комитета Донского попечительства о бедных за 1902 год. Новочеркасск, 1903.
- Ошанин, 1912** – Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль: Типолитография Губернской Земской Управы, 1912. 283 с.
- ПСЗРИ, 1763** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. за 1649 – 1825. Т. 16. № 11908.
- ПСЗРИ, 1880** – Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т.3. ст. 2125. Указ императора Николая I от 3 июля 1828 г. «О воспреещении дальнейшего открытия воспитательных домов в губерниях под ведением Приказов общественного призрения». СПб., 1880.
- ПСЗРИ, 1894** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 11. СПб., 1894. С. 531.
- Сергеева, 2004** – Сергеева А. Из истории Николаевского детского приюта // *Тульский краеведческий альманах*. Тула: ИНФРА, 2004. Вып. 2. С. 156-157.
- Синова, 2022** – Синова И. В. Быт и питание воспитанников благотворительных заведений для детей Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX веков // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 10. С. 480-496.
- Сиренко, 2008** – Сиренко Ю.В. Организация трудового воспитания и профессиональной подготовки в детских приютах Уфимской губернии конца XIX – начала XX веков // *Вестник ЧГПУ*. 2008. С. 82-91.
- Скляр, 2008** – Скляр Т.В. Социальная деятельность в делах призрения малолетних детей в России (XVI – XX века) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2008. № 2. С. 103-107.
- Слугина, 2012** – Слугина Н.В. Благотворительные социально-педагогические заведения для детей в Туле и Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 3. С. 448-453.
- Степанова, 2008** – Степанова И.А. Социально-правовая защита детства в России в XVIII веке // *Педагогическое образование*. 2008. №3. С. 67-74.
- Судебные уставы..., 1864** – Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 / Изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. СПб.: в типографии 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.
- Раттур, 2012** – Раттур М.В. Ретроспективный анализ приоритетов государственного управления социальной защитой детства в России // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2012. №1(21). Т.5. С. 111-122.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ручинский, 1912** – Ручинский Б.П. О призрении покинутых детей Уфимским губернским земством. Уфа, 1912. 20 с.
- Тальберг, 1882** – Тальберг Д.Г. Исправительные приюты и колонии в России. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1882. С. 26.
- Фруменкова, 2007** – Фруменкова Т.Г. Предыстория и начальная история Санкт-Петербургского воспитательного дома (1763–1796) // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2007. №9. С. 65-71.
- Фруменкова, 2008** – Фруменкова Т.Г. Опекунство Московского Воспитательного дома в царствование Екатерины II // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2008. №7. С. 68-76.
- Шимановский, 1888** – Шимановский М.В. Патронат в России. Одесса, 1888. С. 9.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Устав приюта..., 1873 – Устав учебно-исправительного приюта в Саратове. Саратов, 1873. С. 14.

Указ Петра I, 1715 – Указ Петра I. «О гошпиталяхъ». Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского: 1780, 1096 с. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/722633> (дата обращения: 01.12.2025).

Яблоков, 1901 – Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб.: Государственная типография, 1901. 71 с.

References

Bahrushin, 1913 – Bahrushin, S.V. (1913). Maloletnie prestupniki i brodjagi v Moskve: istoricheskij ocherk [Juvenile delinquents and vagrants in Moscow: a historical essay]. M.: Gor. tip. 51 p. [in Russian]

Belyaeva, 2015 – Belyaeva, Ju.A. (2015). Pravovye меры zashhity besprizornyh detej-sirot v imperskij i revoljucionnyj periody: istoricheskij jekskurs [Legal measures for the protection of homeless orphans in the imperial and revolutionary periods: a historical overview]. *Yurist" – Pravoved.* 3(70): 101-105. [in Russian]

Belova, 2021 – Belova, N.A. (2021). Vospitatel'no-ispravitel'nye uchrezhdenija dlja nesovershennoletnih zhenskogo pola v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Correctional institutions for female juveniles in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy.* 1(224): 18-24. [in Russian]

Bol'shevskii priyut..., 1884 – Bol'shevskii remeslenno-ispravitel'nyi priyut dlja nishchenstvuyushchikh devochek (Mosk. uezd). Ocherk deyatel'nosti priyuta s osnovaniya onogo po 1 yanvarya 1884 goda [Bolshevsky craft and correctional shelter for destitute girls (Moscow district). An overview of the shelter's activities from its founding to January 1, 1884]. M.: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1884. P. 108. [in Russian]

Bukreeva, Sirenko, 2014a – Bukreeva, L.Ja., Sirenko, Ju.V. (2014). Regional'nyj istoricheskij opyt social'noj zashhity detej-sirot kak mehanizm okazaniya pomoshhi nyneshnim nuzhdajushhimsja detjam (na primere Ufimskoj gubernii XIX veka do 1917 goda) [Regional historical experience of social protection of orphans as a mechanism for providing assistance to today's children in need (using the example of the Ufa province of the 19th century before 1917)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija.* 3(143): 7-12. [in Russian]

Bukreeva, Sirenko, 2014b – Bukreeva, L.Ja., Sirenko, Ju.V. (2014). Professional'no-trudovaja podgotovka kak odno iz napravlenij social'no-pedagogicheskoj dejatel'nosti s det'mi-sirotami (iz opyta dorevoljucionnoj Ufimskoj gubernii) [Vocational training as one of the areas of social and pedagogical activity with orphans (from the experience of the pre-revolutionary Ufa province)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija.* 3(143): 1-6. [in Russian]

Diomidov, 1916 – Diomidov, I.M. (1916). Saratovskij Galkinskij uchebno-ispravitel'nyj priyut [Saratov Galkinsky educational and correctional shelter]. *Zhurnal Ministerstva justicii.* 3: 225. [in Russian]

Frumenkova, 2007 – Frumenkova, T.G. (2007). Predystorija i nachal'naja istorija sankt-peterburgskogo vospitatel'nogo doma (1763 – 1796). [Prehistory and initial history of the St. Petersburg Foundling Home (1763 – 1796)]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta.* 9: 65-71. [in Russian]

Frumenkova, 2008 – Frumenkova, T.G. (2008). Opekuny Moskovskogo Vospitatel'nogo doma v carstvovanie Ekateriny II [Guardians of the Moscow Foundling Home during the reign of Catherine II]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta.* 7: 68-76. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kostromskoi oblasti [State Archive of the Kostroma Region].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Kostroma Region].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State Archive of the Tambov Region].

Gerd, 1903 – Gerd, I. (1903). Sirotskij dom Tambovskogo gubernskogo zemstvo. Sbornik-kalendar' tambovskoj gubernii [Orphanage of the Tambov provincial zemstvo. Collection-calendar of the Tambov province]. Tambov. Pp. 121-123. [in Russian]

Komitet..., 1840 – Komitet glavnogo popechitel'stva detskih prijutov. Polozhenie o detskih prijutah. [The Committee for the General Trusteeship of Orphanages. Regulations on Orphanages]. Sankt-Peterburg: Tipografija Min-va vnutr. del. 112 p. [in Russian]

Kovaleva, 2008 – Kovaleva, L.A. (2008). Detskie prijutы kak forma pomoshhi bednym v Kostromskoj gubernii [Orphanages as a form of assistance to the poor in Kostroma province]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika.* 5: 237-242. [in Russian]

Lyubushkina, 2015 – Lyubushkina, E.Ju. (2015). Deyatel'nost' blagotvoritel'nyh obshhestvennyh organizacij po otkrytiju prijutov dlja detej na Donu vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Activities of charitable public organizations to open shelters for children in the Don region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye juridicheskie issledovanija.* 4: 94-97. [in Russian]

Mahancova, 2014 – Mahancova, E.V. (2014) Rol' zemstva v sfere detskogo prizrenija v Simbirskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The role of the zemstvo in the sphere of children's welfare in the Simbirsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vlast'.* 5: 137-140. [in Russian]

Morozova, 1991 – Morozova, E.N. (1991). Saratovskoe zemstvo, 1866–1890 [Saratovskoe zemstvo, 1866–1890]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 180 p. [in Russian]

- Morozova, 2023** – Morozova, E.N. (2023). Formy blagotvoritel'noj dejatel'nosti Saratovskogo zemstva: social'naja zashhita detstva (1870–1910 gody). [Forms of charitable activity of the Saratov Zemstvo: social protection of children (1870–1910)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 23: 528-536. [in Russian]
- Nazarov, 2022** – Nazarov, V.V. (2022). Zemskoe zdravooohranenie Saratovskoj gubernii v 60-e gg. XIX – nachala XX vv. [Zemstvo health care in the Saratov province in the 1860s - early 20th centuries]. Saratov: Saratovskij istochnik. 197 p. [in Russian]
- Obzor..., 1914** – Obzor Tul'skoj gubernii za 1914 god. [Review of Tula province for 1914]. Tula: Tipografija Gubernskogo pravleniya. 1915. [in Russian]
- Oshanin, 1912** – Oshanin, M. (1912). O prizrenii pokinutyh detei [On the care of abandoned children]. Yaaroslavl': Tipolitografija Gubernskoj Zemskoj Upravy. 283 p. [in Russian]
- Otchet komiteta..., 1902** – Otchet komiteta Donskogo popechitel'stva o bednykh za 1902 god [Report of the Don Committee for the Guardianship of the Poor for 1902]. Novoherkassk, 1903. [in Russian]
- PSZRI, 1763** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. za 1649–1825 [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. 16. № 11908. [in Russian]
- PSZRI, 1880** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. SPb., 1880. P. 2125. [in Russian]
- PSZRI, 1894** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. Vol 11. Sankt-Peterburg, 1894. P.531. [in Russian]
- Rattur, 2012** – Rattur, M.V. (2012). Retrospektivnyj analiz prioritetov gosudarstvennogo upravleniya social'noj zashhitoy detstva v Rossii [A retrospective analysis of priorities in public administration of child welfare in Russia]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 1(21): 111-122. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Ruchinskij, 1912** – Ruchinskij, B.P. (1912). O prizrenii pokinutyh detej Ufimskim gubernskim zemstvom [On the care of abandoned children by the Ufa provincial zemstvo]. Ufa. 20 p. [in Russian]
- Sergeeva, 2004** – Sergeeva, A. (2004). Iz istorii Nikolaevskogo detskogo prijuta [From the history of the Nikolaev orphanage]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manah*. Tula: INFRA. Pp. 156-157. [in Russian]
- Shimanovskij, 1888** – Shimanovskij, M.V. (1888). Patronat v Rossii [Patronage in Russia]. Odessa. P. 9. [in Russian]
- Sinova, 2022** – Sinova, I. (2022). V. Byt i pitanie vospitannikov blagotvoritel'nyh zavedenij dlja detei Sankt-Peterburga v seredine XIX — nachale XX vekov [The life and nutrition of the pupils of charitable institutions for children in St. Petersburg in the mid-19th – early 20th centuries]. *Nauchnyj dialog*. 10: 480-496. [in Russian]
- Sirenko, 2008** – Sirenko, Ju.V. (2008). Organizatsiya trudovogo vospitaniya i professional'noi podgotovki v detskikh priyutakh Ufimskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX vekov [Organization of labor education and vocational training in orphanages of the Ufa province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik ChGPU*. Pp. 82-91. [in Russian]
- Sklyar, 2008** – Sklyar, T.V. (2008). Sotsial'naya deyatel'nost' v delakh prizreniya maloletnikov detei v Rossii (XVI – XX veka) [Social activities in the care of young children in Russia (16–20th centuries)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2: 103-107. [in Russian]
- Slugina, 2012** – Slugina, N.V. (2012). Blagotvoritel'nye social'no-pedagogicheskie zavedeniya dlja detej v Tule i Tul'skoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv. [Charitable social and pedagogical institutions for children in Tula and the Tula province in the late 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3: 448-453. [in Russian]
- Stepanova, 2008** – Stepanova, I.A. (2008). Social'no-pravovaja zashhita detstva v Rossii v XVIII veke. [Social and legal protection of childhood in Russia in the 18th century]. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 3: 67-74. [in Russian]
- Sudebnye ustavy..., 1864** – Sudebnye ustavy 20 nojabrja 1864 goda [Judicial Statutes of November 20, 1864]. S.-Peterburg: v tipografii 2 otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kanceljarii, 1867. [in Russian]
- Tal'berg, 1882** – Tal'berg, D.G. (1882). Ispravitel'nye prijuty i kolonii v Rossii [Correctional shelters and colonies in Russia]. SPb.: Tipografija V. S. Balasheva. P. 26. [in Russian]
- TSGIA SPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- Ukaz Petra I, 1715** – Ukaz Petra I. «O goshpitaljah». Ukazy blazhennyja i vechnodostojnyja pamjati gosudarja imperatora Petra Velikago samodержca vserossijskago [Decree of Peter I. "On hospitals". Decrees of the blessed and eternally worthy of memory Sovereign Emperor Peter the Great, Autocrat of All Russia]. [Electronic resource]. URL: <https://www.prilib.ru/item/722633> [in Russian]
- Van-Puteren, 1893** – Van-Puteren, M.D. (1893). O sposobah prizreniya bespriutnyh detej v Rossii i za granicej: Publichnaja lekcija M. D. Van-Puteren, privat-docenta Voен.-med. akad., chit. v pol'zu O-va vspomoshhestvovaniya bednym bol'nym, vyhodjashhim iz klinik Voен.-med. akad., 9 marta 1893 g. [On methods of caring for homeless children in Russia and abroad: Public lecture by M. D. Van-Puteren, associate professor of the Military Medical Academy, delivered in favor of the Society for Assistance to Poor

Patients Leaving the Clinics of the Military Medical Academy, March 9, 1893]. SPb.: Tip. Doma prizreniya maloletnih bednyh. 20 p. [in Russian]

[Yablokov, 1901](#) – *Yablokov, N.V.* (1901). Prizrenie detej v vospitatel'nyh domah [Care of children in orphanages]. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija. 71 p. [in Russian]

[Zakolodnaya, 2011](#) – *Zakolodnaya, V.N.* (2011). Gosudarstvo i obshchestvo v dele organizacii social'noj pomoshhi detjam-sirotam v Peterburge i gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The state and society in organizing social assistance to orphans in St. Petersburg and the province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 3: 145-150. [in Russian]

[Zhedenov, 1896](#) – *Zhedenov, N.N.* (1896). Detskie sel'skohozjajstvenno-kustarnye prijutы samopomoshhi. Istorija ih, ustrojstvo i zhizn' [Self-help children's agricultural and artisanal shelters. Their history, structure, and life]. SPb.: Kn. mag. Fenu. [in Russian]

[Zhiljaeva, 2010](#) – *Zhiljaeva, S.K.* (2010). Istorija prizreniya sirot v Rossii kak gosudarstvennaja problema v XVIII veke. [The history of orphan care in Russia as a state issue in the 18th century]. *Istorija gosudarstva i prava*. 2: 13-19. [in Russian]

[Zhurnaly 45 ocherednogo..., 1916](#) – *Zhurnaly 45-go ocherednogo Saratovskogo gubernskogo zemskogo sobranija sessii 1914 g. Saratov*. [Minutes of the 45th regular Saratov provincial zemstvo assembly session of 1914, Saratov]. Tipografija Saratovskoj gubernskoj zemskoj upravy. 1916. 263 p. [in Russian]

[Zhurnaly 46 ocherednogo..., 1912](#) – *Zhurnaly 46-go ocherednogo Saratovskogo gubernskogo zemskogo sobranija sessii 1911 goda g. Saratov* [Minutes of the 46th regular Saratov provincial zemstvo assembly session of 1911, Saratov]. Tipografija Saratovskoj gubernskoj zemskoj upravy. 1912. P. 31. [in Russian]

Практики призрения в России XVIII – начала XX в. детей-сирот и детей, нуждающихся в социальном сопровождении

Надежда Владимировна Присяжная ^{a, *}, Маргарита Юрьевна Тимофеева ^a,
Анна Александровна Амирханян ^a, Ольга Николаевна Бобровская ^a

^a Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется эволюция институтов призрения за детьми-сиротами в Российской империи XVIII – начала XX в. Привлекая архивный и статистический материал, авторы прослеживают изменения в отношении российского государства и общества к проблеме детей, лишённых родителей. Обобщается законодательная база и вытекающие из неё практические меры по обустройству быта несовершеннолетних сирот. Констатируется формирование с XVIII по начало XX в. стабильной системы попечения, основанной на принципах гуманизма. Вместе с тем показывается специфика государственной политики в тот или иной период. Например, решение сиротского вопроса при Петре I, в соответствии с задачами и духом того времени, подразумевало своеобразную форму закабаления сироты, при которой предоставление крова и пищи предполагало необходимость его участия, с определённого возраста, в создании общественного блага. Уделено внимание роли земств в организации призрения, отмечается внимание местного самоуправления к проблеме, наряду с имевшими место трудностями. Большое значение в осуществлении контроля за беспризорным детским контингентом выполняли общественные организации, например, Императорское человеколюбивое общество. На примере исправительно-воспитательных приютов в системе учреждений для детей-сирот показано понимание российскими властями исправительной функции подобных учреждений. Особый акцент сделан на региональном аспекте: отдельно рассмотрена работа социальных учреждений в Центральной и Южной России, а также в Сибири. Наряду с этим в статье на примере приютов для девочек освещается гендерный аспект надзора над детьми.

Ключевые слова: социальное призрение, дети-сироты, благотворительная помощь, воспитательный дом, исправительно-воспитательный приют.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prisyzhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (Н.В. Присяжная), timofeeva_m_yu@staff.sechenov.ru (М.Ю. Тимофеева), amirkhanyan_a_a@student.sechenov.ru (А.А. Амирханян), bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru (О.Н. Бобровская)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 79-87
DOI: 10.13187/bg.2026.1.79

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problematic Aspects of Infrastructure Development and Administrative Structure of Central Russian Cities on the Eve of Catherine the Great's Reforms

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Semyon A. Vuymenkov ^a, Valery N. Belik ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper examines the state of infrastructure and administrative structure in Central Russian cities in the mid-18th century, on the eve of Catherine the Great's large-scale reforms. The methodology includes elements of comparative, structural, and descriptive analysis. The research source base is based on previously unpublished materials from the Russian State Archives of Ancient Documents (Moscow, Russian Federation). It is concluded that by the early 1760s, Central Russian cities were undergoing a complex transformation driven by the logic and long-term consequences of the socioeconomic and administrative reforms of the early 17th century. Cities were losing their status as instruments of military and political control over territory and gradually transforming into full-fledged administrative centers. However, the completion of this process was hampered by significant infrastructural limitations, which largely precipitated Catherine the Great's large-scale reforms. A shortage of personnel and an inadequate material and technical base hampered local authorities' ability to effectively address issues related to the existence of defensive structures that had lost their original functionality, the absence or poor quality of transportation and social infrastructure, fire safety systems, and law enforcement agencies. It is noted that the systemic nature of the urban development crisis made the radical provincial reform of 1775 inevitable.

Keywords: cities, Central Russia, 18th century, Catherine the Great, infrastructure, administrative structure.

1. Введение

Как правило, при изучении истории российских городов XVIII в. внимание исследователей концентрируется на изучении либо петровских преобразований, либо реформы 1775 г. События, процессы и явления, относящиеся к середине столетия, исследуются скорее по остаточному принципу.

Естественным следствием этого становятся, с одной стороны, сокращение объёма значимой информации относительно как долгосрочных последствий реформ начала XVIII в., так и мотивации, логики и стартовых условий екатерининских преобразований. Что зачастую препятствует полноценной реконструкции и интерпретации соответствующих событий.

Целью представленного исследования является сокращение масштабов указанных лакун за счёт изучения таких аспектов развития российских городов XVIII в., как состояние инфраструктуры и административной системы.

В качестве кейса исследования выбраны города Центральной России – наиболее густонаселённого региона империи, в границах которого функционировала наиболее плотная сеть городов, включая один из двух крупнейших центров урбанизации на общегосударственном уровне – Москву.

* Corresponding author

E-mail addresses: pseleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), savujmenkov@fa.ru (S.A. Vuymenkov), vnbelik@fa.ru (V.N. Belik)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования была сформирована за счёт привлечения ранее неопубликованных делопроизводственных материалов, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация).

Методологическая основа исследования была выстроена путём сочетания элементов структурного, сравнительного и дескриптивного анализа. Применение структурного анализа дало возможность выделить и выстроить в рамках единой системы базовые элементы городской инфраструктуры и системы управления. Использование сравнительного анализа дало возможность сопоставить состояние изучаемых городов в рассматриваемый период с типовой моделью города Нового времени. Дескриптивный анализ позволил интегрировать описание всех элементов предмета исследования и интерпретировать их состояние с учётом конкретно-исторического контекста.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии тема активно исследовалась в формально-юридическом ключе. При этом внимание акцентировалось на содержании нормативно-правовых актов, а не на правоприменительной практике (Голубев, 1884; Григорьев, 1910; Дитятин, 1875; Кизеветтер, 1909; Малиновский, 1992). Также источниковый материал вводился в научный оборот за счёт освещения истории развития культурной инфраструктуры городов (Александров, 1879; Ассонов, 1911) и в порядке подготовки справок к статистическим очеркам (Герман, 1808).

В рамках работ дореволюционных авторов были решены базовые задачи источниковедческой эвристики темы. В то же время на данном этапе развития историографии темы были сравнительно мало освоены связанные с ней пласты архивных материалов, что способствовало возникновению значимых пробелов в изучении темы.

Для работ советского периода характерно смещение фокуса внимания исследователей в сторону изучения социально-экономических процессов в городах, в первую очередь – в контексте вопросов о трансформации классовой структуры и развития торговли (Клокман, 1960; Клокман, 1967; Миронов, 1990; Рындзюнский, 1958a; Рындзюнский, 1958b; Рындзюнский, 1976) и эволюции градостроительства (Сытин, 1954; Кириллов, 1980).

Также тема получила освещение в рамках краеведческих изысканий (Истомина, 1972; Сытин, 1952; Тиц, 1969; Федотова, 1987) и изучения развития городской правоохранительной системы (Гернет, 1951).

Среди достоинств работ данного периода можно отметить концептуальность, повышенное внимание к роли институтов и большую источниковую фундированность. В то же время необходимо отметить и наличие существенных недостатков, связанных с необходимостью следовать мемориальной традиции правящей партии, а также использовать связанные с официальной идеологией теоретико-методологические подходы.

В постсоветский период заявленная тема изучалась преимущественно в рамках таких исследовательских направлений, как история повседневности (Акельев, 2012; Козлова, 2010; Куприянов, 2007; Миненко и др., 2006; Закурдаев, 2013) и изучение эволюции административных систем (Анисимов, 2006; Каменский, 2003; Писарькова, 2007; Морозов, 2012).

Было опубликовано множество исследований по истории конкретных городов (Пухов, 2015) или систем поселений отдельных регионов (Разгон, 1999; Симонова, 2005; Скубневский, Гончаров, 2003), а также работ, посвященных историографии темы (Андреев, 2003; Юркина, 2004).

В работах данного периода широкое освещение получил вопрос о роли неформальных институтов в развитии городов, было подробно изучено участие конкретных политических деятелей в планировании и реализации реформ и программ развития городов. В то же время необходимо отметить достаточно небольшое число концептуальных, обобщающих исследований, а также наличие структурных перекосов в рамках освещения истории конкретных групп городского населения.

4. Результаты

К середине XVIII столетия российские города переживали период затяжной трансформации. Ключевой проблемой данного исторического отрезка являлась неопределённость самого типологического статуса города. Он ещё не сформировался окончательно как административный центр периода Нового времени и сохранял в себе черты укрепленного опорного поселения, его функции оставались размытыми, а инфраструктурная среда и административная система зачастую находились ещё на стадии становления. Ситуация, сложившаяся к началу 1760-х гг., характеризовалась глубоким противоречием между потребностями развивающегося государства, нуждавшегося в эффективных опорных пунктах власти на местах, и реальным состоянием городской инфраструктурной и административной среды. Система городского управления, не обеспеченная релевантной ресурсной базой, объективно не справлялась с поставленными перед ней задачами, в особенности – в части поддержания и наращивания социально-экономического и культурного потенциала соответствующих поселений. Остро ощущалась потребность в создании современных

управленческих институтов и формировании материально-технической базы, способных обеспечить выполнение городом его всё более усложняющихся функций.

Анализ состояния городской сети Центральной России позволяет констатировать её частичную стагнацию в период, непосредственно предшествовавший екатерининским реформам. На территории Волго-Окского междуречья насчитывалось 32 городских центра (включая Москву). Таким образом, численность городов по сравнению с началом столетия почти не изменилась (Анисимов, 2006: 152).

Характерной чертой городов того времени являлось сохранение милитаризованного характера поселений, утративших своё реальное стратегическое значение. Из упомянутой группы городов 20 поселений, несмотря на своё расположение вдали от зоны пограничья и потенциальных источников угрозы, продолжали содержать крепостные сооружения, гарнизоны и склады с вооружением и боеприпасами. Эта инерция военного прошлого преодолевалась крайне медленно, и окончательный отказ от содержания внутренних крепостей произошёл лишь к самому концу XVIII в. (Дитятин, 1875: 10; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 926. Л. 2–20б.).

Наличие фортификационных сооружений оказывало существенное влияние на морфологию города. Структура поселения формировалась вокруг укрепления, к которому примыкали «подгородные» слободы и села. По мере роста города эти территории обносились новыми поясами стен, получая статус посадов. Классическим примером реализации данного алгоритма эволюции городов является радиально-кольцевая планировка Москвы, сформированная последовательным развитием Китай-города, Белого и Земляного городов (Григорьев, 1910: 17).

Однако к середине XVIII в. городские укрепления превратились в препятствие для пространственного и экономического развития. Стены и валы мешали естественному росту городского пространства, особенно для тех поселений, которые оказались в глубине территории страны и на практике утратили необходимость поддерживать оборонительные функции. Символическим завершением этого процесса стало превращение старых крепостных стен во многих городах в бульвары в конце XVIII в. Этот процесс во многом отображал семантический сдвиг в понимании термина «город» в России, переход от обозначения при помощи данной дефиниции укрепленного поселения к маркировке административного, экономического и культурного центра с особой социальной средой и заданным ею образом жизни (Каменский, 2003: 89; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 125).

Система управления уездными и провинциальными городами Центральной России в середине XVIII в. сохраняла черты, присущие ещё административной системе конца предшествующего столетия. Центральной фигурой в системе местной власти оставался воевода (данная должность была упразднена лишь 7 ноября 1775 г.). Несмотря на петровские реформы и введение магистратов как органов сословного самоуправления, их деятельность находилась под жёстким контролем городской администрации. Государственная политика в отношении муниципальной автономии отличалась непоследовательностью: курс на её расширение периодически сменялся существенным ограничением полномочий местных выборных органов (Клюкман, 1967: 35–37).

При этом сфера компетенции воеводы была чрезвычайно широкой и охватывала практически все сферы жизни города: от осуществления административно-полицейского надзора и проведения судебных разбирательств до контроля за сбором налогов и охраны природных ресурсов (в случае Центральной России в этом качестве выступали чаще всего заповедные леса на территории соответствующей юрисдикции). Кадровый состав воеводского корпуса формировался преимущественно за счёт рекрутирования отставных военных. Как правило, речь шла о бывших офицерах, имевших чин не ниже полковника (в случае административных центров провинций) и отставных капитанов и майоров (в уездных городах) (Мионов, 1990: 54).

Критическим фактором, снижавшим эффективность управления, являлся острый кадровый голод: немногочисленные штаты чиновников воеводских канцелярий были вынуждены обслуживать огромные территории, что создавало колоссальную нагрузку на местный бюрократический аппарат.

Так, штат Дмитровской воеводской канцелярии в 1730-е гг. состоял всего из 16 человек, включая канцеляристов и копиистов. В Боровске персонал воеводской канцелярии насчитывал 12 сотрудников. Даже в относительно крупных центрах, близких к Москве, таких как, например, Серпухов, накануне губернской реформы 1775 г. управленческий аппарат, включая военную команду и служителей различных ведомств, не превышал 60 человек. При этом непосредственно канцелярским делопроизводством занималось чуть более десяти служащих (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 87, 91, 102).

Материально-техническая база системы городского управления также находилась в неудовлетворительном состоянии. Административная инфраструктура часто ограничивалась деревянными зданиями канцелярии и магистрата. Показательно, что даже высшие должностные лица уезда – воевода и его заместитель («товарищ») – зачастую не имели казённого жилья и были вынуждены снимать квартиры у местных жителей. Подобная практика, зафиксированная, например, в отчётах за 1775 г., была типичной для городов Центральной России и создавала почву для коррупции и зависимости власти от местного населения (Григорьев, 1910: 14, 15).

Город как экономический центр обязан был обеспечивать функционирование транспортной системы региона. Располагаясь на пересечении торговых путей и водных артерий, города несли ответственность за содержание мостов и переправ. Однако состояние этой критически важной инфраструктуры оставалось неудовлетворительным.

В большинстве городов, включая крупные торговые центры, отсутствовали постоянные мостовые сооружения. Например, в Ярославле мост через реку Которосль, связывавший город с московским трактом, был временным и ежегодно разрушался в период весеннего половодья, что приводило к регулярным перебоям в транспортном сообщении. В малых городах транспортная связность территорий в целом носила сезонный и крайне ненадёжный характер (Дитятин, 1875: 27, 28).

Пожары представляли собой главную угрозу для безопасности и материального благосостояния жителей городов Центральной России середины XVIII в. Деревянная застройка, скученность населения и отсутствие должного административного обеспечения мер предосторожности приводили к тому, что огонь регулярно уничтожал целые кварталы и поселения. Несмотря на осознание угрозы, системные меры борьбы с огнём не предпринимались. В городах не существовало профессиональных пожарных команд. Тушение пожаров осуществлялось силами гарнизонов (при их наличии) и самих жителей, действовавших, как правило, стихийно, вне контекста какой-либо модели организации. Техническое оснащение гарнизонов для борьбы с пожарами было явно недостаточным. Например, во Владимире, являвшемся губернским административным центром, даже в 1781 г. весь пожарный инвентарь состоял из двух старых медных труб, которые в ходе проверки были признаны непригодными к использованию из-за ветхости (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 320б., 41, 42, 47–51).

Система пожарного надзора и предотвращения огня фактически отсутствовала. Жители, несмотря на постоянную угрозу потери имущества и жизни, не предпринимали превентивных мер по устранению причин возгорания, что свидетельствует о низком уровне культуры безопасности городского населения (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. II. Л. 128).

Формирование регулярных полицейских органов, начатое Петром I, к середине XVIII в. так и не было завершено. Как отмечал новгородский наместник Я.Е. Сиверс, в управляемом им регионе полиция как организованная структура отсутствовала: её сотрудники не имели ни постоянного жалования, ни чёткой ведомственной принадлежности (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. III. Л. 1430б.).

Даже в Москве имели место серьёзные проблемы в плане организации и обеспечения работы полиции. О её личном составе Ревизии показывали, что столичная полиция комплектовалась по остаточному принципу. Проверки вскрывали практику массового приёма на службу иностранцев, включая выходцев из Молдавии, Валахии и Польши, что порождало конфликты с местным населением на этноконфессиональной почве (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 561. Л. 1, 2).

Государство перекладывало значительную часть полицейских функций на городские общины. Охрана правопорядка и благочиния осуществлялась на основе метода круговой поруки: домовладельцы были обязаны выставлять ночные караулы, устанавливать рогатки на улицах и следить за появлением подозрительных лиц. Жители, исполнявшие обязанности десятских и пятидесятских, на практике выполняли работу правоохранительных органов, вплоть до задержания опасных преступников (Голубев, 1884: 39, 40).

Институциональная слабость правоохранительной системы проявлялась и в состоянии её материальной базы. Разбойный приказ – главный орган уголовного розыска – в начале столетия размещался в непригодных помещениях в центре города, а затем был переведён на окраину столицы в ветхие здания бывшего житного двора. Отсутствие нормальных условий работы напрямую сказывалось на эффективности борьбы с преступностью (Акельев, 2012: 19–24).

Попытки реформирования полиции предпринимались на протяжении всего столетия. Однако эти инициативы, как правило, ограничивались столицами и носили проектный характер. Инструкции для полиции («Пункты») были фрагментарными и не охватывали всего спектра её задач. Из-за нехватки специализированных помещений заключённых часто содержали не в тюрьме-остроге, а в административных зданиях – секретарских и подъяческих палатах, что дезорганизовывало работу соответствующих учреждений (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2508. Л. 20б.).

Городская судебная система также характеризовалась низкой эффективностью. Практика судопроизводства XVIII в. была тесно связана с практикой искусственного затягивания сроков разбирательства. Дела рассматривались годами, а исполнение приговоров могло затягиваться на неопределённый срок. Даже Сенат был вынужден признавать факты чрезмерной бюрократической медлительности, когда дела осуждённых оставались без движения годами (что подрывало авторитет власти) (Дитятин, 1875: 23).

Проблема низкого качества системы общественного призрения в городах стояла чрезвычайно остро. Крупные городские центры притягивали массы социально незащищённых людей в силу высокой степени концентрации потенциальных благотворителей. Однако система общественного призрения, базировавшаяся на церковной благотворительности и частных пожертвованиях, не обладала достаточными ресурсами. Монастыри, переориентированные Петром I на помощь отставным военным, также не располагали соответствующими материальными возможностями (Козлова, 2010: 54, 56, 90, 188, 189).

Богадельни, существовавшие при церквях или созданные меценатами (как в Ярославле), предоставляли зачастую лишь помещения для сна. Пропитание и одежду призреваемые должны были добывать самостоятельно, в основном подаением. В результате даже в богатых городах значительная часть социально незащищённых слоёв населения, включая детей-сирот, не получала адекватной помощи. Единой государственной системы социальной помощи не существовало до екатерининских реформ (Козлова, 2010: 91).

Система здравоохранения в большинстве городов лишь начинала формироваться. Даже после учреждения врачебных должностей в ходе губернской реформы соответствующие вакансии оставались в течение длительного времени незамещёнными из-за отсутствия достаточного числа специалистов. Следствием этого были частые эпидемии и высокий уровень смертности. Ситуация усугублялась низким уровнем санитарной культуры и невежеством горожан, которые порой активно сопротивлялись медицинским мерам, требуя удаления врачей из городов, как это отражено, например, в наказах Уложенной комиссии (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012. Ч. II. Л. 118).

Образование также носило фрагментарный и сословный характер. Школы открывались преимущественно по инициативе частных лиц или церкви и часто закрывались из-за отсутствия учеников или средств. Петровская система цифирных и гарнизонных школ к середине века пришла в упадок. Наиболее стабильными образовательными учреждениями оставались духовные семинарии и немногочисленные гарнизонные школы (Анисимов, 2006: 155).

Москва выделялась на этом фоне наличием Университета (с 1755 г.) и ряда специализированных школ, однако в масштабах Центральной России в целом возможности для получения образования были крайне ограничены. Острая нехватка образованных кадров тормозила развитие государственного аппарата и экономики, требуя от правительства системных решений, которые начали реализовываться лишь во второй половине столетия (Клокман, 1967: 72).

Внешний облик и санитарное состояние многих городов в середине XVIII в. оставались архаичными. Москва, несмотря на столичный статус, сохраняла черты допетровской эпохи с хаотичной застройкой и отсутствием регулярной планировки. Отсутствие благоустройства усугублялось антисанитарией. Регулярный вывоз мусора не практиковался. Даже в центре Москвы, в том числе – у стен Кремля и в Китай-городе, регулярно скапливались горы отходов и навоза. Ревизии, проводившиеся перед высочайшими визитами, вскрывали факты крайней запущенности городских территорий, когда площади и входы в соборы были завалены мусором. В уездных городах крепостные рвы зачастую превращались в сточные канавы, а валы – в свалки (Дитятин, 1875: 12).

Городское освещение также только начинало организовываться на должном уровне. Обязанность освещать улицы возлагалась на жителей, которых принуждали выставлять свечи в окнах домов, выходящих на главные улицы. Это решение было неэффективным и ненадёжным. Попытки обязать граждан ходить в тёмное время суток с фонарями были достаточно быстро прекращены по причине роста пожарной опасности (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2505. Л. 41–43).

5. Заключение

Таким образом, к моменту восшествия на престол Екатерины II города Центральной России находились в состоянии трансформационного кризиса, охватывавшего все сферы городской жизни – от модели градостроительства до социального обеспечения.

Сама морфология городов региона мало соответствовала задачам экономического развития. Сохранение крепостных стен, рвов и валов в глубоком тылу не только не укрепляло безопасность городов, но и физически блокировало расширение их пространства и формирование правильной уличной сети.

Институт воевод, обременённый широчайшим спектром обязанностей, был малоэффективен по причине отсутствия должного ресурсного обеспечения. Административная система в целом страдала от отсутствия релевантной кадровой базы. Ситуация усугублялась отсутствием достаточной материальной базы, включая здания и помещения.

Инфраструктурный каркас городов не обеспечивал многих базовых потребностей населения и экономики. Транспортная связность территорий носила сезонный характер из-за относительной немногочисленности стационарных мостов. Санитарное состояние городов нередко было неудовлетворительным. Имела место проблема слабой защищённости городской среды от пожаров. Медицинские, социальные и правоохранительные институты государства в городе находились скорее на стадии становления.

Комплекс этих факторов сформировал объективный запрос на реформы Екатерины II, целью которых стало не просто улучшение управления, а фактическое переформирование города на регулярных началах, превращение его в упорядоченный административный, хозяйственный и культурный центр современного типа.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2026 год.

Литература

- Акельев, 2012 – Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.
- Александров, 1879 – Александров Г.Н. К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // *Русский архив*. Т. 4. 1879. С. 523-524.
- Андреев, 2003 – Андреев Н.В. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003.
- Анисимов, 2006 – Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II / *Власть и реформы: от самодержавной к Советской России*. М., 2006. С. 150-174.
- Ассонов, 1911 – Ассонов В.И. К истории театра в Калуге // *Известия Калужской ученой архивной комиссии*. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 56-69.
- Герман, 1808 – Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии, сочиненное Карлом Германом. СПб.: Императорская Академия наук, 1808.
- Гернет, 1951 – Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951.
- Голубев, 1884 – Голубев А.А. Сысной приказ. Общественный быт и судопроизводство: по документам Московского архива Министерства юстиции. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1884.
- Градостроительство, 2011 – Градостроительство Сибири. СПб., 2011.
- Григорьев, 1910 – Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская скоропечатня, 1910.
- Дитятин, 1875 – Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875.
- Закурдаев, 2013 – Закурдаев И.В. Владимирский централ: история Владимирской тюрьмы. М., 2013.
- Истомина, 1972 – Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. Новгород, 1972.
- Каменский, 2003 – Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века / *Административно-территориальное устройство России. История и современность*. М., 2003. С. 88-92.
- Кизеветтер, 1909 – Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт ист. комментария. М., 1909.
- Кириллов, 1980 – Кириллов В.В. Архитектура и градостроительство Подмоскovie (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // *Русский город*. М., 1980. Вып. 3. С. 120-132.
- Клокман, 1960 – Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960.
- Клокман, 1967 – Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.
- Козлова, 2010 – Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
- Куприянов, 2007 – Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007.
- Малиновский, 1992 – Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992.
- Миненко и др., 2006 – Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.
- Миронов, 1990 – Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
- Морозов, 2012 – Морозов А.Ю. Самоуправление в Российской империи на стыке власти и общества // *Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства*. М., 2012. С. 83-91.
- Писарькова, 2007 – Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007.
- Пухов, 2015 – Пухов В.А. История города Калуги. Калуга, 2015.
- Разгон, 1999 – Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Рындзюнский, 1958a – Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- Рындзюнский, 1958b – Рындзюнский П.Г. Новые города России в конце XVIII в. // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова*. М., 1958. С. 359-370.
- Рындзюнский, 1976 – Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. // *Русский город*. М., 1976. Вып. 1. С. 105-127.
- Симонова, 2005 – Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула, 2005.
- Скубневский, Гончаров, 2003 – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003.

- Сытин, 1952** – *Сытин П.В.* Из истории московских улиц: (очерки). Изд. 2-е, пересмотр. и доп. М., 1952.
- Сытин, 1954** – *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. М., 1954.
- Тиц, 1969** – *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969.
- Федотова, 1987** – *Федотова Т.П.* Вокруг Ростова Великого. М., 1987.
- Четырина, 2006** – *Четырина Н.А.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв.: (посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006.
- Юркина, 2004** – *Юркина О.Г.* Понятие «сибирская слобода» в отечественной историографии // *Политология и политический процесс: сборник статей.* Барнаул, 2004. С. 129-133.

References

- Akel'ev, 2012** – *Akel'ev, E.V.* (2012). Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina [Everyday life of the Moscow criminal world in the times of Vanka Kain]. M. [in Russian]
- Aleksandrov, 1879** – *Aleksandrov, G.N.* (1879). K stoletnemu yubileyu Moskovskogo dvoryanskogo kluba [On the centenary of the Moscow Nobility Club]. *Russkiy arkhiv*: 523-524. [in Russian]
- Andreev, 2003** – *Andreev, N.V.* (2003). Metodologiya i istoriya otechestvennoy istoriografii razvitiya gorodov i gorodskogo khozyaystva Rossii posledney chetverti XVIII – pervoy poloviny XIX v. [Methodology and history of domestic historiography of the development of cities and urban economy in Russia in the last quarter of the 18th – first half of the 19th century]. Ekaterinburg; Perm. [in Russian]
- Anisimov, 2006** – *Anisimov, E.V.* (2006). Reformy Ekateriny II [Reforms of Catherine II]. *Vlast' i reformy: ot samoderzhavnoy k Sovetskoy Rossii*. M. Pp. 150-174. [in Russian]
- Assonov, 1911** – *Assonov, V.I.* (1911). K istorii teatra v Kaluge [On the history of the theater in Kaluga]. *Izvestiya Kaluzhskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. XXI: 56-69. [in Russian]
- Chetyrina, 2006** – *Chetyrina, N.A.* (2006). Sergievskiy posad v kontse XVIII – nachale XIX vv.: (posad kak tip gorodskogo poseleniya) [Sergiev Posad in the late 18th – early 19th centuries: (posad as a type of urban settlement)]. M.; SPb. [in Russian]
- Dityatin, 1875** – *Dityatin, I.I.* (1875). Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii [Organization and administration of cities in Russia]. SPb. [in Russian]
- Fedotova, 1987** – *Fedotova, T.P.* (1987). Vokrug Rostova Velikogo [Around Rostov the Great]. M. [in Russian]
- German, 1808** – *German, K.F.* (1808). Statisticheskoe opisanie Yaroslavskoy gubernii, sochinennoe Karlom Germanom [Statistical description of the Yaroslavl province, composed by Karl German]. SPb. [in Russian]
- Gernet, 1951** – *Gernet, M.N.* (1951). Istoriya tsarskoy tyur'my [History of the tsarist prison]. M. [in Russian]
- Golubev, 1884** – *Golubev, A.A.* (1884). Sysknoy prikaz. Obshchestvennyy byt i sudoproizvodstvo: po dokumentam Moskovskogo arhiva Ministerstva yustitsii [Investigation Order. Social life and judicial proceedings: according to documents of the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. M. [in Russian]
- Gradostroitel'stvo Sibiri, 2011** – *Gradostroitel'stvo Sibiri* [Urban planning of Siberia]. SPb. 2011. [in Russian]
- Grigor'ev, 1910** – *Grigor'ev, V.* (1910). Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II: (Uchrezhdenie o guberniyah 7 noyabrya 1775 g.) [Reform of local government under Catherine II: (Institution of provinces November 7, 1775)]. SPb. [in Russian]
- Istomina, 1972** – *Istomina, E.G.* (1972). Granitsy, naselenie, goroda Novgorodskoy gubernii (1727–1917 gg.): ocherki po administrativno-territorial'nomu deleniyu [Borders, population, cities of the Novgorod province (1727–1917): essays on administrative-territorial division]. Novgorod. [in Russian]
- Kamenskiy, 2003** – *Kamenskiy, A.B.* (2003). Tsentral'noe i mestnoe upravlenie i territorial'noe ustroystvo v kontekste reform XVIII veka [Central and local administration and territorial structure in the context of 18th-century reforms]. *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Rossii. Istoriya i sovremennost'*. M. Pp. 88-92. [in Russian]
- Kirillov, 1980** – *Kirillov, V.V.* (1980). Arhitektura i gradostroitel'stvo Podmoskov'ya (kartina razvitiya s XIV v. do 1917 g.) [Architecture and urban planning of the Moscow region (a picture of development from the 14th century to 1917)]. *Russkiy gorod*. M. T. 3. Pp. 120-132. [in Russian]
- Kizevetter, 1909** – *Kizevetter, A.A.* (1909). Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 g.: opyt ist. kommentariya [City regulation of Catherine II 1785: experience of historical commentary]. M. [in Russian]
- Klokman, 1960** – *Klokman, Yu.R.* (1960). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii gorodov severozapada Rossii v seredine XVIII v. [Essays on the socio-economic history of cities in north-western Russia in the middle of the 18th century]. M. [in Russian]
- Klokman, 1967** – *Klokman, Yu.R.* (1967). Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda, vtoraya polovina XVIII veka [Socio-economic history of the Russian city, second half of the 18th century]. M. [in Russian]

- [Kozlova, 2010](#) – *Kozlova, N.V.* (2010). Lyudi dryahlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka [Decrepit, sick, wretched people in Moscow of the 18th century]. M. [in Russian]
- [Kupriyanov, 2007](#) – *Kupriyanov, A.I.* (2007). Gorodskaya kul'tura russkoy provintsii, konets XVIII – pervaya polovina XIX veka [Urban culture of the Russian province, late 18th – first half of the 19th centuries]. M. [in Russian]
- [Malinovskiy, 1992](#) – *Malinovskiy, A.F.* (1992). Obozrenie Moskvy [Review of Moscow]. M. [in Russian]
- [Minenko i dr., 2006](#) – *Minenko, N.A., Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V.* (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka [Everyday life of the Ural city in the 18th – early 20th centuries]. Moscow. [in Russian]
- [Mironov, 1990](#) – *Mironov, B.N.* (1990). Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye [Russian city in the 1740–1860s: demographic, social and economic development]. Leningrad. [in Russian]
- [Morozov, 2012](#) – *Morozov, A.Yu.* (2012). Samoupravlenie v Rossiyskoy imperii na styke vlasti i obshchestva [Self-government in the Russian Empire at the junction of power and society]. Territoriya i vlast' v novoy i noveyshey istorii Rossiyskogo gosudarstva. M. Pp. 83–91. [in Russian]
- [Pisar'kova, 2007](#) – *Pisar'kova, L.F.* (2007). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka: evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy [State administration of Russia from the late 17th to the late 18th centuries: evolution of the bureaucratic system]. M. [in Russian]
- [Puhov, 2015](#) – *Puhov, V.A.* (2015). Istoriya goroda Kalugi [History of the city of Kaluga]. Kaluga. [in Russian]
- [Razgon, 1999](#) – *Razgon, V.N.* (1999). Sibirskoe kupechestvo v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Siberian merchants in the 18th – first half of the 19th centuries]. Barnaul. [in Russian]
- [RGADA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- [Ryndzyunskiy, 1958a](#) – *Ryndzyunskiy, P.G.* (1958). Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii [Urban citizenship of pre-reform Russia]. M. [in Russian]
- [Ryndzyunskiy, 1958b](#) – *Ryndzyunskiy, P.G.* (1958). Novye goroda Rossii v kontse XVIII v. [New cities of Russia in the late 18th century]. Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran. M. Pp. 359–370. [in Russian]
- [Ryndzyunskiy, 1976](#) – *Ryndzyunskiy, P.G.* (1976). Osnovnye faktory gorodoobrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XVIII v. [Main factors of city formation in Russia in the second half of the 18th century]. Russkiy gorod. M. T. 1. Pp. 105–127. [in Russian]
- [Simonova, 2005](#) – *Simonova, E.V.* (2005). Provintsial'nye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke [Provincial cities of the Tula province in the 19th century]. Tula. [in Russian]
- [Skubnevskiy, Goncharov, 2003](#) – *Skubnevskiy, V.A., Goncharov, Yu.M.* (2003). Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul. [in Russian]
- [Syтин, 1952](#) – *Syтин, P.V.* (1952). Iz istorii moskovskikh ulits: (ocherki) [From the history of Moscow streets: (essays)]. M. [in Russian]
- [Syтин, 1954](#) – *Syтин, P.V.* (1954). Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy: materialy i issledovaniya [History of planning and building of Moscow: materials and research]. M. [in Russian]
- [Tits, 1969](#) – *Tits, A.A.* (1969). Po okrainnym zemlyam vladimirskim (Vyazniki, Mstera, Gorohovets) [Along the outskirts of Vladimir lands (Vyazniki, Mstera, Gorokhovets)]. M. [in Russian]
- [Yurkina, 2004](#) – *Yurkina, O.G.* (2004). Ponyatie «sibirskaya sloboda» v otechestvennoy istoriografii [The concept of "Siberian sloboda" in domestic historiography]. Politologiya i politicheskii protsess. Barnaul. Pp. 129–133. [in Russian]
- [Zakurdaev, 2013](#) – *Zakurdaev, I.V.* (2013). Vladimirskiy tsentral: istoriya Vladimirskoy tyur'my [Vladimir Central: history of the Vladimir prison]. M. [in Russian]

Проблемные аспекты развития инфраструктуры и административного устройства городов Центральной России в преддверии екатерининских реформ

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Семен Алексеевич Вуйменков ^a, Валерий Николаевич Белик ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представленная работа посвящена вопросу состояния инфраструктуры и системы административного устройства в городах Центральной России в середине XVIII в., накануне масштабных преобразований Екатерины II. Методология работы включает в себя элементы

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pseleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), savujmenkov@fa.ru (С.А. Вуйменков), vnbelik@fa.ru (В.Н. Белик)

сравнительного, структурного и дескриптивного анализа. Источниковая база исследования сформирована за счёт привлечения ранее неопубликованных материалов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация). Сделан вывод, что к началу 1760-х гг. города Центральной России проходили сложный процесс трансформации, обуславливаемый логикой и долгосрочными последствиями социально-экономических и административных реформ начала столетия. Города утрачивали статус инструментов военно-политического контроля над территорией и постепенно трансформировались в полноценные административные центры. Однако завершению этого процесса мешали существенные инфраструктурные ограничения, во многом ставшие причиной крупномасштабных реформ Екатерины II. Кадровый голод и отсутствие адекватной материально-технической базы мешали местным властям эффективно решать вопросы, связанные с наличием утративших первоначальный функционал оборонительных сооружений, отсутствием или низким качеством транспортной и социальной инфраструктуры, системы пожарной безопасности и органов обеспечения правопорядка. Отмечается, что системный характер кризиса развития городской среды сделал неизбежным проведение радикальной губернской реформы 1775 г.

Ключевые слова: города, Центральная Россия, XVIII в., Екатерина II, инфраструктура, административное устройство.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 88-104
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.88

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kalmyk Factor in the History of the Kazakh Steppe: Migrations and the “Great Last Camping” of 1771

Ernar M. Uzhkenov ^a, Zaure S. Tabynbayeva ^a, Galiya A. Shotanova ^{b, *}

^a Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article explores one of the least studied periods in the history of Kazakhstan, beginning around 1600 year. The seventeenth century marked an era of profound change across the Great Steppe. The process of widespread decentralization coincided with the gradual decline of the remnants of the Golden Horde and the emergence of new peoples. Rapid shifts in political dominance and the constant emergence of new threats compelled local societies to adapt. These transformations affected not only state territories but also patterns of lifestyles, military strategies, and even everyday practices, ultimately leading to modifications in customs and traditions. Under the threat of war, the Kazakhs were forced to abandon their relatively slow-moving kibitkas characteristic of earlier times and switch to lighter, more mobile yurts.

The westward expansion of the Kalmyks, driven by the search for new pastures and settlement areas, acted as a major catalyst for these changes. Internal fragmentation and weakening of the main nomadic polities of the region – the Nogai and Kazakh Hordes – allowed the Kalmyks to achieve a number of military and political successes. However, the relatively stable institutions of the Kazakh Horde allowed it not only to retain part of its territory but also to eventually regain lost lands. At certain stages, some Kalmyk groups even became part of the Kazakh Khanate. The Chinggisid lineage of the Kazakh rulers and the comparatively large population of the Steppe played a key role in this process. For instance, despite a series of defeats inflicted on the Nogais, the Kalmyks managed to push them out of the western Kazakh steppes only by the mid-seventeenth century.

The wide settlement of the Kalmyks across the Kazakh Steppe is well documented in historical maps and written sources. Relations between the Kazakhs and Kalmyks are especially well reflected in Russian archival materials. Due to the Steppe's proximity to the borders of the Moscow Tsardom, Russian officials and the Posolsky (Ambassadorial) Prikaz closely monitored power shifts in regional and the formation of alliances. Particular attention was paid to the nature of temporary or long-term agreements concluded between the Kazakhs and the Kalmyks. The relative weakness of Russian frontier garrisons and the period of political instability known as the Time of Troubles within Muscovite state itself prompted a careful examination of possible coalitions between the major steppe powers.

The Kalmyks, as one of the principal actors in Central Asian political affairs of the seventeenth century, maintained a degree of autonomy even as they collectively moved westward. In essence, their advance into the Kazakh Steppe represented the migration of individual tribes and clans united by a general tendency toward the Caspian region. The fragmentation and eventual collapse of the Nogai Horde allowed the Kalmyks to consolidate control over certain areas of Kazakhstan and later occupy former Nogai pastures.

* Corresponding author

E-mail addresses: sh.galiya08@gmail.com (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov), uly.dala2024@mail.ru (Z.S. Tabynbayeva)

The historical role of the Kalmyks in the formation and development of the Kazakh state remains insufficiently examined and often underestimated, which complicates the objective reconstruction of Kazakhstan's broader historical narrative.

Keywords: Kazakh steppe, Kazakhs, Kalmyks, history of Kazakhstan, nomads, migrations, 17th century, historical geography.

1. Введение

История XVII века остаётся одним из малоизученных периодов в истории Казахстана. Последующие бурные события XVIII века, договор Абулхаир хана с Российской империей, Отечественная война с джунгарами, выход Цинского Китая на границы с центральноазиатским регионом, во многом затмили историю XVII века, хотя именно там зрели зерна многих последующих изменений, трансформаций и катастроф. Общий упадок кочевого строя, его полное отставание от земледельческих цивилизаций, заставлял кочевые государства всё больше сосредоточиваться на торговле с соседними регионами, зависимость от товаров с которыми всё больше росла. Огнестрельное оружие, ставшее символом перемен, стало тем самым универсальным оружием, обладание которым сразу ставило противника в невыгодные условия. Близость к рынкам Средней Азии, народы которых, благодаря продолжавшей функционировать трансконтинентальной торговой артерии, не только познакомились, но и сумели наладить его производство, позволила правителям Казахского ханства подготовить реальную военную силу. Мобильная и сплочённая армия и обладание огнестрельным оружием позволили Казахской Орде стать одним из гегемонов центральноазиатского региона на рубеже XVII–XVIII веков. Захват крупных торговых, политических и культурных столиц в Средней Азии и дисциплинированная армия могли бы заставить всю историю региона пойти другим путём. Однако ранее неучтённый фактор, совпавший с общим регрессом кочевых государств, изменил весь ход истории. Этим фактором стала миграция калмыков на территорию Казахской степи, что кардинально изменило весь естественный ход событий. Калмыки, изначально начавшие своё движение с северо-востока от Казахской степи, вскоре широко расселились по всей территории Южной Сибири, а впоследствии массово начали миграцию на юг. Столкнувшись с сопротивлением возрождающегося Казахского ханства, калмыки стали теснить ногаев далее на запад, что позволило им занять прежние кочевья последних.

История казахско-калмыцких отношений в период этой миграции неоднократно сменялась: от ведения мирных переговоров до военного противостояния. Однако в целом калмыки придерживались собственно центральноазиатских традиций строительства государственности, что, конечно же, облегчало решение скопившихся проблем относительно мирным путём. Наличие общих традиций и практически идентичных способов ведения хозяйства позволило обоим народам выстроить необходимые для мирного соседства коммуникации.

2. Методы и материалы

В рамках настоящего исследования для глубокого изучения ключевых событий XVII века, объединённых историей связей калмыков и казахов, применяется комплексный подход, основанный на изучении разнообразных источников и фундаментальных трудов современников. Основу исследования составили также картографические материалы из Национальной библиотеки Франции, Библиотеки Университета Вроцлава, Королевской библиотеки Швеции, отражающие историческую динамику изучаемого периода.

В ходе исследования проблемы расселения калмыков на территории Казахской степи в XVII веке активно использовался метод историзма, который включал в себя анализ письменных источников, а также исторических карт рассматриваемого периода. Это позволило выявить основные направления расселений калмыков, а также лучше понять возрастание тенденций миграции именно в западном направлении. Кроме того, были использованы междисциплинарный метод, учитывающий данные по палеоклимату Западно-Казахстанского региона, и диахронический подход, который помог лучше понять изучение изменений во времени.

Рассматриваемые как письменные, так и картографические сведения позволяют установить три устойчиво фиксируемые зоны присутствия калмыков. Первая зона охватывала северное и восточное побережье Каспийского моря, включая участки дельты реки Урал. Вторая включала приуральские степи, где калмыцкие улусы осуществляли временные кочевья и вступали в контакт с ногайскими и казахскими племенами. Третья зона охватывала Мангыстау и плато Устюрт, куда калмыцкие группы выходили в условиях ограниченного доступа к пастбищным ресурсам в основной зоне кочевий.

3. Обсуждение

Особенности калмыцкого присутствия в западноказахстанских степях в XVII–XVIII веках, а также причины и характера их ухода из региона получили широкое отражение в исторической литературе. В контексте истории евразийских степей этого периода калмыцкий фактор рассматривается не только как элемент миграции, но и как часть более широкого процесса трансформации степного мира. Современная историография рассматривает процессы передвижения

как составную часть более широкой системы кочевого движения в пределах евразийской степной зоны, в которой калмыки занимали промежуточное положение между российскими юго-восточными рубежами и внутренними районами Средней Азии.

Установление контроля калмыцких улусов над прикаспийскими степями в историографии трактуется как следствие ослабления ногайских орд и постепенного расширения ойратского политического влияния в западном направлении. Данный процесс сопровождался и борьбой за пастбищные ресурсы, и постепенным вовлечением региона в орбиту политических интересов Москвы и Санкт-Петербурга, что особенно проявилось в XVIII веке. Историк Ж. Кундакбаева писала: «История волжских калмыков относится к 1630 г., когда главный из владетелей торгоут Хо-Урлюк с шестью сыновьями и народом, насчитывающим около 50 тыс. кибиток, поссорившись с хошоутскими и зенгорскими калмыками, откочевал и поселился на землях ногайцев между Волгой и рекой Урал (Яик)» (Кундакбаева, 2019: 12). Так, в исследованиях казахстанских авторов относительно роли казахско-ногайских отношений отмечается: «Распад Большой Ногайской орды затянулся на два-три века, главными причинами были внутренние усобицы, вражда с Крымским, Астраханским, Казанским ханствами, катастрофические отношения с калмыками, появившимися в XVI веке в Поволжье, постоянное усиление Московской Руси» (Турсынов и др., 2017: 109).

Ряд исследователей, включая М.М. Батмаева и М. Ходарковского, считают, что этот процесс не сопровождался стабильной административной интеграцией региона, а выражался преимущественно в форме временных кочевий и военно-политического доминирования (Батмаев, 2022; Ходарковский, 2022).

При этом именно в XVIII веке, в период формирования новых административно-политических границ, калмыцкие улусы становятся элементом новой государственной системы, отражая процесс интеграции степных пространств в структуру Российской империи. В то же время значительная часть калмыцких групп сохраняла автономное положение и продолжала выступать как самостоятельный субъект политических отношений с окружающими силами – казахами, ногайцами, башкирами и самим Российским государством (Посольские книги..., 2024: 169-171).

Согласно оценкам авторов разных эпох, мы наблюдаем, что к началу XVIII века отношения между калмыками и казахскими родами Младшего жуза характеризовались нарастающей конфликтностью. В исторических источниках фиксируются регулярные вооружённые столкновения, угоны скота, взаимный захват населения и вовлечённость обеих сторон в более широкие военно-политические процессы, включая борьбу с Джунгарским ханством и участие в династических союзах. Конфликты стали частью общей борьбы за ресурсы и стратегические коммуникации, которые в это время начали играть важную роль в планах Российской империи по укреплению своих юго-восточных границ. В ряде трудов прослеживается глубокая степень вражды и конкуренции за ключевые пастбищные пространства (Новолетов, 1884: 6; Дорджиева, 2002; Максимов, 2002). На основе изучения ряда официальных документов, таких как административные донесения и картографические материалы, исследователи приходят к выводу, что в этот период наблюдается систематическое ограничение традиционного кочевого пространства калмыков. Это включало введение налоговой нагрузки, ограничения на передвижение, регламентацию пастбищных маршрутов, а также строительство укрепленных казачьих линий, что постепенно подрывало основы автономного существования Калмыцкого ханства и привело к началу процесса бюрократизации Степи и формирования новых управленческих механизмов на окраинах империи.

Ключевым событием, повлиявшим на этнополитическую карту региона, стал уход значительной части калмыцких улусов в 1771 году. В историографии этот процесс получил название «исход торгоутов» или «последнее великое кочевье» и интерпретируется как ответ на совокупность внутренних и внешних вызовов, включая экологический кризис вследствие перегрузки пастбищ, усиление давления со стороны казачества и ограничение политического суверенитета. Как пишет В.И. Колесник, «решение о переселении принималось в условиях полной утраты стратегической автономии и стремления к восстановлению прежнего статуса в районе Джунгарии» (Колесник, 2003).

Численность участников перехода оценивается в пределах от 150 до 180 тыс. человек. Движение осуществлялось через прикаспийские степи, Мангыстау, плато Устюрт и далее по территории Южного Казахстана. В разделе работы А.З. Курлапова «Смута на Яике в 1772 г.» говорится, что «в конце декабря 1771 г. в Яицкий городок прибыл генерал М.М. Траубенберг для разбирательства, почему казаки отказались преследовать уходящих в “Зюнгарию” калмыков» (Курлапов, 2013: 73). При этом, по свидетельствам современников и последующих источников, значительная часть переселенцев погибла в пути вследствие боевых столкновений с казахскими отрядами, нехватки воды, болезней и голода.

Результатом ухода калмыков стало освобождение значительных пастбищных площадей в Прикаспии и на юге Приуралья. Данные территории в последующие годы стали зоной расширения казахских кочевий, прежде всего родов Байулы и Жетыру, а также территорией расселения ногайских и частично башкирских групп. Кроме того, в рамках расширения казачьей линии и продвижения российского освоения края освобождённые участки использовались для размещения гарнизонов, пограничных постов и станиц.

Калмыки, не принявшие участия в исходе или по различным причинам оставшиеся на месте, подверглись административному переселению. Эти группы были распределены по левобережью Волги и южному Приуралью, где они впоследствии вошли в состав административных единиц Российской империи (Торопицын, 2016: 24; Кундакбаева, 2019). Таким образом, уход калмыков завершил этап их активного присутствия в степях, прилегающих к территории современного Западного Казахстана, и стал переломной точкой в истории кочевой ойратской культуры на западных рубежах Евразии.

Современная же историография рассматривает данный исход как часть общего процесса трансформации кочевых обществ в условиях формирования имперских границ. Он иллюстрирует механизм вытеснения политически автономных кочевников в условиях нарастающего административного давления, изменения экологических условий и вовлечения степных регионов в орбиту централизованных государств. Уход калмыков с территории Западного Казахстана представляет собой характерный пример завершения одного из этапов этнополитической истории региона, в котором взаимодействовали интересы имперских структур, кочевых союзов и локальных сообществ.

4. Результаты

Спаянное в многолетнем противостоянии с опасным противником из числа Шейбанидов, Казахское ханство надолго стало важным геополитическим актором. Неравномерная торговля, которую вели жители Степи с оседлым населением, заставляла казахских ханов осуществлять весьма жёсткую, но последовательную политику в отношении южных соседей. Так, ещё Тауекель хан в 1590-х гг. стал организатором серии больших походов, целью которых было не только навязать свои условия, но и стать политическим доминантом региона. Взятие Ташкента и Самарканда стало поистине триумфом для возрождающегося Казахского государства. Ташкент был не только подчинён, но и надолго стал столицей Казахского ханства. Согласно сообщениям источников, именно Тауекель стал первым правителем не только собственно казахов, но и также кыргызов и калмыков. Как представляется, следует под подчинением понимать только некоторые группы населения из числа новых подданных. Так, другая группа калмыков сохраняет свою независимость, а полное подчинение кыргызов было просто невозможно. Скорее этот титул – хан казахов, кыргызов и калмыков – отражал верховное положение статуса и авторитета казахского хана на территории Семиречья.

Миграционные процессы калмыков наглядно видны через политико-географические сведения из карт. Так, уже на карте Энтони Дженкинсона калмыки показаны как народ, проживающий на севере от казахов, были локализованы где-то в районе за Алтаем, живущие в шатрах, а основой их хозяйства показано скотоводство, как и у казахов и ногаев. Локализация их за горным хребтом, приблизительно на северо-восток от Казахской Орды, прямо указывает, что миграция калмыков ко времени создания карты, в 1562 году, либо ещё не началась, либо находилась на зарождающейся стадии (Jenkinson, 1562). Интересным представляется то, что казахи и калмыки отмечены и украшены изображением забивания скота. Однако в плане верхней одежды казахи изображены очень похожими одеянием на жителей Самарканда, а калмыцкая верхняя одежда во многом схожа с одеяниями шаманов, что говорит о господстве среди калмыков верований, непохожих на верования их соседей. На самом правом верхнем углу можно обнаружить всадника, похожего по своей экипировке на казаха (указан схожий головной убор в виде тюрбана, а также сабля имеет ту же конфигурацию, как и у казахов), однако непонятно, что имел в виду автор карты (Рисунок 1) и относился ли этот всадник к собственно калмыкам.

Уже на следующей карте, представленной картой «*Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio*» Энтони Дженкинсона из атласа «*Theatre of the World*» (Abraham Ortelius, 1570 год), казахи по отношению к Каспийскому морю находятся на северо-восток от него, а калмыки размещены намного севернее, чуть южнее Крайнего Севера (Абусейтова и др., 2024: 96). Эта карта интересна тем, что калмыки уже не имеют своих миниатюр, а просто указаны как одна из этнических групп. Их почти прямое расположение к северу от казахов, в отличие от прежней карты Энтони Дженкинсона, может указывать на постепенное продвижение калмыков на запад. Такая тенденция сохранит свою динамику и далее. На карте голландского мореплавателя Виллема Янсзона, составленной в 1630 году (Рисунок 2), калмыки расположены намного к северу, причём одна из групп расположена на берегу Северного Ледовитого океана, что, конечно же, отражает слабое знание европейцев о протяжённости и масштабе внутренних областей Евразии (Blaeuw, 1630).

Но уже на карте от 1635 года «*Tartaria sive Magni Chami Imperium*» калмыки однозначно фигурируют на территории междуречья Урала и Волги, по соседству с Ногайской Ордой (Рисунок 3). Скорее всего, написание Colmak, встречающееся на карте 1630 года, относилось либо к совершенно другой этнической группе, либо любой малоизвестный этнос относился к калмыкам в глазах европейцев той эпохи.

Рис. 1. Карта «Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae descriptio» Anthony Jenkinson. 1562 год. Библиотека Университета Вроцлава (Республика Польша)

Рис. 2. Карта «Asia noviter delineata». Willem Janszoon Blaeu. 1630 год. Национальная библиотека Франции

Рис. 3. Карта «Tartaria sive Magni Chami Imperium» из атласа «Theatrum Orbis Terrarum». 1635 год

Интересно, что ещё до сообщений русских воевод калмыки на территории Казахстана встречаются и ранее. Так, на карте «Europa» Gerard Mercator и Rumold Mercator 1595 года (Рисунок 4) уже достаточно чётко локализованы калмыки (Калмыцкие татары) также на территории Волго-Уральского междуречья, причём ногаи на этой карте фиксируются значительно западнее, чем ранее, в междуречье Урала и Волги (Абусейтова, 2024: 105).

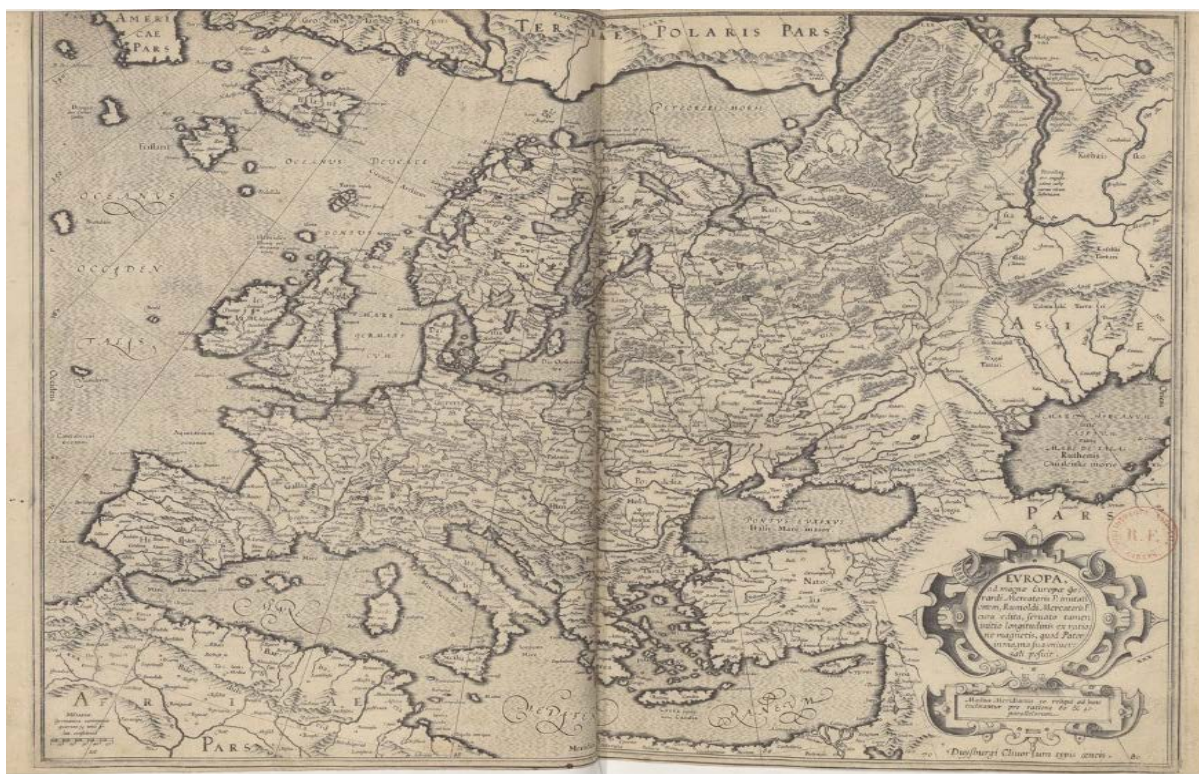

Рис. 4. «Europa» из «Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura». Gerard Mercator and Rumold Mercator. 1595 год

Сами калмыки фиксируются лишь в верхнем течении Урала, что соответствует исторической реальности того периода. Вероятнее всего, какая-то из групп калмыков проникает раньше других далеко на запад, возможно, будучи связанными вассальной присягой одному из местных властителей. Движение же главных сил началось гораздо позже. При этом сами казахи, по-прежнему, судя по картам, занимают центральные и южные области Казахской степи. Такая локализация, по-видимому, связана с обострением отношений Казахского ханства с южными соседями. Смена династий, когда Аштарханиды сменили господство Шейбанидов, привела к сосредоточению казахских сил именно на юге. Такая концентрация сил привела не только к успешным боевым действиям Тауекель хана на юге, благодаря которым Ташкент на 200 лет стал одной из столиц Казахского ханства, но и, как было выше упомянуто, к подчинению власти казахского правителя ряда соседних объединений. Так, согласно источникам, казахский хан именовал себя ханом казахов, кыргызов и калмыков. С этим связано интересное обстоятельство, во многом проливающее свет на переломный исторический период – время пребывания калмыков на территории Казахстана. После крупных успехов Тауекель хану на время подчинилась какая-то группа калмыков. Причём, если в 1594 году посол Кулмагомет заявлял Ораз Мухаммеду, казахскому султану на службе русскому царю, что «... ныне дядя твой Тевкель (Тауекель) царевич царь учинился на Казатцкой Орде, а брата своего Шахмагомета царевича посадил на калмаках» (История..., 2005: 191), необходимо учитывать, что речь шла не о событиях сравнительно недавнего прошлого, беря во внимание, что Тауекель стал ханом уже в 1582 году (по другим сведениям, в 1583 году). Более того, русский царь, отправляя своё посольство к казахскому хану Тауекелю, предлагает ему установить отношения и называет его ханом Казахской и Калмыцкой орд (История..., 2005: 202). Учитывая, что согласно восточным источникам, Тауекель имел право называть себя ханом и кыргызов, почему тогда русский царь игнорирует кыргызский элемент в титулатуре казахского хана в своём обращении? Скорее всего, это привычное наименование для русского царя иностранного правителя по включению в его состав других государственных объединений. На это отчасти указывает и то, что сам царь, перечисляя свою титулатуру, указывает на себя: «всёя Руси самодержавца и многих государств государя». Маловероятно, что для русского царя существовал другой источник информации по владениям казахского хана, помимо указанного выше посла, Кулмагомета. Хотя кыргызы и входили в список титулатуры казахского хана, однако не были указаны именно термином «Орда», который обозначал и государственный институт, и государственное объединение, и, наконец, то само государство. Последнее упоминание о Тауекель хане как правителе двух Орд относится к 1600 году (История..., 2005: 214). Тем не менее на карте «Tartaria» Йодокуса Хондиуса 1606 года калмыки довольно прочно занимают верховья Урала и далее на восток от Мугоджар (Hondius, 1606).

Уже в 1607 году калмыцкие тайши Иченею, Далай багатуру, Хо-Урлюку и Курсугану вместе со своим народом, численностью до 120 тыс., присягнули русскому царю, получив взамен право на кочевание вверх по реке Иртыш, а также внешнюю защиту против ногаев и Казахской Орды. Вскоре война между калмыками и Казахской Ордой была в разгаре, и в 1609 году, оставив свои аулы на попечении гарнизона Тарского городка, калмыки обрушились на казахские аулы. Неурядицы, которые были в самом разгаре в Казахской Орде, привели к ряду поражений казахов, однако отказ некоторых калмыцких тайшей от шертования московскому царю омрачил складывающийся союз и, более того, вынудил русского царя прибегнуть к угрозе выдворения калмыцких тайшей со своих земель силой. Именно это обстоятельство вынуждает калмыков продвигаться на запад, что приводит к усилению противостояния с ногаями. Уже в том же 1609 году знатный ногайский бек Кара Келмамет в ответ на призыв идти исполнять воинскую службу русскому царю, заявил, что не может, так как противостоит калмыкам. В 1612 году состоялся один из первых набегов калмыков на ногайские кочевья, правда, без серьезного урона: «а поизобилили немного» (История..., 2005: 255). Здесь же отмечается, что калмыки были весьма ослаблены, поскольку обильный снегопад привёл к падежу скота. Это первое появление калмыков в Волжско-Уральском междуречье совпало с междоусобицами в Ногайской Орде, где главный бий Иштерек постепенно теряет свой авторитет, вследствие чего в ногайской среде разгорелась гражданская война. Казахи в этот же период, по свидетельству очевидцев, перекочёвывают на север, поскольку: «а живут они ныне зимнею порою под Сибирью» (История..., 2005: 257). Кроме того, вследствие откочевки ногаев на крымскую сторону, зауральские степи опустели, помимо самого города Сарайчика (История..., 2005: 259). Вообще можно отметить, что подчинение калмыков в 1608 году власти русского царя было весьма условным. По мере укрепления их положения, они всё меньше хотели подчиняться требованиям наместников Московского царства в сибирских городах. Кроме того, окружённые новыми соседями, которые также являлись во многом условно подданными Москвы, калмыки просто не могли не вступить с ними в конфронтацию. Показателен здесь пример, когда главный бек Ногайской Орды Иштерек в ответ на угрозы Москвы называет своими союзниками большую коалицию мусульманских союзников, хотя и не отвергает свою зависимость от русского правительства. Дело в том, что в этот период в самом Московском царстве начинается период Смуты, что резко ослабило возможности правительства в деле контроля за далёкими окраинами своего государства.

Помимо западного продвижения, калмыки, по-видимому, установили протекторат над Старшим жузом и Кыргызской Ордой. Есим хан, будучи изгнан узурпатором Турсын-Мухаммед ханом, опирался на поддержку калмыков. Однако уже в 1620 году Есим хан наносит поражение калмыкам (История..., 2005: 276). Общее ослабление калмыцкого объединения, вероятнее всего, связано с борьбой между влиятельными тайшами и междоусобицами между ними. Временное укрепление Казахского ханства в правление Есим хана во многом связано с углубляющимся распадом Ногайской Орды, которая окончательно была дезорганизована и приходила в упадок. Некоторая часть ногайцев, особенно те, которые традиционно кочевали в зауральских степях, уже тогда, по-видимому, признаёт власть казахского хана, что значительно усиливает военные возможности Казахской Орды. На основании письменных источников можно предположить и о складывании союза между Алтан ханом, Казахской Ордой и ногаями. Этот союз заставил калмыков сконцентрироваться в кочевьях на берегах реки Обь. Интересно, что на карте «Новая карта Тартарии. A Neue Mape of Tar» Джона Спиды от 1627 года (Рисунок 5) одна группа калмыков сосредоточена в верховьях Урала, а другая – в районе Мугоджарских гор. Кроме того, далее на восток от Мугоджар указана группа каракитай (вероятнее всего, одна из групп калмыков) (Speed, 1627).

Рис. 5. Карта «Asia» из книги «A Prospect of the most famous parts of the world» John Speed. 1627 год. Королевская библиотека Швеции

В целом, мы можем наблюдать довольно широкое расселение калмыков на западе разными группами, независимыми друг от друга, что говорит о том, что верховной власти в калмыцком обществе тогда не существовало. Сама численность воинских сил отдельных калмыцких тайшей была, по-видимому, ограниченной. Чаще всего в источниках упоминается от 1 до 4 тыс. воинов (История..., 2005: 278), и только при объединении нескольких тайшей калмыки были способны проводить крупные операции, что также повлияло на центростремительные процессы в калмыцком обществе.

В 1630 году на карте Виллема Янсзона фиксируются небольшие изменения в расселении народов Центральной Азии (Blaeuw, 1630). В частности, калмыки по-прежнему фиксируются на территории Волжско-Уральского междуречья, но казахи на этой карте отмечаются в районе Мугоджар, на месте бывшего расселения другой группы калмыков, что связано, по-видимому, с её вытеснением далее на запад.

Ногайцы помещены автором карты далее на запад, на правобережье реки Волга. В 1622 году калмыки разгромили ногайцев в битве недалеко от Сарайчика и далее углубились в сторону рек Сагиз и Кайнар. Это одно из первых упоминаний и письменных фиксаций калмыков на восток от реки Урал, хотя есть сведения о набегах калмыков на земли Ургенча в 1619 и 1620 году. Поход был весьма успешен и, как всегда, совпал с местными междоусобицами. В 1625 году калмыки решаются на зимовку на реке Эмба, что говорит о полной децентрализации в Ногайской Орде, которая раньше контролировала весь этот регион. Казахи же, увязшие в междоусобице между Есим ханом и Турсун ханом, не смогли этому препятствовать. Турсун хан, будучи бывшим вассалом бухарского хана Имамкули, стал претендовать на полную независимость и от своего имени пытался договориться с калмыками о беспрепятственной торговле с сибирскими городами. Начавшаяся междоусобица между калмыцкими тайшами помешала этому, так что связи между ташкентским двором и калмыцкими тайшами были весьма ограничены, хотя расстояние между ними было весьма недалёкое – в 1626 году калмыки фиксируются уже в Барсуках песках (*История..., 2005: 295*). Это продвижение во многом связано с тем, что остатки Ногайской Орды по частям продолжают подчиняться калмыкам, так именно в этом году им покоряется мурза Шайнек со своим улусом. Исходя из этого, следует понимать, что с приходом калмыков местные племена включались в структуру нового порядка.

Сами калмыцкие тайши поддерживали общие центральноазиатские формы управления, и всё было облечено в привычные формы подчинения. Шайнек мурза, по-видимому, хотя и был подчинён калмыкам, вместе с тем продолжал сохранять свободу во внешних связях. В этой связи интересен тот факт, что в источниках указывается и численность воинов у Шайнек мурзы, а именно 900 человек (*История..., 2005: 301*). При этом Имендияр, правитель Ургенча, был согласен в случае подчинения Шайнек мурзы выделить ему для управления один из своих пяти городов. Этот пример наглядно показывает слабость как ослабленных междоусобицами среднеазиатских государств, так и слабость собственных военных сил ногайцев. Стоит отметить, что и правитель Большой Ногайской Орды в своём обращении к русскому царю указывает численность своих подданных от 30 до 40 тыс. людей (*История..., 2005: 296*). В том же 1627 году Есим хан разгромил Турсун Мухаммед хана и калмыцких тайшей, причём поводом к убийству своего соперника источники называют именно отказ Турсун Мухаммеда поддержать Есим хана в бою против калмыков. Можно предположить, что эта победа над своими извечными врагами позволила временно заставить калмыков откочевать из Центрального Казахстана, поскольку источники фиксируют, что «калмыцкие де люди под Сибирь на реке Иртыш, от Юргенчи езду с четыре месяца» (*История..., 2005: 304*). Тем не менее, на Эмбе продолжали кочевать калмыки: в устье, вверх по Эмбе и к востоку от Эмбы в урочище Кашкан, всего численностью в три тыс. человек. Столь небольшая численность при руководстве трёх тайшей, как правило, позволяет их характеризовать как отдельные группы, независимые друг от друга. Один из этих тайшей, Мерген Темен, в 1626 году пошёл в поход против Казахской Орды и был разгромлен Есим ханом, причём дважды. Позже, в 1627 году калмыки под подчинением Мерген Темена были разгромлены войсками казахского хана Есим хана, усиленными отрядами Шайнек мурзы. После этого калмыки откочевали на реку Сырт, в верховья Урала. Этот регион долгое время находился под их полным контролем. Попытки вернуть его в 1628 году, когда калмыки силами до 40 тыс. напали на Есим хана, были неудачны, поскольку калмыки вновь потерпели поражение, а 2 тыс. из них отошли к верховьям Эмбы. Процесс перехода алтыульцев под контроль казахского хана был не единовременным актом, а сопровождался постоянной сменой мирных отношений и военных действий. Этот союз впоследствии окончательно закрепил часть ногайцев в составе казахского народа. Несмотря на уговоры калмыцких послов, мурза Шайнек во многом склонялся к верности Есим хану, хотя, по сообщениям источников, среди самих алтыульцев сохранялись разногласия: «Половина де мурз и улусных их людей хотят в Казачью Орду, в Туркестан, а половина мурз и улусных людей хотели идти в Юргенч (Ургенч)» (*История..., 2005: 311*). Общие неудачи калмыков на казахском фронте вынудили их к дальнейшему нажиму на ногаев, которые не выдерживали натиска такого грозного противника и были вынуждены кочевать уже вблизи от Астрахани, чей гарнизон имел значение как гарант безопасности. Дальнейшему продвижению калмыков, впрочем, помешал не астраханский гарнизон, а междоусобные распри между тайшами. Проигравшие в количестве 10 тыс. откочевали было на юг, в Туркестан, но «туркестанский царь» их разгромил, заставив откочевать опять-таки в верховья Урала, недалеко от Уфы. Стоит отметить, что эта группа приуральских калмыков постепенно набирала силу. Калмыки этой группы с 40 тыс. напали на казахов, позже с 30 тыс. – на ногаев. Можно предположить, что лишь постоянные распри лишали их возможности окончательного вытеснения местных народов из привычных мест обитания. Подчинив себе часть алтыульцев, калмыки выставляли значительные силы для дальнейшего оттеснения ногаев к Уралу и далее к западу от него. В марте 1629 года калмыки в количестве 5 тыс. кочевали уже на реке Уил и вблизи от моря, что говорит о практическом вытеснении ногаев с восточной стороны Урала, хотя отдельные их роды продолжали кочевать в зауральских степях. В том же 1629 году встречается упоминание, что местность Кондаки, в 70 верстах от Астрахани, калмыки считали издавна своей, что, скорее всего, они действительно кочевали здесь уже с 1595 года. Постоянные нападения калмыков на ногайские кочевья в междуречье Волги и Урала объясняются, по-видимому, довольно лёгким

переходом через Урал ввиду его обмеления, и многочисленные броды сделали водную преграду бесполезной для ногаев. Полная децентрализация в Ногайской Орде не позволяла организовать эффективную защиту, что вынуждало ногаев всё чаще прибегать к защите русского гарнизона Астрахани. К его защите прибегали и сами калмыки, вернее, та группа, которая кочевала на Эмбе, опасаясь нападения 10-тысячного войска казахов. Помимо казахов, против калмыков выступали и ургенчские войска, которые время от времени преследовали совершивших набеги калмыков и алтыульцев. На карте Йоана Виллемсона 1635 года (Рисунок 5) можно проследить, что казахи довольно прочно закрепились в центральных районах Казахстана, вытеснив оттуда кочевья калмыков (Blaeu, 1635).

К этому времени калмыки находились в весьма сложной ситуации, когда обнаружили себя со всех сторон окружёнными врагами. Наиболее грозными противниками оказались так называемые чёрные калмыки, то есть джунгары. Эта вражда между родственными народами, начало которой скрыто ещё в незапамятные времена, во многом снижала эффективность их успешных набегов и побед. Можно предположить, что чёрные калмыки, то есть джунгары, были долгое время известны европейским картографам под именованием каракитаи, по крайней мере, одна из групп кочевников неоднократно отмечалась на разных исторических картах.

Победа над ногаями в 1630-е гг. привела, с одной стороны, к вытеснению ногаев из степей Западного Казахстана, а с другой – ослабила давление калмыцких тайшей на казахов, хотя их кочевья неоднократно фиксировались далеко на юге, вплоть до Туркестана. Более того, до нас дошло и письмо бухарского правителя московскому царю от 1633 года с предложением совместно напасть на калмыков под предлогом того, что они мешали торговле в районе Эмбы (История..., 2005: 330). Препятствование торговле не было единственной причиной для обострения казахско-калмыцких отношений. Начавшаяся в 1635 году новая война была на первоначальном этапе удачна для казахов, однако во время второй битвы казахи были разгромлены, а Джангир, наследник Есим хана, в результате был, по-видимому, пленён. Однако уже в 1640 году посол московского царя при дворе джунгарского контайши отмечает присутствие послов Казахской Орды от Джангир «царевича», то есть наследника казахского хана. Позже, в 1644 году, казахи разбили войска контайши Батура хунтайджи, который, потеряв около 10 тыс. в бою малыми силами в знаменитой Орбулакской битве, несмотря на явный перевес в силах (600 воинов Джангира против 50 тыс. воинов), вынужден был уйти в свою ставку. Саму численность казахского войска при мобилизации источник оценивает в 15 тыс. воинов, а войско союзника Джангир хана, Жалантос батыра, – в 20 тыс. Эти количественные данные хорошо иллюстрируют резкое увеличение численности джунгар и ослабление мобилизационных возможностей казахского правителя. Если ранее Есим хан, командовавший войском из более чем 10 тыс. воинов, довольно успешно противостоял калмыкам, то Джангир хан даже при поддержке союзников более не располагал каким-либо перевесом в силах.

Карта «*Asia recens summa cura delineanta*» Hondius Henricus от 1644 года (Рисунок 6) в принципе повторяет данные с карты от 1630 года, где Ногайская Орда также находится в междуречье Волги и Урала, а калмыки расположены к востоку от реки Урал (Абусеитова, 2024: 117). Также карта отражает устойчивое закрепление калмыков в Нижнем Поволжье и постепенное вытеснение ногайцев к западу. Эти визуальные свидетельства демонстрируют переход калмыков от кочевых миграций к относительной территориальной стабилизации, что, в свою очередь, способствовало формированию устойчивых политических институтов и внешнеполитических отношений с Россией, Бухарой и Джунгарией (Bulag and Fuerwa, 2022: 79-83).

Казахи (казахские татары) расположены восточнее относительно калмыков, по-видимому, за Мугоджарами. Вторая горная гряда, окружающая казахов, скорее всего, отражает знания европейцев того времени от гор Алтая. Сразу за ними отображены каракитаи, предположительно, как указывалось выше, одна из групп калмыков или джунгар. Отрывочные сведения за 1654 год дают представление о заселении территории большей части северного Казахстана и бассейна реки Иртыш калмыцкими и мунгальскими (монгольскими) улусами. Чуть позже, на карте 1664 года «*L'Asie*» (Рисунок 7) ногайцы по-прежнему локализуются на западе, возле реки Волги, но гораздо выше, в пределах Южного Урала (Duval, 1664). Калмыки в то же время изображены восточнее реки Урал, расселившись вплоть до пределов узбеков. Казахи же, в свою очередь, локализованы севернее Туркестанского региона. Эта ситуация фиксирует очередное ослабление Казахского ханства, в первую очередь благодаря усилению Джунгарского государства. Этап длительных и разорительных войн с Джунгарией был значительно позже, но уже тогда Джунгария представляла собой основную угрозу самому существованию Казахской Орды. Только консолидация казахов под правлением хана Тауке смогла предотвратить эту угрозу, правда, ненадолго. Составитель карты 1684 года «*Le Grand Continent*» даёт представление об окончательном захвате ногайских земель калмыками (Duval, 1684). Каракитаи по-прежнему локализуются на территории Южной Сибири и северных землях современного Казахстана. Сами казахи на карте не отмечены, однако общее название региона Туркестан присутствует. Как известно из источников того времени, Туркестан являлся ставкой казахского хана Тауке (История..., 2005: 381). В этот период, в 1697 году, казахи, по сведениям

источников, во многом были сосредоточены на юге, вблизи своих городов (История..., 2005: 381). Семиречье, как следует из этого источника, уже было захвачено калмыками (джунгарами).

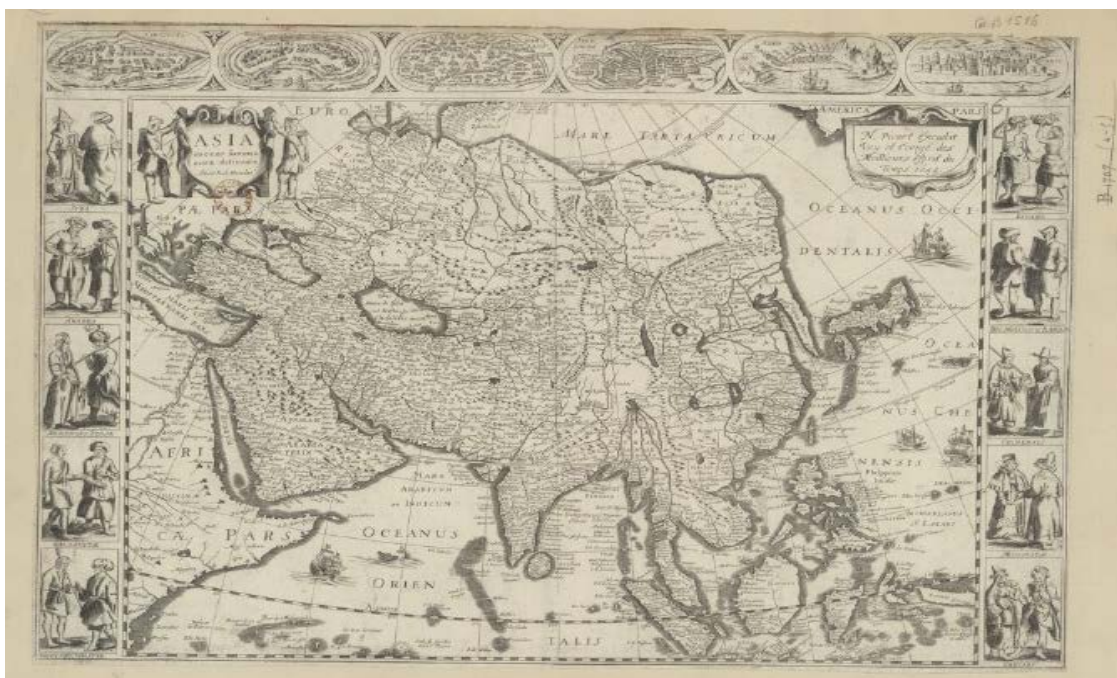

Рис. 6. Карта «Asia recens summa cura delineate» Henricus Hondius. 1644 год. Национальная библиотека Франции

Рис. 7. Карта «L'Asie». P. Duval. 1664 год. Национальная библиотека Франции

Исходя из процессов, ранее описанных, можно прийти к выводу, что уже ко второй половине XVII века процессы этнического и политического формирования калмыков достигли своего

логического завершения. Миграция явилась результатом сложного комплекса факторов: давления джунгарских ойратов, нестабильности в Ногайской Орде и стремления калмыцких тайшей к контролю над торговыми путями в низовьях Волги и Прикаспия (Krueger, 1974: 204-207; Kitinov, 2024: 19). Более того, перемещение ойратских кочевых групп сопровождалось не только изменением их географического положения, но и глубокими социальными трансформациями. А система ханской власти, основанная на традиционной родовой организации, совмещавшая принципы кочевого управления и элементы вассальной зависимости от Москвы, закрепила модель «двойной лояльности», получив тем самым формальное признание верховной власти царя при сохранении внутренней автономии (Omakaeva, 1999: 116-118). Именно этот компромисс стал основой будущего противоречия между имперским и ханским началами, определившего судьбу Калмыцкого ханства в XVIII веке. После смерти Аюки-хана в 1724 году, по мнению многих специалистов, политическая структура Калмыцкого ханства вовсе утратила свою устойчивость. Уже в 1730-е годы Петербург утвердил институт калмыцкого вице-губернатора, подчинённого Астраханской губернской канцелярии, что фактически ликвидировало политическую самостоятельность ханов. Внутренняя борьба за власть между потомками Аюки – Дондук-Омбо, Церен-Дондок и Убаши – привела к разрушению традиционных механизмов управления. Петербург использовал эти противоречия, поддерживая одних претендентов против других. К 1750-м годам ханская власть окончательно превратилась в декоративный институт при губернаторе Астрахани (Terbish, 2022: 36). Более того, нельзя упускать тот факт, что в это время меняется и сама структура калмыцкого общества, где под влиянием буддизма, активно распространяемого тибетскими ламами, усиливается роль духовенства, формируется особая идеология ханской власти, основанная на сакральной легитимации всех правителей (Omakaeva, 1999: 120-122). Далее мы наблюдаем одновременное сокращение кочевых территорий. Например, на карте французского картографа Жан-Батиста Нолена-младшего (1740 год) можно увидеть постепенное стеснение калмыцких кочевий между Волгой и Яиком (Рисунок 8). По всей вероятности, это было следствием продвижения русских укрепленных линий (Nolin, 1740). Кочевая экономика, ранее обеспечивавшая мобильность и военную силу, приходила в упадок, в том числе и под влиянием ясачных сборов и административного контроля (Krueger, 1974: 214).

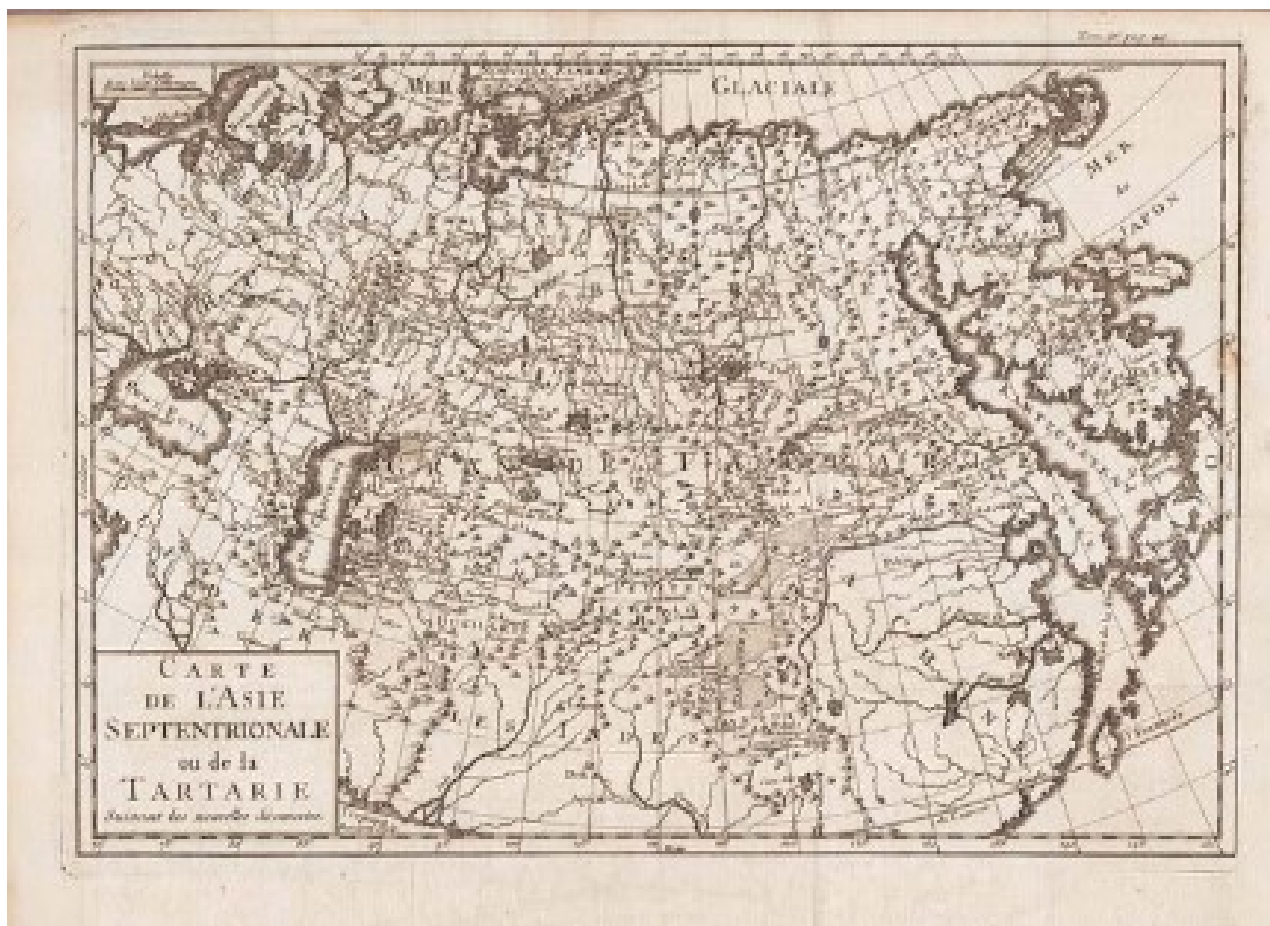

Рис. 8. Карта «Carte de L'Asie Septentrionale ou de la Tartarie». 1740 год

Екатерина II в 1771 году упразднила ханскую должность, передав управление «калмыцким народом» Коллегии иностранных дел (Ochir-Garyaeva, 2019: 907). Нарастающее недовольство

вылилось в идею массового исхода – возвращения к «земле предков» за Илийские горы. Как показал Б. Китинов, в основе замысла Убаши-хана лежало не только стремление к политической независимости, но и религиозная мотивация – желание восстановить связь с центром буддизма и получить покровительство Далай-ламы (Kitinov, 2024: 30-33). Вскоре калмыцкая элита, столкнувшись с усилением административного контроля Петербурга и внутренними династическими конфликтами, оказалась вовлечена в события, названные в истории «Великий исход торгоутов» 1771 года. По оценке историков, около 170 000 человек снялись с кочевий между Волгой и Яиком и направились через степи Казахстана к озеру Эби-Нур (Bulag, Fuerwa, 2022: 91-94). Из них, согласно сведениям китайских источников, только треть мигрирующих достигла территории Синьцзяна; кто-то погиб от холода и голода, а кто-то пострадал от нападений казахских и башкирских отрядов. Император Цяньлун принял выживших торгоутов, поселив их в Илийской долине и у Эби-Нура, где было создано особое управление – Торгоуцкий аймак (Kitinov, 2024: 38). Торгоутский исход продемонстрировал все последующие изменения внутренней структуры калмыцкого народа и общества, особенно той части населения, что осталась на Волге, – в основном дербеты и хошеуты, которые в последующем составят ядро осовремененного калмыцкого народа. Явление «обратной миграции» – так современные исследователи рассматривают исход 1771 года, который стал уникальным, продемонстрировав возвращение кочевого народа из так называемой западной периферии Евразии во внутренние регионы Центральной Азии (Terbish, 2022: 53).

Для Российской империи Торгоутский исход имел двойные последствия: с одной стороны, исчезла пограничная сила, служившая буфером между русскими и кочевыми племенами, а с другой – стороны освободились земли Нижнего Поволжья для колонизации. Это отчётливо видно на карте Генерального штаба 1792 года (Рисунок 9), где территория бывших калмыцких кочевий уже обозначена как «земли Уральской линии» (Omakaeva, 1999: 127).

Рис. 9. Карта «Российской империи» Генерального штаба 1792 года

Миграционные процессы калмыцкого народа XVIII века также способствовали глобальным изменениям в истории народов Центральной Азии. Именно в это время происходит формирование новых политических и территориальных структур, где решающее значение приобретают отношения между калмыками, казахами и Российской империей. Более того, последний исход торгоутов в 1771 году стал символом завершения калмыцкого присутствия в западноказахстанских степях и открыл путь к новой административной политике Российской империи.

5. Заключение

Калмыцкий народ на протяжении многих веков являлся соседним для казахов народом. Многолетние отношения включали в себя как противостояние, так и дружеские отношения. Изначально калмыки присутствовали на территории Казахстана только в военном плане, как

организаторы походов, когда Ойратское государство пыталось взять под контроль города Средней Азии. Иначе ситуация складывается позднее, когда внутренние процессы заставляют огромные массы кочевников мигрировать традиционным для кочевых народов путём – с востока на запад. Большие пространства для кочевания, выходы на центральноазиатские торговые магистрали, более мягкие и выгодные климатические условия обусловили направление миграции. Большим, а зачастую единственным препятствием для осуществления этих планов являлось Казахское государство. Однако гораздо позже исход торгового 1771 года ознаменовал конец эпохи автономного существования калмыков и начало нового этапа – административного оформления и политического подчинения степей. Исходя из этого, можно говорить о том, что калмыки сыграли роль посредников между Востоком и Западом, а их история стала неотъемлемой частью имперской динамики Евразии. Для истории Казахстана миграции калмыков имели неоднозначное значение. С одной стороны, они усилили политическую роль Казахского ханства в XVII веке, превратив его в ключевой фактор степного баланса. С другой – взаимодействие и противостояние с калмыками определили динамику этнополитических границ в Западном Казахстане и Прикаспии, подготовив почву для дальнейшего включения этих земель в сферу влияния Российской империи. Рассматривая в этом контексте историю калмыков в XVI–XVIII веках как связующее звено между эпохой постордынской раздробленности и эпохой имперской интеграции, можно отметить, как народы степей, вынужденные подчиняться законам великих держав, одновременно сохраняли собственные культурные и духовные традиции, создавая тем самым особый евразийский феномен – «историческую память миграции», соединяющую пространство от Алтая до Волги и Илийской долины.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему: «Страны Востока: геополитические вызовы и новые перспективы для Казахстана в историческом и современном измерениях» (регистрационный номер № BR 20281006).

Литература

- Абусеитова и др., 2024** – *Абусеитова М.Х., Табынбаева З.С., Шаймарданова Н.Ж.* Картография Великой степи в эпоху географических открытий. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2023. С. 76-129.
- Батмаев, 2022** – *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. 2-е изд., испр. и дополн. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.
- Дорджиева, 2002** – *Дорджиева Е.В.* Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- История..., 2005** – История Казахстана в русских источниках XVI – XX вв. В 10 томах. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 721 с.
- Карта..., 1792** – Карта Российской империи. Wikimedia Commons. [Электронный ресурс]. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/97/Russian_Empire_1792_Map.jpg (дата обращения: 01.09.2025).
- Колесник, 2003** – *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Кундакбаева, 2019** – *Кундакбаева Ж.* Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке: монография. Алматы: Кцзак университеті, 2019. 384 с.
- Курлапов, 2013** – *Курлапов А.З.* Яицкие-уральские казаки. Повседневная жизнь и праздники. Т. 2. Историко-краеведческое издание, 2013. 672 с.
- Максимов, 2022** – *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Новолетов, 1884** – *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк / Сост. М. Новолетов. СПб.: Изд. владельца Малодербет. улуса Нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 79 с.
- Посольские книги..., 2024** – Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг. Сб. док. / Сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 372 с.
- Торопицын, 2016** – *Торопицын И.В.* Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // *Журнал фронтирных исследований.* 2016. №2. С. 23-42.
- Турсынов и др., 2017** – *Турсынов Е.Ж. и др.* Жырау: статус, культура, мировоззрение. Семей, 2017. 325 с.
- Ходарковский, 2022** – *Ходарковский М.* И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 374 с.
- Blaeu, 1635** – *Blaeu G. et J.* Tartaria sive Magni Chami Imperium / Cartographe by G. et J. Blaeu. Amsterdam, 1635. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b531429554/f1.itemr=Willem%20Blaeu%20tartatia.zoom#>

- Blaeuw, 1630** – *Blaeu W.J. Asia noviter delineata / auctore Guiljelmo. Cartographe.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8592750q/f1.item.r=Asia%20noviter%20delineata%20Blaeu,%20Willem%20Jansz#>
- Bulag, Fuerwa, 2022** – *Bulag U.E., Fuerwa D. Torghuts' Westward Migration to the Volga Region: Oirats, Empire, and the Politics of Return.* Cambridge: University of Cambridge Repository, 2022. 115 p.
- Duval, 1664** – *Duval P. L'Asie. 1664.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8468663s.r=L%27Asie%20%20par%20P.%20Duval.%201664?rk=21459;2#>
- Duval, 1684** – *Duval P. Le Grand Continent. Géographe Ordinaire du Roy. 1684.* [Электронный ресурс]. URL: <https://ryhiner.ub.unibe.ch/en/world/volume/429/image/8901>
- Hondius, 1606** – *Hondius, J. Tartariia (Tartaria). Jodocus Hondius.* Amsterdam. 1606. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-5780472>
- Jenkinson, 1562** – *Jenkinson A. Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae description.* Publisher: Adams, Clement. Contributor: Reinoldus, Nicolaus. 1562. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/publication/edition/40845>
- Nolin, 1740** – *Nolin J.-B. Carte de L'Asie Septentrionale ou de la Tartarie Suivant les nouvelles decouvertes. 1740.* [Электронный ресурс]. URL: <https://antikvaria.ru/product/antikvarnaya-karta-severnoy-azii-ili-tartarii-1740-e-gody/>
- Ochir-Garyaeva et al., 2019** – *Ochir-Garyaeva I.K., Komandzhaev E.A., Buluktaeva K.Yu. Legal Framework For Activities Of Kalmyk Governing Bodies In The 18th Century // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Pp. 904-913. DOI: https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.105*
- Speed, 1627** – *Speed J.A. Neue Mape of Tar. 1627 г. Фонд Карты PUB0049925, 0005. Королевская библиотека Швеции.*
- Kitinov, 2024** – *Kitinov B.U. Lamas and Oirat Migrations: Religion and the Exodus of the Main Part of Kalmyks in 1771. Religions and Society in Central Asia and the Himalaya. Vol. 71. Kathmandu: Digital Himalaya Publications. 2024. Pp. 19-40.*
- Krueger, 1974** – *Krueger J.R. The Kalmyk-Oirat Migration and the Russian Empire. Central Asiatic Journal, Vol. 18, No. 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag. 1974. Pp. 204-220.*
- Omakaeva, 1999** – *Omakaeva E.U. Kalmyks after the Year 1771: The Religious Factor and Ethnic Identity // Journal of Oriental Studies. 1999. Vol. 8. No. 3. M.: RUDN University, 1999. Pp. 116-132.*
- Terbish, 2022** – *Terbish B. The Kalmyk Khanate under the Russian Empire: Administration, Religion, and Identity (1700–1771). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2022. 92 p.*

References

- Abuseitova et al., 2024** – *Abuseitova, M.Kh., Tabyimbaeva, Z.S., Shaimardanova, N.Zh. (2023). Kartografiya Velikoy stepi v epokhu geograficheskikh otkrytiy [Cartography of the Great steppe in the epoch of geographical discoveries]. Almaty: «Shygys pen Batys». Pp. 76-129. [in Russian]*
- Batmaev, 2022** – *Batmaev, M.M. (2022). Kalmyki v XVII–XVIII vv. Sobytiya, lyudi, byt [The Kalmyks in the 17th–18th centuries. Events, people, way of life]. 2-e izd., ispr. i dopoln.. Elista: KalmNTs RAN. 440 p. [in Russian]*
- Bichurin, 1991** – *Bichurin, N.Ya. (1991). Istoricheskoe obozrenie oyratov, ili kalmykov, s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th century to the present]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 127 p. [in Russian]*
- Blaeu, 1635** – *Blaeu, G. et J. (1635). Tartaria sive Magni Chami Imperium [Tartaria or the Empire of the Great Khan]. Amsterdami. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b531429554/f1.itemr=Willem%20Blaeu%20tartatia.zoom#>*
- Blaeuw, 1630** – *Blaeuw, W.J. (1630). Asia noviter delineata [Asia Newly Delineated]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8592750q/f1.item.r=Asia%20noviter%20delineata%20Blaeu,%20Willem%20Jansz#>*
- Bulag, Fuerwa, 2022** – *Bulag, U.E., Fuerwa, D. (2022). Torghuts' Westward Migration to the Volga Region: Oirats, Empire, and the Politics of Return. Cambridge: University of Cambridge Repository. 115 p.*
- Dorzheva, 2002** – *Dorzheva, Ye.V. (2002). Iskhod kalmykov v Kitay 1771 g. [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-on-Don: SKNTs VSh. 212 p. [in Russian]*
- Duval, 1664** – *Duval, P. (1664). L'Asie [Asia]. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8468663s.r=L%27Asie%20%20par%20P.%20Duval.%201664?rk=21459;2#>*
- Duval, 1684** – *Duval, P. (1684). Le Grand Continent [The Great Continent]. [Electronic resource]. URL: <https://ryhiner.ub.unibe.ch/en/world/volume/429/image/8901>*
- Hodarkovskiy, 2022** – *Hodarkovskiy, M. (2022). I vstretilis' dva mira: Rossiya i kalmytskie kochevniki (1600–1771) [And Two Worlds Met: Russia and the Kalmyk Nomads (1600–1771)]. Elista: KalmNTs RAN. 374 p. [in Russian]*
- Hondius, 1606** – *Hondius, J. (1606). Tartariia (Tartaria) [Tartary]. Amsterdam. [Electronic resource]. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-5780472>*

- [Istotiya., 2005](#) – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI – XX vv. [History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th – 20th Centuries]. In 10 volumes. Vol. 2. Almaty: Daik-Press. (2005). 721 p. [in Russian]
- [Jenkinson, 1562](#) – *Jenkinson, A.* (1562). Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae description [A New and Absolute Description of Russia, Muscovy, and Tartary]. [Electronic resource]. URL: <https://bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/publication/edition/40845>
- [Karta., 1792](#) – Karta Rossiyskoy imperii [Map of the Russian Empire]. (1792). [Electronic resource]. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/97/Russian_Empire_1792_Map.jpg [in Russian]
- [Kitiniv, 2024](#) – *Kitinov, B.U.* (2024). Lamas and Oirat Migrations: Religion and the Exodus of the Main Part of Kalmyks in 1771. Religions and Society in Central Asia and the Himalaya. Vol. 71. Kathmandu: Digital Himalaya Publications. Pp. 19-40.
- [Kolesnik, 2003](#) – *Kolesnik, V.I.* (2003). Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh [The last great nomadism: the Passage of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. M.: Vost. lit. 285 p. [in Russian]
- [Krueger, 1974](#) – *Krueger, J.R.* (1974). The Kalmyk-Oirat Migration and the Russian Empire. *Central Asiatic Journal*. 18(3). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag. Pp. 204-220.
- [Kundakbaeva, 2019](#) – *Kundakbayeva, Zh.* (2019). Organizatsiya imperskogo prostranstva v kochevoy srede: Kazakhi i volzhskie Kalmyki v orbite vnimaniya Rossii v XVIII veke: monografiya [The organization of imperial space in a nomadic environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in Russia's orbit in the 18th century: monograph]. Almaty: Kızıak universiteti. 384 p. [in Russian]
- [Kurlapov, 2013](#) – *Kurlapov, A.Z.* (2013). Yaitskie-ural'skie kazaki. Povsednevnyaya zhizn' i prazdniki. T. 2. Istoriko-kraevedcheskoe izdanie [Yaik-Ural Cossacks. Daily Life and Holidays. Vol. 2. Historical and Local History Edition]. 672 p. [in Russian]
- [Maksimov, 2022](#) – *Maksimov, K.N.* (2002). Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII – XX vv.) [Kalmykia in the national policy, system of power and administration of Russia (17th – 20th centuries)]. M.: Nauka. 524 p. [in Russian]
- [Nolin, 1740](#) – *Nolin, J.-B.* (1740). Carte de L'Asie Septentrionale ou de la Tartarie Suivant les nouvelles decouvertes [Map of Northern Asia or Tartary According to New Discoveries]. [Electronic resource]. URL: <https://antikvaria.ru/product/antikvarnaya-karta-severnoy-azii-ili-tartarii-1740-e-gody/>
- [Novoletov, 1884](#) – *Novoletov, M.* (1884). Kalmyki: istoricheskiy ocherk [The Kalmyks: historical sketch]. Saint Petersburg: Izd. vladel'tsa Maloderbet. ulusa Noyona Tseren-Davida Tundutova. 79 p. [in Russian]
- [Ochir-Garyaeva et al., 2019](#) – *Ochir-Garyaeva, I.K., Komandzhaev, E.A., Buluktaeva, K.Yu.* (2019). Legal Framework For Activities Of Kalmyk Governing Bodies In The 18th Century. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. Pp. 904-913. DOI: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.105>
- [Omakaeva, 1999](#) – *Omakaeva, E.U.* (1999). Kalmyks after the Year 1771: The Religious Factor and Ethnic Identity. *Journal of Oriental Studies*. 8(3). Moscow: RUDN University. Pp. 116-132.
- [Posol'skie knigi., 2024](#) – Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Kalmytskim khanstvom. 1675–1677, 1683–1684 gg. Sb. dok. [Ambassadorial books on Russia's relations with the Kalmyk Khanate. 1675–1677, 1683–1684. Collection of Documents]. Elista: KalmNTs RAN, 2024. 372 p. [in Russian]
- [Speed, 1627](#) – *Speed, J.* (1627). A Neue Mape of Tar [A New Map of Tartary]. Fond Karty PUBOO49925, 0005. Korolevskaya biblioteka Shvetsii [Royal Library of Sweden].
- [Terbish, 2022](#) – *Terbish, B.* (2022). The Kalmyk Khanate under the Russian Empire: Administration, Religion, and Identity (1700–1771). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences. 92 p.
- [Toropitsyn, 2016](#) – *Toropitsyn, I.V.* (2016). Sluzhba kazach'ey komandy pri kalmytskikh delakh v pervoy polovine XVIII v. [Service of the cossack detachment in Kalmyk affairs in the first half of the 18th century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2: 23-42. [in Russian]
- [Tursynov i dr., 2017](#) – *Tursynov, Ye.Zh. i dr.* (2017). Zhyrau: status, kul'tura, mirovozzrenie [Zhyrau: Status, Culture, Worldview]. Semey. 325 p. [in Russian]

Калмыцкий фактор в истории Казахской степи: миграции и «Великое последнее кочевье» 1771 года

Ернар Муратович Ужкенов ^a, Зауре Сыздыковна Табынбаева ^a, Галия Айтжановна Шотанова ^{b,*}

^a Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e81g@mail.ru (Е.М. Ужкенов), uly.dala2024@mail.ru (З.С. Табынбаева), sh.galiya08@gmail.com (Г.А. Шотанова)

Аннотация. В данной статье рассматривается один из самых малоизученных периодов в истории Казахстана, начало которого приходится приблизительно на 1600 год. Весь XVII век являлся временем больших перемен в истории Великой Степи. Всеобщая децентрализация сопровождалась постепенным угасанием осколков Золотой Орды и приходом новых народов. Быстрая смена недавно могущественных государств и новые угрозы заставили местные народы трансформироваться. Трансформации подверглись не только территории государств, но зачастую и сам образ жизни, военная тактика и стратегия, а также повседневная жизнь, что в итоге приводило к изменениям обычаев и традиций. Под влиянием военной опасности казахи были вынуждены перейти от относительно медленных кибиток, характеризующих предыдущую эпоху, к более мобильным юртам.

Катализатором этой опасности стало продвижение калмыков на запад в поисках новых мест для поселений. Слабость погруженных в междоусобицы главных кочевых государств региона, Ногайской и Казахской орд, позволила калмыкам добиться немалых успехов. Относительная стойкость государственных институтов Казахской Орды позволила не только отстоять некоторые свои территории, но и впоследствии отвоевать потерянные. Более того, на определённых временных отрезках сами калмыки входили в состав Казахского ханства. Не последнюю роль сыграло в этом чингизидское происхождение казахских ханов, а также относительная многочисленность населения Степи. К примеру, даже после ряда поражений ногаев от калмыков, последние с трудом добились вытеснения ногаев из степей Западного Казахстана только в середине XVII века.

Широкое расселение калмыков на территории Казахской степи хорошо известно благодаря историческим картам и письменным источникам. Казахско-калмыцкие отношения особенно широко представлены в русских источниках. Благодаря близости Степи к границам Московского царства, чиновники и Посольский приказ пристально следили за всеми изменениями в плане доминирования в Степи. Особое значение придавалось условиям временных или долгосрочных соглашений между казахами и калмыками. Относительная слабость военных гарнизонов в районе степного фронта, а также период Великой Смуты в самой Московской Руси заставляли пристально наблюдать за возможным союзом главных центров силы в степях.

Калмыки, будучи одними из главных акторов в центральноазиатских политических событиях XVII века, при общем движении на запад сохраняли относительную самостоятельность друг от друга. По сути, их наступление на Казахскую степь было миграцией отдельных племён и родов, сохранявших общую тенденцию к берегам Каспийского моря. Лишь слабость той же Ногайской Орды, а позже и её окончательная децентрализация позволили им закрепиться в отдельных районах Казахстана, а затем и на бывших кочёвках ногаев.

Историческая роль калмыков в складывании собственно Казахского государства остаётся малоизученной и недооценённой, что мешает объективной реконструкции общей истории Казахстана.

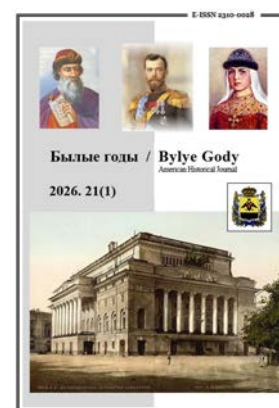
Ключевые слова: Казахская степь, казахи, калмыки, история Казахстана, кочевники, миграция, XVII век, историческая география.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 105-112
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.105

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

In Service of the Russian-American Company: Employees' Perception of Corporation

Yuliia S. Egorova ^{a, *}

^a Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The article analyzes employees' perception of RAC. There was one of the largest trade Russian Company in the 19th century. Based on rare ego-documents from the first half of the 19th century, the article raises the issue of employee identification for the first time and reconstructs its components. By signing a contract with the company, RAC local office managers and their clerks received high salaries and additional funding, which they used for their own needs. They formed closes circles of people who were more concerned with their own well-being than with the interests of the corporation. These closes circles of people were resilient throughout the RAC's tenure and even eliminated persons who were favored by the director. Employees from local offices sought to earn as much money as possible, and with his support, they were able to secure more advantageous employment opportunities after their dismissal from the company. The informal relationship between RAC employees and directors served as a means of "survival" for the local office managers and a way of controlling local offices from St. Petersburg. It was due to the lack of legal protection, unfavorable contract terms for employees, and the importance of maintaining family and personal connections.

Keywords: Russian Empire, Russian-American company (RAC), protection (pokrovitel'stvo), employee identification.

1. Введение

Российско-американская компания (РАК) была крупнейшей в Российской империи монопольной торгово-промышленной и акционерной организацией, управлявшей Аляской и фортом Росс в Калифорнии. Начало деятельности компании пришлось на период правления Павла I, а последняя её контора была закрыта при Александре II. У истоков создания РАК стояли представители купеческого клана Шелиховых-Булдаковых. В статье ставится цель осмыслить административную жизнь компании с точки зрения её служащих. Кроме этого, анализируемые в статье письма, адресованные директорам РАК Михаилу Булдакову и Кириллу Хлебникову, дают возможность поднять проблему корпоративной идентичности со стороны служащих и проанализировать некоторые её компоненты. Среди них: восприятие сотрудником условий службы, отношение к своим обязанностям в компании, предписанным правилам и неформальным нормам поведения, осознание своего места в служебной иерархии. В таком контексте представленная проблема ещё специально не изучалась. Статья вносит вклад в исследования российских торгово-промышленных объединений дореформенного периода. Кроме того, её выводы дополняют дискуссию о межсословной коммуникации российского общества и позволяют в этом контексте выявить возможности и механизмы, используемые сотрудниками компании для изменения своего социального статуса в первой половине XIX в.

* Corresponding author

E-mail addresses: ysegorova@mail.ru (Yu. S. Egorova)

2. Материалы и методы

Для данной статьи были отобраны архивные и опубликованные письма из двух эпистолярных комплексов, адресованных директорам РАК Михаилу Булдакову и Кириллу Хлебникову. Эти документы были выявлены в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация) и Государственном архиве Пермского края (ГАПК) (Пермь, Российская Федерация). В статье также использованы эпистолярии из двух сборников документов: «Эпистолярное наследие великоустюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования» (Вологда, 2023) и «От Кунгура до Русской Америки: маршрутами Кирилла Хлебникова» (Пермь, 2019). Авторами писем были, преимущественно, мужчины – правители или помощники правителей сибирских и колониальных контор. В качестве дополнительных источников использованы письма их жён (АВПРИ; ГАПК; *Letters...*, 2005), а также уставы РАК, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ), оцифрованные делопроизводственные документы из коллекции Г.В. Юдина (Библиотека Конгресса США), связанные с деятельностью компаний.

Работа с указанными источниками предполагала использование методов и принципов, лежащих в основе изучения патрон-клиентских отношений. В сочетании с возможностями институционального и микроисторического подходов удалось реконструировать ожидания и стратегии сотрудников компании на основе редких эго-документов первой половины XIX в. Эпистолярное общение было важным средством и каналом коммуникации директоров и служащих. Сотрудник заключал контракт с корпорацией, а не частным лицом. Он должен был следовать правилам и выполнять обязанности, предусмотренные уставами и контрактом компании, но в то же время демонстрировать в переписке лояльность к покровителям-директорам: Михаилу Булдакову или Кириллу Хлебникову. В Сибирских и колониальных конторах сотрудники формировали региональные сети, в которые были вовлечены рядовые служащие РАК и представители местного чиновничества. Эпистолярный формат общения обеспечивал поддержание неформальных связей в течение длительного периода времени.

3. Обсуждение

В 1799 г. в России появилась крупнейшая монопольная торгово-промышленная организация, которая управляла российскими заокеанскими владениями до 1867 г. Созданию РАК предшествовала борьба частных промысловых объединений, победителем в которой оказались представители семейного клана Шелиховых-Булдаковых. Основатель этого клана, иркутский купец Григорий Шелихов, удачно выдал замуж своих дочерей и тем обеспечил известность своей семье далеко за пределами Иркутска. Связи с представителями правящей элиты Петербурга успешно поддерживал и развивал его зять, придворный камергер Николай Резанов, женатый на Анне Шелиховой. В свою очередь, купец из Великого Устюга Михаил Булдаков, взявший в жёны Авдотью Шелихову, обладал широкими связями в российской купеческой среде.

По мнению канадского исследователя Ильи Виньковецкого, РАК обладала всеми признаками корпорации, так как во главе компании стоял совет директоров, а акционерное соглашение позволяло покупать акции не только дворянам, но и купцам (Vinkovetsky, 2022: 423). Управление компанией осуществлялось через созданную иерархию контор и комиссионерств, подчинявшуюся Главному правлению компании в Петербурге. Ключевым подразделением была Иркутская контора, выполнявшая важную функцию расчётов с колониальными служащими. Кандидатуры руководителей контор (правителей), а также их помощников утверждались директорами (Ермолаев, 2013: 156). Статус этих руководителей на местах был равен статусу директоров РАК. Служащие подписывали контракты с компанией и направлялись в Сибирские или колониальные (Аляска) конторы. К числу служащих относились бухгалтеры и пахтаузные (должностные лица, отвечавшие за складские помещения). При конторах находились работные люди, должностные обязанности которых не всегда были понятны директорам РАК и даже правителям контор. Финансово-хозяйственная деятельность РАК охватывала Сибирь, Дальний Восток, Аляску и Форт-Росс в Калифорнии. Из-за огромных расстояний между центральным офисом (Главным правлением РАК) и региональными структурами управленческая стратегия компании формировалась на основе семейственности и создании «сетей доверия». Привлечение на службу «своих» людей было обычной практикой.

Наиболее дискуссионными вопросами в историографии, посвящённой деятельности РАК, являются проблема эффективности принятых директорами финансово-хозяйственных и управленческих решений, а также степень влияния имперского правительства на эти решения. А.Ю. Петров изучил причины финансового кризиса РАК в первой четверти XIX в. и динамику биржевой оценки акций. Согласно его исследованиям, в кризисные времена государство оказывало финансовую поддержку компании (Петров, 2006). Кроме того, он исследовал историю формирования РАК и роль в этом процессе семьи Шелиховых (Петров, 2000; Петров, 2012).

А.В. Гринев изучил менеджмент РАК и пришёл к выводу, что на центральном (Петербург) и региональном (Сибирь и Аляска) уровнях принимались неэффективные с социально-экономической точки зрения решения, что привело в дальнейшем к уступке Аляски США и последующей

ликвидации РАК (Гринева, 2011: 65). С другой стороны, согласно исследованиям А.Н. Ермолаева, РАК была одним из крупнейших в Российской империи работодателей, создававших для предприимчивых людей возможность карьерного и социального лифта (Ермолаев, 2013: 209; Хлебников, 1979). Введение в научный оборот эпистолярных источников позволило изучить стратегии взаимодействия сотрудников компании с местным чиновничеством, социальные связи и умения в деловой активности купцов, аспекты межсословной коммуникации и стратегии поведения в конфликтах (Плех, 2021: 42-57; Мальцева, 2019: 69-81; Egorova, 2024: 105-130). За рамками указанных исследований остались вопросы, связанные с восприятием службы в компании её сотрудниками.

4. Результаты

Постановка проблемы корпоративной идентичности сотрудников РАК связана с изучением условий службы и карьерных перспектив, которые компания предлагала претендентам на должность. Эти вопросы регламентировались уставами компании, а обязанности сотрудников были указаны в контрактах. Получение паспорта и уплата податей по месту прописки являлись главными формальными условиями работы в компании. Паспорт выдавался сотруднику местными властями на срок от года до трёх лет (промышленники получали семилетние паспорта). Когда срок паспорта подходил к концу, компания обязана была вернуть всех сотрудников на место их жительства. Также РАК должна была платить подати за своих работников по месту их прописки (ПСЗРИ, 1799: 705-706). Невыполнение этих условий грозило сотруднику применением мер государственного фискального взыскания и потерей «доброего имени» в социуме. Так как промысловая деятельность компании осуществлялась в заокеанских владениях Российской империи, а большинство контор и комиссионерств были значительно удалены от столицы, соблюдать эти правила в полном объёме было едва ли возможно. Если речь шла о колониальных служащих, то Иркутская контора не платила налоги за сотрудников до тех пор, пока с ними не были завершены расчёты. Местные мещанские старосты подавали жалобы в городские магистраты, а те, в свою очередь, требовали от Иркутской конторы уплаты подушной подати. Главными причинами неуплаты податей было то, что люди порой нанимались на службу в компанию незаконно, не предъявляя в органы местного самоуправления увольнительных документов. С другой стороны, компания не платила за служащих налоги, так как сотрудники часто пропадали без вести или умирали, а до очередной ревизии они не исключались из списков (Ермолаев, 2013: 168-170).

В первой четверти XIX в. правителями контор становились родственники или деловые партнёры семейного клана Шелиховых-Булдаковых. Налоги за отправившихся в колонии мужей платили их жёны, запрашивая спустя длительный период времени денежную компенсацию от контор. Переписка с директором позволяла членам семьи сотрудника быстрее решить финансовые вопросы, связанные со службой главы семьи. При этом к покровителю обращались в случае крайней необходимости. Жена правителя Уналашкинского отдела Прасковья Буренина платила подати за своего супруга в течение двенадцати лет. В 1808 г. она написала Михаилу Булдакову несколько писем, в которых просила выплатить компенсацию в связи с необходимостью приданого для своей дочери (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 186, 187, 197. Л. 1-2; Д. 199, 202). В переписке Прасковья сообщила, что несколько раз направляла письменные запросы о денежной компенсации в Московскую и Иркутскую конторы, но получила отказы на основании того, что с её супругом ещё не были закончены расчёты (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 199, 202). Спустя двадцать с лишним лет купчиха из города Курска Анна Костромитинова просила директора Кирилла Хлебникова компенсировать ей выплаты на «гильдейскую повинность» за своего сына, так как его начальник не произвёл с ней расчётов (ГАПК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 230. Л. 1-2; Л. 3-10). Можно предположить, что подобные взаимоотношения директоров и сотрудников ограничивались кругом ближайших знакомых – выходцев из купеческой среды, и директора оказывали материальную поддержку таким семьям. Сообщаемые в письмах сведения о сотрудниках контор, производивших расчёты, являлись способом контроля над ними со стороны руководства компании.

Получение паспортов в первой половине XIX в. было сопряжено с многочисленными проблемами. Местные власти неохотно выдавали служащим РАК разрешения на выезд. В этих случаях сотрудники просили директора помочь с оформлением отпускных документов и даже рекомендовали ему обратиться за содействием к губернскому начальству (Эпистолярное наследие..., 2023: 85; 126; 214). Благодаря связям с местным чиновничеством, нередко паспорта оформлялись без присутствия сотрудника и передавались через доверенных лиц (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 533. Л. 1).

Уставы РАК регламентировали критерии отбора сотрудников для работы в конторах и комиссионерствах. В числе требований к кандидатам были: опыт работы, благонадёжность, отсутствие вредных привычек (злоупотребление алкогольными напитками). Ответственных и старательных работников предполагалось материально поощрять. Рекомендовалось выдавать единовременные денежные награды, не превышающие годовой оклад, однако один и тот же сотрудник не мог получать награду ежегодно (ПСЗРИ, 1844: 620-621).

Согласно уставу РАК, принятому в период правления Александра I, сотрудникам без чина присваивался самый низший чин по Табели о рангах спустя два года беспорочной службы, а далее в

чины производили по выслуге лет. При увольнении из компании чин сохранялся за сотрудником, если он в нём пребывал в течение 5 лет, а также при условии наличия положительной характеристики от начальства. Сотрудник должен был быть признан правлением компании «способным и достойным». Сотрудники компании, не состоявшие до этого на государственной службе, могли пользоваться преимуществами занимаемой в компании должности (ПСЗРИ, 1821: 843-844).

Предлагаемая компанией карьерная траектория в реальности не могла быть реализована в том виде, как выглядела в уставах. Дело в том, что в первые годы деятельности РАК правителями контор были купцы, и они совмещали работу в компании с ведением личного торгового дела и исполнением общественных поручений. Это обстоятельство могло стать аргументом в просьбе о повышении жалования. Правитель Кяхтинской конторы Увар Сизых в 1806 г. сообщил директорам о том, что собственноручно внёс изменения в черновик своего контракта. Связано это было с тем, что он должен был принимать участие в исполнении общественных обязанностей по купеческому сословию в Иркутске. По этой причине он запросил ежегодное жалование – три тысячи рублей (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 614. Л. 1). Размер этой зарплаты был сопоставим с годовым жалованием иностранных специалистов, находившихся на службе в России (Ермакова, 2014: 245-246). Также правители контор просили директоров о прибавке к жалованию, если, по их словам, доходы от дополнительной деятельности уменьшались или прекращались. Аргументом для прибавки к зарплате было то, что «правитель конторы по характеру должности должен быть в кругу хороших и достаточных людей» (Эпистолярное наследие..., 2023: 168).

Условия службы и обязанности сторон, прописанные в контрактах, не гарантировали уверенности в завтрашнем дне. Компания могла расторгнуть договор в одностороннем порядке раньше срока, если руководство решало, что больше не нуждается в услугах сотрудника, или по причине ненадлежащего выполнения им своих обязанностей (Contract..., 1804). Такое положение дел вызывало у людей чувство неопределённости, поэтому в личной переписке с директорами-покровителями они подробно излагали условия, на которых хотели бы служить в компании (Эпистолярное наследие..., 2023: 246).

Рядовые работники и промышленники получали мизерное жалование, а также были закабалены долгами перед компанией. Согласно исследованиям А. В. Гринева, постоянная кабала, в которой приходилось существовать промышленникам, была тяжелейшей социально-экономической проблемой РАК. Одной из причин, побуждавших промышленников постоянно брать в долг у компании, было злоупотребление ими спиртными напитками (Гринева, 2023: 54). Нередко представители администрации контор стремились использовать слабости промышленников себе на пользу, артикулируя при этом, что они заботятся о благополучии РАК. Помощник правителя Охотской конторы Стефан Захаров в 1800 г. предложил Булдакову способ повышения доходов от торговли в Охотском крае. Идея заключалась в том, чтобы продавать промышленникам втридорога различные товары, изготовленные его супругой. По мнению Захарова, «по выходе... судов промышленные бывают к щегольству весьма щедры, и от безделицы рубль на рубль получить можно, а иных следует и подарить, а отдарят вдвое» (Эпистолярное наследие..., 2023: 84).

В период правления Николая I государственный надзор за деятельностью РАК усилился. На службу в столичные и сибирские конторы стали поступать чиновники, а на Аляску в качестве главных правителей направлялись морские офицеры. В этот период перспективы развития заокеанских территорий государство связывало с эффективностью управления военных, а не купцов (ПСЗРИ, 1844: 613). Предлагаемые компанией чиновникам условия службы на первый взгляд были привлекательными. За ними сохранялся чин по Табели о рангах, а срок государственной службы не прерывался. Служба в компании шла в зачёт для получения пенсий и знака отличия беспорочной службы. Также чиновникам РАК сокращался срок выслуги для получения государственных наград. Однако в реальности служба была сопряжена с не меньшими, чем для людей без чина, трудностями. В случае поступивших на работников жалоб правители контор обязаны были давать «ясные с доказательствами ответы» местному гражданскому и военному начальству. За все обнаруженные злоупотребления по службе правители подвергались наказанию, соразмерному наказаниям, предусмотренным для государственных чиновников (ПСЗРИ, 1844: 614). По истечении десятилетнего срока службы, если служащий принёс пользу компании, то по представлению Главного правления РАК ему присваивался статус личного почётного гражданина. За существенные заслуги перед компанией руководство могло ходатайствовать о присвоении потомственного почётного гражданства. Если сотрудник прослужил менее 10 лет, то он терял все привилегии, связанные с должностью, и возвращался в свой прежний сословный статус (ПСЗРИ, 1844: 614).

Довольно подробно уставы РАК регламентировали систему колониального управления. С 1820-х гг. кандидатура колониального главного правителя, избираемая из штаб-офицеров, утверждалась лично императором на пятилетний срок. Статус колониальных главных правителей приравнивался к статусу сибирских губернаторов. Главным правителям и членам их семей на Аляске и Форте-Росс следовало показывать примеры нравственного поведения. Например, запрещалось демонстрировать предметы роскоши (ПСЗРИ, 1844: 629). Обязательным требованием в данный период ко всем чиновникам, поступающим на службу в компанию, было отправление к месту службы со своей

супругой. Пятилетний срок службы в отдалённых от столицы конторах виделся членам семьи как возможность изменения в дальнейшем социального и материального статуса. Такие ожидания можно обнаружить в женских письмах. В 1837 г. Эмилия Грибанова, супруга помощника правителя Охотской конторы, просила директора РАК Кирилла Хлебникова по окончании пятилетнего контракта оказать содействие её мужу в поисках работы в Петербурге. Анна Фуругельм в одном из писем матери выражала надежду, что по завершении службы в качестве главного правителя её супруг Иван Фуругельм получит место в Совете директоров (ГАПК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 182. Л. 14–14 об.; [Letters from the governor's wife: 93](#)). В одном из писем матери Анна Фуругельм, в ответ на её упреки об излишнем внимании к материальной стороне жизни в их переписке, ответила: «Дорогая мама, разве Вы не знаете, что всех приводит в колонии желание сэкономить как можно больше денег, а затем вернуться с Божьей помощью и жить на эти средства дома?» ([Letters from the governor's wife: 103](#)).

Вне зависимости от того, имел ли сотрудник чин по Табели о рангах, когда поступал на службу в компанию, ему гарантировались компенсация проезда к месту службы и обратно, а также снабжение съестными и иными припасами (прогонными и столовыми деньгами) ([Contract..., 1804](#)). Также правители получали дополнительное финансирование на приобретение подарков, угощение посетителей, мытьё полов и другие нужды ([Projected changes..., 1823](#)). В течение длительного периода времени директора не обращали внимания на эти статьи расходов. Такое положение дел на местах позволяло рядовым служащим долгие годы фактически паразитировать при конторах, не думая об интересах компании, а власть правителя становилась безграничной. Правители формировали окружение из «своих людей», верных покровителю и заботившихся о собственном благополучии ([Ермолаев, 2013: 154](#); [Projected changes..., 1823](#)). Сложившийся уклад был обусловлен сложностями в управлении отдалёнными конторами, трудностями поиска ответственных служащих и работников. Оговаривая условия работы в личной переписке, потенциальные кандидаты на должность правителя сообщали о том, что готовы нести ответственность только за «своих людей». Иркутский купец Петр Прянишников в 1816 г. просил Булдакова оказать содействие в получении должности правителя Охотской конторы. Прянишников отметил, что готов нести финансовую ответственность «за тех, кого, может быть, по воле своей на должность определю в Охотске» ([Эпистолярное наследие..., 2023: 246](#)). Руководство РАК пыталось сократить расходы на конторы и искоренить «хищнический дух», однако это не привело к принципиальным изменениям ([Projected changes..., 1823](#)). Выстроенная система неформальных отношений служащих и правителя была настолько устойчивой, что при попытке реформировать её Главное правление РАК было вынуждено признать: если уволить всех служащих в целях оптимизации расходов, то они воспримут это как незаконное увольнение и могут пожаловаться на компанию в Сенат ([Projected changes..., 1823](#)).

Располагая по своему усмотрению деньгами на указанные выше нужды, правители всё же обязаны были за свой счёт организовывать «открытые столы»: приглашать на воскресные и праздничные обеды представителей местного светского общества. В первую очередь руководство компании требовало этого от правителей портовых городов: Охотска и Новоархангельска (Ситка, Аляска). Организацией таких обедов занимались в основном жёны правителей и были тем недовольны, полагая, что на «столы» тратятся деньги из семейного бюджета. Анна Фуругельм сообщала матери, что ей приходилось кормить «семнадцать голодных ртов» не только по праздникам, но и каждое воскресенье, а в дни рождения императора дополнительно давать завтрак всему городу. Самой дорогой частью расходов на таких мероприятиях было вино. Эмилия Грибанова в одном из писем Хлебникову пожаловалась на то, что «в Охотске пьют довольно много» ([Letters..., 2005: 103](#); ГАПК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 182. Л. 3).

В переписке с директорами было принято одновременно демонстрировать лояльность к корпорации и личную преданность покровителю. При этом РАК воспринималась сотрудниками как торгово-промышленное объединение, находившееся под Высочайшим покровительством. В этой связи сотрудник выражал преданность и лояльность не частной купеческой компании, а корпорации, приносящей пользу государству и созданной ради «всеобщего блага». Служащие артикулировали эту приверженность, если находились в трудной жизненной или конфликтной ситуациях с начальством. Помощник правителя Охотской конторы Стефан Захаров был в напряжённых отношениях со своим начальником. В переписке с Булдаковым он подчёркивал преданность РАК, что означало в контексте его ситуации также преданность Булдакову. Обо всех проблемах он сначала докладывал не в Главное правление, как того требовал устав, а лично директору ([Эпистолярное наследие..., 2023: 79](#)). Захаров сообщал о верности к корпорации так: «Лучше у одного лица в неблагоприядстве быть, нежели у всей компании в опале» ([Эпистолярное наследие..., 2023: 93](#)). Нужно отметить, что похожую стратегию в конфликтах с чиновниками и православными миссионерами на Аляске в тот же период выбрал главный правитель Александр Баранов. В письмах к Михаилу Булдакову он оправдывал последствия принятых им решений стремлением принести пользу компании ([Egorova, 2024: 125](#)). В дальнейшем сотрудники и руководство компании создали героический образ Баранова, который был увековечен в книге, посвящённой ему ([Эпистолярное наследие..., 2023: 141](#); [Хлебников, 1835: 209](#)).

Хотя компания была заинтересована в честных и порядочных служащих, в реальности правители контор формировали штат сотрудников из «своих людей», умело изваясь при этом

даже от тех, кому покровительствовали директора. Показательной в этом отношении является ситуация, в которой оказался в 1811 г. туринский мещанин Федор Панаев. Годом ранее он выполнял обязанности помощника ревизора Александра Паско. Ревизор вскрыл случаи коррупции в Иркутской конторе, однако его деятельность была признана директорами неудовлетворительной, и он был уволен (Ермолаев, 2013: 155). Булдаков предложил Панаеву должность помощника правителя Иркутской конторы. По словам Панаева, особого желания служить помощником у него не было, но, видимо, он не осмелился отказать директору. Правитель конторы Василий Кузнецов был крайне недоволен этим назначением и написал в Главное правление РАК о том, что Панаев самовольно сам себя в черновом контракте назначил помощником (в письме – товарищем) (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 540. Л. 40–41). Впоследствии в контору пришло распоряжение за подписью директоров РАК, в котором говорилось о недопустимости самовольных поступков. Кузнецов прочитал это распоряжение на общем собрании конторы, что очень расстроило Панаева. Несостоявшийся помощник написал Булдакову эмоциональное письмо, в котором жаловался на Кузнецова, что тот опозорил его «в собрании многих людей», и это плохо сказалось на репутации Панаева. В дальнейшем он пытался искать защиты у Булдакова, чтобы восстановить свою репутацию, однако тот ничем ему не помог (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 540. Л. 40–41; Эпистолярное наследие..., 2023: 225–226). Очевидно, что правитель Кузнецов обладал большим, чем Панаев, социальным капиталом. Сыграли свою роль и выстроенные им связи с иркутским и якутским чиновничеством. В одном из писем он просил Булдакова помочь определить детей якутского исправника в кадетский корпус, подчёркивая, что их отец будет лично благодарен директору и лоялен к компании (Эпистолярное наследие..., 2023: 230).

5. Заключение

Изучение материалов деловой переписки позволяет увидеть нюансы, обычно ускользающие при анализе делопроизводственных документов. Должность правителя и помощника конторы привлекала соискателей высоким жалованием, практически безграничной властью на местах и благодаря всему этому – возможностью личного обогащения. Сотрудники артикулировали верность коммерческим интересам компании, однако в первую очередь стремились заслужить доверие у покровительствовавшего им директора. Жёны правителей поддерживали стремление своих мужей улучшить материальное положение семьи и, благодаря связям в Главном правлении, получить впоследствии более выгодное место службы. Карьерные перспективы, изложенные в уставах РАК, могли стать мотивацией для работы в корпорации только на определённый период времени. Накопив материальный и социальный капитал, сотрудники и служащие компании стремились найти место поближе к столице.

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 ГАПК – Государственный архив Пермского края.
 Гринев, 2011 – Гринев А. В. Проблемы менеджмента Российско-американской компании (1799–1867) // *Клио*. 2011. № 8 (59). С. 65–75.
 Гринёв, 2023 – Гринёв А. В. Кредиты и долги в Русской Америке как социально-экономическая проблема // *Сибирские исторические исследования*. 2023. № 4. С. 45–66.
 Ермакова, 2014 – Ермакова О.К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 245–246.
 Ермолаев, 2013 – Ермолаев А.Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово: ИНТ, 2013. 620 с.
 Мальцева, 2019 – Мальцева М. В. Профессиональные знания и умения «Совершенного купца» и их реализация в деловой активности великоустюгской купеческой семьи Булдаковых в конце XVIII – начале XIX в. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2019. № 3. С. 69–81.
 От Кунгура..., 2019 – От Кунгура до Русской Америки: маршрутами Кирилла Хлебникова: сб. док. / Сост. А.В. Глушков, и др. Пермь: Государственный архив Пермского края, 2019. 172 с.
 Петров, 2000 – Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании. М.: Наука, 2000. 151 с.
 Петров, 2006 – Петров А. Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М.: ИВИ РАН, 2006. 316 с.
 Петров, 2012 – Петров А. Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012. 318 с.
 Плех, 2021 – Плех О. А. «Покорнейше прошу, почтенный благодетель...»: неформальные отношения власти и бизнеса в первой четверти XIX в. // *Россия XXI*. 2021. №2. С. 42–57.
 ПСЗРИ, 1799 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1799. Т. 25.
 ПСЗРИ, 1821 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1799. Т. 37.
 ПСЗРИ, 1844 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1844. Т. 19.

- [Хлебников, 1835](#) – *Хлебников К. Т.* Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб.: Морская тип., 1835. 209 с.
- [Хлебников, 1979](#) – *Хлебников К. Т.* Русская Америка в неопубликованных записках Кирилла Тимофеевича Хлебникова. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1979. 280 с.
- [Эпистолярное наследие, 2023](#) – Эпистолярное наследие великоустюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII — первой четверти XIX века: тексты и исследования. Вып. 2 / Ред. Ф. Я. Коновалов и др. Вологда: Древности Севера, 2023. 687 с.
- [Contract..., 1804](#) – Contract with Nikita V. Borisov, 1804, May 7. Yudin Collection of Russian-American Company Records. Library of Congress. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/ms009289.mss46870.0113> (date of access: 25.08.2025).
- [Egorova, 2024](#) – *Egorova Yu.* Russian Citizens in Alaska: between the Tsar and the Corporation // *Russian History*. 2024. 51: 105-130.
- [Letters..., 2005](#) – Letters from the governor's wife: a view of Russian Alaska, 1859–1862 / Ed. by Annie Constance Christensen. Århus: Aarhus univ. press, cop. 2005. 275 p.
- [Projected changes..., 1823](#) – Projected changes for reducing expenses in Siberia, Nov. 8, 1823 (Reports by Fedor I. Shemelin from St. Catherine's Island). Yudin Collection of Russian-American Company Records. Library of Congress. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/ms009289.mss46870.0102> (date of access: 25.08.2025)
- [Vinkovetsky, 2022](#) – *Vinkovetsky I.* The Russian-American Company as a Corporation // *The Russian Review*. July 2022. 81: 421-439.

References

- [AVPRI](#) – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Foreign Policy Archive of Imperial Russia].
- [Contract..., 1804](#) – Contract with Nikita V. Borisov, 1804, May 7. Yudin Collection of Russian-American Company Records. Library of Congress. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/ms009289.mss46870.0113> (date of access: 25.08.2025).
- [Ermolaev, 2013](#) – *Ermolaev, A.N.* (2013). Rossiisko-Amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1871 gg.). [Russian-American Company in Siberia and the Far East]. Kemerovo: INT. 620 p. [in Russian]
- [Egorova, 2024](#) – *Egorova, Yu.* (2024). Russian Citizens in Alaska: between the Tsar and the Corporation. *Russian History*. 51: 105-130.
- [Ermaeva, 2014](#) – *Ermaeva, O.K.* (2014). Gosudarstvennaya politika privlecheniya inostrannykh spetsialistov na ural'skie zavody (pervaya polovina XIX v.). [State policy in the recruitment of foreign specialists in Ural factories (the 1st half of the 19th century)]. *Quaestio Rossica*. 3: 245-246. [in Russian]
- [Epistol'noye nasledie, 2023](#) – Epistol'noye nasledie velikoustyugskoi kupecheskoi sem'i Buldakovykh kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka: teksty i issledovaniya [Epistolary heritage of the Buldakovs Veliky Ustyug merchant family in the late 18th – early 19th centuries: texts and research]. Vyp. 2. Red. F. Ya. Konovalov i dr. Vologda: Drevnosti Severa. 687 p. [in Russian]
- [GAPK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia [Perm Region State Archive].
- [Grinev, 2023](#) – *Grinev, A.V.* (2023). Kredity i dolgi v Russkoi Amerike kak sotsial'no-ekonomicheskaya problema [Loans and debts in Russian America as a socio-economic problem]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 4: 45-66. [in Russian]
- [Grinev, 2011](#) – *Grinev, A.V.* (2011). Problemy menedzhmenta Rossiisko-amerikanskoi kompanii (1799–1867) [The managerial activity problems of the Russian-American company (1799–1867)]. *Klio*. 8(59): 65-75. [in Russian]
- [Khlebnikov, 1835](#) – *Khlebnikov, K.T.* (1835). Zhizneopisanie Aleksandra Andreevicha Baranova, glavnogo pravatelya rossiiskikh kolonii v Amerike. [Biography of Alexander Andreyevich Baranov, the chief of the Russian colonies in America]. Sankt-Peterburg: Morskaya tip. 209 p. [in Russian]
- [Khlebnikov, 1979](#) – *Khlebnikov, K.T.* (1979). Russkaya Amerika v neopublikovannykh zapiskakh Kirilla Timofeevicha Khlebnikova [Russian America in the Unpublished Notes of Kirill Timofeyevich Khlebnikov]. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. 280 p. [in Russian]
- [Letters..., 2005](#) – Letters from the governor's wife: a view of Russian Alaska, 1859–1862. Ed. by Annie Constance Christensen. Århus: Aarhus univ. press, cop. 2005. 275 p.
- [Mal'tseva, 2019](#) – *Mal'tseva, M.V.* (2019). Professional'nye znaniya i umeniya «Sovershennogo kuptsa» i ikh realizatsiya v delovoi aktivnosti velikoustyugskoi kupecheskoi sem'i Buldakovykh v kontse XVIII – nachale XIX v. [Professional knowledge and skills of the "Perfect Merchant" and their implementation in the business activities of the Veliky Ustyug merchant family Buldakov in the late 18th – early 19th centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 3: 69-81. [in Russian]
- [Ot Kungura..., 2019](#) – Ot Kungura do Russkoi Ameriki: marshrutami Kirilla Khlebnikova [From Kungur to Russian America: Kirill Khlebnikov's Routes]. Sb. dok. Sost. A.V. Glushkov, i dr. Perm': Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia, 2019. 172 p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

- Petrov, 2000** – Petrov, A.Yu. (2000). *Образование Россииско-американской компании* [Formation of a Russian-American company]. M.: Nauka. 151 p. [in Russian]
- Petrov, 2006** – Petrov, A.Yu. (2006). *Россииско-американская компания: деятельность на оtechestvennom i zarubezhnom rynkakh (1799–1867)* [Russian-American company: activities in the domestic and foreign markets (1799–1867)]. M.: IVI RAN. 316 p. [in Russian]
- Petrov, 2012** – Petrov, A.Yu. (2012). *Наталия Шелихова у истоков Русской Америки* [Natalia Shelikhova at the Origins of Russian America]. M.: Ves' mir. 318 p. [in Russian]
- Plekh, 2021** – Plekh, O.A. (2021). «Pokorneishe proshu, pochtennyi blagodel'tel'...»: neformal'nye otnosheniya vlasti i biznesa v pervoi chetverti XIX v. [“I Humbly beg you, the honorable benefactor...”: informal relationship between authority and business in the 1st quarter of the 19th century]. *Rossiia XXI*. 2: 42-57. [in Russian]
- Projected changes..., 1823** – Projected changes for reducing expenses in Siberia, Nov. 8, 1823 (Reports by Fedor I. Shmelin frn St. Catherine's Island). Yudin Collection of Russian-American Company Records. Library of Congress. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/ms009289.mss46870.0102> (date of access: 25.08.2025)
- Vinkovetsky, 2022** – Vinkovetsky, I. (2022). The Russian-American Company as a Corporation. *The Russian Review*. July. 81: 421-439.

На службе в Российско-американской компании: восприятие корпорации сотрудниками

Юлия Сергеевна Егорова ^{a, *}

^a Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется проблема восприятия Российско-американской компании (РАК) её сотрудниками. РАК была одной из крупнейших торгово-промышленных корпораций в Российской империи дореформенного периода, управлявшей Аляской и фортом Росс в Калифорнии. Компания также была крупным работодателем, давшим возможность многим людям изменить свой социальный статус. На основании редких эго-документов первой половины XIX в. впервые в историографии ставится вопрос о корпоративной идентичности сотрудников, а также реконструируются её основные компоненты. В переписке с директорами сотрудники выражали заинтересованность в процветании РАК, артикулируя верность коммерческим интересам компании. Однако корпоративная идентичность демонстрировалась покровителю с определённой целью. Заключая контракт с компанией, правители контор и их помощники получали высокое жалование и дополнительное финансирование, которое использовали на свои нужды. На уровне контор и комиссионерств такие сотрудники формировали окружение из «своих людей», которые больше заботились о собственном благосостоянии, чем об интересах корпорации. Сотрудники стремились заработать социальный и финансовый капитал, и при поддержке покровителя, после увольнения получить более выгодное место службы ближе к Петербургу или в самой столице. В условиях отсутствия государственных правовых гарантий, выгодных для корпорации, а не для сотрудника условий договора, важности поддержания семейных и личных связей, сложившаяся система неформального взаимодействия сотрудников и директоров РАК была для первых своеобразным способом «выживания», а для вторых – дополнительным способом контроля над региональными структурами компании.

Ключевые слова: Российская империя, Российско-американская компания (РАК), покровительство, корпоративная идентичность сотрудников.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ysegorova@mail.ru (Ю.С. Егорова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 113-118
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.113

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sir Benjamin Brown French (1800–1870): an American Politician and the 6th Grand Master of the Grand Encampment of Knights Templar

Alexander C. Cherkas ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b East European Historical Society, Houston, USA

Abstract

The article is devoted to an analysis of the life and multifaceted activity of Benjamin Brown French (1800–1870) — an American politician, civil servant, Clerk of the United States House of Representatives, and one of the most influential figures of nineteenth-century American Freemasonry. Particular attention is paid to his role in the history of the American Order of Knights Templar, in which he held the highest office of Grand Master of the Grand Encampment of Knights Templar of the United States during the difficult period of the American Civil War.

The study examines the principal stages of French's biography, including his early education, the formation of his professional career, service in legislative and administrative institutions, activities as Commissioner of Public Buildings, and participation in the development of telegraphic communication in the United States. A separate section is devoted to French's literary legacy, especially his diaries *Witness to the Young Republic*, which constitute a valuable source for the political and cultural history of the country.

The source base of the research includes published materials of Masonic organizations, museum exhibits, personal documents, and reference and biographical resources. The application of biographical, historiographical, and historical-genetic methods made it possible to reveal the interconnection between Benjamin B. French's governmental, literary, and Masonic activities. The article demonstrates that his contribution transcends the framework of an individual biography and reflects broader processes in the formation of American political culture and Masonic tradition in the nineteenth century.

Keywords: Benjamin Brown French, 1800–1870, Freemasonry, Knights Templar of the United States, politician, Grand Master, biography.

1. Introduction

The personality of Benjamin Brown French (1800–1870) occupies a special place in the political, administrative, and Masonic history of the United States in the nineteenth century. A civil servant, Clerk of the United States House of Representatives, and a representative of the era of the formation of federal institutions, he simultaneously played a significant role in the development of American Freemasonry, attaining the highest office of Grand Master of the Order of Knights Templar of the United States. This study is devoted to an analysis of the principal stages of his biography, including his public service, literary activity, and Masonic career. On the basis of diverse sources, the article examines Benjamin B. French's contribution to political culture, intellectual life, and the ideological formation of the American Masonic Order of Knights Templar.

2. Materials and methods

The materials for this study are divided into four groups of sources:

1. Collections of published materials, such as *Proceedings of the Grand Encampment of Knights*

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.C. Cherkas)

Templar. 21st Triennial Conclave in Chicago, Illinois ([Proceedings..., 1880](#)).

2. Materials and exhibits of the Museum of the History of the American Order of Knights Templar (Houston, USA). The museum holds a book formerly owned by Benjamin Brown French bearing his bookplate, as well as his portrait in the uniform of the Grand Master of the Masonic Order of Knights Templar.

3. Personal sources, including the politician's diaries *Witness to the Young Republic. A Yankee's Journal, 1828–1870*, published at the end of the twentieth century ([French, 1989](#)).

4. Reference and biographical materials, in particular the official website of the District of Columbia, where French is listed in the category "Photographs of Washington, D.C." ([French, 2025](#)); the article by J.J. McDonough and J.E. Tucker devoted to French's diaries ([McDonough, Tucker, 1990](#)); and other sources.

The research methodology includes a combination of the following historical methods: the biographical method, applied to the study of individual episodes of Benjamin B. French's life; the historiographical method, used to analyze the content of materials related to his biography; the historical-genetic method, employed to identify causal relationships within specific biographical episodes.

3. Results

Benjamin B. French was born on September 4, 1800, in Chester, New Hampshire ([French, 1989: 1](#)). From childhood he demonstrated outstanding intellectual abilities and an inclination toward literary creativity. He received a solid general and academic education. From his youth and throughout his life, French collected a personal library. For example, on January 19, 1818, at the age of seventeen, he added to his library William Duncan's *Cicero's Select Orations* ([Duncan, 1811](#)), marking it with his own handwritten bookplate ([Figure 1](#)). This volume is currently exhibited at the Museum of the History of the American Order of Knights Templar (Houston, USA).

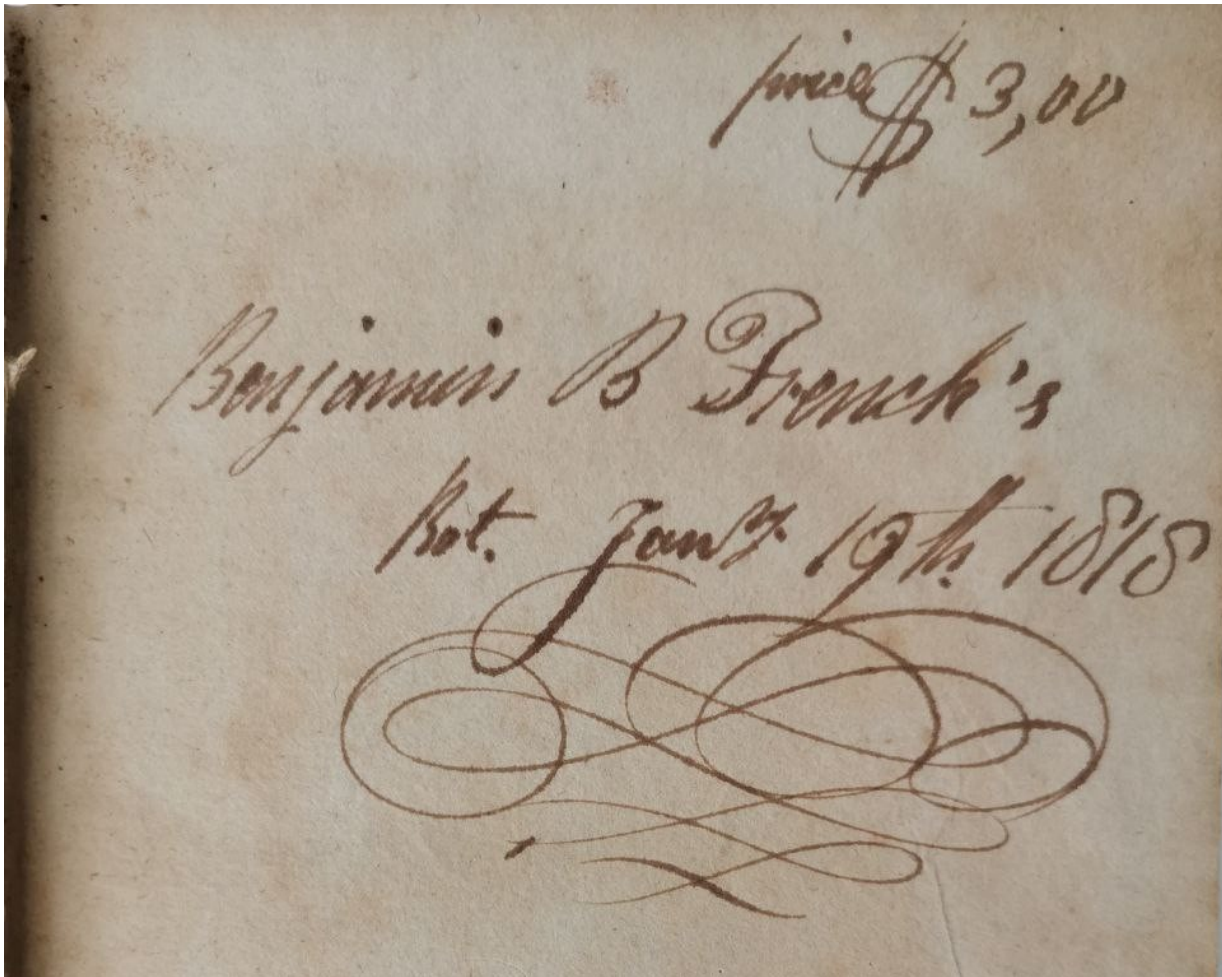

Fig. 1. Bookplate of Benjamin B. French. 1818 ([Duncan, 1811](#))

In 1825 Benjamin B. French married Elizabeth Richardson (1806–1861), with whom he lived for more than thirty years until her death in 1861.

In 1828 French was appointed Assistant Clerk of the New Hampshire State Senate, where he served until 1830, after which he became a Representative in the New Hampshire Legislature, holding that position

from 1831 to 1833 (French, 1989: 3). In 1833 he transferred from the legislature to the Clerk's Department of the United States House of Representatives.

After many years of service, Benjamin B. French (Figure 2) was appointed Clerk of the United States House of Representatives in 1845, a position he held until 1847. Following this appointment, he moved from New Hampshire to Washington, District of Columbia. At the same time, he was appointed Commissioner of Public Buildings, responsible for the maintenance, reconstruction, and general management of federal buildings. In this capacity, using salt-print and albumen photographic processes, French produced a significant number of photographs documenting the construction of the dome of the United States Capitol and other public buildings in Washington, D.C.

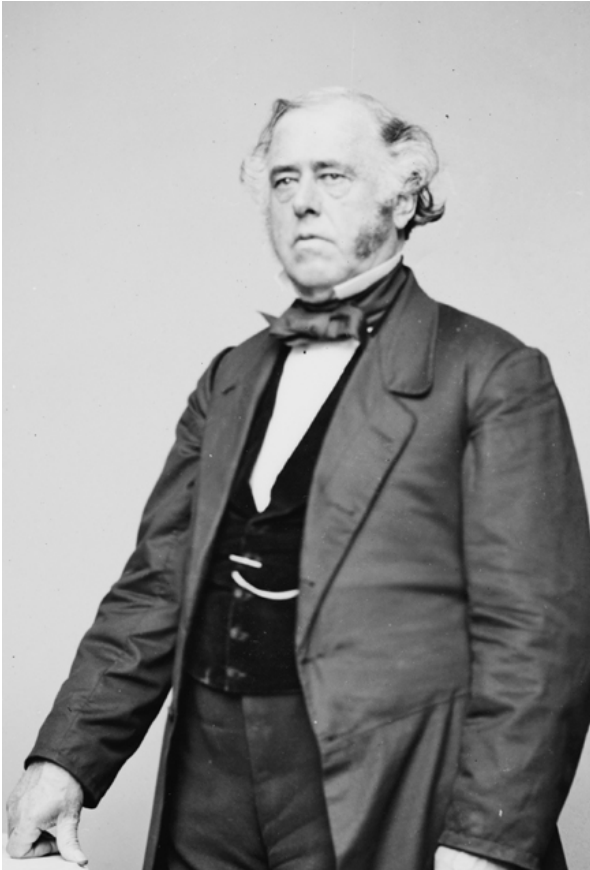

Fig. 2. Benjamin Brown French (1800–1870)

In 1847 French became President of the Magnetic Telegraph Company, serving until 1850. Telegraphic communication represented a major innovation in public communication, and French, who actively supported technological progress, took part in this important phase of the scientific and technological revolution (French, 1989: 7).

In 1853 President Franklin Pierce again appointed French as Commissioner of Public Buildings; however, in 1855 he resigned from public service.

In 1861 Benjamin B. French returned to service as Chief Marshal of the District of Columbia at the inauguration of President Abraham Lincoln, with whom he maintained close relations. His personal loyalty to Lincoln led him once again to the post of Commissioner of Public Buildings (French, 1989: 7), a position he retained under the subsequent presidency of Andrew Johnson.

In 1862 French married for the second time, to Mary Ellen Brady (1831–1905), with whom he lived until his death.

Some authors (notably Anthony Pitch; Pitch, 2008) suggest that Benjamin B. French attempted to physically restrain the assassin John Wilkes Booth, who fatally wounded President Abraham Lincoln on April 14, 1865, at Ford's Theatre in Washington, D.C.

French's literary output includes several works, the exact number of which remains disputed. Many anonymous works or those published under unidentified pseudonyms may, on stylistic grounds, plausibly be attributed to his authorship. His most famous work is *Witness to the Young Republic*, an extensive collection of diary entries written between 1828 and 1870 (French, 1989). A significant contribution to the study of these diaries was made by John J. McDonough. The methodological aspects of studying French's diaries are discussed in an article published in *The Newsletter of the National Historical Publications and Records*

Commission, in which Jean E. Tucker interviews McDonough (McDonough, Tucker, 1990). This article also contains a rare photograph from the family archive, provided by Peter S. French, depicting Benjamin B. French in the uniform of the Grand Master of Knights Templar (Figure 3).

Fig. 3. Benjamin B. French in the uniform of Grand Master of the Grand Encampment of Knights Templar of the USA. 1859

In 2025, a portrait of Benjamin B. French based on this photograph was painted by Lyudmila Nikolaevna Bogutskaya (born 1979) (Figure 4). The painting is currently exhibited at the Museum of the History of the American Order of Knights Templar (Houston, USA) and is the only known portrait depicting French in the uniform of the Masonic Order of Knights Templar.

Researchers also mention a ballad written by French about Luther Fuller (real name Augustus Fuller), known in literature under the fictional name John Maynard – the helmsman of the steamboat *Erie*, which caught fire and sank on August 9, 1841, resulting in the death of 254 people. Fuller became famous for remaining at the helm until the end in an attempt to save the vessel and its passengers. French was inspired to write this ballad by an article published in *The Sun* on August 30, 1845.

In 1870, the year of Benjamin B. French's death, his letter and poem dedicated to President Lincoln were published (French, 1870). This work, with commentary, was later published in the journal *Recorder* (Shevchenko, 2025: 90-92).

French's literary prose and poetry are characterized by eloquence, rich poetic imagery, and romanticism. He made a substantial contribution to the development of Masonic literature and its ideological foundations.

Finally, it is necessary to briefly outline Benjamin B. French's Masonic activity. He was initiated into a Masonic lodge at a relatively young age in 1825 and became a Master Mason in 1826. He held high offices both in his lodge and in the Grand Lodge of New Hampshire. After moving to Washington, D.C., he joined National Lodge No. 12, and in 1846 he was elected Grand Master of the Grand Lodge of the District of Columbia, being repeatedly re-elected.

Fig. 4. Portrait of Benjamin Brown French. 1859. Oil painting. Artist: Lyudmila Nikolaevna Bogutskaya (born 1979). 2025

In 1847 French was knighted in DeWitt Clinton Encampment (Brooklyn, New York). That same year he became Eminent Commander of Washington Commandery No. 1 (D.C.) ([Masonic Americana, 1985: 220](#)), a position he held for the following eleven years. In 1859, at the 14th Triennial Conclave, he was elected Grand Master of the Grand Encampment of Knights Templar of the United States ([Proceedings..., 1880: 261](#)). In 1862, at the 15th Triennial Conclave, he was elected for a second term ([Proceedings..., 1880: 261](#)), thus serving six years as Grand Master. His administration during the turbulent years of the Civil War was firm, decisive, and at the same time conciliatory:

“His administration, during a period of much excitement in the country, was marked by great firmness, mingled with a spirit of conciliation” ([French, 2025](#)).

Benjamin B. French was also a prominent member of the Ancient and Accepted Scottish Rite, serving until his death as Lieutenant Grand Commander of the Supreme Council for the Southern Jurisdiction of the United States.

Benjamin B. French died on August 12, 1870, in Washington, District of Columbia.

4. Conclusion

The conducted study allows us to conclude that Benjamin Brown French was one of the notable figures of American political and Masonic life in the nineteenth century. His career as a civil servant, participation in the development of federal infrastructure and communications, and literary activity were organically combined with active and responsible service to the Masonic Order of Knights Templar. As Grand Master during the Civil War, French demonstrated firmness, balance, and an ability to consolidate the fraternity in a time of national crisis. His diaries and literary legacy constitute a valuable source for the study of American statehood, Freemasonry, and the intellectual culture of the era.

References

- [Duncan, 1811](#) – *Duncan, W.* (1811). *Cicero's Select Orations*. New Haven: New York (Evert Duyckinck) и New Haven (I. Cooke & Co.).
- [French, 1870](#) – *French, B.B.* (1870). *A Letter and Short Poem, on the Death of Abraham Lincoln*. Albany, N.Y.: A. Boyd, Novelty Printing Press.
- [French, 1989](#) – *French, B.B.* (1989). *Witness to the Young Republic. A Yankee's Journal, 1828–1870*. Hanover and London: University Press of New England.
- [French, 2025](#) – *French, B.B.* (Benjamin Brown) 1800-1870 (November 23, 1853) / Photographs of Washington, D.C. [Electronic resource]. URL: <https://www.loc.gov/pictures/item/2004667382/> (date of access: 17.11.2025).
- [Masonic Americana, 1985](#) – *Masonic Americana*. In two vol. Vol. II. Grand Encampment of Knights Templar of USA. 1985.
- [McDonough, Tucker, 1990](#) – *McDonough, J.J., Tucker, J.E.* (1990). "McDonough Talks About the Journal of Benjamin Brown French". Annotation. Vol. 18, no. 3. Washington, DC: National Archives and Records Administration. P. 4.
- [Pitch, 2008](#) – *Pitch, A.* (2008). «They Have Killed Papa Dead» *The Road to Ford's Theater, Abraham Lincoln's Murder and the Rage for Vengeance* (Skyhorse paperback ed.). New York, New York: Steerforth Press L.L.C. P. 39.
- [Proceeding..., 1880](#) – *Proceeding of the Grand Encampment of Knights Templar. 21st Triennial Conclave in Chicago, Illinois*. Chicago, 1880.
- [Shevchenko, 2025](#) – *Shevchenko, N.A.* (2025). Benjamin Brown French 'A Letter and Short Poem, on the Death of Abraham Lincoln'. *Recorder*. 1(2): 90-92.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 119-130
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.119

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Atypical Slavery-Related Cases from the Orenburg Border Commission Practice in the first half of the 19th century

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

Based on previously unpublished archival materials, the article reviews atypical cases from the Orenburg Border Commission practice in the first half of the 19th century. That means cases descriptions of which are rarely found in its materials. In the framework of methods of microhistory proposed by C. Ginzburg we presume that it is anomalous documentation that might lead to the most interesting conclusions. For example, testimonies of people who pretended to have escaped from Central Asian slavery and which were later recognized as unreliable are exceedingly rarely found (3 times in half a century) in the materials of the Orenburg Border Commission. This shows that such testimonies could have been falsified (in the cases we analyzed testimonies were falsified to avoid punishment, in 1 case by a deserter and in 1 another – by a fugitive criminal). Nevertheless, testimonies taken from slaves who fled to Russian were not in fact verified by the Border Commission. At the same time in the materials of the Orenburg Border Commission there are very few mentions of people who voluntarily fled from the Russian Empire, while it is known from other sources that such people lived in the Emirate of Bukhara. Therefore, while working with the materials of the Orenburg Border Commission one should take into account the probability that some of the testimonies given to it were falsified to a varying degree, but not exposed, and that people who once fled from the Russian Empire passed themselves off as slaves captured in its borders. Other uncharacteristic cases from the Commission's practice show that some slavery practices might have not been recorded by it at all. Thus, members of the Commission suspected Khivan caravans in smuggling Russian Empire subjects to the Khanate of Khiva, but sole attempt to intercept such caravan after it had left Russian borders proved a failure. Another case contains information about Russian captives' service in Khivan army and their escape to Russia through Persia. Furthermore, the Commission found out about it only through other governing bodies of the Empire. All of the above attests that materials of the Orenburg Border Commission are a paramount, yet not exhaustive and not always reliable source on the history of slavery in the 19th century Central Asia.

Keywords: slavery, Central Asia, Russian Empire, Russian battalion in Persia, false testimony, reliability of historical sources.

1. Введение

Несмотря на то, что в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) хранится обширный пласт документов, связанный с рабством в Центральной Азии XIX в., большая часть этих документов описывает схожие ситуации, связанные со стандартными практиками местных властей в отношении различных категорий рабов и рабовладельцев. Подобные практики, подробно отражённые в документах, мы уже анализировали в своих статьях: например, бежавшие в российские пределы рабы, не являвшиеся подданными Российской империи, обычно освобождались и отправлялись на родину (Peretyatko, 2024: 1586-1597), а при снятии показаний с «русских пленников»

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

(терминология оренбургских чиновников XIX в.) акцент делался на обстоятельствах захвата в плен, в то время как детали дальнейшего пребывания в рабстве обычно почти не фиксировались ([Peretyatko, 2023: 619-632](#)).

Однако, анализируя стандартные практики оренбургских властей первой половины XIX в., и, прежде всего, преимущественно занимавшейся проблемами рабов Оренбургской пограничной комиссии, мы столкнулись с любопытным феноменом. Согласно свидетельству российского офицера И.В. Виткевича, бывшего в Бухарском эмирате в 1835–1836 гг., там было гораздо больше беглых из Российской империи, чем захваченных силой рабов ([Записки..., 1983: 115-116](#)). Более того, из историй двух рабов, с которыми общался И.В. Виткевич, следует, что они сперва дезертировали из российской армии, бежав в Степь, и только потом были захвачены в рабство кочевниками ([Записки..., 1983: 115](#)). В 1810-е гг. о проживающих в Бухаре беглых из Российской империи упоминали и представители кочевой элиты, обращавшиеся к оренбургским властям (впрочем, их сведения не вполне надёжны) ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 997. Л. 2; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 80б.-9](#)). А в 1830-е гг. российским властям удалось установить, что среди действовавших на Каспийском море морских разбойников «находится пять человек беглых Русских солдат» ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4420. Л. 16](#)). Судя по этой информации, в Центральной Азии XIX в. проживали не только рабы, захваченные в Российской империи кочевниками во время набегов, но и разного рода беглые люди из российских пределов, в частности, дезертиры.

Однако в известных нам материалах Оренбургской пограничной комиссии данная категория лиц почти не представлена: например, среди многочисленных вернувшихся в Россию рабов славянского происхождения¹, только один, «канонир Василий Венедиктов Дмитриев», подозревался в дезертирстве, причём исключительно потому, что он был возвращён в 1837 г. в числе других русских пленников из Хивы, и со слов этих пленников в момент их первой встречи с российскими чиновниками оказался отмечен как «бежавший из военной службы» ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70-700б.](#)). Что важно для темы нашей статьи, в снятом позднее с него лично в Оренбургской пограничной комиссии показании канонир утверждал, будто бы был выманен в Персию обманом, а не дезертировал, однако какой-либо проверке это показание члены комиссии подвергать не стали ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 630б.-650б.](#)). Вероятного дезертира просто передали в штаб Отдельного оренбургского корпуса, где его следы теряются ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 70-700б.](#)).

Пытаясь выявить других беглых, с которыми контактировала Оренбургская пограничная комиссия, мы обнаружили, что в 1812 г. в Российскую империю вернулся её подданный татарского происхождения «Михайло, Федоров сын», за несколько лет до этого дезертировавший в Хиву ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3](#)). Его случай оказался совершенно нетипичным в том отношении, что по ходу снятия показаний в различных инстанциях Михайло трижды назывался разным именем и рассказывал различные истории ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 1-10б.](#)). В дальнейшем нам удалось обнаружить ещё один случай с дачей, вероятно, ложных показаний, когда Оренбургской пограничной комиссией была признана сомнительной история вернувшегося в Россию раба славянского происхождения С.А. Сажаева, который был преступником и, скорее всего, бежал из-под конвоя ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 1-60б.](#)). Больше вернувшихся в Российскую империю людей, с которых Оренбургской пограничной комиссией снимались бы показания и которые при этом позиционировались бы этой комиссией как разного рода беглые, нам обнаружить не удалось.

Таким образом, нами выявлено всего трое вероятных беглых, с которых Оренбургская пограничная комиссия снимала показания: двое дезертиров и один беглый преступник. При этом все они, скорее всего, лгали в своих показаниях: в одном случае показания противоречили сведениям других рабов; в другом случае героем архивного дела были даны три диаметрально различные версии показаний; а в третьем случае в достоверности показаний усомнилась уже сама Оренбургская пограничная комиссия. При этом, помимо данных случаев, нам удалось выявить всего один эпизод, когда показания выбежавшего в Россию раба А. Абдулнасырова были признаны Оренбургской пограничной комиссией недостоверными ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47](#)).

В своей небольшой статье мы бы хотели подробно разобрать несколько нетипичных случаев из практики Оренбургской пограничной комиссии, включая случаи Михайло, Федорова сына, С.А. Сажаева и А. Абдулнасырова. Проанализировав то, как они были разоблачены, и сопоставив это со стандартными практиками Оренбургской пограничной комиссии, мы сможем понять, насколько эта комиссия проверяла достоверность показаний выходивших из Центральной Азии людей. На этом основании мы сможем понять, могли ли беглые почти не фигурировать в материалах Оренбургской пограничной комиссии не потому, что она с ними действительно не контактировала, а потому, что у беглых была возможность сфальсифицировать свои показания, выдав себя за похищенных силой рабов. Другие нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии позволят установить, могли ли остаться неотражёнными в её документах ещё какие-то ситуации, регулярно происходившие с российскими подданными в Центральной Азии.

¹ Мы акцентируем вопрос происхождения рабов по той причине, что И.В. Виткевич полагал: большую часть беглецов в Бухару из Российской империи составляют татары ([Записки..., 1983: 115](#)).

Безусловно, в силу ограниченности источниковой базы речь будет идти о возможностях и вероятностях, а не о безусловных утверждениях. Тем не менее нам представляется важным знать, в каких случаях документы Оренбургской пограничной комиссии, связанные с рабством в Центральной Азии XIX в., не заслуживают безусловного доверия.

2. Материалы и методы

Основой для нашей статьи станет целый ряд архивных материалов, хранящихся в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) и связанных с деятельностью Оренбургской пограничной комиссии. Эти материалы относятся к достаточно широкому хронологическому периоду 1810–1830-х гг. и тематически не связаны между собой. Однако их объединяет то, что на их страницах нашли отражение ситуации, нетипичные для Оренбургской пограничной комиссии: помимо трёх случаев, когда показания выбежавших из Центральной Азии людей были признаны членами этой комиссии ложными или сомнительными, мы разберём попытку комиссии перехватить в Степи хивинский караван и спасение русских пленников, находившихся в хивинском войске, русскими дезертирами, служившими в персидской армии.

Мы будем анализировать эти документы, исходя из принципов микроистории, сформулированных К. Гинзбургом, в соответствии с которыми «ключевым принципом <...> служит не аналогия, а аномалия», а «наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты» (Гинзбург, 2004: 312). Иными словами, нас будет интересовать логика появления заведомо аномальных документов Оренбургской пограничной комиссии, нетипичных для её деятельности. Реконструировав эту логику, мы постараемся понять, могли ли иные случаи, подобные описанным в этих документах, оказаться не зафиксированы комиссией не потому, что они были редки и нетипичны для рабства в Центральной Азии, но по каким-то другим причинам, прежде всего связанным со спецификой деятельности оренбургских чиновников.

3. Обсуждение

Ложные показания, дававшиеся Оренбургской пограничной комиссии, до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Вообще, несмотря на то, что тематике экспансии Российской империи в Центральную Азию посвящено множество работ, в той или иной степени затрагивающих тему местного рабовладения (можно отметить, в частности, сравнительно недавно вышедшую монографию А. Моррисона (Morrison, 2021)), собственно необработанные и хранящиеся в архивах показания людей, лично бывших в рабстве, редко используются в них в качестве источников. Исключение здесь составляют несколько работ И.А. Ермачкова, Е.К. Минеевой и их соавторов, основанных на показаниях русских рабов, вернувшихся из Хивы в 1830-е гг. (Ermachkov et al., 2021a: 1171-1180; Ermachkov et al., 2021b: 1779-1788). Однако в этих статьях в принципе не ставится вопрос о степени достоверности использованных показаний.

4. Результаты

4.1. Как Михайло, Федоров сын, себя за разных людей выдавал (1812 г.)

В 1812 г. в Оренбургскую пограничную комиссию из Троицка был доставлен человек, сперва называвший себя «магометанином Койбагаром», затем татарин из Казанской губернии Габейдулло Лукминевым, а в итоге оказавшийся крещёным татарин той же губернии «Михайло, Федоровым сыном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 1–10б.). Особую пикантность ситуации добавляет то, что сохранилось три варианта его последовательных показаний, в которых история этого якобы беглого раба менялась до неузнаваемости.

25 июня в Троицкой таможне якобы вышедший из рабства у кочевников неизвестный человек показал, что его зовут Койбагаром и он не знает ни времени, ни обстоятельств своего попадания в Степь, однако слышал от кого-то, будто бы «роду башкирского» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2). Его якобы неоднократно продавали, пока он не достался «киргизцу Итпару», от которого раб терпел притеснения и сбежал в Россию, где рассчитывал быть причисленным к одному из башкирских кантонов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2).

10 июля на допросе в Оренбургской пограничной комиссии этот же человек заявил, что его зовут Габейдулла Лукминев и он – беглый татарин Казанской губернии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 2). Согласно новой версии показаний, «Габейдулла Лукминев» примерно десять лет назад без разрешения властей покинул родную деревню с намерением бежать в Бухару, чтобы избежать рекрутчины (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.). Ему удалось добраться до Оренбурга, из которого он ушёл с караваном в Ургенч, а затем и в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.). Однако затем он по какой-то причине, которая не была им объяснена, вернулся назад, в Российскую империю, где дал ложные показания, надеясь быть причисленным в башкирские кантоны (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.).

11 июля выбежавший из Степи человек снова изменил показания. Теперь он утверждал, что его зовут «Михайло, Федоров сын» и он – крещёный татарин, служивший в Екатеринбургском

мушкетёрском полку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.). Около четырёх лет назад, когда этот полк стоял в Оренбурге, Михайло с другим солдатом дезертировали (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 20б.–3). Интересно, что именно в этой, вероятно, правдивой версии показаний вышедшего из Степи человека фигурирует несколько конкретных имён. Двое солдат ушли в Степь и попали к «киргизцу Мишахану», который продал их «хивинцу Ишниязу Ширнказову» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3). А вот далее судьбы солдат разошлись: если спутник Михайлы был подарен хивинскому хану, то сам татарин выдал себя за мусульманина, в связи с чем и получил свободу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3). Однако в Хиве Федорову, видимо, не понравилось, и он вскоре вернулся в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939н. Л. 3).

Таким образом, мы имеем дело с уникальным казусом: выбежавший из Степи человек не только ложно выдал себя за беглого раба, но затем ещё и поменял показания дважды, каждый раз признаваясь в более серьёзных преступлениях. К сожалению, из дошедших до нас архивных материалов совершенно непонятно, что побудило его к этому. Если первая версия показаний «магометанина Койбагара» действительно выглядела очень подозрительной из-за почти полного отсутствия конкретики о его жизни среди кочевников, то версия «Габейдуллы Лукминева», на наш взгляд, была уже вполне правдоподобной, причём она содержала признания в достаточно серьёзных преступлениях. Поэтому, как бы ни были важны для нас причины, по которым Михайло, Федоров сын, менял свои показания, установить их нам не удастся. Зато данный случай безусловно свидетельствует: люди, позиционировавшие себя перед оренбургскими властями в качестве сбежавших из Центральной Азии рабов, могли в действительности таковыми не являться. В самой возможности дачи ложных показаний Оренбургской пограничной комиссии не было ничего невозможного, и уже хронологически самый ранний известный нам случай, когда ложность подобных показаний была вскрыта, был связан с попыткой дезертира скрыть свою вину, сперва выдав себя за раба неясного происхождения, а затем хотя бы за беглого из Российской империи, сбежавшего до призыва в армию.

4.2. Как беглый преступник Семен Сажаев сбежал/был похищен кочевниками (1814 г.)

14 декабря 1814 г. в Крутойярскую крепость явился человек, назвавшийся «Семеном Александровым сыном Сажаевым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 1). Он оказался осуждённым преступником и не смог внятно описать обстоятельств, при которых попал в плен к кочевникам. Рассказанная им история сводилась к следующему.

В 1813 г. он был обвинён в краже, за которую в начале 1814 г. приговорён Челябинским уездным судом к 40 ударам плетью и к отправке в Уфу на поселение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 10б.). В Уфе местное начальство решило отправить его на поселение куда-то ещё, однако С.А. Сажаев утверждал, что не понял, куда именно, поскольку был очень болен (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 10б.). В итоге он оказался в городе Ялуторовске (Тобольская губерния), из которого опять был куда-то отправлен вместе со ссылаемыми на поселение «одним киргизцом и двумя башкирцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). Объяснить, что случилось дальше, С.А. Сажаев вообще не смог, ссылаясь на тяжесть всё той же мучившей его в пути болезни, но, как он предполагал, его спутники то ли подкупили конвойных, то ли сбежали от них, зачем-то взяв с собой и самого С.А. Сажаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). Затем спутники привезли больного «в киргизские кибитки» и скрылись, а хозяева этих кибиток привязали его к стремянам лошади, чтобы он не упал, и повезли вглубь Степи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). В Степи С.А. Сажаева неоднократно перепродавали, но никакой информации об именах и родах своих хозяев он сообщить не смог (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2–20б.). Помогла бежать рабу неназванная «киргизка», однако в пути С.А. Сажаев якобы снова был захвачен неизвестными кочевниками, сбежал и от них, бросил усталую лошадь и в итоге вышел к одному из русских отрядов на линии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 20б.).

Нетрудно понять, что проверить данную историю оренбургским властям было проблематично: о судьбе охранявшего С.А. Сажаева и его спутников конвоя можно было узнать только списавшись с далёким Ялуторовском, а происхождения данного персонажа у безымянных «киргизцев» в принципе не подлежали проверке. Более того, если охранявший С.А. Сажаева конвой был подкуплен или перебит в ходе бегства конвоируемых, то достоверно уточнить, действительно ли С.А. Сажаев тяжело болел во время бегства своих спутников, тоже не представлялось возможным.

Однако Оренбургская пограничная комиссия просто не стала проверять достоверность данной истории. 13 марта 1815 г. она доложила оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому, что уточнила важные для неё обстоятельства дела: С.А. Сажаев действительно был судим в Челябинске в 1814 г., приговорён к 40 ударам плетью и ссылке на поселение (правда, не в Уфу, а в Иркутск) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5). Поскольку больше сведений о нём не было, Оренбургская пограничная комиссия исходила из того, что он «сбежал», но «не учинил ли при побеге вновь преступления Сведения не имеется» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5–50б.). В подобных условиях комиссия предложила просто снова отправить С.А. Сажаева в Иркутск на поселение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 50б.). Как нам представляется, не описанная в архивных документах логика оренбургских чиновников была чисто бюрократической, но достаточно разумной: С.А. Сажаев уже был приговорён к достаточно серьёзному наказанию, кроме того, ему предстояло повторить свой путь в Иркутск, и, если им действительно

совершались явные преступления, в Ялutorовске это вскрылось бы. Поэтому заниматься из Оренбурга расследованием обстоятельств возможного побега С.А. Сажаева из-под конвоя около Ялutorовска едва ли имело смысл.

Между тем в том же марте 1815 г. Г.С. Волконскому подал прошение отец С.А. Сажаева, А.Ф. Сажаев. Данное прошение было, мягко говоря, лукавым и двусмысленным. А.Ф. Сажаев утверждал, будто бы не знает, за что судили его сына, а его ссылку в Сибирь на поселение связывал исключительно с «неприятием обывателя на прежнее жительство» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5а). В интерпретации А.Ф. Сажаева, его сын был «захвачен киргизцами в плен», но «посредством своим освободился, вышел внутрь России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5а). И теперь отец, ссылаясь на старость и отсутствие у него других сыновей, а также некий манифест, «изданный прошлого 1814 года августа в 30 день», просил не просто освободить С.А. Сажаева от наказания, но и зачислить его в казаки, а затем поселить недалеко от мест, в которых жил сам А.Ф. Сажаев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 5а–5аоб.).

Нетрудно понять, что А.Ф. Сажаев писал о Манифесте от 30 августа 1814 г., который был дарован Александром I «народу нашему» за участие в победе над Наполеоном (Собрание, 1816: 170). Однако при внимательном изучении данного документа становится ясно, что С.А. Сажаев благодаря нему мог рассчитывать только на прощение за бегство из пределов Российской империи, за которое его и так не стали наказывать: в манифесте дословно сообщалось, что «всякого рода и звания военным людям, крестьянам и прочим обывателям, отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем прощение, буде пребывающие внутри России возвратятся от сего числа в течении года, а из иностранных земель в течении двух лет» (Собрание..., 1816: 174). Причислять же крестьян, тем более сосланных в Сибирь, в казаки манифест, разумеется, не предлагал.

В итоге 7 апреля 1815 г. Г.С. Волконский солидаризировался с мнением Оренбургской пограничной комиссии, приказав повторно отправить С.А. Сажаева в Иркутскую губернию для поселения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 6–6об.). Для нас же особенно интересно, что в подписанном губернатором документе уже однозначно утверждается, будто С.А. Сажаев «бежал» от конвоя – т. е. в историю о тяжело больном преступнике, которого фактически украли другие конвоируемые при побеге, губернатор не поверил (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 6–6об.). Таким образом, с точки зрения Г.С. Волконского, С.А. Сажаев откровенно лгал в своих показаниях, скрывая участие в бегстве от присуждённого по суду наказания. Однако доказывать факт этой лжи и наказывать беглеца за неё оренбургские власти не стали, что демонстрирует нам их приоритеты.

4.3. Как Абдуллатиф Абдулнасыров себя за беглого пленника выдавал (1837 г.)

Прежде чем переходить к последующим по хронологии казусным случаям из практики Оренбургской пограничной комиссии, разберём последний эпизод, в ходе которого вышедший из Степи человек ложно выдавал себя за беглого раба. Этот эпизод особенно интересен потому, что его главный фигурант не совершал каких-либо серьёзных преступлений, однако, подобно Михайло, Федорову сыну, и С.А. Сажаеву полагал, что ему будет безопаснее исказить свою реальную историю.

В июле 1837 г. оренбургскому губернатору В.А. Перовскому из крепости Илецкая защита доложили: старшина Аман Таубаев доставил на линию «Ясашного Татарина Казанской губернии Царевококшайского уезда Латифа Насырова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 15). Согласно отобранному у доставленного показанию, он был пастухом у некоего «Урядника Скорнякова», буквально несколько дней назад (точная дата в документе не указана) допустил потраву скотиной хлеба и поехал к хозяину в Оренбург объясняться – но на пути был захвачен кочевниками (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 15об.). С нашей точки зрения, дальнейшие показания «Латифа Насырова» выглядели очень подозрительно. Кочевники почему-то просто бросили своего пленника около линии, после чего его и спас А. Таубаев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 15об.). Илецким властям, судя по всему, эта история тоже показалась странной, однако у них наибольшие подозрения вызвала сама личность «Латифа Насырова»: о случившемся, кроме В.А. Перовского, сообщили Оренбургской пограничной комиссии и оренбургскому полицмейстеру, причём последнего прямо попросили уточнить: «Действительно ли Насыров проживал у Урядника Скорнякова в работниках и имеет ли у себя Пачпорт?» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 18).

Расследование случившегося растянулось до марта 1838 г., когда Оренбургская пограничная комиссия доложила тому же В.А. Перовскому о вскрывшихся фактах (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 46). Прежде всего, оказалось, что в Илецкой защите неверно зафиксировали имя фигуранта дела: его на самом деле звали не Латиф Насыров, а Абдуллатиф Абдулнасыров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 46об.). Приводилась и новая версия его показаний, с двумя небольшими отличиями от прежней: о потраве хлеба скотом, который пас А. Абдулнасыров, уже не упоминалось, зато подробнее расписывалась история с его странным спасением из плена (захватившие его кочевники якобы увидели «что-то черневшееся», решили, что это погоня, и бросили пленника) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 46об.). Однако по-настоящему неожиданная информация поступила от оренбургской городской полиции.

К сожалению, в дошедших до нас документах снова отсутствуют конкретные сведения о том, как была получена эта информация. Указано только, что было предпринято полицейское расследование

(дословно: «по произведенному Полицией розыску открылось») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). В ходе расследования подтвердилось, что А. Абдулнасыров не врал ни о своей личности, ни о том, что он был пастухом у урядника Скорнякова, допустившим потраву чужого хлеба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). А вот историю о похищении кочевниками А. Абдулнасыров полностью выдумал: в действительности он после потравы чужого хлеба сам бежал в Степь, где явился к старшине А. Таубаеву и соврал ему, будто бы был захвачен (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). Мотивация А. Абдулнасырова к столь экстравагантному поступку в архивных документах описана следующим образом: «от испуга по молодости лет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4663. Л. 47). Таким образом, А. Абдулнасыров настолько боялся наказания за потраву хлеба то ли от хозяина, то ли от людей, чей хлеб он потравил, что попытался сфальсифицировать свой захват в рабство кочевниками и внезапное спасение, видимо, надеясь, что наказывать после такого его не будут. Для нас же наиболее важен тот факт, что А. Абдулнасырова разоблачила не Оренбургская пограничная комиссия, а оренбургская полиция, в которую его отправили, вообще-то, не для уточнения обстоятельств его спасения, а для проверки его личности. При этом других случаев, когда история выбежавшего из Центральной Азии раба проверялась бы полицией, нам в архивных материалах пока обнаружить не удалось.

Учитывая случай А. Абдулнасырова, а также описанные нами выше случаи Михайлы, Федорова сына, и С.А. Сажаева, остаётся констатировать, что попытки обмана Оренбургской пограничной комиссии людьми, выдающими себя за насильно захваченных рабов, но не являющимися ими в действительности, предпринимались неоднократно. Между тем комиссия не пыталась заниматься расследованиями, удостоверяющими правдивость показаний вышедших из Центральной Азии людей или уточняющими сведения о достоверно находящихся у кочевников беглых. Так, летом 1828 г. «пленный Кызылбашанин Мухаметь Мулла Рамузин» в своих показаниях заявил, что слышал: «Находится в Орде Русской беглый, за коего уже сосватана невеста, но как его зовут, когда он бежал, откуда и у кого находится, не знает» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 141об.–142). Оренбургская пограничная комиссия запросила у оренбургского губернатора П.К. Эссена разрешение «оставить без переписки» это дело, как «не представляющее никаких на розыскание возможностей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 142об.). Только значительно позже, из разобранных нами случаев, к середине XIX в. сложилась практика, когда выбежавших из Центральной Азии рабов, утверждавших, что они не являются подданными Российской империи, специально проверяли в Оренбургской пограничной комиссии, пытаясь понять, не скрывается ли под личиной беглого раба преступник. Обычно эта проверка в документах описывалась так: «При испытании же, сделанном Асанову переводчиками при почтенных азиятцах, проживающих в Оренбурге, найдено, что он говорит весьма чисто Персидским наречием, применяясь к своему коренному; затем при медицинском освидетельствовании Асанова никаких на нем признаков телесного наказания не замечено» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7204. Л. 33); «По испытании Абдуллина переводчиками Комиссии и вызванными чрез них находящимися в Оренбурге по торговым делам Азиятцами оказалось, что он говорит довольно порядочно по Персидски, по-татарски же хорошо, но только чисто хивинским наречием; а по свидетельству медика никаких признаков телесного наказания на Абдуллине не замечено» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7204. Л. 53об.–54). Подданные же Российской империи и таким проверкам не подвергались, но обычно посылались в места своего прежнего проживания (в частности, так поступили с группой русских пленников, в 1837 г. вернувшейся из Хивы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 76–77)). Вероятно, предполагалось, что, если в числе подобных людей будут преступники или самозванцы, это будет проще выяснять не в Оренбурге, а в местах их постоянного проживания.

Как мы видим, все описанные практики позволяли уточнить только то, насколько беглый раб верно указал свою личность – и, в случае с российскими подданными, не совершал ли он преступлений до попадания в рабство. Собственно же история пребывания человека в рабстве, включая обстоятельства того, как человек в рабство попал, Оренбургской пограничной комиссией по сути не проверялась – и, следовательно, мы едва ли сможем когда-нибудь точно ответить на вопрос, какая доля людей, фигурирующих в документах Оренбургской пограничной комиссии в качестве захваченных в рабство русских пленников, в действительности сама бежала из пределов Российской империи. Тем не менее на вопрос, поставленный нами во вводной части нашей статьи, мы можем ответить безусловно положительно: беглые могли почти не фигурировать в материалах Оренбургской пограничной комиссии потому, что у них была возможность сфальсифицировать свои показания, выдав себя за похищенных силой рабов, поскольку никаких проверок этих показаний фактически не проводилось. Даже те три выявленных нами случая, когда показания людей, выдававших себя за рабов, были признаны оренбургскими властями сфальсифицированными, нельзя поставить в заслугу Пограничной комиссии: А. Абдулнасырова разоблачила полиция, лживость показаний С.А. Сажаева так и не была доказана, а о том, почему Михайло, Федоров сын, трижды менял показания, информации в источниках нет.

4.4. Как чиновник Аитов хивинский караван не догнал (1828 г.)

В то же время нам удалось обнаружить показательный пример того, как Оренбургская пограничная комиссия предприняла нечто, напоминающее детективное расследование –

окончившееся неудачно и повлекшее определённые, хотя и незначительные, проблемы для самих членов комиссии.

14 октября 1828 г. группа солдат Ильинской крепости была отпущена на сенокос за реку Урал, и с ними без разрешения начальства отправился «находящийся в отпуску по билету рядовой Иван Филипов», который неосторожно отошёл от остальных «не более, как на сто сажен за бутор», после чего оказался похищен вместе с лошадьёю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 1–10б.). 16 октября комендант Ильинской крепости доложил о случившемся Оренбургской пограничной комиссии, а 25 октября комиссия предложила оренбургскому губернатору П.К. Эссену пойти на необычную меру: дождавшись отхода хивинского каравана, послать вслед за ним чиновника, чтобы тот проверил, не везёт ли караван И. Филипова, других пленников или беглых (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 1–20б.). В обнаруженном нами архивном документе необходимость данной меры специально не обосновывалась, однако представляется очевидным, что Оренбургская пограничная комиссия подозревала хивинских караванщиков и торговцев в перевозке российских подданных для последующей продажи в рабство, причём предполагала, будто бы эти подданные присоединяются к каравану, когда он уже вышел в обратный путь из Российской империи.

Согласно позднейшим документам, Оренбургская пограничная комиссия отправила в погоню за хивинским караваном коллежского регистратора Аитова уже 3 ноября, до получения официального разрешения на подобную меру от П.К. Эссена (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 7). Разрешение от оренбургского губернатора последовало только 6 ноября (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 3–30б.). Между тем, по данным Оренбургской пограничной таможни, в 1828 г. с зауральского менового двора в Хиву и Бухару уходило 4 каравана (уточнить, какой караван куда следовал, таможня не смогла): 31 июля, 14 августа, 1 сентября и 27 октября (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 70б.). Таким образом, на момент, когда Оренбургская пограничная комиссия попросила разрешить ей послать чиновника за хивинским караваном, последний уходивший с зауральского менового двора караван ещё не отправился в путь. Однако П.К. Эссен медлил с ответом более недели, и даже отправленный без его разрешения чиновник в итоге отставал от каравана на много дней.

Это привело ко вполне предсказуемым последствиям. Коллежский регистратор Аитов следовал за караваном до реки Уил, где узнал, что караван сильно обогнал его и уже переправился через реку Эмбу, после чего повернул обратно «по случаю наступившей Зимы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 4–40б.). Соответственно, проверить караван на наличие в нём пленников и беглых чиновник не смог. Правда, он докладывал, что несколько кочевников недавно «ездили для хищничества к линии» и захватили там пленника, однако хивинский караван для его дальнейшей транспортировки не использовался: пленители «отправили одного пленника для продажи в Хиву с нарочными прежде каравана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 40б.). Таким образом, миссия Аитова увенчалась полным провалом: он не только не смог вернуть пленников и беглых, возмозжно, следовавших с хивинским караваном, но и даже не смог найти каких-либо доказательств того, что хивинские караваны действительно используются для нелегальной переправы российских подданных в Хиву.

13 декабря 1828 г. Оренбургская пограничная комиссия доложила о случившемся начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 4) (обычно она докладывала ему, если П.К. Эссен по каким-либо причинам не исправлял своей должности, например, был в отъезде). 31 декабря Г.П. Веселитский распорядился уточнить, «когда отправился Хивинский Караван за границу и чрез сколько дней за ним последовал Коллежский Регистратор Аитов», чтобы выяснить, насколько своевременна была отправка последнего (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 6). 23 января нового 1829 г. комиссия сообщила Г.П. Веселитскому уже известные нам факты: что караван вышел 27 октября, а Аитов последовал за ним только 3 ноября (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 7–70б.). В итоге Г.П. Веселитский сделал замечание Оренбургской пограничной комиссии за то, что она не запросила у таможни сведений о датах отправки караванов – из-за чего, якобы, «и произошло, что Аитов ездил напрасно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3422. Л. 9) (как мы видели, в действительности причиной этого была медлительность П.К. Эссена с предоставлением Оренбургской пограничной комиссии разрешения на командирование чиновника в Степь – но этот сюжет как Г.П. Веселитский, так и пограничная комиссия предпочли обойти молчанием). После этого Оренбургская пограничная комиссия подобных попыток расследования деятельности хивинских караванов в Степи уже не предпринимала – по крайней мере, нам не удалось обнаружить других случаев, когда вслед за ушедшим караваном для его проверки отправлялся бы чиновник.

История с неудачным преследованием хивинского каравана представляется нам крайне важной для понимания степени информированности российских чиновников, занимавшихся борьбой с работорговлей в оренбургском приграничье. Из этой истории видно, что члены Оренбургской пограничной комиссии подозревали: захваченных рабов переправляют в Хивинское ханство в хивинских караванах. Однако единственная выявленная нами попытка организовать перехват подобного каравана на практике оказалась неудачной. Соответственно, подозрение российских чиновников так и осталось подозрением, и в материалах Оренбургской пограничной комиссии мы не найдём безусловных доказательств того, что хивинские караванщики участвовали в переправе

русских рабов в Хиву – или, напротив, результатов проверок хивинских караванов, доказавших невинность хивинских караванщиков в данном преступлении.

4.5. Как русский батальон персидской армии русских солдат хивинской армии спас (1836 г.)

В результате в материалах Оренбургской пограничной комиссии отражалась только часть сюжетов, связанных с подданными Российской империи, находящимися в рабстве в Центральной Азии. Даже спасение этих пленников могло происходить помимо комиссии, причём иногда их освободителями выступали самые неожиданные силы.

В 1836 г. оренбургские власти получили информацию о том, что к российскому послу в Персии, графу И.О. Симоничу, явилось двое рабов из Хивы, которые в дальнейшем были возвращены в Российскую империю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 1–10б.). Хотя Оренбургская пограничная комиссия не имела к их спасению никакого отношения, она запросила показания этих рабов, чтобы узнать о том, когда и как они были пленены – а поскольку при получении показаний оказалось, что в них фигурируют находящиеся на персидской службе «два батальона из беглых Русских солдат», то комиссия сочла нужным представить копии с этих показаний оренбургскому губернатору В.А. Перовскому (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 10б.–8).

Более лаконичным было показание Михаила Куканова. В 1827 г. он с тремя другими русскими был захвачен в плен во время рыбной ловли на Каспии и продан через нескольких посредников в Хиву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 5–50б.). Однако там он – пока это единственный известный нам подобный случай, описанный в показаниях самим рабом – сразу оказался взят на военную службу. Его купил некий военный, «Полковник Бакейняс Избаш», сделавший русского своим денщиком (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.). 8 лет М. Куканов служил в хивинской армии, пока во время похода в Хорасан ему не представился случай бежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.). М. Куканов якобы сразу вышел к персидским войскам, в числе которых было «два батальона из бежавших Русских солдат», однако никаких своих контактов с этими солдатами беглый раб не упоминал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.). Вообще своё пребывание в Персии он описывал предельно лаконично, ограничиваясь указанием на то, что следовал по маршруту Нишапур-Савзовар-Тегеран и в Тегеране встретился с И.О. Симоничем (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 50б.–6).

Второй раб, Василий Демидов, был не просто куда более многословен – он сообщал целый ряд фактов, сознательно или случайно упущенных М. Кукановым. В. Демидов тоже был захвачен на рыболовстве в Каспийском море, причём год захвата он не указывал, но из контекста следует, что это произошло около 1830 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 2–20б.). Его продали хивинскому хану Аллакули, у которого русский раб работал плотником около пяти лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3). Однако затем его почему-то включили в состав хивинской армии, отправленной «на сражение с Персией в местечко Хворостат (возможно, Хорасан – Прим. авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3). Армия эта взяла две деревни, после чего В. Демидов и М. Куканов сумели ночью сбежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3–30б.). Однако это стало только началом их злоключений: беглых рабов приняли за шпионов и посадили в яму в деревне Торбец, в которой они содержались 5 месяцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 30б.). Когда их выпустили из ямы (причины освобождения в показании не были указаны), беглые узнали, что неподалёку находится «Русский батальон», причём, судя по всему, на тот момент В. Демидов не понимал специфики комплектования и службы этого батальона, но, напротив, полагал, что с его помощью удастся «достичь Русских пределов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 30б.–4). В итоге двое товарищей снова сбежали, на этот раз из деревни Торбец, и на этот раз удачно: им удалось за три дня достигнуть города Туртичи и встретить там «Русского солдата» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 30б.–4). Именно этот солдат выступил ходатаем за беглецов перед персидскими властями, которые, в свою очередь, отправили рабов к И.О. Симоничу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 4).

Интересно, что в хивинской армии был как минимум ещё один русский раб. В. Демидов упоминает некоего Ивана Кондратева, вместе с ним захваченного на Каспийском море и тоже проданного хану Аллакули (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 20б.–3). И. Кондратов тоже изначально работал на хана, только не плотником, как В. Демидов, а хлебопашцем, и в итоге оказался в ханской армии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 3–40б.). К сожалению, не ясно, предлагали ли ему бежать с двумя другими рабами. В этом контексте важно, что свою жизнь в Хиве В. Демидов описывал достаточно нейтрально, без упоминаний каких-либо зверств, встречающихся в русских нарративах о хивинских пленниках: «В бытность ему в плену тяжкого наказания ему не было, кроме как был недостаток в хлебе и обременены были работами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4774. Л. 40б.). Соответственно, И. Кондратов вполне мог отказаться от рискованного предложения бежать вместе с другими русскими рабами, считая дальнейшее пребывание в Хиве более предпочтительным.

Казус М. Куканова и В. Демидова демонстрирует целый ряд неочевидных сюжетов, связанных с рабством в Центральной Азии XIX в. Прежде всего, мы сталкиваемся с тем, что русские рабы оказываются военнослужащими Хивинского ханства, причём один из них, М. Куканов, нёс свою службу 8 лет. В материалах Оренбургской пограничной комиссии почти отсутствуют упоминания о русских пленниках, которые бы служили в армиях центральноазиатских правителей. Между тем участник российского посольства в Бухару в 1820–1821 гг. Е.К. Мейендорф утверждал, что бухарской

артиллерией командовал «старый русский солдат» (Мейендорф, 1975: 140). В 1822 г. в «Отечественных записках» вышла очень своеобразная статья об этом человеке: утверждалось, что его звали Андреем Родиковым и он был капралом оренбургского гарнизона, ещё 40 лет назад захваченным кочевниками, проданным в Бухару и там сделанным начальником артиллерии исключительно потому, что безымянный бухарский «хан» (а не эмир, как было бы корректнее) знал: «Русские всюду годятся и на все мастера» (Яковлев, 1822: 366). Автор статьи, П. Яковлев, признавал, что А. Родиков свободен, держит лавку и пользуется в Бухаре уважением, однако утверждал, будто он мечтает вернуться в Россию и его удерживает от этого только строгий запрет властей (Яковлев, 1822: 366–367). С другой стороны, в материалах Оренбургской пограничной комиссии было зафиксировано, что, когда в 1859 г. миссия в Бухару под руководством Н.П. Игнатьева выручила оттуда 11 российских подданных, 8 из них оказались служившими в армии эмира (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7533. Л. 106.–206., 1906.). Таким образом, вопреки стереотипным представлениям о российских пленниках в Центральной Азии, какая-то из них часть служила в войсках Бухарского эмирата. Однако в массиве документации Оренбургской пограничной комиссии эта категория людей почти не представлена.

Кроме того, в случае М. Куканова и В. Демидова главными спасителями русских пленников предстают не российские чиновники или лояльные Российской империи кочевые правители, а дезертиры из российской армии, перебежавшие на персидскую службу – и, тем не менее, выступившие ходатаями за рабов, желавших вернуться в Российскую империю. Батальон, состоявший на службе в персидской армии в первой половине XIX в., достаточно известен, и ему, например, посвящён отдельный раздел в книге А.В. Кругова и М.В. Нечитайлова «Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг.» (Кругов, Нечитайлов, 2016: 84–104). Однако нам не удалось найти в литературе упоминаний о том, чтобы солдаты этого батальона помогали русским пленникам выйти из рабства в Центральной Азии.

Наконец, мы снова сталкиваемся с умолчаниями и даже прямой ложью в показаниях спасённых рабов: М. Куканов, однозначно позиционировавший русских солдат на персидской службе как беглых, умалчивал об их роли в своём спасении, а В. Демидов, напротив, ясно описывал эту роль, но нигде не упоминал, что речь идёт о дезертирах. При этом М. Куканов утверждал, будто бы он, сбежав из хивинской армии, сразу вышел к персидским войскам, а В. Демидов – будто бы он вышел в деревню Торбец, где провёл не менее 5 месяцев. Понятно, что, поскольку беглые рабы путешествовали вдвоём, один из них откровенно врал. И мы ещё раз убеждаемся, что вышедшие из Центральной Азии рабы могли лгать или что-то недоговаривать российским чиновникам – причём в данном случае Оренбургская пограничная комиссия в очередной раз не стала вникать в детали этого, не проанализировав противоречия в показаниях М. Куканова и В. Демидова, а просто передав эти показания В.А. Перовскому.

5. Заключение

Попытаемся теперь сформулировать те выводы, к которым нам дают основание прийти разобранные нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии.

1) В 1810–1830-е гг., безусловно, имели место случаи, когда вышедшие из Центральной Азии рабы лгали Оренбургской пограничной комиссии в своих показаниях. Хотя число случаев, когда показания подобных рабов признавались недостоверными самой комиссией, крайне невелико (нами выявлено всего три подобных случая), исследователь должен учитывать саму *возможность* того, что дававший показания оренбургским чиновникам человек, выдававший себя за беглого раба, не просто чего-то не договаривал, но и откровенно лгал.

2) При этом самой Оренбургской пограничной комиссией не было создано сколько-либо эффективного механизма выявления подобной лжи (определённые шаги в этом направлении были предприняты только в середине XIX в. и касались исключительно рабов, не являвшихся подданными Российской империи). Разоблачения людей, дававших ложные показания, носили скорее случайный характер. Так, Михайло, Федоров сын, не придумал себе качественной легенды и не мог назвать своих хозяев, кроме одного, но, возможно, был разоблачён даже не из-за этого, а потому, что сам сменил излагаемую им в показаниях историю (в архивных документах нет информации о том, обратили ли внимание чиновники, бравшие второе показание, на странности первого). С.А. Сажаева, давшего сомнительные показания, полноценно проверять не стали, но, как уже приговорённого к поселению в Сибири, просто повторно отправили в Сибирь. Только А. Абдулнасырова по-настоящему разоблачили, точно установив, в какой части своих показаний он лгал. Однако это сделала не Оренбургская пограничная комиссия, а оренбургская полиция. Таким образом, сведения, сообщаемые вышедшими из Центральной Азии рабами о своём захвате в рабство и пребывании в нём, Оренбургской пограничной комиссией *полноценно не проверялись*.

3) Из всего этого следует, что для дезертира или беглеца из пределов Российской империи было вполне реально сфальсифицировать свою историю при даче показаний Оренбургской пограничной комиссии. Соответственно, тот факт, что в материалах этой комиссии почти не представлены беглые или дезертиры, может объясняться как тем, что она действительно почти не имела с ними дела, так и,

что представляется *более вероятным*, тем, что данные люди выдавали себя перед чиновниками комиссии за захваченных в рабство.

4) Аналогичным образом не находить отражения в материалах Оренбургской пограничной комиссии могли и иные сюжеты и ситуации, если нетипичные, то, по крайней мере, неисключительные для Центральной Азии первой половины XIX в. Так, как мы видели, члены комиссии считали вероятным участие хивинских караванов в доставке беглых и захваченных в России рабов в Хиву. Однако попытка перехватить подобный караван для проверки на его пути из Российской империи в Хиву провалилась, а повторять её не стали. Поэтому мы теперь можем утверждать только то, что хивинские караваны *могли* участвовать в нелегальной перевозке рабов, однако достоверная информация на этот счёт в материалах Оренбургской пограничной комиссии отсутствует.

5) Наконец, какие-то сюжеты, связанные с рабством в Центральной Азии, могли вообще проходить *мимо внимания* Оренбургской пограничной комиссии. В начале своей статьи мы упоминали, что в Российскую империю бежали рабы, не являвшиеся её подданными, которых затем возвращали на родину. Однако гипотетически и русские пленники могли бежать не в Российскую империю, а, например, в Бухару из Хивы или в Хорасан из Бухары. Именно в Хорасан из Бухары бежали М. Куканов и В. Демидов, которым помогли спастись русские дезертиры, служившие в армии персидского шаха, а затем российское посольство. В материалы Оренбургской пограничной комиссии их показания попали случайно, только потому, что об этом случае сообщили оренбургским властям. Между тем другие русские рабы в аналогичной ситуации могли вообще оставаться там, куда сбежали. Следовательно, материалы комиссии не позволяют систематически следить за перемещениями русских пленников за пределы Центральной Азии, если только эти пленники не возвращались в Россию.

Всё вышесказанное, разумеется, не умаляет значения материалов Оренбургской пограничной комиссии. Однако, исходя из отмеченных нами выше особенностей, можно констатировать, что в этих материалах оказались зафиксированы только те аспекты рабства в Центральной Азии, которые интересовали даже не российские власти в целом, а провинциальных оренбургских чиновников, решавших локальные задачи, кстати, далеко не ограничивающиеся борьбой с рабством, но включающие в себя общее управление лояльной России частью Степи. В то же время эти чиновники находились в зависимости от вышестоящего начальства, а их ресурсы были ограничены. И, соответственно, преобладание в материалах Оренбургской пограничной комиссии документов, описывающих схожие ситуации, не означает, что эти ситуации были объективно наиболее распространены, а иные встречались редко – просто, например, в сферу интересов комиссии редко попадали подданные Российской империи, довольные своим пребыванием в Хиве (условия жизни в которой даже для рабов, а не беглых, В. Демидов описывал как сносные). Кроме того, в каких-то случаях сами люди, создававшие документы (как чиновники, так и люди, контактировавшие с чиновниками), могли фальсифицировать описываемые ситуации, приводя их к типичным и удобным для себя: так, возвращающийся в Россию дезертир не был заинтересован в том, чтобы признаваться в своём преступлении, а снимающий с него показания чиновник не был заинтересован в сложной проверке показаний, в результате чего потенциально нетипичная для Оренбургской пограничной комиссии ситуация, связанная с дезертирством или дачей ложных показаний, превращалась в стандартную ситуацию похищения подданного Российской империи кочевниками.

Литература

[Гинзбург, 2004](#) – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / *Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история*. М., 2004. 345 с.

[Записки..., 1983](#) – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.

[Кругов, Нечитайлов, 2016](#) – Кругов А.В., Нечитайлов М.В. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М., 2016. 248 с.

[Мейендорф, 1975](#) – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.

[ОГАОО](#) – Объединённый государственный архив Оренбургской области.

[Собрание..., 1816](#) – Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. 212 с.

[Яковлев, 1822](#) – Яковлев П. Русский капрал Топчи-Баши у Бухарского хана // *Отечественные записки*. 1822. Ч. XI. С. 366–369.

[Ermachkov et al., 2021a](#) – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171–1180.

[Ermachkov et al., 2021b](#) – Ermachkov I.A., Baibarin A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1779–1788.

[Morrison, 2021](#) – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

[Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko A.Yu.* Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.
[Peretyatko, 2024](#) – *Peretyatko A. Yu.* Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1586-1597.

References

- [Ermachkov et al., 2021a](#) – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
[Ermachkov et al., 2021b](#) – *Ermachkov, I.A., Baibarin, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779-1788.
[Ginzburg, 2004](#) – *Ginzburg, K.* (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya. M. 345 p. [in Russian]
[Krugov, Nechitaylov, 2016](#) – *Krugov, A.V., Nechitaylov, M.V.* (2016) Persidskaya armiya v voynakh s Rossiei. 1796–1828 gg [Persian army in wars with Russia. 1796–1828]. M. 248 p. [in Russian]
[Meyendorff, 1975](#) – *Meyendorff, E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. M., 180 p. [in Russian]
[Morrison, 2021](#) – *Morrison, A.* (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
[OGAoo](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
[Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.
[Peretyatko, 2024](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2024). Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem. *Bylye Gody*. 19(4): 1586-1597.
[Sobranie..., 1816](#) – *Sobranie vysochaishikh manifestov, gramot, ukazov, reskriptov, prikazov voiskam i raznykh izveshchenii, posledovavshikh v techenii 1812, 1813, 1814, 1815 i 1816 godov* [Collection of highest manifests, diplomas, decrees, rescripts, army orders and various notifications which followed during the years 1812, 1813, 1814, 1815 and 1816]. SPb. 212 p. [in Russian]
[Yakovlev, 1822](#) – *Yakovlev, P.* (1822). Russkii kapral Topchi-Bashi u Bukharskogo khana [Russian corporal Topchi-Bashi with the Bukharan Khan]. *Otechestvennye zapiski*. Pt. XI. Pp. 366-369. [in Russian]
[Zapiski..., 1983](#) – *Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha)* [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M. 149 p. [in Russian]

Связанные с рабовладением нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии первой половины XIX в.

Артём Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе прежде не публиковавшихся архивных материалов, рассмотрены нетипичные случаи из практики Оренбургской пограничной комиссии первой половины XIX в., то есть такие случаи, описания которых встречаются в её материалах редко. В рамках предложенных К. Гинзбургом методов микроистории мы полагаем, что как раз аномальная документация может привести к наиболее интересным выводам. Так, в материалах Оренбургской пограничной комиссии исключительно редко (3 раза за полвека) встречаются показания людей, выдававших себя за сбежавших из рабства в Центральной Азии, признанные затем недостоверными. Это показывает, что подобные показания могли быть сфальсифицированы (в разобранных нами случаях показания фальсифицировались, чтобы избежать наказания, причём в 1 случае дезертиром и в 1 случае - беглым преступником). Тем не менее Пограничной комиссией показания, снимавшиеся с выбежавших в Россию рабов, фактически не проверялись. При этом в материалах Оренбургской пограничной комиссии очень мало упоминаний людей, которые добровольно сбежали из Российской империи, в то время как из других источников известно, что подобные люди жили в Бухарском

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

эмирате. Соответственно, при работе с материалами Оренбургской пограничной комиссии следует учитывать вероятность того, что часть показаний, которые были даны ей, была в той или иной степени сфальсифицирована, но не разоблачена, и люди, некогда сбежавшие из Российской империи, выдали себя за похищенных из её пределов рабов. Другие нетипичные случаи из практики комиссии показывают, что какие-то практики рабовладельцев могли быть в принципе ею не зафиксированы. Так, члены комиссии подозревали хивинские караваны в вывозе подданных Российской империи в Хивинское ханство, однако единственная попытка перехватить подобный караван уже после его выхода из российских пределов оказалась неудачной. В другом деле комиссии зафиксирована информация о службе русских пленников в хивинской армии и их бегстве в Россию через Персию, причём комиссия узнала об этом только потому, что ей сообщили другие органы управления империей. Всё вышесказанное свидетельствует, что материалы Оренбургской пограничной комиссии являются важнейшим, но не исчерпывающим и не всегда достоверным источником по истории рабства в Центральной Азии XIX в.

Ключевые слова: рабство, Центральная Азия, Российская империя, русский батальон в Персии, ложные показания, достоверность исторических источников.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 131-141
DOI: 10.13187/bg.2026.1.131

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Retrospection of the Social Role of Healers (Ishans, Tauips) among Kazakhs in the 19th – early 20th centuries

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Kuralay K. Sarsembina ^a, Zamzagul B. Baizhumanova ^a, Zilyikha Sh. Bimakanova ^b

^a Valikhanov Institute of History and Ethnology. Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

Effective methods of getting rid of ailments among steppe peoples in the past certainly deserve attention, as well as the evolution of healing practices. The purpose and objectives of the study are to rethink the socio-cultural role of Ishan among steppe Kazakhs in the 19th and early 20th centuries through retrospection. Reports about the Ishan have been deposited in the collections of the Russian State Historical Archive, the United Archive of the Orenburg Region, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, as well as in folk memory, narratives and memoirs of travelers. Information about the Ishan was updated as they moved deeper into the remote regions of the empire and represent diverse materials. Comparative analysis in this context was used to compare the healing activities of Ishan and Tauip people among a number of peoples: Kazakhs, Bashkirs, Azerbaijanis, Crimean Tatars, etc. The origins of the Ishan institute and their connection with the Bukhara madrasahs are revealed, as well as trends in the interpretation of the social institution of ishanism in pre-revolutionary, Soviet and modern historiography. An attempt has been made to analyze the social role of the Ishan institute in the history of the peoples of the empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The glossary of the topic has been studied, regarding the designation of the status and attributes of Ishan and Tauip. The glossary reflects the common perception of the steppe people of Ishan and Tauip as: a) spiritual mentors; b) defenders of their natural rights; c) healers. Sources indicate their specialization (experts in medicinal herbs, chiropractors, masters of hypnosis, magicians and magicians, etc.). The Institute of steppe healing was insufficiently studied in the pre-revolutionary period, due to a lack of information and a superficial acquaintance with this extraordinary phenomenon. In the 19th century, the Ishan found themselves in the orbit of the political struggle of the Kazakh people, in the context of the decline of the status of the khans (substitution effect), there was an increase in the influence of spiritual leaders, the Ishan. A number of them left a vivid mark in the context of protest social movements, which permanently removed the topic of steppe healers from scientific circulation. Accordingly, a more detailed study of the topic was postponed in order to trace the evolution of steppe healing in later periods of Central Asian history.

Keywords: Kazakhs, Russian Empire, history, narratives, steppes, Central Asia, healing, spiritual leaders, madrasahs, Ishans.

1. Введение

Изучение происхождения ишанства и его исторической эволюции позволит объективно оценивать современные явления в Центрально-Азиатском регионе, действенность методик целительства на основе традиционной медицины и знаний свойств лекарственных растений и

* Corresponding author

E-mail addresses: gyulnar.mukanova1963@gmail.com (G.K. Mukanova),
kuralaysk@bk.ru (K.K. Sarsembina), b.zamzagul75@mail.ru (Z.B. Baizhumanova),
bimakanova1956@mail.ru (Z.Sh. Bimakanova)

возможностей человеческой психики. Если в христианской церкви, и православной в частности, народная медицина в виде знахарства провозглашалась колдовством и преследовалась, то на территории Казахстана и Средней Азии в обозначенных хронологических рамках практиковалось сосуществование: веры во всемогущество Аллаха, с одной стороны, и целительства в лице специально обученных ишанов, владевших знаниями полезных свойств растений, психологии и анатомии человека, с другой. Среди казахского населения степных областей империи термин «ишан», распространённый в областях, граничивших со среднеазиатскими духовными центрами, не прижился; здесь чаще употребимо было понятие «тәуіп» для обозначения целителя. В статье мы оперируем обеими дефинициями, поскольку они встречаются в источниках. На наш взгляд, ислам как относительно молодая религия довольно гибко адаптировался к культурогенезу и этногенезу степняков и не отверг реликтовых верований, и, собственно, целительства, к тому же по шариату обладавшие особым даром должны были оказывать помощь страждущим. Так называемое «степное» целительство занимает определённое место в истории казахов. Зарождение целительства и его эволюционное развитие претерпели известные вызовы, зачастую причинами нетерпимого отношения властей к целителям (тәуіпам, ишанам), практиковавшим в степных областях, были опасения роста их влияния. В случае нейтрального либо лояльного отношения ишанов пограничная администрация относилась к ним снисходительно. Напротив, восстание под руководством Кенесары Касымова продемонстрировало склонность отдельных ишанов к лидерству, часть из них выбрала сторону опального султана Кенесары (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791) и была в числе тех, кто по степным обычаям возвёл К. Касымова в статус хана. Данный исторический факт имел следствием то, что с середины XIX ст. ишаны оказались под особым наблюдением властей, а присущие ишанам методы целительства подверглись остракизму. Тогда как ишаны оказывали действенную помощь больным, опираясь на ментальный контакт со страждущим. Акцент степного целительства делался не на снадобья, а в большей степени на психосоматику человека, что существенно отличало практику тәуіпов, ишанов от рациональной медицины. В статье авторы делают попытку реконструкции социальной роли и места института степного целительства, равно как выявления и систематизации особенностей практики тәуіпов (ишанов), их инструментария и глоссария.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на такие виды источников, как письменные, отложившиеся в центральных: Российский государственный исторический архив (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан), Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан), Центральный Государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР) (Бишкек, Кыргызская Республика); региональных: Оренбургский государственный архив Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) и районных архивах и музеях, как Сырдарьинский районный историко-краеведческий музей в Кызылординской области (СР ИКМ. Личный фонд «Садық ахун Қодарұлы») и фиксируемые в записках путешественников, лиц военного уклада и проч., и на устные свидетельства, нарративы (ПМА). Народная память сохранила сведения о знаменитых целителях; места их упокоения являются объектами определённого паломничества.

Архивные данные из Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) были рассмотрены с точки зрения фактологии политических событий, относящихся к первой половине XIX в. К примеру, со слов старшины Байдалы-Уаковской волости, ишан Марал Курманов учился в Бухаре, происхождения он был из рода Керей, летом 1821 г. он объявился в урочище Тургай и принялся исцелять больных: слепых, хромых, обездвиженных (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791). Источники сообщают такую немаловажную деталь, как расхождение в методах Марал ишана и Токсан бия (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 9-12).

Источники из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности, «дело» о деяниях ишана Марала Курманова в 1821–1824 гг. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 84 «О появлении в киргизских степях лжепророка Марала Курманова и сборе сведений о нем»), содержат любопытную информацию. Из содержания источников следует, что ишан Марал Курманов, именовавший себя в переписке с колониальной пограничной администрацией «Пророком Иса», произвёл впечатление незаурядной личности и его посланием заинтересовались в Азиатском департаменте.

В Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) изучены материалы о ходе протестов казахов Младшего жуза под руководством ишана Досмухамедулы относительно реформы управления степными областями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8440). Разножанровые исторические источники изучены согласно законам диалектической логики; сопоставительный анализ официальных материалов об ишанах, тәуіпах с другими историческими свидетельствами позволил углубить расхожие представления об их социальной роли в казахском социуме. Были проанализированы официальные донесения о мятежном ишане Оренбургского военного губернатора, изданные в сборнике документов и материалов многотомной серии «Казахско-русские отношения» (КРО, 1964). Указанные источники отражают определённые опасения, которые

испытывала Оренбургская пограничная администрация с появлением вблизи Горькой линии влиятельного оппонента в лице Марал ишана.

В качестве материалов привлечены были дореволюционные публикации путешественников, отражающие внешний субъективный взгляд на институт ишанов, тәуіпов (Абдулгафаров, 1895; Бернов, 1896; Воспоминания..., 1896 и др.).

В целях комплексного охвата темы социального влияния тәуіпов и ишанов в обозначенных хронологических рамках применялся междисциплинарный подход, так как ответы на поставленные вопросы обнаруживаются на стыке ряда социальных и гуманитарных наук, медицины, истории, географии и антропологии, психологии и этнологии. Безусловно, подспорьем при изучении вопроса социальной роли ишанов были принцип историзма, методы индукции и дедукции.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии вопроса о народном целительстве у инородческих народов преобладали, как правило, либо уничижительные, либо политизированные оценки деятельности целителей и в целом института ишанов. Это объяснимо спешностью выводов и поверхностным созерцанием иной культуры (Кондараки, 1875: 384; Народы России..., 1880: 98). Исследования темы ишанов российскими востоковедами, в частности Бартольд, выгодно отличаются глубиной и проникновением в культурное наследие народов региона. Бартольд дал разъяснение этимологии понятия «ишан» и его синонимов: шейх, муршид, устаз (ұстаз), пир (пір). Приведённые здесь дефиниции имели хождение и обозначали практически одно и то же: духовного наставника, лидера (Бартольд, 1966: 675). Любопытны исследования академика В.А. Гордлевского, который обращал внимание на наслоения в исламе, имевшие следствием суфийское учение (Гордлевский, 1934: 150). Последующий период историографии не привнёс качественного обновления в отношении института ишанов и тәуіпов: советская ориенталистика вынесла вердикт относительно того, что «ишанизм заменил у среднеазиатских тюрок (узбеков, казахов и других), а также у татар, старого шамана» (Гордлевский, 1962: 376). Собственно, дефицит источников и репрессии среди востоковедов на долгие десятилетия заморозили академические исследования практической составляющей целительства, социального института тәуіпов и ишанов, генезиса степного врачевания и т.д. Соответственно, не отслеживалась преемственность в целительской практике народов Центральной Азии как в сравнительном плане, так и в эволюционном. Современные востоковедческие разработки проявляют стойкий интерес к методике степного целительства, способам оздоровления страждущих, которые применяли потомственные тәуіпы и ишаны. В указанном аспекте следует отметить публикации о методах врачевания у оседлых народов, каковой была подавляющая часть крымских татар в конце девятнадцатого столетия (Габдрафикова, 2019). Исследователи опираются на сообщения путешественников второй половины XIX в., иными словами, на знание, формировавшееся внешними наблюдателями, что не вполне могло дать исчерпывающие объективные оценки. Методы целительства степных тюркских кочевников и методика ишанов (кровопускание, чтение сур) вытесняли друг друга (Габдрафикова, 2019: 130). С категоричностью данного суждения трудно согласиться, поскольку казахские ишаны и тәуіпы прибегали одновременно к разным способам исцеления, что совершенно естественно и лишней раз проявляет благородную миссию степных ишанов. Попытку систематизации приёмов лечения у степных «кочевых» лекарей осуществил исследователь В. Огудин. В своей книге «Народная медицина Средней Азии и Казахстана» (Огудин, 2021) автор изложил результаты изучения народной медицины лишь в пределах Туркестанского края, если быть точными, – в пределах Семиреченской и Сырдарьинской областей. Приходится констатировать, что казахское население указанных областей, в отличие от степных, более тяготело к оседлому образу жизни, что оказывало влияние на специфику целительства.

Казахстанская историография вопроса складывалась неравномерно. Это объясняется тем, что в советское время изучение проблемных вопросов, прямо либо косвенно связанных с религией, сталкивалось с большими затруднениями. Редкие монографические издания, изданные в самом начале постсоветского этапа (см. Толеубаев, 1991) о верованиях казахов, касались в основном доисламского периода. Параллельно осуществлённые разработки по истории народов Средней Азии также не были лишены перекосов. Например, на советском этапе таджикские академические обобщающие труды характеризовали институт ишанов в основном негативно, как оппонентов деятельности колониальной администрации (Гафуров, 1953). Академик Б. Гафуров вынужден был, в духе идеологии, характеризовать собственно суфизм как тормоз развития светской науки, культурного прогресса, орудие удушения свободомыслия (Гафуров, 1953: 61). Восстание под руководством Дукчи-ишана, помощника (хальфе) пира суфиев Ферганской долины Султан-хана Туры, в официальной историографии республик трактовали как реакционное (Гафуров, 1953: 56).

Постсоветский этап привнёс новизну в характеристики регионального суфизма и ишанизма. Так называемый «башкирский» суфизм XIX – начала XX веков характеризуется исследователем А. Ярлыкаповым на примере ишана Зайнуллы Расулева, который имел неординарные целительские способности (Ярлыкапов, 1999: 40).

Среди исследователей всё ещё встречаются приверженцы традиционной тенденции к негативной интерпретации суфизма, точнее ишанизма (см. [Закиров, 2014: 78](#)).

Отдельные исследователи делают попытки систематизировать многослойный материал через призму мусульманской традиции ([Нуртазина и др., 2024: 542](#)).

В годы независимости в Республике Казахстан разработана Карта сакральных мест, где нанесены географические координаты локаций, предназначенных для посещений туристов. В число сакральных объектов по Кызылординской области, к примеру, включены мавзолеи – кесене Марал ишана, Калтай ишана и др. Советская идеологическая «фетва» прошла огонь и мечом по святым сакральным ценностям народов. Даже на уровне детского сознания образ мага-целителя, помогающего людям, представал в виде некоего старика Хоттабыча. Вроде бы милый пожилой гражданин, читающий заклинания, ибн Хоттаб, однако, выглядел жалко по сравнению с советским школьником, попадал в казусы и не вписывался в действительность страны, строящей коммунизм... Поскольку историкам в советское время было наложено «табу» на изучение ишанов и их роли, что ограничило им возможности открыто публиковать результаты, то филологи республики внесли свой вклад в изучение вопроса. В частности, обладая базой фольклорных данных и нарративов, лингвистам проще было цитировать дастаны, исторические песни и поэмы прошлого. К примеру, плодом совместного историко-филологического изучения темы является сборник казахского фольклора о Кенесары и Наурызбае, где упоминается роль Марала ишана ([Бисенбаев, Мекебаев, 2014: 201](#)).

Западная зарубежная школа историко-культурной антропологии, что характерно, отличается непредвзятостью суждений, и в этом плане независимый исследователь, теолог, философ Allen Frank однозначно оценил утерю социального института ишанства в Казахстане вследствие репрессий. И хотя данное высказывание является результатом исследований автора по более позднему историческому периоду, мы посчитали уместным его привести. К примеру, А. Frank совершенно справедливо пришёл к выводу, что массовые политические репрессии в Казахстане против ишанов были даже большей катастрофой для аульного сообщества, нежели катастрофа массового голода и коллективизации (см. [Frank, 2019: 12](#)). Незашоренный взгляд на истинную социальную интегративную роль духовных наставников, целителей, действительно полезен, чтобы констатировать тот факт, что уничтожение естественным образом сложившейся в степном пространстве и к тому же социально полезной страты в лице ишанов повредило стабильности и здоровью казахского социума в прямом и переносном смысле. Из исследований, специализирующихся на отдельных аспектах темы целительства, можно было бы назвать труды А. Беннингсена, С.Э. Уимбуша ([Bennigsen, Wimbush, 1985](#)). Тема суфиев и ишанов частично освещалась в публикациях Дж. Тримингэма ([Тримингэм, 1989](#)) и др. Тем не менее эти публикации увидели свет в русле «советологии» и не смогли избежать определённых тенденций в трактовке достаточно тонкой темы. Собственно, тот факт, что тема до конца не изучена, открывает, на наш взгляд, перспективы к разработке новых направлений в русле историко-антропологических исследований.

4. Результаты

В целях обобщения предварительных результатов исследования многогранной темы о социальной роли целителей в казахском сообществе в недавнем прошлом, предпочтительным представляется пошаговое изложение проявленных качеств личностей, оставивших яркий след в истории региона, – ишанов (в северных областях Казахстана их именуют также «тауип», «тауип»). Исследование конкретных биографий ишанов и тауипов выявляет определённую общность их мировоззрения, убеждений и поступков, самые известные из них проявили себя в политике, руководствуясь необходимостью отстаивания естественных прав подданных империи на образование на родном языке, идентичность и этничность, в смысле признания религиозных предпочтений (ислам, суфизм) и защиту земельных владений. Например, в ходе протестного движения в Западном Казахстане во второй половине XIX в., направленного против «Временного положения об управлении в степных областях 1868 года», ишан Досмухамедаулы проявил активность, встречался с лидерами мнения и созвал сторонников на совет у реки Тамды ([ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8440. Л. 2–3](#)). Последний момент чрезвычайно интересен и изучен менее остальных, тогда как большинство социальных волнений среди инородцев-степняков в XIX – начале XX в. были вызваны именно посягательствами на пастбища-джайляу казахов, каракалпаков, калмыков, башкир и т.д.

4.1. Исследование мемуарной литературы, нарративов, рукописей, хранящихся в семейных и личных архивах потомков ишанов, хазретов и мулл, содержания публикаций специалистов-востоковедов, историков и филологов наряду с сопоставлением полученных данных с географией местностей, топонимикой показало, что институт ишанов – не просто отряд фанатиков, окруживших себя поклонниками, готовый популяризовать Книгу Пророка и восхвалять Всевышнего. Большинство из них училось в специализированных духовных центрах; сохранились сведения о деятельности и учебной программе медресе Кокильташ (город Бухара), куда поступали наиболее смышлённые дети казахов ([НА РУз. Ф. И-323. Д. 40; Д. 55-9; Ф. И-126](#)).

Так, согласно донесению старшины Байдалы-Уаковской волости, ишан Марал Курманов учился в Бухаре (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 9). Другой источник, казахский султан Жанторе Жангирулы, сообщал, что ишан происходит из рода керей, летом же 1821 г. он объявился в урочище Тургай и принялся исцелять больных: слепых, хромых, обездвиженных (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 10-12). Подполковник Набоков в докладной министру сообщал такую немаловажную деталь, как наличие у ишана многочисленных последователей – мюридов (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 3-6). Архивные документы отражают интерес российской администрации к личности Марал ишана, который выдвинул требование организовать ему встречу с самим императором (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 18). Эти факты подтверждаются документами из РГИА: рапорт подполковника Набокова генералу Капцевичу, датированный 1823 г., указывает на то, что власти продолжали наблюдать за ишаном, который «отправился на Сыр-Дарью в союзе десяти тысяч человек» (РГИА. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 17. Л. 12); причиной миграции была необходимость защиты торговых мирных караванов, идущих в Степь из Бухары, и которые подвергались грабежу со стороны хивинцев (РГИА. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 17. Л. 12). Иными словами, ишан сознательно принял решение сменить вектор социально-политического воздействия и предпочёл затянувшимся переговорам направить силы на организацию необходимой обществу защиты транзитных торговых караванов, пересекающих Степь.

К примеру, Ахмет ишан Оразайулы (1861–1926), уроженец Сырдарьинской области, учился в Бухаре. Закончив обучение, приложил свои средства и знания к открытию школы и мечети на земле отцов. Поддерживал контакты с лидерами Алаш, печатался в первой национальной газете «Қазақ» в 1913 г., призывая казахов переходить к оседлому образу жизни. Даже вызвался быть меценатом конкурса на написание учебников для школ на казахском языке, оказал материальную поддержку газете правительства Алаш-Орды – «Сары арқа». Хорошо осознавая угрозу земельного кризиса из-за массового крестьянского переселения по проекту Столыпина, взял на себя руководство протестным движением. И что любопытно, осповивание не только приветствовал, но и вместе с дочерью организовал инъекции среди казахов (Ислам, 2010: 587). То есть отдельные ишаны воплощали в себе высокие человеческие качества, рискуя подхватить опасные инфекции, борясь с эпидемиями и врачую страждущих в меру своих познаний. В Степи, как известно, не было аптек, как, например, в городских поселениях Поволжья и Мавераннахра, а также медикаментов и инструментов, которыми обладали европейские кудесники-врачеватели. В этом плане, собственно, миссия ишанов реализовывалась на грани самопожертвования: в целях оздоровления степняков они, ишаны, тауипы, шли в Степь и разделяли тяготы степного быта. Тот факт, что целители представляли разные школы и методики целительства, зафиксирован в документе, в котором описано расхождение в методах Марал ишана и Токсан бия (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1791. Л. 9-12).

4.2. Другая особенность института ишанов, как показывают источники – в основном изустные, отражённые в шежире (родословных) и агиографиях (кратких биографических справках, не лишённых мифологизации), — это их открытость и доступность, коммуникабельность. Целители были востребованы при борьбе с инфекционными массовыми заболеваниями в Степи (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3457 «Дело о мерах предотвращения заразных болезней в Степи» и др.). Такие эпидемии, как оспа, холера, чума, нередко распространялись среди казахского населения, и целители оказывали населению помощь (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1415 «Дело о борьбе с эпидемией чумы в Букеевском ханстве»); их деятельность отмечена в ряде донесений из Букеевской орды, Туркестана, в Областное правление оренбургскими казахами Министерства внутренних дел (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3477, 3478А и др.). Аналогичные документы описывают действенную помощь степных целителей в период появления оспы в северо-восточных областях (См.: ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 634 «Дело о распространении эпидемии оспы в Баян-Аульском округе»; ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 708 «Дело об эпидемических заболеваниях во внешних округах и борьбе с ними» и др.).

Внешние связи ишанов выходили далеко за пределы мест их проживания, и за этим кроется отработанная практика идейной поддержки учеников школ / орденов степного суфизма между собой. Как выясняется, для последователей ордена накшбандийа на территории современного Казахстана и Центральной Азии в XIX – начале XX в. практически не было границ. Наибольшее количество установленных сакральных мест в память о суфиях, ишанах по Казахстану приходится на современные Карагандинскую, Кызылординскую и Туркестанскую области. Данный исторический факт на самом деле отражает не столько особую концентрацию, сколько равноудалённость мест, где практиковали ишаны-целители, от внешних границ степей. К тому же, указанные географические локации расположены вблизи средневековых локальных трасс Великого Шёлкового пути, что в целом отражает традиционные маршруты караванов, на пути которых путники могли получать целительские услуги. Дополнительным фактором была миграция ишанов и мюридов из северных областей, из Приишимья, например, по мере подавления восстания Касыма и его сыновей Саржана и Кенесары в XIX в. Данный маршрут миграции подтверждает большие познания ишанов и тауипов в исторической географии: они хорошо ориентировались в расположении крупных водоёмов (рек, озёр и колодцев), магистральных степных дорог, караванных трасс, крупных городов-крепостей. Синтезируя разноречивые сведения о сторонниках Кенесары Касымова, к числу которых относился и казахский ишан Марал Курманов. Степные ишаны в XIX в. не только не избегали участия в решении

социальных вопросов, напротив, активно проявляли себя в политических дебатах. Социальная роль ишанов особенно актуализировалась в те моменты, если дело касалось принципиальных вопросов, в частности захвата земель, пастбищ сообщества. Любопытно, что ишаны участвовали в благотворительности: например, сырдарьинский ишан Ахмет помог материально жителям Карса в 1915 г.; данный факт выявлен на страницах казахской газеты ([Қазақ. 1915. № 95](#)). Ишанизм, как социальный институт, в пределах центральноазиатского региона, таким образом, отличался высокой степенью включенности в процессы идентичности.

4.3. В реконструкции социального положения ишанов-целителей немаловажно понимать степень взаимоотношений их с представителями власти. Об этих аспектах социальных контактов сообщают архивные источники, к примеру, Журнал общего присутствия Семиреченского областного правления. В Журнале, в частности, имеется упоминание о Циркуляре Военного Губернатора Семиреченского области генерал-майора М.А. Фольбаума от 19 февраля 1912 г. № 282, в котором указывалось: «... существующие старометодные конфессиональные мектебы» подлежат точной регистрации и надзору ([ЦГА КР. Ф. И-160. Оп. 1. Д. 73. Л. 8](#)). Соответствующие надзорные мероприятия осуществлялись регулярно: в 1905, 1908 и 1912 г. в пределах Туркестанского края; предлагались проекты о порядке открытия «магометанских» духовных школ – мектебе и медресе ([ЦГА КР. Ф. И-160. Оп. 1. Д. 92. Л. 1-6](#)). Ишаны – целители, таким образом, оказывались в роли неких посредников между администрацией края, с одной стороны, и – местным населением, с другой. Владея письменностью, будучи относительно просвещённой социальной категорией, целители оказывали консультативную помощь степнякам при составлении ходатайств, оформлении отпрысков в учебные заведения и т. п.

Степные ишаны при этом ориентировались в родовом происхождении своих мюридов и нуждавшихся в исцелении лиц, что было немаловажно для казахского сообщества. Казахский этнос, в котором семья и брак чётко зиждились на правильном балансе межродовых долгосрочных связей, выработал систему саморегулирования; народными обычаями (адат) запрещались браки между родственниками ближе семи поколений родства. Социальная стратификация степных народов способствовала тому, что ишанам, тауипам оказывали информационную поддержку знатоки права и обычаев, уважаемые аксакалы, судьи-бии, которые были носителями сакральных знаний о генезисе конкретного рода и подродов. Не случайно ишаны выявляли и интегрировали вокруг себя лиц, знающих особенности местности: степень родства общинников, прогнозировавших вероятность потенциальных конфликтов с сопредельными народами, природные ресурсы (водоёмы, запасы ископаемых, наличие лесов и проч.) в конкретной локации.

Ишаны не были какой-либо узкой, законспирированной сектой. Персоналии ишанов, отложившиеся в народной памяти, сообщают, в том числе об их родовой принадлежности. Так, на сегодня из наиболее авторитетных просветителей-суфиев и целителей XIX – начала XX в. чаще упоминаются: Мусирали ишан, Косым ишан, Марал ишан, Кожаназар ишан, Тилеулес ишан, Азилхан ишан, Сулемен ишан, Оспан ишан, Отеп ишан, Акмырза ишан, Шабар ишан, Досжан ишан и многие другие. Каждый из них вышел из традиционного казахского рода и хорошо был знаком с обычаями и традициями народа, обогащая их полученными в специализированных медресе теоретическими знаниями о человеческом организме и способах исцеления.

4.4. В изучаемый хронологический период социализация целителей зависела от легитимизации их общественно полезной деятельности и адаптации к реалиям. В этом смысле им помогало то, что имелись письменные подтверждения статуса ишана-проповедника и ишана-целителя, что придаёт дополнительный вес данному социальному институту. Немаловажно, что пространство Казахской степи, в пределах которой проявилась целительская практика ишанов и тауипов, географически совпадало с зоной влияния знаменитых средневековых центров исламского духовного обучения в Средней Азии, Персии, Тибете и на полуострове Индостан, с которыми традиционно поддерживали контакты суфийские ордена. Ряд исследователей отмечает факт наличия письменного диплома/свидетельства о праве на целительскую деятельность у наиболее просвещённых ишанов, он назывался на казахском языке «шатыр-хат». «Шатыр-хат» – производное от арабского словосочетания «хатти-иршад», смысл тот же: это документальное подтверждение практических навыков целительства у прослушавшего длительный курс в (бухарских, каирских) медресе.

Традиция сдавать испытания и заслужить диплом на просветительскую духовную и заодно на целительство (в разных источниках написание варьируется: иджаза, ижазад, хатти-иршад, шатыр-хат) связана была с получением такового в Герате на севере Афганистана во времена Кокандского владычества либо в Бухаре. Кроме шатыр-хат, в музеях и личных коллекциях сохранились чётки ишанов, изготовленные из рогов сайгака, и такие – головной убор. То, что шатыр-хаты не представлены в музеях во множественном числе, ещё не даёт повода усомниться в их присутствии в информационном поле Степи в заданных хронологических пределах. Дореволюционные авторы также указывали на факт, что ишаны имели при себе грамоты – хатти-иршад ([Абдулгафаров, 1895: 7](#)). Биографы татарского ишана, шейха Гали ишан ат-Тунтари (полное имя – мулла Гали бин Сайфулла бин Губдурашит) утверждают, например, что он имел разрешение – ижазат – на воспитание мюридов ([Маликов, 2012](#)).

Иршад переводится с арабского как направляющее, руководство. Другой разряд материальных источников по истории казиев, суфиев и ишанов – это арабографические печати, которые изготавливались в Бухарском ханстве. Печати подразделялись на разные виды: талисманы, обладавшие магической силой, и проч. По форме печати также отличались: круглая, миндалевидная, квадратная, прямоугольная, шестигранная, овальная, фигурная.

4.5. К сожалению, некоторые учёные, проявляющие известный интерес к теме, но не владея казахским или любым другим из тюркских языков, не зная собственно постулатов ислама и суфизма, могут лишь поверхностно обобщать исторические материалы. В частности, ряд исследователей затрудняется дифференцировать различия в тематических дефинициях. В Туркестанском крае врачей-целителей именовали «таиб» от арабского «табба» – лечение, утверждает Огудин, и что эмпирическое врачевание существовало преимущественно в городах (Огудин, 2021: 7). Такая оговорка существенно сужает географию целительства ишанов. На наш взгляд, хотя ишаны получали знания и соответствующее духовное звание в урбанистической среде (Бухаре, Хиве, Самарканде, Герате зачастую), однако они практиковали вне городов, то есть казахи степей были их пациентами. Соответственно, ишаны были готовы исцелять и проповедовать в менее комфортных условиях, добровольно отправлялись к страждущим и разделили с ними все тяготы и прелести быта степняков. Не случайно они брали с собой посох (казахское – «аса таяк»), который служил оружием защиты от хищников и был подспорьем в пути.

Следует заметить, что недооценённое качество ишанов – их своеобразное хождение в народ, что придавало их служению ещё больший авторитет. На наш взгляд, заслуживает внимания то суждение, что медицинские правила лечения и целительные инструменты основаны были на хадисах Корана. При этом сакральная система коранического учения не лишена была магического воздействия.

4.6. Несомненно, методика целительства ишанов была более усовершенствованной, чем традиционные народные способы заговоров на болезнь. В действительности, ишаны безусловно прибегали к психосоматическому лечению – посредством оберегов-талисманов, представлявших собой надпись арабской вязью, которую больной ребёнок или взрослый мог носить при себе. Однако данный метод практикуется издревле в разных культурах и конфессиях, не только среди «впечатлительных и суеверных» кочевников. Нельзя согласиться с выводами отдельных авторов, что бытовое лечение практиковали люди, не имевшие специального образования (Огудин, 2021: 9), что, в отношении степных ишанов, как выше отмечается, неверное суждение. Многолетнее обучение в специализированных медресе Средней Азии, Египта было оправдано высокой эффективностью целительской практики; ишаны и тауипы справились с диагностикой ряда заболеваний высшей нервной системы человека, умели исцелять припадки эпилепсии, помешательства, что, к примеру, сложно было бы осуществить без специальных знаний психологии и терапии. Как выясняется из полевых материалов по Сырдарьинскому региону и Акмолинской области, к примеру, опытные ишаны не ограничивались чтением Корана и толкованиями сур – они посещали отдалённые регионы и оказывали помощь страждущим. Методами их целительства были: изготовление настоев лекарственных трав, мелкие хирургические вмешательства, психосоматические болезни лечились заговорами, предписанием амулетов, созданием особых условий изоляции больных и т.п. Более того, ишаны и тауипы пользовались известной на Востоке средневековой классификацией болезней, которую связывают с именем Ибн-Сины (Авиценны): на холодные и горячие, в соответствии с чем назначали снадобья и т. д. «Каноны» Авиценны преподавались в медресе «Кокельташ» в Бухаре, учебные пособия – в виде персидских переводов трудов Ибн-Сины печатались в Каире и поставлялись книготорговцам в Бомбей, откуда их выписывали в XIX – начале XX в. для бухарских медресе (Муканова, Садвокасова, 2025). Степные целители, несомненно, обладали навыками массового гипноза и внушения. К примеру, источник сообщает о том, как известный в XIX в. Марал ишан буквально воспарил над землёй, и этому было немало очевидцев (Омар, 2025: 12). Данное явление, известное в науке как левитация, имело небывалый эффект: ранее оспаривавшие мнение ишана принесли ему свои извинения публично и согласились на предложенные ишаном условия. Такого рода эффектные трюки, вроде вхождения в пламя суфиев, выходивших из огня невредимыми, оказывали воздействие, и Марал ишан использовал впечатление толпы для привлечения на сторону Кенесары воинов-сарбазов. Можно также сослаться на книгу Аллена Франка, название которой и содержание прямо указывают на факты, когда даже находясь в заточении, ишаны и ходжи в окружении сокамерников демонстрировали свои магические способности. Один из таких случаев левитации (подъёма над поверхностью земли без особых приспособлений лишь силой мысли) был сообщён очевидцами и приводится в исследованиях (см. Frank, 2019: 97).

4.7. Глоссарий темы изобилует следующими дефинициями: ирымджи, джинджи; так в Крыму именовали целителей (Путеводитель..., 1925: 69). В этом прослеживается определённое сходство с казахским словом ырымшы, от «ырым» (прорицание, предвидение). Его использовал А. Левшин в своём труде по истории и этнографии казахов (Левшин, 1832). Другой часто встречающийся термин – «дуа» (как вариант «алтын дуа») – распространён среди тюркских народов (РГИА. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 117. Л. 11); в данном контексте подразумевалось чтение целителями-ишанами аятов Корана над страждущими и мюридами. Казахский термин «ем» – лечение, что характерно, совпадает с

однокоренными его вариациями (эм) у тувинцев. Кыргызское и казахское «баксы» (целитель). Встречаются и другие специфические понятия: «мюриды» – ученики, последователи, «иштар-хат» – свидетельство об окончании медресе, «фольбин» – гадалщик, «ишан-и мираси» – потомственный ишан, «табиб» – знахарь и др. (СР ИКМ. Личный фонд «Садык ахун Қодарұлы»).

4.8. В социальной стратификации ишаны-целители были добропорядочными членами сообщества, заводили семьи, детей, заботились о материальном благополучии и нравственном воспитании детей. Потомственная передача знаний в семьях ишанов в исследуемый хронологический период приветствовалась. Однако те потомки ишанов, которые практиковали в разных регионах Казахстана позднее, в 1920–1930-е гг., стали объектами гонений и преследований. Они значатся в списках выселенных граждан (РГИА. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1145. Л. 34–38). Данные об именах и фамилиях служителей мечетей и педагогов казахских медресе отложились в архивах (см.: ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Т. 7. Д. 6934 «По отношению Туркестанского Генерал-Губернатора о сборе сведений в отношении быта и уклада жизни туземцев за 1909 год; СР ИКМ). Обнаружение их рукописей и библиотек, хотя бы частично, пополнило бы источниковую базу отечественных исследований. Коллаборация с зарубежными архивами и научными центрами, на наш взгляд, составит важную часть изысканий.

Исторические источники исследуемого хронологического этапа указывают на широкую сферу социально полезной деятельности ишанов, владевших обширными прикладными знаниями, с помощью которых они вели себя и ощущали носителями конкретной этничности и идентичности.

5. Заключение

Таким образом, ишанизм играл определённую социальную роль в пределах Степи в условиях ликвидации института ханства; являясь в известном роде элитой казахского общества, ишаны-целители в изучаемый период нередко поддерживали протестные движения. В любом случае, они имели возможность заявлять, письменно и устно, от имени сообщества конкретные требования в адрес имперских чиновников. Соответственно, целители подпадали под надзор соответствующих ведомств, подотчётных генерал-губернаторам Степного и Туркестанского краёв. Источники свидетельствуют также о неоспоримом авторитете ишанов и их влиянии на ход событий в исследуемой геолокации.

Расположение сакральных ныне мест пребывания целителей-ишанов отражает их равноудалённость от внешних границ Степи. Влияние ишанов в социально-политическом раскладе Степи доказывает то, что ишаны не ограничивались чтением Корана и толкованиями сур, а посещали отдалённые регионы, оказывали медицинскую помощь страждущим. Собственно, термин «ишан» переводится как местоимение «они» (фарси) как знак особого почитания и статус избранности. В целом, социальное влияние ишанов, тауипов было востребовано и имело многочисленных последователей. Игнорировать его существование и влияние преждевременно.

6. Благодарности

Статья написана в рамках реализации грантового проекта AP26197075 «История целительства и народной медицины Казахстана XIX – начала XX вв.» Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абдулгафаров, 1895 – Абд. Сат. Абд. Гаж-в (Саттархан Абдулгафаров). К вопросу о мусульманских ишанах // *Православный собеседник*. 1895. № 7. Сентябрь.
- Бартольд, 1966 – Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. М.: Наука, 1966. 785 с.
- Бернов, 1896 – Бернов М.А. Из Одессы пешком по Крыму. СПб.: Тип. Глазунова, 1896. 218 с.
- Бисенбаев, Мекебаев, 2014 – Бисенбаев П.Қ., Мекебаев Т.Қ. Кенесары – Наурызбай жайындағы тарихи – фольклорлық үлгілер. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2014. 394 б.
- Воспоминания..., 1896 – Воспоминания Саттар-хана Абдул-Гафарова / Н.П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент: Типо-лит. торг. дома «Ф. и Г. бр. Каменские», 1896.
- Габдрафикова, 2019 – Габдрафикова Л. Народное врачевание крымских татар глазами путешественников (вторая половина XIX века) // *Crimean Historical Review*. 2019. N 1. Рр. 124–134.
- Гафуров, 1953 – Гафуров Б. Андижанское «восстание» 1898 года // *Вопросы истории*. 1953. № 2. С. 50–61.
- Гордлевский, 1934 – Гордлевский В.А. Баха-уд-дин Накшбенд Бухарский (К вопросу о наслоениях в исламе) / Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности (1882–1932). Сб. статей. Л.: АН СССР, 1934. С. 147–169.
- Гордлевский, 1962 – Гордлевский В.А. Бахауддин Накшбенд. Избранные сочинения. История и культура. Т. III. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 588 с.
- Закиров, 2014 – Закиров А.А. Ишанизм в трудах татарского богослова и просветителя Габдуллы Буби (1876–1922) // *Минбар. Исламские исследования*. 2014. Т. 7. № 2. С. 70–79.
- Ислам, 2010 – Ислам. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: Аруна, 2010. 591 бет.

- КРО, 1964** – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Раздел первый. Док. № 114. Алма-Ата: Наука, 1964.
- Кондараки, 1875** – *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Ч.12. СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. 90 с.
- Казак, 1915** – *Қазақ* (Оренбург), 1915.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832.
- Маликов, 2012** – *Маликов Р.* Гали ишан ат-Тунтари. 2012 Февраля 27 // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: https://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1307.html (дата обращения: 01.12.2025).
- Муканова, Садвокасова, 2025** – *Муканова Г.К., Садвокасова З.Т.* Основные аспекты формирования знания об ишанах Центральной Азии (XIX – начало XX вв.) // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2025. N12(4). Рр. 1149-1162.
- Народы России..., 1880** – Народы России: этнографические очерки. СПб.: Журнал «Природа и люди». 1880. Т.2. 648 с.
- НА РУз** – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Нуртазина и др., 2024** – *Нуртазина Н.Д., Картабаева Е.Т., Дауытбекова М.К.* Наследие казахских ишанов и святых целителей: новые подходы и перспективы изучения в контексте мусульманско-суфийской традиции Центральной Азии // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2024. Т. 11. № 3. С. 541-557.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Огудин, 2021** – *Огудин В.* Народная медицина Средней Азии и Казахстана. М., «ГАНГА», 2021. 472 с.
- Омар, 2025** – *Омар Мұхамедхан.* Әулие мен тархан // *Qostanai tany*. 2025.07.11.
- ПМА** – Полевые материалы авторов, по результатам экспедиций в Кызылординскую и Акмолинскую области Казахстана, 2025 год.
- Путеводитель..., 1925** – Путеводитель по Крыму / Под ред. проф. А.И. Маркевича и др. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 267 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- СР ИКМ** – Сырдарьинский районный историко-краеведческий музей Кызылординской области Казахстана. Личный фонд «Садык ахун Қодарұлы».
- Тримингэм, 1989** – *Тримингэм Дж.* Суфийские ордена в исламе / Перевод с англ. под редакцией О.Ф. Акимовской. М.: Наука, 1989. 328 с.
- ЦГА КР** – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Ярлыкапов, 1999** – *Ярлыкапов А.А.* Вера башкир / Религии народов современной России. Словарь. Ред. Мchedlov M.P. и др. М.: Республика, 1999.
- Bennigsen, Wimbush, 1985** – *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. London: University of California Press, 1985. 203 p.
- Frank, 2019** – *Frank A.J.* Gulag Miracles: Sufism and Stalinist Repression in Kazakhstan. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2019. 153 p.

References

- Abdulgafarov, 1895** – *Abd. Sat. Abd. Gazh-v (Sattarkhan Abdulgafarov)* (1895). K voprosu o musul'manskikh ishanakh [On the issue of Muslim Ishan]. *Pravoslavnyi sobesednik*. 7. Sentyabr'. [in Russian]
- Bartol'd, 1966** – *Bartol'd, V.V.* (1966). Sochineniya. T. VI. Raboty po istorii islama i arabskogo khalifata [Works on the history of Islam and the Arab Caliphate]. M. 785 p. [in Russian]
- Bennigsen, Wimbush, 1985** – *Bennigsen, A., Wimbush, S.E.* (1985). Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. London: University of California Press. 203 p.
- Bernov, 1896** – *Bernov, M.A.* (1896). Iz Odessy peshkom po Krymu [From Odessa on foot in Crimea]. SPb. 218 p. [in Russian]
- Bisenbaev, Mekebaev, 2014** – *Bisenbaev, P.Қ., Mekebaev, T.Қ.* (2014). Kenesary – Nauryzbai zhaiyndary tarikhi – fol'klorlyk ylgiler [Historical and folklore examples of kenesary-Nauryzbay]. Almaty. 394 p. [in Kazakh]
- Frank, 2019** – *Frank, A.J.* (2019). Gulag Miracles: Sufism and Stalinist Repression in Kazakhstan, Vienna. 153 p.
- Gabdrifikova, 2019** – *Gabdrifikova, L.* (2019). Narodnoe vrachevanie krymskikh tatar glazami puteshestvennikov (vtoraya polovina XIX veka) [Folk healing of the Crimean Tatars through the eyes of travelers (the second half of the 19th century)]. *Crimean Historical Review*. 1: 124-134. [in Russian]
- Gafurov, 1953** – *Gafurov, B.* (1953). Andizhanskoe «vosstanie» 1898 goda [The Andijan “uprising” of 1898]. *Voprosy istorii*. 2: 50-61. [in Russian]

- Gordlevskii, 1934** – *Gordlevskii, V.A.* (1934). Bakha-ud-din Nakshbend Bukharskii (K voprosu o nasloeniyakh v islame) [Baha-ud-din Naqshband Bukhara (to the question of layers in Islam)]. Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu. K 50-letiyu nauchno-obshchestvennoi deyatel'nosti (1882–1932). Sb. statei. L.: AN SSSR. Pp. 147-169. [in Russian]
- Gordlevskii, 1962** – *Gordlevskii, V.A.* (1962). Bakhaud-din Nakshbend. Izbrannye sochineniya. Istoriya i kul'tura [Bahauddin Naqshbend. Selected essays. History and culture]. Vol. III. M. 588 p. [in Russian]
- Islam, 2010** – Islam. Entsiklopediyalyk anyktamalyk [Islam. Encyclopedialyk anyktamalyk]. Almaty, 2010. 591 p. [in Kazakh]
- KRO, 1964** – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody) [Kazakh-Russian relations in the XVIII – XIX centuries (1771–1867)]. Sbornik dokumentov i materialov. Razdel pervyi. Dok. № 114. Alma-Ata: Nauka, 1964. [in Russian]
- Kondaraki, 1875** – *Kondaraki, V.Kh.* (1875). Universal'noe opisanie Kryma [Universal description of the Crimea]. Ch 12. SPb. 90 p. [in Russian]
- Kazak, 1915** – *Қазақ.* Orenburg, 1915. [in Kazakh]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. SPb. [in Russian]
- Malikov, 2012** – *Malikov, R.* (2012). Gali ishan at-Tuntari [Gali ishan at-Tuntari]. 2012 Fevralya 27. Dukhovnoe upravlenie musul'man Respubliki Tatarstan. [Electronic resource]. URL: https://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1307.html [in Russian]
- Mukanova, Sadvokasova, 2025** – *Mukanova, G.K., Sadvokasova, Z.T.* (2025). Osnovnye aspekty formirovaniya znaniya ob ishanakh Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XX vv.) [The main aspects of the formation of knowledge about the Ishan of Central Asia (XIX – early XX centuries)]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 12(4): 1149-1162. [in Russian]
- Narody Rossii..., 1880** – *Narodnye Rossii: etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Russia: ethnographic Essays]. SPb., 1880. T. 2. 648 p. [in Russian]
- NA RUz** – Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Uzbekistan [The National Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Nurtazina i dr., 2024** – *Nurtazina, N.D., Kartabaeva, E.T., Dauytbekova, M.K.* (2024). Nasledie kazakhskikh ishanov i svyatykh tselitelei: novye podkhody i perspektivy izucheniya v kontekste musul'mansko-sufiiskoi traditsii Tsentral'noi Azii [The legacy of the Kazakh Shamans and Holy healers: new approaches and perspectives of study in the context of the Muslim-Sufi tradition of Central Asia]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 11(3): 541-557. [in Russian]
- Ogudin, 2021** – *Ogudin, V.* (2021). Narodnaya meditsina Srednei Azii i Kazakhstana [Traditional medicine of Central Asia and Kazakhstan]. M. 472 p. [in Russian]
- Omar, 2025** – *Omar, M.* (2025). Əulie men tarkhan [Saint and Tarkhan]. *Qostanai tany*. July 11. [in Kazakh]
- OGAoo** – Ob"edinennyy Gosudarstvennyi Arkhiv Orenburgskoi oblasti [The United State Archive of the Orenburg region].
- PMA** – Polevye materialy avtorov, po rezul'tatam ekspeditsii v Kyzylordinskuyu i Akmolinskuyu oblasti Kazakhstana [Field materials of the authors, based on the results of expeditions to the Kyzylorda and Akmol regions of Kazakhstan]. [in Kazakh, in Russian]
- Putevoditel'..., 1925** – *Putevoditel' po Krymu* [A guide to the Crimea]. Pod red. prof. A.I. Markevicha i dr. Simferopol': Krymgosizdat, 1925. 267 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- SR IKM** – Syrdar'inskii raionnyi istoriko-kraevedcheskii muzei Kyzylordinskoi oblasti Kazakhstana [SR ICM is the Syrdarya Regional Museum of Local Lore of the Kyzylorda region of Kazakhstan].
- Trimingem, 1989** – *Trimingem, Dzh.* (1989). Sufiiskie ordena v islame [Sufi orders in Islam]. Transl. O.F. Akimushkin. M. 328 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki [The Central State Archive of the Kyrgyz Republic].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Vospominaniya..., 1896** – *Vospominaniya Sattar-khana Abdul-Gafarova* [Memoirs of Sattar Khan Abdul Gafarov]. N.P.Ostroumov. Sarty. Etnograficheskie materialy. Tashkent, 1896. [in Russian]
- Yarlykapov, 1999** – *Yarlykapov, A.A.* (1999). Verovaniya bashkir [Beliefs of Bashkirs]. Religii narodov sovremennoi Rossii. Slovar'. Red. Mchedlov M.P. i dr. M.: Respublika. [in Russian]
- Zakirov, 2014** – *Zakirov, A.A.* (2014). Ishanizm v trudakh tatarskogo bogoslova i prosvetitelya Gabdully Bubi (1876–1922) [Ishanism in the writings of the Tatar theologian and educator Gabdulla Bubi (1876-1922)]. *Minbar. Islamic studies*. 7(2): 70-79. [in Russian]

Ретроспекция социальной роли целителей (ишаны, тауипы) среди казахов в XIX – начале XX в.

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Куралай Куандыковна Сарсембина ^a,
Замзагуль Бекежановна Байжуманова ^a, Зылыыха Шахметовна Бимаканова ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Северо-Казахстанский университет им. Манаша Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

Аннотация. Эффективные методики избавления от недугов у степных народов в прошлом безусловно заслуживают внимания, равно как и эволюция целительских практик. Цель и задачи исследования заключаются в переосмыслении социально-культурной роли ишанов среди степных казахов в XIX – начале XX в. посредством ретроспекции. Сообщения об ишанах отложились в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Объединённого архива Оренбургской области (ОАОО), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), а также в народной памяти, нарративах и мемуарах путешественников. Сведения об ишанах пополнялись по мере продвижения вглубь отдалённых регионов империи и представляют собой разножанровые материалы. Компаративный анализ в данном контексте применялся при сопоставлении целительской деятельности ишанов и тауипов у ряда народов: казахов, башкир, азербайджанцев, крымских татар и др. Выявлены истоки института ишанов и их связь с бухарскими медресе, тенденции в интерпретации социального института ишанства в дореволюционной, советской и современной историографии. Осуществлена попытка анализа социальной роли института ишанов в истории народов империи во второй половине XIX - начале XX в. Изучен глоссарий темы в части обозначения статуса и атрибутов ишанов и тауипов. Глоссарий отражает общность восприятия степняками ишанов и тауипов как: а) духовных наставников; б) защитников их естественных прав; в) целителей. Источники указывают на их специализацию (знатоки целебных трав, костоправы, мастера гипноза, маги и кудесники и др.). Институт степного целительства был недостаточно изучен в дореволюционный период по причине дефицита сведений и поверхностного знакомства с этим неординарным явлением. В XIX ст. ишаны оказались в орбите политической борьбы казахского народа, в условиях упадка статуса ханов (эффект замещения) имел место рост влияния духовных лидеров, ишанов. Ряд из них оставил яркий след в контексте протестных социальных движений, что надолго вывело тему степных целителей из научного оборота. Соответственно, более детальное изучение темы было отложено, чтобы отследить эволюцию степного целительства в более поздние периоды истории Центральной Азии.

Ключевые слова: казахи, Российская империя, история, нарративы, степи, Центральная Азия, целительство, духовные лидеры, медресе, ишаны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulnar.mukanova1963@gmail.com (Г.К. Муканова),
kuralaysk@bk.ru (К.К. Сарсембина), b.zamzagul75@mail.ru (З.Б. Байжуманова),
bimakanova1956@mail.ru (З.Ш. Бимаканова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 142-151
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.142

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

At the Crossroads of Tradition and Empire: Kazakh Veterinary Feldshers in the Service of the Steppe Region (19th – early 20th centuries)

Tenlik T. Dalayeva ^{a, *}

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article offers a comprehensive analysis of the place and role of Kazakh veterinary *feldshers* within the sociocultural space of the Steppe Region during the 19th and early 20th centuries. The study focuses on their unique position at the intersection of traditional Kazakh knowledge of animal husbandry and imperial Russian veterinary medicine. The relevance of the topic lies in the need to examine this professional group as a “bridge between cultures”, functioning both as an instrument of the colonial administration and as bearers of local identity.

Special attention is paid to the reconstruction of the official activities and biographical details of individual veterinary *feldshers* who managed to secure a certain position within the local service system. The study is based on documents from the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan, the Historical Archive of Omsk Oblast, as well as memoirs of descendants and local history materials.

As a result of archival research, it was possible to establish that the total number of Kazakhs who were students and graduates of the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894) and the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917) amounted to 64 individuals. The key conclusion is that the activities of Kazakh veterinary *feldshers*, who had received imperial education, were oriented toward the implementation of colonial administrative functions. In particular, they effectively acted as intermediaries in the enforcement of measures aimed at transforming traditional Kazakh pastoralism, including the introduction of quarantine regulations, vaccination campaigns, and restrictions on nomadic mobility. Essentially, an analysis of historical sources and studies demonstrates that, as a result of the development of capitalist relations in the Steppe region, livestock acquired the character of a commodity. Furthermore, the restriction of nomadic territories and the spread of new livestock-breeding practices among Kazakhs by the beginning of the 20th century – such as stall-feeding and haymaking – led to the decline of traditional pastoralism. This process, in turn, contributed to a decrease in the social status of Kazakh veterinary *feldshers*, who, despite their formal education, were unable to exert significant social influence within Kazakh society.

Keywords: Kazakh veterinary feldshers, traditions, the Steppe region, veterinary education, pastoralism, colonial policy, the Russian Empire, 19th – early 20th centuries.

1. Introduction

The modernization processes in the Kazakh Steppe during the 19th and early 20th centuries constituted a complex set of socio-economic and cultural transformations initiated by the Russian Empire. In this context, the expansion of professional education served as a key instrument for introducing imperial practices into the steppe space and for the gradual adaptation of Kazakh nomadic economy to colonial reform conditions shaped by capitalist relations. In particular, the veterinary sector within the Russian Empire was primarily concerned with organizing supervision and combating the spread of epizootic diseases. Given the vast territory of the Steppe region and its underdeveloped infrastructure, the imperial veterinary service

* Corresponding author

E-mail addresses: t.dalayeva@abaiuniversity.edu.kz (T.T. Dalayeva)

required regional personnel, including both Cossack and Kazakh *feldshers*, who were tasked with exercising official duties within their respective territorial jurisdictions.

The aim of this article is to provide a comprehensive analysis of the place and role of Kazakh veterinary *feldshers* in the sociocultural space of the Steppe Region in the 19th – early 20th centuries, at the intersection of traditional pastoral knowledge and imperial veterinary medicine.

To achieve this aim, the article addresses the following questions: How did the process of training professional veterinary *feldsher* personnel from among Kazakhs for the Steppe Region take place at the Omsk Veterinary Feldsher School? How were Kazakh veterinary *feldshers* perceived within nomadic Kazakh society – as “insiders” and bearers of traditional knowledge or as “agents of imperial authority” – and how did these perceptions shape their practical activities? How did the intersection of traditional Kazakh pastoral knowledge and imperial Russian veterinary medicine affect the professional status, practice, and effectiveness of Kazakh veterinary *feldshers* in service in the Steppe Region from the mid-19th to the early 20th centuries? The article presents a socio-historical portrait of Kazakh veterinary *feldshers* based on a reconstruction of available biographical data and information on their training in Omsk, as well as on their service activities within the territory of the West Siberian Governor-Generalship (1822–1882) and subsequently the Steppe Region (1882–1917).

2. Materials and methods

The source base of this article is grounded in documents and materials from the following archival collections: the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK, Almaty, Kazakhstan), including F. 64 (Office of the Steppe Governor-General, Omsk, 1868–1918) F. 369 (Akmolinsk Regional Administration, Omsk, 1862–1920); and the State Historical Archive of the Omsk Region (IAOO, Omsk, Russian Federation), including F. 3 (Main Administration of Western Siberia in Omsk, 1805–1905). These materials include documents relating to the discussion of the 1880 project on Kazakh veterinary *feldshers*; the draft Statute of the Omsk Veterinary Feldsher School of 1906; reports on the condition and operation of the school; petitions for admission; documents concerning the dispatch of Kazakh boys from the regions to study in Omsk; records on the establishment of scholarships for Kazakhs; materials on the remuneration of volost veterinary *feldshers*; petitions for leave; documents on appointments, postings, and transfers; as well as records on the organization of veterinary supervision and the state of veterinary services in the Steppe Region in the early 20th century.

Among published sources, in addition to narrative accounts by Russian officials who served in the veterinary sphere and regional (local history) studies, particular interest is attached to materials from provincial surveys, which contain the views of the military governors of the Akmolinsk and Semipalatinsk oblasts on the organization of veterinary services within their respective jurisdictions.

The study of the history of Kazakh education at the Military Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894) and the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917) requires the application of contemporary methodological approaches that focus on the production of colonial knowledge and on the role of secular educational institutions in the relationship between imperial power and the Kazakh population. Engagement with the approach of “agriculture as a contested field of knowledge” (Agriculture as Knowledge/ Agrarian Pedagogy as a Site of Contestation), employed by Preeti (Preeti, 2022) in the case of Bihar (India), makes it possible to trace how imperial authority sought, in part, to discredit time-tested local practices and to replace them with alternative technologies. In the Kazakh Steppe, this process became inevitable under conditions of crisis in nomadic pastoralism caused by the reduction of pasture lands and changes in herd composition among the Kazakhs.

The study also makes extensive use of the historical-comparative method in examining the composition of Kazakh students at the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894) and at the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917), as well as in comparing their subsequent professional trajectories. The prosopographical method is likewise applicable to the collected materials, enabling an analytical approach to the sources with attention to social, territorial, and other characteristics. In addition, the reconstruction of biographical data on Kazakh students and graduates of the veterinary *feldsher* schools in Omsk is based on the application of a microhistorical approach to the analysis of the identified documents.

3. Discussion

The historiography of veterinary services in Kazakhstan in the 19th and early 20th centuries, as well as studies of the process of training professional *feldsher* personnel from among Kazakhs, is represented in the works of both modern and contemporary scholars. As early as the 19th century, surveys of veterinary affairs were published by E. Ostrovsky (Ostrovsky, 2001), A.I. Dobrosmyslov (Dobrosmyslov, 1897), and V. Mikhailov (Mikhailov, 1893). These works provide insight into the organization of veterinary supervision in the territory of the Bukey Horde and the Turgai Region from the mid-19th century, as well as in the Akmolinsk Oblast in the late 19th century and are significant as narrative sources characterizing the subject under study from the perspective of official imperial authority, represented by the Russian Empire.

In the 20th century, the history of the organization of veterinary services in the territory of Kazakhstan was addressed in the dissertation by S.K. Kozhakin (Kozhakin, 1949). The development of the veterinary system in Siberia is examined in the study by A.N. Sikorsky (Sikorsky, 1964), who dates the emergence of veterinary practice in the region to 1810. On the history of veterinary education in Siberia, he also published the book *“On the History of Veterinary Education in Siberia”* (Sikorsky, 1970), which includes, in particular, information on the Tobolsk Veterinary Feldsher School. The history of the organization of veterinary feldsher training in Omsk itself is discussed in the article by N.S. Zhukova (Zhukova, 2012), which is based on historical documents from the State Historical Archive of the Omsk Oblast (IAOO).

In the 21st century, research in Kazakhstan has addressed not only the history of the dissemination of imperial veterinary practices in the modern period but also the professional activities of Kazakhs serving as veterinary feldshers in the 19th and early 20th centuries. In particular, in the monograph by Professor G.S. Sultangalieva, *“Western Kazakhstan in the System of Ethnocultural Contacts (18th – Early 20th Centuries)”* (Sultangalieva, 2002), information on Kazakhs who studied at secondary and higher educational institutions in Orenburg and Kazan is systematized; this includes data on 19 graduates of the Kazan Veterinary Institute who subsequently served as veterinarians in the Ural and Turgai regions and in the Inner Horde. The materials presented make it possible to characterize the state of veterinary services in the territory of Western Kazakhstan in the 19th and early 20th centuries. This topic was examined in the dissertation of A.A. Aitmukhambetov, who analyzed some cases of Kazakh veterinary feldshers in comparison with other professional groups of Kazakh local level employees (teachers, physicians, and medical feldshers) (Aitmukhambetov, 2010). The life trajectories of individual 19th-century veterinary feldshers who participated in the Alash movement and were subsequently subjected to repression are currently being reconstructed. Information about them is being compiled on the basis of archival documents and descendants' recollections. One such figure – the volost veterinary feldsher of Akmolinsk Oblast, Amre Isin – was discussed by Z.E. Kabuldinov (Kabuldinov, 2017). Of particular interest are the local history studies of Yu.G. Popov, which contain information on Beisebai Toksarin and Abubakir Kurmanov, feldshers of the veterinary service at the Koyandy Fair in the late 19th and early 20th centuries (Popov, 2011: 29-32). The peculiarities of Kazakh horse breeding as described by researchers of the Russian Empire are discussed in the article by A.U. Toktabay and A.S. Nugumanova (Toktabay, Nugumanova, 2022). The nature of imperial veterinary practices and their impact on Kazakh pastoralism is examined in the studies by A.I. Duisebayeva (Duisebayeva, 2022; Duisebayeva, 2023).

It is evident that the majority of studies have focused either on the institutional history of veterinary medicine in the territory of Kazakhstan (including the activities of Cossack structures) or on analyses of imperial policy more broadly, treating veterinary supervision as a function of the colonial administration in the context of the development of capitalist relations. As a result, the agent-centered (subjective) dimension of modernization has remained largely in the background. Despite the significance of the professional veterinary school in Omsk for the transformation of the veterinary sphere in the Steppe Region, there has been virtually no systematic study of the training of Kazakh veterinary feldshers in Omsk. The total number of students and graduates of the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894) and the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917) has not been established, nor have their personal motivations and aims in pursuing veterinary education or their role in the modernization of traditional Kazakh society at the turn of the 19th and 20th centuries been sufficiently examined. The present study seeks to fill this gap.

4. Results

The training of veterinary personnel in Western Siberia was initially linked to the need to service the Siberian Cossack Host. The Siberian Cossack Host belonged to the category of irregular troops of the Russian Empire and, in essence, functioned as a cavalry force. Since the primary function of Cossack troops was mounted service, the training of veterinary feldshers was a practical necessity. As early as 1873, the Military Ministry developed regulations on Cossack feldshers, which were put into effect on 1 January 1874 by the Economic Administration of the Siberian Cossack Host. On 6 November 1874, the *Rules for the Training of Veterinary Feldshers for the Siberian Cossack Host* were approved. According to these rules, in order to ‘staff the Siberian Cossack Host with veterinary feldshers, a course for the training of Cossacks and minors was established at the veterinary infirmary opened at the Host training sotnia’. ‘The number of trainees in veterinary feldsher training was set at nine persons, that is, one for each of the nine cavalry regiments that the Siberian Cossack Host was required to field in wartime’ (Zhukova, 2012: 374). ‘In addition to the Regulations on Cossack feldshers, an *Instruction for the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host* was developed and approved on 28 August 1879’ (Zhukova, 2012: 376). In the same year, 1879, the Military Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host was opened in Omsk.

The introduction of effective veterinary control in the Steppe Region, whose administrative center was located in Omsk, was one of the key tasks of the imperial authorities, since livestock husbandry predominated in this area, forming the basis of regional prosperity and constituting an important source of fiscal revenues. The subsistence of the Kazakh population depended almost entirely on pastoralism. Kazakh animal husbandry was based on purely empirical practice that was cyclically refined over time, generating

knowledge of epizootic and etiological factors, as well as the diagnosis and prognosis of diseases. To a certain extent, all Kazakh pastoralists possessed such knowledge and were able to provide assistance to their animals. "Healers engaged in the treatment of livestock in Kazakh society were divided, depending on the methods they employed, into *otashy* (surgeons), *synykshy* (bone-setters), and *emsek* (healers). ... the common people relied on their knowledge in treating certain widespread animal diseases, naturally excluding severe cases" (Argynbayev, 2024: 217). Among the Kazakhs there existed a system of preventive measures based on knowledge shared by the entire community. In this context, the recruitment and employment of members of the local Kazakh population in the positions of volost veterinary feldshers appeared to be an effective means of ensuring control over such vast territories in the interests of the imperial authorities. However, the underlying purpose of organizing the veterinary service lay in the establishment of sanitary control.

The training of Kazakh veterinary feldshers at the Military Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host became a specific measure for introducing veterinary and sanitary administration in the Akmolinsk and Semipalatinsk regions. 'On 4 April 1880, under No. 451, the Governor-General of Western Siberia, N.G. Kaznakov, approved a resolution of the Council of the Main Administration of Western Siberia on the establishment in the Akmolinsk and Semipalatinsk oblasts of supernumerary medical and veterinary feldsher posts, to be filled by scholarship holders from Kirgiz (Kazakh – T.D.) communities, as well as on the provision of medical kits'. By the late 1870s, the issue of introducing supernumerary positions for Kazakh volost medical and veterinary feldshers had become pressing, since under the *Temporary Regulation on Administration in the Akmolinsk and Semipalatinsk Regions* of 1868 and the staffing tables appended to it, only one district physician and one midwife were appointed, while no veterinary physicians or veterinary and medical feldshers were allocated to districts according to the official staffing norms (Masevich, 1960: 327). For this reason, it was proposed to classify Kazakh volost veterinary feldshers as supernumerary positions, with their maintenance financed from levies collected from Kazakh nomadic volosts.

In a memorandum dated 21 February 1880 addressed to the Governor-General of Western Siberia, N.G. Kaznakov, the Military Governor of the Akmolinsk Oblast, Major General V.S. Tsytovich, set out his reflections on the draft regulations concerning Kazakh veterinary feldshers: "Before considering the draft regulations on veterinary feldshers, I deem it necessary to discuss the role these feldshers would play in the steppe. The most terrible enemy of Kirgiz (Kazakh – T.D.) horses and livestock is winter ice crust (*goleleditsa*), as a result of which livestock perish in enormous numbers from starvation. Against this scourge all veterinary measures are powerless. Contagious diseases appear rarely in the steppe, and the Kirgiz (Kazakhs – T.D.) possess reliable means to prevent the spread of infection: they slaughter diseased animals for consumption and drive the remaining livestock to another location, whereby the infection immediately ceases. Here, too, veterinary assistance is of no use. What remains are ordinary diseases, in which veterinary assistance could be beneficial, provided it were readily available and, moreover, free of charge. Dispatching a feldsher over distances of several hundred miles away for the treatment of ordinary diseases is hardly feasible. Kirgiz (Kazakh – T.D.) livestock is of such low value that its cost would scarcely cover the expenses of such a mission. Moreover, under such circumstances, before the feldsher arrives, the animal will either recover or perish. It is impossible to have one feldsher for every 100-200 kubitkas, nor would the Kirgiz (Kazakh – T.D.) be able to maintain such a number of feldshers" (IAOO. F. 3. Op. 9. D. 15948. L. 15-16ob.). Accordingly, the Military Governor of Akmolinsk proposed the following: "... I would consider it advisable to retain veterinary feldshers graduating from the school for their first year under the supervision of district physicians, to grant them no more than 120 rubles per year in maintenance, and to allow them to treat Cossack livestock, as well as Kirgiz (Kazakh – T.D.) livestock when it is located in the vicinity of the District Administration. At the same time, they could be permitted to charge a small fee for the treatment of animals. In the event of the appearance of epidemic diseases in the steppe, they could be dispatched to suppress the epidemic and provide assistance to the affected livestock. After the lapse of a year, when a new cohort of feldshers arrives to the District physician, the previous ones could be sent into the steppe" (IAOO. F. 3. Op. 9. D. 15948. L. 17).

Gradually, a clear understanding emerged of the functions that volost feldshers were expected to perform, and the practical necessity of their work became increasingly evident. Following the establishment of the Steppe Governor-Generalship in 1882, Governor-General G.A. Kolpakovsky approved, in March 1884, the *Rules for Kazakh Medical and Veterinary Feldshers*. Article 9 of these Rules defined the duties of veterinary feldshers as follows: "(a) to provide veterinary assistance to sick domestic animals; (b) in the event of the appearance of an epizootic, to report it to the district head and the district physician; (c) to carry out the instructions of the district physician and the veterinary physician in matters of veterinary treatment during outbreaks of mass livestock diseases" (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2918. L. 25–26ob.). It is evident that particular attention was paid to issues of control and the prevention of the spread of epizootics in the steppe. In the early 1880s, Kazakh volost veterinary feldshers, like Kazakh volost medical feldshers, were subordinate to the district physician, due to the absence of veterinary physicians in the official staffing tables of the Akmolinsk and Semipalatinsk oblasts (regions). Article 10 of the Rules stated: "Medical and veterinary feldshers, as persons familiar with the customs, beliefs, superstitions, and prejudices of the Kirgiz (Kazakhs – T.D.), must engage in the collection of information on local medicinal remedies used by the Kirgiz (Kazakhs –

T.D.) and submit this information to the district physician for the purpose of determining the usefulness or harmfulness of such remedies” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2918. L. 26–26ob.).

Veterinary physicians were primarily engaged in organizing veterinary-police measures aimed at preventing the spread of various epizootics across the steppe. Thus, A.I. Dobrosmyslov, who held the position of veterinary physician in the Turgai Region from 1868 to 1901, wrote: “Until the end of 1888, no veterinary-police measures whatsoever were undertaken against it (the plague), apart from official reports by the district administration to the regional authorities and the occasional visits by the four veterinary physicians available in the region to infected localities in order to determine the nature of the disease” (Dobrosmyslov, 1895: 207). This situation underscored the need to recruit Kazakhs to serve in the positions of volost veterinary feldshers.

The first cohort of four Kazakh veterinary feldshers graduated from the Military Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host in 1881. By early 1884, three cohorts of Kazakh students had completed the full course of study, totaling nine graduates. These individuals were assigned by Order No. 34 of 17 March 1884 of the Steppe Governor-Generalship as follows:

“Within the Akmolinsk Oblast: to Omsk Uyezd (District) – Mustafa Akkozov; to Petropavlovsk Uyezd – Mustafa Dairbayev; to Kokchetav Uyezd – Seitkasim Kapin; to Atbasar Uyezd – from Petropavlovsk Uyezd – Tastemir Dzhanarin; to Akmolinsk Uyezd – from Ust-Kamenogorsk Uyezd – Imanbai Ultambayev. Within the Semipalatinsk Oblast: to Pavlodar Uyezd – Temirbai Baichulakov; to Semipalatinsk Uyezd – from Ust-Kamenogorsk Uyezd – Akhtemir Tyubekpayev; to Ust-Kamenogorsk Uyezd – Bakhtiyar Erdenev; to Karkaraly Uyezd – Salykpai Baysaitov” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2918. L. 24–24ob.). On the basis of the Rules of 16 March 1884, “in order to protect Kirgiz (Kazakh – T.D.) domestic animals from diseases and to suppress them in the event of their appearance, one veterinary feldsher from among Kirgiz (Kazakh – T.D.) boys who had been trained at the expense of Kirgiz (Kazakh – T.D.) communities at the Omsk Veterinary School and had completed the course of study there was appointed to each district of the region, with a salary of 180 rubles per year for these feldshers, to be paid from communal levies collected from the Kirgiz (Kazakhs – T.D.)” (Obzor..., 1889: 32).

During the initial period of its operation, the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host trained Kazakh students from the Semipalatinsk and Akmolinsk oblasts, which were directly under the jurisdiction of the Steppe Governor-Generalship. From the Semirechye Region, only two Kazakhs underwent training: Aikhodzha Aldiyarov, a Kazakh from the Kopal District of the Semirechye Region and a scholarship holder of the Semirechye Region, who studied in 1884–1885 and is known to have completed the first year of study (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2918. L. 18); and Iskak Konurkuldzhinov, a Kazakh from the Kopal District of the Semirechye Region and a scholarship holder from 1884 to 1887, who completed the full course of study (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2918. L. 55).

Training at the veterinary school was likely less demanding for Kazakh students than study at the Omsk Teachers’ Seminary, which had opened in 1872. This is evidenced by a petition submitted in August 1887 to the Steppe Governor-General by Ilyas Ilgonov, a Kazakh from the Ust-Kamenogorsk District: “...in order to obtain an education, I enrolled in the Omsk Teachers’ Seminary, where I remained for two years, but upon examination I was unable to pass the examinations in all the subjects taught. By decision of the Pedagogical Council, I have now been dismissed from the Omsk Teachers’ Seminary, and therefore ... might it be possible to assign me to the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host” (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2810. L. 42–42ob.). As a result, in December 1887 he was admitted to the feldsher school on a scholarship from the Karkaraly District. There is another example of a student who initially studied at a teachers’ seminary and subsequently entered a veterinary feldsher school: Sulemdek Biizhanov, a Kazakh from *aul* (village) no. 4 of the Kotan-Bulak Volost of the Karkaraly District and a scholarship holder of the Semipalatinsk Region. He studied in the preparatory class of the Semipalatinsk Teachers’ Seminary until March 1910 and, from the autumn of 1910, continued his education at the Omsk Veterinary Feldsher School (TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10612. L. 304ob.).

As a rule, the majority of Kazakh applicants to the Military Veterinary Feldsher School were graduates of agricultural schools. Thus, in September 1888, Galiy Kulmetenov and Darybai Atybayev were sent from the Zaisan Agricultural School (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2996. L. 21), and in October 1889 a Kazakh from Pavlodar District, Kozhebek Tukeyev, petitioned for the admission of his son, Ilyas Kozhebekov, who at that time was studying at the Pavlodar Agricultural School (TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 2996. L. 36). Agricultural schools in the Steppe Region were established from the mid-1880s on the basis of previously existing Kazakh boarding schools in district towns, which had performed the functions of elementary Kazakh schools. Subsequently, the development of agricultural schools was driven by the growth of the peasant population associated with the resettlement movement of the early 20th century.

The Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host in Omsk was closed in 1894 following a fire that destroyed all of its premises. “On 29 August 1894, the Military Council resolved: ‘The Military Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host is to be closed as of the beginning of the 1894/95 academic year’. At the same time, from that date, 20 scholarships were established at the Tomsk Veterinary Feldsher School for the Siberian Cossack Host and two for the Semirechye Cossack Host” (Zhukova, 2012: 379–380).

At the end of the 19th century, the veterinary system of the Russian Empire underwent further reorganization. "In 1897, in view of the approved opinion of the State Council 'On separating the veterinary branch from the subordination of the Medical Department and the Ministry of Internal Affairs and establishing it as an independent Veterinary Administration' (PSZ RI – XVII), the structure of the veterinary service was reformed in the Siberian provinces as well" (Andriyanova, Fedotova, 2019: 257-272). In 1898, the Akmolinsk Oblast was divided into veterinary districts, and in 1899 new staffing tables were approved, which significantly increased the number of personnel through the introduction of 14 district veterinary physicians; 15 physicians assigned to livestock driving routes and stations; 8 station veterinary physicians; as well as veterinary feldshers, including 14 district feldshers, 13 assigned to livestock driving routes, and 13 station feldshers, along with and 27 veterinary guards. As a result, strict veterinary-police supervision was established over steppe fairs, herd-driven, industrial, and slaughter livestock, as well as over the transportation of livestock products. "The veterinary system was limited to livestock routes. As a result, veterinary services were generally ineffective in dealing with local livestock" (Duisebayeva, 2022: 58). The organization of veterinary supervision thus required the availability of professional personnel with both higher and secondary specialized education.

In the *Overview of the Semipalatinsk Region* for 1903, the report of the Semipalatinsk Military Governor G.S. Galkin (June 1903-April 1908) presented an assessment of veterinary affairs in the region: "The development of new veterinary and sanitary affairs in the region is also hindered by the extreme instability of the personnel of veterinary supervision. Veterinary physicians appointed to service, after completing their obligatory term, usually leave their posts, whereas the truly effective work of these specialists is possible only on the condition of a comprehensive study of the locality and the specific features of the way of life of the steppe population. In view of the foregoing, on the one hand, and the extensive development of livestock-based industry in the region, on the other, the activities of the small number of veterinary personnel continue to be predominantly veterinary-sanitary in character. This consists in monitoring the health of herd-driven livestock and the harmlessness of raw animal products, in preventing and suppressing epizootics, and in collecting the prescribed levy on industrial livestock. Other branches of veterinary activity, such as the treatment of domestic animals and the like, unfortunately, given the totality of existing conditions, cannot yet be applied in practice to the life of the nomadic steppe population, although livestock husbandry constitutes the basis of its existence" (Obzor..., 1904: 70). In 1904, A.N. Bukeikhanov, analyzing the condition of Kazakh pastoral economy in the Steppe Region, observed: "The Kirgiz (Kazakhs – T.D.) carefully conceal any outbreak of epizootic disease among their livestock from Russians in general and from veterinary supervision in particular, since until now the Kirgiz (Kazakhs – T.D.) have been more familiar with the levies that accompany the arrival of an official in the steppe, while the beneficial activity of veterinarians is unknown to them; they regard the veterinarian as the same kind of enemy as the epizootic itself" (Bukeikhanov, 2009: 101). It is evident that there was a pressing need to open a veterinary school in Omsk in order to resume the training of local veterinary personnel for service in the Steppe Region.

The Omsk Veterinary Feldsher School was opened on 1 September 1905 on the basis of an order of the Ministry of Internal Affairs addressed to the Steppe Governor-General, on the condition that the staffing tables then in force at the Tomsk School would be applied to it and that the expenses for its maintenance would be charged to local zemstvo F.s, with the proviso that, in the event of their insufficiency, the shortfall would be covered from special F.s of the Ministry of Internal Affairs (TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10612. L. 62). Initially, the Omsk Veterinary Feldsher School was designed to accommodate 40 students. The issue of establishing scholarships for Kazakhs in the Akmolinsk Oblast was raised in December 1906 in a memorandum of the Veterinary Administration of the Ministry of Internal Affairs addressed to the Military Governor of Akmolinsk. It stated that "...serious obstacles to the development of veterinary medical assistance for the domestic animals of the nomadic population in the steppe regions include not only the general shortage of veterinary personnel in these regions and, in particular, of veterinary feldshers serving there, ...but also, to an even greater extent, the fact that these feldshers do not know the indigenous languages and, partly because of the conditions of their service and partly because of their unfamiliarity with the harsh circumstances of nomadic life, are unable to reside outside settled localities among the nomads". Consequently, it was deemed "advisable at present to raise the question of establishing several scholarships at the Omsk Veterinary Feldsher School specifically for the nomadic population of the region entrusted to you" (TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10612. L. 1–3ob.). However, this issue depended not only on the directives of the Akmolinsk military governor, but also on the institutional capacity of the Omsk Veterinary Feldsher School itself, which was unable to accommodate more than 40 students. For this reason, in February 1907 the school's director, Yu. Teker, stated in his reply: "...in the interest of fairness, it would be advisable to allocate two of the five zemstvo scholarships of Akmolinsk Oblast currently existing at the school under my supervision exclusively to individuals from the nomadic population. In this way, the need to establish additional scholarships specifically for this category of inhabitants would be eliminated" (TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10612. L. 9–10). The issue of establishing three scholarships for the training of veterinary feldshers from among Kazakhs and Kalmyks of Astrakhan Province at the Omsk Veterinary Feldsher School for the 1907-1908 academic year was resolved in the spring of 1907. Subsequently, scholarships for the education of Kazakhs at the Omsk Veterinary Feldsher School were also established in Ural Oblast; according to the

school director, the amount of the scholarship was to be no less than 360 rubles per year. Kazakhs from Akmolinsk Oblast continued to send their children for training. In 1915, a petition was submitted by a Kazakh from Turgai Oblast, Tleugabyl Mustafinov, requesting permission to sit for the entrance examinations ([TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10738. L. 21](#)). According to archival information, it was revealed that Kenzhegaliy Satayev, a Kazakh from the Uralsk Oblast, graduated the Omsk Veterinary Feldsher School in June 1915 ([TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10738. L. 10](#)), and in the autumn of 1915, Kuzekesh Berkaliyev, a 20-year-old Kazakh from the Uralsk Oblast, was accepted to the Omsk Veterinary Feldsher School ([TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10738. L. 36ob.](#)).

The reference directory *All Omsk* for 1913 provides the following information on the number and allocation of scholarships: “Maintained through scholarships allocated by: Akmolinsk Oblast – 5 at 180 rubles each; Semipalatinsk Oblast – 10 at 180 rubles each; the Siberian Cossack Host – 20 at 180 rubles each; the Amur Cossack Host – 2 at 1,880 rubles each; the Semirechye Cossack Host – 2 at 180 rubles each; Ural Oblast – 3 at 300 rubles each; Astrakhan Province for non-Russian natives (Kirgiz and Kalmyks) – 3 at 300 rubles each; and the Ministry of Internal Affairs – 2 at 180 rubles each. In addition, 2,000 rubles are allocated by Semipalatinsk Oblast for the school’s general expenses, and 1,000 rubles by Akmolinsk Oblast. Admission to the school (boarding school) was granted primarily to rural residents of the Akmolinsk and Semipalatinsk oblasts and to individuals belonging to the military estate of the Siberian, Semirechye, and Amur Cossack Hosts, as well as to non-Russian natives of Astrakhan Province and Ural Oblast” ([Ves' Omsk, 1913: 39](#)). Kazakhs from Akmolinsk and Semipalatinsk oblasts were admitted on a general basis; the directory does not identify separate scholarships specifically designed for them. Students admitted to the school were placed on full state maintenance. The duration of study was three years.

As a result of archival research, it was possible to establish that the total number of Kazakhs who were students and graduates of the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894) and the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917) amounted to 64 individuals whose information has been preserved in archival documents of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and the Historical Archive of Omsk Oblast. Of these, the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894) accounted for 24 graduates and 10 students who studied in different years. At the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917), the corresponding figures include 7 graduates, 16 students who studied between 1905 and 1915, and 7 Kazakhs who submitted petitions for admission in 1915; thus, a total of 30 individuals in the early 20th century.

Almost all of them served as volost-level Kazakh veterinary feldshers within the boundaries of the *uyezds* (districts) from which they originated, usually in close proximity to their parents and relatives. However, there were cases in which graduates were assigned to other *uyezds*, which significantly complicated both everyday life and the performance of official duties for Kazakh volost veterinary feldshers, especially during the 1880–1890s. Salary payments to those graduates who completed their studies in 1881–1883 were virtually not made until the approval of the Regulations of 16 March 1884. Thus, Mustafa Akkozov, a graduate of 1881, submitted a petition in December 1881 stating that: “... from the day of confirmation in that rank (veterinary feldsher – T.D.) to the present time I have received no maintenance whatsoever, although I have already appealed several times to the Omsk *uyezd* chief and to the military governor of Akmolinsk Oblast” ([IAOO. F. 3. Op. 9. D. 15948. L. 78ob.](#)). In September 1883, the military governor of Akmolinsk Oblast, having collected 40 communal resolutions from Kazakh volosts concerning the collection of F.s intended for the payment of veterinary feldshers’ salaries, requested authorization “to grant monetary remuneration to those feldshers who have completed the course and are performing their duties in the *uyezds*, in accordance with their labor, pending the approval of proposals for the establishment in the Oblast of supernumerary feldshers from among the scholarship holders of Kirgiz (Kazakh – T.D.) societies being trained at the feldsher school” ([IAOO. F. 3. Op. 9. D. 15948. L. 94–95](#)). In March 1893, Mustafa Akkozov, a volost veterinary feldsher in Omsk Uyezd, requested leave up to and including dismissal from service, stating that “given the very modest maintenance I receive in my capacity as a veterinary feldsher – only 15 rubles per month – I have unequivocally fallen into extreme destitution... Moreover, I am a man burdened with a family, and the remuneration received is far from sufficient to sustain my household; therefore, I most humbly venture to request that Your High Nobility grant me one month’s leave, and, failing this, I most humbly ask to be released entirely from service and from the duties of a veterinary feldsher” ([TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 24. L. 85](#)). Thus, Mustafa Akkozov, having served as a veterinary feldsher in Omsk Uyezd from 1881 to 1893, was dismissed on 16 April 1893 in accordance with his petition. Requests for leave were generally connected with the desire to visit parents or relatives, particularly when Kazakh veterinary feldshers were assigned to service in an *uyezd* other than their place of origin. For example, in July 1893 the Akmolinsk volost veterinary feldsher Bisembai Berdin requested “one month’s leave to Kokchetav Uyezd to visit his parents”, since “having already been in service in Akmolinsk Uyezd for six years, he had no opportunity to see his parents” ([TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 24. L. 98](#)). Bisembai Berdin, who served as a volost veterinary feldsher in Akmolinsk Uyezd from 1887 to 1894, was dismissed from his post in November 1894. Amre Isin, a graduate of 1884, served as a volost veterinary feldsher in Atbasar Uyezd from 1884 to 1889. After completing the mandatory period of service required in return for the right to education, in January 1890 he requested transfer for a subsequent five-year term to Omsk Uyezd, where his parents

resided (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 24. L. 48-49). However, on 23 January 1890 he was instead assigned to Petropavlovsk Uyezd. He submitted several petitions requesting transfer to Omsk Uyezd in order to be closer to his parents due to their illness, including petitions dated 16 April 1890 and 26 May 1891, in which he noted: "At present I am in service in Petropavlovsk Uyezd, where I am compelled to reside in rented accommodations and to pay dearly for them, such that the maintenance I receive is barely sufficient to subsist with my wife. Therefore, I most respectfully venture to request, if possible, that I be transferred to service in Omsk Uyezd, where my expenses could be lower due to the proximity of my parents' place of residence" (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 24. L. 66). In June 1891, he was dismissed in accordance with his petition: "Regarding my dismissal from service due to domestic circumstances and the illness of my mother, as I have completed the obligatory term of service required in return for the right to education" (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 24. L. 71).

The insufficient remuneration associated with the position of volost veterinary feldsher – together with the conditions of service – likely provoked discontent among Kazakh veterinary feldshers, which in turn was reflected in their conduct. A veterinary physician seconded to Akmolinsk Oblast wrote on 24 June 1891 concerning the volost veterinary feldsher Tastemir Dzhansarin: "the Akmolinsk veterinary feldsher Tastemir Dzhansarin displays insubordination, fails to comply with my lawful demands, deliberately misinterprets the orders of the authorities, and generally conducts himself in a highly insolent manner" (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 24. L. 78). Tastemir Dzhansarin was dismissed from service on 2 July 1891 by Order No. 34 of the Akmolinsk governor.

In characterizing the professional careers of Kazakh veterinary feldshers, it can be stated that only four graduates of veterinary feldsher schools advanced along the service hierarchy to the level of uyezd- or station-level veterinary feldsher, or to positions within the Resettlement Administration at the oblast level. Of these, only one was a graduate of the Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host (1879–1894), while three were graduates of the Omsk Veterinary Feldsher School (1905–1917).

Let us turn to a brief characterization of these graduates.

Temirbek Aldibayev, born in 1869, a Kazakh from Kokchetav Uyezd, was a graduate of the Military Veterinary Feldsher School of the Siberian Cossack Host in 1890. He served as a volost veterinary feldsher in Kokchetav Uyezd (1890–1900), as an uyezd veterinary paramedic of the 8th section of Kokchetav Uyezd (1900–1904), district veterinary feldsher of the 13th district of Akmolinsk Uyezd (1904–1905). From 1905 to 1908, he held the position of station (*punkt*) veterinary feldsher on the guard and quarantine line in Akmolinsk Uyezd. He subsequently served as a veterinary feldsher in Atbasar Uyezd (1908–1909). On 24 August 1909, he was reassigned as a steppe station feldsher to the town of Kokchetav (1909–1913), and from January 1913 he attained the rank of first-class station veterinary feldsher. (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 105. L. 12ob.).

Blyal Moldybayev, a Kazakh from Aul No. 5 of Airtav Volost, Kokchetav Uyezd, was 17 years old in 1909. He was a graduate of the Kzyl-Agach aul school of the Ministry of Public Education and a scholarship holder of Akmolinsk Oblast. From 12 May 1912, he served as a station veterinary feldsher at the Ulentinsky veterinary station in Akmolinsk Oblast, with a salary of 480 rubles per year and travel allowances of 50 rubles (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 3. L. 42ob.).

Baiakhmet Rustembekov, a Kazakh from Aul No. 11 of Chubartavskaya Volost, Karkaraly Uyezd, was a graduate of the Karkaraly two-class Russian Kazakh school (1910). He was a scholarship holder of Semipalatinsk Oblast and a graduate of the Omsk Veterinary Feldsher School in 1913. From 31 May 1913 he was seconded by the Ministry of Internal Affairs as a veterinary feldsher, with a salary of 790 rubles (TsGA RK. F. 369. Op. 2. D. 3. L. 44). From 1 July 1918, he served as a veterinary feldsher in the Akmolinsk Oblast Zemstvo (Ulenty tract, Blagovatnoe village, Akmolinsk Oblast). In December 1919, he was listed among the veterinary personnel of the Veterinary Department of the Omsk Revolutionary Committee (Revkom), stationed in the village of Alekseevsky, Akmolinsk Oblast.

Kussain Berdybayev, a Kazakh from the Kuvsky Volost of Karkaraly Uyezd, was a scholarship holder of Akmolinsk Oblast and a graduate of the Omsk Veterinary Feldsher School in 1915. He served as a veterinary feldsher of the Resettlement Administration in Akmolinsk Oblast and as a veterinary feldsher at the Samarkand veterinary station from 20 May 1915. In December 1919, he was listed among the veterinary personnel of the Veterinary Department of the Omsk Revolutionary Committee (Revkom) (TsGA RK. F. 369. Op. 1. D. 10738. L.10).

The majority of graduates of the Omsk Veterinary School performed the duties of volost veterinary feldshers within Akmolinsk and Semipalatinsk oblasts. The career ceiling for Kazakh veterinary feldshers was determined by their functional designation: they were trained and appointed exclusively for grassroots veterinary and sanitary work within the volosts of their respective uyezds. Their professional status was confined to the authority of local officials; moreover, advancement to the level of a veterinary physician required higher education, which was extremely difficult to obtain in the absence of a gymnasium-level education.

5. Conclusion

The institutionalization of veterinary administration in the Russian Empire in the late 19th century signified official recognition of the strategic importance of controlling epizootic diseases. However,

in peripheral regions such as the Kazakh Steppe, the implementation of this policy was uneven. On the one hand, there was an acute demand for local personnel – Kazakh veterinary feldshers who possessed both traditional practical experience and elements of scientific knowledge. On the other hand, the professional status and financial position of these specialists remained limited, as their remuneration was drawn from “local funds” rather than from the state treasury. This arrangement reflected the pragmatic approach of the imperial authorities to the integration and modernization of veterinary services in the borderlands. For Kazakhs, the principal expectations associated with veterinary education lay in the fact that even training at the feldsher level opened access to state service, albeit primarily at the volost level, thereby conferring a degree of prestige and relative stability. Moreover, veterinary training enabled graduates to provide assistance to their own communities in combating livestock diseases (epizootics), a matter of particular importance under conditions of shrinking pasturelands and transformations in the traditional economic model. Access to formal education created opportunities for a degree of social mobility among Kazakhs. In essence, this constituted one of the few social elevators within the imperial system that allowed individuals to transcend the boundaries of the traditional social hierarchy. By the late 19th and early 20th centuries, under the influence of modernization processes and a growing aspiration to participate in the socio-political life of the empire, the overall inclination toward education within Kazakh society increased markedly. This period was characterized by the active formation of a national intelligentsia, a segment of which was comprised of veterinary feldshers.

References

- Aitmukhambetov, 2010** – Aitmukhambetov, A.A. (2010). Kazakhskiy sluzhashchiye Rossijskoj imperii: formirovaniye, professional'naya i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' v XIX – nachale XX vv. (istoricheskiy aspekt) [Kazakh employees of the Russian Empire: formation, professional and socio-political activity in the 19 – early 20 centuries (historical aspect)]. Manuscript of a dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Semey. 346 p. [in Russian]
- Andriyanova, Fedotova, 2019** – Andriyanova, D.V., Fedotova, D.Yu. (2019). Veterinarnaya sluzhba v Tobol'skoy gubernii v kontse 19 — nachale 20 vekov [Veterinary service in the Tobolsk province in the late 19 – early 20 centuries]. *Nauchnyy dialog*. 5: 257-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-257-272. [in Russian]
- Argynbayev, 2024** – Argynbayev, Kh. (2024). Narodnyy opyt lecheniya razlichnykh zabolevaniy zhivotnykh [Lk experience in treating various animal diseases]. Selected works in three volumes. Vol. 1. Under the general editorship of S.E. Azhigali (editor-in-chief). Editorial team: A.T. Abdulina (responsible editor-compiler), D.A. Chernienko et al. Almaty. 544 p. Pp. 217-251. [in Russian]
- Bukeikhanov, 2009** – Bukeikhanov, A. (2009). Materialy po ekonomicheskomu obsledovaniyu rayonov Sibirskoy zheleznoy dorogi. II. Ovtsevodstvo v Stepnom kraye [Materials on the economic survey of the Siberian Railway regions. II. Sheep breeding in the Steppe region]. A.N. Bokeikhan (1866–1937) Complete works in 7 volumes. Astana: "Saryarka". 566 p. P. 101.) (first published in 1904). [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1895** – Dobrosmyslov, A.I. (1895). Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti [Cattle husbandry in the Turgai region]. Orenburg: Tip. P.N. Zharinova. 360 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1897** – Dobrosmyslov, A.I. (1897). Veterinarnyj nadzor Turgajskoj oblasti [Veterinary oversight of the Turgai region]. Orenburg: Tip- lit. P. Zharinova. 211 p. [in Russian]
- Duisebayeva, 2022** – Duisebayeva, A. (2022). Osobennosti organizatsii imperskoy veterinarnoy sluzhby v kazakhskoy stepi: na primere Turgayskoy oblasti (konets XIX veka) [Features of the organization of the imperial veterinary service in the Kazakh steppe: on the example of the Turgai region (end of the 19th century)]. *Otan tarihy*. 3(99): 52-61. [in Russian]
- Duisebayeva, 2023** – Duisebayeva, A.I. (2023). «The animal face of imperial power: Kazakh animal husbandry and tsarist veterinary services, 1868–1917». Manuscript of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. PhD "8D02206 – History". Almaty, 2023. 161 p.
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoj oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].
- Kabul'dinov, 2017** – Kabul'dinov, Z.Ye. (2017). Amre – prosvetitel' i zhertva rezhima [Amre – educator and victim of the regime]. Publication 2017. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/4016> [in Russian]
- Kozhakin, 1949** – Kozhakin, S.K. (1949). Istoriya veterinarii v Kazakhstane [History of veterinary science in Kazakhstan]: dis. cand. veterinary sciences Alma-Ata. 517 p. [in Russian]
- Masevich, 1960** – Masevich, M.G. (1960). Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. T. 1. Collection of documents. Comp. Masevich M.G. Alma-Ata: Publishing house of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 441 p. [in Russian]
- Mikhailov, 1893** – Mikhailov, V. (1893). Kirgizskiy stepi Akmolinskoy oblasti: (po obsledovaniyam veterinarnykh vrachey) [Kirghiz steppes of the Akmolinsk region: (based on surveys of veterinarians)]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Omsk. Book 16. Is. 1. Pp. 1-20. [in Russian]
- Obzor..., 1889** – Obzor Akmolinskoy oblasti za 1888 g. [Overview of the Akmolinsk region for 1888]. Omsk: Akmolinsk regional government press, 1889. 37 p. [in Russian]

- Obzor..., 1904** – Obzor Semipalatinskoy oblasti za 1903 g. [Overview of the Semipalatinsk region for 1903]. Semipalatinsk: printing house of the regional government. 1904. 77 p. [in Russian]
- Ostrovsky, 2001** – *Ostrovsky, E.* (2001). Poyezdka vo Vnutrennyuyu Kirgiz-Kaysatskuyu Ordu, s veterinarnoy tsel'yu [A trip to the Inner Kirghiz-Kaisak Horde, with veterinary purposes]. Bukeyevskoy Orde 200 let. Book 3. Almaty: Өлке. Pp. 39-71. (First published in 1859). [in Russian]
- Popov, 2011** – *Popov, Yu.G.* (2011). Vrachy i fel'dshery Karkaralinskogo uyezda: 1869-1917 (popytka krayevedcheskogo obzora) [Doctors and feldshers of the Karkaraly district: 1869-1917 (an attempt at a local history review)]. Meiirbike ici = Sestrinskoye delo [Nursing]. 3: 29-32. [in Russian]
- Preeti, 2022** – *Preeti* (2022). Agriculture as knowledge: delegitimising 'informal' knowledge through colonial pedagogy in Bihar, 1880–1930. *History of Education*. 51(4): 522-540. DOI: 10.1080/0046760X.2021.1998651
- PSZ RI – XVII** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 3. T. XVII. SPb., 1900. No 14004. Pp. 227-228. [in Russian].
- Sikorsky, 1964** – *Sikorsky, A.N.* (1964). Voprosy istorii veterinarii Zapadnoi Sibiri v dorevolutsionnyi period i pervyye gody sovetskoi vlasti (do 1929 g.) [Questions of the history of veterinary science in Western Siberia in the pre-revolutionary period and the first years of Soviet power (before 1929)]: abstract of the dissertation ... candidate of veterinary sciences: 16.00.03. Moscow. 18 p. [in Russian]
- Sikorsky, 1970** – *Sikorsky, A.N.* (1970). K istorii veterinarnogo obrazovaniya v Sibiri [On the history of veterinary education in Siberia]. Omsk Veterinary Institute. [Omsk]: Western Siberian Book Publishing House. Omsk Branch. 111 p. [in Russian]
- Sultangalieva, 2002** – *Sultangalieva, G.* (2002). Zapadnyy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII-nach. XX vv.) [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (18th – early 20th centuries)]. Ufa: RIO. RUNMC Goskomnauki RB. 262 p. [in Russian]
- Toktabay, Nugumarova, 2022** – *Toktabay, A.U., Nugumarova, A.S.* (2022). Problems of Kazakh Horse Breeding in the Works of Researchers of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(2): 604-620.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- “Ves' Omsk”, 1913** – “Ves' Omsk” [“All Omsk”]. Spravochnik-ukazatel' na 1913 god [Reference Guide for 1913]. Omsk: printing house “Irtysh”, 1913. 60 p. [Electronic resource]. URL: https://books.omsklib.ru/Knigi/NEW/Ves'_Omsk_1913/index.html
- Zhukova, 2012** – *Zhukova, N.S.* (2012). Voyskovaya veterinarno-fel'dsherskaya shkola sibirskogo kazach'yego voyska v dokumentakh Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (1879–1894 gg.) [Military veterinary feldsher school of the Siberian cossack host in the documents of the historical archive of the Omsk oblast (region) (1879–1894)]. *Nedbayevskiye istoricheskiye chteniya*. Omsk: Publishing house of Omsk state ped. University. Pp. 374-380. [in Russian]

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 152-161
DOI: 10.13187/bg.2026.1.152

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The System of Government Bodies among the Nomadic Peoples of Eastern Siberia according to M.M. Speransky's Reform

Valentina V. Naumkina ^a, Tatyana V. Vorotilina ^{b, *}, Kirill A. Dolgoplov ^c, Alexander S. Ivlyushkin ^d

^a Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

^d Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

Abstract

The lack of a clear management system in Siberia and the presence of different lifestyles hindered the use of the territory's potential for solving national issues. The use of a comprehensive approach in the implementation of reforms allowed for the consideration of various aspects of Siberia's specific features. The management system for the nomadic peoples of Eastern Siberia, established as a result of Mikhail Speransky's reforms, remained in place until the Soviet era. There were two management systems in Siberia: one for the territory inhabited by settlers and another for the nomadic peoples. As a result of the reform, a system of interaction between provincial and district government bodies and the system of non-Russian government was established.

The management system of nomadic peoples included either three or two levels of authority. The system was based on tribal management organizations and existing customs. It defined the limits of autonomy, as well as a system of reporting and control. This system streamlined data management and the taxation system.

The concept of M.M. Speransky's reform was conceived from the perspective of a systematic approach to the organization of governance in the Russian Empire. The reform combined elements of the ancestral system of governance, centralization, and national approaches to the organization and functioning of government bodies. The article examines the levels of foreign governance and the functions of foreign bodies. The research was based on official data, archival materials, and decisions made by foreign bodies.

Keywords: M.M. Speransky's reform, nomadic peoples, Steppe Duma, Foreign Administration, Family Administration, ulus, Eastern Siberia, customary law, custom, foreigners.

1. Введение

Российская империя использовала индивидуальный подход по многим вопросам на национальных окраинах и новых территориях, поэтому проводимые реформы не охватывали всю территорию государства. В отношении Сибири, начиная с петровских времён, применялись особые правила. Территория Сибири на протяжении нескольких веков интегрировалась в общероссийское пространство. При этом на территории Сибири, вплоть до советского периода, частично сохранились традиционные устои, либо принимались правовые акты, учитывающие специфику данной территории.

До реформы М.М. Сперанского управление коренными народами Сибири во многом носило субъективный характер. Российская империя практически не занималась правовым регулированием жизни коренных народов. В XVII–XVIII веках было принято несколько указов по распространению

* Corresponding author

E-mail addresses: naumkinav@mail.ru (V.V. Naumkina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), nadal06@mail.ru (K.A. Dolgoplov), a.s.ivlyushkin@mail.ru (A.S. Ivlyushkin)

христианства. Например, указ от 31 сентября 1719 года «О не крещении татар и других иноверцев против их воли» (ПСЗРИ. Т. 5. 1713-1719. № 3410). Также принимались указы (или наказные статьи) воеводам, которые регулировали как вопросы управления земскими и военными делами, так и вопросы взаимодействия с коренным населением. Например, «Наказные статьи Нерчинским воеводам от 18 февраля 1696 года об управлении земскими и военными делами» (ПСЗРИ. Т. 3. 1689-1699. № 1542), «Наказные статьи в Сибирь Тюменскому Воеводе, Стольнику Тухачевскому с приложением наказов бывшим в Сибири на Таре в 7119, 7141 и 7201 годах от 16 января 1699 года» (ПСЗРИ. Т. 3. 1689-1699. № 1670). Наказы носили временный характер и выдавались конкретному воеводе, поэтому объём полномочий и поставленные задачи для воевод различались. Таким образом, правовое регулирование вопросов относительно Сибири носило точечный характер.

К началу XIX века обострилась необходимость использования экономического потенциала Сибири. Для этого было необходимо систематизировать управление и усилить контроль на данной территории. Был проведён ряд преобразований в различных сферах, начиная от административно-территориального деления до статуса проживающих народов. М.М. Сперанскому было поручено разработать концепцию реформы. В 1822 году был принят Устав об управлении инородцев (ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126). Для проведения преобразований на территории был образован специальный орган – Сибирский комитет. В отношении коренных жителей Сибири данная реформа была самой масштабной в истории Российской империи. Некоторые элементы реформы М.М. Сперанского сохранялись до первой четверти XX века.

2. Материалы и методы

При проведении исследования использовались официальные акты: Устав об управлении инородцев 1822 года (ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126), Устав о службе по выборам (СЗРИ. Кн. 2. СПб., 1842) и другие правовые акты.

На уровне Российской империи проведение реформы возглавил Сибирский комитет, который был наделён правом принимать правовые акты, в том числе в сфере организации управления. Сибирский комитет собирал всю информацию о положении в Сибири для поиска оптимальной модели управления. В качестве источника использовались материалы и правовые акты Сибирского комитета.

Для проведения исследования были использованы архивные материалы: Государственного архива Иркутской области (ГАИО) (Иркутск, Российская Федерация), Национального архива Республики Хакасия (НАРХ) (Абакан, Российская Федерация), Рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Рук. фонд ХакНИИЯЛИ) (Абакан, Российская Федерация). Архивные документы содержат материалы Степных дум, официальные данные, переписку инородческих органов управления с губернскими или окружными органами.

Большой эмпирический материал был собран исследователями XIX – начала XX века в ходе проведения экспедиций в рамках деятельности Русского географического общества. В работах XIX – начала XX века содержатся как аналитические данные, так и выдержки из общественных приговоров инородческих органов различного уровня. Были использованы труды: Н.М. Ядринцева (Ядринцев, 1861), А.А. Ярилова (Ярилов, 1899), В.К. Андриевич (Андриевич, 1889), Д.Е. Лаппо (Лаппо, 1904; Лаппо, 1906). А также публицистические материалы изданий XIX века: газет Сибирь (Сибирь, 1878), Сибирский вестник (Сибирский вестник, 1884) и других.

Методологическую основу работы составила совокупность различных подходов и методов проведения исследования. Элементы институционального подхода были использованы для выявления механизма взаимодействия традиционных органов управления и губернского правления. Исторический метод позволил проследить процесс совершенствования системы управления на протяжении XIX века и эволюцию идей управления.

Были использованы элементы диалектического подхода. Метод анализа позволил выявить функции инородных органов, которые были значительно шире официального перечня полномочий в Уставе (ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126) и иных правовых актах.

Системный метод позволил рассмотреть структуру инородного управления как элемент единой государственной системы управления.

3. Обсуждение

Отдельные вопросы организации и функционирования системы управления рассматривались в научных работах XIX века. Среди публикаций можно выделить работы Н.М. Ядринцева (Ядринцев, 1861; Ядринцев, 2000), который в своих трудах комплексно рассматривал традиционный быт народов, организацию управления и обычное право кочевых народов. А.А. Ярилов провёл анализ общественных приговоров Степных дум Енисейской губернии (Ярилов, 1899). В данных работах система управления рассматривается через обычное право и практику принятия решений на основе обычного права.

В начале XX века Д.Е. Лаппо опубликовал ряд очерков по обычному праву и практике разрешения спорных вопросов родовыми органами управления (Лаппо, 1904; Лаппо, 1906). Работы Д.Е. Лаппо содержат как примеры применения обычного права на практике, так и анализ

особенностей обычного права кочевых народов. Через обычное право в его исследованиях чётко прослеживается специфика деятельности органов управления и реальный объём полномочий.

В конце XIX – начале XX века было опубликовано библиографическое издание Е.И. Якушкина по обычному праву в четырёх томах. Третий том был посвящён обычному праву инородцев ([Якушкин, 1908](#)). В издание Е.И. Якушкина вошло библиографическое описание не только изданий об обычном праве, но и описание материалов, связанных с деятельностью инородческих органов управления, которые использовали обычаи. Особенностью данного издания является то, что автор, кроме библиографических данных, включил краткое изложение содержания каждой публикации. Издание Е.И. Якушкина содержит данные по научным работам, публицистике, официальным справочникам.

В работах советского периода система управления инородцев рассматривалась с позиции классового подхода и фискальной политики государства, например, в трудах Л.М. Дамешека ([Дамешек, 1986](#)). Основной акцент в исследованиях данного периода делается на правовой статус личности, исходя из имущественного положения инородцев.

Среди современных работ можно выделить труды, посвящённые Степным думам и иным органам управления различных кочевых народов Сибири: например, научные изыскания Е.П. Мамышевой ([Мамышева, 2008](#)), С.Ю. Даржаева ([Даржаев, 2009](#)), А.А. Борисова ([Борисов, 1997](#)), З.И. Петуховой ([Петухова, 2021](#)) и других авторов.

Системный анализ институтов управления в традиционном сибирском обществе был проведён В.М. Дамдынчап ([Дамдынчап, 2012](#)), А.Т. Тумуровой ([Тумурова, 2008](#)), Л.И. Шерстовой ([Шерстова, 2005](#)) и другими учёными.

4. Результаты

В начале XIX века назрел вопрос о необходимости проведения реформы на территории Сибири, что было связано с рядом социально-экономических и политических факторов ([Наумкина, 2021](#); [Naumkina et al., 2025a](#)). Перед государством остро стоял вопрос об использовании экономических ресурсов региона. Кроме того, увеличилась численность переселенцев на данной территории, что требовало закрепления правил проживания различных категорий. Реформа проводилась на протяжении нескольких лет.

Проведение реформы было поручено государственному деятелю М.М. Сперанскому. Сначала М.М. Сперанский в течение двух лет изучил особенности организации управления и состава населения, непосредственно проживая на территории Сибири. Изначально целью поездки была проверка достоверности многочисленных жалоб о существующем произволе и коррупции в управлении сибирскими губерниями. В ходе поездки стало понятно, что необходима концепция проведения реформы, основанная на системном подходе. Поэтому М.М. Сперанский пришёл к выводу о необходимости проведения ряда преобразований в различных сферах, включая управление инородцев. Ранее проводимые реформы не затрагивали традиционные устои коренных народов и внутреннюю организацию управления.

Реформа была настолько масштабной, что исследователи рассматривают концепцию М.М. Сперанского как серию взаимосвязанных реформ. Хорошо продуманная концепция реформы позволила какие-то преобразования проводить одномоментно, какие-то – последовательно. Первоначально реформаторы признали подход к территориальному устройству Сибири Екатерины II неудобным и отказались от принципов, заложенных Губернской реформой 1775 года ([Обозрение главных оснований..., 1841: 9-12](#)). Концепция затрагивала различные аспекты, что способствовало дальнейшей интеграции Сибири в общегосударственные политико-правовые процессы ([Серебренников, 1913](#); [Ядринцев, 1861](#)). Впервые реформирование затронуло организацию управления и правовой статус коренных народов. В основе государственной политики в отношении Сибири было раздельное проживание коренных народов и переселенцев. Все предыдущие реформы касались только населённых пунктов, на которых проживали переселенцы.

Коренные народы Сибири стали именоваться инородцами. Социально-экономическая и политико-правовая организация жизни коренных народов Сибири имела ряд особенностей: 1) традиционный уклад жизни и сохранение родовых отношений; 2) различный способ ведения хозяйства и различный образ жизни (Западная Сибирь – оседлый или полuosедлый; Южная и Восточная Сибирь – преимущественно кочевники); 3) многообразие религий (православие, язычество, шаманизм, буддизм); 4) отсутствие населённых пунктов у кочевников в европейском понимании; 5) сохранение обычного права в качестве основного регулятора; 6) местное население не владело русским языком и т. д. Все эти особенности нужно было учитывать при организации управления.

Коренные народы были разделены на оседлые, кочевые и бродячие. Основным критерием был основной род занятий. Для каждой группы населения была продумана своя организация управления. При этом одной из задач была некая централизация всего разнообразия для упорядочения контроля.

Кочевые народы представляли достаточно большую группу населения. Так, по официальным данным Ясачной комиссии 1827 года, в Восточной Сибири к числу кочевых народов были отнесены: 137 бурятских родов (164990 душ обоего пола), 37 родов нерчинских тунгусов (11122 души),

195 якутских родов (154159 душ) и 41 род (22106 душ) инородцев Енисейской губернии ([Статистическое обозрение..., 1841: 1-5](#)).

Система управления кочевых народов включала три или два уровня: Родовое управление (улусное управление), Инородная управа и Степная Дума. Поскольку кочевые народы отличались уровнем социального развития, то право на создание Степной Думы предоставлялось не всем народам. Эти три уровня были взаимосвязаны. Нижним уровнем управления были родовые органы. Второй уровень – Инородная управа, которая включала несколько родов. Степные думы были высшим уровнем власти.

Кочевой образ ведения хозяйства привёл к сохранению родственных связей и традиционной семьи. Семья включала несколько поколений кровных родственников, которых объединяли совместное проживание и ведение хозяйства, необходимость противостояния внешним угрозам, а также потребность регулировать и выстраивать внутренние взаимоотношения. Совместное проживание нескольких поколений было экономически обоснованным и позволяло легче переносить сложности хозяйственно-бытовой деятельности.

Суровые условия жизни и низкий уровень социально-экономического развития привели к сохранению родовых отношений вплоть до конца XIX – начала XX века. На сохранение родовых отношений повлияло множество факторов: 1) совместное проживание сородичей, 2) зависимость всех членов семьи от общего результата совместной хозяйственной деятельности, 3) наличие коллективной ответственности при взаимодействии с внешней средой, 4) наличие репутации семьи, которая распространялась на всех представителей. Поэтому род был вынужден заниматься саморегуляцией.

Улусное управление объединяло инородцев по родовому (родственному) признаку. Устав предусматривал численный критерий для организации улусного (родового) управления, при этом единицей считалась отдельно выделенная семья, а не количество человек. Такой подход был связан не только с сохранением родовых отношений, но и с наличием коллективных субъектов права в обычном праве инородцев. На момент проведения реформы личность ещё не рассматривалась как самостоятельный субъект, и статус личности был производным от статуса семьи. Аналогичная ситуация была и у других российских народов ([Plotskaya et al., 2025a](#); [Plotskaya et al., 2025b](#); [Plotskaya et al., 2024](#)).

Кроме того, коллективный подход позволял устанавливать обязанности для всей семьи, а не конкретной личности (например, налогообложение или обязанность возмещения ущерба) и использовать принципы круговой поруки. Установленная численность улуса – не менее 15 семей ([ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126](#)), при меньшей численности улусы объединялись. Если род увеличивался, то предусматривалась возможность разделения рода. Сибирский комитет принял положение «О порядке разделения инородческих родов в Сибири и перечисления инородцев из одного рода в другой» ([ПСЗРИ. Т. 33. 1856. № 33244](#)). Положение регулировало вопросы определения налоговых и иных обязательств при разделении рода.

Улус не был населённым пунктом; его границы включали территорию кочевья, которую использовал род. Исторически за каждым родом была закреплена территория, обеспечивавшая традиционное хозяйствование – скотоводство. Понятие «право собственности на землю» отсутствовало. Инородцы постоянно меняли место стоянки по мере истощения пастбищ в границах данной территории. Предусматривались летние и зимние стоянки. Законодательство предусматривало запрет инородцам отлучаться от места кочевья на значительное расстояние; пределы перемещения измерялись временем пути. Без ведома родового старосты можно было уехать на расстояние, которое позволяло вернуться в течение двух дней ([ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126](#)). Поездки на расстояние более 500 вёрст были возможны при наличии разрешения земской полиции.

На уровне рода предусматривалась должность старосты и двух помощников. Основным органом управления был сход рода. Должность старосты, как правило, передавалась по наследству. Законодательство допускало избрание старосты при отсутствии обычая наследования должности в данном роде ([СЗРИ. Свод учреждений государственных и губернских. Кн. 2. СПб., 1842](#)). Староста должен был обеспечить взаимодействие рода с земской полицией и иными государственными структурами ([ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126](#)). Должность помощников была выборной, хотя по факту их избирали не всегда ([Законы Сперанского..., 1884](#)).

Устав не содержал норм, регулирующих порядок избрания должностных лиц, содержалась только отсылка на существующие обычаи ([ПСЗРИ. Т. 38. 1822-1823. № 29126](#)). В 1853 году Сибирский комитет в положении «О порядке избрания Сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выборам» ограничил пассивное избирательное право для всех должностей. Были закреплены следующие критерии: мужской пол, возрастной ценз (не моложе 21 года), имущественный ценз в виде наличия своего хозяйства, морально-нравственные критерии (неопороченные судом, не оглашенные в дурном поведении и не состоявшие под следствием) ([ПСЗРИ. Т. 28. 1853. Ч. 1. № 27320](#)).

Кочевой образ жизни предполагал очень сложные условия, поэтому выделение сыновей со своей семьёй в качестве самостоятельных семей происходило в достаточно взрослом возрасте. Под наличием своего хозяйства понималось «выделение» семьи кандидата из общей семьи

родителей. Под морально-нравственными условиями рассматривалась не только репутация личности, но и репутация семьи (Наумкина, 2021: 64).

Влиять на формирование органов управления пыталась православная церковь, которая распространяла своё влияние на территории Сибири. Так, в Иркутской губернии представители православной церкви неоднократно предлагали избирать на выборные должности лиц из крещёных инородцев (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2029. Д. 20. Л. 164; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2041. Д. 212. Л. 2), поскольку распространение христианства сопровождалось сильным притеснением крещёных инородцев со стороны инородческих органов управления (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 1906. Д. 192; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 1905. Д. 166; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Кар. 2041. Д. 212. Л. 3–4). Смена религии рассматривалась как отказ от традиционных устоев и обычаев, поскольку христианская церковь была противником традиционных форм брака (например, левирата, сорората и т. д.) и ряда существующих норм обычного права.

В 1867 году в законодательстве были закреплены нормы об избрании в Степные думы крещёных инородцев при их наличии (ПСЗРИ. Т. 42. 1867. Ч. 1. № 44682). Для крещённых руководителей устанавливались иные правила, например, более мягкие санкции при выявлении правонарушений в управлении (Андриевич, 1889).

Нормы активного избирательного права не регулировались. Согласно обычаям, в сходах принимал участие глава семьи, которым был старший по возрасту мужчина (Лаппо, 1904; Лаппо, 1906). Сход занимался всеми хозяйственными вопросами, распределением налогов и разрешением спорных ситуаций (НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. Л. 11–19). Чёткого перечня полномочий рода не было. Родовые органы управления были наделены хозяйственными, правоохранными, судебными и иными функциями. Родовые органы управления взаимодействовали с Инородной управой, которая была вышестоящим органом власти.

Инородная управа (далее – Управа) объединяла несколько улусов. Органами управления в Управе были: голова, два выборных (в больших Управах численность выборных была больше) и собрание представителей Улусов. Должность Головы и выборных была выборной, кроме того, предусматривалось утверждение данных лиц губернатором. Полномочия Управы были прописаны в Уставе и включали полномочия в области надзора и контроля, обеспечения правопорядка и судопроизводства, распределения налогообложения по родам (ПСЗРИ. Т. 38. 1822–1823. № 29126). Управа рассматривала спорные вопросы между родами и была инстанцией, в которой можно было обжаловать решение родовых органов.

Высшим органом управления была Степная Дума (далее – Дума), которой подчинялось несколько Управ. Право на данный уровень предоставлялось не всем кочевникам. «Роды, соединенные в одну общую зависимость, имеют свою Степную Думу, причем, однако, таковое соединение необязательно» (Высочайше учрежденная..., 1898).

Степная Дума создавалась по аналогии с Городской думой. Степная Дума была наделена не только хозяйственными, но и контрольными функциями. В области судопроизводства Степная Дума официально полномочиями не обладала, но могла выступать в качестве посредника. Самостоятельность Степных дум сильно ограничивалась и была схожа с волостным правлением (Ядринцев, 2000).

На уровне Думы предусматривались должность Головы (родоначальника) и заседателей. Заседателями были руководители Инородных Управ. Должность родоначальника была новой, поэтому предусматривались выборы (хотя не исключалась возможность передачи должности по наследству).

Избранный руководитель Степной Думы утверждался в должности губернатором. Основным критерием для отказа в утверждении кандидата была отрицательная репутация. Избрание родоначальника сопровождалось принятием общественного приговора, в котором указывалась характеристика кандидата. Например, «вновь избранный поведения хорошего, трезв... и никаких дурных поступках за ним не было, а по тому и может возложенную должность исполнить» (НАРХ. Ф. III-2. Оп. 1. Д. 14. Л. 7). Фактически учитывалось владение русским языком, поскольку Руководитель Думы наиболее тесно взаимодействовал с губернскими и окружными органами власти (Рук. фонд Хак. НИИЯЛИ. Архивные материалы Степной Думы 1824–1856. Ф. 481. Л. 25).

Отношение к выборам было различным. Современники указывают как на наличие реальной борьбы у одних племён (Самоуправление у сибирских..., 1878), так и на формальное отношение других (Рязановский, 1922). Зачастую население, по аналогии с родовым управлением, воспринимало должность в Думе как наследственную и поэтому избирало нового руководителя из числа наследников.

Была предусмотрена ответственность должностных лиц за злоупотребление или совершение преступления. В 1845 году, кроме указанных оснований, отставка должностного лица стала возможна по инициативе инородцев и в случае необходимости работы по найму из-за наличия долгов (О причинах удаления от должностей инородческих начальников в степном управлении Сибири: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 20. С. 316). Поступившая жалоба на родоначальника Степной Думы рассматривалась как инициатива отставки. Если жалоба подтверждалась, то руководителя Думы отстраняли от должности и передавали жалобу в земский суд, и на практике такие ситуации были (Ярилов, 1899). Если жалоба не подтверждалась, то жалобщика наказывали по нормам обычного права (Ярилов, 1899).

Обычаи наказания за жалобу были заимствованы из законодательства Китая, с которым были очень тесные связи на протяжении длительного времени. Кочевые народы Сибири часто заимствовали нормы зарубежных стран (Китай, Монголия), которые воспринимались и применялись кочевыми народами как собственные обычаи (Наумкина, 2021: 100).

Родоначальники Степной Думы были обязаны приносить присягу (клятву), которая рассматривалась как обязательный атрибут вступления в должность. Обычное право кочевых народов содержало большое количество обязательных ритуалов, которые носили процессуальный характер. Поскольку письменный документооборот отсутствовал либо носил ограниченный характер, то визуализация была направлена на закрепление в памяти сородичей определённых юридически значимых фактов или событий (Наумкина, 2022: 39). Должность родоначальника Степной Думы была «элементом» системы управления губернии, поэтому текст клятвы содержал указание на подчинённость императору. Законодательством был установлен специальный образец клятвы: «...клянуси Всемогущим Богом перед святым его Евангелием ... в том, что хочу и долже его Императорскому Величеству Государю Императору...» (Рук. фонд. Хакасского НИИЯЛИ. Архивные материалы Степной Думы 1824–1856 год. Д. 481. Л. 16).

Одной из функций Степной Думы было ведение учёта численности населения. Дума ежегодно готовила отчёты о численности и составе племени, а также о состоянии промыслов, сельского хозяйства и имущества жителей. Данные использовались для определения налогообложения (НАРХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–3).

Другой задачей Степной Думы было распространение земледелия и промышленности среди инородцев (НАРХ. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 19. Л. 2). Инородцы занимались ремеслом и промыслами, но это не было их основным занятием.

Кроме того, Степные думы выступали в качестве посредника между инородцами и губернатором. Через родоначальников распространялась официальная информация. Думы рассматривали спорные ситуации между инородными управами, занимались социальными вопросами, на собственные деньги содержали больницу, занимались содержанием дорог, ремонтом казённых зданий и т. д.

Дума вела документооборот и по всем вопросам, указанным в Уставе об управлении инородцев, составляла общественные приговоры. В каждой думе велась книга общественных приговоров с протоколом заседания. Если дума рассматривала вопрос по собственной инициативе, то оформление приговора не требовалось.

Официально общественные приговоры принимались коллегиально. Присутствующие представители Инородных управ были обязаны поставить собственную печать (печатью было изображение «тамги» – знак собственности, который ставили на скот и все предметы быта) на общественный приговор, что подтверждало присутствие представителя управы на заседании думы и его согласие с принятым решением. На уровне улуса и Инородной управы документооборот не был предусмотрен.

Финансовая деятельность думы контролировалась. Степная Дума вела строгий учёт всех доходов и расходов, включая средства, которые собирались на собственные нужды. Запланированный расход необходимо было согласовать (НАРХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 32. Л. 3). Налогообложение фиксировалось, выдавались квитанции для подтверждения уплаты налога. Появились правила финансовой отчётности и заполнения документов (НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 104. Л. 35).

Как уже отмечалось, Степные думы были элементом управления в сибирских губерниях и выступали посредниками при взаимодействии с губернскими органами власти (Борисов, 1997; Даржаев, 2009; Мамышева, 2008; Петухова, 2021). Через Степные думы собирались все необходимые данные, которые использовались для дальнейшего реформирования различных сфер на территории Сибири, например, для проведения кодификации обычного права кочевых народов, которая проходила на протяжении нескольких десятилетий (Naumkina et al., 2025b).

Системность, которая была характерна для данной реформы, позволила проводить преобразования в различных направлениях. Преобразования были логически взаимосвязаны, что впоследствии позволило упорядочить социально-экономические процессы и хозяйственное освоение Сибири. За основу была взята земская реформа управления в части иерархичности и централизации управления. Такой подход позволял впоследствии интегрировать инородные органы управления в земскую систему, а инородцев приравнять к государственным крестьянам.

Таким образом, была выстроена вертикаль управления на основе традиционных родовых органов. Вертикаль управления позволила организовать систему контроля внутри инородческого управления (Управа и Степная дума были наделены контрольными функциями за нижестоящими органами власти). На уровне Степных дум появился обязательный документооборот и фиксация решений в письменном виде, а также механизм взаимодействия с губернскими органами.

5. Заключение

В отличие от всех предыдущих реформ, проводившихся на территории Сибири, реформа М.М. Сперанского носила комплексный характер и охватила разные группы населения. Впервые

реформаторы изучили особенности и создали систему управления для такой значительной группы населения, как кочевые народы. При этом созданная система рассматривалась как элемент управления на территории Сибирских губерний.

Реформаторами были использованы универсальные принципы, которые применялись на европейской территории Российской империи (иерархическая подчинённость, чёткое распределение функций, наличие контрольных полномочий вышестоящего органа). При этом сохранились элементы автономии (действие обычного права, сохранение прежнего уклада хозяйствования, традиционных верований и т. д.). Мягкий подход способствовал положительному восприятию инородцами всех изменений.

Система управления начала функционировать через 2–3 года, родоначальники были включены в подготовительную работу для проведения иных преобразований (например, сбор обычаев для проведения кодификации, учёт населения и т. д.).

Литература

- [Андреевич, 1889](#) – Андреевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2. СПб., 1889. 425 с.
- [Борисов, 1997](#) – Борисов А.А. Степная Дума. Первый опыт якутского парламентаризма // *Илин*. 1997. № 1-2. С. 36-38.
- [Высочайше учрежденная..., 1898](#) – Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 5. Исторические сведения / Сост. А. Щербачев. СПб., 1898. 325 с.
- [ГАИО](#) – Государственный архив Иркутской области.
- [Дамдынчап, 2012](#) – Дамдынчап В.М. Обычно-правовая система традиционного общества (на примере тувинцев) / *Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: материалы III Международной научно-практической конференции, Красноярск, 01–04 июня 2012 года*. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2012. С. 38-41.
- [Дамешек, 1986](#) – Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск, 1986. 167 с.
- [Даржаев, 2009](#) – Даржаев С.Ю. К вопросу о становлении и формировании органов самоуправления у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области в XIX – начале XX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2009. № 2. С. 24-28.
- [Законы Сперанского..., 1884](#) – Законы Сперанского объ инородцах и их применение теперь // *Сибирский вестник*. 1884. № 64. С. 2-3.
- [Лаппо, 1904](#) – Лаппо Д.Е. Общественное управление Минусинских инородцев // *Известия императорского Томского университета*. Томск, 1904. 71 с.
- [Лаппо, 1906](#) – Лаппо Д.Е. Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары) // *Известия Красноярского подъотдела Восточно-Сибирского императорского Русского Географического Общества*. Красноярск: Енисейская губернская типография. 1906. С. 17-73.
- [Мамышева, 2008](#) – Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум – к автономии (1822–1930 гг.). Абакан, 2008. 124 с.
- [НАРХ](#) – Национальный архив Республики Хакасия.
- [Наумкина, 2009](#) – Наумкина В.В. Степные думы как органы управления коренных народов Восточной Сибири в XIX веке // *Современное право*. 2009. №2. С. 117-121.
- [Наумкина, 2021](#) – Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство “Юнити-Дана”», 2021. 223 с.
- [Наумкина, 2022](#) – Наумкина В.В. Правовое значение обрядов // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 2(206). С. 38-40.
- [Обозрение главных оснований..., 1841](#) – Обозрение главных оснований местного управления Сибири. Напечатано по Высочайшему повелению. СПб., 1841. 138 с.
- [Петухова, 2021](#) – Петухова З.И. Якутская Степная Дума: монография. Якутск, 2021. 198 с.
- [ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1851.
- [Рук. фонд Хакаского НИИЯЛИ](#) – Рукописный фонд Хакаского НИИЯЛИ. Архивные материалы Степной Думы 1824–1856 год.
- [Рязановский, 1922](#) – Рязановский В.А. Обычное право бурят. Чита, 1922. 120 с.
- [Самоуправление у сибирских..., 1878](#) – Самоуправление у сибирских инородцев // *Сибирь*. 1878. №9. С. 1.
- [Серебренников, 1913](#) – Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск, 1913. 48 с.
- [СЗРИ](#) – Собрание законов Российской Империи.
- [Сибирский вестник, 1884](#) – Газета «Сибирский вестник». 1884.
- [Сибирь, 1878](#) – Газета «Сибирь». 1878.

- [Статистическое обозрение...](#), 1841 – Статистическое обозрение кочевых племен Восточной Сибири, на коих простирается действие Свода степных законов. СПб., 1841. 27 с.
- [Тумурова, 2008](#) – Тумурова А.Т. Обычное право бурят судебная система бурят в XIX веке // *Российское правосудие*. 2008. № 3(23). С. 93-99.
- [Шерстова, 2005](#) – Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2005. 311 с.
- [Ядринцев, 1861](#) – Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы ихъ быть и современное положение. СПб., 1861. 308 с.
- [Ядринцев, 2000](#) – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Под. ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень, 2000. 480 с.
- [Якушкин, 1908](#) – Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Вып. 3. Ярославль, 1908. 546 с.
- [Ярилов, 1899](#) – Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев, 1899. 366 с.
- [Naumkina et al., 2025a](#) – Naumkina V.V., Vorotilina T.V., Nikolaeva Ju.V., Kuharev Y.S. The Administrative-Territorial Division of Siberia and the Reform of Governance among Indigenous Peoples in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1297-1306.
- [Naumkina et al., 2025b](#) – Naumkina V.V., Vorotilina T.V., Nikolaeva Ju.V., Plotnikova A.V. Codification of the Customary Law of the Nomadic Peoples of Eastern Siberia in the 19th century // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 730-739.
- [Plotskaya et al., 2024](#) – Plotskaya O.A., Urankhaeva G.T., Grudin N.S., Zhiron R.M. Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1286-1293.
- [Plotskaya et al., 2025b](#) – Plotskaya O.A., Botoeva Ch.K., Grudin N.S., Shiryov D.A. The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 632-640.
- [Plotskaya et al., 2025a](#) – Plotskaya O.A., Melentev A.V., Ospanova D.A., Zhiron R.M. Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1428-1437.

References

- [Andriyevich, 1889](#) – Andriyevich, V.K. (1889). Sibir v XIX stoletii [Siberia in the 19th century]. Ch. 2. SPb. 425 p. [in Russian]
- [Borisov, 1997](#) – Borisov, A.A. (1997). Stepnaya Duma. Pervyy opyt yakutskogo parlamentarizma [The Steppe Duma: The First Experience of Yakut Parliamentarism]. Ilin. 1-2: 36-38. [in Russian]
- [Damdynchap, 2012](#) – Damdynchap, V.M. (2012). Obychno-pravovaya sistema tradicionnogo obshchestva (na primere tuvincev) [The usual legal system of a traditional society (using the example of Tuvinians)]. *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriya, sostoyanie, problemy: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 01–04 iyunya 2012 goda*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva. Pp. 38-41. [in Russian]
- [Dameshek, 1986](#) – Dameshek, L.M. (1986). Vnutrennyaya politika carizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [The internal policy of Tsarism and the peoples of Siberia (19th – early 20th centuries)]: monografiya. Irkutsk. 167 p. [in Russian]
- [Darzhayev, 2009](#) – Darzhayev, S.Yu. (2009). K voprosu o stanovlenii i formirovanii organov samoupravleniya u buryat Irkutskoy gubernii i Zabaykalskoy oblasti v XIX – nachale XX v [To the issue of the formation and development of self-government bodies among the Buryats of the Irkutsk province and the Transbaikalian region in the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2: 24-28. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti [State Archives of the Irkutsk Region].
- [Lappo, 1904](#) – Lappo, D.E. (1904). Obshchestvennoe upravlenie Minusinskih inorodcev [Public Administration of the Minusinsk foreigners]. *Izvestiya imperatorskogo Tomskogo universiteta*. Tomsk. 71 p. [in Russian]
- [Lappo, 1906](#) – Lappo, D.E. (1906). Prestupleniya i nakazaniya po stepnomu pravu sibirskikh kochevykh inorodtsev (Minusinskiye tatory) [Crimes and Punishments under the Steppe Law of Siberian Nomadic Aliens (Minusinsk Tatars)]. *Izvestiya Krasnoyarskogo pododela Vostochno-Sibirskogo imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubernskaya tipografiya. Pp. 17-73. [in Russian]
- [Mamysheva, 2008](#) – Mamysheva, E.P. (2008). Khakasiya: ot Stepnykh dum – k avtonomii (1822–1930 gg.) [Khakassia: from Steppe Dumas to Autonomy (1822–1930)]. Abakan. 124 p. [in Russian]
- [NA RH](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Khakasiya [National Archive of the Republic of Khakassia].
- [Naumkina et al., 2025a](#) – Naumkina, V.V., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, Ju.V., Kuharev, Y.S. (2025). The Administrative-Territorial Division of Siberia and the Reform of Governance among Indigenous Peoples in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 20(3): 1297-1306.

- [Naumkina et al., 2025b](#) – Naumkina, V.V., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, Ju.V., Plotnikova, A.V. (2025). Codification of the Customary Law of the Nomadic Peoples of Eastern Siberia in the 19th century. *Bylye Gody*. 20(2): 730-739.
- [Naumkina, 2009](#) – Naumkina, V.V. (2009). Stepnye dumy kak organy upravleniya korennykh narodov Vostochnoy Sibiri v XIX veke [Steppe Dumas as governing bodies of the indigenous peoples of Eastern Siberia in the 19th century]. *Sovremennoe pravo*. 2: 117-121. [in Russian]
- [Naumkina, 2021](#) – Naumkina, V.V. (2021). Obychnoye pravo kochevykh narodov Vostochnoy Sibiri [Customary law of the Nomadic peoples of Eastern Siberia]. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu «Izdatelstvo «Yuniti-Dana». 223 p. [in Russian]
- [Naumkina, 2022](#) – Naumkina, V.V. (2022). Pravovoe znachenie obryadov [Legal significance of rituals]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2(206): 38-40. [in Russian]
- [Obozreniye glavnnykh osnovaniy..., 1841](#) – Obozreniye glavnnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri [Review of the main foundations of local government in Siberia]. Napechatano po Vysochayshemu povelению. SPb., 1841. 138 p. [in Russian]
- [Petukhova, 2021](#) – Petukhova, Z.I. (2021). Yakutskaya Stepnaya Duma [Yakut Steppe Duma]: monografiya. Yakutsk. 198 p. [in Russian]
- [Plotskaya et al., 2025a](#) – Plotskaya, O.A., Melentev, A.V., Ospanova, D.A., Zhirov, R.M. (2025). Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1428-1437.
- [Plotskaya et al., 2025b](#) – Plotskaya, O.A., Botoeva, Ch.K., Grudin, N.S., Shiryov, D.A. (2025). The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries. *Bylye Gody*. 20(2): 632-640.
- [Plotskaya et al., 2025a](#) – Plotskaya, O.A., Melentev, A.V., Ospanova, D.A., Zhirov, R.M. (2025). Legal Custom in the Activities of Volost Courts of the Moscow Province when Considering Land Disputes in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1428-1437.
- [PSZRI](#) – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- [Ruk. fond Khakasskogo NIIYaLI](#) – Rukopisnyy fond Khakasskogo NIIYaLI. Arkhivnyye materialy Stepnoy Dumy 1824 –1856 god [Manuscript collection of the Khakass Research Institute of Yali (SRIYALI). Archival materials of the Steppe Duma, 1824–1856]. [in Russian]
- [Ryazanovskiy, 1922](#) – Ryazanovskiy, V.A. (1922). Obychnoye pravo buryat [Customary law of the Buryats]. Chita. 120 p. [in Russian]
- [Samoupravleniye u sibirskikh..., 1878](#) – Samoupravleniye u sibirskikh inorodtsev [Self-government among Siberian natives]. *Sibir'*. 1878. 9: 1. [in Russian]
- [Serebrennikov, 1913](#) – Serebrennikov, I.I. (1913). Inorodtsy Vostochnoy Sibiri ikh sostav i zanyatiya (statisticheskiy ocherk) [The Natives of Eastern Siberia: Their Composition and Occupations (Statistical Essay)]. Irkutsk. 48 p. [in Russian]
- [Sherstova, 2005](#) – Sherstova, L.I. (2005). Tyurki i russkiye v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskiye protsessy i etnokulturnaya dinamika XVII – nachala XX veka [Turks and Russians in Southern Siberia: ethno-political processes and ethnocultural dynamics of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN. 311 p. [in Russian]
- [Sibir', 1878](#) – *Gazeta «Sibir'»*. 1878. [in Russian]
- [Sibirskii vestnik, 1884](#) – *Gazeta «Sibirskii vestnik»*. 1884. [in Russian]
- [Statisticheskoe obozreniye ..., 1841](#) – Statisticheskoe obozreniye kochevykh plemen Vostochnoy Sibiri, na koikh prostiraetsya dejstvie Svoda stepnykh zakonov [Statistical Survey of the Nomadic Tribes of Eastern Siberia, Subject to the Code of Steppe Laws]. SPb., 1841. 27 p. [in Russian]
- [SZRI](#) – Sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii [Collection of Laws of the Russian Empire].
- [Tumurova, 2008](#) – Tumurova, A.T. (2008) Obychnoye pravo buryat sudebnaya sistema buryat v XIX veke [Buryat customary law and the Buryat judicial system in the 19th century]. *Rossiyskoye pravosudiye*. 3(23): 93-99. [in Russian]
- [Vysochayshe uchrezhdennaya..., 1898](#) – Vysochayshe uchrezhdennaya pod predsedatelstvom stats-sekretarya Kulomzina komissiya dlya issledovaniya zemledeliya i zemlepolzovaniya v Zabaykalskoy oblasti [The Supreme Commission established under the chairmanship of State Secretary Kulomzin to study agriculture and land use in the Transbaikalian region]. Materialy. Vyp.5. Istoricheskiye svedeniya. Sost. A. Shcherbachev. SPb., 1898. 325 p. [in Russian]
- [Yadrintsev, 1861](#) – Yadrintsev, N.M. (1861). Sibirskie inorodtsy ikh byt i sovremennoye polozheniye [Siberian aliens, their way of life and current situation]. SPb. 308 p. [in Russian]
- [Yadrintsev, 2000](#) – Yadrintsev, N.M. (2000). Sibir kak koloniya: sovremennoye polozheniye Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloye i budushcheye [Siberia as a Colony: Siberia's Current Situation. Its Needs and Requirements. Its past and future]. Pod. red. S.G. Parkhimovicha. Tyumen. 480 p. [in Russian]
- [Yakushkin, 1908](#) – Yakushkin, E.I. (1908). Obychnoye pravo: materialy dlya bibliografii obychnogo prava [Customary Law: Contributions to a Bibliography of Customary Law]. Yaroslavl, Vyp. 3. 546 p. [in Russian]

Yarilov, 1899 – Yarilov, A.A. (1899). Byloye i nastoyashcheye sibirskikh inorodtsev [The past and present of Siberian aliens]. Yuryev. 366 p. [in Russian]

Zakony Speranskogo..., 1884 – Zakony Speranskogo ob inorodtsakh i ikh primeneniye teper [Speransky's laws on foreigners and their application now]. *Sibirskiy vestnik*. 1884. 64: 2-3. [in Russian]

Система органов управления у кочевых народов Восточной Сибири по реформе М.М. Сперанского

Валентина Владимировна Наумкина ^a, Татьяна Викторовна Воротилина ^{b, *},
Кирилл Андреевич Долгополов ^c, Александр Сергеевич Ивлюшкин ^d

^a Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

^d Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Отсутствие чёткой организации управления на территории Сибири и наличие разных укладов жизни тормозило использование потенциала территории для решения общегосударственных задач. Использование комплексного подхода при проведении преобразований позволило учесть разные аспекты специфики Сибири. Система управления кочевых народов Восточной Сибири, созданная в результате реформы М.М. Сперанского, действовала вплоть до советского периода. На территории Сибири существовало две системы управления: для территории, на которой проживали переселенцы, и для кочевых народов. В результате реформы была выстроена система взаимодействия губернских и окружных органов управления с системой инородческого управления.

Система управления кочевых народов включала либо три, либо два уровня власти. В основу была положена родовая организация управления и существующие обычаи. Определены пределы самостоятельности, система отчётности и контроля. Данная система упорядочила учёт данных, систему налогообложения.

Концепция реформы М.М. Сперанского была задумана с позиции системного подхода к организации управления на территории Российской империи. Реформа стала сочетанием элементов родовой системы управления, централизации и общероссийских подходов к организации и функционированию органов власти.

Рассматриваются уровни инородного управления и функции инородных органов. При проведении исследования были использованы официальные данные, архивные материалы и решения инородных органов.

Ключевые слова: реформа М.М. Сперанского, кочевые народы, Степные думы, Инородная управа, Родовое управление, улус, Восточная Сибирь, обычное право, обычай, инородцы.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: naumkinav@mail.ru (В.В. Наумкина), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), nadal06@mail.ru (К.А. Долгополов), a.s.ivlyushkin@mail.ru (А.С. Ивлюшкин)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 162-170
DOI: 10.13187/bg.2026.1.162

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Krasnoyarsk City Orphans' Court from 1823 to 1850: Historical Aspects of Organization and Activities

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Anna S. Zhulaeva ^a, Galina M. Lushchayeva ^a, Natalia V. Pakhomova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article examines the Krasnoyarsk City Orphans' Court. We examine the period from 1823 to 1850. The court was part of the city government and performed judicial functions. The court established guardianship over minor orphans and their property. It also established guardianship over the property of others who lacked the capacity to independently manage their property, money, and other capital. The Orphans' Court served these needs for those in need, who came from the merchant and townspeople classes. The Krasnoyarsk city community in the first half of the 19th century consisted exclusively of townspeople and merchants. The Krasnoyarsk Orphans' Court began its work relatively late – only in 1823. This occurred after Krasnoyarsk became the capital of the Yenisei Governorate. Archival documents show that the establishment and oversight of guardianship were important for society and the economy. All stages of this process were carefully recorded. The records of the Krasnoyarsk City Orphans' Court contain registers of papers. They demonstrate that the court actively interacted with other institutions. Minutes of court hearings also describe the issues discussed. Guardians submitted annual reports to the court. These reports discussed property management and the upbringing of children. There are also inventories of property under guardianship. These documents provide an insight into the economic situation in this Siberian city in the first half of the 19th century. It has been established that from 1823 to 1850s, guardians were most often respected individuals from merchant and bourgeois families. Famous guardians included Ivan Tokarev, Girsh Kaminer, and Alexander Larionov.

Keywords: Orphans' Court, guardianship, city society, bourgeoisie, merchants, city government, mayor, Krasnoyarsk, Yenisei Governorate, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Исследование истории сиротских судов – учреждений, заведовавших опекунами и сиротскими делами лиц городских сословий – необходимое условие для понимания эволюции социальной сферы жизни общества. Создание и функционирование сиротских судов в Российской империи было обусловлено практической потребностью в регулировании семейных и частных имущественных вопросов среди городского населения (опекой несовершеннолетних крестьян занималось крестьянское общество, а потомственных дворян – «Дворянская опека»). Как составная часть системы городского управления дореволюционной России, сиротские суды были учреждены «Жалованной грамотой городам» Екатерины II (1785 г.), затем подтверждены городовым положением Александра I (1806 г.), организовывались при Городовых магистратах, после введения судебных уставов (1864 г.) – при окружных судах, просуществовали до 1917 г. ([Большая советская..., 1976: 461](#)). Включенные в систему власти на уровне города, они позволяли «городской общине» реализовывать установленную государством обязанность по опеке над сиротами и вдовами из городских сословий (согласно Своду законов Российской империи, изданному в 1892 г. к ним

* Corresponding author

E-mail addresses: me@karchaeva.ru (T.G. Karchaeva)

относились уже купцы, мещане, цеховые ремесленники, личные дворяне и разночинцы), а также вести дела по опеке над их имуществом ([Энциклопедический словарь, 1893: 81-82](#)). При этом система управления в Сибири в период Российской империи имела существенные отличия от общероссийской практики, что относилось и к городским судебным сословным учреждениям.

Цель настоящей статьи – анализ исторических аспектов организации и деятельности Красноярского городского сиротского суда в 1823–1850-е гг. Хронологические рамки исследования объяснены особой значимостью переходного и начального этапов функционирования органов городского управления в административном центре учрежденной Енисейской губернии в дореволюционный период. Территориальные рамки охватывают город Красноярск Енисейской губернии в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

2. Материалы и методы

Исторические аспекты организации и деятельности Красноярского городского сиротского суда в 1823–1850-е гг. исследуются, преимущественно, на основе документации учреждения, сохранившейся в фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК, Красноярск, Российская Федерация): «Красноярский городской сиротский суд» (Ф. 46), «Красноярский городской магистрат» (Ф. 47), «Енисейское губернское по городским делам присутствие» (Ф. 628), «Коллекция Г.В. Юдина (1840–1912), сибирского купца и промышленника» (Ф. 796).

Особый интерес представляют управленческие документы сиротского суда и других городских, а также губернских органов власти: журналы заседаний, прихода-расходные ведомости по опеке, входящие журналы («регистры»), журналы ежегодных отчетов опекунов, справки по запросам суда, описи имущества подопечных, заявления опекунов, служебная переписка по вопросам деятельности суда. В них содержится информация об организации и функционировании суда в исследуемый период.

Наиболее ценными, на наш взгляд, являются сохранившиеся ежегодные отчеты опекунов со сведениями о воспитании опекаемых и их имуществе. Названные архивные документы иллюстрируют материальное положение купцов и мещан в Сибири, наличие и степень развитости деловых отношений между представителями названных сословных групп, также позволяют оценить уровень социальной ответственности российского и сибирского обществ в первой половине XIX в. Упоминание в документах по опеке конкретных имен купцов и мещан Красноярска обогащает общую историю города, Сибири и России в целом.

Следующим видом источников, использованных при описании теоретических вопросов в функционировании сиротских судов в России и Сибири, были исторические материалы из Большой советской энциклопедии – статья «Сиротский суд» (М., 1976. Т. 23), Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона – статьи «Городовые магистраты», «Опека», «Попечительство», «Сиротский суд», «Ратуша» ([СПб., 1893. Т. 9; 1897. Т. 22; 1898, Т. 24 А; 1900. Т. 30](#)).

Законодательные материалы, а именно «Учреждение для управления Сибирских губерний» (1822) и «Законы о состояниях» (1876) уточнили практические моменты и историю реализации реформ городских и судебных учреждений в Сибири и Енисейской губернии, в частности.

Методология исследования базируется на общенаучных и конкретно-исторических методах. Применение таких методов, как анализ, синтез, индукция и дедукция, позволило структурировать эмпирический материал, выявлять закономерности и сформулировать выводы. Ключевыми в работе явились проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы, с помощью которых была показана эволюция городских судебных учреждений в Сибири и Енисейской губернии, в частности, рассмотрены конкретные исторические примеры, рассказывающие о функционировании сиротского суда в губернском городе Красноярске в 1823–1850-е гг.

3. Обсуждение

Социальное обеспечение уязвимых слоев населения является предметом пристального внимания в современных исторических исследованиях. В контексте изучения истории судопроизводства и опеки в дореволюционной России значительные достижения отмечены на междисциплинарном уровне, в рамках как юридической, так и исторической науки.

Общие организационные аспекты деятельности сиротских судов в структуре судопроизводства и городского самоуправления изложены в статьях и монографиях А.В. Думенко, Ю.А. Коротковой, В.А. Воропанова, Н.В. Паршиной и др. ([Думенко, 2012; Короткова, 2014; Короткова, 2013; Воропанов, 2016; Паршина, 2024; Балдин и др., 2020](#)).

История сиротских судов на примере отдельных территорий Российской империи является тематикой многочисленных научных работ последних лет, что свидетельствует об устойчивом интересе к проблемам эволюции социальной работы государственных и общественных институтов ([Васильева, 2025; Абрамовский, 2021; Абрамовский, 2019; Балдин и др., 2019; Киприянова, 2010](#)).

В данном направлении стоит рассказать об имеющихся работах по истории сиротских судов в Сибири, на территории которой имелись особенности в социальной структуре населения, системе государственного и общественного управления, что влекло за собой отличия в деятельности

городских обществ по обеспечению ими социальных функций в отношении нуждавшихся в опеке и попечительстве. Необходимо подчеркнуть, что работы по сибирской проблематике немногочисленны. Тем не менее, они содержат ценную информацию об отдельных аспектах деятельности сиротских судов в Тобольской губернии (Западная Сибирь) и общей эволюции судебной системы, а также роли городского самоуправления в Восточной Сибири – преимущественно, на примере Иркутской губернии (Тимофеева, 2021; Щербич и др., 2021; Авдеева, 1999; Дамешек, Плотникова, 2015).

Таким образом, проведенный историографический обзор выявляет актуальность исследования истории сиротских судов в Енисейской губернии, в частности, на примере Красноярского городского сиротского суда в период 1823–1850-х гг.

4. Результаты

4.1. Организация деятельности Красноярского городского сиротского суда

Стремление к урегулированию социально-экономических отношений правовым путем было характерной чертой развития сибирского общества в первой половине XIX в. Ключевое значение в данном процессе имело внедрение судебной системы в городское управление, поскольку подобные институты отсутствовали ранее в большинстве городов Восточной Сибири – лишь города Иркутск (1787) и Енисейск (1789) обладали Городскими думами и судами, соответствующими модели, предложенной Екатериной II, на прочие города распространялось упрощенное общественное управление (Плотникова, 2018: 85-94; Авдеева, 1999: 120).

Подготовленное великим российским реформатором М. М. Сперанским «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г., расширило полномочия органов городской власти, наделив их помимо хозяйственных функций, также административными, полицейскими и судебными (ПСЗ РИ, 1822: 356). Отметим, что для городов Сибири второй четверти XIX в. были свойственны следующие особенности: городские суды не назывались магистратами; вместо общепринятых наименований судебных должностей «бургомистр» и «ратман» использовались «городской судья» и «заседатель» (Энциклопедический словарь..., 1893: 316).

Создание Енисейской губернии 12 декабря 1822 г. существенно повысило значимость Красноярска, сделав его «перворазрядным» городом и административным центром губернии. Это событие привело к формированию развитой структуры городского управления, дополненной специализированными сословными судами (ПСЗ РИ, 1822: 356). И в январе 1823 г. начал функционировать Красноярский городской сиротский суд (Авдеева, 1999: 122). Названное учреждение занималось вопросами защиты прав и интересов несовершеннолетних сирот и прочих недееспособных лиц из городских сословий, назначая опеку для управления их имуществом, контролируя проводимые изъятия имений (в связи с государственными взысканиями), проверяя ежегодные отчеты опекунов и пр. (Энциклопедический словарь..., 1900: 81-82).

Опека в русском праве XIX в. имела две формы: опека и попечительство. Опека устанавливалась над имуществом и личностью, забота у которых входила в обязанность опекуна (в основном, малолетние сироты до 17 лет, умалишенные); если у человека не было имущества, опеку не учреждали (Энциклопедический словарь..., 1897: 5). Попечительство касалось только охраны имущества сироты до достижения им 21-летнего возраста или вдовы (по ее желанию), а выбор попечителя осуществлялся с согласия нуждавшихся в попечительстве (Энциклопедический словарь..., 1898: 549).

Заметим, что наряду с сиротским судом в Красноярске был учрежден Городовой словесный (торговый) суд, решавший коммерческие конфликты, в основном, среди купеческого сословия и торгово-промышленных компаний (с письменной фиксацией лишь итогового определения) (Авдеева, 1999: 121). Эти два суда фактически функционировали самостоятельно и независимо, дополняя деятельность Красноярского городского суда, ответственного за рассмотрение гражданских и уголовных дел (ПСЗ РИ, 1822: 357; ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–3; ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 59. Л. 75).

Финансирование Красноярского городского сиротского суда осуществлялось из городской казны, размеры необходимых для этого денежных сумм определялись решением городской думы, что было прописано в «Учреждении для управления Сибирских губерний» (ПСЗ РИ, 1822: 357).

Участниками заседаний сиротского суда выступали следующие должностные лица: городской голова, городской староста, два члена Красноярского городского суда (судья и заседатель), а также письмоводитель, который был единственным из состава, кому выплачивалось жалование (Авдеева, 1999: 122; ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 136). Согласно ст. 181 «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г., городской голова и другие члены городского суда определялись по выбору городским обществом (на трехлетие) и затем в обязательном порядке утверждались гражданским губернатором (ПСЗ РИ, 1822: 361). При этом в ст. 601 в «Законах о состояниях» трактовалось следующее правило: «должности замещались преимущественно из лиц, живущих на месте, кои бывают неотлучны по торгу и промыслу» (СЗ РИ, 1876: 131; ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 11. Л. 80б.).

Сиротские суды в основном занимались документальным оформлением мещанской и купеческой опеки. Инициаторами судебных дел могли выступать члены семьи, общественность,

органы власти или церковь. По каждому случаю формировалось судебное дело. В него включались документы, фиксирующие весь процесс – от установления до снятия опеки. В состав дел входили такие официальные документы, как служебная переписка с другими инстанциями, описи и оценочные ведомости имущества, отчеты опекунов, их заявления и пр. (Щербич и др., 2021: 65-72).

В рассмотренных примерах деятельности Красноярского городского сиротского суда в 1823–1830-е гг. выносимое им судебное решение называлось «постановлением», оно содержало «резолюцию», которые вступали в законную силу после утверждения в Губернской администрации – в Енисейском губернском правлении (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 54. Л. 7 об.–8). Опекуну из сиротского суда выдавались «предписания», обязательные для исполнения (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 54. Л. 7 об.–8). В случае несогласия одной из сторон с постановлением дело передавалось на повторное рассмотрение в Красноярский окружной суд – судебный орган окружного уровня власти, подотчетный Енисейскому губернскому суду, решение которого в данном случае было окончательным (Гергилев, 2018: 43-44).

Заседания городских сословных судов в первой четверти XIX в. носили закрытый характер, участники рассматриваемых дел на них не присутствовали, в письменном виде по унифицированной форме фиксировались только основные сведения – дата и время, должности и имена присутствующих председателя и членов суда, содержание рассматриваемых проблем (в одно заседание могли быть рассмотрены два и более вопросов), вынесенное решение (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 4). Принятая на то время реформой Александра I унификация протоколов облегчала работу с документами, однако качество их ведения зависело от профессионализма судебных чиновников.

Важно заметить, что городские сословные суды были ориентированы на членов городского общества (городских обывателей) – в Красноярске в делопроизводственных документах Енисейского губернского правления и Красноярской городской думы оно называлось «Красноярское купеческое и мещанское Общество», и казенные и общественные службы ложились на плечи «лучшей» части горожан – именитых купцов и мещан (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 262. Л. 4; Д. 2172. Л. 45). Это объяснялось отсутствием в Сибири дворянства и малочисленности административного аппарата.

Вообще, согласно ст. 595–596 «Законов о состояниях» в собраниях городского общества имели право находиться: дворяне, записанные в том городе в гильдию; почетные граждане, которым было даровано право участвовать в выборах по недвижимой в городе собственности и быть избираемыми в городские общественные должности не ниже тех, в которые поступают купцы первой гильдии; «наличные» купцы, мещане и цеховые, внесенные в установленным порядком в городскую обывательскую книгу того города; иногородние купцы, если они имеют в том городе недвижимую собственность и постоянное жительство (СЗ РИ, 1876: 129). Сословный принцип назначения на должности, замещаемые по выборам некоторых сословий городского общества, был отменен после введения Городового положения 1870 г.

Кроме представителей мещанского и купеческого сословий значительную долю жителей города составляли приехавшие в Красноярск крестьяне, которые включались в городское общество после очередной переписи, а также бывшие ссыльные, становившиеся горожанами после заключения брака с красноярками или приобретя домовладение (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 279. Л. 6). Красноярск до второй половины XIX в. представлял собой «рассеянный город», характеризовавшийся многоукладностью экономики, невысоким уровнем развития городской жизни и наличием сельской периферии, интегрированной в городскую черту в качестве источника аграрного сырья, рынка сбыта, производственной базы и пункта обслуживания транспортных путей (Быконя, 2019: 7-9).

Необходимо заметить, что «Высочайше утвержденными Временными правилами о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» от 25 февраля 1885 г. упраздняли судебные сословные установления в Красноярске, Иркутске, Енисейске и Ачинске были переданы в местные окружные суды; в Нерчинске, Верхнеудинске и Троицкосавске они поступали в Забайкальский окружной суд (ПСЗ РИ, 1885: 81). В то же время, сиротские суды продолжали свою деятельность до революционных событий 1917 г, что подтверждается архивными данными (ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2).

4.2. Деятельность Красноярского городского сиротского суда в 1823–1850-е гг.

Анализ источников, таких как журналы заседаний, приходно-расходные ведомости и регистры входящих документов суда, дает возможность комплексно исследовать специфику социально-экономических отношений городского общества, характерную для «многолюдных» городов Сибири того времени.

«Регистр Городского Сиротского Суда получаемых из разных мест Указов на 1823 г.» свидетельствует об иерархии городских и губернских учреждений в переходный период его организации и деятельности (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

Во-первых, в Красноярске до образования Енисейского губернии дела «по Опекам» разрешались в городской Ратуше и, например, в 1822 г. «предложения» по их разрешению поступали из Томского приказа общественного призрения, а официальные «подтверждения» решений Ратуши для их последующего исполнения приходили, как указано в источнике, из «Томского Правительства», а именно из Томского гражданского и уголовного суда (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

Во-вторых, Красноярским городским Сиротским судом прежние предписания «Томского Правительства» должны были исполняться и исполнялись безотлагательно (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

В-третьих, согласно указу Енисейского губернского правления от 20 января 1823 г. (№ 221) «ведомости и счетные выписки о денежных суммах по Опекѣ» предоставлялись судом ежемесячно для отчетности в Енисейскую казенную палату, которая в отношении него выступала органом контроля финансовых вопросов (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

«Генеральный Регистр Красноярского Городского Сиротского Суда поступаемых всякого Звания документов вообще за 1823 г.» свидетельствует о значимости и многогранности дел, которыми занимался данный городской орган. Эти дела, зачастую имевшие судьбоносный характер, касались в первую очередь осиротевших детей и их опекунов.

Роль опекунов также была непростой: общество и право того времени требовали, чтобы они обеспечивали детям «достаточное призрение, соответствующее прежнему их положению, и нравственное образование» (Авдеева, 1999: 122). Процедура передачи имущества опекунам была официальной, включала его «опись с оценкой, при бытности заседателя суда и двух посторонних свидетелей» (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 54. Л. 7 об.; ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 59. Л. 1). Ежегодные отчеты опекунов были обязательны и касались как воспитания детей, так и сохранности имущества и происходивших в нём изменений в количестве и составе наследства (Щербич и др., 2021: 66).

Интересным примером может быть вопрос опеки над детьми и наследством сибирского художника и иконописца, красноярского мещанина Мартына Михайловича Хозяинова – годы жизни около 1770–1817 (Исаева, Куклинский, 2018: 337).

Из архивных документов следует, что уже в январе 1823 г. в суд поступили «рапорты» купца Власьевского (возможна неточность фамилии) и мещанина Воротникова, назначенных опекунами в отношении малолетних двух сыновей скончавшегося Мартына Хозяинова (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 80). Ежегодный отчет за прошлый 1822 г. «о приходе и расходе по Опекѣ денег» сообщал о состоявшейся с разрешения Правительствующего Сената продаже части имущества умершего отца (посуды, мебели, личных вещей, рабочих инструментов и пр.) и полученных за это денежных средствах в сумме 1355 рублей 91 копейки, которые направлялись на содержание детей (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 80). В свою очередь, в донесении опекунов о воспитании малолетних Ивана и Петра Хозяиновых содержались сведения о возникших проблемах со старшим из братьев – Иваном, который «порой будучи для усовершенствования живописному искусству начал вольничать, употреблять горячие напитки» (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 80). Сиротские суд, рассмотрев рапорты, не изменил условий опеки над сиротами Хозяиновыми и отправил постановления с резолюциями на утверждение в Енисейское губернское правление (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 80).

В 1823 г. в Красноярском городском сиротском суде находилось под контролем шесть дел относительно умерших мещан: Никиты Шорохова, Ивана Токарева, Гоши (имя предположительно) Насановича, Ивана Чабакова, Мартына Хозяинова и Алексея Попова; опекунами над малолетними сиротами и наследственным их имуществом были утверждены (в этом году или ранее) местные жители: мещане Григорий Калинин, Андрей Попов, Гирш Каминер, Александр Попов, купец Власьевский и мещанин Герасим Воротников (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 136об.–137). Важно отметить, что все они были порядочными людьми. Как известно, семейство Токаревых представляло собой яркий пример купеческих родов в Сибири. История их семьи была связана не только с развитием торговли и промышленности, но и с городским общественным управлением, меценатством и благотворительностью. В свою очередь, красноярский мещанин Гирш Каминер – основоположник крупной еврейской династии, его потомки были гильдейскими купцами в городах Томске, Мариинске, Канске.

Анализ судебных дел Красноярского городского сиротского суда за 1823–1850-е гг. демонстрирует наличие унифицированной системы ведения документации.

В качестве первого примера рассмотрим протоколирование заседания («рассуждения») Красноярского городского Сиротского суда, которое состоялось 14 марта 1823 г., в среду, «в 10-м часу по полуночи». На нем присутствовали все члены суда, называвшиеся в документе «Господ Городского суда»: Городской голова Иван Гаврилов, судья Яков Кондиев, заседатель Григорий Худоногов и Городовой староста Михаил Воронов (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 136). В повестку дня были включены два ключевых вопроса: рапорт мещанина Александра Попова, назначенного опекуном несовершеннолетнего Павлина Попова; повторное обсуждение процедуры утверждения постановлений суда уже не в Томске, а в Енисейском губернском правлении (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 136–137).

Содержание рапорта опекуна А. Попова свидетельствует о наличии случаев проявления некоторого самоволия опекунов в имущественных делах опекаемых, которые судом пресекались в интересах малолетних наследников. Так, согласно резолюции Сиротского суда от 15 февраля 1823 г., опекуну предписывалось доносить о любых операциях с денежным капиталом и долговыми документами малолетнего П. Попова. Однако эти средства были переданы на хранение товарищу опекуна, Стапану Защихину, который уже долгое время находился в Иркутске. Сиротский суд принял

решение приобщить рапорт к материалам дела об опеке малолетнего Павлина Попова. Несмотря на заверения опекуна и его товарища о скором возвращении последнего из Иркутска и незнании его о постановлении суда, потребовать незамедлительного его возвращения в Красноярск, о чем было необходимо уведомить Иркутское полицейское управление (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 52. Л. 136–137).

Вопросы, разрешаемые сиротским судом, зачастую, разбирались длительное время и могли иметь «продолжение» после наступления совершеннолетия опекаемых. Иллюстрирующим данное обстоятельство примером может служить «Дело об учреждении опеки над детьми и имуществом умершего купца И. И. Новикова», начатое в февраля 1824 г. и оконченное в сентябре 1838 г. (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 54. Л. 1). В приложенных к делу материалах присутствует информация о спорности Постановления Сиротского Суда об определении опекунами над детьми и их движимым имуществом и недвижимым имением, и денежным капиталом сразу нескольких лиц – здешних мещан Ивана Петровича Ростовцева и Харлама Васильевича Старцева (ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 54. Л. 7–70б.).

В коллекции архивных дел из личного фонда знаменитого библиофила и купца Г.В. Юдина хранится указ Красноярского городского сиротского суда. Уже в конце XIX в. названный документ представлял библиографическую ценность, поскольку в нем содержались сведения о том, что почетной и ответственной обязанностью быть опекуном был удостоен представитель известной в Сибири купеческой династии Ларионовых. В 1852–1857 гг. брат купца третьей гильдии Александр Ларионов и другой красноярский купец Александр Ильин опекали имущество умершего купца и золотопромышленника Михаила Коростелева (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4454. Л. 1–10б.). Их родословные уходили корнями в историю Сибири XVIII в. В отчетах о капиталах и имениях умершего купца сообщалось о доходах, получаемых со сдачи в аренду заимки, с продажи зерна и муки, домашнего скота, а также об ожидаемых и неожиданных убытках, которые опекуны не смогли предотвратить – например, падеж лошади, трех коров и двух овец от старости (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4454. Л. 1–4).

Рассмотренные документы и дела Красноярского городского сиротского суда позволили подтвердить распространившуюся уже в первой половине XIX в. преемственность в осуществлении и передаче значимой социальной роли купеческих и мещанских династий. Участие известных в городской среде лиц в качестве опекунов подчеркивало их репутацию и доверие, оказываемое им со стороны общества.

5. Заключение

Анализ функционирования сиротских судов в сибирском городском обществе мещан и купцов первой половины XIX в. выявляет ряд ключевых особенностей, определяющих их значимость как институтов социальной защиты и правового регулирования. Так, сиротские суды, будучи по своей сути общественными учреждениями, опирались на активное участие представителей городских сословий. Несмотря на наличие общих норм, реальное функционирование сиротских судов зависело от конкретных обстоятельств, личности опекунов, сложности имущественных дел и уровня правосознания участников процесса. Деятельность сиротских судов была тесно связана с особенностями сословной структуры сибирского общества. Купцы, как наиболее обеспеченная часть населения, имели больше ресурсов для поддержания своих семей и, соответственно, сиротские дела могли касаться более значительных капиталов. Сиротские суды выполняли не только традиционные для опеки и попечительства функции (назначение опекунов, контроль их деятельности, управление имуществом), но и играли роль в сохранении семейных и корпоративных связей. Их деятельность была направлена на обеспечение стабильности имущественного положения как самих сирот, так и их семей, что было критически важно для купеческого и мещанского сословий, где акцент делался на преемственности капиталов и общественных традиций.

Литература

Абрамовский, 2019 – Абрамовский А.А. Челябинский магистрат - основной институт городского правосудия в XVIII–XIX веке // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*. 2019. Т. 4. № 1. С. 7–10.

Абрамовский, 2021 – Абрамовский А.А. Судебная система Челябинска в XVIII – середине XIX веков // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2021. Т. 21. № 1. С. 6–13.

Авдеева, 1999 – Авдеева О.А. Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. 208 с.

Балдин и др., 2019 – Балдин К.Е., Кузнецова О.А., Столяров Д.А. Деятельность Владимирского сиротского суда по опеке несовершеннолетних (2-я пол. XIX в.) // *История государства и права*. 2019. № 5. С. 52–58.

Балдин и др., 2020 – Балдин К.Е., Кузнецова О.А., Столяров Д.А. Семейное и наследственное право в жизни купеческого сословия XIX в. (на примере предпринимателей владимирской губернии) // *Наследственное право*. 2020. № 3. С. 3–7.

- [Большая советская..., 1976](#) – Большая советская энциклопедия (в 30 томах) / гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 23. Сафлор – Соян. М., 1976. 640 с.
- [Быконя, 2019](#) – *Быконя Г.Ф.* Избранные труды. Т. 7: Красноярск в первой половине XIX в. Документы и материалы. Красноярск, 2019. 440 с.
- [Васильева, 2025](#) – *Васильева Н.Д.* Организация опеки над имуществом и малолетними детьми в купеческой среде Пскова конца XIX – начала XX вв. // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 12 (140). С. 158-165.
- [Воропанов, 2016](#) – *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в.: (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М.: Юрлитинформ, 2016. 451 с.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.
- [Гергилев, 2018](#) – *Гергилев Д.Н.* Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 2 (100). С. 41-45.
- [Дамешек, Плотникова, 2015](#) – *Дамешек Л.М., Плотникова М.М.* Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 394. С. 114-120.
- [Думенко, 2012](#) – *Думенко О.Е.* Документы сиротских судов в справочниках региональных государственных архивов // *Отечественные архивы*. 2012. № 3. С. 30-34.
- [Исаева, Куклинский, 2018](#) – *Исаева Н.Н., Куклинский И.В.* Социальный статус художника: новые данные о Красноярском живописце Мартыне Хозяинове // *Манускрипт*. 2018. № 11 (97). Ч. 2. С. 336-340.
- [Кириянова, 2010](#) – *Кириянова Н.В.* Деятельность сиротского суда г. Владимира в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки*. 2010. № 1. С. 32-41.
- [Короткова, 2013](#) – *Короткова Ю.А.* Особенности функционирования системы провинциальных судебных органов первой инстанции в начале XIX в. в Российской империи // *Вестник Владимирского юридического института*. 2013. № 3 (28). С. 153-156.
- [Короткова, 2014](#) – *Короткова Ю.А.* Социальная деятельность судебных учреждений России в 18 веке (сиротские суды Владимирской губернии) // *Пробелы в российском законодательстве*. 2014. № 3. С. 59-62.
- [Паршина, 2024](#) – *Паршина Н. В.* Екатеринодарский городской сиротский суд: предпосылки образования и правоприменительная практика по установлению опеки и попечительства над несовершеннолетними (конец XIX – начало XX в.) // *Государство и право*. 2024. № 8. С. 190-200.
- [Плотникова, 2018](#) – *Плотникова М.М.* Развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13. № 4. С. 85-94.
- [ПСЗ РИ, 1822](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 38. 1822. Ч. 1. № 29125. Ст. 106, 119, 122.
- [ПСЗ РИ, 1885](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 5. 1885. Ч. 1. № 2770. Ст. 1. С. 81.
- [СЗ РИ, 1876](#) – Свод законов Российской империи. Том 9: Законы о состояниях. СПб.: Типография 2-го отделения собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. 396 с.
- [Тимофеева, 2021](#) – *Тимофеева О.А.* Порядок оформления опеки в сиротских судах Тобольской губернии (по документам Государственного архива Тюменской области) // *Архивы Урала*. 2021. № 25. С. 362-367.
- [Щербич и др., 2021](#) – *Щербич С. Н., Тимофеева О. А., Карпова Э. Р.* Делопроизводство в сиротских судах Тобольской губернии // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. №73. С. 65-75.
- [Энциклопедический словарь..., 1893](#) – Энциклопедический словарь: в 82 томах. Т. 9 / издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1893. 474 с.
- [Энциклопедический словарь..., 1897](#) – Энциклопедический словарь: в 82 томах. Т. 22 / издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1897. 480 с.
- [Энциклопедический словарь..., 1898](#) – Энциклопедический словарь: в 82 томах. Т. 24 А / издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1898. 958 с.
- [Энциклопедический словарь..., 1900](#) – Энциклопедический словарь: в 82 т. Т. 30 / издатель: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1900. 480 с.
- [Nesterenko et al., 2024](#) – *Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Izluchenko T.V., Khait N.L.* Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 613-622.

References

- [Abramovsky, 2019](#) – *Abramovsky, A.A.* (2019). Chelyabinskii magistrat – osnovnoi institut gorodskogo pravosudiya v XVIII–XIX veke [The Chelyabinsk magistrate – the main institution of urban

- justice in the 18th-19th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 4(1): 7-10. [in Russian]
- [Abramovsky, 2021](#) – Abramovsky, A.A. (2021). Sudebnaya sistema Chelyabska v XVIII – seredine XIX vekov [The judicial system of Chelyabinsk in the 18th - mid-19th centuries]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 21(1): 6-13. [in Russian]
- [Avdeeva, 1999](#) – Avdeeva, O.A. (1999). Sudebnaya sistema Vostochnoi Sibiri v XVII – pervoi polovine XIX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie) [The judicial system of Eastern Siberia in the 17th – first half of the 19th centuries (historical and legal research)]. Irkutsk. 208 p. [in Russian]
- [Baldin i dr., 2019](#) – Baldin, K.E., Kuznetsova, O.A., Stolyarov, D.A. (2019) Deyatel'nost' Vladimirskogo sirotskogo suda po opeke nesovershennoletnikh (2-ya pol. XIX v.) [Activity of the Vladimir Orphan Court for the guardianship of minors (2nd half of the 19th century)]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 5: 52-58. [in Russian]
- [Baldin i dr., 2020](#) – Baldin, K.E., Kuznetsova, O.A., Stolyarov, D.A. (2020). Semeinoe i nasledstvennoe pravo v zhizni kupecheskogo sosloviya XIX v. (na primere predprinimatelei vladimirskoi gubernii) [Family and inheritance law in the life of the merchant class of the 19th century (on the example of entrepreneurs of the Vladimir province)]. *Nasledstvennoe pravo*. 3: 3-7. [in Russian]
- [Bol'shaya sovetskaya..., 1976](#) – Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 30 tomakh [The great soviet encyclopedia (in 30 volumes)]. 23: Safflower – Soyam. 1976. 640 p. [in Russian]
- [Bykonya, 2019](#) – Bykonya, G.F. (2019). Izbrannye trudy. Tom 7: Krasnoyarsk v pervoi polovine XIX v. Dokumenty i materialy [Selected Works. Vol. 7: Krasnoyarsk in the first half of the 19th century. Documents and materials]. Krasnoyarsk. 440 p. [in Russian]
- [Dameshek, Plotnikova, 2015](#) – Dameshek, L.M., Plotnikova, M.M. (2015). Modeli gorodskogo samoupravleniya v Vostochnoi Sibiri v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX v. [Models of urban self-government in Eastern Siberia at the end of the 18th - first quarter of the 19th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 394: 114-120. [in Russian]
- [Dumenko, 2012](#) – Dumenko, O.E. (2012). Dokumenty sirotskikh sudov v spravochnikakh regional'nykh gosudarstvennykh arkhivov [Documents of orphan courts in the handbooks of regional state archives]. *Otechestvennye arkhivy*. 3: 30-34. [in Russian]
- [Entsiklopedicheskii slovar'..., 1893](#) – Entsiklopedicheskii slovar': v 82 tomakh [Encyclopedic Dictionary: in 82 volumes]. T. 9. Izdatel' F. A. Brockhaus, I. A. Efron. St. Petersburg. 474 p. [in Russian]
- [Entsiklopedicheskii slovar'..., 1897](#) – Entsiklopedicheskii slovar': v 82 tomakh [Encyclopedic Dictionary: in 82 volumes]. T. 22. Izdatel' F. A. Brockhaus, I. A. Efron. St. Petersburg. 480 p. [in Russian]
- [Entsiklopedicheskii slovar'..., 1900](#) – Entsiklopedicheskii slovar': v 82 t. [Encyclopedic dictionary: in 82 volumes]. T. 30. Izdatel': F. A. Brockhaus, I. A. Efron. St. Petersburg. 480 p. [in Russian]
- [Entsiklopedicheskii slovar'..., 1898](#) – Entsiklopedicheskii slovar': v 82 tomakh [Encyclopedic Dictionary: in 82 volumes]. T. 24 A. Izdatel': F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 958 p. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk Krai].
- [Gergilev, 2018](#) – Gergilev, D.N. (2018). Istoricheskie osobennosti administrativnogo upravleniya vostochnoi Sibiri (s 1822 g. do serediny XIX v.) [Historical features of the administrative governance of Eastern Siberia (from 1822 to the mid-19th century)]. *Izvestiya Altai'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (100): 41-45. [in Russian]
- [Isaeva, Kuklinskii, 2018](#) – Isaeva, N.N., Kuklinskii, I.V. (2018). Sotsial'nyi status khudozhnika: novye dannye o Krasnoyarskom zhivopistse Martine Khozyainove [Social status of the artist: new data on the Krasnoyarsk painter Martyn Khozyainov]. *Manuskript*. 11(97): 336-340. [in Russian]
- [Kipriyanova, 2010](#) – Kipriyanova, N.V. (2010). Deyatel'nost' sirotskogo suda g. Vladimira v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [Activity of the orphan court of the city of Vladimir at the end of the 18th – first half of the 19th centuries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki*. 1: 32-41. [in Russian]
- [Korotkova, 2013](#) – Korotkova, Yu.A. (2013). Osobennosti funktsionirovaniya sistemy provintsial'nykh sudebnykh organov pervoi instantsii v nachale XIX v. v Rossiiskoi imperii [Features of the functioning of the system of provincial courts of first instance at the beginning of the 19th century in the Russian Empire]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 3(28): 153-156. [in Russian]
- [Korotkova, 2014](#) – Korotkova, Yu.A. (2014). Sotsial'naya deyatel'nost' sudebnykh uchrezhdenii Rossii v 18 veke (sirotskie sudy Vladimirskoi gubernii) [Social activity of judicial institutions of Russia in the 18th century (orphan courts of the Vladimir province)]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. 3: 59-62. [in Russian]
- [Nesterenko et al., 2024](#) – Nesterenko, D.N., Gergilev, D.N., Izluchenko, T.V., Khait, N.L. (2024). Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability. *Bylye Gody*. 19 (2): 613-622.
- [Parshina, 2024](#) – Parshina, N.V. (2024). Ekaterinodarskii gorodskoi sirotskii sud: predposylki obrazovaniya i pravoprimeritel'naya praktika po ustanovleniyu opeki i popechitel'stva nad nesovershennoletnimi (konets XIX – nachalo XX v.) [The Yekaterinodar city orphan court: preconditions for

its establishment and law enforcement practice for the establishment of guardianship and trusteeship over minors (late 19th – early 20th centuries)]. *Gosudarstvo i pravo*. 8: 190-200. [in Russian]

[Plotnikova, 2018](#) – *Plotnikova, M.M.* (2018). Razvitiye gorodskogo samoupravleniya v Vostochnoi Sibiri v pervoi polovine XIX veka [Development of urban self-government in Eastern Siberia in the first half of the 19th century]. *Gumanitarnyi vektor*. 13 (4): 85-94. [in Russian]

[PSZ RI, 1822](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. 38 (1). Nr 29125. Art. 106, 119, 122. [in Russian]

[PSZ RI, 1885](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3]. 5 (1). Nr 2770. Art. 1. [in Russian]

[Shcherbich et al., 2021](#) – *Shcherbich, S.N., Timofeeva, O.A., Karpova, E.R.* (2021). Deloproizvodstvo v sirotskikh sudakh Tobol'skoi gubernii [Record-keeping in the orphan courts of the Tobolsk province]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 73: 65-75. [in Russian]

[SZ RI, 1876](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Tom 9: Zakony o sostoyaniyakh [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 9: Laws on Estates]. St. Petersburg, 1876. 396 p. [in Russian]

[Timofeeva, 2021](#) – *Timofeeva, O.A.* (2021) Poryadok oformleniya opeki v sirotskikh sudakh Tobol'skoi gubernii (po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Tyumenskoi oblasti) [Procedure for registering guardianship in the orphan courts of the Tobolsk province (according to documents from the State Archive of the Tyumen Region)]. *Arkhivy Urala*. 25: 362-367. [in Russian]

[Vasil'eva, 2025](#) – *Vasil'eva, N.D.* (2025) Organizatsiya opeki nad imushchestvom i maloletnimi det'mi v kupecheskoi srede Pskova kontsa XIX – nachala XX vv. [Organization of guardianship over property and underage children in the merchant community of Pskov at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*. 12(140): 158-165. [in Russian]

[Voropanov, 2016](#) – *Voropanov, V.A.* (2016). Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XVIII v.: (na primere oblastei Povolzh'ya, Urala, Zapadnoi Sibiri i Kazakhstana) [Court and justice in the provinces of the Russian Empire in the second half of the 18th century: (on the example of the Volga, Ural, Western Siberia, and Kazakhstan regions)]. M. 451 p. [in Russian]

Красноярский городской сиротский суд в 1823–1850-е гг.: исторические аспекты организации и деятельности

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Анна Сергеевна Жулаева ^a, Галина Михайловна Луцаева ^a, Наталья Вениаминовна Пахомова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению организации и деятельности Красноярского городского сиротского суда в период с 1823 по 1850 гг. Рассматриваемое учреждение являлось частью городского самоуправления и выполняло судебные функции, занимаясь установлением и документальным оформлением опеки над несовершеннолетними сиротами и прочими нуждающимися в этом из числа купечества и мещанства, включая управление их имуществом, денежными средствами и хозяйственными делами. Специфические черты формирования и функционирования сиротского суда в Красноярске выражены в относительно поздней дате его учреждения – лишь в 1823 г., после присвоения городу статуса губернской столицы, а также ограниченности юрисдикции суда исключительно на представителей указанных городских сословий вплоть до середины XIX в. Архивные материалы свидетельствуют, что назначение и сопровождение сиротским судом опеки представляло социально и экономически значимый процесс, этапы которого подробно документировались. Дела Красноярского городского сиротского суда содержат реестры входящих документов, подтверждающих широкий круг сношений суда с другими учреждениями, протоколы судебных заседаний с описанием разбираемых вопросов, рапорты опекунов с отчетами по управлению имением и воспитанию сирот, оценочные ведомости опекаемого имущества, иллюстрирующие уровень экономической жизни в городе. При этом установлено, что опекунами в 1823–1850-е гг. преимущественно назначались уважаемые в мещанской и купеческой среде люди и члены их семей (среди наиболее известных – Иван Токарев, Гирш Каминер, Александр Ларионов).

Ключевые слова: сиротский суд, опека, городское общество, мещане, купцы, городское управление, городской голова, Красноярск, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: me@karchaeva.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 171-180
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.171

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the Experience of the Russian Empire in Teaching Tungus Children (based on an Unpublished Article by N.A. Kostrov (1823–1881))

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

Modern Russian historical science is in the process of getting rid of the ideological clichés of the past. One of these clichés is the idea of the Russian Empire as a “prison of nations” dominated by the tsarist bureaucracy. This work is carried out within the framework of the synthesis of micro-historical and macro-historical approaches and is in line with current trends in overcoming established opinions in Soviet science. This determines its relevance. Research is increasingly taking its place in science. The research material is an unpublished manuscript of an article by the historian and ethnographer of Siberia Nikolai Alekseevich Kostrov (1823–1881), discovered by us in the Department of Written Sources of the State Historical Museum in Moscow. The main archive of the scientist is kept in the Scientific Library of Tomsk State University. Consequently, we have discovered a part of the historian's scientific heritage that had not previously been introduced into scientific circulation. The manuscript of the article by N.A. Kostrov highlights one of the first experiences of teaching children of representatives of the indigenous peoples of Siberia to read and write and the basics of medical and theological knowledge for their dissemination in the local environment. As a result of the review of the new historical source, it was established that the initiator of the training was the government in the person of the Tomsk civil governor, who allocated funds for this purpose. The initiative was supported by the Emperor of Russia. An obstacle to completing their studies was a subjective factor: waste of money and the outright unwillingness of the local higher clergy to organize education for children of representatives of the small peoples of Siberia. It is suggested that the facts revealed by N.A. Kostrov caused a censorship ban on the full publication of the article.

Keywords: microhistory, indigenous peoples of Siberia, history of Russia, clergy, N.A. Kostrov, S.K. Kuznetsov, V.S. Khvostov.

1. Введение

Российская империя создавалась как многонациональное государство. При этом долгое время в историографии существовали идеологические клише, которые российский историк А. Виноградов назвал «мутными фильтрами «Кратких курсов»», когда непредвзятому исследователю «оставалось только удивляться, как при таком «кровавом режиме», в этой «тюрьме народов»..., «азиатской деспотии» удавалось выигрывать ... войны – и в значительной степени против самых «передовых» государств, подчинив себе одну шестую часть земли...» (Карагодин и др., 2021: 12). Представления о царской России как о «тюрьме народов» могут быть поколеблены вводом в научный оборот новых исторических источников, что способствует раскрытию новых ракурсов в «национальной политике» российского правительства. Опыт ее проведения и возникающие в ходе ее реализации препятствия, часто субъективного характера, могут оказаться полезными человеку XXI столетия в эпоху столкновения идей «глобализации» с набирающими силу «антиглобалистскими» тенденциями.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

В раскрытии одной из граней подобного опыта, наряду с попыткой растворения названных выше «мутных фильтров», видится актуальность данной статьи.

История как наука в наши дни находится в стадии «историографической революции». Историки-теоретики выделяют в этой революции два этапа: первый условно называют «объективистским (сциентистским)» (Могильницкий, 2004: 6). Для него характерны историко-социологические исследования глобального характера, тогда как для второго – «субъективистского (постмодернистского)», свойственен «поворот к субъективности» и «открытие» микроистории как ведущего жанра исторического исследования» (Репина, 2008: 8). В рамках микроистории происходит точное и многостороннее, тщательное изучение, на первый взгляд, частных в рамках ограниченных территорий, что приводит в итоге к всестороннему научно-историческому анализу (Медик, 1994: 197). Продуктивной признана интеграция микро- и макроисторического анализов исторического процесса, первый из которых позволяет «рассмотреть, как возможности общественного развития реализовывались в действиях конкретных персонажей» (Бессмертный, 1999: 294), а второй – поиск закономерностей развития общества на конкретном историческом этапе и в географических границах, построение так называемых «глобальных исторических нарративов» (Репина, 2008: 10). Перед исследователями прошлого предстают как, на первый взгляд, частные вопросы и факты, так и забытые или полузабытые имена историков минувших столетий. Через работы этих малоизвестных широкому научному сообществу авторов к современным ученым доходят не только малоизвестные факты, но и раскрываются новые ракурсы в личностях субъектов науки. В данной работе вводится в научный оборот материал неопубликованной рукописи статьи одного из российских ученых, посвятивших свою жизнь исследованию истории, этнографии, экономики Сибири, Николая Алексеевича Кострова (1823–1881). Использование нового исторического источника и ракурса его рассмотрения обуславливает новизну данной работы.

2. Материалы и методы

Архив Н.А. Кострова хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (Васенькин, 2000: 38). Но десять рукописей статей ученого хранятся в фонде известного исследователя Сибири, историка, этнографа, археолога Стефана Кировича Кузнецова (1854–1913) в Отделе Письменных источников Государственного исторического музея в Москве (далее – ОПИ ГИМ). В фонде С.К. Кузнецова это архивная единица номер 55 (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Д. 55). Это – тетради, листы в которых разделены на две равные части. Записи произведены простым карандашом на правой половине страницы с обеих сторон листа. Исправлений крайне мало. Именно такой способ оформления характерен для творческих рукописей исследователя (Васенькин, 2000: 38).

В ОПИ ГИМ хранятся рукописи под следующими названиями: «Народные предания татар о Кучуме и Ермаке», «Очерки юридического быта бродячих тунгусов», «Способы приобретения собственности. Проступки и преступления. Шаманы. Управление», «Юридический быт алтайских инородцев», «Предания томских инородцев о подданстве их России», «Училища для инородческих детей при Туруханском Троицком монастыре», «Волг-Югайские остяки», «Испытание трупом или кровью», «Юридический быт Барабинских татар», а также черновая рукопись, в которой отсутствуют начало и конец, как можно заключить из содержания, посвященная художественным особенностям кейсяцких песен (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп.1. Д. 55. Л. 1-126).

Остается нерешенным вопрос о том, как эти рукописи попали в архив С. К. Кузнецова. Фонд С.К. Кузнецова, как следует из сопроводительной записки к описи фонда, был приобретен у Л.П. Кузнецовой, супруги исследователя, в 1913 году и поступил в Государственный исторический музей. Фонд был сформирован и описан в 1947 году. С.К. Кузнецов, профессор Томского университета и хранитель библиотеки этого учебного заведения, собирал материалы по истории Сибири, приобретая рукописи XVII–XIX веков. Так, его коллекция включает списки «столбцов» Томской приказной избы XVII века (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 1-29). Часть собранных документов сам С.К. Кузнецов использовал в своей научной работе. Можно предположить, что томским профессором была приобретена часть архива Н.А. Кострова. Весь архив Н.А. Кострова поступил в библиотеку Томского университета уже в первый год после смерти Николая Алексеевича (Васенькин, 2000: 38). Н.В. Васенькин считает, что часть архива Н.А. Кострова была либо утрачена, либо увезена Л.В. Костровой, женой сына ученого, в Казань (Васенькин, 2000: 38). Фрагмент архива Н.А. Кострова, таким образом, обнаружен нами в коллекции другого выдающегося историка Сибири.

В нашем исследовании мы применили сравнительно-исторический метод, который позволил нам выявить особенности информации, заключающейся в опубликованных и неопубликованных материалах Н.А. Кострова по проблеме обучения детей коренных народов Сибири. Нами использован также хронологический метод изложения, который применен самим Н.А. Костровым.

3. Обсуждение

Историография данной проблемы распадается на три блока. В первый из них входят работы историко-этнографического характера, посвященные изучению быта, языка, культуры коренных народов Сибири. В этих работах анализируются сообщения путешественников XVIII–XIX веков о

коренных народах Сибири (Беспалько, 2010), а также проводится историко-лингвистический анализ документов этого периода (Жамсаранова, 2018). В этих работах, в частности, указывается на наименование «тунгус» как соционим, а не этноним, и подчеркивается, что под названием «тунгусов» в источниках и литературе XVIII–XIX веков упоминаются разные этносы (Жамсаранова, 2018: 33). Не вдаваясь в дискуссию о происхождении данного слова и его значении (Варламов, 2020), отметим, что Н.А. Костров использует именно термин «тунгус» в рассматриваемой рукописи, что затрудняет однозначное отождествление этого слова с каким-либо из современных народов Сибири. Ценность названных работ для нашей темы состоит в том, что они дают представление об уровне образования коренных народов Сибири, их быте и культурных особенностях.

Во второй историографический блок входят работы, посвященные развитию образования народов Сибири в хронологических рамках, охватывающих период, начиная с 1830-х годов до советского времени включительно (Аксенова, 2018; Бирюкова, 2019; Ултургашева, Карамчаков, 2013).

Так, Н.А. Бирюкова рассмотрела усилия власти – как имперской, так и советской, – по включению малых народов России в общее культурное пространство начиная с 1830-х до 1990-х годов. В частности, исследовательница делает акцент на системе Н.В. Ильминского (1822–1891), предусматривавшей чтение книг и проведение православных служб на родных языках народов Сибири и Российского Севера. Наряду с «комиссией Ильминского», работавшей в Казани, ученые Москвы, Архангельска, Тобольска создавали буквари для представителей малых народов России и переводили православную литературу (Бирюкова, 2019). Однако в Сибири до 1920-х годов преобладали церковно-приходские школы, образование в которых велось преимущественно на русском языке. Основную роль в образовательном процессе играли духовные миссии (Аксенова и др., 2021: 173), особенно Алтайская духовная миссия (Аксенова, 2018: 26). В 1838 году была открыта миссионерская школа в Горном Алтае (Улале), и почти в течение 50 лет она оставалась единственной на этой обширной территории (Ултургашева, Карамчаков, 2013: 67). Стимулировала открытие церковно-приходских школ, Томская епархия вводила целый ряд льгот для учителей, которые преподавали в этих школах (Волоснов, 2016). Особенно активизировалась деятельность по расширению сети церковно-приходских и светских школ в Сибири в ходе разработки правительством Российской Империи закона о всеобщем начальном образовании (1907 год) и решений так называемой «иностранческой» секции Первого Всероссийского съезда образования в столице России в 1913 году. Секция приняла резолюцию, в которой указывала на малое количество школ для представителей малых народов. Участники секции обратили внимание на необходимость преподавать в этих школах предметы, такие как родной язык, литература, история и география родного края (Аксенова, 2022: 12). Переход к светскому образованию связан с эпохой Советской Власти, на чем акцентируют свое внимание российские исследователи (Аксенова и др., 2021).

Третий историографический блок составляют работы, посвященные жизни и деятельности Н.А. Кострова. Как будет показано далее, коллеги высоко оценивали труды Н.А. Кострова, в частности, отмечалось, что для работ Н.А. Кострова характерна полная научная компетентность, высокая эрудиция и исследовательская добросовестность, за что Российское Географическое общество присвоило ему малую золотую медаль (Барсов, 1879: 19–20). Обширный некролог, опубликованный в «Сибирской газете» в год смерти ученого, содержит характеристику не только его служебной и научной деятельности, но и личности Н.А. Кострова как «человека разносторонне образованного, дельного, опытного и отзывчивого на просьбы других» (Князь Николай..., 1881: 380). Подчеркивается его знание древних и современных, в том числе и восточных, языков, преданность науке, сочетание научной эрудиции и практического знания, особенно в области экономики и права (Князь Николай..., 1881: 382). В статье, посвященной столетию со дня рождения Н.А. Кострова, подчеркивается, что он практически впервые в этнографических исследованиях Сибири использовал архивные материалы, что придавало работам этнографа исторический характер (Зеленкина, 1923).

Далее следует почти столетний перерыв в изучении научного наследия Н.А. Кострова и его биографии. Всплеск интереса к микроистории, о чем шла речь выше, а также избавление от идеологических штампов привело к возрождению интереса к работам и личности ученого. В региональной периодической печати начали публиковаться статьи о «забытом чиновнике», как называл его один из журналистов. Статья о Н.А. Кострове появляется в энциклопедическом издании города Томска. Мы остановимся только на публикациях научного характера.

Подробное изложение биографии Н.А. Кострова с опорой как на опубликованные, так и на архивные данные, а также описание архива ученого предпринял Н.В. Васенькин (Васенькин, 2000). Особую ценность работе придают анализ как опубликованных, так и неопубликованных работ Н.А. Кострова и приведенный в конце статьи исчерпывающий список трудов историка. Научные публикации привлекли внимание к личности исследователя Сибири российских журналистов, но рассмотрение статей публицистического характера выходит за рамки нашей работы.

Н.А. Костров, как следует, в частности, из работы Н.В. Васенькина, был автором порядка двухсот публикаций. Ученого интересовали разные стороны истории Сибири и этнографии коренного ее населения.

Современные российские ученые на основе опубликованных материалов анализируют специфику образа сибирского города в очерках Н.А. Кострова. Так, И.А. Айзикова, рассмотрев очерки ученого о городах Сибири, приходит к выводу, что «в центре внимания автора многоликость, многословность, многонациональность и многослойность социокультурного пространства сибирских городов, что связано с происходящей по объективным причинам встречей на этих территориях коренных народов края и переселенцев из Центральной России» (Айзикова, 2020: 186).

Таким образом, в российской науке возрастает интерес к процессам культурного взаимодействия малых народов с русскоязычным населением, изучается опыт образовательной политики власти по отношению к коренным народам Сибири, началось возвращение широкой общественности имени Н.А. Кострова. Работа Н.А. Кострова охватывает более ранний период в политике Российской Империи по отношению к сибирским народам, чем тот, который оказывается в фокусе внимания российских ученых – 1805–1828 годы, она позволяет проиллюстрировать внимание российской власти к проблемам образования, как говорится в тогдашних документах, «инородцев» (Бирюкова, 2019: 207). Этот опыт оказался, как будет показано далее, отрицательным, но учет его может оказаться актуальным в наши дни.

4. Результаты

4.1. Николай Алексеевич Костров (1823–1881) – краткая биографическая справка

Николай Алексеевич Костров происходил из княжеского рода Костровых. Николай Алексеевич является выпускником Московского университета, где окончил факультет юриспруденции. В 1844–1846 годах Н.А. Костров служил в Московской межевой канцелярии. По указанию руководства канцелярии был направлен в Красноярск, а впоследствии возглавил Третье Отделение Енисейского губернского правления. В 1852–1855 годах Николай Алексеевич служит делопроизводителем в Енисейском губернском статистическом комитете. Генерал-губернатор Восточной Сибири назначил его в 1855 году Минусинским окружным начальником. С 1859 по 1866 год Н.А. Костров выполняет должность советника Енисейского губернского суда и заведующим казначейской частью этого же суда. Последнее место работы Николая Алексеевича – секретариат Томского губернского статистического комитета. Умер Н.А. Костров от пневмонии 25 апреля 1881 г., не оставив прямых наследников (Васенькин, 2000:34-35).

Коллеги считали его одним из самых деятельных членов Императорского Русского Географического общества, которое удостоило за труды в области этнографии малой золотой медалью (Барсов, 1879: 18). Научная деятельность Н.А. Кострова началась в 1851 году, когда вышли первые его этнографические статьи в журнале «Москвитянин» (Барсов, 1879: 18). Впоследствии ученый опубликует около двухсот статей в периодической прессе и научных изданиях, а также выпустит книгу «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (Барсов, 1879: 18). Для его трудов характерна отмеченная еще при вручении Н.А. Кострову награды Императорского Русского Географического общества высокая компетентность, эрудиция, продуманное отношение к трудам предшественников, а также самостоятельный сбор этнографического материала и его умелое осмысление (Барсов, 1879: 19-20). О широте научных интересов и, выражаясь современным языком, междисциплинарном характере исследований Н.А. Кострова говорит его активное членство в рядах Императорского Российского Географического общества и Киевского юридического общества (Костров, 1903: 321), университетская юридическая подготовка, обеспечившая разработку проблем, связанных с «юридическим бытом» народов Сибири.

4.2. Статья Н.А. Кострова в «Москвитянине» и рукопись: сходства и расхождения

Как показывает обращение к архивным материалам, в фокусе внимания историка была одна из первых попыток, предпринятых властями Российской империи, обучения детей коренных народов Сибири. Целью обучения было, в конечном итоге, освоение обучавшимися азов медицины и православия для распространения полученных знаний и навыков среди местного населения. Эта попытка только упомянута в публикации Н.А. Кострова в журнале «Москвитянин» (Костров, 1852).

Статья Н.А. Кострова «Туруханский Троицкий монастырь», опубликованная в журнале «Москвитянин» в 1852 году (Костров, 1852), содержит не только рассмотрение историографических сведений и источников по истории монастыря, но и описание личных впечатлений автора от посещения обители, бесед с настоятелем, осмотра ризницы и библиотеки. Н.А. Костров говорит о малочисленности братии и бедности монастыря, о том, что настоятель, провожая его, «чуть не плакал» (Костров, 1852: 132). Н.А. Костров пишет о возможности «блестящей участи» для монастыря благодаря возможности «распространять семена Евангелия» среди местных жителей «посредством их самих» (Костров, 1852: 132).

Далее Н.А. Костров приводит дословно письмо томского гражданского губернатора Василия Семеновича Хвостова (1754–1832) Министру Внутренних Дел Российской Империи, в котором губернатор сообщает, что в Томске он нашел «у разных людей пять мальчиков из тунгусов и остяков», которых не могли содержать их родители и отдали для воспитания в чужие семьи из-за голода, обусловленного «худым промыслом зверя и рыбы» (Костров, 1852: 133), и решил взять их на свое содержание. Для этого он обратился к игумену Троицкого Туруханского монастыря с просьбой «взять

в монастырь для поддержания пищею и обувью сих пять мальчиков, с тем, чтобы их обучить читать, писать и начальным правилам закона» (Костров, 1852: 133), а губернатор обязался вносить в казну монастыря двести рублей ежегодно до конца своей жизни. Также В.С. Хвостов обратился к императору Александру I с просьбой сделать соответствующее распоряжение Томскому Приказу Общественного призрения для того, чтобы Приказу «поставлено было обязанность об устройении участи прочной сим воспитанникам, губернскому уездному начальству, чтобы по отысканию подобных несчастных сирот из ясашных Туруханского края» (Костров, 1852: 133). Текст письма томского гражданского губернатора В.С. Хвостова содержится в рукописи, озаглавленной «Училища для инородческих детей при Туруханском Троицком монастыре» за авторством Н.А. Кострова, которая хранится в архиве С.К. Кузнецова (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 71-72). На письмо губернатора в рукописи указана ссылка, которая отсутствует в «Москвитянине»: «Архивные дела Томского приказа общественного призрения, 1805, №73» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 71-72). Н.А. Костров был начальником Третьего отделения Енисейского губернского правления, и в его ведении находились дела по Приказу Общественного призрения (Васенькин, 2000: 35). Видимо, исследователь воспользовался материалами архива этого учреждения.

В публикацию Н.А. Кострова вошел рескрипт Александра I от 1805 года, в котором российский император отмечал, что одобряет усилия гражданского губернатора Туруханского края В.С. Хвостова, а также дал распоряжение Приказу Общественного призрения и местному руководству регулярно выбирать и направлять на воспитание в монастырь пять мальчиков «из ясашных сирот Туруханского края» (Костров, 1852: 134). Этот текст есть и в рукописи (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 73).

Далее начинаются расхождения. В публикации статья завершается кратким абзацем о том, что было предположено детей, проявивших определенные способности, отправить для обучения в семинарию, а потом тех из них, кто пожелает вступить в духовное звание, отправить священнослужителями в Туруханский край. Однако из-за того, что по прошествии двух лет дети в монастыре остались «безо всякого призрения и обучать их некому», было решено «взять их из монастыря», и дальнейшая судьба мальчиков неизвестна. Статья завершается восклицанием: «Сколько подобных прекрасных начинаний остается иногда без последствий!» (Костров, 1852: 134).

4.3. Туруханский Троицкий монастырь и обучение детей «инородцев»

Рукопись раскрывает историю обучения детей из числа коренных народов более подробно. В 1805 году при Туруханском Троицком монастыре было образовано первое училище для распространения грамотности в среде коренного населения края. Кроме этого учебного заведения, архиепископ Тобольский и Сибирский Антоний, поручил игумену Феофилакту организовать при монастыре учебное заведение духовного характера для детей церковнослужителей (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 73). Но игумен Туруханского Троицкого монастыря сообщал, что «в Туруханском крае находится только четверо детей, из которых двое учатся дома, а двое, по младенчеству еще не обучаются» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 74). В состав обучающихся в Туруханском Троицком монастыре входили, таким образом, всего пять мальчиков – представителей коренных народов Сибири.

Ученики жили в тех же кельях, что и братия монастыря. Для учебных занятий игуменом выделялись специальные помещения. Н.А. Костров в своей рукописи приводит смету расходов: на еду в год – 100 рублей, на одежду – 30, на жалование учителю – 10 рублей. Монастырь и частные благотворители давали деньги на книги. Учителем был сначала «священник Ковригин, а потом отставной солдат Крашенинников, который вместе с тем был письмоводителем при монастыре» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 74).

В программу образования входили чтение и письмо, но игумен в своем письме 1808 года Томскому Приказу Общественного призрения отмечал, что «следовало бы преподавать ученикам русскую грамматику, но в здешнем монастыре такого сведущего учителя не имеется» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 74). Учили, главным образом, по Псалтыри. Казалось бы, дело обучения было налажено, и для него набирались «дети тунгусов и остяков», которым было от 10 до 15 лет круглые сироты. Среди них, что примечательно, были и «два мальчика-тунгуса «княжеской породы», как игумен уведомил Приказ Общественного Призрения» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 74).

В 1807 году игумен Феофилакт прислал в распоряжение Приказа одного из первых мальчиков из тунгусов, отмеченного особенными успехами в обучении чтению и письму. Приказ распорядился направить добросовестного ученика в Томское приходское училище, а в 1808 году Губернское Правительство решило обучить его азам медицины, особенно, как говорили в то время, «оспопрививанию».

Губернское Правительство при этом писало в Приказ Общественного Призрения, что «тунгусы заражаются существующею между ними жестокою оспою, но, по непросвещению своему, доверять себя уездным врачам страшатся, по дикости избегают их, скрывают одержимых ею и так заражаются, еще более гибнут, и все увещания о пользе их врачевания остаются без результата; от одноплеменника же своего, естественно, не будут убегать, и он <...> убедит их предаться врачеванию, и наконец практикою своею будет полезен и им, и начальству; сверх того, ожидать еще можно, спокойно отдавать детей для такого обучения» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 75).

В 1808 г. в Приказ были присланы еще три мальчика, получившие начальное образование в Троицком Туруханском монастыре, для продолжения обучения в народном училище. В 1810 г. прибыло еще два. Но один из них страдал сильным заиканием и «по неспособности, в следствие этого, к дальнейшему обучению» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 75) был возвращен обратно в Туруханск, а другой для окончательного обучения чтению и письму, направлен в народное училище, а потом во врачебную управу для обучения оспопрививанию.

Примечательно, что образование мальчиков оплачивалось Приказом Общественного Призрения, т.е. официальной властью. Н.А. Костров указывает расходы на содержание воспитанников: в год на одежду и обувь каждого из них тратили до 28 рублей, на еду и проживание каждого – по 2 рубля 50 копеек (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 75).

Гражданский губернатор В.С. Хвостов в 1809 году оставил службу в Сибири и уехал в Европейскую часть России. Однако он продолжал ежегодно отсылать деньги (200 рублей) на содержание и обучение при Туруханском Троицком монастыре сирот из числа представителей коренных народов до 1828 года.

В сентябре 1812 года новый игумен Туруханского Троицкого монастыря Тихон сообщал Приказу, что приходит другой год, как воспитывающиеся в монастыре мальчики из числа местного населения «остаются без всякого призрения по причине неимения способного к обучению их учителя» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 75). Эта цитата включена, как отмечено выше, в заключительный абзац статьи Н.А. Кострова в журнале «Москвитянин» (Костров, 1852: 134). Рукопись содержит подробное описание обращения игумена Тихона в Приказ Общественного Призрения, сообщавшего, что из числа же находящейся в монастыре братии никто не может вести занятия «по слабости ея» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 76). Игумен просил Приказ учесть опыт Туруханского городничего Д.А. Саранчева, который открыл в Туруханске училище и обучил в нем грамоте до двадцати мальчиков, и ходатайствовал перед Приказом Общественного Призрения направить мальчиков, которые находились в монастыре, в училище, открытое по приказу Д.А. Саранчева, «дабы все оные мальчики, будучи без призрения и ведя распутную жизнь, не подпали таковому игу. Как из числа их Макар Вахрушев, который де чинил не маловажное воровство, и содержания третий месяц в остроге; а они (не ясное слово – Ю.К.) игумен свое отношение в Приказ, насматривать за ними вовсе не в силах, при слабости здоровья моего» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 76).

Мальчик Макар Вахрушев, о котором писал игумен Тихон, украл из монастырской кладовой 400 рублей (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 76). В мае 1813 г. игумен писал в Приказ Общественного Призрения, что он находящиеся в монастыре трех мальчиков сдает под надзор для отправления в Томск, но новых учеников набирать не будет, так как, по его словам, «я весьма у братии за ними хождения иметь не могу, а братия весьма стары да и пьяницы, и только гнусно ругают и бьют, о чем ною неоднократно было представлено Его Высокопреосвященству, и от того не могу дожидаться повеления; то братия не берет учить. Мала де плата за учение, да и на содержание их по упомянутой сумме не достает, потому что цена на отруби (не ясное слово – Ю.К.) очень дорога, ржаная мука, не менее, как по 1 р. 50 к., прислано де денег всего 200 руб.» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 76).

Таким образом, свой отказ в продолжении обучения детей представителей местного населения игумен мотивировал, на первый взгляд, объективными причинами. В то же время, в апреле или мае 1813 года, Тобольская Духовная Консистория, проведя расследование, вскрыла факты растраты игуменом Тихоном посылаемых на нужды воспитанников денег. Как следствие, Тобольская Духовная Консистория просила Тобольское Губернское Правительство взять в свое распоряжение находившихся в Троицком монастыре мальчиков (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 76). В училище, которое открыл городничий Д.И. Саранчев, игумен Тихон направил мальчиков в марте 1814 года. Д.И. Саранчев в ноябре 1815 года троих воспитанников представил в Приказ Общественного Призрения, а о четвертом сообщил, что он, «будучи одержимым сильною золотухою, не может проходить учения, а потому отдан на попечение дальних родственников» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 77).

Из числа этих последних воспитанников, содержавшихся на средства Томского гражданского губернатора В.С. Хвостова, один был отправлен Приказом Общественного Призрения во Врачебную управу для обучения «оспопривитию и фельдшерскому искусству, а остальные два, для окончательного обучения, в Томское народное училище. Но вскоре они умирают» (ОПИ ГИМ. Ф. 443. Оп. 1. Д. 55. Л. 78).

Со смертью В.С. Хвостова окончилась всякая переписка по данному вопросу. Биография В.С. Хвостова, написанная А.И. Кобелевым, уточняет дату смерти губернатора: 1832 год (Кобелев, 2014).

5. Заключение

Таким образом, еще в начале XIX века в Российской Империи предпринимаются попытки обучения детей малых народов Сибири. Инициатором выступает представитель власти – губернатор В.С. Хвостов. Примечательно, что инициатива губернатора поддержана императором Александром I. То есть в данном случае можно говорить о тенденции в проведении государственной политики.

Необходимо обратить внимание на дату инициативы губернатора В.С. Хвостова: 1805 год. Этот период назван А.С. Пушкиным «Дней Александровых прекрасное начало», когда молодой император проводит реформы либерального характера, а в обществе ширятся либеральные ожидания. Одобрение Александром I предложения губернатора является дополнительным штрихом к политическому портрету самодержца и историческому портрету времени начала его правления. Так микроистория дополняет макроисторию.

Н.А. Костров собрал обширный материал о попытке обучения мальчиков из числа представителей местного населения в Томском Троицком монастыре. Но данный материал не был опубликован. Видимо, из-за нелицеприятных фактов о растрате денег, предназначенных на содержание воспитанников, представителями высшего духовенства, а также об откровенном нежелании игумена и монахов прилагать усилия для обучения детей и заботы о них. Трагичен и конец статьи, подготовленной Н.А. Костровым: несмотря на возможности дальнейшего образования, дети умирают.

Введенный нами в научный оборот исторический источник представляет один из первых опытов российской власти организовать обучение детей коренных народов Сибири. Инициатива, как следует из собранного Н.А. Костровым материала, исходила от Томского гражданского губернатора В.С. Хвостова и была одобрена императором Александром I, но из-за изложенных в статье историка причин окончилась неудачей.

Подготовленный Н.А. Костровым к печати текст рисует нам облик ученого как обладающего четкой гражданской позицией. Он не побоялся высветить истинный облик игумена Тихона и братии Туруханского Троицкого монастыря, усилиями которых было загублено благое начинание. Видимо, статья историка была не пропущена в печать цензурой именно по этой причине. На примере одного историка и его не опубликованной работы прослеживается позиция светской и духовной власти по отношению к благородным начинаниям для простых людей и обнародованию фактов о гибели этих начинаний. Тем не менее, тот факт, что инициатива исходила от власти, а губернатор В.С. Хвостов практически до своей смерти принимал участие в судьбах детей представителей малых народов Сибири, заставляет усомниться в устоявшихся идеологических клише.

Литература

- Айзикова, 2020** – Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 174-189.
- Аксенова и др., 2021** – Аксенова Л.Н., Сокольская Л.В., Валентонис А.С., Щербинина И.В. Становление советской системы образования у коренных народов Южной Сибири в 1920-е годы // *Образование и наука*. 2021. Т. 23. № 2. С. 170-198.
- Аксенова, 2018** – Аксенова Л.Н. Становление и развитие образования в национальных регионах Российской империи (на примере народов юго-восточной части Западной Сибири). Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2018. 220 с.
- Аксенова, 2022** – Аксенова Л.Н. Подготовка к введению всеобщего начального образования у народов юга Западной Сибири в Российской Империи // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 77 (4). С. 12-15.
- Барсов, 1879** – Барсов Н.И. Отчет о научной деятельности Н. А. Кострова / Отчет Императорского Русского Географического общества за 1878 г. СПб., 1879. С. 18-20.
- Беспалько, 2010** – Беспалько Д.Н. Тунгусы Забайкалья в материалах академических экспедиций XVIII века // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. 2010. № 15 (196). Вып. 40. С. 37-41.
- Бессмертный, 1999** – Бессмертный Ю.Л. Проблема интеграции микро- и макроподходов / *Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого*. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 1999. С. 290-302.
- Бирюкова, 2019** – Бирюкова Н.А. Образовательная политика в отношении народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в XIX-XX веках // *Этнодиалоги*. Альманах. 2019. № 2. С. 206-218.
- Варламов, 2020** – Варламов А.Н. К вопросу о происхождении этнонима «тунгус» // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2020. № 1 (30). С. 71-76.
- Васенькин, 2000** – Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах научной библиотеки Томского государственного университета / *Труды Томского областного краеведческого музея*. Томск: Издательство Томского университета, 2000. Т. X. С. 35-49.
- Волоснов, 2016** – Волоснов Р.Ю. Политика духовных властей Томской епархии по активизации открытия и дальнейшего развития начальных церковных школ в сельской местности в конце XIX – начале XX в. // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. 2016. №9. С.192-200.
- Жамсаранова, 2018** – Жамсаранова Р. Г. Тунгусы князя Гантимура: монография: в 2 ч. Часть 1. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. 251 с.
- Зеленкина, 1923** – Зеленкина О.А. Н.А. Костров // *Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества. Этнографический бюллетень*. Иркутск, 1923. №4. С. 1-7

[Карагодин и др., 2021](#) – Карагодин А.В., Петрова О.С., Селунская Н.Б. Образ «Старой России» в памяти русских аристократов-эмигрантов «первой волны» // *Человеческий капитал*. 2021. № 11. С. 11-20.

[Кобелев, 2014](#) – Кобелев А.И. Начальные люди Томской губернии. Исторические портреты 1804–1917. Томск, Б.И. 2014. 370 с.

[Костров, 1852](#) – Костров Н.А. Туруханский Троицкий монастырь. (Отрывок из писем из Туруханского края) // *Москвитянин*. 1852. № 8. Книга 2. С. 127-134.

[Костров, 1903](#) – Костров, Николай Алексеевич / Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб.: Императорское Русское историческое общество, 1903. Т. 9. 708 с.

[Медик, 1994](#) – Медик Х. Микроистория // *Thesis: theory and history of economic and social institutions and systems*. Almanac, Moscow, 1994. Vol. II. No. 4. Pp. 193-202.

[Могиляницкий, 2004](#) – Могиляницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // *Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований*. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2004. 168 с.

[Князь Николай..., 1881](#) – Князь Николай Алексеевич Костров: [некролог] // *Сибирская газета*. 1881. 17 мая. (№ 12). Столбцы 379-382.

[Репина, 2008](#) – Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии: препринт WP6/2008/06. М.: Издательский дом Государственного Университета Высшая Школа Экономики, 2008. 32 с.

[Ултургашева, Карамчаков, 2013](#) – Ултургашева О.Г., Карамчаков А.Н. Из истории становления непрерывного национального образования коренных народов Саяно-Алтайского региона (1830–1930) // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2013. № 22. С. 61-74.

References

[Aizikova, 2020](#) – Aizikova, I.A. (2020). *Obraz sibirskogo goroda v ocherkakh N.A. Kostrova* [The image of a Siberian city in the essays of N.A. Kostrov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 67: 174-189. [in Russian]

[Aksenova i dr., 2021](#) – Aksenova, L.N., Sokol'skaya, L.V., Valentonis, A.S., Shcherbinina, I.V. (2021). Stanovlenie sovetskoi sistemy obrazovaniya u korennykh narodov Yuzhnoi Sibiri v 1920-e gody [The formation of the Soviet education system among the indigenous peoples of Southern Siberia in the 1920s]. *Obrazovanie i nauka*. 23(2): 170-198. [in Russian]

[Aksenova, 2018](#) – Aksenova, L.N. (2018). Stanovlenie i razvitie obrazovaniya v natsional'nykh regionakh Rossiiskoi imperii (na primere narodov yugo-vostochnoi chasti Zapadnoi Sibiri) [The formation and development of education in the national regions of the Russian Empire (on the example of the peoples of the southeastern part of Western Siberia)]. *Orehovo-Zuevo: Gosudarstvennyi gumanitarno-tekhnologicheskii universitet*. 220 p. [in Russian]

[Aksenova, 2022](#) – Aksenova, L.N. (2022). Podgotovka k vvedeniyu vseobshchego nachal'nogo obrazovaniya u narodov yuga Zapadnoi Sibiri v Rossiiskoi Imperii [Preparations for the introduction of universal primary education among the peoples of southern Western Siberia in the Russian Empire]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 77(4): 12-15. [in Russian]

[Barsov, 1879](#) – Barsov, N.I. (1879). Otchet o nauchnoi deyatel'nosti N. A. Kostrova [Report on scientific activity of N. A. Kostrov]. *Otchet Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva za 1878 g.* SPb., 1879. Pp. 18-20. [in Russian]

[Bespal'ko, 2010](#) – Bespal'ko, D.N. (2010). Tungusy Zabaikal'ya v materialakh akademicheskikh ekspeditsii XVIII veka [The Tunguses of Transbaikalia in the materials of academic expeditions of the XVIII century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 15(196). 40: 37-41. [in Russian]

[Bessmertnyi, 1999](#) – Bessmertnyi, Yu.L. (1999). Problema integratsii mikro- i makropodkhodov [The problem of integration of micro- and macro approaches] *Istoriya v poiske. Mikro- i makropodkhody k izucheniyu proshlogo* [The historian is on the lookout. Micro- and macro approaches to the study of the past]. М.: Institut Vseobshchei istorii RAN. Pp. 290-302. [in Russian]

[Biryukova, 2019](#) – Biryukova, N.A. (2019). Obrazovatel'naya politika v otnoshenii narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v XIX–XX vekakh [Educational policy towards the peoples of the North, Siberia and the Far East in the 19th-20th centuries]. *Etnodialogi. Al'manakh*. 2. Pp. 206-218. [in Russian]

[Karagodin i dr., 2021](#) – Karagodin, A.V., Petrova, O.S., Selunskaya, N.B. (2021). *Obraz «Staroi Rossii» v pamyati russkikh aristokratov-emigrantov «pervoi volny»* [The image of “Old Russia” in the memory of Russian emigrant aristocrats of the “first wave”]. *Chelovecheskii kapital*. 11: 11-20. [in Russian]

[Knyaz' Nikolai..., 1881](#) – Knyaz' Nikolai Alekseevich Kostrov: [nekrolog] [Prince Nikolai Alekseevich Kostrov: [obituary]]. *Sibirskaya gazeta*. 1881. 17 maya. (№ 12). Stolbtsy 379-382. [in Russian]

- Kobelev, 2014** – Kobelev, A.I. (2014). Nachal'nye lyudi Tomskoi gubernii. Istoricheskie portrety 1804–1917 [The initial people of the Tomsk province. Historical portraits of 1804–1917]. Tomsk, B.I. 370 p. [in Russian]
- Kostrov, 1852** – Kostrov, N.A. (1852). Turukhanskii Troitskii monastyr'. (Otryvok iz pisem iz Turukhanskogo kraia) [Turukhansky Trinity Monastery. (Excerpt from letters from the Turukhansk region)]. *Moskvityanin*. № 8. Kn. 2: 127-134. [in Russian]
- Kostrov, 1903** – Kostrov, Nikolai Alekseevich [Kostrov, Nikolai Alekseevich]. Russkii biograficheskii slovar'. Izdan pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva A.A. Polovtsova. SPb.: Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 1903. T. 9. 708 p. [in Russian]
- Medik, 1994** – Medik, Kh. (1994). Mikroistriya [Microhistory]. Thesis: theory and history of economic and social institutions and systems. Almanac, Moscow, 1994. Vol. II. No. 4. Pp. 193-202. [in Russian]
- Mogil'nitskii, 2004** – Mogil'nitskii, B.G. (2004). Istoriya na perelome: nekotorye tendentsii razvitiya sovremennoi istoricheskoi mysli [History at a turning point: some trends in the development of modern historical thought]. *Mezhdistsiplinarnyi sintez v istorii i sotsial'nye teorii: teoriya, istoriografiya i praktika konkretnykh issledovaniy*. M.: Institut Vseobshchei istorii RAN. 168 p. [in Russian]
- Repina, 2008** – Repina, L.P. (2008). Novye issledovatel'skie strategii v rossiiskoi i mirovoi istoriografii: preprint WP6/2008/06 [New research strategies in Russian and World historiography: preprint WP6/2008/06]. M.: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo Universiteta Vysshaya Shkola Ekonomiki. 32 p. [in Russian]
- Ulturgasheva, Karamchakov, 2013** – Ulturgasheva, O.G., Karamchakov, A.N. (2013). Iz istorii stanovleniya nepreryvnogo natsional'nogo obrazovaniya korennykh narodov Sayano-Altayskogo regiona (1830–1930) [From the history of the formation of continuous national education of the indigenous peoples of the Sayano-Altai region (1830–1930)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 22: 61-74. [in Russian]
- Varlamov, 2020** – Varlamov, A.N. (2020). K voprosu o proiskhozhdenii etnonima «tungus» [To the issue on the origin of the ethnonym “Tungus”]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 1(30): 71-76. [in Russian]
- Vasen'kin, 2000** – Vasen'kin, N.V. (2000). Knyaz' Nikolai Alekseevich Kostrov i ego arkhiv v fondakh nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Prince Nikolai Alekseevich Kostrov and his archive in the collections of the Scientific Library of Tomsk State University]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2000. T. X. Pp. 35-49. [in Russian]
- Volosnov, 2016** – Volosnov, R.Yu. (2016). Politika dukhovnykh vlastei Tomskoi eparkhii po aktivizatsii otkrytiya i dal'neishego razvitiya nachal'nykh tserkovnykh shkol v sel'skoi mestnosti v kontse XIX – nachale XX v. [The policy of the spiritual authorities of the Tomsk Diocese to activate the opening and further development of primary church schools in rural areas in the late 19th and early 20th centuries]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*. 9: 192-200. [in Russian]
- Zelenkina, 1923** – Zelenkina, O.A. (1923). N.A. Kostrov [N.A. Kostrov]. *Vostochno-Sibirskii otdel Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Etnograficheskii byulleten'*. Irkutsk. 4. Pp. 1-7. [in Russian]
- Zhamsaranova, 2018** – Zhamsaranova, R.G. (2018). Tungusy knyazya Gantimura: monografiya: v 2 ch. Chast' 1. [Prince Gantimur's Tunguses: monograph: in 2 hours, Part. 1]. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. 251 p. [in Russian]

Из опыта Российской Империи по обучению детей тунгусов (по материалам неопубликованной статьи Н.А. Кострова (1823–1881))

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Современная историческая наука России находится в процессе избавления от идеологических клише прошлого. Одним из таких клише является представление о Российской империи как «тюрьме народов» с засильем царской бюрократии. Данная работа выполнена в рамках синтеза микроисторических и макроисторических подходов и находится в русле современных тенденций преодоления устоявшихся в советской науке мнений. Это определяет ее актуальность, исследования все активнее занимают свое место в науке. Материалом исследования является неопубликованная рукопись статьи историка и этнографа Сибири Николая Алексеевича Кострова (1823–1881), обнаруженная нами в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Основной архив ученого хранится в Научной Библиотеке Томского государственного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

университета. Следовательно, нами обнаружена часть научного наследия историка, ранее не введенная в научный оборот. Рукопись статьи Н.А. Кострова освещает один из первых опытов обучения детей – представителей коренных народов Сибири грамоте и основам медицинских и богословских знаний для распространения их в местной среде. В результате рассмотрения нового исторического источника установлено, что инициатором обучения была власть в лице Томского гражданского губернатора, выделившего для этой цели средства. Инициатива была поддержана императором России. Препятствием для завершения обучения стал субъективный фактор: растрат денег и откровенное нежелание местного высшего духовенства организовать обучение детей представителей малых народов Сибири. Высказано предположение, что вскрытые Н.А. Костровым факты стали причиной цензурного запрета на полную публикацию статьи.

Ключевые слова: микроистория, коренные народы Сибири, история России, духовенство, Н.А. Костров, С.К. Кузнецов, В.С. Хвостов.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 181-192
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.181

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Political Economy of the Golden Horde in Russian Historiography of the 19th and early 20th centuries

Nurtas T. Abdimomynov ^a, Duken Masimkhanuly ^b, Ainur Abidenkyzy ^b, Bolatbek Sh. Batyrkhan ^{c, *}

^a International Information Technology University (IITU), Almaty, Republic of Kazakhstan

^b R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This paper analyzes the evolution of interpretations of the political economy of the Golden Horde in pre-revolutionary Russian Historiography. It aims to reconstruct and systematize pre-revolutionary views on the key institutions of the Horde's political economy and to identify their methodological foundations. The source base comprises works by historians of the state-centered tradition (N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, V.O. Kliuchevsky, among others), orientalists and specialists in source studies (I.N. Berezin, G.S. Sablukov, V.G. Tiesenhausen, among others), representatives of the numismatic–archaeological line (C.M. Fraehn, V.V. Grigoriev, P.S. Saveliev, A.K. Markov, among others); as well as authors of the Genoese-Venetian historiographical line (P.I. Keppen, N.N. Murzakevich, M.M. Kovalevsky, among others). The paper shows that, within these four directions, Russian scholars consistently investigated tribute and taxation practices, mechanisms of monetary circulation, the regulation of trade, and the dynamics of trans-Eurasian transit. Thus, the political-economic dimension of the Golden Horde was conceptualized not within a single research line, but through a set of complementary approaches. It has been argued that, despite the absence of an integrated model of the Horde's economic rationality, pre-revolutionary authors created a solid empirical and source-critical foundation by introducing and systematizing *yarlyks*, Eastern narrative sources, acts of Genoese and Venetian colonies, and numismatic materials.

Keywords: Golden Horde, Political economy, Russian historiography, Mongol-Tatar yoke, tribute system, Oriental studies, Numismatics, Black Sea trade.

1. Введение

Политическая экономия Золотой Орды была одним из ключевых факторов институционально-экономической динамики евразийского пространства в XIII–XIV вв. В этот период налогово-даннические механизмы, система денежного обращения, контроль Золотой Орды над региональной и трансконтинентальной торговлей, а также поддержание инфраструктуры обеспечивали относительную устойчивость ордынского порядка на пространствах от Поволжья и Северного Причерноморья до Хорезма и Восточной Европы (Набиев, 2012: 3-25; Abdimomynov et al., 2024: 685-695; Калан, 2012: 17-44). Поэтому уже со второй четверти XIX в. российские исследователи начали целенаправленно изучать политико-экономические аспекты Золотой Орды, прежде всего в контексте русско-ордынских отношений. Так, Н.М. Карамзин выделял особенности ордынской экономики (развитую торговлю) и позитивные эффекты «ордынских налогов» (Карамзин, 1892: 233, 235; Набиев, 2014: 23). С.М. Соловьёв сформулировал значимые наблюдения о денежном обращении и налоговой практике сбора дани на русских землях (Соловьёв, 1960: 158-160, 370, 492-493). Значимость торговли подчёркивали также В.В. Бартольд, Г.С. Саблуков, П.И. Кешпен,

* Corresponding author

E-mail addresses: bolat-z90h@list.ru (B.Sh. Batyrkhan)

Н.Н. Мурзакевич, М.М. Ковалевский и др. В XIX – начале XX в. российские историки, востоковеды и нумизматы впервые ввели в научный оборот ключевые комплексы письменных источников, заложили принципы их критики и интерпретации, а также накопили массив данных по монетным находкам и центрам чеканки. Этот эмпирический фундамент позволяет обсуждать масштабы денежного обращения, региональную географию власти, динамику фискального контроля Золотой Орды и параметры трансконтинентальной торговли. Поэтому обращение к российской историографии XIX – начала XX в. остаётся научно актуальным не только как анализ исследовательской традиции, но и как реконструкция истоков современного представления об источниковой базе и ключевых параметрах ордынской политической экономии.

Таким образом, осмысление дореволюционной историографической перспективы позволяет не только понять, насколько она повлияла на последующие исследовательские подходы, но и по-новому оценить раннюю источниковую базу политической экономики Орды. В перспективе сопоставление дореволюционных интерпретаций с новыми археологическими и нумизматическими данными может способствовать более точному описанию механизмов ордынской интеграции евразийских рынков и долгосрочных эффектов её фискально-торговой политики.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено в рамках комплексного историографического анализа дореволюционных научных трудов, посвящённых ключевым аспектам политической экономики Золотой Орды: налогово-данническим практикам, денежному обращению, городской экономике и транзитной торговле. Методологическую основу статьи составляют сравнительно-историографический подход, проблемно-хронологический метод и источниковедческий анализ, позволяющий проследить эволюцию представлений и сопоставить четыре исследовательские линии: государственно-историческую, востоковедческо-источниковедческую, нумизматико-археологическую и генуэзско-венецианскую историографическую линию.

Эмпирическую базу исследования составили научные труды XIX – начала XX в., включая работы Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, П.И. Кеппена, Н.Н. Мурзакевича, М.М. Ковалевского, а также исследования представителей российской ориенталистики и нумизматики, сформировавших фундамент изучения политической экономики Золотой Орды: Х.М. Френа, В.В. Григорьева, П.С. Савельева, И.Н. Березина, Г.С. Саблукова, В.Г. Тизенгаузена и др. При анализе этих трудов был использован сравнительно-историографический метод, позволивший проследить эволюцию исследовательских акцентов и интерпретационных схем в контексте интеллектуальных трансформаций дореволюционной российской исторической науки, связанных с осмыслением политической экономики Золотой Орды. Источниковедческий анализ был направлен на уточнение понятийного аппарата, аргументационных стратегий и эвристического статуса источников, к которым обращались дореволюционные авторы при реконструкции фискальных институтов, торговых режимов и практик денежного обращения Орды.

3. Обсуждение

До сих пор сложно говорить о том, что политическая экономия Золотой Орды в российской историографии XIX – начала XX в. стала самостоятельным объектом исследования. Хотя систематическое изучение истории Золотой Орды началось со второй четверти XIX в., её экономические аспекты, как правило, рассматривались в рамках политической истории. Поэтому взгляды дореволюционных авторов на фискальные институты, торговую инфраструктуру и экономические связи Орды редко анализировались как единая система (Набиев, 2014: 53-55; Калан, 2012: 11-12; Валеев и др., 2025: 349-366; Bedelova et al., 2025).

Р.Ф. Набиев в историографическом разделе своей диссертации, посвящённой проблеме политического и экономического развития Государства Джучидов в XIV в., отмечает, что в дореволюционной российской историографии политическая экономия Орды не рассматривалась как отдельный предмет исследования. При этом Р.Ф. Набиев подчёркивает особую значимость императорского востоковедения. Дореволюционные российские ориенталисты добились заметных успехов в сборе, введении в научный оборот восточных нарративов и актовых источников. В итоге, согласно Р.Ф. Набиеву, главным достижением российских историков и востоковедов XIX – начала XX в. стало не создание целостной теоретической модели экономики Орды, а накопление и критическое формирование источникового фонда, который позднее стал опорой для современных реконструкций (Набиев, 2014: 53-58). Исследования Е. Калана, посвящённые торгово-экономическим связям Улуса Джучи с восточными странами, дополняют эту оценку. Автор характеризует дореволюционные интерпретации не как «завершённую научную школу», а как совокупность отдельных исследовательских линий, сформированных вокруг конкретных корпусов источников и региональных сюжетов (Калан, 2012: 11). Такой подход подчёркивает неравномерность исследовательского внимания и указывает на то, что ряд экономических проблем в российской историографии оставался разработанным недостаточно. На этом фоне показательна более новая работа, частично нацеленная на восполнение указанного пробела, – статья Г.С. Беделовой и

соавторов. В ней специально рассматривается, каким образом дореволюционная российская историография описывала торгово-экономические связи эпохи монгольского мира. Опираясь на сравнительно-историографический, текстологический и историко-сравнительный анализ, авторы систематизируют труды дореволюционных авторов (Bedelova et al., 2025: 1239-1245).

4. Результаты

Традиционно принято считать, что начиная со второй четверти XIX в. российские историки всё чаще обращались к истории Золотой Орды в контексте русско-ордынских отношений. Это было связано с возрастанием интереса русских интеллектуалов (конкурс Российской академии наук 1826 и 1832 г.) к значению иноземных, прежде всего монгольских, влияний в становлении русской государственности (Тизенгаузен, 1884: 555). При этом корректнее уточнить, что отдельные сюжеты ордынской истории обсуждались и раньше в трудах историков XVIII в. и у Н.М. Карамзина; новизна же XIX – начала XX в. заключалась в расширении источниковой базы и стремлении к более специальным, предметным исследованиям Орды.

Анализ совокупности российских работ XIX – начала XX в. позволяет условно выделить четыре исследовательские линии, в рамках которых осваивалось политико-экономическое измерение ордынской власти: 1) государственно-историческую традицию (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и др.), трактовавшую отдельные аспекты истории Золотой Орды преимущественно через призму её влияния на Русь; 2) востоковедческую и источниковедческую линию (И.Н. Березин, Г.С. Саблуков, В.Г. Тизенгаузен; позднее А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин), ориентированную на реконструкцию внутреннего устройства, экономики и торговых отношений Орды на основе восточных нарративных и ордынских актов источников (ярлыков); 3) нумизматико-археологическую линию (Х.М. Френ, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, А.К. Марков и др.), изучавшую денежное обращение и материальные свидетельства ордынской экономики; 4) генуэзско-венецианскую историографическую линию (П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич; позднее М.М. Ковалевский), рассматривавшую итальянскую колонизацию Северного Причерноморья и Приазовья (Таблица 1).

Таблица 1. Основные исследовательские линии изучения политической экономики Золотой Орды в России (XIX – начала XX в.)

Исследовательская линия	Ключевые авторы	Фокус политико-экономического анализа
Государственно-историческая традиция	Н.М. Карамзин; С.М. Соловьёв; В.О. Ключевский и др.	Орда как внешний политико-фискальный фактор русской истории: «выход»/дань, переписи, механизмы зависимости и посредничество князей; последствия для финансово-административной эволюции Руси.
Востоковедческо-источниковедческая линия	И.Н. Березин; Г.С. Саблуков; В.Г. Тизенгаузен и др. (дореволюционный период); продолжение – А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин (раннесоветский период)	Реконструкция внутреннего устройства Улуса Джучи на основе восточных нарративных и ордынских актов источников: хроники, географические и исторические сочинения, ярлыки, правовые и дипломатические тексты.
Нумизматико-археологическая линия	Х.М. Френ; В.В. Григорьев; П.С. Савельев; А.К. Марков и др.	Денежное обращение и материальные свидетельства экономики: монетные серии и клады, центры чеканки, динамика денежной системы; элементы экономической географии и транзитной инфраструктуры по данным нумизматики и археологических наблюдений.
Генуэзско-венецианская историографическая линия	П.И. Кеппен; Н.Н. Мурзакевич; позднее – М.М. Ковалевский и др.	Итальянские фактории и черноморско-азовская торговля: договорные формулы, пошлины и таможенные режимы, механизмы транзита и правовая защита купечества; включённость колониальной торговли в ордынские режимы суверенитета и фискального контроля.

4.1. Государственно-историческая линия: Орда как внешний политико-фискальный фактор и механизм зависимости Руси

Государственно-историческая традиция, представленная Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьёвым, В.О. Ключевским и рядом других авторов, исходила прежде всего из интереса к русско-ордынским политическим отношениям, в рамках которых Золотая Орда рассматривалась главным образом как внешний фактор русской истории. В этой перспективе экономические аспекты ордынского господства – дань, переписи, динамика денежного обращения – интерпретировались не как элементы единой хозяйственной системы Орды, а как исторические механизмы зависимости и как инструменты трансформации институтов Северо-Восточной Руси (Карамзин, 1993: 200-224; Соловьёв, 1960: 158-160, 370, 492-493; Ключевский, 1957: 32, 37).

Прежде всего, наиболее влиятельную исходную рамку восприятия ордынской фискальности сформировал Н.М. Карамзин. Он трактовал ордынскую налоговую систему как внешний механизм изъятия, который, однако, мог быть частично присвоен и институционально использован Москвой в целях укрепления великокняжеских финансов. По его мнению, именно ордынские порядки налогообложения усилили казну великого князя: «...иго Татар обогатило казну Великокняжескую, исчислением людей, установлением поголовной дани, и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростию Князей обращенными в их собственный доход...» (Карамзин, 1993: 206-207). Не менее показателен у Н.М. Карамзина и сюжет с церковными привилегиями. Историк подчёркивает, что освобождение церковных владений от ордынских и княжеских податей превращало духовенство в важный экономический субъект: «Владения церковные, свободные от налогов Ордынских и Княжеских, благоденствовали; сверх украшения храмов и продовольствия Епископов, Монахов, оставалось еще немало доходов на покупку новых имуществ. ... Народ жаловался на скудость: Иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые от купеческих пошлин» (Карамзин, 1993: 207-209). Особое значение имеет наблюдение Н.М. Карамзина об экономическом прагматизме Орды, связывающее ханское покровительство торговле с фискальной выгодой – повышением устойчивости даннических поступлений: «Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили Ордынскую дань» (Карамзин, 1993: 215). Наконец, Н.М. Карамзин связывает фискальные требования Орды с изменениями денежного обращения Руси. Он отмечает, что требование дани в серебре подрывало прежние формы эквивалентов и снижало значение «кун», поскольку «Монголы не брали их вместо серебра» (Карамзин, 1993: 216-217). Тем самым трансформация денежной системы трактуется им как следствие внешнего фискального импульса. В целом Н.М. Карамзин выстраивает многослойную картину ордынского владычества. Для него Орда одновременно выступает как внешняя система рентного изъятия, как фактор укрепления великокняжеской казны, как механизм перераспределения ресурсов в пользу институционально привилегированных групп (прежде всего Церкви) и как стимул к изменениям в торговле и денежном обращении на Руси.

Далее, развивая общую рамку «татаро-монгольского ига», С.М. Соловьёв существенно усиливает институциональный и административный аспект анализа. В отличие от Н.М. Карамзина, сосредоточенного главным образом на политико-нравственных и макроисторических последствиях зависимости, С.М. Соловьёв настойчиво подводит читателя к восприятию Орды как устойчивой системы управленческих практик. В его изложении на первый план выходят переписи населения, регулярный характер ордынских платежей, логика распределения налоговых обязанностей и передача функций по сбору дани русским князьям (Соловьёв, 1960: 158-160). Более того, С.М. Соловьёв фактически показывает ордынскую фискальную систему как многоуровневый режим изъятий и расходов. Наряду с собственно «выходом» он выделяет дополнительные обременения – «ордынские тягости и проторы», включавшие ямскую повинность, а также затраты на содержание ханских чиновников и посольств (Соловьёв, 1960: 492-493). Наконец, С.М. Соловьёв фиксирует изменение роли Москвы как фискального посредника: случаи аккумуляции части «татарской дани» в казне великого князя позволяют ему трактовать ордынский фискальный канал как один из реальных ресурсов внутренней политической и финансовой централизации Руси (Соловьёв, 1960: 370).

К завершающему государственно-исторической линии относятся идеи В.О. Ключевского. Он не выделял «политическую экономию Золотой Орды» в качестве самостоятельной темы, но, анализируя духовные и договорные грамоты, фактически показал, что ордынские налоги стали частью княжеского управления и вписались в повседневную практику русской власти. По его наблюдению, Иван Калита отчётливо различал себя как «собственника и правителя»: распоряжаясь землёй Москвы и пошлинами как личным имуществом, он одновременно «облагал [подданных] сборами на общественные нужды, например данью для уплаты ордынского выхода» (Ключевский, 1957: 32). Тем самым ордынская дань интегрируется в структуру великокняжеских финансов как нормализованный платёж, а не только как эпизодическое внешнее изъятие. Его тезис о замене прямого ханского сбора делегированием этой функции великим князьям расширяет институциональное объяснение зависимости. «Ордынский хан, ... сначала собирал дань с Русской земли посредством своих агентов, потом нашел более удобным поручать сбор этой дани великим князьям русским. Каждый великий князь собирал татарскую контрибуцию, выход, с удельных князей своей линии и доставлял ее в Орду;

Калите поручено было собирать дань даже с князей других линий» (Ключевский, 1957: 37). Проще говоря, Орда переложила хлопоты по сбору дани на московских князей: так ей было удобнее управлять Русью и меньше тратиться на контроль, а внутри самих русских земель при этом усиливалась власть великого князя, который получал новые рычаги влияния над другими князьями. Кроме того, В.О. Ключевский утверждает, что ордынская дань превратилась в рычаг, с помощью которого великий князь подчинял себе удельных в экономическом плане: он сосредоточил в своих руках право вести дела с Ордой и собирать дань («мне знать Орду, а тебе Орды не знать»), превращая денежную зависимость в политическую. При этом, подчёркивает историк, сами удельные князья считали такую зависимость чуждой и временной: как только исчезнет ордынская власть, вместе с ней, по их представлению, должна была исчезнуть и их подчинённость великому князю, основанная на его посредничестве в выплате дани (Ключевский, 1957: 37).

Таким образом, государственно-историческая традиция XIX – начала XX в. не сформировала целостной модели политической экономики Золотой Орды. Однако именно она создала устойчивый понятийный каркас для исследования ордынской даннической налоговой системы в русских землях. В рамках этой линии были системно обозначены ключевые механизмы зависимости – дань, переписи, посредничество великих князей, селективные иммунитеты – и предложены первые объяснения их институциональных последствий для формирования московской финансово-административной мощи.

4.2. Востоковедческая и источниковедческая линия: реконструкция политической экономики Улуса Джучи на основе восточных нарративных и ордынских актов источников

Востоковедческая и источниковедческая линия формировалась на фоне быстрого развития российского востоковедения и была нацелена на реконструкцию внутреннего устройства Золотой Орды по восточным нарративным и ордынским актовым источникам. В отличие от государственно-исторической традиции, сосредоточенной на влиянии Орды на Русь, здесь Золотая Орда рассматривается как самостоятельное государство со своей административной, правовой и экономической логикой. Такой подход позволил выйти за рамки схемы «татаро-монгольского ига» и перейти к более точному анализу имперской налоговой системы, городской структуры и транзитной торговли степной державы. Данное направление объединяло труды русских востоковедов И.Н. Березина, Г.С. Саблукова, В.Г. Тизенгаузена и др., а также выработанный ими источниковедческий стандарт, который позднее был продолжен в исследованиях других специалистов (включая А.А. Ромаскевича и С.Л. Волина).

Исследования И.Н. Березина расширили источниковую базу изучения политической экономики Золотой Орды и стали одной из ранних попыток связать институциональную историю Улуса Джучи с критическим анализом корпуса документальных свидетельств, прежде всего ханских ярлыков. В своих научных трудах И.Н. Березин давал замечания о степени достоверности отдельных сведений и демонстрировал ориенталистский подход к политико-экономическим сюжетам: институты, налоги, правовые статусы и даже этнонимы должны выводиться из сопоставления рукописных традиций и филологической критики. Для источниковой реконструкции особое значение имеют публикации и интерпретации ханских ярлыков (Березин, 1850а; Березин, 1850b; Березин, 1852). Например, в корпусе работ И.Н. Березина присутствует издание, связанное с ярлыком Тохтамыша польскому королю Ягайло (Березин, 1850b). Структура этого документа и сам факт его публикации в рамках ориенталистской традиции XIX в. показывают, что ярлыки рассматривались как ключевые документы для понимания статусов, привилегий и международных обязательств Орды, то есть для анализа её договорной и фискально-правовой практики. Исследовательские работы русского востоковеда Г.С. Саблукова тоже важны для изучения ряда аспектов: политической экономики Орды, торговли, денежных отношений (Саблуков, 1844; Саблуков, 1895). Например, Г.С. Саблуков стремился связать географию власти Джучидов с трансконтинентальной торговлей. Он подчёркивал, что Золотой Орде принадлежало пространство, «соединяющее Азию с Европой», через которое пролегал масштабный торговый путь между двумя частями света (Саблуков, 1895: 24). Особенно важен его тезис о взаимосвязи ханского суверенитета с монетной регалией и городским развитием: право правителя на чекан монеты фиксируется им как исключительная прерогатива верховной власти (Саблуков, 1895: 26). Эти наблюдения усиливали представление об Орде как о государстве, чья экономическая устойчивость опиралась не только на даннические механизмы, но и на контроль инфраструктуры обмена и символических атрибутов власти.

В дореволюционной исторической науке существенный прорыв в источниковедческом изучении Золотой Орды был связан с работами В.Г. Тизенгаузена. Методологическая значимость его труда «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» состоит в том, что он переводил и упорядочил сообщения арабских хроник и сочинений IX–XVI вв., сделав их доступными для сравнительного анализа (Тизенгаузен, 1884). В 1941 г. было опубликовано продолжение свода восточных источников, подготовленного В. Г. Тизенгаузенем, что расширило его предыдущую работу-исследование (Тизенгаузен, 1941). Источниковая база, собранная В.Г. Тизенгаузенем,

позволяет проследить не только политические события, но и экономическую географию Орды, инфраструктуру обмена, а также роль городов и транзитных узлов.

Во-первых, арабские авторы фиксируют сеть трансконтинентальной торговли, в которой ордынские территории выступали не периферией, а важнейшим элементом евразийского обмена. Египетские историки и энциклопедисты XIV–XV вв. сообщают о направлениях внешней торговли и контактах Орды с Причерноморьем, Кавказом, Ираном и Восточным Средиземноморьем. В подобных свидетельствах обычно присутствует связка «торговый маршрут – город – товар – политический контроль», позволяющая обсуждать не только сам факт обмена, но и показывающая практики перемещения, уровень безопасности, роль посредников, наличие рынков и купеческую деятельность. Например, Ал-Умари в географо-административных фрагментах связывает политическое устройство Улуса Джучи с реальной картиной межрегиональной торговли, выделяет ключевые центры и направления связей и тем самым позволяет рассматривать Золотую Орду как крупную транзитную державу, а не периферию исламского мира (Тизенгаузен, 1884: 207-251). Путешественник Ибн Баттута даёт иной тип материала – «экономику в движении». Его описания городских рынков, дорожной инфраструктуры и норм приёма купцов и путешественников позволяют обсуждать практические механизмы функционирования транзита и роль крупных городов как точек концентрации спроса, услуг и административного надзора (Тизенгаузен, 1884: 278-314). Сообщения мамлюкских хронистов о дипломатии, обмене дарами и торговых контактах между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом дополняют эту картину внешнеэкономических отношений, где проступают товарные специализации и значение черноморских и прикаспийских направлений (Тизенгаузен, 1884: 63-69, 76-123, 128-171, 351-364).

Во-вторых, сводка арабских свидетельств позволяет рассматривать ордынские города как административные и торговые узлы и соотносить их развитие с решениями ханской власти. Описания Сарая, Хаджи-Тархана, Булгара, крымских и нижеволжских центров включают сведения о масштабах городской жизни, ремесле, рынках, численности, а также этноконфессиональной структуре населения. Например, Ал-Умари фиксирует статус и значение ключевых городов Улуса Джучи, тем самым задавая материал для анализа их роли в системе сбора доходов, распределения ресурсов и территориального контроля (Тизенгаузен, 1884: 207-251).

В итоге востоковедческая и источниковедческая линия XIX – начала XX в. внесла наиболее значимый эмпирический и методологический вклад в становление исследований политической экономики Орды. В её рамках был сформирован основной корпус письменных и актовых источников, который позволил предметно говорить об административном устройстве, городской сети и международных торговых связях Улуса Джучи. Параллельно вводились юридически и институционально значимые материалы, открывшие возможность реконструировать фискальные практики, режимы статуса и основы торгово-правового порядка. На основе этих письменных и актовых источников постепенно закреплялось и представление о Золотой Орде как о транзитной империи, чья экономическая мощь строилась на обеспечении безопасности путей, контроле пошлин и поддержке городской инфраструктуры.

4.3. Нумизматико-археологическая линия: монетное обращение как источник по политической экономике Улуса Джучи

Нумизматико-археологическая линия российской историографии XIX – начала XX в. сыграла важную роль в изучении экономики Золотой Орды. В отличие от государственно-исторической и источниковедческой традиций, она опиралась на материальные источники – монеты и клады, данные о центрах чеканки, а также археологические сведения о городах и торговых узлах, – тем самым заложив основу для реконструкции реальных механизмов ордынской хозяйственной жизни. Начало систематического научного изучения монет и денежного обращения Золотой Орды относится ко второй четверти XIX в., когда в Санкт-Петербурге была опубликована монография Х.М. Френа (Fraehn, 1826). С тех пор одной из центральных задач золотоордынской нумизматики остаётся составление как можно более полного каталога известных типов монет. Х.М. Френ рассматривал денежные выпуски как исторический источник, позволяющий реконструировать географию власти, смену политических режимов и динамику денежного обращения (Френ, 1832). Благодаря его работе экономическая история Орды получила более надёжную привязку к конкретным центрам эмиссии и к формулам государственной легитимации, отражённым в эпиграфике. Нумизматический подход Х.М. Френа в изучении истории Золотой Орды имел важный историографический эффект, способствуя отходу от образа Орды как лишь «даннического гнёта» к представлению её как имперской системы с развитой администрацией, торговлей и инфраструктурой. В этом контексте монета выступала индикатором существования рынков, управленческих узлов и логистических маршрутов, функционирование которых требовало стандартизированной денежной системы. Важной частью наследия Х.М. Френа стала детальная классификация монет. Исследователь связывал изменение эпиграфических формул с ключевыми политико-религиозными и административными событиями, включая легитимацию ислама при Берке-хане и чеканные изменения эпохи Узбек-хана

(Френ, 1832: 1-39). В дальнейшем исследования Френа были продолжены его учениками и последователями в XIX в. – В.В. Григорьевым, П.С. Савельевым, А.К. Марковым и др.

Наиболее значимым для развития золотоордынской нумизматики стало исследование В.В. Григорьева (Григорьев, 1850; Григорьев, 1844). Например, В.В. Григорьев определил хронологию крупного монетногоклада, найденного недалеко от развалин Сарая в июле 1848 г., и подчеркнул его аналитическую ценность: содержимое состоит только из серебряных монет Золотой Орды 710–768-х гг. (1310–1366/1367), включая значительное количество ранее не зафиксированных вариантов (Григорьев, 1850: 1). Это позволило рассматривать этот клад как эмпирический индикатор интенсивности денежного обращения и устойчивости государственной монетной системы в период укрепления Орды при Тохте, Узбеке и Джанибеке (Григорьев, 1850: 1, 3-4, 6-7, 10-15). Его методическая осторожность в вопросах датировки также стала частью новой научной нормы: один и тот же тип чекана может встречаться на монетах разных лет и даже разных правлений, поэтому отсутствие годового числа не позволяет механически переносить датировку по внешнему сходству (Григорьев, 1850: 5). Анализ поздних серий клада расширил горизонты обсуждения «великой замятни». В.В. Григорьев показал, что денежное обращение и работа монетных дворов не прекращались в 1350–1360-х гг.: фиксируются серии Нового Сарая и Гюлистана в связке с кратковременными правлениями, а также расширяется география чекана (Григорьев, 1850: 16-19, 24-29, 32-33). Особое значение имеет его трактовка монеты как аргумента политической истории: обсуждение монет 767 г. и гипотезы о «Джанибеке II» демонстрирует, что нумизматика способна восполнять лакуны летописной традиции и служить источником для реконструкции кризиса легитимности (Григорьев, 1850: 42-45, 47). Следующее крупное исследование связано с именем П.С. Савельева, чьи публикации существенно расширили корпус известных типов монет и имён правителей, фактически увеличив доказательную плотность источниковой базы по денежной истории Джучидов (Савельев, 1858; Савельев, 1865). В частности, он обращался к материалам клада близ развалин Сарая, где было выявлено более 150 новых разновидностей монет, включая экземпляры с именем ранее неизвестного хана Джанибека II (Савельев, 1865). Ещё более важным был его анализ Екатеринославского клада 1852 г., который поразили исследователей большим количеством неизданных монет и именами новых ханов – Каганбека и Мубарека, а также новыми названиями монетных городов (Савельев, 1865). Особую ценность представляет его подробная количественная и типологическая характеристика Екатеринославского комплекса: в кладе насчитывалось 14 350 серебряных монет, почти исключительно джучидских, преимущественно эпохи Тохтамыша, с детальной разбивкой по группам и предполагаемым местам чеканки (Савельев, 1865).

Институциональным завершением дореволюционного этапа развития нумизматических исследований стало составление А.К. Марковым инвентарного каталога мусульманских монет Императорского Эрмитажа (Марков, 2008). Работы А.К. Маркова стали одним из ключевых этапов развития российской восточной и, в частности, золотоордынской нумизматики. Он существенно продвинул изучение хронологии правления татарских ханов и систематизацию корпуса джучидских монет; современное издание воспроизводит часть каталога 1896 г., посвящённую монетам Улуса Джучи (Марков, 2008: 4). Принципиально, что его общая классификация не совпадает с системой Х.М. Френа и не является исключительно географо-этнографической: династии расположены в более синхронистическом порядке, с согласованием их последовательности с датами возникновения, а «монеты революционеров» вынесены в отдельный блок вслед за династиями, против которых поднимались чеканившие их эмиры (Марков, 2008: 9). Вклад А.К. Маркова в изучение Золотой Орды следует описывать как двуединый. Во-первых, он создал стандартизированный корпус данных по джучидским монетам, выстроенный по правителям, датам и городам чеканки, с продуманной синхронистической классификацией (Марков, 2008: 9). Во-вторых, благодаря этой систематизации нумизматика в российской историографии получила прочную основу для перехода от описания монет к анализу политико-экономических процессов: структуры монетных дворов, географии денежного обращения, устойчивости государственного аппарата в периоды расцвета и кризиса (Марков, 2008: 4-6).

В целом, нумизматико-археологическая школа российской науки XIX – начала XX в. сформировала исследовательский язык, в котором экономика Орды представлена через материальные свидетельства. Эта традиция остаётся актуальной и сегодня, а её дальнейшее развитие закономерно связано с расширением корпусных каталогов, цифровой атрибуцией кладов и более точными реконструкциями региональных траекторий денежного обращения Орды.

4.4. Историографический анализ генуэзско-венецианской колонизации Северного Причерноморья и Приазовья

Генуэзско-венецианская историографическая линия, сформировавшаяся в русской историографии XIX – начала XX в. на материале изучения итальянской колонизации Северного Причерноморья и Приазовья, стала одним из ключевых направлений реконструкции политической экономики Улуса Джучи. Данная перспектива позволяла выявлять механизмы транзита, договорные формулы, порядок взимания пошлин и практики правовой защиты купечества. Ключевыми авторами

выступили П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, позднее – И.В. Лучицкий и М.М. Ковалевский. Их объединяла общая установка: наиболее наглядные параметры политической экономики Орды фиксируются в прибрежных и пограничных зонах, где ханская власть вела переговоры с торговыми республиками, определяла порядок пошлин и гарантировала статус иностранного купечества. При этом для исследователей первой половины XIX в. материалы по итальянской колонизации чаще служили иллюстрацией геополитической роли Золотой Орды в трансконтинентальной торговле, тогда как внутренние экономические механизмы ханской власти лишь намечались. К рубежу XIX–XX вв. в рамках этой традиции усиливается стремление к источниковой конкретике и экономико-правовой интерпретации.

На раннем этапе такую постановку проблемы обозначил П.И. Кеппен, развив более локализованный историко-географический подход, сосредоточив внимание на роли Судак (Солдай) в трансконтинентальной торговле. Значимость его работ связана с широтой источников – от хроник и эпиграфики до свидетельств восточных географов – и попыткой встроить историю Судак в модель восточно-западных торгово-культурных связей. Он характеризовал город как важный транзитный пункт, через который в XIII в. двигались купцы «изъ Турцій въ Сѣверныя страны» и обратно, соединяя Русь, Восток и черноморские маршруты (Кеппен, 1837: 114). П.И. Кеппен подчёркивал многоэтничный и многоконфессиональный характер города и сопоставимость его торговой роли с Кафой (Кеппен, 1837: 114–115). Даже при верховной власти татар Судак, по его мнению, сохранял относительную автономию и «откупал свободу свою какою либо данью», включая раннюю данническую зависимость от Батые (Кеппен, 1837: 115; Беделова, 2025: 1240). Здесь намечается модель извлечения дохода из торгового узла без прямого административного поглощения, что может рассматриваться как ранний историографический контур идеи фискального суверенитета Орды над портовыми и транзитными зонами. Он также отметил генуэзский захват 1365 г., последующее укрепление города и латинские эпиграфические свидетельства консульской администрации (Кеппен, 1837: 116, 128), а присутствие латинских епископов и папская булла 1432 г. служат у него индикаторами институциональной устойчивости колониального режима (Кеппен, 1837: 135; Беделова, 2025: 1240–1241).

Более систематизированный эмпирический шаг в первой половине XIX в. связан с именем Н.Н. Мурзакевича. Его исследования расширили источниковую базу, привлекая западноевропейские и восточные материалы (Мурзакевич, 1837; Мурзакевич, 1853). Хотя Н.Н. Мурзакевич не описывал ордынские институты как целостную экономическую систему, его работы создали важные предпосылки для анализа ордынского контроля над транзитом, пошлинами и прибрежными торговыми узлами. В труде «История генуэзских поселений», завершённом в апреле 1837 г., он конструирует историю генуэзских колоний как часть перестройки средиземноморско-черноморских торговых систем (Мурзакевич, 1837). В этой работе Н.Н. Мурзакевич не пишет политическую экономию Орды напрямую, однако его повествование фиксирует набор инструментов власти в зоне трансрегиональной торговли: монетизацию прав на землю и поселение, выдачу торговых свобод и гарантий безопасности, институционализацию присутствия иностранной купеческой общины (Мурзакевич, 1837: 6–7). Для политической экономики Золотой Орды особенно важна ранняя договорная рамка, связывавшая Орду с итальянскими коммунами. Н.Н. Мурзакевич подчёркивает договорный характер первых соглашений с ордынско-татарской властью: хан разрешил генуэзцам закрепиться и вести торговлю, а земля была получена за «значительную сумму денег»; условия включали гарантии ввоза-вывоза товаров, свободу торговли и разрешение строить склады, магазины и дома для хранения и оборота товара (Мурзакевич, 1837: 6). Он также отмечает, что Крым (Газарию) Генуя рассматривала как удобный «срединный» пункт между Константинополем и Таной, что объясняло курс на торгово-колониационное укрепление полуострова (Мурзакевич, 1837: 5–6). Экономическое процветание генуэзских владений автор связывает с расширением сети обмена и вовлечением местной экономики в колониальный рынок: развитие виноградарства, совершенствование промыслов (включая добычу и очистку соды), поиск новых направлений торговли приводили к росту цен на местные товары (хлеб, соль) и увеличению населения региона (Мурзакевич, 1837: 10).

При этом Н.Н. Мурзакевич показывает, что внешняя торговая политика Каффы выходила за рамки отношений с татарами и вписывалась в более широкий международный рынок Восточного Средиземноморья. Описанный им договор генуэзцев с египетским султаном (1279) важен как элемент политической экономики транзита: султан обязался выплатить жителям Каффы компенсацию за выкуп пленных, не принуждать генуэзских купцов принимать благоволия вместо денег за товары и разрешить торговлю невольниками при условии освобождения тех, кто принимает христианство. Этот фрагмент показывает, что Каффа функционировала как узел межгосударственных соглашений, где торговля людьми, денежные расчёты и религиозно-правовые условия переплетались в единую систему экономической дипломатии (Мурзакевич, 1837: 19).

На рубеже XIX–XX вв. генуэзско-венецианская историографическая линия получает более выраженное источниковедческое и аналитическое развитие в работах М.М. Ковалевского. Его статья «К ранней истории Азова» посвящена судьбе венецианской и генуэзской колоний в Тане и развитию

итальянской торговли в низовьях Дона и на Азовском море (Ковалевский, 1905: 109-174). Уже в постановке проблемы проявляется методологический акцент: надёжные выводы возможны лишь при пересмотре источниковой базы. Ковалевский подчёркивает, что значительная часть материалов по венецианской Тане оставалась не введённой в научный оборот, поэтому исследование должно опираться на венецианские архивы (серия Senato misti) и их сопоставление с корпусом источников по генуэзскому направлению (Ковалевский, 1905: 109-110). Он критически анализирует позиции предшественников: например, Гейд сомневался в существовании Таны как особой итальянской колонии в середине XIII в., активность генуэзцев относил не ранее 1313 г., а возникновение венецианской колонии связывал с договором с ханом Узбеком и датировал не раньше 1332 г. (Ковалевский, 1905: 112). Для М.М. Ковалевского эти оценки требовали проверки новыми архивными данными. Источниковедческая критика у него становится механизмом пересмотра хронологии и условий итальянского присутствия в Азовском регионе.

В контексте политической экономики Золотой Орды наиболее значимы рассуждения М.М. Ковалевского о структуре доступа к рынку Азака/Таны. Тана выступает узловым пунктом сопряжения восточных и западных путей, но включение в этот узел было возможно лишь при признании суверенных прав кипчакских ханов. Европейские торговые корпорации должны были заключать соглашения с ханами и получать разрешение на устройство факторий и консульств, выгрузку и продажу товаров при условии платежей в ханскую казну; размеры и формы этих платежей фиксировались договорными нормами (Ковалевский, 1905: 117-118). Дополнительным аргументом служит связь конкуренции итальянских республик с изменениями статуса портов. Переход Судака под власть кипчакских ханов, по Ковалевскому, влиял на логику генуэзцев: для закупки солёной рыбы на рынке татарского Азака им приходилось направлять крупные ладьи из Пантикапеи в Тану (Ковалевский, 1905: 118). Центральное место занимают договоры Венеции с ханами Орды. М.М. Ковалевский считает самым ранним из известных ему договор с Узбеком и полагает, что его текст предполагает существование более ранних соглашений, которые предписывалось сохранять; он допускает связь этих утраченных договоров с эпохой путешествий Рубрика и Марко Поло и переговорами с ханом Берке (Ковалевский, 1905: 119). Он также отмечает, что договор с Узбеком (1331) воспроизводится в соглашении с Жанибеком (1347), но с включением дополнительных норм, представленных как изначально действовавших (Ковалевский, 1905: 119). Эти наблюдения усиливают вывод о роли Орды как политико-правового и фискального субъекта, формировавшего тарифы, гарантии и правила, от которых зависели параметры черноморско-азовской торговли.

В итоге генуэзско-венецианская историографическая линия стала одним из наиболее продуктивных подходов к изучению внешнеторговых механизмов Улуса Джучи. Она уточнила ключевые узлы и потоки, связывавшие Крым и Приазовье с Русью, степью и восточными рынками, а также сформировала ранние представления о таможенно-договорной системе и фискальном суверенитете ханской власти. Описанные пограничные практики Каффы и Таны показали, что международная торговля в черноморско-азовской зоне была институционально обусловлена и развивалась внутри юридических и финансовых рамок, задаваемых властью Орды.

5. Заключение

Проведённый анализ показывает, что в российской историографии XIX – начала XX в. политическая экономия Золотой Орды не сложилась как самостоятельный предмет исследования. Налогово-даннические практики, денежное обращение, городская экономика и транзитная торговля, как правило, рассматривались в составе более широких сюжетов политической истории и ордынско-русских отношений. Такой исследовательский фокус предопределял фрагментарность объяснений и ограничивал возможности реконструкции внутренней экономической рациональности Улуса Джучи как целостной институционально-хозяйственной системы. Тем не менее дореволюционная наука сформировала эмпирическую и источниковедческую базу, на которую опираются современные исследователи. Этот фундамент возник не в рамках единой школы, а через четыре взаимодополняющие исследовательские линии, обозначенные в основном тексте.

Государственно-историческая традиция закрепила проблемный каркас обсуждения ордынской фискальности на Руси, выделив механизмы дани, переписей, посредничества великих князей и селективных иммунитетов. Востоковедческо-источниковедческая линия расширила корпус письменных восточных свидетельств и усилила аналитические возможности описания административных и торгово-правовых практик Орды. Нумизматико-археологическая линия ввела в научный оборот материальные источники и пространственные параметры ордынской экономики, позволив обсуждать географию чекана, региональную динамику денежного обращения и роль городских узлов. Генуэзско-венецианская историографическая линия предложила наиболее конкретный массив данных о транзите, тарифах и договорных режимах черноморско-азовской зоны, выветив практики фискального суверенитета Орды в портово-пограничной среде.

Следовательно, ключевым итогом историографии XIX – начала XX в. стало не создание завершённой теоретической модели политической экономики Золотой Орды, а накопление и критическое освоение комплексов источников – ярлыков, арабо-персидских хроник, актов

итальянских факторий, монетных серий и кладов. Именно эта многоканальная исследовательская традиция подготовила устойчивую основу для современных междисциплинарных интерпретаций фискальных институтов, денежного обращения, городской экономики и трансевразийского транзита Улуса Джучи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт финансирования Комитета науки МНВО РК (ИРН BR24993132 «Ранняя и средневековая история и культура тюркского мира по новым уникальным материалам Ватикана и стран Западной Европы»).

Литература

- Березин, 1850a** – Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Тип. ИАН, 1850. 24 с.
- Березин, 1850b** – Березин И.Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. Казань: Тип. Н. Кокевина, 1850. 72 с.
- Березин, 1852** – Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // *ИКГВ*. 1852. № 22. 8 с.
- Валеев и др., 2025** – Валеев Р.М., Валеев Р.М., Валеева Р.З., Кириллина С.А., Рахимова Я.Р. Г.С. Саблуков и его вклад в изучение золотоордынского наследия // *Археология Евразийских степей*. 2025. № 2. С. 349-366.
- Григорьев, 1844** – Григорьев В.В. Монеты Джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие Одесскому обществу истории и древностей // *ЗООИД*. 1844. Т. 1. С. 301-314.
- Григорьев, 1850** – Григорьев В.В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // *ЗСПбАНО*. 1850. Т. 2. С. 1-63.
- Калан, 2012** – Калан Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. 156 с.
- Карамзин, 1892** – Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Изд. Евг. Евдокимова, 1892. Т. 5. 372 с.
- Карамзин, 1993** – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. М.: Наука, 1993. 560 с.
- Кеппен, 1837** – Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: ИАН, 1837. 409 с.
- Ключевский, 1957** – Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2: Курс русской истории. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 470 с.
- Ковалевский, 1905** – Ковалевский М.М. К ранней истории Азова: Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // *Труды XII археологического съезда*. М., 1905. Т. 2. С. 109-174.
- Марков, 2008** – Марков А.К. Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 120 с.
- Мурзакевич, 1837** – Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.
- Мурзакевич, 1853** – Мурзакевич Н.Н. Генуэзские консулы города Каффы // *ЗООИД*. 1853. Т. 3. С. 552-558.
- Набиев, 2012** – Набиев Р.Ф. Экономика Империи Джучидов XIV века (расцвет Золотой Орды). Saarbrücken: LAP, 2012. 256 с.
- Набиев, 2014** – Набиев Р.Ф. Государство Джучидов в XIV веке: проблемы политического и экономического развития: дис. д-ра ист. наук. Казань, 2014. 619 с.
- Саблуков, 1844** – Саблуков Г.С. Монеты Золотой Орды // *Саратовские губернские ведомости*. 1844. № 2–3 (8–15 января).
- Саблуков, 1895** – Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Изд. 2-е. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1895. 60 с.
- Савельев, 1858** – Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // *ТВОИАО*. Ч. 3. СПб., 1858. С. 203-528.
- Савельев, 1865** – Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1865. 326 с.
- Соловьёв, 1960** – Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3–4. М.: Изд-во соц.-экон. лит.-ры, 1960. 784 с.
- Тизенгаузен, 1884** – Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. ИАН, 1884. 564 с.
- Тизенгаузен, 1941** – Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Френ, 1832** – Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.: ИАН, 1832. 97 с.

[Abdimomynov et al., 2024](#) – *Abdimomynov N.T., Zhumagulov K.T., Saurykov Y.B.* The Mongol Impact on the Political History of the Byzantine Empire // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2024. Vol. 69. Is. 3. Pp. 685-708.

[Bedelova et al., 2025](#) – *Bedelova G.S., Masimkhanuly D., Abidenkyzy A.* Reflections on trade and economic relations during Mongol rule in pre-revolutionary Russian historiography // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1237-1249.

[Franeli, 1826](#) – *Franeli Ch.M.* Resensio numorum muhammedanorum. Petropoli: Litteris Academicis, 1826. 743 p.

References

[Abdimomynov et al., 2024](#) – *Abdimomynov, N.T., Zhumagulov, K.T., Saurykov, Y.B.* (2024). The Mongol Impact on the Political History of the Byzantine Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 69(3): 685-708.

[Bedelova et al., 2025](#) – *Bedelova, G.S., Masimkhanuly, D., Abidenkyzy, A.* (2025). Reflections on trade and economic relations during Mongol rule in pre-revolutionary Russian historiography. *Bylye Gody*. 20(3): 1237-1249.

[Berezin, 1850a](#) – *Berezin, I.N.* (1850). Vnutrennee ustroistvo Zolotoi Ordy (po khanskim yarlykam) [The internal structure of the Golden Horde (according to Khan's Charters)]. SPb: IAN. 24 p. [in Russian]

[Berezin, 1850b](#) – *Berezin, I.N.* (1850). Yarlyk khana Zolotoi Ordy Tokhtamysha k pol'skomu korolyu Yagailu [Charter of the Khan of the Golden Horde Tokhtamysh to the Polish King Jogaila]. Kazan: Tip. N. Kokevina. 72 p. [in Russian]

[Berezin, 1852](#) – *Berezin, I.N.* (1852). Tarkhannye yarlyki, dannye khanami Zolotoi Ordy russkomu dukhovenstvu [Tax-Exempt charters granted by the Khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. *IKGV*. 22: 8. [in Russian]

[Franeli, 1826](#) – *Franeli, Ch.M.* (1826). Resensio numorum muhammedanorum. Petropoli: Litteris Academicis. 743 p.

[Fren, 1832](#) – *Fren, Kh.M.* (1832). Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami raznykh inykh mukhammedanskikh dinastii v pribavlenii [Coins of the Khans of the Ulus of Jochi or the Golden Horde, with Coins of Various Other Muhammadan Dynasties in Addition]. SPb: IAN. 97 p. [in Russian]

[Grigor'ev, 1844](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1844). Monety Dzhuchidov, Genueztsev i Gireev, bytye na Tavricheskom poluostrove i prinadlezhashchie Odesskomu obshchestvu istorii i drevnostei [Coins of the Juchids, Genoese and Gireys Struck in the Tauric peninsula and Belonging to the Odessa society of history and antiquities]. *ZOOID*. 1: 301-314. [in Russian]

[Grigor'ev, 1850](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1850). Opisanie klada iz zolotoordynskikh monet, naidennogo bliz razvalin Saraya [Description of a Hoard of Golden Horde Coins Found near the Ruins of Sarai]. *ZSPbANO*. 2: 1-63. [in Russian]

[Kalan, 2012](#) – *Kalan, E.* (2012). Zolotaya Orda (Ulus Dzhuchi) i strany Vostoka: torgovo-ekonomicheskie vzaimootnosheniya vo vtoroi polovine XIII–XIV vv. [The Golden Horde (Ulus Jochi) and the eastern countries: trade and economic relations in 13th–14th centuries]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani. 156 p. [in Russian]

[Karamzin, 1892](#) – *Karamzin, N.M.* (1892). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. SPb: Izdanie Evg. Evdokimova. Vol. 5. 372 p. [in Russian]

[Karamzin, 1993](#) – *Karamzin, N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Vol. 5. M.: Nauka. 560 p. [in Russian]

[Keppen, 1837](#) – *Keppen, P.I.* (1837). Krymskii sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh [Crimean collection. On the antiquities of the Southern coast of Crimea and the Tauric mountains]. SPb: Imperatorskaya Akademiya Nauk. 409 p. [in Russian]

[Klyuchevskii, 1957](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (1957). Sochineniya. T. 2: Kurs russkoi istorii. Ch. 2 [Works. Vol. 2: Course of Russian history. Part 2]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 470 p. [in Russian]

[Kovalevskii, 1905](#) – *Kovalevskii, M.M.* (1905). K rannei istorii Azova: Venetsianskaya i genuezskaya kolonii v Tane v XIV veke [On the Early History of Azov: Venetian and Genoese Colonies in Tana in the 14th century]. *Trudy XII arkheologicheskogo s"ezda*. M. 2: 109-174. [in Russian]

[Markov, 2008](#) – *Markov, A.K.* (2008). Monety dzhuchidov: Zolotaya Orda, tatarskie khanstva [Coins of the Jochids: the Golden Horde and Tatar khanates]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 120 p. [in Russian]

[Murzakevich, 1837](#) – *Murzakevich, N.N.* (1837). Istoriya genuezskikh poselenii v Krymu [History of the genoese settlements in Crimea]. Odessa: Gorodskaya tipografiya. 91 p. [in Russian]

[Murzakevich, 1853](#) – *Murzakevich, N.N.* (1853). Genuezskie konsuly goroda Kaffy [The Genoese Consuls of the City of Caffa]. *ZOOID*. 3: 552-558. [in Russian]

- [Nabiev, 2012](#) – *Nabiev, R.F.* (2012). *Ekonomika Imperii Dzhuchidov XIV veka (rastsvet Zolotoi Ordy)* [The economy of the Jochid Empire in the 14th century (the flourishing of the Golden Horde)]. Saarbrücken: LAP. 256 p. [in Russian]
- [Nabiev, 2014](#) – *Nabiev, R.F.* (2014). *Gosudarstvo Dzhuchidov v XIV veke: problemy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya* [The Jochid State in the 14th century: problems of political and economic development]: diss. ... d-ra ist. nauk. Kazan'. 619 p. [in Russian]
- [Sablukov, 1844](#) – *Sablukov, G.S.* (1844). *Monety Zolotoi Ordy* [Coins of the Golden Horde]. *Saratovskie gubernskie vedomosti*. 2–3 (8–15.01). [in Russian]
- [Sablukov, 1895](#) – *Sablukov, G.S.* (1895). *Ocherk vnutrennego sostoyaniya Kipchakskogo tsarstva* [Essay on the Internal State of the Kipchak Kingdom]. 2nd ed. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. 60 p. [in Russian]
- [Savelev, 1858](#) – *Savelev, P.S.* (1858). *Monety Dzhuchidov, Dzhelairidov i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha* [Coins of the Juchids, Jalayirids and Others Circulating in the Golden Horde in the Epoch of Tokhtamysh]. *TVOIAO*. Ch. 3. SPb. Pp. 203–528. [in Russian]
- [Savelev, 1865](#) – *Savelev, P.S.* (1865). *Monety dzhuchidskie, dzhagatayskie, dzhelairidskie i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha* [Jochid, Chaghatayid, Jalayirid and Other Coins Circulating in the Golden Horde in the Epoch of Tokhtamysh]. SPb: Tipografiya A. Transhelya. 326 p. [in Russian]
- [Solov'ev, 1960](#) – *Solov'ev, S.M.* (1960). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremyon* [History of Russia from the earliest times]. Book II. Vols. 3–4. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekon. lit. 784 p. [in Russian]
- [Tizengauzen, 1884](#) – *Tizengauzen, V.G.* (1884). *SMIZO. T. 1: Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh* [Medieval materials on the history of the Golden Horde. Vol. 1: extracts from Arabic works]. SPb: IAN. 564 p. [in Russian]
- [Tizengauzen, 1941](#) – *Tizengauzen, V.G.* (1941). *SMIZO. T. 2: Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevich i S.L. Volinym* [Medieval materials on the history of the Golden Horde. Vol. 2: extracts from Persian works, collected by V.G. Tizengauzen and ed. by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. M.; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 308 p. [in Russian]
- [Valeev i dr., 2025](#) – *Valeev, R.M., Valeev, R.M., Valeeva, R.Z., Kirillina, S.A., Rakhimova, Ya.R.* (2025). *G.S. Sablukov i ego vklad v izuchenie zolotoordynskogo naslediya* [G.S. Sablukov and His Contribution to the Study of the Golden Horde Heritage]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*. 2: 349–366. [in Russian]

Политическая экономия Золотой Орды в российской историографии XIX – начала XX в.

Нуртас Т. Абдимомынов ^a, Дукен Масимханулы ^b, Айнур Абиденкызы ^b, Болатбек Ш. Батырхан ^{c, *}

^a Международный университет информационных технологий (МУИТ), Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу эволюции представлений о политической экономии Золотой Орды в российской историографии XIX – начала XX в. Цель статьи – реконструировать и систематизировать дореволюционные интерпретации ключевых институтов политической экономики Орды (система дани и налогов, монетное дело, транзитная торговля), а также выявить их методологические основы. Источниковую базу составляют труды историков государственно-исторической традиции (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и др.), востоковедов и источниковедов (И.Н. Березин, Г.С. Саблуков, В.Г. Тизенгаузен и др.), представителей нумизматико-археологического направления в российском востоковедении (Х.М. Френ, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, А.К. Марков и др.), а также авторов генуэзско-венецианской историографической линии (П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, М.М. Ковалевский и др.). Показано, что в рамках этих четырёх направлений российские авторы последовательно исследовали налогоободанные практики Орды, механизмы денежного обращения, регулирование торговли и таможенные режимы, а также структуру и динамику трансевразийского транзита. Тем самым политико-экономическое измерение Золотой Орды осмыслялось не в рамках единой исследовательской линии, а через совокупность взаимодополняющих подходов. Доказано, что, несмотря на отсутствие целостной модели экономической рациональности Золотой Орды, дореволюционные авторы заложили прочный эмпирико-источниковедческий фундамент, вводя в научный оборот и систематизируя ярлыки, восточные нарративные источники, акты генуэзских и венецианских факторий, монетные серии и нумизматические данные.

Ключевые слова: Золотая Орда, политическая история, Российская историография, татаро-монгольское иго, данническая система, востоковедение, нумизматика, черноморская торговля.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bolat-z90h@list.ru (Б.Ш. Батырхан)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 193-202
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.193

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian-Persian War (1826–1828): on the 200th Anniversary of the 1826 Campaign

Andrey A. Baibarin ^{a, *}, Sergei B. Zinkovskii ^b, Evgeny N. Lamanov ^c, Olga V. Popova ^d

^a Moscow University "Synergy", Moscow, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The manuscript is devoted to the analysis of the military campaign of 1826 of the year of the Russian-Persian war of 1826–1828. The material was memoir sources and historiography on the research problem, such methods of historical research as historical-systemic, historical-genetic, historiographical, etc. became the methodological basis.

The 1826 campaign of the last Russo-Persian War proved to be very successful for the Russian army. The successes were preceded by talented diplomatic work, which lulled the Persian commander-in-chief Abbas Mirza to sleep with a small and scattered military contingent of the Russian Empire, as well as the promised assistance of the Ottoman Empire and Great Britain.

Having pushed Persia to war, the Turks and the British did not provide the support that Abbas Mirza had promised, so she had to fight alone. From the point of view of tactics (and not without the help of British advisers), the Persian troops, who had a significant (almost twofold) numerical superiority, entered from three directions, forcing the combined forces of Russians, Armenians and Georgians to disperse the already small forces.

However, the heroism of the Russian troops, the courage and initiative of the commanders (in particular, Madatov, Paskevich), as well as their genuine heroism (in particular, Reut) negated the advantages of the Persian troops. The bet on an unexpected attack did not pay off, and Abbas was unable to solve the main tasks of the war without declaring war, as a result of which the war took on a protracted character for the Persians and predetermined their crushing defeat.

Keywords: the campaign of 1826, the Russo-Persian War of 1826–1828, the diplomacy of the Russian Empire of the 19th century.

1. Введение

Русско-персидская война, несмотря на ее скоротечность, локальность и удаленность от главных административных центров Российской империи, тем не менее, вызывает значительное внимание у историков по ряду причин. Во-первых, война оказалась весьма удачной для России и считается войной справедливой, так как Персия, будучи неудовлетворенной результатами Гюлистанского мира 1813 года, первой вторглась на русские территории. Во-вторых, Туркманчайский мирный договор от 1828 года стал виртуозной дипломатической игрой (пусть и с известными потерями, прежде всего, речь идет об А.С. Грибоедове, который мог сознательно пойти на такую жертву ради победы и присоединения территорий дружественного для России армянского региона Закавказья). В-третьих, Туркманчайский мир принес Российской империи важные регионы с точки зрения геополитики, став естественным барьером от враждебно настроенной Османской империи и защитив относительно

* Corresponding author

E-mail addresses: andrewbaybarin@gmail.com (A.A. Baibarin)

недавно присоединившиеся грузинские территории в составе России. И, наконец, эта война стала последней в истории русско-иранских отношений. По своей продолжительности, война занимает 3-е место из всех русско-турецко-персидских войн в XIX веке, продлившись около 19 месяцев (Magsumov et al., 2021: 591).

Вместе с тем, отдельного внимания заслуживает кампания 1826 года – первого года войны, который и предопределил успех всей войны. В данной работе на основе мемуарных источников и историографии, мы попробуем осветить важнейшие моменты кампании 1826 года русско-персидской войны 1826–1828 гг.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили мемуарные и статистические исторические источники по русско-персидской войне 1826–1829 годов.

Из мемуаров, прежде всего, отметим воспоминания офицера русской императорской армии, полномочного министра и дипломата, графа, генерал-лейтенанта Ивана Осиповича Симонича (1794–1851), участвовавшего в кампании 1826 года, включая и Елизаветпольское сражение, в котором был тяжело ранен и награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Симонич непосредственно описывает данную кампанию как в отдельной, посвященной ей работе (Симонич, 1901), так и в более поздних воспоминаниях, будучи уже полномочным министром Персии (Симонич, 1967).

Значительный интерес представляют «Материалы к истории персидской войны 1826–1828 гг.», опубликованные в «Кавказском сборнике» (Материалы..., 1910) и содержащие многие архивные документы, проливающие свет на «персидскую кампанию» конца 20-х годов XIX века. Также отметим «Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае», опубликованный в 1901 году (Сборник сведений..., 1901).

В качестве методической основы применялись такие методы как:

- Историко-системный метод: применен для комплексного анализа дипломатии, театра и основных боевых действий кампании 1826 года в последней русско-персидской войне;
- Историографический метод: использован для исследования источников и историографии по проблеме русско-персидской войны 1826–1828 гг.;
- Историко-генетический метод: применялся для выявления причинно-следственной связи между дипломатической, политической, военной, экономической и субъективно-личностной конъюнктурой русско-персидской войны 1826–1828 гг.;
- Метод классификации: применен для распределения по группам источников и историографии по проблеме русско-персидской войны 1826–1828 гг.

3. Обсуждение

Работ, освещающих русско-персидскую войну 1826–1828-х годов, достаточно много: ей уделяли внимание как дореволюционные, так и советские и современные историки.

Из дореволюционных исследования, прежде всего, отметим фундаментальный труд военного историка, начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, генерала от инфантерии Василия Александровича Потто «Персидская война 1826–1828 гг.» (Потто, 1888), опубликованная в 5-томном исследовании «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях»; в работе дается весьма подробный анализ театра военных действий, дипломатические перипетии накануне и после войны, истинные причины и повод для начала боевых действий и многое другое. Также, в данной работе использовалась фундаментальная работа В.А. Потто, П.И. Аверьянова и В.И. Томкеева «Утверждение русского владычества на Кавказе» (Потто и др., 1906). В контексте нашей темы нельзя не отметить и статью российского историка и военнотруженика, героя Первой мировой, генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Шишкевича, являющегося автором посвященной русско-персидской войне 7-й главы «Персидская война 1826 года. Ермолов и Паскевич» в 6 томе «Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны» 15-томного сборника «История русской армии и флота» (Шишкевич, 1911).

Советские работы представлены фундаментальными исследованиями Б.П. Балаян о международных отношениях Персии во 2 и 3 десятилетиях XIX века (в советской историографии – Иран, как и указано в названиях монографий Бориса Павловича; государство официально поменяло свое название с «Персия» на «Иран» в 1935 году – прим. авт.) (Балаян, 1967; Балаян, 1983; Балаян, 1988), диссертационным исследованием А.А. Тихоновой, непосредственно посвященным войне 1826–1828 гг. (Тихонова, 1954), а также целым рядом статей в периодических научных изданиях, которые являются достаточно известными и поэтому указывать их здесь считаем нецелесообразным.

Из современных трудов отметим целый ряд исследований, в силу многообразия которых считаем уместным разделить их на несколько групп:

- а) работы, посвященные непосредственно русско-персидской войне 1826–1828 годов;
- б) комплексные, биографические, статистические и культурологические исследования, в которых, так или иначе, затрагивается русско-персидская война или ее кампания 1826 года.

К первой категории трудов отнесем работы А.А. Черкасова, М. Шмигеля, С. Братановского, А. Валу о потерях русской армии (Cherkasov et al., 2017a), И.А. Ермачкова, Л.А. Королевой, Н.В. Свечниковой, Я. Гут о санитарном обеспечении Кавказа в период войны 1826–1828 гг. (Ermachkov et al., 2018), А.Н. Рябикова, К.А. Чуприной и А.Ю. Сопран о политике Российской империи на Кавказе в период войны 1826–1828 гг. (Рябиков и др., 2015), Ю.В. Старшова (словарь-справочник по страницам русско-персидской войны 1826–1828 гг.) (Старшов, 2006) и др.

Ко второй, значительно более многочисленной категории работ, отнесем исследования А.Д. Антонова (Антонов, 2024), С.Д. Васильева (Васильев, 2021), Д.Б. Салиховой (Салихова, 2007) о русско-персидских отношениях в XIX веке, О.А. Базина (Базин, 2020), И.С. Федоровой, Р.И. Кантимирова (Федорова, 2022; Федорова, Кантимирова, 2021) о разгроме дипломатической миссии России в Персии и гибели А.С. Грибоедова, А.Г. Евстратова о роли офицеров-армян в деле присоединения территорий Армении к России (Евстратов, 2024), Ф.В. Гаджиева о деятельности карапахов-азербайджанцев Эриванского ханства (Гаджиев, 2019), Т.А. Магсумова, Т.Э. Зулфугарзаде, М.Б. Колоткова и Е.В. Красненковой о потерях в русско-турецких и русско-персидских войнах XIX века (Magsumov et al., 2021), А.П. Скорик о боевых отличиях донских казачьих полков на кавказском театре русско-персидской и русско-турецкой войн 1826–1828 и 1828–1829 годов (Скорик, 2017), С.М. Степанянц о спасении русскими войсками духовного центра армянства, первопрестольного святого Эчмиадзина (Степанянц, 2024), О.А. Хорошиловой о влиянии войны 1826–1828 годов на русскую торговлю и моду (Хорошилова, 2018; Хорошилова, 2022) и др. (в частности, Керсновский, 1993). Особый интерес представляет фундаментальная работа А.В. Шишова «Схватка за Кавказ. XVI–XXI века» (Шишов, 2007), 7-я глава которой посвящена русско-персидской войне 1826–1828 гг., присоединению Восточной Армении, а также личности главкома на данном направлении – графа И.Ф. Паскевича-Эриванского.

Отдельным персоналиям русско-персидской войны 1826–1828 гг. посвящены работы М.А. Булавинова (о И.Ф. Паскевиче) (Булавинов, 2024), С.Г. Воскобойникова, Т.В. Щукиной (о А.А. Карпове 2-м¹) (Воскобойников, Щукина, 2016), А.В. Захаревича (о В.А. Андрееве 1-м) (Захаревич, 2013), Г.К. Маргарян (о Х.Е. Лазареве) (Маргарян, 2006), В.А. Толстова (о Л.А. Загоскине) (Толстов, 2008) и др.

Приведенный историографический перечень не является полным, однако представляется вполне достаточным для решения задач нашего исследования.

4. Результаты

Объем работы не позволяет нам полноценно осветить все дипломатические перипетии, предшествовавшие войне 1826–1828 гг., вместе с тем, без понимания дипломатической ситуации, сложно оценить причинно-следственные связи между довоенными событиями и началом войны, поэтому считаем уместным уделить этому несколько слов.

Мир, заключенный в 1813 году селении Гюлистан, располагавшимся на территории Карабаха с многонациональным, но преимущественно армянским населением, был совершенно невыгоден Персии (Ирану), так как закончился решительным поражением последнего, несмотря на численное превосходство персидской армии и переходом к России значительных территорий Кавказа и Закавказья, а именно Кахетии, Картли, Мингрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, Дагестана, Азербайджана и значительную часть Восточной Армении; также у России появилось право иметь военный флот в Каспийском море.

Персия не могла мириться с такими потерями и ослаблением в геополитическом плане, поэтому Каджарский принц и фактический правитель Аббас-мирза с самого начала рассматривал Гюлистанский мир как передышку.

Это понимали и в Санкт-Петербурге. Закончив европейскую кампанию и одержав тяжелую победу французов во главе с Наполеоном, Россия начала постепенное усиление военного и дипломатического присутствия на новых территориях, притом, что значительная часть населения этих территорий симпатизировала России (в частности, армяне и грузины, которые были христианами, а также еврейское население).

Не случайно, Александр I направил в регион одного из наиболее способных своих дипломатов и полководцев, А.П. Ермолова, который предупреждал и вошедшего на престол Николая I о том, что персы готовятся к войне и она неизбежна.

В свою очередь, Аббас-мирза, понимая весьма напряженные отношения России и Турции, между которыми вот-вот должна была вспыхнуть война (и она действительно началась сразу же после подписания Туркманчайского мира в феврале 1828 года) и внутренний раскол русского общества, вызванный движением декабристов и попыткой государственного переворота в декабре 1825 года, а также неопытность только что вошедшего на престол российского императора, который, в отличие

¹ В русской императорской армии была традиция отмечать однофамильцев порядковыми номерами в зависимости от срока выслуги (т. е., чем раньше военный служащий поступил на службу, тем меньше был его порядковый номер).

от двух своих старших братьев – Александра I и Константина I, – не был подготовлен к роли монарха должным образом, вполне резонно решил, что лучшего времени для начала вторжения уже не будет. К тому же, Персию к войне с Россией усиленно подталкивали Великобритания и Турция.

Николай I всячески старался оттянуть начала войны, отправив сменившего воинственного Ермолова нового посла А.С. Меншикова с единственной целью «... условиях надвигающейся войны с Турцией сохранить с Ираном мир» (Шишкевич, 1911: 61).

Однако миссия Меншикова закончилась провалом. Английские и турецкие советники повлияли на Аббаса-мирзу и в конечном счете уговорили его начать военные действия, обещая помощь (а Османская империя – и вовсе начать войну), однако с началом боевых действий своих обещаний не выполнили: Великобритания решила не идти на открытую конфронтацию с русскими, а Турция к войне оказалась попросту не готова (Балаян, 1988: 147), поэтому в итоге Персия осталась с Россией «один на один». И этот факт также следует признать победой русской дипломатии.

Вторжение началось неожиданно: весной 1826 года отряд регулярной иранской армии в составе пехоты и конницы, усиленный артиллерией, а также курдские формирования вышли «на защиту» крестьян эриванского ханства, начавших обработку полей. Армянское население не из числа элит, традиционно придерживающееся пророссийской ориентации, просило русских военных чиновников выдать оружие против такой «защиты».

Отметим, что военные коммуникации на Кавказе в силу горной местности и относительной малонаселенности были весьма скудны, поэтому с Закавказьем Россию связывали лишь военно-грузинская дорога и морской путь по Каспийскому морю. Поэтому экстренная (и скрытная) переброска российского воинского контингента представлялась делом затруднительным, а численность боеспособных подразделений на местах дислокации оставалась незначительной, что также было пользой Персии.

Замена жесткого, самостоятельного и инициативного, а также весьма быстрого на расправу Ермолова значительно более аккуратным в силу «высочайших» установок Меншиковым было расценено персами как слабость русской стороны. Более того, последнего даже на один месяц задержали у эриванского хана, под различными благовидными предложениями не давая выехать, в то время как вся корреспонденция русской дипломатической миссии перехватывалась персами. Лишь 22 августа¹ 1826 года после непосредственного вмешательства посла Великобритании в Индии и Иране п-ка королевской армии Джона Макдональда Киннейра, Меншиков смог выехать в Россию, в то время как фактическое вторжение персидских войск уже было начато.

М.И. Шишкевич указывает, что русские войска, которыми все еще командовал А.П. Ермолов, насчитывали 30 793 пехотинца, 5 035 кавалеристов и 90 орудий (Шишкевич, 1911: 61). Регулярная персидская армия, обученная и оснащенная по английскому образцу, насчитывала, по данным Потто, около 100 тыс. человек, 6 тыс. из которых представляли собой конную милицию (Потто и др., 1906: 69). Современные исследователи (в частности, А.В. Шишов) считают, что непосредственно в войне с персидской стороны участвовали около 60 тыс. бойцов (Шишов, 2007: 253), то есть превосходство иранских сил было двукратным.

Стратегической задачей русской стороны была защита присоединенных территорий и, прежде всего, крупнейшего российского административного и военного центра – г. Тифлис (совр. Тбилиси), задача персидской стороны – овладение Тифлисом, захват Закавказья и Кавказа вместе с Кавказским хребтом вплоть до турецкой границы на Восточном Причерноморье, и выдворение русских войск за Терек, то есть овладение естественными границами на Кавказе и Закавказье.

Кампания 1826 года всецело предопределила успех всей войны для России.

19 июля 1826 года войска Аббаса-мирзы без объявления войны вторгаются на территории Талышского и Карабахского ханств; адербейджанские татары (совр. азербайджанцы) в большинстве своем поддержали Аббаса, поэтому персидские войска фактически не встретили сопротивления.

Один из опорных пунктов Гянджинского ханства, г. Елисаветполь (совр. Гянджа) оказался без русского гарнизона; азербайджанцы подняли в нем восстание и персы без кровопролития овладели крупным форпостом в Закавказье.

Император отправил к Ермолову Паскевича, который формально подчинялся первому, однако такое «подчинение» было лишь формальным и все трое это понимали: М.И. Шишкевич указывает (Шишкевич, 1911: 61), что новоизбранный император боялся усиления авторитета в войсках талантливого и весьма самостоятельного в своих действиях А.П. Ермолова, фаворита бывшего императора Александра I, поэтому отправил на фронт своего, лично преданного, фаворита И.Ф. Паскевича.

Кровопролитные сражения начались с обороны г. Шуши, нападение на который героически отражал п-к И.А. Реут с 42-м Егерским полком. Ермолов, долго проживший в Азии, действовал «азиатскими методами»: он заставил переехать в Шушу всех влиятельных беков с семьями (дворян в азиатских мусульманских государствах – прим. авт.), которые, согласно присяге, должны были защищать ставший русским осажденный город и у которых не было возможности ретироваться и/или

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

присягнуть противнику, превратив их, таким образом, одновременно в заложников. Несмотря на безнадежное положение, гарнизон продержался против всей армии Аббаса-мирзы 47 дней до 5 сентября и на полтора месяца задержал продвижение персов к Тифлису, что позволило русским перегруппировать войска и подготовиться к обороне главного российского форпоста в Закавказье.

Параллельно, интернациональный 2-тысячный отряд во главе с ген.-м-ром В.Г. Мадатовым с тремя пехотными батальонами при 12 орудиях, Донским казачьим полком и грузинскими ополченцами начал наступление к Елисаветполю. Аббас-мирза двинул навстречу 10-тысячный авангард под командованием Мамеда-мирзы (в некоторых источниках: Мохаммед, шахзаде и сын Аббаса – *прим. авт.*) и эриванского сардара (глава вассального государственного образования и военачальник – *прим. авт.*) Амир-хана. Понимая, что противник успел занять выгодные рубежи, Мадатов разделил свой отряд на три колонны и отвернул на г. Шамхор (совр. Шамкир), сосредоточив удар на фланге и пытаясь зайти в тыл к персам. Сражение получило название Шамхорского и прославилось как самого командующего, так и его подчиненных: ударив окопавшихся персов с ходу после форсирования р. Шамхорки с трех сторон одновременно, объединенный русско-грузинско-армянский отряд посеял панику в рядах противника, вынудив его к беспорядочному отступлению. Потери персов составили около 2 тыс. бойцов ([Шишкевич, 1911: 63](#)) – приблизительно столько же, сколько было в отряде Мадатова.

Одновременно с ударом главными силами на Шушу, Аббас-мирза зашел с юга на грузинские территории Российской империи, отправив эриванский отряд (16 тыс.) и персидскую конницу (12 тыс.) под командованием эриванского сардара Хусейн-хана Казвани Девелу Каджара. Весьма протяженную границу на этом направлении защищали около 3 тыс. бойцов при 12 орудиях под общим командованием п/п-ка Андреева, (данные В.А. Потто), дислоцированных разрозненно небольшими отрядами в наиболее ценных рубежах; даже уровень командования говорит о ненадежной защите данного направления.

Под давлением Хусейн-хана, русские части с тяжелыми боями стали отходить к Караклису (совр. Ванадзор) и Гумрам (совр. Гюмри), которые оказались окружены. Караклис совместно обороняли не только русские пехотинцы, но и отряды армянской (около 100 всадников) и азербайджанской (50 чел.) кавалерии ([Потто, 1888](#)).

И, наконец, с третьего, юго-восточного направления, уничтожая малые пограничные форпосты, зашел эриванский сардар Гассан-ага с 5-тысячной кавалерией курдов (западные персы, говорящие на собственном диалекте иранского языка; в совр. признается самостоятельным языком) и карапахов (или терекеме; одна из этнических групп азербайджанских татар – *прим. авт.*), который также прорывался к Гумрам.

Тактически (и не без помощи английских советников) персы действовали весьма грамотно, учитывая преимущественно горный ландшафт на театре военных действий, где крупные формирования оказывались неэффективны и рассредоточив удары.

Героическая оборона Шуши, сломавшая все планы Аббаса-мирзы, дала передышку русским войскам и позволила перейти в контрнаступление.

После вышеобозначенного Шамхорского сражения, Мадатов 5 сентября получив подкрепления и преследуя арьергард отступающих персов, на их «плечах» смог зайти в Елисаветполь и освободить его.

Понимая, что Мадатов зайдет в тыл, Аббас снял осаду с так и оставшейся непокоренной Шуши и, имея план воспользоваться значительным численным преимуществом (35 тыс. персов и азербайджанцев при 24 орудиях против 4,3 тыс. русских, армян и грузин), навязать ему бой и уничтожить его отряд, «заперев» его в Елисаветполе как в ловушке.

Однако персидский главнокомандующий совершил ошибку и попал в ловушку сам: осадив Елисаветполь, он не заметил скрытно подошедшего Паскевича с 10 319-ю бойцов Отдельного Кавказского корпуса при 24 орудиях (такие данные указывает советский историк А.А. Керсновский; [Керсновский, 1993: 99](#)).

13 сентября с ходу ударив по не успевшим перегруппироваться войскам Аббаса, Паскевич нанес персам сокрушительное поражение и заставил их спешно отступать. К началу ноября персы были вынуждены уйти за естественную границу – реку Аракс и до 1827 года крупные боевые действия не возобновлялись.

Несмотря на значительное численное превосходство иранских войск, потери объединенных русских, армянских и грузинских войск оказались невелики: по данным современных историков, всего за период войны невозвратные потери командного состава включали 24 российских офицера из разных родов войск, больше всего (13 чел.) – в гренадерских и пехотных полках ([Magsumov et al., 2021: 591](#)). Данные о потерях нижних чинов весьма сильно разнятся у разных авторов, поэтому приводит их здесь мы считаем нецелесообразным.

5. Заключение

Кампания 1826 года последней русско-персидской войны оказалась весьма удачной для российской армии. Успехам предшествовала и талантливая дипломатическая работа, которая усыпила бдительность персидского главнокомандующего Аббаса-мирзы небольшим и разрозненным

воинским контингентом Российской империи, а также обещанной помощью Османской империи и Великобритании.

Подтолкнув Персию к войне, турки и англичане не оказали той поддержки, которую обещали Аббас-мирзе, поэтому воевать ей пришлось в одиночку. С точки зрения тактики (и не без помощи английских советников), персидские войска, обладавшие значительным (практически двукратным) численным превосходством, зашли с трех направлений, вынудив объединенные силы русских, армян и грузин рассредоточить и без того небольшие силы.

Однако героизм российских войск, смелость и инициативность командиров (в частности, Мадатова, Паскевича), а также подлинный их героизм (в частности, Реут) свели на нет преимущества персидских войск. Ставка на неожиданное нападение себя не оправдала и Аббас не смог этим нападением без объявления войны решить главные задачи войны, в результате чего война приняла затяжной для персов характер и предопределила их сокрушительное поражение.

Литература

[Антонов, 2024](#) – Антонов А.Д. Русско-персидские отношения в первой трети XIX в. (к вопросу о русских дезертирах в персидской армии) // *StudArctic Forum*. 2024. Т. 9. № 2. С. 30-38.

[Базин, 2020](#) – Базин О.А. Разгром дипломатической миссии России в Персии в контексте «большой игры» // *Вестник Государственного социально-гуманитарного университета*. 2020. № 4 (40). С. 3-8.

[Балаян, 1967](#) – Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813-1828 гг. Ереван, 1967.

[Балаян, 1983](#) – Балаян Б.П. Кровь на алмазе «Шах»: Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван: Айстан, 1983.

[Балаян, 1988](#) – Балаян Б.П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван, 1988.

[Булавинов, 2024](#) – Булавинов М.А. И.Ф. Паскевич – «забытый» фельдмаршал // *Военная история: события, свершения, люди, судьбы. Материалы XI международной конференции*. СПб., 2024. С. 97-100.

[Васильев, 2021](#) – Васильев С.Д. Российско-персидские отношения XVIII – первой половины XIX века войны и дипломатия / *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей*. М.-СПб., 2021. С. 177-202.

[Воскобойников, Щукина, 2016](#) – Воскобойников С.Г., Щукина Т.В. Генерал-лейтенант Аким Акимович Карпов 2-й (1789-1879 гг.) / *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. 2016. С. 114-116.

[Гаджиев, 2019](#) – Гаджиев Ф.В. Карапапах-азербайджанцы Эриванского ханства в последней русско-персидской войне // *Вопросы истории*. 2019. № 12-4. С. 214-220.

[Евстратов, 2024](#) – Евстратов А.Г. Роль армянского офицерства в присоединении территории восточной Армении к Российской империи / *Военная история России XVII-XX вв. Материалы II международной научной конференции*. М., 2024. С. 59-69.

[Захаревич, 2013](#) – Захаревич А.В. Подполковник войска донского В.А. Андреев 1-й – забытый герой русско-персидской войны 1826-1828 гг. // *История военного дела: исследования и источники*. 2013. Т. 4. С. 136-174.

[Керсновский, 1993](#) – Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х томах / Под ред. В. Купцовой. Переизд. Т. 2. М.: Голос, 1993.

[Маргарян, 2006](#) – Маргарян Г.К. Роль Х.Е. Лазарева в истории русско-армянских отношений. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: СФ РУДН, 2006.

[Материалы..., 1910](#) – Материалы к истории персидской войны 1826–1828 гг. // *Кавказский сборник*. Т. 30. Тифлис, 1910.

[Потто, 1888](#) – Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5-ти томах. Т.3: Персидская война 1826–1828 гг. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1888.

[Потто и др., 1906](#) – Потто В.А., Аверьянов П.И., Томкеев В.И. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. IV, ч. 1. Под ред. В.А. Потто. Тифлис: Типография штаба Кавказского Военного округа, 1906.

[Рябиков и др., 2015](#) – Рябиков А.Н., Чуприна К.А., Сопран А.Ю. Русско-персидская война 1826–1828 гг. и политика России на Кавказе / *Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Филиал «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани*. Под ред. М.Ю. Беляевой, Н.А. Серогодского. 2015. С. 82-87.

[Салихова, 2007](#) – Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Махачкала: ДГУ, 2007.

[Сборник сведений..., 1901](#) – Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. Тифлис, 1901.

- Симонич, 1901** – Симонич И.О. Персидская война. Кампания 1826 года, из записок графа Симонича // *Кавказский сборник*. Т. 22. 1901.
- Симонич, 1967** – Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. М., 1967.
- Скорик, 2017** – Скорик А.П. Боевые отличия донских казачьих полков на кавказском театре русско-персидской и русско-турецкой войн 1826-1828 и 1828-1829 годов / *Российская государственность в судьбах народов Кавказа – X. Материалы региональной научно-практической конференции*. Пятигорск, 2017. С. 382-397.
- Старшов, 2006** – Старшов Ю.В. Русско-персидская война 1826–1828 гг. Краткий словарь-справочник по страницам русско-персидской войны 1826–1828 гг. М., 2006.
- Степанянц, 2024** – Степанянц С.М. Спасение русскими войсками в ходе Ошаканской битвы духовного центра армянства – первопрестольного святого Эчмиадзина // *Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований*. 2024. № 7. С. 396-401.
- Тихонова, 1954** – Тихонова А.А. Русско-персидская война 1826–1828 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1954.
- Толстов, 2008** – Толстов В.А. Л.А. Загоскин – участник русско-персидской войны 1826–1828 гг. / *Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия российских исследователей в международном контексте. К 200-летию со дня рождения русского путешественника и общественного деятеля Л.А. Загоскина: материалы международной научно-практической конференции*. Рязань, 2008. С. 52-58.
- Федорова, 2022** – Федорова И.С. Разгром русской дипломатической миссии в Тегеране в 1829 г. / *Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции. В 2-х частях*. Отв. редактор О.В. Кублицкая. СПб., 2022. С. 243-245.
- Федорова, Кантимирова, 2021** – Федорова И.С., Кантимирова Р.И. Дипломатическая миссия и гибель Грибоедова А.С. / *Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции*. Стерлитамак, 2021. С. 172-174.
- Хорошилова, 2018** – Хорошилова О.А. Русско-персидская война 1826-1828 годов в русской моде и торговле / *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы XXI международной научной конференции*. Под ред. Н.М. Калашников. 2018. С. 41-45.
- Хорошилова, 2022** – Хорошилова О.А. Русско-персидская война 1826-1828 годов в русской моде и торговле // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*. 2022. № 3. С. 80-82.
- Шишкевич, 1911** – Шишкевич М.И. Персидская война 1826 года. Ермолов и Паскевич / *История русской армии и флота*. По ред. А.С. Гришинского и В.П. Никольского. Т. VI: Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны. М.: Образование, 1911. С. 61-69.
- Шишов, 2007** – Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI-XXI века. М.: Вече, 2007.
- Cherkasov et al., 2017a** – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-persian war of 1826-1828: the historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). Pp. 1315-1321.
- Ermachkov et al., 2018** – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826-1828 // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1566-1574.
- Magsumov et al., 2021** – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Krasnenkova E.V. The Losses of the Caucasian Troops of the Russian Army during the Turkish and Persian Wars in the XIX century: a Historical and Statistical Study // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 587-593. DOI: 10.13187/bg.2021.2.587

References

- Antonov, 2024** – Antonov, A.D. (2024). Russko-persidskie otnosheniya v pervoi treti XIX v. (k voprosu o russkikh dezertirakh v persidskoi armii) [Russo-Persian relations in the first third of the 19th century (on the issue of Russian deserters in the Persian army)]. *StudArctic Forum*. 9(2): 30-38. [in Russian]
- Balayan, 1967** – Balayan, B.P. (1967). Mezhdunarodnye otnosheniya Irana v 1813–1828 gg. [International relations of Iran in 1813–1828]. Erevan. [in Russian]
- Balayan, 1983** – Balayan, B.P. (1983). Krov' na almaze «Shakh»: Tragediya A. S. Griboedova [Blood on the Shah diamond: the tragedy of A.S. Griboyedov]. Erevan: Aistan. [in Russian]
- Balayan, 1988** – Balayan, B.P. (1988). Diplomateskaya istoriya russko-iranskikh voyn i prisoedineniya Vostochnoi Armenii k Rossii [Diplomatic history of the Russo-Iranian Wars and the Annexation of Eastern Armenia to Russia]. Erevan. [in Russian]
- Bazin, 2020** – Bazin, O.A. (2020). Razгром diplomaticheskoi missii Rossii v Persii v kontekste «bol'shoi igry» [The defeat of the Russian Diplomatic mission in Persia in the context of the “Great Game”]. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta*. 4(40): 3-8. [in Russian]

- [Bulavinov, 2024](#) – Bulavinov, M.A. (2024). I.F. Paskevich – «zabytyi» fel'dmarshal [I.F. Paskevich – the “Forgotten” Field Marshal]. *Voennaya istoriya: sobytiya, sversheniya, lyudi, sud'by. Materialy XI mezhdunarodnoi konferentsii*. SPb. Pp. 97-100. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Bratanovskii, S., Valleau, A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-persian war of 1826-1828: the historical-statistical study. *Bylye Gody*. 46(4): 1315-1321.
- [Ermachkov et al., 2018](#) – Ermachkov, I.A., Koroleva, L.A., Svechnikova, N.V., Gut, J. (2018). Sanitary Provision in the Caucasus during the Russian-Persian War of 1826-1828. *Bylye Gody*. 0(4): 1566-1574.
- [Evstratov, 2024](#) – Evstratov, A.G. (2024). Rol' armyanskogo ofitserstva v prisoedinenii territorii vostochnoi Armenii k Rossiiskoi imperii [The role of Armenian officers in the annexation of the territory of Eastern Armenia to the Russian Empire]. *Voennaya istoriya Rossii XVII-XX vv. Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. M. Pp. 59-69. [in Russian]
- [Fedorova, 2022](#) – Fedorova, I.S. (2022). Razgrom russkoi diplomateskoi missii v Tegerane v 1829 g. [The defeat of the Russian diplomatic mission in Tehran in 1829]. *Aktual'nye problemy nauki: vzglyad studentov. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem studencheskoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh chastyakh*. Otv. redaktor O.V. Kublitskaya. SPb. Pp. 243-245. [in Russian]
- [Fedorova, Kantimirova, 2021](#) – Fedorova, I.S., Kantimirova, R.I. (2021). Diplomateskaya missiya i gibel' Griboedova A.S. [The Diplomatic Mission and the Death of A.S. Griboyedov]. *Imperii v mirovoi istorii: aktual'nye problemy sovremennykh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sterlitamak. Pp. 172-174. [in Russian]
- [Gadzhiev, 2019](#) – Gadzhiev, F.V. (2019). Karapapakhi-azerbaidzhantsy Erivanskogo khanstva v poslednei russko-persidskoi voine [Karapapakhs-Azerbaijanis of the Erivan khanate in the last Russo-Persian war]. *Voprosy istorii*. 12-4: 214-220. [in Russian]
- [Kersnovskii, 1993](#) – Kersnovskii, A.A. (1993). Istoriya russkoi armii. V 4-kh tomakh [History of the Russian army. In 4 volumes]. Pod red. V. Kuptsovoi. Pereizd. T. 2. M.: Golos. [in Russian]
- [Khoroshilova, 2018](#) – Khoroshilova, O.A. (2018). Russko-persidskaya voina 1826–1828 godov v russkoi mode i torgovle [The Russo-Persian war of 1826–1828 in Russian Fashion and Trade]. *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii. Materialy XXI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Pod red. N.M. Kalashnikov. Pp. 41-45. [in Russian]
- [Khoroshilova, 2022](#) – Khoroshilova, O.A. (2022). Russko-persidskaya voina 1826-1828 godov v russkoi mode i torgovle [The Russo-Persian war of 1826-1828 in Russian Fashion and trade]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskuststvovedenie. Filologicheskie nauki*. 3: 80-82. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Krasnenkova, E.V. (2021). The Losses of the Caucasian Troops of the Russian Army during the Turkish and Persian Wars in the XIX century: a Historical and Statistical Study. *Bylye Gody*. 16(2): 587-593. DOI: 10.13187/bg.2021.2.587
- [Margaryan, 2006](#) – Margaryan, G.K. (2006). Rol' Kh.E. Lazareva v istorii russko-armyanskikh otnoshenii [The role of Kh.E. Lazarev in the history of Russian-Armenian relations]. Diss. na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk. M.: SF RUDN. [in Russian]
- [Materialy..., 1910](#) – Materialy k istorii persidskoi voiny 1826–1828 gg. [Materials on the history of the Persian War of 1826–1828]. *Kavkazskii sbornik*. T. 30. Tiflis, 1910. [in Russian]
- [Potto i dr., 1906](#) – Potto, V.A., Aver'yanov, P.I., Tomkeev, V.I. (1906). Utverzhenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Consolidation of Russian rule in the Caucasus]. T. IV, ch. 1. Pod red. V.A. Potto. Tiflis: Tipografiya shtaba Kavkazskogo Voennogo okruga. [in Russian]
- [Potto, 1888](#) – Potto, V.A. (1888). Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografyakh. V 5-ti tomakh [The Caucasian war in individual essays, episodes, legends, and biographies]. T.3: Persidskaya voina 1826–1828 gg. SPb.: Tip. Trenke i Fyusno. [in Russian]
- [Ryabikov i dr., 2015](#) – Ryabikov, A.N., Chuprina, K.A., Sopran, A.Yu. (2015). Russko-persidskaya voina 1826–1828 gg. i politika Rossii na Kavkaze [The Russo-Persian war of 1826–1828 and Russia's policy in the Caucasus]. *Resursy regiona: kul'turno-istoricheskoe razvitie v kontekste nauki i obrazovaniya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Filial «Kubanskii gosudarstvennyi universitet» v g. Slavyanske-na-Kubani. Pod red. M.Yu. Belyaevoi, N.A. Serogodskogo. Pp. 82-87. [in Russian]
- [Salikhova, 2007](#) – Salikhova, D.B. (2007). Rossiisko-iranskoe otnosheniya vo vtoroi chetverti XIX veka [Russian-Iranian relations in the second quarter of the 19th century]. Avtoreferat diss. na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk. Makhachkala: DGU. [in Russian]
- [Sbornik svedenii..., 1901](#) – Sbornik svedenii o poteryakh kavkazskikh voisk vo vremya voyn kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae [Collection of Information on the Losses of Caucasian Troops during the Caucasian-Mountain, Persian, Turkish, and Transcaspien Wars]. Tiflis, 1901. [in Russian]
- [Shishkevich, 1911](#) – Shishkevich, M.I. (1911). Persidskaya voina 1826 goda. Ermolov i Paskevich [The Persian War of 1826. Ermolov and Paskevich]. Istoriya russkoi armii i flota. Po red. A.S. Grishinskogo i V.P. Nikol'skogo. T. VI: Pokorenie Kavkaza. Persidskie i kavkazskie voyny. M.: Obrazovanie. Pp. 61-69. [in Russian]

- Shishov, 2007** – Shishov, A.V. (2007). Skhvatka za Kavkaz. XVI–XXI veka [The fight for the Caucasus. XVI–XXI centuries]. M.: Veche. [in Russian]
- Simonich, 1901** – Simonich, I.O. (1901). Persidskaya voyna. Kampaniya 1826 goda, iz zapisok grafa Simonicha [The Persian war. The Campaign of 1826, from the notes of count Simonich]. *Kavkazskii sbornik*. T. 22. [in Russian]
- Simonich, 1967** – Simonich, I.O. (1967). Vospominaniya polnomochnogo ministra. 1832–1838 gg. [Memories of the minister plenipotentiary. 1832–1838]. M. [in Russian]
- Skorik, 2017** – Skorik, A.P. (2017). Boevye otlichiya donskikh kazach'ikh polkov na kavkazskom teatre russko-persidskoi i russko-turetskoi voyn 1826–1828 i 1828–1829 godov [Combat distinctions of the Don Cossack regiments in the Caucasian theater of the Russo-Persian and Russo-Turkish wars of 1826–1828 and 1828–1829]. *Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – X. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pyatigorsk. Pp. 382–397. [in Russian]
- Starshov, 2006** – Starshov, Yu.V. (2006). Russko-persidskaya voyna 1826–1828 gg. Kratkii slovar'-spravochnik po stranitsam russko-persidskoi voyny 1826–1828 gg. [The Russo-Persian War of 1826–1828. A brief dictionary and reference guide to the Russo-Persian war of 1826–1828]. M. [in Russian]
- Stepanyants, 2024** – Stepanyants, S.M. (2024). Spasenie russkimi voiskami v khode Oshakanskoii bitvy dukhovnogo tsentra armyanstva – pervoprestol'nogo svyatogo Echmiadzina [The rescue of the spiritual center of Armenians – the mother see of holy Etchmiadzin – by Russian troops during the battle of Oshakan]. *Trudy Instituta postsovetских i mezhregional'nykh issledovaniy*. 7: 396–401. [in Russian]
- Tikhonova, 1954** – Tikhonova, A.A. (1954). Russko-persidskaya voyna 1826–1828 gg. [The Russo-Persian war of 1826–1828]. Diss. na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk. M. [in Russian]
- Tolstov, 2008** – Tolstov, V.A. (2008). L.A. Zagoskin – uchastnik russko-persidskoi voyny 1826–1828 gg. [L.A. Zagoskin – Participant in the Russo-Persian War of 1826–1828]. *Lavrentii Alekseevich Zagoskin i issledovaniya Russkoi Ameriki. Ekspeditsii i puteshestviya rossiiskikh issledovatelei v mezhdunarodnom kontekste. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya russkogo puteshestvennika i obshchestvennogo deyatelya L.A. Zagoskina: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ryazan'. Pp. 52–58. [in Russian]
- Vasil'ev, 2021** – Vasil'ev, S.D. (2021). Rossiisko-persidskie otnosheniya XVIII – pervoi poloviny XIX veka voyny i diplomatiya [Russian-Persian relations of the 18th – first half of the 19th centuries: wars and diplomacy]. *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: sbornik statei*. M.-SPb. Pp. 177–202. [in Russian]
- Voskoboinikov, Shchukina, 2016** – Voskoboinikov, S.G., Shchukina, T.V. (2016). General-leitenant Akim Akimovich Karpov 2-i (1789–1879 gg.) [Lieutenant General Akim Akimovich Karpov II (1789–1879)]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (V Tokarevskie chteniya). Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 114–116. [in Russian]
- Zakharevich, 2013** – Zakharevich, A.V. (2013). Podpolkovnik voiska donskogo V.A. Andreev 1-i – zabytyi geroi russko-persidskoi voyny 1826–1828 gg. [Lieutenant Colonel of the Don Army V.A. Andreev I – the forgotten hero of the Russo-Persian War of 1826–1828]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. 4: 136–174. [in Russian]

Русско-персидская война (1826–1828): к 200-летию кампании 1826 года

Андрей Андреевич Байбарин ^{a, *}, Сергей Борисович Зинковский ^b, Евгений Николаевич Ламанов ^c, Ольга Владимировна Попова ^d

^a Московский университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Рукопись посвящена анализу военной кампании 1826 года русско-персидской войны 1826–1828 гг. Материалом послужили мемуарные источники и историография по проблеме исследования, методологической базой стали такие методы исторического исследования как историко-системный, историко-генетический, историографический и др.

Кампания 1826 года последней русско-персидской войны оказалась весьма удачной для российской армии. Успехам предшествовала и талантливая дипломатическая работа, которая усыпила бдительность персидского главнокомандующего Аббаса-мирзы небольшим и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrewbaybarin@gmail.com (А.А. Байбарин)

разрозненным воинским контингентом Российской империи, а также обещанной помощью Османской империи и Великобритании.

Подтолкнув Персию к войне, турки и англичане не оказали той поддержки, которую обещали Аббас-мирзе, поэтому воевать ей пришлось в одиночку. С точки зрения тактики (и не без помощи английских советников), персидские войска, обладавшие значительным (практически двукратным) численным превосходством, зашли с трех направлений, вынудив объединенные силы русских, армян и грузин рассредоточить и без того небольшие силы.

Однако героизм российских войск, смелость и инициативность командиров (в частности, Мадатова, Паскевича), а также подлинный их героизм (в частности, Реут) свели на нет преимущества персидских войск. Ставка на неожиданное нападение себя не оправдала и Аббас не смог этим нападением без объявления войны решить главные задачи войны, в результате чего война приняла затяжной для персов характер и предопределила их сокрушительное поражение.

Ключевые слова: кампания 1826 года, русско-персидская война 1826–1828 гг., дипломатия Российской империи XIX века.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 203-213
DOI: 10.13187/bg.2026.1.203

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Resettlement of Highlanders to the Russian-Controlled Territories of the Kuban and Black Sea Regions in 1830–1860 through the Prism of Imperial Integration Policy

Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Sergej M. Vorobev ^a, Tatiana V. Marchenko ^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article examines the imperial policy of managing the Adyghe people resettlement to Russian-controlled territories in the Kuban and Black Sea regions in 1830–1860. With the reference to a range of archival materials it analyzes the key exogenous factors driving the desire of representatives of several noble families and dependent populations to come under Russian protection. Growing social polarization, wealth inequality in mountain communities, and intensifying contradictions between the nobility and the common people contributed to the resettlement. Among the endogenous factors, the political decision of the Russian administration to ensure the loyalty of the mountain nobility stands out. Specific management practices of the Caucasian administration aimed at providing assistance, support, and security during the resettlement of mountain families to Russian-controlled territories are analyzed. The administration compensated noble mountaineers seeking protection for the costs of resettlement, reimbursed the value of property abandoned in their former places of residence, and ensured the preservation of their former high status and a number of noble privileges. Recruiting members of noble families for military service was seen as a guarantee of their loyalty. The Russian military administration also offered ordinary settlers the opportunity to serve in irregular units. The highlanders who had accepted Russian citizenship and later shifted to the side of their hostile compatriots, and the provision of assistance to them during raids, facilitated their resettlement within Russia, primarily to the lands of the Great Don Host. The settlers were provided with land and financial assistance for establishing farms. Imperial integration policy was flexible and somewhat tolerant of the peculiarities of the highland mentality, traditions, and religion. The resettlements were not large-scale due to the highlanders' attachment to their native land, significant anti-Russian sentiment, and religious differences.

Keywords: Caucasus, Russian Empire, highlanders, Adyghe, Caucasian War, imperial integration policy, military service, settlers, noble families, fugitives.

1. Введение

Переселение горцев на подконтрольные России территории Причерноморья и Прикубанья и принятие ими российского подданства в 1830–1860-х гг. становятся предметом имперской политики в регионе. Основной задачей стало обеспечение добровольного перехода как горской знати, так и рядовых общинников на подконтрольные российской администрации территории, защита и поддержание их существования на новом месте. Кавказская война стала одним из факторов таких переселений, горцы искали защиты и лучшей жизни на новом месте, спасались от мести, некоторые из них не теряли связи со своими немирными соплеменниками и впоследствии возвращались обратно. Перемещения горских семей на подконтрольные России территории, их проживание бок о бок с казаками и поселенцами, приводили к интенсификации культурного обмена и способствовали постепенной интеграции края. После подписания Адрианопольского мирного договора в 1829 г. между Российской и Османской империями левобережье Кубани и Причерноморье юридически

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

стали российскими территориями, что значительно облегчило переход адыгов с одного берега Кубани на другой, т.к. до этого между Россией и Турцией обязаны были выдавать друг другу «беглых». Несмотря на международное признание этих территорий российскими, установление в полной мере военного и государственного контроля над ними было сопряжено с большими трудностями, связанными с Кавказской войной и активным сопротивлением воинственных горцев.

Переселение знатных горских семейств было связано как с обострившимися социальными противоречиями в горских общинах, ставившими под вопрос устоявшиеся права и привилегии князей и дворян, так и с новыми карьерными возможностями, сопряженными с материальными преференциями, открывающимися на российской службе. Переход горской знати в российское подданство, обеспечения их лояльности, стал одним из приоритетных направлений политики Российской империи на Кавказе. Им гарантировались защита, уважение к их происхождению, традициям и культуре, особые условия службы, инкорпорация в офицерский корпус. Понимая их значимость в деле замирения и интеграции Кавказа им прощались многие проступки и даже переход на сторону противника в случае раскаяния и возвращения обратно. Сыновья знатных фамилий, служивших России, отправлялись в кадетские корпуса или другие учебные заведения, где им также присваивался особый статус, связанный с культурно-языковыми особенностями и менталитетом. Переселения простых горцев на подконтрольные военной администрации территории стало следствием стремления местной знати, а также разбогатевших тфокотлей подчинить себе свободных общинников или продать их в рабство. Это вынуждало некоторых горцев, особенно младших членов семей или сирот, стремиться под покровительство российских властей и переселяться. Переселялись также мирные горцы, уведенные в плен в результате набегов своих немирных соплеменников, объединявшихся в крупные конные отряды, грабившие как мирные аулы, так и русские и казачьи поселения. Бежали также те, кто сотрудничал с имперской администрацией, а также те, кто подвергался преследованию со стороны соплеменников за проступки и преступления, чтобы избежать наказания, либо кровной мести. Местные российские чиновники поддерживали переселенцев, обеспечивая им возможность безопасного перехода и проживания под защитой военных гарнизонов, а также предоставляли средства для первичного обустройства хозяйством. При этом их свобода передвижения жестко ограничивалась, им предписывалось селиться только в определенных станицах.

Переход на сторону России знатных горцев и принятие ими присяги, а также дальнейшая их военная служба стали основными этапами их интеграции в состав Российской империи. В целом переселения горцев на подконтрольные российские территории в 1830-х – 1860-х гг. хотя и не стали массовым явлением, однако имело большое значение для постепенной интеграции Северо-Западного Кавказа в Российскую империю, способствовали интенсификации торгово-экономических и социокультурных связей, формировали локальные общности, состоящие из представителей разных народов.

2. Материалы и методы

Комплексный подход к изучению переселений горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860-х гг. и принимаемые имперской администрацией меры по управлению этими процессами и организации быта переселенцев предполагает опору на широкий круг историографических источников. В дореволюционной историографии отдельные аспекты горских переселений и действия военной администрации были описаны в трудах В.А. Потто, А.П. Берже, Н.Ф. Дубровина и Ф.А. Щербина (Потто, 1887–1891; Берже, 2011; Дубровин, 1871–1888; Щербина, 1913). Сборник сведений о кавказских горцах содержит значительный объем этнографических данных, включая сведения о переселениях с гор на равнину (Сборник сведений..., 1868–1870). В качестве документальных источников авторами применялись материалы ряда архивных фондов: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), Государственный Архив Краснодарского Края (ГАКК, Краснодар, Российская Федерация), Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, Москва, Российская Федерация).

Исследование переселений горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860 гг. проводилось с опорой на принципы системности и историзма, что позволило: во-первых, раскрыть и кратко описать отдельные меры и государственные решения российской администрации по реализации имперской политики по интеграции горцев, носящей, несмотря на некоторую противоречивость, последовательный характер; во-вторых, рассматривать процессы перехода горцев на контролируемые Россией территории без отрыва от существовавших в 1830–1860-х гг. социально-исторических условий и характера боевых действий в ходе Кавказской войны. Плодотворной для анализа является концепция северокавказского фронта Т.М. Баррета – особой пограничной зоны, характеризующуюся сложным взаимодействием местного горского населения, русских поселенцев и имперских властей, миграциями и переселениями, сопровождавшимися как конфликтностью, так и широким социокультурным взаимодействием (Барретт, 2000: 163-195).

Применение фронтирного подхода позволило не только раскрыть сложный и многоаспектный характер взаимодействия российского государства и горцев, выходящий далеко за рамки военной

экспансии, но и обратить внимание на такие его аспекты как диалог, взаимовыгодные для каждой стороны сотрудничество и социокультурные коммуникации, проводниками которых выступали прежде всего переселенцы и перебежчики. Отдельные истории переселений и последующей судьбы переселенцев рассматривались с опорой на нарративный и биографический методы.

3. Обсуждение

Переселение горцев на подконтрольные России территории Северо-Западного Кавказа в период 1830–1860 гг. стало предметом рассмотрения ряда российских историков и публицистов и нашло свое отражение в мемуарах участников Кавказской войны. В историографии Российской империи следует выделить историю Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина, описавшего различные аспекты взаимодействия между военной администрацией, казацкими и горцами становление торговых и культурных связей с мирными горцами (Щербина, 1913). Военный историк и этнограф Д.А. Ракович касается темы перехода горцев на подконтрольные России территории Прикубанья в результате внутренних конфликтов в адыгских общинах (Ракович, 1900). Всестороннее описание характера и условий службы знатных горских юношей в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя было выполнено С.И. Петиним (Петин, 1899).

Историки советского периода в своих исследованиях рассматривали в качестве причин переселения на подконтрольные российские территории недовольство простых горцев притеснением со стороны знатных семей, ростом социального неравенства и эксплуатации (Покровский, 1989; Керашев, 1991). Современная отечественная историография во многом преодолела узость советского классового подхода и отличается широкой палитрой подходов и трактовок причин рассматриваемых событий. Приграничные территории рассматриваются не только как территория войны, но как «контактно-цивилизационная зона», характеризующаяся интенсивным развитием социокультурных связей (Журтова, 2016: 521-522).

Некоторые региональные историки, описывая переход знатных горцев на подконтрольные России территории и поступление на военную службу в русскую армию, характеризовали его как предательство по отношению к своему народу (Шеуджен и др., 2014: 154). Другие отмечали, что не все адыги относились враждебно к России. А.Т. Урушадзе отмечал, что в качестве одной из причин переселения было желание поступить на военную службу для улучшения своего материального положения и общественного статуса, повышения своего престижа среди соотечественников. Продвижение по ступеням военной карьеры, получение чинов и наград было не столь значимым. Если служба в русской армии не повышала значимость, а подрывала репутацию горца, то он мог вернуться обратно. Это было одной из причин частых «измен» и переходов горцев на противоположную сторону в ходе Кавказской войны (Урушадзе, 2020). А.В. Казаков детально проследил историю перехода горцев под российское подданство и их службы в рядах русской армии в офицерских чинах на основе изучения личных биографий, наград и военных достижений (Казаков, 2006). Существует ряд исследований жизни и деятельности отдельных представителей знатных адыгских родов. Например, А.Д. Вершигора на основе введения в научный оборот и анализа большого числа архивных материалов, детально описал жизнь и военную службу выдающегося адыгского просветителя, историка этнографа и публициста князя Султана Хан-Гирея (Вершигора, 2003). Колесникова М.Е. и Кузьминов П.А. анализируют ряд успешных интеграционных имперских управленческих практик периода наместничества на Кавказе М.С. Воронцова (Колесникова, Кузьминов, 2023).

Таким образом, в отечественной историографии переселения горцев на подконтрольные России территории их служба в российской армии получила достаточно широкое освещение. Анализировались многоаспектность и многофакторность этих процессов, обусловленных как внутренней динамикой горских сообществ, так сложным и противоречивым фронтирным взаимодействием горцев, казаков, русских поселенцев и имперских властей, большое внимание было уделено рассмотрению личных и семейных горских историй.

4. Результаты

Переселение горцев на подконтрольные России земли Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860 гг. носило как стихийный, так и контролируемый характер, меры по обеспечению переселения возлагались на военную администрацию. К началу 1830-х гг. на территориях Северо-Западного Кавказа (Прикубанье, Причерноморье и кавказское предгорье) проживали в основном адыгские этнотерриториальные общности. Одни из них находились под управлением черкесских князей, в других преобладали элементы выборно-народного управления. Адыгские общности проходили этап постепенного разрушения родоплеменных отношений, характеризующихся приоритетом общности и значительным социальным и имущественным равенством. К началу XIX в. усиливается социальное и имущественное расслоение, растет влияние богатых и знатных семейств, находившихся под влиянием как России, так и Турции. Турецкие эмиссары и посланники Шамиля проповедовали мюридизм и призывали население к священной войне против неверных – газавату, к которым причисляли русских военных, переселенцев и казаков. После подписания Россией и

Турцией в 1829 г. адрианопольского мирного договора произошло официальное признание российскими территорий Северо-Западного Кавказа ([Кавказский вектор..., 2014: 70](#)).

С этого времени установление контроля и управления этими территориями перестает быть внешнеполитическим направлением и становится задачей внутренней политики. Несмотря на то, что Турция, согласно договору, уступила эти территории, она продолжала поддерживать антироссийские настроения среди адыгов, подпитывать их стремление к сопротивлению деньгами и оружием. Российской военной администрации на Кавказе также вменялось обеспечивать меры по защите от нападений немирных адыгских конных отрядов на русские поселения и казачьи станицы с целью их грабежа, угона скота и похищения людей для продажи в рабство или получения выкупа. Важной мерой, способствующей утверждению российской власти на этих территориях, стала государственная политика по переселению на равнинные земли крестьян из внутренних губерний России и казаков для возведения кордонных укреплений, создания новых станиц, обеспечивающих военную безопасность и хозяйственное освоение края ([Erokhin et al., 2020; Avdeev et al., 2025](#)). Переход этих территорий под российский контроль и их военная и гражданская колонизация были приняты адыгскими общностями неоднозначно. Часть горцев, в том числе и знати, искала сотрудничество с Россией, видя для себя новые социальные, имущественные и карьерные перспективы. Другие же как скрытно саботировали, так и открыто сопротивлялись решениям имперской администрации, включая и вооруженное противостояние.

Стремлению ряда знатных фамилий к переходу под российское покровительство мешало возможная потеря имущества, т.к. соплеменники часто воспринимали это как предательство и грозили этим семьям разорением и уничтожением. Например, Абат Бесленей, происходивший из шапсугских старшин, получивший чин прапорщика, в 1832 г. просил содействия переселению его семейства вместе с зависимыми людьми (всего 126 человек) из Суджукской бухты на подконтрольную России территорию Прикубанья и предоставления ему пособия в связи с утратой имущества, бывшего у семейства на прежнем месте ([АКАК, 1881: 733](#)). Его прошение было поддержано на высоком уровне. Так, командующий войсками Кавказской линии и Черномории А.А. Вельяминов подчеркивал, что его верная служба обязывает предоставить его семье средства для переселения и обзаведения хозяйства. В конечном итоге для обеспечения переселения семьи российскими военными властями была организована небольшая десантная операция, которая завершилась успехом, семье и их людям, переселившимся с побережья во внутренние земли Прикубанья было выдано натуральное вспоможение для первоначального обзаведения хозяйством на новом месте ([АКАК, 1881: 734](#)).

Начиная с середины 1840-х гг. постоянное военное присутствие, укрепление военных администраций способствовало увеличению числа переходов знатных адыгов на сторону российской власти, сопровождавшихся переселением их на освоенные Россией территории Прикубанья и Причерноморья. Этому способствовало также и усиление позиций в адыгских обществах крестьян-земледельцев (тфокотли), которые стали насильственно избавляться от военно-феодальной зависимости и выходить из подчинения знати. Эти процессы были особенно актуальны среди шапсугов и натухайцев ([Покровский, 1989: 161](#)). Представители адыгской знати были вынуждены обратиться за поддержкой и обеспечением их прав и полномочий к российским властям. Так в прошении, поданном ими главнокомандующему Кавказским корпусом М.С. Воронцову в 1846 г. отмечалось, что «ныне же народ вышел из повинности и во всем сравнился с нами, все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки», присвоив себе права, принадлежащие с «древнейших времен» нашим предкам ([Материалы по истории..., 2012: 23](#)). Стремление ряда адыгских дворянских родов под российское подданство вызвало недовольство и сопротивление тфокотлей ([Покровский, 1989: 162](#)). Так в 1847 г. Псебеское народное собрание установило большие штрафы для тех знатных семей, которые хотели переселиться. В этом же году на Шебшском собрании принимается решение сформировать народное ополчение, которое бы силой не позволило знати вопреки воле общинников переходить на российскую сторону ([Чирг, 2002: 110-111](#)). Адыги, активно сопротивляющиеся упрочению власти и влияния России в регионе, формировали вооруженные отряды и совершали разорительные набеги, сопровождавшиеся насилием и грабежом, на поселения своих соплеменников, перешедших на российскую сторону, а также на казачьи станицы и русские селения. Так полковник Пшекуй Могуков докладывал вышестоящему начальству, что горцы, переселившиеся на земли, прилегавшие к Черноморской кордонной линии, лояльные и преданные России, сотрудничающие с военной администрацией, либо поступившие на службу, страдают от разорительных набегов со стороны своих немирных соплеменников ([ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 572. Л. 22](#)). Мирные же адыги старались сохранять взаимосвязи с многочисленными родственниками, кунаками и аталыками, не подчинявшимися российской власти. Продолжались торговля и социальное взаимодействие с ними.

Принимаемые адыгскими обществами решения и действия не смогли остановить процессы перехода многих знатных семей под российское подданство и на российские территории. Так в начале 1847 г. представители ряда знатных шапсугских и натухайских семей вручили наказному атаману Черноморского казачьего войска Г.А. Раппилю прошение, где наряду с желанием перейти под российское подданство, просили расселить их на желаемые территории, сохранить им прежние сословные права, в том числе право владения зависимыми крестьянами и рабами. Также они просили

компенсировать расходы на переселение и поддержку со стороны российских войск для обеспечения безопасности. Кавказский наместник М.С. Воронцов в письменном ответе на прошение обещал покровительство со стороны России при переселении на желаемые ими земли, а также компенсацию понесенных убытков и сохранение их прав и привилегий, вооруженную поддержку в процессе переселения ([Материалы по истории..., 2012: 28-29](#)).

Активная, как военная, так и материальная поддержка со стороны российской администрации, понимавшей значения лояльности и преданности адыгской знати, увеличила число знатных семей, переходивших, в том числе и скрытно, на подконтрольные России территории и под защиту военных гарнизонов. Например, в докладе начальника Ольгинского Мостового укрепления от 19 ноября 1848 г. отмечалось, что к ним перебежал Пшекуй Немиров, долго ждавший этой возможности, и выразил желание переправить его в аул прапорщика Кончукова (также ранее перешедшего под российское подданство), где он хотел проживать вместе с братом, годом ранее перешедшим под российское подданство и получившим младший офицерский чин ([ГАКК Ф. 261. Оп. I. Д. 955. Л. 109](#)). Переходившие на сторону России представители горской знати стремились переселиться в поселения, где уже проживали их знатные соплеменники, ранее перешедшие под российское подданство. Присягнувшим на верность России и поступившим на военную службу знатым адыгам присваивались офицерские чины и выплачивалось жалование. За отличие в службе, храбрость и героизм на поле боя их награждали орденами ([Казаков, 2006: 102](#)).

Российские власти активно способствовали желанию горской знати, перешедшей в российское подданство, поступить на военную службу. Для них это становилось возможностью вступить в привилегированное российское дворянское сословие, существенно улучшить свое материальное положение, продвинуться по служебной лестнице, получая чины и награды. Также начиная с 1830-х гг. начался прием детей знатных горцев в петербургский, а позже и московский кадетские корпуса, где с малых лет им прививали основы российской дворянской культуры, образа жизни, присущего офицерам, верность присяге и доблестное служение России и государю. Учеба горских детей сопровождалась трудностями, связанными с чуждым образом жизни, непривычными северными природно-климатическими условиями, языковыми и религиозными барьерами. При этом принимались значительные усилия, направленные на облегчение юношам обучения и проживания в имперской столице. Военная администрация получала влиятельную и пророссийски ориентированную силу, становившуюся одной из основ утверждения российской власти в регионе.

Переход на сторону России и переселение на подконтрольные ей территории, в основном располагавшиеся на равнине и близко к военным укреплениям, довольно часто диктовалось прагматическими и корыстными соображениями. Принятие российского подданства адыгами зачастую носило формальный характер. Горцы не считали себя связанными на век узами верности и обязательствами верного служения. В связи с этим существовала практика нарушения присяги и обязанностей по службе. Отсутствовало понимание, что статус подданного Российской империи дает не только права, но и обязанности. Верность принимаемой присяге не имела большого символического значения даже для адыгов, получивших офицерские чины, были случаи предательства и перехода на противоположную сторону. Так полковник Пшекуй Могуков докладывал, считавшийся одним из наиболее верных России подпоручик Кончуков присягнул на верность появившемуся в его ауле с вооруженным отрядом наibu Шамиля. В связи с этим полковник не мог поручиться за верность остальных ранее лояльных знатных адыгов. В 1854 г. сторону противника принимает уже порядка пятидесяти до этого мирных адыгских аулов, только небольшая часть верных адыгских семей бежала на правый берег Кубани ([ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 887. Л. 6, 15, 24](#)). Среди причин перехода знатных адыгов, присягнувших России, на сторону противника, служивший в тот период на Кавказе Г.И. Филиппсон выделял особенности горского менталитета. Разбой, считавшийся среди горцев предприимчивостью и удалством, пресекался российскими военными властями. Таким образом, к немирным бежали либо уличенные в нем горцы, чтобы избежать наказания, либо те, кто только собирался «усовершенствоваться в разбойничьей войне» ([Филиппсон, 2000: 79](#)). Другой причиной было различное понимание характера принятия присяги знатыми горцами и российскими властями. Первые рассматривали ее скорее, как переход под защиту сильного покровителя, тогда как вторые рассматривали присягнувших на верность как новых подданных, получивших не только права и привилегии, но и обязанности. При этом отношение к горцам, вновь желавшим вернуться на российскую службу, было, как правило, лояльным.

В целом в 1830–1840 гг. на подконтрольные России территории Прикубанья переселяется значительное количество знатных адыгских семейств вместе с зависимыми людьми. Переселенцы находили поддержку и помощь со стороны российской военной администрации. Так присягнувшие на верность России горцы получают офицерские звания, перед ними открываются достаточно широкие карьерные перспективы, а вплоть до завершения Кавказской войны они получают двойное жалование. Дети знатных горцев принимаются в столичные кадетские корпуса и другие учебные заведения. Эти политические решения не только позволили постепенно сформировать среди горской знати значительную прослойку лиц лояльных, а зачастую и искренне преданных Российской империи, а также хорошо знавших русскую культуру, обычаи и характер военной службы.

Наряду с переселением семейств адыгской знати, приводящих с собой многочисленных слуг и домочадцев, в рассматриваемый исторический период формируется и другая тенденция. На подконтрольные России территории переходили и незнатные, либо зависимые горцы: те, кто опасались мести со стороны соплеменников за сотрудничество с российскими властями, либо совершившие в своих селениях те или иные преступления и скрывавшиеся от наказания, либо боявшиеся быть проданными в рабство и искавшие защиты от усиливавшегося закрепощения, социального расслоения и эксплуатации. На последнее обстоятельство указывает в частности М.В. Покровский, проанализировавший более полутора тысяч случаев бегства пшитлей (зависимых крестьян), спасавшихся вместе с семьями в российских укреплениях от продажи в рабство (Покровский, 1989: 183). Среди адыгов Северо-Западного Кавказа бытовала практика продажи в рабство женщин своих семейств (жен, дочерей и сестер). При этом подобные действия считались недостойными для знатных и богатых, но для бедных семей это был один из способов поправить свое бедственное положение. В случае крайней нищеты могли даже продать младших сыновей. В связи с этим некоторые младшие члены горских патриархальных семей, не желавшие себе подобной участи, боявшиеся быть проданными в Турцию, переходили на подконтрольную России территорию (Щербина, 1913: 734). Лишиться свободы можно было и попав в плен в результате нападения немирных горцев на мирные аулы. Так в 1834 г. был совершен набег на мирный абазинский аул возле станицы Баталпашинской. Было угнано порядка сорока его жителей и много скота. Посланному в погоню казачьему отряду удалось отбить только половину пленников, остальные были уведены и впоследствии распределены по немирным аулам (АКАК, 1881: 744-745). Горцы, тайно сотрудничавшие с военной администрацией и сообщавшие ей о передвижениях вооруженных отрядов и готовящихся набегах, так называемые «лазутчики», спасались в российских укреплениях опасаясь преследования и казни (Матвеев, 2015: 161).

Отмеченная выше тенденция к усилению социального расслоения, обнищанию и дальнейшему закрепощению зависимых сословий (пшитли и унауты) приводила к росту числа тех, кто искал защиты и покровительства российских властей. Бежавшие под российское покровительство горцы зачастую питали ненависть к своим бывшим хозяевам за нанесенные им обиды. Некоторые из них добровольно поступали на военную службу в казачьи части, чтобы отомстить. Российская военная администрация также проявляла заинтересованность в привлечении простых горцев к военной службе в составе иррегулярных, а впоследствии и регулярных частей. Если зависимые крестьяне видели возможность путем переселения на подконтрольные России территории возможность укрыться от своих господ, то знатные горцы, напротив, зачастую ходатайствовали перед военной администрацией о защите своих прав и возвращении им беглых. Прошения о выдаче внимательно рассматривались военной администрацией. Если коменданты российских укреплений не хотели портить отношения с верхушкой горских обществ или боялись усиления набегов, беглых выдавали. Коменданты крепостей могли и обменивать беглых горцев на дезертировавших солдат (Лапинский, 2021: 113). При этом не все просьбы о возвращении удовлетворялись. Вопросы возвращения беглых горцев их владельцам внимательно рассматривались властями, учитывались причины побега и сопутствующие обстоятельства. Например, в 1846 г. один из шапсугских старшин подавал на имя М.С. Воронцова прошение о возвращении ему бежавшего с семьей в Кабардинское укрепление крестьянина. После всестороннего рассмотрения этого вопроса начальником Черноморской береговой линии А.И. Будбергом было принято решение бежавшего крестьянина не выдавать (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 830. Л. 1). Часто решения о выдаче или невыдаче беглых принимались военными властями исходя из политической конъюнктуры. Прошения знатные горцев, имеющих репутацию лояльных и готовых идти на сотрудничество, удовлетворялись. Таким образом вопрос выдачи бежавших горцев становился еще одним инструментом имперской политики в регионе, фактором, способствующим установлению договорных и взаимовыгодных отношений между представителями горской знати и военной администрацией.

Начиная с 1830-х гг., оказание материальной помощи незнатым беглым горцам также становится одним из инструментов интеграционной политики. Так в 1834 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розеном было предложено выплачивать адыгам, бежавшим с левого берега Кубани на подконтрольную России территорию правобережья и Черномории, денежную компенсацию. Это предложение было одобрено императором и нашло отражение в официальном указе. Там же были установлены следующие нормы денежного довольствия из казны: 10 копеек в сутки на одного взрослого и 5 копеек на ребенка (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVI. № 7080). Горцы, проживавшие поблизости от Черноморской и Кавказской линий, также могли получать медицинскую помощь в российских военных госпиталях и лазаретах за казенный счет (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. № 33154). При этом отношение к горским переселенцам и перебежчикам было неоднозначным. Некоторые из них не только поддерживали родственные и дружеские отношения с оставшимися в немирных аулах соплеменниками, но и содействовали вооруженным отрядам в организации и проведении набегов с целью грабежей, угона скота и захвата пленников для последующей продажи. Наряду с прямым участием в набегах они также могли выступать проводниками вооруженных горских отрядов, либо передавать им сведения о состоянии укреплений

и перемещении военных гарнизонов. Имели место и факты открытого перехода на другую сторону. Подобные действия уменьшали доверие российской администрации к адыгским переселенцам и приводили к ужесточению контроля за ними.

В связи с этим в начале 1840-х гг. переселенцы на прикубанские земли начинают переправляться дальше от родных мест вглубь российских территорий, их сопровождали до Новочеркасска и далее расселяли на Дону в казачьи станицы. В этом же году были изданы составлены и ведены в действия соответствующие правила. Например, в 1847 г. под защиту Варениковского укрепления бежали два лазутчика-натухайца, сообщившие российским военным властям о готовящемся набеге. Они были переправлены вглубь российской территории и поселены в станице Цимлянской (ГАКК Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 68). Новым горским поселенцам полагалась выплата пособия на постройку дома и закупку зерна для посева, а также плуга и других сельскохозяйственных орудий, а также беспроцентная ссуда на четыре года для покупки скота и первоначальное обустройство хозяйством (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. № 14053). Начиная с 1851 г., горцам, желавшим поселиться на землях Войска Донского, вместо беспроцентной ссуды выдавалось безвозмездное пособие (125 рублей ассигнациями или порядка 35 рублей серебром). Эти льготы объясняются малым числом переселенцев и некоторой заинтересованностью российских властей, желающих отселить их подальше от бывших соплеменников (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVI. № 25238). При этом после переселения горцы должны были постоянно проживать в предписанных им станицах. Попытка возвращения на «родину», наравне с другими значительными проступками, разбиралась в военно-уголовном суде (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXI. № 20611).

Наряду с горцами, по разным причинам добровольно бежавшими на подконтрольную России территорию, ряды переселенцев пополнялись и за счет выселяемых или переселяемых властями пленных. Практика их выселения во внутренние губернии империи продолжалась вплоть до завершения Кавказской войны. При этом для их семейств также было предусмотрено некоторое вспомоществование и льготы. Горские семьи, в которых не имелось взрослых мужского пола, подлежащие по решению кавказской администрации к выселению, также расселялись не на Дону, а во внутренних российских губерниях (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXV. № 24656). Малолетние дочери выселяемых горцев отправлялись в Московский воспитательный дом. Сопровождать их в пути должен был казачий урядник, при этом из казны на это отпускались специальные прогонные деньги (порядка 15 копеек серебром в сутки) (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XX. № 19022).

После завершения военных действий прекращается и практика переселения. Горцев, находящихся к этому времени в плену, предполагается не отправлять на территории, удаленные от их родины, расселять ближе к родным местам на равнинных землях Предкавказья. По распоряжению начальника военной администрации Кубанской области 80 плененных горцев были поселены в станице Лабинской. Начальник Лабинского округа должен был осуществлять надзор и обеспечить гужевой транспорт для перемещения их в станицу. Пленным полагались кормовые деньги (порядка 7 копеек на человека в сутки): вменялось обеспечивать заботу об их здоровье и в случае болезни направлять в ближайший госпиталь или лазарет за казенный счет. Предусматривалась и ответственность за ненадлежащее выполнение возложенных на местные власти обязанностей, связанных с содержанием пленных (РГВИА. Ф. 14254. Оп. 6. Д. 3. Л. 28). Подобные меры распространялись и на горцев, добровольно перешедших на сторону российской власти. В этом же году казачий унтер-офицер И. Лиовской доставил в станицу Лабинскую большую группу горцев, в состав которой вошли порядка 50 пленных и 114 лиц обоего пола добровольно пришедших на подконтрольные России территории. Их также обеспечивали подводами и кормовыми деньгами (РГВИА. Ф. 14254. Оп. 6. Д. 3. Л. 63). В 1866 г. российскими властями было разрешено высланным в отдаленные российские губернии горцам вернуться на родной Кавказ (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLI. № 43680).

Таким образом переселение горцев на подконтрольные России территории в 1830-1860-х гг. в целом осуществлялось при поддержке российских властей в регионе, обеспечении переселяющимся условий для жизни и первичного обустройства хозяйством. Знатным семьям компенсировались материальные издержки, связанные с переходом на российскую сторону, их представителей принимали на военную службу с присвоением младших офицерских званий.

5. Заключение

Переселение горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в 1830–1860 гг. было обусловлено целым рядом социально-экономических и политических факторов. Адыгское общество переживало процессы социального расслоения, сопровождавшиеся увеличением имущественного неравенства, ростом бедности, усилением эксплуатации и различных форм зависимости большинства населения. Это усиливало пророссийские настроения как у ряда представителей знатных фамилий, искавших российского покровительства, так и некоторых представителей угнетенных слоев населения, бежавших от притеснений. Фактором, способствовавшим переселению как некоторых знатных семей, так и простых горцев, стала и имперская политика, направленная на умиротворение знати, компенсацию понесенных ей материальных потерь, а также на помощь простым горским семьям, искавшим покровительства и

защиты со стороны России. Российская администрация на Кавказе принимала меры для обеспечения помощи, поддержки и безопасности при переселении горских семей на подконтрольную ей территорию. Несмотря на принимаемые меры, многие горцы поддерживали связи с оставшимися соплеменниками, были случаи перехода их на противоположную сторону, помощи немирным горцам, совершающим набеги на мирные аулы, российские укрепления и казачьи станицы. В связи с этим принимается решение об их переселении во внутренние пределы России, особенно на земли Войска Донского, наделение их землей и денежным пособием для обзаведения хозяйством. Побег из казачьей станицы, определенной переселенцам для проживания, рассматривался властями как уголовное преступление, за которое их отправляли в арестантские роты или в Сибирь на каторгу. Судебное рассмотрение этих преступлений проводилось в соответствии с российским законодательством. Только после окончания Кавказской войны переселенцам во внутренние российские территории, как выбежавшим, так и плененным, разрешалось вернуться на Северный Кавказ. В целом отношение к переселенным горцам в данный период было таким же, как и к другим подданным Российской империи.

Для активизации переселения знатных горских семей российские власти, наряду с компенсациями их затрат на переселение и вымещения оставленного на старом месте проживания движимого и недвижимого имущества, гарантировали сохранение их прежнего высокого статуса и обеспечение дворянских привилегий. После принятия присяги на верность Российской империи им давали низшие офицерские чины. За отличия в службе и верность их награждали и повышали в чинах и званиях. Сыновьям служивших России горских офицеров предоставлялась возможность поступления в петербургский и московский кадетские корпуса, и гражданские учебные заведения. Ряд привилегий для горской знати, служившей России, и их детей сохранялся вплоть до завершения Кавказской войны. В дальнейшем они продолжали службу на общих основаниях. Не все знатные горцы, принявшие присягу на верность России, были ей верны, так как зачастую воспринимали ее только как признание их прав, без осознания налагаемых на себя обязательств. Были случаи перехода на другую сторону и возвращения обратно. Военные власти смотрели на подобные «метания» лояльно, зачастую создавали условия для возвращения обратно. Простым переселенцам российская военная администрация на Кавказе также давала возможность поступления на военную службу в иррегулярные части.

Таким образом, имперская интеграционная политика отличалась гибкостью, определенной терпимостью и уважением к правам и особенностям менталитета, традиций, культуры и религии, переходивших на подконтрольные российской администрации территории горцев. Прежде всего, военной администрацией на Кавказе создавались условия для переселения знатных родов по причине их влияния и авторитета в горских общинах. В целом подобные переселения не носили массовый характер в связи с привязанностью горцев родной земле, существенными антироссийскими настроениями и религиозными различиями.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01753, <https://rscf.ru/project/25-28-01753/>

The study was supported by grant No. 25-28-01753 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01753/>

Литература

АКАК, 1881 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.

Барретт, 2000 – *Барретт Т.М.* Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период.* Самара, 2000. С. 163-195.

Берже, 2011 – *Берже А.П.* Кавказская старина. Исторические очерки, статьи и заметки. Пятигорск, 2011. 511 с.

Вершигора, 2003 – *Вершигора А.Д.* Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик, 2003. 151 с.

ГАКК – Государственный Архив Краснодарского Края.

Дубровин, 1871–1888 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6. СПб., 1871–1888.

Журтова, 2016 – *Журтова А.А.* Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии // *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах.* Ростов н/Д, 2016. С. 519-525.

Кавказский вектор..., 2014 – Кавказский вектор российской политики. Сб. документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / сост.: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. 696 с.

Казаков, 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). Нальчик, 2006. 405 с.

- Керашев, 1991** – Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х годов XIX века // *Культура и быт адыгов (этнографические исследования)*. Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 227-244.
- Колесникова, Кузьминов, 2023** – Колесникова М.Е., Кузьминов П.А. Интеграционные процессы на Кавказе в 1840-1850-х гг.: поиск российской администрацией альтернативных подходов к преобразованиям // *Новое прошлое*. 2023. № 1. С. 218-233.
- Лапинский, 2021** – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 2021. 346 с.
- Матвеев, 2015** – Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. 164 с.
- Материалы по истории..., 2012** – Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик, 2012. 158 с.
- Петин, 1899** – Петин С.И. Собственный его императорского величества конвой. СПб., 1899. 485 с.
- Покровский, 1989** – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. 319 с.
- Потто, 1887–1891** – Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2–5. СПб., 1887-1891.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Ракович, 1900** – Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. 396 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сборник сведений..., 1868–1870** – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1–4. Тифлис, 1868–1870.
- Урушадзе, 2020** – Урушадзе А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // *Журнал фронтирных исследований*. 2020 Т. 5 № 4 (20). С. 127-151.
- Филипсон, 2000** – Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века*. СПб., 2000. С. 76-198.
- Чирг, 2002** – Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. 204 с.
- Шеуджен и др., 2014** – Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. и др. Земля адыгов. Майкоп, 2004. 1004 с.
- Щербина, 1913** – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горами. Екатеринодар, 1913. 848 с.
- Avdeev et al., 2025** – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century // *Bylye Gody*. 2022. 20(2). Pp. 710-720.
- Erokhin et al., 2022** – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes // *Bylye Gody*. 2022. 17(1). Pp. 412-421.

References

- АКАК, 1881** – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. [in Russian]
- Avdeev et al., 2025** – Avdeev, E.A., Erokhin, A.M., Vorobev, S.M., Bredikhin, S.N. (2025). The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century. *Bylye Gody*. 20(2): 710-720.
- Barrett, 2000** – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: the frontiers of the northern Caucasus]. *Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskij period*. Samara. Pp. 163-193. [in Russian]
- Berzhe, 2011** – Berzhe, A.P. (2011). Kavkazskaya starina. Istoricheskie ocherki, stat'i i zametki [Caucasian antiquity: historical essays, articles, and notes]. Pyatigorsk. 511 p. [in Russian]
- Chirg, 2002** – Chirg, A.Yu. (2002). Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konec XVIII – 60-e gg. XIX v.) [Development of the socio-political system of the Adyghe people of the Northwest Caucasus (late 18th – 1860s)]. Maykop. 204 p. [in Russian]
- Dubrovin, 1871–1888** – Dubrovin, N.F. (1871–1888). Istoriya vojny i vladychestva russkikh na Kavkaze. T. 1-6. [The history of the war and Russian rule in the Caucasus. Vol. 1-6.]. SPb. [in Russian]
- Erokhin et al., 2022** – Erokhin, A. M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M. (2022). Russians in the North Caucasus in the 19th Century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes. *Bylye Gody*. 17(1): 412-421.
- Filipson, 2000** – Filipson, G.I. (2000). Vospominaniya. 1837–1847 [Memories. 1837–1847]. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka. SPb. pp. 76-198 [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj Arhiv Krasnodarskogo Kraja [State Archives of Krasnodar Krai].
- Kavkazskii vektor..., 2014** – Kavkazskii vektor rossiiskoi politiki. Sb. dokumentov [The Caucasian vector of Russian policy. Collection of documents]. Т. II. Kn. 2. 1796–1864 gg. Sost.: M.A. Volkhonskii, V.M. Mukhanov. M., 2014. 696 p. [in Russian]

- [Kazakov, 2006](#) – *Kazakov, A.V.* (2006). Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery (seredina XVI – nachalo XX v.) [Adyghe (Circassians) in Russian Military Service. Voivodes and officers (mid-16th – early 20th centuries)]. Nalchik. 405 p. [in Russian]
- [Kerashev, 1991](#) – *Kerashev, A.T.* (1991). Beglye adygi v Rossii v XVIII – nachale 60-h godov XIX veka [Fugitive Adyghe people in Russia in the 18th – early 1860s]. *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya)*. Maykop. VIII: 227-244. [in Russian]
- [Kolesnikova, Kuzminov, 2023](#) – *Kolesnikova, M.E., Kuzminov, P.A.* (2023). Integracionnye processy na Kavkaze v 1840-1850-h gg.: poisk rossijskoj administraciej al'ternativnyh podhodov k preobrazovaniyam [Integration processes in the Caucasus in the 1840s–1850s: the Russian administration's search for alternative approaches to reform]. *Novoe proshloe*. 1: 218-233. [in Russian]
- [Lapinsky, 2021](#) – *Lapinsky, T.* (2021). Gorcy Kavkaza i ih osvoboditel'naya vojna protiv russkih [The highlanders of the Caucasus and their liberation war against the Russians]. Nalchik. 346 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii..., 2012](#) – *Materialy po istorii zapadnyh cherkesov (Arhivnye dokumenty 1793–1914 gg.)* [Materials on the history of the Western Circassians (Archival documents 1793–1914)]. Sost. A.V. Siver. Nal'chik, 2012. 158 p. [in Russian]
- [Matveyev, 2015](#) – *Matveyev, O.V.* (2015). Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [The Caucasian War: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar. 164 p. [in Russian]
- [Petin, 1899](#) – *Petin, S.I.* (1899). Sobstvennyj ego imperatorskogo velichestva konvoj [His imperial majesty's own convoy]. SPb. 485 p. [in Russian]
- [Pokrovsky, 1989](#) – *Pokrovsky, M.V.* (1989). Iz istorii adygov v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka: Social'no-ekonomicheskie ocherki [From the history of the Adyghe people in the late 18th – first half of the 19th century: Social and economic essays]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]
- [Potto, 1887–1891](#) – *Potto, V.A.* (1887–1891). Kavkazskaya vojna v otdelnyh ocherkah, epizodah, legendah i biografijah. T. 2-5 [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies. Vol. 2-5.]. SPb. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].
- [Rakovich, 1900](#) – *Rakovich, D.V.* (1900). Tenginskij polk na Kavkaze. 1819-1846. Pravyj flang. Persiya. Chernomorskaya beregovaya liniya [Tenginsky Regiment in the Caucasus. 1819-1846. Right Flank. Persia. Black Sea Coastline]. Tiflis. 396 p. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Sbornik svedenij..., 1868–1870](#) – *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Vyp. 1–4 [Collection of information about the Caucasian highlanders. Issues 1–4.]. Tiflis. 1868–1870. [in Russian]
- [Shcherbina, 1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska. T. 2: Istorija vojny kazakov s zakubanskimi gorcami [History of the Kuban Cossack Host. Vol. 2: History of the Cossack War with the Trans-Kuban Highlanders]. Ekaterinodar. 848 p. [in Russian]
- [Shcherbina, 1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska. Vol. 2: Istorija vojny kazakov s zakubanskimi gorcami [History of the Kuban Cossack host. Vol. 2: History of the Cossack war with the Transkuban highlanders]. Ekaterinodar. 848 p. [in Russian]
- [Sheudzhen i dr., 2014](#) – *Sheudzhen, A.Kh., Galkin, G.A., Tkachukhinov, A.K. et al.* (2004). Zemlya adygov [Land of the Adyghe]. Maykop. 1004 p. [in Russian]
- [Urushadze, 2020](#) – *Urushadze, A.T.* (2020). Gorec na russkoj sluzhbe v gody Kavkazskoj vojny (1801–1864 gg.): posrednik, marginal, predatel' [Highlander in Russian Service during the Caucasian War (1801–1864): Mediator, Marginal, Traitor]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij*. 4(20): 127-151. [in Russian]
- [Vershigora, 2003](#) – *Vershigora, A.D.* (2003). Han-Girej: novye dokumenty i istochniki [Khan-Girey: new documents and sources]. Nalchik. 151 p. [in Russian]
- [Zhurtova, 2016](#) – *Zhurtova, A.A.* (2016). Osnovnye podhody k izucheniyu Kavkazskoj vojny v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Main approaches to the study of the Caucasian War in modern Russian historiography]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynah i vooruzhennyh konfliktah*. Rostov-na-Donu. Pp. 519-525. [in Russian]

Переселение горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860-х гг. через призму имперской интеграционной политики

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев ^a,
Татьяна Владимировна Марченко ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Аннотация. В статье рассматривается имперская политика управления переселениями адыгов на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860-х гг. На базе ряда архивных материалов анализируются основные экзогенные факторы стремления представителей ряда знатных фамилий и зависимого населения перейти под российское покровительство. Рост социальной поляризации, имущественного неравенства в горских обществах, усилившиеся противоречия между знатью и народом способствовали переселениям. Среди эндогенных факторов выделяется политическое решение российской администрации обеспечить лояльность горской знати. Анализируются конкретные управленческие практики кавказской администрации, направленные на оказание помощи и поддержки, обеспечение безопасности в ходе переселений горских семей на подконтрольные России территории. Знатным горцам, искавшим защиты, администрация компенсировала затрат на переселения и возмещала стоимость оставленного на старом месте проживания имущества, обеспечивала сохранение их прежнего высокого статуса и ряд дворянских привилегий. Привлечения представителей знатных фамилий к военной службе виделось залогом их лояльности. Простым переселенцам российская военная администрация также давала возможность служить в иррегулярных частях. Имевшие место переходы горцев, принявших российское подданство, на сторону своих немирных соплеменников, оказание им помощи при набегах способствовали организации их переселений во внутренние пределы России, прежде всего на земли Войска Донского. Переселенцы наделялись землей и денежным пособием для обзаведения хозяйством. Имперская интеграционная политика отличалась гибкостью и определенной терпимостью к особенностям горского менталитета, традициям и религии. Переселения не носили массовый характер в связи с привязанностью горцев родной земле, существенными антироссийскими настроениями и религиозными различиями.

Ключевые слова: Кавказ, Российская империя, горцы, адыги, Кавказская война, имперская политика интеграции, военная служба, переселенцы, знатные фамилии, беглые.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 214-227
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.214

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Visual Sources on the History of the Gold Mining Industry of the Yenisei Province in the 19th century

Natalia P. Koptseva ^a, Xenia A. Degtyarenko ^{a,*}, Tikhon K. Ermakov ^a, Natalia N. Seredkina ^a

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

This article presents the results of a study of new, previously unpublished sources on the history of gold mining in Yenisei Province in the 19th century, including new visual sources. Of particular significance among these sources is a unique handwritten document from the so-called “Yudin Collection”, housed in the State Archives of Krasnoyarsk Krai. It is titled “Atlas of Gold Mining Fields in the Yenisei District, Indicating the Names and Owners in 1840–1852”, and contains visual and textual information on the history of gold mining in Yenisei Province in the 19th century. The article examines the history and significance of visual (primarily cartographic) sources related to gold mining in this region, and systematizes the information contained in the “Atlas”, which is now available to the general public for the first time. The “Atlas” includes 84 maps of gold-bearing rivers and their tributaries, descriptions of all the mines located on the banks of these rivers, the names of the owners and their companies, the dates of application for inclusion of the mine in the treasury and the application number, the dates and response dates, the dates of application approval and deposition of the mine in the treasury, and area of the plot in state dessiatines. It is concluded that the “Atlas” of statistical data and visualizations of the gold-bearing river maps of the Yenisei Governorate is of great importance for further research into the history of gold mining, entrepreneurship, and technology in the Russian Empire in the 19th century. It is suggested that this “Atlas” was of great significance to G.V. Yudin himself, the leading gold miner and businessman in Eastern Siberia, who collected significant documents in his personal archive for his future entrepreneurial activities.

Keywords: Yenisei Governorate, gold mining, visual sources, historical maps and atlases, G.V. Yudin.

1. Введение

Актуальность исследования новых источников по истории сибирских территорий Российской империи, истории их освоения, предпринимательства в этих регионах связана с недостаточной изученностью особенностей и специфики развития ряда промышленных отраслей, значимых в контексте внутренней и внешней политики России в XIX в. Обладая обширными землями, российское государство обустривало отдалённые сибирские территории способами, существенно отличавшимися от тех, которые применялись в столичных, центральных, западных и южных регионах. Значительное продвижение Российской империи на Север и Восток вызывало ответные геополитические реакции со стороны государств, которые также считали северные и восточные территории Евразии входящими в зону своих интересов. В связи с этим освоение отдалённых территорий было сопряжено с рядом задач, решение которых экономически, политически и культурно укрепляло позиции России как внутри страны, так и вовне, на международной арене. Золотодобывающая промышленность Сибири выступала системообразующей экономической предпринимательской деятельностью, которая обеспечивала существенный рост ресурсообеспечения

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), kkrupkina@sfu-kras.ru (K.A. Degtyarenko), termakov@sfu-kras.ru (T.K. Ermakov), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina)

всех важнейших сфер жизнедеятельности российского общества и способствовала стабильности российского государства, которое к концу XIX в. было сильнейшей мировой державой, наиболее крупной в территориальном развитии.

Однако значительное количество источников, раскрывающих историческую специфику российской золотопромышленности, остаются неизвестными широкому кругу историков и учёных других областей гуманитарного знания. Многие материалы по истории сибирской золотопромышленности до настоящего времени не опубликованы и не изучены. Среди них значительное количество представляют собой визуальные источники, в том числе атласы, которые являются ценными документами, раскрывающими, с одной стороны, историческую специфику фиксации знаний, а с другой стороны, наглядно показывающие распределение ресурсов между предпринимателями, что позволяет понять социальную структуру субъектов российского предпринимательства в области золотопромышленности, выявить её историческую динамику.

Наименее изученными по истории сибирской золотопромышленности являются атласы и другие визуальные материалы, хранящиеся в настоящее время в личных архивах, в том числе в частных коллекциях документов самих предпринимателей-золотопромышленников. Одной из наиболее известных коллекций является собрание сибирского предпринимателя-золотопромышленника Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912), в котором представлен ряд визуальных источников по истории сибирской золотопромышленности, которые до настоящего времени не были опубликованы и не были известны широкому кругу исследователей. Восполнение данного пробела, связанное с публикацией части этих источников и их сравнительно-историческим анализом, выполнено в настоящем исследовании.

2. Материалы и методы

2.1. Эмпирической основой исследования послужили архивные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация), входящие в так называемую «юдинскую коллекцию» и связанные с картами, атласами и другими документами, визуальными источниками по истории золотопромышленности в России, включая отдалённые сибирские территории. Ряд этих материалов ранее никогда не публиковался. Дополнительно к документам «юдинской коллекции» в качестве материалов привлечены отчёты горных ревизоров о действии частных золотых промыслов в ряде округов Восточной Сибири, «Свод действующих узаконений о частной золотопромышленности в России» 1891 г., карты золотых промыслов и золотых приисков Урала, Восточной Сибири, Енисейской губернии и описания к данным картам, а также публикации в периодическом издании «Горный журнал», связанные с тематикой исследования.

2.2. Методологические подходы к исследованию включали принципы системности, историзма и компаративистики, позволяющие рассмотреть события и процессы комплексно и в историческом контексте времени.

Историко-сравнительный метод (компаративистский подход) позволил выявить особенности сибирской золотопромышленности по отношению к золотопромышленности в других макрорегионах Российской империи сопоставимого периода, а также верно оценить достигнутые сибирскими золотопромышленниками XIX в. результаты. Историко-генетический метод способствовал пониманию основных факторов возникновения и поступательного изменения экономических и предпринимательских практик, обусловивших своеобразие истории золотопромышленности Енисейской губернии XIX в.

Для изучения конкретных документов применялся их текстологический анализ, контент-анализ вербальных и визуальных источников, методы работы с архивными документами и статистический анализ представленных в этих документах данных.

3. Обсуждение

Тема исследования связана с рядом аспектов: с важностью изучения и введения в научный оборот визуальных источников, с одной стороны, и с расширением исторических сведений о золотопромышленности Енисейской губернии XIX в., с другой стороны. Одновременно для исследования важным является факт публикации материалов из «юдинской коллекции», значение которой неоднократно подчёркивалось и обосновывалось в ряде научных статей и докладов (Преображенский, 1960; Kolesnik et al., 2025; Шиндина, 2020; Колокольцева, 2019; Половникова, 1997; Дэш, Корниенко, 2015).

История исследований российской золотопромышленности, как правило, по отдельным районам, включая Енисейскую губернию, начинается с XIX в. (Тульчинский, 1903; Латкин, 1869; Уманский, 1888; Кривошапкин, 1892). Данные исследования подкреплялись публикациями отчётов, содержащих комплексные сведения о развитии золотопромышленности в Енисейском горном округе (Отчет..., 1899). В это время появляются первые обобщающие исследования золотопромышленности по макрорегионам Восточной и Западной Сибири Российской империи, а также в целом по Енисейской губернии (Гофман, 1910; Реутовский, 1907; Боголюбовский, 1884).

Советская историография 1920–1930-х гг., как правило, занижала значение золотопромышленности вообще и сибирской золотопромышленности, в частности. В послевоенные годы история российской (и сибирской) золотопромышленности постепенно прирастает новыми публикациями и диссертациями по данной теме (Данилевский, 1959; Рабинович, 1962; Хроленок, 1990). Обобщающая фундаментальная работа по истории и историческому моделированию золотопромышленности Урала и Сибири на рубеже XIX–XX вв. была выполнена уральским историком Л.В. Сапоговской (Сапоговская, 1998). Исследование по истории золотопромышленности Енисейской губернии в период с 1832 по 1917 гг. было сделано К.У. О-Ун-Дар (О-Ун-Дар, 2003), которое в значительной степени посвящено описанию истории техники, которая использовалась на золотых приисках, расположенных на территории Енисейской губернии.

В первой четверти XXI в. история сибирской золотопромышленности развивается по ряду направлений: на уровне «микроистории», включая описание новых исторических источников (Владимирски, Кротова, 2019; Zhulaeva et al., 2024; Матвеева и др., 2024; Карлова, 2024; Чертков, 2025; Дементьев, 2024), на уровне описания больших исторических периодов золотопромышленности определённых регионов (Васютин, 2019; Igibaev, 2020). Значимость визуальных источников для истории Восточной Сибири раскрывают Н.П. Копцева и соавторы (Koptseva et al., 2024). В статье Н.Г. Георгиевой «Классификация и полифункциональность исторических источников» (Георгиева, 2016) обосновывается понятие «изобразительный источник». С появлением фото- и видеодокументов, а также специфических киберизображений, название данного вида источников можно уточнить как «визуальные источники». Среди них особое место занимают географические и иные карты. С.И. Сотникова в труде «Источниковедение русских карт XVII – начала XX века» (Сотникова, 1990) выделяет «специальные карты 60-х гг. XVIII – начала XX вв.», в том числе «ресурсные карты» (Сотникова, 1990: 288) и такой их подвид, как «карты минеральных ресурсов» (Сотникова, 1990: 321).

Таким образом, в исследованиях по истории золотопромышленности Восточной Сибири карты и атласы упоминаются в качестве значимых источников, но подавляющее большинство из них ранее не исследовалось и не было введено в научный оборот. «Юдинская коллекция» содержит такие визуальные источники по истории золотопромышленности Енисейской губернии XIX в., которые также ранее не были опубликованы и не были детально исследованы в историческом контексте. Для восполнения данного пробела было выполнено настоящее исследование.

4. Результаты

4.1. Визуальные источники по истории добычи золота в Енисейской губернии XIX в.

Золотодобыча в Енисейской губернии являлась не просто одним из ключевых факторов экономического роста, но и оказывала влияние на развитие социальных, культурных и политических институтов региона. В XIX в. золотодобыча понималась не только как экономическая деятельность, но и как стимул к развитию локальных сообществ (Карпинский, 1840). Подобный сдвиг отражается и в том, что многие исторические документы, посвящённые добыче золота, содержат в себе разнообразные сведения широкого спектра. Многие исследователи XIX в. выстраивают «теорию золотодобычи», демонстрирующую сложные связи между социальными агентами, включёнными в эту деятельность.

Описание золотодобывающей отрасли тесно связано с историей географии и геологии, которые выступают фундаментом для научного дискурса. Наиболее тесная связь прослеживается между исследованиями рельефа, или орографией, которая выступала не только основанием для формирования новой традиции перевода исследовательской информации в визуальные формы, в первую очередь в картографический материал. К XIX в. накапливается значительное количество эмпирического материала, что обусловило исследования в области орографии без полевых экспедиций. Показателен в этом отношении орографический очерк П.А. Кропоткина, посвящённый Минусинскому и Красноярскому округу Енисейской губернии и выпущенный в 1873 г. в Санкт-Петербурге (Кропоткин, 1873). Орографическое описание П.А. Кропоткина является попыткой систематизировать знания о речных бассейнах и горных образованиях, что важно не только с позиции «чистой науки», но и как прикладное руководство со значительным объёмом визуализированных сведений, позволяющее систематизировать процесс освоения территории Сибири, прогнозировать возможные маршруты и места обнаружения полезных ископаемых.

Связаны эти прогнозы с «достраиванием» существующей картографической и описательной информации: так происходит с визуализацией бассейна реки Чулым, рельеф которого воспроизводится преимущественно как «предположение», исходя из информации о его более южных районах (Кропоткин, 1873: 39). Данная методика играет двоякую роль, создавая одновременно и верифицируемые научные гипотезы, и рекомендации по новым маршрутам освоения территории. При этом учитываются не только маршруты продвижения переселенцев, но и экономико-инфраструктурный потенциал, определяющий соответствующую логистику. Данные обстоятельства объясняют пристальное внимание к рекам, которые являлись на тот момент ключевыми транспортными артериями и картография которых имела беспрецедентно высокое значение.

Подробно влияние золотодобычи на сибирский регион представлено в отчёте В.М. Внуковского, составленном в 1905 г. (Внуковский, 1905) и включающем обширный визуальный материал, обобщающем и описывающем процессы XIX в. Золотодобыча здесь рассматривается как результат благоприятных географических и геологических обстоятельств, но большая часть текста посвящена описанию конкретных социально-экономических процессов, связанных с деятельностью приисков в бассейнах крупных сибирских рек. Автор неоднократно обращается к проблеме взаимодействия золотодобытчиков и местного населения, оценивая влияние пришлого населения, скорее, негативно: «Близость приисков имела весьма вредное, если не пагубное влияние на аборигенов тайги – тунгусов, которые, восприняв только темные стороны занесенной золотоискателями культуры и значительно расширив круг своих потребностей, в то же самое время потеряли все такие хорошие качества первобытного человека, как честность, трезвость и трудолюбие» (Внуковский, 1905: 15). В.М. Внуковский склонен считать местное население «виновником своих бед», поскольку оно «воспринимает» только негативные черты пришлої культуры, не стремясь приобщиться к процессам модернизации и новым технологиям (Внуковский, 1905: 15). Инфраструктура и логистическая сеть описываются как «слаборазвитые», упоминаются отдельные дороги, которые были известны в прошлом, но сейчас практически никем не используются: об одной из дорог говорится, что «даже тунгусы» не способны сейчас указать место, где она пролегла (Внуковский, 1905: 432). Процесс золотодобычи оценивается как приходящий в упадок в силу устаревших технологий, использующихся на уже известных приисках. К этому добавляется проблема разведки новых месторождений, которая, по мнению В.М. Внуковского, ведётся «непоследовательно», отдельные промышленники и вовсе «довольствуются более доступной для них [промышленников] прирезкою кромок россыпи в бортах выработки прежних лет» (Внуковский, 1905: 31). В результате реальная добыча золота происходит лишь в нескольких и без того хорошо известных и разведанных центрах, хотя формально самих приисков достаточно много.

Обзор комплексных источников, включая визуальные, по истории золотодобычи в Енисейской губернии XIX в. доказывает наличие расхождения между теорией и практической реализацией добычи золота на местах. Авторы рассмотренных источников предлагают различные варианты решения проблем золотодобычи, разрабатывают рациональные планы по освоению региона. В реальности же освоение происходило стихийно, без учёта реальных потребностей социально-экономической системы губернии. Созданию характерных моделей золотодобычи способствовало появление новых способов представления информации, наиболее значимым из которых становится метод картографирования.

4.2. Картография золотоносных приисков Енисейской губернии XIX в.

Рассмотрим историю золотодобывающей промышленности Енисейской губернии XIX в. с позиции исследования картографии золотоносных приисков. Её развитие было обусловлено рядом факторов, связанных с тем, что в XIX в. добыча золота представляла собой совершенно новую отрасль промышленности Енисейской губернии (Васютин, 2019: 149). Особо значимым для развития золотопромышленности стала середина XIX в. – период так называемой «золотой лихорадки» в Сибири (Васютин, 2019: 149). Обнаружение многочисленных золотоносных приисков обусловило необходимость развёртывания определённой системы институций, направленной на фиксацию данных, касающихся обнаруженных местоположений золота, ведение статистики и учёт всех сопутствующих развитию данной отрасли условий, а также регламентацию в виде законодательных документов управления данными золотоносными приисками. О созданной в XIX в. подобной системе институций свидетельствует ряд исторических законодательных документов (Устав..., 1872; Розанов, 1891 и др.), а также отчётных документов, которые регулярно публиковались в выпусках «Горного журнала» – одного из периодических печатных российских изданий, выходивших с 1825 г. Система институций включала в себя также исследовательские практики, направленные на разработку картографии золотоносных промыслов. Особенно значимыми были 1830–1850-е гг., когда российская картография нашла своё применение в различных ведомствах Российского государства. Это обусловило качественное развитие тематического картографирования к середине XIX в., что принято связывать с трансформационными процессами в Российской империи 1830–1840-х гг. (Лоскутова, Копелев, 2024), вовлечением картографии в решение новых задач (Сотникова, 1990) и реализацией с её помощью эффективной политики управления Российской империей (Смагин, 2010). Данные факторы характеризуют и специфику картографии в области золотопромышленности: в начале XIX в. впервые картография была применена в общем процессе освоения и изучения российских территорий, связанных с добычей золота. С помощью картографии описывалось актуальное состояние золотопромышленности в отдельных округах Российской империи. Особое внимание было уделено картографированию золотоносных приисков, расположенных на территории Енисейской губернии, что было обусловлено их многочисленностью и необходимостью разработки наиболее выгодных стратегий добычи золота при сокращении её издержек.

Плодотворным периодом в развитии картографии золотоносных приисков Енисейской губернии стали 1840-е гг., которые совпали с периодом активного развития здесь золотопромышленности. Енисейский округ наряду с Канским округом и их системами рек Бирюсы и

Тунгуски были признаны главными центрами по добыче золота, начиная с 1839 г., периода первых открытий приисков, и вплоть до 1843 г. (О добыче..., 1844: 159). Наибольший объём добычи золота в Енисейском округе был получен в 1842 г. (Отчет..., 1844: 130). В этот же период начинают разрабатываться картографические описания золотоносных приисков данного округа.

Создавались как узконаправленные картографические изображения, фиксирующие отдельные золотоносные прииски, находящиеся на территории губернии, так и общей направленности карты, объединяющие в себе все территории золотых приисков Сибири в целом. Отдельно создавались карты частных и государственных золотых приисков. В основу картографирования золотоносных приисков была заложена общепринятая структура карты, которая включала в себя собственно картографическое изображение, легенду, представляющую собой систему условных обозначений горных пород, характерных для изображаемой местности, а также текстовые пояснения. Необходимым элементом выступали информационные таблицы, которые содержали числовые и текстовые данные каждого конкретного прииска, изображённого на карте. Среди этих данных фиксировались, например, «название прииска», «пространство в десятинах», «когда отведен (год)», «кому принадлежит», «работался ли в 1895 году и кем, или же не работался» (Описания к картам..., 1898).

В основе картографирования золотоносных приисков Енисейской губернии XIX в. лежит один из древнейших видов тематического картографирования – картографирование рек. Изображения рек и их систем являлось главным графическим элементом создаваемых карт. На эту основу накладывались условные цветовые обозначения гор и горных пород, сопровождающих рельеф изображённых систем рек. Данный канон картографического изображения золотоносных приисков воплощён, например, в опубликованных в «Горном журнале» картах золотосодержащих приисков системы реки Большой Бирюсы (1844 г.), картах частных золотых приисков, находящихся в Енисейском округе, и общей карте золотых промыслов Восточной Сибири с прибавлением в увеличенном масштабе карт важнейших золотоносных округов или систем Енисейской губернии (1845 г.). Так, «Карта золотосодержащих приисков системы реки Большой Бирюсы» (Рисунок 1), составленная в 1844 г., репрезентирует картографическую модель визуализации приисков, открытых по системе реки Большой Бирюсы.

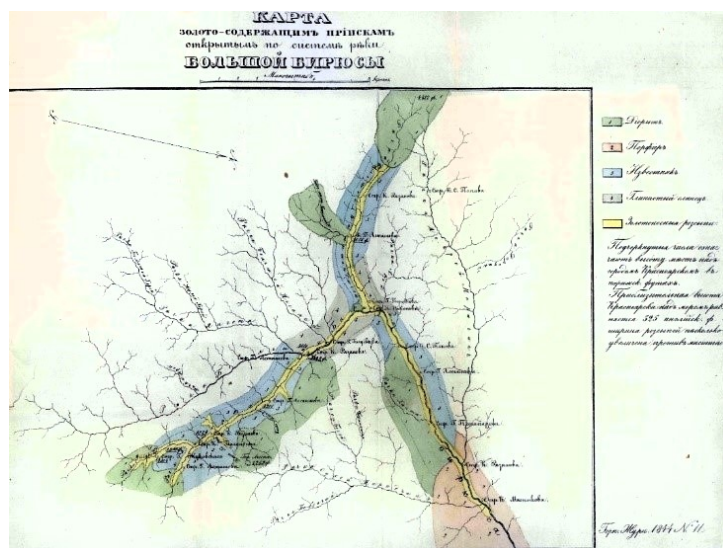

Рис. 1. Карта золотосодержащих приисков системы реки Большой Бирюсы

Источник: «Горный журнал». 1844. № 11.

Наряду с картами золотосодержащих приисков систем отдельных рек Енисейской губернии создавались карты, фиксирующие деление Енисейского округа по находящимся в нём приискам на две системы: южную и северную (Рисунок 2, 3).

Согласно отчёту горного ревизора о действии частных золотых промыслов Енисейского округа за 1842 г., к северной системе относились «все прииски, открытые на системе Средней или Подкаменной Тунгуски, в полосе на правой стороне реки Пита и по речке Островной, впадающей с правой стороны в Енисей» (Отчет..., 1844: 135). К южной системе были отнесены золотоносные россыпи, находящиеся «в полосе на левой стороне реки Пита и по системам речек Удерея, Мурожной, Рыбной, Татарской и других, впадающих в реку Тунгуску, с правой стороны, до соединения ее с Енисеем» (Отчет..., 1844: 135). Расстояние между этими системами не подвергалось точному измерению, но, по данным отчёта, оно могло составлять до 213 км (200 вёрст). Системы Подкаменной Тунгуски и Пита были признаны самыми богатыми в Восточной Сибири. Образованы они были

«долинами трех малых рек, выходящих из одной цепи гор, и называемых Калами, Шевагликон и Октолик» ([О золотых промыслах ...](#), 1844а: 347).

Рис. 2. Карта частных золотых приисков, находящихся в Енисейском округе. Южная часть
Источник: «Горный журнал». 1844. № 11.

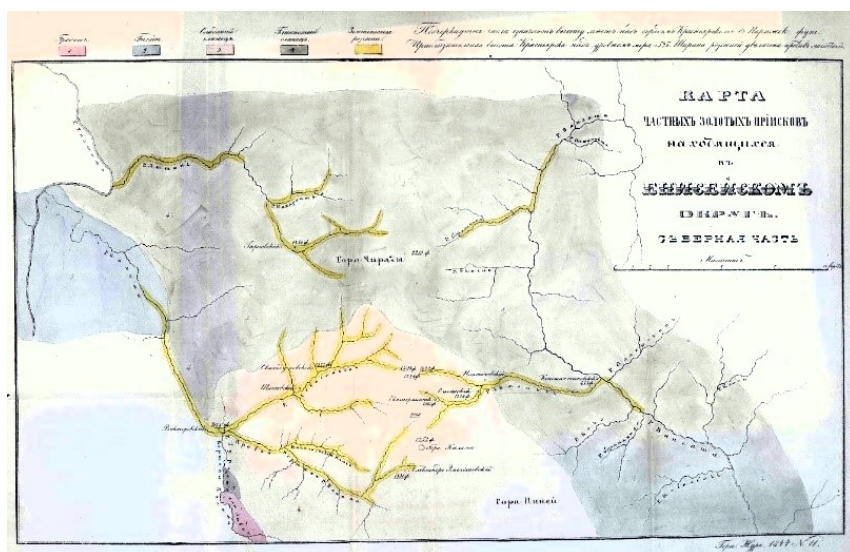

Рис. 3. Карта частных золотых приисков, находящихся в Енисейском округе. Северная часть
Источник: «Горный журнал». 1844. № 11.

Одним из картографических источников истории развития золотопромышленности в Енисейской губернии является «Общая карта золотых промыслов Восточной Сибири с прибавлением в увеличенном масштабе карт важнейших золотоносных округов или систем Енисейской губернии» ([Общая карта...](#), 1845), составленная и изданная в 1845 г. основоположником русской школы геологической картографии, полковником Григорием Петровичем Гельмерсеном (1803–1885) ([Рисунок 4](#)).

В 1840-е гг. Г.П. Гельмерсен являлся одним из ведущих сотрудников Корпуса горных инженеров, учреждения, выполнявшего функцию военизированного ведомства Российской империи, которое отвечало за развитие горного, монетного и соляного дел. Здесь осуществлялась образовательная и научно-исследовательская деятельность в рамках данных направлений работы учреждения. Результатом стала разработка корпуса карт золотоносных округов, включая расположенные на территории Енисейской губернии. Одной из них была карта, созданная Г.П. Гельмерсеном и представляющая общее картографическое изображение системы рек Восточной

Сибири с находящимися в ней многочисленными золотоносными приисками, места расположения которых отмечены на карте жёлтой краской.

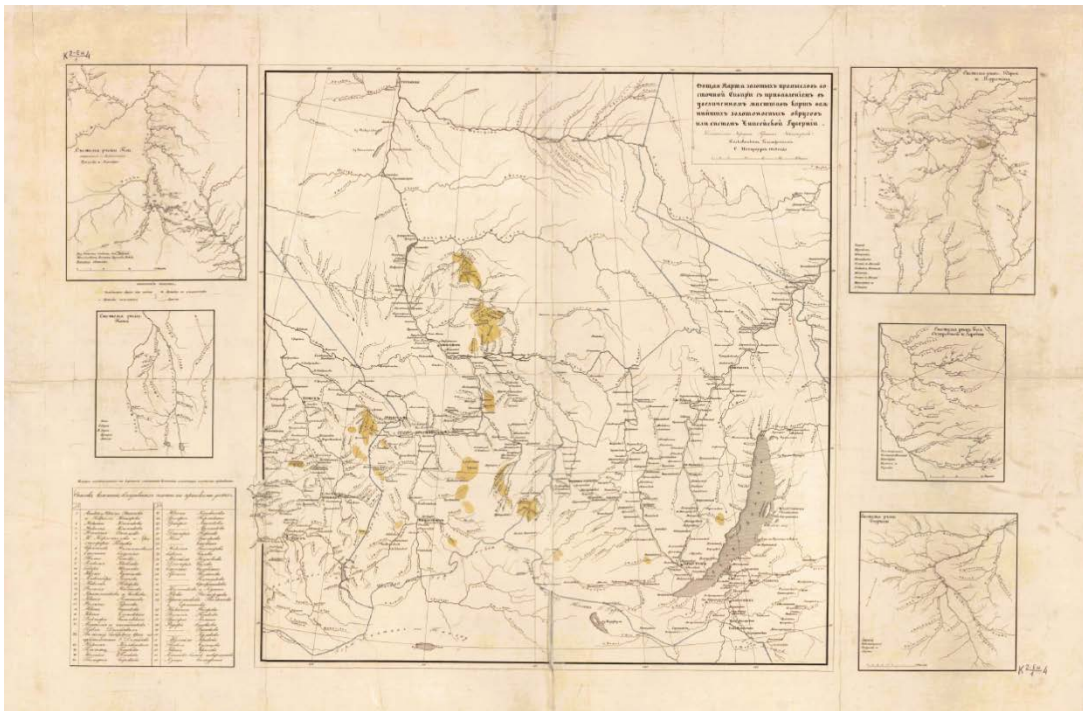

Рис. 4. Общая карта золотых промыслов Восточной Сибири с прибавлением в увеличенном масштабе карт важнейших золотоносных округов или систем Енисейской губернии. Санкт-Петербург: Корпус Горных инженеров, 1845

Среди дополнительных данных общей карты золотых промыслов представлены ещё 5 карт меньшего размера, которые расположены по обе стороны от центрально расположенной общей карты. Они представляют собой картографическое изображение отдельных золотоносных систем Енисейской губернии, которые обозначены на карте как важнейшие золотоносные округа данного региона на 1845 г. К таким системам отнесены системы рек Теи, Каны, Удерея, Мурожны, Бол. Островной, Гаревки, а также Бируссы. Сопровождают общую карту табличные данные, представляющие «Список компаний, владевших золотыми приисками до 1843 г.» (*Общая карта..., 1845*). Список включает в себя 55 компаний, которые представлены по фамилиям их владельцев. Например, «... Никиты Мясникова, Николая Мясникова, ... М. Коростелева и Христофора Попова...», что показывает большую вовлечённость в развитие золотого промысла в Сибири частных лиц, получивших привилегию со стороны государства и предопределивших динамику объёмов добычи золота. Одним из первых, кто воспользовался возможностью «отыскани[я] и добыч[и] благородных металлов в Сибири» был купец Федот Попов. Ему принадлежит «честь открытия и начального основания золотого производства вообще в Западной Сибири» (*Отчет..., 1844а: 131*). В целом многочисленный список фамилий частных лиц, представленный в контексте картографических изображений XIX в., свидетельствует о достаточно большой роли частных предпринимателей в процессе развития золотопромышленности в Восточной Сибири, в том числе на территории Енисейского округа.

4.3. «Атлас золотопромышленных приисков Енисейского округа с указанием фамилий и их владельцев в 1840–1852 гг.»

«Атлас золотопромышленных приисков Енисейского округа с указанием фамилий и их владельцев в 1840–1852 гг.» (далее – «Атлас») (*ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 1–104*) представляет собой картографию планов притоков реки Енисей на территории Енисейского округа в сочетании с фиксацией на этих притоках участков деятельности конкретных золотодобывающих приисков. Всего в «Атласе» представлено 84 карты отдельных рек с притоками (*ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 5–11, 13–17, 19, 21–26, 29, 31, 33–57, 59, 61, 63, 65, 67–69, 71–72, 74, 76–88, 90–94, 96–103*) – укрупнённые элементы Общей карты золотоносных систем в Енисейском округе (*ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 104*), которой завершается «Атлас». На четырёх разворотах, предваряющих вышеописанную детализацию, представлены реки (в некоторых случаях с выделением разных частей реки) Енисейского округа в алфавитном порядке – 108 позиций (*ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 1–4*).

Каждая карта «Атласа» визуализирует реки и их притоки, самые значимые, в том числе для золотодобычи, и крупные из которых поименованы. Цветовыми (цветные линии, штриховки) и

цифровыми обозначениями выделены сегменты рек, где ведётся золотодобыча в рамках частных приисков. На обороте карт размещается пояснительная информация в форме таблицы без указания названий столбцов (Рисунок 5).

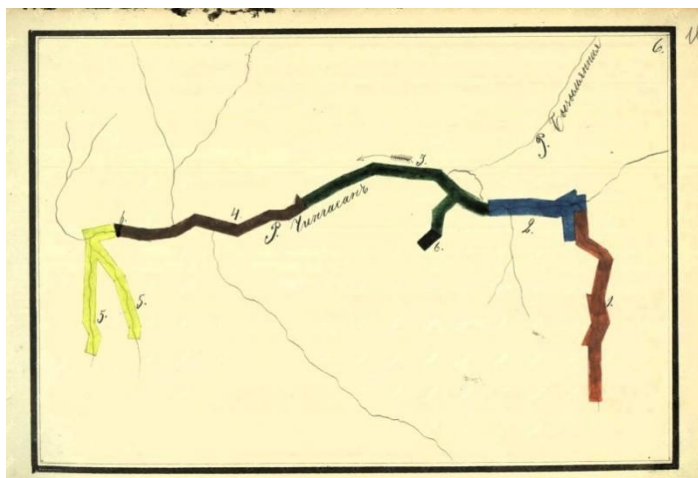

Рис. 5. Изображение из «Атласа золотопромышленных приисков Енисейского округа с указанием фамилий и их владельцев в 1840–1852 гг.»

Источник: ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 12

Сведения из «Атласа» представлены в нижеследующей таблице «Пояснительная информация к карте “Атласа”: река Гаревка, Правая вершина Гаревки, река Левая вершина Гаревки» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 6–7). В будущих исследованиях значительная часть информации Атласа может быть собрана в подобные таблицы.

Таблица 1. Пояснительная информация к карте «Атласа»: река Гаревка, Правая вершина Гаревки, река Левая вершина Гаревки

№	Название прииска и имя владельца	Номер и дата заявки	Дата ответа	Дата утверждения заявки и зачисления прииска в казну	Площадь участка, единица измерения – казенная десятина
1.	Благовещенский Пашкова	24 марта 1840 № 22	5 марта 1843	14 сент. 1844	165
2.	Спасский Николая Мясникова	26 марта 1841 № 23	2 и 3 август. 1843	20 мая 1844	245,9
3.	Преображенский Пашкова	15 апреля 1841 № 41 и 13 марта 1843 № 4	9 август. 1843	14 окт. 1843	249,8
4.	Вячеславский Понамарева, зачислен в казну по незаработку	3 апреля 1843 № 30	7 август. 1843	8 март. 1844	161,2
5.	Павловский Пашкова	Из. Каз. Ост.	14 июня 1844	18 мая 1845	5,5

Источник: ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 6–7

В подобных картографических источниках текстовые пояснения содержат специальные сведения, касающиеся самих приисков: описание местности, название прииска, имя его владельца, даты открытия или регистрации, время заявки, ответа, утверждения и зачисления в казну, площадь участка, наибольшее значение золотодобычи на прииске, оценка предполагаемых запасов золота на выделенном участке. Текстовые пояснения в 6 столбцах таблицы на обороте каждого визуального картографического изображения «Атласа» имеют следующую последовательность: 1) порядковый номер; 2) название прииска и его владелец; 3) дата заявки; 4) дата ответа; 5) дата утверждения и зачисления в казну; 6) площадь прииска/золотоносного участка (в казённых десятинах, составляющих примерно 1,09 гектара).

По результатам анализа выяснено, что в «Атласе» зафиксировано 515 золотоносных участков и 86 владельцев. Держателями наибольшего количества приисков Енисейского округа в 1840–1852 гг. являлись золотопромышленники: Мясниковы (встречается 73 упоминания Мясниковых в связи с владением приисковых участков (Мясников, Николай (Нико) Мясников, Никита (Ники) Мясников, единично – наследники Мясникова (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 82–83)); Рязановы (46 упоминаний Рязановых («К^о Рязанов», Аникий Рязанов, Яким Рязанов, Игнатий (Игнат, Игн., Иг.) Рязанов)); купец Зотов (1 упоминание); Горохов (16 упоминаний); Филимоновы (11 упоминаний). 10 приисками владели Сосулин, Токарев (в т.ч. «К^о Токарев»), Пашков, Машаровы (Алек., Ал., Гавр., Александр. Машаров и «К^о Машаров»), Демидовы, Коростелев; 9 приисками – Асташев, Алтайско-Саянское товарищество; 8 приисками – Красильников (упоминается 3 раза «К^о Красильников»), Голубов/Голубков/К^о Голубков, Белов (Сав., Савелья Белов); 7 приисками – Логинов, Балашев. В остальных случаях во владении у золотопромышленников находилось от 1 до 5 приисков. Отдельной строкой в текстовых пояснениях на обороте картографического изображения и на самих изображениях обозначаются казённые остатки. В целом в «Атласе» находится 45 упоминаний «казенных остатков». Фиксируются 32 прииска, зачисленных в казну, в том числе за неразработку («по незаработке/незар.»); данные процессы происходили в результате бездействия на месте предполагаемой добычи, неоплаты пошлин. Такие участки после зачисления в казну со временем выставляли на торги. Отметка «Из. Каз. Ост.», в том числе «по высочайшему повелению» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 26–28), предположительно означающая процесс избрания отводов золотоносных участков из казённых остатков, свидетельствует о том, что из казённых остатков за указанный период было выделено 47 участков.

Из сведений «Атласа» можно выделить ряд наиболее крупных золотопромышленных приисков: «Спасский Николая Мясникова», площадью 245,9 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 6–7); «Преображенский Пашкова», площадью 249,8 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 6–7); «Николаевский Нико. Мясникова», площадью 250 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 7–8); «Александровский Серебренникова», площадью 250 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 8–9); «Петропавловский Попова», площадью 246,7 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 10–11); «Александровский Пермикина», 246,51 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 11–12); «Екатерининский Пиленкова», площадью 250 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 11–12); «Николаевский Ламздорфа» 249 [...] пудов золота (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 13–14); «Спасо-Преображ. Филимоновых», площадью 245,6 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 15–16); «Петровский Атопова», площадью 247,7 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 15–16); «Ильинский Токарева», площадью 246,7 казённых десятин (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5012. Л. 16–17) и др.

Представленные в «Атласе» первичные статистические сведения раскрывают историческую специфику основных точек золотодобычи в регионе и масштаб производственной деятельности в этом направлении, освещают главных участников золотопромышленности Енисейской губернии по Енисейскому округу в XIX в., поскольку являются репрезентативными для всего исторического периода золотодобычи. Материалы «Атласа» предоставляют уникальные сведения для научных исследований по золотопромышленности Енисейской губернии середины XIX в., а также для будущих региональных культурно-экономических исследований истории промышленности, техники и предпринимательства в России XIX в.

5. Заключение

Визуальные источники по истории золотопромышленности Енисейской губернии XIX в. – это карты, включающие как топографию мест золотых приисков (в основном, по берегам рек), так и значительный статистический материал, отражённый в условных изображениях карт и описанный в прилагающейся легенде. Ряд исторических карт, которые раскрывают особенности золотодобычи в Енисейской губернии XIX в., был опубликован в специализированных ведомственных геологических журналах XIX в., издававшихся в Российской империи в соответствии с целеполаганием внутренней и внешней политики по освоению отдалённых северных территорий. Одновременно в «юдинской коллекции» присутствуют карты и атласы, которые ранее не были опубликованы, но их визуализированная и текстовая информация дают уникальные сведения по особенностям золотодобычи XIX в. Можно предположить, что «Атлас золотопромышленных приисков Енисейского округа с указанием фамилий и их владельцев в 1840–1852 гг.», изготовленный «вручную» и находящийся только в этой «коллекции», был необходим самому Г.В. Юдину как активному и инициативному золотодобытчику и коммерсанту. Введение в широкий научный оборот сведений о данном «Атласе» восполняет существующие пробелы, связанные с историей золотопромышленности, техники и предпринимательства XIX в. на сибирских территориях Российской империи.

Литература

Боголюбский, 1884 – Боголюбский И. Минусинский, Красноярский, Ачинский округа Енисейской губернии. СПб., 1884.

- [Васютин, 2019](#) – *Васютин И.А.* Причины кризиса золотопромышленности в конце XIX века (на материалах Енисейской губернии) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2019. № 3(13). С. 148-155.
- [Владимирски, Кротова, 2019](#) – *Владимирски И., Кротова М. В.* Сибирская золотопромышленность через призму дневников Якова Фризера (1869–1932) // *Новейшая история России*. 2019. № 3. С. 609-624.
- [Внуковский, 1905](#) – *Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа. СПб., 1905. 454 с.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.
- [Георгиева, 2016](#) – *Георгиева Н.Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2016. № 1. С. 7-19.
- [Гофман, 1844](#) – *Гофман Э.К.* О золотых промыслах Восточной Сибири. СПб., 1844.
- [Данилевский, 1959](#) – *Данилевский В.В.* Русское золото: история открытия и добыча до середины XIX в. М., 1959.
- [Дементьев, 2024](#) – *Дементьев А.П.* Результаты выборов в Учредительное собрание по Енисейской губернии // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2024. Т. 8. № 2. С. 96-104.
- [Дэш, Корниенко, 2015](#) – *Дэш Б. Л., Корниенко А. А.* Проект Библиотеки Конгресса США, посвященный коллекции Юдина, и новая работа с французскими изданиями из библиотеки Юдина // *VIII Юдинские чтения*. 2015. С. 47-59.
- [Карлова, 2024](#) – *Карлова О.А.* «Семинарист»: заметки о быте и нравах Красноярска 1890-х годов в ранних пробах пера учителя-философа П.П. Устюгова (Часть 1) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 7. С. 1269-1276.
- [Колокольцева, 2019](#) – *Колокольцева Н. Ю.* Характеристика документов личного происхождения по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. № 6 (110). С. 57-61.
- [Карпинский, 1840](#) – *Карпинский М.М.* О золотоносных россыпях // *Горный журнал*. 1840. № 1. С. 1-40.
- [Кривошапкин, 1892](#) – *Кривошапкин М.Ф.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
- [Кропоткин, 1873](#) – *Кропоткин П.* Орографический очерк Минусинского и Красноярского округа Енисейской губернии. СПб., 1873. 50 с.
- [Латкин, 1869](#) – *Латкин Н.В.* Очерк Северной и Южной систем золотых промыслов Енисейского округа. СПб., 1869.
- [Лоскутова, Копелев, 2024](#) – *Лоскутова М.В., Копелев Д.Н.* Государственная власть и тематическая картография России 1840-х годов // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 4(44). С. 66-78.
- [Марни, 1910](#) – *Марни Б.* Золотопромышленность в Западно-Сибирской горной области // *Горный журнал*. 1910. № 3. С. 275-324.
- [Матвеева и др., 2024](#) – *Матвеева Н.П., Третьякова Е.А., Овчинников И.Ю.* К оценке социально-экономической роли лесостепных западносибирских городищ эпохи средневековья по остаткам металлургического производства // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 9. С. 1723-1734.
- [Нагаев, 1958](#) – *Нагаев А.С.* Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края // *Уч. зап. Енисейского гос. пед. ин-та*. 1958. №1. С. 11-19.
- [О добыче..., 1844](#) – О добыче золота в России, в 1843 году // *Горный журнал*. 1844. Кн. 1. Ч. 1. С. 159-161.
- [О золотых промыслах..., 1844](#) – О золотых промыслах Восточной Сибири // *Горный журнал*. 1844. Кн. 11. Ч. 4. С. 196–277.
- [О золотых промыслах..., 1844а](#) – О золотых промыслах Восточной Сибири (Г. Полковника Гофмана) (окончание) // *Горный журнал*. 1844. Кн. 12. Ч. 4. С. 347–421.
- [О-Ун-Дар, 2003](#) – *О-Ун-Дар К.У.* Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2003. 286 с.
- [Общая карта..., 1845](#) – Общая карта золотых промыслов Восточной Сибири с прибавлением в увеличенном масштабе карт важнейших золотоносных округов или систем Енисейской губернии. СПб., 1845.
- [Описания к картам..., 1898](#) – Описания к картам золотых приисков Сибири и Урала. Енисейская губерния. (Северо-Енисейский горный округ). СПб., 1898. 64 с.
- [Отчет..., 1844](#) – Отчет горного ревизора о действии частных золотых промыслов Енисейского округа, за 1842 год // *Горный журнал*. 1844. Кн. 1. Ч. 1. С. 130-147.
- [Отчет..., 1844а](#) – Отчет горного ревизора, о действии частных золотых промыслов Восточной Сибири, расположенных в округах: Иркутском, Нижнеудинском и Канском, за 1842 год // *Горный журнал*. 1844. Кн. 1. Ч. 1. С. 147-158.

- Отчет..., 1899** – Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб., 1899.
- Половникова, 1997** – Половникова И. А. К истории Юдинского собрания книг и рукописей // *Макушинские чтения*. 1997. № 4. С. 56-59.
- Преображенский, 1960** – Преображенский А. А. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края // *Археографический ежегодник за 1958 год*. 1960. С. 267-292.
- Рабинович, 1962** – Рабинович Г.Х. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // *К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв.* Красноярск, 1962.
- Реутовский, 1907** – Реутовский В. О положении золотопромышленных районов в Сибири // *Известия общества горных инженеров*. 1907. №1. С. 1-35.
- Розанов, 1891** – Розанов Л.И. Свод действующих узаконений о частной золотопромышленности в России. СПб., 1891. 190 с.
- Сапоговская, 1998** – Сапоговская Л. В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 313 с.
- Смагин, 2010** – Смагин Р.Ю. Картографическая коллекция XIX века в государственном архиве Красноярского края // *Гео-Сибирь*. 2010. Т. 6. С. 120-124.
- Сотникова, 1990** – Сотникова С.И. Источниковедение русских карт XVII – начала XX вв. М., 1990. 383 с.
- Тулъчинский, 1903** – Тулъчинский К.Н. Современные условия золотопромышленности в Минусинском уезде. Томск, 1903.
- Уманский, 1888** – Уманский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888.
- Устав..., 1872** – Устав о частной золотопромышленности. СПб., 1872. 83 с.
- Хроленок, 1990** – Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.
- Чертков, 2025** – Чертков А.С. «Лутчие люди» в системе управления Ленским краем в XVII веке в контексте формирования национальной «элиты» // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2025. Т. 9. № 2. С. 52-62.
- Шиндина, 2020** – Шиндина А.Б. Рукописи Юдинского собрания в фондах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края // *Румянцевские чтения-2020*. 2020. С. 517-521.
- Igibaev, 2020** – Igibaev S.K. From the History of Gold Mining on the Territory of Modern Kazakhstan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 742-758.
- Koptseva et al., 2024** – Koptseva N.P., Razumovskaya V.A., Makarchuk I.Y., Valkova, Y.E. “Picturesque Russia (Ghivopisnaya Rossia)” (volume 12, part 1) as a Source on the History of the East Siberian territory of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 896-907.
- Zhulaeva, 2024** – Zhulaeva A.S., Grigoryeva E.A., Gryaznukhin A.G., Lushchaeva, G.M. The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1990s // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 670-679.

References

- Bogoljubskij, 1884** – Bogoljubskij, I. (1884). Minusinskij, Krasnojarskij, Achinskij okruga Enisejskoj gubernii [Minusinsky, Krasnoyarsk, Achinsk districts of the Yenisei province]. SPb. [in Russian]
- Chertkov, 2025** – Chertkov, A.S. (2025). «Lutchie ljudi» v sisteme upravlenija Lenskim kraem v XVII veke v kontekste formirovanija nacional'noj «jeliti» [“The best people” in the system of governance of the Lena region in the 17th century in the context of the formation of the national “elite”]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 9(2): 52-62. [in Russian]
- Danilevskij, 1959** – Danilevskij, V.V. (1959). Russkoe zoloto: istorija otkrytija i dobycha do serediny XIX v. [Russian gold: history of discovery and production until the mid-19th century]. M. [in Russian]
- Dehsh, Kornienko, 2015** – Dehsh, B.L., Kornienko, A.A. (2015). Proekt Biblioteki Kongressa SSHA, posvyashchennyi kollektzii Yudina, i novaya rabota s frantsuzskimi izdaniyami iz biblioteki Yudina [The US Library of Congress Project Dedicated to the Yudin Collection and New Work with French Editions from the Yudin Library]. *VIII Yudinskije chteniya*. Pp. 47-59. [in Russian]
- Dement'ev, 2024** – Dement'ev, A.P. (2024). Rezul'taty vyborov v Uchreditel'noe sobranie po Enisejskoj gubernii [Results of the elections to the Constituent Assembly in the Yenisei province]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 8(2): 96-104. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Krai].
- Georgieva, 2016** – Georgieva, N.G. (2016). Klassifikacija i polifunkcional'nost' istoricheskikh istochnikov [Classification and polyfunctionality of historical sources]. *Vestnik RUDN, serija «Istorija Rossii»*. 1: 7-19. [in Russian]
- Gofman, 1844** – Gofman, E.K. (1844). O zolotykh promyslah Vostochnoj Sibiri [On the gold mines of Eastern Siberia]. SPb. [in Russian]
- Igibaev, 2020** – Igibaev, S.K. (2020). From the History of Gold Mining on the Territory of Modern Kazakhstan: the end of the XIX – beginning of the XX centuries. *Bylye Gody*. 56(2): 742-758.

- [Karlova, 2024](#) – *Karlova, O.A.* (2024). "Seminarist": zametki o byte i nrvah Krasnojarska 1890-h godov v rannih probah pera uchitelja-filosofa P.P. Ustjugova (Chast'1) ["Seminarian": Notes on the Life and Customs of Krasnoyarsk in the 1890s in the Early Works of the Philosopher-Teacher P.P. Ustyugov (Part 1)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki.* 7(7): 1269-1276. [in Russian]
- [Karpinskij, 1840](#) – *Karpinskij, M.M.* (1840). O zolotonosnyh rossypjah [On gold placers]. *Gornyi zhurnal.* 1: 1-40. [in Russian]
- [Khrolenok, 1990](#) – *Khrolenok, S.F.* (1990). Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832–1917). Istoriko-ekonomicheskii ocherk [Gold mining in Siberia (1832–1917). Historical and economic essay]. Irkutsk. [in Russian]
- [Kolokol'tseva, 2019](#) – *Kolokol'tseva, N.Yu.* (2019). Kharakteristika dokumentov lichnogo proiskhozhdeniya po istorii sibirskogo kupechestva vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Characteristics of personal documents on the history of siberian merchants in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* 6(110): 57-61. [in Russian]
- [Koptseva, 2024](#) – *Koptseva, N.P., Razumovskaya, V.A., Makarchuk, I.Y., Valkova, Y.E.* (2024). "Picturesque Russia (Ghivopisnaya Rossia)" (volume 12, part 1) as a Source on the History of the East Siberian territory of the Russian Empire. *Bylye Gody.* 19(2): 896-907.
- [Krivoshapkin, 1892](#) – *Krivoshapkin, M.F.* (1892). Enisejskaja gubernija, ee proshloe i nastojashhee [Yenisei Province, Its Past and Present]. SPb. [in Russian]
- [Kropotkin, 1873](#) – *Kropotkin, P.* (1873). Orograficheskij ocherk Minusinskogo i Krasnojarskogo okruga Enisejskoj gubernii [Orographic essay on the Minusinsk and Krasnoyarsk districts of the Yenisei province]. SPb. 50 p. [in Russian]
- [Latkin, 1869](#) – *Latkin, N.V.* (1869). Ocherk Severnoj i Juzhnoj sistem zolotykh promyslov Enisejskogo okruga [Essay on the Northern and Southern Systems of Gold Mines in the Yenisei District]. SPb. [in Russian]
- [Loskutova, Kopelev, 2024](#) – *Loskutova, M.V., Kopelev, D.N.* (2024). Gosudarstvennaya vlast' i tematiceskaya kartografiya Rossii 1840-kh godov [State power and thematic cartography of Russia in the 1840s]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal.* 4(44): 66-78. [in Russian]
- [Marni, 1910](#) – *Marni, B.* (1910). Zolotopromyshlennost' v Zapadno-Sibirskoj gornoj oblasti [Gold mining in the West Siberian mountain region]. *Gornyj zhurnal.* 3: 275-324. [in Russian]
- [Matveeva i dr., 2024](#) – *Matveeva, N.P., Tret'jakova E.A., Ovchinnikov I.Ju.* (2024). K otsenke sotsial'no-ekonomicheskoi roli lesostepnykh zapadnosibirskikh gorodishch epokhi srednevekov'ya po ostatkam metallurgicheskogo proizvodstva [On the assessment of the socio-economic role of forest-steppe West Siberian settlements of the Middle Ages based on the remains of metallurgical production]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki.* 17(9): 1723-1734. [in Russian]
- [Nagaev, 1958](#) – *Nagaev, A.S.* (1958). Zolotopromyshlennost' Vostochnoj Sibiri v 30–50-e gg. XIX v. i ee vlijanie na social'no-jekonomicheskoe razvitii kraja [Gold mining in Eastern Siberia in the 30–50s. XIX century and its influence on the socio-economic development of the region]. *Uch. zap. Enisejskogo gos. ped. In-ta.* 1: 11-19. [in Russian]
- [O dobyche..., 1844](#) – O dobyche zolota v Rossii, v 1843 godu [About gold mining in Russia, in 1843]. *Gornyi zhurnal.* 1844. Kn. 1. 1: 159-161. [in Russian]
- [O zolotykh promyslakh ..., 1844](#) – O zolotykh promyslakh Vostochnoi Sibiri [About the gold mines of Eastern Siberia]. *Gornyi zhurnal.* Kn. 11. 4: 196-277. [in Russian]
- [O zolotykh promyslakh..., 1844a](#) – O zolotykh promyslakh Vostochnoi Sibiri (G. Polkovnika Gofmana) (okonchanie) [About the gold mines of Eastern Siberia (by Colonel Hoffman) (ending)] (1844). *Gornyi zhurnal.* Kn. 12. 4: 347-421. [in Russian]
- [Obshchaya karta..., 1845](#) – Obshchaya karta zolotykh promyslov Vostochnoi Sibiri s pribavleniem v uvelichenom masshtabe kart vazhneishikh zolotonosnykh okrugov ili sistem Enisejskoj gubernii [A general map of the gold fields of Eastern Siberia with the addition of enlarged maps of the most important gold-bearing districts or systems of the Yenisei province]. SPb. [in Russian]
- [Opisaniya..., 1898](#) – Opisaniya k kartam zolotykh priiskov Sibiri i Urala. Enisejskaya guberniya. (Severo-Enisejskii gornyi okrug) [Descriptions of the maps of the gold mines of Siberia and the Urals. The Yenisei province. (North Yenisei mountain district)]. SPb. 64 p. [in Russian]
- [Otchet..., 1899](#) – Otchet po statistiko-jekonomicheskomu i tehničeskomu issledovaniju zolotopromyshlennosti Juzhnoj chasti Enisejskogo okruga [Report on the statistical, economic, and technical study of the gold mining industry in the southern part of the Yenisei district]. SPb. [in Russian]
- [Otchet..., 1844](#) – Otchet gornogo revizora o deistvii chastnykh zolotykh promyslov Enisejskogo okruga, za 1842 god [The report of the mining auditor on the operation of private gold mines of the Yenisei district, for 1842]. *Gornyi zhurnal.* 1. 1: 130-147. [in Russian]
- [Otchet..., 1844a](#) – Otchet gornogo revizora, o deistvii chastnykh zolotykh promyslov Vostochnoi Sibiri, raspolozhennykh v okrugakh: Irkutskom, Nizhneudinskom i Kanskem, za 1842 god [The report of the mining auditor on the operation of private gold mines in Eastern Siberia, located in the districts of Irkutsk, Nizhneudinsky and Kansk, for 1842]. *Gornyi zhurnal.* Kn. 1. 1: 147-158. [in Russian]

- [O-Un-Dar, 2003](#) – *O-Un-Dar, K.U.* (2003). Zolotopromyshlennost' Eniseiskoi gubernii s 1832 po 1917 god [Gold Mining in the Yenisei Province from 1832 to 1917]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet. 286 p. [in Russian]
- [Polovnikova, 1997](#) – *Polovnikova, I.A.* (1997). K istorii Yudinskogo sobraniya knig i rukopisei [On the history of the Yudin collection of books and manuscripts]. *Makushinskie chteniya*. 4: 56-59. [in Russian]
- [Preobrazhenskii, 1960](#) – *Preobrazhenskii, A.A.* (1960). Kolleksiya G. V. Yudina v Gosudarstvennom arkhive Krasnoyarskogo kraja [Collection of G. V. Yudin in the state archives of Krasnoyarsk Krai]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1958 god*. Pp. 267-292. [in Russian]
- [Rabinovich, 1962](#) – *Rabinovich, G.H.* (1962). Tehniceskij perevorot i ego finansirovanie v zolotopromyshlennosti Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Technical revolution and its financing in the gold mining industry of the Yenisei province in the late 19th – early 20th centuries]. K izucheniyu ekonomiki Eniseiskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX vv. Krasnoyarsk. [in Russian]
- [Reutovskij, 1907](#) – *Reutovskij, V.* (1907). O polozhenii zolotopromyshlennykh rajonov v Sibiri [On the situation of gold mining regions in Siberia]. *Izvestiya obshhestva gornykh inzhenerov*. 1: 1-35. [in Russian]
- [Rozanov, 1891](#) – *Rozanov, L.I.* (1891). Svod deistvuyushchikh uzakonenii o chastnoi zolotopromyshlennosti v Rossii [A set of current laws on the private gold industry in Russia]. Sankt-Peterburg. 190 p. [in Russian]
- [Sapogovskaja, 1998](#) – *Sapogovskaja, L.V.* (1998). Chastnaja zolotopromyshlennost' Rossii na rubezhe XIX-XX vv. (Ural i Sibir' – modeli razvitiya) [Private gold mining in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries (the Urals and Siberia – development models). Ekaterinburg. 400 p. [in Russian]
- [Shindina, 2020](#) – *Shindina, A.B.* (2020). Rukopisi Yudinskogo sobraniya v fondakh Gosudarstvennoi universal'noi nauchnoi biblioteki Krasnoyarskogo kraja [Manuscripts of the Yuda Collection in the collections of the State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory]. *Rumyantsevskie chteniya-2020*. Pp. 517-521. [in Russian]
- [Smagin, 2010](#) – *Smagin, R.Yu.* (2010). Kartograficheskaya kolleksiya XIX veka v gosudarstvennom arkhive Krasnoyarskogo kraja [Cartographic collection of the 19th century in the state archive of the Krasnoyarsk Krai]. *Geo-Siberia*. 6: 120-124. [in Russian]
- [Sotnikova, 1990](#) – *Sotnikova, S.I.* (1990). Istochnikovedenie russkikh kart XVII – nachala XX vv. [Source studies of Russian maps of the XVII – early XX centuries]. M. 383 p. [in Russian]
- [Tul'chinskij, 1903](#) – *Tul'chinskij, K.N.* (1903). Sovremennye uslovija zolotopromyshlennosti v Minusinskom uезде [Current conditions of gold mining in the Minusinsk district]. Tomsk. [in Russian]
- [Umanskij, 1888](#) – *Umanskij, A.* (1888). Ocherki zolotopromyshlennosti v Enisejskoj tajge [Essays on gold mining in the Yenisei taiga]. SPb. [in Russian]
- [Ustav..., 1872](#) – *Ustav o chastnoi zolotopromyshlennosti* [The Charter of the private gold industry]. SPb. 83 p. [in Russian]
- [Vasyutin, 2019](#) – *Vasyutin, I.A.* (2019). Prichiny krizisa zolotopromyshlennosti v kontse XIX veka (na materialakh Eniseiskoi gubernii) [The causes of the crisis of the gold industry at the end of the 19th century (based on the materials of the Yenisei province)]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal*. 3(13): 148-155. [in Russian]
- [Vladimirski, Krotova, 2019](#) – *Vladimirski, I., Krotova, M.V.* (2019). Sibirskaja zolotopromyshlennost' cherez prizmu dnevnikov Jakova Frizera (1869–1932) [Siberian gold mining through the prism of the diaries of Yakov Frizer (1869–1932)]. *Novejshaja istorija Rossii*. 3: 609-624. [in Russian]
- [Vnukovskij, 1905](#) – *Vnukovskij, V.M.* (1905). Otchet po statistiko-jekonomicheskomu i tehničeskomu issledovaniju zolotopromyshlennosti severnoj chasti Enisejskogo okruga [Report on the statistical, economic and technical study of the gold industry in the northern part of the Yenisei district]. SPb. 454 p. [in Russian]
- [Zhulaeva, 2024](#) – *Zhulaeva, A.S., Grigoryeva, E.A., Gryaznukhin, A.G., Lushchaeva, G.M.* (2024). The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1990s. *Bylye Gody*. 19(2): 670-679.

Визуальные источники по истории золотодобывающей промышленности Енисейской губернии XIX в.

Наталья Петровна Копцева ^a, Ксения Александровна Дегтяренко ^{a, *},
Тихон Константинович Ермаков ^a, Наталья Николаевна Середкина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), kkрупkina@sfu-kras.ru (К.А. Дегтяренко), termakov@sfu-kras.ru (Т.К. Ермаков), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования новых, ранее неопубликованных источников по истории золотопромышленности Енисейской губернии в XIX в., включая новые визуальные источники. Среди данных источников особое значение имеет уникальный рукописный документ из т.н. «юдинской коллекции», хранящейся в фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК) – «Атлас золотопромышленных приисков Енисейского округа с указанием фамилий и их владельцев в 1840–1852 гг.», содержащий визуальные и текстовые сведения об истории золотопромышленности Енисейской губернии XIX в. Рассматривается история и значение визуальных (прежде всего, картографических) источников, связанных с золотодобычей данного региона, систематизируются сведения, содержащиеся в «Атласе», впервые представленные для широкого научного доступа. Так, «Атлас» включает 84 карты золотоносных рек с притоками, описание всех приисков, которые находятся на берегах этих рек, имена и фамилии владельцев и их компаний, даты подачи заявки на включения прииска в казну и номер заявки, даты, даты ответа, даты утверждения заявки и зачисления прииска в казну, площадь участка в казённых десятинах. Делается вывод о большом значении «Атласа», статистических сведений и визуализации карт золотоносных рек Енисейской губернии для дальнейших исследований истории золотопромышленности, предпринимательства, техники в Российской империи XIX в. Высказывается предположение о значимости этого «Атласа» для самого Г.В. Юдина, крупнейшего золотопромышленника и коммерсанта Восточной Сибири, который собирал в своём личном архиве значимые документы для дальнейшей предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Енисейская губерния, золотопромышленность, визуальные источники, исторические карты и атласы, Г.В. Юдин.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 228-239
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.228

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914)

Taron R. Danielyan ^{a, *}, Sahakanush A. Petrosyan ^a

^a Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of how censorship institutions of the Russian Empire in the Caucasus in the 19th and early 20th centuries constructed the image of Armenian journalism, shaping persistent administrative notions about its political significance, ideological sensitivity, and national-cultural specificity. The theoretical and methodological basis of the study is E. Said's postcolonial approach, R. Darnton's institutional concept of censorship, and the tools of historical imagology. This allows us to consider censorship not only as an instrument of informational, ideological, and aesthetic restrictions, but also as a means of creating the image of the "Other" in the imperial information and communication space. The empirical base consists of a corpus of 60 archival files from the Russian State Historical Archives and the National Archives of Georgia, including reports, meeting minutes, official correspondence, statistical reports, and judicial-administrative review materials. The analysis shows that censorship systematically shaped a stereotypical image of the Armenian press through thematic selection, rhetorical labels ("harmful trend", "anti-Russian spirit", "tendentiousness"), and statistics on detained publications. Subjects related to the Armenian question, foreign policy, church-religious affairs, and education – interpreted within an anti-state framework – were the most sensitive to censorship.

Keywords: imagology, Russian Empire, Main Directorate for Press Affairs, Caucasian Censorship Committee, Tiflis Committee for Press Affairs, Tiflis press.

1. Введение

Исторически армянская периодическая печать возникла и развивалась в условиях отсутствия собственной государственности и политической фрагментации, охватывая различные имперские и культурные пространства. Первый армянский журнал – «Аздарар» («Ազդարար»), изданный в 1794 г. в Мадрасе (Индия), положил начало журналистской традиции, а одним из важнейших очагов армянского типографского и журнального дела в течение XVIII–XIX вв. была Венеция, где действовали издания просветительской, богословской и историко-культурной направленности. Уже на раннем этапе армянская печать сформировалась как транснациональное явление и функционировала вне рамок единого национального государства. В XIX в. армянская журналистика особенно активно развивалась в двух крупных имперских ареалах – Османской и Российской империях. В каждом из этих пространств она сталкивалась с различными режимами нормативного регулирования, системой цензурных ограничений, а также с имперскими представлениями о допустимых формах выражения «Своего» (национального).

Несмотря на полицентричность и разнообразие условий, армянская пресса сохраняла устойчивую национально-ориентированную направленность. Она выступала не только как инструмент просвещения или народного единения, но и как трибуна для формирования национальной идентичности и общественной мысли, способной к диалогу с имперскими властными структурами.

* Corresponding author

E-mail addresses: taronDanielyan@ysu.am (T.R. Danielyan)

По мнению Эдварда Саида, имперская власть продуцирует знания о колонизируемых народах, конструируя их образ как «инакий» в эпистемологическом и культурном измерениях: «Язык представляет собой высокоорганизованную и кодированную систему, заключающую в себе множество способов выразить, показать, обменяться сообщениями и информацией, представить, т. е. репрезентировать нечто, и т. д. По крайней мере, в письменном языке отсутствует непосредственная презентация, но есть лишь репрезентация» (Саид, 2006: 38).

Принимая во внимание, предложенное Э. Саидом «контрапунктное» чтение (Саид, 2012: 155), армянская журналистика может быть рассмотрена как поле двойного кода: с одной стороны, как звено имперской информационно-коммуникационной системы, с другой – автономная система в имперском информационно-коммуникационном пространстве. В этом контексте цензура становится репрезентатором, который формировал имагологический образ армянской журналистики в Российской империи.

Имагология изучает не зеркальное отражение реальности, а репрезентации, обусловленные идеологическим, коммуникативным и институциональным контекстами (Van Doorslaer, 2019: 57-58). Конструирование образов часто опирается на впечатления и аргументированные обобщения. Эти факторы неизбежно сводят культуру, язык и ментальность разных народов к жёстким статичным образам, которые могут лишь частично соответствовать действительности или же полностью от неё отрываться (Mohamed, Alshammari, 2025: 1). В этом контексте особое значение приобретают источники, фиксирующие процессы восприятия и интерпретации чужого: «источником исторической имагологии могут являться архивные документы, мемуары, воспоминания, в которых отражены стереотипы восприятия иностранцев и иностранного» (Папилова, 2024b: 147).

Институциональная модель Роберта Дарнтона дополняет имагологический подход. По мнению Р. Дарнтон, «цензоры не только обращали внимание на все нюансы скрытого смысла, они учитывали и то, как напечатанный текст повлияет на общество» (Дарнтон, 2017: 334). Фактически, образ «национальной журналистики» конструировался показом количества сомнительных материалов того или иного органа печати.

Имагология «обобщает собранные элементы в единый образ» (Соппер, Фидаева, 2023: 153), который возникает как результат коммуникативного процесса, в котором смысл рождается в движении от адресанта к адресату и обратно. Образ формируется в пространстве интерпретации, где каждый участник коммуникации наделяет сообщение собственным смыслом (Spivey, 1990: 256).

В этом контексте образ армянской прессы конструировался не для самой прессы или читательского сообщества, а для высших административных инстанций. Цензорские отчёты, характеристики и справки создавались в логике вертикальной коммуникации, где ключевой целью было не объективное описание реальности, а аргументированное представление о ней. В данном контексте мы рассматриваем «оппозицию “свое-чужое” как социальное противопоставление» (Папилова, 2024a: 207) сотрудников иноэтнической прессы тем, кто наделён властью.

Следовательно, образ армянской журналистики в этих источниках следует рассматривать как имагологический конструкт, предназначенный для воспроизводства и легитимации системы контроля над печатью.

Мы учитываем также концепции Р. Луиса и А. Фернандеса и А. Урушадзе. Во-первых, конститутивные нормы общества создают условия для появления регулятивной власти. Эти уровни взаимно артикулированы: регулятивная цензура опирается на существующие властные структуры, тогда как конститутивное измерение постепенно интегрирует её институциональные правила в социальные отношения (Luís, Fernandes, 2024: 98). Во-вторых, «российская публичная сфера XIX века была пространством не только контроля, но и скрытой политической конкуренции между различными государственными акторами» (Урушадзе, 2024: 85).

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Национальном архиве Грузии (НАГ) (Тбилиси, Грузия). В рамках работы были привлечены документы следующих категорий:

а) отчёты о деятельности Кавказского цензурного комитета (с 1906 г. – Тифлисского комитета по делам печати), из которых были отобраны отчёты, относящиеся к периодической печати на армянском языке;

б) дела о цензурных рассмотрениях армянских периодических изданий Кавказского наместничества, включая переписку между Главным управлением по делам печати, Кавказским цензурным комитетом и местными административными структурами. В рамках указанных дел анализировались также письма издателей и редакторов армянских газет и журналов, направленные в цензурные и административные органы.

Важно отметить, что исследование осуществлялось исключительно на основе тех документов, доступ к которым был открыт, поскольку значительная часть материалов оказалась недоступной в связи с их физической повреждённостью либо нахождением на реставрации. Несмотря на

указанное ограничение, проанализированный корпус материалов является достаточным для получения репрезентативных и обоснованных выводов относительно имагологического аспекта цензурной практики.

Нами также были тщательно проверены и пересчитаны количественные данные цензурных отчётов. Ряд показателей был откорректирован вследствие выявленных упущений и технических неточностей, обнаруженных в документах.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период от появления первой армянской газеты Тифлиса – «Кавказ» – до начала Первой мировой войны, когда усиление политизации военно-цензурного контроля привело к многочисленным запретам. В этих условиях редакции не успевали отслеживать расширяющийся перечень запрещённых тем, что способствовало возникновению «белых пятен» (Алферова, Блохин, 2024: 11) и к заметному изменению тематического содержания, требующему отдельного исследования.

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий постколониальный анализ (Э. Саид) и институциональную перспективу (Р. Дарнтон). Применение идеи Э. Саида позволяет интерпретировать цензурный орган как репрезентативную инстанцию, формирующую образ «Другого» в рамках вертикальной письменной коммуникации. Обращение к подходу Р. Дарнтон, в свою очередь, обеспечивает возможность рассматривать деятельность цензоров как интерпретативно-превентивную практику, предопределявшую механизмы конструирования образов «Других».

Эмпирическая часть исследования реализована с использованием сравнительно-исторического метода, позволяющего проследить специфику конструирования образа армянской прессы в различные юридическо-правовые периоды. Применялись также методы количественного и качественного анализа, обеспечившие выявление статистических характеристик, тематической селекции и особенностей риторики цензурных документов. Нами были тщательно проверены и пересчитаны количественные данные цензурных отчётов. Ряд показателей был откорректирован вследствие выявленных упущений и технических ошибок в документах. Использование историко-документального метода позволило выявить детерминированность процессов конструирования образа армянской прессы.

3. Обсуждение

В советские годы проблема взаимодействия армянской прессы и цензуры рассматривалась в различных исследовательских парадигмах. В 1950-е гг. историк С. Арешян изучала историю армянской печати и царской цензуры в контексте русско-армянских политических и культурных контактов. Особое внимание она уделяла тому, каким образом известные деятели обоих народов распространяли освободительные и революционные идеи вопреки действовавшим цензурным ограничениям. С. Арешян подчёркивала, что «борьба с цензурой была по существу борьбой с господствовавшей официальной идеологией, являвшейся политическим оружием в руках дворянской, а затем буржуазно-дворянской монархии» (Арешян, 1957: 5-6).

В 1970–1980-е гг. взаимоотношения цензуры и армянской прессы анализировались преимущественно через призму эволюции общественной мысли, рассматриваемой через историю создания, функционирования и прекращения отдельных периодических изданий. В оборот вводились также запрещённые цензурой материалы газет и журналов (Мхитарян, 1976). Подчёркивалось, что каждое периодическое издание той эпохи имело две стороны: опубликованные материалы, доступные читателю, и запрещённые материалы, представляющие не меньший интерес благодаря своей смелости, выразительности и «доминирующему мятежному духу» (Геворгян, 1982: 182).

Если в советские годы взаимоотношения цензуры и прессы рассматривались преимущественно с позиции классовой борьбы или идеологических расхождений между различными политическими направлениями, то в последующий период – уже в условиях независимой Армении – исследовательский фокус существенным образом изменился.

В 1990-е гг. анализировалась роль цензуры в формировании газетного контента, изучались запрещённые цензурой материалы, подчёркивалось влияние цензурных практик на становление механизмов самоцензуры у сотрудников прессы (Геворгян, 1996: 425).

В постсоветской армянской историографии цензура рассматривается прежде всего как инструмент подавления национальных идеологических проявлений. В поле внимания исследователей оказалась также деятельность цензурных органов и местной администрации в регулировании рынка полиязычной прессы в Кавказском регионе (Мхитарян, 1994; Мхитарян, 2002; Аракелян, 2004).

На современном этапе взаимосвязь цензуры и армянской прессы активно изучается специалистами по истории армянской книжной и периодической печати. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, отражающие деятельность сотрудников Кавказского цензурного комитета (Даниелян, 2023; Сукиасян, Петоян, 2021). Цензура рассматривается как важное звено информационно-коммуникативного пространства Российской империи, игравшее ключевую роль в формировании количественных и качественных характеристик региональной прессы.

4. Результаты

4.1. Развитие армянской прессы и цензуры в Кавказском наместничестве

Столицей армянской интеллектуальной культуры в Российской империи на протяжении XIX и начала XX в. был Тифлис, являвшийся одновременно административным, типографским и идеологическим центром Закавказья. К концу XIX в. армянская пресса уже составляла до 30–40 % от общего числа периодических изданий в городе. За период с 1846 по 1914 г. в Тифлисе вышло в свет около 140 наименований газет и журналов (Баблюян, 1986). В исследуемый период система армянской прессы расширялась в пределах Кавказского наместничества: в разные годы периодические издания на армянском выходили в Шуши, Эчмиадзине, Ереване, Баку, Ахалкалаки, Ахалцихе, Александрополе, Горисе.

Армянская периодика демонстрировала высокую степень социального влияния. Она служила платформой для формирования национального самосознания, рефлексии над местом армян в имперской структуре, полемики по вопросам языка, образования, политики и религии. Благодаря своей сетевой структуре армянская печать становилась частью надрегионального культурного пространства, связывая Кавказ с городами Российской и Османской империй, а также западных стран. В разные годы на Кавказе получали также армянские газеты, выходящие в свет в разных странах мира. Однако эти издания также попадали в поле цензуры, и очень часто их ввоз в пределы Российской империи не разрешался цензурными комитетами.

Структурное развитие прессы и цензуры в период 1848–1914 гг. позволяет рассматривать их не просто как противостоящие институты, а как взаимозависимые элементы имперской публичной политики.

Кавказский цензурный комитет был учреждён решением от 18 декабря 1848 г. и начал функционировать в Тифлисе с 23 апреля 1849 г., войдя в состав Кавказского учебного округа. Изначально в его штате было всего два цензора – по европейским языкам и по «местным и восточным» (включая армянский, грузинский, татарский и персидский). Однако уже с 1860-х гг., в связи с ростом печатной продукции, структура комитета начала усложняться, менялась также иерархическая система цензуры. В 1882 г. он был подчинён Главному управлению по делам печати, что завершило утрату автономии (Biriukov et al., 2016).

До октября 1905 г. цензура носила предварительный характер: ни одно издание, включая отдельные статьи, объявления, афиши, каталоги и даже упаковки с текстами, не могло быть опубликовано без разрешения. Под пристальным вниманием цензуры была также аудиопродукция (граммофонные записи), а в дальнейшем и видеопродукция (синемафотограф), хотя закон прямо не регулировал данные рынки.

Цензура выступала фактором, существенно ограничивающим производственный процесс. В случае сомнений цензора, он единолично не принимал решения. Материалы передавались на общее рассмотрение Комитета. Статистические отчёты, регулярно направляемые в высшие государственные инстанции, были важным инструментом для конструирования официального представления об иноэтнической прессе Кавказского региона.

Через эти отчёты власти получали возможность очертить границы допустимой иноэтнической риторики, обозначая темы и образы, подлежащие цензурному контролю или исключению из публичного обсуждения. Как сами цензоры писали в высшие инстанции, запрещённые материалы составляют важный материал «для оценки духа газеты и свидетельствуют о том, что редактор хотел сказать, но не мог по независимым от него обстоятельствам» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 75. Л. 60об.). Рассмотрим статистику данных о рассмотрении дел Кавказским цензурным комитетом (Таблицы 1, 2, 3).

В первой таблице представлены количественные данные материалов, внесённых на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета 1882 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 571. Л. 24 об.–26), 1884 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 618. Л. 29–32), 1885 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 683. Л. 35–36), 1886 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 750. Л. 115–117), 1887 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 835. Л. 120), 1889 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1020. Л. 16), 1895 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1370. Л. 23–24), 1897 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1493. Л. 22–22об.), 1898 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1553. Л. 19–20), 1901 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1830. Л. 47–47об.), 1902 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1919. Л. 24–25), 1903 (Ф. 480. Оп. 1. Д. 1996. Л. 30–30об.) годов.

Отметим, что в цензурной статистике за 1898 г. указано 347 русских материалов, однако последующие данные показывают, что это – техническая ошибка, а в данных за 1901 г. перепутана статистика армянских и грузинских материалов. Данные прописаны наоборот.

Статистические данные заседаний Кавказского цензурного комитета демонстрируют устойчивую тенденцию к росту числа рассматриваемых материалов, что отражает расширение системы периодической печати и усложнение политической риторики в регионе. Усиление цензурной нагрузки свидетельствует о возрастании контроля со стороны имперской администрации, стремившейся регулировать всё более активную и идеологически насыщенную прессу Кавказа.

Таблица 1. Количество материалов, внесённых на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета

Годы	Внесено	Русский		Армянский		Грузинский		Татарский	
		Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.
1882	194	73	17	41	20	22	19	1	1
1884	273	137	19	43	2	41	30	1	
1885	604	347	54	118	4	58	23		
1886	1448	731	205	325	7	163	13	4	
1887	955	588	78	121	1	151	14	2	
1889	967	528	80	296	30	28	1	4	
1895	874	314	17	471	24	45	3		
1897	838	318	14	324	13	168	1		
1898	582	348	10	152	14	57	2		
1901	435	216	18	79	4	118	4		
1902	422	144	20	140	11	104	3		
1903	574	237	29	153	5	135	3	11	1

Таблица 2. Общее количество запрещённых и частично разрешённых материалов армянской прессы за 1882 и 1884 г.

ГОДЫ	Мшак	Меху Айастан	Ардзаганк	Нор-Дар	Тараз	Ахбюр	Мурч	Манкаваржаоц	Арагат	Лума
1882	18	23								
1884	5	6	8	23		2		1		

Таблица 2 отражает количественные данные материалов армянских газет и журналов, представленных на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета в 1882 и 1884 г. В сводных показателях за эти годы учтены как полностью запрещённые, так и частично разрешённые публикации. Таблица 3 демонстрирует количественные данные материалов армянских газет и журналов, представленных на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета в последующие годы. В ней отдельно приведены сведения о разрешённых и запрещённых публикациях, поступавших на рассмотрение комитета.

Анализ количественных данных показывает, что армянская пресса воспринималась имперскими структурами не просто как информационный ресурс, но прежде всего как главное коммуникационное средство, влияющее на формирование этнокультурной идентичности. Рост количества армянских изданий прямо коррелировал с усилением цензурного надзора, что подчёркивает их особое значение в контексте межнациональных и политических процессов на Кавказе. Высокий уровень запретов показывает, с одной стороны, восприятие властями этих материалов как угрозу социальной и политической стабильности, а с другой – подчёркивает значимость этих изданий в иноэтническом обществе, подтверждая их влияние на формирование национального самосознания.

Несмотря на большое количество отвергнутых статей в либеральной газете «Мшак» («Մշակ» – «Труженик», 1872–1921 гг.) и консервативной газете «Нор-Дар» («Նոր-Դար» – «Новый век», 1883–1913 гг.), за период 1882–1905 гг. единственное армянское издание, которое два раза подверглось восьмимесячному запрету, – это была консервативная газета «Ардзаганк» («Արձաղանկ» – «Эхо», 1882–1898 гг.). В 1898 г. после серии обвинений в «тенденциозном подборе статей» и «подрыве общественного порядка» А. Ованнисяну было запрещено впредь быть редактором или издателем какого-либо периодического издания. В цензурном комитете среди прочих причин отмечалось:

«Ардзаганк» постоянно стремился обойти требования цензуры путём одностороннего, крайне тенденциозного подбора статей, которые в общем сводились к закреплению характеризованного вредного антирусского направления. «За последние пять лет из представленных редакцией “Ардзаганк” статей задерживалось цензурой, в среднем, свыше ста в год» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 75. Л. 96-97).

Таблица 3. Количество запрещённых и разрешённых материалов армянской прессы за 1885–1903 гг.

ГОДЫ	Мшак		Меу Айастани		Ардзаганк		Нор-Дар		Тараз		Ахбюр		Мурч		Манкаваржа ноц		Арарат		Лума	
	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.
1885			10	2	28	1	73				7				1					
1886	89	5	22	1	24		182	1			6				2					
1887	36	1			17		62				6									
1889	89	14			50	8	123	7			12	1	22							
1895	137	7			141	12	169	5	16				8							
1897	115	3			84	5	74	5	37		3		8				3			
1898	47	4			3		64	6	26	2	1		6	2			4			
1901	28	1					41	3	3				5				2			
1902	49	4					57	4	26	3			3				5			
1903	31						71	1	30	2	4		7	2			6		4	

Манифест 17 октября 1905 г. формально отменил предварительную цензуру и провозгласил свободу слова, совести и печати. «В огромной стране свобода печати стала осуществляться явочным порядком, несмотря на существовавшие законы и попытки властей сохранить цензурный контроль» (Патрушева, 2013: 331). Однако на практике вместо либерализации начался этап карательной цензуры: государство отказалось от фильтрации до публикации, но усилило репрессии после выхода материала.

Тифлисский комитет по делам печати продолжал работу в новом статусе, сохранив контрольные функции, теперь действуя в сотрудничестве с полицией и прокуратурой. Заметим, что в «Докладе о реорганизации надзора за печатью на Кавказе» отмечалось, что поспешность принятия закона 1906 г., изданного в период политической нестабильности, не позволила Министерству внутренних дел учесть региональные особенности Кавказа. Вследствие этого в тексте Высочайшего указа от 26 апреля 1906 г. была допущена ошибка: упомянут «Тифлисский цензурный комитет», переименованный в «Тифлисский комитет по делам печати», хотя в действительности существовал Кавказский цензурный комитет. Авторы доклада подчёркивали, что эта, на первый взгляд формальная неточность, отражала непонимание реального масштаба деятельности учреждения, контролировавшего не только тифлискую, но и всю многоязычную печать Кавказа (НАГ. Ф. 480. Оп. 3. Д. 323. Л. 1-2).

На этом этапе карательной цензуры были присущи следующие закономерности воздействия на прессу: приостановление изданий (например, газета «Горц» («Գործ»-«Дело») была приостановлена 10 июня 1909 г. Временным Тифлиским Генерал-Губернатором за вредное направление (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 53)), штрафование (например, газета «Мшак» 7 октября 1909 г. постановлением Временного Генерал-Губернатора была оштрафована на 300 руб. (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 53)), возбуждение уголовных дел против ответственных (например, 27 августа 1909 г. было возбуждено судебное преследование против газеты «Мшак». Был инкриминирован номер 139. Приговором Тифлиского окружного суда 29 декабря 1909 г. ответственный виновник должен был быть оштрафован в размере 5 рублей или арестован на сутки (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 586. Л. 61)).

В отчете Тифлиского комитета по делам печати за 1906 г. говорится, что за год общее направление тифлиских изданий было крайне оппозиционным, нередко переходившее в явно революционное. Данная тенденция проявлялась с особой интенсивностью в грузинской, русской и отчасти армянской прессе, а татарская и немецкая пресса (имевшие лишь по одному изданию) держались умеренного направления (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1907 г. Д. 2-1. Л. 76–76об.).

В том же самом отчёте сообщается, что помимо судебного преследования русская и туземная пресса подвергалась неоднократным административным взысканиям со стороны Временного Генерал-Губернатора. Несмотря на принятые меры, борьба с преступными проявлениями печати оказалась безуспешной: вместо закрытых изданий появлялись новые, под другими названиями и редакторами, продолжавшие ту же пропаганду; начало 1907 г. ознаменовалось рядом революционных статей и привлечением к суду семи местных газет (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1907 г. Д. 2-1. Л. 76–76об.).

4.2. Тематическая селекция как средство конструирования образа армянской прессы

Как известно, из большого массива текстов цензоры пропускали в печать лишь те, которые соответствовали представлениям о приемлемом, а в отчётах и переписке фиксировали только тексты с идеологическими признаками «опасного» содержания. Тем самым сам процесс отбора становился средством аккумуляции журналистских материалов, репрезентировавших армянскую прессу в оппозиционном ключе. Постепенно совокупность этих текстов превращалась в некий содержательный конструктор, формировавший устойчивый образ армянской печати.

В армянской прессе можно выделить несколько тем, к которым цензура относилась с особой осторожностью:

а) Тема объединения армян Российской и Османской империй. Здесь интересна трансформация образа прессы в контексте судьбы армян Османской империи и концепции независимой государственности. До 1905 г. публикации о Турции и судьбе турецких армян зачастую трактовались как сепаратистские. После Берлинского договора 1878 г., по мнению властей, это движение затронуло и русских армян, часть которых прониклась «несбыточными мечтаниями о будущем восстановлении единства и самостоятельности как турецкой, так и русской Армении» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 407об.). Цензура отмечала, что в армянской среде Кавказа возникали кружки под видом благотворительных, но с целью поддержки турецких армян через материальную помощь и публикации «армяно-патриотического направления» в печати (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 137. Л. 89-91).

Даже в относительно нейтральных материалах чиновники старались уловить опасные намёки. Такие публикации, как правило, отправлялись в Санкт-Петербург для экспертного мнения. Так, в отчёте Н. Я. Марра от 18 сентября 1889 г. по поводу № 34 журнала «Ардзаганк» подчёркивалось, что в передовой статье не обнаружено «мнимого воссоединения русских и турецких армян», а подозрительные тексты оказывались «невинными с цензурной точки зрения», выражая лишь внутриполитическую полемику (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 75. Л. 24).

После революции 1905 г. и политических перемен в Османской империи (приход к власти младотурков в 1909 г.) ситуация изменилась. Цензоры констатировали снижение политической активности армянской прессы: после резни в Адане и арестов членов партии Дашнакцутюн деятельность газет сосредоточилась на вопросах национального существования и культурного развития. В отчётах всё чаще отмечалось падение авторитета партии Дашнакцутюн, обвиняемой в подрыве церковных основ и в ущербе обществу. Многие издания, связанные с революционным движением, прекратили существование (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 150-155).

В этих условиях особое внимание цензоров привлекали газеты «Мшак» и «Оризон» («Հորիզոն» – «Горизонт», 1909–1918 гг.). Оба издания связывали решение вопроса армян Османской империи с установлением протектората России над армянскими провинциями Турции.

б) Внешнеполитическая ориентация армянской прессы, по наблюдениям цензоров, во многом проходила через призму «армянского вопроса», который становился своеобразной красной линией в обсуждении международных отношений и формирования образов разных стран. Так, по мнению цензоров, газета «Нор-Дар» представляла Англию как единственную державу, «верную Турции» и готовую устранить угрозу с российской стороны через проект независимой Армении. Одновременно критиковалась Франция, которая, будучи связанной франко-русским союзом и политикой «ретроградных правителей», не проявляла должной активности, противореча тем самым собственным революционным традициям 1789 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 83. Л. 26-27).

Цензурные отчёты отмечали значительное число статей, где осуждались турецкие зверства и безразличие великих держав, за исключением Англии. Упоминалась и деятельность англо-армянских комитетов. В газете «Мшак» («Политическая беседа») подчёркивалось, что русская дипломатия «понесла ряд поражений, одно хуже другого», действуя совместно с Турцией и нарушая «естественные и священные права» подданных. Подобные публикации рассматривались как попытка политического пробуждения и интерпретировались цензурой в качестве проявления антироссийских настроений (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 150-155).

в) Вопросы Армянской апостольской церкви и духовенства в армянской печати конца XIX – начала XX в. имели многовекторный характер и представляли собой одну из наиболее чувствительных зон цензурного контроля. До 1890-х гг. Армянская церковь самостоятельно контролировала издания религиозного содержания, однако впоследствии их выпуск был подчинён общей цензуре, при этом за церковью сохранялось право первичного рассмотрения текстов. Фактически, церковь утратила монополию на регулирование религиозной печати и оказалась встроена в имперскую систему цензурного надзора, где её голос имел вспомогательный, а не

определяющий характер. Особое внимание уделялось выборам католикоса и патриарха, любое обсуждение которых воспринималось как угроза имперской стабильности. Противоречивая ситуация сложилась в 1908-1910-х гг. Клерикальные издания («Айреник» («Հայրենիք» – «Родина»), «Овив» («Հովիվ» – «Пастырь»)), защищавшие права церкви, цензурой рассматривались подозрительными за обвинения во «вмешательстве государства» в дела армянской церкви (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1909 г. Д. 57. Л. 218-220), а прогрессивная пресса («Мшак», «Оризон»), требовавшая реформ в церковной жизни, рассматривалась как подрывная (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1913 г. Д. 1.1. Л. 265-265об.).

г) Одной из ключевых зон внимания кавказской цензуры в XIX в. стали вопросы школы и образования. В отчётах и переписке неоднократно отмечалось, что армянские учителя и учебные заведения являлись каналами формирования национального самосознания и, следовательно, рассматривались как потенциальный источник «сепаратистских тенденций» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 83. Л. 17-18).

Особое внимание уделялось печатным органам, где обсуждались реформы армянских школ. Газета «Нор-Дар», например, резко критиковала распоряжения католикоса, касающиеся учителей и школьных программ, что трактовалось как возбуждение общественного недовольства и как предоставление материала турецким газетам для нелепых нападок на русское правительство (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 83. Л. 17-18).

Цензурные органы также реагировали на попытки публиковать учебные тексты или педагогические материалы, в которых усматривались признаки «армяно-патриотической направленности». Примечателен случай с журналом «Ахпюр» («Աղբյուր» – «Родник»), педагогическим изданием для детей, чьи номера неоднократно изымались за скрытое воспроизведение тематики закрытия армянских школ, а также за уклонение от установленной программы. Таким образом, даже материалы, ориентированные на юного читателя, становились объектом контроля (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 78. Л. 21-24).

В совокупности школа и образование воспринимались цензурой как стратегическая сфера: через неё армянская интеллигенция пыталась модернизировать общество, а цензоры – ограничить поле возможных идеологических интерпретаций.

В материалах фиксировались случаи, когда даже благотворительные спектакли или школьные постановки приобретали политическую окраску. Так, в ряде городов (Шуши, Гори и др.) на сцене исполнялись пьесы, в которых изображался русский офицер-угнетатель или представлялись «развалины Армении», сопровождаемые аллегорическими фигурами свободы и национального возрождения. Цензоры квалифицировали подобные сюжеты как разжигание национального чувства и «безотчётной ненависти к настоящему политическому положению» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 83. Л. 17-18).

Архивные документы доказывают, что негативные отношения между редакциями и цензурой зачастую имели межличностный характер, выходя за рамки сугубо административных разногласий. Так, например, в одном анонимном письме с подписью «Преданные лица Благодетельного правительства» авторы обвиняли в предвзятости сотрудников Кавказского цензурного комитета, где, по мнению авторов, цензор А. Кишмишев покровительствовал газете «Нор-Дар», ограничивая «Мшак». Упоминается также родственная связь А. Кишмишева с цензором Г. Карахановым, что, как отмечалось, подрывало принцип беспристрастности (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 137. Л. 187-189). Армянское происхождение цензоров придаёт описанному конфликту впечатление внутреннего отчуждения, когда представители национальной среды выступают в качестве персон имперского контроля. В данном случае формируется образ «внутреннего Другого».

4.3. Риторические приёмы цензуры

В отчётах и письмах Кавказского цензурного комитета активно использовались устойчивые словесные формулы, служившие инструментом быстрой маркировки печатных изданий и их идеологических направлений. Характерной особенностью работы цензуры было стремление не только ограничить содержание, но и выработать устойчивый репертуар аргументов. Отчёты о задержании статей повторяли одни и те же формулировки, создавая впечатление постоянного наличия «опасных» элементов в армянской печати. В результате сама процедура цензурного контроля превращалась в конструирование образа прессы как политически подозрительной и потенциально враждебной.

Так, например, газета «Ардзаганк» воспринималась в качестве органа «вредного антирусского направления», проводящего «исключительно армянские» тенденции, чуждые «единению с русской жизнью». По оценке цензоров, издание являлось прямым выразителем взглядов партии «Молодая Армения», цель которой виделась в национальном возрождении и противодействии «органическому слиянию армян с общеимперскими элементами» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 75. Л. 87).

Подобные характеристики применялись и к другим печатным органам. В частности, газета «Нор-Дар» представлялась в отчётах как орган той же партии армянской интеллигенции – «Молодая Армения». Цензоры отмечали, что своими публикациями это издание возбуждало армянское общество и одновременно снабжало материалы армянские газеты, выходившие в

Османской империи, для «нелепых пререканий на русское правительство» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 83. Л. 17–18).

Очевидна повторяемость некоторых ключевых выражений и словесных штампов в отчётах и переписках цензуры: «вредное направление», «тенденциозная газета», «антирусская по духу», «враждебное направление», «возбуждает общество», «разжигает национальное чувство», «сепаратистские тенденции», «опасная для государственного порядка», «орган революционной партии». Эти выражения составляли ядро цензурной риторики, нередко позволяя цензорам маркировать армянскую печать без детального анализа содержания.

Поэтические тексты рассматривались как скрытая форма агитации. Так, например, стихотворение, задержанное 13 декабря 1893 г., содержало метафоры «бури», «рассвета» и «победы», которые были истолкованы как аллегорический призыв к политической мобилизации. Для цензоров подобные образы становились революционными кодами, даже если прямые призывы отсутствовали.

«Мы шли вместе по одному пути, // И ты усталый остановился в унынии, // Ты сказал, “смотри, мрачное небо, // Готовит нам грозную бурю”. // Пусть стущаются грозные тучи, // Грохочет гром, сверкает молния, // Не падай духом, иди вперед невозмутимо. // Знай, товарищ, с рассветом до цели дойдем, // И все дойдут, трудный путь позади нас. // На мгновенье зашло золотое солнце, // Ах не обольщайся ее минутным блеском, // Судьба сулит нам много испытаний, /.../ Земля, удобренная кровью павших в муках, родит новые плоды, // Настанет день. Минует буря, // И сыны наши одержат победу» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 75. Л. 62).

Особое внимание было также к дизайну газет: цензура считала неуместными символические средства выражения. Например, по случаю кончины армянского Патриарха Нерсеса на воскресный номер по требованию А. Ованнисяна была наложена траурная рамка без разрешения цензуры. Вследствие этого билет на выпуск номера не был выдан. Издатель силой взял номер из типографии и выпустил его без предварительного разрешения (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 75. Л. 87). Цензура визуальные элементы трактовала как политические знаки.

Символические изображения, вроде картин «Слава Армении» или «Душа Армении», рассматривались в качестве скрытой агитации за восстановление армянского царства (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1509. Л. 1-5), и строго контролировалась также реклама данной продукции.

Публикации, посвящённые турецкому вопросу, трактовались в логике политической нелояльности, даже если они были насыщены культурным или филантропическим содержанием.

Особое внимание уделялось публикациям, разоблачающим внутренние проблемы имперских учреждений. Так, например, в статье «Педагог-культуртрегер» (Один образцовый педагог. 1897. № 140) сообщалось о поступке учителя латинского языка ростовской гимназии Забежкина, за который он был уволен со службы, а директор гимназии получил замечание от попечителя. Суть происшествия заключалась в том, что педагог, объясняя в классе слово *salsus*, привёл фразу «*Incolae Armeniae sal sunt*» и добавил: «Это значит – жители Армении солёные» или «армяне солёные». Акцент на слове «солёные» произвёл среди учеников – русских и евреев (в статье ученики – евреи, а в объяснительной записке А. Ованнисяна вместо «евреев» – «грузины», так он рассказывал о тифлисских реалиях) – такой эффект, что они долго смеялись вместе с учителем; после окончания уроков слово *salsus* стало их любимым, и ни одного армянского ученика они не пропускали, не спросив о значении этого слова.

Цензор, пропуская данную заметку, не мог знать, что в одной из тифлисских гимназий действительно работает учитель латинского языка по фамилии Забежкин, против которого и была направлена эта публикация. Узнав об этом, цензор немедленно предложил редактору «Ардзаганка» представить номер газеты «Приазовский край», из которого, как утверждалось, было перепечатано это известие. По прошествии двух недель А. Ованнисян прислал прилагаемое объяснение своего поступка, назвав его «литературным приёмом», так как цензурный комитет не допускает к печати какие-либо сведения, касающиеся неприглядных сторон внутренней жизни учебных заведений, подведомственных попечителю Кавказского учебного округа, вне зависимости от степени достоверности этих сведений (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 75. Л. 86–86а).

5. Заключение

Цензурная система Российской империи на Кавказе не только ограничивала содержание армянской прессы, но и репрезентировала устойчивый образ этой прессы как потенциально неблагонадёжной. Повторяющиеся риторические формулы в отчётах цензоров создавали стереотипизированный образ, в котором описание подменялось идеологической интерпретацией. Статистические данные о запретах служили инструментом обоснования необходимости усиленного контроля и отражали прежде всего тревожность цензоров. Тематика запрещённых материалов – армянский вопрос, внешняя политика, церковные споры и школьные реформы – усиливала представление о прессе как возможном источнике национальной мобилизации. После 1905 г. карательная модель надзора воспроизвела ранее сложившийся образ прессы, демонстрируя устойчивость административного восприятия вне зависимости от правового режима. Таким образом,

цензурные материалы выступают не только источником о деятельности прессы, но и средством имперской репрезентации образа армянского печатного слова.

6. Благодарности

Исследование поддержано Комитетом высшего образования и науки РА (Исследовательский проект № 24SSAH-5H001).

Литература

- Алферова, Блохин, 2024 – Алферова И.В., Блохин В.Ф. Печать, военная тайна и престиж власти: один день из жизни российской военной цензуры времен Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. 2024. № 1 (79). С. 6-30. DOI: 10.54770/20729286_2024_1_6
- Аракелян, 2004 – Аракелян А.А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. СПб.: Роза мира, 2004. 235 с.
- Арешиян, 1957 – Арешиян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1957. 516 с.
- Баблюян, 1986 – Баблюян М.А. Армянская периодическая печать: сводный библиографический каталог (1794-1980). Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1986. 371 с. (на арм. яз.) [Բաբլյան Մ.Ա. Հայ պարբերական մամուլը. Մատենագիտական համահավաք ցուցակ (1794-1980), Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1986, 371 էջ].
- Геворгян, 1982 – Геворгян Л. Журнал «Мурч». Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1982. 313 с. (на арм. яз.) [Գևորգյան Լ. «Մուրճ» ամսագիրը. Երևան. Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1982, 313 էջ].
- Геворгян, 1996 – Геворгян Л. Григор Арцруни и его «Мшак». Ереван: Гитутюн, 1996. 448 с. (на арм. яз.) [Գևորգյան Լ. Գրիգոր Արծրունին և նրա «Մշակը». Երևան, Գիտություն, 1996, 448 էջ].
- Даниелян, 2023 – Даниелян Т.Р. Деятельность цензора С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете (1872–1890 гг.) // *Вестник МГУ: Серия 10. Журналистика*. 2023. № 1(48). С. 164-187.
- Дарнтон, 2017 – Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу (пер. с англ. М. Солнцевой). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 384 с.
- Мхитарян, 1976 – Мхитарян М. Из истории восточной армянской периодической печати второй половины XIX века («Пордз», «Ардзаганк»). Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1976. 558 с. (на арм. яз.) [Մխիթարյան Մ. XIX դարի երկրորդ կեսի արևելահայ պարբերական մամուլի պատմությունից («Փորձ» և «Արձագանք») Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1976].
- Мхитарян, 1994 – Мхитарян М. Возникновение восточной армянской печати и просветительское движение первой половины XIX века. Ереван: Гитутюн, 1994. 398 с. (на арм.яз.) Մխիթարյան Մ. [Արևելահայ մամուլի սկզբնավորումը և լուսավորական շարժումը XIX դարի առաջին կեսին, Երևան, Գիտություն, 1994, 398 էջ].
- Мхитарян, 2002 – Мхитарян М. Журнал «Айкакан ашхар» Хорена Степане. Ереван: Кннасер, 2002. 114 с. (на арм.яз.) [Մխիթարյան Մ. Խորեն Ստեփանեի «Հայկական աշխարհ» ամսագիրը. Երևան, Բննասեր, 2002, 112 էջ].
- НАГ – Национальный архив Грузии.
- Один образцовый педагог, 1897 – Один образцовый педагог // *Ардзаганк*. 1897. № 140. (на арм. яз.) [Մի օրինակելի մանկավարժ // *Արձագանք*. 1897. № 140].
- Папилова, 2024a – Папилова Е.В. Имагология в рамках филологии // *Art Logos* (искусство слова). 2024. № 1. С. 204–213. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_204
- Папилова, 2024b – Папилова Е.В. Категориальный аппарат имагологии // *Имагология и компаративистика*. 2024. № 22. С. 145-155. DOI: 10.17223/24099554/22/9
- Патрушева, 2013 – Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Саид, 2006 – Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока (пер. А. В. Говорунова). СПб.: «Русский Миръ», 2006. 637 с.
- Саид, 2012 – Саид Э.В. Культура и империализм (пер. А. В. Говорунова). СПб.: Владимир Даль, 2012. 736 с.
- Соппер, Фидаева, 2023 – Соппер Ж.О., Фидаева Л.И. Ориентализм Н.С. Гумилева сквозь призму имагологии // *Вестник филологических наук*. 2023. Том 3. № 7. С. 153-155.
- Сукиасян, Петоян, 2021 – Сукиасян А., Петоян С. Книгоиздание в Восточной Армении (1828–1918 гг.) (сборник статей). Ереван, 2021. 238 с. (на арм.яз.) [Սուքիասյան Հ., Պետոյան Սո. Գրատպությունը Արևելյան Հայաստանում 1828-1920 թվականներին (հոդվածների ժողովածու), Երևան, 2021, 238 էջ].
- Урушадзе, 2024 – Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864) // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 1. С. 85-126.

- [Biriukov et al., 2016](#) – Biriukov P.N., Ustinovich E.S., Shelengovskiy P.G. Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39, Is. 1. Pp. 166-172.
- [Luís, Fernandes, 2024](#) – Luís R., Fernandes A. Has the concept of censorship gone astray? How to operationalize muddy waters? Half a century of censorship in Portugal // *Journal of Iberian and Latin American Studies*. 2024. 30(1): 97-113. DOI: <https://doi.org/10.1080/14701847.2024.2320544>
- [Mohamed, Alshammari, 2025](#) – Mohamed S.A. Aly, Alshammari A.S. Representative Images of Saudi Arabia and Saudis: An Imagological Study of Some Selected Novels in English // *World Journal of English Language*. 2025. 15(4): 1. DOI: <https://doi.org/10.5430/wjel.v15n4p1>
- [Spivey, 1990](#) – Spivey N.N.. Transforming Texts: Constructive Processes in Reading and Writing. *Written Communication*. 1990. 7: 256-287. DOI: <https://doi.org/10.1177/0741088390007002004>
- [Van Doorslaer, 2019](#) – Van Doorslaer L. Embedding imagology in Translation Studies // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2019. Т. 10. № 3. С. 56-68. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-3-4

References

- [Alferova, Blokhin, 2024](#) – Alferova, I.V., Blokhin V.F. (2024). Pechat', voennaya taina i prestizh vlasti: odin den' iz zhizni rossiiskoi voennoi tsenzury vremen Pervoi mirovoi voiny [The press, military secrecy and prestige of the power: one day in the life of russian military censorship during the First World War]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 1: 6-30. DOI: 10.54770/20729286_2024_1_6 [in Russian]
- [Arakelyan, 2004](#) – Arakelyan, A.A. (2004). Inoetnicheskaya pressa v Rossii. Po materialam armyanskoi pechati [Foreign-Ethnic Press in Russia. Based on Armenian Press Materials]. SPb: Roza mira. [in Russian]
- [Areshyan, 1957](#) – Areshyan, S.G. (1957). Armyanskaya pechat' i tsarskaya tsenzura [The Armenian press and tsarist censorship]. Erevan: Izd-vo AN Armyanskoi SSR. [in Russian]
- [Babloyan, 1986](#) – Babloyan, M.A. (1986). Hay parberakan mamuly. Matenagitakan hamahavaq cucak (1794–1980) [Armenian Periodicals: A Union Bibliographic Catalog (1794–1980)]. Yerevan: Publ. Academy of Sciences of the Arm. SSR. 371 p. [in Armenian]
- [Biriukov et al., 2016](#) – Biriukov, P.N., Ustinovich, E.S., Shelengovskiy, P.G. (2016). Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 39(1): 166-172.
- [Danielyan, 2023](#) – Danielyan, T.R. (2023). Deyatel'nost' tsenzora S. Melik-Megrabova v Kavkazskom tsenzurnom komitete (1872–1890 gg.) [The activities of censor S. Melik-Mehrabov in the Caucasus censorship committee (1872–1890)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1: 164-187. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.164187 [in Russian]
- [Darnton, 2017](#) – Darnton, R. (2017). Tsenzory za rabotoi. Kak gosudarstvo formiruet literaturu [Censors at Work: How States Shaped Literature] (Translated from English by M. Solntseva). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- [Gevorgyan, 1982](#) – Gevorgyan, L. (1982). «Murch» amsagiry [“Mshak” magazine]. Yerevan: Publ. House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. [in Armenian]
- [Gevorgyan, 1996](#) – Gevorgyan, L. (1996). Grigor Artcrunin ev nra «Mshaky» [Grigor Artsruni and his "Mshak"]. Yerevan: Gitutyun. [in Armenian]
- [Mkhitarian, 1976](#) – Mkhitarian, M. (1976). 19-rd dari erkrord kesi arevelahay parberakan mamuli patmutyunic («Pordz» ev «Ardzaganq») [From the history of the Eastern Armenian periodical press of the second half of the 19th century ("Pordz", "Ardzagank")]. Yerevan: House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. [in Armenian]
- [Mkhitarian, 1994](#) – Mkhitarian, M. (1994). Arevelahay mamuli skzbnavorumy ev lusavorakan sharzhumy 19-rd dari arajin kesin [The emergence of the Eastern Armenian press and the educational movement of the first half of the 19th century]. Yerevan: Gitutyun. [in Armenian]
- [Mkhitarian, 2002](#) – Mkhitarian, M. (2002). Khoren Stepanei «Haykakan ashkharh amsagiry» [Magazine “Haykakan Ashkhar” by Khoren Stepane]. Yerevan: Qnnaser. [in Armenian]
- [NAG](#) – Natsional'nyi arkhiv Gruzii [National Archives of Georgia].
- [Odin obrazcovyj pedagog, 1897](#) – Mi orinakeli mankavarzh [One exemplary teacher]. *Ardzaganq*. 1897. № 140. [in Armenian]
- [Papilova, 2024a](#) – Papilova, E.V. (2024). Imagologiya v ramkakh filologii [Imagology within Philology]. *Art Logos (iskusstvo slova)*. 1: 204-213. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_204
- [Papilova, 2024b](#) – Papilova, E.V. (2024). Kategorial'nyi apparat imagologii [Categorical apparatus of imagology]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 22: 145-155. DOI: 10.17223/24099554/22/9 [in Russian]
- [Patrusheva, 2013](#) – Patrusheva, N.G. (2013). Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The Censorship department in the state System of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. SPb: Severnaya Zvezda. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Said, 2012](#) – Said, E.V. (2012). Kul'tura i imperialism [Culture and imperialism] (Translated from English by A. V. Govorunova). SPb: Vladimir Dal'. [in Russian]

- Said, 2006 – Said, E.V. (2006). Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism: western concepts of the east] (Translated from English by A. V. Govorunova). SPb: Rucckii Mir". [in Russian]
- Sopper, Fidaeva, 2023 – Sopper, Zh.O., Fidaeva, L.I. (2023). Orientalizm N.S. Gumileva skvoz' prizmu imagologii [Orientalism of N.S. Gumilev through the prism of Imagology]. *Philological Sciences Bulletin*. 3: 153-155. [in Russian]
- Spivey, 1990 – Spivey, N.N. (1990). Transforming Texts: Constructive Processes in Reading and Writing. *Written Communication*. 7: 256-287. DOI: <https://doi.org/10.1177/0741088390007002004>
- Suqiasyan, Petoyan, 2021 – Suqiasyan, A., Petoyan S. (2021). Gratputyuny Arevelyan Hayastanum 1828-1920 tvakannerin (hodvatsneri zhoghovatsu) [Book publishing in Eastern Armenia (1828-1918). (Collection of articles)]. Yerevan. [in Armenian]
- Urushadze, 2024 – Urushadze, A.T. (2024). Kavkazskaya voyna v rossiiskoi publichnoi sfere (1801–1864) [The Caucasian war in the Russian public sphere (1801–1864)]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. 8(1): 85-126. DOI: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3> [in Russian]

Имагологический конструкт армянской прессы в дискурсе имперской цензуры (на примере армянской прессы Тифлиса 1846–1914 гг.)

Тарон Рудольфович Даниелян ^{a, *}, Саакануш Ашотовна Петросян ^a

^a Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу того, как цензурные институты Российской империи на Кавказе в XIX – начале XX в. конструировали образ армянской журналистики, формируя устойчивые административные представления о её политической значимости, идеологической чувствительности и национально-культурной специфике. Теоретико-методологическую основу исследования составляют постколониальный подход Э. Саида, институциональная концепция цензуры Р. Дарнтон и инструментарий исторической имагологии, что позволяет рассматривать цензуру не только как орган информационных, идеологических, эстетических ограничений, но и как средство создания образа «Другого» в имперском информационном пространстве. Эмпирическую базу составляет корпус из 60 архивных дел Российского государственного исторического архива и Национального архива Грузии, включающий отчёты, протоколы заседаний, служебную переписку, статистические сводки и материалы судебно-административного контроля. Анализ показывает, что цензура систематически формировала стереотипизированный образ армянской прессы посредством тематической селекции, риторических маркировок («вредное направление», «антирусский дух», «тенденциозность») и статистики задержанных публикаций. Наиболее чувствительными для цензурного надзора выступали сюжеты, связанные с армянским вопросом, внешнеполитическими темами, церковно-религиозной сферой и проблемой образования – интерпретируемые в антигосударственной модели. Важным элементом репрезентации был феномен «внутреннего Другого»: армянские цензоры, действовавшие от имени государства, становились посредниками между государственной властью и собственным народом, что усиливало проблему межличностных отношений и межредакционных конфликтов. Показано, что после отмены предварительной цензуры в 1905 г. карательная модель надзора воспроизвела ранее сложившийся образ армянской прессы. Фактически, независимо от правового режима, имперская модель репрезентации образа армянской прессы оставалась идентичной.

Ключевые слова: имагология, Российская империя, Главное управление по делам печати, Кавказский цензурный комитет, Тифлисский комитет по делам печати, пресса Тифлиса.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tarondanielyan@ysu.am (Т.Р. Даниелян)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 240-251
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.240

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Female Gender Socialization in Traditional Kazakh Society in the late XIXth and early XXth centuries

Aksunkar T. Abdulina ^{a, *}, Malika T. Moryakova ^a, Ainur S. Yermekbayeva ^b

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This study examines female gender socialization in traditional Kazakh society in the late XIX and early XXth centuries, demonstrating its strong dependence on the nomadic way of life and the predominance of patriarchal social relations. These relations prescribed women's subordination first to paternal and subsequently to marital authority. Female socialization, encompassing upbringing, the internalization of sociocultural norms and values, and the acquisition of gender-specific practices, functioned as a mechanism for the reproduction and stability of the social system through the performance of prescribed gender roles.

The empirical and historiographical basis of the study includes archival materials as well as works by pre-revolutionary scholars and ethnographers addressing traditional subsistence practices and the institutions of marriage and family among the Kazakhs. The particular attention is given to the research of Kh.A. Argyunbayev, whose works analyze marriage and family relations in close connection with nomadic and semi-nomadic pastoralism, which shaped social organization, including gender- and age-based divisions of labor. In this context, women's significant economic and labor contributions constituted an important factor in maintaining the resilience of traditional Kazakh society.

Women's everyday practices included household management, child-rearing, the maintenance of kinship networks, and adherence to ritual and etiquette norms. Women's social status was determined by a range of factors, including age, reproductive capacity, number of children, economic contribution, lineage, and the social position of male relatives. Despite limited legal agency and the dominance of patriarchal normative frameworks, women remained active participants in social life and enjoyed relative social authority, particularly in later life.

Keywords: marriage, gender roles, nomadic society, ritual, custom, division of family responsibilities, marital and family relations, pastoralism, traditions.

1. Введение

Женская гендерная социализация в казахском традиционном обществе определялась главным видом хозяйственной деятельности – кочевым скотоводством и связанным с ним кочевым образом жизни. Институты семьи и брака у казахов, в которых происходил процесс социализации и реализации женского гендера, получили всестороннее отражение в трудах дореволюционных авторов Российской империи, а также в исследованиях этнологов.

Актуальность изучения женской гендерной социализации в казахском традиционном обществе конца XIX – начала XX вв. обусловлена необходимостью комплексного осмысления механизмов формирования и воспроизводства социокультурных норм в условиях кочевого и полукочевого образа жизни. Гендерная социализация выступала важнейшим инструментом передачи ценностей, моделей

* Corresponding author

E-mail addresses: aksunkar1168@gmail.com (A.T. Abdulina)

поведения и социальных ролей, обеспечивавших устойчивость традиционного общества в условиях степного пространства и патриархальной социальной организации.

Женская социализация включала усвоение норм семейных и родственных отношений, хозяйственных навыков, этикетных и обрядовых практик, а также представлений о статусе и предназначении женщины, формируя специфическую модель женской повседневности. Особая роль женщины в системе кочевого жизнеобеспечения определяла ее значимость не только в сфере семьи и быта, но и в поддержании социальной стабильности и культурной преемственности. Обращение к данному периоду позволяет выявить повышение социальной активности женщин ввиду некоторой трансформации социальных норм под влиянием возможности защиты своих прав у российских властей (право на свободу выбора брачного партнера, отказ от левиратного брака, отказ выхода замуж за старцев в качестве очередной жены и пр.), а также расширить представления о месте и роли женщины в казахском обществе, что придает исследованию актуальность как в историко-этнологическом, так и в гендерном контексте.

2. Материалы и методы

В качестве важного источникового корпуса были привлечены опубликованные труды дореволюционных авторов, описывавших жизнь и быт казахов, в том числе работы А.И. Левшина (Левшин, 1996), К. Ельницкого (Ельницкий, 1887), М. Леваневского (Леваневский, 1894), Х. Кустанаева (Кустанаев, 1894), И. Козлова (Козлов, 1901), А.А. Диваева (Диваев, 1907), А. Чеглока (Чеглок, 1909), И. Самойловича (Самойлович, 1915) и др. Несмотря на то, что их наблюдения содержат ценные сведения преимущественно о хозяйственном укладе, жилище, одежде, питании казахов, но имеется также информация о семейных обычаях и нормах поведения, в рамках которых формировалась повседневная практика и социальная роль женщины. В данных нарративных источниках информация носит обобщенный характер, давая представление об этнографическом «портрете» казахского общества в целом, не углубляясь в неформальные аспекты повседневности, внутрисемейных отношений, недоступных для внешнего наблюдения. За пределами анализа авторов зачастую оставалась и неактуальная в тот период проблема женского статуса в традиционном обществе кочевников. При работе над статьей авторы также опирались на педагогическое наследие видного казахского педагога-просветителя второй половины XIX в. Ибрая Алтынсарина, который в своих стихах, рассказах, баснях отразил ценности воспитательного характера (Алтынсарин, 1991).

Дополнительным источником для реконструкции повседневности и статуса женщин стали документы ЦГА РК – Центрального государственного архива РК (Алматы, Республика Казахстан), ГАОО – Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Прежде всего, жалобы казахов в канцелярии губернаторов на нарушения обязательств по сватовству, о нежелании женщинами вступать в брак, донесения и отчеты чиновников колониальной администрации, фиксировавшие особенности хозяйственных занятий, религиозной жизни, семейных обычаев и бытовых практик казахов различных уездов.

Авторы при написании статьи придерживались историко-антропологического подхода, центром которого является человек в контексте определенного исторического времени. В ходе исследования были комплексно применены как методы теоретического уровня, включающие изучение и обобщение, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизацию, так и специальные, применяемые историками и этнологами и позволяющие раскрыть социальную роль женщины, ее повседневность в традиционной культуре казахского общества.

Среди специальных методов применен проблемно-хронологический метод, позволивший проследить динамику трансформации семейно-бытовых функций и социальных ролей у казахов в дореволюционный период. Сравнительно-исторический метод использовался для выявления сходств и различий в положении женщин в различные периоды их жизненного цикла, формах семейных отношений и бытовых практиках как внутри казахского общества. При помощи метода реконструкции закрепившиеся в коллективной памяти народа основные ценностные понятия (понятие стыда, уважения старших и пр.), нравственные нормы, входящие в фонд народной педагогики, переносятся в систему социализации детей традиционного общества.

Системно-исторический и структурно-функциональный подходы использовались для анализа семьи и повседневного быта как целостной социальной системы, в рамках которой женская деятельность выступает важным механизмом воспроизводства традиций, норм и ценностей. Семейно-бытовые и обрядовые практики рассматривались как элементы единого цикла жизнедеятельности, включающего хозяйственные, воспитательные и ритуальные функции, где роль женщины была институционально и символически закреплена.

При работе с архивными и опубликованными источниками применялись методы источниковедческого анализа, в том числе сравнительное сопоставление данных различных донесений и описаний дореволюционных авторов. Это позволило уточнить степень достоверности сведений и подтвердить реальное бытование зафиксированных явлений, относящихся к семейной сфере.

В совокупности примененные методологические подходы и методы обеспечили междисциплинарный анализ и позволили рассмотреть женщину не только как объект традиционных

норм, но и как активного субъекта социальной и культурной жизни кочевого общества, выявить устойчивые закономерности функционирования повседневных практик и форм социальной регуляции.

3. Обсуждение

Наиболее системно провел в своих трудах анализ функционирования основных институтов казахского общества, способствовавших его воспроизводству и развитию (обычное право, моногамная семья, экзогамный брак, обычаи левирата и сорората и пр.), культуры и быта населения Х.А. Аргынбаев. Его монография о семье и браке (Аргынбаев, 1973) и статьи (Аргынбаев, 1974) задали дискурс для последующих исследований институтов семьи, брака и обрядности семейного цикла, труда и быта женщин и др. аспектов.

Комплексный взгляд на казахское традиционное общество представлен в коллективной монографии «Казахи» (Казахи..., 1995), в которой раскрыты исторически бытовавшие формы семьи и брака (Аргынбаев, 1995), женские промыслы, родильные, свадебные обряды и пр. Вместе с тем гендерное измерение повседневности в исследовании было вторичным по отношению к анализу самих названных институтов.

Значительный вклад в изучение семейных институтов и обрядов семейного цикла, религиозных представлений внесли А.Т. Толеубаев (Толеубаев, 1991) по казахам, Г.Н. Симаков (Симаков, 1984) по кыргызам. В трудах Ш.Ж. Тохтабаевой (Тохтабаева, 2013), А.У. Токтабая (Токтабай, 2020) и др. получили развитие вопросы взаимоотношений полов и поколений в повседневной жизни и во время праздников, что позволяет рассматривать женщину как активного участника социальных и культурных процессов традиционного общества. В исследованиях И.В. Стасевич (Стасевич, 2011), Г.К. Жапековой (Жапекова, 2014) также исследованы вопросы изменения социального статуса женщины в зависимости от возраста, социального положения ее мужа и личностных характеристик. В монографии С.П. Кульсариевой (Кульсариева, 2017) нашли освещение аспекты семейного воспитания и этикета.

Таким образом, существенный вклад в изучение проблемы внесли труды Х.А. Аргынбаева, в которых роль женщины рассматривается в неразрывной связи с хозяйственно-бытовой организацией, институтами семьи и брака, социальной структурой и мировоззренческими представлениями казахов. В совокупности с исследованиями других этнологов и дореволюционных авторов они позволяют выявить роль женщины как ключевого субъекта повседневной культуры и социальной стабильности кочевого общества. Однако в имеющихся исследованиях гендерная роль и социальный статус, за исключением монографии И.В. Стасевич (Стасевич, 2011), не становилась отдельным объектом и предметом исследования. Эти вопросы, как правило, фрагментарно освещаются в рамках других проблем по исторической этнографии казахов. В данной статье поставлена задача раскрыть вопросы женской социализации в младенчестве и детстве как части системы детской социализации, изменения социального статуса и роли женщин в воспроизводстве традиционной культуры казахского общества конца XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Семья и семейный быт. Основным типом семьи уже в этот период была малая нуклеарная семья, включающая родителей с неженатыми детьми (Казахи..., 1995: 276). В качестве пережиточной формы бытовала также большая патриархальная неразделенная семья (*улкен отбасы/бір ата*) (Аргынбаев, 1973: 28), в которой хозяйство совместно вели несколько супружеских пар (родители, сыновья с женами), неженатые дети как родителей, так и сыновей (вертикальная семья). Женщины заботились о детях и стариках, а также участвовали в экономическом процессе, в их обязанности входила заготовка топлива, навоза, переработка шерсти и шкур животных, сохранение мяса в зимний период. Одной из главных женских обязанностей было приготовление еды и различных продуктов питания путем переработки продуктов животноводства (производство масла, сыра, курта, кумыса, шубата и пр.). Например, готовили в больших объемах кумыс из заквашенного молока лошадей. Молоко в кипяченном виде также употреблялось в пищу. Женщины из пресного молока в смеси с козьиным делали сырки-курты или иримшик (ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–6об.).

Кроме того, женщины с помощью технологий валяния и ткачества создавали предметы материальной культуры – кошмы, ковры, одежду, ткани шили, готовили еду, чистили посуду, стирали, ставили и разбирали юрты, и т. д. (Аргынбаев, 1973: 71). «Не успел прибыть киргиз на новую кочевку, как уже верблюд с разобранный кибиткой на своей спине лежит где-нибудь недалеко от воды, на ровной и зеленой лужайке; две-три киргизки хлопчат около его спины, не обращая внимания на его фырканье и крики, снимая с нее кошмы, волосяные арканы, деревянные части кибитки, звонко и весело между собою переговариваясь. Не прошло и получаса, кибитка уже поставлена, а одна из женщин мотыгой успела выкопать ямку для разведения костра, поставила поверх ямы котел, налила в него воды, засыпала толченого проса, котел прикрыла деревянным кружком, подложила в ямку огонька и начала готовить свой непривычный обед», – описывал М. Леваневский (Леваневский, 1894: 102). Еще более выразительно о казахских женщинах выразил свое мнение А.И. Левшин: «Женский пол казачьего народа по многим причинам должен быть

предпочтен мужскому. Киргизки далеко превосходят киргизов в трудолюбии. Они отправляют все домашнее хозяйство, на них лежит половина попечений о скоте, они, сверх того, занимаются рукоделиями и приготовлением одежды себе и детям, они же должны заботиться обо всем нужном для мужей своих, даже иногда седлать им лошадей и сажать их верхом» (Левшин, 1996: 330-331). В начале XX в. в своих путевых заметках А. Чеглок также подтверждает, что «у киргизов все хозяйство ведут женщины», а мужья никогда не будут заниматься работой, маркируемой как женская, не исключая трудоемкую, «даже выючать на верблюда юрту и тяжелые сундуки» (Чеглок, 1909: 23).

Полифункциональность домашних обязанностей женщин вынуждала их совмещать несколько видов занятий. Одновременно женщина могла укачивать ребенка в люльке (*бесік*) и, например, ткать. Зачастую старшие жены (*байбіше*) не возражали против желания мужа взять младшую жену (*тоқал*), чтобы облегчить свою повседневную жизнь помощницей при выполнении коллективных работ. Кроме того, у баев в хозяйстве были женщины-рабыни (*күн*) и девочки-сироты (*қыз жетім*) (Аргынбаев, 1973: 235).

После смерти родителей женатые и холостые братья, сестры могли остаться в составе этой неразделенной семьи (горизонтальная). При этом для казахов была характерна многодетность (до 12 и более детей), рождение каждого ребенка ждали с радостью, поэтому за весть о благополучном разрешении от бремени давали подарок – *сүйінші*. Однако рождению девочек предпочитали появление сына-наследника, что характерно для всех патриархальных обществ. Мальчика-первенца (*тұңғыш*) обычно отдавали на воспитание родителям мужа. Девочка сначала находилась в подчинении своего отца, матери, старших сиблингов, а после замужества попадала под контроль родителей мужа, супруга и его старших близких родственников.

Социализация детей. Дети имели гендерные отличия в одежде и прическах: мальчику на бритой голове отращивали на макушке волосы, которые заплетали в косичку (*айдар*) от сглаза, а девочек тоже наголо брили, но на висках отращивали с двух сторон полоски волос (*тұлым*). Девочкам в 3–5 лет устраивали обряд *құлақ тесу*, когда ей серебряным шилом прокалывали ушки и протягивали сквозь них шелковые нити, которые вскоре заменяли на серьги. Пришедшие женщины с подарками и сладостями угощались за дастарханом. И мальчикам, и девочкам могли отращивать челку (*кекіл қою*). Айдар отстригали после достижения мальчиками совершеннолетия в 14 лет, а девочкам с пяти-семи лет начинали отращивать косы, которые заплетали в несколько косичек (в особенности, в Южном Казахстане).

Согласно этническим воспитательным установкам казахского народа, отношение к детям раннего возраста, вне зависимости от пола, основывается на принципах мягкости, терпения и эмоциональной поддержки. Об этом имеются сведения у И. Букина: «Они желали бы дать своим детям правильное воспитание, но не знают, как должно правильно воспитывать их, и только от стариков и по обычаю знают, чего следует держаться при воспитании детей. Начиная с младенческого до детского возраста киргизы почти никогда не наказывают детей, да и после наказывают их в очень редких случаях» (Букин, 1883: 5). И. Алтынсарин в своем стихотворении «Ананың сүйі» («Любовь к матери») (Алтынсарин, 1991: 16) отразил роль матерей в вскармливании и воспитании детей в ласке и любви.

В традиционной педагогической культуре категорически не поощряются грубость и физическое воздействие в отношении малышей – вплоть до достижения ими возрастной стадии *ақылы кіргенге дейін* (до 3–4 лет) (Кульсариева, 2017: 75), что отразилось в пословице «*Жеті жасқа дейін балада ақыл болмайды*» («До 7 лет дети не разумны»). В особенности баловали младшего ребенка (*кенже*). Уже с этого возраста казахи уделяли внимание умственному развитию детей, в особенности пополнению словарного состава (Букин, 1883: 13).

На начальном этапе социализации, то есть в возрасте *ақылы кірген бала* (3–4 года), дети обоих полов привлекались к выполнению посильных обязанностей по хозяйству. В данном возрасте основную роль в распределении бытовых заданий выполняла мать, которая поручала детям простые действия – помочь в сервировке стола, принести или отнести предмет и пр. (Кульсариева, 2017: 75).

С возраста *ақылы кірген бала* формировалась система иерархических отношений между поколениями, ключевым понятием которой выступают термин *сыйлау*, обозначающий в традиционной казахской педагогике уважительное поведение по отношению к родителям, старшим членам рода и общества. *Сыйлау* предусматривает конкретные действия: *сәлем беру* – ритуальное приветствие старших при встрече или визите, *үлкендерді сыйлау* – уважение к старшим, выражающееся в соблюдении правил пространственного поведения: не садиться за стол выше по иерархии или до тех пор, пока не займет место самый старший по возрасту человек, не сидеть и не лежать (за исключением болезни) в присутствии стоящего старшего, не переходить дорогу перед старшими и мужчинами; в соблюдении правил вербального поведения: не перебивать или не использовать командный тон при обращении к ним, не называть по имени, использовать этикетные обращения (Аргынбаев, 1973: 75 и пр.). Положение отца в традиционной казахской семье всегда было доминирующим: ему отводилось почетное место за столом (*төр*), он начинал трапезу и имел решающее слово при принятии семейных решений. Запрещался грубый тон в общении с родителями, пререкания и возражения им («*бетінен алғызбайды*» – не перечь родителю в лицо). Значительное

внимание в процессе воспитания уделялось культивации уважительного отношения к матери, которая при выдаче дочери замуж получала традиционный дар – *сұт ақы* [выкуп за материнское молоко] (Арғынбаев, 1973: 201).

Особенности воспитания девочек. В системе традиционных казахских норм семейного поведения дочери занимали особое положение, что находило отражение в правилах повседневного этикета. С младенчества и вплоть до замужества в воспитании девочки участвовала преимущественно мать, а отец в основном прививал нравственные ценности. Отцовское отношение к девочкам строилось на сдержанности и уважении: прямое порицание или резкое выражение недовольства считались недопустимыми. Представление о дочери как о временном члене родного дома, предназначенном для иной жизненной траектории, закреплялось и в фольклорных формулах (к примеру, пословицах: «*Қыздың жолы жіңішке*»), подчеркивающих сложность и уязвимость ее жизненного пути. Воспитательное воздействие со стороны отца, как правило, осуществлялось опосредованно – через мать, что соответствовало принятой модели гендерного распределения семейных ролей.

Символическое подтверждение особого статуса девочки прослеживается и в застольном этикете: ее размещение по правую руку (*оң жақ*) от отца – в пространстве (Тохтабаева, 2013: 316), традиционно отведенном для почетных гостей, – имело воспитательный смысл и было направлено на формирование чувства собственного достоинства и социальной уверенности. Такая практика подчеркивала уважительное отношение к дочерям, которые, в отличие от сыновей, должны были вскоре покинуть отчий дом.

Одновременно традиционная культура не исключала активного участия девушек в сферах, выходящих за рамки сугубо «женских» занятий. В ряде семей отцы обучали дочерей верховой езде, охоте и военным навыкам, особенно в ситуациях отсутствия сыновей. Старшие дочери могли выполнять мужские виды работ и даже носить соответствующую одежду, что свидетельствует о гибкости гендерных ролей в условиях кочевого быта и военной угрозы. Историческая память сохранила образы женщин, проявивших себя в вооруженной борьбе, включая участниц казахско-джунгарских войн (например, Ботагоз-батыр, дочь Есет-батыра) и национально-освободительных движений XIX в. (к примеру, Бопай, младшая сестра Кенесары Касымова, вождя восстания 1837–1847 гг.).

Материнское воспитание, в свою очередь, было ориентировано на формирование внутренних регуляторов поведения: выдержки, такта, эмоциональной сдержанности и уважения к социальным нормам. Вместе с тем высоко ценились интеллектуальные качества – сообразительность, находчивость и речевая культура, что указывает на комплексный характер женской социализации в традиционном казахском обществе. Эти качества прививались в трудовой деятельности, когда девочки постепенно вовлекались в выполнение домашних обязанностей, связанных с заботой о младших сиблингах. Им поручалось одевание, кормление и присмотр за младшими детьми. К числу традиционно женских обязанностей, закрепленных за девочками, относятся приготовление пищи, рукоделие, уборка постели, а также поддержание чистоты в жилище и во дворе. Особое внимание в воспитательном процессе уделяется культуре ухода за постельными принадлежностями. Девочек обучали аккуратно складывать одеяла (*көрпе*), матрасы (*көрпеше*) и подушки (*жастық*), что имеет практическое и символическое значение, создавая ей имидж хорошей хозяйки.

По мере взросления и перехода в следующую возрастную категорию происходит расширение трудовой деятельности. Девочки начинают осваивать более сложные задачи, такие как рукоделие (вышивка, помощь в валянии кошм, прядении и пр. домашних женских промыслах), приготовлении более сложных блюд. Так, девочек обучали замешивать тесто, что тесно связано с особенностями пищевого рациона и ритуальной кулинарной практикой казахов. Так, по пятницам в каждой семье принято готовить ритуальные лепешки и традиционное национальное блюдо *ет*, или *бесбармақ*, что требует от девочек навыков самостоятельного приготовления теста уже к десятилетнему возрасту. В рамках традиционной системы этикета девочек также обучали культуре подачи угощений. Специальные знания касаются правильного распределения мясных кусков на блюда – *бас табақ* (главное блюдо), *орта табақ* (среднее) и *аяқ табақ* (нижнее) (Кульсариева, 2017: 75). Неверная сервировка может восприниматься как знак неуважения к гостю, что делает данное умение важной составляющей воспитания.

Воспитание девочек включало не только освоение бытовых умений, но и передачу духовного опыта, выраженного в фольклорных сюжетах и традиционных представлениях, сказках. Матери поощряли дочерей учить детские песни, пословицы, загадки, учили играть на музыкальных инструментах, развивали эстетические вкусы, то есть представления о прекрасном, степной моде. О последнем красноречиво писал А.П. Чернов: «Киргизки...веселого нрава и не прочь принарядиться, любят белиться, румяниться и частенько поглядывают на себя в зеркальце» (Смирнов, 1897: 18). Общение между детьми, их совместные игры, в особенности в загадки путем вопросов и ответов на них (Букин, 1883: 14) также способствовали умственному развитию детей, логическому мышлению.

С раннего возраста девочек приобщали к женскому этикету, составляющим важную часть казахской этнокультурной воспитательной системы: недопустимость прямого взгляда в лицо старшим или посторонним в процессе общения, при этом правильным считалось выражение

уважения посредством опущенного взгляда и сдержанности в мимике и жестах (Тохтабаева, 2013: 314). Одновременно девочкам внушались нормы гендерного взаимодействия: им запрещалось проявлять агрессию по отношению к мальчикам, особенно в форме физического воздействия. Несоблюдение этих предписаний рассматривалось как нарушение норм *сыйлау* – системы предписаний, регулирующей уважительное поведение младших по отношению к старшим, и влекло наказание со стороны матери, зачастую устрашающей несдержанных дочерей карой со стороны высших сил. Все основные женские качества – почтение, трудолюбие, приветливость и пр. – прививались матерями сызмальства.

Наряду с почтением к родителям, ребенку с раннего возраста прививались такие качества, как любовь и забота, особенно актуальные в отношении престарелых членов семьи. В круг обязанностей детей входило постоянное внимание к нуждам пожилых, их обслуживание и помощь в быту.

С раннего возраста детям внушалась установка на безусловное гостеприимство: гость не должен быть обижен ни словом, ни поступком, к нему необходимо проявлять предельную вежливость и почтительность. Гостеприимство *қонақ сыйлау* (почитание гостя) занимает центральное место в системе ценностей казахского народа, будучи одной из его наиболее устойчивых культурных норм. По казахской традиции, после угощения гостя (*қонақасы*), собравшаяся молодежь аула исполняла «*ауылдың алты ауызы*» (шесть песен аула) и просила гостя показать свое мастерство (Арғынбаев, 1973: 102).

В традиционной казахской системе воспитания детей с 5–6 лет значимую роль играли нравственно-этические категории, такие как *тәртіп*, означающее порядок, дисциплину и следование установленным правилам, *ұят* (стыд), *намыс* (честь, достоинство) и *ар* (совесть, честь), которым противопоставляли категории порицаемого поведения – *тәртіпсіз* (непослушный, недисциплинированный), *көргенсіздік* и *әдепсіздік*, обозначающие невоспитанность и грубость (Кульсариева, 2017: 110).

В традиционном казахском обществе матери уделяли повышенное внимание сохранению до замужества девственности дочерей, объясняя, что ее потеря подпадает под категорию *ұят*, формируя внутренние регуляторы поведения, основанные на представлениях о допустимом и недопустимом в глазах семьи и кочевой общины.

Кроме того, сызмальства дети приобщались дедушками и бабушками, родителями к основам ислама, совершению намаза, восхвалению Аллаха словом «Бисмиллях» (во имя Аллаха), которое ребенок должен произносить перед началом любого дела, при вкушении поминальных лепешек – *жеті шелпек*, после пробуждения и перед сном (Кульсариева, 2017: 120). Следующими этапами религиозной социализации было участие в празднованиях исламских праздников (Курбан-айт, Ораза-айт) с соблюдением всех необходимых ритуалов, сундет-тоя по случаю обрезания мальчиков и пр. Однако ислам у казахских девочек и женщин тесно переплетался с доисламскими верованиями, которые А. Вамбери называл суевериями: «Суеверные обряды строго соблюдаются и при раскидывании палатки, и при доении скота и варке пищи, при прядении и тканье, и даже гораздо строже, чем законы ислама...» (Вамбери, 1868: 276).

Возраст вступления в брак и внешний облик девушек и женщин. Выход из состояния детского возраста (*балалық*) и вхождение в новую возрастную категорию юношества (*жастық шақ*) происходил в 13 лет, после завершения первого двенадцатилетнего жизненного цикла – *мүшел жас* (Толеубаев, 1991: 130). Данная граница соотносилась с естественными этапами физиологического развития: у девочек половое созревание, как правило, начиналось около 13 лет, у мальчиков – в 14–15 лет. С этого времени девочек переставали называть *қыз бала*, употребляя обозначения *қыз* или *бойжеткен*, тогда как мальчиков до 15 лет именовали *бозбала*, а по достижении старшего возраста – *жігіт*.

Статус *бойжеткен* сопровождался повышенным вниманием со стороны родственных и соседских кругов, поскольку осознавалось, что после вступления в брак девушка навсегда покидает родительский дом. Изменения социального положения находили отражение и во внешнем облике: девушки расплетали детские мелкие косички с украшениями и переходили к одной или двум косам (*шаш өру*), что символически указывало на готовность к созданию семейного союза. На свадьбу девичья шапочка заменялась на саукеле (*сәукеле*) – высокий свадебный головной убор, богато украшенный серебряными или золотыми фигурными бляшками, драгоценными камнями и пр. К макушке этой шапки прикреплялось специальное покрывало из легкой шелковой ткани (*желек*) (Арғынбаев, 1973: 220), которое покрывало плечи девушки.

Юность казахских девушек. Казахская молодежь проводила досуг в совместных играх, которые позволяли молодым знакомиться и дружить. В традиционном казахском обществе, характеризовавшемся строгой регламентацией нравственных норм, разобщенностью поселений и значительной вовлеченностью молодежи в хозяйственную деятельность, особое значение приобретали формы коллективного досуга. Как отмечал Г.Н. Симаков, истоки совместных игр юношей и девушек восходят к свадебной обрядности, однако в последующий период они утратили сакральный характер и стали частью повседневной культуры (Симаков, 1984: 125). Описания молодежных игр «Қыз ойны» (Игра девушек), «Сақина алмақ» («Брать кольцо»), «Ақ сүйек»

(«Белая кость») и др., бытовавших у казахской молодежи, оставили известные этнографы XX в. А.А. Диваев (Диваев, 1907), Н. А. Мелков (Мелкова, 1921: 57) и др. Так, Х. Кустанаев писал о молодежных развлечениях и общении следующее: «Иногда молодые люди обоего пола забавляются вечеринкою «кизуйнак» (девичья игра), где поют песни, загадывают загадки и рассказывают смешные истории» (Кустанаев, 1894: 20-21).

Жесткая нормативная регламентация взаимоотношений юношей и девушек в казахском традиционном обществе находит наглядное отражение в народном фольклоре и любовной песенной лирике, в которых зафиксированы сюжеты трагической судьбы влюбленных, таких как Козы-Корпеш и Баян-сулу, Енлик и Кебек и др. (Аргынбаев, 1973: 168). Герои названных эпических сказаний оказывались перед выбором между личными чувствами и родовыми предписаниями: одни были вынуждены отказаться от своих привязанностей, другие становились жертвами суровых санкций традиционного права, что подчеркивает строгость социального контроля в брачно-семейной сфере.

Молодежь активно общалась в дни народных праздников и торжеств семейного цикла (годовые поминки, свадьбы и др.). Празднование Наурыза сопровождалось играми на отгадывание загадок, произнесение скороговорок (*жаңылтпаш*), перетягивание аркана и др., домбровыми состязаниями акынов (*айтыс*), национальными видами спорта – *қазақша күрес*, *тоғыз құмалақ*, устраивались конные скачки – *байге*, *қыз қуу*, катание молодежи на традиционных качелях – *алтыбақан* и другие увеселения. В цикле празднования Наурыза исполнялись обряды, создававшие ритуальную возможность для выражения симпатии, начала ухаживания и укрепления отношений между молодыми людьми. Обряд *ұйқыашар* (букв. «взбадривание после пробуждения») представлял собой обрядовое угощение, готовившееся накануне Наурыза молодыми замужними женщинами и девушками брачного возраста для молодых мужчин – как семейных, так и холостых. Это сытное мясное блюдо имело символическое значение, олицетворяя преемственность и обновление жизненного цикла (Тоқтабай, 2020: 155). Процесс приготовления сопровождался молодежными развлечениями: устраивались игры, исполнялись песни, звучали шутки и остроумные реплики. По завершении трапезы мужчины, участвовавшие в угощении, по обычаю преподносили девушкам небольшие дары (кольца, браслеты, зеркальца, расчески и пр.) в знак внимания и благодарности. (в соответствии с обрядом *селт еткізер* (*Қазақ салт-дәстүрлері*, 2017: 72; Тоқтабай, 2020: 157), что было тонким, но заметным знаком симпатии парней к девушкам.

В повседневной коммуникации нормы полового этикета требовали от юношей и девушек соблюдения дистанции и ограничения общения рамками формальной вежливости и корректности (Тохтабаева, 2013: 322-323), что служило средством предотвращения добрачных связей. Лишь в ситуациях игровых мероприятий и молодежных собраний, когда старшие временно отсутствовали в ауле, допускалось более свободное взаимодействие, выходившее за пределы строгих традиционных регламентаций. Так, молодые девушки устраивали вечеринки *бастаңғы*, когда родители уезжали из дома. Подобный обряд существовал также у кыргызов (Симаков, 1984: 202, 213).

Таким образом, юность для казахских девушек была самым интересным и насыщенным периодом жизни, когда они не только занимались повседневными бытовыми обязанностями и увлечениями (например, игрой на музыкальных инструментах), но и могли предаваться молодежному досугу. Различные игры, в том числе конные состязания с джигитами, а также обряды *ұйқыашар*, *селт еткізер* и *бастаңғы* вполне можно рассматривать как элементы традиционной культуры, посвященные теме любви, симпатии и межличностных чувств молодежи.

Социальный статус замужней женщины. В брак у казахов могли вступать молодые люди, достигшие 13–15 лет. Замужнюю молодую девушку называли *келіншек*, в отношении девушек, достигших брачного возраста, но неженатых или незамужних, использовали термины «*отырып қалған қыз*», «*оң жақтағы қыз*». Замужние женщины заплетали волосы в три косы (Ельницкий, 1887: 1015), после рождения первого ребенка надевали на голову *кимешек* из белой ткани, имевший региональные особенности, плотно облежавший голову и закрывавший шею, грудь, волосы, спину, плечи женщины. Кимешек для женщин 40–45 лет обшивали вокруг отверстия для лица одной полоской вышивки или узкой тесьмой, у вдов этот головной убор не имел украшений. Поверх кимешка наматывался белый платок (*жаулық*), с возрастом платок заменялся на тюрбан (*шаршы/шылауыш/күндік*), который представлял собой большой кусок ткани.

В кочевом казахском обществе выбор брачных партнеров для детей осуществлялся родителями в соответствии с нормами адата и шариата и основывался на соблюдении экзогамных ограничений (запрете браков в пределах *жеті ата* – семи поколений), а также на учете имущественного положения и социального статуса семьи. Иногда молодые красивые девушки доставались престарелым старцам в качестве очередной жены (*тоқал*), которые давали за них огромный калым (выкуп за невесту) (Альджанов, 1894: 2; Аргынбаев, 1973: 258).

По всей территории Казахстана существовали в основном такие формы бракосочетания: путем традиционного выкупа невесты за скот (*қалыңмал*, то есть калым)¹ (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4236,

¹ В случаях эквивалентного обмена невестами калым скотом отменялся, это был брак обменом, а в случае бедности жениха калым заменялся отработкой жениха в хозяйстве.

5089), путем «умыкания» невесты (*алып қашу*), брак путем колыбельного сговора (*бесік құда*), когда отцы договаривались о браке детей или до их рождения (*бел құда/қарын құда*), или в младенческом возрасте (Козлов, 1901: 3). Бытовали также браки путем взаимного сватовства (*қарсы құда*), если дочь отдавали замуж и одновременно брали сестру жениха для своего сына (Аргынбаев, 1995: 295-296). В степи имелись случаи нарушения сватовских обязательств со стороны отцов невест, отказывавшихся выдавать дочерей замуж даже после получения большей части калыма. Так, в 1852 г. в канцелярию оренбургского и самарского генерал-губернатора поступила жалоба Нурмухамеда Дустжанова на киргиза Чармамбетова, не отдававшего дочь свою за него, хотя получил калым в полном объеме – «1100 рублей ассигнациями и разным скотом и вещами уже с некоторым излишеством» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6711. Л. 23). В качестве основных причин называлась мужская несостоятельность жениха, но зачастую отцы руководствовались материальными соображениями, когда поступали предложения от более состоятельных и родовитых претендентов, иногда учитывалось и нежелание девушки, если жених при первых ночных свиданиях (*ұрын бару*) не вызвал симпатии или был намного старше и уже имел других жен.

У казахов были распространены браки, носившие вынужденный характер в силу определенных обстоятельств: левиратный брак (*әмеңгерлік*), когда вдова (*жесір*) выходила замуж за братьев своего умершего супруга; сороратный брак (*балдыз алу*), когда в случае смерти невесты, особенно в доме отца, жених мог взять в жены только ее младшую сестру, чтобы родители не возвращали калым (Козлов, 1901: 3). Если умирала молодая жена, уже имевшая детей, то зять тоже мог просить выдать за него младшую сестру жены, выплатив за нее полкалыма (Аргынбаев, 1995: 299). Брак левиратом возник вследствие экономических причин, поскольку за овдовевшую женщину уже был заплачен калым. Кроме того, дети вдовы могли расти среди своих родичей, получая от них поддержку. Дети, рожденные незамужними вдовами, также относились к незаконнорожденным и не имели наследственных и других гражданских прав. Если женщина шла против степных законов, то она могла лишиться детей, а также всего имущества. Однако вдова, которая категорически была против нового замужества, могла от него отказаться, сославшись на необходимость воспитания детей, и остаться среди родни мужа. От замужества могла отказаться и пожилая вдова, имеющая взрослых детей.

В казахской степи имело некоторое распространение многоженство, как и среди других мусульманских народов Востока, «обыкновенно не более 4-х в одно время» (Козлов, 1901: 1), «но большинство довольствуется одной женой. Разве какой богач заведет себе еще и другую, а то и третью жену. В таком случае, каждая из них помещается в своей особой кибитке и подчиняется первой, главной жене» (Смирнов, 1897: 22). Согласно Корану надо было каждой супруге давать одинаковое материальное содержание, но состоятельные мужчины могли себе позволить до 20 жен (Аргынбаев, 1973: 83). В качестве причин новой женитьбы можно назвать следующие: желание иметь сына-наследника, если первая жена рожала только дочерей, соблюдение обычая левирата при смерти брата, взятие в жен наложниц из пленниц батырами и биями (Аргынбаев, 1973: 83), стремление к расширению круга родственных связей за счет влиятельной родни новой жены, чувства к молодой избраннице, сексуальные потребности и пр. Наиболее высоким статусом пользовалась старшая жена – *бәйбіше*, ей подчинялись младшие жены (вторая жена – *тоқал*, третья – *нақсүйер*, четвертая – *аққолтық*), которые не имели права без приглашения заходить в ее юрту.

Как уже было отмечено выше, в традиционном патриархальном обществе женщина находилась в подчиненном положении по отношению к главе рода или семьи (*отбасы*), и ее социальный статус существенно не повышался до рождения первого ребёнка. Лишь после появления первенца на женщину надевали кимешек – головной убор замужней женщины-матери, социальный статус которых обозначался термином «*ақ жаулық*». Незавидной была доля женщин, которые в силу здоровья и разных обстоятельств не рожали детей: «По понятиям киргиз, женщины живут исключительно для размножения человеческого рода. Поэтому те из них, которые побольше порождают детей, заслуживают и более ласкового обращения, чем те, от которых не родятся дети. Последние презираются донельзя и им приходится оплакивать свою злую судьбу и просить Аллаха, чтобы он дал им детей» (Альджанов, 1894: 1).

В то же время женщины обладали относительной свободой, так как кочевой образ жизни и значительный вклад их труда ограничивали возможности строгого контроля над передвижением и деятельностью женщин. При организации семейных дел муж всегда советовался со своей женой. Если женщина была умна, то она оказывала влияние не только на своего мужа, но и вместе с тем, на весь аул, и такие женщины считались верными спутницами жизни своих мужей, что подтверждается и архивными данными (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5089. Л. 79).

Более того, в казахской семье после смерти жены муж обычно быстро вступал в новый брак, чтобы хозяйственная жизнь семьи не останавливалась. Во время отсутствия мужа женщина могла полностью управлять домашним хозяйством и принимать гостей. При этом она не имела прав на семейное имущество: приданое, за исключением личной одежды и постели, переходило к родителям мужа, а свадебный головной убор — саукеле — оставался её собственностью (Стасевич, 2011: 51). Архивные данные показывают, что в некоторых случаях родственники умершей жены судились за ее приданое (ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 9665. Л. 2–3). Если молодая сноха умирала бездетной, приданое или его стоимость

возвращались отцу девушки. Тем не менее женщина сохраняла право владеть и распоряжаться определённой долей имущества семьи. В правовом отношении положение женщин оставалось ограниченным: они, как правило, не допускались к участию в судебных разбирательствах в качестве свидетелей, а защита их интересов осуществлялась преимущественно через мужчин-родственников.

Расторжение брака в традиционном казахском обществе, как правило, инициировалось мужчинами, которые могли обвинять жену в неумении вести хозяйство. Бесплодие не считалось основанием для развода и допускало возможность заключения второго брака без расторжения первого. Право женщины на обращение в суд биев было существенно ограничено и допускалось лишь в случаях физической недееспособности мужа либо крайнего насилия, повлекшего увечье (Козлов, 1901: 2). Бракоразводные дела чаще всего решались на уровне семейного совета при участии муллы, обходясь без обращения в суд биев, если не было серьезных причин для разбирательства. Развод по взаимной договоренности был редкостью, при достижении взаимного согласия дети, как правило, оставались с отцом, а женщина возвращалась к родным, забирая лишь самое необходимое личное имущество. Развод носил формальный характер и ограничивался публичным объявлением мужем формулы «*Талақ қылдым*». По данным Х.А. Аргынбаева, женщина могла развестись с мужем и по другим причинам, предусмотренным шариатом. В основном это было связано с уходом мужа, оставившего жену без средств к существованию (*нафаха*). Если он пропадал без вести на 6 месяцев и 10 дней, не оставив ничего на существование, или бесследно исчезал на 7 лет, то даже при наличии средств к существованию жена могла получить разрешение на развод, достаточно было двух свидетелей, давших присягу перед мусульманским судьей *кази* (Аргынбаев, 1973: 78). Впоследствии женщина могла повторно вступить в брак, однако при наличии детей чаще оставалась в родительском ауле, занимаясь их воспитанием.

В традиционном казахском обществе поведение женщины регулировалось системой норм, рассматривавшихся как показатель нравственной порядочности. От нее ожидалась телесная и поведенческая сдержанность, строгое соблюдение этикета в присутствии мужчин и старших, особые правила поведения в быту и гостевом общении (не показывать свое тело мужчинам, кроме мужа, за исключением лица и кончиков рук; не ходить босиком, с непокрытой головой (Аргынбаев, 1973: 77), не пересекать дорогу перед путниками (Диваев, 1895: 112), мужчинами, не садиться на кровать родителей мужа. Индивидуальные имена супруга и его родни, включая детей, заменялись нарицательными или иносказательными словами для соблюдения социальных норм обращения (Самойлович, 1915: 164) и пр.

Вместе с тем положение отдельных женщин могло быть достаточно высоким и определялось социальным статусом их ближайшего окружения – прежде всего мужа, сыновей и рода в целом, что отражало значение происхождения и места семьи в системе властной иерархии. Особенности статуса женщины в кочевом казахском обществе проявлялись и в том, что в ряде случаев они допускались к участию в общественно-политической жизни. Устное народное творчество казахов зримо отражает почтение к женщине, что являлось залогом успехов и ее спутника: «*Жақсы әйел жаман еркекті хан қылады*» (Хорошая женщина и плохого мужчину делает ханом) (Жапекова, 2014: 81).

5. Заключение

Таким образом, экстенсивное кочевое животноводство, которым преимущественно занимались казахи традиционного общества на протяжении веков определяло не только экономическую основу кочевого социума, но и систему социальных ролей, включая гендерное и возрастное распределение обязанностей. В этих условиях высокая трудовая значимость женщины выступала одним из ключевых факторов устойчивости традиционного общества. Женщины играли важную роль в хозяйственном жизнеобеспечении рода, что определяло их активное участие в производственных, демографических и социальных процессах. Репродуктивная функция замужней женщины, а также ее вовлеченность в защиту рода и участие в войнах с врагами (во время казахско-джунгарских войн XVII–XVIII), являлись значимыми составляющими ее социального статуса.

Социализация девочек в традиционном казахском обществе происходила с раннего возраста и была ориентирована на формирование трудовых навыков, норм поведения и ценностных установок, необходимых для будущей роли женщины в семье и общине. Вместе с тем социальный статус женщин носил дифференцированный характер и зависел от возраста, количества детей, хозяйственной значимости, родовитости, статуса мужских родственников, а также личных качеств самой женщины. При этом патриархальные соционормативные установки, имущественное неравенство и ограниченная юридическая субъектность обуславливали элементы бесправия женщин.

В целом, несмотря на патриархальный характер казахского общества, женщины, включая девочек на этапе социализации, являлись активными участниками социальной жизни, пользовались относительной свободой и уважением, особенно в пожилом возрасте. Это позволяет рассматривать традиционное казахское общество не как статичную систему жесткого угнетения, а как сложную социальную структуру, в которой роль женщины сочетала в себе элементы зависимости и высокой социальной значимости.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР23487059 «Историческая этнография казахов в научном наследии профессора Х. Аргынбаева: издание трудов в 3-х томах».

Литература

- Альджанов, 1894** – *Альджанов О.* Печальное положение современной киргизской женщины // *Киргизская степная газета*. 1894. № 33. 21 августа.
- Алтынсарин, 1991** – *Алтынсарин Ыбырай.* Өнер-білім бар жұрттар: очерктер, хаттар мен естеліктер. Алматы: Жалын, 1991. 240 б.
- Аргынбаев, 1973** – *Аргынбаев Х.А.* Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу). Алматы: Ғылым, 1973. 328 б.
- Аргынбаев, 1974** – *Аргынбаев Х.А.* Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // *Советская этнография*. 1974. № 6. С. 69–78.
- Аргынбаев, 1995** – *Аргынбаев Х.А.* Формы брака, сватовство и свадьба / Казахи: историко-этнографическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.
- Букин, 1883** – *Букин И.* Физическое и умственное воспитание у киргиз. Ташкент: Типография, арендуемая О.В. Базиловским, 1883. 19 с.
- Вамбери, 1867** – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии в 1863 году. М.: Издание А.И. Мамонотова, 1867. 369 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Диваев, 1895** – *Диваев А.А.* Приметы // *Этнографические материалы*. Вып. II. Ташкент, 1895. С. 111-115.
- Диваев, 1907** – *Диваев А.А.* Древние игры киргизской молодежи // *Туркестанские ведомости*. 1907. № 54.
- Ельницкий, 1887** – *Ельницкий К.* Киргизы // *Родник (илл. журн. для детей)*. 1887. № 11. С. 1013-1027.
- Жапекова, 2014** – *Жапекова Г.К.* Статус женщины в традиционном казахском обществе // *Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология*. 2014. № 1 (46). С. 78-86.
- Қазақ салт-дәстүрлері, 2017** – *Қазақ салт-дәстүрлері* / Құраст. Ә. Тауұлы. Алматы: Балауса баспасы, 2017. 384 б. 267-б.
- Казахи..., 1995** – Казахи: историко-этнографическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.
- Кустанаев 1894** – *Кустанаев Х.* Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент: О.А. Порцев, 1894. 52 с.
- Козлов, 1901** – *Козлов И.* Обзор обычного права киргизов // *Киргизская степная газета*. 1901. № 29. 25 июля.
- Кульсариева, 2017** – *Кульсариева С.П.* Этнография детства казахов в 1950–1980 гг. (на материалах Алматинской и Кызылординской областей). Алматы: Қазақ университеті, 2017. 152 с.
- Леваневский, 1894** – *Леваневский М.* Очерки киргизских степей (Эмбенского уезда) // *Землеведение*. 1894. Т. 1. Кн. 2. С. 99-114.
- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Мелкова, 1921** – *Мелкова Н.А.* Игры киргиз // *Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края*. 1921. Вып. 1. С. 41-77.
- Самойлович, 1915** – *Самойлович А.Н.* Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // *Живая старина*. 1915. Вып. 1–2. С. 161-168.
- Симаков, 1984** – *Симаков Г.Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX вв. Л.: Наука, 1984. 232 с.
- Смирнов, 1897** – *Смирнов А.П.* Быт и нравы киргизов / сост. А. П. Смирнов. Санкт-Петербург: Издание Постоянной комиссии народных чтений, 1897. 30 с.
- Стасевич, 2011** – *Стасевич И.В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.
- Толеубаев, 1991** – *Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). Алматы: Ғылым, 1991. 214 с.
- Тоқтабай, 2020** – *Тоқтабай А.* Ұлыстың ұлы күні / Қазақтың киелі жерлері (тарихи-архитектуралық, этнографиялық зерттеулер, мақалалар, фольклорлық деректер). Алматы: «Литера-М» ЖШС. 348 бб. С. 152-161.
- Тохтабаева, 2013** – *Тохтабаева Ш.Ж.* Этикет казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2013. 500 с.
- Чеглок, 1909** – *Чеглок А.* У киргизов. Путевые впечатления. СПб.: Н. Морев, 1909. 57 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Altynsarin, 1991** – *Altynsarin, Ybyrai* (1991). Öner-bilim bar jürttar: ocherkter, hattar men estelikter [People with art and knowledge: essays, letters and memoirs]. Almaty: Jalyn. 240 p. [in Kazakh]

- [Alzhanov, 1894](#) – *Alzhanov, O.* (1894). Pechalnoe polojenie sovremennoi kirgizskoi jensiny [The sad plight of modern Kyrgyz women]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. № 33. 21 avgusta. [in Russian]
- [Arğynbaev, 1973](#) – *Argynbayev, Kh.A.* (1973). Qazaq halqyndağy sem'ya men neke (tarihi-etnografialyq sholu) [Family and marriage in the Kazakh people (historical-ethnographic review)]. Almaty: Ğylym. 328 p. [in Kazakh]
- [Argynbayev, 1974](#) – *Argynbayev, Kh.A.* (1974). Svad'ba i svadebnye obryady u kazakhov v proshlom i nastoyashchem [Wedding and wedding ceremonies among Kazakhs in the past and present]. *Sovetskaya etnografiya*. 6: 69-78. [in Russian]
- [Argynbayev, 1995](#) – *Argynbayev, Kh.A.* (1995). Formy braka, svatovstvo i svädba [Forms of Marriage, Matchmaking, and Weddings]. *Kazahi: istoriko-etnograficheskoe issledovanie*. Almaty: Kazakhstan. 352 p. [in Russian]
- [Bukin, 1883](#) – *Bukin, İ.* (1883). Fizicheskoe i umstvennoe vospitanie ukirgiz [Physical and mental education among the Kyrgyz]. Taškent: Tipografia, arenduemaia O.V. Bazilevskim. 19 p. [in Russian]
- [Cheglok, 1909](#) – *Cheglok, A.* (1909). U kirgizov. Putevye vpechatlenia [Among the Kyrgyz. Travel impressions]. SPb.: N. Morev. 57 p. [in Russian]
- [Divaev, 1895](#) – *Divaev, A.A.* (1895). Primety [Signs]. *Etnograficheskie materialy*. Vyp. II. Taškent. Pp. 111-115. [in Russian]
- [Divaev, 1907](#) – *Divaev, A.A.* (1907). Drevnie igry kirgizskoi molodeji [Ancient games of Kyrgyz youth]. *Turkestanskije vedomosti*. 54. [in Russian]
- [El'nitskii, 1887](#) – *El'nitskii, K.* (1887). Kirgizy [Kyrgyz]. *Rodnik (ill. jurn. dlä detei)*. 11: 1013-1027. [in Russian]
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Kazakhi..., 1995](#) – *Kazakhi: istoriko-etnologicheskoe issledovanie* [Kazakhs: historical and ethnographic research]. Almaty: Kazakhstan. 352 p. [in Russian]
- [Kozlov, 1901](#) – *Kozlov, İ.* (1901). Obzor obychnogo prava kirgizov [Overview of Kyrgyz Customary Law]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. № 29. 25 iulya. [in Russian]
- [Kulsariev, 2017](#) – *Kulsariev, S.P.* (2017). Etnografiya detstva kazakhov v 1950–1980 gg. (na materialah Almatinskoi i Kyzylordinskoi oblastei) [Ethnography of Kazakh Childhood in the 1950s–1980s (based on materials from the Almaty and Kyzylorda regions)]. Almaty: Qazaq universiteti. 152 p. [in Russian]
- [Kustanaev, 1894](#) – *Kustanaev, X.* (1894). Etnograficheskie ocherki kirgiz Perovskogo i Kazalinskogo uezdov [Ethnographic essays on the Kyrgyz of Perovsky and Kazalinsky districts]. Taškent: O.A. Porsev. 52 p. [in Russian]
- [Levanevskij, 1894](#) – *Levanevskij, M.* (1894). Ocherki kirgizskikh stepej (Ehmbenskogo uezda) [Essays on the Kyrgyz steppes (Embensky district)]. *Zemlevedenie*. T. 1. Kn. 2. Pp. 99-114. [in Russian]
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat. 1996. 656 p. [in Russian]
- [Melkova, 1921](#) – *Melkova, N.A.* (1921). Igry Kirgiz [Kyrgyz Games]. *Trudy Orenburgskogo obshchestva izucheniya kirgizskogo kraya*. 1: 41-77. [in Russian]
- [Qazaq salt-dästürleri, 2017](#) – *Qazaq salt-dästürleri* [Kazakh customs and traditions]. *Qūrast. Ä. Tauüly*. Almaty: Balausa baspasy. 2017. 384 p. [in Kazakh]
- [Samoilovich, 1915](#) – *Samoilovich, A.N.* (1915). Zapretnye slova v yazyke kazak-kirgizskoi zamuzhnei zhenshiny [Forbidden words in the language of a Kazakh-Kyrgyz married woman]. *Zhivaya starina*. 1–2: 161-168. [in Russian]
- [Simakov, 1984](#) – *Simakov, G.N.* (1984). Obshchestvennye funkicii kirgizskikh narodnykh razvlechenij v konce XIX – nachale XX vv. [Social functions of Kyrgyz folk entertainment in the late 19th – early 20th centuries]. L.: Nauka. 232 p. [in Russian]
- [Smirnov, 1897](#) – *Smirnov, A.P.* (1897). Byt i nrawy kirgizov [Everyday life and customs of the Kirghiz]. Sost. A. P. Smirnov. Sankt-Peterburg: Izdanie Postoiyannoi komisii narodnykh chteni. 30 p. [in Russian]
- [Stasevich, 2011](#) – *Stasevich, I.V.* (2011). Social'nyj status zhenshchiny u kazahov: tradicii i sovremennost' [Social status of women among Kazakhs: traditions and modernity]. SPb.: Nauka. 202 p. [in Russian]
- [Tokhtabayeva, 2013](#) – *Tokhtabayeva, Sh.Zh.* (2013). Etiket kazakhov [Kazakh etiquette]. Almaty: Dajk-Press. 500 p. [in Russian]
- [Tolubaev, 1991](#) – *Tolubaev, A.T.* (1991). Relikty doislamskikh verovanij v semejnoy obryadnosti kazahov (XIX – nachalo XX vv.) [Relics of pre-Islamic beliefs in the family rituals of the Kazakhs (19th – early 20th centuries)]. Almaty: Gylym. 214 p. [in Russian]
- [Toqtabai, 2020](#) – *Toqtabai, A.* (2020). Ülystyñ üly kümi [The Great Day of the Nation]. *Qazaqtyñ kiel jerleri (tarihi-arhitekturalyq, etnografialyq zertteuler, maqalalar, föklorlyq derekter)* [Sacred Places of the Kazakhs (historical-architectural, ethnographic research, articles, folklore data)]. Almaty: «Litera-M» JŞS. 348 p. Pp. 152-161. [in Kazakh]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [State Archives of the Orenburg Region].

[Vamberi, 1867](#) – *Vamberi, A.* (1867). Puteshestvie po Srednei Azii v 1863 godu [Travels through Central Asia in 1863]. M. [in Russian]

[Zhapekova, 2014](#) – *Zhapekova, G.K.* (2014). Status jenšiny v tradisionnom kazahskom obšestve [The status of women in traditional Kazakh society]. *Vestnik KazNU. Seria filosofia. Seria kùlturologia. Seria politologia*. 1(46): 78-86. [in Russian]

Женская гендерная социализация в казахском традиционном обществе в конце XIX – начале XX вв.

Аксункар Турсуновна Абдулина ^{a, *}, Малика Темирхановна Морякова ^a,
Айнур Шоқановна Ермекбаева ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Анализ женской гендерной социализации в казахском традиционном обществе в конце XIX – начале XX вв. позволяет выявить ее тесную обусловленность кочевым образом жизни и господством патриархальных отношений, направленных на строгое подчинение женщин сначала отцу, а потом мужу. Система женской социализации через воспитание, усвоение социокультурных норм, ценностных установок и базовых женских практик была направлена на обеспечение воспроизводства социума через реализацию женщиной своего гендера. Источниковую и историографическую базу статьи составили архивные документы, труды дореволюционных авторов, этнологов, посвященные традиционной культуре жизнеобеспечения, институтам брака и семьи у казахов. В трудах Х.А. Аргынбаева получили отражение ключевые аспекты брака и семьи казахов, тесно взаимосвязанные с кочевым и полукочевым скотоводством, определившим систему социальных ролей, включая гендерное и возрастное распределение обязанностей. В этих условиях высокая трудовая значимость женщины выступала одним из факторов устойчивости традиционного казахского общества. Женская повседневность включала ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, поддержание родственных связей, а также соблюдение норм обрядовой и этикетной культуры. Существенными составляющими социального статуса женщины являлись ее репродуктивная функция, а в отдельных случаях – вовлеченность в военные действия. Социальный статус женщин носил дифференцированный характер и зависел от возраста, количества детей, хозяйственной значимости, родovitости и положения мужских родственников. Несмотря на патриархальные соционормативные установки и ограниченную юридическую субъектность, женщины являлись активными участниками социальной жизни и пользовались относительным уважением, особенно в пожилом возрасте.

Ключевые слова: брак, гендерная роль, кочевое общество, обряд, обычай, разделение семейных обязанностей, семейно-брачные отношения, скотоводство, традиции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aksunkar1168@gmail.com (А.Т. Абдулина)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 252-265
DOI: 10.13187/bg.2026.1.252

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ethnocultural and Historical-Geographical Features of the Kazakhs and Kyrgyz in the Context of Sh. Ualikhanov's Research

Aurika T. Serubayeva ^a, Khalil B. Maslov ^{b,*}, Tengesh S. Kalenova ^b, Gaukhar S. Abdrakhmanova ^b

^a M.Kh. Dulaty Taraz University, Taraz, Republic of Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The authors of the article conduct a comprehensive comparative analysis of the spiritual-cultural and historical-geographical issues of the Kazakh and Kyrgyz peoples as reflected in the scholarly legacy of Shoqan Ualikhanov. During his two scientific expeditions to Kyrgyz territories in 1856–1857, Ualikhanov produced several foundational works, including “The Issyk-Kul Diaries” (1856), “Notes on the Kyrgyz” (1856) and “Sketches of Dzungaria” (1860).

The article provides an in-depth analysis of the samples of folklore literature of the Kazakhs and Kyrgyz (genealogy, poems) in the research of Sh. Ualikhanov. The authors focus on epic poems such as “Manas”, “Kozy Korpesh-Bayan Sulu” and, through their comparative analysis, identify the spiritual and cultural foundations common to the two peoples. Sh. Ualikhanov's conclusions that Islam gradually entered the traditional way of life of the Kazakhs and Kyrgyz through adaptation to historical and social conditions have not lost their significance.

Ualikhanov's works contain valuable data on pastoralism, agriculture, urban culture, and craftsmanship. By providing information on traces of early and medieval urban settlements, irrigation systems, and architectural monuments in Kazakh and Kyrgyz territories, he offers concrete evidence for the development of sedentary life in medieval Kazakhstan, particularly in the Ili Valley. His research notes that the area of present-day Almaty once served as an important trade and caravan station along the Silk Road. Ualikhanov's insights into the climatic features of the steppe, the structure of pasture-use systems, migration routes, and the ecological adaptability of nomadic pastoralism continue to retain scholarly relevance.

Keywords: Shoqan Ualikhanov, Kazakh, Kyrgyz, oral literature, genealogy, epic tradition, Manas, Kozy Korpesh-Bayan Sulu, religion, historical geography.

1. Введение

Первый казахский учёный, просветитель-демократ Шокан Уалиханов внёс огромный вклад в исследование истории и культуры казахского и кыргызского народов, а также в их распространение в российской и европейской научной среде. Шокан придавал особое значение всестороннему изучению этнического происхождения, истории, этнографии, географии и фольклора не только казахского народа, но и народов Центральной Азии, отдавая этому делу все свои знания и силы. Как признают учёные всего мира, он является профессиональным исследователем истории кыргызского народа.

Шокан Уалиханов был первым из сынов казахского народа, о котором выдающиеся деятели русской культуры и науки XIX века говорили и писали с искренним восхищением, и которому по праву принадлежит слава выдающегося учёного-востоковеда. П.П. Семёнов-Тян-Шанский отмечал: «Обладая совершенно исключительными способностями, Уалиханов блестяще окончил курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии слушал лекции в университете и настолько хорошо

* Corresponding author

E-mail addresses: khalil.maslov@mail.ru (Kh.B. Maslov)

овладел французским и немецким языками, что стал замечательным эрудитом в области истории Востока, особенно народов, соплеменных кыргызам» (Валиханов, 1985: 241-242).

Н.М. Ядринцев в своих воспоминаниях о Ш. Уалиханове писал: «Он был человеком, получившим всестороннее образование, не имевшим вредных привычек, и никогда не смотрел свысока на своих сородичей, которые уступали ему в уровне образования и культуры. Он понимал русскую среду, окружавшую его, и был готов стать ее частью на основе европейской цивилизации» (Уалиханов, 2010а: 83).

По мнению профессора Корнельского университета Э. Бэкона, Ш. Уалиханов – это личность, освоившая западные идеи через русскую литературу и, в конечном счёте, сумевшая стать мостом между русским и казахским мирами (Есмагамбетов, 2010).

С ранних лет, начиная с обучения в Кушмурунской школе и продолжая учёбу в одном из лучших образовательных учреждений того времени – Сибирском кадетском корпусе в Омске, у Ш. Уалиханова сформировался глубокий интерес к этнографии казахского народа. Как выдающийся учёный, он занимает особое место в истории, этнографии и фольклористике Казахстана. В своих трудах Уалиханов представил богатый комплекс оригинальных, содержательных и многоплановых идей, выводов, гипотез и фактических сведений, которые сохраняют научную значимость и в настоящее время. Значительная часть его научного наследия основана на историко-этнографическом анализе и интерпретации широкого круга фольклорных и этнографических материалов. Уалиханов одним из первых казахстанских исследователей высоко оценил значение казахского устного народного творчества – преданий, пословиц, поговорок, сказок – как уникального источника для изучения происхождения казахского народа, его этнической истории, языка и культуры.

Ознакомившись с трудами Абилгазы Бахадур-хана, Рашид ад-Дина, Ю. Клапрота, А. Ремюза, К. Риттера, И. Фишера, А. Левшина, Иакинфа-Бичурина и других исследователей по этническому происхождению, истории, географии и миграции кыргызов, Ш. Уалиханов провёл всесторонний анализ по указанному вопросу. Сопоставляя сведения из их работ с данными, содержащимися в подлинных исторических преданиях, легендах и эпосах кыргызов, он осуществил комплексное исследование. Цель статьи – проанализировать источники из научного наследия Ш. Уалиханова, касающиеся этнокультурных и историко-географических особенностей казахов и кыргызов.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили, наряду с исследованиями Ш. Уалиханова, фундаментальные труды ряда дореволюционных русских исследователей, а также отечественных и кыргызских учёных. При написании исследования широко использовались историко-сравнительный, описательный, научно-аналитический и междисциплинарный методы. На основе исторического анализа этнокультурных и историко-географических проблем в жизни казахов и кыргызов, исследованных в трудах Ш. Уалиханова, дана оценка этим вопросам с позиции XIX века, в котором жил учёный. Поскольку объект исследования заключается в выявлении и систематизации исторических событий и фактов, собранных в трудах Шокана и других источниках, особое внимание уделено их всестороннему описанию и анализу.

Кроме того, в статье широко использовались междисциплинарные методы. С помощью географического подхода, опираясь на сведения, собранные Ш. Уалихановым во время научных экспедиций, была выявлена тесная взаимосвязь кочевого образа жизни с природно-географическими условиями. В исследованиях учёного показано, что, в отличие от оседлых народов, кочевые народы жили в более гармоничной связи с окружающей средой.

На основе археологического метода, посредством сравнительного анализа древнетюркских и средневековых памятников, поселений и стоянок, была рассмотрена историческая эволюция типов хозяйственной деятельности. Наряду с кочевым скотоводством было выявлено, что в отдельных регионах одновременно развивались оседлое земледелие и ремёсла. Это показывает, что казахи и кыргызы не ограничивались только скотоводством и имели сложную социально-экономическую структуру. Сравнительный анализ устной литературы и исторических источников двух народов позволил установить, что у них существовала письменность и наблюдался высокий уровень культурно-духовного развития.

3. Обсуждение

Ш. Уалиханов, изучая и исследуя историю и культуру тюркских народов, придавал особое значение образцам народного устного творчества. В частности, он высоко оценивал роль генеалогии. Этническую историю казахского народа до революции изучал ряд русских исследователей, среди которых А. Левшин – «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» (Левшин, 1996: 696); Н. Аристов – «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (Аристов, 2003: 460); Н. Харузин – «К вопросу о происхождении киргизского народа» (Харузин, 1895: 49-92); Г. Потанин – «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (Потанин, 1917: 151); А. Нестеров – «Прошлое приаральских степей в преданиях киргизов Казалинского уезда» (Нестеров, 1899: 95-105); В. Радлов – «Образцы народной литературы тюркских

племен. Киргизские наречия» (Радлов, 1870: 712); Н. Остроумов – «Песня – плач по Урманбет-беке» (Остроумов, 1890: 279-289). Ценные мнения о генеалогии высказали С. Ибрагимов, К. Пищулина, В. Юдин в труде «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков» (Ибрагимов и др., 1969: 648), М.-Ж. Копейулы в очерке «Казахская родословная» (Копейулы, 2007: 445); Ш.Кудайбердиулы в «Генеалогии тюрков, киргиз-казахов и ханов» (Кудайбердиулы, 2007: 270); М. Тынышпаев в «Материалах к истории киргиз-казакского народа» (Тынышпаев, 1925: 64).

В отечественной исторической науке важные мысли и выводы о генеалогии и образцах народной устной литературы содержатся в работах А. Маргулана – например, «Древние эпосы и легенды» (Маргулан, 1985: 368), Б. Кумекова – «История казахской государственности и Казахское ханство» (Кумекова, 2015: 46), М. Абусейтовой – «Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв.» (Абусейтова, 2001: 420), Т. Омарбекова, Г. Хабижанова – «Актуальные проблемы казахского этногенеза» (Омарбеков, Хабижанова, 2015: 6-10), И. Ерофеевой – «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв.» (Ерофеева, 2003: 178), М. Алпысбес – «Казахская генеалогия: историографическое и источниковедческое исследование» (Алпысбес, 2013: 380).

Фольклорные источники или образцы народного устного творчества в научной литературе используются под разными названиями. Например, В.П. Юдин называет их «степной устной историографией», М. Койгелдиев употребляет термин «устная история». Этнолог Ж.О. Артыкбаев использует выражение «казахские источники» (Артыкбаев, 2004), а историк Г. Жугенбаева считает более правильным употреблять термины «устная история», «традиционная устная история».

У Г. Жугенбаевой вышел ряд научных статей на следующие темы: «Методы исторического исследования устных преданий: традиционная устная история казахского народа» (Жугенбаева, 2009), «Ногайлы в традиционном историческом сознании» (Жугенбаева, 2013), «Устная передача истории» (Жугенбаева, 2004), «Традиционная устная история: национальный исторический источник и основа исторического познания» (Жугенбаева, 2005). Академик А.Х. Маргулан представил подробный анализ знаменитого кыргызского эпоса «Манас», записанного Ш. Уалихановым. Выводы учёного о содержании эпоса, структуре сюжета, образах героев, а также о личных и народных названиях и их исторической основе до сих пор остаются ценными (Маргулан, 2011).

Кыргызский народ в дореволюционный период стал предметом исследования известных учёных: И.Г. Андреева, А.И. Левшина, М.И. Венюкова, В.В. Радлова, Н.А. Аристова (Абрамзон, 1960: 7). Учёные считают Ш. Уалиханова основоположником кыргызской историографии. Известный тюрколог А.Н. Канонов оценил его так: «С историко-филологической точки зрения первым исследователем кыргызов стал известный казахский ученый Шокан Шынгысович Уалиханов» (Сулейменов, Моисеев: 77). В то время история кыргызского народа до середины XIX века фактически не была изучена.

В советский период научным наследием Ш. Уалиханова занимались кыргызские учёные А.А. Сыдыков – «Исследователь истории и культуры киргизского народа» (Сыдыков, 1988: 153-158), И.Б. Молдобаев – «Манас – историко-культурный памятник кыргызов» (Молдобаев, 1995: 312) и Р. Кыдырбаева «Генезис эпоса “Манас”» (Кыдырбаева, 1980: 279).

Все эти учёные подчёркивали роль работ Ш. Уалиханова в исследовании истории кыргызского народа. Например, была опубликована монография Ч.Д. Турдалиевой «Киргизы в трудах Шокана Уалиханова» (Турдалиева, 2015). В этом исследовании учёный особенно высоко оценивает труд Ш. Уалиханова среди исследователей, внёсших значительный вклад в изучение истории и культуры кыргызского народа в XIX–XX веках.

С обретением независимости стали появляться научные статьи, рассматривавшие труды учёного с новых позиций. В статье С.С. Джеенбековой «Повседневная жизнь киргизов в исследованиях Шокана Уалиханова» (Джеенбекова, 2013) выявляются данные о повседневной жизни кыргызов, отражённые в научном наследии учёного, и проводится их всесторонний анализ. Важное значение имеют также статьи Д.Б. Сапаралиева «Киргизско-казахские взаимоотношения XVII–XVIII вв. в научных трудах Ш. Уалиханова» и С.Ч. Умурзакова «Уалиханов как географ-исследователь Кыргызстана» (Умурзаков, 1996).

4. Результаты

В исследовании таких сложных вопросов, как этногенез казахского народа, время его формирования, этнический состав, язык, культура, хозяйство, а также социальное и этническое значение названия «казах», учёный опирается не только на историю, но и на достижения археологии, этнографии, антропологии, географии, лингвистики и других наук. Он собирает сведения о древних поселениях племён и родов, таких как канглы, шанышкылы, кереиты, огузы, кипчаки, печенеги, дулат, уйсун, жалайыры, найманы, кереи и других. Указывает на автохтонность племён Младшего жуза и высказывает собственные мнения о формировании казахских жузов.

Ш. Уалиханов писал, что на плодородных пастбищах и обширных степях Центральной Азии с давних времён обитало бесчисленное множество кочевых родов, которые постоянно меняли свои поселения и получали различные названия: иногда по имени собственного рода, иногда по имени

объединения нескольких родов, иногда по имени сильного и авторитетного рода. Из этого следует вывод, что хотя название «казах» появилось на исторической сцене лишь в середине XV века, племена, вошедшие в его состав, обитали в этом регионе с древнейших времён.

При изучении происхождения и истории кочевых племён данное обстоятельство – их постоянное перемещение, а также отсутствие единства сведений в китайских летописях и восточных хрониках, являвшихся единственным источником информации – создавало Шокану большие трудности. Сам казахский учёный отмечал эту проблему. В исследовании «Записи о кыргызах» он писал: «Исторические факты кочевых племен и всего народа, не имевшего письменности, основываются не на фактах, а на легендах, напоминающих сказания; при этом сведения, полученные нами только от китайских и восточных историков, противоречивы и расплывчаты... Так древняя судьба этих племен остается многозначной загадкой» (Уалиханов, 2010b: 53).

В исследованиях Ш. Уалиханова «О Джунгарии», «Записках о кыргызах», «Казахской родословной» приводятся ценные суждения о физическом облике казахов, который, по его мнению, сформировался в XV веке от смешения тюрков и монголов, но со значительным перевесом монгольских корней. Он отмечал, что нельзя смешивать казахов с кыргызами, и стремился показать их различия не только в области материальной и духовной культуры, но и в физическом облике.

Соседние и родственные народы – казахи и кыргызы – передавали свою традиционную историческую память из поколения в поколение через генеалогию, героические эпосы, легенды и сказания. Народ воспринимал события, запечатлённые в этих памятниках, как часть собственной истории и воспитывал в том же духе молодое поколение. Этому служат примерами широко распространённые в Казахской степи пословицы: «Тот, кто не знает своего рода, – безродный», «Человек, знающий своих предков в семи поколениях, заботится о семи народах».

Этнограф А. Сейдимбек подчёркивает: «Стремление казахов опираться на генеалогию, точнее говоря, их историческая сознательность, может рассматриваться как национальная особенность. И вовсе не потому, что они какие-то исключительные или отстающие. Данное качество казахов и живость их исторического сознания прежде всего объясняются тем, что на протяжении многих веков они вели кочевой образ жизни» (Сейдимбек, 1997).

Генеалогия отражает систему восприятия и осмысления прошлого, сложившуюся в сознании этноса, а также демонстрирует целостное представление о его цивилизации. Будучи культурным феноменом, характерным для тюркских народов, генеалогия при феноменологическом подходе позволяет проводить детальный анализ традиционных культурных явлений (Алпысбес, 2013: 60).

Ш. Уалиханов придавал особое значение народному фольклору, считая, что в нём полностью сохраняются сведения о быте, мировоззрении, верованиях, местах проживания и составе родов. Изучая устную историю казахского народа, он сформулировал глубокие теоретические выводы. Сравнительный анализ исторических мифов и эпических произведений, собранных со всех уголков Степи, позволил ему подчеркнуть их поразительное сходство и высокую степень достоверности (Артыкбаев, 2012: 32).

Шокан Уалиханов проявлял особое внимание к сбору и изучению эпических сказаний, легенд и народных рассказов казахов и кыргызов. С раннего детства он записывал различные народные песни и систематизировал их. Он зафиксировал несколько вариантов эпических сказаний «Козы Корпеш-Баян Сулу» и «Ер Кокше», позднее передав их Н.Ф. Костылецкому. Кроме того, Шокан записал и провёл научный анализ эпических сказаний «Козы Корпеш-Баян Сулу» и «Манас». Он отмечал: «Какими бы ни были народные предания, особенно исторические, они всегда чрезвычайно увлекательны... Ни одно знаменательное событие и ни один выдающийся человек не исчезли из памяти народа, все было сохранено и передано из поколения в поколение» (Сулейменов, Моисеев, 1985: 23-24).

При этом Уалиханов не ограничивался исключительно сбором легенд, сказок и пословиц, но формулировал и научные выводы относительно их содержания и значения. Опираясь на этнографическое наследие народа, он подчёркивал, что хотя эти материалы и не раскрывают полностью историческую правду, они позволяют глубже осознать её ключевые аспекты (Оразбеков, 1985: 4).

Одним из произведений, которое особенно заинтересовало Ш. Уалиханова, был знаменитый эпос кыргызского народа – «Манас». В 1857 году Уалиханов вновь отправился в путешествие к алатауским кыргызам. Тогда он впервые записал эпос «Манас», провёл его первичный научный анализ с исторической и литературной точек зрения и перевёл на русский язык отрывок под названием «Смерть хана Кокетая и его поминки» (Серубаева, 2015: 505).

Уалиханов делает следующий вывод: «У кыргызов есть единственная эпическая поэма, относящаяся к ногайской эпохе, это “Манас”. “Манас” представляет собой энциклопедическое собрание всех мифов, сказок и преданий кара-кыргызов, объединённых вокруг одной эпохи и одного героя богатыря Манаса. Это нечто подобное степной “Илиаде”. “Манас” – цельное произведение, состоящее из множества отдельных событий. Вторая поэма “Семетей” – является как бы продолжением “Манаса” и считается “Одиссеей” кыргызского народа» (Уалиханов, 2010a: 38). В целях дополнения своей мысли он дал следующую оценку такому жанру, как жыр: «Очарование

этого эпоса заключается в его прекрасном языке и в чрезвычайно точном изображении местности, где разворачиваются события. С исторической точки зрения поэма ценна тем, что она достоверно отражает прежние обычаи и представления кара-кыргызов, а также тем, что в ней упоминаются различные народы, населявшие территории от Таласа до Или и далее до Кашгара» (Уалиханов, 2010а: 38).

Отрывок из «Манаса» под названием «Смерть хана Кокетая и его поминки» особенно заинтересовал Ш. Уалиханова своей достоверностью и обилием этнографических и географических сведений о кыргызах. Изучая эпос «Манас», Уалиханов датировал его возникновение временем Ногайской эпохи, то есть XIV–XV веками. По его мнению, период формирования и устного сложения «Манаса» относится к Ногайско-Кыпчакской эпохе. Особенностью версии, записанной учёным, является то, что эпический герой Кокетай хан представлен не только как хан кыргызского народа, но и как правитель племён, населявших Центральный Казахстан, Каспийскую степь, Сырдарью, Жетысу, Прииртышье, Западную Сибирь и Среднюю Азию, и он издаёт приказы местным биям и батырам.

До Ш. Уалиханова и В. Радлова эпос «Манас» был совершенно неизвестен европейской литературе. Его краткий сюжет впервые был зафиксирован на бумаге Сейфуддином Ахсикенти, жившим в начале XVI века в Фергане. Однако записи Сейфуддина не получили широкого распространения в литературе народов Центральной Азии и оставались малоизвестными даже в его собственное время (Серубаева, 2014: 215).

21 марта 1902 года Н.И. Веселовский впервые представил эпос «Манас» на заседании Восточного отделения Русского археологического общества. Он высоко оценил перевод Ш. Уалиханова, отметив: «Как превосходно усвоил Уалиханов русский язык и до какой степени силы и образности умел передать по-русски сжатую кыргызскую речь». Во второй раз полная версия произведения «Смерть хана Кокетая и его поминки» была опубликована в 1904 году под редакцией Н.И. Веселовского в сборнике «Избранные сочинения Ш. Уалиханова» (Уалиханов, 1904).

Шокан Уалиханов вместе с отцом Шынгысом в 1851 году записал эпос «Козы-Корпеш-Баян Сулу» и передал его своему учителю Н. Костылецкому. Н. Костылецкий, в свою очередь, передал текст профессору И.Н. Березину. У Уалиханова было несколько вариантов эпоса «Козы-Корпеш-Баян Сулу», один из которых, так называемый «вариант Кушмурын», он записал из уст поэта Жанака. Другой вариант поэмы Уалиханов услышал в 1864 году в Омске от поэта Шоже.

Академик А.Х. Маргулан писал: «Эпос «Козы Корпеш-Баян Сулу» является ярким повествованием, созданным кочевыми скотоводческими племенами казахского народа, передававшимся из поколения в поколение. Этот эпос изучен достаточно подробно. Причиной, побуждающей ученых к его исследованию, является исторический памятник, связанный с Корпешем и Баян сулу, то есть комплекс, возведенный в их честь» (Маргулан, 1985: 284). Кроме того, в исследованиях учёного встречаются эпические произведения, посвящённые «Ер Кокше-Ер Косаю» и «Орак батыр» (Уалиханов, 2010а: 236).

В научном наследии Ш. Уалиханова встречаются сведения о празднике Наурыз, который является общим для всех тюркских народов. В своих трудах он подчёркивает, что Наурыз был важным праздником, сопровождавшимся торжествами, благословениями старших и поэтическими состязаниями. В астрологической схеме, где Уалиханов привёл казахский календарь на трёх языках, он начинает отсчёт с 1 марта по юлианскому календарю (Ергали, 2024). В этой схеме он перечисляет названия двенадцати месяцев, первый месяц обозначив по-русски как «март», а арабской графикой – «отамалы». Двенадцатый месяц указан по-русски как «февраль», арабской графикой – «наурыз». Вопрос о том, почему отамалы стоит первым, а наурыз последним, требует отдельного рассмотрения. На самом деле, поскольку схема имеет круглую форму, наурыз считается первым месяцем. Отамалы обычно приходится на апрельские природные явления. Пословица «Если скот хороший, он прослужит долго, а если плохой — быстро погибнет» указывает на то, что при благоприятной погоде земля хорошо взойдёт и скот быстрее насытится травой, а при неблагоприятной – возможен голод и болезни скота (Байтанулы, 2023).

Кроме того, Ш. Уалиханов называл этот день «камал». На самом деле Наурыз тесно связан с образом жизни, мировоззрением и культурой тюркских народов. Прежде всего, это связано с необходимостью правильно определять время в соответствии с природными условиями. Наши предки, чья жизнь была связана с разведением скота, для ведения хозяйства всегда точно рассчитывали систему отсчёта времени, ориентируясь на положение месяца, солнца и звёзд (Ештай, 2012).

Праздник Наурыз отмечался не только тюркскими народами, но и ираноязычными. Наурыз упоминается в трудах многих авторов древности и средневековья. В переводе с фарси название праздника буквально означает «новый день». Впервые слово «Наурыз» использовалось в персидских источниках во втором веке нашей эры, однако празднование дня равноденствия началось ещё во времена правления династии Ахеменидов (550–330 годы до нашей эры). Наурыз празднуют и другие народы Азии. Для казахов и кыргызов этот праздник является символом весеннего обновления, плодородия и начала новой жизни. Месяц наурыз кыргызы называют «Нооруз». Если в день праздника родится ребёнок, ему часто дают имя, связанное с названием этого месяца.

По древним представлениям, богатый праздничный стол в этот день с ритуальными и традиционными блюдами должен обеспечить семье и всему родовому клану благополучие и успех на целый год. Момент, когда день и ночь становятся равными, приходится именно на этот месяц. Поэтому предки отмечали Наурыз не один-два дня, а целый месяц. То есть на протяжении всего месяца они навещали друг друга, желали всего наилучшего, исполняли красивые песни и мелодии, поздравляли друг друга с началом нового года (Ештай, 2012).

Ш. Уалиханов в своих дневниковых записях уделяет особое внимание осмыслению культуры и быта народов, с которыми ему довелось встретиться, их религиозных верований, процессов формирования мировоззренческих установок, а также различий в уровне цивилизованного развития. В его религиозных воззрениях просматриваются элементы материалистического подхода. Известно, что подобные взгляды сложились под влиянием представителей передовой русской интеллигенции, с которыми он находился в тесном общении в годы обучения в Омском кадетском корпусе. Его наставники – Н.Ф. Костылецкий, И.В. Ждан-Пушкин, Г.В. Гонсевский – отличались прогрессивными убеждениями, доминировавшими в просвещённой академической среде того времени. Под их воздействием мировоззрение Уалиханова постепенно освобождалось от суеверных и мистических представлений о природе жизни и сущности бытия.

Исследование Ш. Уалиханова «Следы шаманства у киргизов» направлено на материалистическую интерпретацию мистических представлений, сохранившихся в жизненном укладе и быте кочевых сообществ. Уалиханов рассматривает шаманизм как форму почитания природы, объясняя его феномены в рамках материалистической парадигмы (Уалиханов, 2010а: 67). В работах, посвящённых жизни и истории родного народа, Уалиханов последовательно анализирует специфику социальной и культурной организации казахского общества, а также факторы, определившие формирование его мировоззренческих установок. Особое место в исследованиях учёного занимает научное осмысление древнейших религиозных верований человечества, а также историко-доктринального развития мировых религий. По мнению философа О.А. Сегизбаева, «не вызывает сомнений, что Уалиханов был глубоким знатоком истории и догматики ислама; его самобытный взгляд на сущность исламского учения и его эволюцию отчетливо прослеживается в статьях и трудах, посвященных различным аспектам ислама» (Бейсенов, Игисенова, 2011: 88).

Исследователь взглядов казахских просветителей на религию Б. Габдуллин отмечает: «Шокан дал научное объяснение происхождению ислама» (Бейсенов, Игисенова, 2011: 88). Он осуществил научное исследование истории ислама, процессов его распространения и укоренения на казахской земле, а также роли исламской религии в мировоззрении народа, его обычаях и повседневной культуре.

Религиозные воззрения киргизов в середине XIX века представляли собой сплав различных верований и культов: тотемизма, анимизма, магии, культа сил природы и предков с мусульманской религией. Многие дореволюционные путешественники и исследователи Кыргызстана (Турдалиева, 2015: 38), в том числе и Ш. Уалиханов, останавливались на верованиях киргизов, отличавшихся широким религиозным полиморфизмом.

Кыргызский учёный Ш. Турдалиева отмечала: «На наш взгляд, именно Ч.Ч. Валихановым в свое время было охарактеризовано большинство религиозных обрядов и верований киргизов, показан механизм взаимодействия и взаимовлияния одних из наиболее распространенных форм религии у киргизов шаманства и ислама. Им же предпринимались попытки выяснения возникновения шаманства у киргизов и казахов и определения его отличительных особенностей от сибирского шаманства» (Турдалиева, 2015: 10).

В научных трудах Ш. Уалиханова встречаются также его развёрнутые наблюдения, посвящённые музыкальной культуре казахов и киргизов. Став свидетелем постепенного вытеснения кобыза домбырой и фиксируя происходившие в казахской музыкальной традиции существенные трансформации, Уалиханов характеризовал смычковый инструмент кобыз как «исключительно сложный в исполнении, но вместе с тем выразительный и обладающий высокой эмоциональной силой».

Он с обеспокоенностью отмечал тенденцию к утрате древних эпических произведений, исполнявшихся под сопровождением кобыза; этот тип исполнительского искусства, как и сам архаичный инструмент – кылкобыз (казахский смычковый музыкальный инструмент – Прим. авт.), всё более оказывался в сфере деятельности баксы. По наблюдению учёного, после творчества выдающегося акына Жанака традиция исполнения древних жывов стала постепенно сходить на нет, что вызывало у него искреннее сожаление (Кайырханова, 2010: 52).

Шокан с глубоким уважением относился к народной поэзии в духовной культуре кыргызского народа и классифицировал кыргызскую поэзию по нескольким типам (Уалиханов, 2010b: 81-82). Сопоставляя народную поэзию киргизов и казахов, он приходит к выводу, что у киргизов она развита в менее выраженной форме. Анализируя эпические традиции двух народов, учёный отмечает, что у казахов существует чрезвычайно много дастанов (эпическое поэтическое произведение – Прим. авт.) и жывов (поэма – Прим. авт.), прославляющих подвиги ханов, батыров и султанов, и что акыны, исполняющие эти произведения, встречаются практически в каждом роде. Казахи, по его наблюдению, отличаются особой любовью к поэзии и музыке. У киргизов же, по словам Уалиханова, лирические песни почти отсутствуют. Говоря о сходстве двух родственных

народов, он приходит к заключению, что их эпические произведения, восходящие к эпохе Золотой Орды, имеют значительное сходство. Развивая свои мысли о музыкальных инструментах кыргызов, учёный отмечает, что во время войны кыргызы используют резкий по звучанию керней (музыкальный инструмент – *Прим. авт.*), тогда как у казахов военной музыки, по его словам, никогда не существовало.

Ш. Уалиханов обращал внимание на то, что особенности казахского языка следует рассматривать с позиции морально-нравственных и традиционных факторов казахского общества. Он отмечал, что в кыргызском языке отсутствует множество арабских и персидских слов, встречающихся в языках других тюркских народов, и подчёркивал, что в нём сохранилось значительно больше древних, архаичных тюркских слов.

Как и в казахском обществе, у кыргызов существовало деление на правящую верхушку и широкие слои трудового населения. Его этнографические записи о традициях, верованиях и одежде кыргызов представляют большой интерес. Описания он сопровождает иллюстрациями: изображает кыргызских манапов, наряды женщин, схемы своих маршрутов и зарисовки местных ландшафтов.

У кыргызов, например, по наблюдениям Ш. Уалиханова, зафиксированным в дневнике, обряд похорон идентичен с подобным обрядом казахского народа: «Как и у наших, жена должна в продолжение года с криком оплакивать смерть мужа. Когда проезжают мусульмане, словом, они должны петь», то есть исполнять один из похоронных плачей. Продолжая развивать эту мысль, он писал: «Если на юрте развевается какой-либо флаг, то там лишились одного из члена семьи. Если флаг красный – молодой мужчина, черный – средних лет, белый – старик». Очень подробно Ш. Уалиханов описывает одежду и причёски киргизских женщин. Они, пишет он, «носят белую рубаху из дабы без воротника, обшивая грудной разрез вокруг красным шелком. Верхнее одеяние составляет у них простой халат такого вида и покроя как носят мужчины. Они носят пестрые халаты, кроме синего (считается траурным – *Прим. авт.*). Разница костюма и туалета замужней женщины и девушки состоит только в головном уборе и уборке волос. Женщины надевают на голову два белых платка, один возле щек, второй на голову в виде чалмы. Девушки же носят остроконечный белый фес с маленькой кистью. Волосы же женщины заплетают в две косы, концы их соединяют в одну тонкую прядь и убирают монетами, ключами и занкирами (побрякушками), либо другими подручными вещами. Девки расплетают косы на множество тонких прядей, убирая их около ушей жемчугом, кораллом или бусами, смотря по средствам. Длина волос считается первой красотой, почему все женщины носят фальшивые косы» (*Сулейменов, Моисеев, 1985: 79*).

В исследовании «Казахские земледельцы» учёный доказывает существование городской культуры на казахских землях через сохранённые в предгорьях зимние жилища и следы ирригационных систем (*Уалиханов, 2010а: 161-162*). Он подробно описал строение и детали юрты казахов. Юрта кыргызов, по его наблюдению, не столь красива, как юрта казахов. Внутри юрты нет ни кроватей, ни сундуков, ни ковров, как в казахской юрте. Следует отметить, что его выводы о древнем оружии и военных доспехах казахского народа имеют высокую научную ценность.

В научном наследии Ш. Уалиханова встречаются ценные сведения о средневековых могилах. Он подробно остановился на архитектурных сооружениях могил Жубан ана, Айтболат на реке Сарысу (XIII век) и Ботагай на реке Нура (XII–XV века), а также сделал их рисунки (*Уалиханов, 2010с: 168-171*). Говоря о материальной культуре кыргызов, Шокан Уалиханов особенно подчеркнул их мастерство в сооружении могил. По его мнению: «Если говорить о наличии у кыргызов архитектурного искусства, то это, без сомнения, монументальное архитектурное искусство, архитектура могил» (*Уалиханов, 2010а: 281*). Он отметил, что могилы кыргызов, в отличие от могил казахов, не отличались красотой, и в своих исследованиях подробно остановился на строительстве нескольких кыргызских могил.

Многообразие и уникальность архитектурных памятников северо-восточной части Иссык-Кульской котловины и Центрального Тянь-Шаня не могли не привлечь внимания Ш. Уалиханова и оставить его равнодушным. 26 мая 1856 года, в день записи отрывка из эпоса «Манас», он также описал курган «Сан-Таш» (*Валиханов, 1984: 326*), происхождение которого кыргызы связывали с подходами двух великих исторических личностей. «Во всяком случае, – объективно отмечал Ш. Уалиханов, – для сооружения Сан-Ташского кургана необходимы были усилия большого количества людей и, конечно, он есть памятник, завещанный грядущим поколениям, представляющий собой какой-нибудь знаменательный факт из жизни известных личностей» (*Валиханов, 1984: 326*). В дневниковой записи Ш. Уалиханова и на его рисунке «Бивак у подножия горы Тасма» фигурируют две груды камней: большие и мелкие, известные у местного кыргызского населения как курганы (*Валиханов, 1984: 326-328*). Но при раскопках второго кургана археологом Д.Ф. Винником выяснилось, что под каменной насыпью, напоминавшей курган, оказалась каменная постройка, датируемая X–XIV веками нашей эры (*Турдалиева, 2015: 106*).

Помимо Сан-Ташского кургана, Ш. Уалиханов отметил ещё ряд больших по размерам древних курганов, что было немаловажно для представления об общей картине археологических памятников в этом регионе. Непосредственно же к погребальным комплексам кыргызов Ш. Уалиханов относил следующие виденные им типы: «На этих местах есть могилы или насыпи 4 родов, по-видимому,

разных времен: 1 – это холмистые насыпи, затем были современные им, конечно, могилы в виде четырехугольника. Они уже совершенно заросли, но видны следы. К стороне, обращенной на восток, стоят большие камни. Затем следуют могилы, сооруженные в беспорядке из кусков гранита, и других камней» (Валиханов, 1984: 344).

Главной хозяйственной деятельностью казахского народа было в основном кочевое скотоводство. Поэтому в народе большое внимание уделяли выращиванию скота. Поскольку каждый скотовод хотел, чтобы поголовье его скота увеличивалось, то появились связанные с этим традиции и обряды. Один из таких обрядов – очищение огнём. Ш. Уалиханов отмечал: «Почитая огонь, в него никогда не плюют, не мочатся, не бросают, что попало. Нельзя переступать через огонь и даже через старое огневище, как и наступать на него. Беспутного, бессовестного и лживого человека казахи называют “отсыз”, т.е. лишенный огня, чистоты, истины» (Валиханов, 2007: 68-109). Ш. Уалиханов отмечает: «Жертвоприношение животными – давняя традиция скотоводов – занимало важное место в религиозной обрядности казахов» (Валиханов, 2007: 68-109).

Многовековая практика разведения скота в регионе, включая Кыргызстан, свидетельствует, что наличие обширных пастбищ, их качество и удобство расположения есть залог материального благосостояния кыргыза-скотовода и всего племени. И на это впервые обратил внимание Ш. Уалиханов в своей работе «О кочевках киргизов», где он писал: «Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять один киргизский (казахский – Прим. авт.) аул, ибо каждый аул должен иметь особо зимовье – место с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних пастбищ» (Турдалиева, 2015: 75). Сказанное в одинаковой степени относится и к кыргызскому скотоводству. По валихановским заметкам о цикличности и смене кочёвок у кыргызских родов и племён можно полагать, что они не испытывали особого недостатка в пастбищных угодьях, кроме зимних.

Сравнивая хозяйственную систему двух народов, он чётко обозначил в ней общие и отличительные черты. Кыргызы разводят следующие четыре вида скота: лошадей, овец, коров, верблюдов. У богатых кыргызов было гораздо меньше скота, чем у казахов (Уалиханов, 2010b: 34-35).

Небезынтересно и определение Ш. Уалихановым уровня состоятельности верхушки кыргызского общества, т.е. манапов. «Самый богатый дикокаменный манап имеет лошадей более 3000» (Валиханов, 1984: 31). Как видно из трудов исследователя, разводились лошади кыргызской породы: невысокие ростом и с опущенным крупом, которые легко перемещались в условиях горной местности. «Лошади принадлежат кыргызской породе и пригоняются из Коканда и Дикокаменной орды» (Валиханов, 1984: 140). Овец разводили двух пород: курдючной и калмыцкой, шерсть последней отличалась белизной и тонкорунностью (Валиханов, 1985: 32). Действительно, многовековая практика развития овцеводства в Кыргызстане показывает, что овцы курдючной породы лучше приспособлены к местным условиям, менее прихотливы к корму и дают лучшее мясо, а овцы калмыцкой породы держат ради шерсти (Турдалиева, 2015: 75).

Также важны сведения Ш. Уалиханова о питании четырёх видов домашних животных. Поразительно, что учёный с большой самоотдачей относился к исследованиям. «Любимая еда кыргызской лошади – мятлик, любимая еда казахской лошади – ковыль и колючий перекати поле. Перекати поле созревает в сентябре и обеспечивает плодородное озимое пастбище для лошадей. Конь за два осенних месяца наедается и сильно набирает вес: перекати поле растёт у подножия гор, на берегах озёр» (Валиханов, 1984: 213).

Шокан отмечает, что у кыргызов слабо развиты дополнительные виды промыслов, такие как охота, рыбалка. Но по поводу главной особенности кыргызской охоты: «...в Китае кровавый рог молодого оленя оценивается дорого, из этого рога делают медпрепарат, который называется Лужун, поэтому кыргызы занимаются охотой только на этих оленей, когда речь идет об охоте» (Валиханов, 1984: 213-214). «В Иссык-Куле много рыбы, но местные жители не закидывают невод, рыболовного оборудования тоже нет...» и напоминает, что они не освоили такие профессии (Валиханов, 1984: 214).

Тем не менее, в Киргизии земледелие распространилось на достойном уровне, что делает его всенародным занятием. «...Все киргизы сеют зерно и сеют гораздо больше, чем нужно их кочевнику. Плодородные почвы их земель создают идеальные условия для этого занятия...», указывая на то, что благоприятная природная среда оказывает решающее влияние на развитие земледелия (Валиханов, 1984: 214). В целом, судя по записям Шокана о кыргызах, его исторические суждения уточняются и переплетаются с географическими сведениями, его географические исследования – с историческими данными.

Анализируя данные, приведённые в его исследованиях «Киргизское родословие» (казахское – Прим. авт.), «Записки о киргизах» и др., можно выявить этнические основы и культурное значение родоплеменной структуры, сходства и различия между такими крупными казахскими родами, как аргын, найман, кыпчак, дулат, и кыргызскими жузами солты, сарыбагаш, бугу. Наряду с кочевым скотоводством в некоторых регионах можно увидеть развитие оседлого земледелия и ремёсел.

В исследовании Ч.Д. Турдалиевой говорится: «...многие современные исследователи считают, что “Записки о киргизах”, написанные Ч.Ч. Валихановым по итогам его Иссык-Кульской экспедиции в

1855 году, являются первым в истории фундаментальным исследованием о Кыргызстане и кыргызах, выполненным на уровне передовой научной мысли своего времени» (Турдалиева, 2015: 195).

В дневнике Ш. Уалиханова 1856 года встречаются интересные сведения о многих топонимах. Например, он пишет о трёх притоках реки Шарын и реках Мерке. На современных картах сохранились только два Мерке – Край и Середина, а третий переименован в Кенсу. Мерке – очень древнее гидронимное название. Название, вероятно, произошло от слова «на этой стороне». В своих трудах учёный приводит первое описание реки Или. Китайцы называют эту реку «Ил», а казахи – «Ле», «Иле». «Ле» может быть сокращённой версией гидронима или изменённой формой слова «Лай», «Лайсу» (т.е. грязная, болотная вода). Он сообщает, что вода в реке особенно мутная, за исключением зимних месяцев. Он также подробно описывает берега реки, растительность и животный мир. Уалиханов прекрасно понимал, что земельно-водные наименования являются свидетельством духовной культуры и исторической памяти народа. Он относился к топонимам не только как к географическому названию, но и как к важному источнику, описывающему прошлое, традиции, быт этого региона (Сапаров, 2025).

Особого внимания заслуживают исторические географические описания кыргызской земли, составленные Ш. Уалихановым. К примеру, расположение кыргызских племён: «Кыргызское племя занимает огромную территорию Средней Азии и простирается на юг. Потомки алтауских кыргызов поселились от Иссык-Куля до Гиссара и Бадахшана, от Созака до Аксу и трех Турфанов. С недрами горы Болор на ее ветвях в Китае и на землях Кокан, Каратегин, Гиссар и Бадахшан...» (Уалиханов, 1984: 204).

5. Заключение

Шокан Уалиханов – один из первых учёных-востоковедов, изучавших историю и культуру казахов и кыргызов. В его исследованиях всесторонне, комплексно рассматриваются этногенез, территория, хозяйство, мировоззрение, обычаи, религиозные верования казахов и кыргызов. Он сделал ценные научные выводы о племенной системе казахов и кыргызов, типе хозяйства, поселениях и среде обитания, традиционной духовной и материальной культуре. В своих исследованиях он рассказал о синкретическом сосуществовании древних тенгрианских, анимистических и исламских верований в казахском и кыргызском обществе. Он выступал против религиозного фанатизма и поддерживал рациональную мысль, просвещение.

Учёный рассматривал обычаи и традиции двух народов в тесной связи с их общественной структурой. Это обстоятельство означает, что традиции – это не просто явление бытового уровня, а духовная основа, формирующая социальное единство народа, нравственные принципы. Ш. Уалиханов оценил эпическое наследие, особенно «Манас», «Козы Корпеш-Баян Сулу» и героические сказания казахского народа как высшую вершину народной духовности. Научно проанализировал значение сказаний как исторических источников, отражающих мечты и представления народа о морально-нравственных категориях, его духовную ценность. Ш. Уалиханов показал, что казахское и кыргызское общество – это народы с высоким культурным потенциалом и собственным цивилизационным путём. Он выявил сходства и различия двух народов в духовно-культурной сфере и дал научную оценку их исторической связи друг с другом.

Шокан Уалиханов – один из первых учёных, сформировавших научную основу для изучения исторической географии казахов и кыргызов. Из его работ ясно видно, что путь этнического, культурного и хозяйственного развития этих двух народов зависел от природно-географической среды. Согласно основному утверждению Шокана, казахи и кыргызы – родственные этносы, которые с давних времён жили в одном историко-географическом пространстве Тянь-Шаня, Жетысу, Шу-Таласа, Иле-Иссык-Куль. Горно-степной ландшафт определял их хозяйство, миграционную модель, образ жизни, усиливал взаимную близость и преемственность. Горизонтальная система миграции казахов в широких степях и вертикальная модель миграции кыргызов, характерная для горной местности, были объяснены Шоканом влиянием природной среды. Такие географические особенности точно указывали на влияние двух народов вплоть до их социальной структуры, культурных обычаев и даже поведенческих особенностей.

Ш. Уалиханов исследовал этническое и географическое положение двух народов путём сопоставления устной народной литературы и исторических легенд, эпических сказаний, топонимов, этнографических источников. Особенно важным нововведением в определении исторической обители кыргызского народа стало подтверждение соответствия географического пространства и подлинной региональной карты в эпосе «Манас». Расселение казахских племён в Семиречье и восточных регионах, историческое место кыргызских племён в системе Иссык-Куль-Тянь-Шань, общие родоплеменные связи двух народов были объяснены в трудах Шокана на основе конкретных источников. Таким образом, взгляды Ш. Уалиханова на историческую географию казахов и кыргызов легли в основу научного изучения этногеографии народов Центральной Азии. Он доказал влияние природной среды на исторические процессы и сделал фундаментальные выводы, объясняющие единство этноса и пространства. Это позволило на новом научном уровне объяснить корни и этапы становления казахской и кыргызской истории.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научной программы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему: BR28713029 «Исследование социальной роли народного творчества в формировании современной национальной идентичности: модификация и реконструкция духовной культуры».

Литература

- Абрамзон, 1960** – Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной киргизии // *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3-137.
- Абусеитова, 2001** – Абусеитова М.Х. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII–XVIII вв. (библиографические обзоры). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 420 с.
- Алпысбес, 2013** – Алпысбес М.А. Казахская шежире: историографическое и источниковедческое исследование: монография. Астана, 2013. 380 с.
- Аристов, 2003** – Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек: Илим, 2003. 460 с.
- Артыкбаев, 2004** – Артыкбаев Ж.О. Общество и этнос (этносоциальная структура казахского общества XVIII века). Павлодар: ЭКО, 2004. 392 с.
- Артыкбаев, 2012** – Артыкбаев Ж.О. Казахская шежире: источник и концепция истории Великой степи. Астана: Алтын кітап, 2012. 495 с.
- Байтанулы, 2023** – Байтанулы А. Если 14 марта — старт, то 22 марта — финиш // *Adebiportal.kz*. 2023. 20 марта.
- Бейсенов, Игисенова, 2011** – Бейсенов Б.К., Игисенова А.Р. Религиозные поиски Шокана Уалиханова // *Вестник КазНУ. Серия философия. Культурология. Политология*. 2011. №1. С. 85-89.
- Валиханов, 1904** – Валиханов Ч.Ч. Сочинения / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1904. 531 с.
- Валиханов, 1984** – Валиханов Ч.Ч. Сочинения: в 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. 432 с.
- Валиханов, 1985** – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 5. 528 с.
- Валиханов, 2007** – Валиханов Ч.Ч. Этнографическое наследие казахов. Т. 1. 2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 291 с.
- Джеенбекова, 2013** – Джеенбекова С.С. Повседневная жизнь кыргызов в исследованиях Чокана Валиханова // *Вестник КРСУ*. 2013. Т. 13. №6. С. 14-17.
- Ергали, 2024** – Ергали С. Праздник Наурыз: выводы и решения // *Егемен Казахстан*. 2024. 1 марта.
- Ерофеева, 2003** – Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы, 2003. 178 с.
- Есмагамбетов, 2010** – Есмагамбетов К.Л. Как за рубежом узнавали и изучали Шокана? Размышления о потерянных рукописях ученого // *Егемен Казахстан*. 2010. ноябрь, 10.
- Ештай, 2012** – Ештай А. Доберемся от Наурыза до Наурыза благополучно! // *Егемен Казахстан*. 2012. 14 марта.
- Жугенбаева, 2004** – Жугенбаева Г. Устная история // *Казахская история*. 2004. №1. С. 44-51.
- Жугенбаева, 2005** – Жугенбаева Г. Традиционная устная история: национальный исторический источник и основа исторического познания // *Отечественная история*. 2005. №4. С. 40-56.
- Жугенбаева, 2009** – Жугенбаева Г. Методы исторического изучения устного наследия: традиционная устная история казахского народа // *Отечественная история*. 2009. №1. С. 133-149.
- Жугенбаева, 2013** – Жугенбаева Г. Ногайлы в традиционном историческом сознании // *Отечественная история*. 2013. №1. С. 47-52.
- Ибрагимов и др., 1969** – Ибрагимов С.К., Пищулина К.А., Юдин В.П. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. 648 с.
- Кадырбаева, 1980** – Кадырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980. 279 с.
- Копейулы, 2007** – Копейулы М.-Ж. Казахская родословная. Павлодар, 2007. Т. 10. 445 с.
- Кудайбердиулы, 1911** – Кудайбердиулы III. Генеалогия тюрков, киргиз-казахов и ханов. Орынбор, 1911.
- Кумек, 2015** – Кумек Б.Е. История казахской государственности и Казахского ханства. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 46 с.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.
- Маргулан, 1985** – Маргулан А. Древние песни, легенды: научно-исследовательские статьи / Сост. Р. Бердибаева. Алматы: Жазушы, 1985. 368 с.
- Молдобаев, 1995** – Молдобаев И.Б. Манас – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 312 с.

- Нестеров, 1899** – Нестеров А. Прошлое приаральских степей в преданиях киргизов Казалинского уезда // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. СПб., 1899. Т. XII. С. 95-105.
- Омарбеков, Хабижанова, 2015** – Омарбеков Т., Хабижанова Г. Актуальные проблемы этногенеза казахов // *Казах тарихы*. 2015. №7 (138). С. 6-10.
- Оразбеков, 1985** – Оразбеков А. Шокан Уалиханов. Алматы, 1985. 15 с.
- Остроумов, 1890** – Остроумов Н. Песня-плач по Урманбет-беке // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. СПб., 1890. Т. IV. С. 279-289.
- Потанин, 1917** – Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. Пг.: Типография В.Д. Смирнова, 1917. 151 с.
- Радлов, 1870** – Радлов В. Образцы народной литературы тюркских племен. Киргизские наречия. СПб., 1870. Ч. III. 712 с.
- Сапаров, 2025** – Сапаров Қ. Проблемы топонимики и Шокан Уалиханов // *Ақиқат*. 2025. 24 июля.
- Сейдимбек, 1997** – Сейдимбек А. Казахский мир. Этнополитические размышления: учебное пособие. Алматы: Санат, 1997. 464 с.
- Серубаева, 2014** – Серубаева А.Т. Вклад Шокана Уалиханова в изучение средневековой истории Центральной Азии // *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия гуманитарных наук*. 2014. №3 (100). С. 213-220.
- Сулейменов, Моисеев, 1985** – Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Шокан Уалиханов – востоковед. К 150-летию со дня рождения. Алматы: Ғылым, 1985. 112 с.
- Сыдыков, 1988** – Сыдыков А.А. Исследователь истории и культуры киргизского народа // *Валиханов и современность*. Алма-Ата, 1988. С. 153-158.
- Турдалиева, 2015** – Турдалиева Ч.Д. Кыргызы в трудах Чокана Валиханова. Бишкек, 2015. 175 с., прил.
- Тынышпаев, 1925** – Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925. 64 с.
- Уалиханов, 2010a** – Уалиханов Ш.Ш. Многотомное собрание сочинений: 6 т. 2-е переизд. Алматы: Толағай групп, 2010. Т. 1. 376 с.
- Уалиханов, 2010b** – Уалиханов Ш.Ш. Собрание сочинений в шести томах. 2-е изд. Алматы: Толағай групп, 2010. Т. 2. 464 с.
- Уалиханов, 2010c** – Уалиханов Ш.Ш. Собрание сочинений: 6 т. 2-е изд. Алматы: Толағай групп, 2010. Т. 4. 496 с.
- Умурзаков, 1996** – Умурзаков С.Ч. Валиханов как географ-исследователь Кыргызстана / *Материалы междунар. науч. конф., посвященной первой записи эпоса «Манас» Ч. Валихановым*. Бишкек: Илим, 1996. С. 48-55.
- Харузин, 1895** – Харузин Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // *Этнографическое обозрение*. 1895. № 3 (Кн. XXVI). С. 49-92.
- Serubayeva, 2015** – Serubayeva A.T. Shokhan, explorer of the history of peoples in Central Asia // *Anthropologist*. 2015. Vol. 22. Is. 3. Pp. 504-509.

References

- Abramzon, 1960** – Abramzon, S.M. (1960). Etnicheskiy sostav kyrgyzskogo naseleniya Severnoy Kyrgyzii [Ethnic composition of the Kyrgyz population in Northern Kyrgyzstan]. Trudy Kyrg. arkhеologo-etnograficheskoy ekspeditsii. 4: 3-137. M.: AN SSSR. [in Russian]
- Abuseitova, 2001** – Abuseitova, M.Kh. (2001). Pis'mennye istochniki po istorii i kul'ture Kazakhstana i Tsentral'noi Azii XIII–XVIII vv. (bibliograficheskie obzory) [Written sources on the history and culture of Kazakhstan and Central Asia, 13th–18th centuries (bibliographical surveys)]. Almaty: Daik-Press, 420 p. [in Russian]
- Alpysbes, 2013** – Alpysbes, M.A. (2013). Kazakhskaya shezhire: istoriograficheskoe i istochnikovedcheskoe issledovanie: monografiya [Kazakh genealogy: historiographical and source-study research: monograph]. Astana. 380 p. [in Kazakh]
- Aristov, 2003** – Aristov, N. (2003). Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedeniya ob ikh chislennosti [Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and peoples and data on their population]. Otv. red. V.M. Ploskikh. Bishkek: Ilim, 460 p. [in Russian]
- Artykbayev, 2004** – Artykbayev, Zh.O. (2004). Obshchestvo i etnos (etnosotsialnaya struktura kazakhskogo obshchestva XVIII veka) [Society and ethnos: ethno-social structure of the Kazakh society in the 18th century]. Pavlodar: ECO. 392 p. [in Kazakh]
- Artykbayev, 2012** – Artykbayev, Zh.O. (2012). Kazakhskaya shezhire: istochnik i kontseptsiya istorii Velikoy stepi [Kazakh shezhire: source and concept of the history of the Great Steppe]. Astana. 495 p. [in Kazakh]
- Baytanuly, 2023** – Baytanuly, A. (2023). Esli 14 marta – start, to 22 marta – finish [If March 14 is start, March 22 is finish]. Adebiportal.kz, March 20. [in Kazakh]

- [Beysenov, Igisenova, 2011](#) – *Beysenov, B.K., Igisenova, A.R.* (2011). Religioznye poiski Shokana Ualikhanova [Religious searches of Shokan Ualikhanov]. *Vestnik KazNU. Seriya filosofiya, kulturologiya, politologiya*. 1: 85-89. [in Kazakh]
- [Djeenbekova, 2013](#) – *Djeenbekova, S.S.* (2013). Povsednevnyaya zhizn kyrgyzov v issledovaniyakh Chokana Valikhanova [Everyday life of the Kyrgyz in Chokan Valikhanov's research]. *Vestnik KRSU*. 13(6): 14-17. [in Russian]
- [Ergali, 2024](#) – *Ergali, S.* (2024). Prazdnik Nauryz: vyvody i resheniya [Nauryz holiday: conclusions and decisions]. *Egemen Kazakhstan*. March 1. [in Kazakh]
- [Erofeeva, 2003](#) – *Erofeeva, I.V.* (2003). Rodoslovnye kazakhskikh khanov i kozha XVIII–XIX vv. (istoriya, istoriografiya, istochniki) [Genealogies of Kazakh khans and khoja of the 18th–19th centuries (history, historiography, sources)]. *Almaty*, 178 p. [in Russian]
- [Eshtay, 2012](#) – *Eshtay, A.* (2012). Doberemysya ot Nauryza do Nauryza blagopoluchno! [Let's reach Nauryz safely]. *Egemen Kazakhstan*. March 14. [in Kazakh]
- [Esmagambetov, 2010](#) – *Esmagambetov, K.L.* (2010). Kak za rubezhom uznawali i izuchali Shokana? Razmyshleniya o poteryannykh rukopisyakh uchyonogo [How Shokan was known and studied abroad? Reflections on the scholar's lost manuscripts]. *Egemen Kazakhstan*. November 10. [in Kazakh]
- [Ibragimov i dr., 1969](#) – *Ibragimov, S.K., Pishchulina, K.A., Yudin, V.P.* (1969). Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenii) [Materials on the history of the Kazakh khanates, 15th–18th centuries (excerpts from Persian and Turkic works)]. *Alma-Ata: Nauka Kazakh SSR*, 648 p. [in Russian]
- [Kadyrbaeva, 1980](#) – *Kadyrbaeva, R.Z.* (1980). Genezis eposa “Manas” [Genesis of the epic “Manas”]. *Frunze: Ilim*, 279 p. [in Russian]
- [Kharuzin, 1895](#) – *Kharuzin, N.* (1895). K voprosu o proiskhozhdenii kirgizskogo naroda [To the issue of the origin of the Kyrgyz people]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3 (Vol. XXVI): 49-92. [in Russian]
- [Kopeiuly, 2007](#) – *Kopeiuly, M.-Zh.* (2007). Kazakhskaya rodoslovnaya [Kazakh genealogy]. *Pavlodar*. Vol. 10. 445 p. [in Kazakh]
- [Kudaiberdyuly, 1911](#) – *Kudaiberdyuly, Sh.* (1911). Genealogiya tyurkov, kirgiz-kazakhov i khanov [Genealogy of the Turks, Kyrgyz-Kazakhs and khans]. *Orenburg*. [in Russian]
- [Kumekov, 2015](#) – *Kumekov, B.E.* (2015). Istoriya kazakhskoi gosudarstvennosti i Kazakhskogo khanstva [History of Kazakh statehood and the Kazakh Khanate]. *Almaty: Kazakh University*, 46 p. [in Kazakh]
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. *Almaty*. 656 p. [in Russian]
- [Margulan, 1985](#) – *Margulan, A.* (1985). Drevnie pesni, legendy: nauchno-issledovatel'skie stat'i [Ancient songs, legends: research articles]. *Red. R. Berdibayeva. Almaty: Zhazushy*. 368 p. [in Kazakh]
- [Moldobaev, 1995](#) – *Moldobaev, I.B.* (1995). Manas – istoriko-kul'turnyi pamyatnik kyrgyzov [Manas as a historical and cultural monument of the Kyrgyz people]. *Bishkek: Kyrgyzstan*. 312 p. [in Russian]
- [Nesterov, 1899](#) – *Nesterov, A.* (1899). Proshloe priaral'skikh stepei v predaniyakh kirgizov Kazalinskogo uyezda [The past of the Aral steppes in the legends of the Kyrgyz of Kazalinsk district]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. T. XII. Pp. 95-105. [in Russian]
- [Omarbekov, Khabizhanova, 2015](#) – *Omarbekov, T., Khabizhanova, G.* (2015). Aktualnyye problemy etnogeneza kazakhov [Actual problems of the ethnogenesis of the Kazakhs]. *Kazakh tarikhy*. 7(138): 6-10. [in Kazakh]
- [Orazbekov, 1985](#) – *Orazbekov, A.* (1985). Shokan Ualikhanov [Shokan Ualikhanov]. *Almaty*. 15 p. [in Kazakh]
- [Ostroumov, 1890](#) – *Ostroumov, N.* (1890). Pesnya-plach po Urmanbet-beke [Lament song for Urmanbet-bek]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. T. IV. Pp. 279-289. [in Russian]
- [Potanin, 1917](#) – *Potanin, G.N.* (1917). Kazak-kirgizskie i altaiskie predaniya, legendy i skazki [Kazakh-Kyrgyz and Altai traditions, legends and tales]. *Pg.: Tipografiya V.D. Smirnova*. 151 p. [in Russian]
- [Radlov, 1870](#) – *Radlov, V.* (1870). Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen. Kirgizskie narechiya [Samples of folk literature of Turkic tribes. Kyrgyz dialects]. *SPb. Ch. III*. 712 p. [in Russian]
- [Saparov, 2025](#) – *Saparov, K.* (2025). Problemy toponimiki i Shokan Ualikhanov [Toponymic issues and Shokan Ualikhanov]. *Aqikat*, July 24. [in Kazakh]
- [Serubayeva, 2014](#) – *Serubayeva, A.T.* (2014). Vklad Shokana Ualikhanova v izucheniye srednevekovoy istorii Tsentralnoy Azii [Contribution of Shokan Ualikhanov to the study of medieval Central Asian history]. *Vestnik ENU im. L.N. Gumileva. Seriya gumanitarnykh nauk*. 3(100): 213-220. [in Kazakh]
- [Serubayeva, 2015](#) – *Serubayeva, A.T.* (2015). Shokhan, explorer of the history of peoples in Central Asia. *Anthropologist*. 22(3): 504-509.
- [Seydimbek, 1997](#) – *Seydimbek, A.* (1997). Kazakhskiy mir: etnopoliticheskie razmyshleniya [Kazakh world: ethnopolitical reflections]. *Almaty: Sanat*. 464 p. [in Kazakh]

- [Suleymenov, Moiseev, 1985](#) – Suleymenov, R.B., Moiseev, V.A. (1985). Shokan Ualikhanov – vostokoved. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Shokan Ualikhanov – orientalist. On the 150th anniversary of his birth]. Almaty: Gylm. 112 p. [in Kazakh]
- [Sydykov, 1988](#) – Sydykov, A.A. (1988). Issledovatel' istorii i kul'tury kirgizskogo naroda [A researcher of the history and culture of the Kyrgyz people]. *Valikhanov i sovremennost'*. Pp. 153-158. Alma-Ata. [in Russian]
- [Turdaliev, 2015](#) – Turdaliev, Ch.D. (2015). Kyrgyzy v trudakh Chokana Valikhanova [The Kyrgyz in the works of Chokan Valikhanov]. Bishkek. 175 p., pril. [in Russian]
- [Tynyshpaev, 1925](#) – Tynyshpaev, M. (1925). Materialy k istorii kirgiz-kazakskogo naroda [Materials on the history of the Kyrgyz-Kazakh people]. Tashkent. 64 p. [in Kazakh]
- [Ualikhanov, 2010a](#) – Ualikhanov, Sh.Sh. (2010). Sobraniye sochineniy: 6 t. 2-e izd. [Collected works: 6 volumes, 2nd edition]. Almaty. Vol. 1. 376 p. [in Kazakh]
- [Ualikhanov, 2010b](#) – Ualikhanov, Sh.Sh. (2010). Sobraniye sochineniy: 6 t. 2-e izd. [Collected works: 6 volumes, 2nd edition]. Almaty. Vol. 2. 464 p. [in Kazakh]
- [Ualikhanov, 2010c](#) – Ualikhanov, Sh.Sh. (2010). Sobraniye sochineniy: 6 t. 2-e izd. [Collected works: 6 volumes, 2nd edition]. Almaty. Vol. 4. 496 p. [in Kazakh]
- [Umurzakov, 1996](#) – Umurzakov, S.Ch. (1996). Valikhanov kak geograf-issledovatel Kyrgyzstana [Valikhanov as a geographical researcher of Kyrgyzstan]. *Mater. mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy pervoy zapisi eposa «Manas» Ch. Valikhanovym*. Pp. 48-55. Bishkek: Ilim. [in Russian]
- [Valikhanov, 1904](#) – Valikhanov, Ch.Ch. (1904). Sochineniya. Pod red. N.I. Veselovskogo [Collected works. Ed. N.I. Veselovsky]. SPb: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 531 p. [in Russian]
- [Valikhanov, 1984](#) – Valikhanov, Ch.Ch. (1984). Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in 5 volumes]. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii. T. 1. 432 p. [in Russian]
- [Valikhanov, 1985](#) – Valikhanov, Ch.Ch. (1984). Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. Alma-Ata. Vol. 5. 528 p. [in Russian]
- [Valikhanov, 2007](#) – Valikhanov, Ch.Ch. (2007). Etnograficheskoe nasledie kazakhov. T. 1. 2-e izd., dop. [Ethnographic heritage of the Kazakhs, Vol. 1, 2nd ed., rev.]. Astana: Altyn kitap. 291 p. [in Russian]
- [Zhugenbayeva, 2004](#) – Zhugenbayeva, G. (2004). Ustnaya istoriya [Oral history]. *Kazakhskaya istoriya*. 1: 44-51. [in Kazakh]
- [Zhugenbayeva, 2005](#) – Zhugenbayeva, G. (2005). Traditsionnaya ustnaya istoriya: natsionalnyy istoricheskiy istochnik i osnova istoricheskogo poznaniya [Traditional oral history: national historical source and basis of historical knowledge]. *Otechestvennaya istoriya*. 4: 40-56. [in Kazakh]
- [Zhugenbayeva, 2009](#) – Zhugenbayeva, G. (2009). Metody istoricheskogo izucheniya ustnogo naslediya: traditsionnaya ustnaya istoriya kazakhskogo naroda [Methods of historical study of oral heritage: traditional oral history of the Kazakh people]. *Otechestvennaya istoriya*. 1: 133-149. [in Kazakh]
- [Zhugenbayeva, 2013](#) – Zhugenbayeva, G. (2013). Nogayly v traditsionnom istoricheskom soznanii [The Nogayly in traditional historical consciousness]. *Otechestvennaya istoriya*. 1: 47-52. [in Kazakh]

Этнокультурные и историко-географические особенности казахов и кыргызов в контексте исследований Ш. Уалиханова

Аурика Темирхановна Серубаева ^a, Халил Борисович Маслов ^{b, *}, Тенгеш Серикбаевна Каленова ^b, Гаухар Сатыбалдиновна Абдрахманова ^b

^a Таразский региональный университет им. М.Х. Дулати, Тараз, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье авторы проводят комплексный сравнительный анализ этнокультурных и историко-географических особенностей казахского и кыргызского народов в научном наследии Шокана Уалиханова. В 1856–1857 годах Шокан Уалиханов совершил две научные экспедиции в Киргизию, в результате которых написал такие фундаментальные работы, как «Дневник путешествия на Иссык-куль» (1856), «Заметки о киргизах» (1856) и «Очерки Джунгарии» (1860).

В статье подробно анализируются образцы устной литературы казахов и кыргызов в исследованиях Ш. Уалиханова. Авторы остановились на таких эпических сказаниях, как «Манас», «Козы Корпеш-Баян Сулу», и путём их сравнительного анализа определили духовно-культурные основы, общие для двух народов. Не утратили значения выводы Ш. Уалиханова о том, что ислам вошёл в традиционный образ жизни казахов и кыргызов постепенно, адаптируясь к историко-социальным условиям.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: khalil.maslov@mail.ru (Х.Б. Маслов)

В исследованиях Ш. Уалиханова представлены ценные материалы по таким отраслям хозяйства, как животноводство, земледелие, городская культура, ремёсла. Учёный, предоставляя сведения о следах ранней и средневековой городской культуры, оросительных системах и памятниках архитектуры на казахских и кыргызских землях, доказывает факт развития оседлости на территории Казахстана в Средние века, особенно в Илийской долине. В его исследованиях приводятся сведения о том, что современный город Алматы стал одним из важнейших торговых и караванных пунктов на Великом Шёлковом пути. Его выводы о климатических особенностях степного пространства, структуре пастбищной системы, направлениях расселения и о том, что кочевое хозяйство было системой, адаптированной к природным условиям, являются важными и на сегодняшний день.

Ключевые слова: Шокан Уалиханов, казах, кыргыз, устная народная литература, генеалогия, эпос, «Манас», «Козы Корпеш-Баян Сулу», религия, историческая география.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 266-276
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.266

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Geological Work in the North Caucasus in the XIX – early XX centuries

Rasul S. Gurtuev ^a, Peter A. Kuzminov ^{a, *}, Inal R. Makhov ^a, Emma B. Abanokova ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The rapprochement between Russia and the peoples of the North Caucasus, which began in the mid-16th century, and their subsequent incorporation into the Russian Empire led to the study of the region with the aim of integrating it into the Russian administrative, legal and economic system.

The economic development of the North Caucasus and its integration into the Russian and global markets required the construction of roads and fortifications, which in turn created a vast field of activity for mining experts, topographers, geodesists, and geologists. As a mountainous region, the Caucasus has attracted the attention of geology and mineralogy experts in search of metal-bearing ore deposits. At first, these were “ore experts”, mostly of foreign origin, but as the territory was explored, the discovered deposits were seen as a source of quick enrichment for small entrepreneurs, who typically lacked significant financial resources.

Traditionally, the Russian state did not directly engage in mining at that time, preferring to generate fiscal revenues through bribes, leases, taxes, and so on. In the Caucasus, this policy quickly led to the transfer of the most valuable mining enterprises into the hands of foreign capital. This process took a relatively short time by historical standards in the North Caucasus region, and it is relatively well documented. The authors of this article have attempted to analyze and systematize the available sources, resulting in their own version of the periodization of geological exploration in the region in the period until 1917.

The relevance of the study is due to the interest in the legislative regulation of various economic sectors in the Russian Empire, as well as the trend of reviving enterprises that operate some polymetallic ore deposits in the North Caucasus on a modern technical basis.

Keywords: North Caucasus, geological exploration, mineral resources, Spiridon Chekalov, Sadon deposit.

1. Введение

Расширение территории российского государства, постепенная интеграция в него Кавказа, начавшиеся в середине XVI в., а затем и политическое оформление этой территории как составной части империи в XVIII–XIX вв., обусловили активизацию процессов разностороннего изучения Северо-Кавказского региона с целью полноценного распространения общероссийской административно-правовой практики и создания базы для его хозяйственного освоения. Помимо этнографических и географических особенностей региона, коронное правительство интересовало наличие природных ископаемых, особенно серебра, и возможностей его добычи.

Хозяйственное освоение региона, вовлечение его в общероссийский, а через него – и в мировой рынок требовало, в первую очередь, прокладки дорог. Дорожное и фортификационное строительство в ходе возведения Кавказской линии создавало обширное поле деятельности для специалистов горного дела, топографов, геодезистов, геологов. Кавказ, как горный регион, привлекал внимание специалистов по геологии и минералогии в поисках выходов металлосодержащих руд. Сначала это были «рудознатцы», в основном иностранного происхождения, затем, по мере изучения территории,

* Corresponding author

E-mail addresses: petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

найденные месторождения стали рассматриваться как источник быстрого обогащения для мелких предпринимателей, как правило, не имеющих значительных финансовых возможностей.

Государство жёстко контролировало этот процесс, выкупая или «забирая» наиболее перспективные территории в казну для строительства рудников и заводов. При этом российское государство традиционно не желало непосредственно заниматься горным промыслом, предпочитая получать фискальные доходы от откупов, аренды, налогов и т.д. На Кавказе такая политика быстро привела к переходу наиболее ценных горнорудных предприятий в руки иностранного капитала и формированию колониальной модели эксплуатации природных богатств края с вывозом сырья за границу. Процесс этот в Северо-Кавказском регионе занял сравнительно небольшое по историческим меркам время и относительно хорошо задокументирован. Авторы статьи предприняли попытку проанализировать и систематизировать имеющиеся источники, результатом чего стала собственная версия периодизации постановки геологоразведочных работ в регионе в дореволюционный период.

Актуальность исследования обусловлена возникшим в последние десятилетия интересом научно-прикладного характера к законодательному регулированию различных областей экономики в Российской империи, а также тенденцией возрождения предприятий по эксплуатации некоторых месторождений полиметаллических руд на Северном Кавказе на современной технической базе, в частности, на Тырныаузском месторождении вольфрамо-молибденовых руд.

2. Материалы и методы

Наибольшее значение в рамках данного исследования имеют архивные материалы по геологическим исследованиям на территории Кабардино-Балкарии и соседних регионов, сосредоточенные в Управлении Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР) (Нальчик, Российская Федерация): Ф. 2 «Управление Кабардинского округа. 1858–1870 гг.», Ф. 3 «Георгиевское окружное управление. 1870–1875 гг.» и др., которые раскрывают заинтересованность коронного правительства в поиске и разработке полезных ископаемых в горах Северного Кавказа, по рекам Баксан, Чегем, Черек, Малка, Терек и др.

В 1889 г. в Тифлисе Управлением горной частью Кавказского края была издана составленная профессором Горного института В.И. Меллером, исполнявшим в то время должность управляющего горной частью на Кавказе, книга «Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края» (Меллер, 1889). Она была дополнена в 1890 г., затем издана повторно с дополнениями в 1896 г. В 1900 г. по распоряжению Горного департамента было организовано третье издание труда Меллера, дополненное и систематизированное М. Денисовым (Меллер, 1900). В предисловии дан историографический анализ изданных до этого статей и изданий по геологическому строению Кавказа: начиная с 1827 г. – в основном по Закавказью, а с 1868 г. и по Северному Кавказу (Меллер, 1900: VII–VIII). В этом списке упоминаются первые донесения по обнаружению руд металлов, в первую очередь выходы «серебро-свинцового блеска»; в отдельный список выделены работы по исследованию минеральных вод, публиковавшиеся в вышеобозначенных специализированных изданиях.

Привлекая архивные материалы из РГАДА, М.М. Блиев опубликовал сборник документов, в котором привёл сведения о внимании российского государства к выходам полиметаллических руд на Кавказе, о первых находках на территории Северной Осетии и попытках их разработки (Русско-осетинские отношения..., 1976).

В ходе исследования авторы опирались на принципы историзма, объективности и научности, которые позволили реконструировать многогранную деятельность Геологического комитета по геологическому изучению Кавказа, восстановить хронологическую последовательность изысканий, отбросить необоснованные версии.

Особую ценность имеет индуктивный метод, основанный на фиксировании эмпирических сведений, добытых геологами в ходе тяжелейших горных экспедиций, их анализе и формировании новых гипотез и теорий, помогающих осмыслить собранный в горах материал.

3. Обсуждение

Основные вехи развития горнорудного дела на Северном Кавказе можно проследить по специализированным изданиям: «Горному журналу», основанному в 1825 г., «Известиям Геологического комитета» (с 1883 г.), «Отчётам Комиссии по изучению производительных сил России» (1915–1918 гг.), IV тома «Полезные ископаемые» «Материалов для изучения естественных производительных сил России» (1916–1918 гг.). Большое значение в этой работе имели статьи геологов, начинавших свои исследования на Кавказе в конце XIX – начале XX в.: А.П. Герасимова, В.Д. Голубятникова, И.Г. Кузнецова, А.Н. Огильви, А.Н. Лангвагена, В.П. Ренгартена и др., которые систематизировали данные геологических экспедиций в регионе и в более позднее время, вплоть до 60-х гг. XX в.

С 1953 г. Академия наук, по инициативе академика В.А. Обручева, начала издание серии «Очерки истории геологических знаний», ответственным секретарём которой по 1991 г. был доктор геолого-минералогических наук В.В. Тихомиров. Работам Геологического комитета в период до 1917 г. на Северном Кавказе посвящена статья В.П. Ренгартена во втором выпуске серии (Ренгартен, 1953).

Кроме того, в изданиях серии собраны статьи о развитии геологических наук в России по отраслям в имперское время за авторством В.В. Тихомирова, В.М. Келлера, Д.С. Белянкина, Ю.А. Жемчужникова, В.А. Обручева и др. Серия издаётся по сей день. В ней проанализированы, в том числе, и данные по Приэльбрусью, где были обнаружены сведения о наличии выходов полиметаллических руд на р. Малка, Баксан и др.

Одной из целей издания серии изначально была обозначена фиксация истории развития геологических наук в России и закрепление приоритета отечественных учёных в открытии ряда научных направлений.

В советской историографии изучению горнорудного дела на Северном Кавказе, и в Приэльбрусье в частности, уделяли немного внимания. Научную значимость имеют публикации геолога В.П. Ренгартена и историка Е.О. Крикуновой ([Ренгартен, 1953](#); [Крикунова, 1961](#)), в которых приведены сведения о первых геологических разработках на территории Кабардино-Балкарии.

На современном этапе развития северокавказского социума проблема геологического исследования недр региона привлекла многих исследователей. Монография Е.Г. Неклюдова ([Неклюдов, 2018](#)) посвящена анализу горной реформы в России второй половины XIX – начала XX в. и профессионального горного надзора в Российской империи, показана конструктивная деятельность Геологического комитета, который направлял работы по изучению недр Кавказа.

Е.Г. Муратова ([Муратова, 2019](#)), вслед за Крикуновой, затронула вопрос о попытках представителей балкарских обществ начать разработку минеральных ископаемых в горных ущельях Балкарии. Т.А. Дзуганов продолжил исследование горнопромышленного потенциала и развития частного предпринимательства в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX в. ([Дзуганов, 2022](#)). Ч.Р. Бадов, используя богатый архивный материал из архивохранилищ г. Владикавказа, осветил роль русскоязычного населения в истории Алагирского серебряно-свинцового завода ([Бадов, 2012](#)).

А.В. Кокаева ([Кокаева, 2010](#)), анализируя национальный состав «рудознатцев» XVIII и XIX в., пришла к выводу о высокой значимости греков-переселенцев из Турции в выявлении, строительстве и эксплуатации шахт по добыче серебра, цинка и других металлов.

Добыча и эксплуатация минерального сырья на Северном Кавказе во многом была затруднена отсутствием дорог в горах. Эту проблему, частично, осветили П.А. Кузьминов и Абаева ([Кузьминов, Абаева, 2021](#)).

Г.Н. Шумкин ([Шумкин, 2022](#)) обосновал зависимость развития горного законодательства России XIX в. от географического размещения горнозаводской промышленности, в которой уделено внимание и Кавказу.

Таким образом, анализ публикаций по теме исследований даёт возможность приступить к фронтальному изучению истории геологических изысканий на Кавказе.

4. Результаты

«Открытие» Кавказа во время Персидского похода Петра I в 1722–1723 гг., а затем первые находки полиметаллических руд в горах Кавказа усилили внимание к Северному Кавказу ([Русско-осетинские отношения..., 1976: 83, 84](#)). Отчёты военной администрации, разведчиков, рудознатцев о залежах полезных ископаемых в горах Кавказа аккумулировались в Посольском приказе, затем Коллегии иностранных дел, которые требовали, во-первых, реальных шагов по их поиску и, во-вторых, формирования правовой базы их разработки.

Со времён Петра I горнопромышленная отрасль в Российской империи регулировалась сначала отдельными законодательными актами, а затем Горными уставами и положениями, работа над усовершенствованием которых продолжалась весь XVIII–XIX вв. ([Неклюдов, 2018: 6](#)).

Понятия «горный промысел», «горный инженер», «горный департамент» предполагали именно разведку месторождений и выплавку металлов, в первую очередь железа, поскольку в российской традиции вплоть до конца XIX в. эти понятия были неразрывно связаны ([Неклюдов, 2018: 4](#)). По мере развития экономики и возникновения новых отраслей горнорудного дела они регулировались собственными отдельными законодательными актами. Добыча нефти, например, как и множество других видов частного предпринимательства, традиционно в России отдавалась на откуп ([БРЭ, 2005: 660](#)).

Появление горного законодательства было вызвано острой необходимостью развития отечественной металлургии. Указ Петра I об учреждении Берг-коллегии 1719 г. сформировал принципы собственности на землю и недра, устанавливал основные правила добычи природных ресурсов, который в специализированной литературе получил название «горной свободы». Одним из важнейших направлений указа являлось стимулирование частной инициативы в горном деле и формирование системы её государственной защиты: «...соизволяется всем, и дается каждому воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, тако ж и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и камни...» ([Вестник МГЮА, 2016: 154](#)).

Предполагалось, что нашедшие полезные ископаемые на чужих землях обязаны были отдавать владельцу 1/32 от прибыли и при этом находились под защитой учреждённой этим же указом Берг-коллегии. Государство претендовало на десятую часть прибыли в виде налога «к зарплате Берг-Коллегиума его служителям и на иные потребные к тому расходы» ([Вестник МГЮА, 2016: 155](#)).

Впоследствии правила горных разработок менялись: в горные уложения и уставы вносились изменения, которые активно обсуждались представителями Министерства финансов, в ведении которого находился Горный департамент, владельцами заводов, представителями горнозаводских районов. Многолетние дискуссии по модернизации горного законодательства отражали борьбу между интересами государства и частных предпринимателей, горнозаводчиков и землевладельцев, и попытку выработки регуляторных механизмов с учётом их запросов.

Горная реформа входила в пакет «великих реформ» Александра II. Подготовленный податной комиссией Горный устав был представлен в начале 1868 г., однако семь её членов, представлявших Горную комиссию и Горный департамент, его не подписали, составив своё «особое мнение» ([Неклюдов, 2016: 101](#)). Этот факт, отражавший существующие противоречия в подходах к регулированию отрасли, послужил основанием для того, чтобы новые правила вводились частями. В разных областях империи правоприменительная практика была разной. В Великом княжестве Финляндском, в Царстве Польском, в Малороссии, на Урале, в землях Войска Донского правила отвода земли, собственности на недра и поверхность над ними, нормы отчислений и налогов, форма организации государственного надзора и т.д., различались.

По мере вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства поиски месторождений полезных ископаемых носили единичный, спонтанный характер. В отсутствие комплексных исследований попытки разработки природных богатств основывались на результатах отдельных специальных экспедиций, финансировавшихся государством или кавказской администрацией.

Наиболее ярким примером разведки и организации добычи полезных ископаемых на Кавказе может служить история Садонских серебросвинцовых рудников, которая разработана историками лучше других аналогичных предприятий региона.

Рудные выходы на территории Центрального Кавказа использовались издавна: кабардинские князья доносили о наличии руд в Садонском ущелье царю Михаилу Федоровичу ещё в 1628 г. Была даже снаряжена специальная экспедиция, правда, не имевшая результатов ([Бадов, 2012: 38](#)).

Начало промышленной разработки связано с деятельностью грека Спиридона Чекалова в 30-е гг. XIX в. – выходца из Трапезундского пашалыка Оттоманской империи, подрядчика на строительство Военно-Грузинской дороги, который начал добычу на правах «горной свободы», войдя в соглашение с четырьмя семьями местных землевладельцев. Получив согласие властей, он в 1839 г. выписал из своего родного города Гюмюшхане (Турция) рудокопов и плавильных мастеров. В Гюмюшхане находился серебряный рудник, на котором испокон века работали исключительно греки ([Кокаева, 2010: 50](#)).

Спиридон Чекалов – личность в истории Северного Кавказа примечательная. Его активная деятельность создаёт основания для того, чтобы геологические изыскания и первые опыты организации горнорудных предприятий, выплавки металлов в середине XIX в. в этом регионе называть «греческим периодом горнорудной промышленности на Северном Кавказе». Его инициаторами и проводниками были в основном представители второй волны (по А.В. Кокаевой) греческих переселенцев из Турции в Россию, которые появились здесь в первой половине XIX в. после присоединения Грузии и Восточной Армении и окончания Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. ([Кокаева, 2010: 47](#)). Спиридон Чекалов стал героем одного из очерков в газете «Русский инвалид» в 1851 г., в которой его биография представлена, очевидно, с его собственных слов.

«Спиридон Чекалов родился в Азиатской Турции, в Гемичхане (*Гюмюшхане – Прим. авт.*), серебряном заводе, верстах в 50 от Требизонда (*Трабзона – Прим. авт.*). Вследствие разных притеснений, которым христиане, а особенно греки, часто подвергаются со стороны мусульман, Чекалов, еще в молодых летах перешел в Россию. Кавказ выбрал он поприщем для своей полезной деятельности, и с тех пор она ни на минуту не ослабевала. Зная вполне ремесло каменщика, Спиридон вскоре обратил на себя внимание кавказских строителей, а так как, с тем вместе, он постоянно отличался строгою честностью, то и не мудрено, что со временем все греки, постоянно прибывающие на Кавказ, стали обращаться к нему за работой, всегда находя в нем надежного себе покровителя. С этими-то греками, Чекалов выполняет многие казенные подряды и иногда, сам лично, участвует в них уже как знающий и искусный мастер. Так, он проводит дороги, строит мосты и возводит церкви и многие другие каменные здания на Кавказе. Но главная заслуга его, конечно, в отыскании серебряных руд на Садонском руднике, чем, так сказать, он положил прочное основание серебряному производству на Кавказе» ([Русский инвалид, 1851: 4](#)).

Обосновавшийся во Владикавказе Спиридон Чекалов организовал в 1839 г. в Осетии добычу руды и выплавку свинца и серебра. Его деятельность обратила на себя внимание властей: в 1843 г. министр финансов коронного правительства Е.Ф. Канкрин распорядился провести в этом районе геологические исследования с целью «учреждения там свинцового производства» ([Неклюдов, 2018: 292](#)). Горный чиновник при Кавказском наместничестве Г. Картерон обследовал месторождение,

нашёл там заброшенные древние штольни и остатки плавильных печей, горы шлака, покрытые последующими речными наносами, а также выстроенные «содержателем Владикавказского моста» С. Чекаловым новые плавильни, семь новых штолен, четыре из которых обвалились «от худого крепления» (Картерон, 1843: 308). При этом он указывал, что «... Такое дело, предпринятое одним человеком, со всеми невыгодами и опасностями, нередкими в такой стране, мне кажется должно быть поощрено и поддержано, несмотря на все затруднения... Денежные средства, которыми этот человек располагать может для предприятия таких работ в большом размере, недостаточны... Цель его, как спекулянта, извлечь как можно скорее всю выгоду, какую только может принести рудник с самыми малыми издержками» (Картерон, 1843: 308-309).

Учитывая заключения специалистов и чиновников Кавказской администрации, Садонские рудники были взяты в казну в 1850 г., рядом основана станица Горная (будущий город Алагир) и устроен плавильный завод, для работы на котором были переселены 380 семей казённых горных мастеров и рабочих из Луганского литейного, уральских и алтайских заводов (Кокаева, 2010: 38). Завод, рассчитанный на ежегодное производство 35 тыс. пудов свинца и 100 пудов серебра, начал свою работу в мае 1853 года и проработал до конца 1855 года, когда закончились запасы ранее извлечённой руды. Возобновление работы завода произошло через четыре года после основательного расширения рудника (Неклюдов, 2018: 294). Но рудник и завод так и не вышли на проектную мощность и около 40 лет считались убыточными для казны, поставляя свинец армии и серебро. Ежегодное производство составляло около 10 тыс. пудов свинца и около 30 пудов серебра, то есть в три раза меньше намеченного. Поэтому уже в 1872 г. Алагирский завод был выставлен на продажу. Несколько попыток приватизации не увенчались успехом; в числе причин были и конфликты жителей соседних с заводом осетинских селений по поводу собственности на отводимые земли, и вопросы обеспечения производства лесными дачами.

В 1891 г. отставной морской офицер Н.В. Филькович получил разрешение от правительства на использование отвалов пустой руды Садонских рудников, из которой в следующем году стали выплавлять цинк (до начала электрической эры цинк особым спросом не пользовался и уходил в отвалы). А в 1895 г. и рудник, и завод, и приписанные к ним лесные угодья были отданы Фильковичу в аренду на 60 лет. Тот привлёк бельгийских инвесторов, вместе с которыми создал акционерное общество «Горное промышленное и химическое общество “Алагир”», в котором бельгийцам принадлежало 75 % акций. В 1897 г. ими был выстроен новый завод на окраине Владикавказа, построена первая на Северном Кавказе гидроэлектростанция на руднике, автоматизирован ряд производственных процессов.

Как было указано выше, греки-переселенцы широко привлекались к строительству дорог и каменных сооружений в регионе в середине XIX в. Так, например, грек Харламбий Панайотович Муратанов, владикавказский купец 2-й гильдии, разбогатевший на строительных подрядах, участвовал в создании целого ряда крупных объектов, в том числе был подрядчиком строительства Балкарской общественной колесной дороги (Кузьминов, Абаева, 2021: 31).

Греческие переселенцы, бывшие в основном выходцами из района турецкого городка с говорящим названием Гюмюшхане (*Гюмюш* (тур.) – серебро), расположенного рядом с серебряным рудником, к тому времени истощившимся, обращали на новых местах жительства внимание, в первую очередь, на выходы жил «серебросвинцового блеска». Спиридон Чекалов, который после откупа его предприятия по добыче свинцово-серебряной руды на Садоне в казну получил по ходатайству кавказского наместника М.В. Воронцова чин прапорщика, а затем и подпоручика, «в начале 1860-х гг. сообщал об открытии месторождения серебро-свинцовой руды, находящейся в горах Большой Кабарды на казенной пустопорожней земле от укр. Нальчика приблизительно верстах в 60-ти» (Муратова, 2019: 29).

Он же в 1861 г. сообщал о наличии выходов свинцово-цинковых и медных руд на Кубано-Худесском участке в Карачае, где впоследствии был построен рудник «Эльбрусский» (Кочкаров, 2011). Видимо, С. Чекалов участвовал в качестве подрядчика и в строительстве колесной дороги между станицей Баталпашинской и Большим Карачаем. Обнаружив признаки наличия в этом месте серебра, он вместе со своим помощником К. Шам-оглы получил разрешение вести «исследование открытого им в Карачае месторождения серебро-свинцовых руд с дозволением вести розыск вообще разных руд на казенных землях Кубанской области», но в силу неясности в вопросе об имущественных правах на землю, проект развития в тот момент не получил (Кочкаров, 2011).

Промышленное освоение этого месторождения начал отставной поручик В.В. Томашевский, который в 1888 г. арендовал землю у девяти карачаевских аульных обществ для геологических исследований и добычи полезных ископаемых сроком на 99 лет.

Завод с проектной годовой мощностью 2000 пудов металла заработал в 1891 г., но уже в 1892 г. был остановлен, как и в случае с Садонем, после выработки добытой ранее руды. В 1893 г. Александр III утвердил решение об учреждении акционерного общества «Эльбрус» (акционеры В.В. Томашевский и статский советник Н. Экк), предприятие вновь заработало в 1894 г., но ввиду необходимости расширения рудника и строительства новых производственных линий потребовало дополнительных финансовых вложений и было остановлено. После нескольких лет простоя

предприятие возобновило свою работу в составе «Горного общества горы Эльбрус» с акционерным капиталом в 250 тысяч фунтов стерлингов, созданного английскими предпринимателями (правление компании находилось в Лондоне, представителем в России был Н.И. Ковалевский) (Кочкаров, 2011).

На территории нынешней Кабардино-Балкарии проекты «греческого этапа горнорудной промышленности» развития не получили, хотя попытки разработки, получения отводов земли и продажи их иностранным инвесторам были и тут.

С самого начала вопросы разведки и разработки рудных богатств края упирались в проблему юридического оформления отводов земли: геологические исследования, как правило, проводились на общественных землях. «Вопрос обсуждался на съездах доверенных от Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, решениями которых были определены правила отвода и использования участков месторождений полезных ископаемых» (Дзуганов, 2022: 16).

В 1870-х гг. действительный статский советник, профессор Г.В. Абих вел геологическую разведку на Центральном Кавказе, в том числе в ущельях горских обществ Кабарды (Муратова, 2019: 29).

«Мещанин Житомирской губернии Зейпик Фрахтман и кабардинец Измаил Лиев получили разрешение и до 1880 г. добывали каменный уголь на арендованных на 10 лет землях, принадлежавших частным собственникам Балкарукову, Кучукову и Барасбиевым “на Кабардинской общественной земле в местностях под названием Ингушли, Бермамыт и Бичесим”» (Муратова, 2019: 29).

«В конце XIX века Гунделеновское, Хуламское и Чегемское общества предоставили присяжному поверенному Ф.И. Тимченко-Ярещенко право производить геологическую разведку на своих общественных землях и устраивать технические сооружения для добычи полезных ископаемых» (Муратова, 2019: 30). В этом случае местная администрация наложила запрет на сдачу в аренду земли и разработку руд в горских обществах.

В 1900 г. учредитель «Русско-кавказского горнозаводского общества» Вендровский пытался получить право «войти в соглашение с жителями обществ селений Балкарского и Безенгиевского» по использованию их земель «под разведку и разработку рудных месторождений» (Крикунова, 1961: 69). Жители Владикавказского округа Мамсуров и Отаров получили разрешение на поиски руд в Безенгиевском и Балкарском обществах. Отставной генерал-майор казачьего войска Синюхаев пытался открыть в Чегемском обществе «разработку каменного угля и других полезных ископаемых – на правом берегу р. Чегем, в местности Урдоз и по обеим берегам р. Зырдынет...» (Крикунова, 1961: 69). Там же геологоразведочными изысканиями пытались заняться инженеры из Ростова-на-Дону Юкин, Цветков и другие (Дзуганов, 2022: 18).

На рубеже XIX–XX вв. «изысканием и разведкой полезных ископаемых в Нальчикском округе в пределах Балкарии» занимались братья Исхак и Магомед Муллаевы. Студент Харьковского технологического института Магомед Муллаев получил разрешение Хуламского общества на разработку месторождения киновари, а его брат Исхак Муллаев добился от безенгиевцев разрешения производить геологоразведку, прокладывать дороги, ставить мосты, пользоваться силой рек, камнем и песком для построек.

Описанные случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог и разработке полезных ископаемых носили единичный характер (Муратова, 2019: 30). Специалист по истории Балкарии Елена Муратова характеризует конец XIX в. на территории Центрального Кавказа как «горнорудную лихорадку».

Этот период, когда бессистемными геологическими изысканиями занимались местные предприниматели, чиновники и отставные военные, не имеющие достаточных средств для полномасштабных исследований и горнорудных работ, в результате чего в регион стал проникать иностранный капитал, скупающий перспективные площадки, мы выделяем как второй этап развития горнорудной промышленности на Северном Кавказе.

Т. Дзуганов обращает внимание на некоторые специфические причины неразвитости горнорудных проектов в Нальчикском округе: «... это персональный состав соискателей. Как это явствует из документов, в подавляющем большинстве ими оказывались чиновники средней руки, отставные офицеры, малоизвестные горные инженеры, местные представители горской буржуазии. Всех их объединяло то обстоятельство, что никто из них реально не обладал капиталами, необходимыми для полноценной реализации предполагаемых планов. Понятно, что большинство из них рассчитывали, в случае удачи, с большой прибылью перепродать или уступить в субаренду свои права более крупным дельцам и выгодно на этом заработать» (Дзуганов, 2022: 18).

Более успешная история освоения месторождений в Северной Осетии связана с целым рядом факторов: как с «миролюбивым подчинением подданству России» этой территории (Картерон, 1843: 314), так и, безусловно, с транспортной доступностью, поскольку через Владикавказ прошла железная дорога, по которой и руда, и конечная продукция могла вывозиться на российский и международные рынки.

Кроме того, российское государство, которое вступило на путь капиталистической трансформации экономики позже других развитых европейских государств, полагаясь на частную инициативу, фактически отдавало в руки крупных, богатых, обеспеченных технологиями западных предпринимательских кругов свою вновь открываемую ресурсную базу. Там и в тот момент, где и когда требовались крупные капиталовложения, бельгийские или английские предприниматели

скупали месторождения и организовывали вывоз сырья. Этот процесс наиболее ярко проявился в нефтеносных районах Северного Кавказа.

Как мы отметили выше, второй период освоения горнорудных богатств Северного Кавказа – период «горной лихорадки» – обосновал приход в регион крупного капитала, и к концу XIX в. развитие промышленности потребовало расширения ресурсной базы и систематических геологических исследований. Начались они после учреждения Геологического комитета при Министерстве государственных имуществ в 1882 г., перед которым была поставлена задача создать геологическую карту всей страны.

26 апреля 1883 г. указом «О преобразовании управления Кавказского и Закавказского края» было создано отдельное от администрации Главноуправляющего на Кавказе Управление горной частью Кавказского края, в 1892 г. переименованное в Кавказское горное управление. В соответствии с Горным уставом 1893 г. структура управления горнорудной промышленностью унифицировалась: вся территория страны делилась на горные области, а те, в свою очередь, – на горные округа. Подведомственная Управлению горной частью Кавказского края территория Кавказской горной области разделялась на четыре округа во главе с окружными инженерами, подчинявшимися, в свою очередь, начальнику Управления ([Неклюдов, 2019: 42-43](#)).

Северный Кавказ целиком входил в Четвёртый округ, который включал в себя Ставропольскую губернию, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области, Сухумский округ Кутаисской губернии и отдельный Черноморский округ ([Шумкин, 2022: 68](#)).

Геологический комитет выполнял свою основную задачу по геологическому картографированию территории империи, но при этом брался и за крупные частные заказы, исследуя определённую территорию на предмет наличия каких-то конкретных минеральных богатств.

В 1901 г. по ходатайству Кавказского горного управления Геолком начал исследования нефтеносных территорий региона.

«Пользуясь оказией, Геологический комитет одновременно предпринял, в соответствии с основной своей задачей, геологическую съёмку на площади 117-го листа десятиверстной карты, захватывающего юго-восточную оконечность Большого Кавказа...

Исследования в полосе развития третичных отложений в пределах Дагестанской и Грозненской областей производились Д.В. Голубятниковым, К.П. Калицким, Е.М. Юшкиным и С.К. Квитко под общим руководством старшего геолога Н.А. Соколова», – отмечает В.П. Ренгартен ([Ренгартен, 1953: 94](#)).

Поиски месторождений нефти и газа на Кавказе проводились ещё в начале XVIII в., при этом добыча велась из колодцев по договорам с владельцами участков. После введения в России откупной системы в нефтяной отрасли в начале XIX в. нефтеносные участки находились в аренде у откупщиков. Откупная система облегчала сбор налогов для государства, но не создавала стимулов для совершенствования методов добычи и развития нефтепереработки. «С 1850 г. по 1872 г. все бакинские нефтеносные участки стали сдаваться царской казной каждые четыре года в краткосрочную аренду откупщикам... Как откупщики, так и правительство при кратковременном пользовании нефтяными источниками были заинтересованы лишь в сиюминутной максимальной выручке. Естественно, что в таких условиях они пренебрегали любыми соображениями стратегического толка, не заботясь об улучшении способов добычи нефти, извлекаемой из ям и неглубоких колодцев, имевших очень малый дебит и быстро истощавшихся» ([Саудаханов, 2009: 149](#)). Добыча нефти в Грозненском нефтяном районе регулировалась аналогичным образом, поскольку и Бакинский, и Грозненский районы были признаны «казенно-общественными нефтеносными землями», населёнными государственными крестьянами.

Ситуация начала меняться в середине 60-х гг. XIX в. – в регионе начались отдельные геологоразведочные работы с использованием маршрутных геологических съёмок и бурением скважин. Основными территориями геологоразведки и последующей нефтедобычи стали Грозненский район, а также отдельные площади Кубани и Дагестана, на которых с 1861 по 1894 г. было открыто девять месторождений нефти. С 1894 г. нефтеносные участки, которые ранее находились на откупе, стали передаваться с торгов частным предпринимателям и акционерным обществам, в том числе и иностранным.

Отмена откупной системы (в России в 1872 г., а на Северном Кавказе с 1894 г.) способствовала повышению качества геологических разведок, расширению добычи нефти и концентрации капитала в этой отрасли. А с общим деловым оживлением в России в 1906–1907 гг. геологические исследования стали резко расширяться как территориально, так и предметно.

«Одновременно с тенденцией к расширению эксплуатируемых нефтеносных площадей на Апшероне, особое внимание привлекают к себе новые нефтеносные районы – Майкоп, Тамань, Грозный, Кахетия. Предпринимаются изыскания для строительства железных дорог и их постройка. Наконец, увеличение доходов населения заставило обратить внимание на улучшение курортов.

Все эти практические запросы потребовали расширения работ Геологического комитета на Кавказе. Почти одновременно предпринимаются геологические исследования в нефтеносных районах Кубани (К.И. Богданович, С.И. Черноцкий, а позднее И.М. Губкин и К.А. Прокопов),

на Апшероне (Д.В. Голубятников, П.Е. Воларович, А.Н. Рябинин, а позднее М.В. Абрамович и Н.М. Леднев) и в районе Кавказских минеральных вод.

Кроме самих разведочных работ (бурения и расчисток), основным методом для разрешения вопросов прикладной геологии Геологический комитет считал геологическую съемку и, соответственно, детальное изучение стратиграфии и тектоники. Таким образом, все специальные работы, проводившиеся Геологическим комитетом для выполнения прикладных заданий, не только давали наилучшие практические результаты, но и вносили серьезный вклад в дело изучения геологического строения Кавказа» (Ренгартен, 1953: 97-98).

Из наиболее значимых работ Геологического комитета на Северном Кавказе в это время можно выделить исследовательские работы В.М. Дервиз пятигорских лакколлитов (1905) и Садонского свинцово-цинкового месторождения в 1912–1913 гг., обследование и повышение дебита скважин в районе Кавказских минеральных вод: А.Н. Огильви в Кисловодске (1911), Я.В. Лангвагена в Ессентуках (1908, 1912), Н.Н. Славянова в Железноводске (1913) и Кумагорске (1916). В 1909 г. разворачиваются геологосъемочные работы в Нальчикском районе (В.П. Ренгартен), в 1912 г. – по рекам Аса и Камбилеевка (он же) в ходе подготовки проекта Перевальной железной дороги по маршруту Владикавказ – Тифлис. В 1900-е гг. в южном Дагестане геологическими исследованиями занимался К.И. Богданович, с 1901 г. к работе в нефтеносных районах привлекался А.Н. Рябинин. Он же в 1912 г. продолжал разработку альтернативного маршрута Перевальной железной дороги. И.И. Никшич в 1914–1915 гг. проводил исследования в горной части бассейна реки Белой и в Кубанском крае. В 1910–1917 гг. специальные исследования по геоморфологии и четвертичной истории Кавказа проводил по поручению общества испытателей природы при Харьковском университете А.Л. Рейнгарт.

Все работы по геологической съёмке и картированию центральной части Северо-Кавказского региона проводились под руководством А.П. Герасимова, на личном счету которого, помимо прочего, открытие Малкинского железо-хром-никелевого месторождения (1912), нескольких минеральных источников в районе Кавказских Минеральных Вод, а также целый цикл работ обобщающего характера (Ренгартен, 1953: 105-107).

С началом Первой мировой войны государственное финансирование топографических и геологоразведочных работ сократилось, многие геологи были призваны в армию. Тем не менее, проведённые в эти годы исследования и накопленный опыт позволили наметить будущую программу крупных полевых исследований на Северном Кавказе, которая была реализована уже после 1917 г.

Весной 1917 г. в Геологическом комитете были образованы региональные секции. Кавказская секция, которой руководил А.П. Герасимов, наметила план работ на перспективу. «Было решено начать ряд изысканий горных областей Большого и Малого Кавказа с геологическим картированием более или менее широких полос в одновёрстном масштабе. Осуществление такого плана должно было ускорить составление новой сводной геологической карты Кавказа в масштабе 1 : 1 000 000, а после проведения маршрутов, связывающих пересечения, предполагалось перейти к составлению более подробных карт» (Ренгартен, 1953: 110).

5. Заключение

Таким образом, историю геологических исследований на Северном Кавказе до 1917 г. можно условно разделить на три этапа. Первый – «греческий» – с 1830-х гг. до 1861 г. Его границы обусловлены поисками и попытками разработки серебряно-свинцовых жил греческими переселенцами, обосновавшимися во Владикавказе после Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и занимавшимися прокладкой дорог и строительством каменных зданий в регионе. По архивным данным, с греками достоверно можно связать такие проекты в Осетии, Карачае и Кабарде.

Второй этап – «горная лихорадка» 1861–1901 гг., связанная с началом реформ Александра II, когда начавшаяся промышленная революция в России потребовала новых ресурсов и мест приложения капиталов. С этим периодом связываются многочисленные попытки получения разрешений на геологические изыскания, расширение их географии и попытки привлечения капитала, который, в конце концов, оказывался, как правило, иностранного происхождения.

В 1901 г. начинаются систематические геологические изыскания на Северном Кавказе сотрудниками Геологического комитета при Горном департаменте Министерства государственных имуществ, которые создали условия для создания сплошной геологической карты региона, изучения его архитектоники. Это третий этап геологических изысканий, который существенно расширил понимание геологических процессов, создавших Кавказскую горную систему, и положил начало открытию новых месторождений полезных ископаемых. Данная работа продолжалась вплоть до 1917 г. и далее, когда промежуточные результаты исследований были систематизированы и положены в основу Кавказского тома плана ГОЭЛРО.

6. Благодарности

Авторы статьи выражают признательность Российскому научному фонду и руководству Кабардино-Балкарии за доверие и оказанную финансовую помощь. Исследование, объединившее их

в научной группе и финансируемое в рамках гранта РНФ № 25-28-20355 («История становления и развития горнорудного комплекса в Приэльбрусье (конец XIX – начало XXI вв.): историко-экономические и экологические аспекты»), позволит в течение двух лет воссоздать историческую картину развития горнорудного комплекса в Приэльбрусье, систематизировать данные геологических исследований, проанализировать опыт промышленного освоения полезных ископаемых и выработать принципы дальнейшей работы с учётом современных экологических требований и принципов комплексного развития горных территорий.

Литература

- Бадов, 2012** – Бадов Ч.Р. Русскоязычное население в истории Алагирского серебросвинцового завода (вторая половина XIX века) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25), в 2-х ч. Ч. II. С. 36-40.
- БРЭ, 2014** – Наседкин Е.Н., Разгон В.Н. Откупа / *Большая российская энциклопедия*. Т. 24. М., 2005. 766 с.
- Вестник МГЮА, 2016** – Берг-привилегия 1719 года «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах» // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. №1. С. 154–156.
- Дзуганов, 2022** – Дзуганов Т.А. Из истории горнопромышленного предпринимательства в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX вв. // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2022. №1 (52). С. 13-21.
- Картерон, 1843** – Картерон Г. Геологический отчет о месторождении серебристого свинцового блеска, открытого в Санепе, в Валагерском уезде, в округе Владикавказском // *Горный журнал*. 1843. Ч. I. С. 297-316.
- Кокаева, 2010** – Кокаева А.В. Появление греков на территории Северного Кавказа // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2010. № 1. С. 46-64.
- Кочкаров, 2011** – Кочкаров М. Родной Эльбрусский / Фонд «Эльбрусид». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/poznat/387298/>. (дата обращения: 16.08.2025).
- Крикунова, 1961** – Крикунова Е.О. К истории промышленной разработки минеральных богатств в Кабардино-Балкарии // *Краеведческие записки*. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. Вып. 1. С. 64-74.
- Кузьминов, Абаева, 2021** – Кузьминов П.А., Абаева А.Ш. Опыт строительства общественных колесных дорог в балкарских обществах во второй половине XIX века // *Кавказология*. 2021. № 2. С. 12-39.
- Меллер, 1889** – Меллер В.И. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. Тифлис: Упр. горн. частью Кавк. Края, 1889. 420 с.
- Меллер, 1900** – Меллер В.И. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края / Дополнил и исправил по новейшим сведениям М. Денисов. СПб., 1900. 603 с.
- Муратова, 2019** – Муратова Е.Г. Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // *Кавказология*. 2019. №2. С. 12-36.
- Неклюдов, 2018** – Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX века: от замысла к реализации. СПб.: Нестор-История, 2018. 576 с.
- Неклюдов, 2019** – Неклюдов Е.Г. Создание профессионального горного надзора в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // *Экономическая история*. 2019. № 1. Т. 15. С. 34-45.
- Природные богатства..., 1935** – Природные богатства Северо-Кавказского края. На основе материалов 1-й Северо-Кавказской Краевой Геологической конференции 21-26 марта 1935 г. / Под редакцией Федорова П.Я., Осьмова И.В., Тамбовцева Н.И., Мхитарова Н.К., Аксельрода А.М. М.-Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. 550 с.
- Ренгартен, 1953** – Ренгартен В.П. Работы геологического комитета на Кавказе в начале XX века // *Очерки по истории геологических знаний*. Вып. 2. М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 94-113.
- Русский инвалид, 1851** – Письмо из Алагирского завода / *Русский инвалид*. № 44 от 27.02.1851 г.
- Русско-осетинские отношения..., 1976** – Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. док. в 2-х т. / Сост. М.М. Блиев. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1976. 512 с.
- Саудаханов, 2009** – Саудаханов М.В. Государственная политика России в нефтяной отрасли (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Московского университета МВД России*. 2009. № 5. С. 149-150.
- УЦГА АС КБР** – Управление центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.
- Шумкин, 2022** – Шумкин Г.Н. География горнозаводской промышленности в законодательстве России XIX в. // *Историко-географический журнал*. 2022. Т. 1. № 2. С. 56-78.

References

- Badov, 2012** – Badov, Ch.R. (2012). Russkoyazychnoe naselenie v istorii Alagirskogo serebrosvintsovogo zavoda (vtoraya polovina XIX veka) The Russian-speaking population in the history of

the Alagir Silver and Lead Factory (second half of the 19th century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 11(25). V 2-kh ch. Ch. II. Pp. 36-40. [in Russian]

BRE, 2014 – *Nasedkin, E.N., Razgon, V.N.* (2014). Otkupa [Payoff]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. T. 24. M., 2005. 766 p. [in Russian]

Dzuganov, 2022 – *Dzuganov, T.A.* (2022). Iz istorii gornopromyshlennogo predprinimatel'stva v Kabarde i Balkarii v XIX – nachale XX vv. [From the history of mining entrepreneurship in Kabarda and Balkaria in the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 1(52): 13-21. [in Russian]

Karteron, 1843 – *Karteron, G.* (1843). Geologicheskii otchet o mestorozhdenii serebristogo svintsovogo bleska, otkrytogo v Sanepe, v Valagerskom uezde, v okruge Vladikavkazskom [Geological report on the deposit of silver lead glint discovered in Sanepa, Valaguer County, Vladikavkaz District]. *Gornyi zhurnal*. Ch. I. Pp. 297-316. [in Russian]

Kochkarov, 2011 – *Kochkarov, M.* (2011). Rodnoi El'bruskii [Native Elbrus]. Fond «El'brusoid». [Electronic resource]. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/poznat/387298/> (date of access: 16.08.2025). [in Russian]

Kokaeva, 2010 – *Kokaeva, A.V.* (2010). Poyavlenie grekov na territorii Severnogo Kavkaza [The arrival of the greeks in the North Caucasus]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. 1: 46-64. [in Russian]

Krikunova, 1961 – *Krikunova, E.O.* (1961). K istorii promyshlennoi razrabotki mineral'nykh bogatstv v Kabardino-Balkarii [To the history of industrial development of mineral resources in Kabardino-Balkaria]. *Kraevedcheskie zapiski*. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1: 64-74. [in Russian]

Kuz'minov, Abaeva, 2021 – *Kuz'minov, P.A., Abaeva, A.Sh.* (2021). Opyt stroitel'stva obshchestvennykh kolesnykh dorog v balkarskikh obshchestvakh vo vtoroi polovine XIX veka [The experience of building public wheeled roads in Balkar societies in the second half of the 19th century]. *Kavkazologiya*. 2: 12-39. [in Russian]

Meller, 1889 – *Meller, V.I.* (1889). Poleznye iskopaemye i mineral'nye vody Kavkazskogo kraia [Minerals and mineral waters of the Caucasus region]. Tiflis: Upr. gorn. chast'yu Kavk. Kraia. 420 p. [in Russian]

Meller, 1900 – *Meller, V.I.* (1900). Poleznye iskopaemye i mineral'nye vody Kavkazskogo kraia [Minerals and mineral waters of the Caucasus region]. Dopolnil i ispravil po noveishim svedeniyam M. Denisov. SPb. 603 p. [in Russian]

Muratova, 2019 – *Muratova, E.G.* (2019). Balkarskie gorskie obshchestva v usloviyakh imperskoi modernizatsii Rossii: etnosotsial'naya konsolidatsiya i razvitie [Balkarian mountain societies in the conditions of imperial modernization of Russia: ethnosocial consolidation and development]. *Kavkazologiya*. 2: 12-36. [in Russian]

Neklyudov, 2018 – *Neklyudov, E.G.* (2018). Gornaya reforma v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: ot zamysla k realizatsii [Mountain reform in Russia in the second half of the 19th - beginning of the 20th centuries: from design to implementation]. SPb.: Nestor-Istoriya. 576 p. [in Russian]

Neklyudov, 2019 – *Neklyudov, E.G.* (2019). Sozdanie professional'nogo gornogo nadzora v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The creation of professional mining supervision in the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX centuries]. *Ekonomicheskaya istoriya*. 15(1): 34-45. [in Russian]

Prirodnye bogatstva..., 1935 – Prirodnye bogatstva Severo-Kavkazskogo kraia. Na osnove materialov 1-i Severo-Kavkazskoi Kraevoi Geologicheskoi konferentsii 21-26 marta 1935 g. [Natural resources of the North Caucasus region. Based on the materials of the 1st North Caucasian Regional Geological Conference March 21-26, 1935]. Pod redaktsiei Fedorova P.Ya., Os'mova I.V., Tambovtseva N.I., Mkhitarova N.K., Aksel'roda A.M. M.-Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1935. 550 p. [in Russian]

Rengarten, 1953 – *Rengarten, V.P.* (1953). Raboty geologicheskogo komiteta na Kavkaze v nachale XX veka [Works of the geological committee in the Caucasus at the beginning of the 20th century]. Ocherki po istorii geologicheskikh znaniy. Vyp. 2. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. Pp. 94-113. [in Russian]

Russkii invalid, 1851 – Pis'mo iz Alagirskogo zavoda [Letter from Alagir plant]. *Russkii invalid*. № 44 ot 27.02.1851 g. [in Russian]

Russko-osetinskie otnosheniya..., 1976 – Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. [Russian-Ossetian relations in the XVIII century]. Sb. dok. v 2-kh t. Sost. M.M. Blied. T. 1. Ordzhonikidze: Ir, 1976. 512 p. [in Russian]

Saudakhanov, 2009 – *Saudakhanov, M.V.* (2009). Gosudarstvennaya politika Rossii v neftyanoi otrasli (konets XIX – nachalo XX v.) [State policy of Russia in the oil industry (late XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 5: 149-150. [in Russian]

Shumkin, 2022 – *Shumkin, G.N.* (2022). Geografiya gornozavodskoi promyshlennosti v zakonodatel'stve Rossii XIX v. [Geography of mining industry in the legislation of Russia of the XIX century]. *Istorko-geograficheskii zhurnal*. 1(2): 56-78. [in Russian]

UTsGA AS KBR – Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

Vestnik MGYuA, 2016 – Berg-privilegiya 1719 goda «Ob uchrezhdenii Berg-kollegiuma dlya vedeniya v onom del o rudakh i mineralakh» [Berg Privilege of 1719 “On the Establishment of the Berg Collegium for the Management of Ore and Mineral Resources”]. Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA). 1: 154-156. [in Russian]

К вопросу о геологических работах на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.

Расул С. Гуртуев ^a, Петр А. Кузьминов ^{a, *}, Инал Р. Махов, Эмма Б. Абанокова ^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. Сближение между Россией и народами Северного Кавказа, которое началось в середине XVI в., и их последующее включение в Российскую империю привели к изучению региона с целью интеграции его в российскую административную, юридическую и экономическую систему.

Экономическое развитие Северного Кавказа и его интеграция в российский и глобальный рынки потребовали строительства дорог и укреплений, что, в свою очередь, создало обширную область для деятельности экспертов в области горнодобывающей промышленности, топографов, геодезистов и геологов. Как горный регион, Кавказ привлёк внимание специалистов по геологии и минералогии в рамках поиска металлических руд. Сначала это были «эксперты по руде», в основном иностранного происхождения, но, поскольку территория была исследована, обнаруженные депозиты рассматривались как источник быстрого обогащения для мелких предпринимателей, у которых обычно не было значительных финансовых ресурсов.

Традиционно российское государство не занималось напрямую добычей полезных ископаемых в то время, предпочитая генерировать финансовые доходы посредством взяток, аренды, налогов и так далее. На Кавказе эта политика быстро привела к передаче самых ценных горнодобывающих предприятий в руки иностранного капитала. Этот процесс занял относительно короткое время по историческим стандартам в регионе Северного Кавказа и он относительно хорошо задокументирован. Авторы этой статьи попытались проанализировать и систематизировать доступные источники, что привело к их собственной версии периодизации геологического исследования в регионе в дореволюционный период.

Актуальность исследования обусловлена научным и прикладным интересом к законодательному регулированию различных секторов экономики в Российской империи в последние десятилетия её существования, а также к тенденции возрождённых предприятий, эксплуатирующих некоторые полиметаллические рудные месторождения на Северном Кавказе на современной технической основе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, геологическая разведка, минеральные ресурсы, Спиридон Чекалов, месторождение Садона.

* Корреспондирующий автор

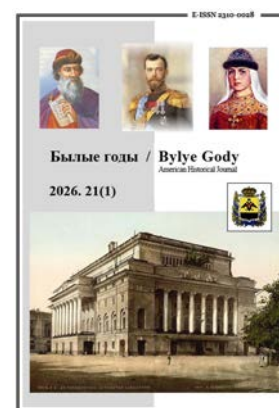
Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 277-286
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.277

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Interaction of Official Medicine of the Russian Empire and Kazakh Steppe Healing in the XIX – the beginning of the XX centuries

Zakish T. Sadvokassova ^{a, *}, Kairtay M. Shegirov ^b,
 Zhumaziya K. Zhumabayeva ^c, Zamzagul B. Baizhumanova ^a

^a Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Independent researcher, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

Traditional healing practices, which existed before the advent of official scientific medicine, are one of the important components of the life of an ethnic group, designed at one time to ensure the survival of both the community as a whole and its individual representatives in particular. Kazakh steppe healing in the XIX – the beginning of the XX centuries is the result of a long process of accumulation, borrowing and transfer to subsequent generations of knowledge about bodily and mental health, ways to preserve and restore it, methods of recognizing and treating diseases, healing properties of medicines of various origins. Sources about the activities of steppe healers were fragmentary references to traditional healing among Kazakhs in essays, notes, diary entries of ethnographers, military men, travelers and missionaries of the 19th century, archival documents, materials of rare library collections. The results of the study were obtained by studying archival and narrative sources, comparative analysis of their content, synthesis of deductive conclusions and inductive conclusions, generalization of the facts. Thus, the basis for the prevention of diseases was the promotion of the health of fellow tribesmen, which was ensured by the traditional way of life, an indispensable component of which was physical activity in the fresh air, including horse riding, as well as the diet of the steppe, due to both the specifics of material production and the harsh continental climate. Based on a critical analysis of the sources, methods of treatment and the remedies used by Kazakh healers, as well as their foundations, are described: knowledge of the healing properties of plants, products and minerals; lessons learned; Tengrianism; Islam; superstitions. Certain methods and means of healing, in particular, koumiss treatment, have been recognized as useful representatives of rational medicine.

Keywords: history, Kazakhs, prevention, diagnosis, methods and means of treatment, Shamans, Kozha, Ishans, Tengrianism, Islam.

1. Введение

Народы Российской империи в процессе своего развития выработали оригинальные практики целительства, направленные на упрочение физического здоровья и, в более широком масштабе, демографических показателей этноса. Основанные на полученных эмпирическим путём знаниях об оздоровительных свойствах природных веществ, а также религиозных верованиях (напр., тенгрианство), данные практики постепенно, под влиянием внешних воздействий и внутренних процессов, приспосабливались к условиям собственной среды обитания. Тем самым здравоохранительные практики органично вплетены в историческую динамику эволюции этносов. Что касается казахов, то они смогли выработать адаптированные к природно-климатическим

* Corresponding author

E-mail addresses: tungatar_k@mail.ru (Z.T. Sadvokassova), shegirovkm@gmail.com (K.M. Shegirov),
zia_88@mail.ru (Z.K. Zhumabayeva), b.zamzagul75@mail.ru (Z.B. Baizhumanova)

условиям Степи способы сохранения и восстановления здоровья, а также перенять и использовать знания, полученные представителями других культур. В статье даётся освещение, на основе письменных свидетельств и нарративных источников, казахской традиционной практики сбережения общественного здоровья в XIX – начале XX в. В данном контексте описаны употреблявшиеся приёмы профилактики заболеваний, прежде всего, инфекционных, равно как методы их диагностики, становление и развитие способов и средств лечения болезней, применение полученных знаний и накопленного опыта в целительской практике степных народов. Характеристике традиционных практик степного целительства, а также социально-культурному процессу их взаимодействия с официальной имперской медициной, посвящено данное исследование.

2. Материалы и методы

Изучение документальных сведений, выявленных в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан), а также из фондов редких книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Казахстан (НБ РК) (Алматы, Республика Казахстан), позволило охарактеризовать в целом практику традиционного целительства в Казахской степи в XIX – начале XX в. В ЦГА РК, в частности, были изучены: Фонд 4 «Областное правление оренбургских киргиз», в котором содержатся документы, связанные с появлением холеры, мерами предотвращения заразных болезней и борьбой с эпидемией оспы в Казахской степи; Фонд 345 «Областное Управление Сибирскими Киргизами Министерства Внутренних Дел», где в отчётах отложились сведения о состоянии охраны «народного здравия» в области Сибирских Киргиз (казахов – *Прим. авт.*) за 1858 и 1862 г. и др. Зафиксированные в документах факты указывают на совместную борьбу с инфекционными заболеваниями как со стороны администрации, так и представителей казахского сообщества. На основе изучения содержания этих и других архивных материалов выявлены случаи интеракций, иными словами – взаимодополняющей практики: когда усилия народного целительства сочетались с мерами со стороны имперской системы здравоохранения. Последняя, между тем, вовсе не исключала признание действенности методов традиционного казахского целительства и использование их на практике. В качестве источников были также использованы данные периодической печати, такие как «Киргизская степная газета», «Тургайская газета» рубежа XIX–XX столетий.

Результаты проведённого изыскания получены на основе системного подхода с применением общенаучных методов: дедукции и индукции, анализа и синтеза, аналогии, сравнения и обобщения. Основными из использованных научных методов при проведении исследования являются анализ и синтез, сравнение и сопоставление содержания архивных и нарративных источников. В процессе идентификации, критического отбора и изучения источников применялся метод историзма, позволивший рассматривать казахское традиционное целительство в XIX – начале XX в. как итог многовековой обработки полезной информации и знаний о свойствах окружающей среды (фауны, флоры). Методы социально-гуманитарных наук, таких как история, этнология, антропология и других, позволяют выделить, к примеру, мифологические и мистические представления о целительстве, религиозные убеждения и т. д.

3. Обсуждение

Казахская народная медицина (целительство) в прошлом не исследовалась как целостное явление: либо рассматривалась весьма критически, а, значит, односторонне, либо предметом изучения становились отдельные категории целителей или конкретные персоналии. В целом, историографию вопроса отличает фрагментарность.

Если погрузиться в прошлое, то степная традиционная практика целительства развивалась в условиях постоянных контактов с ближайшими соседями и более отдалёнными сообществами. По соединявшему страны и народы Великому шёлковому пути перемещались не только купцы и их товары; в процессе общения широко распространялись знания, идеи, правдивые рассказы и небылицы. Благодаря интенсивному взаимодействию в Центральную Азию проникали элементы традиций, сложившихся в арабской, греческой, персидской и китайской цивилизациях. Труды Авиценны (Абу Али ибн Сина; 980–1037), известные в Центральной Азии, прежде всего «Канон врачебной медицины», оказали существенное влияние на систематизацию знаний о болезнях и путях их лечения. Безусловно, отражение влияния канонических рецептов Авиценны прослеживается в записках путешественников по Средней и Центральной Азии. С проникновением в пределы Степи имперской политической и административной системы управления, расширением спектра экономических отношений, активным проникновением новых элементов в сфере культуры, прежде всего образования и религии, стала складываться историография темы. Соответственно, сложившаяся в XIX в. традиционная практика народной медицины в Казахстане нашла отражение в трудах А. Ягмина (*Ягмин, 1845*), П.И. Небольсина (*Небольсин, 1851*), М.Н. Ястребова (*Ястребов, 1851*), В.А. Потто (*Потто, 1877*), А.Н. Краснова (*Краснов, 1887*), В.В. Радлова (см. *Радлов, 1989*) и других. Одним из тех, кто изучал верования казахов и деятельность народных лекарей среднеазиатского

региона, в XIX в. был выпускник Казанского университета Абубакир Диваев, этнический башкир, профессор, специализировавшийся как этнограф, фольклорист и просветитель (Диваев, 1899).

Среди категорий казахских целителей особое место занимали баксы (бахши). Штаб-лекарь Санкт-Петербургской академии Альфонс Ягмин отмечал, что многие болезни бахши приписывают присутствию и игре злого духа в больном теле, представляют себя людьми, имеющими власть над злым духом, посредством разных магических жестикуляций... Бахши берёт больного за руку, щупает пульс и, без расспроса, возвышенным голосом, рассказывает сам все признаки болезни (Ягмин, 1845: 43). Автор исторических и этнографических материалов Матвей Никифорович Ястребов выделял среди баксы следующие специализации: жаурыншы – гадатели по бараньим лопаткам; жулдызшы – астрологи, «они заслуживают полного внимания по своим астрономическим сведениям»; даригер – «лекарь-аллопат. Система его лечения в хронических и острых болезнях основана на ботанических и химических познаниях» (Ястребов, 1851). Этнограф, историк Павел Иванович Небольсин правдиво описал, пусть даже и не в самых комплиментарных выражениях, как под аккомпанемент мелодии на кобызе один из баксы «выделял следующие штуки»: становился голой ступней на острую саблю и держался на ней несколько секунд, ходил по горячим углям; другой же лизал раскалённую полосу железа и затем, схватив её зубами, бегал с ней некоторое время (Небольсин, 1851).

Краткое изложение тенгрианства, а также подробное описание жертвоприношения лошади и процесса камлания шамана (кам по-тюркски – шаман) даны известным востоковедом-тюркологом В.В. Радловым в главе «Шаманство и его культ» (Радлов, 1989: 355-409). Способности к шаманству, сила и искусство шамана передавались по наследству. Культуролог и философ Зира Наурзбаева считает, что экспликация бытующих в шаманской культуре верований о шаманском избранничестве, шаманской болезни-смерти показывает, что в основе шаманства лежит представление об обращённом, из иного мира в этот, механизме жертвоприношения (Наурзбаева, 2021: 678-679). Философская интерпретация магических действий бахсы, несомненно, представляет познавательный интерес; вместе с тем, данный автор в меньшей степени останавливается на практике исцеления и эффективности магических пассов бахсы. Существование у казахов многих запретов зачастую было связано с внешним сходством каких-либо действий, совершаемых при тех или иных обрядах или ритуалах, в том числе при камлании бахсы. В частности, бытует до настоящего времени табу «айнал-ма!» – это запрет, прежде всего, детям кружиться вокруг себя или кого-либо, из опасения переноса на ребёнка болезней (Дарибаева и др., 2021: 96-98). Интересно отметить, что «зикр», или вращение, имело сакральное значение и в практике суфиев – адептов философского течения в исламе в пределах российской Центральной Азии.

Резюмируя обзор историографии, следует отметить, что на новой методологической основе она лишь начинает складываться и преимущественно разрабатывается в русле этнографии, истории и, в меньшей степени, культурной антропологии.

4. Результаты

Каким образом в прошлом россиянам становился известен загадочный пласт целительства у инородцев, зачастую без применения лекарств? Прежде всего, о методах степных врачей в XIX в. россияне узнавали из газет, поскольку в них печатались разные занимательные истории. К примеру, «Тургайская газета», выходившая в Оренбурге, к концу века и в начале XX столетия широко пропагандировала официальную медицину. Это было обусловлено распространением инфекционных опасных заболеваний, в связи с чем работала высочайше утверждённая противочумная комиссия; от имени комиссии в газете печатались объявления о мерах профилактики и борьбы с чумой. Параллельно с официальными объявлениями, пресса охотно размещала критические статьи в рубрике «Из мира киргизских суеверий». Одна из них называлась «Бакса» /искажённое от слова баксы/ (Алекторов, 1900: 2-3). То была перепечатка статьи этнографа А.Е. Алекторова из «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете» (том XVI, выпуск I). Алекторов весьма критически оценивал эффективность целителей, однако он подробно воспроизвёл рассказ одного из них – Суйменбая – о том, что он потомственный целитель в третьем поколении. Суйменбай не расставался с кобызом и повелевал, с его слов, несколькими джиннами, своими невидимыми слугами, обладавшими сверхъестественными способностями.

В отличие от «Тургайской газеты», стиль подачи информации о казахских целителях в другом печатном издании – «Киргизской степной газете» – был не столь осуждающим, а скорее ознакомительным. Данная газета выходила в Омске, как приложение к «Акмолинским и Семипалатинским областным ведомостям». В редакции этой газеты трудились представители казахской интеллигенции, например, О. Альжанов, которые более снисходительно относились к методам народной медицины. Тем не менее Альжанов Отыншы публиковал отдельные заметки с критической ноткой, к примеру, одна из его корреспонденций называлась «Баксы и дуаны» (искажённое от каз. «дуана» – колдун) и увидела свет в 1894 г. (Альжанов, 1894). Другая его публикация под названием «О суеверных обрядах у киргизов во время эпизоотий» вышла в следующем году (Альжанов, 1895). Информационный тематический ряд о народных традициях был

вызван к жизни интересом к этнографии, быту степных народов в начале XX столетия. Так, он пополнился в 1900 г. корреспонденцией Алихана Букейханова «О киргизских поминках» (Букейханов, 1900).

Встречались и негативные оценки представителей народной медицины, порождённые недоброкачественной практикой отдельных самозванных целителей. В апреле того же, 1900 г., за нерасшифрованной подписью И.К. С-н, вышла заметка «Степная киргизская медицина» (С-н, 1900). Автор разоблачал шарлатанства, которые производились над доверчивыми казахами теми, кто объявлял себя целителями и к тому же брал с них мзду. Среди авторов были и казахи. Так, увидела свет статья «Произвол степного баксы (из моих воспоминаний)» С. Исенгильдина (Исенгильдин, 1904а, 1904б), опубликованная в двух номерах «Тургайской газеты». В действительности же, в отличие от шарлатанов, потомственные целители: ахуны, аулие и ишаны воздерживались просить оплату за лечение, поскольку опасались, что дар, ниспосланный им Всевышним, после получения мзды, исчезнет, а сами они будут наказаны.

Отметим, что специализацией ишанов было изгнание джинна (каз. жың) – образ, с которым ассоциировалась болезнь, обычно психического свойства. Другая категория практиковавших целителей (кожа) специализировалась на проведении небольших хирургических операций. Третья категория, очень распространённая в Степи, сыныкшы, занималась костоправством.

Профилактика заболеваний является важнейшей составляющей сбережения здоровья сообщества. В отношении коренного населения Казахской степи к факторам, способствовавшим предотвращению заболеваний, а также сохранению здоровья и его укреплению, относились ключевые составляющие образа жизни и способа хозяйствования казахов. Во-первых, обособленность небольших по численности аулов во время их кочёвок из кыстау (зимних стоянок) на джайляу (летние стоянки) и обратно естественным образом препятствовала распространению заразных болезней. В то же время казахам приходилось сталкиваться с эпидемиями таких болезней, как чума, оспа, холера, тиф, проказа. При возникновении очага болезни её старались локализовать. К примеру, заболевшего чумой содержали в отдельном жилище, над юртой водружался чёрный или красный лоскут, предупреждая об опасности. Еду больному передавали, привязав её к длинной палке. Такой аул не мог принимать гостей, о состоянии больного аулчане и родственники справлялись, подходя к жилищу с наветренной стороны. В случае смерти больного вместе с ним сжигались его одежда и вся домашняя утварь (Джумагалиева и др., 2020: 120). В данном случае степняками соблюдались исключительные меры санитарно-гигиенического характера.

При обычном для того времени образе жизни казахов взрослые и дети большую часть времени проводили на свежем воздухе, активно при этом двигаясь, будь то занятия по хозяйству или подвижные игры. Как отмечал генерал-лейтенант российской армии, военный историк В.А. Потто, «к холоду казахи так же привычны, как и к жаре..., дети трех-четырехлетнего возраста при двадцатиградусном морозе свободно бегают вокруг кибиток, босые и в одних рубашонках» (Потто, 1877: 155). Закаливание как метод между тем не использовалось целителями: напротив, чтобы выгнать холод из тела, традиционно они рекомендовали употреблять бульоны, баранье мясо, курдюк (Колосов, 1903: 73).

В традиционной целительской практике в качестве средства исцеления и укрепления иммунитета использовался кумыс – кобылье молоко, об этом сообщали многочисленные источники (см. Даль, 1843: 138-145). Данные сообщения указывают на осведомлённость практикующих целителей о полезных свойствах данного молочного напитка. Дозы и порядок употребления кумыса определялись индивидуально для каждого больного, в зависимости от его возраста и заболевания. Кумысолечение было постепенно признано официальной медициной; кумысолечебницы открывались в степных локациях, их услугами пользовались даже царственные особы. Кумыс как лечебное средство широко употреблялся военными и гражданскими чинами, переселенцами и ссыльными. Российские врачи подтверждали, что кумыс, употреблённый на месте приготовления, может принести пользу (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 650. Л. 106.–2).

Диагностика среди степных целителей славилась эффективным обнаружением и толкованием признаков заболевания. Искусные целители могли ставить точный диагноз, исходя из наблюдаемых симптомов болезни, а также по пульсу больного. Данный способ был широко распространён в Средней Азии благодаря изысканиям средневекового учёного Авиценны и переводам его трудов на языки народов региона.

Зарождение и выявление целительских способностей казахи называют «қасиет қонған» (обретение качеств целителя), когда в преимущественно малолетнем или подростковом возрасте проявляются особенности индивида. Окружающие замечали такие проявления, как эмпатия, неожиданные проявления способностей к целительству, близость к природе и т. п. То есть, ещё до специального обучения, индивид начинал облегчать боль у других, видел вещие сны, предугадывал события и т. д. Обладавших такими способностями стремились по возможности направить на учёбу в медресе, чтобы проявленные качества не угасли, а развивались, и по возвращении данный человек мог принести больше пользы окружающим. Тем самым реализовалась бы потребность сообщества в целителе. Встречались, но реже, случаи «аянмен айтылған» – когда к человеку информация о его

способностях к целительству приходила во сне: некий старец либо покойный дед/прадед передавал ему некий знак (книгу, перо, чётки и т. д.), возвещая и наделяя его своими сверхъестественными способностями. Впоследствии человек, увидевший во сне «аян» такого свойства, должен был настроиться на получение новых знаний, вести примерный образ жизни и полностью себя посвятить исполнению «вещего» сна. Среди жителей бытовало суждение, что тот, кто ослушивается «аяна», тот сильно будет страдать, болеть, пока не переосмыслит своё предназначение.

Среди применяемых для лечения средств значительное место занимали лекарственные травы. В этом наблюдается общность в способах лечения разных народов Евразии, близость к природе и умение систематизировать знания и передавать их из поколения в поколение. Российский этнограф Андрей Николаевич Краснов (1862–1914), посетив Семиречье, отмечал, что казахские целители имеют обширные сведения в деле распознавания степных и горных трав, как полезных, так и вредных для людей и скота (Краснов, 1887: 30).

Для лечения болезней глаз применялись различные средства. Из них имеющих (иногда частично) магическое основание, было несколько: примочки для глаз с помощью зям-зам су – воды из священного города Мекки или водой, наговоренной муллами; для удаления бельма – привязывали смесь растопленного рыбьего жира и толчёной в мелкий порошок жемчужины; для тёплых влажных компрессов – прикладывали печени свежезарезанного барана, мелких кусочков сваренных почек барана (Народные способы, 1901b).

Для лечения головной боли описаны были свыше 10 способов, из которых наиболее распространёнными у казахов считались: заговор с обёртыванием в девять слоёв одежды; заворачивание в шкуру свежезарезанного барана и др. (Народные способы..., 1901c). Описаны в дореволюционной прессе способы лечения болезней зубов у казахов. Так, применялись пары от насыпанных на угли семян чёрной белены – для окулирования полости рта; также рекомендовались гвоздика и её масло; солевые растворы (Народные способы..., 1901c). Для обезболивания применяли растирание скипидаром, смазывание горячим лошадиным салом, подвязывание сделанных из кожи мешков, припарки из тёплого овечьего сала, прикладывание горячего хлеба собственного приготовления, признанные врачом средствами, успокаивающими боль (Народные способы..., 1901d).

При исцелении больных, пострадавших от огня и получивших обширные ожоги, для уменьшения боли прикладывали сырую охру или белую глину, мел или известковый камень. Обожжённое место присыпали средством из растёртого обуглившегося бараньего или козьего помёта, смазывали кислым молоком. С этой же целью могли употреблять верблюжье молоко, прокипячённое до густоты. То есть приведённые рецепты были основаны на знании свойств доступных в хозяйстве казахов продуктов, природных веществ (Народные способы..., 1901e). Публикации подобного рода, с одной стороны, критиковали казавшиеся абсурдными способы целительства у степняков, с другой – сохранили информацию об этих методах. Рациональная медицина в определённой степени могла прислушаться к мнению журналистов «Тургайской газеты» и их источников-респондентов. Специалисты, к которым обратилась редакция, подтвердили, что казахские целители правильно употребляли красную глину – хорошее кровоостанавливающее средство. То, что они варили смесь: 6 золотников воска, полфунта конопляного масла, осьмушка фунта канифоли и мазь накладывали до заживления, также признавалось в публикации верным (Народные способы..., 1901e). Таким образом, пресса способствовала популяризации народной степной медицины; создан был информационный источник для сближения методов целительства казахов с официальной медициной. Данный факт свидетельствует о наличии в то время и рационального подхода к формированию знаний о недостаточно познанной на тот момент культуре степного целительства.

Большинство из рассмотренных способов, предполагавших жертвоприношение домашних или диких животных, включавших различные заклинания и заговоры, якобы изгонявших или переводивших болезнь на других людей или животных, имеют магические основания тенгрианского происхождения. Некоторые способы, применявшиеся ишанами и кожа, были основаны на вере в Аллаха. Отдельные приёмы исходили из суеверных представлений, не связанных напрямую с тенгрианством и исламом.

При появлении и распространении инфекционных заболеваний военно-гражданской администрацией принимались в первую очередь меры осведомительного и ограничительного характера – сбор сведений в интересах отслеживания ситуации, введение санитарного контроля на морской и сухопутной границах. Для своевременного принятия решений и реализации мер при возникновении кризисной ситуации военному губернатору предоставлялись дополнительные полномочия и вменялись необходимые обязанности (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3457. Л. 50б.–80б.).

О том, что основной мерой при появлении инфекции являлось прерывание путей заражения болезнью, свидетельствуют материалы дела о борьбе с эпидемией оспы в Казахской степи: «оспа ... удерживается в распространении своем преимущественно прекращением сообщений между зараженными ею и здоровыми» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3477. Л. 10б.). В переписке о появлении холеры в Казахской степи на основе слухов сообщалось об откочёвке многих казахских аулов за Эмбу «в надежде избавиться от болезни, свирепствовавшей на людях и что смертность в них весьма велика», а также, что имеется болезнь, «похожая на заразительную, от которой киргизов немало

померло, а другие, опасаясь её, убегают и режут в жертву скот» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1438. Л. 5–50б.). Было предписано послать чиновника для удостоверения на месте; командирован коллежский регистратор Антов (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1438. Л. 60б.–7).

О проявлениях реального взаимодействия традиционной степной и официальной медицины свидетельствуют источники. В 1901 г. редакция «Тургайской газеты», выходявшей в качестве неофициальной части «Тургайских областных ведомостей», опубликовала в нескольких номерах серию статей под общим заголовком «Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области». Во вступительной статье разъяснялась цель публикаций: 1) показать, к чему казахи пришли в борьбе с болезнями самостоятельно, и 2) систематизировать сведения, чтобы определить, какие из народных способов лечения меньше используются казахами, а какие – остаются в силе даже под влиянием правительственной медицинской помощи (Народные способы..., 1901а: 2).

Способы и средства лечения болезней под обобщёнными названиями, перечисленными в алфавитном порядке, представлены в статьях с указанием волости и фамилий тех, кто прислал эти сведения. Материалы собирались и были присланы волостными писарями, жившими долгое время среди казахов, а также самими казахами, получившими русское образование. Приведённые способы и средства лечения сопровождалась комментариями врача – представителя рациональной медицины (Народные способы..., 1901а: 2).

Популяризация народного целительства посредством прессы была безусловно прогрессивным явлением; за ним стояли передовые врачи и демократически настроенные редакторы провинциальных газет. Однако публикации эти констатировали и другой, менее заметный процесс: в течение рассматриваемого периода происходило постепенное вытеснение традиционного целительства рациональной (научной) медициной. Государственные структуры были заинтересованы в том, чтобы коренное население становилось на учёт в лечебницы, а не обращалось к «знахарям». Учёт рождаемости, численности населения, смертности и характерных заболеваний мог дать необходимую статистику, которая, в свою очередь, бралась бы в основу налогообложения подданных. Эти и другие причины вызвали постепенный исход целителей в сторону южных границ Степи.

Как правило, в степных областях определённое взаимодействие рациональной и народной медицины происходило по мере распространения влияния управленческих институтов империи. Казахское население включалось в сферу деятельности субсидированной правительством медицины во второй половине XIX в., когда степные регионы оказались в зоне распространения оспы. О своём желании оказать посильную медицинскую помощь казахам Оренбургской области указывал в рапорте Председателю Оренбургской Пограничной Комиссии генерал-майору Ладыженскому лекарь Майдель. Он готов был выехать в аулы, чтобы диагностировать больных, затем высылать им лекарства и дать советы для лечения (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3473. Л. 1).

Что характерно, оспопрививанием тогда были охвачены не только дети переселенцев, но и казахские дети. Об этом сообщалось в Отчёте Области Сибирских Киргизов за 1858 г., в частности о том, что привита оспа 824 казахским детям (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 668. Л. 160б.–17). В следующем, 1859 г., в Кокчетавском округе были привиты 494 мальчика и 430 девочек среди мусульман, причём процедура была засвидетельствована несколькими представителями казахов во главе со старшим султаном, чингизидом в звании полковника Чингизом Валихановым (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 666. Л. 28). Авторитет султана Ч. Валиханова безусловно оказывал воздействие на местных жителей, чтобы они доверяли лекарям. Сообщения об оспопрививании казахского населения в регионах южнее Кокшетауского округа, например, в Атбасарском, датируются более поздними сроками (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 765. Л. 1740б.–175).

К началу XX в. взаимодействие официальных врачей со степными целителями перешло в качественно новую стадию, а именно: популяризацию некоторых методов казахской народной медицины посредством периодической печати. Заблаговременно опрошенные респонденты из числа уездных врачей и их помощников поставляли искомые сведения для публикации. В числе других, в газете приводился следующий рецепт при исцелении ожоговых рубцов: смазывание коровьим маслом, ставшим желтовато-зеленым после кипячения в нём разрезанного на мелкие куски корня «дженгиля» (шенгел, чингиль – степное растение), прикладывание сала с брюшины только что зарезанного козла; прикладывание зелени с поверхности озера, прокипячённой в сале (Народные способы..., 1901е). Неудивительно, что многовековой опыт казахского народного целительства, основанный на наблюдательности и усвоении целебных свойств растений, природных материалов и продуктов домашнего животноводства, был учтён в официальной медицине и частично применялся.

Исследование вопроса о казахских степных целителях распространяется и на терминологию. К примеру, небезынтересно, как сами казахи именовали целителей? Ответ на этот вопрос выявляет интересные нюансы, поскольку на обширном степном пространстве сосуществовали представители разных «школ», в том числе выпускники среднеазиатских медресе, наряду с самородками, не имевшими специального образования и практиковавшими в силу проницательности и желания оказать помощь страждущим. Что интересно, ближе к южным границам Степи, приближенным к среднеазиатским медресе Хивы и Бухары, эволюционировало само обозначение целителей. Причина

кроется в распространении на юге персидских и арабских слов и тех дефиниций, которые были в обиходе в Средней Азии, Афганистане и Персии. Если на севере, равно как в сопредельных областях Западной Сибири, Монголии, среди казахского населения их называли «емші», «тәуіп», то в центральном и южном регионах Степи их именовали «ишаны». Например, обучавшийся в Бухаре Марал ишан (1780–1841) обладал признанными большинством его окружения качествами целителя, такими как: массовый гипноз, излечение эпилепсии и т. д. (Mukanova et al., 2025: 95, 97). В зависимости от тех болезней, которыми занимался целитель, его могли называть «сыныкшы» – костоправ, или тот, кто занимался опорно-двигательным аппаратом; «болжаушы» – человек, умевший предсказать определённые события; «суликши» – умевший ставить пиявки для исцеления, и проч.

Одной из сторон взаимодействия традиционной практики целительства и официальной медицины являлось признание целебных свойств растений и продуктов, успешно применявшихся казахскими целителями. Соцветия дармине (цитварной полыни), мия (солодка), кылша (эфедра), кымыздық (почечуйная трава), карандыз (девясил), а также многие другие средства растительного и животного происхождения, официальной медициной уже на рубеже XX столетия были признаны полезными. Собственно, это сближало в определённой степени казахских и российских врачей-целителей, совместно искавших и находивших средства облегчить боли и страдания заболевших. Поскольку местные знахари были знатоками степной флоры, к их методам внимательно присматривались врачи, имевшие дипломы российских университетов. В то же время модернизация социальных условий диктовала внедрение прогрессивных способов хирургии и родовспоможения, что породило спрос на стационарную медпомощь. Эти моменты отражены в статье казаха Е. Кабекеева «Наши нужды в медицинской помощи», в которой автор сетовал на отсутствие акушерской помощи у степняков (Кабекеев, 1896).

5. Заключение

Изучение традиционной практики целительства, значимой компоненты жизнедеятельности казахского сообщества, компактно проживавшего на протяжении веков в условиях степи и определённого климата, показало, что рассматриваемая подсистема обеспечивала сохранность данного социума. Состояние казахского целительства в XIX – начале XX в. есть результат длительной эволюции исследуемой сферы. Региональные особенности Степного края получили отражение в практике целителей и их способах лечения болезней и применявшихся средств. С учётом однородности рассматриваемого объекта и при наличии интенсивных коммуникаций между регионами Степи логично предполагать, что данная практика была распространена повсеместно, с небольшими отличиями в регионах. Контент-анализ описанных способов и средств целительства позволил выявить происхождение так называемых магических оснований: суеверий или веры в целебные свойства применяемых средств и проч. В течение обозначенного хронологического периода происходило некоторое снижение роли и активности народных целителей, оттеснение их на периферию ареала обитания этноса. Имели место факты сосуществования степного целительства, с одной стороны, и системы имперского здравоохранения, с другой. Периодическая печать России в конце XIX – начале XX в. совсем не случайно выделяла газетные площади для публикации тематических материалов, проявив интерес к степному целительству. Таким образом, степное целительство – это целостная совокупность, включающая профилактику заболеваний, их диагностику, лечение болезней с помощью различных способов и лекарственных средств, а также последующую реабилитацию; стратегия и тактика выживания народа в конкретном географическом ландшафте; результат развития изучаемой сферы на протяжении предшествующих столетий, а также один из аспектов взаимодействия с имперской официальной медициной.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования КН МНВО РК. ИРН АР26197075 «История целительства и народной медицины в Казахстане (XIX – начало XX веков)».

Литература

- Алекторов, 1900 – Алекторов А.Е. Бакса // *Тургайская газета*. 1900. № 4. С. 2-3.
 Альжанов, 1894 – Альжанов О. Баксы и дуаны // *Киргизская степная газета*. 1894. № 36. С. 3-4.
 Альжанов, 1895 – Альжанов О. О суеверных обрядах у киргизов во время эпизоотий // *Киргизская степная газета*. 1895. № 48. С. 2.
 Букейханов, 1900 – Букейханов А. О киргизских поминках // *Киргизская степная газета*. 1900. № 7. С. 1-2.
 Даль, 1843 – Даль В.И. О целебности кумыса // *Журнал Министерства внутренних дел*. Кн. 1. 1843. С. 138-145.
 Дарибаева и др., 2021 – Дарибаева А.А., Танабаева Г.У., Шукурова М.Б., Корманбаева М.Ж. Эмоциональные концепты: «айналайын», «карағым», «қалқам» в казахской лингвокультуре /

Достижения вузовской науки: сборник статей XVIII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2021. С. 96-98.

[Джумагалиева и др., 2020](#) – Джумагалиева К., Сармурзина Н., Кайргалиева Г. История традиционной медицины казахского народа // *Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки*. 2020. № 1 (5). С. 117-126.

[Диваев, 1899](#) – Диваев А.А. Из области киргизских верований: Баксы как лекарь и колдун: (Этнографический очерк). Казань, 1899. 38 с.

[Исенгильдин, 1904a](#) – Исенгильдин С. Произвол степного баксы (из моих воспоминаний) // *Тургайская газета*. 1904. № 10.

[Исенгильдин, 1904b](#) – Исенгильдин С. Произвол степного баксы (из моих воспоминаний) // *Тургайская газета*. 1904. № 11.

[Кабекеев, 1896](#) – Кабекеев Е. Наши нужды в медицинской помощи // *Киргизская степная газета*. 1896. № 30. С. 3-4.

[Колосов, 1903](#) – Колосов Г.А. Медицинская помощь инородцам Туркестана и их отношение к русским врачам // *Труды Антропологического общества при Военно-медицинской академии*. СПб., 1903. С. 61-127.

[Краснов, 1887](#) – Краснов А.Н. Очерк быта семиреchenских киргиз. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 46 с.

[Народные способы..., 1901a](#) – Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области // *Тургайская газета*. 1901. №4. С. 2.

[Народные способы..., 1901b](#) – Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области // *Тургайская газета*. 1901. №5. С. 2-5.

[Народные способы..., 1901c](#) – Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области // *Тургайская газета*. 1901. №6. С. 2-6.

[Народные способы..., 1901d](#) – Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области // *Тургайская газета*. 1901. №8. С. 2-3.

[Народные способы..., 1901e](#) – Народные способы и средства, употребляемые при лечении болезней киргизами Тургайской области // *Тургайская газета*. 1901. №13. С. 2-4.

[Наурызбаева, 2021](#) – Наурызбаева З. Вечное небо казахов. Алматы: «OTUKEN», 2021. 720 с.

[Небольсин, 1851](#) – Небольсин П. Киргизские врачи и чародеи // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. СПб., 1851. Т. ХСІ. № 363. С. 340-348.

[Потто, 1877](#) – Потто В.А. Из путевых заметок по степи // *Военный сборник*. 1877. № 11. С. 153-172.

[Радлов, 1989](#) – Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

[С-н, 1894](#) – С-н И.К. Степная киргизская медицина // *Киргизская степная газета*. 1894. № 16. С. 2.

[ЦГА РК](#) – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.

[Ягмин, 1845](#) – Ягмин А. Киргиз-Кайсацкие степи и их жители. СПб.: Типография Карла Крайя, 1845. 101 с.

[Ястребов, 1851](#) – Ястребов М.Н. Киргизские шаманы. Отрывок из записной книжки // *Москвитянин*. М., 1851. Кн. 2. № 8.

[Mukanova et al., 2025](#) – Mukanova G., Zhumatay S., Sarsembina K., Syzdykov S. Orenburg Kazakhs of the Eastern part and Imperial Services: The Specifics of Kazakh-Russian Contacts in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 91-102.

References

[Alektorov, 1900](#) – Alektorov, A.E. (1900). Baksa [Bucksa]. *Turgaiskaya gazeta*. 4: 2-3. [in Russian]

[Al'zhanov, 1894](#) – Al'zhanov, O. (1894). Baksy i duany [Bucks and duans]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 36: 3-4. [in Russian]

[Al'zhanov, 1895](#) – Al'zhanov, O. (1895). O suevernykh obryadakh u kirgizov vo vremya epizootii [On superstitious rites among the Kyrgyz during epizootics]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 48: 2. [in Russian]

[Bukeikhanov, 1900](#) – Bukeikhanov, A. (1900). O kirgizskikh pominkakh [On Kyrgyz commemoration]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 7: 1-2. [in Russian]

[Dal', 1843](#) – Dal', V.I. (1843). O tselebnosti kumysa [On the medicinal properties of Kumis]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. Kn. 1. Pp. 138-145. [in Russian]

[Daribaeva i dr., 2021](#) – Daribaeva, A.A., Tanabaeva, G.U., Shukurova, M.B., Korganbaeva, M.Zh. (2021). Emotsional'nye kontsepty: «ainalaiyn», «karayym», «kalkam» v kazakhskoi lingvokul'ture [Emotional Concepts: “Aynalayyn”, “Karagym”, and “Kalkam” in the Kazakh linguistic culture]. *Dostizheniya vuzovskoi nauki: sbornik statei XVIII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa*. Penza: MTsNS «Наука и Prosveshchenie». Pp. 96-98. [in Russian]

[Divae, 1899](#) – Divaev, A.A. (1899). Iz oblasti kirgizskikh verovaniy: Baksy kak lekar' i koldun: (Etnograficheskii ocherk) [From the field of Kyrgyz beliefs: Baksy as a healer and sorcerer: (An ethnographic essay)]. Kazan'. 38 p. [in Russian]

- [Dzhumagalieva i dr., 2020](#) – Dzhumagalieva, K., Sarmurzina, N., Kairgalieva, G. (2020). Istoriya traditsionnoi meditsiny kazakhskogo naroda [The history of traditional medicine of the Kazakh people]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki*. 1(5): 117-126. [in Russian]
- [Isengil'din, 1904a](#) – Isengil'din, S. (1904). Proizvol stepnogo baksy (iz moikh vospominanii) [Arbitrariness of the steppe bucks (from my memories)]. *Turgaiskaya gazeta*. 10. [in Russian]
- [Isengil'din, 1904b](#) – Isengil'din, S. (1904). Proizvol stepnogo baksy (iz moikh vospominanii) [Arbitrariness of the steppe bucks (from my memories)]. *Turgaiskaya gazeta*. 11. [in Russian]
- [Kabekeev, 1896](#) – Kabekeev, E. (1896). Nashi nuzhdy v meditsinskoi pomoshchi [Our needs for medical care]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 30: 3-4. [in Russian]
- [Kolosov, 1903](#) – Kolosov, G.A. (1903). Meditsinskaya pomoshch' inorodtsam Turkestana i ikh otnoshenie k russkim vracham [Medical assistance to the indigenous peoples of turkestan and their attitude towards Russian doctors]. *Trudy Antropologicheskogo obshchestva pri Voенno-meditsinskoi akademii*. SPb. Pp. 61-127. [in Russian]
- [Krasnov, 1887](#) – Krasnov, A.N. (1887). Ocherk byta semirechenskikh Kirgiz [Essay on the life of the Semirechensk Kirghiz]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina. 46 p. [in Russian]
- [Mukanova et al., 2025](#) – Mukanova, G., Zhumatay, S., Sarsembina, K., Syzdykov, S. (2025). Orenburg Kazakhs of the Eastern part and Imperial Services: The Specifics of Kazakh-Russian Contacts in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 20(1): 91-102.
- [Narodnye sposoby..., 1901a](#) – Narodnye sposoby i sredstva, upotrebyaemye pri lechenii boleznei kirgizami Turgaiskoi oblasti [Folk methods and means used in the treatment of diseases by the Kyrgyz of the Turgai region]. *Turgaiskaya gazeta*. 1901. 4: 2. [in Russian]
- [Narodnye sposoby..., 1901b](#) – Narodnye sposoby i sredstva, upotrebyaemye pri lechenii boleznei kirgizami Turgaiskoi oblasti [Folk methods and means used in the treatment of diseases by the Kyrgyz of the Turgai region]. *Turgaiskaya gazeta*. 1901. 5: 2-5. [in Russian]
- [Narodnye sposoby..., 1901c](#) – Narodnye sposoby i sredstva, upotrebyaemye pri lechenii boleznei kirgizami Turgaiskoi oblasti [Folk methods and means used in the treatment of diseases by the Kyrgyz of the Turgai region]. *Turgaiskaya gazeta*. 1901. 6: 2-6. [in Russian]
- [Narodnye sposoby..., 1901d](#) – Narodnye sposoby i sredstva, upotrebyaemye pri lechenii boleznei kirgizami Turgaiskoi oblasti [Folk methods and means used in the treatment of diseases by the Kyrgyz of the Turgai region]. *Turgaiskaya gazeta*. 1901. 8: 2-3. [in Russian]
- [Narodnye sposoby..., 1901e](#) – Narodnye sposoby i sredstva, upotrebyaemye pri lechenii boleznei kirgizami Turgaiskoi oblasti [Folk methods and means used in the treatment of diseases by the Kyrgyz of the Turgai region]. *Turgaiskaya gazeta*. 1901. 13: 2-4. [in Russian]
- [Naurzbaeva, 2021](#) – Naurzbaeva, Z. (2021). Vechnoe nebo kazakhov [Eternal sky of the Kazakhs]. Almaty: «OTUKEN». 720 p. [in Russian]
- [Nebol'sin, 1851](#) – Nebol'sin, P. (1851). Kirgizskie vrachi i charodei [Kyrgyz doctors and sorcerers]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voенno-uchebnykh zavedenii*. SPb. T. XCI. № 363. Pp. 340-348. [in Russian]
- [Potto, 1877](#) – Potto, V.A. (1877). Iz putevykh zametok po stepi [From travel notes on the steppe]. *Voенnyi sbornik*. 11: 153-172. [in Russian]
- [Radlov, 1989](#) – Radlov, V.V. (1989). Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: pages from a diary]. M.: Nauka. 749 p. [in Russian]
- [S-n, 1894](#) – S-n, I.K. (1894). Stepnaya kirgizskaya meditsina [Steppe Kyrgyz medicine]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. 16: 2. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Yagmin, 1845](#) – Yagmin, A. (1845). Kirgiz-Kaisatskie stepi i ikh zhiteli [The Kirghiz-Kaisak steppes and their inhabitants]. SPb.: Tipografiya Karla Kraiya. 101 p. [in Russian]
- [Yastrebov, 1851](#) – Yastrebov, M.N. (1851). Kirgizskie shamany. Otryvok iz zapisnoi knizhki Kirgizskie shamany. Otryvok iz zapisnoy knizhki [Kyrgyz Shamans. Excerpt from a notebook]. *Moskvityanin*. M. Kn. 2. № 8. [in Russian]

О взаимодействии официальной медицины Российской империи и казахского степного целительства в XIX – начале XX в.

Закиш Тулехановна Садвокасова ^{a, *}, Кайртай Мейрамович Шегиров ^b,
Жумазия Кенжебаевна Жумабаева ^c, Замзагуль Бекежановна Байжуманова ^a

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: tungatar_k@mail.ru (З.Т. Садвокасова), shegirovkm@gmail.com (К.М. Шегиров), zia_88@mail.ru (Ж.К. Жумабаева), b.zamzagul75@mail.ru (З.Б. Байжуманова)

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Независимый исследователь, Алматы, Республика Казахстан

^c Международный университет Астана, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Традиционная практика целительства, существовавшая до возникновения официальной научной медицины, – это одна из важных составляющих жизнедеятельности этноса, призванная в своё время обеспечить выживание как общности в целом, так и отдельных её представителей, в частности. Казахское степное целительство XIX – начала XX в. представляет собой результат длительного процесса накопления, заимствования и передачи последующим поколениям знаний о телесном и душевном здоровье, путях его сохранения и восстановления, способах распознавания и лечения болезней, целебных свойствах лекарственных средств самого различного происхождения. Источниками о деятельности степных знахарей послужили фрагментарные упоминания о традиционном целительстве у казахов в очерках, заметках, дневниковых записях этнографов, военных, путешественников и миссионеров XIX в., архивные документы, материалы редких фондов библиотек. Результаты исследования получены путём изучения архивных и нарративных источников, компаративного анализа их содержания, синтеза дедуктивных умозаключений и индуктивных выводов, обобщения изложенных фактов. Так, основу профилактики заболеваний составляло укрепление здоровья соплеменников, что обеспечивалось традиционным образом жизни, неперенным компонентом которого являлась физическая активность на свежем воздухе, включая верховую езду, а также рационом питания степняков, обусловленным как спецификой материального производства, так и суровым резко континентальным климатом. На базе критического анализа источников описаны способы лечения и применявшиеся казахскими целителями средства, а также их основания: знания о целебных свойствах растений, продуктов и минералов; накопленный практический опыт; тенгрианство; ислам; суеверия. Представителями рациональной медицины отдельные способы и средства оздоровления, в частности, кумысолечение, были признаны полезными.

Ключевые слова: история, казахи, профилактика, диагностика, способы и средства лечения, баксы, кожа, ишаны, тенгрианство, ислам.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 287-297
DOI: 10.13187/bg.2026.1.287

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Resettlement Case in Asian Russia: Imperial Format/Modernization Challenge

Aigul M. Zharken ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Bakyt S. Tokmurzayev ^d, Gulnar B. Kozgambayeva ^e

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Astana, Republic of Kazakhstan

^e Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the socio-political and governmental discourses surrounding the resettlement issue, which were framed by the conservative segment of Russian society's understanding of population policies and strategies on the country's eastern borderlands in the second half of the 19th and early 20th centuries. Supporters of a “protective” approach to resettlement policy and agrarian migration in Russia, in the periodical press, presented a viewpoint according to which the spread of imperial influence in the borderlands served as a guarantor of social stability and national security, which was expressed in the advocacy of Russification patterns as a tool for cultural unification and the overcoming of separatist sentiments and social turbulence in peripheral regions. Consolidating this approach, the bureaucracy attempted to implement principles of domination and coercion over the population in the east of the empire, marking the Asian territories as a fiefdom – Russia's “own East”. The imperial format of Russian presence in the country's eastern outskirts also extended to the process of agrarian migration, which included both representatives of the long-standing segment of the population, diverse in ethnocultural terms, and settlers from Russia's European provinces, who included other ethnic and religious groups. The imperial approach to organizing resettlement affairs in the post-reform period also contained some elements of modernization, which was achieved by overcoming the isolation of the eastern outskirts as a result of railway construction, the economic and cultural potential of part of the resettlement community, and the growing professionalism of a new generation of imperial resettlement bureaucracy.

Keywords: socio-political discourse, government discourse, Asian Russia, empire, “own East”, modernization, resettlement affairs.

1. Введение

В. Сандерленд, рассуждая об историческом опыте российского продвижения к восточным окраинам империи и способах административной организации территориального пространства на рубеже XIX–XX столетий, отмечает, что завершение в этот период колонизации европейской части страны, в том числе и в аспекте создания единой управленческой системы, предполагало повышение эффективности управления путём перераспределения населения (Сандерленд, 2010: 132). В этой связи переселенческое движение в Сибирь, Степной край, Туркестан, до 1890-х гг. в значительной степени находившееся вне зоны государственного регулирования, стало рассматриваться в качестве

* Corresponding author

E-mail addresses: malikaia480@gmail.com (A.M. Zharken),
proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

одного из инструментов культурной политики империи, направленной на инкорпорацию региона и населения в общегосударственное пространство и социум.

Между тем в пореформенный период задачи интеграции восточных окраин, которые империя представляла как «собственный восток», приобретали особую актуальность ввиду очевидного несоответствия. В европейской части страны, в результате серии либеральных реформ 1860–1870-х гг., сложились предпосылки для модернизационных процессов в общественно-политической, экономической, социальной и культурной сферах, что находило выражение в учреждении земской организации, качественных преобразованиях правовой сферы, переходе от аграрной экономики к обществу индустриального типа. В то же время присоединение новых территорий на восточной периферии являлось фактором демонстрации имперского могущества, а крестьянские переселения, принявшие массовый характер в результате неблагоприятных аграрно-экологических явлений в центре страны, выступали инструментом сохранения традиционного уклада. Конфликт имперской модели, в основном определившей логику организации переселенческого дела, и элементов модерности, дозировано проникавших в азиатскую часть империи вследствие создания сети железных дорог, участия в переселениях иноэтничных мигрантов, повышения качества управления миграциями, составил предметную область настоящей статьи, цель которой заключается в выяснении соотношения имперской (архаичной) и современной составляющих переселенческого дела в Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в.

2. Материалы и методы

В силу того, что тема организации переселенческого дела рассматривается в статье в системе координат сосуществования двух тенденций: имперских практик управления и конструирования ментального пространства азиатских окраин как «собственного Востока» России и модернизационных «вызовов» пореформенного периода, в центре нашего исследования – общественно-политический дискурс крестьянских миграций второй половины XIX – начала XX в., что обусловило обращение к текстам современников, репрезентировавших свои представления о состоянии и перспективах колонизационной политики и практики в переселенческом аспекте. Основным транслятором этих представлений являлись публикации в «охранительном» сегменте отечественной периодической печати («Русский вестник», «Московские ведомости»), миссионерских изданиях РПЦ (региональные епархиальные ведомости и журналы Православного миссионерского общества), отдельных очерках публицистов национал-консервативного толка (М. Венюков, Ф. Уманец и др.), задававших в середине XIX в. интонацию политики населения на окраинах в миграционном её контексте как резко критическую по отношению к либеральным проектам переселенческого дела. Российские национал-консерваторы во главе с идеологом движения М.Н. Катковым, используя прессу как «площадку» распространения идеи о продуктивности русификаторских подходов и практик в культурной политике на западных и восточных окраинах, оказывали опосредованное влияние на имперские подходы к разработке основ и принципов переселенческого дела в азиатской части России, активно включаемой в государственный оборот, что находило выражение в циркулярной практике и принятии решений по широкому спектру вопросов аграрных миграций (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389. Л. 31-173; РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 15).

В качестве методологического «ландшафта» выбрано обращение к подходам новой имперской истории как исследовательского направления, сторонники которого предпочитают оценивать колонизационную деятельность Российской империи в отношении азиатской периферии вне контекста и содержания модернизации и вестернизации, поскольку Россия в означенный период сама являлась объектом западной культурной экспансии. Как отмечал С. Беккер, по отношению к своим «колонизуемым» территориям Россия вела себя «...так же, как Запад – по отношению к своим заморским соседям, т.е. как государство, чье технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва» (Беккер, 2004: 69). В рамках империологии появляется возможность, опираясь на дискурс власти и общества, проследить, каким образом в проектах и практиках переселенческого дела в отдалённом географически и мультикультурном регионе происходил процесс преодоления культурных различий и насколько была готова империя к модернизационным вызовам.

3. Обсуждение

Переселенческое дело как сложная в организационном отношении система культурных проектов и административных практик Российской империи на восточных окраинах входило в орбиту исследовательских интересов историков в аспекте долгосрочной традиции изучения переселенческого движения во второй половине XIX – начале XX в. (Чуркин, 2006; Абашин, 2008; Белянин, 2016; Брежнева, 2018; Цыряпкина, 2022).

В текущий историографический момент становится оправданным интерес научного сообщества к имперскому измерению истории, в системе координат которого оказываются не столько формы политической организации пространства, сколько сложные блоки коммуникации между центром и окраинами, локальными сообществами и уровнями власти, акторами имперской политики, а также

способы трансляции представлений власти и общества о моделях освоения территорий и населения в дискурсивных практиках. В данном отношении переселенческое дело в Азиатской России как инструмент имперского утверждения в регионе может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, как маркировка империей колонизуемых пространств в качестве «своих», в отношении которых российское государство реализует практики доминирования и принуждения (Тольц, 2013; Чуркин, 2024). Во-вторых, включённость территорий азиатской периферии России в сложный формат «перераспределения» населения, потребность в культурном «освоении» новых пространств и людей способствовали пластичности и вариативности стратегий империи в реализации политики населения, что открывало перспективы для фрагментарной модернизации региональных структур империи и социума.

4. Результаты

Д. Майниг, маркируя лимитрофные зауральские пространства, прилегающие к восточным пределам России и вовлекаемые в государственный оборот с конца XVI в. в качестве «Московии на берегах северных рек...» (Meinig, 1969), наполнял данное определение довольно сложным содержанием. Во-первых, продвижение русской оседлости к азиатской периферии основной территории Московского царства/Российской империи в хронологических границах XVI – начала XX в. неизбежно сопровождалось трансляцией по отношению к новым регионам и подданным моделей политики населения, административного управления и форм социальной организации, сложившихся в европейской части страны. Даже проблемная адаптация имперских управленческих и культуртрегерских практик к местным условиям, с характерным дефицитом квалифицированных бюрократических кадров, не меняла сути дела: военное присвоение окраинных территорий требовало от центральной власти активных действий, направленных на встраивание этих территорий в общегосударственную систему управления, хотя бы для регулярного получения ясака в казну. Во-вторых, вовлечение азиатских окраин в ареал московской, а потом и российской экспансии, начиная со стартовых мероприятий в Зауралье на рубеже XVI–XVII вв., отчасти легитимировало власть московских государей, если не за счёт высокого происхождения, то в результате демонстрации масштабов владений, что фиксировалось в титулатуре периферийных, с точки зрения европейских политиков и интеллектуалов, монархов. Приобретение территорий и населявших восточные окраины племён урало-алтайского и палеоазиатского происхождения, вкупе с возрастающим притоком в новые земли «утеклецов» из разных мест, весьма пёстрой в этническом и конфессиональном плане «прибранной» государством в различных целях публики, предполагало разработку некоего универсального алгоритма организации социума, который приобрёл отчётливые идеологические контуры только к середине XIX столетия. Практика освоения окраинных земель на востоке империи неуклонно подсказывала отечественным политическим элитам, что только через преодоление культурных различий и встраивание на регулярной основе местных сообществ в репликантный русский социум возможна инкорпорация этих территорий в общеимперскую систему координат.

Каким образом переселенческое дело как масштабный политический акт вписывалось в канву имперского дискурса освоения азиатской периферии и превращения её в «собственный восток России»? Почему переселения, как следует из формулировки названия статьи, рассматриваются нами в дихотомии: имперский формат/модернизационный вызов? На эти вопросы нет однозначного ответа, поэтому полагаем существенным выделить основные точки пересечения имперской и модернизационной парадигм организации переселенческого дела.

Общеизвестно, что ещё до начала Великих реформ, в 1830–1850-х гг., когда массовые аграрные миграции из центральной части страны на окраины казались весьма сомнительной и отдалённой перспективой, вызревали условия для включения переселений в широкую политическую программу деятельности империи на востоке. Дискуссии о цивилизованных и нецивилизованных народах, распространённые в сообществе европейских интеллектуалов, становление первого «непоротого» поколения в России и активная вовлечённость его в обсуждение мировых политических традиций, сепаратистские тенденции на западных окраинах империи (польское восстание 1830 г.), военное и дипломатическое поражение Российской империи в Крымской войне (1853–1856 гг.), выдающееся открытие Ч. Дарвина и утверждение эволюционистской теории, шагнувшей из естествознания в сферу объяснения логики истории отдельных народов и цивилизаций, – вот тот атмосферный фон, который в значительной степени определял отношение российской власти и общества к вопросам территориальной экспансии и империостроительства, среди которых «свой», такой близкий Восток, занимал особое место. Одним из продуктов интеллектуального дискурса, центральной темой которого являлись вопросы «что есть Россия» и «какова её судьба», конструируемого в специфическом историко-культурном контексте, стало формирование такой идентичности отечественной интеллигенции, в которой принадлежность к европейскому миру рассматривалась как органичный элемент принадлежности к цивилизации вообще. Осознание интеллектуальной элитой своей вплетённости в европейский мир соотносилось с представлениями имперской власти о значимости принадлежности к Европе, с той лишь разницей, что для самодержавия ориентиром выступали не столько научные и культурные «маяки» европейской цивилизации, сколько

колониальные владения и колониальный опыт крупнейших европейских держав. Формула имперской самодостаточности, выведенная с опорой на данный факт, сводилась к понятным тезисам: быть Европой – это значит владеть колониями; быть Европой – это значит первенствовать над Востоком; быть Европой – это значит выступать цивилизующей силой по отношению к варварскому Востоку, который должен стать «своим».

На этой идеологической платформе к середине XIX столетия в сообществе имперских экспертов – учёных, технократов, путешественников, публицистов – зарождается дискурс морального оправдания российской экспансии, в основе которого располагалось беспрекословное право цивилизованного человека, обладающего знанием о Востоке, на культурное преобразование населяющих восточные окраины империи народов. Логика просветительства, «привитая» в сознание российского образованного социума, преобразовалась в устойчивое мнение о высоком культуртрегерском потенциале русского народа и его особой цивилизаторской миссии в восточных регионах. Российский учёный-востоковед и имперский чиновник В.В. Григорьев в одной из своих публикаций определял потенциальных подданных Российской империи на её восточной периферии как «блуждающих во мраке невежества и суеверий, нуждавшихся в просвещении религией и наукой» (Григорьев, 1840: 7-8). По мнению эксперта, задачи цивилизованного «русского европейца» заключались в том, чтобы «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство... устроить эти народы, научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона» (Григорьев, 1840: 7-8).

Риторика оправдания экспансии и морального превосходства колонизаторов «собственного Востока России» в 1860–1870-х гг. приобрела монолитные формы усилиями российских национал-консерваторов, выведших на первый план лозунг безопасности империи. В российских периодических изданиях, редактируемых М.Н. Катковым («Русский вестник», «Московские ведомости»), активно педалировалась мысль о необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. При этом как достоинство Российской империи подчёркивалась способность к органическому (мирному) росту посредством смешения русских с покорёнными народами (Катков, 2009: 96). М.И. Венюков в 1877 г. уверенно утверждал: «Невозможно оспаривать, что три народа, русский, китайский и английский, своим господством над множеством самых разнообразных племён, принесли им и вообще человечеству самую большую пользу, вызвав к мирной жизни такие племена, которые в независимом состоянии были свирепыми варварами» (Венюков, 1877: 2).

Логика «цивилизаторской миссии» в контексте колонизации территорий и населения восточной периферии трансформировалась в формулу: «...прогрессивная европейская цивилизация даёт европейцам право не применять в своих отношениях с неевропейскими обществами те моральные и политические нормы, которые считались обязательными внутри Европы» (Тольц, 2013: 126). В данном плане обладание правом игнорировать моральные нормы иногда воплощалось в откровенно радикальные русификаторские представления. Глава Забайкальской миссии Вениамин цивилизаторские задачи определял так: «...даём (инородцам) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» (Харлампович, 1905: 16). Оценивая перспективы аграрного освоения азиатских пространств, эксперты писали: «Если крестьянская колонизация повсеместно действует в таком направлении (архаическая форма хозяйства заменяется новой, более интенсивной), то сознательные элементы киргизского народа должны быть благодарны колонизации потому, что собственно их история не выдвинула более влиятельного культурного фактора, способного поднять народное благосостояние» (В.Н., 1863: 435).

Теоретическое оправдание русского цивилизаторства на восточных окраинах России, замешанное на имперском принципе оцентровывания подвластной территории и доминирования по отношению к подданным, служило объяснением последовательности процесса «оживления» и интеграции «собственного востока», в которой переселенческое дело выполняло значимую функцию задолго до старта организованных аграрных миграций во второй половине XIX в. Ф.М. Уманец, подчёркивая рельефно выраженный государственный характер российского продвижения к азиатской периферии, невольно обратился к имперскому прочтению модели освоения новых территорий: «Именно для того, чтобы облегчить движение на Восток, необходимо обставить его земледельческим населением, надёжным в политическом отношении... вслед за военным занятием страны должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами, и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца» (Уманец, 1884: 33). Исторический опыт российской экспансии азиатских пространств за Уралом, воплотившийся в последовательном завоевании сибирских пространств, казахских степей и пустынь Туркестана, наглядно демонстрирует, что распространение земледельческих практик было подчинено, прежде всего, имперским целям, определяемых А. Эткиндоном как реализация сложного доминирования – не просто переселений профессиональных землепашцев в пределы колонизируемой

территории, а реализации с помощью земледельческого элемента функции культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах государственных границ (Эткинд, 2016).

Аграрные переселения и институционализация переселенческого дела в масштабах азиатских окраин устраивались, разворачивались и сопровождались властью парадоксально. С одной стороны, факт приобретения «своего Востока» интеллектуальными и политическими элитами России рассматривался как признак принадлежности к Европе и её колониальным практикам. С другой стороны, приращение за сравнительно короткий в историческом смысле временной отрезок обширной территории, прилегающей к ядру государства, вызывало во властных кругах и в среде имперских «охранителей» серьёзную озабоченность. Встраивание в имперское тело пространств с неопределёнными границами и мозаичным в этноконфессиональном отношении населением требовало регулярных действий по преодолению культурных различий, унификации населения, что само по себе могло выступить дестабилизирующим фактором. По справедливому утверждению исследователей, династическая форма правления, сложившаяся в России, исключала принцип нации как альтернативный источник легитимации власти (Малахов, 2016: 40; Беккер, 2004: 73-75). В данном контексте полное преодоление культурного разнообразия создавало реальную угрозу рождения национального государства, что находит подтверждение в организации имперской политики населения на окраинах вплоть до середины XIX столетия, когда российские власти старались не навязывать местным народам единых культурных моделей. Однако ситуацию коренным образом переломило развитие событий на западных окраинах империи, прежде всего в Царстве Польском, которое с 1830-х гг. становилось главной «площадкой» демонстрации национального сепаратизма. Польская «интрига» 1830 г., получившая продолжение в 1863 г., стимулировала рост национально-конфессиональной идентичности численно преобладавшего в Западном крае католического населения и рост в их среде антирусских и сепаратистских настроений. Таким образом, освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г., предоставление сельским обывателям возможности прекращения общинных отношений и свободы передвижений совпало по времени с волнениями в западной части государства и именно в таком компендиуме стало предметом серьёзной политической рефлексии империи.

Полагаем, что именно с польских волнений и крестьянской реформы, ратифицированной Манифестом 19 февраля 1861 г., имперский формат организации переселенческого дела в Азиатской России начинает приобретать отчётливые контуры государственной политики.

Во-первых, в национал-консервативном сегменте общественно-политического дискурса, инициированного изданиями М.Н. Каткова («Русский вестник», «Московские ведомости»), разворачивается широкая пропагандистская кампания, фиксировавшая резко критическое отношение к вероятным последствиям прекращения помещичьей опеки над крестьянством западных губерний России. Основной довод «охранителей» сводился к тому, что освобождения крестьян в этой части государства разовьёт среди них вредное бродяжничество и склонность к переселениям в другие губернии, сократив тем самым численность русско-православного элемента в политически нестабильном регионе (Катков, 1898). На страницах консервативной прессы в 1860-е гг. активно конструировался образ переселений как «русского дела», и складывание этого образа происходило последовательно. Так, М.Н. Катков в одной из передовых статей «Московских ведомостей» сформулировал общее отношение своей корпорации к переселенческому процессу: «...политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства» (Катков, 1898: 500). Вместе с тем в консервативных кругах, при всём негативном отношении к переселениям, признавалась объективная неизбежность этого процесса и провозглашалась необходимость изыскивать средства для сдерживания переселенческой активности с целью поддержания стабильности на западных окраинах. Например, в заметке, посвящённой колонизации Кавказа, подчёркивалось, что колонизация этих территорий не должна отвлекать русские силы от Западного края: «Опустевшие горы западного Кавказа ожидают пришельцев, которые бы заселили их. Этими пришельцами будут отчасти русские, но нам кажется, что... отнюдь не желательно поощрять энергетическими мерами переселение русских на Кавказ. Пусть оно идёт своим чередом. Но в настоящую минуту... необходимо соблюдать меру в покровительстве русского переселения: поступать иначе значило бы оттягивать русские элементы от Западного края, где они более всего нужны... Нельзя упускать ни одного средства из тысячи возможных, чтобы достигнуть усиления русского элемента в Западном крае» (Катков, 1898: 500-501).

Во-вторых, российские «охранители», будучи противниками переселенческого движения, всегда чутко реагировали на настроения власти в этом вопросе, стараясь их учитывать. В пореформенный период, когда аграрные миграции стали реальным фактом, а ограничения передвижения лиц крестьянского звания были отменены, прилив крестьянства в земледельческие районы Западной Сибири и Степного края привёл к некоторой коррекции «запретительных» подходов к аграрным переселениям, исходящим от консервативных сил. Примечательно, что дискурс переселенческого дела в текстах и частных высказываниях представителей национал-

консервативного спектра «дрейфовал» от критики переселений как политического проекта империи к обсуждению этнического состава мигрантов. В своих рассуждениях на этот счёт российские «охранители» следовали по «маршруту» приоритета русского элемента в переселенческом процессе и дискредитации иных этнических сообществ как субъектов аграрных миграций. Этот взгляд сложился первоначально в отношении переселенцев из губерний Западного края, которые вызывали неоднозначную реакцию в консервативных группах российского общества и власти. Оказывая противодействие попыткам крестьян западных губерний переселяться в Сибирь и Степной край, политические элиты и имперская бюрократия весьма позитивно оценивали перспективы аграрных миграций мелких землевладельцев Минской, Харьковской, Гродненской и др. губерний (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389. Л. 31-173). А.Н. Куломзин, основываясь на результатах своей поездки по Сибири, писал: «Целое множество примеров из прошлого колонизационной политики и в том числе неудачная попытка в 1840-х гг. даровой раздачи казённых земель малоимущим дворянам указывает, насколько непригодным для колонизационных целей элементом являются малообеспеченные классы населения, не обладающие достаточными средствами для обработки земли. При насаждении в Сибири частного землевладения нужно стремиться к привлечению такого контингента лиц, который соединял бы знания улучшенных способов ведения сельского хозяйства и необходимый оборотный капитал... В Сибири не имеется вовсе образованных людей, крепких к земле в силу тесной связи с ней их личных материальных интересов. Класс интеллигентных землевладельцев преимущественно из дворян явится тем консервативным элементом, который всюду служит для государственной власти опорой для поддержания равновесия среди постепенно нарождающихся прогрессивных, но не всегда имеющих под собой твёрдую почву веяний» (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 389. Л. 41 об.-42). При этом невысокая продуктивность дворянского землевладения и земледелия влияла и на приоритеты «охранителей» в выборе главного субъекта переселений на восточные окраины империи. С 1880–1890-х гг. национал-консерваторы начинают усиленно продвигать тезис: «Только та земля является русской, где прошёл плуг её пахаря». Характерно, что ставка на русское крестьянство в дискурсе переселенческого дела, как в масштабах России, так и в пределах периферийных регионов, сопровождалась резко критическим отношением к иноэтничным мигрантам – чехам, полякам, литовцам, немцам – сообществам, исторически зарекомендовавшим себя в качестве успешных колонистов. Суммированно представления об иноэтничных переселенцах как нежелательном элементе в миграциях сформулировал журналист «Русского вестника» А. Липранди, который, отмечая высокий уровень организации чехов как колонистов, не преминул поставить им в вину факт строительства пивоваренных заводов, способствовавших распространению пьянства среди русского населения, что позволило ему резюмировать: «Против чехов, этих братьев наших по племени, мы ничего, конечно, иметь не можем и не имеем, но на дальнейшее заселение ими Волыни мы не можем смотреть равнодушно, ибо оно совершается в ущерб коренному русскому населению, а потому весьма желательно бы было, чтобы чешские эмигранты направляли свой путь не на Волынь, а куда-либо в другие места» (Липранди, 1891: 138).

В условиях отдалённых окраин на востоке страны дискурс дискредитации иноэтничных аграрных мигрантов также разворачивался в системных границах русификаторской риторики, обретая некоторые особенности. И сторонники консервативного курса, и имперские власти отдавали себе отчёт в том, что широкое распространение земледельческих практик в отдалённых и слабо включённых в общероссийскую инфраструктуру территорий трудно осуществимо без обращения к «услугам» представителей консолидированных этнолокальных и этноконфессиональных сообществ немцев, латышей, эстонцев, литовцев, поляков, чехов и т.д., обладавших колонизационным опытом и ориентированных на достижение экономического успеха в новых жизненных обстоятельствах. Вместе с тем невозможность культурной интеграции иноэтничных мигрантов как определяющего условия имперской стабильности и безопасности направляла власти к политике изоляции названных групп, что объяснялось необходимостью поддержки русского православного населения и перевешивало по значимости любые эффекты экономической модернизации. Так, Л. Тихомиров в 1902 г. писал: «В тех местностях, где православная масса сплочена и где в исторических условиях не имеется ничего особенно неблагоприятного для действия православной Церкви, мы можем быть удовлетворены положением, открываемым статистическими данными за последние 30 лет. Но там, где инославие или иноверие является очень могущественным, – мы не можем иногда не испытывать тревожного чувства... В таких угрожаемых местностях представители всех ведомств и чинов отнюдь не позволяли себе вида индифферентизма или даже предпочтения к иноверцам, но являлись в своем личном и служебном поведении тем, чем должны быть по закону слуги и агенты православного государства» (Тихомиров, 1902: 446). В сообщении тобольского губернатора в Переселенческое управление (1910 г.) говорилось: «Благодаря разнородному по религии, экономической, духовной культуре населению, задерживается нормальное развитие поселка, причем численно слабейшая сторона нередко подавляется в ее культурно-экономических начинаниях. Я признал необходимым... селить переселенцев нерусской национальности и неправославных при значительных их партиях на отдельных от русского православного населения участках» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 15). Крестьянский начальник Тарского уезда, информируя губернскую администрацию о поступившем

прошении немцев-переселенцев о водворении на выбранном им участке, препровождал его следующим комментарием: «Из изложенного явствует, что просители желают устроиться лишь при благоприятных условиях, между тем как они при своей культуре были бы хорошими колонизаторами и для менее благоприятных в этом отношении местностей, таких как Тарский уезд. По сему, считаю необходимым предоставить им право выбрать в пределах Тарского уезда из свободного фонда тот или иной участок» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 12).

В целом, настаивая на преобладании имперской составляющей в организации переселений и переселенческого дела в Азиатской России, нельзя не отметить и некоторые элементы включения в имперский формат реализации политики аграрного освоения восточной периферии модернизационных элементов, которые во многом являлись производным долгосрочного государственно-имперского доминирования.

Народные переселения на окраины в дореформенную эпоху и первые десятилетия после отмены крепостного состояния в 1861 г. носили нелегитимный, самовольный характер. Для «утеклецов» периода Московского царства и Российской империи акт переселений в районы азиатской периферии часто являлся вынужденным, сопровождался временным разрывом с традиционным укладом, социокультурными привычками и установками. В условиях отдалённых, слабо вовлечённых в государственное пространство территорий, несколько поколений мигрантов из европейской части страны сливались в старожильский хозяйственно-культурный комплекс, акторы которого научились жить и хозяйствовать в обстоятельствах независимости и отстранённости от государства и любых форм вмешательства в их производственную деятельность. Доскональное знание местных природно-географических и климатических условий, наличие земельного простора продолжительный период времени являлись гарантом экономического успеха и продуктом личной свободы данной категории крестьянства, не знавшей крепостного права.

Архаизация старожильского аграрного опыта, ставшая результатом «хищнической» модели эксплуатации земельных ресурсов, до некоторой степени была приостановлена новым витком переселенческого движения в пореформенный период, когда аграрные мигранты из европейских губерний привнесли в земледельческие практики более сложные приёмы обработки пашни, внедряя новые технологии земледелия и орудия труда, обеспечившие временный рост производительности. Дополнительным аргументом трансляции модерна в переселенческое дело стало участие в миграциях и хозяйственном освоении Западной и Восточной Сибири, Степного края и Туркестана упомянутых выше иноэтничных мигрантов, а также религиозных диссидентов (старообрядцев и раскольников), предложивших оригинальные модели организации аграрного производства. А.А. Кауфман, совершавший экспертные поездки в переселенческие посёлки, составленные из иноэтничных мигрантов, сообщал: «В глухом Тарском урмани мне пришлось попасть в только что возникшие посёлки латышей; за один год латыши расчистили из-под густого леса широкие квадраты пахотных полей,... эти поля были разбиты на полосы, на которых были произведены посевы мудреного плодосеменного севооборота; на усадьбах, кроме чистых и просторных домов были готовые теплые хлева и сеновалы, – словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика...» (Кауфман, 1905: 242). В одном из епархиальных отчётов фиксировалось, что «в материальном отношении сектанты живут много лучше православных; среди них встречаются крупные богачи и капиталисты. Городские сектанты имеют торговли, мельницы... На участках занимаются хлебопашеством и скотоводством в обширном размере... Бедных братьев поддерживают деньгами и хлебом... К чести сектантов, все они ведут трезвый образ жизни и отличаются большим трудолюбием...» (Отчёт..., 1910: 16).

Существенным фактором модернизации в контексте переселенческого дела стало сооружение Транссибирской магистрали (1891–1900-е гг.), что способствовало не только изменению вектора переселенческого движения и более интенсивному включению зауральских территорий в общеимперское пространство и модернизационные процессы. Очевидно, что в 1890-е гг. наметилась тенденция, в соответствии с которой восточные окраины стали рецептироваться обществом и частью имперской бюрократии в категориях «модерна». Переселенческий чиновник В.Ф. Романов, характеризуя предшествующий (1860–1880-е гг.) этап организации переселенческого дела, писал: «Несчастливая наша централизация и плохое вообще понимание окраинных условий порождали ничем не оправдываемый взгляд на Сибирь, степные области, Туркестан как на обычные Российские губернии» (Романов, 2012: 146). И далее, комментируя результаты общения с Приморским военным губернатором П.Ф. Унтербергом: «На наши окраины он (Унтербергер) смотрел как на запас для будущих далеких поколений России; считал, что форсировать их колонизацию незначительно; иностранного капитала боялся как хищника, который разграбит русские богатства. Что природа не терпит пустоты, что если не мы, то наши желтые соседи протянут руку за нашими втуне лежащими богатствами – об этом он не думал. Одним словом, несомненный честный русский патриот, каковыми были многие из наших прибалтийских немцев, Унтербергер не имел в своей натуре “колониционной изюминки”» (Романов, 2012: 172).

С образованием Переселенческого управления МВД в 1896 г., ставшего в определённой степени отечественным аналогом министерства колоний в западноевропейских государствах, в России

стремительно формировалось сообщество имперских чиновников нового типа, которые активно включались в нужды и чаяния населения окраинных регионов империи. Именно с созданием этого учреждения резко активизировалась экспертиза восточных окраин Российской империи, направленная на выявление свободного земельного фонда, что требовало всестороннего изучения региона в естественно-географическом, этнографическом, социально-экономическом и культурном отношениях. Результатом такой работы становилась консолидация образованной части России в решении широкого спектра региональных проблем в контексте модернизационных изменений конца XIX – начала XX в., а в практической плоскости складывалась публичная сфера дискурса переселенческого дела, распространялись демократические формы взаимодействия власти и общества, реализуемые в сфере аграрной политики и переселенческого движения.

5. Заключение

Резюмируя, отметим, что переселенческое дело в Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в. реализовывалось в формате имперской политики с характерными для неё правилами доминирования, принуждения и подчинения в отношениях к подданным, при этом неся в своей организации отдельные признаки модернизации, с «вызовами» которой Россия столкнулась в пореформенный период. Представления о миграционных процессах в Российской империи, в том числе на её восточных окраинах, конструировались преимущественно в национально-консервативном дискурсе и транслировались имперской властью в сфере переселенческого дела. Основным паттерном дискурса и практик управления переселенческим процессом являлась маркировка азиатской периферии как «собственного востока России», в отношении территорий и подданных которого империя осуществляет культуртрегерские действия. В осуществлении такого варианта политики российские власти в азиатской части страны опирались на практики русификаторства, имевшие достаточно обширный «маршрут». В переселенческом деле они проявлялись в стремлении сделать ставку на представителей титульного этноса – русское дворянство и крестьянство, максимально ограничить в правах иноэтничных мигрантов, извлекая практическую пользу от данных сообществ в экономической сфере.

Вместе с тем историческая логика заселения восточных окраин и их функция укрытия от государства создавала относительно благоприятные условия для распространения отдельных элементов экономической модернизации, носителями которой в дореформенные годы являлись крестьяне-старожилы, пёстрое в этнокультурном и конфессиональном плане сообщество, выработавшее набор адаптивных практик в сфере аграрного предпринимательства.

Значимым, с нашей точки зрения, является то, что модернизационные тенденции в Азиатской России носили дискретный характер. Архаизация форм хозяйственной деятельности старожилого сегмента населения восточных окраин отчасти была приостановлена широким включением в региональное аграрное производство переселенцев из европейских губерний России, получивших личную свободу в 1861 г.; культуртрегерская слабость и неприспособленность переселенческих хозяйств русских крестьян к местным условиям корректировались инновационными практиками иноэтничных мигрантов и религиозных диссидентов.

Модернизационные «прорывы» в организации переселенческого дела в конце XIX – начале XX в. обеспечивались установлением более тесных связей между центром и окраинами средствами железнодорожного сообщения и ротации имперской бюрократии, активизировавших экспертно-экспедиционную деятельность и продвижение модернизационных проектов в области земледельческого хозяйства.

Однако, несмотря на перечисленные сдвиги модернизационного свойства, необходимо признать, что в условиях активного продвижения России в восточном направлении они носили периферийный характер, что было обусловлено имманентной спецификой российской политики, направлявшей социум по пути консервации традиционного уклада во всех сферах жизни.

Литература

- Абашин, 2008** – Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456-471.
- Беккер, 2004** – Беккер С. Россия и концепт империи // *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»)* / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004. С. 67-81.
- Белянин, 2016** – Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 696 с.
- Брежнева, 2018** – Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // *Вестник РУДН. Сер.: История России*. 2018. Т. 17. № 3. С. 608-638.
- В.Н., 1863** – В.Н. Интересы русской народности в Западном крае // *Русский вестник*. 1863. Т. 47. С. 428-436.

- Венюков, 1877** – Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1877. 22 с.
- Григорьев, 1840** – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Катков, 1898** – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1898. 1877–1884 гг. 671 с.
- Катков, 2009** – Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Кауфман, 1905** – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 349 с.
- Липранди, 1891** – Липранди А. Чешская колонизация на Волыни // *Русский вестник*. 1891. Т. 217 (ноябрь). С. 136-144.
- Малахов, 2023** – Малахов В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.
- Отчёт..., 1910** – Отчёт Омского епархиального противосектантского и противораскольничьего миссионера Д. Несмеянова о состоянии сектантства и раскола в Омской епархии и деятельности миссионеров за 1909 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1910. № 9. С. 8-22.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Романов, 2012** – Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
- Сандерланд, 2010** – Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст.* Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: НЛО, 2010. 392 с.
- Тихомиров, 1902** – Тихомиров Л. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // *Миссионерское обозрение*. 1902. № 4. С. 442-449.
- Тольц, 2013** – Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
- Уманец, 1884** – Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб.: Б.м, 1884. 243 с.
- Харлампович, 1905** – Харлампович К.В. О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским // *Православный собеседник*. 1905. Вып. 7/8. С. 1-38.
- Цыряпкина, 2022** – Цыряпкина Ю. Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625-1641.
- Чуркин, 2006** – Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
- Чуркин, 2024** – Чуркин М.К. Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1. С. 120-129.
- Эткинд, 2016** – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Meinig, 1969** – Meinig D.W. Macrogeography of Western Imperialism: Some Morphologies of Moving Frontiers of Political Control. Melbourne, 1969. 296 p.

References

- Abashin, 2008** – Abashin, S.N. (2008). Razmyshleniya o «Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii» [Reflections on "Central Asia as part of the Russian Empire"]. *Ab Imperio*. 4: 456-471. [in Russian]
- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»)*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan'. Pp. 67-81. [in Russian]
- Belyanin, 2016** – Belyanin, D.N. (2016). Gosudarstvennaya politika agrarnno-krest'yanskikh pereselenii v Zapadnuyu Sibir' v1861–1917 gg. [State policy of agrarian-peasant resettlement to western Siberia in 1861–1917]: dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk. 696 p. [in Russian]
- Brezhneva, 2018** – Brezhneva, S.N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XI–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XI-XX centuries]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii*. 17(3): 608-638. [in Russian]
- Churkin, 2006** – Churkin, M.K. (2006). Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoi mobil'nosti i adaptatsii [Resettlement of peasants from the Black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]. Омск: Изд-во ОмГПУ. 376 p. [in Russian]

- [Churkin, 2024](#) – *Churkin, M.K.* (2024). Stsenarii imperskoi inkorporatsii Aziatskoi Rossii v diskurse yubileinykh torzhestv, posvyashchennykh 300-letiyu prisoedineniya Sibiri (1881–1882 gody) [Scenarios of the imperial incorporation of Asian Russia in the discourse of the jubilee celebrations dedicated to the 300th anniversary of the annexation of Siberia (1881–1882)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): 120-129. [in Russian]
- [Etkind, 2016](#) – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p. [in Russian]
- [Grigor'ev, 1840](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym [On Russia's attitude toward the East: a speech delivered by professor V. Grigoriev, the acting professor]. Odessa. 18 p. [in Russian]
- [Katkov, 1898](#) – *Katkov, M.N.* (1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of editorial articles of the Moskovskie Vedomosti]. M. 1877–1884 gg. 671 p. [in Russian]
- [Katkov, 2009](#) – *Katkov, M.N.* (2009). Ideologiya okhranitel'stva [Guardian ideology]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 800 p. [in Russian]
- [Kaufman, 1905](#) – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb. 349 p. [in Russian]
- [Kharlampovich, 1905](#) – *Kharlampovich, K.V.* (1905). O khristianskom prosveshchenii inorodtsev: perepiska arkhiepiskopa Veniamina Irkutskogo s N.I. Il'minskim [On the Christian enlightenment of foreigners: correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyi sobesednik*. 7/8: 1-38. [in Russian]
- [Liprandi, 1891](#) – *Liprandi, A.* (1891). Cheshskaya kolonizatsiya na Volyni [Czech Colonization in Volyn]. *Russkii vestnik*. T. 217 (noyabr'): 136-144. [in Russian]
- [Malakhov, 2023](#) – *Malakhov, V.* (2023). Politika razlichii. Kul'turnyi plyuralizm i identichnost' [The politics of difference: cultural pluralism and identity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p. [in Russian]
- [Meinig, 1969](#) – *Meinig, D.W.* (1969). Macrogeography of Western Imperialism: Some Morphologies of Moving Frontiers of Political Control. Melbourne. 296 p.
- [Otchet..., 1910](#) – Otchet Omskogo eparkhial'nogo protivosektantskogo i protivoraskol'nich'ego missionera D. Nesmeyanova o sostoyanii sektantstva i raskola v Omskoi eparkhii i deyatelnosti missionerov za 1909 g. [Report of the Omsk Diocesan Anti-Sectarian and Anti-Schismatic Missionary D. Nesmeyanov on the state of sectarianism and schism in the Omsk diocese and the activities of missionaries in 1909]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 1910. 9: 8-22. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Romanov, 2012](#) – *Romanov, V.F.* (2012). Starorezhimnyi chinovnik. Iz lichnykh vospominanii ot shkoly do emigratsii, 1874–1920 gg. [An old regime official. From personal memories from school to emigration, 1874–1920]. SPb.: Nestor-Istoriya. 336 p. [in Russian]
- [Sanderland, 2010](#) – *Sanderland, V.* (2010). Ministerstvo Aziatskoi Rossii: nikogda ne sushchestvovalsya, no imevsya dlya etogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo [The Ministry of Asian Russia: a colonial agency that never existed, but had every chance of doing so]. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700 – 1917): Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksei Miller*. M.: NLO. 392 p. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1902](#) – *Tikhomirov, L.* (1902). Veroispovednyi sostav Rossii i obyazatel'nost' dlya russkogo gosudarstva istoricheskoi veroispovednoi politiki [The religious composition of Russia and the obligation of historical religious policy for the Russian state]. *Missionerskoe obozrenie*. 4: 442-449. [in Russian]
- [Tol'ts, 2013](#) – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's own east”: identity politics and oriental studies in the late imperial period]. M. 336 p. [in Russian]
- [Tsiryapkina, 2022](#) – *Tsiryapkina, YuN.* (2022). «Bor'ba za russkoe delo»: imperskaya kolonizatsiya Turkestana [“The struggle for the Russian cause”: imperial colonization of Turkestan]. *Quaestio Rossica*. 10(5): 1625-1641. [in Russian]
- [Umanets, 1884](#) – *Umanets, F.M.* (1884). Kolonizatsiya svobodnykh zemel' Rossii [Colonization of Free Lands of Russia]. SPb.: B.m. 243 p. [in Russian]
- [V.N., 1863](#) – *V.N.* Interesy russkoi narodnosti v Zapadnom krae [Interests of the Russian people in the Western Region]. *Russkii vestnik*. 47: 428-436. [in Russian]
- [Venyukov, 1877](#) – *Venyukov, M.I.* (1877). Ocherk politicheskoi etnografii stran, lezhashchikh mezhdru Rossieyu i Indieyu [Essay on the political ethnography of the countries lying between Russia and India]. SPb.: tip. V. Bezobrazova i K°. 22 p. [in Russian]

**Переселенческое дело в Азиатской России: имперский формат/
модернизационный «вызов»**

Айгүл Мәлікқызы Жаркен ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c, *}, Бакыт Салманович Токмурзаев ^d,
Гульнар Бестибаевна Козгамбаева ^e

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

^b Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Российская Федерация

^d Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^e Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена общественно-политическому и властному дискурсам переселенческого дела, которые строились в формате представлений консервативной части российского социума о стратегиях и практиках политики населения на восточных окраинах страны во второй половине XIX – начале XX в. Сторонники «охранительного» курса переселенческой политики и аграрных миграций в России репрезентировали на страницах периодической печати точку зрения, в соответствии с которой распространение имперского влияния на окраинах выступало гарантом общественной стабильности и государственной безопасности, что выражалось в отстаивании паттернов русификации как инструмента культурной унификации и преодоления сепаратистских настроений и социальной турбулентности в периферийных регионах. Чиновная бюрократия, консолидируясь с подобным подходом, пыталась реализовать на востоке империи принципы доминирования и принуждения по отношению к населению, маркируя азиатские территории как вотчину – «собственный Восток» России. Имперский формат российского присутствия на восточных окраинах страны распространялся и на процесс аграрных миграций, в который были включены как представители старожильческого сегмента населения, мозаичного в этнокультурном отношении, так и переселенцы из европейских губерний России, вмещавшие в свой состав иноэтничные и иноконфессиональные группы. Имперский подход к организации переселенческого дела в пореформенный период содержал и некоторые элементы модернизации, что было обеспечено преодолением изоляции восточных окраин в результате железнодорожного строительства, экономического и культурного потенциала части переселенческого сообщества, роста профессионализма новой генерации имперской переселенческой бюрократии.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, властный дискурс, Азиатская Россия, империя, «собственный Восток», модернизация, переселенческое дело.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malikaia480@gmail.com (А.М. Жаркен),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 298-306
DOI: 10.13187/bg.2026.1.298

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of Legal Custom in the Consideration of Family and Marital Disputes in Volost Courts of the Moscow Province in the second half of the 19th – early 20th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, *}, Andrey V. Melentev ^b, Maksat Sh. Shamilov ^c, Yuliya E. Kurilyuk ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian University of Technology, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Family and marital relations formed the foundation of the social organization of the Russian peasantry for centuries. The regulation of these relations in the post-reform period (second half of the 19th – early 20th centuries) was characterized by a dualistic legal system. Along with general imperial legislation, customary law continued to be a powerful regulator.

Volost courts in pre-revolutionary Russia, serving as the lowest judicial authority for the peasant population, played a key role in resolving disputes arising in the sphere of family and marital relations. Their activities were based on a complex combination of positive legislation and widespread customary law. Legal customs occupied a central place in regulating the family life of peasants in the Moscow province, determining the procedures for marriage and divorce, relations between spouses, parents and children, as well as inheritance and property rights. Volost courts, basing their decisions on traditional notions of justice, patriarchal values, labor, and respect for elders, ensured the stability and continuity of the peasant community. This article, based on an analysis of archival materials, examines specific cases from judicial practice demonstrating the mechanisms for applying customary law in resolving family conflicts.

Volost court decisions in family disputes were focused on finding a compromise that was perceived as fair by the peasants. This ensured a high degree of legitimacy for volost court proceedings and their effectiveness in maintaining social peace in the Russian village during an era of large-scale transformations.

Keywords: legal custom, volost court, customary law, peasants, family and marital relations, Moscow Province.

1. Введение

Семейно-брачные отношения на протяжении столетий составляли основу социальной организации русского крестьянства, выступая не только сферой личной жизни, но и важнейшим экономическим институтом. Регулирование этих отношений в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.) характеризовалось дуализмом правовой системы: наряду с общеимперским законодательством, действовавшим в рамках Свода законов Российской империи, мощнейшим регулятором продолжало оставаться обычное право. Низшей судебной инстанцией, в которой нормы обычного права применялись наиболее последовательно и массово, были волостные суды, учреждённые в ходе крестьянской реформы 1861 г.

Волостные суды, состоявшие из выборных крестьян, были максимально приближены к повседневной жизни деревни и отражали её специфику. При рассмотрении семейных конфликтов, возникавших в крестьянской среде, судьи руководствовались не столько буквой закона, сколько

* Corresponding author

E-mail addresses: plotskaya.aa@rea.ru (O.A. Plotskaya)

локальными традициями, народными представлениями о справедливости, нравственности и целесообразности.

Волостные суды, возникшие во II пол. XIX в. в связи с осуществлявшейся судебной реформой в России, представляли собой важнейший судебный орган, адаптированный к крестьянским нуждам, так как в них, помимо санкционированных норм позитивного права, применялись также и нормы обычного, традиционного, вышедшего из «народных недр» права.

Целью настоящей работы является исследование роли и конкретных механизмов применения правового обычая в деятельности волостных судов Московской губернии при разрешении споров, вытекающих из семейно-брачных отношений во II пол. XIX – нач. XX в. На основе анализа архивных материалов прослеживается влияние норм обычного права на процедуру разрешения волостными судами споров брачно-семейного характера, включая взаимоотношения супругов, родителей и детей, семейные разделы, виды наследования.

2. Материалы и методы

Исследование основано на анализе комплекса исторических источников, хранящихся в центральных архивах г. Москвы: Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГАГМ) (Москва, Российская Федерация), Центральном государственном историческом архиве города Москвы (ЦГИАГМ) (Москва, Российская Федерация) и Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) (Москва, Российская Федерация). Основу источниковой базы составили судебные дела и протоколы заседаний волостных судов Московской губернии, содержащие богатейший материал о реальной практике разрешения семейных конфликтов, возникавших в крестьянской среде.

Среди использованных документов – гражданские иски, жалобы, прошения, приговоры и записи решений волостных судов, систематизированные в следующих архивных делах: Книга записи решений суда Добрятинского волостного суда за 1892 г. Московского уезда (ЦИАМ. Ф. 603. Оп. 1 Д. 1. Л. 1–133), Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 22 августа 1896 г. № 17 (ЦГАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–84), Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 27 января 1911 г. № 10 (ЦГАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–8), Книга для записей решений суда на 1864 г. Царицынского Волостного Суда Московского уезда (решение от 19 августа, год утрачен) (ЦГИАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–26), Приговор Елмановского волостного суда от 1 марта 1894 г. (ЦГИАГМ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–4), Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда (ЦИАМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–9), Дело Велинского волостного суда о семейном разделе крестьянина села Маркова И. А. Казакова с сыном Н. И. Казаковым (ЦГАГМ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–5), Дело Софьинского волостного суда от 22 мая 1883 г. (ЦГАГМ. Ф. 2363. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–19).

В качестве источниковой основы в данной работе были привлечены правовые обычаи, систематизируемые в сборниках народных юридических обычаев С. В. Пахмана (*Сборник...*, 1900), а также Е. И. Якушкина (*Якушкин*, 1908).

В работе также были использованы материалы и данные, содержащиеся в трудах, опубликованных в исследуемый период, раскрывающие порядок осуществления судопроизводства в волостных судах и особенности рассмотрения ими отдельных дел; структуру сельского общинного устройства, детали организации волости как локальной самоуправляющейся единицы в рамках системы государственных органов; особенности регулирования семейных, наследственных отношений у крестьян, устройства крестьянского мира и факторы, способствующие применению волостными судами норм обычного крестьянского права (*Кистяковский*, 1872; *Базанов*, 1902).

В данном труде применены также материалы, раскрывающие особенности ведения судопроизводства и организации волостных судов (*Муравьев*, 1891); состав дел, подлежащих рассмотрению в волостных судах (*Кандинский*, 1889); а также материалы, отражённые в дореволюционной периодической печати, касающиеся вопросов осуществления волостного правосудия с применением норм обычного права. Перечисленные аспекты рассматривались в таких изданиях, как: «Юридический вестник» (*Скоробогатый*, 1881), «Русский вестник» (*Лунгин*, 1864), «Русское богатство» (*Тютрюмов*, 1883) и др.

Особое внимание в данной статье уделяется анализу дореволюционного общеимперского законодательства, интегрированного в «Полное собрание законов Российской империи» (далее по тексту – ПСЗРИ).

Методологическую основу работы составили принцип историзма, позволяющий раскрыть роль обычая в осуществлении волостного крестьянского судопроизводства, с учётом существовавших исторических событий в исследуемый период в рамках всего государства, а также принцип объективности, способствующий раскрытию исследуемых проблем без влияния субъективных факторов.

В работе также применён междисциплинарный подход, интегрирующий знания из области истории, этнологии, истории права, социологии и других наук с целью всестороннего рассмотрения различных аспектов изучаемой темы и поиска новых, обладающих новизной решений фундаментальных проблем в современных доктринальных исследованиях.

Основополагающим и важнейшим для данного исследования является системный подход, способствующий рассмотрению объекта настоящего исследования в виде совокупности взаимосвязанных элементов, имеющих структурированные части.

В работе применены следующие методы: историко-генетический, позволяющий отразить изменения, происходившие в волостной юстиции в рамках историко-правовой реальности, существовавшей в исследуемый период; системно-структурный, раскрывающий объект исследования как систему; анализа и синтеза, способствующий рассмотрению волостного суда как элемента судебной системы, функционирующего в специфической социально-правовой среде крестьянской общины.

3. Обсуждение

В дореволюционной научной литературе вопросам применения обычного права в крестьянской среде уделялось значительное внимание. Труды таких исследователей, как А.Я. Ефименко (Ефименко, 1884), П.С. Ефименко (Ефименко, 1869), И.Г. Оршанский (Оршанский, 1879), заложили фундамент для понимания народных юридических воззрений. В их работах подчёркивалось значение обычного права в регулировании семейных отношений в русской деревне.

Современная историография также активно разрабатывает данную проблематику. Исследования В.Б. Безгина (Безгин, 2018), И.С. Менщикова (Менщиков, 2016), М.А. Сосниной (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b) и других авторов раскрывают многогранную роль волостного суда как хранителя традиционных норм и арбитра в семейных конфликтах. Однако практика применения обычного права волостными судами в семейно-брачных спорах именно в Московской губернии требует более детального и системного изучения, что и обуславливает новизну настоящего исследования.

4. Результаты

Появление волостных судов в судебной системе Российской империи было вызвано возникшей необходимостью осуществления серьёзных изменений в крестьянском правосудии. Этому способствовало улучшение правового положения крестьян вследствие отмены крепостного права, которое повлекло за собой необходимость пересмотра юридических механизмов осуществления судопроизводства в деревне. Статус относительно нового судебного органа, связанного с местным крестьянским самоуправлением – волостного суда, был отражён в Положении о крестьянах (ПСЗРИ. Т. XXXVI. № 36657).

Волостной суд, осуществляя судопроизводство на общинном уровне, учитывал специфику сельской дореволюционной крестьянской жизни. В его ведении находились споры, возникавшие между крестьянами по земельным, наследственным, брачным, семейным, обязательственным отношениям, а также бытовые конфликты. Стремясь решить спорный вопрос мировым соглашением, волостной суд не только пытался примирить стороны, но и укрепить правопорядок в крестьянском мире, основываясь, прежде всего, на веками формировавшихся и функционировавших в «народе» нормах обычного права и крестьянском правосознании, а также представлениях о справедливости.

Такие суды состояли из крестьянских представителей, которые не всегда обладали необходимыми юридическими знаниями и опытом судейской работы. Результаты судебной деятельности крестьянских представителей в волостных судах на практике нередко подвергались обоснованной критике, что объяснимо невысоким уровнем юридической подготовки волостных судей и их зависимостью от применения традиционных норм, существовавших в крестьянской среде. Судьи, т. е. крестьянские представители, подлежали периодическому переизбранию уполномоченными лицами местного самоуправления.

Заключение брака в крестьянской среде представляло собой не только церковный обряд, но и сложную имущественную сделку между семьями жениха и невесты. Обычное право регулировало процедуру сватовства, сопровождавшуюся заключением предбрачного соглашения (Соснина, 2017: 198) – устного договора о размере приданого и вклада со стороны жениха. Нарушение такого соглашения одной из сторон вело к материальным спорам (Ефименко, 1879: 285).

Волостные суды, рассматривая иски о возмещении убытков, понесённых в результате срыва помолвки, часто руководствовались не нормами гражданского права Российской империи, а принципами крестьянской справедливости, основанными на обычном праве. Поскольку законом не предусматривалась неустойка за отказ от брака, судьи, исходя из обычая, стремились компенсировать понесённые расходы (например, на угощение, подарки) таким образом, чтобы никто не чувствовал себя обиженным. Фактически, возникающее обязательство рассматривалось как внедоговорное, из причинения вреда, и разрешалось на основе справедливости, а не формальных предписаний.

В рассматриваемый период в русской деревне царила патриархальная семья.

Основой крестьянской семьи в Московской губернии, как и по всей России, был патриархальный уклад. Власть домохозяина – старшего мужчины в семье – распространялась на всех её членов, включая взрослых женатых сыновей, невесток и внуков. Неповиновение главе семьи расценивалось как тяжкий проступок, подрывающий основы «домашнего мира». Обычное право

санкционировало применение мер воздействия к непокорным, вплоть до телесных наказаний для взрослых детей.

Яркой иллюстрацией этого служит дело, рассмотренное Царицынским волостным судом. Крестьянин Василий Федоров из деревни Хохловки подал жалобу на своего сына Максима Васильева за непочтение и неповиновение. Суд, выслушав отца, постановил наказать взрослого сына десятью ударами розог (ЦГИАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 11). Аналогичное решение было вынесено по жалобе крестьянки Матрены из деревни Шадровой на её сына Дмитрия Филиппова, который был приговорён к восемнадцати ударам розог (ЦГИАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–12). Удары розгами за неповиновение детей главе семьи также санкционировались в соответствии с главой третьей, статьёй 102 Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утверждённого 19 февраля 1861 г. В соответствии с данной статьёй «волостной суд властен... приговаривать виновных: ... лиц, от телесного наказания не изъятых, к наказанию розгами до двадцати ударов» (ПСЗРИ. Т. XXXVI. № 36657). Данный пример демонстрирует соответствие норм обычного крестьянского права требованиям позитивного права. Подобные случаи также свидетельствуют о том, что волостные суды выступали гарантом патриархальной власти, видя в её сохранении залог стабильности общины.

Однако архивные материалы свидетельствуют и о начале «заката» абсолютной власти домохозяина. В конфликтах между старшими и младшими членами семьи суд иногда занимал более взвешенную позицию, требуя доказательств вины. Таким примером является дело 1892 г., рассмотренное Добрятинским волостным судом по жалобе крестьянина Ивана Ермолаева Обозова на сноху – крестьянку Марью Васильеву, которую он обвинял в угрозе убийством. Ответчик объяснила, что лишь защищалась от угроз нанесения побоев со стороны свёкра. Свидетели подтвердили факт конфликта, но не увидели ножа в руках Марьи. Суд, не найдя достаточных доказательств злого умысла, оставил жалобу Обозова без удовлетворения (ЦИАМ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4).

Суд в данном случае опирался на общий принцип необходимости доказательств (бремя доказывания), не конкретизируя применённый источник права, но подразумевая установленный обычно-правовой порядок судопроизводства. Это решение демонстрирует определившуюся тенденцию в волостных судах, направленную на изменение отношения суда к главе семейства как безусловному домовладыке, обладающему абсолютной властью в семье. Подобные решения волостных судов отражают медленную трансформацию правосознания, что, в свою очередь, свидетельствует об изменении обычно-правового статуса домохозяина как главы семьи.

Вопрос о раздельном проживании супругов был одним из самых сложных в дореволюционном семейном праве. По мнению В.Ф. Трелина, «общеемперское законодательство, основанное на церковных канонах, не признавало разводов, кроме крайне ограниченных случаев, и запрещало раздельное жительство без официального разрешения» (Трелин, 1914: 28). Однако жизненные реалии, особенно в крестьянской среде, где семейные конфликты были частым явлением, заставляли искать обходные пути.

Волостные суды в этом вопросе обладали значительной свободой усмотрения. Они могли как постановить о принудительном возвращении супруги в дом мужа, так и в исключительных случаях санкционировать «раздельное проживание» (Соснина, 2017: 199), особенно если имелись доказательства жестокого обращения, пьянства или расточительства мужа. Так, в 1914 г. в Елмановский волостной суд обратились крестьянки Анна Ермилова и её несовершеннолетняя дочь Анися (8 лет) с ходатайством о выдаче им годовых паспортов для выезда на заработки. В своём прошении они ссылались на угрозы со стороны отца семейства и опасность для жизни девочки. Суд, приняв во внимание эти обстоятельства, удовлетворил их просьбу, тем самым фактически легализовав их уход из семьи в целях безопасности (ЦГИАГМ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–4). Этот случай демонстрирует, как волостные суды, используя формальный повод (выдача паспорта для отходничества), фактически брали на себя функцию защиты наиболее уязвимых членов семьи, обеспечивая им физическую безопасность в тех случаях, где позитивное право было бессильно.

При рассмотрении подобных дел волостные суды часто опирались на устаревшие локальные акты, такие как «Сельский судебный устав для государственных крестьян» 1839 г. (Сельский..., 1850), содержавший ряд традиционных норм, который предоставлял сельским сходам право разрешать раздельное проживание. Это демонстрирует приверженность судов традиционным, укоренённым в обычае процедурам.

В случае осуществления семейных разделов возникали имущественные споры. Процесс семейных разделов – выделения взрослых сыновей в самостоятельное хозяйство – был массовым явлением в пореформенной деревне. До 1906 г. для раздела требовалось согласие главы семьи и решение сельского схода, принятое большинством в две трети голосов. Волостные суды играли ключевую роль в урегулировании споров, возникавших при разделе общего имущества.

Ярким примером является дело о разделе имущества между братьями Петром и Фёдором, сыновьями Макара, по фамилии Мазжорины из деревни Ближней Хохловки в 1896 г. Братья подали совместное прошение на сельский сход о разделе наследственного имущества. Раздел был детально оформлен: Пётр остался на старом усадебном месте, получив каменный этаж дома, а Фёдор – верхний деревянный этаж, который обязался перенести на новый участок, выделенный ему общиной. Были

распределены садовые участки, инвентарь, плодовые деревья и даже долги. Сход утвердил этот раздел, а волостной суд зафиксировал его правовые последствия (ЦГАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 28–34).

Это дело показывает, что обычное право тщательно регламентировало процедуру раздела, стремясь к справедливому распределению не только земли и построек, но и мельчайших предметов хозяйства. Участие общины в лице схода было обязательным элементом, что подчёркивает коллективистскую природу крестьянского землевладения и семейной автономии.

Аналогичную логику, восходящую к верховенству общинного решения (приговора схода) над любыми последующими домыслами, демонстрирует дело 1905–1907 гг. о земельном споре между крестьянами села Софьино Василием Седовым и Василием Жуковым. Истец Седов требовал «изъятия из владения» ответчика части усадьбы, на которую тот, по его мнению, незаконно покусился. Софьинский волостной суд, выехав на место для «измерения усадьбы» в присутствии волостного старшины, старосты и понятых, установил истину, сверяя фактические границы с исходным документом – приговором сельского схода от 22 мая 1883 г., которым эта усадьба первоначально отводилась Жукову. Обнаружив, что ответчик самовольно расширил свои владения за счёт истца, суд удовлетворил иск Седова. Жуков обжаловал решение в Бронницкий уездный съезд, но тот оставил его в силе (ЦГАГМ. Ф. 2363. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–19). Примечательно, что даже после этого Жуков отказался добровольно исполнить решение, и волостному старшине пришлось в принудительном порядке, с составлением протокола и приглашением понятых, установить на местности правильную межу.

Это дело подчёркивает, что в основе разрешения даже сложных земельных соседских споров, которые могли быть следствием семейных разделов или нарушения правил и условий вступления в наследство, лежал не субъективный произвол, а апелляция к легитимному волеизъявлению общинного схода, на котором решения принимались в соответствии с нормами обычного крестьянского права. Подобные решения общинных сходов волостной суд считал первоисточником возникшего права.

Указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» (Столыпин, 2011: 102–106), а также Указ от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» (Столыпин, 2011: 380–385), инициированные П.А. Столыпиным, упростили процедуру семейных разделов и выхода из общины. Однако на практике крестьяне Московской губернии часто относились к этим нововведениям настороженно, предпочитая действовать по старинке, через сход и волостной суд, что говорит о глубокой укоренённости обычнo-правовых норм.

Подобным примером являлось дело, рассмотренное в 1908 г. Велинским волостным судом, о семейном разделе крестьянина И.А. Казакова с сыном Н.И. Казаковым. Хотя Указ от 5 октября 1906 г. отменял необходимость получения согласия сельского общества (схода) на семейный раздел, однако в июле 1908 г., почти через два года после выхода указа, крестьянин Иван Кузнецов для раздела с сыном в первую очередь обращается не в волостной суд с заявлением о реализации своего права в соответствии с недавно изданным Указом, а собирает сельский сход для получения традиционного разрешительного приговора, который был отражён в деле волостного суда: «9 июля 1908 г. Мы нижеподписавшиеся крестьяне... собравшись согласно 62 статье общего положения о крестьянах... вследствие заявления... Ивана Алексея Кузнецова постановили: разрешить и разрешаем ему Кузнецову произвести семейный раздел с сыном Никитой Ивановым» (ЦГАГМ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–5).

Только получив этот приговор схода, стороны переносят вопрос о конкретных условиях раздела (разделе имущества) в Велинский волостной суд, который и выносит окончательное решение 3 августа 1908 г.

Этот случай наглядно показывает, что крестьяне и даже волостной суд по-прежнему считали санкцию общинного схода легитимной и необходимой стадией процедуры раздела, игнорируя новую, упрощённую процедуру, санкционированную имперским законодателем.

Тесно связанными с семейными отношениями являлись наследственные отношения. Особенностью крестьянского обычного права была его гибкость в вопросах наследования. Наряду с передачей имущества прямым нисходящим потомкам, широкое распространение имел институт «примачества», то есть принятие зятя в дом тестя при отсутствии сыновей. Такой зять (примак) обязывался вести хозяйство и содержать престарелых родителей жены, за что приобретал права на их имущество.

В 1911 г. Царицынский волостной суд рассмотрел иск крестьянина Фёдора Садова к его тётке Аграфене Вороновой о признании за ним права на половину дома и усадьбы. Истец ссылаясь на «любовную расписку» 1900 г., по которой Вороновы передали ему и своей дочери Пелагее (жене Садова) половину имущества при условии их содержания. Однако суд установил, что Садов пять лет назад покинул дом, не исполняя своих обязательств, и всё это время не заявлял о своих правах. Тем временем Воронова, руководствуясь нормами обычного права, приняла в дом другого зятя, Ивана Продувалова, который фактически вёл хозяйство и ухаживал за ней. Суд отказал Садову в иске,

сославшись на истечение срока земской давности и неисполнение им условий обычного договора (ЦГАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–8).

Это дело наглядно иллюстрирует, что в основе наследственных прав в крестьянской среде лежал не формальный юридический акт, а реальное исполнение семейно-трудовых обязанностей. Обычное право защищало того, кто вкладывал свой труд в общее хозяйство и заботился о старшем поколении.

Аналогичную ситуацию видим в другом примере, по делу 1909 г., рассмотренному в Царицынском волостном суде, где крестьянка Аграфена Воронова ходатайствовала о наследственных правах своей дочери, одновременно указывая на незавершённость процедуры «усыновления» другого зятя (ЦГАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 51–55). В своём прошении она поясняла, что «было у меня намерение усыновить себе зятя – мужа умершей моей дочери кр. нашего же села Ивана Федорова Продуwalова, на что было испрошено согласие сельского схода, но намерение это не сбылось, зять остался не усыновленным» (ЦГАГМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 52). Суд вновь продемонстрировал приверженность формальным процедурам, требуя чёткого юридического оформления усыновления, даже в рамках гибкой системы обычного права.

Правовой статус крестьянки в патриархальной семье был ограничен. Однако волостные суды, руководствуясь принципами справедливости, могли вставать на её защиту в случаях явного произвола. Уже упомянутое дело Обозова против Васильевой показывает, что суд мог отказать в удовлетворении иска свёкра, если обвинения против снохи не были доказаны: «волостной суд нашел, что обвинение Обозовым Марьи Васильевой в угрозах не доказано, ... а потому постановил: жалобу Обозова ... без последствий» (ЦИАМ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4).

Вопросы опеки над малолетними детьми в случае смерти отца также часто решались на основе правового обычая. Опись имущества после смерти крестьянина Ивана Иванова Корягина из деревни Дурнихи Бронницкого уезда, составленная в июне 1911 г., показывает, что семья включала в свой состав вдову и семерых малолетних детей. Имущество было записано на детей, что формально защищало их интересы, но при этом вдова обязуется принять имущество детей, оставшееся им после смерти их отца, только на хранение. То есть вдова принимает данное имущество на определённое время, пока дети находятся под её опекой. Она не является собственником данного имущества, что отражает её несамостоятельное, отчасти зависимое положение: «... всю описанную и поименованную в сей описи [собственность] на хранение ... приняла опекунша малолетних детей крестьянка Бронницкого уезда Чулковской волости деревни Дурнихи Пелагея Карягина» (ЦИАМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–9). Волостной суд, руководствуясь нормами обычного права, в таких случаях следил за тем, чтобы имущество сирот не было расхищено родственниками или общиной.

Данное дело было продолжено и рассмотрено уже в 1917 г. Спустя шесть лет после смерти отца своих детей, вдова Пелагея Карягина вынуждена была вновь обратиться в Царицынский волостной суд для официального утверждения себя и детей в правах на наследство. Суд принял дело к рассмотрению, хотя первоначально отложил его, требуя явки двух уполномоченных от крестьянского общества, что подчёркивает сохраняющийся контроль общины в отношении наследственных прав детей даже после смерти их отца-домохозяина (ЦИАМ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–9). Удовлетворив в итоге ходатайство вдовы, суд выполнил две функции: с одной стороны, он завершил формальную легализацию прав сирот на имущество, ранее, в 1911 г., лишь описанную; с другой – он публично, с участием представителей общества, подтвердил правомочность вдовы как опекуна, подчёркивая тем самым регулирующую функцию обычного права в отношении имущества малолетних, которое защищалось благодаря применению правовых обычаев в крестьянской среде. Это двойное судопроизводство (1911 г. и 1917 г.) демонстрирует, как обычай, будучи гибким в признании фактического положения вещей (дети – собственники, вдова – хранитель), одновременно стремился к формализации. Также данный судебный процесс иллюстрирует наличие общественного контроля на ключевых этапах перехода имущественных прав внутри семьи.

Анализ архивных материалов подтверждает и углубляет основные выводы о характере деятельности волостных судов. При разрешении семейно-имущественных споров суды последовательно исходили из приоритета обычно-правовых норм, будь то компенсация фактических убытков при срыве свадьбы, легализация раздельного жительства супругов при доказанном неподобающем поведении одного из них или охрана наследственных прав, жёстко увязанных с фактическим исполнением трудовых обязанностей. Даже на фоне государственных реформ общинная процедура с участием схода продолжала восприниматься крестьянами и судами как неотъемлемая и легитимная обычно-правовая часть судебного процесса. Эта устойчивость обычая обеспечивалась его глубокой укоренённостью в повседневных хозяйственных практиках и представлениями о справедливости, которые волостной суд был призван охранять и воспроизводить.

5. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что правовой обычай являлся одним из важнейших источников регулирования семейно-брачных отношений в крестьянской среде Московской губернии во II пол. XIX – нач. XX в.

В своей практике волостные суды, руководствуясь патриархальными принципами, признавая власть домохозяина и традиционные устои большой семьи, в отдельных случаях защищали права женщины, демонстрируя наметившуюся трансформацию правосознания и тенденцию, направленную на изменение отношения суда к главе семьи как к безусловному домовладыке.

Вместе с тем анализ конкретных судебных дел иллюстрирует роль обычного права в крестьянской общине, которое не было застывшим монолитом. Оно обладало внутренней гибкостью и способностью к адаптации, позволявшей учитывать меняющиеся социальные реалии, такие как постепенная эмансипация женщин, рост личностных начал и имущественных притязаний младших членов семьи.

Крестьяне по-прежнему считали санкцию общинного схода легитимной и необходимой стадией процедуры раздела, игнорируя новую, упрощённую процедуру, санкционированную имперским законодателем.

Правовой обычай обеспечивал баланс между коллективными интересами общины, потребностями отдельной семьи и необходимостью перемен. Решения волостных судов по семейным спорам, будь то разрешение на раздел, защита женщины от насилия или распределение наследства, всегда были ориентированы на поиск компромисса, который воспринимался крестьянами как справедливый. Это обеспечивало высокую степень легитимности волостного судопроизводства и его эффективность в поддержании социального мира в русской деревне в эпоху масштабных трансформаций.

Литература

Базанов, 1902 – Базанов И.А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск: 1-я типолитография П.И. Макушкина, 1902. 34 с.

Безгин, 2018 – Безгин В.Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // *Право: история и современность*. 2018. № 1. С. 7-15.

Ефименко, 1884 – Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: обычное право. Вып. 1. М.: В.И. Касперов, 1884. 380 с.

Ефименко, 1869 – Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. 1. Архангельск: Губ. тип., 1869. 336 с.

Кандинский, 1889 – Кандинский В. О наказаниях по решениям волостных судов Московской губернии / *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.)*. М.: Типография А. Левинсон и К, 1889. С. 34-49.

Кистьяковский, 1872 – Кистьяковский А. Ф. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение / *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряжённой Императорским Русским географическим обществом*. Т. VI. СПб., 1872. 224 с.

Лунгин, 1864 – Лунгин С.Ф. Волостные суды // *Русский вестник*. 1864. № 3. Т. 50. С. 383-400.

Менщиков, 2016 – Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6 (68). Ч. I. С. 119-124.

Муравьев, 1891 – Муравьев Н. В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. 131 с.

Оршанский, 1879 – Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному / И. Г. Оршанский. СПб.: Тип. А. Е. Ландау, 1879. 453 с.

Сборник..., 1900 – Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 / Записки Императорского русского географического общества / Под ред. С. В. Пахмана. Т. 18. СПб., 1900. 440 с.

Сельский..., 1850 – Сельский судебный устав для государственных крестьян. СПб., 1850. 93 с.

Скоробогатый, 1881 – Скоробогатый П. Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции // *Юридический вестник*. 1881. № 7. С. 607-623.

Соснина, 2017 – Соснина М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в брачно-семейных делах (на материалах Архангельской губернии второй половины XIX – начала XX) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2017. № 1. С. 195-218.

Столыпин, 2011 – Столыпин П.А. Программа реформ: документы и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 763 с.

Трелин, 1916 – Трелин В.Ф. О расторжении браков в духовных консисториях. М.: Синод. тип., 1916. 28 с.

Тютрюмов, 1883 – Тютрюмов И.М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // *Русское богатство*. 1883. № 9. С. 184-225.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи, Собрание (1825–1881). Т. XXXVI (1861). Ч. I. № 36657. *Российская национальная библиотека*. [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=141&part=737 (дата обращения: 04.11.2025).

ЦГАГМ – Центральный государственный архив г. Москвы.

ЦГИАГМ – Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Якушкин, 1908 – Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Вып. 3. Ярославль, 1908. 546 с.

Sosnina et al., 2024a – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.

Sosnina et al., 2024b – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

References

Bazanov, 1902 – Bazanov, I.A. (1902). Osnovnye cherty grazhdansko-pravovogo stroya krest'yan po Polozheniyam 19-go fevralya i pozdneishim uzakoneniya [The main features of the civil-legal system of peasants according to the Regulations of February 19 and later laws]. Tomsk: 1-ya tipolitografiya P.I. Makushkina. 34 p. [in Russian]

Bezgin, 2018 – Bezgin, V.B. (2018). Obychnoe pravo i volostnoi sud: sovremennoe sostoyanie izucheniya problemy [Customary law and the parish court: the current state of the study of the problem] *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 1: 7-15. [in Russian]

Efimenko, 1884 – Efimenko, A.Ya. (1884). Issledovaniya narodnoi zhizni: obychnoe pravo [Studies of Folk Life: Customary Law]. M., 380 p. [in Russian]

Efimenko, 1869 – Efimenko, P.S. (1869). Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev Arkhangel'skoi gubernii. Kn. 1. [Collection of folk legal customs of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 336 p. [in Russian]

Kandinskii, 1889 – Kandinskii, V. (1889). O nakazaniyakh po resheniyam volostnykh sudov Moskovskoi gubernii [On Punishments by Decisions of Volost Courts of Moscow Province]. Sbornik svedeniya dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii (obychnoe pravo, obryady, verovaniya i pr.) M., Tipografiya A. Levinskoi i K. Pp. 34-49. [in Russian]

Kistyakovskii, 1872 – Kistyakovskii, A.F. (1872). Volostnye sudy, ikh istoriya, nastoyashchaya ikh praktika i nastoyashchee ikh polozhenie [Volost courts, their history, their current practice and their current status]. Trudy etnograficheskostatisticheskoi ekspeditsii v zapadnorusskii krai, snaryazhennoi Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom. VI: 224 p. [in Russian]

Lungin, 1864 – Lungin, S.F. (1864). Volostnye sudy [Volost courts]. *Russkii vestnik*. 3: 383-400. [in Russian]

Menshchikov, 2016 – Menshchikov, I.S. (2016). Volostnoi sud kak khranitel' traditsionnykh norm povedeniya v russkoi derevne [The volost court as the guardian of traditional norms of behavior in the Russian village] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 6(68): 119-124. [in Russian]

Murav'ev, 1891 – Murav'ev, N.V. (1891). Rukovodstvo dlya volostnykh sudov v mestnostyakh, gde uchrezhdeny zemskie uchastkovye nachal'niki [Guidelines for volost courts in localities where zemstvo district chiefs have been established]. M. 131 p. [in Russian]

Orshanskii, 1879 – Orshanskii, I.G. (1879). Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu [Research on Russian law, customary and marital]. SPb. 453 p. [in Russian]

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, Sobranie (1825–1881) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825–1881)]. T. XXXVI (1861). № 36657 [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.11.2025). [in Russian]

Sbornik..., 1900 – Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev [Collection of folk legal customs]. T. 2. Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Pod red. S. V. Pakhmana. SPb., 440 p. [in Russian]

Sel'skii..., 1850 – Sel'skii sudebnyi ustav dlya gosudarstvennykh krest'yan [Rural judicial charter for state peasants]. S.-Pb., 93 p. [in Russian]

Skorobogaty, 1881 – Skorobogaty, P. (1881). Vliyanie starshin i pisarei na otpravlenie volostnoi yustitsii [The influence of elders and clerks on the administration of volost justice]. *Yuridicheskii vestnik*. 7: 607-623. [in Russian]

Sosnina, 2017 – Sosnina, M.A. (2017). Obychno-pravovye osnovy krest'yanskoi sem'i: vliyanie zakona i obychnaya na resheniya volostnykh sudov v brachno-semeinykh delakh (na materialakh Arkhangel'skoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX) [Customary legal foundations of the peasant family: the influence of law and custom on the decisions of volost courts in marriage and family matters (based on materials from the Arkhangelsk province of the second half of the 19th – early 20th)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. 1: 195-218. [in Russian]

Sosnina et al., 2024a – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.

- Sosnina et al., 2024b – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.
- Stolypin, 2011 – Stolypin, P.A. (2011). Programma reform: dokumenty i materialy. T. 1. [Reform program: documents and materials]. M. 763 p. [in Russian]
- Trelin, 1916 – Trelin, V.F. (1916). O rastorzhenii brakov v dukhovnykh konsistoriyakh [On the dissolution of marriages in spiritual consistories]. M., 28 p. [in Russian]
- TsGA – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskvy [Central State Archives of Moscow].
- TsGIAGM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Central State Historical Archives].
- TsIAM – Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Moskvy [Central Historical Archive of Moscow].
- Tyutryumov, 1883 – Tyutryumov, I.M. (1883). Krest'yanskii sud i nachala narodno-obychnogo prava [Peasant court and the beginnings of folk customary law]. *Russkoe bogatstvo*. 9: 184-225. [in Russian]
- Yakushkin, 1908 – Yakushkin, E.I. (1908). Obychnoe pravo: materialy dlya bibliografii obychnogo prava [Customary Law: Materials for a Bibliography of Customary Law]. Yaroslavl', 546 p. [in Russian]

Роль правового обычая при рассмотрении семейно-брачных споров в волостных судах Московской губернии II пол. XIX – нач. XX в.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Андрей Витальевич Мелентьев ^b, Максат Шамилович Шамилов ^c, Юлия Евгеньевна Курилюк ^d

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Семейно-брачные отношения на протяжении столетий составляли основу социальной организации русского крестьянства. Регулирование этих отношений в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.) характеризовалось дуализмом правовой системы. Наряду с общеперским законодательством, мощнейшим регулятором продолжало оставаться обычное право.

Волостные суды в дореволюционной России, являясь низшей судебной инстанцией для крестьянского населения, играли ключевую роль в разрешении споров, возникавших в сфере семейно-брачных отношений. Их деятельность базировалась на сложном сочетании норм позитивного законодательства и широко распространённого обычного права. Правовые обычаи занимали центральное место в регулировании семейной жизни крестьян Московской губернии, определяя порядок заключения и расторжения брака, отношения между супругами, родителями и детьми, а также наследственные и имущественные права. Волостные суды, опираясь в своих решениях на традиционные представления о справедливости, патриархальном укладе, трудовом начале и уважении к старшим, обеспечивали стабильность и преемственность крестьянской общины. В статье на основе анализа архивных материалов исследуются конкретные случаи из судебной практики, демонстрирующие механизмы применения обычного права в разрешении семейных конфликтов.

Решения волостных судов по семейным спорам были ориентированы на поиск компромисса, который воспринимался крестьянами как справедливый. Это обеспечивало высокую степень легитимности волостного судопроизводства и его эффективность в поддержании социального мира в русской деревне в эпоху масштабных трансформаций.

Ключевые слова: правовой обычай, волостной суд, обычное право, крестьяне, семейно-брачные отношения, Московская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: plotskaya.aa@rea.ru (О.А. Плоцкая)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 307-317
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.307

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The History of My Contemporary” by V.G. Korolenko as a Historical Source for Socio-Political Research on Russia in the second half of the 19th century

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes “The History of My Contemporary” by V.G. Korolenko as a historical source. It is established that Korolenko's observations and conclusions on socio-political phenomena in Russia in the second half of the 19th century coincide with those of his contemporaries and professional historians. Verification of the facts from Korolenko's socio-political autobiography against documentary and analytical literature confirms the objective nature of his narrative and its value as a historical source. The writer's original approach consists in recreating the historical period through his own perception. The article analyzes the factors that shaped the writer's worldview and the origins of his oppositional stance. Korolenko's attitude towards events and phenomena significant for Russian history is considered. In “The History of My Contemporary”, the author addresses such socio-political phenomena as the abolition of serfdom, the Polish Uprising, the education reform, the “Going to the People” movement and the assassination of Alexander II. An important part of the memoirs is the empirical material about Russian revolutionaries and trials against them, as well as the author's analytical conclusions that the state's disproportionate punitive policy was the reason for the terrorist shift in revolutionary activity. Of particular value to researchers is Korolenko's eyewitness account of political exile, its social composition, the daily life and lifestyle of the local population, and the nature of the relationship between the locals and political exiles. The prevailing mood among the Russian intelligentsia and its relationship with the common people are also reflected in Korolenko's memoirs. The range of issues covered, their breadth, and the objective nature of the narrative allow Korolenko's memoirs to be considered a valuable historical source.

Keywords: V.G. Korolenko, Russia, Russian intelligentsia, exile, Russian populists, common people, memoirs, historical source.

1. Введение

Воспоминания, мемуары, записки, письма, позволяющие воссоздать исторические картины прошлого, составляют в качестве источников для исследователей социально-политических аспектов значительную ценность. Документальные произведения не только помогают составить более полное представление об исторических событиях, но и позволяют уловить особенности мировосприятия людей описываемой эпохи. При этом с позиции исторической критики важно учитывать личностные особенности автора воспоминаний, его социальный статус, политические взгляды, этические и эстетические пристрастия и вкусы.

«История моего современника» В. Г. Короленко по характеру изложения описанных в ней событий выходит за традиционные рамки жанра воспоминаний и представляет ценность как исторический источник, иллюстрирующий и конкретизирующий общественно-политическую обстановку в России второй половины XIX в. Сам автор указывал, что он писал не историю своего времени, «а только историю одной жизни в это время», но жизнь эта была настолько богата

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

историческими событиями, пережитыми, глубоко осмысленными и талантливо воспроизведёнными автором, что само её описание может представлять большой исторический интерес. Претендуя на объективный характер своего труда, Короленко отмечал: «Здесь не будет ничего, что не встречалось в действительности, чего я не испытал, не чувствовал, не видел» (Короленко, 1985а: 5). По мнению Е. Болдыревой и Е. Астаховой, исследовавших особенности повествовательного стиля писателя, Короленко дистанцируется от своих чувств, используя эффект временного отстранения, и поэтому эмоции передаются им опосредованно (Болдырева, Астахова, 2016: 36). Подобный подход к изложению текста максимально позволяет автору сохранить принцип объективности. Это заключение исследователей согласуется с наблюдением товарища Короленко по ссылке С. Швецова, который отмечал, что «при всем своем активном отношении к окружающему, он все же стоял как бы несколько в стороне от него» (Швецов, 1962: 43).

Руководствуясь чувством социальной ответственности, Короленко умел гармонично сочетать общественную и писательскую деятельность. Создавая «Историю моего современника» в исключительно неблагоприятных условиях семнадцать лет (1905–1921), в которые вошли годы войны и две революции, автор рассматривал свой труд как своеобразный итог пережитого. Нравственно-политическая оценка событий, использование им приёмов публицистического жанра позволяют определить «Историю моего современника» как жанр социально-политического автобиографического романа, имеющего вполне определённую познавательную историческую ценность. Короленко подчёркивал, что в центре его повествования находится «время», показанное через призму личной биографии, поэтому в его книге освещаются лишь факты и мысли, связанные с «общественными мотивами». Подобный подход к освещению событий, основанный на переплетении личного прошлого с историей русского общества является особенно ценным при рассмотрении «Истории моего современника» в качестве исторического источника.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования является «История моего современника» В. Короленко, которая может быть отнесена к социально-политическому типу автобиографического романа (Короленко, 1985а; Короленко, 1985б). Рассуждения Короленко о писателях и общественных деятелях, сыгравших определённую роль в формировании его мировоззрения, нашли своё отражение в его воспоминаниях и очерках (Короленко, 1957; Короленко, 1982). Сравнительный анализ восприятия Короленко общественно-политической ситуации России с её оценкой, данной в воспоминаниях Л. Пантелеева (Пантелеев, 1958), С. Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987), П. Милюкова (Милюков, 1990), показывает схожесть их взглядов по многим вопросам развития страны. Особый интерес представляют воспоминания С. Швецова, разделившего заключение с Короленко в политической тюрьме Вышневолоцкого, и Н. Тютчева, отбывавшего ссылку с ним в Амге (Швецов, 1962; Тютчев, 1962). Анализ размышлений Короленко о взаимоотношениях народа и интеллигенции показывает, что они во многом созвучны с мнением выдающегося историка и мыслителя, современника описываемых в книге Короленко событий, Л. Тихомирова (Тихомиров, 2008).

Теоретико-методологический конструкт исследования базируется на сочетании общенаучных и специально-исторических методов. Историко-типологический подход в исследовании «Истории моего современника» как исторического источника позволил выявить как ретроспективную фактологию, так и косвенную информацию, характеризующую автора и эпоху. Метод синтетической критики дал возможность сопоставить сведения мемуаров В. Короленко с данными воспоминаний его современников и другими источниками. Историко-биографический метод применён для анализа роли личностей в общественно-политических процессах России XIX в.

3. Обсуждение

Труд выдающегося русского учёного А. Корнилова даёт возможность сопоставить взгляды профессионального учёного и писателя Короленко на отдельные общественно-политические события, происходившие в России XIX в. (Корнилов, 2004). Учёный и журналист Г.М. Миронов, защитивший диссертацию по теме «Капитализм в творчестве В.Г. Короленко», в своём труде опирается на документы и личный архив писателя (Миронов, 1962). Наблюдения Короленко относительно проявления народом верноподданнических чувств находят своё подтверждение в исследовании Б.Н. Миронова, занимающегося вопросами социального развития России (Миронов, 2014). В монографии Г.А. Бялого содержатся биографические сведения о писателе, проведён литературный анализ его произведений (Бялый, 1949).

Статьи в научных журналах позволяют дополнить и конкретизировать биографический контент. В.В. Блохин в своей статье анализирует особенности общественно-политических взглядов В. Короленко (Блохин, 2010). Влияние жизненного опыта, приобретённого писателем во время сибирской ссылки, и нашедшего отражение в его произведениях, прослеживается в статье Н.С. Тишевской (Тишевская, 2013). Особенности психологии героев «Истории моего современника» посвящена статья Е. С. Савельевой (Савельева, 2008). Оценка В. Короленко политического развития России дана в статье Р.Р. Магомедова (Магомедов, 2011). Особенности повествовательного стиля

«Истории моего современника» рассмотрены в статье Е.М. Болдыревой и Е.А. Астаховой (Болдырева, Астахова, 2016). Статья Ю.Г. Степанова, основанная на объективном подходе к личности и деятельности Нечаева, позволяет сделать вывод о правильности оценки, данной этому общественному деятелю со стороны Короленко (Степанов, 2022). Ряд работ авторов данной статьи посвящён вопросам поиска путей развития страны в интеллигентском дискурсе (Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021), дихотомии народа и интеллигенции (Gryaznukhin et al., 2024), влияния политической ссылки на социокультурное развитие Сибири (Gryaznukhin et al., 2023).

4. Результаты

Согласно семейному преданию, предки Владимира Галактионовича Короленко получили от польских королей гербовое дворянство. Дед и отец писателя были российскими чиновниками. Отец, исполнявший обязанности уездного судьи, отличался честностью и неподкупностью. Крепостными они никогда не владели, соответственно, и отношений с дворянской средой не имели (Короленко, 1985a: 15). В семье Короленко гармонично уживались две культуры – русская и польская. Мать по национальности была полькой. Читать маленький Володя учился по польской азбуке, своё обучение начал в польском пансионе, и первая театральная пьеса, которую он увидел в своей жизни, была тоже польская (Короленко, 1985a: 99). Большая политика коснулась семьи в связи с польским восстанием 1863 г. Изменения в общественно-политической обстановке поставили вопрос определения своей идентичности. Отец объяснил детям, что они русские и отныне должны говорить по-русски (Короленко, 1985a: 103). Осознанное национальное самоопределение у Короленко произошло позже, и определяющую роль в этом сыграла русская словесность; писатель отмечал, что «нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература» (Короленко, 1985a: 288). Особое влияние на будущего писателя оказали статьи Добролюбова, поэзия Некрасова, повести Тургенева. Таким образом, мировоззрение Короленко формировалось под влиянием семейных традиций, личного опыта, прочитанной литературы.

Большую роль в становлении личности Короленко сыграла деятельность лидеров общественного движения, в частности Н.Г. Чернышевского, авторитет которого для писателя был непререкаемым. Считая революционера «крупным человеком», Короленко не раз на протяжении жизни обращался к его наследию. В декабрьской книжке 1909 г. «Русского богатства», одним из руководителей которого являлся Короленко, была напечатана заметка М. Сажина о гражданской казни Чернышевского, состоявшейся 19 мая 1864 г. Событие это писатель оценивал как «поистине символический эпизод из истории русской оппозиционной мысли и русской интеллигенции» (Короленко, 1957: 56). Заметка эта интересна не только представленным фактическим материалом, но и характеристикой отношения различных категорий населения к Чернышевскому. И если в карету, отъезжавшую от эшафота, кем-то из интеллигенции были брошены цветы, то «простой народ, фабричные и вообще рабочие» громко выражали «неодобрение виновнику и его злокозненным умыслам» (Короленко, 1957: 59). О негативном отношении народа к представителям интеллигенции, готовым ради него идти даже на смерть, свидетельствуют факты, изложенные в воспоминаниях Л. Пантелеева. Во время церемонии объявления приговора на Мытной площади сотруднику «Современника» В. Обручеву, «толпа, окружавшая эшафот, выражала зверские желания, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутом, или, по крайней мере, повесили на позорном столбе вниз головой за то, что смел идти против царя» (Пантелеев, 1958: 279). Данные свидетельства показывают, насколько высока была у народа вера в царя в 1860-е гг., и насколько значительным было непонимание между интеллигенцией и народом.

Сравнительный анализ фактического материала, использованного в воспоминаниях, позволяет судить об объективном характере его изложения. Приверженность принципу объективности со стороны Короленко подтверждается и тем, что, несмотря на большую симпатию к Чернышевскому, он понимал, что писатель после ссылки «остался в основных своих взглядах тем же революционером в области мысли, со всеми прежними приемами умственной борьбы» (Короленко, 1982: 411). Короленко справедливо отмечал, что по своим взглядам Чернышевский остался в прошлом времени, не сумев уловить изменений, произошедших в общественно-политической ситуации страны. Не мог он согласиться и с оценкой Чернышевским творчества и общественной деятельности Л. Толстого, которого сам Короленко ценил чрезвычайно высоко, отмечая, что эти два писателя, имея тягу к рационализму, приходят к противоположным выводам (Короленко, 1982: 404). Способность критически воспринимать действительность, осмысленный выбор литературы для чтения способствовали формированию либеральных взглядов писателя, которые стали каркасной основой «Истории моего современника».

Одно из первых воспоминаний Короленко связано с приездом в Житомир в 1858 г. Александра II. Хотя мальчику было всего пять лет, он уловил общую атмосферу, господствовавшую в обществе. Детское восприятие писатель передаёт, давая ему трезвую взрослую оценку, и это позволяет ему дистанцироваться от субъективной чувственности, переходя к объективной рациональности. Всё общество глухой провинции из-за отсутствия газет занимали тогда тревожные слухи, толки, догадки о предстоящем освобождении крестьян (Короленко, 1985a: 65). Недостаток

информации о готовящейся реформе порождал неуверенность, тревогу и беспокойство (Короленко, 1985а: 243). Короленко описывает случай, свидетелем которого он был. К их соседке, помещице Коляновской, которая слыла барыней доброй и земли у её крестьян было достаточно, мужики пришли из деревни просить, «чтобы их оставили по-старому»: «мы ваши, а вы наши», заявили они (Короленко, 1985а: 75). Для объявления манифеста в город были «согнаны» представители от крестьян. А так как «прошел зловеющий слух: пань взяли верх у царя, и никакой опять свободы не будет» (Короленко, 1985а: 84), то местные власти, опасаясь реакции народа, в день торжества в городе выстроили войска. Позже, когда Короленко на каникулах из Ровно приехал к дяде в деревню Гарный Луг, он столкнулся с тем, что крепостное право там «дошло до явной нелепости». Поместное сословие множилось, но разорялось, некоторые помещики владели одной-двумя душами (Короленко, 1985а: 221). Впечатления юного Короленко вполне созвучны с оценкой общественной жизни перед реформой, данной в воспоминаниях Л. Пантелеева. Попав на летних каникулах в деревню к помещикам Одинцовым, людям образованным, знающим несколько языков, он столкнулся с тем, что крепостных они за людей не считают, полагают, что крепостное право является «божественным учреждением», а хозяйка поместья искренне сомневалась, «есть ли у крепостных душа» (Пантелеев, 1958: 99). Либеральная общественность реформу ждала с нетерпением, к которому, однако, «присоединился вечный страх за ее судьбу, боязнь, чтобы силы, враждебные ей, не взяли верх» (Пантелеев, 1958: 165).

Ещё одно воспоминание из детства писателя связано с польским восстанием. Не вдаваясь в подробности его хода, Короленко достоверно передаёт общественную атмосферу того времени. Он отмечал, что «первое время настроение польского общества было приподнятое и бодрое. Говорили о победах» (Короленко, 1985а: 112). Затем «место возбуждения заняло разочарование» (Короленко, 1985а: 117). В знак солидарности с потерпевшими поражение повстанцами дамы стали носить чёрные платья. В город были присланы войска и объявлено военное положение (Короленко, 1985а: 107). Последствия восстания затронули и лично Короленко. Обострение национального вопроса привело к тому, что он лишился друга из-за того, что он русский, а друг – поляк. После восстания начались аресты, доносы, суды, конфискации.

Воспоминания Короленко о годах своего обучения дают представление о российской системе образования второй половины XIX в. В 1863 г. он поступил в Житомирскую гимназию. В Киевском округе попечитель Н. Пирогов, которого в его инициативе поддержал Добролюбов, выступил с рядом статей о запрещении применения розги в качестве наказания для учеников. Но смог он добиться лишь некоторого ограничения в их применении (Короленко, 1985а: 127). Большой резонанс в обществе вызвала реформа графа Д. Толстого, в результате которой был закрыт доступ в университет «кухаркиным детям», циркуляр о которых появился в 1887 г., что вызвало чувство повсеместного негодования. Общую тенденцию в образовательной системе Короленко характеризовал словами: «Жестокий, тусклый режим школы» (Короленко, 1985а: 295). Запрещены были внеклассные собрания, рефераты, инициатива преподавателя сковывалась рамками казённой программы. По мнению Кравчинского, граф Толстой предпринял ряд мер, «варварство и цинизм которых трудно было бы превзойти» (Степняк-Кравчинский, 1987: 228). Между студенческой молодёжью и представителями власти велась постоянная настоящая война то в явной, то в более скрытой форме. В 1871 г. Короленко поступил в Технологический институт, в 1873 г. перешёл в Петровскую академию, с которой был связан новый период его жизни. Согласно уставу академии, лекции мог слушать каждый желающий, переходных экзаменов с курса на курс не было, сдавался только выпускной экзамен для получения диплома. Но веяния эпохи нашли отражение в уставе, который был изменён, так как считался слишком либеральным (Короленко, 1985а: 468). События общественной жизни не проходили стороной мимо слушателей академии, где, например, активно обсуждали дело Нечаева. По общему мнению студентов, убитый нечаевцами Иванов был прекрасным человеком, который не собирался доносить, а Нечаев хотел кровью скрепить сообщников. Короленко с высоты прожитых лет оценивал нечаевщину как явление, характерное для нигилистического периода всеобщего разрушения (Короленко, 1985а: 474). Студенческие сходки 1870-х гг. писатель считал несерьёзными, поскольку пение на пирушках «Дубинушки», чтение книжек об анархии, зажигательные речи, как правило, ничем не заканчивались. Получив диплом, выпускники сливались с профессиональной средой (Короленко, 1985а: 478). И хотя «трудно было в 70-е годы найти в России институт или университет, где не бурлила бы общественная жизнь, откуда не уходили бы «в народ» студенты, где не было бы волнений...» (Миронов, 1962: 48), серьёзной угрозы для правительства студенчество не представляло. П. Милюков в своих воспоминаниях семидесятые годы характеризовал как революционные. Студенты в ответ на происходившие события устраивали сходки, которые перерастали в политические митинги. К началу 80-х студенческая масса в целом по отношению к правительству находилась в состоянии оппозиции. Милюков вспоминал, что после мартовской трагедии 1881 г. «правые элементы открыли подписку на венок на могилу Государя. Их было мало, сбор шел вяло». Нашёлся студент, который вместо денег в шапку бросил пуговицу (Милюков, 1990: 121). В результате политики Александра III, повернувшего вправо, студенческие сходки были запрещены. Аналогичный факт реакции студентов Медицинской академии на смерть Александра II

приводит в своих воспоминаниях Кравчинский. На предложение одного из студентов устроить подписку для возложения венка на могилу государя студенты ответили «гробовым молчанием», никто «не дал ему ни копейки» (Степняк-Кравчинский, 1987: 482). Политика власти по отношению к студенческой молодёжи носила пагубный характер, невинные по своей сути протесты приводили к непропорционально жестокой реакции со стороны правительства.

Короленко, как правило, уделял внимание всем общественным событиям, свидетелем которых он являлся. В его книге нашла своё отражение полемика П. Ткачева и П. Лаврова, затронувшая практически все либеральные слои общества. Суть её заключалась в том, что Лавров звал молодёжь «в народ» для пропаганды идей социализма, считая, что для этого необходима серьёзная умственная подготовка; Ткачев же считал это излишним. По его мнению, необходимо было проповедовать немедленное революционное восстание, поскольку только так можно было освободить народ-страдалец. Судьба народа была в центре внимания либеральной интеллигенции, её занимала идея разгадать, в чём заключается его пресловутая мудрость. Хождение в народ Короленко считал логической реализацией этой идеи в жизнь, которую в легальной литературе проводили «Отечественные записки». Руководством к действию являлась программа Лаврова, которую обсуждали студенты в академии и сторонниками которой являлись братья Короленко. Однако будущее им представлялось не совсем ясно, было только понимание необходимости переустройства общества. С этой целью Короленко стал изучать сапожное дело, а брат завёл небольшую слесарную мастерскую. Очень возможно, что через некоторое время они отправились бы «в народ» (Короленко, 1985а: 568). Но, неожиданно для себя, Короленко, выбранный депутатом для передачи начальству коллективного адреса с протестом против ареста студентов, проживавших без прописки, становится «государственным преступником» и подвергается высылке (Короленко, 1985а: 495). Антиправительственные настроения тогда господствовали в обществе, молодёжь только более экспансивно выражала их. Намного позже к Короленко приходит понимание того, что в основе взглядов народников лежало наивное представление о народе, «о его потенциальной, так сказать, мудрости, которая дремлет в его сознании и ждет только окончательной формулы, чтобы проявить себя» (Короленко, 1985а: 483).

В результате ходатайства старшего брата Короленко был возвращён из Вологды и получил возможность отбыть свою ссылку в Кронштадте, где проживали в это время его родственники. Жил он с сестрой на квартире, где их посещали товарищи брата, некоторые из которых примкнули к революционной деятельности и впоследствии попали в Сибирь. Среди них был и С. Дегаев, революционер-террорист, вставший на путь провокации и выдавший своих товарищей, в числе которых была и Вера Фигнер (Короленко, 1985а: 538).

По мнению Короленко, общим результатом движения «хождения в народ» явился «Процесс 193-х», участники которого стали первыми его жертвами. Само «хождение» априори не обладало взрывным потенциалом, поскольку интеллигенция и народ не имели взаимного понимания. Однако правительственный принцип «держат и не пущат» привёл к массовым арестам и содержанию в предварительном заключении по три-четыре года (Короленко, 1985а: 541). По истечении этого срока состоялся суд, по приговору которого многих осуждали на три-четыре месяца. Такое отношение власти к обвиняемым не могло не возмущать общество, в котором процесс только усилил протестное движение. Вокруг участников процесса был создан героический ореол. Настроение общества выразилось при похоронах Некрасова, торжественное погребение которого правительство не могло предотвратить. Особое впечатление на всех произвела речь Ф. Достоевского о значении творческой деятельности поэта (Короленко, 1985а: 545). Факты, приводимые Короленко, находят подтверждение в воспоминаниях Кравчинского, который указывал на то, что прокурор Желеховский в своей обвинительной речи заявил, что наказания заслуживают от силы двадцать человек. Однако предварительное следствие, длившееся четыре года, унесло жизни семидесяти трёх человек, покончивших с собой или сошедших с ума (Степняк-Кравчинский, 1987: 96).

С сочувствием Короленко отнёсся к судьбе В. Засулич, полагая, что вынесенный ей оправдательный приговор произвёл большее впечатление, чем её выстрел в петербургского градоначальника. Оправдание Засулич позволило общественному мнению на время прорвать цензурные препоны, в газетах появились ряд сочувствующих статей (Короленко, 1985а: 555). Не считая Засулич террористкой, ибо руководствовалась она, скорее всего, эмоциональным порывом, Короленко рассматривал случившееся как результат жестоких репрессий со стороны правительства. К террористам он причислял С. Кравчинского, который, призывая к террору, в августе 1887 г. среди белого дня убил шефа жандармов Н. Мезенцова.

Для более эффективной борьбы с революционным движением властью был создан механизм «административного порядка», который Короленко охарактеризовал «законами о беззаконии» (Короленко, 1985а: 569). «Правительство вступало на путь азиатского произвола во всем, что хоть отдаленно касалось политических мотивов» (Короленко, 1985а: 569). Своё мнение он подтверждал приведёнными фактами. Во время его заключения в Литовском замке в камеру был доставлен студент Цыбульский, которого арестовали, когда он гулял около Летнего сада. Поводом для ареста послужил его внешний вид. У студента были длинные волосы, он носил очки и высокие сапоги. Отцу-

помещику, приехавшему вызволять сына, просидевшего два месяца в тюрьме, причины ареста объяснили подозрительным видом сына. Семидесятилетнего старика арестовали за то, что он был знаком с подозреваемым, которым являлся его сын. Старик никак не мог понять причины своего ареста (Короленко, 1985а: 599). Ещё один случай, описанный Короленко, связан с арестом студента консерватории при получении стипендии. На квартире, где это происходило, была организована засада из-за полученной анонимки, и арестовывали всех, кто туда приходил. Арестованный студент заявил, что всегда был на стороне правительства, но после ареста взгляды его изменились: «Пусть установят самые строгие наказания, пусть ссылают на каторгу, пусть в крайнем случае казнят. Но пусть это будет по суду, со всеми законными гарантиями... А так... Нет! Теперь я первый радуюсь, когда в них стреляют, потому что они сами величайшие преступники против всего общества» (Короленко, 1985а: 601). Общую обстановку в стране писатель характеризовал как «оргию доносов, сыска, обысков, арестов и высылки» (Короленко, 1985а: 598), всё население «без различия званий и состояний» попало под подозрение в крамоле и было поставлено вне закона. Правительство не понимало, что репрессиями оно только увеличивало число своих противников. Кравчинский дословно приводит донесение бывшего губернатора Архангельска генерала Баранова: «...административная ссылка по политическим причинам гораздо скорее может испортить и характер, и направление человека, чем поставить его на истинный путь». Далее генерал писал, что ссылка столь губительно действует на осуждённых, что всё чаще встречаются случаи помешательства и попытки самоубийства. Человек, попавший в ссылку по недоразумению или вследствие административной ошибки, становится неблагонадёжным в политическом отношении. «Как бы ссылка административным порядком ни была обставлена с внешней стороны, она всегда вселяет в ссылаемого непреодолимую идею об административном произволе» (Степняк-Кравчинский, 1987: 203). Невозможно заподозрить генерала в сочувствии к революционерам, но даже этот защитник самодержавия понимал пагубность для сохранения режима принимаемых правительством мер, в оценке которых оба современника – и Короленко, и Кравчинский – были едины. Злоупотребления власти в отношении подозреваемых в политической неблагонадёжности Кравчинский подтверждает фактами из биографии Короленко, который подвергся ряду незаконных арестов, в частности за побег из ссылки, которого он никогда не совершал (Степняк-Кравчинский, 1987: 206). Являясь современниками, но не встречаясь лично, Короленко и Кравчинский проявляли интерес к деятельности друг друга и имели схожие точки зрения по многим вопросам общественного развития России, не соглашаясь, однако, в формах и методах преобразования страны. Объявляя общество войну, государство не понимало, что оно «не может существовать, если умирает общество», «пытаясь заменить собой общество, государство приходит к деспотизму, удушению всех живых сил, а потому и к собственной смерти в параличе или истощении» (Тихомиров, 2008: 114). Это заключение историка Тихомирова полностью совпадало с мнением Короленко.

Судьба предоставила писателю возможность поближе познакомиться с народом. Он иронизировал над тем, что, будучи высланным правительством в глухие Починки, смог осуществить, наконец, своё давнее намерение – узнать народ поближе. Многие в народе его разочаровало. Обескураживало то, что в народном сознании всё ещё жила вера в справедливость царя, от которого скрывает правду начальство. Это наблюдение писателя совпадало с результатами исследования историка Л. Тихомирова, рассматривавшего мировоззрение народа в контексте психологической основы власти и проанализировавшего народные поговорки, общий смысл которых сводился к тому, что «народ знает, что благо народа в руке царевой», что «нельзя царству без царя стоять», что «без Бога свет не стоит, без царя земля не правится» (Тихомиров, 2008: 85). Народ верил, что царь обязательно узнает народную думу. Такое единство с царём внушало народу надежду и уверенность. Б. Миронов в своём исследовании приводит статистические данные, согласно которым в 1870–1880-х гг. в выборах в земства от крестьян, получивших избирательное право, участвовало 48 %, а от землевладельцев – 19 %. Объясняет он эту разницу лояльным отношением крестьян к верховной власти (Миронов, 2014: 407). Однако отдалённость царя от народа постепенно формировала у мужика состояние безысходности, которое прослеживалось в апатии и безразличии к тому, что делается там, наверху. Точно так же, как в 1866 г. выстрел Каракозова в Александра II долетел в отдалённую провинцию глухим отзвуком и воспринялся как некое отвлечённое событие, так и после взрыва Халтурина в Зимнем дворце, по свидетельству Короленко, ямщик, который вёз его из ссылки, говорил об этом весело и безразлично. Однако покушение на царя вызывало у народа недоумение и осуждение. От царя по-прежнему ждали милостей (Короленко, 1985b: 97). По свидетельству писателя, рабочие в столице «кидались на интеллигенцию и вообще на господ. В Тверской губернии толпа крестьян, которые считали, что господа хотят царя извести, гналась за исправником» (Короленко, 1985b: 161). И всё же тупое равнодушие постепенно менялось на интерес к политической жизни. И это внушало Короленко оптимистические надежды на пробуждение народного сознания.

Несмотря на репрессивные меры со стороны правительства, в обществе продолжали жить надежды на перемены в сторону либерализма. Связаны они были прежде всего с назначением М. Т. Лорис-Меликова. Короленко и его соратники были настроены по этому поводу скептически, так как реальная жизнь говорила о другом: расширились штаты жандармов, увеличилось их жалованье.

Короленко утверждал, что если Россия ещё не созрела до народовластия, то до законности она уже созрела. И Лорис-Меликов, опираясь ещё на довольно сильный авторитет царской власти, мог бы поддержать законность, чтобы повернуть к конституционному строю, но он этого не понимал. С одной стороны, диктатор старался смягчить действия администрации, с другой – закреплял произвол (Короленко, 1985b: 144). Свои рассуждения Короленко расценивал лишь как догадки, которые, однако, совпадали с оценкой деятельности Лорис-Меликова профессиональными историками. А. Корнилов в результате проведённых им исследований пришёл к выводу, что Лорис-Меликов в своей политике смог хорошо сочетать борьбу с революционерами с умением привлечь на свою сторону симпатии простых обывателей, охраняя их права от произвола администрации. В опубликованной в феврале 1880 г. прокламации к жителям Петербурга он сообщал, что, искореняя преступность, намерен защищать законные интересы благонадёжных членов общества, и выражал надежду на поддержку с его стороны (Корнилов, 2004: 716).

В июле 1879 г. Короленко был выслан за побег из ссылки в Вятской губернии, которого не совершал. Предварительное заключение он провёл в Вышневолоцкой политической тюрьме. Среди его сокамерников были студенты, гимназисты, служащие, врач, прапорщик, отставной офицер, учитель, целая группа молодых рабочих (Короленко, 1985b: 127). Эти сведения дают возможность составить представление о социальном составе осуждённых по политическим мотивам. Многие сокамерники Короленко, убеждённые в бессмысленности пропаганды, считали террор единственно возможным средством борьбы. Короленко же решительно выступал против террора, считая необходимым повышать общий уровень культуры и политической грамотности. В разговоре с губернатором Перми Енакиевым он так излагает своё отношение к террору: «Я не террорист. Объясню террор невыносимым правительственным гнетом, подавившим естественное стремление к самостоятельности русского общества» (Короленко, 1985b: 198). Революционер Н. Тютчев, с которым Короленко познакомился в 1882 г. во время ссылки в Амге, в своих воспоминаниях писал, что уже тогда Владимир Галактионович «был противником народовольческой тактики» (Тютчев, 1962: 84). Короленко считал, что путь, которым пошло правительство, является разрушительным, а гибнущие на виселицах – это лучшие люди России, захваченные вихрем терроризма «против собственной природы». Относясь с радикально противоположных позиций к террору, гуманист Короленко и террорист Кравчинский одинаково оценивали роль и значение политссыльных в развитии страны. Ссылаясь на Тихомирова, который на основе сведений, полученных редакцией «Народной воли», приводил сведения о 8157 арестованных по состоянию на начало 1883 г., Кравчинский констатировал, что это происходит «в стране столь бедной интеллигенцией, все, что было в ней самого благородного, великодушного и одаренного, похоронено... с этими восьмью тысячами ссыльными» (Степняк-Кравчинский, 1987: 211). Событие 1 марта 1881 г., потрясшее всю страну, Короленко воспринял как «акт отчаяния» (Короленко, 1985b: 280), «потрясающую трагедию русского строя...» (Короленко, 1985b: 205), которая случилась, по его мнению, в результате эволюции императора из освободителя в испуганного реакционера (Короленко, 1985b: 206). Среди окружения писателя радости убийство царя не вызвало, хотя все признавали, что Александр II проявлял излишнюю жестокость к осуждённым. Давая характеристику императору, Короленко отмечал, что его реформы всколыхнули страну и привели к появлению свежих сил, жаждавших дальнейшего обновления жизни (Короленко, 1985a: 536). Но царь не понял настроения общества, «для этого нужен был более крупный ум и характер, которого у Александра II не было» (Короленко, 1985a: 537).

В результате отказа от присяги новому царю Короленко попал в очередную якутскую ссылку в места столь глухие, что там ещё три недели молились за здоровье Александра II после его убийства (Короленко, 1985b: 368). В Амге писатель прожил три года. Его воспоминания позволяют составить представление о жизни и быте якутов и политических ссыльных, некоторые из которых сумели неплохо адаптироваться к местным условиям. Политический ссыльный Васильев выполнял обязанности писаря, на что местное начальство смотрело спокойно. Он выучил язык, женился и обзавёлся хозяйством. Политические вели земледельческое хозяйство, помогая якутам овладеть навыками земледелия (Короленко, 1985b: 311). Среди местного населения политические имели большой авторитет. Короленко приводит такой интересный случай: один из жителей посчитал, что политический поступил с ним неправильно, и упрекнул его за это: «А еще называетесь преступник!..» (Короленко, 1985b: 323). Местные удивлялись тому, что такие хорошие люди попадали в тюрьму.

В статье не представляется возможным проанализировать все контакты Короленко с политссыльными. Но, опираясь на данные, которые он приводит, можно составить представление о социальном составе ссыльных, причинах их высылки, условиях проживания, степени адаптации. В политическую борьбу все больше включались рабочие. Одним из товарищей, с которыми Короленко часто общался, был Павлов – ученик С. Халтурина. Хотя сам Халтурин неоднократно совершал террористические акты, отношение его к террору не было однозначным. По словам Павлова, в изложении Короленко, Халтурин убеждал его не становиться на путь террора, с которого нет возврата (Короленко, 1985b: 337). На третий год пребывания Короленко в Якутской области в соседний наслег привезли первого нечаевца. Он был солдатом из караула, который охранял Нечаева. Караульным было запрещено вступать в контакт с арестантом, но Нечаеву удалось преодолеть этот

запрет и добиться того, чтобы они стали передавать его записки на волю. После провала готовившегося побега весь караул был арестован и выслан в Сибирь. Процесс над нечаевцами, состоявшийся в 1871 г. занимал всю общественность страны, отчёты о нём печатались в газетах. Короленко, высказывая своё мнение о Нечаеве, характеризовал его как циника, обманывающего всех, даже таких видных революционных деятелей, как Бакунин и Огарев (Королев, 1985: 397). Несмотря на то, что фигура Нечаева в глазах современников была окружена своеобразным героическим ореолом, Короленко смог, преодолев сложившиеся стереотипы, разглядеть его истинное лицо. Этот факт свидетельствует об умении автора разбираться в людях, что, в свою очередь, позволяет с доверием относиться к его сведениям. Верность оценки, данной писателем, подтверждается и современными исследователями. Ю. Степанов, занимающийся исследованием жизни Нечаева, пришёл к выводу о мифологизированном характере биографии этого «амбициозного, но ограниченного и неразборчивого в средствах» человека (Степанов, 2022: 121).

В конце своего повествования Короленко, подводя итоги и осозная трагизм происходящего, он видел его причины в том, что часть интеллигенции проснулась для борьбы, а общество в целом оставалось равнодушным, народ же пребывал в потрясающем политическом невежестве (Короленко, 1985b: 274). Л. Тихомиров по этому же поводу рассуждал об исторической трагедии интеллигенции, заключавшейся в разрыве между внутренней психологией, сформированной вековой историей, и сконструированными книжными идеалами. По его мнению, работа русской интеллигенции «теоретически кажется «освободительной», практически же не освобождает, а только подрывает, разрушает, деморализует народ» (Тихомиров, 2008: 184). Потребность интеллигенции узнать народ, ради которого она жертвует своим благополучием, а порой и самой жизнью, разгадать, что такое «народная мудрость», не давала ей покоя. Размышления Короленко привели его к выводу, что смирение и покорность являются сутью этой народной мудрости, однако он задаётся вопросом: «Народ признает то, против чего возмущается, против чего борется интеллигенция. Где же правда?» (Короленко, 1985b: 369). Свою правду он вывел в формуле борьбы против покорности народа не революционными методами, но с орудием в руках в виде литературы. Н. Тютчев в воспоминаниях свидетельствовал, что Короленко «вполне откровенно заявил себя неревolucionером, ясно определил свою цель быть писателем и бороться с неправдою в пределах легальных возможностей» (Тютчев, 1962: 85).

В 1884 г. начинается обратный путь Короленко, возвращение из ссылки. Он проезжает через Киренск, ссыльное население которого в 1882–1883-х гг. всё более возрастало, «захудалый городишко» Верхотурск, в котором проживала целая колония ссыльных (Короленко, 1985b: 417, 415). Минувя Иркутск, Минусинск, Красноярск, Томск, Казань, Короленко прибыл в Нижний Новгород, где для него начался новый этап жизни, который уже не вошёл в повествовательные рамки его социально-политического автобиографического романа.

5. Заключение

«История моего современника» В. Г. Короленко из ряда мемуаров, воспоминаний выделяется оригинальностью подхода, который автор избрал при освещении им исторических событий. Героем своего повествования Короленко сделал время, показанное через призму личного восприятия. В связи с этим в источнике находят отражение лишь события общественной важности, свидетелем которых был автор, при игнорировании деталей личной жизни. Во вступлении Короленко заявляет о своём стремлении быть максимально правдивым при изложении описываемых им событий. Проведённый сравнительный анализ показал, что наблюдения автора «Истории моего современника» и сделанные на их основе выводы совпадают во многом с оценкой аналогичных явлений или событий, освещённых в воспоминаниях его современников. Не противоречат они и выводам профессиональных историков, что свидетельствует об объективном подходе автора при изложении рассматриваемого материала.

Либеральные, гуманистические взгляды и убеждения Короленко, сформировавшие его жизненную позицию и определившие характер его творчества, складывались под влиянием социальной среды, в которой протекало его детство и юность. Но определяющую роль в становлении мировоззрения будущего писателя, по его собственному признанию, сыграла русская литература. Велика в этом была роль Н. Чернышевского, авторитет которого среди молодёжи был непререкаемым. Написанная в духе либерально-демократических традиций, «История моего современника» представляет собой вполне определённую историческую ценность. Буквально все события общественно-политической жизни России второй половины XIX в. нашли в ней своё отражение. Первые, ещё не вполне осознанные детские впечатления Короленко связаны с отменой крепостного права и польским восстанием. Реформа образовательной системы, проводившаяся графом Толстым и затронувшая все слои общества, обсуждалась и в семье писателя. Нечаевское дело, полемика Лаврова и Ткачева, движение «хождения в народ» и судебное разбирательство над первыми его жертвами («процесс 193-х»), нашумевший процесс над В. Засулич, новый механизм карательной политики властей, именуемый «административной ссылкой», назначение М. Лорис-Меликова, с которым либеральная интеллигенция связывала большие надежды, убийство

Александра II и реакция на это событие различных слоёв населения – все эти значимые события нашли своё отражение в книге. Короленко сам неоднократно подвергался тюремному заключению и высылке, поэтому его сведения о состоянии тюрем, социальном составе политических ссыльных, характере взаимоотношений политических с местным населением, быте и нравах аборигенов имеют также большую историческую ценность. Уделяя большое внимание ответной реакции общества на проводимые правительством преобразования, Короленко анализировал отношение различных социальных слоёв к власти. Он сопоставлял верноподданнические чувства народа и протестные движения студенческой молодёжи, вылившиеся в массовое движение «хождения в народ» и переросшие затем в террор, который сам писатель считал бесполезным, представлявшим угрозу общественному развитию. Страницы, посвящённые личным переживаниям и размышлениям автора о судьбе народа, поискам пресловутой «народной мудрости», отражают умонастроение всей русской интеллигенции XIX в.

«Историю моего современника» принято рассматривать как итог общественной и художественной деятельности писателя. Ход исторических событий подтвердил правильность сделанных им выводов. Реализованное стремление Короленко представить как можно более правдиво и объективно описываемые явления и события, происходившие в России во второй половине XIX в., позволяет отнести его труд к разряду ценных исторических источников.

Литература

- Блохин, 2010 – Блохин В.В. «... Все-таки впереди огни»: реформаторский демократизм В. Г. Короленко // *Вестник РУДН*. 2010. № 4. С. 25-37.
- Болдырева, Астахова, 2016 – Болдырева Е.М., Астахова Е.А. Повествовательная организация автобиографического романа В. Г. Короленко «История моего современника» // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 4. С. 36-43.
- Бялый, 1949 – Бялый Г.А. В. Г. Короленко. М.-Л., 1949. 371 с.
- Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 863 с.
- Короленко, 1957 – В. Г. Короленко о литературе. М., 1957. 716 с.
- Короленко, 1962 – В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. 654 с.
- Короленко, 1982 – Короленко В. Г. Воспоминания о Чернышевском / Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. 590 с. С. 393-413.
- Короленко, 1985a – Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1-2. М., 1985. 704 с.
- Короленко, 1985b – Короленко В. Г. История моего современника. Т. 3-4. М., 1985. 512 с.
- Магомедов, 2011 – Магомедов Р. Р. Политическое развитие России в нач. XX в. в оценке В. Г. Короленко // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. Т. 13. № 3. С. 88-91.
- Миронов, 1962 – Миронов Г. М. Короленко. М., 1962. 368 с.
- Миронов, 2014 – Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб., 2015. 912 с.
- Пантелеев, 1958 – Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- Савельева, 2008 – Савельева Е. С. Психологизм и лирическая экспрессия образов «Истории моего современника» В. Г. Короленко // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2008. № 3. С. 192-195.
- Степанов, 2022 – Степанов Ю. Г. Казус С. Г. Нечаева (комментарий к биографии) // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2022. № 3 (78). С. 118-127.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1987. 575 с.
- Тихомиров, 2008 – Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. 640 с.
- Тишевская, 2013 – Тишевская Н. С. «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко: контрапункт национальной и региональной идентичностей // *Филология и человек*. 2013. № 3. С. 53-60.
- Тютчев, 1962 – Тютчев Н. С. Воспоминания о Вл. Г. Короленко / В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 82-89.
- Швецов, 1962 – Швецов С. П. В. Г. Короленко в Вышнем Волочке / В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 42-51.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A. G., Gryaznukhina T. V., Karchaeva T. G., Zhulaeva A. S. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A. G., Gryaznukhina T. V., Pfanenshtil I. A., Kozhevnikov S. V. (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia // *Bylye Gody*. 2023. 18 (4): 1726-1735.
- Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin A. G., Gryaznukhina T. V., Zhulaeva A. S., Kozhevnikov S. V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 716-725.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T. V., Gryaznukhin A. G., Malyutina L. F., Akhtamo, E. A. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

References

- Blokhin, 2010** – Blokhin, V.V. (2010). «...Vse-taki vpered i ognI»: reformatorskii demokratizm V.G. Korolenko ["... There are lights ahead": V.G. Korolenko's Reformist Democracy]. *Vestnik RUDN*. 4: 25-37. [in Russian]
- Boldyreva, Astakhova, 2016** – Boldyreva, E.M., Astakhova, E.A. (2016). Povestvovatel'naya organizatsiya avtobiograficheskogo romana V. G. Korolenko «Istoriya moego sovremennika» [The narrative structure of V. G. Korolenko's autobiographical novel "The Story of My Contemporary"]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 4: 36-43. [in Russian]
- Byalyi, 1949** – Byalyi, G.A. (1949). V.G. Korolenko [V.G. Korolenko]. M.-Leningrad. 371 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2021** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva, A.S. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023** – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Pfanenshtil, I.A., Kozhevnikov, S.V. (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. *Bylye Gody*. 18(4): 1726-1735.
- Gryaznukhin et al., 2024** – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Zhulaeva, A.S., Kozhevnikov, S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 716-725.
- Gryaznukhina et al., 2021** – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., Akhtamov, E.A. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Kornilov, 2004** – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia in the 19th century]. M. 863 p. [in Russian]
- Korolenko, 1957** – V.G. Korolenko o literature [V.G. Korolenko on Literature]. M. 1957. 716 p. [in Russian]
- Korolenko, 1962** – V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov [V.G. Korolenko in the Memoirs of His Contemporaries]. M. 1962. 654 p. [in Russian]
- Korolenko, 1982** – Korolenko, V.G. (1982). Vospominaniya o Chernyshevskom [Memories of Chernyshevsky]. N.G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov. M. 590 p. Pp. 393-413. [in Russian]
- Korolenko, 1985a** – Korolenko, V.G. (1985). Istoriya moego sovremennika. T. 1-2 [The story of my contemporary. Vol. 1-2]. M. 704 p. [in Russian]
- Korolenko, 1985b** – Korolenko, V.G. (1985). Istoriya moego sovremennika. Tt. 3-4 [The Story of My Contemporary. Volumes 3-4]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Magomedov, 2011** – Magomedov, R.R. (2011). Politicheskoe razvitie Rossii v nach. XX v. v otsenke V.G. Korolenko [The political development of Russia in the early XX century in the estimation of V.G. Korolenko]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 13(3): 88-91. [in Russian]
- Mironov, 1962** – Mironov, G.M. (1962). Korolenko [Korolenko]. M. 368 p. [in Russian]
- Mironov, 2014** – Mironov, B.N. (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 t. T. 2 [The Russian Empire: From Tradition to Modernity. In 3 volumes. Vol. 2]. SPb. 912 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – Panteleev, L.F. (1958). Vospominaniya [Memories]. M. 848 p. [in Russian]
- Savel'eva, 2008** – Savel'eva, E. S. (2008). Psikhologizm i liricheskaya ehkspressiya obrazov «Istorii moego sovremennika» V. G. Korolenko [The psychologism and lyrical expression of the characters in V.G. Korolenko's "The Story of My Contemporary"]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 3: 192-195. [in Russian]
- Shevtsov, 1962** – Shevtsov, S.P. (1962). V.G. Korolenko v Vyshnem Volochke [V.G. Korolenko in Vyshny Volochok]. V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov. M. Pp. 42-51. [in Russian]
- Stepanov, 2022** – Stepanov, Yu.G. (2022). Kazus S.G. Nechaeva (kommentarii k biografii) [The case of S.G. Nechaev (commentary on his biography)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(78): 118-127. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskii, 1987** – Stepnyak-Kravchinskii, S.M. (1987). Sochineniya V 2 t. T. 1. [Works in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 2008** – Tikhomirov, L.A. (2008). Rukovodyashchie idei russkoi zhizni [Guiding ideas of Russian life]. M. 640 p. [in Russian]
- Tishevskaya, 2013** – Tishevskaya, N.S. (2013). «Sibirskie rasskazy i ocherki» V. G. Korolenko: kontrapunkt natsional'noi i regional'noi identichnostei ["Siberian stories and essays" by V. G. Korolenko: a counterpoint of national and regional identities]. *Filologiya i chelovek*. 3: 53-60. [in Russian]
- Tyutchev, 1962** – Tyutchev, N.S. (1962). Vospominaniya o V.G. Korolenko [Memories of V.G. Korolenko]. V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov. M. Pp. 82-89. [in Russian]

«История моего современника» В. Г. Короленко как исторический источник в контексте исследования общественно-политической истории России второй половины XIX в.

Татьяна Владимировна Грязнухина ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^{а, *}

^а Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведён анализ книги В.Г. Короленко «История моего современника» в качестве исторического источника. Установлено, что наблюдения Короленко за общественно-политическими явлениями и событиями в России во второй половине XIX в., сделанные на их основе выводы, во многом совпадают с их оценкой современниками и взглядами на них профессиональных историков. Верификация фактов и сведений социально-политической автобиографии Короленко с помощью документальной и аналитической литературы позволяет утверждать об объективном характере изложенного автором материала и возможности его использования в качестве исторического источника. Оригинальность подхода автора воспоминаний выразилась в конструировании пространственно-временного континуума через призму личного восприятия. Проанализированы факторы формирования мировоззрения будущего писателя, генезис его оппозиционной модальности. Рассмотрено отношение писателя к значимым для истории России событиям и явлениям. В своём труде он касается таких социально-политических явлений, как отмена крепостного права, польское восстание, реформа образования, движение «хождение в народ», убийство Александра II. Важным компонентом воспоминаний является эмпирический материал о русских революционерах, знаменитых судебных процессах над ними, а также аналитические выводы автора о формировании террористической направленности революционной деятельности вследствие непропорциональной карательной политики государственной власти. Особую ценность для исследователей представляют сведения Короленко как очевидца о политической ссылке, её социальном составе, быте и образе жизни местного населения, характере взаимоотношений аборигенов с политическими ссыльными. Умонастроения интеллигенции и её взаимоотношения с народом также нашли своё отражение в воспоминаниях Короленко. Круг освещённых вопросов, их широта и объективный характер повествования позволяют рассматривать воспоминания Короленко в качестве ценного исторического источника.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, Россия, интеллигенция, ссылка, народники, народ, мемуары, исторический источник.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 318-329
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.318

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“It is Indefinable and yet so Definable” (the First Female Ethnographer V.N. Kharuzina as a Person)

Lyailya G. Khusnutdinova ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article offers the first comprehensive analysis of the scholarly and personal contributions of Vera Nikolaevna Kharuzina (1866–1931), an outstanding researcher who became Russia's first female professor of ethnography (1907).

Based on previously unpublished archival materials from the Department of Written Sources at the State Historical Museum in Moscow, the authors reconstruct the scholar's professional path and reveal the uniqueness of her research method.

Kharuzina's scholarly contribution is difficult to overstate: the collections she assembled and her published works formed the foundation for the study of the cultural diversity of the Russian Empire. Her fieldwork combined meticulous observation with a rare ability to penetrate the semantic depths of the traditions she studied.

As an educator, she achieved a genuine breakthrough: she introduced the comparative historical method into the teaching of ethnography; authored Russia's first ethnography textbook, which was awarded the Gold Medal of the Russian Geographical Society in 1914; and mentored an entire generation of researchers, setting an example of professional resilience – even after the onset of paralysis in 1908, she continued her research and teaching.

As an individual, Vera Nikolaevna Kharuzina demonstrated a rare synthesis of intellectual honesty and humanism. Her diaries testify to a profound capacity for empathy; unwavering fortitude in the face of personal tragedies (the arrest of her brother, military losses, and serious illness); and a firm belief in “broad, God-given” love as a moral compass.

The scientific novelty of this study lies in the first systematic analysis of Vera Nikolaevna Kharuzina's legacy based on unpublished archival sources, identifying the organic connection between her research method and her personal qualities; reassessing her role as the founder of “women's ethnography”, focused on the study of women's experiences, childhood, and everyday rituals.

Vera Nikolaevna Kharuzina's legacy remains relevant to contemporary humanities. Her life and works convincingly demonstrate that ethnography is a living dialogue with culture, and that true science is unthinkable without moral choice and human participation.

Keywords: History of Russian ethnography, Vera Nikolaevna Kharuzina, women's science, memoirs, archival materials, fieldwork, cultural heritage.

1. Введение

История этнографии насчитывает более двух столетий: именно тогда она оформилась в качестве самостоятельной научной дисциплины. На стыке XIX и XX веков в этнографии возник богатый спектр направлений и школ, многие из которых не утратили значимости и сегодня. Развитие этой науки стало возможным благодаря усилиям исследователей разных профилей – от социологов

* Corresponding author

E-mail addresses: Lavanda-55@mail.ru (L.G. Khusnutdinova)

до историков – и разных стран. Среди классиков этнографической мысли: Э. Тэйлор, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, П. Сорокин, М. Мосс; среди видных российских учёных – В. Арсеньев, В. Иохельсон, А. Анохин, Н. Харузин, Л. Штернберг, С. Широкогоров, Д. Лихачёв, Г. Цыбиков и многие другие, чьи труды заложили основы современных этнографических исследований (Миллер, 1900; Курбатов, 2003; Керимова, 2007; Юнгус, 2025).

Несмотря на существенные ограничения в доступе к высшему образованию (в XIX веке женщины не допускались в университеты) и многочисленные социальные барьеры, женщины-учёные внесли весомый вклад в развитие этнографической науки. Они активно участвовали в полевых исследованиях: отправлялись в рискованные экспедиции, проводили археологические раскопки древних поселений и документировали те аспекты народной жизни, куда традиционно не имели доступа мужчины. Среди выдающихся представительниц этого направления – Т. Берштам, М. Красножённова, О. Семёнова-Тян-Шанская, А. Потанина, В. Харузина, П. Литвинова и многие другие (Токарев, 2015; Хорина, 2017; Секенова, 2021; Васеха, 2025).

В фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея Москвы бережно хранится наследие Веры Николаевны Харузиной (1866–1931) – первой русской женщины, получившей звание профессора этнографии (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83; ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84). Когда держишь в руках её дневник, написанный собственной рукой, изучаешь машинописные строки биографии и этнографические заметки, становится ясно: жизнь этой женщины была необыкновенно богатой – и внешними событиями, и внутренними переживаниями.

В своих мемуарах Вера Николаевна Харузина, будучи профессиональным этнографом, уделяет особое внимание достоверности и объективности воспоминаний. Её цель – сохранить память о людях, которые её окружали, зафиксировать черты ушедшего быта: особенности интерьеров, детали костюма, а также многогранную картину московской жизни второй половины XIX века – то есть саму эпоху. В начале заметок она отмечает: «Свои заметки я начинаю в 38 лет. Это рано – по общепринятому обычаю писать записки, когда достигнешь уже преклонного возраста» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84. Л. 1). Мемуары В.Н. Харузиной представляют существенную научную ценность: они служат важным источником для изучения ментальности эпохи, развития научной мысли и роли женщины-этнографа в историческом контексте. Именно в этом заключается актуальность данной статьи.

В основу статьи легли архивные материалы профессора этнографии В.Н. Харузиной, значительная доля которых впервые становится достоянием научной общественности. Научная новизна работы обусловлена привлечением ранее не опубликованных исторических источников. Они позволяют по-новому оценить интеллектуальный потенциал и удивительную силу духа Веры Николаевны Харузиной – учёного, которую не сломила тяжёлая болезнь, приковавшая её к инвалидному креслу. Несмотря на физические ограничения, В.Н. Харузина до конца жизни вела преподавательскую деятельность, публиковала научные статьи, отличавшиеся высоким литературным качеством, и внимательно следила за развитием мировой этнологии.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили материалы фонда 81 «Харузины», хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва). В ходе работы были проанализированы: машинописный дневник Веры Николаевны Харузиной (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83); рукописный дневник В.Н. Харузиной, выполненный единым почерком с минимальным количеством правок (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84); этнографические заметки, посвящённые народам Сибири и Африки (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83). Ценность этих документов заключается в том, что они не только детально воссоздают биографический путь исследовательницы, её научные поиски и внутренние сомнения, но и позволяют познакомиться с кругом её общения – семьями Боткиных, Прохоровых, Щукиных и другими лицами, связанными с Харузиными тесными дружескими отношениями (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78).

О научной деятельности Веры Николаевны Харузиной как этнографа можно судить по её экспедиционным материалам – заметкам и отчётам, созданным во время поездок на Север, в Украину и Европу. Эти работы, опубликованные в конце XIX – начале XX века, доступны для изучения в Национальной электронной библиотеке РФ. Среди ключевых публикаций: «На севере» (Москва, 1890); «Оцзи и Олес: Рассказ о жизни лопарей» (Москва, 1903); «Материалы для библиографической литературы» (Санкт-Петербург, 1904); «Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев» (Москва, 1905); «Отчёт о летней поездке в Германию: (Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографический музей)» (Москва, 1912). Экспедиционные очерки В.Н. Харузиной представляют собой ценный научный материал. Они служат важным источником сведений по этнографии, географии и природоведению, дополняя формальные отчёты яркими, живыми деталями, обогащающими исследовательский контекст.

Настоящая статья не ограничивается простым пересказом биографических сведений о В.Н. Харузиной. Её структура направлена на воссоздание целостного портрета учёной – как первой женщины-этнографа в России на рубеже XIX–XX веков, а также как личности, прожившей жизнь в непростую для страны историческую эпоху.

В ходе исследования темы были применены следующие методы исторического познания, каждый из которых позволил решить специфические задачи и обогатить анализ многоплановостью данных. Метод «анализ источников» дал возможность изучить первичные материалы – архивные дела фонда 81 «Харузины» Отдела письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы, опубликованные труды В.Н. Харузиной рубежа XIX–XX веков, в т.ч. фотодокументы, что позволило выявить авторские интенции, оценочные суждения и эмоциональные акценты В.Н. Харузиной, отделить эмпирический материал от интерпретаций, оценить степень субъективности свидетельств. Метод «сравнения» (сопоставление событий и явлений) выявил общие закономерности и уникальные черты научного пути В.Н. Харузиной, определил значимость ее исследований в общероссийском и мировом контексте, помог оценить вклад ученого-этнографа через призму сопоставляемого опыта. Метод «системный анализ» (изучение взаимосвязей элементов) при рассмотрении личности и научного наследия В.Н. Харузиной как сложной системы, где взаимосвязаны и биография ученого, и институциональная среда, и сеть коммуникаций, что позволило раскрытию целостности научного мировоззрения исследовательницы. Метод «диахронический анализ» (изучение развития во времени) помог поэтапно проследить эволюцию взглядов, методик и научных результатов В.Н. Харузиной: от ранних экспедиционных заметок до зрелых теоретических работ, что позволило увидеть траекторию профессионального становления ученого-этнографа. «Этнографический метод» (полевая работа, описание, классификация) позволил оценить методологическую культуру ученого-этнографа и ее вклад в развитие этнографических практик, помог реконструировать исследовательскую оптику В.Н. Харузиной: что она видела, как интерпретировала, какие вопросы оставались вне ее внимания.

Общеисторические принципы, лежащие в основе работы: «принцип историзма» потребовало рассматривать личность и научное наследие В.Н. Харузиной в контексте конкретной эпохи, что позволяет избежать модернизации оценок и понять мотивы её действий и выборов; «принцип объективности» предполагает критическое отношение к источникам, учёт множественности точек зрения, минимизацию субъективных интерпретаций, что дает отказ от идеализации или демонизации персонажа.

Сочетание перечисленных методов и принципов даёт возможность создать многомерный портрет В.Н. Харузиной – не только как этнографа, но и как личности, чья научная биография отражает сложные процессы трансформации российской науки и общества на рубеже веков.

3. Обсуждение

О семье Харузиных и, в частности, о Николае Николаевиче Харузине – брате Веры Николаевны, талантливым этнографом, историке и археологе – мы впервые узнаём из некролога, написанного А. Миллером. В 1900 году этот текст был напечатан в «Этнографическом обозрении». А. Миллер, сам будучи этнографом и литературным критиком, рисовал портрет учёного, далёкого от образа, замкнутого «кабинетного» исследователя. Он подчёркивал общительность Харузина, его готовность поддерживать молодых коллег и тот значительный след, который Николай Николаевич оставил в науке – несмотря на то, что его жизнь прервалась слишком рано ([Миллер, 1900](#)).

В конце 1990-х годов сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН М. Керимовой и О. Наумовой был обнаружен архив Алексея Харузина – брата Веры Николаевны Харузиной. Эта находка позволила реализовать издательский проект в рамках серии «Россия в мемориалах»: были опубликованы воспоминания В.Н. Харузиной, посвящённые периоду её отрочества ([Харузина, 1999](#)). Кроме того, на основе архивных материалов вышло издание, включающее научные статьи о жизни и деятельности российских учёных, в том числе специализировавшихся на славянской проблематике ([Керимова, 1998](#); [Керимова, Наумова, 1999](#), [Керимова 2003](#)).

В монографии «Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных» В.В. Керимова предлагает увлекательный экскурс в историю становления российской этнографии. Через призму судьбы семьи Харузиных – братьев Николая Николаевича, Михаила Николаевича и их сестры Веры Николаевны – автор показывает, как формировалась новая научная дисциплина «этнография» в России. В работе использованы архивные находки, старые газетные публикации, тексты первых этнографических курсов. Особое место занимает анализ того, как именно Харузины повлияли на развитие этнографии в переломную эпоху конца XIX – начала XX столетия ([Керимова, 2011](#)).

Не менее интересна статья В.В. Хориной, где рассматривается вклад Веры Николаевны Харузиной в изучение религиозного феномена шаманизма. Исследовательница обращается к знаковым работам В.Н. Харузиной – «Игрушки у малокультурных народов» и «О нойдах у древних и современных лопарей», а также к её лекциям ([Хорина, 2017](#)). Важный вывод статьи В. В. Хориной – ученый-этнограф В.Н. Харузина успешно применяла сравнительно-исторический метод, позволяя глубже понять природу религиозных верований разных народов.

Работы В.Н. Харузиной заслуживают пристального внимания благодаря своей научной и историко-культурной ценности. В 1912 году в дореволюционной России был впервые издан сборник «Игрушка. Её история и значение», созданный в соавторстве В. Харузиной, Н. Бартрамом, В. Малахеевой-Мирович, Л. Оршанским, В. Боруцким и С. Глаголем. Издание представляло собой

комплексное исследование, посвящённое генезису и социокультурному значению игрушки. Этот труд отразил важнейший интеллектуальный контекст эпохи: в начале XX века представители научной, философской, художественной и литературной элиты активно искали ориентиры дальнейшего пути развития русской культуры. В сборнике нашёл воплощение характерный для того времени подход – восприятие народной культуры как источника вдохновения и мудрости, способного указать направление для духовного и творческого развития нации (Харузина и др., 2014).

В учебном пособии «Введение в этнографию» Вера Николаевна Харузина делится лекциями, в которых подробно рассказывает о традиционном быте и обычаях народов Африки, Австралии, Океании, Америки и Азии (Харузина, 2025а). Не менее интересна другая её работа – «Сказки русских инородцев». В этом сборнике читатель найдёт около 40 уникальных образцов устного народного творчества дореволюционной России. Здесь соседствуют самоедские, вотяцкие, лопарские, мордовские, латышские, финляндские, эстонские, лезгинские, башкирские, киргизские сказки и многие другие. Книга будет полезна студентам, изучающим фольклористику, этнографию и культурологию (Харузина, 2025).

4. Результаты

4.1. Биографическая справка о В.Н. Харузиной

В Москве на Малой Ордынке в доме Телешова 17/29 сентября 1866 г. в семье потомственного купца родилась шестым ребёнком Вера Николаевна Харузина (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84. Л. 8). Отец Веры, Николай Иванович Харузин, был выходцем из старинного сибирского купечества (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 273), рано оставшись без родителей, переехал в Москву и продолжил дело своего отца по торговле текстилем. Благодаря усердию, трудолюбию и проницательности, он увеличил капитал отца и в 1873 г. получил звание купца 1-й гильдии. Женился он по любви на дочери ростовского купца Марии Михайловне Малотиной. Из воспоминаний Веры Николаевны Харузиной: «...Бабушка, у которой в детстве жила моя мама, имела в Ростове небольшой дом, выходивший тремя окнами на Ярославскую ул., с мезонином и большим садом» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 2).

В семье Николая и Марии Харузиных родилось шестеро детей: три сына и три дочери. Детей в семье любили, но не баловали, стремились дать хорошее воспитание и образование. Из воспоминаний Веры Николаевны Харузиной: «Наше нравственное воспитание зиждилось на религиозном так сильно, что говорить о них раздельно не приходится. Так было, наверное, и в других семьях того времени. Поступить дурно, нечестно, неблагородно было не только не хорошо – это было, кроме того, «грехом» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78. Л. 226).

Дети с раннего возраста были приучены к чтению, помимо классической литературы, читали и обсуждали книги по географии, ботанике, истории и искусству. Особое место в домашнем круге чтения занимали сказки Ганса Христиана Андерсена. Вера Харузина и её братья с ранних лет погружались в удивительный мир его произведений – от трогательной «Дюймовочки» и мужественного «Стойкого оловянного солдатика» до философской «Снежной королевы». Эти истории не просто развлекали: они формировали воображение, пробуждали эмпатию и давали первые уроки нравственности. Нередко после прочтения возникали долгие беседы о добре и зле, о смелости и сострадании – темы, которые позже нашли отражение в научных интересах Харузиных. Что касается «Гулливера», то произведения Джонатана Свифта также входили в круг семейного чтения, предлагая юным слушателям иной ракурс взгляда на мир – через призму сатиры и аллегории. Сочетание андерсеновской лирики и свифтовской иронии создавало в доме Харузиных особую интеллектуально-эмоциональную атмосферу, где сказки становились не только источником удовольствия, но и инструментом познания человеческой природы (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78. Л. 156-158).

Старшие сыновья Михаил и Алексей по окончании гимназии в Таллине, поступили в Московский университет, который в последствии успешно окончили: Михаил получил юридическое образование, Алексей, продолжив дальнейшее образование в Дерптском университете получил степень кандидата зоологии. Их брат Николай, по окончании московской мужской гимназии учился в Московском и Дерптском университетах и специализировался в области этнографии, истории и археологии. Дочь Вера в 1886 г. с золотой медалью окончила московскую женскую классическую гимназию С.Н. Фишер. Вера Николаевна Харузина с теплотой вспоминает о Софии Николаевне Фишер: «Весь строй гимназической жизни держался Софией Николаевной, ее высоким духом, редким умом и сердцем. Она одухотворяла всю гимназию» (Харузина, 1999). Многие выпускницы этой гимназии стали видными специалистами в различных науках и практической деятельности – врачами, педагогами, библиотекарями и пр. Дальнейшее ее образование было невозможным, т. к. в университет девушек не принимали, а в 1880-х гг. Высшие женские курсы были закрыты. Все, четверо, Вера и ее братья в будущем изберут служение науки, станут видными этнографами.

1887 год стал важной вехой в научной биографии Веры Николаевны Харузиной – именно тогда она впервые отправилась в экспедицию на Север для изучения культуры северных народностей. Вместе с братом, этнографом Николаем Николаевичем Харузиным она исследовала народы Русского

Севера – в частности, поморов, лопарей (саамов), скитников и водлозеров. Маршрут экспедиции пролегал по Карелии, Архангельской губернии и Кольскому полуострову.

Во время пребывания в Париже в 1892–1893 годах Вера Николаевна слушала курсы по истории религии, церковной истории, семейно-брачных отношений и этнографии. Полученные знания определили её дальнейшие научные интересы – исследование религиозных воззрений и духовных традиций архаических обществ.

В 1907 году произошли два значимых для Веры Николаевны события: она записалась вольнослушателем в Московский Археологический институт и была приглашена туда же в качестве лектора. Этот шаг стал важной вехой в её научной биографии: чтение лекций позволило Вере Николаевне Харузиной систематизировать собственные исследования и выстроить методологическую базу для будущих публикаций. В последующие годы она активно участвовала в работе института, публикуя статьи по этнографии и археологии.

Заниматься наукой и педагогической практикой ей мешала прогрессирующая болезнь с 1908 г. – паралич. Уже, будучи прикованной к инвалидной коляске, Вера Николаевна Харузина становится профессором Московского университета – первой в России женщиной, получившей должность профессора этнографии. Ее учебник «Введение в этнографию» переиздавался до революции и в советское время.

В 1914 г. Вера Николаевна получила золотую медаль Русского географического общества. Но тяжелая болезнь воспрепятствовала многим замыслам Веры Харузиной. В 1922–1923 гг., частично парализованной она читала курс на этнографическом отделении факультета общественных наук в Московском университете. В 1923–1929 гг. занималась со студентами на дому.

Вера Николаевна Харузина умерла 14 мая 1931 г. в московской квартире на Борисоглебском переулке, дом 3. Похоронена на Дорогомиловском кладбище.

4.2. В.Н. Харузина как этнограф

Интерес к этнографии у Веры Николаевны Харузиной пробудился еще в детстве. Научившись рано читать, она с увлечением читала книги о путешествиях, приключениях, далеких странах, про добрых пиратов, индейцах, путешественниках и, порой представляла себя в их роли (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78 Л. 233–241). Из воспоминаний Веры Николаевны Харузиной: «Книг было мало в нашем раннем детстве, что невольно с нежностью вспоминаешь каждую из них... тетя выучила нас читать, и с этого времени меня неудержимо потянуло к книге». «С приходом Мд. (гувернантки) нечто новой вошло в нашу жизнь – это была детская книга. Мы читали разные книги. В них мы находили интересные рассказы, мы любили в них заучивать стихотворения» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78. Л. 155). Образ Робинзона Крузо оказал на Веру Харузину неизгладимое впечатление, она стала готовить себя к предстоящему путешествию на необитаемый остров – ела траву, что впоследствии привело к серьезному заболеванию – дизентерии.

В десятилетнем возрасте в 1877 г. Вера Харузина посещает антропологическую выставку в Москве, на которой было представлена обширная коллекция этнографических предметов, антропологических моделей и артефактов из разных уголков мира. Посещение выставки вызвало у Веры Харузиной большой восторг и определило ее научные интересы, став ключевым моментом в выборе призвания.

Конечно, значительная роль в интеллектуальном, духовном и профессиональном становлении Веры Николаевны принадлежала ее братьям. Они охотно делились с ней познаниями в этнографии и антропологии. Так, в 1887 г. в качестве сопровождающего своего брата Николая Николаевича Харузина, она отправляется в экспедицию на Север – в Лапландию, Карелию и Архангельскую губернию. На месте она начинает сбор этнографического материала описывая верования и обряды народов Севера, после чего выпускает ряд научно-популярных очерков.

В очерке «На Севере» Вера Николаевна подробно описывает природу и народы, населяющие Кивач, Водлозеро, Кенозеро и другие: «Масса серых домиков совершенно однообразной постройки, напоминающих собой деревенские избы, вместе со скромным собором, уютятся на краю крутого обрыва, спускаясь к реке Водль. Вперемешку с домами идут огороженные пашни, засеянные овсом и рожью, реже огороды, принадлежащие обывателям» (Харузина, 1890). «Авдеевская роща, состоящая из нескольких елок, темные хвой которых прекрасно сочетаются с зеленью несколько берез, скрывает под своей густой тенью маленькую деревянную часовню, выкрашенную в темную охру; тут же течет родник» (Харузина, 1890). В приведённом фрагменте Вера Николаевна Харузина демонстрирует характерные черты своего этнографического письма – сочетание точной наблюдательности с художественной образностью. Через лаконичное, но выразительное описание она фиксирует не просто внешний облик места, но и его глубинную культурную семантику. Роща выступает как естественное «оправление» святыни: ели и берёзы не просто окружают часовню, а создают особый микроклимат уединения и таинственности. Это подчёркивает традиционную для русского Севера модель взаимодействия природы и культового сооружения – часовня не доминирует над ландшафтом, а органично в него встроена. Описывая часовню, Вера Николаевна документирует микрокосм традиционной культуры, где природа становится храмовым притвором, архитектура хранит следы повседневного использования, иконопись отражает «народное богословие». Этот

подход характерен для её метода: видеть в малых деталях – большие культурные закономерности, а в конкретных предметах – систему верований и обычаев.

В 1903 г. в Москве был опубликован очерк Веры Николаевны Харузиной о самобытном народе лопарей – саамов «Оцзи и Олес: Рассказ о жизни лопарей». Это издание стало одним из первых в отечественной этнографии, где системно и с глубоким сочувствием был представлен быт, верования и повседневная жизнь малочисленного северного народа. Вера Николаевна подчеркнула, что их основные ареалы обитания – это север Швеции и Норвегии, а в пределах Российской империи – это северная часть Финляндии и весь Кольский полуостров, который традиционно именуется Русской Лапландией, а также показала демографические сведения: общая численность лопарей оценивается в 25000 человек. При этом на территории России проживает лишь немногим более 3000 представителей народа: примерно 1200 человек в Финляндии и около 2000 – в Русской Лапландии (Харузина, 1903). Вери Николаевна не ограничивается описанием внешних черт культуры, а стремится понять внутренний мир саамов: их представления о природе, духи предков, систему запретов и предписаний. Особое внимание уделено роли оленя как основы хозяйства и символа идентичности.

Летом 1911 г. от Московского Археологического института Вера Николаевна была командирована в Германию для ознакомления с делами немецких этнографических музеев. По окончании поездки в 1912 г. на 96 страницах она публикует «Отчет о летней поездке в Германию», где подробно описывает обстановку и свои действия: «Особые обстоятельства, сопровождавшие мою поездку, не позволили мне, к сожалению, выполнить вполне начертанный мной план: посетить музеи в Берлине, Гамбурге, Франкфурте, Дрездене и Лейпциге (музеи в Ганновер и Кельн мной были осмотрены в предыдущую поездку). Кроме того, я поставила себе на этот раз узкую задачу: ознакомиться со способами консервирования коллекций, также с размещением их. В своих занятиях я встретила только предупредительное и внимательное отношение со стороны лиц, стоящих во главе посещенных мной музеев, и я с особым теплом выражаю свою глубокую признательность как им, так и тем лицам из ученого персонала музеев, которые помогали мне своими указаниями отрываясь от своих занятий...» (Харузина, 1912).

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве сохранились рукописные материалы Веры Николаевны Харузиной – её рабочие заметки, включающие выписки из научных изданий и собранные цитаты. Среди них – фрагменты, посвящённые заговорам и заклинаниям. Например, цитата из очерка М. А. Кастрена «Etnologiske forlesungen über di altanschen ferker» (Санкт-Петербург, 1857) повествует предание сибирских татар, а именно о богатыре, который собирался поразить насильника из лука, но не мог натянуть оружие – оно оказалось мощнее его собственных сил. Лук принадлежал ещё более могучему богатырю – Алтын Тактаю. Тогда герой произносит ритуальную формулу, обращаясь «с молитвой к Кудая»: «Не я натягиваю лук – натягивает его Алтын Тактай; не я спускаю стрелу – спускает её Алтын Тактай». После этих слов к нему приходит необходимая сила: он успешно натягивает тетиву и поражает противника (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп.1. Д. 83. Л. 550б.). По заметкам видно, что Вера Николаевна Харузина стремилась к точности цитирования и указания источников, обращала внимание на вариативность текстов (разные версии одного сюжета), сочетала филологический анализ (разбор формул, повторов) с этнографическим контекстом (связь обряда и верования). Заметки Харузиной – не просто черновики, а самостоятельный научный пласт: они раскрывают её аналитический инструментарий, сохраняют уникальные этнографические сведения и позволяют проследить эволюцию этнографического знания в России.

4.3. В.Н. Харузина как личность

Учёный как личность – это всегда сложный сплав аналитического ума, профессиональной страсти и преданности истине. В случае Веры Николаевны Харузиной эти качества проявились особенно ярко: её жизнь пришлась на эпоху Серебряного века – время стремительных перемен, когда рост городов, электрификация, появление автомобилей и авиации создавали ощущение конца старого мира и неизбежности новой реальности.

Изучая дневники Веры Николаевны Харузиной, нельзя не обратить внимание на запись от 1 марта 1917 года – момент, когда личная боль переплетается с историческим катаклизмом. В строках дневника не только эмоциональное высказывание, но и попытка осмысления эпохи. Вера Николаевна начинает с парадоксального признания: «Я знаю, что помимо всего прочего, для меня случилось огромное несчастье. Это неопределимо и так определимо». Это противоречие – ключ к пониманию её состояния: горе одновременно абстрактно и осязаемо, как тень, которая становится всё плотнее. Примечательно, как она соотносит личную утрату с масштабными событиями. Мысль о матери («какое счастье, что мама не дожила») звучит не как эгоизм, а как признание, что некоторые испытания невыносимы для тех, кто не готов к переменам. А затем – сухой, почти телеграфный факт: первая западная бригада перешла на сторону Думы. Для Веры Николаевны Харузиной это не новость из газет, а личная катастрофа: «Непредотвратимое совершилось...». Интересно и то, как она связывает своё поколение с прошлым: «Наше поколение готовилось к нему всю жизнь. Но в нас живы ещё традиции». Здесь – не ностальгия, а попытка удержать то, что ещё не разрушено.

Заключительная строка - «Многое больно, многого пожелаешь, чтобы никогда не было» – звучит как реквием по утраченному миру (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 51).

Её реакция на политические потрясения (речи Милюкова, Шульгина, события в Думе) (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 38об.) показывает не просто наблюдательность, но и гражданское мужество. Она отказывалась поддаваться эйфории революционных перемен: «Я не верю в светлые дни грядущего. Мне тягостно всё, как если бы я читала историю французской революции... Безумие левых всё распаляется – и непоправимое свершилось» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 52).

4.3.1. Внутренний мир: боль, стойкость и эмпатия. Вера Николаевна Харузина не скрывала личных испытаний. Анализируя личный архив Веры Николаевны, невозможно не ощутить глубину тех испытаний, что выпали на её долю. Её дневники – не просто хроника событий, но и пронзительный рассказ о борьбе с физическими и душевными страданиями. Особенно показательна запись от 29 мая 1916 года (Троицын день), где Вера Николаевна с редкой откровенностью описывает своё состояние. В этих строках – трагедия учёного и писателя, лишённого возможности фиксировать свои размышления. Для Веры Николаевны Харузиной процесс письма был не просто работой, а сущностной потребностью: мысль и перо составляли единое целое. Разрыв этой связи она воспринимает как утрату части себя, как шаг вниз в переживании болезни. Примечательно, как она рефлексировала над собственной реакцией: «Бросить тетрадь, значит сойти на ступень ниже в переживании болезни» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 3). Здесь проявляется её принципиальность: даже в болезни она отказывается капитулировать перед обстоятельствами. Вера Николаевна Харузина сознательно выбирает путь приспособления, а не отказа: «Надо приспособливаться. Надо быть твёрдыми, как слепой Щербина и не сдаваться». Повторение фразы «не сдаваться» и признание создают драматическое напряжение. Мы видим не стоическую невозмутимость, а живого человека, который честно признаёт нарастающую усталость: «Годами я боролась с болезнью. Теперь мне всё труднее и труднее. Всё же надо пробовать» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 3). Эта финальная реплика – не победный клич, а тихое утверждение воли. В ней нет пафоса, но есть непреклонность: несмотря на усиливающиеся трудности, Вера Николаевна продолжает борьбу, понимая, что каждый день – это новый вызов. При этом она демонстрировала редкую способность к сопереживанию. Узнав о горе Р.К. Кединой (смерть отца) и терзаниях В.М. Орловой, Вера Николаевна Харузина не просто сочувствовала – она «проживала» чужую боль как свою (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 50б.). Даже в болезни она находила силы радоваться визитам друзей: например, восхищалась картинами П. Я. Чепуриной, видя в её работах «яблоки и груши в цвету», «тополя в серенький крымский денёк», «облака в Крыму» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 8).

4.3.2. Связь с людьми: опора в бурю. В тяжёлые времена рядом с Верой Николаевной Харузиной были близкие и коллеги. Визиты М.Н. Астаповой с разговорами о Народном университете и воскресной школе помогали ей возвращаться к профессиональной идентичности. Встречи со студентами в Археологическом институте становились источником утешения (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 20). Такие отношения подчёркивают её дар выстраивать глубокие человеческие связи – качество, редко отмечаемое в биографиях учёных, но крайне важное для понимания её личности.

В дневниковых записях Веры Николаевны Харузиной даже мимолетные встречи превращаются в значимые эпизоды, раскрывающие не только характер окружающих, но и её собственный взгляд на мир. Одна из таких зарисовок относится к визиту С.К. Просвиркиной, появившейся неожиданно: «мрачные и мягкие глаза» соседствуют с «удивительной душевной энергией». Физическая травма («несчастье ампутированной ноги») не подавляет внутреннюю силу, а словно оттеняет её (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 7). Здесь Вера Николаевна выступает как тонкий наблюдатель, умеющий увидеть противоречивое единство в человеке. Такие эпизоды – не просто хроника дней, а возможность: увидеть в другом человеке отражение универсальных испытаний; отметить, как физическая хрупкость сочетается с духовной силой. Краткая запись о визитах становится микрокосмом её мировоззрения: здесь и профессиональный интерес этнографа, и чуткость психолога, и гуманизм человека, умеющего находить красоту в несовершенстве.

4.3.3. Война как нравственный вызов. Первая мировая война стала для Веры Николаевны Харузиной не только историческим событием, но и личной трагедией. В одной из дневниковых записей Вера Николаевна Харузина пытается осмыслить тотальный характер войны – не как внешнего события, а как глубинного переживания, проникающего в самое ядро человеческого бытия. Её слова: «Война – она заполнила душу, всем всем как-то...» – задают ключевой тон: речь идёт не о периферийном явлении, а о тотальной оккупации внутреннего мира. Повторение «всем всем» подчёркивает всеобъемлющий характер травмы – война становится универсальным контекстом существования. Вера Николаевна последовательно развенчивает упрощённые представления о военном времени: «Это не только чтение газет, мучительные надежды на успех и тревога за него» – отвергается поверхностное восприятие войны как информационного потока. «Это не только жажда победы, жажда выдворить врага» – реконструируется героический нарратив, сводящий войну к борьбе с внешним противником. Вместо этого она фиксирует многослойность военного опыта: «Это бесконечное число переживаний». Здесь важно слово «бесконечное» – оно указывает на неисчерпаемость боли, на то, что война порождает эмоции, не поддающиеся каталогизации или

рационализации. Особенно пронзительно звучит её описание антропологического сдвига, вызванного войной: «Ужасы от массы смертей» – акцент на количественном аспекте, превращающем смерть из индивидуального события в статистическую реальность; «Жизнь человеческая стала так дешева» – констатация нравственного перелома, когда базовые гуманистические ценности обесцениваются. «Всё стало возможным...» – фиксация разрушения прежних границ допустимого, когда война легализует то, что в мирное время считалось немыслимым. Здесь демонстрирует механизм осмысления травмы – Вера Николаевна Харузина не просто описывает факты, а пытается ухватить саму природу военного опыта. Раскрывает этическую чуткость автора – она видит в войне не только политические или военные аспекты, но и антропологическую катастрофу. Фиксирует парадокс восприятия – война одновременно везде («заполнила душу») и нигде (её ужасы становятся обыденностью). В отличие от официальных сводок или патриотических речей, запись Вера Николаевна возвращает войне человеческое измерение. Она показывает, как глобальное событие превращается в личную историю боли, где каждая строка – свидетельство о разрушении прежнего мира и рождении новой, тревожной реальности (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л.100б.).

В своих мемуарах о Первой мировой войне Вера Николаевна Харузина глубоко переживает и за судьбу России, описывает разруху, нехватку продовольствия, и критически оценивает ход действий. Личные переживания отражают трагизм положения страны, понесшей огромные потери. В дневнике есть запись, где Вера Николаевна фиксирует момент внезапного прозрения – то, что поначалу казалось «солнечным настроением», рушится после разговора с «Л. И. Як.» и «О. А. Ляск.». Их свидетельства о новых нравах в армии – избиения солдат, нарушения порядка в военных училищах – становятся катализатором глубокого внутреннего перелома. Механизм разрушения иллюзий Вера Николаевна описывает процесс, в котором повседневное общение (визит друзей, беседа) внезапно вскрывает скрытую реальность. «Солнечное настроение» – образ хрупкой гармонии – оказывается поверхностным, легко разрушаемым. На смену ему приходит образ «бездны», которая открывается «для души» (то есть затрагивает глубинное, экзистенциальное измерение), становится постоянной «в глубине сознания», поглощает всё внешнее «съедает всё, что поверхностно». Ключевая метафора – «бездна войны» – раскрывает несколько смысловых пластов: ужас и бессмысленность – война предстаёт не как героический эпос, а как пространство, где царит «бессмысленное и античеловеческое». На фоне этого мрачного прозрения особенно значима финальная фраза: «Любить широко, по-Божьему – так хорошо». Здесь Вера Николаевна противопоставляет ненависть и насилие войны – идеалу любви, подчёркивает универсальность этого идеала («по-Божьему» – то есть выходящему за рамки личного), фиксирует внутренний выбор: даже перед лицом бездны человек может стремиться к свету. Здесь Вера Николаевна показывает механизм нравственного пробуждения – как частное свидетельство (рассказ друзей, родных) становится поводом для глобального переосмысления. Фиксирует внутренний конфликт эпохи: между желанием жить «как прежде» и невозможностью игнорировать ужасы войны. Таким образом, эта запись – не просто хроника событий, а глубокий экзистенциальный документ, где личная боль и общечеловеческая трагедия сливаются в единый опыт. Вера Николаевна Харузина не просто фиксирует факты, а пытается понять, как жить дальше в мире, где «бездна» стала частью души (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 4).

4.3.4. Тревога за близких. В череде тягостных размышлений и болезненных переживаний, заполняющих дневники Веры Николаевны Харузиной 1916 года, особняком стоит запись от 30 августа. Она словно луч света в сумрачной повседневности – рассказ о приезде брата Славы в отпуск. Уже первые фразы передают переполнение чувств: «так много было счастья» – не просто радость, а избыток, почти непомерный для измученной души; «всё сплетается в одно радостное» – ощущение целостности, когда бытовые детали, разговоры, даже тишина обретают единый светлый смысл; молитвенное «Так, Господи, хорошо» – благодарность, выходящая за рамки обыденного, почти благоговейная. Сцена в кабинете оживает благодаря конкретным деталям: «новый маленький кабинет» – личное, уютное, где возможно доверительное общение; живость рассказа: брат не просто говорит, а «показывает» марши, поёт – перед нами не монолог, а маленькое представление; солдатские и юнкерские песни звучат в мирной обстановке, напоминая о войне, но не омрачая момента. Перетекание тем подчёркивает естественность общения: «Сегодня уже разговоры про магию, египетскую религию. Снова, как прежде – и не думаешь, всего неделя» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 220б.). От военного быта – к эзотерике, от современности – к древним цивилизациям. Это: свидетельство интеллектуальной близости – способность мгновенно переключаться между темами без натяжки; намёк на прежнюю жизнь («снова, как прежде»), когда такие беседы были обыденностью; горькое осознание краткости мгновения («всего неделя») – визит брата лишь пауза в череде испытаний. Почему эта запись важна? Она показывает: силу родственных связей – как источник утешения в кризисное время; способность радоваться малому – даже краткий визит становится событием, преображающим мир. В этой записи Вера Николаевна не анализирует, не рефлексировать – она просто живёт моментом, позволяя себе быть счастливой. И именно эта непосредственность делает текст столь пронзительным: перед нами не учёный, а человек, на миг забывший о боли и тревогах.

Постоянная мысль о брате Славе (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 90б.), переживания за судьбы знакомых (например, гибель «Кубарика» – товарища юности А.М.) делали войну не абстрактным событием, а личной раной (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 16). В дневниковой записи от 13 сентября 1916 года Вера Николаевна Харузина фиксирует не собственное горе, а глубокое сопереживание чужой утрате – гибели сына графини Бобринской (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 270б.). Этот эпизод раскрывает важную черту её личности: способность эмоционально включаться в чужую боль, превращая сочувствие в нравственный поступок. Ключевая мысль здесь – прозрение через страдание. Вера Николаевна Харузина отмечает, что подлинная мера любви становится ясной лишь в момент непоправимой утраты. Это не абстрактное размышление, а личное откровение: переживание чужой трагедии заставляет её заново осмыслить собственные чувства к близким. Почему этот фрагмент значим? Он показывает механизм сопереживания – как Вера Николаевна не просто жалеет, а буквально «примеряет» чужую боль на себя. Раскрывает этический идеал – любовь проявляется в способности разделить страдание. Фиксирует дух эпохи – частные трагедии становятся общим опытом в условиях войны.

4.3.5. Профессиональная миссия как спасение. Даже в условиях болезни и войны Харузина сохраняла верность науке. Чтение лекций становилось для неё «радостью и утешением», а работа с этнографическими материалами (например, визит Е.Н. Кленовой с «этнографическими записями» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 7) позволяла сохранять связь с профессиональным призванием. В её дневниках прослеживается чёткая иерархия ценностей: эмпатия – способность чувствовать чужую боль; стойкость – отказ сдаваться перед лицом испытаний; служение науке – как способ осмысления хаоса эпохи.

Вера Николаевна Харузина – не просто учёный-этнограф, но и человек, чья жизнь стала зеркалом переломной эпохи. Её дневники показывают, как интеллектуальная честность, эмоциональная глубина и профессиональная преданность позволяли ей сохранять достоинство и смысл в условиях, когда сама реальность казалась распадающейся на части. В её судьбе соединились: трагедия поколения, пережившего войны и революции; мужество исследователя, не боявшегося задавать неудобные вопросы; теплота человека, умевшего любить и сострадать. Именно эта многогранность делает её наследие актуальным не только для историков науки, но и для всех, кто ищет примеры нравственной стойкости в сложные времена.

5. Заключение

Вклад Веры Николаевны Харузиной в этнографию определяется синтетическим подходом и методологической чуткостью: полевая работа и систематизация. Она не ограничивалась кабинетными исследованиями: сбор этнографических материалов, работа с коллекциями позволяли ей соединять эмпирику с теоретическим осмыслением; сбор и публикация сказок народов дореволюционной России демонстрируют её интерес к фольклору как «голосу» этнических сообществ. В работах прослеживается связь этнографии с историей, религиоведением, фольклористикой – подход, опережавший время. Её дневники показывают осознанное стремление не просто «фиксировать» культуру, а понимать её изнутри, через сопереживание (например, внимание к личным историям собеседников).

Вера Николаевна Харузина внесла вклад в сохранение и осмысление культурного многообразия Российской империи, заложив основы для изучения этнографии как живой дисциплины. Интеграция личного опыта и стойкость перед лицом болезни, способность продолжать работу вопреки обстоятельствам служили студентам негласным уроком профессиональной этики. Её труды сочетали глубину анализа с ясностью изложения, делая сложные темы понятными для начинающих исследователей.

Человеческий облик Веры Николаевны раскрывается через противоречивое единство: сострадание без сентиментальности (её сопереживание чужим трагедиям не превращалось в жалость, а становилось актом нравственного участия; стойкость без риторики (борьба с болезнью, осознание неизбежности потерь не лишали её воли к действию); интеллектуальная честность (она не избегала сложных вопросов, открыто фиксируя сомнения и страхи): любовь как этический ориентир.

Личность Веры Николаевны Харузиной – пример того, как учёный может оставаться человеком в эпоху катастроф, сохраняя достоинство, эмпатию и веру в ценность знания. Наследие Веры Николаевны Харузиной многогранно: как этнограф она обогатила науку полевыми материалами и междисциплинарными подходами; как профессор – воспитала поколение исследователей, показав, что преподавание – это диалог и ответственность; как личность – продемонстрировала, что подлинная учёность неотделима от нравственной позиции.

Её работы и дневники остаются актуальными не только для историков этнографии, но и для всех, кто ищет примеры интеллектуальной честности и человеческой стойкости в сложные времена.

Литература

Васеха, 2025 – Васеха М.В. Мария Васильевна Красножёнова (1871–1942): пионерка сибирской фольклористики и этнографии // *Женщина в российском обществе*. 2025. № 4. С. 168–181.

- Керимова, 1998** – Керимова М.М. Словения и словенцы в трудах А.Н. Харузина и В.Н. Харузиной // *Живая старина*. 1998. № 2. С. 44-47.
- Керимова, Наумова, 1999** – Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Сборник Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература. 2002. С. 164-198.
- Керимова, 2003** – Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 4. С. 90-106.
- Керимова, 2007** – Керимова М.М. Николай Харузин и Василий Кандинский // *Этнографическое обозрение*. № 6. 2007 г. С. 14-33.
- Керимова, 2011** – Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М.: «Восточная литература». 2011. 760 с.
- Курбатов, 2003** – Курбатов В.И. Возрождая целостность общественного сознания // *Экономический Вестник Ростовского государственного университета*. 2003. Т. 1. № 1. С. 135-139.
- Миллер, 1900** – Миллер В.Ф. Николай Николаевич Харузин (некролог) / *Этнографическое обозрение*. Кн. XLV. (№ 2, 1900). С. 1-12.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва).
- Секенова, 2021** – Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2021. Т. 20. № 2. С. 286-294.
- Токарев, 2015** – Токарев С.А. История русской этнографии / Составитель и отв. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2015. 656 с.
- Харузина, 1890** – Харузина В.Н. На Севере. Путевые воспоминания. М.: Типография Т-ва А. Левенсона Ко. 1890.
- Харузина, 1903** – Харузина В.Н. Оцзи и Олес : Рассказ из жизни лопарей. Москва: тип. О-ва распростр. полез. кн., аренд. В.И. Вороновым, 1903.
- Харузина, 1912** – Харузина В.Н. Отчет о летней поездке в Германию (Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях). М.: Издательство печ. А.И. Снегиревой. 1912. С. 1-3. (96 с.)
- Харузина, 1999** – Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 558 с.
- Харузина Вера, 2025** – Харузина В.Н. Сказки русских инородцев. М.: Издательство Юрайт. 2025. 199 с.
- Харузина, 2025а** – Харузина В.Н. Введение в этнографию. М., Издательство Юрайт. 2025. 191 с.
- Харузина и др., 2014** – Харузина В., Бартрам Н., Малахьева-Мирович В., Оршанский О., Боруцкий В., Глаголь С. Игрушка. Ее история и значение. М.: Издательство Роща Большая Медведица, 2014. 274 с.
- Хорина, 2017** – Хорина В.В. В.Н. Харузина как историк религии // *Религиоведение*. № 3. 2017. С. 164-172.
- Хорина, 2017** – Хорина В.В. Описания шаманизма в исследованиях Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной // *Религиоведение*. 2017. № 4. С. 172-177.
- Юнгус, 2025** – Юнгус Г.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев – «гений места» и создатель смыслов: диалог как путь к достижению согласия на примере произведения «Дерсу Узала» // *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. № 3 (8). 2025. С. 61-65.

References

- Kerimova, 1998** – Kerimova, M.M. (1998). Sloveniya i sloventsy v trudakh A.N. Kharuzina i V.N. Kharuzinoi [Slovenia and Slovenes in the works of A.N. Kharuzin and V.N. Kharuzina]. *Zhivaya starina*. 2: 44-47. [in Russian]
- Kerimova, Naumova, 1999** – Kerimova, M.M., Naumova, O.B. (1999). Aleksei Nikolaevich Kharuzin – etnograf i antropolog [Nikolaevich Kharuzin – ethnographer and anthropologist]. *Sbornik Repressirovannye etnografy*. M.: Vostochnaya literatura. Pp. 164-198. [in Russian]
- Kerimova, 2003** – Kerimova, M.M. (2003). Sem'ya etnografov Kharuzinykh i ikh epistolyarnoe nasledie [The Kharuzin family of ethnographers and their epistolary legacy]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 90-106. [in Russian]
- Kerimova, 2007** – Kerimova, M.M. (2007). Nikolai Kharuzin i Vasilii Kandinskii [Nikolai Kharuzin and Wassily Kandinsky]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6: 14-33. [in Russian]
- Kerimova, 2011** – Kerimova, M.M. (2011). Zhizn', otdannaya nauke. Sem'ya etnografov Kharuzinykh. Iz istorii rossiiskoi etnografii (1880–1930-e gody) [A life dedicated to science. The Kharuzin family of ethnographers. From the history of Russian ethnography (1880s–1930s)]. M.: «Vostochnaya literatura». 760 p. [in Russian]

- Kurbatov, 2003** – Kurbatov, V.I. (2003). Vozrozhdaya tselostnost' obshchestvoznaniya [Reviving the integrity of social science]. *Ekonomicheskii Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(1): 135-139. [in Russian]
- Kharuzina, 1890** – Kharuzina, V.N. (1890). Na Severe. Putevye vospominaniya [In the north. Travel memories]. M.: Tipografiya T-va A. Levensoni Ko. P. 20; P. 50. [in Russian]
- Kharuzina, 1903** – Kharuzina, V.N. (1903). Otszi i Oles: Rasskaz iz zhizni loparei Moskva [Otzi and Oles: A Story from the life of the Lapps]: tip. O-va rasprostr. polez. kn., arend. V.I. Voronovym. [in Russian]
- Kharuzina, 1912** – Kharuzina, V.N. (1912). Otchet o letnei poezdke v Germaniyu (Katalogizatsiya, konservirovanie i razmeshchenie kollektzii v etnograficheskikh muzeyakh) [Report on a summer trip to Germany (Cataloguing, preserving and placing collections in ethnographic museums)]. M.: Izdatel'stvo pech. A.I. Snegirevoi. Pp. 1-3. (96 p.) [in Russian]
- Kharuzina, 1999** – Kharuzina, V.N. (1999). Proshloe. Vospominaniya detskikh i otrocheskikh let [The Past. Memories of childhood and adolescence]. Vstup. stat'ya, sost., podg. teksta i komment. M.M. Kerimovoi i O.B. Naumovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 558 p. [in Russian]
- Kharuzina, 2025** – Kharuzina, V.N. (2025). Skazki russkikh inorodtsev [Tales of Russian foreigners]. M.: Izdatel'stvo Yurait. 199 p. [in Russian]
- Kharuzina, 2025a** – Kharuzina, V.N. (2025). Vvedenie v etnografiyu [Introduction to ethnography]. M., Izdatel'stvo Yurait. 191 p. [in Russian]
- Kharuzina i dr., 2014** – Kharuzina, V., Bartram, N., Malakhieva-Mirovich, V., Orshanskii, O., Borutskii, V., Glagol', S. (2014). Igrushka. EE istoriya i znachenie. [The toy. Its history and meaning]. M.: Izdatel'stvo Roshcha Bol'shaya Medveditsa. 274 p. [in Russian]
- Khorina, 2017** – Khorina, V.V. (2017). V.N. Kharuzina kak istorik religii [V.N. Kharuzina as a historian of religion]. *Religiovedenie*. 3: 164-172. [in Russian]
- Khorina, 2017** – Khorina, V.V. (2017). Opisaniya shamanizma v issledovaniyakh N.N. Kharuzina i V.N. Kharuzinoi [Descriptions of shamanism in the studies of N.N. Kharuzin and V.N. Kharuzina]. *Religiovedenie*. 4: 172-177. [in Russian]
- Miller, 1900** – Miller, V.F. (1900). Nikolai Nikolaevich Kharuzin (nekrolog) [Nikolai Nikolaevich Kharuzin (obituary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Kn. XLV. 2: 1-12. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (g. Moskva) [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Sekenova, 2021** – Sekenova, O.I. (2021). Detstvo v vospominaniyakh rossiiskikh zhenshchin-istorikov vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX v. [Childhood in the memories of russian women historians of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 20(2): 286-294. [in Russian]
- Tokarev, 2015** – Tokarev, S.A. (2015). Istoriya russkoi etnografii [History of Russian ethnography]. Sostavitel' i otv. redaktor O. A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 656 p. [in Russian]
- Vasekha, 2025** – Vasekha, M.V. (2025). Mariya Vasil'evna Krasnozhenova (1871–1942): pionerka sibirskoi fol'kloristiki i etnografii [Maria Vasilievna Krasnozhenova (1871–1942): a pioneer of Siberian folklore studies and ethnography]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 4: 168-181. [in Russian]
- Yungus, 2025** – Yungus, G.A. (2025). Vladimir Klavdievich Arsen'ev – «genii mesta» i sozdatel' smyslov: dialog kak put' k dostizheniyu soglasiya na primere proizvedeniya «Dersu Uzala» [Vladimir Klavdievich Arsenyev – a «genius of the place» and creator of meaning: dialogue as a path to reaching agreement, as exemplified by the work «Dersu Uzala»]. *Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv*. 3(8): 61-65. [in Russian]

«Это неопределимо и так определимо» (первая женщина-этнограф В.Н. Харузина как личность)

Ляйля Гельсовна Хуснутдинова ^{а, *}

^а Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые предпринято целостное осмысление научного и личного вклада Веры Николаевны Харузиной (1866–1931) – выдающейся исследовательницы, ставшей первой в России женщиной-профессором этнографии (1907 г.).

Опираясь на ранее не публиковавшиеся архивные материалы из фонда Отдела письменных источников Государственного исторического музея Москвы, авторы реконструируют профессиональный путь учёной и раскрывают самобытность её исследовательского метода.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: Lavanda-55@mail.ru (Л.Г. Хуснутдинова)

Научный вклад Харузиной трудно переоценить: собранные ею коллекции и опубликованные труды составили фундамент для изучения культурного многообразия Российской империи. Её полевые исследования сочетали скрупулёзность наблюдателя с редкой способностью проникать в смысловые глубины изучаемых традиций.

Как педагог она совершила подлинный прорыв: внедрила сравнительно-исторический метод в преподавание этнографии; создала первый в России учебник по этнографии, удостоенный в 1914 г. Золотой медали Русского географического общества; воспитала целое поколение исследователей, подавая пример профессиональной стойкости – даже после наступления паралича в 1908 г. она не прекратила научной и педагогической деятельности.

Как личность Вера Николаевна Харузина явила редкий синтез интеллектуальной честности и гуманизма. Её дневники свидетельствуют о глубокой способности к сопереживанию; непоколебимой стойкости перед лицом личных трагедий (арест брата, военные потери, тяжёлая болезнь); твёрдой вере в «широкую, по-Божьему» любовь как нравственный ориентир.

Научная новизна исследования заключается в первом системном анализе наследия Веры Николаевны Харузиной на базе неопубликованных архивных источников; выявлении органической связи между её исследовательским методом и личностными качествами; переоценке роли учёной как основоположницы «женской этнографии», сфокусированной на изучении женского опыта, детства и бытовых ритуалов.

Наследие Веры Николаевны Харузиной сохраняет актуальность для современной гуманитаристики. Её жизнь и труды убедительно доказывают: этнография – это живой диалог с культурой, а подлинная наука немыслима без нравственного выбора и человеческого участия.

Ключевые слова: История Российской этнографии, Вера Николаевна Харузина, женская наука, мемуары, архивные материалы, полевая работа, культурное наследие.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 330-342
DOI: 10.13187/bg.2026.1.330

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Development of Scientific Research and Scientific Institutions in the Turkestan Region in the second half of the 19th – early 20th centuries

Yulduz A. Ergasheva ^{a, *}, Xurshid O. Xosiyatov ^a, Baxrom N. Uzakov ^b, Faxriddin U. Samarov ^c

^a Karshi State Technical University, Republic of Uzbekistan

^b Shakhrisabz State Pedagogical Institute, Republic of Uzbekistan

^c Karshi International University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the formation and development of science and scientific institutions in the Turkestan region in the second half of the 19th and early 20th centuries, a period of active integration of the region into the administrative and intellectual space of the Russian Empire. It focuses on institutional forms of scientific activity, the mechanisms of interaction between the colonial administration and the academic community, and the contribution of Russian and local scholars to the formation of the regional scientific space. Based on archival materials, including documents of scientific societies, expedition reports, official correspondence, and statistical reviews, supplemented by published works by Russian and foreign researchers, the main areas of scientific research, including geography, ethnography, archaeology, history, and the natural sciences, are reconstructed. Particular attention is paid to the activities of scientific societies, primarily the Turkestan branch of the Imperial Russian Geographical Society, as well as the role of expeditionary practice in the accumulation and systematization of knowledge about the region. It is shown that local scholars acted not only as informants but also as active participants in the scientific process, making a significant contribution to the collection, interpretation, and preservation of scientific data. The article concludes that the development of science in the Turkestan region was the result of the interaction of imperial scientific initiatives and local intellectual traditions, which contributed to the institutionalization of scientific research, the formation of a holistic scientific infrastructure, laying the foundations for the further development of science in Central Asia and its inclusion in the pan-imperial and international scientific space.

Keywords: Turkestan region, science, statistical committees, archaeological societies, library, imperial modernization, scientific infrastructure.

1. Введение

История формирования науки и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX века занимает особое место в изучении социально-культурных процессов на территории Центральной Азии. Включение региона в административно-политическое пространство Российской империи сопровождалось не только трансформацией системы управления, но и активизацией научной деятельности, направленной на комплексное изучение природных условий, населения, хозяйства и историко-культурного наследия края. В этих условиях наука становилась важным инструментом интеграции региона в общеимперское интеллектуальное пространство, одновременно выступая каналом взаимодействия между центральными академическими структурами и местной интеллектуальной средой. После включения региона в

* Corresponding author

E-mail addresses: yuae63@gmail.com (Yu.A. Ergasheva), xurshid3107@gmail.com (X.O. Xosiyatov), uzakovbn@gmail.com (B.N. Uzakov), samarovfaxriddin07@gmail.com (F.U. Samarov)

состав империи научное освоение края получило системное развитие, что выразилось в создании научных обществ, кружков, специализированных учреждений, а также в активной деятельности русских и отечественных ученых-востоковедов, этнографов, археологов и географов. В эти годы наука в Туркестане выступала не только как форма накопления знания, но и как инструмент управления краем и механизм культурной интеграции в условиях колониальной политики. Одновременно происходило становление местных просветительских инициатив, что отражало сложный характер научного развития региона как зоны пересечения имперских и автохтонных культурных проектов. Научное освоение края сочетало элементы колониальной политики и просветительской миссии. Первые административные органы – статистические комитеты, музейные собрания, архивы – становились не только инструментом учёта, но и площадкой для формирования научных знаний о регионе. Эти процессы протекали под патронажем генерал-губернаторов, офицеров и миссионеров, а также при участии местных интеллектуалов, способных соединить восточную традицию и европейскую методологию. Несмотря на наличие значительного массива работ, посвящённых отдельным экспедициям, научным обществам или биографиям отдельных исследователей, проблема комплексного анализа взаимодействия русских и местных ученых в контексте становления региональной научной инфраструктуры до настоящего времени остаётся недостаточно разработанной и остаётся актуальной. Особую значимость приобретает анализ вклада местных ученых, переводчиков, экспертов и информаторов, которые не только обеспечивали эмпирическую базу исследований, но и оказывали существенное влияние на формирование исследовательских программ и интерпретацию полученных данных. Их участие способствовало адаптации академических методов к региональной специфике и формированию устойчивых научных коммуникаций. Таким образом, формирование научной инфраструктуры в Туркестане можно рассматривать как проявление имперской модернизации, где управление и познание развивались параллельно. В этом контексте наука в Туркестанском крае предстает как результат сложного взаимодействия имперских научных инициатив и локальных интеллектуальных традиций, что требует более взвешенного и источниковедчески обоснованного анализа.

2. Материалы и методы

Источниковую основу исследования составляют разноплановые архивные и опубликованные материалы, позволяющие реконструировать процессы формирования науки и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX века. Ключевое место среди использованных источников занимают документы Национального архива Узбекистана (НАУз) (Ташкент, Узбекистан), включающие материалы административных ведомств, научных обществ, учебных заведений и экспедиционных комиссий. В работе привлечены делопроизводственные документы генерал-губернаторской канцелярии, отчёты статистических комитетов, протоколы заседаний научных обществ, переписка должностных лиц с академическими учреждениями Санкт-Петербурга и Москвы, а также сметы и отчёты о финансировании научных мероприятий, которые содержатся в архивных фондах: И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), И-47 (Управление учебных заведений Туркестанского округа), И-717 (Совет Туркестанского генерал-губернатора), И-5 (Управление начальника Зерафшанского округа), И-18 (Правление Самаркандской области), а также в ряде других фондов данного архива. Особое значение имеют материалы, отражающие участие местных ученых и экспертов в научной деятельности: докладные записки, переводы рукописей, полевые дневники, этнографические описания и рецензии на научные труды, подготовленные при содействии представителей коренного населения. Эти источники позволяют выявить формы и степень вовлеченности местных интеллектуалов в исследовательские практики и оценить их вклад в развитие региональной науки.

Дополнительную группу источников образуют опубликованные материалы конца XIX – начала XX века: отчёты Русского географического общества, труды Туркестанского отдела РГО, издания востоковедческих и археологических комиссий, а также публикации отдельных исследователей, основанные на результатах экспедиций. Они использовались в сопоставлении с архивными данными, что обеспечивало проверку достоверности и выявление расхождений между официальной отчётностью и реальной исследовательской практикой.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и научной объективности, предполагающих рассмотрение изучаемых явлений в их развитии и в контексте конкретных социально-политических условий эпохи. Применение историко-системного метода позволило проанализировать науку в Туркестанском крае как целостную совокупность институтов, практик и акторов, связанных между собой административными, научными и личными коммуникациями. Историко-генетический метод использовался для выявления этапов становления научных учреждений и изменения форм научной деятельности в зависимости от трансформации колониальной политики.

Важную роль в работе сыграли сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, позволившие сопоставить деятельность различных научных обществ и экспедиций, а также проследить эволюцию исследовательских приоритетов во времени. Для анализа роли отдельных

ученых и коллективов применялись элементы просопографического подхода, что дало возможность выявить типичные модели научной карьеры и формы взаимодействия русских и местных исследователей. Дополнительно применялись элементы компаративного анализа, что позволило определить как общие тенденции институционализации науки, так и региональные особенности, обусловленные культурной, этнографической и природной спецификой Туркестанского края.

Комплексное использование указанных материалов и методов обеспечило многоуровневый анализ развития науки в Туркестанском крае и позволило перейти от описания отдельных фактов к обобщению структурных закономерностей формирования региональной научной инфраструктуры.

3. Обсуждение

Изучение науки и научных учреждений Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX века прошло несколько этапов, отражающих как эволюцию исторических подходов, так и смену исследовательских парадигм. Историографический анализ позволяет проследить, каким образом в разные периоды осмысливались роль русских и местных ученых, деятельность научных обществ и экспедиций, а также институциональные механизмы формирования научной инфраструктуры региона в условиях колониального управления. Первые работы, относящиеся к колониальному периоду, формировались в русле практических задач Российской империи и были тесно связаны с деятельностью военной и гражданской администрации. Наука в Туркестанском крае рассматривалась как инструмент познания и освоения территории, необходимый для эффективного управления, экономического развития и культурной интеграции региона. В дореволюционной историографии научная деятельность в Туркестане рассматривалась преимущественно через призму административных, статистических и исследовательских отчетов, подготовленных российскими военными, чиновниками и ориенталистами, совмещавшими управленческие и научные функции. Существенный вклад в формирование представлений о научном освоении края внесли труды К.П. фон Кауфмана — первого генерал-губернатора Туркестана, в официальных отчетах которого подчеркивалась необходимость систематического изучения природных ресурсов, населения, истории и культуры региона как основы эффективного управления. Аналогичный подход прослеживается в трудах И.И. Гейера (Гейер, 1908) и В.И. Масальского (Масальский, 1898), где географические, статистические и этнографические сведения рассматривались как инструмент рационализации колониальной политики. Значительное место в колониальной историографии занимает труд Н.О. Губаревича-Радобильского «Русские научные экспедиции в Средней Азии во второй половине XIX века» (Губаревича-Радобильский, 1904), в котором систематизированы маршруты, направления и результаты экспедиционных исследований. Автор подробно раскрывает организационную структуру экспедиций, методологию сбора материалов и формы взаимодействия русских ученых с местным населением, что позволяет рассматривать данную работу как одно из первых обобщений институционального развития науки в Туркестанском крае. Существенным источниковым корпусом выступают «Записки Туркестанского отделения Императорского Русского Географического Общества» (Записки ТТО ИРГО, 1872–1910), отражающие текущую деятельность научного сообщества, публикацию полевых наблюдений, картографических и этнографических материалов. Эти издания зафиксировали процесс формирования устойчивых научных практик и демонстрируют включенность Туркестана в общероссийское научное пространство. Особое значение в дореволюционной историографии имеют работы российских ориенталистов и учёных-практиков, принимавших участие в научных экспедициях и деятельности научных учреждений Туркестанского края. Работы Л.Ф. Мальца (Мальц, 1898), посвященные историко-этнографическим исследованиям края, расширяют представление о колониальной науке как о комплексной системе знаний, в которой сочетались географические, этнографические и лингвистические исследования. Автор подчеркивает роль местных участников экспедиций и показывает, что научные практики формировались не только «сверху», но и в результате взаимодействия с локальной интеллектуальной средой. В.В. Бартольд (Бартольд, 1963), исследуя историко-культурное развитие Средней Азии, подчеркивал значимость научных исследований для понимания социально-культурных процессов, одновременно фиксируя двойственный характер колониальной политики, сочетавшей модернизационные импульсы с элементами дискриминации коренного населения. В целом, колониальный этап историографии характеризуется накоплением обширного эмпирического материала и становлением научных институтов, однако он ограничен отсутствием критического анализа самой колониальной природы научной деятельности.

Советская историография интерпретировала колониальную науку главным образом в рамках классово-идеологической модели, акцентируя её зависимость от интересов царской администрации. Вместе с тем именно в этот период была проведена масштабная работа по введению в научный оборот архивных материалов, что создало основу для реконструкции деятельности научных обществ, экспедиций и отдельных ученых колониального времени. В трудах С.П. Толстова (Толстов, 1948), посвященных археологическим исследованиям в Средней Азии, раскрываются организационные и методологические аспекты экспедиционной науки, включая вопросы финансирования, кадрового состава и участия местных информаторов. В работах К.Е. Бендрикова (Бендриков, 1960)

подчёркивается неравномерность развития научной инфраструктуры, ограниченный доступ коренного населения к профессиональной научной деятельности и зависимость научных исследований от административных интересов метрополии. При этом автор, опираясь на широкий круг архивных источников, внёс значительный вклад в систематизацию сведений о научных учреждениях и экспедициях дореволюционного периода. Работы В.М. Массона ([Массон, 1966](#)) демонстрируют преемственность научных традиций и значимость туркестанских экспедиций, но также фокусируются преимущественно на отдельных дисциплинах, не затрагивая в полной мере структуру научных учреждений. Таким образом, советский этап историографии, несмотря на идеологические ограничения, заложил фундамент источниковедческой базы и систематизации данных о колониальной науке, однако роль местных ученых и институциональная специфика научных обществ рассматривались фрагментарно.

Качественно новый этап в изучении науки и научных учреждений Туркестанского края связан с постсоветским периодом. Исследователи получили возможность критически переосмыслить колониальное наследие, сместив акцент с идеологических оценок на институциональный и социально-культурный анализ. В работах А.С. Садыкова ([Садыков, 1990](#)) предпринята комплексная реконструкция научной инфраструктуры края, показаны механизмы функционирования экспедиций и научных обществ, а также участие местных специалистов в исследовательской деятельности. Д.А. Алимова ([Алимова, 2009](#)) акцентирует внимание на участии местной мусульманской интеллигенции в научных и просветительских инициативах, а также на трансформации научных практик в условиях модернизации конца XIX — начала XX века. Е.А. Смесова ([Смесова, 2010](#)) рассматривает библиотеки, музеи и духовно-культурные учреждения как важные элементы научной среды, обеспечивавшие включение местных интеллектуалов в научный процесс. Важный вклад в осмысление институционального развития науки внесли работы Н.А. Абдурахимовой ([Абдурахимова, 2014](#)), анализирующие роль научных учреждений в процессах социальной мобильности и формирования новых элит. Ф. Исхаков ([Исхаков, 2009](#)) рассматривает этнополитические аспекты научной деятельности, подчёркивая асимметрию участия коренного населения в научных обществах и институтах.

Отдельные аспекты политики царской администрации в Туркестанском крае, рассматриваемые через призму развития системы образования и её значения во внешнеполитических стратегиях империи, а также институциональные трансформации учебных заведений, способствовавшие аккумуляции научных знаний и постепенной интеграции местных ученых в общероссийское научное пространство, получили отражение в статьях Д.Ж. Уракова ([Uraikov et al., 2024](#)) и Ю.А. Эргашевой ([Ergasheva et al., 2025](#)). Современные узбекистанские исследования характеризуются системным и критическим подходом, в рамках которого дореволюционная наука рассматривается как социальный и институциональный феномен, а участие местных исследователей — как важный фактор адаптации и локализации научных практик.

Зарубежная историография дополняет национальные исследования, помещая туркестанский опыт в контекст глобальной истории науки и колониальных исследований. В монографии А. Моррисона ([Morrison, 2008](#)) показано, как научные исследования и экспедиции в Самарканде и Туркестанском крае в целом способствовали легитимации имперской власти и формированию устойчивых научных институтов. А. Каппелер ([Kappeler, 2001](#)), рассматривая Российскую империю как многоэтническое пространство, подчёркивает роль науки и научных обществ в интеграции окраин в единую имперскую систему знания. В целом, историография проблемы демонстрирует поступательную эволюцию подходов: от первичной эмпирической фиксации и институционального оформления науки в колониальный период — через идеологически окрашенную, но источниковедчески значимую советскую интерпретацию — к современному критическому и междисциплинарному анализу. Вместе с тем сохраняется дефицит комплексных исследований, синтезирующих деятельность русских и местных ученых, научных обществ и экспедиций в рамках единой институциональной истории науки Туркестанского края, что определяет актуальность настоящего исследования.

4. Результаты

Учреждение Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. стало отправной точкой систематического научного освоения региона, обусловленного как административно-управленческими, так и познавательными потребностями Российской империи. На начальном этапе научная деятельность носила преимущественно прикладной и описательный характер, будучи тесно связанной с задачами военного управления, фискального контроля и хозяйственного освоения территории. Именно в этот период формируются первые представления о Туркестанском крае как о самостоятельном объекте научного знания.

Ключевую роль в зарождении научных исследований сыграли военные инженеры, топографы и врачи, находившиеся на службе в крае. Их отчёты, рапорты и путевые дневники содержали сведения по географии, климату, гидрографии, эпидемиологической обстановке и этнографическому составу

населения (НАУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 214. Л. 17–24). Эти материалы, несмотря на их утилитарный характер, заложили основу для последующих академических исследований.

Созданный в 1867 г. Туркестанский статистический комитет стал первой структурой, где соединялись элементы государственной статистики, этнографии и географии. Он осуществлял сбор демографических, климатических и экономических данных, организовывал экспедиции, проводил анкетирование местного населения (НАУз. Ф. 278. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–5). Комитет выработал методы наблюдения и анализа, которые позже легли в основу историко-географических исследований в регионе. Кроме того, комитет издавал «Сборники материалов для статистики Туркестанского края», где публиковались первые научные описания городов, климата и хозяйства (Майер, 1871: 12). Среди активных членов были К.П. фон Кауфман, Н.И. Веселовский, А. Лерх и В.Ф. Ошанин, чьи работы способствовали систематизации знаний о крае.

Важным элементом научной инфраструктуры стали библиотеки и музеи, прежде всего Ташкентский публичный музей и научная библиотека при канцелярии генерал-губернатора. Эти учреждения аккумулировали археологические находки, рукописи, статистические материалы и результаты полевых исследований, обеспечивая их сохранность и доступность для исследователей (НАУз. Ф. 47. Оп. 2. Д. 311. Л. 6–18). Открытие в 1870 г. Туркестанской публичной библиотеки (впоследствии — Национальная библиотека имени Алишера Навои): с 1 700 книг в начале до 80 тыс. к 1917 году — важнейшего культурного учреждения края, заложило первые основы библиографической работы. Её организаторы преследовали цель не только пропаганды чтения книги, но и собирания, хранения восточных рукописей и материалов, касающихся исторического прошлого края. В Проекте культурной политики К.П. фон Кауфмана содержатся конкретные механизмы формирования публичной библиотеки: штатную структуру, бюджетные статьи, методические указания систематизации библиотечного фонда, регламентацию цензуры. В Проекте отдельно выделялся пункт, прямо отражающий идею сбора материалов об Туркестане в единую систему: «Каталог библиотечных фондов должен включать сочинения на русском, французском, немецком и английском языках, с приоритетом работ по истории и этнографии края» (НАУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 810. Л. 3). Восточный отдел библиотеки, где собирались рукописи арабского, персидского и тюркского происхождения, служил основой для становления востоковедения. Здесь действовали кружки по естествознанию и этнографии, обсуждались результаты экспедиций, формировались первые каталоги рукописей (Кун, 1881: 15–17; НАУз. Ф. 279. Оп. 1. Д. 32. Л. 22). Библиотека стала не только культурным, но и исследовательским центром, где развивались формы публичного знания.

В 1876 г. был основан Туркестанский публичный музей в Ташкенте, который к концу XIX в. превратился в научно-исследовательский центр, аккумулирующий археологические, нумизматические и этнографические коллекции (НАУз. Ф. 47. Оп. 2. Д. 17. Л. 21–28). Музей активно взаимодействовал с научными обществами и учебными заведениями, формируя пространство научной коммуникации. Научные общества инициировали публикации, объединяющие материалы музеев и учебных заведений. Так, каталог археологических коллекций Ташкентского музея 1901 года включал результаты экспедиций, фотографии находок и пояснительные этнографические комментарии, составленные как русскими учёными (В.В. Бартольд, В.В. Радлов), так и местными экспертами (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 143. Л. 34). Подобные публикации выполняли несколько функций одновременно: они фиксировали научные данные, демонстрировали деятельность общества широкой аудитории и становились методологической основой для образовательных программ в школах и гимназиях.

Отсутствие государственных научных учреждений в крае побудило исследователей организовать по собственной инициативе ряд добровольных научных и просветительных обществ. Первое такое общество — Туркестанское отделение Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии было организовано в конце 1870 года при активном участии знаменитого русского зоолога и путешественника А.П. Федченко. В числе членов отделения были выдающиеся русские ученые — Н.А. Северцов, И.В. Мушкетов, В.Ф. Ошанин и др. В 1879 г. отделение опубликовало первый и последний выпуск своих трудов «Записки Туркестанского отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Среди четырех статей, помещенных в выпуске, заслуживает внимания статья Н.А. Северцова «Заметки о фауне позвоночных Памира». В результате работ экспедиции, организованной Обществом в 1878 г. под руководством В. Ф. Ошанина, были открыты хребет Петра Великого и ледник в истоках реки Мук-Су, названный экспедицией именем А.П. Федченко. Следует отметить, что труды крупнейших членов отделения Общества из-за отсутствия собственной полиграфической базы в Ташкенте печатались в центре. За неимением средств отделение переживало большие затруднения и примерно в 1893 г. было вынуждено прекратить свое существование. (НАУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 4–9).

Особое значение имели экспедиционные исследования, организованные при содействии генерал-губернаторской администрации. В 1867–1873 гг. проводятся первые топографические и географические экспедиции под руководством офицеров Генерального штаба, результаты которых легли в основу картографирования Ферганской долины, Самаркандской и Сырдарьинской областей

(НАУз. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 4–9). Параллельно развивались этнографические наблюдения, фиксировавшие социальную структуру, обычаи и формы традиционного знания местного населения.

Существенную роль на данном этапе сыграли востоковеды и ориенталисты. В.В. Радлов в 1868–1870 гг. осуществил полевые исследования в Семиречье и Южном Казахстане, собрав уникальный лингвистический и фольклорный материал (Радлов, 1887: 45–63). Его труды заложили основу научного изучения тюркских языков региона. Уже в 1870-е гг. в край направлялись комплексные научные экспедиции, включавшие геологов, ботаников и ориенталистов. Их деятельность была направлена на инвентаризацию природных ресурсов и сбор сведений о хозяйственном укладе местного населения (НАУз. Ф. 1. Оп. 3. Д. 47. Л. 12–15). В результате были созданы первые карты региона, собраны коллекции минералов и гербарии, часть которых впоследствии поступила в столичные научные учреждения.

На начальном этапе наука в Туркестанском крае развивалась преимущественно как «внешнее знание», продуцируемое приезжими специалистами. Однако уже в 1870–1880-е гг. отмечается начальное вовлечение представителей местной образованной среды — переводчиков, учителей медресе, знатоков восточных рукописей — в процесс сбора и интерпретации научных данных (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 97. Л. 42–45). Их участие способствовало более глубокому пониманию социокультурной специфики края и снижало уровень интерпретационных искажений.

Для картографирования и климатологического изучения края еще в 1867 г. была создана в Ташкенте первая метеорологическая станция, а через некоторое время возникла уже небольшая сеть таких станций: в Самарканде (1878 г.), Пянджикенте, Джизаке (1881 г.), Каттакургане (1901 г.) и другие. Обработка обширных материалов этих станций была подытожена Л.А. Молчановым, который составил впоследствии климатическую карту Центральной Азии (История Самарканда..., 1969: 343).

Период 1867–1880-х гг. характеризуется становлением эмпирической базы научных знаний о Туркестанском крае, формированием первичных исследовательских практик и созданием корпуса источников, ставших фундаментом для институционализации науки в последующие десятилетия. К концу XIX в. научная деятельность в Туркестанском крае вступает в качественно новый этап, связанный с формированием устойчивых научных институтов и обществ. Этот процесс был обусловлен как накоплением эмпирических знаний, так и осознанием администрацией необходимости их систематизации и научной обработки.

Важным элементом формирования научной инфраструктуры Туркестанского края стало учреждение в Ташкенте астрономической обсерватории в 1874 г. В соответствии с задачами, поставленными перед данным учреждением, основное направление его деятельности было связано с картографическим и геодезическим изучением региона, прежде всего с определением географических координат населённых пунктов и ключевых опорных точек. Указанные работы осуществлялись как традиционным методом перевозки хронометров, так и с применением телеграфной связи, что соответствовало передовым для своего времени научно-техническим практикам (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 56. Л. 3–11). Несмотря на крайне сложные условия проведения полевых работ, обусловленные слабым развитием транспортной инфраструктуры, отсутствием дорог и значительными расстояниями, сотрудникам Ташкентской обсерватории удалось достичь существенных результатов. В дореволюционный период ими было определено около 870 астрономических пунктов на территории современных республик Центральной Азии, что свидетельствует о масштабности и систематическом характере выполняемых исследований (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 61. Л. 18-27; НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 74. Л. 5-12). Наряду с выполнением прикладных задач, связанных с нуждами административного и военного управления, в деятельности обсерватории находило отражение и развитие собственно научных исследований. По инициативе отдельных сотрудников учреждения эпизодически проводились оригинальные научно-исследовательские работы, выходившие за рамки служебных заданий. Так, особого внимания заслуживает исследование И. И. Померанцева, посвящённое изучению фигуры геоида в Ферганской долине (1896 г.), а также труд Д. Д. Геденова, анализировавший изменения широты Ташкента в 1895–1896 гг., основанный на длительных сериях наблюдений (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 83. Л. 9-16; НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 88. Л. 21-28). Значительный вклад в развитие гравиметрических исследований внёс П. К. Залесский, который определил 145 гравиметрических пунктов, что являлось исключительно высоким показателем для дореволюционного периода, учитывая, что на всей территории бывшей Российской империи к тому времени было зафиксировано лишь около 400 подобных пунктов. Эти данные имели принципиальное значение для геофизического и геодезического изучения региона (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 96. Л. 14). Помимо этого, Ташкентская астрономическая обсерватория внесла весомый вклад в климатологическое и физико-географическое изучение Туркестанского края, осуществляя регулярные наблюдения солнечной активности, исследования переменных и новых звёзд, а также работы в области сейсмометрии. В совокупности данные направления деятельности способствовали интеграции Туркестанского края в общероссийское и международное научное пространство и закреплению за Ташкентом статуса одного из научных центров региона (НАУз. Ф. 70. Оп. 1. Д. 102. Л. 8).

Параллельно происходило развитие специализированных научных направлений. В области востоковедения усиливается интерес к изучению истории, языка и письменных традиций народов Туркестана. Публикация и перевод местных хроник, вакуфных документов и правовых актов свидетельствуют о переходе от описательной этнографии к источниковедческому анализу (Бартольд, 1963: 41-57). Это, в свою очередь, способствовало повышению научного статуса исследований региона.

Институционализация науки сопровождалась расширением кадровой базы. В крае формируется круг профессиональных исследователей, для которых Туркестан становится не временным местом службы, а пространством длительной научной работы. Их деятельность поддерживалась административно и финансово, что отражено в сметах и отчётах генерал-губернаторства (НАУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 184. Л. 9-16). В целом, 1890–1900-е гг. стали периодом перехода от разрозненных исследований к системной научной деятельности, основанной на институциональных формах организации знания. К началу XX в. в регионе сложилась разветвленная сеть научных учреждений, включавшая общества, музеи, библиотеки и архивы, что свидетельствует о переходе от разрозненных исследований к системной научной деятельности.

Формирование научного знания о Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в. было в значительной степени связано с деятельностью востоковедов, археологов и этнографов, чьи исследования способствовали институционализации науки и расширению источниковой базы региональных исследований. Их работа выходила за рамки сугубо описательных задач и оказывала прямое влияние на формирование научных учреждений, музейных коллекций и исследовательских обществ.

Востоковеды сыграли ключевую роль в осмыслении историко-культурного наследия региона. Их внимание было сосредоточено на изучении письменных источников — хроник, юридических документов, вакуфных записей и эпиграфических памятников. Систематический сбор и перевод восточных рукописей осуществлялся при участии местных знатоков письменной традиции и при поддержке администрации генерал-губернаторства (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 121. Л. 9-17). Эти материалы поступали в библиотеки и архивы, формируя фундамент для дальнейших исторических и филологических исследований.

Существенную роль в сохранении, систематизации и распространении исторических знаний о прошлом народов и государств Центральной Азии сыграли научные и научно-популярные труды, а также мемуарное наследие российских востоковедов, археологов, естествоиспытателей и представителей колониальной и имперской администрации. Эти работы охватывали широкий круг проблем, включая вопросы этногенеза, языкового развития, семейно-бытовых обычаев и традиций коренного населения, а также освещали как отдельные события и персоналии далёкого исторического прошлого, так и реалии колониального периода. Важное место в этом корпусе источников занимают выполненные рядом исследователей переводы восточных письменных памятников и хроник, относящихся к истории и культуре Центральной Азии, что способствовало введению в научный оборот ранее малодоступных текстов и расширению источниковой базы исследований. Особое значение в данном контексте имеют фундаментальные труды В.В. Бартольда, заложившего основы критического изучения истории и культуры мусульманского Востока и Центральной Азии, исследования Е.Э. Бертельса, посвящённые литературному и интеллектуальному наследию региона, а также археологические и историко-топографические работы В.Л. Вяткина, сыгравшие ключевую роль в изучении памятников Самарканда. Существенный вклад в развитие научных представлений о прошлом края внесли также исследования В.Д. Городецкого и В.А. Шишкина, ориентированные на анализ материальной культуры и архитектурного наследия, а также труды А.Ю. Якубовского, в которых история Центральной Азии рассматривалась в широком евразийском контексте. Совокупность этих работ не только обеспечила накопление и сохранение значительного массива фактических данных, но и способствовала формированию научных подходов к изучению истории, культуры и общества Центральной Азии, оказав длительное влияние на последующее развитие как отечественной, так и зарубежной историографии региона.

Востоковеды, такие как В.В. Бартольд, внесли значительный вклад в изучение письменных источников и исторической географии региона. Его поездки в Туркестан в 1893 и 1896 гг. сопровождались сбором рукописей и анализом исламских учебных традиций (Бартольд, 1963: 201-215). Работы по истории городов Туркестана, социальным институтам и религиозной жизни региона способствовали переходу от колониально-административных описаний к аналитическим исследованиям, основанным на первоисточниках (Бартольд, 1963: 22-39). Именно в этот период закладываются основы научного востоковедения как самостоятельного направления в региональном контексте.

Важным этапом институционализации археологических исследований в Туркестанском крае стало объединение в 1895 г. местных любителей-археологов в Туркестанский кружок любителей археологии, который по праву рассматривается как первая научная организация общественного типа в регионе. В его состав вошли как представители местной интеллигенции, так и профессиональные исследователи и чиновники-ориенталисты, среди которых особую роль играли В.Л. Вяткин, А.А. Семёнов, Н.П. Остроумов и Н.И. Веселовский, В.А. Каллаур, А.А. Диваев (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 14. Л. 2-6). Деятельность Туркестанского кружка была сосредоточена на проведении археологических

исследований в ключевых центрах древней истории региона — Самарканде, Куль-Обе и Мерве, а также на изучении эпиграфических памятников и планировочной структуры древних городов. Заседания кружка и обсуждение результатов полевых работ фиксировались в протоколах, которые свидетельствуют о постепенном формировании профессиональных стандартов научного описания археологических находок и введении в научный оборот ранее неизвестных источников (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 27. Л. 9-11; Протоколы Туркестанского..., 1905: 12-15). Так, в отчёте за 1901 г. упоминалось, что за десятилетие кружком было собрано свыше 450 археологических артефактов, позднее поступивших в Ташкентский музей (Туркестанские ведомости, 1902, № 18: 3). Кружок стал важным центром краеведческого и археологического знания Туркестана, однако, как и в других областях научной деятельности колониального периода, организация исследований носила преимущественно инициативный и несистемный характер. Отсутствие чётких исследовательских программ и нехватка высококвалифицированных специалистов существенно ограничивали масштабы и глубину археологических работ. В результате основное внимание уделялось описанию и первичному изучению памятников архитектуры и материальной культуры, анализу письменных источников, а также разведочным обследованиям и рекогносцировке отдельных объектов; масштабные раскопки проводились лишь эпизодически (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 31. Л. 14).

Среди архитектурных памятников наибольшее внимание исследователей привлекали объекты Самарканда, рассматриваемого как ключевой центр историко-культурного наследия региона. Особое значение имела экспедиция, организованная Археологической комиссией в 1895 г. для комплексного изучения мавзолея Тимуридов Гури-Эмир с архитектурно-декоративной точки зрения. Итоги работы комиссии были опубликованы в 1905 г. в виде иллюстрированного альбома, ставшего важным источником по истории средневековой архитектуры Центральной Азии (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 44. Л. 19-26).

Несмотря на сравнительно ограниченный уровень технического оснащения и несовершенство методики археологических исследований дореволюционного периода, в результате деятельности Туркестанского кружка любителей археологии и связанных с ним инициатив был накоплен значительный массив первичных материалов. Эти исследования убедительно продемонстрировали, что культурные слои древних городов Центральной Азии, прежде всего Самарканда, содержат богатейший научный потенциал, ставший основой для дальнейшего развития археологической науки в регионе (НАУз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 60. Л. 15).

Археологические исследования стали важным элементом научного освоения края. Археологи, действовавшие в составе экспедиций или при научных обществах, проводили раскопки древних поселений, городищ и некрополей, выявляя материальные свидетельства многовековой истории региона. Отчёты о раскопках регулярно направлялись в центральные научные учреждения и публиковались в специализированных изданиях (НАУз. Ф. 94. Оп. 2. Д. 33. Л. 31-45). Собранные артефакты пополняли фонды региональных музеев, способствуя их превращению в научно-исследовательские центры. Так, А.Л. Вяткин в 1904–1908 гг. проводил исследования в Самарканде и Бухаре, где осуществил первые научные раскопки архитектурных комплексов эпохи Тимуридов (НАУз. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 7. Л. 1, 3, 4, 7, 8). Его работы способствовали становлению археологии как самостоятельной дисциплины в регионе. В.Л. Вяткин в ходе раскопок в 1908 г. обнаружил остатки знаменитой обсерватории Улугбека в Самарканде. Это открытие стало значительным научным событием и позволило существенно расширить представления о развитии астрономической науки и градостроительной культуры эпохи Тимуридов (НАУз. Ф. 1591. Оп. 2. Д. 7. Л. 4). С.П. Толстов начал полевые исследования в Хорезме еще в дореволюционный период (1910–1916 гг.), заложив основы комплексного археолого-этнографического подхода, который был развит им в советское время (Толстов, 1948: 17-29). Несмотря на то, что основные публикации относятся к более позднему времени, истоки его научной школы уходят в дореволюционный период.

Археология способствовала не только накоплению знаний, но и институциональному развитию науки. Необходимость хранения, описания и экспонирования находок стимулировала создание музейных структур, разработку каталогов и формирование специализированных кадров. В документах канцелярии генерал-губернатора зафиксированы расходы на содержание археологических коллекций и оплату труда специалистов (НАУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 198. Л. 11).

Этнографы внесли существенный вклад в изучение социальной структуры, традиций и быта народов Туркестанского края. Их исследования основывались на полевых наблюдениях, интервью с местным населением и сборе предметов материальной культуры. Этнографические материалы использовались как в научных публикациях, так и в практической деятельности администрации, что подчёркивает прикладной и научный характер этих исследований (НАУз. Ф. 47. Оп. 2. Д. 254. Л. 18-26). Особое значение имело участие этнографов в работе научных обществ и экспедиций. Их доклады на заседаниях Туркестанского отдела Русского географического общества способствовали распространению знаний о регионе и формированию междисциплинарного подхода к его изучению (Семенов, 1898: 51-68). Этнографические исследования нередко проводились в сотрудничестве с местными учёными, что усиливало научную достоверность и глубину анализа.

Взаимодействие востоковедов, археологов и этнографов обеспечивало комплексный характер научных исследований. Их совместная деятельность способствовала формированию целостного представления о Туркестанском крае как историко-культурном пространстве и укреплению научных учреждений региона. В результате наука в крае перестаёт быть исключительно инструментом колониального управления и приобретает признаки автономной исследовательской сферы, интегрированной в общеимперское и международное научное сообщество.

Ключевым событием стало создание по инициативе группы научных работников (В.Ф. Ошанина, С.И. Жилинского и др.) в 1896 г. Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ТОИРГО) в Ташкенте, учреждение которого нашло большую поддержку со стороны знаменитого русского географа П.П. Семенова, вице-председателя этого Общества. Отдел стал центром координации научных исследований, объединяя географов, археологов, этнографов и востоковедов (НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-3) и стал площадкой для регулярного научного общения, публикации результатов исследований и организации экспедиций (НАУз. Ф. 1. Оп. 5. Д. 248. Л. 48). Через его работу происходила интеграция региональных исследований в общероссийское научное пространство.

Отдел развернул масштабную и систематическую деятельность в сфере естественно-исторического изучения Туркестанского края, охватывающую исследование крупнейших водоёмов региона, горных ледников, климатических условий, а также флоры и фауны. Существенное место в этой работе заняли изыскания, выполненные под руководством и при непосредственном участии Л.С. Берга. В период с 1899 по 1903 гг. учёный осуществил комплексные экспедиционные обследования Аральского моря и озера Балхаш, заложив основы научного изучения внутренних водоёмов Центральной Азии (НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 214. Л. 12; НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 237. Л. 4-9). Результаты этих исследований были опубликованы в одиннадцати выпусках серии «Научные результаты Аральской экспедиции», которые представляли собой систематическую обработку собранных коллекций и материалов. В подготовке данных публикаций принимали участие ведущие русские натуралисты конца XIX — начала XX в., что свидетельствует о высоком уровне научной кооперации и институциональной зрелости исследований, проводимых в Туркестанском крае (НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 241. Л. 22; НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 255. Л. 7). Завершающим этапом этой многолетней работы стала фундаментальная монография Л. С. Берга «Аральское море», в которой были обобщены результаты всестороннего изучения водоёма – от анализа геологической истории и гидрологического режима до характеристик биологических комплексов и историко-географических сведений, начиная с древнейших времён (НАУз. Ф. 69. Оп. 1. Д. 268. Л. 31).

В рамках ТОИРГО регулярно организовывались экспедиции в Самаркандскую, Ферганскую и Закаспийскую области. Так, археологические исследования А.А. Веселовского в 1895–1897 гг. в районе Афрасиаба позволили выявить слои античного и раннесредневекового Самарканда (Веселовский, 1906: 12-13). Экспедиции сопровождались созданием музейных коллекций и научных отчетов, публиковавшихся в «Записках ТОИРГО».

Зоологическими исследованиями занимался В.Ф. Ошанин (известный изучением полужесткокрылых); Н.А. Зарудный изучал птиц Туркестана, Б.А. Федченко и его мать О.А. Федченко исследовали флору. В результате этих работ в Трудах отделения Общества были опубликованы данные, характеризующие 80 новых родов, видов и подвидов растений и животных (НАУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12). Землетрясения, происходившие на территории Туркестана, изучали Б.Я. Корольков, Г.Б. Леонов и др. С момента основания отделения Общества до 1917 г. вышло двенадцать томов Трудов, в которых отражены результаты деятельности отделения.

Кроме упомянутых обществ, существовали и другие, в частности Туркестанское отделение Русского технического общества, Туркестанское медицинское общество, Туркестанское общество ветеринарных врачей и др. Существенную роль в развитии сельского хозяйства Туркестана, особенно хлопководства и шелководства, играли Общества сельского хозяйства, опытные станции по районированию американских и новых местных сортов хлопчатника, а также по шелководству, периодически устраивавшиеся сельскохозяйственные выставки в Ташкенте и Самарканде (Исхаков, 2009: 206). Действовали так называемые Статистические комитеты, занимавшиеся статистико-экономической работой, Гидрометрическая часть для ведения учета водных ресурсов края и другие учреждения. Хотя работа этих учреждений носила в основном узкопрактический характер, однако оставленный ими значительный фактический материал имеет определенную ценность как исходная база для освещения многих вопросов, относящихся к исследованию Туркестанского края.

Особое значение для развития науки в Туркестанском крае имело постепенное вовлечение местных учёных в исследовательский процесс. В отличие от раннего этапа, когда они выступали преимущественно в роли информаторов, к концу XIX – началу XX в. представители местной интеллектуальной элиты начинают проявлять себя как самостоятельные участники научного знания. Местные специалисты постепенно становились полноценными участниками научных проектов. Учителя, муллы и ремесленники вносили данные об этнографии, лингвистике, флоре и фауне, которые становились предметом обсуждения на заседаниях Туркестанского отделения ИРГО (НАУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 7). Так, под влиянием русских ученых, коллекционеров, научных обществ и кружков возникла группа любителей, собирателей древностей, среди которых выделяются имена

Мирзы Бухари Мирзы Абдуллина, Мирзы Барата Муллы Касимова, Мирзы Абдурахмана, А.А. Диваева и других. Так, заметной фигурой в среде собирателей и любителей старины был замечательный художник и каллиграф Мирза Барат Мулла Касымов, который срисовал с точным соблюдением деталей надписи медресе Шер-Дор, мечети Биби-ханум, мавзолеев Шахи-Зинда, мавзолея Гур-Эмир, а также надписи со скалы «Тамерлановых ворот» в Джизакском уезде. В 1886 г. Мирза Барат изготовил и представил на Ташкентскую выставку рукописный чертеж медресе Улутбека. Кроме того, он перевел с таджикского языка на узбекский известное сочинение Абу Тахира Ходжи Самарканди «Самария», который был опубликован Н.П. Остроумовым в 1884 г. в Ташкенте (*История Самарканда...*, 1969: 343-344). Примером интеграции является Ахмед Ходжа, который участвовал в этнографических маршрутах 1902–1905 гг., документируя местные обряды и диалекты. Его записи вошли в публикацию «Этнографические материалы Туркестанского края» (*НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 143. Л. 21–34*), закрепив участие местных специалистов в институциональной научной сети. Местные историки, филологи и знатоки рукописной традиции вносили существенный вклад в изучение региональной истории и культуры. Их работа по сохранению, комментированию и интерпретации письменных источников позволила расширить источниковую базу исследований и скорректировать европоцентричные интерпретации прошлого края (*НАУз. Ф. 58. Оп. 1. Д. 143. Л. 34*). Они участвовали в экспедициях в качестве переводчиков, информаторов и соавторов научных публикаций, что способствовало интеграции локальных знаний в академический дискурс (*НАУз. Ф. 58. Оп. 2. Д. 41. Л. 11*).

Взаимодействие русских и местных учёных носило сложный, но в целом продуктивный характер. Совместные экспедиции, участие в заседаниях научных обществ и публикации в региональных изданиях способствовали формированию межкультурного научного диалога. При этом местные исследователи нередко адаптировали европейские методы к традиционным формам знания, создавая синтетические исследовательские модели. Этот процесс стал важным фактором институционализации науки в регионе и подготовки кадров для последующего развития научных школ.

Важно отметить, что интеграция местных учёных в научное сообщество была тесно связана с развитием образовательных институтов — русско-туземных школ, учительских семинарий и библиотек. Эти учреждения становились пространством трансляции научных знаний и формирования новой интеллектуальной среды (*НАУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 339. Л. 12*). Таким образом, вклад местных учёных не ограничивался вспомогательными функциями, а являлся важным фактором становления региональной науки. Их деятельность обеспечивала культурную посредническую роль, способствуя интеграции Туркестанского края в общеимперское и мировое научное пространство.

Полученные результаты показывают, что научное освоение Туркестанского края во второй половине XIX — начале XX вв. представляло собой сложный, поэтапный и многокомпонентный процесс взаимодействия научной интеллигенции, административных институтов Российской империи и местных сообществ, в рамках которого формировались и институционализировались научные общества, кружки и специализированные учреждения, заложившие основу систематического знания о природе, населении и историческом развитии региона. Научная деятельность данного периода носила двойственный характер, сочетая стремление к объективному научному осмыслению края в области этнографии, археологии и естественных наук с обслуживанием практических задач колониального управления, что определяло специфику исследовательских практик и тематических приоритетов. Переход от описательно-эмпирического этапа к формированию устойчивого научного сообщества, в котором взаимодействовали российские и местные учёные, способствовал накоплению значительного массива научных данных, трансформации образовательных практик и включению Туркестанского края в систему международного научного обмена, а полученные в этот период результаты легли в основу последующих академических исследований XX в. и стали предметом осмысления в советской и постсоветской историографии.

5. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие науки и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX вв. представляло собой сложный и неоднородный процесс, обусловленный сочетанием имперских управленческих задач, инициатив научной интеллигенции и локальной специфики региона. Формирование научного знания происходило в условиях колониального контекста, что предопределяло двойственную природу научной деятельности: с одной стороны, она была направлена на систематическое изучение природных, исторических и этнокультурных особенностей края, с другой — обслуживала практические потребности административного управления, хозяйственного освоения и территориальной интеграции региона в состав Российской империи.

Ключевую роль в институционализации научной жизни Туркестана сыграли научные общества, кружки и специализированные учреждения, выступившие посредниками между центральными академическими структурами и региональной исследовательской практикой. Их деятельность

способствовала консолидации разрозненных исследовательских инициатив, выработке единых методологических подходов и формированию устойчивых научных коммуникаций. Взаимодействие научных обществ с музеями, библиотеками, архивами и учебными заведениями обеспечивало сохранение, систематизацию и трансляцию знаний, а также подготовку кадров, что имело долговременные последствия для развития науки в регионе. Особенностью научного освоения Туркестанского края стало активное сочетание экспедиционных форм работы с кабинетными исследованиями, что позволяло аккумулировать значительный эмпирический материал в области археологии, этнографии, географии, естественных наук и востоковедения. Несмотря на ограниченность технических средств, недостаток квалифицированных специалистов и отсутствие целостной программы исследований, накопленные в дореволюционный период материалы, заложили фундамент для последующих академических обобщений. При этом участие местных интеллектуалов и знатоков традиционной культуры, хотя и носило эпизодический характер, способствовало расширению источниковой базы и углублению понимания региональной специфики.

Результаты исследования показывают, что научная деятельность в Туркестанском крае не может быть сведена исключительно к инструменту колониальной политики: наряду с утилитарными задачами она формировала автономное пространство научного поиска, включённое в общеимперский и международный научный контекст. Именно в этот период были заложены основы научных школ, музейных и архивных собраний, образовательных практик, которые в дальнейшем получили развитие в советское и постсоветское время. Осмысление данного опыта позволяет не только уточнить роль Туркестана в истории отечественной науки, но и по-новому оценить механизмы взаимодействия науки, власти и общества в условиях многонационального и культурно сложного региона.

Литература

- [Абдурахимова, 2014](#) – *Абдурахимова Н.А.* Социальная история Туркестанского края: вопросы образования и модернизации. Ташкент, 2014. 245 с.
- [Алимова, 2009](#) – *Алимова Д.А.* История как история, история как наука. Т. II: Феномен жадидизма. Ташкент, 2009. 170 с.
- [Бартольд, 1963](#) – *Бартольд В.В.* Очерки по истории Средней Азии. Москва, 1963. 374 с.
- [Бендриков, 1960](#) – *Бендриков К.Е.* Очерки по истории народного образования в Туркестане. Москва, 1960. 512 с.
- [Веселовский, 1906](#) – *Веселовский Н.И.* Отчёт о деятельности Туркестанского кружка любителей археологии за 1905 год. Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1906. 36 с.
- [Гейер, 1908](#) – *Гейер И.И.* Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1908. 308 с.
- [Губаревич-Радобильский, 1904](#) – *Губаревич-Радобильский Н.О.* Русские научные экспедиции в Средней Азии во второй половине XIX века. Санкт-Петербург, 1904. 289 с.
- [Записки ТТО ИРГО, 1872–1910](#) – Записки Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества. Ташкент, 1872–1910.
- [История Самарканда, 1969](#) – История Самарканда. Т.1. Ташкент, 1969. 484 с.
- [Исхаков, 2009](#) – *Исхаков Ф.И.* Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 2009. 223 с.
- [Кун, 1881](#) – *Кун А.* Каталог восточных рукописей Ташкентской публичной библиотеки. Ташкент, 1881. 47 с.
- [Майер, 1871](#) – *Майер Н.А.* Статистический очерк Туркестанского края. Ташкент, 1871. 120 с.
- [Мальц, 1898](#) – *Мальц Л.Ф.* Историко-этнографические исследования Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1898. 312 с.
- [Масальский, 1898](#) – *Масальский И.И.* Отчет о состоянии народных школ в Туркестане. Ташкент, 1898. 127 с.
- [Массон, 1966](#) – *Массон В.М.* Археологические исследования в Туркестане. Ленинград, 1966. 276 с.
- [НАУз](#) – Национальный архив Узбекистана.
- [Протоколы Туркестанского..., 1905](#) – Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии за 1905 г. Ташкент, 1906. 32 с.
- [Радлов, 1887](#) – *Радлов В.В.* Очерки по этнографии Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1887. 155 с.
- [Садыков, 1990](#) – *Садыков А.С.* Наука и образование в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ташкент, 1990. 248 с.
- [Семёнов, 1898](#) – *Семёнов А. А.* О деятельности Туркестанского отдела Русского географического общества в 1897 году. Известия Туркестанского отдела РГО, № 2: 51-68.
- [Смесо́ва, 2010](#) – *Смесо́ва Е.А.* Русские духовно-культурные учреждения в Туркестане (XIX – начало XX вв.). Ташкент, 2010. 186 с.
- [Толстов, 1948](#) – *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1948. 327 с.
- [Туркестанские ведомости, 1902](#) – *Туркестанские ведомости.* 1902. № 18.
- [Kappeler, 2001](#) – *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multiethnic History. London: Routledge, 2001. 275 p.

- [Morrison, 2008](#) – Morrison A. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. Oxford: Oxford University Press, 2008. 336 p.
- [Urakov et al., 2024](#) – Urakov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B. The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. // *Bylye Gody*. 2024. № 19(2). Pp. 750-762.
- [Ergasheva et al., 2025](#) – Ergasheva Yu.A., Raxmonkulova O.A., Abdullayev U.Sh., Samarov F.U. Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the late 19th – early 20th centuries. // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1355-1368.

References

- [Abdurakhimova, 2014](#) – Abdurakhimova, N.A. (2014). Sotsial'naya istoriya Turkestanskogo kraya: voprosy obrazovaniya i modernizatsii [Social history of the Turkestan region: issues of education and modernization]. Tashkent. 245 p. [in Russian]
- [Alimova, 2009](#) – Alimova, D.A. (2009). Istoriya kak istoriya, istoriya kak nauka. Tom II: Fenomen djadidizma [History as history, history as science. Volume II: the phenomenon of Jadidism]. Tashkent. 170 p. [in Russian]
- [Bartold, 1963](#) – Bartold, V.V. (1963). Ocherki po istorii Sredney Azii [Essays on the history of Central Asia]. M. 374 p. [in Russian]
- [Bendrikov, 1960](#) – Bendrikov, K.Ye. (1960). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane [Essays on the history of public education in Turkestan]. Moskva. 512 p. [in Russian]
- [Ergasheva et al., 2025](#) – Ergasheva, Y.A., Raxmonkulova, O.A., Abdullayev, U.Sh., Samarov, F.U. (2025). Transformation of the Education System of the Turkestan Region in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 20(3): 1355-1368.
- [Geyer, 1908](#) – Geyer, I.I. (1908). Ves' Russkii Turkestan [All Russian Turkestan]. Tashkent. 308 p. [in Russian]
- [Gubarevich-Radobil'skiy, 1904](#) – Gubarevich-Radobil'skiy, N.O. (1904). Russkiye nauchnye ekspeditsii v Sredney Azii vo vtoroy polovine XIX veka [Russian scientific expeditions in Central Asia in the second half of the 19th century]. Sankt-Peterburg, 1904. 289 p. [in Russian]
- [Iskhakov, 2009](#) – Iskhakov, F.I. (2009). Natsional'naya politika tsarizma v Turkestane (1867–1917 gg.) [National policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent. 223 p. [in Russian]
- [Istoriya Samarkanda, 1969](#) – Istoriya Samarkanda [History of Samarkand]. T. 1. Tashkent. 484 p. [in Russian]
- [Kappeler, 2001](#) – Kappeler, A. (2001). The Russian Empire: A Multiethnic History. London: Routledge, 275 p.
- [Kun, 1881](#) – Kun, A. (1881). Katalog vostochnykh rukopisei Tashkentskoi publichnoi biblioteki [Catalog of oriental manuscripts in the Tashkent public library]. Tashkent. 47 p. [in Russian]
- [Maier, 1871](#) – Maier, N.A. (1871). Statisticheskii ocherk Turkestanskogo kraya [Statistical essay on the Turkestan region]. Tashkent. 120 p. [in Russian]
- [Mal'ts, 1898](#) – Mal'ts, L.F. (1898). Istoriko-etnograficheskie issledovaniya Turkestanskogo kraya [Statistical essay on the Turkestan region]. Sankt-Peterburg. 312 p. [in Russian]
- [Masal'skii, 1898](#) – Masal'skii, I.I. (1898). Otchet o sostoyanii narodnykh shkol v Turkestane [Report on the state of public schools in Turkestan]. Tashkent. 127 p. [in Russian]
- [Masson, 1966](#) – Masson, V.M. (1966). Arkheologicheskie issledovaniya v Turkestane [Archaeological research in Turkestan]. Leningrad. 276 p. [in Russian]
- [Morrison, 2008](#) – Morrison, A. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. Oxford: Oxford University Press, 2008. 336 p.
- [NAUz](#) – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- [Protokoly zasedanii..., 1905](#) – Protokoly zasedanii Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii za 1905 g. [Minutes of the meetings of the Turkestan circle of archaeology lovers for 1905]. Tashkent. 32 p. [in Russian]
- [Radlov, 1887](#) – Radlov, V.V. (1887). Ocherki po etnografii Turkestanskogo kraya [Essays on the ethnography of the Turkestan region]. Sankt-Peterburg. 155 p. [in Russian]
- [Sadikov, 1990](#) – Sadikov, A.S. (1990). Nauka i obrazovaniye v Turkestanskom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Science and education in the Turkestan region (second half of the 19th – early 20th centuries)] Tashkent. 248 p. [in Russian]
- [Semyonov, 1898](#) – Semyonov, A.A. (1898). O deyatelnosti Turkestanskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1897 godu. [On the activities of the Turkestan department of the Russian geographical society in 1897]. *Izvestiya Turkestanskogo otdela RGO*. 2: 51-68. [in Russian]
- [Smesova, 2010](#) – Smesova, Ye.A. (2010). Russkie dukhovno-kul'turnye uchrezhdeniya v Turkestane (XIX – nachalo XX vv.). [Russian spiritual and cultural institutions in Turkestan (19th – early 20th centuries)]. Tashkent. 186 p. [in Russian]
- [Tolstov, 1948](#) – Tolstov, S.P. (1948). Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta [Along the ancient deltas of Oxus and Jaxartes] M. 327 p. [in Russian]

[Turkestanskiye vedomosti, 1902](#) – *Turkestanskiye vedomosti*. 1902. № 18.

[Urakov et al., 2024](#) – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.

[Veselovskiy, 1906](#) – *Veselovskiy, N.I.* (1906). Otchet o deyatel'nosti Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkhologii za 1905 god. Protokoly TKLA [Report on the activities of the turkestan circle of archaeology lovers for 1905. Minutes of the TKLA]. Tashkent. 36 p. [in Russian]

[Zapiski TTO IRGO, 1872–1910](#) – *Zapiski Turkestanskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Turkestan Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Tashkent, 1872–1910]. Tashkent, 1872–1910. [in Russian]

Развитие научных исследований и научных учреждений в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Юлдуз Алимовна Эргашева ^{a, *}, Хуршид Отакулович Хосиятов ^a, Бахром Негматович Узаков ^b, Фахриддин Уралович Самаров ^c

^a Каршинский государственный технический университет, Республика Узбекистан

^b Шахрисабзский государственный педагогический институт, Республика Узбекистан

^c Каршинский международный университет, Республика Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу становления и развития науки и научных учреждений Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX века — в период активной интеграции региона в административное и интеллектуальное пространство Российской империи. В центре внимания находятся институциональные формы научной деятельности, механизмы взаимодействия колониальной администрации с академической средой, а также вклад русских и местных ученых в формирование регионального научного пространства. На основе архивных материалов, включая документы научных обществ, отчёты экспедиций, служебную переписку и статистические обзоры, дополненные опубликованными трудами отечественных и зарубежных исследователей, реконструируются основные направления научных исследований, включая географию, этнографию, археологию, историю и естественные науки. Особое внимание уделяется деятельности научных обществ, прежде всего Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества, а также роли экспедиционной практики в накоплении и систематизации знаний о регионе. Показано, что местные ученые выступали не только информаторами, но и активными участниками научного процесса, внося значительный вклад в сбор, интерпретацию и сохранение научных данных. В статье делается вывод о том, что развитие науки в Туркестанском крае представляло собой результат взаимодействия имперских научных инициатив и локальных интеллектуальных традиций, что способствовало институционализации научных исследований, формированию целостной научной инфраструктуры, заложив основы для дальнейшего развития науки в Центральной Азии и её включения в общеимперское и международное научное пространство.

Ключевые слова: Туркестанский край, наука, статистические комитеты, археологические общества, библиотека, имперская модернизация, научная инфраструктура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yuae63@gmail.com (Ю.А. Эргашева), xurshid3107@gmail.com@gmail.com (Х.О. Хосиятов), uzakovbn@gmail.com (Б.Н. Узаков), samarovfaxriddin07@gmail.com (Ф.У. Самаров)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 343-355
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.343

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Non-Indigenous Population in the Implementation and Development of Medicine in Turkestan (second half of the 19th – early 20th centuries)

Gulzhan K. Otarbayeva ^{a, *}, Qaxramonjon A. Matxoliqov ^b, Khurshidbek E. Khodjamberdiev ^c,
 Dिल्фуза Q. Turenliyazova ^d

^a South Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan

^b National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

^c Andijan State University, Republic of Uzbekistan

^d University of Innovation technologies, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article analyzes the role of the non-indigenous population in the transformations that occurred in the healthcare sector of the Turkestan region after the establishment of the Turkestan Governor-Generalship. Specifically, it examines the contribution of representatives of the indigenous population to the introduction and development of modern medicine in Turkestan, as well as the state of the medical sphere in the region. The special attention is paid to the deployment of military medical specialists from Russia to the region, the establishment of the first military medical institutions, the organization of medical services for military personnel and the non-indigenous population, and the Turkestan Governor-Generalship administration's attitude towards healthcare issues. In this context, the article analyzes the efforts of Russian doctors to improve the existing situation, their endeavors to extend medical care to the local population, and the regional administration's response to these initiatives.

It is demonstrated that the persistent stance of Russian doctors regarding the necessity of extending medical services not only to the non-indigenous but also to the local population played a significant role in shaping the healthcare policy of the regional administration. As a result, significant progress was made in identifying the causes of numerous infectious diseases spreading among the non-indigenous population and in developing effective treatment methods.

Simultaneously, it was revealed that other groups within the non-indigenous population also made substantial contributions to the creation of modern medical institutions and the organization of medical care. Notably, middle and junior medical personnel of Tatar origin actively participated in establishing medical services for both the non-indigenous and local populations. Additionally, the article examines the activities of Jewish doctors and other medical specialists who came to Turkestan and participated in the establishment of modern medical practices. They established private medical institutions and organized forms of private medical care and charity, which helped strengthen the indigenous population's trust in modern medicine and medical workers of non-indigenous origin.

The article notes that the introduction and development of modern medicine in Turkestan played a crucial role in developing effective methods for treating many infectious and acute diseases. This, in turn, made a significant contribution to the further advancement of medicine in the region.

* Corresponding author

E-mail addresses: gul_4979@mail.ru (G.K. Otarbayeva), kakhramon.matkholikov@gmail.com (K.A. Matxoliqov), hursidbekhodzamberdiev@gmail.com (X.E. Xodjamberdiyev), dilfuzatore@gmail.com (D.Q. Turenliyazova)

Keywords: Turkestan, Russian Empire, Turkestan Governor-Generalship, Central Asia, non-indigenous population, medicine, military medicine, medical aid, folk medicine, female doctors, outpatient clinic.

1. Введение

В современном мире миграционные процессы приобретают всё более значимое место. Люди переселяются в другие страны в поисках лучшей жизни, работы или безопасности. Однако с ростом числа некоренного населения одновременно возрастает необходимость обеспечения их качественным медицинским обслуживанием, особенно в тех регионах, где система здравоохранения недостаточно развита или где по-прежнему доминируют традиционные формы народной медицины.

Следует учитывать, что народная медицина является важной частью культурного наследия многих народов. Тем не менее, её возможности ограничены при лечении серьёзных заболеваний, инфекций и хронических патологий. В условиях, когда мигранты сталкиваются с новым климатом, неизвестными инфекциями или стрессами адаптации, возникает потребность в современной, научно обоснованной медицинской помощи. Отсутствие такой помощи может привести к ухудшению здоровья как местного населения, так и приезжих, а также способствовать распространению заболеваний.

Современная медицина играет ключевую роль в обеспечении здоровья всех групп населения. Даже при дефиците современных технологий и необходимой инфраструктуры актуальной задачей становится расширение доступа к качественным медицинским услугам и формирование доверия между мигрантами и медицинскими структурами принимающей страны. Уважительное отношение к культурным традициям, готовность учитывать распространённые формы народного лечения и разъяснение преимуществ научной медицины способствуют повышению эффективности коммуникации и лечебного процесса.

Таким образом, приём приезжих и внедрение современной медицины в условиях, где широко распространены народные методы лечения, следует рассматривать не только как медицинскую, но и как важную социальную задачу, направленную на укрепление общественного здоровья, обеспечение гармонии между культурами и повышение качества жизни. В этой связи изучение исторического опыта, в частности процессов формирования современной медицины в Туркестане в период Российской империи и роли некоренного населения в её развитии, остаётся одной из актуальных исследовательских проблем.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составляют официальные первичные материалы, прежде всего материалы архивов, состоящих из фондов И-1, И-18, И-269 и И-461, которые хранятся в Национальном архиве Узбекистана (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан). В частности, фонд И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства) содержит сведения о переселении населения в Туркестан, создании для них условий и реализованных мерах, данные об организации медицинской помощи, о трудах в сфере здравоохранения, а также об эпидемиях, происходивших в крае, и предпринятых организационных мерах против них.

Фонд И-18 включает в себя документы о деятельности Самаркандского областного управления, материалы об общественно-экономическом положении русских посёлков в губернии, об их повседневной жизни, об открытии аптек, городских и сельских больниц. В фонде И-461 («Туркестанское районное охранное отделение») представлены документы, отражающие деятельность врачей и медицинских работников некоренного происхождения, которые проживали и работали в крае.

Среди источников особое значение имеет издание «Справочная книжка Самаркандской области на 1894 год». В нём подробно изложены сведения о распространении различных заболеваний среди военнослужащих и русских переселенцев, об увеличении смертности в этих группах населения и о факторах, способствовавших подобным негативным явлениям.

Важное место в раскрытии темы занимают статистические обзоры отдельных областей Туркестана. В публикациях «Обзор Самаркандской области за 1900 год» ([Обзор Самаркандской области..., 1901](#)) и «Обзор Самаркандской области за 1910 год» ([Обзор Самаркандской области..., 1912](#)) содержится информация о структуре больничной сети Самаркандской области и о врачах, осуществлявших свою практику в этих районах. В другом издании – «Обзор Закаспийской области за 1901 год» ([Обзор Закаспийской области..., 1902](#)) – содержатся сведения о русских поселениях региона, проблемах, связанных со здоровьем населения, а также о распространении заболеваний среди русских солдат и переселенцев, характерных для Туркестанского края. В обзоре подчёркивается значительная роль военных врачей, их вклад и, без преувеличения, проявленный ими профессиональный подвиг в решении данных проблем.

Среди источников значительное место занимают и мемуары. Так, В.И. Кушелевский в третьем томе своего исследования «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области» излагает наблюдения, сделанные им лично, описывая вопросы, связанные с

состоянием здоровья населения и организаций медицинской помощи, а также освещает положение некоренного населения в регионе (Кушелевский, 1891).

В процессе анализа данной проблемы были применены различные методы исторического исследования, такие как:

Диахронный метод – позволил проследить во временной перспективе процесс проникновения русских, а через них и других представителей некоренного населения в Туркестан во второй половине XIX в., а также проанализировать влияние данных миграционных процессов на изменения, произошедшие в сфере медицины.

Историко-сравнительный метод – был применён для сопоставления влияния современной медицины, распространившейся в Туркестане благодаря переселенцам, с традиционной народной медициной, которой пользовалось местное население. Это сравнение имеет важное значение для выявления воздействия современной медицинской практики на социально-экономическую жизнь общества Туркестанского края.

Метод актуализации – был использован для раскрытия результатов и исторического опыта политики Туркестанского генерал-губернаторства, направленной на внедрение современных медицинских услуг в крае.

Статистический метод – позволил показать необходимость развития медицинской помощи на основе анализа численности инородческого населения, переселившегося в крупные города региона, а также данных о заболеваемости и смертности среди этих групп населения.

3. Обсуждение

В рамках Российской империи в периодических изданиях появилось немало публикаций, освещающих жизнь, деятельность и взаимодействие русских переселенцев с представителями других этнических групп, обосновавшихся в Туркестане, а также их влияние на социально-экономическое преобразование региона. В частности, в статьях таких авторов, как К.А. Тимаев (Тимаев, 1909), Г.В. Юлин (Юлин, 1909), Г. Намор (Намор, 1910), К. Казанский (Казанский, 1885), А.Л. Трегубов (Трегубов, 1910) и др., представлены первичные аналитические сведения о потребностях некоренного населения в медицинском обслуживании, о характере оказываемой им медицинской помощи и о первых шагах по её организации.

Среди исследователей Узбекистана данной проблемой занимались Б. Хайназаров (Khaynazarov, et al., 2019; Хайназаров, 2023), Д.Ж. Ураков (Urakov, 2020; Urakov et al., 2024), С.И. Габриэльян (Gabrielyan, et al., 2025), А.Б. Холикулов (Kholikulov, 2025). Они в своих работах рассматривали процессы переселения некоренного населения в Туркестан и их влияние на политические, социально-экономические и культурные трансформации в регионе. В частности, Б.Б. Хайназаров проанализировал участие некоренного населения Закаспийской и Самаркандской областей в формировании и развитии системы современной медицинской помощи.

Исследователь А. Бадалов (Бадалов, 2021), опираясь на материалы периодической печати, изучил состояние системы здравоохранения и изменения, которые происходили в Ферганской области в указанный период. Другой автор, Х. Жуманазаров (Жуманазаров, 2023), в своих работах стремился выявить проблемы и недостатки, сопровождавшие внедрение медицинских услуг в рамках политики Туркестанского генерал-губернаторства.

Кроме того, в исследованиях Д.Х. Зияевой (Зияева, 2009), Ш. Равшанова (Равшанов, 2022), Ж. Бутаева (Бутаев, 2021) и М. Маматовой (Mamatova, et. al., 2024) рассмотрены особенности системы медицины и здравоохранения Туркестана конца XIX – начала XX в., в том числе традиционные практики, процессы модернизации и трансформации.

Также среди российских исследователей следует отметить труды С.И. Гитлина (Гитлин, 2018), В. Суворова (Суворов, 2017), Ю.Н. Цыряпкиной (Цыряпкина, 2015; Цыряпкина, 2017), Л.Ш. Гариповой и др. (Татарское население Ташкента, 2021), которые стремились выявить вклад русских, еврейских, немецких, татарских и медицинских специалистов других национальностей, работавших в Туркестанском крае, в развитие военной и гражданской медицины.

4. Результаты

Распространение русской медицины в Туркестанском крае было непосредственно связано с появлением и увеличением численности русского населения в регионе. Вслед за взятием Ташкента и других городов Туркестанского края русские военные, представители интеллигенции и переселенцы начали обосновываться в сельской местности и в специально созданных поселениях, размещённых в так называемых «русских частях» городов, входивших в состав Туркестанского генерал-губернаторства (Цыряпкина, 2015: 48). Новые городские кварталы предлагали русским жителям полный спектр необходимых удобств: школы, аптеки, амбулатории, больницы, театр, парк, магазины, музей, библиотеку, развитую транспортную и коммуникационную инфраструктуру, водопровод и дома европейского типа с широкими освещёнными улицами. Всё это ярко демонстрировало проникновение европейской цивилизации в данную местность. Важно отметить,

что эти блага были предназначены исключительно для русского населения. В «старом городе» подобные условия отсутствовали (Зияева, 2009: 155).

Российские исследователи объясняют данную ситуацию тем, что компактное размещение русских в новых населённых пунктах определялось «требованиями безопасности, экономическими и административными нуждами, а также необходимостью отдельного проживания от местного населения, отличавшегося верностью исламским традициям, укладом и обычаями» (Цыряпкина, 2017: 69).

В «русскую часть» городов прибывали не только представители администрации Туркестана, интеллигенция, ремесленники, отставные военные и их семьи, но и врачи. С установлением власти России одними из первых в эту местность прибыли военные медики, оказывавшие поддержку пострадавшим в боях, а также новым жителям. В 1868 г., через год после образования Туркестанского генерал-губернаторства, в Туркестане заработала первая медицинская структура. Ею оказалась Ташкентская военная больница, которую в 1870 г. трансформировали во Вторую Ташкентскую военную больницу, рассчитанную на 415 мест (Хайназаров, 2023: 165).

Значительная часть жителей новой части Ташкента работала в различных структурах военного госпиталя. Это объясняется тем, что первоначальная гражданская медицина в Туркестане формировалась преимущественно исходя из потребностей переселенческого населения и создавалась в крупных городских центрах. Как правило, в больницах, аптеках и роддомах работали представители русской, еврейской, татарской наций. В XIX в. улица «Нового города» в Ташкенте, на которой располагался военный госпиталь, получила название «Госпитальная».

Если рассматривать административную структуру, то первоначально была введена позиция военно-врачебного инспектора, которую впоследствии преобразовали в Военно-медицинское управление. Специалистам в области медицины, прибывавшим для работы в Туркестанский край, полагались существенные преференции. Изначально первые медицинские пункты в регионе были развёрнуты только для обслуживания русскоязычных жителей. Тем не менее, по мере ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, особенно после эпидемического распространения холеры в Ташкенте в 1892 г. и возникновения очага чумы в 1898 г. в селении Анзоб, расположенном на территории Самаркандской области, власти, прислушавшись к настоятельным просьбам медиков, приняли решение об организации медицинской помощи и для местных жителей (Зияева, 2009: 156).

Широкое развёртывание системы медицинских услуг в крае в значительной степени было обусловлено трудностями, возникшими после переселения в Туркестан жителей различных регионов Российской империи. Начиная со второй половины XIX в., более 100 тыс. человек, изначально направленных в сибирские регионы, степные области и на Дальний Восток, столкнувшись с трудностями адаптации к местному климату, начали мигрировать в Туркестан.

Неважно, обладали ли русские переселенцы формальным разрешением на переезд или прибывали самостоятельно, реалии региона зачастую расходились с их представлениями. Прежде всего, наиболее пригодные для обработки земли были уже заняты коренным населением. Во-вторых, переселенцы не обладали необходимыми навыками для освоения и обработки земель Туркестана, в особенности в сфере искусственного орошения. К тому же, предписания о переселении, созданные колониальным управлением, игнорировали фактические обстоятельства, а региональные власти принимали решения, исходя из личных мотивов. Это привело к тому, что многие переселенцы, лишившись земельных наделов, оказались в бедственном положении и были вынуждены вернуться в родные края. Сложная экономическая ситуация осложнялась проблемами социального и медицинского характера. Например, в Андижанском и Ошском округах выросло количество не имеющих работы и нуждающихся, а среди прибывших переселенцев широко распространились различные болезни, в частности, брюшной тиф (Зияева, 2009: 155). Эти обстоятельства привели к тому, что в адрес имперской администрации начали поступать прошения о временном прекращении переселенческого потока в Туркестан.

В Ташкенте в 1883 г. открылось учреждение, называемое «Амбулаторией для местных женщин и детей». Инициаторами его создания выступили женщины-медики Н.Н. Гундиус, А.В. Пославская и Е.Н. Мандельштам. Вначале эти врачи оказывали медицинскую помощь безвозмездно. В связи с тем, что врачам было трудно понять приходящих к ним на приём больных, в амбулатории в качестве переводчика стала работать татарка Биби Гафифа Нургалиева.

С 1905 г. при амбулатории было организовано 4 места для стационарного пребывания рожениц из числа коренного населения. К сожалению, обращение женщин за медицинской помощью к русским врачам оставалось редкостью и происходило, как правило, только при осложнённых родах (Цыряпкина, 2017: 70).

Назначение на должность главврача амбулатории предусматривало утверждение женской кандидатуры военным медицинским инспектором округа, но последнее слово оставалось за самим Туркестанским генерал-губернатором. Это решение, несомненно, было пронизано ответственностью и важностью заботы о здоровье людей. Штатное расписание учреждения предполагало наличие двух врачей, фельдшера-женщины, переводчика, обеспечивающего понимание между врачами и пациентами, и одного служащего. Каждый из них, несомненно,

вносил свой вклад в общее дело исцеления и поддержки, трудясь с душой и преданностью во имя здоровья каждого, кто обращался за помощью.

Выезды врачей в кишлаки для лечения пациентов происходили крайне редко, хотя городские врачи были обязаны периодически выезжать в уезды для проведения прививок против оспы и осуществления других профилактических мероприятий.

Согласно официальным данным о смертности населения за 1885 г., на каждую тысячу жителей приходилось от 21 до 30 умерших. Статистические сведения о смертности за предыдущие годы отсутствуют. Что касается русского населения, данные представлены более подробно: в 1882 г. (не считая военных) смертность среди русских составляла 31,82 человека на тысячу жителей, а в 1885 г. этот показатель достиг 75,99 ([Хайназаров, 2023: 169](#)). Эти данные свидетельствуют о том, что ситуация со смертностью среди русского населения была значительно тяжелее по сравнению с коренным населением. Наиболее высокая доля смертности приходилась на детей младшего возраста, большинство которых умирало от диареи в летние периоды. Дети же коренного населения были лучше адаптированы к неблагоприятным климатическим условиям региона.

В исследованиях, посвящённых медицинскому состоянию Ферганской области в указанный период, содержится немало объективных наблюдений о реальном положении дел. В частности, заслуживают внимания следующие сведения, приводимые Кушелевским: «Наши врачи в Фергане до настоящего времени не имели возможности проводить микроскопические исследования вышеупомянутых микроорганизмов, наблюдать их развитие и распространение. Однако каждому из нас следовало убедиться в том, что жизнь в условиях обильного орошения и тёплого климата, способствующих появлению богатой растительности, создаёт бесконечный источник органических веществ, которые при разложении порождают самые тяжёлые и разнообразные формы малярийных заболеваний» ([Кушелевский, 1891: 35](#)).

Успехи российских врачей в лечении различных заболеваний способствовали постепенному росту доверия к ним со стороны коренного населения. В течение десяти лет, то есть с 1880 по 1889 г., количество обращений к российским врачам в Туркестанском крае значительно увеличилось. Если в 1880 г. число пациентов составляло 20 757 человек, то в 1889 г. оно достигло уже 94 497 человек ([Хайназаров, 2023: 168](#)). Несмотря на рост обращений среди местного населения, этот показатель всё же оставался сравнительно низким по отношению к общей численности населения региона.

С 80-х гг. XIX в. в Фергане, с учётом менталитета местного населения, начали открываться больницы, предназначенные для женщин и детей. Первая такая больница была учреждена в 1887 г. в городе Коканде; в 1888 г. подобное учреждение появилось в Андижане, в 1889 г. – в Намангане, а в 1891 г. – в Маргилане. В этих больницах медицинские услуги населению оказывали русскоязычные женщины-врачи, такие как М.И. Шишова, О.И. Солнышкина, М.С. Голошевская, М.К. Филиппова, М.А. Гейштор.

Хотелось немного остановиться на самоотверженности врачей. Так, например, И.П. Швердин поехал работать в кишлак Телов Ташкентского округа в Ахангаранской долине, поскольку именно здесь он мог наиболее успешно применять на практике свои знания в области офтальмологии. Основав сельскую больницу в кишлаке, И.П. Швердин получил возможность предоставлять медицинские услуги местным жителям, страдающим от врождённой потери зрения, разнообразных болезней и других недугов. Он в совершенстве изучил узбекский язык и общался с больными напрямую, без привлечения переводчиков. Помимо офтальмологической помощи, Иван Петрович занимался лечением малярии, тифа, респираторных инфекций, проводил прививки от оспы, а также осуществлял оперативные вмешательства, в том числе и операции кесарева сечения, и другие хирургические процедуры. Его жена, Ольга Алексеевна Швердина, обладая начальными медицинскими знаниями, оказывала ему поддержку в лечении пациенток ([Цыряпкина, 2017: 71](#)).

В этот период среди татарского населения края также фиксировался высокий уровень рождаемости, однако из-за неудовлетворительных санитарных условий и отсутствия качественной медицинской помощи показатели младенческой смертности оставались крайне высокими. Например, в 1901 г. в городе Ташкенте среди татар было зафиксировано снижение численности населения: на каждые 50 новорождённых приходилось 6 случаев смерти. Среди основных причин детской смертности наиболее часто отмечались «кашель», «желудочные заболевания», «судороги». Взрослое население, в основном, умирало от заболеваний лёгких, опухолей, травм и других недугов ([Татарское население..., 2021: 8](#)).

В Самаркандской области Туркестана также существовали амбулатории, специально предназначенные для приёма местных больных женщин и их маленьких детей. Функционирование этих учреждений было налажено с 1886 г. в городах Самарканд и Ходжент. Они управлялись женщинами-врачами при содействии фельдшеров ([НАУз. Ф. И-1. Оп. 10. Д. 2067. Л. 2](#)). Создание таких специализированных женских и детских больниц, где вели приём врачи-женщины, способствовало расширению возможностей мусульманских женщин пользоваться рациональной, научно обоснованной медицинской помощью ([НАУз. Ф. И-1. Оп. 10. Д. 2067. Л. 4](#)). Основной целью этих мероприятий было внедрение в сознание молодого поколения идеи о превосходстве российской медицины, распространение русской культуры, а также укрепление авторитета колониальной власти

посредством завоевания доверия местного населения.

В отчётах областных военных губернаторов регулярно приводились сведения о санитарном состоянии областей. В них, в частности, отражались данные о количестве медицинского персонала, числе больных и других аспектах. Так, в 1892 г. в Самаркандской области среди православного населения было зарегистрировано 25 браков, родилось 306 младенцев, из них – 150 мальчиков и 156 девочек. Число умерших составило 505 человек (мужчин – 316, женщин – 189), что привело к естественной убыли в размере 199 человек. Большинство умерших стали жертвами эпидемии холеры: 48 человек среди европейского населения, 71 человек из числа военных, среди переселённых дехкан 14 человек, всего их составило 133 человека ([Справочная книжка..., 1894: 5](#)).

Ответственные за санитарную сферу чиновники внимательно изучали причины распространения заболеваний. Одним из факторов являлось состояние жилищ. Подчёркивалось, что тепло, свежий воздух и достаточное освещение являются важнейшими условиями для здоровья человека. В этом отношении состояние почти всех домов Самарканда было признано неудовлетворительным. Приводился ряд следующих причин: 1) русская часть Самарканда располагалась на территории старых кладбищ, отдельных захоронений и среди развалин бывших домов местных жителей, опустевших в результате военных действий; 2) за редким исключением дома в городе были построены из сырцового кирпича; 3) именно из-за наличия сырцового кирпича, отсутствия хорошего пола или бетонного покрытия нездоровые и гигроскопичные элементы грунта проникали в жилые помещения.

У переселенцев, которые поселились в новых домах Самарканда, часто фиксировались случаи ревматизма, хронической малярии и других заболеваний. В 1891 г. в связи с распространением заболеваний в городе среди некоренного населения заболели, не считая 69 военных и 82 детей в возрасте до одного года, 67 мужчин и 61 женщина, всего 128 человек. Это составляло в среднем 44,1 случая на тысячу жителей, тогда как в Ташкенте показатель за 1881–1890 гг. достигал 52,7 случая на тысячу человек ([Справочная книжка..., 1894: 15](#)).

В Самаркандской области местные врачи, которые делали прививки, проходили обучение у уездных и городских медиков и получали ежемесячное вознаграждение в размере до 15 рублей из средств города и земства. Кроме того, они освобождались от различных обязанностей. Помимо местных вакцинаторов, прививки могли делать фельдшеры, а в отдельных случаях – сами уездные и городские врачи ([НАУз. Ф. И-1, Оп. 11. Д. 2067. Л. 134](#)).

В отчёте за 1888 г. по Сырдарьинской области указывалось, что две русские женщины-врачи обслужили за год 7 722 человека ([НАУз. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 4. Л. 4](#)). В отчёте за 1890 г. отмечается, что врачи приняли уже 40 609 пациентов ([НАУз. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 18. Л. 4](#)). В 1908 г. было зарегистрировано 15 481 больных, из них 451 человек заболел холерой, а 277, к сожалению, умерли от этого заболевания ([НАУз. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 83. Л. 8](#)).

Состояние здоровья населения находило отражение и в публикациях Е. Е. Ухтомского, в частности, в его статьях для газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1896 г.). Анализируя положение дел в Ферганской области Туркестана, автор акцентировал своё внимание на дефиците медицинских специалистов, прибывших из России. К примеру, он пишет: «В начальный период целесообразно было бы иметь в каждом округе небольшое помещение для неотложной помощи и увеличить штат хотя бы до одного–двух уездных врачей. Конечно, это потребует значительных расходов на содержание медицинского персонала, но что поделаешь: жизнь идёт вперёд, и необходимо заботиться о благосостоянии всего населения. Верные сыновья Русского Отечества должны быть на одном уровне с русским населением великой России» ([Суворов, 2017: 647](#)). Интересно заключение автора: «Перспектива нашего влияния в Азии должна реализовываться посредством мирного прогресса, где финансовые затраты не являются приоритетным вопросом» ([Суворов, 2017: 647](#)).

Следовательно, к исходу XIX в. вопрос улучшения системы здравоохранения в национальных регионах Российской империи оставался открытым. Журналисты полагали, что увеличение доступности медицинской помощи, даже в её минимальных, традиционных формах, могло бы позитивно повлиять на восприятие России населением восточных территорий. В то же время акцент делался на развитие научной медицины. Е.Е. Ухтомский подчёркивал, что подобно распространению буддизма и тибетской медицины, продвижение современной медицины и создание системы здравоохранения в отдалённых районах империи должны были создать образ России как покровителя для местного населения, в отличие от западных стран, навязавших колониальный режим в странах Востока ([Суворов, 2017: 649](#)).

В конце XIX в. в уездах Ферганской области с целью оказания квалифицированной медицинской помощи больным с офтальмологическими заболеваниями регулярно проводились благотворительные акции под названием «Неделя слепых». В ходе этих мероприятий врач А.Н. Данилов не только осматривал пациентов, но и выполнял многочисленные хирургические операции. Так, во время «Недели слепых», проведённой в мае 1897 г., врач осмотрел более 50 представителей местного населения, четырём из которых были проведены хирургические вмешательства (удаление катаракты и установка искусственного зрачка).

Среди врачей, прибывших из Европы и получивших большую известность благодаря своей деятельности в крае, был Муса Ильич Соломон, многие годы работавший в Туркестане. Его семья приехала в Туркестан. Он родился в Ташкенте в семье рабочего типографии. Окончив в 1893 г. мужскую гимназию, М.И. Соломон поступает на медицинский факультет Казанского университета, успешно сдав вступительные экзамены. После завершения обучения в 1899 г. он вернулся в Ташкент, где начал свою карьеру врачом, присоединившись к тропической экспедиции. Так, М.И. Соломон был направлен в кишлак Барданкуль, где за короткий период, всего за полтора месяца, смог спасти от тяжёлой малярии 2,3 тыс. пациентов, практически 1,4 тыс. из которых страдали от этой болезни (Гитлин, 2018: 271).

После окончания работы в экспедиции М.И. Соломон продолжил работать в Ташкентской городской больнице, где главным врачом тогда был Янкель Беркович Магнетштейн. За короткое время М.И. Соломон снискал большую известность как очень грамотный лекарь как среди европейской, так и среди мусульманской общины. Он предоставлял бесплатные рецепты малоимущим и часто давал им деньги на покупку лекарств. Однако из-за растущего недоверия к еврейскому населению со стороны российского правительства складывающаяся ситуация для М.И. Соломона стала более сложной. Охранный отдел заподозрил его в «политической неблагонадёжности» и установил за ним слежку, которая продолжалась с 1908 по 1910 г. (Гитлин, 2018: 272). В 1913 г., несмотря на усилия Ташкентской городской думы защитить таких врачей, они были вынуждены покинуть город. Тем не менее эти прекрасные доктора продолжали получать слова благодарности от всех бывших коллег и пациентов.

В других медицинских учреждениях Ташкента также работало немало врачей различных специальностей европейско-еврейского происхождения. В историческом районе Ташкента располагалась мужская лечебница А.Л. Шварца, оказывавшая медицинскую помощь жителям, исповедующим ислам. Значительная часть дантистов, практиковавших в городе, принадлежала к еврейской общине. Так, например, дантист В.М. Зельманович, работавший при Ташкентском благотворительном обществе, осуществлял бесплатный приём пациентов с низким материальным достатком три раза в неделю (НАУз. Ф. 461. Оп. 1. Д. 282. Л. 36).

В различных городах Центральной Азии также трудились многочисленные медики-евреи. Однако в связи с национальными проблемами им приходилось занимать должности, не соответствующие их квалификации и опыту, то есть они работали ассистентами врачей, помощниками фармацевтов и др. Тем не менее, увольнение этих специалистов было затруднительным из-за отсутствия альтернативных кадров. Впоследствии, несмотря на противодействие руководства, освободившиеся вакансии, как правило, снова занимались врачами еврейского происхождения (Гитлин, 2018: 274).

В начале XX в. туркестанские власти прилагали усилия для распространения медицинских услуг в областных центрах, стремясь охватить сельские районы посредством организации фельдшерской помощи. В Ташкенте в этот период наблюдалось относительное укомплектование врачебных кадров, однако медицина всё больше склонялась к коммерциализации, где особенно прибыльной оказалась аптечная сфера. Подготовка врачей для работы в сельской местности и организации там медицинских пунктов оставляла желать лучшего. Местное население, как в городах, так и в сёлах, часто проявляло сдержанное, опасливое, а иногда и открыто враждебное отношение к врачам; культурные различия и разный образ жизни были заметны. Знание местных языков являлось необходимым условием для эффективной работы врачей и фельдшеров на селе.

В начале XX в. в сельских районах Ташкентского уезда Сырдарьинской области больницы почти полностью отсутствовали, а в отдельных населённых пунктах медицинскую помощь оказывали не квалифицированные врачи, а фельдшеры. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Закаспийской области. Согласно сведениям за 1901 г., в Мангышлакском уезде имелось 4 русских поселения, в Красноводском уезде – 3, на железнодорожной линии Ашхабадского уезда – 13, а в Пендском приставе Мервского уезда – 2 (Обзор Закаспийской области..., 1902: 3). Численность населения, приведённая в отчётных документах за 1901 г., оказалась на 309 человек меньше по сравнению с 1900 г. Такой резкий спад объяснялся массовой смертностью от малярии и переселением части жителей в другие уезды (Обзор Закаспийской области..., 1902: 7).

Распространение заболеваний, характерных для Туркестанского края, среди русских солдат и переселённых из России граждан вызывало серьёзную обеспокоенность администрации. Особенно тревогу вызывали случаи заболевания малярией, дракункулёзом (риштой), тяжёлыми язвами и другими сходными патологическими состояниями. Военные начальники, наблюдая за ситуацией, поручили гарнизонным врачам подробно изучить эти болезни. Медики приступили к работе и получили необходимые результаты. Так, врач Самаркандского гарнизона К. М. Афрамovich и врач Джизакского гарнизона Т. Клопотовский исследовали дракункулёз и установили, что заболевание вызывается особым видом гельминта. Русский учёный К.И. Скрябин также выявил новый вид такого паразита – шистосому.

В те времена восточная язва стала особенно серьёзной проблемой для военной медицины, поскольку заболевшие солдаты не могли продолжать службу. Например, в 1885 г. среди 1 204 солдат, участвовавших в отражении афганской атаки в долине реки Мургаб, было зафиксировано

значительное количество кожных повреждений, у некоторых солдат обнаруживалось от 12 до 15 язв. Военный доктор Величкин, служивший в этом отряде, дал этому заболеванию название «пендинская язва». Местные жители города Пенда считали заражение неизбежным и спокойно относились к болезни. Распространение пендинской язвы среди солдат вызывало сильную тревогу. По распоряжению верховного военного командования в долину Мургаба был направлен доцент Военно-медицинской академии А.Л. Гейденрейх. Он опубликовал монографию «Пендинская язва» (1888), однако не вышел за рамки ошибочных предположений о роли стафилококков. Врачам, разработавшим методы профилактики и лечения данного заболевания, была обещана награда.

Поиск возбудителя восточной язвы начался в 1894 г. П.Ф. Боровским. Врач Ташкентского гарнизона П.Ф. Боровский обнаружил возбудителя этой патологии (лейшманиоза), став таким образом первооткрывателем (болезнь получила его имя - «лейшманиоз Боровского») (Белова-Рахимова, Баткаева, 2014: 41). Эти открытия имели большое практическое значение. Приход европейских врачей в край, в известной мере, сыграл положительную роль. Однако ставленник русского царя, генерал-губернатор Туркестана, не намеревался использовать данные научные достижения для ликвидации распространённых в крае заболеваний.

С целью развития медицинской науки возникли различные общества и объединения. Так, первое в Туркестане научно-медицинское общество появилось в начале 1890-х гг. Одним из первых таких объединений стало «Ферганское медицинское общество», созданное в 1892 г. в городе Новый Маргелан (ныне Фергана). Европейские врачи, работавшие здесь, проявляли инициативу в изучении состояния медицины в Туркестане и добивались значительных научных результатов.

31 декабря 1890 г. главный врач 15-го батальона Туркестанского военного округа, доктор медицины Д. Лебедев, главный врач 6-го полка Оренбургского казачьего войска Добромыслов и врач Маргеланского военного лазарета Н. Кушелов направили прошение на имя военного губернатора Ферганской области. В этом прошении подчёркивалось, что вследствие удалённости Туркестана от ведущих научно-исследовательских центров изучение медицинских вопросов, особенно санитарно-эпидемиологического характера, является крайне затруднительным. Авторы обращали внимание на необходимость выявления причин возникновения эпидемических заболеваний среди населения края, разработки мер по предупреждению распространения болезней, а также научного исследования наиболее распространённых заболеваний и методов их лечения. В связи с этим подчёркивалась необходимость установления более тесных профессиональных контактов между врачами данного региона (Бадалов, 2021: 276).

Ферганское медицинское общество было открыто в 1892 г. в разгар эпидемии холеры, поэтому его деятельность в первые годы была полностью направлена на борьбу с заболеванием. На почти всех заседаниях общества в этот период обсуждались вопросы, связанные с профилактикой и локализацией эпидемии, и вырабатывались конкретные практические рекомендации. В частности, рассматривались вопросы организации первичных мер борьбы с холерой, строительства специальных барачных для изоляции заболевших и их оснащения необходимым инвентарём, деления города на участки и распределения туда врачей (Бадалов, 2021: 277).

В программе русификации И.И. Королькова особое внимание уделялось использованию труда русских женщин-врачей и акушеров для внедрения русского образа жизни в сознание местных женщин. Поэтому в ряде документов деятельность русских женщин-врачей подчёркивалась отдельно. Так, в отчёте Ферганской области за 1908 г. сообщалось: «Местные женщины весьма довольны деятельностью русских женщин-врачей; более 14 русских женщин-врачей оказали помощь 9 312 больным местным женщинам» (НАУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1382. Л. 12).

В 1908 г. в русском посёлке Фёдоровском Каттакурганского уезда Самаркандской области проживало 297 человек. Там наблюдалась довольно большая детская смертность. Так, например, родилось 27 младенцев, из которых 14 умерли. Основным заболеванием, отмеченным в посёлке, была малярия. В амбулаторном фельдшерском пункте медицинская помощь была оказана 65 пациентам (НАУз. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 6665. Л. 5).

Численность медицинского персонала области продолжала увеличиваться. Если в 1900 г. 7 врачей и 12 фельдшеров обслужили 7 862 человека (Обзор Самаркандской области..., 1901: 26), то в 1910 г. 9 врачей и 15 фельдшеров оказали помощь уже 9 275 пациентам (Обзор Самаркандской области..., 1912: 24).

Доктор А.Л. Шварц в своём докладе на заседании Туркестанского общества врачей и лекарей описывал трудности, с которыми сталкивались русские врачи. Он отмечал, что во время эпидемий холеры значительные сложности возникали из-за стремления местного населения хоронить умерших в соответствии с исламскими обычаями и их отказа от проведения дезинфекции. Одновременно А.Л. Шварц подчёркивал успехи местных табибов в лечении подкожных переломов и вывихов. По его словам, такие методы, как обездвиживание конечности с помощью деревянных шин и использование массажа, в ряде случаев превосходили европейскую медицину (Тимаев, 1909: 87). Однако сведений о попытках взаимодействия с местными табибами в соответствующих областях он не приводит.

Следует отметить, что даже в больницах, открытых в отдельных частях крупных городов, где проживало местное население, медицинская помощь зачастую оказывалась преимущественно европейцам и некоренным жителям. Например, в 1906 г. в стационаре Ташкента в старой части

города было вылечено 223 пациента, среди которых русских было 100 человек, евреев – 19, татар – 9, немцев – 7, армян – 3; местные женщины и дети составили всего 85 пациентов. Кроме того, среди общего числа больных в отделении роддомов лишь 40 %, а в приёмном отделении – 34 % приходились на представителей местного населения, остальные же пользовались услугами, проживая в русской части города (Тимаев, 1909: 88).

А.Л. Шварц отмечал: несмотря на то, что большинство жителей местной части Ташкента пользуются врачебной помощью, развитие медицины здесь идёт чрезвычайно медленно. По его мнению, за 50 лет было сделано крайне мало; причинами такого отставания он считал недостаток финансовых средств, а также невежество и фанатизм местного населения (Тимаев, 1909: 88).

В Туркестане в первые годы XX в. наблюдался подъём частного медицинского сектора. В 1908 г. в Ташкенте врач А.Н. Предтеченская основала первую частную клинику для женщин, рассчитанную на 5 мест, но с возможностью, при необходимости, увеличения до 12. За год здесь получили лечение 220 пациенток, преимущественно роженицы. Пребывание в стационаре в течение недели обходилось им от 25 до 40 рублей. Для стационарных пациенток сутки пребывания стоили 3 рубля.

А.Л. Шварц в своём докладе подчёркивал необходимость безотлагательного расширения стационара в местной части Ташкента, то есть преобразования его в центральную больницу, а затем организации родильного дома (Тимаев, 1909: 92).

1 апреля 1913 г. в Коканде два медика – Ч.И. Норвилло и Н.С. Качхоев - открыли первую частную больницу на 10 постоянных коек. В соответствии с учредительными документами, основанием для создания госпиталя стало предоставление пациентам, страдающим от хирургических, внутренних, женских и неврологических расстройств, медицинской помощи и заботы, отвечающих передовым научным стандартам.

В периодических изданиях тех лет систематически публиковались материалы о функционировании негосударственных лечебных учреждений. В частности, в газете «Садои Фаргона» сообщалось, что помимо частной больницы Ч.И. Норвилло и Н.С. Качхоева, приём больных в Коканде также вели женщина-врач Е.С. Мастеркова, врачи Чернобородов и Бройнштейн, которые принимали пациентов дважды в день: с 9 до 12 часов утром и с 17 до 19 часов вечером (Суворов, 2017: 647).

Медпункты основывались преимущественно в городах Туркестанского края, лишая деревенских жителей доступа к нужной врачебной помощи. Как уже было отмечено выше, трудности в предоставлении медицинской поддержки населению усугублялись тем, что большинство врачей не владели местными языками, а переводчиков было недостаточно. Данный факт находит подтверждение и в статье, вышедшей 3 сентября 1914 г. в газете «Садои Фаргона». В ней подчёркивалось, что языковой барьер являлся одной из главных причин отсутствия взаимопонимания между докторами и местными жителями. Больные пытались выразить свои жалобы с помощью жестов, но не понимали врачебных назначений и принимали лекарства наугад. Автор статьи подчёркивал, что даже сотни мусульманских врачей были бы недостаточны для обеспечения населения Туркестана необходимой медицинской помощью (Бадалов, 2022: 17).

На территории Сырдарьинского Переселенческого Управления к 1915 г. функционировали 15 врачебно-фельдшерских пунктов, оказывавших медицинскую помощь переселенцам. Отмечалось, что услугами этих пунктов пользовалось и местное население. Центры располагались, главным образом, вблизи барачных – временных мест проживания переселенцев. В 1915 г. медицинской помощью было охвачено 52 513 человек. В Ташкенте медицинские центры отличались более высоким качеством работы. Переселенцы проходили здесь медицинский осмотр и затем направлялись, как правило, в уезды Самаркандской и Ферганской областей (Равшанов, 2022: 20).

Несмотря на то, что в Туркестане издавна существовала развитая система традиционной медицины и работало множество табибов, в период генерал-губернаторства их деятельность приобрела особое значение. Первоначально внедрение медицинских методов было связано с военными потребностями русских войск. По мере их размещения в различных районах и последующей миграции в Туркестан представителей различных народов, медицинские данные начали распространяться и в сферу гражданского здравоохранения. При этом трудности переселенцев, связанные с адаптацией к климатическим и природным условиям края, тяжёлым течением различных заболеваний и ростом смертности, создали серьёзную угрозу, что и обусловило необходимость внедрения в регион современных медицинских методов.

В первые годы, несмотря на отрицание существующих проблем со стороны администрации Туркестанского генерал-губернаторства, рост обращений переселенческого населения, а также увеличение числа заболеваний среди военных и служащих вынудили администрацию обратить внимание на сферу здравоохранения. Попытки решить возникшие трудности, ограничив медицинскую помощь лишь лечением русских переселенцев, оказались безуспешными. Под воздействием многочисленных настойчивых прошений и требований врачей, прибывших из различных регионов Российской империи, власти дали согласие на проведение медицинских исследований среди местного населения. В этом процессе особую роль сыграли попытки выявить местные особенности заболеваний и разработать меры их профилактики. Только после этого стали предпринимать шаги по применению возможностей современной медицины и среди коренного населения.

5. Заключение

Врачи и медицинский персонал Туркестанского края проделали значительную работу, оказывая самую необходимую помощь. Следует отметить самоотверженный труд отдельных врачей русской, еврейской, татарской и других национальностей, их высокую ответственность и преданность своему делу. Благодаря их инициативам и личному примеру представители коренного населения стали всё чаще обращаться за помощью к современным медицинским службам.

Даже в медицинских учреждениях, открытых в частях городов, где проживало коренное население, медицинскими услугами преимущественно пользовались европейцы и инородцы. Хотя местные жители иногда избегали обращения к врачам по причине неосведомлённости и религиозно-обыденных предрассудков, после разъяснительной работы число обращений возрастало. Во многом это стало возможным благодаря активности отдельных энтузиастов-врачей, которые вели просветительскую деятельность среди местного населения.

Тем не менее, правительство Российской империи не выделяло достаточных средств на развитие медицинской помощи среди широких слоёв населения в Туркестанском генерал-губернаторстве. В результате в анализируемый период система медицинской помощи так и не приобрела массового характера. Новая медицинская инфраструктура не смогла в полной мере удовлетворить потребности не только местного населения, но и переселенцев, проживавших в крае.

Действительно, врачи и медицинские работники Туркестана проделали значительный объём работы и зачастую оказывали наиболее необходимую помощь населению. Следует отметить самоотверженный труд ряда русских врачей, их высокую ответственность и добросовестное отношение к профессиональным обязанностям. Однако правительство Российской империи не выделяло достаточных средств для развития медицинской службы среди широких слоёв населения, в результате чего в исследуемый период система медицинской помощи так и не приобрела массового характера. Следовательно, новая медицинская инфраструктура, создававшаяся в крае, не могла в полной мере удовлетворить потребности как местного населения, так и некоренного.

Рост численности некоренного населения Туркестана, особенно военных, и соответствующее увеличение потребности в медицинских услугах стали важным фактором развития медицины в крае. Хотя первоначально медицинская помощь была ориентирована преимущественно на русскую администрацию и переселенцев, профессионализм и настойчивость медицинских работников способствовали расширению охвата медицинскими услугами и среди местного населения. Это, в свою очередь, обеспечило более точную диагностику заболеваний, разработку эффективных методов их лечения в местных условиях и существенное снижение уровня смертности.

Создание частных медицинских учреждений представителями некоренного населения также способствовало повышению качества медицинских услуг как среди переселенцев, так и среди коренных жителей. Особенно важно подчеркнуть, что деятельность таких учреждений укрепляла доверие местного населения к современной медицине и обеспечивала постепенное повышение её авторитета.

Тем не менее политическое давление и административные трудности, возникавшие со стороны генерал-губернаторов, замедляли полноценное развитие медицинской инфраструктуры. Особо негативное влияние оказали события после Октябрьского переворота, когда медицинские учреждения оказались в ещё большей зависимости от финансирования со стороны администрации, а немногочисленные частные медицинские заведения стали рассматриваться как «остатки буржуазного строя». Всё это нанесло серьёзный ущерб развитию системы здравоохранения в крае.

Литература

Бадалов, 2021 – Бадалов А.А. “Фарғона тиббиёт жамияти” ва унинг фаолияти (XIX аср охири – XX аср бошлари) // *Жамият ва инновациялар. Общество и инновации. Society and innovations*. 2021. № 2. Б. 274-281.

Белова-Рахимова, Баткаева, 2014 – Белова-Рахимова Л.В., Баткаева Н.В. Профессор Пётр Фокич Боровский (1863–1932) и его окружение (к 150-летию со дня рождения и 115-летию открытия возбудителя кожного лейшманиоза) // *Вестник последипломного медицинского образования*. 2014. № 3. С. 40-45.

Бутаев, 2021 – Бўтаев Ж.Ш. XIX асрнинг иккинчи ярмида Самарканд вилоятида тиббий ахвол (ЎзМА ҳужжатлари асосида) // *Academic research in educational sciences*. Vol. 2 (2). 2021. P. 307-318.

Гитлин, 2018 – Гитлин С.И. Европейские евреи в русском Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник РУДН*. Vol. 17. 2018. № 2. С. 296-319.

Жуманазаров, 2023 – Жуманазаров Х. Туркистон генерал- губернаторлигида тиббиётни жорий этишдаги муаммо ва камчиликлар // *Ўзбекистон Республикаси фанлар Академияси Коракалпогистон бўлимининг Ахборотномаси*. 2023. № 4 (273). Б. 32-38.

Зияева, 2009 – Зияева Д.Х. Медицина и здравоохранение в Средней Азии: традиции, модернизации и трансформация (конец XIX – начало XX вв.) / *Социальная жизнь в Центральной Азии в начале XX века. Материалы международной конференции*. Ташкент, 2009. С. 154-158.

Казанский, 1885 – Казанский К. Женщина-врач на Востоке / *Новости*. 1885. № 218.

- [Кушелевский, 1891](#) – Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. III. Новый Маргелан, 1891. 494 с.
- [НАУз](#) – Национальный архив Узбекистана.
- [Намор, 1910](#) – Намор Г. Медицинская помощь в Бухаре // *Туркестанские ведомости*. 1910. № 48.
- [Обзор Закаспийской области..., 1902](#) – Обзор Закаспийской области за 1901 год. Асхабадъ: Типография Штаба 2-го Турк. Арм. Корп., 1902. С. 2-3.
- [Обзор Самаркандской области..., 1901](#) – Обзор Самаркандской области за 1900 год. Самарканд: Самарканд. обл. стат. ком., 1891–1912. 1901.
- [Обзор Самаркандской области..., 1912](#) – Обзор Самаркандской области за 1910 год. Самарканд: Самарканд. обл. стат. ком., 1891–1912. 1912. 75 с.
- [Равшанов, 2022](#) – Равшанов Ш.Т. Туркистонга Россия империяси аҳолиси кўчиб келишининг ижтимоий тарихи (XIX аср охири – 1917 йил). Тошкент, 2022. 125 с.
- [Справочная книжка..., 1894](#) – Справочная книжка Самаркандской области на 1894 год. Выпуск II / Под редакцией Секретаря областного Статистического Комитета М. Вирсаго. Самарканд: Типография Штаба войск Самаркандской области, 1894. С. 15-16.
- [Суворов, 2017](#) – Суворов В.В. Медицинская помощь как фактор культурного и политического влияния в оценках отечественной публицистики рубежа XIX – начала XX века // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. Т. 7. 2017. № 3. С. 646-647.
- [Татарское население..., 2021](#) – Татарское население Ташкента в конце XIX – начале XX века. По материалам метрических книг / Сост.: Л.Ш. Гарипова, Ф.Г. Файзуллина, Э.Х. Кадинова, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ, 2021. 244 с.
- [Тимаев, 1909](#) – Тимаев К.А. Успехи русской медицины среди туземцев Туркестанский курьер. 1909. № 172-173. С. 87-92.
- [Трегубов, 1910](#) – Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. Впечатления и заметки от поездки летом 1909 г. // *Вопросы колонизации*. 1910. № 6. 78 с.
- [Цыряпкина, 2015](#) – Цыряпкина Ю.Н. Подвижническая деятельность военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана в начале XX в. // *Востоковедные исследования на Алтае*. 2015. № 9. С. 47-53.
- [Цыряпкина, 2017](#) – Цыряпкина Ю.Н. Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 1. С. 69-73.
- [Юлин, 1909](#) – Юлин Г. В лечебнице для туземцев // *Туркестанский курьер*. 1909. № 174. С. 95-99.
- [Gabrielyan et al., 2025](#) – Gabrielyan S.I., Urakov D.J., Khaynazarov B.B., Otalbaeva G.K. “The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 880-892.
- [Khaynazarov et al., 2019](#) – Khaynazarov B., Tursunov R., Urakov D. Theoretical-methodological basis of studying of the history of uighurs in uzbekistan according to diasporas // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2019. 8(12). Pp. 3338-3343.
- [Mamatova et al., 2024](#) – Mamatova M.B., Kobzeva O.P., Urolova N.S., Vaisova N.A. The Issue of the Scale of the Russian Tea Market at the beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2024. № 19 (4): 1931-1945.
- [Uraikov et al., 2024](#) – Uraikov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B. The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.
- [Uraikov, 2020](#) – Uraikov D. Conflict of Interests of Major Empires In Central Asia In The Middle Of The XIX Century // *International Journal of Scientific & Technology Research*. 2020. Vol. 9(5). Pp. 18-22.
- [Xaynazarov, 2023](#) – Xaynazarov B.B. Turkiston general-gubernatorligidagi tub bo'lmagan aholining ijtimoiiy- iqtisodiy hayoti. Toshkent. 2023. 270 b.

References

- [Badalov, 2021](#) – Badalov, A.A. (2021). “Farg’ona tibbiyot jamiyati” va uning faoliyati (XIX asr oxiri – XX asr boshlari) [“Fergana Medical Society” and its activities (late 19th – early 20th centuries). *Jamiyat va innovatsiyalar. Society and innovations*. 2: 274-281. [in Uzbek]
- [Belova-Rakhimova, Batkaeva, 2014](#) – Belova-Rakhimova, L.V., Batkaeva, N.V. (2014). Professor Petr Fokich Borovskii (1863–1932) i ego okruzhenie (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya i 115-letiyu otkrytiya vzbuditelya kozhnogo leishmanioza) [Professor Pyotr Fokich Borovsky (1863–1932) and his entourage (to the 150th anniversary of the birth and 115th anniversary of the discovery of the skin leishmaniasis pathogen)]. *Vestnik poslediplomnogo meditsinskogo obrazovaniya*. 3: 40-45. [in Russian]
- [Butaev, 2021](#) – Būtaev, Zh.Sh. (2021). XIX asrning ikkinchi yarmida Samarkand viloyatida tibbii axvol (ŷzMA xuzhzhatlari asosida) [The medical situation in the Samarkand region in the second half of the 19th century (based on the documents of the National Academy of Sciences of Uzbekistan)]. *Academic research in educational sciences*. 2(2): 307-318. [in Uzbek]
- [Gabrielyan et al., 2025](#) – Gabrielyan, S.I., Urakov, D.J., Khaynazarov, B.B., Gulzhan, K. Otalbaeva, G.K. (2025) “The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy. *Bylye Gody*. 20(2): 880-892.

- Gitlin, 2018** – *Gitlin, S.I.* (2018). Yevropeyskiye yevrei v russkom Turkestane na rubeje XIX–XX vv. [European Jews in Russian Turkestan at the turn of the 19–20th centuries]. *Vestnik RUDN*. 17(2): 296-319. [in Russian]
- Kazanskiy, 1885** – *Kazanskiy, K.* (1885). Zhenshchina-vrach na Vostoke [A female doctor in the East]. *Novosti*. № 218. [in Russian]
- Khaynazarov et al., 2019** – *Khaynazarov, B., Tursunov, R., Urakov, D.* (2019). Theoretical-methodological basis of studying of the history of uighurs in uzbekistan according to diasporas. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 8(12): 3338-3343.
- Kushelevskiy, 1891** – *Kushelevskiy, V.I.* (1891). Materiali dlya meditsinskoy geografii i sanitarnogo opisaniya Ferganskoy oblasti. T. III. Noviy Margelan [Materials for Medical Geography and Sanitary Description of the Fergana Region. T. III. Novy Margelan]. 494 p. [in Russian]
- Mamatova et al., 2024** – *Mamatova, M.B., Kobzeva, O.P., Uroкова, N.S., Vaisova, N.A.* (2024). The Issue of the Scale of the Russian Tea Market at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 19(4): 1931-1945.
- Namor, 1910** – *Namor, G.* (1910). Meditsinskaya pomoshch' v Bukhare [Medical care in Bukhara]. *Turkestanskiye vedomosti*. 48. [in Russian]
- NAUz** – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Obzor Samarkandskoy oblasti..., 1901** – Obzor Samarkandskoy oblasti za 1900 god [Overview of the Samarkand Region for 1900]. Samarkand: Samarkand. obl. stat. kom., 1891–1912. 1901. [in Russian]
- Obzor Samarkandskoy oblasti..., 1912** – Obzor Samarkandskoy oblasti za 1910 god [Overview of the Samarkand Region for 1910]. Samarkand: Samarkand. obl. stat. kom., 1891–1912. 1912. 75 p. [in Russian]
- Obzor Zakaspiyskoy oblasti..., 1901** – Obzor Zakaspiyskoy oblasti za 1901 god [Overview of the Transcaspian Region for 1901]. Asxabad: Tipografiya Shtaba 2-go Turk. Arm. Korp. 1902. Pp. 2-3. [in Russian]
- Ravshanov, 2022** – *Ravshanov, Sh.T.* (2022). Turkistonga Rossiya imperiyasi aholisi ko'chib kelishining ijtimoiy tarixi (XIX asr oxiri – 1917 yil) [Social history of the resettlement of the population of the Russian Empire to Turkestan (late 19th century – 1917)]. Toshkent. 125 p. [in Uzbek]
- Siryapkina, 2015** – *Siryapkina, Y.N.* (2015). Podvijnicheskaya deyatelnost voyennix vrachey v xode organizatsii meditsinskogo dela v Tashkentskom uyezde Turkestana v nachale XX v. [The active activities of military doctors in the organization of medical work in the Tashkent district of Turkestan at the beginning of the 20th century]. *Vostokovedniye issledovaniya na Altaye*. 9: 47-53. [in Russian]
- Siryapkina, 2017** – *Siryapkina, Y.N.* (2017). Deyatel'nost russkix voyennix vrachey v xode organizatsii meditsinskogo dela v Tashkentskom uyezde Turkestana vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The activities of Russian military doctors during the organization of medical work in the Tashkent district of Turkestan in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 69-73. [in Russian]
- Spravoch'naya knijka..., 1894** – *Spravoch'naya knijka Samarkandskoy oblasti na 1894 god. Vipusk II* [Reference book of the Samarkand region for 1894. Issue II]. Pod redaktsiyey Sekretarya oblastnogo Statisticheskogo Komiteta M.Virskago. Samarkand, Tipografiya Shtaba voysk Samarkandskoy oblasti, 1894. Pp. 15-16. [in Russian]
- Suvorov, 2017** – *Suvorov, V.V.* (2017). Meditsinskaya pomoshch' kak faktor kulturnogo i politicheskogo vliyaniya v otsen'kax otechestvennoy publitsistiki rubeja XIX – nachala XX veka [Medical assistance as a factor of cultural and political influence in the evaluation of domestic journalism of the 19th – early 20th centuries]. *Byulleten meditsinskix internet-konferentsiy*. 7(3): 646-647. [in Russian]
- Tatarskoye naseleniye..., 2021** – *Tatarskoye naseleniye Tashkenta v konse XIX – nachale XX veka. Po materialam metriceskix knig* [Tatar population of Tashkent in the late 19th – early 20th centuries. Based on the materials of metric books]. Sost.: L.SH. Garipova, F.G. Fayzullina, E.X. Kadirova, V.M. Usmanov. Kazan: IYALI, 2021. 244 p. [in Russian]
- Timayev, 1909** – *Timayev, K.A.* (1909). Uspexi russkoy meditsini sredi tuzemsev [Successes of Russian medicine among the natives Turkestanskiy kurer]. *Turkestanskiy kurer*. 172-173: 87-92. [in Russian]
- Tregubov, 1910** – *Tregubov, A.L.* (1910). Pereselencheskoye delo v Semipalatinskoy i Semirechenskoy oblastyax. Vpechatleniya i zametki ot poyezdki letom 1909 g. [Resettlement in the Semipalatinsk and Semirechensk regions. Impressions and notes from a trip in the summer of 1909]. *Voprosi kolonizatsii*. 6. 78 p. [in Russian]
- Urakov et al., 2024** – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024) The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19 (2): 750-762.
- Urakov, 2020** – *Urakov, D.* (2020). Conflict of Interests of Major Empires In Central Asia In The Middle Of The XIX Century. *International Journal of Scientific & Technology Research*. 9(5): 18-22.
- Xaynazarov, 2023** – *Xaynazarov, B.B.* (2023). Turkiston general-gubernatorligidagi tub bo'lmagan aholining ijtimoiy – iqtisodiy hayoti. [Socio-economic life of the non-indigenous population of the Turkestan Governor-Generalship]. Toshkent. 270 p. [in Uzbek]
- Yulin, 1909** – *Yulin, G.* (1909). V lechebnitse dlya tuzemsev [In a native hospital]. *Turkestanskiy kurer*. 174: 95-99. [in Russian]

Zhumanazarov, 2023 – Zhumanazarov, Kh. (2023). Turkiston general-gubernatorligida tibbiyotni zhorii etishdagi muammo va kamchiliklar [Problems and shortcomings in the implementation of medicine in the Turkistan Governor-Generalship]. *Ўzbekiston Respublikasi fanlar Akademiyasi Korakalpogiston bĭlmining Akhborotnomasiyu*. 4(273): 32-38. [in Uzbek]

Ziyayeva, 2009 – Ziyayeva, D.X. (2009). Meditsina i zdravooxraneniye v Sredney Azii: traditsii, modernizatsii i transformatsiya (konets XIX – nachalo XX vv.) [Medicine and healthcare in Central Asia: traditions, modernization, and transformation (late 19th – early 20th centuries)]. *Sotsial'naya zhizn' v Tsentral'noi Azii v nachale KhKh veka. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Tashkent. Pp. 154-158. [in Russian]

Роль некоренного населения во внедрении и развитии медицины в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX в.)

Гульжан Кобеевна Отарбаева ^{a, *}, Кахрамонжон Абдукодирович Матхоликов ^b,
Хуршидбек Эгамбердиевич Ходжамбердиев ^c, Дилфуза Куламетовна Турениязова ^d

^a Южно-Казахстанский университет им. М.О. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

^b Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан

^c Андижанский государственный университет им. З.М. Бабура, Андижан, Республика Узбекистан

^d Университет инновационных технологий, Республика Узбекистан

Аннотация. В данной статье проанализирована роль некоренного населения в преобразованиях, произошедших в сфере здравоохранения Туркестанского края после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства. В частности, рассматривается вклад представителей коренного населения во введение и развитие современной медицины в Туркестане, а также состояние медицинской сферы в крае. Особое внимание уделено направлению в край военных медицинских специалистов из России, созданию первых военных медицинских учреждений, организации медицинского обслуживания военнослужащих и некоренного населения, а также отношению администрации Туркестанского генерал-губернаторства к вопросам здравоохранения. В этом контексте анализируются стремления русских врачей улучшить существующее положение, их усилия по распространению медицинской помощи среди местного населения, а также отношение краевой администрации к данным инициативам.

Показано, что настойчивые позиции русских врачей о необходимости распространения медицинского обслуживания не только среди некоренного, но и среди местного населения сыграли значимую роль в формировании политики администрации края в области здравоохранения. Благодаря этому были достигнуты существенные результаты в выявлении причин распространения многочисленных инфекционных заболеваний среди некоренного населения и разработке эффективных методов их лечения.

Одновременно выявлено, что и другие группы некоренного населения внесли заметный вклад в создание современных медицинских учреждений и организацию медицинской помощи. В частности, средний и младший медицинский персонал, выходцы из татар, активно участвовали в налаживании медицинского обслуживания как некоренного, так и местного населения. Кроме того, рассматривается деятельность еврейских врачей и других медицинских специалистов, прибывших в Туркестан и принимавших участие в становлении современной медицинской практики. Ими были учреждены частные медицинские заведения, организованы формы частной медицинской помощи и благотворительности, что способствовало укреплению доверия коренного населения к современной медицине и медицинским работникам некоренного происхождения.

Отмечено, что внедрение в Туркестане современной медицины и её развитие сыграли важную роль в разработке эффективных методов лечения многих инфекционных и острых заболеваний. Это, в свою очередь, внесло значительный вклад в дальнейшее развитие медицины в регионе.

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, Центральная Азия, некоренное население, медицина, военная медицина, медицинская помощь, народная медицина, женщины-врачи, амбулатория.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: gul_4979@mail.ru (Г.К. Отарбаева), kakhramon.matkholikov@gmail.com (К.А. Матхоликов), hursidbekhodzamberdiev@gmail.com (Х.Э. Ходжамбердиев), dilfuzatore@gmail.com (Д.К. Турениязова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 356-367
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.356

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Formation of the Industrial Frontier in the Turkestan Region (late 19th – early 20th centuries): Problems and Development Projects

Galina N. Ksenzhik ^{a, *}

^a Kazakh National Agrarian Research University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the administration and industrialists' activities of the Russian Empire aimed at developing the Turkestan region's mining and manufacturing industries in the late XIX – early XX centuries. The sources used were periodical press data and materials that promoted regional industrial projects within the Empire. The research novelty lies in a comprehensive study of the region's industrial challenges, development projects, and historical reconstruction of industrial growth. The results showed that the mining industry faced insufficient deposit exploration, poor geological reserves that made mining uneconomical, and a lack of transport infrastructure. The manufacturing industry remained stagnant due to shortages of skilled workers, remoteness, and technical backwardness. Industries in Turkestan had a middle character, positioned between handicraft and factory production. The study found that only a few enterprises held factory status (e.g., the Chimkent santonine factory, distilleries, and some cotton gins), while most remained handicraft establishments. The main development projects included railway construction, irrigation improvement, cultivation of virgin lands, attraction of foreign capital, cost reduction by replacing manual labor with machines, introduction of a credit system, and protective tariffs on foreign goods.

Keywords: Turkestan region, history of Kazakhs, industry, mining, manufacturing, handicraft, problems, projects.

1. Введение

Под промышленным фронтиром понимаются пограничные территории, на которых в результате реализации политики Российской империи формировались и развивались горнодобывающая и обрабатывающая промышленность. История становления промышленности в Туркестанском крае в контексте анализа преобразовательных проектов и проблем развития остаётся малоизученной. На сегодняшний день отсутствуют исследования, посвящённые данной теме, что определяет её актуальность. Важной составляющей утверждения российской имперской политики на фронтире являлось включение Туркестанского края в единое экономическое пространство империи. Администрация и промышленники края предпринимали комплексные меры по развитию промышленности, реализуя модернизационные проекты и внедряя различные нововведения. Периодическая печать и официальные материалы использовались как инструмент продвижения имперских экономических инициатив в развитии промышленности края. В статье рассматривается эволюция добывающей и обрабатывающей промышленности в Сырдарьинской и Семиреченской областях (в казахстанской части) Туркестанского края.

2. Материалы и методы

2. 1. Материалами для исследования послужили следующие источники:

* Corresponding author

E-mail addresses: migkz@ya.ru (G.N. Ksenzhik)

а) Периодическая печать Туркестанского края, выявленная в редком фонде «Надир» Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои (г. Ташкент): «Туркестанские ведомости» (Ташкент, 1870–1917), «Семиреченские областные ведомости: часть официальная» (Верный, 1896–1917), «Туркестан: торгово-промышленная, политико-общественная и литературная газета» (Ташкент, 1912–1917). Периодическая печать характеризуется приближенностью к событиям времени, что позволяет глубже исследовать проблемы и проекты развития промышленности края.

б) Другие материалы, среди которых: «Материалы для географии и статистики России», «Материалы для статистики», «Обзоры». Кроме того, использовались прикижные карты и фотографии из редкого фонда Национальной библиотеки имени А. Осмонова Кыргызской Республики (г. Бишкек). Эти источники предоставляют ценную информацию о географическом, социальном и экономическом положении региона в рассматриваемый период, что способствует более глубокому пониманию исторической картины развития промышленности.

2.2. В исследовании применялись компаративный, историко-хронологический и статистический методы. Компаративный метод позволяет сравнивать информацию различных корреспондентов периодической печати и других источников по проблемным вопросам, выявлять общие и различающиеся сведения, а также отслеживать развитие соответствующих проектов и инициатив. Историко-хронологический метод способствует изучению эволюции промышленности в Туркестанском крае, позволяя проследить динамику развития горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, а также изменения в экономической ситуации. Статистический метод обеспечивает анализ количественной информации о темпах развития промышленности и позволяет делать соответствующие выводы.

3. Обсуждение

Изучение промышленного фронта Туркестанского края как самостоятельной темы в контексте анализа проблем и проектов развития Российской империи в научной литературе до настоящего времени не проводилось. Тем не менее, отдельные аспекты методологии, историографии и разрозненные факты развития промышленности встречаются в отдельных исследованиях. Так, историк из Узбекистана С.А. Асанова ([Асанова, 2023](#)) исследует историю изучения месторождений полезных ископаемых Туркестанского края. Российские исследователи Г.Н. Шумкин и К.И. Зубков ([Шумкин, Зубков, 2019](#)) рассматривают лесопромышленный фронт и планы его развития в конце XIX века на Урале. Эти работы предоставляют ценную информацию для применения соответствующей методологии и анализа экономических процессов, происходивших в Туркестане. Казахские учёные, такие как Т.А. Тулебаев и соавторы ([Tulebaev et al., 2018](#)), анализируют историографию обрабатывающей промышленности, что позволяет проследить тенденции её развития в дореволюционный период. Наконец, работы Г.Н. Ксенжик и Е.Т. Карин ([Ksenzshik, Karin, 2023](#)) посвящены истории дореволюционного Казахстана на основе визуальных источников, предоставляя методологические подходы к использованию карт, фотографий и других визуальных материалов для изучения динамики социально-экономических процессов. Таким образом, несмотря на недостаточную разработанность темы промышленного фронта применительно к Туркестанскому краю, исследования приведённых авторов позволяют сформировать общее представление о характере экономического развития региона и выделить основные направления его анализа.

4. Результаты

Вскоре после включения Туркестанского края в состав Российской империи были инициированы масштабные мероприятия по освоению местных природных ресурсов. Первоначальной задачей такого освоения являлось обеспечение потребностей военного ведомства. Необходимость в этом была обусловлена, прежде всего, вопросами снабжения топливом войск и Аральской флотилии Российской империи, поскольку регион характеризовался крайне ограниченными лесными ресурсами. Аральская флотилия, в свою очередь, выполняла важные функции в обеспечении армии и в развитии промышленной инфраструктуры края. В 1865 году были начаты поисковые работы по выявлению месторождений каменного угля. В условиях отсутствия топографической съёмки и недостаточной изученности геологического строения территории необходимость оперативного удовлетворения потребностей в топливе ощущалась особенно остро. Результатом проведённых поисков стало открытие в конце 1867 года Татаринской копи, расположенной в районе ключа Ак-Тасты-Булак, впадающего в реку Боралдай Чимкентского уезда ([Бородовский, 1875: 55-59](#)). В 1868 году к устью реки Арыси было доставлено 215 тыс. пудов каменного угля для обеспечения работы паровых судов Аральской флотилии, которая до этого использовала в качестве топлива саксаул. Вдоль течения Сыр-Дарьи действовали 23 саксаульные станции, размещённые на расстоянии около 30 вёрст друг от друга. В периодической печати того времени обращалось внимание на интенсивное уничтожение саксаульных зарослей в результате их систематической заготовки. Опустошение лесных массивов вдоль реки приводило к оголению степных участков, что лишало казахское население традиционных запасов топлива на зимний период. Дополнительной проблемой являлась ненадлежащая охрана складов саксаула: они нередко

подвергались пожарам или разорялись. В отдельных случаях недостаток топлива приводил к вынужденным остановкам пароходов; команды сходили на берег для самостоятельной заготовки необходимого количества топлива (Аральская..., 1874: 2). По этой причине минеральное топливо рассматривалось как более предпочтительное по сравнению с растительным. Однако вследствие ограниченности рынка сбыта и значительных первоначальных затрат на обустройство рудника цена на уголь оставалась высокой. Разработка казённой копи продолжалась до 1874 года, после чего, по представлению заведующего горной частью округа инженера К.В. Гилёва, она была закрыта. В разные периоды на копи ежедневно трудилось от 12 до 50 рабочих. Ещё одна каменноугольная копь находилась в 80 вёрстах от Ташкента и принадлежала почётному гражданину И. И. Первушину. В 1868 году уголь, добытый на этом месторождении, также был направлен для снабжения паровых судов Аральской флотилии. Его стоимость была на 7 копеек ниже, чем уголь с Татариновской копи, однако качество топлива оказалось неудовлетворительным: отмечалось, что «пары парохода падали». В течение последующих четырёх лет было добыто около 4 тыс. пудов угля низкого качества, который использовался преимущественно для хозяйственных нужд. Впоследствии разработка копи была прекращена (Костенко, 1880: 173-175).

Для обеспечения вооружённых сил Российской империи требовался качественный свинец. До 1869 года свинец для войск, размещённых в Туркестанском военном округе, доставлялся из центральных регионов России через Оренбург. Стоимость таких поставок составляла 4 рубля 47 копеек за пуд, без учёта расходов на содержание флотилии. Доставка свинца с Алтайских заводов через город Верный была ещё более затратной вследствие значительных расстояний сухопутной перевозки. Высокая стоимость и регулярные задержки в поставках из внутренних губерний империи побудили обратить внимание на возможности добычи свинца непосредственно в крае. Задолго до установления российского контроля казахи разрабатывали месторождение свинцовой руды в горах Каратау, расположенное примерно в 60 вёрстах от города Туркестана. Однако в 1864 году им была запрещена выплавка свинца, а торговля свинцом объявлена военной контрабандой, в результате чего добыча прекратилась. В 1868 году И.И. Первушин вступил в переговоры с казахскими родами – владельцами рудников – об их уступке. Рудник вместе с участком под строительство завода был приобретён им за 1200 рублей серебром. Одновременно с началом строительства завода Первушин предложил окружному артиллерийскому управлению подряд на поставку свинца в войска Туркестанского военного округа по цене 3 рубля за пуд. Однако деятельность рудника вскоре столкнулась с рядом существенных затруднений. Во-первых, владельцу не доставало опыта организации горных работ в условиях сложного горного рельефа. Во-вторых, маршрут к руднику проходил по гужевым дорогам через ущелья и горные перевалы, что значительно усложняло и замедляло транспортировку руды. Кроме того, месторождение испытывало недостаток водных ресурсов, вследствие чего завод был вынужден размещаться на расстоянии четырёх вёрст от рудника, что дополнительно увеличивало издержки и снижало эффективность производства. Для функционирования завода требовались также строевой лес и каменный уголь, использовавшийся для выплавки свинца и обжига руды. Эти проблемы были решены: лес был обнаружен в окрестных горах, а в 40 вёрстах к востоку от завода были выявлены залежи каменного угля, доставлявшегося казахскими подводами по цене около 6 копеек за пуд. Дополнительные расходы потребовались на заготовку и обработку леса для строительных нужд. В результате завод смог приступить к работе лишь в 1869 году. Острой оставалась проблема нехватки квалифицированной рабочей силы. В связи с этим Первушин организовал набор рабочих в Ташкенте среди уволенных в бессрочный отпуск солдат местных гарнизонов. Каждый рабочий получал 15 рублей серебром в месяц и ежедневное продовольственное пособие в размере 30 копеек. Несмотря на относительно выгодные условия, квалифицированные рабочие неохотно соглашались на службу. Для владельца завода было экономически целесообразнее привлекать казахских рабочих, однако они отказывались от ряда работ, связанных с повышенной опасностью, таких как пороховые работы в рудниках или разработка каменных копей. Казахские рабочие выполняли преимущественно ручную промывку руды и выплавку свинца. Производство велось по традиционной казахской технологии, предположительно восходящей к китайским образцам. Выплавленный таким способом свинец отличался низким качеством и сопровождался значительными потерями металла. Понимая, что завод не сможет выплавить необходимое количество свинца в срок, предусмотренный подрядом, Первушин обратился за помощью к казахским родам, ранее занимавшимся его производством. Около двадцати мастеров приступили к работе на условиях поставки свинца по цене два рубля за пуд. За два месяца им удалось выплавить лишь 90 пудов свинца. В итоге завод поставил только 370 пудов свинца, тогда как по контракту Первушин обязался поставить 3 тыс. пудов войскам Туркестанского военного округа. Согласно условиям договора, за невыполнение подряда полагалась неустойка в размере 20 % от стоимости недопоставленного количества. Основная ошибка Первушина заключалась в том, что, приобретая рудники и заключая обязательства с военным ведомством, он не располагал необходимыми знаниями и опытом в области горного производства. Несмотря на то, что создание завода потребовало около 9 тыс. рублей, производство оказалось нерентабельным и было прекращено (О разработках..., 1870: 4). В своём выступлении на открытом заседании Средне-

Азиатского общества в 1872 году горный инженер А.С. Татаринов дал критическую оценку деятельности Туркестанского свинцового завода. Он отмечал: «Свинцовый завод близ Туркестана представлял собой странную смесь почти тех же способов, какие применялись туземцами, с широкими денежными затратами. Производство при этом не возникло, а промышленник истратил средств более того, что тратили туземцы». В публикациях периодической печати начала 1870-х годов обращалось внимание на проблему определения дальнейших перспектив свинцового производства в Туркестанском крае. Корреспонденты отмечали, что среди промышленников возник вопрос о том, существует ли в регионе потребность в свинце помимо обеспечения войск. Горнопромышленники, анализируя возможный рынок сбыта, выразили позицию, что при условии развития местной промышленности в надлежащих масштабах добываемый свинец сможет занять в ней значимое место (Чтение..., 1872: 2).

Добыча золота в Туркестанском крае также сопровождалась значительными неудачами, аналогичными ранее отмеченным проблемам развития горнодобывающей промышленности региона. Первые систематические попытки золотодобычи в Семиречье относятся к началу 1860-х годов и связаны с деятельностью В. И. Кузнецова. Поиски золота он начал в бассейне озера Алакуль, по рекам Архайгы и Тентек, где в Сергиопольском уезде были обнаружены следы старых китайских приисков. В 1871 году Кузнецовым было промыто 52,5 тыс. пудов песка, из которых получено лишь немного более одного фунта золота. За Кузнецовым последовали многие частные предприниматели, надеясь на открытие рентабельных месторождений. Среди них были и крупные промышленники – Д.Е. Бенардаки, И.И. Первущин, С.Ф. Соловьёв и Н.И. Степанов (из Семипалатинска), направившие в регион собственные поисковые партии. Однако вследствие отсутствия значимых результатов предприниматели вскоре прекратили свои работы. Поиски затем сместились в бассейн реки Или и её притоков, где действовали партии Вали-Ахуна Юлдашева – таранчи из Кульджи, купца первой гильдии, проживавшего в Верном. Содержание золота, выявляемое в ходе промывки, варьировалось от 4 до 10 долей золотника на 100 пудов песка, что делало разработки экономически нерентабельными.

В 1882 году иркутский купец Г. Малых поселился в Джаркенте Семиреченской области и был записан в состав верненских купцов. Ему принадлежал прииск, расположенный у хребта Кетмень, в отрогах Заилийского Алатау. Для проведения геологоразведочных работ он пригласил опытного специалиста из Сибири – М.И. Кантора. После серии неудач Малых вернулся в Сибирь, передав прииск Кантору. Последний, испытывая недостаток средств для продолжения поисков, продал прииск Вали-Ахуну Юлдашеву. С 1 июня по 7 октября 1890 года на данном прииске было добыто 2 фунта 18 золотников и 32 доли золота. Этот результат считался достаточно обнадеживающим, чтобы продолжить работы. К разработке региона присоединились и другие поисковые партии: Пугасова и Москвина из Семипалатинска, Сапожникова, а также Бекчурова из Томска, поселившегося в станице Большой Алматинской. Однако последующая деятельность на приисках не оправдала ожиданий, и существенных промышленных результатов достигнуто не было (О золотопромышленности..., 1891: 3).

В начале XX века по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора при Управлении земледелия проводились съезды горнопромышленников с участием представителей администрации, горного надзора и управления казёнными землями, посвящённые обсуждению мер по развитию горной промышленности в крае. Однако данные мероприятия не привели к сколько-нибудь ощутимому результату.

Кустарные промыслы в Туркестанском крае были достаточно распространены, что объяснялось как относительной изолированностью региона, так и недостаточным развитием обрабатывающей промышленности. Тем не менее, уже в начале XX века в ряде кустарных отраслей наблюдались признаки застоя и упадка. Это было обусловлено, с одной стороны, появлением в крае фабричных товаров, поступавших из Европейской части Российской империи, а с другой – перераспределением рабочей силы в пользу производства сельскохозяйственной продукции, более востребованной для формирования внутреннего рынка региона. По данным периодической печати, поддержка и развитие кустарных промыслов имели особое значение для Туркестанского края, поскольку они обеспечивали заметную долю регионального производства и выпускали продукцию, востребованную не только в пределах империи, но и за её пределами. В крае был предложен проект мер по поддержке кустарей. Основные направления реализации проекта предполагали: объединение представителей однородных кустарных производств в кооперативы для организации сбыта продукции на более выгодных условиях, без участия посредников; предоставление таким кооперативным обществам кредитов из земских средств и через Государственный банк (Виг, 1910: 1).

Обрабатывающая промышленность в казахстанской части Туркестанского края, обладавшая фабрично-заводским характером, была представлена ограниченным числом предприятий. К наиболее значительным относились, в частности, сантонинный завод в Чимкенте и винокуренные производства. В то же время большинство хлопкоочистительных, кожевенных, табачных, суконных, мельничных, кирпичных, кишечно-моющих, конфетных, свечных, гончарных и известковых заведений по своим характеристикам следует отнести к мастерским кустарного типа. Сантонинный завод в Чимкенте занимал особое положение, поскольку являлся единственным предприятием

подобного профиля во всей Российской империи. Издавна местное население – преимущественно чимкентские казахи – занималось сбором цитварного семени, известного под названием дармена (полынь *Artemisia contra*). Заготовка сырья осуществлялась в полосе, пролежавшей параллельно хребту Каратау и реке Арысь. Цветочные корзинки дармены содержали эфирное масло (*Oleum cinae*), обладавшее выраженными антигельминтными свойствами и служившее сырьём для получения сантонина. Сбор растения осуществлялся в природных условиях, без предварительного культивирования, после чего сырьё продавалось перекупщикам (Старицын, 1883: 2). В 1883 году чимкентские купцы Н. И. Иванов и Савицкий инициировали строительство химического сантонинового завода, стоимость которого составила 500 тыс. рублей. Оборудование было заказано в Альтоне (близ Гамбурга) и доставлено весной 1884 года (О ходе..., 1885: 1). Поставки произведённого сантонина осуществлялись на Гамбургский рынок. Первоначально деятельность предприятия велась достаточно успешно, однако значительные объёмы экспорта привели к перенасыщению рынка сантонином. Вследствие этого цены снизились с 15 рублей до 1 рубля 60 копеек за фунт, и производство оказалось экономически нецелесообразным. Завод был вынужден приостановить работу до того момента, когда рынок сможет поглотить избыточные партии продукта. Производственная мощность предприятия составляла около 2 тыс. пудов чистого сантонина в год, что фактически соответствовало мировому спросу. В 1888 году выпуск был ограничен 700 пудами; из-за опасений дальнейшего снижения цен поставки в Гамбург были прекращены, и на рынок поступило лишь 457 пудов. В течение четырёх лет (1885–1888) завод произвёл свыше 3600 пудов сантонина, однако в 1888 году вновь приостановил деятельность. Предприниматели не успели возместить расходы, понесённые на организацию производства, поскольку технология была затратной, а себестоимость – высокой. Трудности функционирования завода объяснялись не только перепроизводством. Существенное влияние оказывала зависимость стоимости сырья от колебаний спроса. Закупка дармены находилась в руках посредников, деятельность которых не учитывала интересы местного населения. Кроме того, площадь естественных зарослей растения сокращалась, поскольку сбор часто осуществлялся с вырыванием корней, что ухудшало воспроизводимость сырьевой базы. В 1893 году был предложен проект преобразования сантонинного завода в сахароваренный. Предполагалось внедрение свекловицы как новой культуры, способной обеспечить промышленную выгоду и занять устойчивое место в местных аграрных системах. Однако процесс реорганизации, начатый на простаивающем предприятии, был вскоре прекращён. Для полноценного функционирования сахароваренного производства требовались значительные посевные площади под свекловицу, однако владельцы завода не имели возможности приобрести или арендовать подходящие земельные участки. В непосредственной близости к заводу свободных земель не оказалось. В 1906 году сантонинный завод, принадлежавший И. Н. Савенкову, А. С. Никитину и Пфаффу, был вновь введён в эксплуатацию, в том числе благодаря наличию значительных запасов дармены, накопившихся за предшествующий период (Пуск..., 1906: 4).

Избыточное производство пшеницы в Туркестанском крае способствовало развитию винокуренной промышленности. В 1874 году винокуренные заводы были основаны в Алматинской станице, вблизи города Верного, а также в 5 вёрстах от Лепсинска сибирским купцом П.И. Кузнецовым. Предприятия обеспечивали Семиреченскую область вином, а излишки продукции поставлялись в Сырдарьинскую область. Местные земледельцы охотно сбывали пшеницу на заводы, что способствовало развитию винокуренной промышленности в регионе. В то же время поставка хлеба в казну Российской империи осуществлялась менее активно. Основной причиной являлось то, что на заводах имелись мельницы, позволяющие перерабатывать пшеницу непосредственно с поля и получать денежное вознаграждение сразу. В отличие от этого, в провиант для казны зерно принималось только в определённые сроки и исключительно в обработанном виде – мукой или крупой. Кроме того, поставки в казну сопровождалась различными бюрократическими формальностями, что снижало мотивацию земледельцев к участию в этих операциях (Ежегодник, 1874: 165-167). В 1883–1884 годах Н. И. Иванов основал несколько винокуренных заводов: Тургенский (60 вёрст от Верного), Аулие-Атинский (затраты – 120 тыс. рублей), Казалинский (50 тыс. рублей) и Перовский (30 тыс. рублей). В хлебно-винокуренном производстве, организованном Ивановым в Аулие-Ате, были внедрены технологические новшества: установлен непрерывно действующий одноколонный аппарат системы Воотти и Конова, произведённый на московском заводе Дангауера и Кайзера. На Тургенском заводе использовался непрерывно действующий аппарат бельгийской системы, тогда как на остальных предприятиях применялись аппараты Писториуса и Фишера. Пивоваренные производства Н. И. Иванова располагались в Верном, Казалинске, Перовске, Копале и Джаркенте. В городе Верном действовали три водочных предприятия, специализировавшиеся исключительно на очистке спирта. На осенней выставке плодов, овощей и промышленных растений, проведённой 14–15 сентября 1885 года в Ташкенте, были представлены вина Н. И. Иванова и двенадцать сортов винограда, культивируемых в его садах. Среди новых сортов фигурировали Саперави и мускат (белый, чёрный и розовый), завезённые Ивановым из Крыма. Посетители выставки могли ознакомиться с технологическими нововведениями, внедрёнными Ивановым при производстве вин, включая пресс для выжимки виноградного сока,

мельницу для дробления ягод и нагревательный аппарат для вин. Продукция винокуренных предприятий распространялась по городам Туркестанского края и экспортировалась в Китай из Семиречья (Маев, 1885: 3). С целью увеличения объёмов сбыта своей продукции Н. И. Иванов активно использовал средства периодической печати для информирования потребителей о своих винах. В объявлениях подчёркивалось разнообразие сортов и вкусов продукции, отмечалась популярность местных вин среди населения города Верного, а также указывалось, что вина предприятия пользуются спросом в домах Ташкента, а также в клубах и ресторанах. В публикациях делался акцент на сопоставлении местной продукции с привозными винами, отмечалось её преимущество по качеству и стоимости. Информация о высоком уровне отделки вин и доступных ценах была направлена на привлечение внимания покупателей и повышение объёмов сбыта (Реклама..., 1908: 5).

Наибольшее значение в Туркестанском крае приобретали отрасли обрабатывающей промышленности, связанные с земледелием. В 1910 году в газете «Туркестанские ведомости» обсуждались два альтернативных проекта приоритетного развития региона: промышленности или земледелия. Инициатор одного из проектов, С. Ломов, отмечал, что переход к новой сфере деятельности возможен лишь в том случае, если она соответствует природно-экономическим условиям местности и обеспечивает получение прибыли. Газета подчёркивала, что для успешного развития промышленности необходимо наличие постоянного и надёжного спроса: население края, по мнению автора, во многом ограничено в покупательной способности и часто удовлетворяется продукцией собственного домашнего производства. В этой связи С. Ломов предлагал сначала развивать земледелие, а затем переходить к созданию фабрик и заводов. В качестве аргумента он приводил экспортный потенциал сельскохозяйственной продукции: хлеб всегда найдёт сбыт за границей, тогда как товары отсталой промышленности края реализовать будет сложно. До тех пор, пока крестьяне не располагают достаточными средствами для покупки промышленной продукции, рассчитывать на них как на потребителей было нельзя (Ломов, 1910: 1). Против проекта, предусматривающего приоритетное развитие земледелия перед промышленностью, выступили сторонники альтернативной стратегии, в том числе корреспондент Головин Г. Он критиковал идею разделения этих отраслей и подчёркивал их взаимосвязь. По его мнению, земледелие может быть выгодным и рациональным лишь при использовании заводской продукции и внедрении современных технологических новшеств. В качестве примера Головин приводил необходимость повышения производительности почв с помощью органических или минеральных удобрений, а также применения сельскохозяйственных орудий и машин. Основная польза промышленности для сельского хозяйства, по его мнению, заключалась в создании финансовых средств от переработки и реализации продукции с полей: хлеб и картофель – на винокуренные заводы, солод – на пивоваренные, шерсть – на суконные предприятия, хлопок – на бумагопрядильные, кожу – на кожевенные производства. Автор отмечал необходимость минимизировать вывоз пшеницы и других сельскохозяйственных продуктов за границу в сыром виде, предлагая перерабатывать их в крае в более ценные изделия. Он критиковал утверждения о том, что у местного населения нет покупательной способности, указывая, что благосостояние крестьянства будет увеличиваться по мере налаживания переработки сельскохозяйственной продукции в высокодоходные товары. Особое внимание в проекте уделялось организации единого Министерства сельского хозяйства. Головин полагал, что разумнее сосредоточить функции промышленности в рамках Министерства земледелия, преобразовав его в Министерство сельского хозяйства, что позволило бы комплексно управлять развитием отраслей региона (Головин, 1910: 1).

Для Туркестанского края ключевым направлением сельскохозяйственного развития было хлопководство. К 1910 году регион являлся главным поставщиком хлопка внутри Российской империи, обеспечивая более 86 % всего его объёма. В том же году в Чимкентском уезде посевная площадь под хлопком составляла около 1100 десятин, при этом урожайность с десятины, при использовании американских семян, достигала примерно 50 пудов. Для сравнения, в Ферганской области урожайность колебалась в пределах 150–200 пудов с десятины. Несмотря на относительную северную границу зоны возделывания хлопка, темпы работы хлопкоочистительных предприятий в Чимкентском уезде продолжали увеличиваться, что свидетельствовало о росте производственных мощностей отрасли (Промышленность..., 1910: 3). В 1911 году абсолютный урожай хлопка-сырца в Чимкентском уезде составил более 128 тыс. пудов. Хлопководство способствовало формированию достаточно развитой заводской промышленности в виде хлопкоочистительных предприятий. В том же году в уезде функционировало восемь таких предприятий, однако по способу обработки они всё ещё оставались ближе к кустарным методам производства. Становление хлопководства в Туркестанском крае происходило быстрее, чем развитие других отраслей местного производства. Это объяснялось повышенным интересом фабрикантов и их финансовой поддержкой отрасли. Выращивание хлопчатника отличалось высокой себестоимостью. Для увеличения посевных площадей и объёмов сбора хлопка производителям оказывалась экономическая поддержка: крупные фирмы предоставляли ссуды до начала сезона, что позволяло закупать инвентарь, семена и оплачивать наём рабочей силы. Кроме того, стимулирование отрасли осуществлялось через высокие

пошлины на импортируемый хлопок и льготное налогообложение поземельным налогом полей, занятых под хлопчатник ([Обзор..., 1913: 50](#)).

На [Рисунке 1](#) представлен хлопкоочистительный завод: справа видны мешки и кучи с неочищенным хлопком, слева – хлопок, очищенный от семян, подготовленный к отправке и уложенный в кипы около конторы и в глубине двора. Снимок выполнен поздней осенью. Фотография позволяет не только зафиксировать технологию очистки хлопка, но и проследить организацию производственного пространства, что даёт представление о масштабах переработки и хозяйственной активности предприятия.

Рис. 1. Хлопкоочистительный завод. Приёмка (скупка) хлопка в Туркестанском крае. Фото. Автор М.В. Лавров. 1916 ([Хлопкоочистительный..., 1916: 53](#))

Промышленное производство табака в Туркестанском крае сосредоточивалось преимущественно в Верненском уезде. Табачные фабрики и плантации располагались вблизи города Верного на общей площади 38 десятин и принадлежали наследникам купца А. С. Гаврилова, а также мещанам Иллариону и Парфирию Романенковым. Простые сорта табака культивировались также на плантациях в Копальском и Джаркентском уездах. По данным на 1915 год, в Верненском уезде функционировало три табачные фабрики, на которых работало 112 человек; общий объём производства составил 168 464 рубля ([Васильев, 1915: 178](#)). Продукция фабрик реализовывалась на внутреннем рынке края и экспортировалась в Китай. Стоимость табачных изделий, вывезенных из Верного в Китай в 1915 году, составляла около 8 % от общей стоимости произведённой продукции. Для сравнения, через Джаркентскую таможню в 1905 году было отправлено 435 пудов табачных изделий, что вдвое меньше объёмов экспорта 1913 года ([Заорская, Александер, 1915: 440-441](#)).

Проблема развития обрабатывающей промышленности в Туркестанском крае была рассмотрена на Особом межведомственном совещании в Петербурге в 1910 году под председательством Главноуправляющего землеустройством и земледелием, сенатора Б. Е. Иваницкого. Участники совещания полагали, что новая стадия промышленного развития региона начнётся с реализации проекта о предоставлении частным предпринимателям свободных казённых земель в Туркестане для орошения и эксплуатации. Согласно проекту, земли предназначались для проведения оросительных работ и последующей эксплуатации как российским подданным, имеющим право на приобретение, так и иностранным подданным, а также товариществам и акционерным обществам, включая компании с участием иностранных граждан. Одновременно администрация Туркестанского края акцентировала внимание на укреплении покровительственной системы. Частным промышленникам рекомендовалось следовать указаниям властей, ограничивать работу с иностранными заказами и сотрудничать с местными фабрикантами ([Новая..., 1910: 2](#)).

С 1914 года промышленность Туркестанского края испытывала острую нехватку рабочей силы, что побудило к разработке проекта использования труда военнопленных. Однако, как отмечали

промышленники, эта инициатива была отклонена из-за бюрократических сложностей, связанных с оформлением и распределением военнопленных для работ. Дополнительно ситуацию осложняли государственные гарантии, сопутствовавшие использованию труда военнопленных в Российской империи: при любой травме или увечье финансовая ответственность ложилась на владельцев промышленных предприятий. В этот период одной из ключевых проблем промышленности края оставался дефицит материалов, включая крепёжный лес, порох, карбид и другие необходимые ресурсы. Их поставку из Европейской части России обеспечивала местная администрация, без поддержки которой получение как транспортных средств, так и самих материалов, вывозимых из районов, близких к зонам боевых действий, было невозможно (*Из жизни...*, 1917: 4).

Несмотря на экономические трудности в Российской империи, в 1916 году на страницах газеты «Туркестанский вестник» начал продвигаться проект модернизации промышленности Туркестанского края. В проекте анализировались существующие проблемы, обозначались задачи по устранению недостатков и определялись пути развития промышленного сектора. Отмечалось, что к началу XX века горнодобывающая промышленность края не получила развития в связи с отсутствием дешёвого и быстрого сообщения с промышленными центрами империи, нехваткой значительных капиталов и недостатком научных геологических исследований. В результате регион не располагал собственными запасами чугуна, железа и других металлов. Авторы проекта указывали, что в крае отсутствовали предприятия по изготовлению оборудования, машин и ремонту техники, необходимые для функционирования всей промышленности. Среди ключевых задач ставилось развитие обрабатывающей промышленности на основе добычи собственного железа. Подчёркивалось, что отсутствие местных железорудных ресурсов ограничивало промышленность края количественным ростом, не способствуя её качественному развитию. Также отмечалась неконкурентоспособность края по сравнению с промышленностью Европейской части Российской империи: большинство изделий, которые потенциально могли производиться в регионе, выпускалось в Центральной России. Обрабатывающая промышленность испытывала острый дефицит квалифицированных рабочих, что обосновывало необходимость перехода к машинной обработке для снижения себестоимости и увеличения производства. При этом фиксировалось, что внедрение машинного оборудования уже начато, однако процесс тормозился из-за высокой стоимости техники и затрат на её ремонт. Кроме того, предприятия края были мелкотоварными, что затрудняло масштабное внедрение машинного производства. Отставание горнодобывающей промышленности имело объективные причины. Железородная отрасль не могла развиваться из-за отсутствия спекающего в кокс каменного угля. Авторы проекта отмечали, что при обнаружении подходящего угля регион получит возможность обеспечивать себя необходимым железом (*Е-веч*, 1916:1).

В 1915 году объём обрабатывающей промышленности в Семиреченской области оставался крайне малым по сравнению с сельскохозяйственным производством, в частности выращиванием зерновых культур, и составлял лишь 5 % от его стоимости. Наибольшие показатели наблюдались в отраслях промышленности, непосредственно связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, тогда как предприятия по переработке скотоводческой продукции показывали сравнительно низкую эффективность. Производительность труда в промышленности Семиреченской области была ниже, чем в Европейской части Российской империи, за исключением винокуренного и водочного производства. Состав рабочей силы промышленных предприятий региона распределялся следующим образом: мужчины – 60,8 %, женщины – 29,7 %, подростки – 9,5 %. По сравнению с Европейской частью Российской империи доля женщин и подростков на промышленных предприятиях была значительно выше (в Европейской части – 26,3 % и 2,1 % соответственно). Среднегодовой заработок мужчин на предприятиях Семиреченской области составлял 134,3 рубля, что в 2,5 раза ниже среднего показателя по европейской части империи (*Васильев*, 1915: 182-188).

На рисунке 2 представлена «Промышленно-культурная карта с обозначением фабрик, заводов и месторождений ископаемых», отражающая территорию Туркестанского края в 1913 году. На карте указаны гидрографические объекты региона и административно-территориальное деление: Семиреченская, Сырдарьинская, Закаспийская, Самаркандская, Ферганская области и Амударьинский отдел. Отмечены крупные города: Ташкент, Верный, Чимкент, Туркестан, Копал, Джаркент, Аулие-Ата и другие, а также железные дороги – Среднеазиатская и Оренбург–Ташкентская. Условными обозначениями обозначены предприятия различных отраслей: сантонинные заводы, винодельни, водочные и пивоваренные производства, табачные фабрики, паровые мельницы, хлопкоочистительные заводы и другие. Цифры возле условных обозначений указывают количество производств. Кроме того, карта фиксирует месторождения полезных ископаемых: каменный уголь, медь, серебро, свинцовые руды, железо, никель, кобальт, золото, огнеупорная глина, самосадная и каменная соль и другие. Таким образом, карта представляет собой промышленно-экономический обзор Туркестанского края накануне Первой мировой войны. Она отражает административные границы, сеть городов и основные транспортные линии, подчёркивая значение инфраструктуры для хозяйственной интеграции региона. Условные обозначения демонстрируют виды и количество производств, а также распределение месторождений полезных ископаемых, свидетельствуя о значительном сырьевом потенциале края. Карта является ценным

источником по исторической географии Туркестанского края начала XX века и позволяет оценить уровень и пространственное распределение промышленного развития.

Рис. 2. Промыленно-культурная карта с обозначением фабрик, заводов, ископаемых. 1913. Составил С.И. Гулишамбаров ([Промыленно..., 1913: прил.](#))

5. Заключение

Администрация и промышленники Российской империи активно способствовали развитию промышленных производств в Туркестанском крае. Однако процесс формирования промышленного фронта региона был затруднён существующими экономическими и организационными проблемами, что придавало ему затяжной характер. Проблемы горнодобывающей промышленности были обусловлены экономической нецелесообразностью освоения ряда рудных месторождений, ограниченностью рынка сбыта, недостаточной вовлечённостью крупного капитала из-за высокой капиталоемкости отрасли, а также отсутствием законодательной базы, регулирующей право частной собственности на недра, несмотря на существование проекта соответствующего закона, разработанного ещё в конце XIX века. В обрабатывающей промышленности продукция отличалась низким качеством и не могла конкурировать с аналогичными товарами из Европейской части Российской империи. Отдалённое географическое положение края значительно усложняло и удорожало поставку запасных частей для ремонта оборудования, закупаемого в Европе и центральных регионах империи. Тем не менее, благодаря поддержке администрации и частных промышленников в начале XX века, Туркестанский край стал одним из ключевых поставщиков сырья для фабрик Европейской части России, оставаясь одновременно значительным.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации проекта ИРН № АР23485574 «Фронт» как пространственное явление в истории Казахстана XVIII – начало XX вв. (по визуальным и письменным источникам)». Статья выполнена при финансировании Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

[Аральская..., 1874](#) – Аральская флотилия // *Туркестанские ведомости*. 1874. № 40. С. 2.

- [Асанова, 2023](#) – Асанова С.А. Полезные ископаемые Туркестанского края на службе Империи: идеи и практика конца XIX в. // *Вестник МГПУ «Исторические науки»*. 2023. № 3 (51). С. 38-48.
- [Бородовский, 1875](#) – Бородовский М.И. Технические производства в Туркестанском крае. СПб., 1875. 99 с.
- [Васильев, 1915](#) – Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Проект орошения долины реки Чу в Семиречье. Пг., 1915. 266 с.
- [Виг, 1910](#) – Виг. Кооперативы кустарей // *Туркестанские ведомости*. 1910. № 54. С. 1.
- [Головин, 1910](#) – Головин Г. Промышленность и земледелие // *Туркестанские ведомости*. 1910. № 85. С. 1.
- [Е-веч, 1916](#) – Е-веч. Очередные задачи в Туркестане // *Туркестанские ведомости*. 1916. № 203. С. 1.
- [Ежегодник, 1874](#) – Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края/ Под редакцией Н.А. Маева. Вып. 3. СПб., 1874. 452 с.
- [Заорская, 1915](#) – Заорская В.В., Александр К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. 558 с.
- [Из жизни..., 1917](#) – Из жизни Туркестанского края в 1916 г. // *Туркестан: торгово-промышленная, политико-общественная и литературная газета*. 1917. №1. С. 4.
- [Костенко, 1880](#) – Костенко Л.Ф. Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа: материалы географии и статистики России. СПб., 1880. Т. 1. 488 с.
- [Ломов, 1910](#) – Ломов С. Промышленность и земледелие // *Туркестанские ведомости*. 1910. №73. С. 1.
- [Маев, 1885](#) – Маев Н.А. Выставка плодов и овощей в Ташкенте // *Туркестанские ведомости*. 1885. № 38. С. 3.
- [Новая..., 1910](#) – Новая эра в жизни Туркестанского края // *Туркестанские ведомости*. 1910. № 227. С. 2.
- [Обзор..., 1913](#) – Обзор Сыр-Дарьинской области за 1911 г. Ташкент, 1913. 116 с.
- [О золотопромышленности..., 1891](#) – О золотопромышленности в Семиречье // *Туркестанские ведомости*. 1891. № 33. С. 3.
- [О разработках..., 1870](#) – О разработках свинцовых руд в горах Каратау // *Туркестанские ведомости*. 1870. № 4. С. 4.
- [О ходе..., 1885](#) – О ходе и положении акцизного дела в период 1883–1884 г. // *Туркестанские ведомости*. 1885. № 10. С.1.
- [Промышленно..., 1913](#) – Промышленно-культурная карта с обозначением фабрик, заводов, ископаемых // *Гулишамбаров С.И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой: (Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, а также Бухарское и Хивинское ханства)*. Ч. 3. Асхабад, 1913. 184 с. Прил.
- [Промышленность..., 1910](#) – Промышленность в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях // *Туркестанские ведомости*. 1910. № 147. С. 3.
- [Пуск..., 1906](#) – Пуск сантонинного завода // *Туркестанские ведомости*. 1906. № 31. С. 4.
- [Реклама..., 1908](#) – Реклама виноградного вина Верненского купца Н.И. Иванова // *Семиреченские областные ведомости*. Часть официальная. 1908. № 103. С. 5.
- [Старицын, 1883](#) – Старицын Н. Фабричная и заводская промышленность в 1882 г. Материалы к промышленной статистике Туркестанского края // *Туркестанские ведомости*. 1883. № 34. С. 2.
- [Хлопкоочистительный..., 1916](#) – Хлопкоочистительный завод. Приемка (скупка) хлопка в Туркестанском крае // *Лавров М.В. Туркестан. География и история края*. Издание 2. М.-Пг., 1916. 200 с.
- [Чтение..., 1872](#) – Чтение А.С. Татаринова в открытом заседании средне-азиатского обществ. О современном положении горнозаводского промысла в Туркестанском крае // *Туркестанские ведомости*. 1872. № 10. С. 2.
- [Шумкин, Зубков, 2019](#) – Шумкин Г.Н., Зубков К.И. Лесопромышленный «фронт» горнозаводского Урала: планы развития древесноугольной металлургии региона в конце XIX – начале XX вв. // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 11. С. 158-168.
- [Ksenzhik, Karin, 2023](#) – Ksenzhik G.N, Karin E.T. Book Maps of Russian Authors of the XIX – early XX centuries as a Source on the Visual History of Kazakhstan: Catalog // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 216-229.
- [Tulebaev et al., 2018](#) – Tulebaev T.A., Nogaibaeva M.S., Sailan B., Abykenova K.E. The Manufacturing Industry of Turkestan in the Pre-Revolutionary period: the Historiographical Aspect // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 216-229.

References

- [Aral'skaya..., 1874](#) – Aral'skaya flotiliya [The Aral flotilla]. *Turkestanskije vedomosti*. 40: 2. [in Russian]

- [Asanova, 2023](#) – Asanova, S.A. (2023). Poleznye iskopaemye turkestanskogo kraja na sluzhbe Imperii: idei i praktika kontsa XIX v. [Minerals of the Turkestan region in the service of the Empire: ideas and practice of the late XIXth century]. *Vestnik MGPU «Istoricheskie nauki»*. 3(51): 38-48 [in Russian]
- [Borodovskii, 1875](#) – Borodovskii, M.I. (1875). Tekhnicheskie proizvodstva v Turkestanskom krae [Technical production facilities in the Turkestan region]. Petersburg. 99 p. [in Russian]
- [Chtenie..., 1872](#) – Chtenie A.S. Tatarinova v otkrytom zasedanii sredne - aziatskogo obshchestv. O sovremennom polozhenii gornozavodskogo promysla v Turkestanskom krae [A.S. Tatarinov's reading at an open meeting of the Central Asian Societies. About the current situation of the mining industry in the Turkestan region]. *Turkestanskije vedomosti*. 10: 2. [in Russian]
- [E-vech, 1916](#) – Ocherednye zadachi v Turkestane [Current tasks in Turkestan]. *Turkestanskije vedomosti*. 203: 1. [in Russian]
- [Ezhegodnik, 1874](#) – Ezhegodnik. Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja. Pod redaktsiei N.A. Maeva [The yearbook. Materials for statistics of the Turkestan region. Edited by N.A. Maev]. Petersburg. 452 p. [in Russian]
- [Golovin, 1910](#) – Golovin, G. (1910). Promyshlennost' i zemledelie [Industry and agriculture]. *Turkestanskije vedomosti*. 85: 1. [in Russian]
- [Iz zhizni..., 1917](#) – Iz zhizni Turkestanskogo kraja v 1916 g. [From the life of the Turkestan region in 1916]. *Turkestan: torgovo-promyshlennaya, politiko-obshchestvennaya i literaturnaya gazeta*. 1: 4. [in Russian]
- [Khlopkoochistitel'nyi..., 1916](#) – Khlopkoochistitel'nyi zavod. Priemka (skupka) khlopka v Turkestanskom krae [Cotton gin factory. Cotton acceptance (purchase) in Turkestan region]. Lavrov M.V. Turkestan. Geografiya i istoriya kraja. M.-Petrograd. 200 p. [in Russian]
- [Kostenko, 1880](#) – Kostenko, L.F. (1880). Turkestanskii kraj: opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga: materialy geografii i statistiki Rossii [Turkestan region: the experience of the military statistical review of the Turkestan Military District: materials of geography and statistics of Russia]. Saint Petersburg. 448 p. [in Russian]
- [Ksenzhik, Karin, 2023](#) – Ksenzhik, G.N., Karin, E.T. (2023). Book Maps of Russian Authors of the XIX – early XX centuries as a Source on the Visual History of Kazakhstan: Catalog. *Bylye Gody*. 18(1): 216-229.
- [Lomov, 1910](#) – Lomov, S. (1910). Promyshlennost' i zemledelie [Industry and agriculture]. *Turkestanskije vedomosti*. 73: 1. [in Russian]
- [Maev, 1885](#) – Maev, N.A. (1885). Vystavka plodov i ovoshchei v Tashkente [Exhibition of fruits and vegetables in Tashkent]. *Turkestanskije vedomosti*. 38: 3. [in Russian]
- [Novaya..., 1910](#) – Novaya era v zhizni Turkestanskogo kraja [A new era in the life of the Turkestan region]. *Turkestanskije vedomosti*. 227: 2. [in Russian]
- [O khode..., 1885](#) – O khode i polozhenii aktsiznogo dela v period 1883–1884 g. [On the progress and situation of the excise business in the period 1883–1884]. *Turkestanskije vedomosti*. 10: 1. [in Russian]
- [O razrabotkakh..., 1870](#) – O razrabotkakh svintsovykh rud v gorakh Karatau [About the mining of lead ores in the Karatau mountains]. *Turkestanskije vedomosti*. 4: 4. [in Russian]
- [O zolotopromyshlennosti..., 1891](#) – O zolotopromyshlennosti v Semirech'e [About the gold industry in Semirechye]. *Turkestanskije vedomosti*. 33: 3. [in Russian]
- [Obzor..., 1913](#) – Obzor Syr-Dar'inskoi oblasti za 1911 g. [Overview of the Syr-Darya region in 1911]. Tashkent. 116 p. [in Russian]
- [Promyshlenno..., 1913](#) – Promyshlenno-kul'turnaya karta s oboznacheniem fabrik, zavodov, iskopaemykh [Industrial and cultural map with the designation of factories, plants, minerals]. Gulishambarov S.I. Ekonomicheskii obzor Turkestanskogo raiona, obsluzhivaemogo Sredne-Aziatskoi zheleznoi dorogoi: (Zakaspiiskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya, Syr-Dar'inskaya i Semirechenskaya oblasti, a takzhe Bukharskoe i Khivinskoe khanstva). Ashgabat. 184 p. [in Russian]
- [Promyshlennost'..., 1910](#) – Promyshlennost' v Semirechenskoi i Syr-Dar'inskoi oblastyakh [Industry in Semirechensk and Syrdarya regions]. *Turkestanskije vedomosti*. 147: 3. [in Russian]
- [Pusk..., 1906](#) – Pusk santoninnogo zavoda [Launch of the santonin plant]. *Turkestanskije vedomosti*. 31: 4. [in Russian]
- [Reklama..., 1908](#) – Reklama vinogradnogo vina Vernenskogo kuptsa N.I. Ivanova [Advertisement of grape wine by Vernensky merchant N.I. Ivanov]. *Semirechenskije oblastnye vedomosti. Chast' ofitsial'naya*. 103: 5. [in Russian]
- [Shumkin, Zubkov, 2019](#) – Shumkin, G.N., Zubkov K.I. (2019). Lesopromyshlennyyi «frontir» gornozavodskogo Urala: plany razvitiya drevesnougol'noi metallurgii regiona v kontse XIX – nachale XX vv. [Factory and factory industry in 1882. Materials for industrial statistics of the Turkestan region]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 11: 158-168. [in Russian]
- [Staritsyn, 1883](#) – Staritsyn, N. (1883). Fabrichnaya i zavodskaya promyshlennost' v 1882 g. Materialy k promyshlennoi statistike Turkestanskogo kraja [Factory and factory industry in 1882. Materials for industrial statistics of the Turkestan region]. *Turkestanskije vedomosti*. 34: 2. [in Russian]

[Tulebaev et al., 2018](#) – Tulebaev, T.A., Nogaibaeva, M.S., Sailan, B., Abykenova, K.E. (2018). The Manufacturing Industry of Turkestan in the Pre-Revolutionary period: the Historiographical Aspect. *Bylye Gody*. 47(1): 216-229.

[Vasil'ev, 1915](#) – Vasil'ev, V.A. (1915). Semirechenskaya oblast' kak koloniya i rol' v nei Chuiskoi doliny. Proekt orosheniya doliny reki Chu v Semirech'e [Semirechensk region as a colony and the role of the Chuiskaya Valley in it. Irrigation project of the Chu River valley in Semirechye]. Petrograd. 266 p. [in Russian]

[Vig, 1910](#) – Vig (1910). Kooperativy kustarei [Handicraft cooperatives]. *Turkestanskije vedomosti*. 81: 1. [in Russian]

[Zaorskaya, Aleksander, 1915](#) – Zaorskaya, V.V., Aleksander, K.A. (1915). Promyshlennye zavedeniya Turkestanskago kraja [Industrial establishments of the Turkestan region]. Petrograd. 558 p. [in Russian]

Формирование промышленного фронта Туркестанского края (конец XIX – начало XX века): проблемы, проекты развития

Галина Николаевна Ксенжик ^{a, *}

^a Казахский национальный аграрный исследовательский университет, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности администрации и промышленников Российской империи, направленной на развитие горнодобывающей и обрабатывающей промышленности Туркестанского края в конце XIX – начале XX века. В качестве источников использованы данные периодической печати и другие материалы, которые служили средством продвижения проектов развития промышленности края Российской империи. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе проблем промышленного развития края, изучении проектов развития и исторической реконструкции развития промышленности. Результаты исследования показали, что основными проблемами горнодобывающей промышленности являлись: недостаточная разведанность месторождений, бедность геологических запасов полезных ископаемых, что, в свою очередь, делало добычу экономически нецелесообразной, а также отсутствие развитой транспортной инфраструктуры. В обрабатывающей промышленности края наблюдался застой в развитии; это объяснялось нехваткой квалифицированных кадров, удалённым положением и техническим отставанием. Промышленности Туркестанского края свойственен был средний тип, стоящий на рубеже с кустарными производствами. В ходе исследования установлено, что лишь немногие промышленные предприятия имели статус заводов (например, сантонинный завод в Чимкенте, винокуренные заводы и большинство хлопкоочистительных предприятий), в то время как большинство промышленных заведений представляли собой кустарные производства. Основные направления проектов по развитию промышленности края включали: строительство железных дорог, развитие орошения, освоение целинных земель, привлечение иностранного капитала, удешевление производства путём перехода от ручного труда к машинному, а также введение системы кредитования и покровительственных пошлин на иностранные товары.

Ключевые слова: Туркестанский край, история казахов, промышленность, горнодобывающая, обрабатывающая, кустарная, проблемы, проекты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: migkz@ya.ru (Г.Н. Ксенжик)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 368-376
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.368

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Discourse of Religious Policy of Russia in the Steppe Region and Turkestan in Personal Texts of Imperial Experts of the second half of the 19th – early 20th centuries

Mendigul S. Nogaibayeva ^{a, *}, Ulan K. Zhangaliev ^b, Gulzhazira E. Abykenova ^a,
 Gulnar K. Balakhmetova ^c

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, using personal texts by officials of the highest provincial administration, employees of resettlement agencies, publicists, and public and church figures, reveals the views of imperial experts on the religious policy of the Russian Empire in the Steppe Region and Turkestan in the second half of the 19th and early 20th centuries. The study establishes that the political and public elites of the Russian Empire shaped their ideas about the organization of religious space on the country's eastern borderlands by embracing the high civilizing mission of the Russian people, which was regarded as a tool for culturization in non-Russian communities. The dominant belief in the authorities and public opinion was that knowledge and belonging to European civilization justified the moral superiority of Russians over the non-Russian populations of the outskirts, and that the introduction of agricultural practices among nomadic peoples would inevitably lead to the transition of the indigenous peoples to a sedentary lifestyle. At the same time, it was widely believed that nomads, by adopting the economic models of the Russian peasant, would finally integrate into the family of Christian peoples and avoid the influence of Islam and Muslim agitators. In the discourse of the government and society in the second half of the 19th century, the rhetoric of ignoring Islam prevailed. Amidst the growth of unauthorized resettlements and ill-considered land use policies, the situation changed in the Steppe Region and Turkestan in the late 19th and early 20th centuries, a change reflected in the views of imperial experts: the peasantry's cultural influence on the nomadic population was deemed exaggerated, and the position of Islam among non-Russians, especially under the policy of religious tolerance legitimized in 1905, was significantly strengthened.

Keywords: religious policy, population policy, imperial experts, views, discourse, Steppe Region, Turkestan, resettlements, Orthodoxy, Islam.

1. Введение

По остроумному замечанию П. Верта, возросший в постсоветский период интерес к религиозным вопросам в российской истории заключался в рецепции таких понятий, как «религия», «духовенство», «церковь» исключительно в контексте функционирования православия, без указания на религиозную мозаичность населения Российской империи (Верт, 2012: 6). Добавим к этому, что религиозная политика России в центре и на окраинах также рассматривалась исследователями в «оптике» православного доминирования, вне учёта широкого круга акторов имперской политики населения, в том числе и в конфессиональном вопросе.

* Corresponding author

E-mail addresses: nmskaz1129@gmail.com (M.S. Nogaibayeva), kurmetkalievich@mail.ru (U.K. Zhangaliev), agulzhazira@mail.ru (G.E. Abykenova), g_ball_01@mail.ru (G.K. Balakhmetova)

Между тем, смещение траектории имперской колонизации от сибирских губерний к Степному краю и Туркестану, наметившееся в 1870-х гг., актуализировало общественно-политический и властный дискурсы культурной интеграции аборигенных народов в российский социум, что в значительной степени актуализировало проблему религиозной принадлежности населения. Стремление государства к «освоению» восточных окраин в этот период соотносилось с широко декларируемым российскими национал-консерваторами призывом к преодолению этнической неоднородности и созданию «большой русской нации» (Катков, 2009). Объективным контраргументом политики культурной унификации являлась российская модель политики – самодержавное (династическое) государство, опиравшееся в своей деятельности именно на культурно-религиозное многообразие, признание и трансляцию различий, допускаемых при условии сервильности этнических и конфессиональных сообществ по отношению к государству. В данном отношении значимым видится обращение к представлениям власти и разных слоёв российского общественно-политического поля о логике и содержании религиозной политики Российской империи и её акторах в периферийных регионах, определяемых во второй половине XIX – начале XX в. в качестве своего «собственного Востока», административно и культурно инкорпорируемого в общеимперское пространство.

2. Материалы и методы

Обращение к кругу вопросов, связанных с формулированием властью принципов религиозной политики империи в пределах азиатской периферии, определяемой в качестве «собственной» территории, нуждавшейся в административной организации и ментальном присвоении, предопределило выбор и иерархию источников в настоящей статье. Поскольку одним из центральных «персонажей» работы является сообщество имперских экспертов, объединённое общей социокультурной идентичностью и профессиональными обязанностями, целесообразным оказалось обращение к личным текстам правительственных чиновников, командированных по делам службы в Степной край и Туркестан, путешественников, посещавших эти регионы с частными и государственными целями, литераторов и журналистов, представивших на страницах очерков, заметок, травелогов свои впечатления об окраинах, в том числе и в аспекте конфессионального уклада и образа жизни населения (Венюков, 1877; Иванов, 1890; Трегубов, 1909; Кауфманский сборник, 1910; Вошинин, 1914).

Вспомогательную функцию в организации источникового материала, отразившего дискурс религиозной политики в исследуемых регионах, выполнили обобщающие работы аналитического и статистического характера, посвящённые спектру вопросов колонизации восточных окраин и описанию религиозных практик как инструмента инкорпорации этнически разнообразного населения в имперский социум (Остафьев, 1895; Семёнов, 1903; Семёнов, 1907; Семёнов, 1913).

Для решения поставленных задач были аккомодированы неопубликованные материалы официального делопроизводства, исходящие от акторов высшей бюрократии Степного края и Туркестана, продемонстрировавшие представления имперского чиновничества о формах и методах реализации государственной религиозной политики на региональном уровне. Важные сведения были привлечены из Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири) Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО) (Омск, Российская Федерация). Наибольшей ценностью для осмысления содержания дискурса религиозной политики Российской империи в Степном крае обладают Всеподданейшие отчёты высшей региональной администрации за 1876-1877 гг., а также отчёты и докладные записки чиновников особых поручений, командированных по служебным делам в Акмолинскую и Семипалатинскую области. Так, в отчёте военного губернатора Акмолинской области генерал-майора В.С. Цытовича поднимались важные вопросы, связанные с заселением Степного края выходцами из Европейской России и обустройством коренного населения, что требовало разработки временного положения, учитывавшего этническую и религиозную специфику региона (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8, Д. 13315; Л. 478–480). Во Всеподданейшем отчёте генерал-губернатора Западной Сибири, составленном на основании рапорта старшего чиновника особых поручений Н.Н. Балакшина, делался акцент на необходимости принятия в степных областях крестьян-переселенцев, что послужило бы установлению баланса христиан и мусульман в условиях колонизации Степного края (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315. Л. 561).

В архивохранилищах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) были обнаружены и вовлечены в исследовательскую канву материалы «Фонда канцелярии Степного генерал-губернатора (1868–1917)», включающие в свой состав журналы совещаний и комиссий по вопросам переселения и колонизации, стенограммы выступлений чиновников канцелярии о землеустройстве «инородцев», установлению норм земельного обеспечения, а также практиках урегулирования конфликтов между русским и киргизским населением на почве религиозных расхождений (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 395. Л. 230–256).

Материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан), отложившиеся в Ф. И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, дают возможность составить представление о содержании и динамике политики населения в Туркестанском крае в обстоятельствах переселенческого дела конца 1860–1880-х гг. В отчётах Туркестанского генерал-губернатора и делопроизводственной переписке региональных чиновников разных уровней предметно

фиксируется реакция чиновничества на рост мусульманского влияния в крае, которое актуализировалось в обстоятельствах поземельных конфликтов и нерешительных действий власти в вопросе религиозных отношений (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 56–118).

Статья написана в парадигме направления «новая культурно-интеллектуальная история», ориентированного на признание активной роли языка, текста и нарративных структур в конструировании исторической реальности, что предполагает изучение дискурсивных практик как единого концептуального пространства, образуемого тематически связанными текстами. Один из авторов понятия «дискурс» М. Фуко полагал, что для того, чтобы «восстановить дискурс, отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших ушей внутренним голосом, необходимо восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры и между строчками, и потом раздвигает их» (Фуко, 1996: 28).

Основными методами исследования являются метод дискурс-анализа и контент-анализа, что позволило, ориентируясь на подходы новой культурно-интеллектуальной истории, выявить в личных текстах имперских экспертов, опубликованных в результате путешествий, деловых командировок, реакции на текущие события в виде статей и заметок в прессе, ключевые паттерны дискурса представлений в обществе о конфессиональном пространстве Российской империи на восточных окраинах.

4. Обсуждение

В историографии тема представлений элитарных групп о вопросах религиозного строительства на окраинах влетает в канву имперского осмысления российской колонизации степных областей и оазисов Туркестанского края. По констатации Р. Джераси, покорение Центральной Азии и утверждение там русского административно-управленческого порядка началось в относительно спокойные годы либеральных реформ и продолжалось в условиях сложной внутриполитической обстановки конца XIX – начала XX в.: роста социальной турбулентности и распространения радикальных, в том числе и националистических идей, в образованной части общества. Стремление к обеспечению политической лояльности национальных меньшинств, как справедливо полагает историк, стимулировало интерес российских путешественников, чиновников, учёных к исследованиям материальной и духовной культуры, этнического облика и религиозных убеждений коренных народов Центрально-Азиатского региона (Джераси, 2013: 24). П. Верт, развивая тему имперской колонизации Центральной Азии в аспекте культурного встраивания коренных этносов в социальную систему координат российского общества на окраинах, особое внимание обратил на имевшую место недооценку религиозной составляющей данного процесса, а именно: религиозное разнообразие населения, специфику функционирования духовных институтов автохтонных народов, что направляло имперские власти к организации жизни российских подданных именно на основе их религиозной принадлежности (Верт, 2012: 5).

Очерченное направление поддерживается и развивается в работах историков конца XX – первой четверти XXI в., в которых авторы смещают исследовательские акценты от деятельностных аспектов религиозной политики империи на восточных окраинах к дискурсивным практикам её конструирования, выявлению представлений элит о путях формирования принципов решения религиозного вопроса в Степном крае и Туркестане (Ремнёв, Суворова, 2013; Абашин, 2008; Абашин, 2016; Peretyatko, 2024; Лысенко, 2020; Дашковский, Шершнёва, 2015; Чуркин, 2024).

5. Результаты

Во второй половине XIX в. в связи с перенесением центра тяжести колонизационного дела в степные области, сопредельные с западно-сибирскими территориями и Туркестаном, вопрос вероисповедания новых подданных стал важной частью религиозной политики Российской империи на окраинах, в обсуждение которого оказался вовлечён широкий круг специалистов, образовавших сообщество имперских экспертов. Представители центральной и местных администраций, чиновники различных учреждений и ведомств, учёные-востоковеды, педагоги и общественные деятели, священнослужители Русской православной церкви и служащие миссий – вот далеко не полный перечень лиц, так или иначе вовлечённых в дискурс, фиксировавший представления политических и культурных элит о новых землях на востоке империи, способах их административной организации и формах коммуникации с численно преобладавшим инородческим населением.

Необходимо отметить, что имперские представления о формах и методах присоединения Степного края и Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. складывались в специфических этнокультурных и религиозных обстоятельствах, отличных от колонизационного опыта, накопленного в предшествующий период. Безусловно, создание форпостов российской колонизации в Зауралье предполагало соприкосновение с представителями иных этносов и вероисповедальных концепций, однако, например, в процессе освоения пространств Западной Сибири, начавшегося ещё на рубеже XVI–XVII вв., русский православный элемент постепенно становился преобладающим вследствие военно-земледельческого характера проекта колонизации. Культурная интеграция инородцев в хронологических границах XVII–XIX вв. шла быстрыми темпами, чему способствовали

процессы урбанизации и крестьянских миграций из европейской части страны. По данным В.П. Семёнова, приведённым на начало XX столетия (1907 г.), великороссийское и малороссийское крестьянство в губерниях Тобольской и Томской составляло 92 % от всего населения, тогда как на инородческий сегмент приходилось всего 8 % жителей региона; в религиозном отношении лидирующие позиции принадлежали православным и старообрядческим группам – 94 %, а сторонников ислама насчитывалось – 3,5 % (Семёнов, 1907: 222-223).

Совершенно иначе выглядело распределение населения по этническому и вероисповедному составу в центральноазиатских владениях России. Так, в Степном крае преобладающие позиции занимали инородцы – 74,4 % против 25,3 % великороссов от общего состава населения. Придерживавшиеся христианства (26,5 %) уступали в численности мусульманам (73,5 %) (Семёнов, 1903: 184-185). Сходная диспозиция ещё более чётко прослеживалась в Туркестане, где русское население в конце XIX – начале XX в. составляло всего 3,7 %, а к сторонникам ислама принадлежало 95,6 % жителей региона (Семёнов, 1913: 353, 359).

Конструирование политики населения в Степном крае и Туркестане имперской властью, с учётом региональной религиозной специфики, происходило в условиях действия двух определяющих и, во многом, антагонистических тенденций:

Первая тенденция заключалась в продвижении практик седентаризма и веротерпимости как инструментов культурно-религиозной интеграции коренного населения Центральной Азии в представлениях власти и общества (вторая половина XIX в.). Фактор преобладания инородческого населения над русским, а также сторонников ислама над представителями христианских конфессий в регионах, входивших на востоке в орбиту российского влияния и геополитических интересов до середины XIX в., воспринимался политическими и общественными элитами в контексте цивилизующей функции ислама как инструмента умиротворения пограничья и седентаризации степняков-кочевников. Как пишет Р. Круз: «Екатерина II и её преемники не пытались навязать религиозное единообразие своим подданным неединоверцам, а выработали политику веротерпимости, чтобы такие религии как ислам, стали фундаментальными структурными блоками империи» (Круз, 2020: 9). Во второй половине XIX в. тезис о терпимом отношении к иноверцам, в том числе приверженцам ислама на восточных окраинах, получил теоретическую подпитку в российских востоковедческих штудиях, определивших представления интеллектуалов-практиков о «русском Востоке» как пространстве, колонизируемом в результате смешения коренного и пришлого населения (Тольц, 2010: 275). Российский путешественник, географ и военный деятель М.И. Венюков, находившийся под влиянием востоковедческих теорий, писал: «...Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям, и покорённые ими магометане, ламаиты и шаманы не лишены никаких гражданских прав за то, что они иноверцы» (Венюков, 1877: 114-115).

Идеи российских ориенталистов о естественном, органическом росте Российской империи преломлялись в дискурсе экспертов в представления, согласно которым преодоление культурных различий, в том числе и в части религиозной, будет происходить постепенно, в результате «взросления» инородцев, перехода их к оседлому образу жизни, что приведёт к окончательному разрыву не только с языческими предубеждениями, но и нехристианскими вероисповедными концепциями, в частности – с исламом. В качестве наиболее эффективного инструмента культурной политики в среде численно доминирующих инородцев российские чиновники разных уровней видели крестьянские переселения из Европейской России. Так, по заключению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова: «Осторожное...водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» (Остафьев, 1895: 8). В 1870–1880-х гг. в дискурсе региональной бюрократии Степного края присутствовали тревожные интонации в связи с тем, что сдерживание крестьянских переселений тормозит процесс перехода кочевников-казахов к оседлому образу жизни, тогда как «водворение русских поселенцев в степных областях... уравновесило бы в степях мусульманский элемент русскою народностью» (ГИАО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315. Л. 652).

Если в дискурсе культурной политики Российской империи в Степном крае акцент делался на седентаризации аборигенного населения в контексте эскалации переселенческого движения в регион и организации русских посёлков, а крестьяне-переселенцы позиционировались в качестве культуртрегеров, призванных отвратить инородцев от их религиозных воззрений, то риторика разноуровневой бюрократии Туркестанского края в вопросе вероисповедания строилась по другим лекалам. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и назначение на должность главного администратора региона К.П. фон Кауфмана, по свидетельству его биографов, происходило в обстоятельствах «массовых злоупотреблений, общего недоверия и злобы на русскую администрацию..., а также антироссийскими настроениями в независимых и полунезависимых ханствах, окружавших Туркестан» (Кауфманский сборник, 1910: X). Кауфман, организуя административное управление краем и намереваясь обезопасить торговлю русских купцов в Центральной Азии от посягательств ханов и беков Коканда и Бухары, в одной из программных речей указывал, что местные власти там нарушают мусульманские законы (Кауфманский сборник: XVI).

Тем самым косвенно сообщалось об особом статусе ислама в колонизируемом регионе. В представлениях и административных практиках А.П. фон Кауфмана, как пишут его современники, основополагающим являлся принцип «последовательного игнорирования мусульманства с его фанатическими учреждениями, усвоенное в том убеждении, что всякая иная система отношений государственной власти к мусульманской религии оказалась бы здесь, в крае, решительно непригодной» (Иванов, 1890: 227). Непосредственные участники колонизационного дела в Туркестане, ставшие очевидцами управления первого генерал-губернатора региона, иронизировали: «Ставя инспектору народных училищ в обязанность посещать не только русские, но и мусульманские школы, он в то же время давал словесное приказание не осмеливаться и заглядывать в последние, чем ослабляя бодрость своих подчинённых и поднимал дух мусульманских деятелей» (Иванов, 1890: 227).

Вместе с тем позиция региональных губернаторов, прежде всего в Туркестанском крае, определялась принципами имперской политики религиозной терпимости, положения которой фиксировались в делопроизводстве Святейшего Синода. В 1868 г. на имя туркестанского генерал-губернатора поступило из синодальной канцелярии на первый взгляд однозначное указание «обратить особое внимание на меры, долженствующие приостановить дальнейшее усиление ислама», сопровождаемое припиской – «...не возбуждая там волнения и неудовольствия в мусульманском населении...» (Абашин, 2016: 363).

Политика индифферентного отношения к исламу и исламскому миссионерству в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. подверглась жёсткой критике, в которой акторы дискурса, представлявшие клир и светские сообщества, негативно оценивали последствия «заигрывания» высшей региональной бюрократии с адептами ислама. Священник, член Государственной Думы о. Иван Трегубов в одной из своих публикаций в епархиальной прессе писал о необходимости «искупить грех небрежения нашего правительства, благодаря которому мусульманство приобрело 5 млн. киргиз-кочевников» (Трегубов, 1909: 29). Журналисты консервативного издания «Русский вестник» с негодованием писали о том, что местное чиновничество Туркестана, демонстрируя свою веротерпимость, «ходили с муллами в мечети, по случаю открытия русско-туземных училищ,...думая, что этим оказывают услугу отечеству, способствуют сближению мусульманства с христианством. А между тем, только возбуждали этим неудовольствие правоверных мусульман» (Иванов, 1890: 230).

Вторая тенденция проявлялась в том, что дискурс религиозной политики в центральноазиатских регионах на рубеже XIX–XX вв. разворачивался в обстоятельствах кризиса теории «органического роста». Имперская политика населения, активно реализуемая Российской империей на восточных окраинах, опиралась на твёрдое осознание исполнения высокой цивилизаторской миссии, конечная цель которой заключалась во всеобщем доминировании сельскохозяйственной обработки земли, переходе кочевников в оседлое состояние, преодолении религиозного разнообразия, что обеспечит стирание культурных различий между русским и инородческим сегментами социума.

Позиция власти, артикулируемая в текстах имперского чиновничества и деятелей Русской православной церкви, сводилась к следующим положениям: «...русская колонизация,...при лучшем устройстве казачьих и крестьянских отношений к кочевникам окажет со временем прямое воспитательное влияние на массу туземного населения» (Иванов, 1890: 229); «кочевое состояние наших инородцев мало располагало к принятию христианства. Переход к оседлой жизни будет началом приобщения их к христианской церкви» (Трегубов, 1909: 30); «между киргизами южных уездов издавна ведется хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской России, хорошо знакомых с ведением степного земледельческого хозяйства, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличивать свои запашки» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 395. Л. 242). В.П. Воцинин, по результатам своей поездки по земледельческим местностям Туркестанского края, свидетельствовал в оптимистическом тоне: «Там на высоких предгорьях, только теперь орошаемых, начинает селиться русский народ, ...а вместе с ним в толщу туземных предрассудков и верований начинает проникать культура русская. Так, по рассказам и слухам, незримо растёт и крепнет Туркестан “новый”» (Воцинин, 1914: 11-12).

Однако ожидания, свойственные представителям властных и общественно-политических элит в конце XIX – начале XX в., существенно расходились с практическим ходом и результатами колонизационного дела в Степном крае и Туркестане. В чём это выражалось?

Во-первых, обвальный рост переселенческого движения на восточные окраины империи при отсутствии внятной организации данного процесса и специализированных учреждений стимулировал конфликтность в вопросе поземельного обеспечения мигрантов и тотальную конфронтацию как в крестьянской среде, так и с инородческими группами населения, что ставило под сомнение тезис о позитивном культурно-религиозном влиянии переселенцев на коренные народы. В. Остафьев, описывая массовый характер поземельных и культурных конфликтов старожилов и переселенцев с инородцами в Степном крае, констатировал преувеличенность надежд, связанных с переселенческим движением, поскольку «переселенцы буквально наводнили все казачьи и крестьянские поселения, но так как везде было переполнено, то они массами блуждали из посёлка в посёлок...» (Остафьев, 1895: 15). Столь же критически автором оценивались земледельческие и

культуртрегерские способности некоторых групп русского населения, которых власть позиционировала в качестве главных субъектов колонизации: «Все усилия администрации сделать казака военным и земледельцем не увенчались успехом, даже громадный земельный надел (40-50 десятин), чудные природные условия не сделали из казака хозяина-землепашца» (Остафьев, 1895: 7).

В Туркестанском крае, где переселения носили ещё более неорганизованный, хаотичный характер, разочарования в культурной эффективности от аграрных миграций были выражены ещё более рельефно.

Чиновник по особым поручениям Пашкевич писал: «Явившиеся в Кугартскую волость переселенцы, с семьями и имуществом, очутились в крайне тяжелом положении... Вынужденные так или иначе устраиваться, крестьяне производят самовольный захват земли, принадлежащей киргизам, причем заметно развиваются бродяжнические наклонности... Нельзя поручиться, что по возвращении киргиз с летовок на зимние стойбища между ними и русскими переселенцами не возникнут недоразумения, которые могут иметь самые серьезные последствия» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 62). Подобные опасения подкреплялись свидетельствами других участников переселенческого дела в Туркестане: «Состав самовольных переселенцев в Кугарт – всевозможный сброд из разных областей и губерний: из Семиреченской области, из Войска Донского, Акмолинской, Томской, из Киевской губерний. Вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, как-то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики, запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 64).

Во-вторых, невнятная религиозная политика в отношении ислама и влиятельных мусульманских проповедников ограничивала, как в Степном крае, либо вовсе исключала, подобно Туркестанскому краю, деятельность духовных миссий по христианизации инородцев и широкого религиозного просветительства в среде русского населения. Активная работа служащих миссий среди кочевого населения в Степном крае началась только с 1895 г., когда Киргизская духовная миссия выделилась из Алтайской, получив самостоятельный статус, а в Туркестанском крае миссионерская работа до 1917 г. носила фрагментарный характер, охватывая преимущественно Семиреченскую область как приграничье со Степным краем (Лысенко, 2012: 194-198). Подробный анализ деятельности православных миссий и их ограниченного влияния на конфессиональную структуру Степного края представлен в специальном исследовании коллектива авторов (Mamraimov et al., 2024). Закономерным итогом слабой вовлечённости РПЦ и её подразделений в миссионерские практики стали незначительные результаты христианизации кочевого населения, а после принятия Манифеста о веротерпимости 1905 г., когда в переселенческом потоке в Степной край и Туркестан значительную долю стали составлять религиозные диссиденты (раскольники), adeпты деструктивных сект, сил и средств церковных институций оказалось недостаточно для решения главной задачи религиозной политики империи – «приобщения к христианской церкви всех групп населения и просвещения народов светом православной веры» (Трегубов, 1909: 30).

5. Заключение

Таким образом, дискурс религиозной политики Российской империи в Центральной Азии являлся интеллектуальным конструктом, основные положения которого фиксировались в представлениях политических и общественных элит: высшего регионального чиновничества, переселенческой бюрократии, публицистов, общественных и церковных деятелей. Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в., в обстоятельствах социальной, экономической и социокультурной модернизации, вызванной либеральными реформами, происходили важные изменения в образе жизни, социальном поведении и культурных практиках элитарных слоёв российского общества, что проявилось в готовности и способности включения этой группы в решение важных государственных задач. Вместе с тем, мировоззрение имперских экспертов формировалось в контексте и под влиянием научных конвенций эпохи, что дистиллировалось в устойчивые ориенталистские воззрения.

Рефлексия религиозной политики России в Степном крае и Туркестане изначально опиралась на представления элит о цивилизаторской миссии русского народа в отношении этнических и религиозных сообществ азиатской периферии, маркируемой как «собственного Востока», органической части имперского пространства, нуждавшегося в культурной интеграции. Во второй половине XIX ст. в дискурсе религиозной политики в центральноазиатском регионе доминировал мотив игнорирования ислама как наиболее массовой вероисповедной концепции, отказ от которой в среде кочевых инородцев должен был произойти в результате «культурного взросления» и перехода к оседлому образу жизни под влиянием переселенческого движения из Европейской России.

Беспочвенность ожиданий естественной культурной интеграции инородцев Степного края и Туркестана стала очевидна в конце XIX – начале XX в., что было обусловлено слабым культуртрегерским потенциалом российского крестьянства, активизацией на этом фоне мусульманских проповедников, завершивших процесс исламизации коренного населения регионов.

Литература

Абашин, 2008 – Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456-471.

- [Абашин, 2016](#) – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.
- [Венюков, 1877](#) – Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1877. 22 с.
- [Верт, 2012](#) – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- [Воциннин, 1914](#) – Воциннин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.
- [ГИАОО](#) – Государственный исторический архив Омской области.
- [Дашковский, Шершнёва, 2015](#) – Дашковский П.К. Шершнёва Е.А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2015. № 8. С. 242-264.
- [Джераси, 2013](#) – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 348 с.
- [Иванов, 1890](#) – Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. 244 с.
- [Катков, 2009](#) – Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
- [Кауфманский сборник, 1910](#) – *Кауфманский сборник*, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.
- [Круз, 2020](#) – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- [Лысенко, 2012](#) – Лысенко Ю. А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 4(20). С. 194-198.
- [Лысенко, 2020](#) – Лысенко Ю. А. Органы государственной власти и мусульманское население Степного генерал-губернаторства: опыт взаимодействия в решении социально-экономических проблем (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 2020. № 10 (1). С. 245-259.
- [Остафьев, 1895](#) – Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1895. 68 с.
- [Ремнёв, Суворова, 2013](#) – Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
- [Семёнов, 1903](#) – Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1903. 478 с.
- [Семёнов, 1907](#) – Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16. Западная Сибирь. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. 591 с.
- [Семёнов, 1913](#) – Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 19. Туркестанский край. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1913. 861 с.
- [Тольц, 2010](#) – Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст.* / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 266-308.
- [Трегубов, 1909](#) – Трегубов А. Колонизация и ислам // *Омские епархиальные ведомости*. 1909. № 24. С. 29-31.
- [Фуко, 1996](#) – Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив республики Казахстан.
- [ЦГА РУз](#) – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- [Чуркин, 2024](#) – Чуркин М.К. Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881-1882 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1. С. 120-129.
- [Mamraimov et al., 2024](#) – Mamraimov S.D., Yelshibayev S.K., Tokmurzayev B.S., Abisheva Z.R. Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425
- [Peretyatko, 2024](#) – Peretyatko A.Yu. Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliyev for the Purpose of Their Returning (1813) // *Slavery: Theory and Practice*. 2024. 9(1): 3-22.

References

- Abashin, 2008** – *Abashin, S.N.* (2008). Razmyshleniya o «Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii» [Reflections on "Central Asia as part of the Russian Empire"]. *Ab Imperio*. 4: 456-471. [in Russian]
- Abashin, 2016** – *Abashin, S.N.* (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentax [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. M.: Kuchkovo pole. 880 p. [in Russian]
- Churkin, 2024** – *Churkin, M.K.* (2024). Scenarii imperskoj inkorporacii Aziatskoj Rossii v diskurse yubilejnyh torzhestv, posvyashchennyh 300-letiyu prisoedineniya Sibiri (1881-1882 gody) [Scenarios of the imperial incorporation of Asian Russia in the discourse of the jubilee celebrations dedicated to the 300th anniversary of the annexation of Siberia (1881-1882)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): 120-129. [in Russian]
- TsGA RUz** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archives of the Republic of Uzbekistan].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- Dashkovskij, Shershnyova, 2015** – *Dashkovskij, P.K. Shershnyova, E.A.* (2015). Religioznaya politika Rossijskoj imperii v otnoshenii musul'manskih obshchin Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Religious policy of the Russian Empire towards the Muslim communities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Narody i religii Evrazii*. 8: 242-264. [in Russian]
- Dzherasi, 2013** – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: empire, orientalism, nation and religion in Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. M. 548 p. [in Russian]
- Fuko, 1996** – *Fuko, M.* (1996). Arheologiya znaniya [Archaeology of knowledge]. Nika-Centr, Kiev. 208 p. [in Russian]
- GIAOO** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [State Historical Archives of Omsk Oblast].
- Ivanov, 1890** – *Ivanov, A.I.* (1890). Russkaya kolonizaciya v Turkestanskom krae [Russian colonization in the Turkestan region]. SPb: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za". Pp. 226-244. [in Russian]
- Katkov, 2009** – *Katkov, M.N.* (2009). Ideologiya ohranitel'stva [The ideology of guardianship]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. M. 800 p. [in Russian]
- Kaufmanskij sbornik, 1910** – Kaufmanskij sbornik, izdannij v pamyat' 25 let, istekshih so dnya smerti pokoritelya i ustroitel'ya Turkestanskogo kraja general-ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana [Kaufman's collection, published in memory of 25 years since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K.P. von Kaufman]. M.: Tipo-litografiya I.N. Kushneryova. 247 p. [in Russian]
- Kruz, 2020** – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. M. 408 p. [in Russian]
- Lysenko, 2012** – *Lysenko, Y.A.* (2012). Religioznaya politika kak mekhanizm zakrepleniya imperskikh pozitsii Rossii v Turkestanskom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Religious policy as a mechanism for consolidating Russia's imperial positions in the Turkestan region (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 4(20): 194-198. [in Russian]
- Lysenko, 2020** – *Lysenko, Y.A.* (2020). Organy gosudarstvennoj vlasti i musul'manskoe naselenie Stepnogo general-gubernatorstva: opyt vzaimodejstviya v reshenii social'no-ekonomicheskikh problem (nachalo XIX v.) [State authorities and the Muslim population of the Steppe Governorate-General: the experience of interaction in solving socio-economic problems (early twentieth century)]. *Voprosy istorii*. 10(1): 245-259. [in Russian]
- Mamraimov et al., 2024** – *Mamraimov, S.D., Yelshibayev, S.K., Tokmurzayev, B.S., Abisheva, Z.R.* (2024). Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425
- Ostaf'ev, 1895** – *Ostaf'ev, V.A.* (1895). Kolonizatsiya stepnykh oblastei v svyazi s voprosom o kochevom khozyaistve [Colonization of the Steppe regions in connection with the question of nomadic economy]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba. 68 p. [in Russian]
- Peretyatko, 2024** – *Peretyatko, A.Yu.* (2024). Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813). *Slavery: Theory and Practice*. 9(1): 3-22.
- Remnyov, Suvorova, 2013** – *Remnyov, A.V., Suvorova, N.G.* (2013). Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii: imperskie i natsional'nye stsennyye vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonisation of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izdatel'skij dom «Nauka»*. Omsk. 248 p. [in Russian]
- Semyonov, 1903** – *Semyonov, V.P.* (1903). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland. A Handbook and Travel Guide for Russians. Vol. 18. Kirghiz Region]. T. 18. Kirgizskii kraj. SPb: Izdanie A.F. Devriena. 478 p. [in Russian]

Semyonov, 1907 – Semyonov V.P. (1907). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland. A Handbook and Travel Guide for Russians]. T. 16. Zapadnaya Sibir'. SPb: Izdanie A.F. Devriena. 591 p. [in Russian]

Semyonov, 1913 – Semyonov, V.P. (1913). Rossiya. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei. [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland. A Handbook and Travel Guide for Russians]. T. 19. Turkestanskii krai. SPb: Izdanie A.F. Devriena. 861 p. [in Russian]

Tol'ts, 2010 – Tol'ts, V. (2010). Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): A collection of articles. Ed. Martin Aust, Ricarda Vulpius, Alexei Miller]. Novoe literaturnoe obozrenie. M. Pp. 266–308. [in Russian]

Tregubov – Tregubov, A. (1909). Kolonizaciya i islam [Colonization and Islam]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 24: 29–31. [in Russian]

Venyukov, 1877 – Venyukov, M.I. (1877). Ocherk politicheskoy e`tnografii stran, lezhashchix mezhdu Rossieyu i Indieu [Essay on the Political Ethnography of the Countries Lying between Russia and India]. SPb: tip. V. Bezobrazova i K°. 22 p. [in Russian]

Vert, 2012 – Vert, P. (2012). Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. M. 280 p. [in Russian]

Voshhinin, 1914 – Voshhinin, V.P. (1914). Ocherki novogo Turkestana [Sketches of new Turkestan]. SPb: Tip. t-va «Nash vek». 86 p. [in Russian]

Дискурс религиозной политики России в Степном крае и Туркестане в личных текстах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в.

Мендигуль Сагатовна Ногайбаева ^{a, *}, Улан Курметкалиевич Жангалиев ^{b, *},
Гульжазира Естаевна Абикинова ^{a, *}, Гульнар Кажакметовна Балахметова ^c

^a Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, на материалах личных текстов чиновников высшей губернской администрации, служащих переселенческих ведомств, публицистов, общественных и церковных деятелей, раскрываются представления имперских экспертов о религиозной политике Российской империи в Степном крае и Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. В процессе исследования установлено, что источником формирования представлений политических и общественных элит Российской империи об организации религиозного пространства на восточных окраинах страны являлись убеждения в высокой цивилизаторской миссии русского народа, которая расценивалась как инструмент культуртрегерства в инородческой среде. В сознании власти и в общественном мнении доминировало убеждение в том, что обладание знанием и принадлежность к европейской цивилизации выступает обоснованием морального превосходства русских над инородческим населением окраин, а внедрение в среду кочевых народов земледельческих практик неизбежно приведёт к переходу автохтонов в оседлое состояние. При этом широко было распространено мнение, сообразно с которым кочевники, приняв модели хозяйственной деятельности у русского крестьянина, окончательно вольются в семью христианских народов и не попадут под влияние ислама и мусульманских агитаторов. В дискурсе власти и общества второй половины XIX ст. риторика игнорирования ислама превалировала. В условиях роста несанкционированных переселений и непродуманной политики в землепользовании в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. ситуация изменилась, что оказалось запечатлено и в представлениях имперских экспертов: культурное влияние крестьянства на кочевое население было признано преувеличенным, а позиции ислама среди инородцев, особенно в условиях политики веротерпимости, легитимированной в 1905 г., значительно укрепились.

Ключевые слова: религиозная политика, политика населения, имперские эксперты, представления, дискурс, Степной край, Туркестан, переселения, православие, ислам.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nmskaz1129@gmail.com (М.С. Ногайбаева),
kurmetkalievich@mail.ru (У.К. Жангалиев), agulzhazira@mail.ru (Г.Е. Абикинова),
g_ball_01@mail.ru (Г.К. Балахметова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 377-387
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.377

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Statistical Expeditions of the Russian Empire and the Formation of the Source Base for the History of Kazakhstan: the Case of *Materials on Kyrgyz Land Use*

Naziya A. Tassilova ^{a, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article presents a source-critical analysis of the multi-volume publication “Materials on Kyrgyz Land Use” as one of the key source complexes for the history of Kazakh society in the late XIX and early XX centuries. The study reveals the informational potential of this corpus, which reflects socio-economic development, forms of land use and economic activity, demographic conditions and the historical-geographical features of the settlement patterns of the Kazakh population. Particular attention is given to data on auls, uyezds and volosts of the Syr-Darya, Akmolinsk, Semipalatinsk, Ural and Turgai oblasts, making it possible to identify regional differences and shared patterns in the development of traditional society during the transformations at the turn of the century.

It is demonstrated that the scholarly value of “Materials on Kyrgyz Land Use” is determined not only by the extensive territorial coverage and the diversity of the recorded data, but also by the methodological principles underlying their collection. The materials were obtained through specially organized statistical expeditions employing questionnaires, quantitative calculations, field observations and cartographic work, which ensured a high degree of systematicity and comparability of the information. The article notes that the data presented in the “Materials on Kyrgyz Land Use” have been extensively employed by both national and international researchers and remain significant for current historical scholarship. It argues that a comprehensive application of this source enables the reconstruction of a well-grounded socio-economic and historical-geographical profile of Kazakh society in the late XIX and early XX centuries, while also contributing to a clearer understanding of the processes through which imperial knowledge was produced within the framework of colonial policy, administrative management, scientific activity and center-periphery relations in the Russian Empire during the period under study.

Keywords: Materials on Kyrgyz Land Use, source studies, Kazakh society, resettlement processes, imperial statistical expeditions, land use, socio-economic history, historical geography, colonial administration, Russian Empire.

1. Introduction

In the second half of the XIX century and the early XX century, Russian colonial expansion in Kazakhstan underwent a qualitatively distinct phase. In this timeframe, administrative reforms implemented by the tsarist government led to the de facto elimination of the political autonomy of the Kazakh people. Parallel to these transformations, a scientifically justified campaign was launched to expropriate Kazakh lands that were officially declared “surplus” and subsequently allocated to settler populations. Research initiatives carried out as part of the colonial agenda were most intensively implemented in several administrative regions, including the Akmolinsk, Semipalatinsk, Ural-Turgai, Syr-Darya and Semirechye oblasts. The empirical materials gathered across these territories were subsequently analyzed, organized and published under the title “Materials on Kyrgyz Land Use...” (Tassilova, 2017: 10). An analysis of this corpus

* Corresponding author

E-mail addresses: tasnaz1982@gmail.com (N.A. Tassilova)

of sources as one of the most significant bodies of evidence for the history of Kazakhstan's colonization today offers broad opportunities for identifying and interpreting aspects of national history that remain insufficiently studied.

Prior to the activities of these statistical teams and research expeditions, no comparably large-scale or comprehensive scientific investigations had been carried out on the territory of Kazakhstan (Volkova, 1982: 4). Despite differences in territorial coverage and chronological scope, many scholars regard these expeditions as a single, integrated complex of research activities. As a result of their work, an extensive body of sources entitled "Materials on Kyrgyz Land Use" was produced, covering the period from 1898 to 1915 and comprising a total of 27 volumes.

This complex consists of 13 volumes compiled by the expedition led by F.A. Shcherbina, 7 volumes produced by the statistical team of P.A. Skryplev and 7 volumes prepared by the team headed by P.A. Khvorostanskii. These materials were the outcome of a large-scale investigation that encompassed the territories of Akmolinsk, Semipalatinsk, Ural, Turgai and Syr-Darya oblasts, as well as the Fergana and Namangan oblasts, which were part of present-day Uzbekistan.

Individual volumes within the complex differ both in their chronological frameworks and territorial scope. Thus, the expedition led by F.A. Shcherbina investigated Akmolinsk, Semipalatinsk and Turgai oblasts between 1896 and 1903; the statistical team headed by P.A. Skryplev conducted research in the Syr-Darya oblast from 1906 to 1913; and the team led by P.A. Khvorostanskii worked in the Turgai and Ural oblasts between 1904 and 1912. An important characteristic of this source complex is that the collected materials were not published simultaneously. They appeared over different years, from 1898 to 1915, reflecting the phased nature and extended duration of the research activities.

2. Materials and methods

2.1. The empirical foundation of this study is based on materials issued between 1898 and 1915 as part of the multi-volume publication "Materials on Kyrgyz Land Use". This body of sources derives from a comprehensive and systematic statistical investigation of the territory of present-day Kazakhstan, carried out by multiple specialized expeditionary teams operating under the authority of the Russian Empire.

Materials from the holdings of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK. F. 29. Op. 1. D. 13. L. 65) were widely used as the primary sources for this research. In particular, documents from the following archival fonds were introduced into scholarly circulation: № 362 "Administration of State Properties of the Syr-Darya Oblast", № 33 "Office of the Head of Resettlement Affairs in the Syr-Darya Oblast", № 8 "Administration of State Properties in the Akmolinsk, Semipalatinsk and Semirechye Oblasts (Ministry of Agriculture and State Properties)", № 501 "Akmolinsk-Semipalatinsk Administration of Agriculture and State Properties", № 317 "Office of the Head of Resettlement Affairs in Akmolinsk Uezd", № 469 "Office of the Head of Resettlement Affairs in Semipalatinsk Uezd", № 457 "Aktobe Uezd Resettlement Administration of the Turgai-Ural Resettlement District", № 184 "Office of the Head of Resettlement Affairs in Aulieata Uezd of the Syr-Darya Oblast", № 479 "Pavlodar Uezd Resettlement Administration", № 643 "Petrovsk Uezd Resettlement Administration", № 454 "Office of the Head of Resettlement Affairs in Chimkent Uezd of the Syr-Darya Resettlement District", № 29 "Administration of the Turgai-Ural Resettlement District", № 25 "Turgai Oblast Administration".

Documents from fonds №8, № 501, № 317, № 469, № 479 and № 643 are of particular significance, as they contain a substantial body of materials related to natural-historical studies conducted in Akmolinsk, Semipalatinsk and Turgai oblasts. These sources enable a systematic analysis of data on the natural and geographical characteristics of the steppe regions, their botanical features, historical dynamics of development, demographic conditions and the ethnographic structure of the population (TsGA RK. F. 501. Op. 2. D. 33a. L. 14).

In addition, the above-mentioned fonds include valuable supplementary information on the composition, objectives and material support of the expedition led by F.A. Shcherbina, as well as of the Ural-Turgai research team headed by P.A. Khvorostanskii. This significantly expands the possibilities for a comprehensive study of the history of scientific expeditions and the colonial policy of the Russian Empire in Kazakhstan.

2.2. The methodological approach employed in this study relies on the structured examination of documentary materials preserved in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, alongside multi-volume expeditionary compilations and published statistical and ethnographic sources reflecting the practices of the colonial administration. In the course of the comprehensive examination of archival sources, several methodological levels were employed in accordance with the objectives and tasks of the research.

First, the application of a system-based approach allowed for the identification of internal hierarchies within communication and administrative governance structures, as well as the clarification of their operational logic, socio-cultural differentiation and regional specificity. This approach allows imperial institutions of power to be examined as a multi-level and interconnected system.

To address the research objectives, general scientific methods were applied, including logical analysis and a structural-systemic approach, generalization, synthesis and interpretations of sources, also comparative analysis aimed at identifying interregional similarities and differences.

3. Discussion

“Materials of Kyrgyz Land Use” were published as the outcome of a comprehensive investigation carried out by a specialized research expedition focused on Kazakh society. For this reason, the discussion must begin with an analysis of the aims and historical prerequisites underlying the establishment of the scientific expeditions that enabled the compilation of this source base, together with the research methods they employed.

The prominent scholar of traditional Kazakh nomadic society, S.E. Tolybekov, made extensive use of the rich empirical data produced by these expeditions. He offered a high assessment of their scholarly value while explicitly articulating their underlying objectives. Tolybekov did not conceal the fact that the research was conducted in the interests of land expropriation for settler use and openly characterized the activities of the tsarist administration as colonial in nature. As he noted: “These expeditions were intended to identify the foundations and forms of Kazakh land use, to analyze the economic conditions necessary for the existence of an average household and to determine the standard of land provision for a typical Kazakh household in each region. Their purpose was to reveal surplus Kazakh lands in order to transfer them to the resettlement fund” (Tolybekov, 1959: 56).

Despite the availability of such explicit assessments, the true substance of the colonial policy pursued by the tsarist government has not yet been sufficiently examined or fully articulated in the scholarly literature. The present study seeks to address this gap through a focused analysis of these issues.

In domestic historical scholarship, research has largely emphasized that the resettlement policy pursued in Kazakh territories served as a key instrument of imperial colonization, aimed at weakening ethnic cohesion, advancing processes of russification and incorporating the region into the imperial economy as a supplier of raw materials. Although the colonization of Kazakhstan formed a general strategic objective of the Russian Empire, the practical realization of this policy differed across regions. Such differences were determined by local geographical settings, strategic priorities, demographic factors, transportation networks and the degree of resistance exhibited by local populations. Accordingly, the methods of colonization also differed.

The objective origins of the “Materials of Kyrgyz Land Use” are directly linked to the political situation of the late XIX and early XX centuries, and to the colonization of Kazakh lands through settler implementation. Research activities were undertaken precisely to identify “surplus” lands, which could then be withdrawn for resettlement purposes during this period.

In essence, the “Materials of Kyrgyz Land Use” represent a direct product of Russia’s colonial policy. The primary task of the research teams and scientific expeditions was to investigate the economic practices of the Kazakh population, to determine the extent of “excess” land, and to incorporate these territories into the resettlement fund for allocation to incoming settlers. Through this mechanism, the tsarist government aimed to secure full control over the vast expanses of Kazakh territory while simultaneously resolving the broader resettlement problem.

The Table 1 presented below illustrates the intensity with which colonization was pursued in Kazakhstan through the activities of research teams and expeditions organized by the tsarist authorities.

Table 1. Expeditions and statistical teams that studied Kazakhstan in the late XIX and early XX centuries

Researchers and years of expeditionary research	Regions investigated	Materials collected by expeditions and statistical teams
F. A. Shcherbina, 1896–1903	Akmolinsk, Turgai and Semipalatinsk oblasts	Materials on Kyrgyz Land Use, collected and processed by the expedition for the study of the steppe regions, 13 vols.
V. Kuznetsov, 1907–1909	Akmolinsk oblast	Kyrgyz economy in Akmolinsk oblast. A repeated survey of 1907–1909, 5 vols.
P.A. Scryplev, 1906–1913	Syr-Darya oblast	Materials on Kyrgyz Land Use, collected and processed by the Syr-Darya statistical team, 5 vols.
P.P. Rumiantsev, 1909–1913	Semirechye oblast	Materials from the survey of indigenous and Russian old-settler households and land use in Semirechye oblast, 7 vols.
P.A. Khvorostanskii, 1904–1912	Ural, Turgai oblasts	Materials on Kyrgyz land use, collected and processed by the statistical team and the Turgai-Ural resettlement district, 7 vols.
A.V. Pereplechikov, 1910–1911	Semipalatinsk oblast	Materials from the repeated survey in 1910–1911 of Kyrgyz household and land use in Semipalatinsk oblast, 3 vols.

In the late 1870s and 1880s, large-scale peasant resettlement was underway in Central Russia, as this period was marked by an agrarian crisis following the abolition of serfdom. Growing contradictions in the agrarian sphere, together with the intensification of peasant unrest, compelled the tsarist government to seek

an urgent solution to the resettlement problem. In the view of authorities, agrarian tensions could be alleviated through a policy of migration from the densely populated provinces of European Russia to the imperial borderlands. One of the regions most actively settled by peasant migrants was Kazakhstan.

Following the adoption on 25 March 1891 of the “Statute on the Administration of the Steppe Oblasts”, the colonization of Kazakh lands entered a new phase. Articles 119 and 120 stipulated that nomadic settlement areas, along with land resources, forests and groves, were to be regarded as state property; at the same time, taking customary practices into account, these lands were to be granted to nomadic populations for perpetual use ([Materials...., 1960: 396](#)).

As a result, Kazakh land was legally recognized as the property of the Russian state, while the Kazakh population was effectively reduced to leasing land for its own use. The first addendum to Article 120 stated that any “potential surplus lands” of the nomads would be transferred to the jurisdiction of the Ministry of State Property. Following the enactment of this statute, the colonization of Kazakh territories proceeded without formal constraints: land plots were formally assigned to individual Kazakh households, and a resettlement fund was created from lands classified as “surplus”, from which allotments were subsequently distributed to peasant migrants arriving from the central regions of Russia.

At the same time, imperial authorities placed particular emphasis on encouraging the movement of Russian peasants to the outer regions of the empire, including on Kazakh steppe, viewing this process as a key instrument for advancing colonial expansion. To implement this policy, a number of administrative institutions were established. Among them was the Main Resettlement Administration, created within the structure of the Ministry of Foreign Affairs.

In pursuit of these objectives, the first research expedition was organized in 1896 under the leadership of F.A. Shcherbina. The expedition was assigned a single, clearly defined task – to identify and demarcate “surplus” lands for allocation to Russian peasant settlers ([MKZ, 1898: 1](#)).

To implement the planned objectives, a number of key issues first had to be addressed. First, it was necessary to conduct a thorough examination of the principles and methods underlying nomadic economic practices. Second, the Kazakh population had to be classified according to aul communities and differentiated by types of household economy. Third, calculations were required to determine the number of livestock that could be maintained within each type of household. Fourth, standards for pasture land had to be established for each category of livestock. Fifth, ethnic and geographical characteristics were to be examined within the framework of their historical development. This type of work was highly labor-intensive and required a considerable degree of responsibility ([Tassilova, 2017: 59](#)).

The head of research, F.A. Shcherbina, who later systematized and prepared the “Materials on Kyrgyz Land Use” for publication, described the aims and tasks of the expedition by noting that in 1895, the Ministry of Agriculture and State Properties, seeking to improve the organization of resettlement plots in the steppe oblasts of Siberia, initiated natural-historical and economic-statistical research in these territories. The research was intended, first, to calculate the volume of land required to satisfy the needs of Kyrgyz population under prevailing natural and economic conditions and, second, to determine land areas regarded as surplus and therefore suitable for allocation to resettlement. Thus, based on Shcherbina’s own account, it is evident that the primary objective of the expedition was to identify “surplus” lands for inclusion in the resettlement fund and to establish the necessary land norms for Kazakh households ([MKZ, 1898: 3](#)). Another member of the expedition, who later became its head, L.K. Chermak, formulated the goals of the research in similar terms, emphasizing the need “to determine the types of nomadic households, to define the scale of “traditional” economic activity and to develop appropriate norms for them.” As a result of this expeditionary work, the “Materials on Kyrgyz Land Use” collection was produced. In his book *“Sedentary Kyrgyz Farmers on the Chu River and Notes on the Route across the Hungry Steppe”*, Chermak wrote: “I was unable to obtain any definite information regarding the time of settlement of the Chu region; it is only known that these areas have been occupied for a long time and that the grandfathers and great-grandfathers of the present elders lived here, engaging in agriculture” ([Chermak, 1898: 8](#)).

Researcher T.P. Volkova notes that the first scholar to subject the data contained in the “Materials on Kyrgyz Land Use” to systematic academic analysis was the statistician P.P. Rumiantsev ([Volkova, 1982: 4](#)). In his work *“The Kyrgyz People in the Past and Present”*, Rumiantsev highly appreciated the value of the materials collected by the expedition led by F.A. Shcherbina and explicitly expressed his full agreement with the methodological approach employed in its research ([Rumiantsev, 1910](#)).

In practice, however, a key role in the formation of the expedition that initiated the creation of the “Materials on Kyrgyz Land Use” as well as in the development of its methodological foundations, was played by the well-known specialist in statistics A.A. Kaufman. His official field visits to the Akmolinsk, Semipalatinsk, Ural-Turgai and Syr-Darya oblasts were aimed at defining the concrete objectives and tasks of future research projects led by F.A. Shcherbina, P.A. Skryplev and P.A. Khvorostanskii, and at determining the principal directions of their investigative work ([Kaufman, 1905](#)). In his “Reports”, A.A. Kaufman provided a detailed analysis of the methods applied by Shcherbina’s expedition and subsequently drew on data from the “Materials on Kyrgyz Land Use” in his studies of Russian peasant economy ([Kaufman, 1908](#)).

Particular attention is given to the interpretations of tsarist colonial policy advanced by T.I. Sedelnikov, a member of the First State Duma who took part in expeditionary studies of Kazakh

territories. In his works, Sedelnikov argued that land-management measures implemented in the Kazakh steppe, including the identification of so-called “free lands”, conflicted with the interests of the local population. He emphasized that the actions of the colonizers, which undermined the traditional forms of economic life of nomadic society, stood in direct contradiction to the socio-economic processes unfolding within Kazakh society. As Sedelnikov wrote: “For such ‘authoritative researchers’ and ‘experts’ on the steppe as F.A. Shcherbina and A.A. Kaufman, who were engaged in organizing the entirely unlawful seizure of Kyrgyz lands for resettlement plots, it was highly convenient and advantageous to invoke the ‘specific conditions of nomadic life’ in those instances when they were confronted directly with the needs and requirements of the Kyrgyz themselves, including settled agriculturalists. Otherwise, they would have been compelled to suspend the state-sponsored colonization of the steppe, profitable in recent years to ‘truly Russian landowners’ – and to engage in a far more complex undertaking” (Sedelnikov, 1907: 5).

Overall, this source was used in nearly all studies conducted by the tsarist government in pursuit of the colonization of Kazakh lands, serving as an important methodological and reference tool. Issues of resettlement to Kazakh territories and the land question of nomadic populations were also addressed in the works of representatives of the Kazakh national intelligentsia. Figures such as Alikhan Bukeikhan and T. Shonanuly exposed the colonial and exploitative nature of the tsarist government’s policies toward Kazakh lands in their writings.

It may be noted that in the first years following the establishment of Soviet power, the “Materials on Kyrgyz Land Use” were scarcely used in academic research. Within Soviet historiography, this source was often assessed negatively and the data it contained were treated with skepticism, including in connection with the so-called “average” calculations criticized by Vladimir Lenin. At the same time, it cannot be denied that the quantitative data presented in the “MKZ” were frequently employed in scholarly works as statistical information.

Only in the postwar period, beginning in 1945, did renewed scholarly interest in the “Materials on Kyrgyz Land Use” emerge. Researchers of this era drew primarily on these materials in studies of the land and colonial policies of the tsarist government, the economic conditions of the Kazakh population and agrarian problems. Among the scholars who worked with this source were O.A. Vaganova, Ermukhan Bekmakhanov, B. Suleimenov, A.B. Tursunbaev, L.M. Auezova, T.K. Litvinova, K.M. Tumanshin, S.A. Sundetov and A.B. Geller.

V. S. Chernikov substantiated the reliability of the expeditionary data relating to livestock breeding. N.V. Alekseenko undertook an attempt to verify the accuracy of the demographic data contained in this source by comparing them with other statistical materials (Alekseenko, 1981: 55).

In the historiographical study *“An Outline of the History of Ethnographic Studies of the Kazakh People in the USSR”*, published in 1966, E. A. Masanov systematized the history of ethnographic studies of the Kazakh people and introduced a substantial body of factual material into scholarly circulation (Masanov, 1966). This work provides general information on the expeditions and research teams led by F.A. Shcherbina, P.A. Skryplev, V. Kuznetsov, P.A. Khvorostanskii, P.P. Rumiantsev and A.V. Pereplechikov. Masanov offered an overall assessment of the works produced as a result of expeditionary research and the ethnographic data they contained, emphasizing the colonial nature of the tasks assigned to these expeditions while acknowledging the high scholarly value of the extensive statistical materials they collected.

Researcher T.P. Volkova was among the first scholars to subject the materials collected by the expedition led by F.A. Shcherbina to a comprehensive source-critical analysis (Volkova, 1988: 172). In addition, T.P. Volkova published a number of academically significant articles examining the composition of Shcherbina’s expedition (Petrova, 1980: 52), as well as the methods used to calculate budgetary statistics during expeditionary research.

In the PhD dissertation by G.A. Ermenbetova, *“Materials of the V. Kuznetsov Expedition in the Study of Land Relations in Kazakh Villages at the Beginning of the 20th Century”*, indicators obtained from V. Kuznetsov’s expeditions were systematically compared and the reliability of the statistical data was tested through correlation analysis (Ermenbetova, 2002). The materials collected by the statistical team led by P. Rumiantsev during research in Zhetysu were examined and highly evaluated in the works of F.N. Miimanbaeva, who made active use of these data in her studies (Miimanbaeva et al., 2019: 771).

At the same time, it should be noted that the expeditions headed by P. Skryplev, P. Khvorostanskii and A. Pereplechikov have not yet become the subject of a dedicated, comprehensive study.

On the basis of the author’s research materials, M. Alimbai and G. Orynbayeva, as well as A. Abil and A. Kuzembaiuly, undertook a critical examination of the “Materials on Kyrgyz Land Use” compiled by expeditionary groups. Their analyses, published in the journal “Bylye Gody”, demonstrated the scholarly significance of this source (Abil, Kuzembaiuly, 2021: 1463). These articles place particular emphasis on the significance of the monograph by N.A. Tassilova published in 2017 (Alimbai, Orynbayeva, 2019: 341).

Of particular relevance for the present study are interpretations offered by scholars based outside the post-Soviet academic space, most notably the work of Ian Campbell, a specialist in the history of the borderlands of the Russian Empire. In his 2017 monograph *“Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917”*, the author advances the argument that the

tsarist government's control over the Kazakh Steppe, despite periodic uprisings and forms of resistance, developed in a gradual and cumulative manner and became significantly stronger over time.

Campbell emphasizes that, in the early phase of integrating the steppe regions into the imperial framework, the Russian administration lacked both a coherent plan for governing these territories and an adequate understanding of their socio-economic conditions and spatial organization. However, as administrative and scholarly experience accumulated, more stable conceptual and cognitive models of colonial governance and economic appropriation of the steppe space gradually took shape (Campbell, 2017: 30). As the author notes, on the eve of the reforms of the 1860s a contradictory situation had emerged, marked by the absence of a coherent and systematic understanding of future forms of regional administration. The development of a more ordered and consistent model of governance required an additional period during which the Kazakh Steppe underwent institutional and intellectual “appropriation”.

4. Results

Although the primary objective of the expeditions commissioned by the Russian Empire was colonization, the materials they produced possess substantial informational value for the study of Kazakhstan's history. In particular, the statistical expedition led by F.A. Shcherbina has been extensively used by Ian Campbell in his research, where the scholarly and source-based significance of this body of materials is convincingly demonstrated.

Table 2. Oblasts and uezds investigated by the expedition of F.A. Shcherbina, 1896–1903

Oblasts investigated	Uezds investigated	Members of the expedition who collected materials for the “Materials on Kyrgyz Land Use”	Information on “Materials on Kyrgyz land use” volumes
Akmolinsk Oblast	1. Kokchetav (1896) 2. Atbasar (1897) 3. Omsk (1901) 4. Akmola (1896–1900) 5. Petropavl (1901)	F. Shcherbina B. Baskin A. Dyadichenko V. Vladimirskii N. Dmitriev G. Nyashin I. Gusev A. Darofeev L. Chermak A. Bukeikhanov E. Dobrovol'skii	Vol. 1. Voronezh, 1898 Vol. 2. Voronezh, 1902 Vol. 3. Voronezh, 1902 Vol. 11. Omsk, 1907 Vol. 12. Chernihiv, 1908
Semipalatinsk Oblast	1. Pavlodar (1897) 2. Karkaraly (1898–1899) 3. Zaisan (1900) 4. Ust-Kamenogorsk (1900–1904) 5. Semipalatinsk (1900)	F. Shcherbina L. Chermak N. Dmitriev A. Bukeikhanov I. Tripol'skii P. Kondrat'ev I. Gusev G. Nyashin V. Vardugin V. Kuznetsov	Vol. 4. Voronezh, 1903 Vol. 6. Voronezh, 1905 Vol. 8. Saint Petersburg, 1909 Vol. 9. Saint Petersburg, 1905
Turgai Oblast	1. Kustanai (1898) 2. Aktyubinsk (1898–1899)	F. Shcherbina E. Dobrovol'skii N. Dmitriev G.S. Cherniavskii	Vol.5. Voronezh, 1903 Vol.7. Voronezh, 1903
Total	Budget report for three oblasts	F. Shcherbina	Vol. 13. Saint Petersburg, 1906
In total, three oblasts were investigated.	12 uezds, 149 volosts. Of these, 50 volosts were studied in Akmolinsk oblast, 77 in Semipalatinsk oblast and 22 in Turgai oblast.	During the course of the research, the composition of the expedition members changed repeatedly.	Total number of volumes – 13.

The “Materials on Kyrgyz Land Use”, produced as a result of the research teams working in the Ural and Turgai oblasts, were published in Orenburg. The [Table 3](#) below indicates the years of publication of the source, the place of publication and the principal authors.

Table 3. Oblasts and uezds investigated during the expedition led by P. A. Khvorostanskii, 1904–1912

Oblasts investigated	Uezds investigated	Members of the expedition who collected materials for the “Materials on Kyrgyz Land Use”	Information on “Materials on Kyrgyz land use” volumes
Turgai oblast	1. Turgai 2. Irgiz 3. Kustanai 4. Aktyubinsk	P.A. Khvorostanskii T.I. Sedelnikov V.P. Semenov N.P. Chevalier	Vol. 3. Orenburg, 1911 Vol. 6. Orenburg, 1913 Vol. 4. Orenburg, 1912 Vol. 5. Orenburg, 1912
Ural oblast	1. Ilbishin 2. Ural 3. Temir	P.A. Khvorostanskii T.I. Sedelnikov V.P. Semenov N.P. Chevalier	Vol. 7. Orenburg, 1914 Vol. 1. Orenburg, 1909 Vol. 2. Orenburg, 1910
Total 2 oblasts	Investigated 7 uezds		7 volumes

While the materials produced by the last two research teams were published by a single publishing house, the materials collected by the expedition led by F.A. Shcherbina were issued by four different publishers. The reasons for this situation are explained by T.P. Volkova in her study: “The publication of the volumes of the “Materials...” took place under difficult and unfavorable conditions, due to the lack of a typographical base, frequent changes of editors and authors, a shortage of qualified personnel and financial difficulties. These factors hindered the compilation of data and delayed the publication of individual volumes”.

The materials collected by the research team working on the “Materials on Kyrgyz Land Use” in the Syr-Darya oblast were published in Tashkent ([TsGA RK. F. 33. Op. 1. D. 4. L. 6](#)).

The table below provides information on the published “Materials...” volumes relating to the Syr-Darya oblast, including years of publication and data on the principal authors.

Table 4. Oblasts and uezds investigated during the expeditions led by P. A. Skryplev, 1906–1913

Oblasts investigated	Uezds investigated	Members of the expedition who collected materials for the “Materials on Kyrgyz Land Use”	Information on “Materials on Kyrgyz land use” volumes
Syr-Darya oblast	1. Chimkent 2. Aulieata 3. Perovsk 4. Kazalinsk 5. Chu and Talas	P.A. Skryplev P.I. Putilov I.I. Rylov V.A. Yakimanskii V.I. Yuferev	1) Vol.1. Tashkent, 1910 2) Vol.2, Part 1. Text. Tashkent, 1910 Vol.2. Part 2. Tables. Tashkent, 1910 3) Vol.3. Tashkent, 1911 4) Vol.4. Tashkent, 1912 5) Vol.5. Tashkent, 1913 6) Vol.6. Tashkent, 1915
Total			Total number of volumes – 6. Volume 2 consists of two parts.

Typographical shortcomings in the source that constitutes the object of this study are indicated either on the same page, on the first page or on the final page of the volume. In some cases, such remarks appear in the preface or introduction.

The expedition commenced its research activities with the preparation of a preliminary research scheme and a review of reference literature and encyclopedic works concerning the Steppe Region. In addition, it drew upon reports issued by the governor-general, materials published by local statistical committees and other legislative sources. Overall, the research program was later adjusted on the basis of methodological experience gained in practice following preliminary observations. The program was prepared by F.A. Shcherbina. The expedition’s program consisted of 17 chapters and 93 subsections, covering the following themes: 1. Clan-based organization; 2. History of economic auls; 3. Forms of land use; 4. Animal husbandry; 5. Wheat harvesting; 6. Land cultivation; 7. Horticulture and melon growing; 8. Forest and tugai lands; 9. Land leasing; 10. Industry and wages; 11. Taxes and obligations; 12. Characteristics of the Kyrgyz

family; 13. General economic affairs; 14. Trade; 15. Credit; 16. Population needs; 17. Natural and climatic conditions (MKZ, 1908: 3-5).

This program became a foundational framework for all subsequent research activities and the methods employed by F. A. Shcherbina were adopted as a model by other statisticians.

It is evident that the objectivity and reliability of the source were influenced by external factors and a number of practical difficulties. F. A. Shcherbina himself noted the challenges and shortcomings encountered during the research process. Among them, he identified:

1. The vastness of the territory, which required considerable time and effort for travel;
2. The researchers' lack of knowledge of the Kazakh language, which necessitated the involvement of a third party, namely interpreters;
3. Insufficient familiarity with the region under investigation.

Each of these difficulties, both individually and collectively, slowed the progress of the work and hindered its timely completion (MKZ, 1898: 2).

The structure of each volume of this source invariably includes: (1) textual material, (2) statistical tables and (3) maps. Although the textual component of the source was conceived on the basis of a unified program, the volumes were written with differing internal structures. They typically contain historical descriptions of each uezd, analyses of land use, territorial extent, geographical and natural features, the spatial distribution and migration routes of clans and tribes, tables of clans and tribal groupings, and accounts of uezd-level economies and their specific characteristics in comparison with other districts. In addition, the text of each volume necessarily includes information on forms of land use, land cultivation, animal husbandry, crafts, land leasing and the historical development of the uezds.

The "Materials on Kyrgyz Land Use" represent a distinct type of written source by virtue of their origin. This is due to the fact that the creator of this source was not an individual author, but a collective of researchers. The collection of materials was carried out not by a single person, but by a group of highly qualified specialists.

This body of sources was produced by statistical teams and research expeditions whose members included professional statisticians, agronomists, registrars, topographers, hydrogeologists and botanists. These specialists not only collected data using specific methodologies and research techniques, but also carried out their analysis, systematization and subsequent preparation for publication in the form of a multi-volume printed edition.

A leading role in the identification, accumulation and structural analysis of historical and geographical information is played by the study of cartographic sources. Among the most significant materials are printed and manuscript maps, drawings and schematic plans, as well as the accompanying explanatory descriptions, including those incorporated into historical works.

The second component of the "Materials on Kyrgyz Land Use" source consists of tables. Tables are present in every volume without exception. At the same time, when individual uezds exhibited particular characteristics, they were supplemented with additional tables reflecting these specific features.

The table below presents the types of tables encountered in the "Materials on Kyrgyz Land Use" and the distinguishing features of each type.

Table 5. Types of tables and their characteristics

Types of tables	Characteristics of the tables and the information concentrated in them
Aul-level tables	These tables present information on the number of auls within each volost, the clan affiliation of the inhabitants of each aul and the location of the aul in relation to surrounding terrain or wells and other water sources. The names of auls, winter camps and summer pastures were not given by name, but were indicated only by registration number and the name of the volost. The tables also contain data on population numbers, the time of settlement in the aul, clan affiliation, numbers of men and women, as well as the types and quantities of livestock.
Community-level tables	These tables include information on the auls belonging to a given community, household economy, animal husbandry and agriculture, land leasing and population size.
Regional tables	These tables provide data on the age structure and age-specific characteristics of the population, literacy levels and household economy
Tables by economic sectors	These tables reflect economic groups, their size, hired labor, crafts and the tools required for economic activities.
Tables on uezd specificity: supplementary and general data	These tables contain additional and general information on the specific features of each uezd.

Types of tables	Characteristics of the tables and the information concentrated in them
Clan and tribal tables: a) settler and nomadic clans; b) the main population of the uezds	a) clans that migrated from other areas and their genealogy; b) the names of each clan and their shezhire (genealogy).

These tables emerged from the practical needs faced by land surveyors and statisticians in the course of their work on specific applied tasks. For this reason, the source contains tables that differ considerably from one another in structure and content. For example, the aul-level tables comprise 78 questions that focus primarily on the economic characteristics of the aul, the location of winter camps, the most recent clan head, the age of the aul, the names of water bodies, population size disaggregated by age and sex, dwellings, crafts, age- and species-specific livestock composition, animal husbandry and agriculture. These aul-level tables make it possible to extract information on the settlement patterns of clans and tribes, and on the territorial organization of their habitation.

Even more informative, however, are cartographic sources from the XIX and XX centuries, which provide clear and concentrated data on the physical geography of Kazakhstan, the system of settlements, patterns of population distribution and migration, the development of new territories, as well as the economic development and political-administrative structure of the region. Maps from this period typically feature a graticule, are oriented according to the cardinal directions, include a scale and are based on the results of geodetic surveys carried out using astronomical reference points. At the same time, it should be noted that some of the information contained in these maps still relied on insufficiently verified sources.

The intensification of cartographic work on the territory of Kazakhstan was directly linked to the expansion of expeditionary activity in the region during the 1820s-1830s. In the course of expeditions examining Kyrgyz land use, special maps entitled “Kyrgyz Land Use and Pasture Regions” were produced, on which uezd boundaries and all major types of pasture lands were recorded. In particular, within the activities of the Akmolinsk Statistical Team, a map of Kazakh land use in Akmolinsk uezd was compiled under the direction of the senior topographer of the Akmolinsk team, Slavetskii. This cartographic material was produced at a scale of 15 versts per inch.

Maps illustrating the history of clan settlement across the territory of Kazakhstan also possess considerable source-critical value.

Thus, the “Materials on Kyrgyz Land Use” constitute a multi-volume publication in which each volume differs in its specific focus and research methods. Although these works were produced within a unified overarching objective, their significance for the study of the history of the Kazakh ethnos in the late XIX and early XX centuries warrants particular attention.

It should be emphasized that the primary factor behind the creation of the “Materials on Kyrgyz Land Use” was the colonial policy pursued by tsarist Russia, a circumstance explicitly reflected both in the source itself and in related legal and archival documents. As a primary source addressing various aspects of the history of Kazakhstan in the late XIX and early XX centuries, these volumes represent a highly valuable body of evidence, based on extensive data collected by research expeditions.

5. Conclusion

It can be concluded that the “Materials on Kyrgyz Land Use” represent a unique and important source for examining the history of Kazakh society in the late XIX and early XX centuries. The materials collected by research expeditions and statistical teams provide important evidence on various aspects of the history of the Kazakh ethnos, including: historical and ethnographic data; geographical setting and climatic features; biological characteristics and hydrology; economic activities and household organization; demographic structure and population size; social structure and clan-tribal organization; topographical features and place names; genealogy and the spatial patterns of clans and tribal settlement; processes of the colonization of Kazakh lands.

In emphasizing the specific features and scholarly importance of these sources, the following points should be highlighted:

1) The broad geographical scope of research conducted across the territory of present-day Kazakhstan (Akmolinsk, Semipalatinsk, Ural, Turgai and Syr-Darya oblasts), which enables a comprehensive reconstruction of regional historical processes;

2) Although field research in Kazakhstan was not fully completed, the collected materials were systematically processed and published in book form, ensuring the timely publication of the source;

3) The researchers who compiled the materials and prepared them for publication – from the initial stages to the completion of the expeditions – were highly educated specialists (F.A. Shcherbina, Alikhan Bukeikhan, L.K. Chermak, P.A. Skryplev, P.A. Khvorostanskii, among others), which enhanced the overall level of objectivity of the source;

4) Following their initial publication, the sources were neither revised nor republished and thus have been preserved in their original form; prior to publication, the “Materials on Kyrgyz Land Use” were compared with earlier statistical sources;

5) As a historical source, “Materials on Kyrgyz Land Use” are particularly valuable for the comprehensive, detailed and relatively objective statistical data they contain on clan and tribal structures.

Alikhan Bukeikhan, who participated directly in the preparation of the “Materials on Kyrgyz Land Use”, made a substantial contribution to the study of his homeland and to scholarly analysis of the clan-tribal organization of the Kazakh people.

The “Materials on Kyrgyz Land Use” constitute an important historical source, distinguished by their specific features, for investigating traditional Kazakh society in the late XIX and early XX centuries.

6. Acknowledgements

This study was carried out within the framework of a research project funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP23489355 – “Modernization of popular narratives in the history of Kazakhstan using public history methods”).

References

- [Aleksenko, 1981](#) – Aleksenko, N.V. (1981). *Naselenie dorevoliutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav. 1870–1914 gg.)* [Population of Pre-Revolutionary Kazakhstan (Size, Distribution, Composition, 1870–1914)]. Alma-Ata, 155 p. [in Russian]
- [Alimbay, 2019](#) – Alimbay, N., Orynbayeva, G.U. (2019). Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (Late 19th – Early 20th Century). *Bylye Gody*. 51(1): 337-347.
- [Campbell, 2017](#) – Campbell, I.W. (2017). *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917*. Ithaca; London, 288 p.
- [Chermak, 1900](#) – Chermak, L.K. (1900). *Osedlye kyrgyzy-zemledel'tsy na r. Chu i zametki o puti cherez Golodnuyu step'* [Sedentary Kyrgyz farmers on the Chu River and notes on the route across the Hungry steppe]. Omsk. 31 p. [in Russian]
- [Ermenbetova, 2002](#) – Ermenbetova, G.A. (2002). XX gasyrdyn basyndagy kazak auylyndagy zher katynasyn zertteude V. Kuznetsov ekspeditsiyasynyn materialdary [Materials of the V. Kuznetsov expedition in the study of land relations in Kazakh villages at the beginning of the 20th century]. Abstract of PhD diss. Almaty, 31 p. [in Kazakh]
- [Kaufman, 1897](#) – Kaufman, A.A. (1897). Materialy po voprosu ob organizatsii rabot po obrazovaniyu pereselencheskikh uchastkov v stepnykh oblastyakh. [Materials on the organization of works on the formation of resettlement plots in the steppe regions]. St. Petersburg, 149 p. [in Russian]
- [Kaufman, 1908](#) – Kaufman, A.A. (1908). *Russkaya obshchina v protsesse ee zarozhdeniya i rosta* [The Russian commune in the process of its formation and growth]. Moscow. [in Russian]
- [Masanov, 1966](#) – Masanov, E.A. (1966). *An Outline of the History of Ethnographic Studies of the Kazakh People in the USSR*. Alma-Ata: Nauka, 322 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1960](#) – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T. 1. Alma-Ata: Izdatel'stvo AN KazSSR [Materials on the history of the political system of Kazakhstan. Vol. 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 440 p. [in Russian]
- [Miimanbayeva et al., 2019](#) – Miimanbayeva, F.N., Komandzhaev, A.N., Komandzhaev, E.A. (2019). Pravoye osnovy zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya pereselentsev v Semirech'e v kontse XIX – nachale XX v. [Legal foundations of land ownership and land use of settlers in Semirechye in the late 19th – early 20th centuries]. *Oriental Studies*. 12(5): 771-786. [in Russian]
- [MKZ, 1902](#) – Materialy po kyrgyzskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei [Materials on Kyrgyz land use collected and compiled by the expedition for the study of the steppe regions]. Pod red. F.A. Shcherbiny T. XI. Akmolinsk oblast. Omsk uезд. Omsk, 1902. 274 p. [in Russian]
- [MKZ, 1908](#) – Materialy po kyrgyzskomu zemlepol'zovaniyu v Syrdar'inskoi oblasti. Chimkentskii uезд [Materials on Kyrgyz land use in the Syr-Darya region. Vol. 1. Chimkent uезд]. Tashkent, 643 p. [in Russian]
- [MKZ, 1898](#) – Materialy po kyrgyzskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei [Materials on Kyrgyz land use collected and compiled by the expedition for the study of the steppe regions]. Pod red. F.A. Shcherbiny. Akmolinskaya oblast'. Kokchetavskii uезд. T. 1. Voronezh. [in Russian]
- [Petrova, 1980](#) – Petrova, T.P. (1980). K voprosu o sostave ekspeditsii F.A. Shcherbiny po issledovaniyu stepnykh oblastei Kazakhstana [On the composition of F.A. Shcherbina's expedition for the study of the steppe regions of Kazakhstan]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 4: 50-55. 4: 50-55. [in Russian]
- [Rumiantsev, 1909](#) – Rumiantsev, P.P. (1909). *Kyrgyzskii narod v proshlom i nastoyashchem*. SPb.: Pereselencheskoe upravlenie. [The Kyrgyz People in the past and present]. St. Petersburg: Resettlement Administration, 66 p. [in Russian]

[Sedelnikov, 1907](#) – *Sedelnikov, T.* (1907). *Bor'ba za zemlyu v kyrgyzskoi stepi (kyrgyzskii zemel'nyi vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva)*. [The Struggle for land in the Kyrgyz Steppe (the Kyrgyz land question and government colonization policy)]. St. Petersburg: Delo, 79 p. [in Russian]

[Tassilova, 2017](#) – *Tassilova, N.A.* (2017). «Materialy po kyrgyzskomu (kazakhskomu) zemlepol'zovaniyu...» kak istochnik po istorii Kazakhstana (konets XIX – nachalo XX vekov). [“Materials on Kyrgyz (Kazakh) land use” as a source for the history of Kazakhstan (late 19th – early 20th centuries)]. Almaty: Kazakh University, 150 p. [in Russian]

[Tolybekov, 1959](#) – *Tolybekov, S.E.* (1959). *Obshchestvenno-ekonomicheskii stroi kazakhov v XVII–XIX vv.* [The socio-economic system of the Kazakhs in the 17th–19th centuries]. Alma-Ata, 110 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

[Volkova, 1982](#) – *Volkova, T.P.* (1982). *Materialy po kyrgyzskomu (kazakhskomu) zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye po issledovaniyu stepnykh oblastei* [Materials on Kyrgyz (Kazakh) land use collected during the study of the steppe regions]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. M., 17 p. [in Russian]

[Volkova, 1988](#) – *Volkova, T.P.* (1988). *K izucheniyu i ispol'zovaniyu dannykh dorevol'yutsionnoi byudzhethnoi statistiki kazakhskikh khozyaistv. Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Kazakhstana (dorevol'yutsionnyi period)* [On the study and use of pre-revolutionary budget statistics of Kazakh households]. Pp. 171-197. [in Russian]

[Yerkin et al., 2021](#) – *Yerkin, A., Abil, A., Kuzembayuly, A.* (2021). “Materials on the Kyrgyz Land Use” as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan. *Bylye Gody*. 16(3): 1463-1472.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 388-398
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.388

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

V.O. Klyuchevsky and His Learners at the Moscow Theological Academy (1871–1906)

Pavel V. Fedorov ^{a, *}

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

The Central State Archive of Moscow and the Department of Manuscripts of the Russian State Library have preserved a significant set of reviews prepared by the outstanding Russian historian V. O. Klyuchevsky for the graduation and master's works of his learners while teaching at the Moscow Theological Academy (1871–1906). Based on the analysis of the critical remarks, tips and recommendations presented in the reviews, the views of the scientist on the goals and standards of historical research are revealed. The author of the article comes to the conclusion that the consideration of the phenomenon of the “Klyuchevsky's scientific school” cannot be limited to a single historiographical representation. The scientific and pedagogical, utilitarian function of the school, carried out at the level of interaction with students and master's students, is also important. It not only allows us to see the entire mechanism of training scientific personnel, but also to rethink the concept of “student” and to evaluate the contribution of V.O. Klyuchevsky to the dissemination of historical knowledge in the regions. Based on the study of biographies of graduates of the Moscow Theological Academy, the article clarifies the circle of Klyuchevsky's students. The contribution of the “Klyuchevsky's scientific school” to the strengthening of the regional and provincial cultural environment in Russia is considered.

Keywords: school of V.O. Klyuchevsky, historical science, theology, education, text, dissertation, historiography, Russian Orthodox Church, biography, review.

1. Введение

Когда вспоминают о «школе» выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), то под ней обычно подразумеваются самые лучшие его ученики, которые сами стали известными историками (П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье и др.).

Вместе с тем опыт взаимодействия В.О. Ключевского со своими учениками, в частности, со студенческой аудиторией, изучен весьма поверхностно. Обзор невольно сужается до представлений о том, что историк был блестящим лектором, его лекции охотно посещали студенты. Хотя это действительно так, отношения историка со своими учениками не ограничивались одними лишь лекциями. Пожалуй, самым важным направлением их взаимодействия становилось сотрудничество в части подготовки письменных выпускных работ: вот, где действительно проверялась польза усвоенного лекционного материала, а также способность наставника работать не только в группе, но и на индивидуальном уровне.

Таким образом, в изучении творчества историка, которое ведётся уже многие годы, обнаруживается интересная перспектива – возможность по-новому раскрыть бытующее в нашей историографии понятие «школа Ключевского» с учётом не только научного, но и педагогического опыта историка. На основе переосмысления самого понятия «ученик» возможно уточнить количественный и качественный состав учеников Ключевского.

* Corresponding author

E-mail addresses: sever-nordica@yandex.ru (P.V. Fedorov)

2. Материалы и методы

Решение обозначенной задачи возможно на примере Московской духовной академии (далее – МДА), где Ключевский преподавал более 30 лет (с 1871 по 1906 г.).

Учёный читал лекции в разных учебных заведениях. Работа в стенах МДА в подмосковном Сергиевском посаде занимала у него два дня в неделю (Ключевский, 1968: 148-150). Ключевский читал в духовной академии лекции по «русской гражданской истории» и руководил выпускными работами – кандидатскими сочинениями. При том, что их также называли «кандидатскими диссертациями», в современном понимании они соответствовали не кандидатским диссертациям, а «дипломным» работам, поскольку давали выпускникам право на получение диплома об окончании духовной академии со степенью кандидата богословия.

Ещё один вид деятельности Ключевского в МДА был связан с оппонированием магистерских диссертаций. Практика оппонирования зачастую означала всю ту же наставническую опеку историка, советы и подсказки учащимся с его стороны. Даже в затруднительных случаях, когда магистерская диссертация не проходила строгую экспертизу Святейшего Синода, предварительный отзыв Ключевского, пусть строгий и критичный, всегда содержал позитивный или, по крайней мере, нейтральный вывод для автора работы. Таким образом, те магистранты, которые поработали с Ключевским как с оппонентом, также могут считаться его учениками.

Архив МДА неплохо сохранился: в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА г. Москвы) (Москва, Российская Федерация) в фонде 229 (Московская духовная академия ведомства Святейшего Синода) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) (Москва, Российская Федерация) в фонде 172 (Московская духовная академия). Для реконструкции состава учеников Ключевского наибольшее значение имеют следующие группы документов:

- 1) отзывы Ключевского на магистерские и кандидатские работы (диссертации);
- 2) магистерские и кандидатские работы (диссертации);
- 3) личные дела воспитанников МДА.

В архивах было обнаружено 115 отзывов Ключевского на кандидатские и магистерские работы, большая часть из которых представлена рукописными или машинописными подлинниками и крайне редко – заверенными или незаверенными рукописными копиями. Ещё 10 отзывов были восстановлены по публикациям в «Журналах заседаний Совета МДА» и документальной подборке, которую в 1914 г. подготовил Н.А. Заозерский (Заозерский, 1914).

Понять содержание отзывов помогают сохранившиеся в архиве рукописи кандидатских работ. Магистерские диссертации, которых было значительно меньше, чем кандидатских, представлялись на защиту в виде изданных книг, найти которые в библиотеках нетрудно (Каптерев, 1874; Знаменский, 1880; Кедров, 1886; Скворцов, 1890; Голубцов, 1891; Васильев, 1893; Тихомиров, 1895; Прозоровский, 1896; Виноградский, 1899; Лупшов, 1899).

Проследить судьбу учеников Ключевского позволяют личные дела воспитанников, сохранившиеся в том же фонде 229 ЦГА города Москвы, а также оцифрованный массив церковной периодики досоветского периода, в которой печатались указы о награждениях, служебных перемещениях и т. д.

В исследовании использовались как общенаучные и общеисторические, так и специальные научные методы, в частности, историко-текстологический и биографический. Рассматривая отзывы Ключевского в качестве документального комплекса, можно реконструировать взгляды учёного на цели, задачи и стандарты исторического исследования, что имеет значение для изучения теоретико-методологического фундамента «школы Ключевского». Биографический метод позволяет выявить продуктивность научно-педагогической деятельности учёного через биографии его учеников.

3. Обсуждение

Научная деятельность Василия Осиповича Ключевского хорошо представлена и изучена в нашей историографии. Несколько поколений учёных трудились над публикацией собраний его сочинений. Создана классическая биография историка (Нечкина, 1974; Сидорова, 2025). Были восстановлены и изданы материалы лекционных курсов, которые Ключевский проводил в различных учебных заведениях, а также для наследника престола, цесаревича Георгия в Абастумане (Ключевский, 1997; Ключевский, 2012). Анализируя богатое наследие учёного, исследователи пытаются осмыслить феномен «школы Ключевского» (Гришина, 2009; Попов, 2010; Шапошников, 2011; Сулаберидзе, 2012; Лачаева, 2016). Цель этого подхода – в рассмотрении научной и образовательной деятельности учёного как единого целого, чтобы глубже понять специфику исторических взглядов Василия Осиповича и его место среди других выдающихся историков.

Наибольшим вниманием исследователей, однако, пользовались отзывы Ключевского на докторские диссертации и другие крупные труды. Именно в этих отзывах, поднимающихся до уровня научной дискуссии, историк ярко демонстрировал своё собственное видение и отличие от других историков. Отзывы же на кандидатские и магистерские сочинения, как правило, не вызывали научного интереса.

Такой, главным образом историографический, взгляд на научно-образовательную деятельность Ключевского несколько упускал из виду сугубо практическую, утилитарную сторону научной школы. Речь идёт о самом первом её этаже, где закладывались основы исторического знания и образовательные подходы были важнее научных. Именно в этом процессе взаимодействия преподавателя с учениками, как правило, начинает формироваться исследовательский опыт последних. Без этой составляющей рассмотрение феномена «школы Ключевского» оказывается неполным и даже неубедительным.

В историографии накоплен определённый положительный опыт. Так, Н.Ю. Суховой были использованы докторские и магистерские диссертации в качестве источников по истории русской богословской науки. Хотя предметом исследования здесь стали работы богословов, а не историков, впервые применённый подход показал свою продуктивность (Сухова, 2013). На необходимость изучения докторских и магистерских отзывов самого Ключевского ещё в 1960-е гг. обращала внимание его биограф Р.А. Киреева (Киреева, 1966). Ещё до революции публикацию отзывов Василия Осиповича на докторские, магистерские и кандидатские диссертации начал Н.А. Заозерский (Заозерский, 1914).

Если говорить о таком авторе, как Ключевский, то готовы отчасти согласиться с подходом Н.А. Заозерского: значимым станет изучение отзывов историка не только на магистерские, но и на кандидатские сочинения, несмотря на разный научно-квалификационный статус этих работ. При этом стоит отказаться от соблазна включить в анализ сравнительно немногочисленные отзывы на докторские диссертации, поскольку эти работы выходят за рамки интересующего нас взаимодействия преподавателя и учащихся.

Таким образом, комплексное рассмотрение отзывов Ключевского на магистерские и кандидатские работы позволит приблизиться к пониманию научно-педагогической методики учёного, а также уточнить круг его учеников.

4. Результаты

Судя по выявленным отзывам, за годы службы в МДА Ключевский руководил 116 кандидатскими сочинениями и принял участие в 9 магистерских защитах, будучи официальным или неофициальным оппонентом. Ещё один, десятый, отзыв на магистерскую диссертацию Н.Ф. Каптерева так и не был обнаружен нами, несмотря на то что имеется информация об участии Ключевского в этой защите в качестве оппонента (Список..., 1914: 445). Анализ всех собранных воедино отзывов позволяет указать на следующие особенности.

4.1. Требования В.О. Ключевского к выпускным работам

Что же ожидал историк от качества выпускных работ? Заслуживает внимания и выбор тем. 90 из 125 кандидатских и магистерских работ были посвящены эпохе допетровской Руси, оставшиеся 35 – последующему периоду, вплоть до середины XIX в. Ключевский никогда не давал узких тем. Его привлекали проблемы, позволяющие сопоставлять события различных эпох, либо возникающие на границе церковной и светской жизни. Ряд исследований был посвящён деятелям русской духовной культуры (Нилу Сорскому, Иосифу Волоцкому, патриарху Никону, Феофану Прокоповичу и др.). Также внимание уделялось вопросам источниковедения. Некоторые исследования основывались на материалах русских летописей, судебников, Стоглава, Соборного Уложения и т. д. Новаторскими выглядели темы, затрагивающие положение женщины и семьи в древнерусском обществе. Василий Осипович проявлял особую заинтересованность в вопросах русской истории, касающихся церковного права, колонизации земель и государственной политики в сфере церковного управления. Особый тематический блок был посвящён церковным преобразованиям на юго-западных территориях России: от создания Галицкой митрополии до учреждения униатской церкви.

Хотя отзывы Ключевского в основном носили доброжелательный и гуманный характер, они неизменно содержали множество критических замечаний. Сложив их все вместе, можно составить ценные методические рекомендации по написанию исторических работ. Учёный руководствовался идеями «прагматической истории», которые ещё в первой половине XIX ст. продвигал Н.Г. Устрялов, считавший, что историк не должен ограничиваться ролью летописца, просто пересказывающего события в хронологическом порядке. Его главная задача – найти связи между прошлым и настоящим, сделать историю актуальной и полезной для современника (Баданов, 1997).

Ключевский настоятельно рекомендовал своим ученикам тщательно обрабатывать исторический материал, чтобы набор фактов не заслонял собой целостную картину исторических эпох (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 242. Д. 14. Л. 1). Василий Осипович полагал, что во вводной части исследования допустимо выйти за рамки хронологических границ, «всякие оглядки назад» оказываются полезными для исторического осмысления (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 264. Д. 5. Л. 1). Он высоко ценил широту кругозора исследователя, считая, что изучение темы должно проводиться на основе понимания времени, в контексте исторической эпохи (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 6. Лл. 5–13об.). Авторам диссертаций, построенных на фактах местной истории, учёный напоминал о необходимости преодоления замкнутости в своём узком предмете, о насущной связи с глубинными основами русской истории (Журналы..., 1900: 70–72).

Ключевский критиковал недостаточную последовательность и «колебания мысли», неумение чётко определить границы исследования, неточность формулировок и несоответствие предмета изучения, желание написать бесспорное и общеизвестное (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 32. Л. 1–5; Заозерский, 1914: 121). Его критические замечания к студенту Н.И. Нарскому сводились к тому, что последний чрезмерно цитирует и описывает, вместо того чтобы объяснять и обобщать изучаемые явления. Нарский, по мнению Ключевского, отходит от поставленной задачи, углубляется в смежные дисциплины и несущественные детали (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 313. Д. 13. Л. 1–2). Ключевский полагал, что пространные рассуждения неуместны там, где достаточно просто изложить факты; сложности возникают из-за излишних обобщений и неспособности выдержать свою мысль при разборе деталей (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 225. Д. 13. Л. 1–2; ОР РГБ. Ф. 172. Картон 330. Д. 13. Л. 1–2). В своём отзыве на работу А.Т. Никольского Ключевский предлагал такие приёмы рационального построения научного текста, как «сглаживание... разномыслия» между цитируемыми авторами, а также использование промежуточных и кратких обобщений и выводов в тексте работы. Если прямых доказательств достоверности исторического события не хватало, учёный советовал не отвергать косвенные свидетельства, которые способны дать хотя бы некоторые штрихи (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 319. Д. 2. Лл. 1–2; ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 6. Л. 5–130б.).

К компиляции Ключевский относился негативно, выступал против простого копирования чужих идей без собственного осмысления (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 428. Д. 7. Л. 1). Учёный считал, что следует чётко отделить собственные суждения и слова от заимствованных и точнее обозначить сам источник (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 250. Д. 13. Л. 1–2). При этом Ключевский призывал не идти на поводу у источника и проверять содержащуюся в нём информацию. Он не допускал приводить цитаты целиком или большими фрагментами и уж тем более прибегать к повторам. Упомянул о курьёзах, когда ученики находили в источниках то, чего в них на самом деле не было (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 215. Д. 6. Л. 1; ОР РГБ. Ф. 172. Картон 265. Д. 11. Лл. 1–2; ОР РГБ. Ф. 172. Картон 385. Д. 3. Л. 1–2; ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 6. Л. 5–130б.).

Василий Осипович придавал большое значение вопросу построения исследовательской работы. В качестве примера он критиковал студента Г.А. Орлова за стремление систематизировать поучения древнерусских церковных пастырей по тематическому признаку, а не по хронологии. По мнению Василия Осиповича, такой подход не позволил автору проследить эволюцию этого жанра духовной литературы и составить литературные портреты самих пастырей (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 5. Д. 643. Л. 104). В ходе анализа магистерской диссертации А.А. Прозоровского, посвящённой писателю XVII в. Сильвестру Медведеву, исследователь критикует стремление автора рассматривать биографию Медведева отдельно от его публицистических работ. По мнению учёного, такое разделение привело к упущенным возможностям и утрате некоторых смыслов (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 6. Л. 5–130б.).

Учёный призывал своих учеников оставаться беспристрастными. Он критиковал А.А. Прозоровского за эмоции, проявленные к персонажу и его противникам, за склонность «во всем оправдать первого и завинить последних» (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 6. Л. 5–130б.).

Ключевский придавал большое значение языку научной работы. В своих отзывах он подчёркивал недопустимость использования слов из повседневного обихода, пословиц и подобных выражений. Он также не терпел излишней многословности. В то же время высоко ценил «живость» и даже «бойкость» изложения, что, скорее всего, означало для него строгую форму в сочетании с хорошим темпом (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 200. Д. 15. Л. 1–2; ОР РГБ. Ф. 172. Картон 345. Д. 20. Л. 1; ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 5. Д. 643. Л. 94–95; Журналы..., 1901: 19–22).

Василий Осипович, безусловно, интересовался и тем, как его собственные труды воспринимаются учениками, понимают ли они его мысли. В кандидатских и магистерских работах встречаются ссылки на труды Ключевского (например, у В.П. Васильева, С.С. Никольского, В.А. Цветкова и др.) (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 322. Д. 8; Васильев, 1893).

Хотя учёный старался объективно оценивать работы своих учеников и не навязывать им своих исторических взглядов, в некоторых случаях ему удавалось это с трудом. В ряде отзывов проглядывает личное видение Ключевского, своеобразно дополняющее его «Курс русской истории». Так, например, историк поддерживает построения студента Н.И. Серебрянского о местных и общих условиях исторического процесса, что созвучно идеям, изложенным в первой лекции «Курса» (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 376. Д. 5. Л. 1–2; Ключевский, 1987: 35–36). В дискуссии о значении «Духовного регламента» 1721 г., комментируя кандидатскую работу Н.И. Кедрова, Ключевский отметил, что Пётр I при внесении новшеств в существующую систему устанавливал пределы изменений, «сохраняя самобытность строя и жизни Церкви» (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 265. Д. 8. Л. 45–46). Студенту А.П. Поройкову учёный также предлагал не преувеличивать масштабы преобразований, осуществлённых Петром (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 461. Д. 45. Л. 4–5). Касаясь вопроса оценки деятельности Екатерины II, Ключевский сохранил свою критическую позицию и выразил недоумение, когда студент А.П. Соколов попытался найти идейное объяснение «произвола» императрицы (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 390. Д. 6. Л. 1–2). С другой стороны, он упрекнул своего ученика С.С. Смирнова за преувеличение роли М.М. Сперанского в разработке плана реформ, считая, что идеи

преобразований формировались не только внутри страны, но и заимствовались из Франции (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 385. Д. 3. Л. 1–2).

4.2. В.О. Ключевский и ученики: человеческие связи

Ключевский и его ученики поддерживали отношения, построенные на взаимном уважении. Несмотря на свою требовательность, Василий Осипович всегда находил возможность похвалить студентов, когда видел их успехи. Так, за работу студента Б. Г. Гречева о Ниле Сорском Ключевский поставил оценку «5+», назвав её «выдающимся трудом» (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 511. Д. 10. Л. 1). В отзыве на работу студента И. П. Кречетовича учёный отметил продуманность, простоту и живой стиль, любовь автора к теме (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 270. Д. 14. Л. 2). У студента С. И. Смирнова (который впоследствии стал профессором) историк обнаружил «литературный талант» (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 385. Д. 5. Л. 1–2).

Ключевский не был склонен преувеличивать достоинства своих учеников. Разбирая сильную работу, он часто критиковал её ещё больше, чтобы продемонстрировать автору скрытый потенциал для роста и совершенствования. Особенно строгим он был к будущим магистрам. Согласно воспоминаниям современников, во время публичных защит мог вести с ними игру как «кошка с мышкой», чтобы стимулировать оживлённое обсуждение (Вернадский, 2023: 268).

Характер Василия Осиповича ещё ярче проявляется в его отношении к менее дисциплинированным и талантливым студентам. Некоторые из них представляли работы с существенными недоработками. Тем не менее учёный в своих отзывах всегда пытался поддержать своих подопечных и найти им оправдание («не успел доделать»). Ключевский придерживался собственной философии оценки выпускных работ, акцентируя внимание не на конечном результате, а на самом творческом процессе, на тех усилиях, которые были затрачены воспитанником. Учёный полагал, что заслуживает высокой оценки тот ученик, который «взял вопрос в посильном для себя объеме». В своих отзывах Ключевский часто использовал формулу, спасающую подопечных: достоинства работ «выкупают» недостатки.

Лояльность преподавателя к студентам заметна и в поставленных им оценках за кандидатские работы. 37 диссертаций удостоились высшей оценки – пяти баллов. 68 работ получили от четырёх до четырёх с половиной баллов. Лишь одна работа была оценена на три с половиной баллов за чрезмерную компилятивность (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 237. Д. 6. Л. 1). В отношении ещё 10 кандидатских сочинений оценка в баллах неизвестна, притом что отзывы на них содержат положительный вывод.

Ключевский не завышал оценки студентам из-за их происхождения: во всяком случае, он не поставил пятёрок землякам из Пензы А.И. Соколову и С.А. Успенскому, родственникам харизматичного ректора МДА С.К. Смирнова (сыну Сергею и зятю Александру Поройкову), сыну ректора Вифанской духовной семинарии Ф.А. Сергиевского Василию.

Студенты любили своего профессора. Выпускник МДА 1907 г. Д.А. Марков в своих воспоминаниях называл Ключевского «гордостью, душой, красой Академии», утверждая, что студенты всегда стремились в аудиторию послушать Ключевского, несмотря на то, что посещение лекций в академии было необязательным. Сам Марков спустя многие годы пересказывал отдельные фразы и изречения, произнесённые Василием Осиповичем с кафедры (Марков, 2010: 724, 727–731).

Во время празднования 25-летия преподавания Ключевского в МДА (1896 г.) студенты академии приготовили ему сюрприз: после того, как Василий Осипович вошёл в аудиторию, его усадили в кресло, которое вместе с ним учащиеся понесли на кафедру (Заозерский, 1896).

Некоторые ученики уже после окончания МДА следовали за своим профессором в Московский университет. В 1904 г. студентом историко-филологического факультета этого учебного заведения стал Александр Григорьевич Моисеев, который во время учёбы в МДА писал у Василия Осиповича кандидатскую работу о Русской Церкви XVII в. Но жизнь его оборвалась во время зимних беспорядков 1905–1906 гг. в Москве. В метрической книге отмечено: «убит» (ОР РГБ. Ф. 172. Картон 511. Д. 23. Л. 1; ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 782. Д. 429. Л. 550об.–551; ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2454; Алфавитный список..., 1905).

Другой ученик Ключевского, Митрофан Викентьевич Войцехович, став профессорским стипендиатом МДА, просил его на год командировать на историко-филологический факультет Московского университета, чтобы регулярно контактировать с Ключевским, и такое разрешение он получил (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5031. Л. 1–3). Интерес к истории Войцехович пронёс через всю свою жизнь и сделал блестящую карьеру журналиста, став в мае 1917 г. редактором «Вестника» – официального органа Временного правительства.

Некоторые студенты, не решившиеся подготовить магистерскую диссертацию, уже после окончания академии публиковали переработанные тексты из кандидатских сочинений в виде статей и книг благодаря оказанной в своё время поддержке Василия Осиповича (Лавров, 1875; Делекторский, 1895; Миловидов, 1901; Гречев, 1907; Гречев, 1908; Войцехович, 1908).

Ученики не забывали своего учителя и следили за его новыми работами. Окончивший МДА в 1877 г. С. И. Кедров не писал у Ключевского выпускную работу, однако слушал его лекции и сам проводил в присутствии Василия Осиповича «пробные» занятия (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1674. Л. 23). Живой интерес к творчеству преподавателя сохранялся у этого воспитанника многие годы.

В 1900 г. С.И. Кедров опубликовал рецензию на вышедшее у Ключевского «Краткое пособие по русской истории», отметив в ней, что это «в высшей степени ценная по богатству сообщаемого материала и прагматизму изложения книжка» (Кедров, 1900).

4.3. Судьба учеников В.О. Ключевского

Из учеников Ключевского по духовной академии вышли известные учёные. Кандидатские сочинения у него писали Николай Ильич Серебрянский, Сергей Иванович Смирнов и Михаил Андреевич Остроумов. В дальнейшем первые два стали докторами церковной истории, последний – доктором церковного права. Из авторов магистерских диссертаций, которым оппонировал Ключевский, следует назвать Александра Петровича Голубцова, Николая Федоровича Каптерева и Павла Николаевича Луппова, ставших со временем докторами церковной истории. Все вышеназванные персоны – известные, признанные учёные, на счету у которых многочисленные научные работы, в т. ч. фундаментальные.

Михаил Андреевич Остроумов пришёл писать кандидатскую работу к ещё молодому доценту Ключевскому (всего на шесть лет ученик был моложе своего учителя). Впоследствии, защитив магистерскую и докторскую диссертации, Остроумов служил в Харьковском университете по кафедре церковного права: экстраординарным профессором (1887–1893), ординарным профессором (1893–1905), ординарным внештатным профессором (1905–1917) и одновременно редактором «Харьковских губернских ведомостей» (1903–1906). Он – автор многочисленных научных трудов по истории церковного права, в т.ч. критического разбора «Исповеди» Л.Н. Толстого (1887); член Поместного собора Православной Российской Церкви (1917) (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2879; Остроумов, 1908).

Ключевский продолжал непосредственно общаться с теми своими учениками, кто стал работать в МДА (А.П. Голубцов, Н.Ф. Каптерев, С.И. Смирнов). Особенно тёплые отношения сложились у Василия Осиповича с А.П. Голубцовым и членами его семьи: регулярные поездки Ключевского в Сергиевский посад сопровождались душевными домашними ужинами у Голубцовых, куда приходили и другие сотрудники академии (Голубцова, 1914).

Главный же результат прямого или косвенного влияния Ключевского на своих учеников из МДА заключался в том, что многие из них, оказавшись в разных уголках России, стали заниматься местной историей, выпустили труды, участвовали в становлении архивной службы и новых краеведческих практиках.

Александр Иванович Миловидов, писавший у Ключевского кандидатскую работу, стал преподавателем греческого языка Литовской духовной семинарии в г. Вильне (1894–1912), затем в этом же городе возглавил Муравьевский музей (1912–1915); с началом Первой мировой войны участвовал в эвакуации музейных коллекций и архива. Он – автор многочисленных трудов по истории Северо-Западного края, публикатор документов, в т.ч. относящихся к польскому восстанию 1863–1864 гг. (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2374; Хотеев, 2023).

Вениамин Петрович Шляпин вернулся в Вологодскую губернию, где преподавал географию и арифметику в учебных заведениях Великого Устюга и Усть-Сысольска. Он станет известным краеведом, одним из строителей церковного древлехранилища при Великоустюжском Стефано-Прокопиевском братстве, автором трудов по истории Великого Устюга и Вологодской земли (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4810; Теуш, 2023).

Иосиф Павлович Кречетович – автор фундаментального труда «Крестьянская реформа в Оренбургском крае» (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1870; Ханжин, 2023).

Служившие в Москве Сергей Иванович Доброумов, Николай Иванович Кедров и Борис Сергеевич Пушкин остались в памяти как москвоведы (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1212, 1672, 3355). Константин Иванович Соловьев стал специалистом по истории церковной музыки, участвовал в восстановлении московских напевов (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4093; Соловьев, 1903).

Алексей Лукич Хвощев уехал на родину Ключевского, где многие годы служил в той самой Пензенской духовной семинарии, где когда-то учился сам историк. Хвощев стал известным краеведом, автором трудов по местной истории, в т.ч. книги «Очерки по истории Пензенского края» (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4615; Хвощев, 1922).

Некоторые ученики Ключевского сделали себе карьеру на поприще образования, издали свои учебники и пособия: Стефан Стефанович Никольский («Методика элементарного курса истории»), Иван Васильевич Скворцов («Учебник русской истории»), Михаил Христофорович Соколов (учебные пособия о поэтах А. С. Пушкине и В. А. Жуковском), Николай Николаевич Фиников («Латинская хрестоматия») (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2713, 3744, 4012, 4580).

Ещё один деятель образования, помощник смотрителя Вятского духовного училища Сергей Семенович Липягов, в своё время писавший у Ключевского кандидатскую работу об устройстве духовных школ в царствование императора Александра I, был избран депутатом III Государственной Думы, став членом её кадетской фракции (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2149).

После окончания духовной академии многие воспитанники остались в Церкви, служили наставниками в духовных школах, священниками. Два ученика Ключевского достигли архиерейского чина – архиепископ Астраханский и Енотаевский Георгий (Орлов) и епископ Черниговский и Нежинский Антоний (Соколов) (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2818, 4054). Протоиерей Павел

Григорьевич Извеков, писавший у Ключевского кандидатскую работу, служил в храмах Московского Кремля (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1506).

Многие воспитанники подверглись гонениям в советское время. Некоторые из них, получив суровые приговоры по сфабрикованным делам, попали в тюрьму, были расстреляны. Писавший у Ключевского кандидатскую работу московский священник Александр Николаевич Заозерский был расстрелян в 1922 г. и ныне причислен к лику святых как священномученик (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1355).

Ключевский расстался с духовной академией в 1906 г. на фоне неприятных для него событий. Решив участвовать в выборах в I Государственную Думу от Сергиевского посада, он их проиграл. Связав неудачу с отсутствием необходимой поддержки от духовной академии, Ключевский подал в отставку (Черепенников, 2021). Руководство МДА пыталось вернуть Василия Осиповича, но принимать в своём московском доме официальную делегацию из МДА учёный отказался. Приехавшие к нему в частном порядке коллеги профессора А.П. Голубцов и И.Д. Андреев пытались переубедить Ключевского, но он остался непреклонен, сославшись на немолодые годы и затруднительность еженедельных поездок из Москвы в Сергиевский посад (Извлечение..., 1907: 251-252). Так закончилось 35-летнее плодотворное сотрудничество выдающегося русского историка и Московской духовной академии.

5. Заключение

Таким образом, рассмотрение феномена «школы Ключевского» невозможно ограничивать одной лишь историографической репрезентацией. Важна и научно-педагогическая, утилитарная функция школы, осуществляемая на уровне взаимодействия с учащимися – студентами и магистрантами. Она не только позволяет увидеть весь механизм подготовки научных кадров, но и заново переосмыслить понятие «ученик», а также по-новому оценить вклад В.О. Ключевского в становление и развитие исторического знания вширь. Через учеников Московской духовной академии особенно заметно влияние этого историка на укрепление провинциальной культурной среды (церковной, гуманитарной и краеведческой). Перспективы дальнейшего изучения этой проблемы могут быть связаны с рассмотрением опыта научно-педагогической деятельности В.О. Ключевского не только в духовном, но и в светском учебном заведении.

Литература

Алфавитный список..., 1905 – Алфавитный список студентов императорского Московского университета в 1904-1905 академический год. М.: Универ. тип., 1905. 339 с.

Баданов, 1997 – Баданов В.Г. Русской истории оберегатель. (Жизнь и творчество Н.Г. Устрялова) // Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск: Фолиум, 1997. С. 9-20.

Васильев, 1893 – Васильев В.П. История канонизации русских святых. М.: Универ. тип., 1893. 256 с.

Вернадский, 2023 – Вернадский Г.В. Русская историография. Развитие исторической науки в России в XVIII–XX вв. М.: Центрполиграф, 2023. 460 с.

Виноградский, 1899 – Виноградский Н.А. Церковный собор в Москве 1682 года: опыт историко-критического исследования. Смоленск: Паров. тип.-лит. Я.Н. Подземского, 1899. 201, 65 с.

Войцехович, 1908 – Войцехович М.В. Из прошлого русской школы: (Реформа семьи и школы при императрице Екатерине II). СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1908. 60 с.

Голубцов, 1891 – Голубцов А.П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. 384 с.

Голубцова, 1914 – Голубцова М. Воспоминания о В.О. Ключевском // У Троицы в Академии. 1814-1914: Юбилейный сборник исторических материалов. М.: Изд. бывших воспитанников Моск. духов. акад., 1914. С. 670-682.

Гречев, 1907 – Гречев Б.Г. «Заволжские старцы» в литературном решении спорных вопросов русской церковно-общественной жизни конца XV и XVI вв. // Богословский вестник. 1907. Т. 2. № 7-8. С. 477-522.

Гречев, 1908 – Гречев Б.Г. Преп. Нил Сорский и «заволжские старцы»-публицисты // Богословский вестник. 1908. Т. 2. № 5. С. 57-82; Т. 3. № 9. С. 49-66; Т. 3. № 11. С. 327-343; 1909. Т. 2. № 5. С. 42-56.

Гришина, 2009 – Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в историографии: научный дискурс и историографическая судьба // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12(150). С. 131-137.

Делекторский, 1895 – Делекторский Ф. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Июль. С. 131-184.

Журналы..., 1900 – Журналы заседаний Совета Московской духовной академии за 1899 г. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. 381 с.

- Журналы..., 1901** – Журналы заседаний Совета Московской духовной академии за 1900 г. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. 331 с.
- Заозерский, 1896** – Заозерский Н.А. 25-летие профессорской службы В.О. Ключевского в Московской Духовной Академии // *Богословский вестник*. 1896. Т. 4. № 12. С. 475-489.
- Заозерский, 1914** – Заозерский Н. Василий Осипович Ключевский в его рецензиях диссертаций на ученые степени профессоров и студентов М.Д. Академии // *Чтения Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете*. 1914. Кн. 1 (248). Раздел II. С. 72-122.
- Знаменский, 1880** – Знаменский И.П. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М.: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. 186 с.
- Извлечение..., 1907** – Извлечение из журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1906 г. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1907. 348 с.
- Каптерев, 1874** – Каптерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М.: тип. «Соврем. изв.», 1874. 239 с.
- Кедров, 1886** – Кедров Н.И. Духовный регламент в связи с преобразовательною деятельностью Петра Великого. М.: Универ. тип., 1886. 244 с.
- Кедров, 1900** – Кедров С. «Краткое пособие по русской истории» проф. В. Ключевского // *Русский архив*. 1900. Вып. 5. М.: Универ. тип. С. 82-92.
- Киреева, 1966** – Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М.: Наука, 1966. 232 с.
- Ключевский, 1968** – Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1968. 524 с.
- Ключевский, 1987** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
- Ключевский, 1997** – Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве, 1872–1875 / Под ред. Р.А. Киреевой, А.Ф. Киселева. М.: Владос, 1997. 813 с.
- Ключевский, 2012** – Ключевский В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой. М.: Русская панорама, 2012. 513 с.
- Лавров, 1875** – Лавров М.Н. Геннадий архиепископ новгородский. М.: Б.и., 1875. 46 с.
- Лачаева, 2016** – Лачаева М.Ю. К вопросу о «Школе В.О. Ключевского» в современной историографии // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2016. № 1(1). С. 26-30.
- Луппов, 1899** – Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1899. 333 с.
- Марков, 2010** – Марков Д.А. Воспоминания о Московской духовной академии начала XX века / публ. В.Л. Шленова // *Богословский вестник*. 2010. № 11-12. С. 706-752.
- Миловидов, 1901** – Миловидов А.И. Государственное значение всероссийских патриархов. Харьков: Тип. Губернского правления, 1901. 61 с.
- Нечкина, 1974** – Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 635 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Остроумов, 1908** – Остроумов М.А. Кафедра церковного права // *Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)*. Харьков: Печ. дело, 1908. С. 266-270.
- Попов, 2010** – Попов А.С. Школа В.О. Ключевского как феномен научного сообщества // *Историк и история: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 170-летию В.О. Ключевского (7-8 октября 2010 г.)*. Пенза: ПИРО, 2010. С. 30-37.
- Прозоровский, 1896** – Прозоровский А.А. Сильвестр Медведев: (его жизнь и деятельность): опыт церковно-исторического исследования. М.: Универ. тип., 1896. 606 с.
- Сидорова, 2025** – Сидорова Л.А. Отражение личности историка в его текстах: М.В. Нечкина и ее работа «В.О. Ключевский» // *Диалог со временем*. 2025. Вып. 90. С. 114-130.
- Скворцов, 1890** – Скворцов Д.И. Преподобный Дионисий Зобнинский, архимандрит Троицко-Сергиева монастыря (ныне Лавры): историческое исследование. Тверь: Тип. Губ. правл., 1890. 444 с.
- Соловьев, 1903** – Соловьев К.И.: некролог // *Московские ведомости*. 1903. № 3. 3 янв.
- Список..., 1914** – Список печатных работ В.О. Ключевского // *Чтения Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете*. 1914. Кн. 1 (248). Раздел II. С. 442-473.
- Сулаберидзе, 2012** – Сулаберидзе Ю.С. В.О. Ключевский и А.С. Хаханашвили: учитель и ученик // *Клио*. 2012. № 2(62). С. 132-135.
- Сухова, 2013** – Сухова Н.Ю. Русская богословская наука: (по докторским и магистерским диссертациям, 1870–1918 гг.). М.: ПСТГУ, 2013. 374 с.
- Теуш, 2023** – Теуш О.А. Страницы истории города Великий Устюг в актах Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2023. № 2. С. 18-25.

- Тихомиров, 1895** – Тихомиров Н.Д. Галицкая митрополия: церковно-историческое исследование. СПб.: Печ. Е. Евдокимова, 1895. 189 с.
- Ханжин, 2023** – Ханжин Е.Е. Деятельность Е.И. Барановского по подготовке отмены крепостного права в Оренбургском крае в оценке И.П. Кречетовича // *Самарский научный вестник*. 2023. Т. 12. № 2. С. 164-167.
- Хвощев, 1922** – Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края. [Пенза]: Гос. изд-во, 1922. 150 с.
- Хотеев, 2023** – Хотеев А.С. Александр Миловидов – историк и археограф Северо-Западного края // *Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований*. 2023. № 6. С. 97-120.
- ЦГА Москвы** – Центральный государственный архив города Москвы.
- Черепенников, 2021** – Черепенников К.А. Участие профессора В.О. Ключевского в выборах в I Государственную Думу в 1906 г. // *Церковный историк*. 2021. № 1 (5). С. 99-117.

References

- Alfavitnyi spisok..., 1905** – Alfavitnyi spisok studentov imperatorskogo Moskovskogo universiteta v 1904–1905 akademicheskii god [Alphabetical list of students of the Imperial Moscow University in the academic year 1904–1905]. M.: Univer. tip. 339 p. [in Russian]
- Badanov, 1997** – Badanov, V.G. (1997). Russkoi istorii oberegatel'. (Zhizn' i tvorchestvo N.G. Ustryalova) [The guardian of Russian history. (The life and work of N. G. Ustryalov)]. Ustryalov N.G. Russkaya istoriya do 1855 goda. Petrozavodsk: Folium. Pp. 9-20. [in Russian]
- Cherepennikov, 2021** – Cherepennikov, K.A. (2021). Uchastie professora V.O. Klyuchevskogo v vyborah v I Gosudarstvennuyu Dumu v 1906 g. [Participation of Professor V.O. Klyuchevsky in the elections to the First State Duma in 1906]. *Tserkovnyi istorik*. 1(5): 99-117. [in Russian]
- Delektorskii, 1895** – Delektorskii, F. (1895). Kritiko-bibliograficheskii obzor drevnerusskikh skazanii o Florentiiskoi unii [A critical and bibliographical review of ancient Russian legends about the Florentine Union]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Iyul'. Pp. 131-184. [in Russian]
- Golubtsov, 1891** – Golubtsov, A.P. (1891). Preniya o vere, vyzvannye delom korolevicha Val'demara i tsarevny Iriny Mikhailovny [The debate about faith caused by the case of Prince Valdemar and Princess Irina Mikhailovna]. M.: Tip. A. I. Snegirevoi. 384 p. [in Russian]
- Golubtsova, 1914** – Golubtsova, M. (1914). Vospominaniya o V.O. Klyuchevskom [Memories of V.O. Klyuchevsky]. U Troitsy v Akademii. 1814-1914: Yubileinyi sbornik istoricheskikh materialov. M.: Izd. byvshikh vospitannikov Mosk. dukhov. akad. Pp. 670-682. [in Russian]
- Grechev, 1907** – Grechev, B.G. (1907). «Zavolzhskie startsy» v literaturnom reshenii spornykh voprosov russkoi tserkovno-obshchestvennoi zhizni kontsa XV i XVI vv. [The “Trans-Volga Elders” in the literary solution of controversial issues of Russian Church and Social life at the end of the XV and XVI centuries]. *Bogoslovskii vestnik*. T. 2. 7-8: 477-522. [in Russian]
- Grechev, 1908** – Grechev, B.G. (1908). Prep. Nil Sorskii i «zavolzhskie startsy»-publitsisty [St. Nil Sorsky and the “Zavolzhsky elders”-publicists]. *Bogoslovskii vestnik*. 2(5): 57-82; 3(9): 49-66; 3(11): 327-343; 1909. 2(5): 42-56. [in Russian]
- Grishina, 2009** – Grishina, N.V. (2009). «Shkola V.O. Klyuchevskogo» v istoriografii: nauchnyi diskurs i istoriograficheskaya sud'ba [“V.O. Klyuchevsky's school” in historiography: scientific discourse and historiographical fate]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12(150): 131-137. [in Russian]
- Izvlechenie..., 1907** – Izvlechenie iz zhurnalov sobranii Soveta Moskovskoi dukhovnoi akademii za 1906 g. [Extract from the journals of the meetings of the Council of the Moscow Theological Academy for 1906]. Sergiev Posad: Tip. Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 1907. 348 p. [in Russian]
- Kapterev, 1874** – Kapterev, N.F. (1874). Svetskie arkhieiereiskie chinovniki v drevnei Rusi [Secular episcopal officials in ancient Russia]. M.: tip. «Sovrem. izv.». 239 p. [in Russian]
- Kedrov, 1886** – Kedrov, N.I. (1886). Dukhovnyi reglament v svyazi s preobrazovatel'noyu deyatel'nost'yu Petra Velikogo [Spiritual reglament in connection with the transformative activity of Peter the Great]. M.: Univer. tip. 244 p. [in Russian]
- Kedrov, 1900** – Kedrov, S. (1900). «Kratkoe posobie po russkoi istorii» prof. V. Klyuchevskogo [“A short textbook on Russian history” by Prof. V. Klyuchevsky]. *Russkii arkhiv*. Vyp. 5. M.: Univer. tip. Pp. 82-92. [in Russian]
- Khanzhin, 2023** – Khanzhin, E.E. (2023). Deyatel'nost' E.I. Baranovskogo po podgotovke otmeny krepostnogo prava v Orenburgskom krae v otsenke I.P. Kretchetovicha [The activities of E.I. Baranovsky in preparation for the abolition of serfdom in the Orenburg region in the assessment of I.P. Kretchetovich]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. 12(2): 164-167. [in Russian]
- Khoteev, 2023** – Khoteev, A.S. (2023). Aleksandr Milovidov – istorik i arkheograf Severo-Zapadnogo kraia [Alexander Milovidov is a historian and archaeographer of the Northwestern Kray]. *Trudy Instituta postsovetikh i mezhregional'nykh issledovaniy*. 6: 97-120. [in Russian]
- Khvoshchev, 1922** – Khvoshchev, A. (1922). Ocherki po istorii Penzenskogo kraia [Alexander Milovidov is a historian and archaeographer of the North-Western Region]. [Penza]: Gos. izd-vo. 150 p. [in Russian]

- [Kireeva, 1966](#) – *Kireeva, R.A.* (1966). V.O. Klyuchevskii kak istorik russkoi istoricheskoi nauki [V.O. Klyuchevsky as a historian of Russian historical science]. M.: Nauka. 232 p. [in Russian]
- [Klyuchevskii, 1968](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (1968). Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. The diaries. Aphorisms and thoughts about history]. Otv. red. M.V. Nechkina. M.: Nauka. 524 p. [in Russian]
- [Klyuchevskii, 1987](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (1987). Sochineniya [The essays]. V 9 t. M.: Mysl'. T. 1. 430 p. [in Russian]
- [Klyuchevskii, 1997](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (1997). Lektsii po russkoi istorii, chitannye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve, 1872–1875 [Lectures on Russian history given at the Higher Women's Courses in Moscow, 1872–1875]. Pod red. R.A. Kireevoi, A.F. Kiseleva. M.: Vlados. 813 p. [in Russian]
- [Klyuchevskii, 2012](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (2012). Lektsii po istorii Zapadnoi Evropy v svyazi s istoriei Rossii [Lectures on the history of Western Europe in connection with the history of Russia]. Pod red. R.A. Kireevoi. M.: Russkaya panorama. 513 p. [in Russian]
- [Lachaeva, 2016](#) – *Lachaeva M.Yu.* (2016). K voprosu o «Shkole V.O. Klyuchevskogo» v sovremennoi istoriografii [To the issue of the “V.O. Klyuchevsky School” in modern historiography]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii*. 1(1): 26–30. [in Russian]
- [Lavrov, 1875](#) – *Lavrov, M.N.* (1875). Gennadii arkhiepiskop novgorodskii [Gennady Archbishop of Novgorod]. M.: B.i. 46 p. [in Russian]
- [Luppov, 1899](#) – *Luppov, P.N.* (1899). Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX veka [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the 19th century]. SPb.: Tipo-lit. M. P. Frolovoi. 333 p. [in Russian]
- [Markov, 2010](#) – *Markov, D.A.* (2010). Vospominaniya o Moskovskoi dukhovnoi akademii nachala XX veka [Memories of the Moscow Theological Academy of the early twentieth century]. Publ. V.L. Shlenova. *Bogoslovskii vestnik*. 11-12: 706–752. [in Russian]
- [Milovidov, 1901](#) – *Milovidov, A.I.* (1901). Gosudarstvennoe znachenie vserossiiskikh patriarkhov [The state significance of the All-Russian Patriarchs]. Khar'kov: Tip. Gubernskogo pravleniya. 61 p. [in Russian]
- [Nechkina, 1974](#) – *Nechkina, M.V.* (1974). Vasilii Osipovich Klyuchevskii: istoriya zhizni i tvorchestva [Vasily Osipovich Klyuchevsky: the story of his life and work]. M.: Nauka. 635 p. [in Russian]
- [OR RGB](#) – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- [Ostroumov, 1908](#) – *Ostroumov, M.A.* (1908). Kafedra tserkovnogo prava [Department of Church Law]. Yuridicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905). Khar'kov: Pech. delo. Pp. 266–270. [in Russian]
- [Popov, 2010](#) – *Popov, A.S.* (2010). Shkola V.O. Klyuchevskogo kak fenomen nauchnogo soobshchestva [The V.O. Klyuchevsky School as a phenomenon of the scientific community]. *Istoriya i istoriya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 170-letiyu V.O. Klyuchevskogo (7-8 oktyabrya 2010 g.)*. Penza: PIRO. Pp. 30–37. [in Russian]
- [Prozorovskii, 1896](#) – *Prozorovskii, A.A.* (1896). Sil'vestr Medvedev: (ego zhizn' i deyatel'nost'): opyt tserkovno-istoricheskogo issledovaniya [Sylvester Medvedev: (his life and work): the experience of church historical research]. M.: Univer. tip. 606 p. [in Russian]
- [Sidorova, 2025](#) – *Sidorova, L.A.* (2025). Otrazhenie lichnosti istorika v ego tekstakh: M.V. Nechkina i ee rabota «V.O. Klyuchevskii» [Reflection of the personality of the historian as provided by texts M.V. Nechkina and her work “V.O. Klyuchevsky”]. *Dialog so vremenem*. 90: 114–130. [in Russian]
- [Skvortsov, 1890](#) – *Skvortsov, D.I.* (1890). Prepodobnyi Dionisii Zobninovskii, arkhimandrit Troitsko-Sergieva monastyrja (nyne Lavry): istoricheskoe issledovanie [St. Dionysius Zobninovsky, Archimandrite of the Trinity-Sergius Monastery (now the Lavra): historical research]. Tver': Tip. Gub. pravl. 444 p. [in Russian]
- [Solov'ev, 1903](#) – *Solov'ev, K.I.* (1903): nekrolog [Solovyov K.I.: obituary]. *Moskovskie vedomosti*. 3. 3 yanv. [in Russian]
- [Spisok..., 1914](#) – Spisok pechatnykh rabot V.O. Klyuchevskogo [List of V.O. Klyuchevsky's printed works]. *Chteniya Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. 1914. Kn. 1 (248). Razdel II. Pp. 442–473. [in Russian]
- [Sukhova, 2013](#) – *Sukhova, N.Yu.* (2013). Russkaya bogoslovskaya nauka: (po doktorskim i masterskim dissertatsiyam, 1870–1918 gg.) [Russian theological science: (on doctoral and master's theses, 1870–1918)]. M.: PSTGU. 374 p. [in Russian]
- [Sulaberidze, 2012](#) – *Sulaberidze, Yu.S.* (2012). V.O. Klyuchevskii i A.S. Khakhanashvili: uchitel' i uchenik [V.O. Klyuchevsky and A.S. Khakhanashvili: teacher and student]. *Klio*. 2(62): 132–135. [in Russian]
- [Teush, 2023](#) – *Teush, O.A.* (2023). Stranitsy istorii goroda Velikii Ustyug v aktakh Veliko-Ustyuzhskogo Mikhailo-Arkhangelskogo monastyrja [Pages of the history of the city of Veliky Ustyug in the acts of the Veliky Ustyug Mikhailo-Arkhangelsk monastery]. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury*. 2: 18–25. [in Russian]

[Tikhomirov, 1895](#) – *Tikhomirov, N.D.* (1895). Galitskaya mitropoliya: tserkovno-istoricheskoe issledovanie [The Galician Metropolis: a Church historical study]. SPb.: Pech. E. Evdokimova 189 p. [in Russian]

[TSGA Moskvyy](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvyy [The Central State Archive of the city of Moscow].

[Vasil'ev, 1893](#) – *Vasil'ev, V.P.* (1893). Istoriya kanonizatsii russkikh svyatykh [The history of the canonization of Russian saints]. M.: Univer. tip. 256 p. [in Russian]

[Vernadskii, 2023](#) – *Vernadskii, G.V.* (2023). Russkaya istoriografiya. Razvitie istoricheskoi nauki v Rossii v XVIII–XX vv. [Russian historiography. The development of historical science in Russia in the XVIII–XX centuries]. M.: Tsentrpoligraf. 460 p. [in Russian]

[Vinogradskii, 1899](#) – *Vinogradskii, N.A.* (1899). Tserkovnyi sobor v Moskve 1682 goda: opyt istoriko-kriticheskogo issledovaniya [The Church Council in Moscow in 1682: the experience of historical and critical research]. Smolensk: Parov. tip.-lit. Ya.N. Podzemskogo. 201, 65 p. [in Russian]

[Voitsekhovich, 1908](#) – *Voitsekhovich, M.V.* (1908). Iz proshlogo russkoi shkoly: (Reforma sem'i i shkoly pri imperatritse Ekaterine II) [From the past of the Russian school: (Family and school reform under Empress Catherine II)]. SPb.: tip. M-va vn. del. 60 p. [in Russian]

[Zaozerskii, 1896](#) – *Zaozerskii, N.A.* (1896). 25-letie professorskoi sluzhby V.O. Klyuchevskogo v Moskovskoi Dukhovnoi Akademii [The 25th anniversary of V.O. Klyuchevsky's professorial service at the Moscow Theological Academy]. *Bogoslovskii vestnik*. 4(12): 475-489. [in Russian]

[Zaozerskii, 1914](#) – *Zaozerskii, N.* (1914). Vasilii Osipovich Klyuchevskii v ego retsenziyakh dissertatsii na uchenye stepeni professorov i studentov M.D. Akademii [Vasily Osipovich Klyuchevsky in his reviews of dissertations on academic degrees of professors and students of the Medical Academy]. *Chteniya Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Kn. 1 (248). Razdel II. Pp. 72-122. [in Russian]

[Zhurnaly..., 1900](#) – Zhurnaly zasedanii Soveta Moskovskoi dukhovnoi akademii za 1899 g. [The journals of the meetings of the Council of the Moscow Theological Academy for 1899]. [Sergiev Posad]: Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1900. 381 p. [in Russian]

[Zhurnaly..., 1901](#) – Zhurnaly zasedanii Soveta Moskovskoi dukhovnoi akademii za 1900 g. [The journals of the meetings of the Council of the Moscow Theological Academy for 1900]. [Sergiev Posad]: Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1901. 331 p. [in Russian]

[Znamenskij, 1880](#) – *Znamenskij, I.P.* (1880). Polozhenie dukhovenstva v tsarstvovanie Ekateriny II i Pavla I [The position of the clergy during the reign of Catherine II and Paul I]. M.: tip. M.N. Lavrova i K°. 186 p. [in Russian]

В.О. Ключевский и его ученики в Московской духовной академии (1871–1906 гг.)

Павел Викторович Федоров ^{а, *}

^а Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В Центральном государственном архиве г. Москвы и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранился значительный комплекс отзывов, подготовленных выдающимся русским историком В.О. Ключевским на кандидатские и магистерские работы его учеников во время преподавания в Московской духовной академии (1871–1906). На основе анализа изложенных в отзывах критических замечаний, советов и рекомендаций выявляются взгляды учёного на цели и стандарты исторического исследования. Автор статьи приходит к выводу, что рассмотрение феномена «школы Ключевского» невозможно ограничивать одной лишь историографической репрезентацией. Важна и научно-педагогическая, утилитарная функция школы, осуществляемая на уровне взаимодействия с учащимися – студентами и магистрантами. Она не только позволяет увидеть весь механизм подготовки кадров научной квалификации, но и заново переосмыслить понятие «ученик», а также оценить вклад В.О. Ключевского в распространение исторического знания «вширь». На основе изучения биографий выпускников Московской духовной академии в статье уточнён круг учеников Ключевского. Рассмотрен вклад школы Ключевского в укрепление региональной и провинциальной культурной среды в России.

Ключевые слова: школа В.О. Ключевского, историческая наука, теология, образование, текст, диссертация, историография, Русская Православная Церковь, биография, рецензия.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: sever-nordica@yandex.ru (П.В. Федоров)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 399-409
DOI: 10.13187/bg.2026.1.399

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kazan Teachers' Seminary and the Formation of the Kazakh Intelligentsia: The Experience of Socialization and Pedagogical Activity (1872–1918)

Gulmira S. Sultangalieva ^a, Zhibek S. Begimbayeva ^b, Ainura T. Suinova ^a, Zhanna Dyusembek ^{a, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University (Farabi University), Republic of Kazakhstan

^b K. Zhubanov Aktobe Regional University, Republic of Kazakhstan

Abstract

Since the 1870s, the Russian Empire entered a new stage of its educational policy aimed at establishing a network of professional institutions, primarily teacher seminaries, intended to shape a state-loyal teaching class and influence the worldview of the younger generation. This article examines the activities of the Kazan Teachers' Seminary (1872–1918) as an imperial institutional experiment that, for more than four decades, provided pedagogical training for the Kazan educational district. The research is based on archival materials from the central repositories of Kazakhstan and Tatarstan, including administrative documents (petitions, official correspondence), personal records, and biographical data on Kazakh students and graduates. The methodological framework of the study draws on Homi Bhabha's concept of interstitial subjectivity, which makes it possible to reveal the ambivalence of the Kazakh students' identity. While studying in a new socio-cultural environment (the city, the library, the educational system), they acquired new patterns of thought, worldviews, and behavioral models. However, as members of Muslim (Sunni) and Kazakh (nomadic) communities, upon returning to the steppe they became intermediaries between imperial authorities and local society, transmitting new forms of knowledge and models of behavior. The article demonstrates that the Kazakh youth educated at the Kazan Seminary gradually integrated into the socio-cultural space of the empire, becoming both participants in and objects of the imperial policy of identity transformation. Moreover, the imperial educational policy in training Kazakh teachers had a long-term impact, as it produced the professional cadres who later played a crucial role in the formation of the post-imperial Kazakh state and its intellectual elite during the early Soviet period.

Keywords: teacher's seminary, educational policy, Russian empire, identity, Kazakh graduates, schools.

1. Введение

В XIX в. Казань являлась одним из значимых центров тюрко-мусульманского населения Российской империи. Здесь функционировали известные медресе, Казанская гимназия, Казанский университет (откр. в 1804 г.), Азиатская типография при университете, где печаталась книжная продукция на арабской графике, мусульманская литература. Именно из Казани шло управление учебными заведениями Волго-Уральского региона и Казахской степи, так как 20 июня 1803 г. был создан Казанский учебный округ¹. Этноконфессиональное многообразие Казанского учебного округа способствовало тому, что 28 октября 1871 г. была учреждена должность инспектора татарских, киргизских и башкирских школ (*Об учреждении...*, 1877). Им стал известный учёный-ориенталист В.В. Радлов (1837–1918), который подходил к проблеме образования нерусского населения региона

* Corresponding author

E-mail addresses: zhan.dsmk@gmail.com (Zh. Dyusembek)

¹ В состав данного учебного округа территориально входила и Казахская степь Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств до 1875 г.

гораздо шире отдельных администраторов. В Государственном архиве Республики Татарстан (ГАРТ) сохранилась подробная записка В.В. Радлова «Об устройстве просветительских учреждений во Внутренней Орде». Он считал, что казахским юношам необходимо давать такое образование, чтобы молодые люди стали распространителями культуры и «...охотно возвращались в степь», и поэтому нужно открывать учительские школы, воспитанники которых обязательно должны быть определены среди кочующих аулов (ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12349. Л.14-16). Эта идея необходимости подготовки педагогических кадров из нерусских народов, которые «могут принести действительную пользу в распространении русской цивилизации», была предложена в 1869 г. попечителем Казанского учебного округа, тайным советником П. Шестаковым (Шестаков, 1869: 21).

Идеолог просветительской системы образования нерусского населения Российской империи Николай Иванович Ильминский (1822–1891) также считал, что одной из действенных мер для подготовки учителей в начальных инородческих училищах нужно рассматривать специальные педагогические заведения, именуемые учительскими семинариями. Именно Н.И. Ильминский стал инициатором открытия учительской семинарии в Казани и её первым директором (Материалы..., 2015: 3). Под его руководством Казанская учительская семинария стала координирующим органом, не только готовившим педагогические кадры для обширного региона, но и центром, как отмечают исследователи, неофициального «Ведомства просвещения инородцев Восточной России» (Материалы..., 2015).

27 марта 1872 г. было утверждено «Положение Казанской учительской семинарии». Согласно данному Положению, в неё могли поступать, наряду с русскими, представители национальных окраин Российской империи, назначавшиеся после окончания курса учителями в народные училища (Положение, 1877). Казанская учительская (инородческая) семинария с 3-х летним курсом обучения в Казани, открытая 21 октября 1872 г., стала ключевым учебным заведением для подготовки учительских кадров Волго-Уральского региона, Сибири и Казахской степи. Контингент учащихся составлял 240 человек, из них 120 – русских, остальные «соразмерно численности губерний, составлявших Казанский учебный округ, инородческие племена» (Журнал, 1936: 289). Н.И. Ильминский, будучи директором Казанской семинарии, постоянно в своих докладах и письмах попечителю Казанского учебного округа подчёркивал полиэтнический и поликонфессиональный состав региона и, соответственно, образовательные отличия учительской семинарии. Свидетельством этому явились такие факты: с 1872 по 1900 г. курс семинарии окончило 954 воспитанника, из них русских – 473, татар – 104, казахов – 9, башкир – 3, мордвы – 75, чувашей – 126, калмыков – 7, мари – 88, якутов – 7 (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1823).

Основную цель учебного заведения Н.Ильминский видел не только в подготовке учителей для начальных училищ, но и в воспитании «инородческой» педагогической интеллигенции (Витевский, 1892: 64). Исходя из этого, целью данной статьи является раскрытие особенностей деятельности Казанской учительской семинарии и процесса социализации её казахских воспитанников, занявших должности волостного и аульного учителя в Казахской степи.

2. Материалы и методы

Работа основана на анализе исторических документов, включающих как архивные документы, извлечённые из фондов центральных архивохранилищ Казахстана и Татарстана, так и опубликованные материалы, касающиеся направлений деятельности Казанской учительской семинарии. Архивные материалы представлены следующими архивохранилищами: Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ) (Казань, Российская Федерация) и Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Казахстан). Особое значение для анализа деятельности Казанской учительской семинарии имеют фонды ГАРТ: Ф. 93 – Казанская учительская семинария, Ф. 92 – Попечитель Казанского учебного округа; и фонды ЦГАРК: Ф. 59 – Инспектор народных училищ Внутренней (Букеевской) Орды, Ф. 25 – Областное управление Тургайской области, Ф. 27 – Директор народных училищ Тургайской области Оренбургского учебного округа. В фондах вышеназванных архивохранилищ сохранились документы, раскрывающие учебные программы и планы, официальную переписку директора семинарии с Министерством народного просвещения, попечителями учебных округов, директорами русско-инородческих школ, инспекторами народных училищ, военными губернаторами областей, родителями воспитанников. Исходя из этих данных, можно увидеть масштаб деятельности семинарии. Определённый пласт архивных материалов позволяют пролить свет на биографические данные воспитанников семинарии, а именно прошения казахских юношей на приём в данное учебное заведение, где включена информация об их месте рождения, занятиях родителей, какую школу они закончили, состоянии их здоровья, метрических свидетельствах, подписанных волостными или аульными старшинами. Особый интерес представляют характеристики на казахов- выпускников, выданные Педагогическим советом семинарии, обсуждение вопросов, касающихся трудоустройства выпускников, письма казахских воспитанников учителям и директору учительской семинарии и т.д.

Ко второй группе исторических источников относятся материалы, опубликованные как в дореволюционное время, так и на современном этапе. В первую очередь, конечно, это работы

Н.И. Ильминского, посвящённые развитию системы образования нерусского населения в Казанском учебном округе (Ильминский, 1886). Во-вторых, это работы Н. Ильминского, имеющие мемуарный характер, включающие биографические заметки, письма, личные наблюдения наставника о своём ученике И. Алтынсарине (Ильминский, 1891). Ценность этого источника в том, что даётся информация о выпускниках Казанской учительской семинарии, которые были направлены в качестве учителей в русско-казахские училища, волостные школы и были, по сути, помощниками инспектора народных училищ Тургайской области И. Алтынсарина (1879–1891).

На современном этапе предприняты попытки опубликования рукописей Н.И. Ильминского, раскрывающие его идеи по просвещению нерусского населения Империи и практическую деятельность в качестве директора Казанской учительской семинарии. Авторы сборника рукописей Н. Ильминского показали, что достижением его деятельности стало культурное «пробуждение» нерусских народов Империи, появление у них письменности, школы, интеллигенции (Материалы..., 2015: 3).

К следующим историческим источникам нужно отнести материалы периодической печати, в частности «Киргизскую степную газету», «Тургайскую газету», где печаталась информация об увеличении количества казахов-учителей, казахских стипендиатах учительских семинарий (Киргизская степная газета, 1895: 18 июня).

Методологическим подходом данной статьи стала теория *interstitial subjectivity* (пограничной/промежуточной субъектности) Хоми Бхабха, которая раскрывает амбивалентность состояния воспитанников семинарии (Bhabha, 1994). С одной стороны, обучаясь в Казанской учительской семинарии, они оказались в новой для них окружающей среде (город, библиотека, обучение), что формировало у них новые жизненные установки, мировоззрение и, соответственно, меняло модель поведения. Они становились частью студенческого сообщества, которое впитывало идею важности распространения знаний среди своих соплеменников. Но, с другой стороны, они являлись частью мусульманского (ислама суннитского толка), казахского (кочевого образа жизни) общества. И, возвращаясь в казахские степи, заняв учительскую или административную должность, становились посредниками между властью и местным обществом.

3. Обсуждение

Отдельные аспекты деятельности Казанской учительской семинарии рассматривались в дореволюционной, советской и современной исторической литературе. В дореволюционной литературе - это, в первую очередь, работы инспекторов школ, директоров учительских семинарий, чиновников Министерства народного просвещения. А.В. Васильев, будучи инспектором народных училищ Тургайской области (1889–1894), основываясь на архивных материалах Тургайского областного правления и личном опыте, опубликовал работу по истории образования в Тургайской области, где привёл имена казахских студентов, обучавшихся в профессиональных учебных заведениях, в частности Казанской учительской семинарии (Васильев, 1896). А.Е. Алекторов, будучи инспектором школ Тургайской области, в своём сборнике «Очерк народного образования в Тургайской области: летопись 1744–1898 гг.» даёт хронологию открытия имперских школ, в том числе и Казанской учительской семинарии, Оренбургской учительской школы (Алекторов, 1900).

Место Казанской учительской семинарии в системе подготовки учителей для начальных училищ в Российской империи представил Владимир Васильевич Григорьев (1830–1901), выпускник Главного педагогического института 1853 г. Он отметил, что Казанская учительская семинария впитала опыт предшествовавших учительских семинарий 60-х гг. XIX в., которые функционировали в западных регионах империи, а именно в Виленском учебном округе, полиэтническом, как и Казанский учебный округ (Григорьев, 1904: 448–450). Выпускники вышеназванных учительских семинарий показали, по его мнению, эффективность подготовки учителей в противодействии польскому влиянию, поэтому Положение Молодечненской учительской семинарии стало примером для многих вновь открываемых учительских семинарий в национальных окраинах Империи (Об учреждении..., 1865: 6).

В советской историографии нужно выделить исследование советского учёного-педагога Тулеген Тажибаевича Тажибаева, посвящённое изучению русско-казахских школ и подготовке учительских кадров для них (Тажибаев, 1962). Однако в данной работе мало информации о Казанской учительской семинарии; автор больше уделил внимание Туркестанской учительской семинарии, Оренбургской учительской школе, педагогическим курсам.

Вопросы становления профессионального педагогического образования в современной российской историографии изучены отдельно по различным учебным округам Российской империи, в частности в Оренбургском регионе (Рыгалова, 2020: 178–183), Западно-Сибирском учебном округе (Стурова, 2014: 28–31; Войтеховская и др., 2011) и Туркестанском крае (Сумарокова, 2015: 1–22). Изучению деятельности Казанской учительской семинарии посвящён ряд работ исследователей из Татарстана, в частности Ч.Р. Минемуллина (Минемуллин, 2017: 47–49), Т.М. Чекменевой (Чекменева, 1985), Р.Р. Исхакова (Исхаков, 2015). Исследователи Волго-Уральского региона исследовали роль Казанской семинарии в подготовке мордовской (Мокшина, 2021: 239–243), чувашской (Ефимов, 1998),

марийской (Сергеев, Федосеева, 2012: 59-75) педагогической интеллигенции. Интерес вызывает статья о корейских юношах, воспитанниках Казанской учительской семинарии в 1898–1908 гг. (Ким, Ким, 2023: 112-122). Казанскими историками опубликован архивный документ из фонда Государственного архива Республики Татарстан о выпускниках Казанской учительской семинарии за 1875–1918 гг. (Исхаков, Багаутдинова, 2023: 192-216).

В казахстанской современной историографии проведены исследования о роли Н. Ильминского в становлении профессионального педагогического образования в Казахской степи во второй половине XIX в. Историки С. Сейфульмаликова и А. Садыкова, исследуя роль Туркестанской учительской семинарии и Н.И. Ильминского в становлении педагогического образования, дали информацию и о Казанской учительской семинарии (Сейфульмаликова, Садыкова, 2018: 264-274; Сейфульмаликова, Садыкова, 2019: 714-725). Вместе с тем в казахстанской исторической науке нет специальных исследований, посвящённых роли Казанской учительской семинарии в подготовке учительских кадров – казахов. Исключением явилось монографическое исследование Г.С. Султангалиевой, где ею приведены данные о 17 выпускниках-казахах Казанской учительской семинарии (Султангалиева, 2002: 143). В казахстанской историографии предприняты шаги по опубликованию сборников документов о деятельности казахской интеллигенции в начале XX в. В связи с этим интерес вызывает сборник документов о выпускнике Казахской учительской семинарии 1903 г. Сейткали Мендешеве (1882–1938), раскрывшего свой интеллектуальный потенциал в годы Советской власти (Шилдебай, Ордаханова, 2021).

Анализ исторической литературы показал, что системное изучение роли Казанской учительской семинарии в новой истории Казахстана в рамках новых методологических подходов отсутствует. Однако Казанская учительская семинария занимала особое место в ряду педагогических учебных заведений империи. Во-первых, в ней учились дети разных народов империи, что формировало у воспитанников чувство толерантности и принятия многообразия Российского государства. Во-вторых, учебная программа учительской семинарии в Казани была направлена на практическую подготовку учителей начальных училищ, освоение методики обучения нерусского населения, адаптацию в новой среде и постепенную трансформацию сознания молодого поколения местного населения в сторону имперских норм и ценностей.

4. Результаты

В круг изучаемых предметов Казанской учительской семинарии входили следующие предметы: Закон Божий, русский и церковнославянский языки, естествознание, арифметика и геометрия, русская история и география, основы педагогики и дидактики, письмо и черчение. Нужно отметить, что предмет Закон Божий предусматривался только для детей, исповедующих христианство. Остальные воспитанники могли посещать этот предмет только исходя из собственного желания.

Первоначально срок обучения в семинарии составлял 3 года. 16 мая 1877 г. был открыт приготовительный годичный класс для повышения уровня знаний по русскому языку для юношей из национальных окраин империи, имевших целью поступление в Казанскую учительскую семинарию (Об открытии..., 1883: 951).

В профессорско-преподавательский состав семинарии входили такие известные исследователи, как востоковед Николай Иванович Ильминский, который преподавал здесь педагогику и татарский язык, автор сочинений по теории педагогики, выпускник физико-математического факультета Казанского университета Николай Алексеевич Бобровников¹ вёл занятия по арифметике и дидактике, историк Оренбургского края Владимир Николаевич Витевский, член Оренбургской учёной архивной комиссии, преподавал историю и географию.

Большое внимание в учебном процессе учительской семинарии уделялось методической подготовке воспитанников. Для этой цели при семинарии были организованы четыре образцовые начальные школы (чувашская, черемисская, мордовская, вотская), в них проходили педагогическую практику воспитанники старших классов учительской семинарии. Не случайно директор семинарии постоянно подчёркивал, что учебный процесс нужно ориентировать на практическую подготовку будущих учителей начальных училищ и не увлекаться теоретической стороной преподаваемых дисциплин в семинарии (Киржаева, 2003: 118). Н. Ильминский считал, что учительские семинарии должны развивать «учительский такт и особенно пропагаторское усердие», а не столько «научно-педагогическое». Он понимал, что учителя, работая с местным сообществом, должны иметь внутреннюю силу убеждать и распространять знания, ценности, полученные ими в имперских учебных заведениях (Спаский, 1900: 127).

Свидетельством серьёзного отношения к практической подготовке своих воспитанников стал тот факт, что воспитанники представляли подробный конспект своего занятия, дидактические

¹ Н.А. Бобровников с 5 декабря 1891 г. в связи с болезнью Н.И. Ильминского исполнял обязанности директора Казанской учительской семинарии и 7 марта 1892 г. был утверждён в этой должности, на которой прослужил до 1906 г., затем переведён на должность попечителя Оренбургского учебного округа (1906–1908).

разборы уроков своих соклассников. Так, в фонде Государственного архива Республики Татарстан (г. Казань) сохранились конспекты воспитанника 3-го класса Камалетдина Арунгазиева и методические разборы проведённых учебных занятий другими учениками. Представляет интерес проведённый К. Арунгазиевым обстоятельный анализ урока со стороны темы и плана, данный воспитанником III класса Николаем Катиным по естественной истории в начальной черемисской школе при Казанской учительской семинарии. Согласившись, что тема урока «Корень» является логическим продолжением предыдущих занятий по растениям, А. Арунгазиев выделил несколько неточностей в изложении урока и в содержании. Кроме того, Арунгазиев подчеркнул методы, а именно наблюдение, опыт, сравнение, которые использовал практикант в ходе урока. В заключении рецензент подчеркнул ряд достоинств урока и, несмотря на то, что есть недостатки, признал урок практиканта очень хорошим (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 988а. Л. 13-16об.).

Кроме того, заслуживает внимания конспект урока по географии, данного Камалитдином Арунгазиевым в III и IV отделениях начальной черемисской школы при Казанской учительской семинарии. Вызывает любопытство сама тема урока, представленная воспитанником К. Арунгазиевым, которая звучит следующим образом: «Объяснительное чтение географической статьи: “Средне-Азиатские владения” по книге А. Ступеля и Е. Глов». (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 988а. Л. 6).

Знаменательно, что К. Арунгазиев, используя книгу «Краткий курс географии России со сведениями из математической, физической и всеобщей географии. С приложением карты Европейской России» (А. Ступель и Е. Глов), предложил для учеников начальной черемисской школы параграф 41 «Среднеазиатские владения». Авторы данной книги включили в данный раздел Акмолинскую, Тургайскую, Семипалатинскую, Уральскую, Сырдарьинскую, Семиреченскую, Ферганскую, Самаркандскую и Закаспийскую области (Краткий курс..., 1902: 67-70). При этом в конспекте своего урока К. Арунгазиев дал детальную характеристику географических объектов этого региона и названий, использовал и визуальный материал, в частности карты, наглядные пособия, разработал несколько уровней вопросов, которые помогли бы ученикам усвоить материал урока. Конспект его урока проверил известный тюрколог, учитель географии в Казанской учительской семинарии Николай Иванович Ашмарин (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 988а. Л. 6-9).

Статус выпускников Казанской учительской семинарии был высок: «при определении на вакансии учительских должностей, имеют преимущества перед всеми другими» (Сборник..., 1877: 807-808).

К 1917 г. в семинарии обучалось 17 казахов, из них 70% - из Внутренней Орды, остальные - из Тургайской области. Социальное происхождение казахских юношей было разным: от султанского сословия (Карабаевы, Арунгазиевы, Тунгачины), казахских чиновников системы местного управления до рядовых кочевников, окончивших двухклассные русско-казахские школы (Султангалиева, 2002). Окончили курс семинарии 13 воспитанников, получивших свидетельство на звание учителя начального училища. Свидетельство являлось информативным документом, включающим не только место и дату рождения воспитанника, но и сведения о том, что воспитанник являлся казённокоштным и получал стипендию от какого-либо общества. И, соответственно этому, обязан был на основании ст. 10 Положения о Казанской учительской семинарии «за казенное содержание в оной, прослужить в должности учителя сельского народного училища не менее 6 лет» (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 997. Л. 3об.). Однако, кроме воспитанников, обучавшихся четыре года в семинарии, получили свидетельства на звание учителей народных училищ и те, кто выдержал специальные экзамены на заседании Педагогического совета Казанской учительской семинарии. Конечно, эти свидетельства не включали перечень дисциплин учебного плана учительской семинарии, но подтверждали факт того, что, выдержав испытания «удовлетворительно, удостоен звания учителя начального киргизского училища». Эти экзамены проводились на основании утверждённых 26 октября 1874 г. министром народного просвещения дополнительных статей к Правилам о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения. Таких свидетельств нами обнаружено в фондах архивов России и Казахстана шесть (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1617. Л. 40).

Отличительной чертой Казанской учительской семинарии явилось и то, что выпускники, наряду со свидетельством, получали характеристики. Инспектор народных училищ Внутренней Орды Воскресенский подчёркивал, что, в отличие от Оренбургской учительской школы, Казанская учительская семинария «всегда присылает нам, даже без нашей просьбы, подробные характеристики посылаемых ею учителей, чем много способствует установлению с первого же раза добрых отношений между учителями и инспекторами училища» (ЦГА РК. Ф. И-59. Оп. 1. Д. 135. Л. 42-52об.).

Характеристики включали много ценных сведений о социальном происхождении казахских юношей, материальном состоянии их родителей. К примеру, в характеристике выпускников 1898 г. Юсупа Ниязгалиева из Буртинской волости Актюбинского уезда Тургайской области, Атымтая Куракбаева из Аманкульской волости Иргизского уезда отмечалось, что «родители состоятельные», «зажиточные» (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 611. Л. 27об.).

Следующий важный аспект, который подчёркивался в характеристике, - то, что большинство выпускников получили первоначальное образование у домашнего муллы, но, обучаясь в двухклассных русско-казахских училищах под влиянием учителей или знакомства с выпускниками

учительской семинарии, пожелали продолжить своё образование в Казани. Во многих характеристиках подчёркивается роль уездных начальников, поддерживавших намерения казахских юношей и ходатайствовавших перед военным губернатором Тургайской области о принятии их на казённую стипендию.

Анализ собранных характеристик свидетельствовал, что практически все казахские воспитанники учительской семинарии отличались добросовестным отношением к учёбе, желанием изучать русский язык, историю, литературу. Учебная программа семинарии давала им хорошее гуманитарное образование. Так, в характеристике Мухамедьяра Сатбаева, казаха из Таупской волости Иргизского уезда, отмечалось, что он свободные от учебных занятий часы посвящал чтению книг, которых он прочитал «довольно много». И, кроме того, «купил себе сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, всеобщую историю и др.» (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 564. Л. 22–23). Приобщение семинаристов к русской литературе, а через неё и к европейской, свидетельствуют и данные характеристики других воспитанников. К примеру, Атымтай Куракбаев читал много книг, писал «большие и весьма обстоятельные отчеты» о прочитанных книгах (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 611. Л. 190б.).

В характеристиках подчёркивались индивидуальные способности каждого выпускника. К примеру, выпускник 1905 г. Мухамед-Яр Тунгачин из Кызыл-Джарской волости Иргизского уезда «особенные успехи выказал в математике». При этом в характеристике подчёркивалось, что он читал в свободное от занятий время не только классиков русской литературы, но и книги научного содержания. Возможно, этому способствовала среда, которая сложилась в семье, так как в его характеристике было выделено, что его отец обучался в Оренбургском кадетском корпусе, а два старших брата окончили в Кустанае педагогические классы (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 834. Л. 25–об.).

Видимо, интеллектуальная среда, которую он впитал с детских лет и в Казани, и желание постоянно пополнять свой багаж знаний, заставили М. Тунгачина ходатайствовать перед директором народных училищ Тургайской области об определении его в город, где имелись необходимые условия для повышения своего образовательного уровня, а именно «нужные книги и люди, сведущие в науке». Его прошение встретило положительный отклик, и М. Тунгачин был определён в Тургай учителем русского языка при медресе, открытом в 1905 г. (ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 9. Л. 22).

В характеристике, выданной выпускнику Сетдыку Жельбаеву из Бестамакской волости Актюбинского уезда, подчёркивалось, что он «очень любит читать, особенно описания путешествий». И более того, в свободное время занимался «переводами книг географического содержания» на казахский язык (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 834. Л. 210б.).

В характеристиках отмечался такой важный аспект, как усвоение воспитанниками дидактического материала и методика ведения урока, а также то, насколько выпускник готов стать хорошим учителем начальных училищ. Градация оценок будущей деятельности воспитанников учительской семинарии различна: станет «полезным учителем», «весьма хорошим учителем», имеет «живой интерес к педагогическому делу» до «удовлетворительных способностей» к учительству. На самом деле, многие инспекторы школ Тургайской области и Внутренней Орды, где трудоустроились выпускники Казанской учительской семинарии, акцентировали внимание на качественном уровне их подготовки. Так, в 1909 г. инспектор народных училищ Внутренней Орды Дмитрий Кочуров писал попечителю Казанского учебного округа Алексею Николаевичу Деревецкому (1905–1911) о хорошей профессиональной подготовке выпускника учительской семинарии Сейткали Мендешева, работавшего учителем в 4-х классном училище Ханской ставки, в частности, что им проявлено «усердное отношение при выполнении обязанностей секретаря педагогического Совета» и как учителя (ГАРТ. Ф. 93. Оп. 2. Д. 9222. Л. 13). Более того, попечитель Казанского учебного округа в своём письме инспектору народных училищ Внутренней Орды сообщал, что на уроки Кунжар Калмак-Кырганской волости Темирского уезда «ныне осенью открывается учительское центральное училище» для казахского населения и где пройдёт в августе 1906 г. совещание по организации переводческого дела при этом училище и некоторых других училищ Оренбургского учебного округа, и желательно рекомендовать для участия в работе данного выпускника Казанской учительской семинарии С. Мендешева. Данный документ свидетельствует о том, что профессиональная квалификация учителя Сейткали Мендешева была признана как руководителями Оренбургского, так и Казанского учебных округов.

В 1906 г. по инициативе С. Мендешева был создан союз демократической интеллигенции (учителей, фельдшеров, врачей) Внутренней Орды, который существовал до 1908 г. (Пахмурный, 1976: 34). И это не случайно, так как революция 1905 г. оказала влияние на воспитанников учительской семинарии. Архивные документы свидетельствуют, что в 1906–1907 гг. была создана ученическая организация в Казанской учительской семинарии. В ходе проведённого следствия Казанская жандармерия привлекла к дознанию в 1907 г. воспитанников учительской семинарии, в частности Уали Арунгазиева (Актюбинский уезд, Тургайская область) (Нафигов, 1981: 21). Вероятно, что к этой организации имел отношение и Нутман Залиев (Н. Казанка, Внутренняя Орда), так как по окончании семинарии (1909 г.) за ним было установлено «негласное наблюдение», а в 1911 г. в его квартире произведён обыск (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1696. Л. 70б.). Брат Нутмана, Гумер Залиев, учился один год в учительской семинарии, а впоследствии перевёлся в Оренбургскую учительскую

школу, которую окончил в 1901 г. Работая учителем начальной школы при Ханской ставке Внутренней Орды, он оказывал большое влияние на местных жителей, особенно на учащихся, что расценивалось инспектором народных училищ Астраханской губернии как «нежелательное». Поэтому он счёл необходимым «принять меры предосторожности» и установить контроль за его педагогической деятельностью (ЦГА РК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 135. Л. 30б.).

И, видимо, социально-политическая активность воспитанников Казанской семинарии в последующем не устраивала попечителя Казанского учебного округа, так как в секретном циркуляре инспектору школ Внутренней Орды от 17 октября 1917 г. он потребовал отстранения С. Мендешева от должности учителя в двухклассном русско-казахском училище Ханской ставки. В ответ на его требование инспектор народных училищ Внутренней Орды обещал установить «...особое наблюдение» за С. Мендешевым, но в «интересах дела» просил оставить этого учителя, потому как с его отстранением «правильно идущие занятия нарушатся» (ГАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 9222. Л. 4, 12).

5. Заключение

Таким образом, Казанская учительская семинария в период 1872–1918 гг. была одним из центров формирования казахской педагогической интеллигенции и сыграла определённую роль в социализации казахской молодёжи в условиях Российской империи. Продуманная система организации учебного процесса, особая атмосфера интеллектуального труда, а также акцент на социальной миссии учителя начальных училищ способствовали не только профессиональному становлению воспитанников, но и их включению в новую культурно-образовательную среду. В стенах семинарии происходило формирование нового типа казахского педагога, соединявшего элементы европейской педагогической традиции с задачами национального просвещения. Полученные знания и навыки позволили выпускникам в дальнейшем активно участвовать в модернизации общества, развитии школьного образования и административно-управленческой сферы. Судьбы отдельных выпускников, в частности Сейткали Мендешева, Нугмана Залиева и других, продолживших работу в сфере образования и управления в последующие десятилетия, дополнительно подтверждают значение Казанской учительской семинарии как важного института формирования профессионального и интеллектуального слоя казахского общества на рубеже XIX–XX вв.

Литература

- Алекторов, 1900** – Алекторов А.Е. Очерк народного образования в Тургайской области: летопись, 1744–1898 гг. Оренбург: Типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900. Вып. 2. 160 с.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург: Типо-лит. Жарикова, 1896. 224 с.
- Витевский, 1892** – Витевский В.Н. Н.И. Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. Казань: тип. Имп.ун-та, 1892. 64 с.
- Войтеховская и др., 2011** – Войтеховская М.П., Кочурина С.А., Перова О.В. Учительские семинарии и учительские институты Западно-Сибирского учебного округа. Сборник документов и материалов. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. 520 с.
- ГАРТ** – Государственный архив Республики Татарстан.
- Григорьев, 1904** – Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М.: и-во тип. А.И. Мамонтова, 1904. 587 с.
- Ефимов, 1998** – Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX веков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 [Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова]. Чебоксары, 1998. 26 с.
- Журнал..., 1936** – Журнал совещания Министерства народного просвещения по вопросу о «просвещении инородцев» // *Материалы по истории Татарии (2-я половина XIX в.)*. М., 1936. Ч. 1. 289 с.
- Ильминский, 1886** – Ильминский Н.И. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае / Сост. В.В. Катаринский и Н. Ильминский. СПб.: Синод. тип., 1886. 55 с.
- Ильминский, 1891** – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: типо-лит. В.М. Ключникова, 1891. 396 с.
- Исхаков, 2015** – Исхаков Р.Р. Страницы истории Казанской учительской (инородческой) семинарии // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 4-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stranitsy-istorii-kazanskoy-uchitelskoy-inorodcheskoy-seminarii>
- Исхаков, Багаутдинова, 2023** – Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. Список окончивших курс воспитанников Казанской учительской семинарии (1875–1918 гг.) // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2023. Т. 13. № 1. С. 192–216.
- Ким, Ким, 2023** – Ким И.К., Ким И.А. О корейских воспитанниках Казанской учительской семинарии для инородцев // *Корееведение в России: направление и развитие*. 2023. Т. 4. №3. С. 112–122.
- Киргизская степная газета, 1895** – Киргизская степная газета. 1895. 18 июня.

- Киржаева, 2003** – Киржаева В.П. Казанская учительская семинария в политико-правовом и культурно-образовательном контексте эпохи // *Интеграция образования*. 2003. №2. С. 112-120.
- Краткий курс..., 1902** – Краткий курс географии России со сведениями из математической, физической и всеобщей географии: с приложением карты Европейской России / Составители А. Ступель, Е. Глов. Рига, 1902. С. 67-70.
- Материалы..., 2015** – Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители Исаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Изд-во «ЯЗ», 2015. 620 с.
- Минемуллин, 2017** – Минемуллин Ч.Р. Казанская учительская семинария в контексте революционных событий 1905-1907 гг. // *Вестник АГУ*. 2017. №1(194).С.4 7-49.
- Мокишина, 2021** – Мокишина Е.Н. Казанская учительская (инородческая) семинария как кузница кадров мордовской интеллигенции // *Юсуповские чтения*. 2021. №4. С. 239-244.
- Нафигов, 1981** – Нафигов Р.И. Тайна революционного подполья (Архивные поиски и находки). Казань: Изд-во Казанского университета, 1981. 183 с.
- Об открытии..., 1883** – Об открытии пригготовительного класса при Казанской учительской семинарии. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. Царствование императора Александра II. 1877–1881. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1883.
- Об учреждении..., 1865** – Об учреждении Молодечнянской учительской Семинарии. Указ Правительствующему Сенату // *Журнал министерства народного просвещения*. Ч. СХХIII. Отд. I. С. 6.
- Об учреждении..., 1877** – Об учреждении в Казанском Учебном Округе должности Инспектора Татарских, Киргизских и Башкирских школ / *Дело Деп. Нар. Просв. 1871 г. №20. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.5. Царствование императора Александра II. 1871-1873*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. С. 526-530.
- Пахмурный, 1976** – Пахмурный П.М. Большевики Казахстана в революции 1905–1907 гг. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 232 с.
- Положение..., 1877** – Положение о Казанской учительской семинарии / *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. Царствование императора Александра II. 1871-1873*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877.
- Рыгалова, 2020** – Рыгалова М.В. Профессиональное образование на окраинных территориях Российской империи в 1880-х годах – начале XX века // *Самарский научный вестник*. 2020. Т. 9. №2(31). С. 178-183.
- Сборник постановлений..., 1865** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1865.
- Сборник..., 1877** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. Царствование императора Александра II. 1871-1873. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. С. 807-808.
- Сейфульмаликова, Садыкова, 2018** – Сейфульмаликова С.С., Садыкова А.К. Роль Н.И. Ильминского в открытии Туркестанской учительской семинарии и оренбургской киргизской учительской школы / *Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): материалы Всерос. науч. конф.* Ред. колл.: О.Н. Широков и др. Чебоксары: «Лару-тӑру» («Среда»), 2018. С. 204-213.
- Сергеев, Федосеева, 2012** – Сергеев О.А., Федосеева Н.А. Выпускники-марийцы Казанской учительской семинарии // *Финно-угроведение*. 2012. №1. С. 59-75.
- Спасский, 1900** – Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара: Типография Самарской Духовной Консistorии (Н.А. Жданов), 1900. 376 с.
- Стурова, 2014** – Стурова М.В. Степной край в составе Западно-Сибирского учебного округа: особенности управления (80-е гг. XIX в. – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. №1 (27). С. 28-31.
- Султангалиева, 2002** – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа, РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 262 с.
- Сумарокова, 2015** – Сумарокова О.Л. Туркестанская учительская семинария // *Научные периодические издания*. 2015. №2. С. 1-22.
- Тажибаев, 1962** – Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алматы, 1962. 502 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чекменева, 1985** – Чекменева Т.М. Казанская «инородческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1985. 186 с.
- Шестаков, 1869** – Шестаков П.Д. Соображения о системе народного образования инородцев, обитающих в Казанском учебном округе. Казань, 1869. 126 с.

Шилдебай, Ордаханова, 2021 – Шилдебай С.К., Ордаханова А.Б. Сейтқали Мендешев. Сборник документов и материалов. Алматы: Полиграфия сервис, 2021. 590 с.
Bhabha, 1994 – Bhabha Homi. The Location of Culture. Routledge. 1994. 295 p.

References

- Alektorov, 1900 – Alektorov, A.E. (1900). Ocherk narodnogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti: letopis', 1744–1898 gg. [An essay on public education in the Turgai region: chronicle, 1744–1898]. Orenburg: Tipo-litografiya F.B. Sachkova. Vyp. 2. 160 p. [in Russian]
- Bhabha, 1994 – Bhabha Homi (1994). The Location of Culture. Routledge, 295 p.
- Chekmeneva, 1985 – Chekmeneva, T.M. (1985). Kazanskaya «inorodcheskaya» uchitel'skaya seminariya i ee rol' v prosveshchenii nerusskikh narodov Povolzh'ya [The Kazan “inorodtsy” teachers’ seminary and its role in educating the non-Russian population of the Volga region]: diss. ... kand. ist. nauk. Kazan'. 186 p. [in Russian]
- Efimov, 1998 – Efimov, L.A. (1998). Sistemy prosveshcheniya nerusskikh narodov i chuvashskie shkoly Povolzh'ya i Priural'ya poslednei treti XIX – nachala XX vekov [Education systems of non-Russian peoples and Chuvash schools of the Volga region and the Urals in the last third of the XIX – early XX centuries]: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk: spetsial'nost' 07.00.02. [Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova]. Cheboksary, 26 p. [in Russian]
- GART – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan].
- Grigor'ev, 1904 – Grigor'ev, V.V. (1904). Istoricheskii ocherk russkoi shkoly [Historical sketch of the Russian school]. Moskva: i-vo tip. A.I. Mamontova, 587 p. [in Russian]
- Ilminsky, 1886 – Ilminsky, N.I. (1886). Sistema narodnogo i v chastnosti inorodcheskogo obrazovaniya v Kazanskom krae [The system of national and, in particular, non-native education in the Kazan region]. Sost. V.V. Katarinski i N. Il'minskii. SPb.: Sinod. tip. 55 p. [in Russian]
- Ilminsky, 1891 – Ilminsky, N.I. (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memoirs of I.A. Altynsarin]. Kazan': tipo-lit. V.M. Klyuchnikova. 396 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2015 – Iskhakov, R.R. (2015). Stranitsy istorii Kazanskoi uchitel'skoi (inorodcheskoi) seminarii [Pages of the history of the Kazan Teachers' inorodtsy seminary]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stranitsy-istorii-kazanskoy-uchitelskoy-inorodcheskoy-seminarii> [in Russian]
- Iskhakov, Bagautdinova, 2023 – Iskhakov, R.R., Bagautdinova, Kh.Z. (2023). Spisok okonchivshikh kurs vospitannikov Kazanskoi uchitel'skoi seminarii (1875–1918 gg.). [The pull of graduates of the Kazan teachers' seminary (1875-1918)]. Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. 13(1): 192-216. [in Russian]
- Kim, Kim, 2023 – Kim, I.K., Kim, I.A. (2023). O koreiskikh vospitannikakh Kazanskoi uchitel'skoi seminarii dlya inorodtsev [On Korean students of the Kazan teachers' seminary for inorodtsy]. Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie. 4(3): 112-122. [in Russian]
- Kirghizskaya gazeta, 1895 – Kirghizskaya stepnaya gazeta. 1895. June 18. [in Russian]
- Kirzhaeva, 2003 – Kirzhaeva, V.P. (2003). Kazanskaya uchitel'skaya seminariya v politiko-pravovom i kul'turno-obrazovatel'nom kontekste epokhi [Kazan teachers' seminary in the political, legal, cultural and educational context of the epoch]. Integratsiya obrazovaniya. 2: 112-120. [in Russian]
- Materialy..., 2015 – Materialy po istorii obrazovaniya i prosveshcheniya narodov Volgo-Ural'ya v rukopisnykh fondakh N.I. Il'minskogo [Materials on the history of education and enlightenment of the peoples of the Volga-Urals in the manuscript collections of N.I. Ilminsky]. Sbornik dokumentov i materialov. Avtory-sostaviteli Iskhakov R.R., Bagautdinova Kh.Z. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, Izd-vo «YaZ». 2015. 620 p. [in Russian]
- Minemullin, 2017 – Minemullin, Ch.R. (2017). Kazanskaya uchitel'skaya seminariya v kontekste revolyutsionnykh sobytii 1905-1907 gg. [Kazan teachers' seminary in the context of the revolutionary events of 1905-1907]. Vestnik AGU. 1(194): 47-49. [in Russian]
- Mokshina, 2021 – Mokshina, E.N. (2021). Kazanskaya uchitel'skaya (inorodcheskaya) seminariya kak kuznitsa kadrov mordovskoi intelligentsii [Kazan teachers' inorodtsy seminary as a forge for Mordovian intelligentsia cadres]. Yusupovskie chteniya. 4: 239-244. [in Russian]
- Nafigov, 1981 – Nafigov, R.I. (1981). Taina revolyutsionnogo podpol'ya (Arkhivnye poiski i nakhodki). [The mystery of the revolutionary underground (Archival searches and finds)]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 183 p. [in Russian]
- Ob otkrytii..., 1883 – Ob otkrytii prigotovitel'nogo klassa pri Kazanskoi uchitel'skoi seminarii [The opening of the preparatory class at the Kazan teachers' seminary]. Vysochaishe utverzhdennyi vsepoddanneishii doklad. Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 7. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1877-1881. SPb.: Tip. M-va vnutr. del, 1883. [in Russian]
- Pakhmurnyi, 1976 – Pakhmurnyi, P.M. (1976). Bol'sheviki Kazakhstana v revolyutsii 1905–1907 gg. [The Bolsheviks of Kazakhstan in the revolution of 1905–1907]. Alma-Ata: Kazakhstan, 232 p. [in Russian]

- [Polozhenie..., 1877](#) – Polozhenie o Kazanskoi uchitel'skoi seminarii [Regulations on the Kazan Teachers' Seminary]. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. T. 5. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1871–1873. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1877. [in Russian]
- [Kratkii kurs..., 1902](#) – Kratkii kurs geografii Rossii so svedeniyami iz matematicheskoi, fizicheskoi i vseobshchei geografii: s prilozheniem karty Evropeiskoi Rossii [A short course in the geography of Russia with information from mathematical, physical and universal geography: with the application of a map of European Russia]. Sostaviteli A. Stupel', E. Glov. Riga. 1902. Pp. 67-70. [in Russian]
- [Rygalova, 2020](#) – *Rygalova, M.V.* (2020). Professional'noe obrazovanie na okrainnykh territoriyakh Rossiiskoi imperii v 1880-h godah – nachale XX veka. [Professional Education in the Peripheral Territories of the Russian Empire in the 1880s – early 20th century]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. T. 9. 2(31): 178-183. [in Russian]
- [Sbornik postanovlenii..., 1865](#) – *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions of the Ministry of public education]. T. 3. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II. 1855-1864. SPb.: Tip. Imperat. akad. nauk, 1865. [in Russian]
- [Sbornik..., 1877](#) – *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of National Education]. T. 5. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1871–1873. SPb.: Tip. V.S. Balasheva. 1877. Pp. 807-808. [in Russian]
- [Seiful'malikova, Sadykova, 2018](#) – *Seiful'malikova, S.S., Sadykova, A.K.* (2018). Rol' N.I. Il'minskogo v otkrytii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii i orenburgskoi kirgizskoi uchitel'skoi shkoly [The role of N.I. Il'minsky in the opening of the Turkestan Teachers' Seminary and the Orenburg Kyrgyz teachers' school]. *Problemy prosveshcheniya, istorii i kul'tury skvoz' prizmu etnicheskogo mnogoobraziya Rossii (k 170-letiyu chuvashskogo prosvetitel'ya I.Ya. Yakovleva): materialy Vseros. nauch. konf.* Red. koll.: O.N. Shirokov i dr. Cheboksary: «Laru-täru» («Sreda»). Pp. 204-213. [in Russian]
- [Sergeev, Fedoseeva, 2012](#) – *Sergeev, O.A., Fedoseeva, N.A.* (2012). Vypuskniki-mariitsy Kazanskoi uchitel'skoi seminarii [Graduates of the Kazan teachers' seminary]. *Finno-ugrovedenie*. 1: 59-75. [in Russian]
- [Shestakov, 1869](#) – *Shestakov, P.D.* (1869). Soobrazheniya o sisteme narodnogo obrazovaniya inorodtsev, obitayushchikh v Kazanskom uchebnom okruge [Considerations on the public education system of foreigners living in the Kazan Educational District]. *Kazan'*. 126 p. [in Russian]
- [Shildebai, Ordakhanova, 2021](#) – *Shildebai, S.K., Ordakhanova, A.B.* (2021). Seitkali Mendevesh. Sbornik dokumentov i materialov [Seitkali Mendevesh. Collection of documents and materials]. Almaty: Poligrafiya servis, 590 p.
- [Spassky, 1900](#) – *Spasskii, N.A.* (1900). Prosvetitel' inorodtsev Kazanskogo kraia Nikolai Ivanovich Il'minskii [Nikolai Ivanovich Il'minsky, educator of the inorodtsy of the Kazan region]. Samara: Tipografiya Samarskoi Dukhovnoi Konsistorii (N.A. Zhdanov). 376 p. [in Russian]
- [Sturova, 2014](#) – *Sturova, M.V.* (2014). Stepnoi krai v sostave Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga: osobennosti upravleniya (80-e gg. XIX v. – nachalo XX v.). [Steppe region as part of the West Siberian Educational District: features of management (the 80s of the XIX c. – the beginning of the XX c.)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 1(27): 28-31. [in Russian]
- [Sultangalieva, 2002](#) – *Sultangalieva, G.S.* (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.). [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (XVIII-early XX c.)]. Ufa: RUNMTs Goskomnauki RB. 262 p. [in Russian]
- [Sumarokova, 2015](#) – *Sumarokova, O.L.* (2015). Turkestanskaya uchitel'skaya seminariya [Turkestan teachers' seminary]. *Nauchnye periodicheskie izdaniya*. 2: 1-22. [in Russian]
- [Tazhibaev, 1962](#) – *Tazhibaev, T.T.* (1962). Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka [Enlightenment and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century]. Almaty. 502 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Ob uchrezhdenii..., 1865](#) – Ob uchrezhdenii Molodechnyanskoi uchitel'skoi Seminarii [On the establishment of the Molodechno Teachers' Seminary]. Ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1864. Ch. CXXIII. Otd. I. P. 6. [in Russian]
- [Ob uchrezhdenii..., 1877](#) – Ob uchrezhdenii v Kazanskom Uchebnom Okruge dolzhnosti Inspektora Tatarskikh, Kirgizskikh i Bashkirskikh shkol [On the establishment of the post of Inspector of Tatar, Kyrgyz and Bashkir schools in the Kazan educational district]. Delo Dep. Nar. Prosv. 1871 g. №20. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. T. 5. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1871–1873. SPb: Tip. V.S. Balasheva. 1877. Pp. 526-530. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1896](#) – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Istoricheskii ocherk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti i sovremennoe ego sostoyanie [A historical sketch of Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg: Tipo-lit. Zharikova, 224 p. [in Russian]
- [Vitevsky, 1892](#) – *Vitevsky, V.N.* (1892). N.I. Il'minsky. Direktor Kazanskoi uchitel'skoi seminarii [N.I. Il'minsky. Director of the Kazan Teachers' Seminary]. *Kazan'*: tip. Imp. un-ta, 64 p. [in Russian]
- [Voitekhovskaya i dr., 2011](#) – *Voitekhovskaya, M.P., Kochurina, S.A., Perova, O.V.* (2011). Uchitel'skie seminarii i uchitel'skie instituty Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Teachers' seminaries and teachers'

institutes of the West Siberian educational district]. *Sbornik dokumentov i materialov*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 520 p. [in Russian]

Zhurnal..., 1936 – Zhurnal soveshchaniya ministerstva narodnogo prosveshcheniya po voprosu o «prosveshchenii inorodtsev» [Journal of the meeting of the Ministry of National Education on the issue of “education of foreigners”]. *Materialy po istorii Tatarii (2-ya polovina XIX v.)*. Moskva, 1936, ch.1, 289 p. [in Russian]

Казанская учительская семинария и формирование казахской интеллигенции: опыт социализации и педагогической деятельности (1872–1918 гг.)

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^a, Жибек Сагинбаевна Бегимбаева ^b,
Айнура Талгатовна Суйнова ^a, Жанна Дюсембек ^{a, *}

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актюбе, Республика Казахстан

Аннотация. С 1870-х гг. в Российской империи начался новый этап образовательной политики, направленной на создание сети профессиональных учебных заведений, прежде всего, учительских семинарий, призванных формировать лояльное государству педагогическое сословие и оказывать влияние на мировоззрение молодого поколения.

Настоящая статья посвящена анализу деятельности Казанской учительской семинарии (1872–1918 гг.) как институционального эксперимента империи, на протяжении более сорока лет обеспечивавшего подготовку учительских кадров для Казанского учебного округа. Исследование основано на архивных материалах из центральных архивохранилищ Казахстана и Татарстана, включающих делопроизводственные документы (прошения, официальную переписку), характеристики, свидетельства и данные о дальнейшей судьбе казахских воспитанников. Методологической основой работы послужил подход *interstitial subjectivity* («пограничная»/«промежуточная» субъектность), предложенный Хоми Бхабхой, который позволяет выявить амбивалентность идентичности казахских воспитанников. Обучаясь в новой для себя социокультурной среде (город, библиотека, учебный процесс), они усваивали европейские модели мышления, формируя новые жизненные установки и профессиональные ориентиры. Однако, оставаясь частью мусульманского (суннитского) и казахского (кочевого) общества, по возвращении в Степь они становились посредниками между имперской администрацией и местным населением, транслируя новые формы знания и поведения. Статья показывает, что казахская молодёжь, прошедшая обучение в Казанской семинарии, постепенно интегрировалась в социокультурное пространство империи и стала участником – и одновременно объектом – сложной политики Российской империи по трансформации идентичностей. Более того, имперская образовательная политика в сфере подготовки казахских учителей имела долговременный эффект, поскольку именно эти кадры сыграли значимую роль в формировании интеллектуальной и профессиональной элиты постимперского Казахстана в первые десятилетия советской власти.

Ключевые слова: учительская семинария, образовательная политика, Российская империя, идентичность, казахские выпускники, школы.

* Корреспондирующий автор

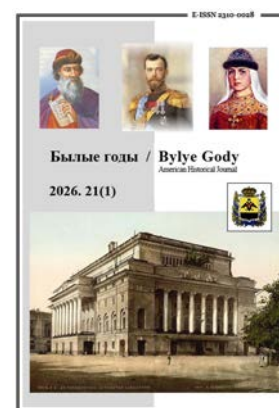
Адреса электронной почты: zhan.dsmk@gmail.com (Ж. Дюсембек)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 410-420
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.410

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Eyes and Ears of the Empire: Postal and Telegraph Service in Semirechye

Galiya Iskakova ^{a, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The proposed article examines the understudied scientific issue of the role of the postal and telegraph service in Semirechye to monitor the citizens of the empire. This article has reviewed the surveillance process in the Russian Empire, aiming to protect the population from factors that could influence their consciousness.

This article aims to determine the implementation of practices of censorship and letter interception (perlustration) in the Russian Empire, as well as the organisation of postal and telegraph institutions and their employees for these purposes. Based on historical data and research, this article has examined the issues of covert surveillance and letter perlustration. This article also discusses the activities of the “Black Chambers” across the empire, the use of postal and telegraph institution employees for covert surveillance by special agencies, and the involvement of local populations in surveillance activities. The materials used for this article include the archives of the Central Archive of the Republic of Kazakhstan, regulatory acts, official letters, and statistical reports from postal and telegraph institutions.

Surveillance was organized privately from the public, and maintaining trust in communication institutions and their staff was crucial for the successful execution of these activities. A central aspect of this Semirechye activity lacked legislation.

Keywords: Perlustration, Black Offices, correspondence, mail, telegraph, post roads, postal and telegraph institutions.

1. Introduction

The idea of uniting the postal and telegraph administrations of all nations into a single Universal Postal Union has emerged to strengthen international relations. To initiate this concept, the Russian Empire played a vital role, and the Union was established on October 9, 1874, initially having different states and colonies. During its initiation phase, it was based on 33 million square kilometres along with the population of 330 million. By 1901, the Union's territory expanded to 106 million square kilometres, encompassing 1.102 billion people. The total land area of the Earth, including Greenland and the Polar Regions, was around 136 million square kilometres with an estimated population of 1.5 billion. However, the Universal Postal Union covered approximately three-quarters of the Earth's land, having around two-thirds of the global population. Within this network, Russia held the largest share in terms of territory and controlled around one-fifth of the Union's total area.

Russia, in terms of population, was placed in second place with around 125 million people. However, India and Britain were placed at the first rank with a population of around 295 million. Despite its vast territory, Russia's population density was much lower, with around 5.9 people per square kilometre compared to 132 to 216 in the United Kingdom, 110 in Italy, and 97 in Germany. A noticeable impact of this infrastructural disparity was observed, whereas in Germany, one postal-telegraph office served 1,230 residents, while in Russia, a single office had to serve 20,800 residents. Based on the data from the

* Corresponding author

E-mail addresses: gali209@mail.ru (G. Iskakova)

Postal-Telegraph Journal, Buchgeim (Buchgeim, 1906) has highlighted the enormous workload of Russia's postal-telegraph service. The staff were struggling because of low salaries, and other challenges also emerged because of inadequate state funding. These difficulties led to the postal-telegraph service's unpopularity among Russian officials, and a similar trend was also observed in Central Asia.

According to Morrison (Morrison, 2019a: 11), Central Asia's economic and strategic value was ambiguous. Despite the efforts of the Turkestan governors-general to project the region as a key asset, the annexation of the generalship of Turkestan Governor-General ensued between 1853 and 1881. The campaigns in Turkestan took place in remote regions, and these areas held questionable economic and strategic significance and were inhabited by populations often described as "savages", "fanatics," or Primitive Asians. However, they were not perceived as serious threats.

The perception of Turkestan has been identified as a dangerous and unstable frontier because of poor governance, limited resources, and institutional inertia. Moreover, Turkestan is rarely mentioned in mainstream English-language histories of the XIX-century Russian military (Morrison, 2023: 2). Furthermore, Uyama (Uyama, 2020: 3) has further emphasised the absence of civil registry books, revealed during the 1916 uprisings, and recognised as a symptom of Central Asia's weak integration into the Russian Empire. A limited reach has also been observed for the imperial authority in the region's local society, and the introduction of new wartime measures led to significant conflicts. Another consequence of the region's late annexation was that by the early XX century, Turkestan had produced the smallest number of indigenous intelligentsia educated in new schools compared to other parts of the empire.

It is also important to identify that Semirechye, at the turn of the XIX and XX centuries, was a polyethnic and multicultural centre. The migration of Russian settlers, along with the relocation of Dungsans, Uyghurs, and others, contributed to this diversity. However, Morrison (Morrison, 2012: 329) has argued that the demographic composition of Semirechye can be understood as a "plural society" because different communities lived side by side and engaged in economic exchanges. However, they remained divided by language, religion, lifestyle, and a noticeable impact of social hierarchy is also identified in this segregation.

Among the Semirechye's population, the highest ratio was of Kazakh and Kyrgyz individuals because of their nomadic lifestyle; however, they were absent from urban centres. Through this dynamic, the region was able to maintain its distinct identity despite the diverse influences of various ethnic groups and cultures. In this regard, Central Asia and Semirechye are key for understanding late imperial Russian colonial thought (Morrison, 2019b; Morrison, 2012).

The key objective of this article is to critically evaluate the functioning of the postal and telegraph service in Semirechye as a tool of colonial surveillance and control exercised by the Russian Empire. This article has also demonstrated how this communication institution served not only as a means of information exchange but also as a disciplinary mechanism aligned with Michel Foucault's concept of biopower. The study further investigates how the everyday governance of the imperial periphery embedded practices of observation, information control, and the involvement of local agents by applying a critical approach to examine the role of the postal-telegraph service as an instrument of surveillance. This article also offers insights into how the imperial communication system evolved, despite the small number of Europeans in Central Asia's colonial bureaucracies. However, this article does not provide a conceptual definition of surveillance in Tsarist Russia, but it is focused on how postal-telegraph organizations implemented surveillance through their interactions with state agencies and local populations. The empire's limited control over the region shaped the development of Semirechye's unique identity, the basis for this analysis. The study illustrates how the level of surveillance over imperial subjects corresponded with the extent of imperial influence in the region.

2. Materials and methods

The data used in this article was based on the information published by CSA RK (Central Archive of the Republic of Kazakhstan). The information included:

- Fund 194: "Vernensky Regional Postal and Telegraph Office of the Turkestan Postal and Telegraph District (1872–1917)" (CSA RK. F. 194. Op. 1).
- Fund 188: "Sergiopol Postal and Telegraph Office, Turkestan Postal and Telegraph District. City of Sergiopol, Semirechye Region (1914–1916)." (CSA RK. F. 188. Op. 1)
- Fund 199: "Jarkent Postal and Telegraph Office, Turkestan Postal and Telegraph District, City of Jarkent, Semirechye Region (1901–1916)" (CSA RK. F.199. Op. 1).
- Fund 201: "Lepsinsk Telegraph Station, Turkestan Postal and Telegraph Agency, City of Lepsinsk, Semirechye Region (1870–1917)" (CSA RK. F. 201. Op. 1).
- Fund 2300: "Reports on Public Sentiment in Semirechye Region (February 8, 1914 – January 8, 1915)" (CSA RK. F.2300. Op. 8. D. 15. L. 1-17);
- Fund 41: List 1, Books I and II: "Vernensky District Administration (1862–1919)" (CSA RK. F.41. Op. 1).

Moreover, different archival documents were also examined to analyze the functioning of postal and telegraph institutions and their personnel. This study has also employed legal acts, orders, official correspondence, and statistical reports from central and local postal and telegraph institutions, as well as letters from regional postal and telegraph offices.

This study is grounded in Michel Foucault's concept of biopower. In his major works, Foucault conceptualizes biopower as a new form of power exercised through surveillance for the purpose of regulating and controlling life. Michel Foucault has further defined that power permeates all spheres of society due to its ability to structure and govern everyday life subtly through disciplinary institutions. Among such institutions, schools, barracks and hospitals are within the scope of this study; postal and telegraph offices are not.

This article also focuses on the practice of power implementation, known as perustration. According to Foucault's theory, power functions most effectively when it is continuous and invisible. In this context, perustration in Semirechye has been identified as a noticeable example of Foucault's model of panopticism. Individuals, believing they are under constant surveillance, begin to regulate their own actions and behavior. Such mechanisms contribute to the formation of a disciplinary society in which internal self-regulation becomes a result of external observation (Foucault, 1995: 135-228). This aligns with the arguments presented by Scott (1998), where simplification, categorization, and surveillance are considered core strategies of state governance. Within the framework of the imperial state, these strategies enabled the clarification of social conditions and made it possible to monitor public sentiment and population mobility.

This research also draws on the concept of information management as presented by Holquist (Holquist, 1997: 418). During World War I, state and public institutions were actively engaged in monitoring public sentiments and opinions. The functions of these institutions were dual in nature: first, they focused on information collection (informing authorities about the populace), and second, they emphasized propaganda (informing the public). Holquist's analysis also identifies two types of information management or surveillance. The first is repressive, aimed at preventing the dissemination of dissenting ideas and punishing such actions, while the second involves gathering information to shape specific policies (including informing, inspiring, enlightenment, propaganda, or agitation). The author concludes that these two types coexist, although their relationship is significant. The first type relates to a model of territorial control, while the second pertains to a model of population management. In this context, censorship is identified as the primary source for information gathering.

3. Discussion

The subject of postal and telegraph services in the Russian Empire has been widely analyzed in the works of Buchheim (Buchheim, 1906), Bazilevich (Bazilevich, 1927) and Morev (Morev, 2019). According to Buchheim (Buchheim, 1906: 15), the postal and telegraph infrastructure is not a revenue source but a significant driver of progress, offering considerable opportunities to the state. Furthermore, the issues associated with population and surveillance control in the Russian Empire were addressed through three different studies by Lauchlan (Lauchlan, 2002), Shashaev et al. (Shashaev, 2017) and Peregudova (Peregudova, 2000). On the other hand, the studies for censorship and military censorship were conducted by Izmozik (Izmozik, 2023), Daly (Daly, 1998), Holquist (Holquist, 1997) and Zhdanova (Zhdanova, 2018). On the other hand, the studies of Uyama (Uyama, 2020), Morrison (Morrison, 2019a), Sultangalieva (Sultangalieva, 2015), and Bimoldanova et al. (Bimoldanova et al., 2018) were used to guide the analysis of the political and economic integration of Central Asia into the Russian Empire.

Scholarly interest in the history of censorship in the Russian Empire emerged at the end of the XIX century, which led to the development of various key studies. Peregudova (Peregudova, 2000: 276) has defined censorship as a method of political investigation by the Police Department between 1880 and 1917. Her monograph "Political Investigations of Russia (1880–1917)" includes a chapter based on previously unexplored archival materials that shed light on censorship during this period. Moreover, Izmozik (Izmozik, 2023: 40) has published a seminal study on surveillance and censorship in the Russian Empire. The study delves into the functioning of censorship centres and the subsequent adaptation of censorship practices by the Soviet Union, with a particular emphasis on the concept of political control. On the other hand, Daly (Daly, 2016: 471-472) has further examined the role of the secret police in the Russian Empire, showing how intercepted materials were used by law enforcement agencies to provide intelligence, predict issues, and manage revolutionaries. The scope of surveillance allowed the authorities to anticipate potential problems, which resulted in enhanced control.

4. Results

Observation by Employees of the Postal-Telegraph Service

According to Holquist (Holquist, 1997: 418), the Russian Empire intended to avoid uncovering public sentiments and aimed to do more than simply keep people under control. The primary objective of the Russian Empire was to influence and change individuals, and due to this, surveillance encompassed both the collection of information on public attitudes and the approaches used to focus on transforming their attitudes. The purpose of this observation was not to exert more control over society; however, it aims to protect people from harmful influences that could adversely affect the population because of heretical ideas, books, or ideologies. The state collected the necessary information to prevent the dissemination of what it considered undesirable content. To evaluate these aspects, two different mechanisms were employed. Firstly,

a bureaucratic oversight system was established for regular reporting on public sentiment, and secondly, the state routinely engaged in the interception of correspondence.

The concept of perustration, also known as the secret and unlawful reading of correspondence, was widely practiced. Scholars have debated to evaluate the difference between the concepts of censorship and perustration within the context of postal and telegraph surveillance, with many noting the difficulty in separating the two. Daly (Daly, 1998: 42) has analyzed perustration as one of the methods employed by special agencies, such as the secret police and the gendarmerie, to gather information and maintain security. However, this practice did not function as a comprehensive system of social control. Rather, it operated as a selective instrument targeting limited revolutionary underground networks within autocratic regimes. Izmozik (2023) likewise emphasizes that perustration was primarily focused on a narrow circle of political dissidents and was used to gauge public moods and attitudes toward the authorities. Such investigative practices formed the basis for identifying conspiracies and criminal activities. In a similar vein, Holquist (Holquist, 1997: 420-421) explains that perustration relied on the interception and reading of private correspondence in order to reveal what individuals were writing and thinking, distinguishing it from censorship, which was intended to regulate and control content. The creation of state organs specifically designed for the quantitative assessment and analysis of public attitudes, whether pro-government, anti-government, or indifferent, was a qualitatively new development. Therefore, observation is not merely important because it generated various materials on public opinion or national morality, but because it reflected the state's growing concern with public sentiment. However, the essence of observation aimed to preserve the constructed narrative of reality and prevent the introduction of harmful information into the minds and consciousness of the populace. Maintaining control over the flow of ideas in a changing world required considerable effort.

In the Russian Empire, the practices of perustration and censorship were modelled after the "Black Cabinets" employed in European countries. For instance, Napoleon's reign in France influenced the "Black Cabinets" in the Russian Empire. France had refined its "Cabinets noirs", where officials developed a system for organizing state documents related to insurgents ("Bertillon system of filing"). This system was actively adopted in the Russian Empire, and this system, designed to identify criminals using detailed photographic records, was implemented in the empire, albeit in a more rudimentary form.

During World War I, France and Germany conducted widespread perustration of domestic mail. For example, wartime efforts to assess soldiers' morale and emotional state through perustration revealed significant psychological distress. In this context, the French government methodically compiled regular reports on soldiers' morale (Geist) and attitudes (Stimmung). Concerned about national morale, the French government intensified its secret surveillance efforts after 1917. The French Army General Staff issued bulletins on internal morale based on the analysis of censorship materials that affected both soldiers and civilians (Holquist, 1997: 438-441).

Despite being technically illegal in the Russian Empire during the late 19th and early 20th centuries, perustration was justified under the absolute monarchy by the criminal code, "The Penal Code of Criminal and Correctional Punishments." It allowed highly secret yet legally sanctioned actions: "It is not considered an abuse of power 1) when a minister or other state official departs from ordinary rules in their actions based on special or general authorization granted by the supreme authority for this or similar cases" (Ulozheniye o nakazaniiah..., 1885: 230).

During the mid-XVIII century, perustration became a tool of foreign policy, and it was used regularly in a well-established Russian society. By the second half of the XIX century, the letters of all individuals, except the monarch, the Minister of Internal Affairs, and the head of the Third Department, were subject to reading (Daly, 2016: 469). In the early XIX century, those under surveillance primarily included opposition groups and close relatives of the emperor. Additionally, the empire monitored local elites from newly annexed regions who were dissatisfied with their conditions. Furthermore, Izmozik (Izmozik, 2023: 57-59) asserts that surveillance also encompassed populations in unrest-prone regions. Scholars note that the empire's primary surveillance focus was on Western countries such as Lithuania, Poland, and Finland.

In the second half of the XIX century, "Black Cabinets" were established in major cities of the Russian Empire, particularly in its Southern and Western regions. These cabinets were located in post offices in Moscow, Saint Petersburg, Warsaw, Odessa, Kyiv, Kharkiv, and Tiflis, along with the censorship department overseeing foreign newspapers and magazines. During wartime, mobile post offices were also created, and postmasters were working as perustration agents. This has been observed in 1812, officials' letters were monitored, establishing a long-standing surveillance practice, and from 1813 to 1814, correspondence in these territories was also scrutinized (Daly, 1998; Izmozik, 2023).

On November 21, 1826, at the suggestion of the Moscow postal director, perustration was also introduced in Tobolsk to monitor Siberian correspondence. Consequently, on December 16, 1826, Tsar Nicholas I approved the "Regulation for the Establishment of a Secret Expedition at the Siberian Post Office" to monitor exiled criminals and their spouses. This "Secret Expedition" was based on four members, which mainly included a senior official, his assistant, and two junior officers. The titular counsellor ban was appointed head of the expedition. Moreover, two additional "Black Cabinets" were also established in Siberia, in Tyumen and Irkutsk, on June 5, 1834. However, "Black Cabinets" operated under the guise of censoring

foreign newspapers and magazines in Moscow, Saint Petersburg, Warsaw, Kyiv, and Odessa and secret expeditions in Kazan, Tiflis, and Kharkiv. Moreover, in 1908, the perlustration centre in Kazan was closed (Izmozik, 2023).

According to secret regulations, the letters of three people in the Russian Empire were never to be opened, i.e. the Emperor, the Minister of Internal Affairs, and the Head of the Third Department (or, after its dissolution, the head of the Police Department). Furthermore, perlustration was conducted alphabetically or through random selection. If a randomly selected letter attracted the interest of political investigation authorities, various measures were analyzed, which mainly included determining the author's identity and address were determined, and the individual was placed under secret surveillance. Their correspondence could also be monitored to gather information about their contacts and intentions.

Izmozik (Izmozik, 2023: 119-123) has further defined that occasionally, the police department would issue informal instructions regarding perlustration. For example, on January 11, 1911, the Council of Ministers issued a decree abolishing university autonomy and holding university administrations responsible for student unrest. The order triggered protests among students and faculty, leading to repression. At the time, the list of individuals among faculty members whose letters were perlustrated included V.R. Williams, E.N. Trubetskoy, A.F. Fortunatov (Moscow), V.E. Grabar and M.I. Rostovtsev (Dorpat), S.P. Vologdin (Novocherkassk), and N.Y. Novombergsky (Tomsk).

When considering who would be placed under surveillance and under what circumstances, individuals with ties to criminal elements or those whose actions posed a threat to public safety were placed under covert observation. All of their movements and contacts were strictly monitored. All of these individuals were unaware of the surveillance, and their personal freedom and civil rights remained officially unrestricted. Moreover, covert surveillance was also conducted until suspicion was cleared or criminal evidence was identified. On the other hand, open surveillance was imposed on individuals deemed morally or politically unreliable, involving preventive measures rather than harsh punishment. Such surveillance could be initiated by an administrative order or a court ruling. Strict open surveillance was characterized by tight police oversight and limitations on personal freedom and certain rights. The nature of the surveillance regime depended on the authority that imposed it (Spisok lits..., 1904: 1).

On March 12 1882, the regulations on police supervision were adopted, aiming to maintain public order and peace; all police and gendarmerie were tasked with conducting both open (glaring) and covert (secret) surveillance of political criminals and unreliable individuals (Daly, 1998: 41). In certain cases, the Minister of Internal Affairs could prohibit individuals under surveillance from receiving any correspondence. In such instances, lists of these individuals were sent to local postal and telegraph offices. Letters and telegrams addressed to them were forwarded to the head of the gendarmerie department in large cities and to the district chief in rural areas, and in cases where the content was prohibited, the correspondence was handed over to the gendarmerie (Tokareva, 2009: 194-204).

Was postal perlustration implemented in Semirechye?

During the late XIX century, Semirechye was served by 19 postal and telegraph offices (See Figure 1).

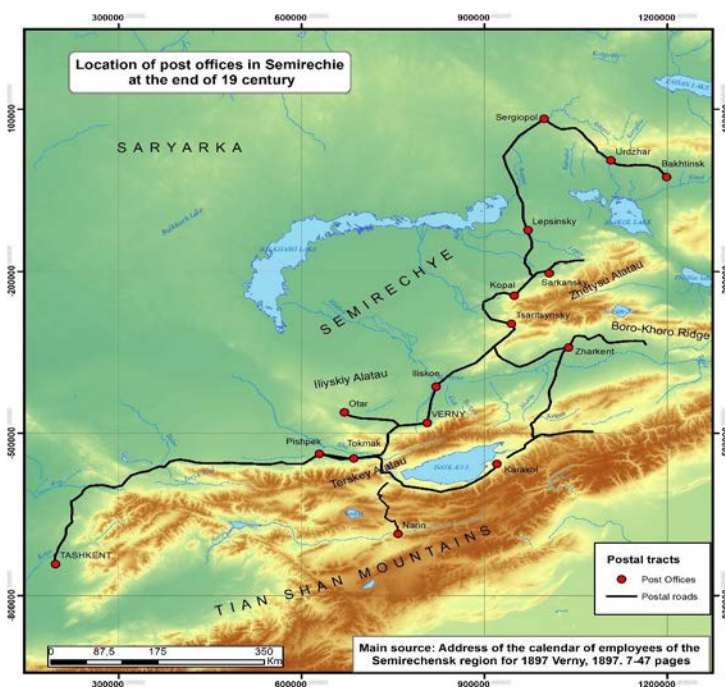

Fig. 1. Location of post offices in Semirechye at the end of the XIX century

Figure 1 illustrates the overview of the Semirechye Region at the end of the XIX century, with six postal routes, covering a distance of 2,168 $\frac{3}{4}$ versts (approximately 2,312.82 km), employing between 76 and 138 staff members. For instance, statistics from 1897 indicate that Semirechye, with a population of 990,107, was serviced by only 20 postal offices, staffed by 137 employees, resulting in each staff member serving about 7,000 residents. By the second half of the XIX century, six integrated postal routes were established in Semirechye (*Obzor Semirechenskoi oblasti...*, 1886: 50).

Dirt roads, measuring approximately 2,156 versts, were the primary mode of transportation along these routes. Postal and telegraph employees traversed an average of 946,334 versts annually along these routes (*CSA RK. F. 194. Op. 1. D.19a. L. 122*; Iskakova et al., 2024; Iskakova, Teleuova, 2024). Moreover, the contributions of the residents, along with zemstvo and public resources, funded the maintenance of these roads. As a result, the quality of postal routes was generally superior to that of other roads, making them highly sought after by the local population (*Rabochaia komissii...*, 1909: 145). Furthermore, the temporary regulations governing the management of the Semirechye and Syrdarya regions stated that the local nomads were liable to pay taxes for the repair and maintenance of bridges, roads, and postal routes. It was reported that residents were taxed about 10-15 kopecks, and labour taxes were also covered by the local population (*Obzor Semirechenskoi oblasti...*, 1884: 35). Despite the use of local resources for communication services, residents continued to harbor a significant lack of trust (Iskakova, Teleuova, 2024).

In the Semirechye region, the Tsarist administration exhibited a distinct character, with its power failing to penetrate deeply within the local society. The administrative system in this region was two-tiered, consisting of Russian high officials (such as governors-general, governors, and district commandants) and local lower officials including volost and rural elders and local judges. However, a predominant authority was observed for the Russian officials because of their low number and disconnection from the local society, which means they have a limited understanding of the local conditions. Moreover, Russian officials could have recruited local elites by making them nobility, as they did with Tatars, Bashkirs, and Caucasians. On the other hand, this practice was rarely observed in the Central Asian region, but a few exceptions were applied. This is mainly observed because of a dismissive attitude toward nomadic peoples. During the uprising in 1916, and due to this dismissive attitude toward nomadic peoples, many indigenous administrators refused to take on intermediary roles, such as clarifying the decree's meaning or pacifying the population. Although Russian officials often had to rely on local administrators for gathering information about the local situation, they did not allow them to occupy important positions. Russian officials did not trust indigenous officials, and in their reports, notes, and other documents, they frequently used terms such as “fanaticism”, “unreliability,” and “low citizenship” in reference to Central Asians (Uyama, 2019: 3).

A significant role is being played by the volost rulers in one of the lower tiers of local administration. Under the Statute on Siberian Kazakhs, volosts were to be governed by sultans, who, under 52, were designated as 12th-class officials (*Sultangalieva*, 2015). The requirement for volost administrators to be proficient in the Russian language was not explicitly stated. Research indicates that in the Akmolinsk region, only a small number of candidates possessed knowledge of Russian. Though in the early XX century, the majority of documents, particularly reports to higher authorities, were often signed in Russian (*Bimoldanova et al.*, 2018). A noticeable impact of the lack of literacy in Russian among many volost administrators resulted in a reliance on clerks for documentation and communication. The responsibility for maintaining written records for the volost rulers rested with the clerk. The duties of the volost clerk (pisar') were not explicitly detailed in the 1868 and 1891 Regulations, and the clerk lived in the same place as the volost administrator.

Among the positions within the volost administration that received financial compensation during the second half of the XIX century were volost administrators, clerks, and messengers. During the period under consideration in Semirechye, postal and telegraph institutions, as well as mailboxes, were not yet established in the volosts and villages, and letters, shipments, telegrams, announcements, decrees, and important information were delivered to the villagers by the volost rulers and clerks. This is clearly illustrated in a secret circular from the head of the Turkestan postal and telegraph department in 1903. The Department of Police informed the Chief of the Main Administration of Posts and Telegraphs that a significant number of letters addressed to various individuals, predominantly peasants, containing criminal proclamations, were sent from both abroad and within the empire during the past and current years. Most of these letters were dropped into mailboxes at railway stations, as evidenced by the stamps on the envelopes.

According to established procedures, postal and telegraph institutions transmit regular correspondence addressed to rural residents to the volost rulers for proper distribution. As a result, a substantial number of proclamations reached the peasants, who kept and shared them with others. The circular directives from June 15, 1895, No. 20, confirmed on July 1, 1902, No. 42, provide essential guidelines and indicate that postal and telegraph institutions must pay special attention to a significant number of letters addressed to villages that share the same format and exhibit variations in handwriting on the envelopes” (*CSA RK. F. 201. Op. 1. D. 11. L. 1–10b*).

In 1898, information regarding the “Andijan Uprising” was published in the newspaper “Semirechenskiye Oblastnye Vedomosti” and sent via mail to seven rural districts and one settlement in the Semirechye region. This information was disseminated to the villagers within the volost through administrators. For example, M. Kishibekov, the head of the Lower Iliysky volost in Verny District, reported

to the head of the Verny District: "In compliance with the directive dated October 6 of this year... I have the honour to inform Your Excellency that the announcement from the Governor-General of Turkestan regarding the disturbances in the Fergana region has been communicated to the population at the village meetings by the Kyrgyz of the volost entrusted to me" (CSA RK. F. 41. Op. 1. D. 96. L. 108).

Volost rulers and their clerks (pisar) were responsible for monitoring the citizens of the villages. For instance, the volost leaders of the Kazakh and Taranchin volosts, along with their clerks, were instructed by the Semirechye Regional Administration to conduct covert surveillance on pilgrims returning from Mecca. They were particularly vigilant to ensure that these individuals did not spread harmful rumors regarding events in the Far East and were required to report any suspicious activities to the regional administration. The archive materials reveal a rare occurrence of Kazakh names among the senders and recipients of postal packages, letters, and other correspondence. However, volost administrators frequently appear in each "acceptance-transfer list". In the Sergiopol postal and telegraph office, the names of the Akchaulynsky volost administrator and the Arganachinsky volost administrator are often mentioned. Thus, volost administrators and their clerks may have been engaged in covert surveillance, which compelled them to independently review and identify suspicious correspondence (CSA RK. F.41. Op. 1. D.197. L. 2; CSA RK. F. 188. Op. 1. D 6. L. 122-122ob., 165).

During the period under review in the Semirechye region, there were no "Black Cabinets", and postal and telegraph office employees did not directly engage in surveillance (perlustration). We suggest that this task was handled by the gendarmerie, police department, and the local administrative bodies, either through specific instructions or on their own initiative. In 1905, the head of the Verny postal and telegraph service, in a letter to the prosecutor of the Verny District Court, enquired about whether the police officer had the authority to take the following actions. The officer of the 1st police department of the city of Verny, in a communication dated October 30 of this year, No. 16, asks me to inform him about the postal and telegraphic correspondence received and sent by Georgy Lavrentyev Vyatkin, a teacher at the Verny Kolpakov third-class school, whom he has implicated as a defendant in a state crime, for the purpose of seizing and inspecting said correspondence. In connection with this, I ask Your Excellency to inform me whether he is authorised to carry out the seizure and inspection of the correspondence addressed to the aforementioned teacher, Vyatkin (CSA RK. F. 194. Op. 1. D. 34. L.212–212ob.). In response, he was informed that the officer of the 1st police department of Verny, in agreement with the prosecutor of the Verny District Court, was required to obtain information about the correspondence received and sent by Georgy Lavrentyev Vyatkin, a teacher at the Verny Kolpakov third-class school, who was accused of a state crime, for the purpose of seizing and inspecting the mentioned correspondence (CSA RK. F. 194. Op. 1. D. 34. L. 213–213ob.).

The main role of this organization is to provide services in Semirechye, but the lack of clear legal regulations in legislative acts and the unlawful nature of its implementation by the institution's employees have undermined its performance. Since perlustration was carried out secretly, the limited amount of available data on this process remains a significant issue. Each department, including postal and telegraph office employees, followed specific protocols, opening and reading letters and dispatches sent to them, thereby enabling access to the content. Based on the analysis, postal and telegraph workers were responsible only for identifying suspicious correspondence of citizens that could be subjected to perlustration, forwarding it to the relevant authorities, and then delivering it to the addressee. They were not authorized to open, read, or make conclusions about the content of the letters. One example illustrating that postal and telegraph employees were often unaware of perlustration conducted by other state agencies is evident from local law enforcement's frequent urgent requests to detain or open correspondence at postal and telegraph stations. In the cities of Verny and Zharkent, military censorship was in operation (CSA RK. F. 194. Op. 1. D. 119. L. 9), which likely meant that perlustration of letters took place primarily in these cities or that letters were forwarded for perlustration to Tashkent (CSA RK. F. 194. Op. 1. D. 140. L. 2).

The information regarding this can be identified in a 1915 circular stating that "On October 20, it was ordered that all domestic parcel shipments and all letters awaiting collection be inspected by the censor. The inspection will be conducted at regional offices in Ashgabat, Samarkand, Skobelev, Zharkent, and Verny. I instruct the institutions receiving domestic control shipments and letters awaiting collection to send them to the mentioned offices in special mail packets labelled for inspection by military censorship" (CSA RK. F. 194. Op. 1. D. 126. L. 1).

In other cities, this likely occurred rarely and sporadically, which caused confusion and frustration among postal and telegraph employees. A circular from the Head of the Turkestan Postal and Telegraph District, dated October 21, 1904, sent to the heads of postal and telegraph institutions in the Turkestan district, highlights this issue: "The General Directorate of Post and Telegraphs, observing cases where gendarmerie officers... request immediate access to inspect and send correspondence upon their request, but the Heads of institutions, in accordance with paragraph 5 of the circular from March 23 this year, No. 53, refuse to comply with such requests until permission is obtained from their Chief Local Authority to avoid possible disputes between the investigators and the Heads of postal and telegraph institutions regarding the detention, inspection, and seizure of correspondence, instructed to clarify: ...in cases where it is necessary to inspect and seize postal and telegraph correspondence at the request of the Gendarmerie Administration officials, the seizure of correspondence is carried out in agreement with the investigator and the prosecutor's

office representative supervising the investigation. The heads of postal and telegraph institutions must allow these officials to inspect and seize correspondence immediately upon such a request, without first obtaining permission from their chief local authority, but they must report each case of such detention or seizure of correspondence. I inform you of this for your knowledge and guidance.”

For this reason, there were often complaints in Semirechye about opened letters, delays, or disappearances in postal and telegraph organizations, meaning the failure of correspondence to reach the recipient. The recipient had no way to get a correct response. Often, the opening of correspondence occurred at the points of dispatch or receipt (CSA RK. F. 199. Op. 1. D. 7. L. 65–65ob.).

A clear example of perustration in the Turkestan region involved the examination and secret forwarding of correspondence addressed to Prince Nikolai Konstantinovich, his wife, and their servants by postal and telegraph office employees to the appropriate authorities. Primarily, letters sent to or related to locations in the Syrdarya region were subject to surveillance. In 1891, a circular was sent to the Turkestan postal and telegraph offices and branches regarding the prince's correspondence, which referenced specific locations such as the “Iskander Estat” in Tashkent and the “Bukhara Canal in the Hungry Steppe”. The circular stated: “All written correspondence, regardless of how it is received at the institution, whether by mail, personal delivery, or dropped into a mailbox, and regardless of who it is from, whether third parties or individuals on the list – if it is addressed to Grand Duke Nikolai Konstantinovich or to individuals in his service, must be sent to the Head of the Tashkent office as specified in the circular. Only correspondence from His Majesty or his servants to third parties not listed in the circular should be forwarded to the Department of Police” (CSA RK. F. 194. Op. 1. D. 34. L. 19–20).

In conclusion, it can be assumed that during the period under study in the Semirechye region, there were no “Black Cabinets” (special rooms for perustration), and postal and telegraph office employees did not directly conduct perustration. Instead, the detection of suspicious correspondence among the local population was the responsibility of volost rulers and clerks.

How did state authorities use postal and telegraph offices?

The state made efforts to keep the practice of perustration (the secret interception and inspection of letters) confidential, aiming to maintain the public's trust in postal and telegraph services and their employees. However, local authorities, which mainly include police, gendarmerie, military, and other agencies, read letters in routine, leading to a decline in public trust in the postal system. As a result, by the early 19th century, perustration had become a key tool for political investigation and surveillance (Izmozik, 2023: 68-71).

In the mid-XVIII century, all letters arriving from Petersburg were delivered directly to the local post office, while others underwent censorship. The local post office made copies and extracts from these letters, summarized them, and sent them to the governors-general. The Chief Director of Posts forwarded the most important letters to convey information to the emperor. In the XIX century, incoming correspondence was opened, read, and summarized, with notes taken and photos made to identify hidden “chemical” texts, followed by decryption if the text was encoded. The letters were then resealed in their envelopes and sent to the post office for delivery. In rare cases, letters were detained and confiscated, with a note made on the extract indicating the letter's detention pending special instructions. All of this required close coordination with the Special Department of the Police (Izmozik, 2023: 57, 130).

The chief censor compiled an annual report for the Minister of Internal Affairs based on the gathered information, including materials from censorship. Similarly, local government agencies submitted reports to the Ministry of Internal Affairs. In the context of the Semirechye region, the issues covered included the settlement of migrants from Russia on Kazakh lands, the 1905 revolution, Russia's participation in World War I in 1914, public opinions on these events, and the mobilization of Kazakhs for labour in 1916. The governor of the Semirechye region regularly provided monthly and annual reports to the police department on public sentiments, compiling information on the political attitudes of local Muslim Kazakhs and Christian Russians in response to unfolding events.

The department also established individual surveillance and monitored correspondence. Such political events were reflected in the governor's reports on “public sentiments”, and the military governor of the Semirechye region noted in a 1915 report that rumors were circulating among the public about the possibility of neutral China participating in the war against Russia. Therefore, the department placed foreign nationals entering the country under surveillance as a precaution. Two Chinese nationals, posing as traders, were reported to be gathering information about troop numbers and routes to Lepsinsk and Verny. Their correspondence uncovered their connections with the Tarbagatay governor, leading to their apprehension. A message was sent to the Semipalatinsk investigation point (CSA RK. F. 2300. Op. 8. D. 15. L. 16–16ob.).

The information gathered by the Special Department also formed the basis for regular reports to the emperor. These reports, known as the “Tsar's Leaflet” (Tsarskii Listok), contained details about revolutionary activities, opposition groups, incidents, riots, and deaths. The summaries titled “Summary of Noteworthy Information from the Police Department”, which were read by the emperor and his close advisors, ranged from 5 to 600 pages. In the 1890s, these reports were prepared monthly; by 1902, they were produced biweekly and then weekly. Unlike reports from the Minister of Internal Affairs, these summaries did not include assessments of the political situation or suggest broader counter-strategies to provocations.

The police were not mentioned directly, and the information was framed as data collected through perustration and from secret informants (Daly, 1998: 105-106).

The Okhrannaya Politsiya frequently relied on the work of these “Black Offices” to identify criminal groups, often uncovering crucial evidence about their communications. Various government departments circulated copies of intercepted letters. For example, perustration uncovered the attempted assassination of Alexander III by members of “Narodnaya Volya” on March 1, 1887, leading to the identification and punishment of the conspirators. This demonstrates that perustration played a supplementary role in the state's broader security measures (Daly, 1998). Similarly, under imperial practices, political radicals were allowed to remain free until they committed an act of violence or crime. The secret police often remained in the shadows, while the gendarmerie represented the state's political authority until 1917. The secret police had opportunities to hone their craft due to the activities of certain highly active individuals and groups who were masters of conspiracy.

Additionally, military agencies, alongside police departments, were involved in reading letters. The General Staff received copies of letters and extracts directly from St Petersburg. From there, they were forwarded to the emperor or other recipients (Izmozik, 2023: 75). Thus, during the period of the Russian Empire, postal and telegraph services became an important tool of state control and political surveillance. Despite their outward neutrality, they were actively used for covert monitoring, which undermined the public's trust in the communication system.

5. Conclusion

In conclusion, the information gathered through covert surveillance by prerevolutionary special institutions encompassed nearly all spheres of life within the late imperial state. Observation was therefore significant not merely because it produced extensive materials on public opinion or moral attitudes but because it reflected the state's growing concern with public sentiment. At its core, observation sought to preserve an officially constructed narrative of reality and to prevent the penetration of information considered harmful into the minds and consciousness of the population. Maintaining control over the circulation of ideas in a rapidly changing world required sustained and considerable effort from the imperial authorities.

For this purpose, postal and telegraph workers were compelled to participate indirectly in monitoring society in addition to fulfilling their primary communication duties. At the same time, the institutionalisation of censorship and military scrutiny contributed to the emergence of distrust among the local population. These mechanisms were paradoxically designed to preserve public confidence in communication institutions and their personnel, while covert surveillance was conducted through parallel administrative and security channels. Specialists responsible for censorship in Semirechye identified correspondence deemed sensitive and ensured its timely transmission to the appropriate state bodies.

Consequently, imperial officials were supplied with information concerning diverse aspects of social and political life. Analysis of correspondence intercepted at the end of 1916 reveals that institutional assessments, in many respects, anticipated the forthcoming revolutionary upheavals. Through censorship mechanisms, the police registered foreign nationals and closely monitored their activities. However, despite assisting the government in countering social unrest and revolutionary organizations, the police apparatus proved incapable of preventing large-scale social upheavals or accurately forecasting their scope. The failure of the surveillance and policing system to maintain imperial stability became evident during the events of 1905, when the regime retained elite support only through substantial political concessions and ultimately relied on military force to suppress popular unrest.

Finally, it can be assumed that during the period under study in the Semirechye region, there were no “Black Cabinets” (specialised facilities for perustration), and postal and telegraph employees did not directly engage in the opening and reading of correspondence. Instead, the identification of suspicious letters among the local population was largely delegated to volost rulers and their clerks, who functioned as key intermediaries within the system of local surveillance.

6. Acknowledgements

This study was funded by the Scientific Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, AP26101427 “Scientific Expeditions and Commissions of the Russian Empire in Turkestan: Activities and Outcomes (end of the 19th – beginning of the 20th century)”.

References

- Bazilevich, 1927 – Bazilevich, K.V. (1927). Ocherk pochtovo-telegrafnogo dela v Rossii i zagranice [Post in Russia in the 19th century]. M. 196 p. [in Russian]
- Bimoldanova, 2019 – Bimoldanova, A.A. (2019). Volostnoi upravitel i volostnoi pisar v apparate mestnogo upravleniia kochevykh volostei Akmolinskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Volost ruler and volost scribe in the local administration of the nomadic volosts of the Akmola region in the second half of XIX – early XX centuries]. *Otan tarikhy (History of the Homeland)*. 87(3): 72-85. [in Russian]

- [Bimoldanova et al., 2018](#) – Bimoldanova, A.A., Dalayeva, T.T., Bekmagambetova, M.G. (2018). Socio-historical portrait of the Kazakh volost rulers of the Steppe region, the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 47(1): 310-318.
- [Buchgeim, 1906](#) – Buchgeim, E.O. (1906). Ocherk pochtovo-telegrafnogo dela v Rossii i zagranice [Essay on postal and telegraph affairs in Russia and abroad]. M., V. Dyachkov-Tarasov Publishing. 15 p. [in Russian]
- [CSA RK](#) – Tsentral'nii Gosudarstvennii Arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Daly, 1998](#) – Daly, J.W. (1998). Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- [Daly, 2016](#) – Daly, J.W. (2016). Perilustration in Imperial Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 17(2): 466-474.
- [Foucault, 1995](#) – Foucault, M. (1995). Discipline and punish: The birth of the prison. New York: Vintage Books. (Original work published 1975)
- [Holquist, 1997](#) – Holquist, P. (1997). "Information is the alpha and omega of our work": Bolshevik surveillance in its pan-European context. *The Journal of Modern History*. 69(3): 415-450.
- [Iskakova et al., 2024](#) – Iskakova, G.Z., Teleuova, E.T., Zhappassov, E., Tasilova, N.A. (2024). Communication field in the Russian Empire: Training of employees (in the example of Semirechye). *Journal of Asian American Studies*. 27(2): 89-109. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14162371>
- [Iskakova, Teleuova, 2024](#) – Iskakova, G.Z., Teleuova, E.T. (2024). Maintenance and supply of post and telegraph stations in the Semirechye. *Journal of Ecohumanism*. 3(7): 1987-1993. DOI: <https://doi.org/10.62754/joe.v3i7.4353>
- [Izmozik, 2023](#) – Izmozik, V.S. (2023). "Cherniye kabinety". Istoriia rossiyskoi perlyustratsiy. XVIII – nachalo XX veka ["Black Offices": History of Russian Perilustration. XVIII – early XX century]. M., NLO. [in Russian]
- [Lauchlan, 2002](#) – Lauchlan, I. (2002). Russian Hide-and-Seek: The tsarist secret police in St. Petersburg, Pp. 1906-1914. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- [Spisok lits..., 1904](#) – Spisok lits, sostoiaushchih pod glasnym policeiskim nadzorom, soglasno vysochaishe utverzhdennomu 12-go marta 1882 g. Polozheniyu o policeiskom nadzore (Po 1 ianv. 1904 g.) [List of persons under public police supervision] (1904). In accordance with the Regulation on police supervision approved on March 12, 1882. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs. [in Russian]
- [Morev, 2019](#) – Morev, V.A. (2019). Sibirskaia telegrafnaia magistral: k istorii stroitelstva (1860–1890-ye gg.) [Siberian telegraph mainline: On the history of construction (1860–1890s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 59: 203-208. [in Russian]
- [Morrison, 2012](#) – Morrison, A. (2012). Metropole, colony, and imperial citizenship in the Russian Empire. *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 13(2): 327-364.
- [Morrison 2019a](#) – Morrison, A. (2019). The Turkestan generals and Russian military history. *War in History*. 26(2): 153-184.
- [Morrison, 2019b](#) – Morrison, A. (2019). On Dunganskaya Street: Vernyi town as a plural society. *Istoriya*. 10(1): Article 75.
- [Morrison, 2023](#) – Morrison, A. (2023). Military-popular administration and its discontents in Tsarist Central Asia. *Rivista Storica Italiana*, 2.
- [Obzor Semirechenskoi oblasti..., 1884](#) – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1883 god [Overview of the Semirechye Region for 1883]. Verny. 1884. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoi oblasti..., 1886](#) – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1885 god [Overview of the Semirechye Region for 1885]. Verny. 1886. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoi oblasti..., 1898](#) – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1897 god [Overview of the Semirechye Region for 1897]. Verny. 1898. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoi oblasti..., 1891](#) – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1890 god [Overview of the Semirechye Region for 1890]. Verny. 1891. [in Russian]
- [Peregudova, 2000](#) – Peregudova, Z.I. (2000). Politicheskii sysk v Rossii (1880–1917) [Political investigation in Russia (1880–1917)]. M., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. [in Russian]
- [Ulozheniye o nakazaniiah..., 1886](#) – Ulozheniye o nakazaniiah ugodnykh i ispravitelnykh 1885 goda [The Penal code of criminal and correctional punishments of 1885]. St. Petersburg: Government Press. 1886. [in Russian]
- [Scott, 1998](#) – Scott, J.C. (1998). Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven: Yale University Press.
- [Senellart et al., 2008](#) – Senellart, M., Ewald, F., Fontana, A. (2008). The birth of biopolitics. London: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230594180>
- [Shashaev, 2017](#) – Shashaev, A.K. (2017). Turkistan olkesindegi imperiialyk-policeilik kadafalaudin tarihy (1867–1917 zhzh.) [The history of imperial-police supervision in the Turkestan region (1867–1917)]. Taraz, big neo service. [in Kazakh]

[Smikalin, 2008](#) – *Smikalin, A.* (2008). *Perlyustraciia korrespondencii i pochtovaia voyennaia cenzura v Rossii i SSSR* [Perlustration of correspondence and postal military censorship in Russia and the USSR]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press. [in Russian]

[Sultangalieva, 2015](#) – *Sultangalieva, G.S.* (2015). *Kazahskiye chinovniki rossiiskoi imperii XIX v.: osobennosti vospriiatiia vlasti* [Kazakh officials of the Russian Empire of the XIX century: Features of the perception of power]. *Cahiers du monde russe*. 56(4): 651-679. [in Russian]

[Tokareva, 2009](#) – *Tokareva, S.N.* (2009). *Politseiskii nadzor v Rossiiskoi imperii* [Police supervision in the Russian Empire]. *Voprosy istorii*. 6: 94-104. [in Russian]

[Uderbayeva, 2021](#) – *Uderbaeva, S.K.* (2021). *Osobennosti sozdaniia, geograficheskogo raspolozheniia volostei v Semirechenskoi i Syrdarinskoi oblastiah* [Features of creation, geographic location of volosts in Semirechensk and Syrdarya regions (XIX–early XX centuries)]. *Edu.e-history.kz*. 2(26): 236-248. [in Russian]

[Uyama, 2020](#) – *Uyama, T.* (2020). *Why in Central Asia, why in 1916? The revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the World War*. In A. Chokobaeva et al. (Eds.), *The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution* (pp. 27-44). Manchester: Manchester University Press.

[Rabochaia komissii..., 1909](#) – *Rabochaia komissiiia 1909 Rabochaia komissiiia po izucheniiu Turkestano-Sibirskogo zheleznodorozhnogo okruga* [Working commission for the study of the Turkestan-Siberian railway district]. St. Petersburg: Tipografiya Ts. Krai. Part 1. 1909. [in Russian]

[Zhdanova, 2018](#) – *Zhdanova, I.A.* (2018). *The propaganda age*. *Russian Studies in History*. 57(1): 54-84.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 421-429
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.421

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Biography of Sattarkhan Abdulghaffarov in the Context of Imperial Policy in Turkestan

Lazat S. Dinashева^a, Zhanibek A. Akimbek^{b, *}

^a International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan

^b Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article reconstructs the “imperial biography” of Sattarkhan Abdulghaffarov, who served as a qadi, translator, and local expert under the Russian rule in Turkestan. Having received a traditional religious education, he initially followed the path of his ancestors. However, the Russian Empire’s conquest of Central Asia marked a turning point in his life, opening new avenues for social and professional mobility. By mastering the Russian language, Abdulghaffarov chose to cooperate with the new authorities and gradually established himself as an expert on local affairs.

Exposure to the achievements of European science led him to advocate for the modernization of Turkestan. A significant part of his intellectual legacy is a memorandum regarding the reform of the Muslim education system and the regional administration. Abdulghaffarov proposed that educational initiatives should account for the unique cultural and everyday traditions of the indigenous population. Drawing on the Islamic principle of seeking knowledge, he criticized the negative attitudes held by the conservative clergy. Based on an analysis of his proposals, there is every reason to consider Abdulghaffarov one of the representatives of Jadidism in Turkestan.

The research findings demonstrate how, despite limited resources, Abdulghaffarov sought to implement his ideas through interaction with the imperial administration. However, these efforts were difficult to sustain due to the constant turnover of local officials and their shifting perspectives. Nevertheless, certain elements of his ideas were put into practice and utilized to serve the interests of imperial policy. This serves as an example of the adaptive and pragmatic nature of imperial governance in Turkestan.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, power, social groups, clergy, local elite, intermediaries, modernization, education, imperial biography.

1. Введение

Завоевание Центральной Азии Российской империей во второй половине XIX века и создание Туркестанского генерал-губернаторства поставило перед имперской администрацией сложнейшую задачу: управление огромным регионом с глубокими мусульманскими традициями при минимальных затратах ресурсов. В условиях хронического дефицита кадров, знающих местные языки и правовые нормы, ключевой опорой власти стали так называемые «местные посредники». Ими являлись выходцы из коренного населения, выбравшие путь интеграции в имперские административные структуры.

Одной из наиболее знаковых, но недостаточно изученных фигур в этом контексте является Саттархан Абдулгаффаров. Его судьба представляет собой классический пример «имперской биографии» интеллектуала-мусульманина, который оказался на стыке двух цивилизаций. Личность Абдулгаффарова интересна тем, что он не просто выполнял функции переводчика или судьи, а выступал в роли активного эксперта.

* Corresponding author

E-mail addresses: akimbekzhanibek@gmail.com (Z.A. Akimbek)

Именно в этой динамичной среде Абдулгаффаров сформировал свои взгляды на необходимость просвещения и реформирования традиционного уклада. Центральным элементом его интеллектуального наследия стала записка 1883 г., в которой он предложил модернизацию учебного дела через синтез европейского образования и исламских ценностей.

В настоящей статье предпринимается попытка реконструировать жизненный путь Саттархана Абдулгаффарова, проанализировать его предложения по реорганизации системы образования и управления, а также оценить степень влияния его идей на реальную политику имперской администрации. Мы ставим вопрос о том, насколько субъектен был такой посредник: был ли он послушным инструментом империи или же использовал имперскую власть для реализации собственной программы прогресса своего народа.

2. Методы и материалы

Источниками нашего исследования являются архивные документы, извлеченные из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Туркестанского областного государственного архива (Шымкент, Республика Казахстан). В фондах указанных архивов сосредоточены делопроизводственные бумаги чиновников и циркулярные материалы.

Источники личного происхождения (воспоминания, заметки) помогают провести сравнительный анализ с официальными документами и установить реальное положение местных посредников в имперской системе управления Туркестанским краем.

Биография Саттархана Абдулгаффарова представляет яркий пример имперской биографии. Его жизнь вобрала в себя различные контексты, в результате соединения которых возникает возможность восстановления полной картины рассматриваемой эпохи. Опыт, накопленный человеком на определенном этапе жизни, влияет на последующие периоды жизни. Более того, различные идентичности человека обретают внутренний динамизм (Герасимов и др., 2009: 13).

3. Обсуждение

Современных историков начинает интересовать роль и место человека в исторических процессах. Поэтому к первой группе исследований следует отнести работы, посвященные имперским биографиям. Это направление не только изучает биографию человека, но и пытается выявить контексты и дискурсы рассматриваемого вопроса. Одним словом, изучение микроистории позволяет дополнить картину большой истории (Герасимов и др., 2009: 11-16).

В контексте окраин Российской империи эта проблема была поднята американским историком Майклом Ходарковским, который на примере изучения жизни казака чеченского происхождения Семена Атарщикова стремится изучить роль и идентичность местных посредников. Как показывает его исследование, местным посредникам была присуща пограничная ментальность, при которой они пытались примирить внутри себя два мира: «современный и традиционный» (Khodarkovsky, 2011).

Скотт Бейли на примере известного казахского исследователя, ученого Чокана Валиханова демонстрирует всю сложность изучаемой эпохи. Он жил в эпоху политических и культурных изменений в казахской степи. Бейли рассматривает научные изыскания Валиханова как форму сотрудничества с Российской империей. Государство рассчитывало на распространение своего влияния в степных просторах Евразии, а Валиханов стремился построить карьеру ученого (Bailey, 2011: 165-190). По мере сотрудничества с Российской империей местные посредники становились частью дворянской элиты. Главным условием «стать своим» было не этническая принадлежность, а верность монархии. Этому условию Чокан Валиханов соответствовал во всех отношениях (Khalid, 2021: 70-71).

Интересна судьба другого Валиханова. Приходящийся близким родственником Чокану Валиханову Гази-Булат выбрал карьеру военного и был верным подданным династии. Пограничная ментальность, присущая Гази-Булату Валиханову, выразилась в тесных отношениях с мусульманским обществом Санкт-Петербурга и осведомленности о делах в Казахской степи (Удербаетова, 2023: 21-32).

Американский историк Я. Кэмпбелл анализирует эволюцию отношений между Российской империей и казахами в исторической перспективе. Исследователь отмечает, что до реформ второй половины XIX в., проведенных в степных областях, имперская власть полагалась на посредничество местных элит. В свою очередь, казахские посредники, используя свой опыт, пытались опосредованно влиять на местную политику. По мнению Кэмпбелла, казахский просветитель, педагог Ибрай Алтынсарин был одним из последних казахских экспертов, пытавшихся оказать влияние на планы царских чиновников. Предоставленные ему ограниченные ресурсы он пытался использовать для продвижения собственных взглядов в формировании будущего облика степи. На рубеже XIX и XX вв. царские чиновники начали действовать самостоятельно, опираясь на накопленные знания и опыт (Campbell, 2017: 125-156, 63-90).

Анализ низового уровня местного посредничества открывает возможность увидеть его иную грань. Обладая умелым знанием бюрократических механизмов местной царской администрации, местные посредники использовали государственные ресурсы в своих интересах, укрепляли

собственный социальный статус и решали локальные проблемы без уведомления властей (Шаблей, 2012: 175-208; Uderbayeva, Akimbek, 2024: 1839-1846).

Во второй группе работ анализируются посредническая роль традиционных социальных групп Туркестанского края между Российской империей и местным населением. В современных исследованиях подчеркивается, что представители местной элиты обладали субъектностью и были интегрированы в колониальную бюрократию. Занимая официальные должности, казахские посредники имели тесные отношения не только с царскими чиновниками, но и местными влиятельными группами (Hallez, 2022: 21-44; Uderbaeva, 2023: 146-165). По мнению Ч. Стейнведеля, эта политика Российской империи являлась совокупностью определенных стратегий, направленных на контроль новых территорий при минимальных затратах государственных ресурсов (Steinwedel, 2016: 5).

4. Результаты

В апреле 1939 г. академик И. Крачковский получил письмо из Казахстанского филиала АН СССР с просьбой определить дату надгробной плиты, обнаруженной в окрестностях Чимкента (ныне Шымкент) в Южном Казахстане. В результате расшифровки арабского текста, высеченного на плите, выяснилось, что он был установлен на могиле казия Саттархана Абдулгаффарова. На плите содержалась краткая информация о его жизни (Крачковский, Крачковская, 1969: 59-61).

На первый взгляд, перед нами надгробная плита обычного народного судьи Туркестанского края, исправлявшего свои обязанности. Неизвестно, кто был автором текста надгробной плиты. Однако на плите не говорилось ни слова об имперском этапе жизни нашего героя. Возможно, составитель не считал нужным упоминать об этом этапе биографии Абдулгаффарова. Однако при изучении доступных источников о нашем герое его жизнь предстает как типичная имперская биография.

Саттархан Абдулгаффаров¹ родился в 1843 г. в г. Чимкенте, находившемся в то время под властью Кокандского ханства. Он воспитывался в семье знатоков шариата. Выучившись мусульманской грамоте у своего деда, в 14 лет уехал в Ташкент для продолжения обучения в медресе. После 6-летнего обучения вернулся в Чимкент, где был назначен муфтием². На этой должности он пробыл до захвата города русскими войсками под командованием М. Черняева в 1864 г.

Знакомство с царским офицером мусульманского вероисповедания Еникеевым стало поворотным в жизни Абдулгаффарова. После долгих бесед с офицером он пришел к выводу, «что жить в отчужденности от русского народа нельзя» (Остроумов, 1908: 136-139). Научившись русскому языку, Абдулгаффаров стал сближаться с представителями русской администрации. А в 1873 г. он был назначен учителем мусульманской грамоты при русско-туземной школе в Чимкенте. В этой должности «имел влияние на своих знакомых чимкентских жителей, чтобы они отдавали своих сыновей в русскую школу».

Спустя два года работы в школе Абдулгаффаров был переведен на должность казия³ г. Коканда в Ферганской области. В этой должности он вместе с другими влиятельными мусульманами Туркестанского края совершил поездку в Санкт-Петербург, где проходил съезд ориенталистов. Очевидно, эта поездка оставила неизгладимое впечатление в сознании Саттархана Абдулгаффарова. На съезде он «много думал о том, как образованные народы заботятся о науке и общими силами стараются об увеличении знаний и о распространении их между всеми народами» (Остроумов, 1908: 140-146). Поездка подданных империи в столицу являлась обычной практикой. Царская власть тем самым стремилась возбудить в них «энергию и беззаветную готовность» для пользы государства и использовать в своих цивилизаторских целях (Ремнев, Сухих, 2006: 148-149).

Оставив должность казия в 1881 г., Абдулгаффаров приехал в Ташкент, где «старался оправдать внимание ... начальства и быть полезным ему в сношениях с туземным населением». В 1883 г. он был назначен переводчиком Туркестанской туземной газеты, которая финансировалась местной администрацией. В августе 1884 г. стал преподавателем местных языков в Туркестанской учительской семинарии (Остроумов, 1908: 147-149).

В отчете по Туркестанской учительской семинарии за 1884 г. говорится, что изучение местных языков края в стенах семинарии было начато в 1880 г. и вначале дело не принесло никаких результатов, поскольку назначенные преподаватели не соответствовали требованиям учебной программы. Позже был назначен новый преподаватель и «придан в помощь репетитор природный сарт⁴, знающий отчасти и персидский язык». Возможно, последнюю должность и занял Саттархан Абдулгаффаров (РГИА. Ф. 733. Оп. 233. Д. 2901. Л. 14-15).

Возвращаясь к служебной карьере Абдулгаффарова, за свою службу он был награжден почетными халатами и медалями. А в 1887 г. Туркестанский генерал-губернатор Н. Розенбах

¹ Полное имя: 'Абд-Ас-Саттархан сын 'Абд ул-Гаффархана.

² Муфти – лицо, разъясняющее нормы шариата и выносящее решение по религиозно-юридическим вопросам.

³ Кази (кади) – судья, занимающийся разрешением споров на основе норм шариата.

⁴ Оседлое тюркоязычное население Туркестанского края.

ходатайствовал перед Министром народного просвещения о присвоении ему чина коллежского регистратора. Генерал-губернатор характеризовал Абдулгаффарова как «выдающуюся ... личность по своей разносторонней полезной деятельности, отличаясь при этом неизменной преданностью правительству». Данное ходатайство было удовлетворено в феврале 1888 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 100. Л. 1-2, 7, 70б.). С 1889 г. вплоть до своей отставки в 1893 г. работал переводчиком в поземельно-податной комиссии при Сыр-Дарьинском областном правлении. Вышел в отставку в чине губернского секретаря (Савицкий, 1965: 14).

Начало службы в имперской администрации совпало с приходом М. Черняева на должность генерал-губернатора Туркестанского края. На этом посту Черняев приступил к пересмотру начинаний первого генерал-губернатора края К. фон Кауфмана. Эта ревизия затронула и позицию местной администрации по отношению к мусульманам. Предыдущая официальная позиция выражалась в политике «невмешательства в дела ислама», авторство которой принадлежало Кауфману. Суть данной политики заключалась в невмешательстве в духовные дела мусульманского населения. Однако местные чиновники продолжали тщательнее следить за мусульманским духовенством, видя в них угрозу своей власти (Котюкова, 2016: 113).

Критически относившийся к этой политике Черняев стремился к сотрудничеству с представителями мусульманского духовенства. Во время управления краем он образовал комиссию для составления проекта духовного управления мусульман Туркестана, который не был реализован из-за отсутствия аппаратной поддержки (Мухаметшин и др., 2013: 80-81).

В этих условиях в 1883 г. Абдулгаффаров представил записку на имя главного инспектора училищ Туркестанского края А. Забелина о деле просвещения среди мусульманского населения региона. Однако конечным адресатом записки являлся генерал-губернатор М. Черняев.

Основными идеями, поднимаемыми в записке, являются «невежество и фанатизм» местного населения. По мнению Абдулгаффарова, эти факторы «служили до сего времени безусловными препятствиями к сближению ... [с] русскими». Это обстоятельство делало невозможным ни эффективное управление краем, ни улучшение жизни местного населения (Арапов, 2004: 173).

Незнание русского языка туземным населением приводило к его почти полной зависимости от переводчиков, которые зачастую не обладали достаточным знанием ни русского, ни местных языков и нередко сознательно искажали смысл высказываний из корыстных побуждений. В результате возникало систематическое взаимное непонимание между местным населением и административными властями, а неразрешённые жалобы и просьбы способствовали накоплению недовольства и отчуждения по отношению к царским чиновникам. Выступая посредниками между властью и обществом, переводчики передавали решения и разъяснения администрации не в форме совета или объяснения, а «в духе приказания», зачастую придавая им резкий, беспелляционный характер, что усиливало чувство страха и унижения у туземцев и дополнительно подрывало доверие к власти.

Решить этот вопрос можно было через образование и обучение русскому языку. Однако автор записки настаивал, что эта политика может быть успешной только при строгом учёте религиозных и культурных норм мусульманского общества. Резкое насаждение русских школ, игнорирующее веру, обычаи и образ жизни населения, не только бесполезно, но и вредно, поскольку порождает отторжение даже у благонамеренных людей. Именно поэтому Абдулгаффаров резко критикует существующую систему народных школ, где отсутствует преподавание мусульманского вероучения и родной грамоты, занятия проводятся без учёта религиозных праздников, а внешний облик и воспитание учащихся фактически навязывают отказ от своей идентичности. Всё это, по его мнению, создаёт у населения ощущение скрытого намерения обратить мусульман в христианство и разрушить их традиционный уклад.

В противовес этому автор предлагает модель другой образовательной политики. Он настаивает на включении мусульманского вероучения в школьную программу, уважении пятницы как священного дня мусульман, параллельном обучении русской и местной грамоте, отказе от требований менять национальную одежду и крайне осторожном, постепенном «парализовании фанатизма» без открытого давления. Важная мысль Абдулгаффарова состоит в том, что ислам не препятствует цивилизации и прогрессу. Напротив, он утверждает, что ислам способствовал развитию науки и культуры, а религиозное воспитание укрепляет нравственные основы личности и чувство долга перед обществом и государством. Следовательно, противопоставление ислама и образования является ложным и политически вредным (Арапов, 2004: 173-176).

В суждениях С. Абдулгаффарова можно усмотреть идеи, присущие джадидизму, который стал массовым течением в тюрко-мусульманском обществе Российской империи на рубеже XIX и XX вв. Он видел в модернизации европейского типа единственный способ выживания. Для этого мусульманам Туркестана следовало культивировать современные знания и воспитывать собственную элиту. Поддержку своим идеям джадиды находили в исламе, который был полностью совместим с современными знаниями и понятием о прогрессе (Khalid, 2015: 28).

Еще одним препятствием на пути к европейскому образованию Абдулгаффаров видел в мусульманском духовенстве. По его мнению, духовенство «всеми силами старается поддерживать ненависть и отвращение среди туземцев ко всему немусульманскому, а в особенности к посещению

детьми русских школ». В своей записке он отмечает, что именно выборный характер казиев и пятидесятников¹ порождает коррупцию и злоупотребления. Выборы, по его словам, сводились к подкупу пятидесятников, после чего должностные лица стремились покрыть понесённые расходы. Отсутствие реального контроля приводило к систематическим несправедливостям в судопроизводстве и полному разложению авторитета шариатского суда. По мнению Абдулгаффарова, духовенство сознательно поддерживало враждебность к русским школам, поскольку европейское образование угрожало их власти и социальному положению.

Автор записки не был одинок в своих рассуждениях. В частности, чиновники Сыр-Дарьинской области также отрицательно относились к выборам казиев, поскольку до завоевания края Российской империей они назначались ханами и беками. Администрация считала, что казиями становились те, кто добились «своей должности посредством интриг и подкупов, или же фанатиков мусульманства» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 60. Л. 23). Начальник Чимкентского уезда Н. Благовидов² в своем рапорте военному губернатору Сыр-Дарьинской области писал, что распространение коррупции среди народных судей стало причиной падения их авторитета среди населения. В результате этого население начало обращаться со своими жалобами в уездную администрацию. Он отмечал, что уездная администрация не имеет никакого права вмешиваться в судебный процесс и нет «физической возможности проверить каждую жалобу по существу дела, если бы даже допустить такое вмешательство» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 71. Л. 14, 15).

Решение этой проблемы автор видел в отказе от выборного начала и переходе к системе назначения духовных и судебных лиц государством при обязательной проверке их знаний шариата. Он подчёркивал, что такая практика существовала до установления царской власти в Туркестане. Вмешательство государства в эту сферу, по мысли автора, не разрушает исламские институты, а, напротив, защищает народ от произвола и злоупотреблений. В итоге эти меры могли способствовать развитию прогресса среди коренных жителей Туркестанского края (Арапов, 2004: 176-180).

Из проекта видно, что Абдулгаффаров идеализировал государственную политику Российской империи. По его мнению, назначение должностных лиц и прямое управление были способны улучшить положение населения региона (Абдуллаев и др., 2012: 88). Однако следует отметить, что поднятые в записке вопросы отражали истинную картину положения дел в Туркестанском крае. Имперские реформы привнесли существенные изменения в политическую жизнь региона, которые стали основой военно-народного управления. Согласно новой системе управления, администрация и судопроизводство исключались из общеимперской юрисдикции и передавались Военному министерству. Все административные должности до волостного уровня занимались армейскими офицерами, которые должны были поддерживать порядок и разрешать конфликты между лидерами местного населения. Таким образом, эта система претендовала на сохранение традиционного уклада и обычаев (Khalid, 2022: 98-102).

Однако на деле эта система нарушила социально-политическую структуру общества. Следствием стало не усиление, а ослабление имперской власти в Туркестане (Akiyama, 2021: 42). Поэтому Абдулгаффаров предлагал кардинальное переустройство управления Туркестанского края. В силу хронического дефицита ресурсов, необходимости изучения местных порядков и адаптации к ним такая ревизия всей системы была очень трудна (Morrison, 2023: 655-676).

М. Черняев согласился с мнением Абдулгаффарова в отношении учебной программы мусульманских школ. Генерал-губернатор Туркестанского края считал, что власть должна способствовать укреплению основ ислама в среде коренного населения, ибо «каждая вера лучше безверия» (Мухаметшин и др., 2013: 80).

Возможно, проект Абдулгаффарова мог стать основой для положения русско-туземной школы, одобренного в 1886 г. В рамках этого положения было разрешено преподавание местных языков и основ мусульманского вероучения. По мнению инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области С. Граменицкого, «это был первый и большой шаг вперед в деле привлечения детей инородцев в русско-мусульманские школы, так как введение этих предметов обучения и поручение их туземным учителям, избираемым из среды местного населения, доставляло учащимся те знания, какие они считали необходимыми и издавна привыкли получать в своих мактабах, и устраняло их естественное недоверие к русской школе» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 6а. Д. 17. Л. 3).

В сентябре 1895 г. был утвержден табель неучебных дней, согласно которому мусульманские праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам) считались выходными днями, а по пятницам мусульманские учителя (муллы) освобождались от занятий. В эти дни русские учителя не менее трёх часов занимались с изъявившими желание учениками русским языком (ЦГА РК. Ф. И-90. Оп. 1. Д. 347. Л. 88).

¹ На эту должность назначалось лицо, выбранное от каждых 50 домов. Коренное население называло их «элликбоши» (пятидесятник). Пятидесятник имел право голоса при выборе аксакала, волостного управителя или казия.

² Николай Ермолаевич Благовидов – начальник Чимкентского уезда с 1883 по 1900 гг.

Служба в местной администрации и стремление приобщиться к достижениям западной науки открыли рычаги трансляции своих идей среди местного населения. Однако успех в начинаниях зависел от личных взглядов царских чиновников к местному населению, которые со временем сменялись другими лицами (Campbell, 2017: 65).

Очевидно, уход М. Черняева с поста генерал-губернатора никак не отразился на службе нашего героя. Более того, в 1884 г. по просьбе российского консула в Кашгаре Н. Петровского Абдулгаффаров перевел на узбекский рукопись Н. Петровского «Необходимые для сведения русских торговцев мусульман статьи Договора с Китаем, заключенного в Петербурге 12 февраля 1881 г.» (Лунин, 1974: 335). Также он помогал военному губернатору Сыр-Дарьинской области Н. Гродекову¹ в сравнении английского перевода с арабским оригиналом труда по мусульманскому праву «Хидая» (Савицкий, 1965: 24).

Помимо деятельности переводчика, он занимался публикацией своих статей на страницах «Туркестанской туземной газеты». В своих публикациях он последовательно выступает как сторонник языкового, интеллектуального и культурного обновления мусульманского общества Туркестана. Прежде всего Абдулгаффаров решительно опровергал распространённое среди консервативного духовенства мнение о том, что изучение языка неверных противоречит исламу. Он доказывает, что язык сам по себе не может быть греховным. Тем самым он демонстрирует, что запреты духовных лиц, выдвигаемые против изучения русского языка, не имеют под собой никаких оснований.

Важнейшая идея Абдулгаффарова заключается в том, что русский язык является главным инструментом приобщения к светским наукам. Он рассматривает русский язык не как самоцель, а как средство доступа к достижениям науки, техники и культуры. Через русский язык, подчёркивает он, мусульмане Туркестана могут познакомиться с теми знаниями, которые определяют развитие современного мира, и использовать их для улучшения собственной жизни (Усмон, 1962: 23–24).

Как отмечает американский исследователь Ян Кэмпбелл, если для имперской власти было важно показать русский язык и достижения российской науки как проводников в светлое будущее, то для местных посредников они являлись инструментом, позволявшим влиться в общее пространство и извлечь материальные выгоды (Campbell, 2017: 106).

С выходом в отставку в 1893 г. Саттархан Абдулгаффаров вернулся в Чимкент. В отчете главного инспектора училищ Туркестанского края Ф. Керенского за 1895 г. он являлся почетным блюстителем Чимкентской русско-туземной школы (РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2907. Л. 46). Помимо этого, он два срока подряд избирался на должность казия города. Согласно официальным результатам выборов народного судьи на 1896–1898 гг., которые стали вторым сроком Саттархана Абдулгаффарова в этой должности, за него проголосовали все 30 выборщиков (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 111. Л. 6). Однако, как отмечает краевед, офицер Н. Лыкошин², «нелегко было добиться избрания», так как избиратели не одобряли «его европейские привычки». Проиграв выборы казия в 1899 г., Абдулгаффаров уехал в Ташкент. Последние годы жизни провел в уединении и скончался в 1901 г. (Лыкошин, 1902: 86).

5. Заключение

В настоящем исследовании рассмотрена жизнь Саттархана Абдулгаффарова, основные этапы которой пришлось на имперское правление России в Туркестанском крае. Родившись в семье духовных лиц и получив традиционное образование, личные отношения с новой властью изменили его мировоззрение. В итоге он стал активным сторонником вестернизации и изменения жизни людей Туркестана. Реализовать свои идеи он намеревался через взаимодействие с имперской администрацией Туркестанского края. Являясь посредником между империей и местным населением, он не только содействовал проведению имперских порядков, но и преследовал собственные интересы.

Составленный им проект о преобразовании учебного дела и местного управления стал практическим воплощением его идей. Однако реализация проекта находилась в прямой зависимости от политической конъюнктуры и личных взглядов царских чиновников. Вполне возможно, некоторые идеи проекта в определенной степени смогли получить практическое воплощение. Но это было возможно в случае реальной выгоды для имперской власти в Туркестанском крае.

Полученные данные демонстрируют разные модели реализации имперской власти в регионе. Царской власти были свойственны адаптивность и прагматизм в зависимости от текущих условий. Это исследование позволяет глубже понять пересечение интересов империи и местных посредников.

¹ Николай Иванович Гродеков (1843–1913) с 1883 по 1892 гг. являлся военным губернатором Сыр-Дарьинской области, а с 1906 по 1908 гг. генерал-губернатор Туркестанского края.

² Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1923) – краевед и офицер. Автор переводов на русский язык восточных рукописей. Один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1895). Наряду с научной деятельностью занимал разные официальные должности в военно-народном управлении Туркестанского края. Был военным губернатором Самаркандской области (1914–1917). Возможно, Лыкошин познакомился с Абдулгаффаровым во время своей службы помощником Чимкентского уездного начальника, куда был назначен в 1897 г.

Изучение сотрудничества Российской империи и местных посредников помогает не только при анализе управления краем, но и в оценке взаимовлияния двух сторон друг на друга.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР26103507 «Урбанистическая культура Туркестанского региона в контексте социально-культурной эволюции и трансформации (XVIII – начало XXI века): от традиционного города к современности» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абдуллаев и др., 2012 – Абдуллаев Р., Алимова Д., Багирова И. и др. История общественно-культурного реформаторства в Центральной Азии и на Кавказе (XIX – начало XX века). Самарканд, 2012. 325 с.
- Арапов, 2004 – Арапов Д. «Необходимо... заняться образованием края» (Саттар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики в Средней Азии) // *Вестник Евразии*. 2004. №1. С. 169-184.
- Герасимов и др., 2009 – Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А. и др. Номо Imperii: Поворот к биографии // *Ab Imperio*. 2009. №1. С. 11-16.
- Котюкова, 2016 – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. 391 с.
- Крачковский, Крачковская, 1969 – Крачковский И.Ю., Крачковская В.А. Надгробная плита 'Абд Ас-Саттар Хана // *Эпиграфика Востока*. №19. С. 59-63.
- Лунин, 1974 – Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. Ташкент, 1974. 386 с.
- Лыкошин, 1902 – Лыкошин Н. Саттархан Абдулгафаров // *Туркестанские ведомости*. 1902. № 15. 21 февраля.
- Мухаметшин и др., 2013 – Мухаметшин Ф.М., Абашинов С.Н., Арапов Д.Ю. и др. Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI века. М., 2013. 480 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, Сухих, 2006 – Ремнев А., Сухих О. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатической миссий к имперским репрезентациям // *Ab Imperio*. 2006. №1. С. 119-154.
- Остроумов, 1908 – Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1908. 288 с.
- Савицкий, 1965 – Савицкий А. П. Саттархан Абдулгафаров – просветитель-демократ. Ташкент, 1965. 48 с.
- ТОГА – Туркестанский областной государственный архив.
- Удербаяева, 2023 – Удербаяева С. К. Другой Валиханов // *Oriental Studies*. 2023. №1. С. 21-32.
- Усмон, 1962 – Усмон О. Маърифатпарвар олим рус тили хакида // *Ўзбекистонда ижтимоий фанлар*. 1962. №5. С. 22-31.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шаблей, 2012 – Шаблей П. Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызылгъари у казахов Сибирского ведомства: исламская биография в имперском контексте // *Ab Imperio*. 2012. №1. С. 175-208.
- Akiyama, 2021 – Akiyama T. The Qirghiz Baatir and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia. Leiden, 2021. 144 p.
- Bailey, 2009 – Bailey S.C.M. A Biography in Motion: Chokan Valikhanov and His Travels in Central Eurasia // *Ab Imperio*. 2009. №1. Pp. 165-190.
- Campbell, 2017 – Campbell I.W. Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London, 2017. 273 p.
- Hallez, 2022 – Hallez X. Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonisation tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868–1917) // *Archives de sciences sociales des religions*. 2022. № 199. Pp. 21-44.
- Khalid, 2015 – Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. Ithaca, 2015. 415 p.
- Khalid, 2021 – Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, Oxford, 2021. 576 p.
- Khalid, 2022 – Khalid A. Turkestan's Place in the Russian Empire // *Oriente Moderno*. 2022. №2. Pp. 192-207.
- Morrison, 2023 – Morrison A. Military-Popular Administration and its Discontents in Tsarist Central Asia // *Rivista Storica Italiana*. 2023. №2. Pp. 655-676.
- Steinwedel, 2016 – Steinwedel C. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington, 2016. 383 p.
- Udербаяева, 2023 – Udербаяева S. The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration // *Oriente Moderno*. 2023. №2. Pp. 142-165.
- Udербаяева, Akimbek, 2024 – Udербаяева S.K., Akimbek Z.A. Qadi Bakhaudhin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan // *Bylye Gody*. 2024. 4: 1839-1846.

References

- [Abdullaev et al., 2012](#) – Abdullaev, R., Alimova, D., Bagirova, I. et al. (2012). Istoriya obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva v Tsentral'noy Azii i na Kavkaze. (XIX – nachalo XX veka) [The history of public and cultural reformation in the Caucasus and Central Asia (19th – early 20th century)]. Samarkand. 325 p. [in Russian]
- [Akiyama, 2021](#) – Akiyama, T. (2021). The Qırghız Baatır and the Russian Empire: A Portrait of a Local Intermediary in Russian Central Asia. Leiden. 144 p.
- [Arapov, 2004](#) – Arapov, D. (2004). «Neobkhodimo... zanyat'sya obrazovaniyem kraya» (Sattar-khan Abdulgafarov o zadachakh russkoy politiki v Sredney Azii) [“It is necessary ... to attend to the education of the region” (Sattar-khan Abdulgafarov on the Tasks of Russian Policy in Central Asia)]. *Vestnik Evrazii*. 1: 169-184. [in Russian]
- [Bailey, 2009](#) – Bailey, S.C.M. (2009). A Biography in Motion: Chokan Valikhanov and His Travels in Central Eurasia. *Ab Imperio*. 1: 165-190.
- [Campbell, 2017](#) – Campbell, I.W. (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London. 273 p.
- [Gerasimov et al., 2009](#) – Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovskiy, A. et al. (2009). Homo Imperii: Povорот k biografii [Homo Imperii Revisits the “biographic Turn”]. *Ab Imperio*. 1. pp. 11-16. [In Russian]
- [Hallez, 2022](#) – Hallez, X. (2022). Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonisation tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868–1917) [Kazakh political practices and structures under tsarist colonisation: tribal and religious facts in the Semireche Region (Turkestan, 1868–1917)]. *Archives de sciences sociales des religions*. 199: 21-44. [in French]
- [Khalid, 2015](#) – Khalid, A. (2015). Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. Ithaca. 415 p.
- [Khalid, 2021](#) – Khalid, A. (2021). Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, Oxford. 576 p.
- [Khalid, 2022](#) – Khalid, A. (2022). Turkestan's Place in the Russian Empire. *Oriente Moderno*. 2: 192-207.
- [Khodarkovsky, 2011](#) – Khodarkovsky, M. (2011). Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. Ithaca, London. 200 p.
- [Kot'yukova, 2016](#) – Kot'yukova, T.V. (2016). Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy [Outskirts in a special position ... Turkestan on the eve of the drama]. M. 391 p. [in Russian]
- [Krachkovskiy, Krachkovskaya, 1969](#) – Krachkovskiy, I.Yu., Krachkovskaya, V.A. (1969). Nadgrobnaya plita 'Abd As-Sattar Khana [Tombstone of 'Abd As-Sattar Khan]. *Epigrafika Vostoka*. 19: 59-63. [in Russian]
- [Lunin, 1974](#) – Lunin, B.V. (1974). Istoriografiya obshchestvennykh nauk v Uzbekistane [Historiography of social sciences in Uzbekistan]. Tashkent. 386 p. [in Russian]
- [Lykoshin, 1902](#) – Lykoshin, N. (1902). Sattarkhan Abdulgafarov [Sattarkhan Abdulgafarov]. *Turkestanskije vedomosti*. 15, February 21. Pp. 86-87. [in Russian]
- [Morrison, 2023](#) – Morrison, A. (2023). Military-Popular Administration and its Discontents in Tsarist Central Asia. *Rivista Storica Italiana*. 2: 655-676.
- [Mukhametshin et al., 2013](#) – Mukhametshin, F.M., Abashin, S.N., Arapov, D.Yu. et al. (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: Politika i islam v kontse XVIII — nachale XXI veka [Russia and Central Asia: Politics and islam from the late XVIII to the early XXI Centuries]. M. 480 p. [in Russian]
- [Ostroumov, 1908](#) – Ostroumov, N.P. (1908). Sarty. Etnograficheskiye materialy [Sarts. Ethnographic materials]. Tashkent. 288 p. [in Russian]
- [Remnev, Sukhikh, 2006](#) – Remnev, A., Sukhikh, O. (2006). Kazakhskiy deputatsii v stsenariyakh vlasti: ot diplomaticheskoy missiy k imperskim reprezentatsiyam [Kazakh Deputations in the Scenarios of Power: From Diplomatic Missions toward Imperial Presentations]. *Ab Imperio*. 1: 119-154. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Savitskiy, 1965](#) – Savitskiy, A.P. (1965). Sattarkhan Abdulgafarov – prosvetitel'-demokrat [Sattarkhan Abdulgafarov – educator-democrat]. Tashkent. 48 p. [in Russian]
- [Shablei, 2012](#) – Shablei, P. (2012). Akhun Siradzh ad-Din ibn Sayfulla al-Kyzyl'yari u kazakhov Sibirskogo vedomstva: islamskaya biografiya v imperskom kontekste [The Akhun Siraj ad-Din ibn Saifulla al-Kyzyl'iari Among the Kazakhs of the Siberian Administration: An Islamic Biography in the Imperial Context]. *Ab Imperio*. 1: 175-208. [in Russian]
- [Steinwedel, 2016](#) – Steinwedel, C. (2016). Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington. 383 p.
- [TOGA](#) – Turkestanskiy oblastnoy gosudarstvenniy arkhiv [Turkestan Regional State Archive].
- [TsGA RK](#) – Tsentral'niy gosudarstvenniy arkhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- [Uderbaeva, 2023](#) – Uderbaeva, S. (2023). The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration. *Oriente Moderno*. 2: 142-165.
- [Uderbayeva, 2023](#) – Uderbayeva, S.K. (2023). Drugoy Valikhanov [Another Valikhanov]. *Oriental Studies*. 16(1): 21-32. [in Russian]

Uderbayeva, Akimbek, 2024 – Uderbayeva, S.K., Akimbek, Z.A. (2024). Qadi Bakhaudhin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan. *Bylye Gody*. 19(4): 1839-1846.

Usmon, 1962 – Usmon, O. (1962). Ma'rifatparvar olim rus tili haqida [An Enlightened Scholar about the Russian Language]. *Uzbekistonda ijtimoiy fanlar*. 5: 22-31. [in Uzbek]

Биография Саттархана Абдулгаффарова в контексте имперской политики в Туркестанском крае

Ляззат Сарсембековна Динашева ^a, Жанибек Алтынбекович Акимбек ^{b, *}

^a Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан

^b Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье реконструируется «имперская биография» казия, переводчика и местного эксперта при имперской власти в Туркестанском крае Саттархана Абдулгаффарова. Получив традиционное религиозное образование, он продолжил дело предков. Завоевание Центральной Азии Российской империей ознаменовало переломный момент в жизни нашего героя и открыло новые возможности социальной и профессиональной мобильности. Освоив русский язык, Абдулгаффаров выбрал путь сотрудничества с новой властью и постепенно утвердился в статусе эксперта по местным вопросам.

Знакомство с достижениями европейской науки сделало его сторонником проведения модернизации в Туркестанском крае. Особое место в его интеллектуальном наследии занимает записка о преобразовании системы мусульманского образования и управления регионом. Абдулгаффаров предлагал учитывать местные особенности культуры и быта коренного населения в учебном деле. Отталкиваясь от идеи поощрения исламом обретения знания, он подвергал критике негативное отношение консервативного духовенства к западной модели образования. В результате анализа его проекта есть все основания рассматривать Абдулгаффарова как одного из ранних представителей джадизма в Туркестане.

Результаты исследования показывают, как, обладая ограниченными ресурсами, Саттархан Абдулгаффаров стремился реализовать свои идеи через взаимодействие с имперской администрацией в Туркестанском крае. Однако эти усилия были труднодостижимы в условиях постоянной смены местной администрации и изменчивости взглядов чиновников. Однако отдельные элементы его идей получили практическую реализацию и были использованы в интересах имперской политики. Это является примером адаптивного и прагматичного характера царского управления Туркестанским краем.

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, власть, социальные группы, духовенство, местная элита, посредники, модернизация, образование, имперская биография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akimbekzhanibek@gmail.com (Ж.А. Акимбек)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 430-438
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.430

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Polenov-Voeikov Joint Library in the History of book Culture of the Tambov Province at the end of the 19th century

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a, Vadim P. Nikolashin ^a

^a Derzhavin Tambov State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the role of the Polenov-Voeikov library in the development of book culture in the Tambov province at the end of the 19th century. The article analyzes the importance of the private collections of local nobles, who were able to create unique personal libraries in their estates. It is shown that the collection appeared as a result of combining the family collections of two outstanding people of their time – the famous Russian archaeologist and bibliographer, historian, diplomat D.V. Polenov (1806–1878) and Tambov local historian L.V. Voeikov (1818–1885). It contained only works permitted by censorship. At the same time, the collection practically lacked critical works by Nekrasov, Saltykov-Shchedrin, Melnikov-Pechersky. At the same time, after the merger, this library was transferred to public use on the basis of the Society for the Arrangement of Folk Readings in Tambov, securing the status of one of the largest and most diverse book collections in the region. The purpose of this organization was to introduce the general public, mainly from the poor, to elementary scientific ideas about nature, events of national and world history, and works of fiction. It has been established that the Polenov-Voeikov combined library was one of the largest privately owned book collections in the history of the Tambov province. Her total collection included more than 3,000 volumes summarizing thematically diverse works by Russian and foreign authors. The formation of this collection took place during the second half of the XVIII–XIX centuries by different generations of the Polenov and Voeikov families. The transfer of their combined library to the funds of the Naryshkin Reading Room enriched the book culture of the Tambov region and contributed to the development of education in the region.

Keywords: personal libraries, landowners, Tambov province, culture of reading, patrons.

1. Введение

Интерес к изучению книжной культуры Тамбовской губернии XVIII-XIX вв. обусловлен, прежде всего, огромной культурной значимостью частновладельческих коллекций местных дворян, которые в своих имениях смогли создать уникальные по составу личные библиотеки (Житин и др., 2020). Сформированные собрания отражали интересы многих поколений книговладельцев и включали в себя редчайшие издания по истории, культуре, социально-экономическому и политическому развитию России. Изучение дворянских книжных фондов, безусловно, дополняет наши сведения о повседневности владельцев дореволюционных имений Тамбовщины, позволяет узнать о специфике читательских интересов усадебных букинистов, раскрывает особенности рецепции полученных знаний.

Большой научный интерес представляет одна из самых известных книжных коллекций тамбовских дворянских родов – библиотека Поленовых-Воейковых, – сыгравшая огромную роль в культурной модернизации Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. Собрание появилось в результате объединения семейных коллекций двух выдающихся людей своего времени: знаменитого российского археолога, библиографа, историка, дипломата Д. В. Поленова (1806–1878) и тамбовского

* Corresponding author

E-mail addresses: istorik08@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), nikolashin.vadim@yandex.ru (V.P. Nikolashin)

краеведа Л. В. Воейкова (1818–1885). При этом уже после объединения эта библиотека была передана в общественное использование на базе «Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове», закрепив за собой статус одного из самых крупных и разнообразных книжных собраний региона (Житин и др., 2019).

2. Материалы и методы

Работа основана на источниковом материале периода становления и развития Нарышкинской публичной библиотеки, основанной при передаче в дар городу Тамбову библиотеки Поленовых-Воейковых. Прежде всего, следует выделить сам «Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову», собранный после её каталогизации (Список..., 1893). Сборники первых лет работы публичных чтений помогают установить роль дарственных книг в развитии культуры чтения широких слоёв населения (Десятилетие..., 1899; Евгенов, 1903). Важная роль принадлежит источникам из отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ) (Москва, Российская Федерация).

Среди методов, использованных при написании статьи, первенствующее значение принадлежит историко-типологическому. Благодаря ему удалось установить особенности развития коллекции. Историко-сравнительный метод обеспечил понимание особенностей читательских интересов книговладельцев с учётом существовавших цензурных ограничений. Просопографический метод позволил установить обстоятельства передачи книжного собрания в публичную библиотеку. Методологической основой исследования является теория модернизации, которая помогает понять характер изменений в культуре Тамбовской губернии конца XIX в. и роль доступности литературы в этом процессе. Передача городу Тамбову крупной книжной коллекции способствовала приобщению широких масс населения к достижениям науки и культуры.

В ходе исследования мы опирались на принцип историзма, который ориентирует нас на изучение соответствия библиотеки Поленовых-Воейковых принятым в дворянской среде книжным предпочтениям в контексте эпохи пореформенной России. Применение классических методов источниковедения – анализа и синтеза – обеспечило установление как можно более полной и достоверной информации о выходных данных изданий и их авторах, что было необходимо из-за не всегда полного описания книг. Метод количественного анализа обеспечил понимание соотношения доступной для чтения литературы на русском и иностранных языках по каждому из разделов коллекции.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии изучение личных библиотек рассматривалось преимущественно как фрагментарная задача. Исследователи первой половины XIX в. ограничивались описанием отдельных собраний, не проводя системного анализа их структуры и роли в развитии отечественной науки и образования; среди работ можно выделить описания отдельных провинциальных публичных библиотек (Погорелов, 1849).

С постепенным государственным поощрением создания публичных библиотек в регионах к середине XIX в. проблематика расширилась. Н.А. Рубакин предпринял попытку комплексного изучения читательских предпочтений и провёл наиболее полный на тот момент анализ книготорговли на региональном и общероссийском уровнях, систематизировав богатый фактический материал в «Этюдах о русской читающей публике» (Рубакин, 1975).

Во второй половине XIX – начале XX в. возрос интерес к усадебным библиотекам (Параделов, 1904). Г.Н. Геннади рассматривал выявленные коллекции как памятники истории и культуры и описал ряд владельческих собраний в труде «Русские книжные редкости» (Геннади, 1872). У.Г. Иваск представил наиболее полный свод – сведения о 1346 библиотеках России (Иваск, 1912).

Важный вклад в региональную историографию внесла Тамбовская учёная архивная комиссия. Её председатель И.И. Дубасов обобщил проблемы культурного развития Тамбовщины XVII–XIX вв. (Дубасов, 1883).

В советский период 1920–1930-х гг. доминировала политически окрашенная оценка дворянского культурного наследия. Из-за этого работы посвящались преимущественно публичным библиотекам (Громова, 1934). Лишь с 1960–1980-х гг. восстановился интерес к истории библиотек как институций (Мальхин, 1965), появились очерки, каталоги и исследования отдельных коллекций (Никитин, 1986; Сапогов, 1977).

4. Результаты

Мемориальная ценность коллекции Поленовых-Воейковых значительна. В поленовской части можно выделить личные собрания книг Г.Р. Державина, поступившие к ним от русского археолога Константина Матвеевича Бороздина, издания из библиотеки великого князя Николая Александровича, сына Александра III, а также ряд ценных сочинений европейских классиков XVII–XVIII вв., на протяжении долгого времени собираемых разными поколениями семьи Поленовых (Некрасов, 2018: 306). В воейковской части собрания находятся малоизвестные труды по истории Тамбовской губернии, редкие исторические карты и справочники, многоязычный фонд европейских авторов XVIII–XIX вв.

(Макарова, 2006). В совокупности данная объединённая коллекция отражает богатые интересы книгодержателей и показывает качество книжной культуры российского дворянства.

Обстоятельства объединения собраний Поленовых и Воейковых до конца не прояснены. Известно, что после смерти Дмитрия Васильевича Поленова его сын Василий Дмитриевич перевёз родовую библиотеку в Ольшанское поместье своей матери, Мария Алексеевны Поленовой (урождённой Воейковой), в Тамбовскую губернию. Здесь семейную коллекцию ждали разбор и каталогизация, которую согласился провести Леонид Алексеевич Воейков. Источники из отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи позволяют дополнить эту историю (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7609. Л. 1-3).

Согласно семейной переписке Поленовых, их книги поступили в Ольшанку не ранее зимы 1884 г. В письме к Елене Дмитриевне Поленовой Софья Владимировна Воейкова описывала это следующим образом: «Дяденька [Л.В. Воейков] на днях ездил в деревню и, конечно, все тюки с книгами и газетами распаковала, все в исправности» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7609. Л. 1). При этом, судя по дальнейшим письмам, разбор поленовских изданий начался только весной 1884 г. Для этого в имение специально приехала Мария Алексеевна. В её задачи входили первичный осмотр и систематизация изданий. В письме Наталье Васильевне Поленовой (жене Василия Дмитриевича) она сообщала и точную дату начала своей работы – 2 мая 1884 г. («за библиотеку потихоньку принялась»). При этом хорошая атмосфера в ольшанском доме и «чудесная погода» только способствовали начатому делу. «Мне здесь очень хорошо, тихо и спокойно, воздух тёплый, ароматный, хозяева милые, ласковые», – делилась она своими впечатлениями (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 11422. Л. 1-4).

Мария Алексеевна понимала значительный объём предстоящих работ: «дела будет довольно, и теперь уже вижу, что тем дальше в лес, тем больше дров». Разбирать предстояло многоязычную литературу разного времени издания, общим объёмом не менее 3 тыс. единиц. Кроме того, вызывали сложности и тематическое разнообразие переданной в Ольшанку коллекции, вобравшей в себя книги Г.Р. Державина, К.М. Бороздина и семьи Поленовых. Ситуацию облегчало только то, что все работы велись под руководством опытного библиофила Л.А. Воейкова, успевшего познакомиться с коллекцией до начала её разбора (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7609. Л. 2).

Из семейной переписки можно узнать и распорядок дня Марии Алексеевны. Её ольшанский график всецело подчинял себя работам по чтению и систематизации книжной коллекции. Стандартный план на день выглядел следующим образом: «Утром начиналось чай в 9 часов», потом она вместе с «дочью Егором Фадеевичем, Машей» и Л.А. Воейковым шла в библиотеку, где «работали до завтрака, то есть часа два с половиною». После этого «Леонид Алексеевич шел отдыхать», а Мария Алексеевна, объединившись с Софьей Владимировной, «на балконе поочередно работали и читали вслух». Потом следовала довольно длинная «прогулка в саду и усадьбе». С наступлением же вечера Леонид Алексеевич «читал вслух разные статьи из получаемых журналов». В числе прочих Марии Алексеевне запомнился «Анненков рассказ и письма Тургенева к нему в Вестнике Европы нынешнего года» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7609. Л. 2). Кроме того, хозяин Ольшанки уделил внимание «вновь вышедшей истории царствования Екатерины II», в которой «интересно было встречать имена личностей о которых много вспоминали их современники» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 11433. Л. 1-2).

21 мая 1885 г. в своих письмах к Наталье Васильевне Поленовой Мария Алексеевна сообщала о продолжении разбора: «эти дни много работала в библиотеке вместе с Леонидом Алексеевичем» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8771. Л. 1). При этом уже в конце мая 1885 г. систематизация книжных фондов была в целом окончена и началась их каталогизация, о чём тут же было сообщено в переписке (25 мая 1885 г.): «Мы все, слава Богу, здоровы. Я продолжаю делать каталог библиотеки, которую разбираю и приурочиваю под руководством брата Леонида Алексеевича, что для меня гораздо удобнее. Здесь тем хорошо, что комната для библиотеки совершенно в стороне и никому не мешает эта разборка книг» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8772. Л. 1-2). 4 июня 1885 г. она снова делилась подробностями своей работы в Ольшанке: «Мой труд в библиотеке движется понемногу, но еще много дела впереди» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8774. Л. 1-2).

В середине лета 1885 г. Мария Алексеевна уехала из Ольшанки по семейным делам, но уже к началу осени она вернулась обратно. 16 сентября 1885 г. М.А. Поленова вновь пишет, что разбор семейной библиотеки ещё не закончен, что «остается много работы», что ей «хотелось бы до отъезда все привести в порядок и кончить хорошенько начатое дело». В этой же переписке мы узнаем, что в составе поленовской коллекции были и книги из подмосковного владения Поленовых «Имоченцы». В письме к Наталье Васильевне помимо отправки «всякого варенья и соленья», Мария Алексеевна сообщала, что собрала «ящик с книгами» из этого поместья. В числе прочего здесь «находилась Славянская Библия и путешествие Норцова по Египту и Святым местам». При этом об этих книгах в семье Поленовых знали и даже безрезультатно хотели их найти («И то и другое мы прошедший год искали с Васей в московской нашей библиотеке»). К посылке она «прибавила некоторые старинные издания с гравюрами, которые по давности показались редкими» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 11433. Л. 1-4).

Разбор библиотеки Поленовых, очевидно, был запланирован и на 1886 г. Однако трагическое известие прервало эту работу. 9 сентября 1885 г. поле внезапной болезни умер Леонид Алексеевич

Воейков. Его смерть оставила тяжёлый осадок на душе всех членов большого семейства. Будучи уже в Москве, Елена Дмитриевна писала: «Я страшно устала и физически и нравственно, не могу прийти в себя от тяжелых впечатлений» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 6861. Л. 34).

После смерти Леонида Алексеевича имение Ольшанка стало яблоком раздора между многочисленными представителями семьи Поленовых, Андриевских, Вышеславцевых. По существующим тогда законам имение бездетного Л.А. Воейкова должно было быть передано в пожизненное управление его вдове Софье Владимировне, а после её кончины – к родственникам умершего (то есть к Поленовым). При этом родня вдовы (Андриевские и Вышеславцевы) не имела права на имущество владения, что и вызвало семейные разногласия.

В ходе открывшегося разбирательства вдова Л.В. Воейкова Софья Владимировна согласилась отказаться от пожизненного управления своим поместьем и за 20 тыс. рублей передать его в полную собственность Поленовым. В свою очередь, используя лазейку в законе об имуществе, она рассчитывала получить право на движимую часть Ольшанки (мебель, домашний скот, инвентарь). Начавшееся судебное разбирательство дошло до Сената, который подтвердил законность этих притязаний и окончательно испортил отношения между семьями. В письме Константину Поленову Елена Дмитриевна отмечала, что с этого момента «особого интереса бывать у них (в Ольшанке) не было» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8576. Л. 1–2).

Летом 1888 г. Мария Алексеевна в последний раз была в Ольшанском имении. Помимо решения хозяйственных задач, она не забывала и про разбор своей библиотеки. В письме к дочери Елене от 17 августа М.А. Поленова сообщала, что планирует «приняться за каталоги». Здесь же ей описывались и способы хранения книжных коллекций: «Бюро очень кстати. Думаю, что успею устроить еще полки, и те книги, которые теперь просто на полу, поставить на полки» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8854. Л. 1–2). Однако полностью завершить все работы так и не удалось. В течение следующих нескольких лет о поленовских книгах никто не вспоминал. Источники умалчивают о характере и объёмах оставшихся работ, а также о том, почему В.Д. Поленов не перевёз библиотеку в Москву или своё имение в Бехово.

О поленовской библиотеке вспомнили только в 1890 г., когда Л.Н. Нарышкин обратился к Софье Владимировне Воейковой с просьбой передать книги её мужа в распоряжение Общества по устройству народных чтений в городе Тамбове. При этом он указывал, что ещё при жизни Леонид Алексеевич мечтал «оставить свою библиотеку городу Тамбову, но ввиду шаткости и неблагонадежности лиц, власть имеющих, желаний его не могло осуществиться» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 6507. Л. 1). В это время воейковская библиотека находилась в Ольшанке и была смешана с поленовской коллекцией, которую Мария Алексеевна старательно систематизировала. Кроме того, согласно действующему законодательству, всё имущество этого поместья (включая книги) принадлежало семье Поленовых.

Завязавшаяся переписка между Поленовыми и Воейковыми решила все юридические тонкости. В письме Софье Владимировне Василий Дмитриевич писал: «Дело, предпринимаемое Эммануилом Дмитриевичем, мне в высшей степени симпатично, при этом я уверен, что оно крайне порадовало бы как Леонида Алексеевича, так и покойного отца моего. Поэтому с полной готовностью отдаю соединенную их библиотеку Обществу, которое основывает Эммануил Дмитриевич» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 6480. Л. 1). Таким образом, городу Тамбову переходила ценная краеведческая коллекция Воейковых и старинная библиотека рода Поленовых, включающая книги из собраний Г.Р. Державина, К.М. Бороздина. В письме к В.Д. Поленову Э.Д. Нарышкин писал: «вы удвоили пользу предпринимаемого мною дела тем, что в одном и том же здании ... будет находиться хранилище двух драгоценностей, которыми люди интеллигентные, желающие не переставать учиться, будут пользоваться для увеличения своих познаний» (ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 6508. Л. 1).

Эммануил Дмитриевич Нарышкин сдержал своё обещание. В октябре 1892 г. по проекту архитектора А.С. Четверикова в Тамбове было возведено двухэтажное краснокирпичное здание народной читальни. По словам современников, строение получилось «величественным по своей отделке» и «представляло собой одно из лучших мест в городе» (Евгенов, 1903: 213). Помимо главного зала (служившего для организации народных чтений), в структуре учреждения были предусмотрены народная читальня, отдел для выдачи книг на дом, историко-этнографический музей, особая библиотека с книгами из коллекции Поленовых и Воейковых и художественный отдел с изданиями из собрания искусствоведа А.В. Вышеславцева. Главный зал был рассчитан на 600 человек, другие отделы могли принимать до 40 человек в день (Евгенов, 1903: 232).

11 июня 1893 г. был подготовлен устав Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии (Устав..., 1893). Целью данной организации, подробнее изложенной уже в следующей редакции устава, стало «знакомство широкой публики, главным образом, из неимущих слоев населения с элементарными научными представлениями о природе, событиями отечественной и мировой истории, произведениями художественной литературы» (Устав..., 1899: 2). Чтения должны были проходить по особому расписанию с 1 сентября по 12 мая. На торжественном открытии Общества была прочитана лекция об Александре Невском. Для поддержки финансовой стабильности

своего предприятия Э. Д. Нарышкин учредил неприкосновенный капитал в 200 000 руб., проценты из которого покрывали «все нужные для ведения дел расходы» (Десятилетие..., 1899: 11).

Жемчужиной Нарышкинской читальни стала Особая библиотека – «вечное хранилище» книжных собраний семьи Поленовых и Войковых. Официальное открытие данного отдела произошло 2 января 1894 г., то есть спустя 2 года после строительства здания для народных чтений (Евгенов, 1903: 231). По всей видимости, данная задержка была связана с необходимостью систематизации и каталогизации совмещённой коллекции. Специально для этого в Тамбов прибыл член совета министра народного просвещения, родственник Поленовых И.П. Хрущев.

20 января 1894 г. за пожертвование своей книжной коллекции в дар городу Тамбову Василию Дмитриевичу Поленову было присвоено звание почётного члена Общества для устройства народных чтений. Таким образом, Э.Д. Нарышкин отблагодарил своего мецената за оказанную услугу (Некрасов, 2018: 313).

В 1893 г. был опубликован «Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных Тамбову» (Список..., 1893). В предисловии к изданию сказано: «Предполагаемый список двух библиотек ныне издаётся на пользу тех, кому придется трудиться под покровом Нарышкинского книгохранилища, устроенным для Тамбова высокоуважаемым радетелем народного образования в крае». Издание отражает универсальную по тематике и разнообразную по языковой принадлежности коллекцию. В подготовленном каталоге значилось 3995 названий, разделённых на 9 разделов: I. Богословие, церковная археология – 497, II. История. Археология. Археография – 1236, III. География. Этнография. Путешествия. Статистика – 396, IV. Законоведение. Финансы. Народное образование. Пути сообщения. Народное благоустройство – 284, V. Естествоведение. Сельское хозяйство. Промышленность. Техника. Медицина – 243, VI. Языкознание. История словесности. Биография писателей. Библиография – 394, VII. Полные собрания сочинений русских авторов – 522, VIII. Периодические издания – 141, IX. Смесь – 282.

Каталог не содержит отсылок на имена книговладельцев. Однако благодаря чертам владельческого пользования опознать принадлежность конкретных изданий не составляет никакого труда. Все книги семьи Поленовых отмечены экслибрисом-наклейкой с монограммой из трёх букв «ДВП» (автор экслибриса – В.Д. Поленов). Издания воейковской части коллекции отличают суперэкслибрисом «Л.В.» на корешке кожаных переплётов.

Открывает каталог раздел с изданиями религиозной тематики (богословие, церковная археология). Представленные здесь сочинения (497 книг, в том числе 84 русскоязычных) включали литературу по истории Православия, описания монастырей, издания священных текстов, вероучений, материалы по церковной историографии. Большинство из представленных в разделе книг было издано во второй половине XIX в., однако имелись и произведения, напечатанные в конце XVIII в. К их числу относились «Служба на Воздвижение Креста Господня» (Москва, 1763), «Сокращенный катехизис» (Москва, 1788), «Путеводитель к истинному человеческому счастью» (Москва, 1784) и др. Интересно, что данные произведения, хотя и были распространены в екатерининский период, однако к концу XIX в. представляли собой книжную редкость. Из иностранной литературы в разделе фигурирует 13 книг на французском, латинском, немецком языках. Преимущественно это были нравоучительные сочинения первой половины XIX в. Отметим, что в коллекции присутствовали парижское издание Библии на французском языке (1834 г.), парижское издание Ветхого и Нового Завета на латыни (Вульгата) (1776 г.), лондонское (1814 г.) и базелевское (1760 г.) франкоязычные издания Библии.

Во II разделе каталога («История. Археология. Археография») значится 1236 изданий. Обилие представленной литературы свидетельствует об огромном интересе Поленовых и Воейковых к гуманитарной тематике. Здесь присутствовали «История Екатерины Второй» А. Брикнера (Санкт-Петербург, 1885), «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В.О. Татищева (Санкт-Петербург, 1763), «История Государства Российского» Н. Карамзина (Санкт-Петербург, 1818–1829). Кроме того, обращает на себя внимание и большой компонент иностранных сочинений раздела: помимо русскоязычных, здесь были представлены книги на 7 иностранных языках (88 на французском, 39 на немецком, 4 на латыни, 2 на итальянском, по 1 на английском, польском и чешском). К классу книжных редкостей относились зарубежные издания XVII в.: «История Польши и Великого княжества Литовского» (Histoire de Pologne et du grand duché de Lituanie. Amsterdam, 1698), «История казачьей войны против Польши» П. Шевалье (Chevalier P. Histoire de la guerre des cosaques contre la Pologne. Paris, 1683), «Великая и могущественная империя Московская» (Grosse, das, und mächtige Reich Moscovien. Nürenberg, 1687), «Введение в московскую историю» Г. Трейер (Treuer G. Einleitund zur Moscovitischen Historie. Leipzig, 1617). Значительную ценность представлял латинский сборник исторических сочинений о Московском государстве, подготовленный Арубрием и Марнием в 1600 г. (Marnius Cl. et Arubrius I. Rerum Moscoviticarum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti quibus et gentis historia, continetur et regionum accurate description. Francofurti, 1600). Это произведение является ярким примером того, что в XVI в. образованные европейцы думали о Московском государстве.

В III разделе («География. Этнография. Путешествия. Статистика») было представлено 396 изданий, отражающих как новейшие исследования по данной теме, так и труды специалистов

XVIII – первой половины XIX в. Среди 360 изданий раздела 17 сочинений было представлено на французском, 19 – на немецком. При этом если немецкоязычные издания отражали преимущественно справочную литературу и статистические сборники, то французские книги были посвящены описанию путешествий. Отметим, в коллекции Воейкова присутствовали два немецкоязычных статистических обзора Курляндии, изданных в Российской империи: Bienenstamm H. *Neue geographisch-statistische Beschreibung des Kaiserlich-russischen Gouvernements Kurland* (Mitau, 1841), *Statistisches Jahrbuch für das Gouvernement Kurland für 1862*. Печать на национальном языке указывает на сохранение привилегированного положения остзейских дворян в Прибалтике в середине XIX в. Что касается представленных в разделе путевых очерков, наиболее ранним изданием по данной тематике является франкоязычная книга Шапп Аббата «Путешествие в Сибирь, совершенное по приказу царя в 1761 году» (Chappe Abbé. *Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761*. Amsterdam, 1761). Это было одно из первых подробных описаний Сибири в европейской историографии.

Русскоязычная литература раздела охватывает справочно-статистические справочники универсального содержания. Они подробно характеризовали природу и социально-экономическое развитие большинства регионов страны. Здесь можно было увидеть «Описание Минской губернии» И. Зеленского (Москва, 1864), «Статистическое описание Российской империи» Е. Зябловского (Санкт-Петербург, 1815), «Статистическое описание Ярославской губернии» К. Германа (Санкт-Петербург, 1808) и др. Примечательным здесь также является наличие в коллекции почти полной подборки статей из «Отечественных записок», подробные описания отдельных промышленных заведений страны: «Историко-статистический обзор промышленности России» (Санкт-Петербург, 1882), «Заводы бывшие Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д.Д. Шепелеву и его детям» (Санкт-Петербург, 1826).

Литературу широкого профиля включал IV раздел «Законоведение. Финансы. Народное образование. Пути сообщения. Народное благоустройство». Здесь было представлено 284 издания, 274 из которых были написаны на русском языке, 7 – на французском и 3 – на немецком. В большинстве своём это были военные сочинения XVIII–XIX вв. Среди наиболее известных произведений следует отметить книги по армейской подготовке и вооружению: трактат «О морском кадетском корпусе» (Санкт-Петербург, 1840), очерк «О смертности в Русской армии с 1802 по 1871 г.» (Санкт-Петербург, 1873), труд Поля Госта «Искусство военных флотов, или сочинение о морских эволюциях» (Санкт-Петербург, 1764), исследование П.И. Шувалова «Практика единорогов» (Санкт-Петербург, 1760). При этом обращает на себя внимание незначительная доля иностранных исследований в области военной теории и практики, традиционно вызывающих большой интерес в русской читательской среде. Возможно, это объяснялось особым вниманием Поленовых-Воейковых к русскоязычным переводам европейских авторов, в достатке присутствующих в их собрании.

V раздел каталога («Естествоведение. Сельское хозяйство. Промышленность. Техника. Медицина») включал 242 книги. Библиографическую ценность имели 5 изданий XVIII в.: М. Веревкин «Описание Екатерининских вод, Астраханской губернии» (Москва, 1780), «Краткое и ясное наставление, каким образом содержать больного как в натуральной, так и в прививной оспе, по методу Барона Десмедаля» (СПб., 1770), «О пользе и употреблении Русского земляного угля» (СПб., 1799), Паллас «Описание растений Российского Государства» (СПб., 1786), В. Севергин «Минералогические и географические известия о Алтайских горах» (СПб., 1792). В конце XIX в. данные издания имели скорее историческое, нежели практическое значение.

VI раздел каталога отражал систематизированные издания по языкознанию, истории словесности и биографиям писателей (394 наименования). В языковом отношении здесь доминировали русскоязычные книги конца XVIII – середины XIX в. (363 тома), представленные сочинениями отечественных филологов Л. Бранта, И. Давыдова, А. Востокова и др.

В иностранной части раздела числится 31 книга по проблемам русского языкознания. Это – 21 издание на французском (в том числе «Каталог Русского отдела» (Bibliothèque Imperiale Publique de St.-Petersbourg, Catalogue de la Section des Russica, СПб., 1873), сборник «Из русской литературы» (Mestchersky E., Prince, *De la littérature Russe*, Marseille, 1830) и др.), 6 томов на немецком (в том числе «Систематический справочник книг, касающихся литературы и истории частного предпринимательства» (Boesick F. *Systematisches Verzeichniss von Büchern, betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthans Verhältnisse*. Dresden, 1857), сборник «Голоса русского народа в песнях» (Goetze, von, P. *Stimmen des Russischen Volks in Liedern*, Stuttgart, 1828)) и 1 сочинение на английском («Практическая грамматика русского языка» (Heard J. *A practical grammar of the Russian language*, СПб., 1827)).

В VII разделе («Полные собрания сочинений русских авторов») представлены русскоязычные сочинения, написанные как малоизвестными писателями, так и литературными классиками XVIII–XIX вв. (522 издания). Сказки А.Н. Афанасьева, стихотворения Е.А. Баратынского, воспоминания Ф.В. Булгарина, стихи И.А. Бунина, пьесы А.С. Грибоедова – вот далеко не полный перечень авторов, чтение которых было неотъемлемой частью воспитания образованного человека конца XIX в. При этом в обилии представленных книг можно выделить определённую закономерность: в объединённой коллекции Воейковых-Поленовых присутствовали только разрешённые цензурой произведения (Пушкина, Жуковского, Кантемира, Карамзина, Крылова, Лермонтова, Ломоносова,

Сумарокова, Тургенева, Хераскова, А.А. Майкова). В то же время в подборке практически отсутствовали критические произведения Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Мельникова-Печерского.

VIII раздел каталога полностью посвящён периодическим изданиям (141 наименование). В большинстве своём это были отечественные журналы конца XVIII в. Среди наиболее ранних журналов можно выделить «И то и сё» (1769 г.), «Трутенъ» (1769 г.), «Всякая всячина» (1769 г.), 6 томов «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755–1757 гг.), 5 томов «Адская почта» (1769 г.), 72 тома «Труды Вольного экономического общества» (1765–1775, 1779–1789 и 1790–1820 гг.). Таким образом, в библиотеке обширный массив изданий екатерининских времён: здесь были как антиправительственный «Трутенъ», так и провластная «Всякая всячина».

Иностранные журналы были представлены в основном франкоязычными изданиями: бюллетень Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и бюллетень Императорского Московского общества испытателей природы, а также «Журнал о Санкт-Петербурге» (Journal de St.-Petersbourg) за 1825–1851 гг., «Беспристрастный хранитель» (Le Conservateur impartial) за 1813–1824 гг. (12 кн.), «Вестник Санкт-Петербурга» (Le Messager de St.-Petersbourg pour l'année) за 1841 г. Кроме того, в библиотеке имелся экономический еженедельник 1778 г. на немецком языке (Petersburgischer Wochenblatt zur Aufnahme der Oekonomie). Интересно, что в коллекции периодики Поленовых-Воейковых полностью отсутствуют европейские газеты или журналы, вероятнее всего, из-за трудности доставки зарубежных изданий в Россию.

Заключительный XI раздел каталога («Смесь») отражает 282 издания (266 на русском, 16 на иностранных языках). В русскоязычной части преобладали календари (месяцесловы), отчёты и постановления государственных, земских и общественных учреждений, описания художественных галерей, путеводители по выставкам. Библиографическую ценность представляют календари конца XVIII в.: «Любопытный месяцеслов 1780 г.», «Московский любопытный месяцеслов 1776 г.» и «Месяцеслов 1776 г.». Среди зарубежных изданий присутствовало 2 сочинения на немецком и 14 на французском. Это были зарубежные издания по истории русского искусства. Выделяются здесь немецкоязычный «Санкт-Петербургский карманный календарь за 1850 и 1851 гг.» (Sankt-Petersburger Taschen Kalender) и франкоязычный «Алфавитный список русских портретов» А. Васильчикова (Wassiltschikoff A. Liste alphabétique des portraits russes. SPb., 1875).

5. Заключение

Таким образом, соединённая библиотека Поленовых-Воейковых представляла собой одну из самых крупных частновладельческих книжных коллекций в истории Тамбовской губернии. Её совокупный фонд включал в себя более 3 тыс. томов, обобщающих тематически разнообразные произведения русских и зарубежных авторов. Формирование этой коллекции шло на протяжении второй половины XVIII–XIX в. разными поколениями семьи Поленовых и Воейковых. Передача их объединённой библиотеки в фонды Нарышкинской читальни обогатила книжную культуру Тамбовщины, способствовала развитию просвещения в регионе.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-01330, <https://rscf.ru/project/25-28-01330/>.

Литература

Бойков, 1995 – Бойков В.В. В поисках библиотеки С.М. Волконского // *Русская провинция: сборник*. Воронеж, 1995. Вып. 2. С. 248–255.

Геннади, 1872 – Геннади Г.Н. Русские книжные редкости: библиографический список русских редких книг. СПб., 1872. 154 с.

Громова, 1934 – Громова А.Л. Публичные библиотеки в провинции в 1830–1850 гг. // *Советская библиография*. 1934. № 1. С. 66–97.

Десятилетие..., 1899 – Десятилетие народных чтений в г. Тамбове. 1890–1900 гг. Тамбов: Губернская земская типография, 1899. 40 с.

Дубасов, 1883 – Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. В 6 вып. М., 1883. Вып. 1. 263 с.

Евгенов, 1903 – Евгенов В. Очерк десятилетней истории Общества по устройству народных чтений в гор. Тамбове Тамбовской губернии в связи с историей ее образования / *Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г.* Тамбов: Тип. губерн. правления, 1903. С. 210–234.

Житин и др., 2019 – Житин Р.М., Сабетова М.В., Патрина Л.Н. Частная инициатива как фактор создания Нарышкинской народной читальни в г. Тамбове // *Манускрипт*. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 34–38.

Житин и др., 2020 – Житин Р.М., Топильский А.Г., Патрина Л.Н. Книги XVIII века в собрании Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина // *Неофилология*. 2020. Т. 6, № 21. С. 153–163.

- Иваск, 1912** – *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России: опыт библиографического указателя. В 2 ч. СПб., 1912. Т. 2. 200 с.
- Малыхин, 1965** – *Малыхин Н.Г.* Очерк по истории книгоиздательского дела в СССР. М., 1965. 448 с.
- Макарова, 2006** – *Макарова Н.А.* Путеводитель по коллекции Л.А. Воейкова. Научно-вспомогательный ретроспективный библиографический указатель. Тамбов, 2006. ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина». [Электронный ресурс]. URL: https://www.tambovlib.ru/?view=collections.voeykov_makarova (дата обращения: 10.07.2025).
- Некрасов, 2018** – *Некрасов Н.А.* Старая Ольшанка – усадьба Воейковых. Тамбов: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка», 2018. 328 с.
- Никитин, 1896** – *Никитин А.* Книжное сокровище Поленовых, или Загадка экслибриса «ДВП» // *Альманах библиофила*. М., 1986. Вып. 20. С. 115-124.
- ОР ГТГ** – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.
- Параделов, 1904** – *Параделов М.Я.* Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати. М., 1904. 180 с.
- Погорелов, 1849** – *Погорелов В.* Общественная библиотека в городе Усть-Сысольске, основанная частными лицами // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1849. № 2. С. 278-279.
- Рубакин, 1975** – *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: факты, цифры, наблюдения / Избранное: в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 36-106.
- Сапогов, 1977** – *Сапогов А.И.* Материалы к истории публичной библиотеки в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» / Клуб любителей книги. XI заседание. Тамбов, 1977. С. 1-2.
- Список..., 1893** – *Список книг Дмитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову*. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1893. 247 с.
- Устав..., 1893** – *Устав Общества по устройству народных чтений в Тамбовской губернии* утвержден 11 июля 1893 года. Тамбов: тип. губернского правления, 1893. 14 с.
- Устав..., 1899** – *Устав Общества по устройству народных чтений в Тамбовской губернии*: утвержден 18 июня 1899 г. Тамбов: тип. губернского правления, 1899. 18 с.

References

- Boikov, 1995** – *Boikov, V.V.* (1995). V poiskakh biblioteki S.M. Volkonskogo [In search of S.M. Volkonsky's library]. *Russkaya provintsia: sbornik*. Voronezh. 2: 248-255. [in Russian]
- Desyatiletie..., 1899** – *Desyatiletie narodnykh chtenii v g. Tambove*. 1890–1900 gg. [Ten years of public readings in the city of Tambov, 1890–1900]. Tambov: Gubernskaya zemskaya tipografiya, 1899. 40 p. [in Russian]
- Dubasov, 1883** – *Dubasov, I.I.* (1883). Ocherki iz istorii Tambovskogo kraia. Vol. 1 [Sketches from the History of the Tambov Region]. М. Т. 1. 263 p. [in Russian]
- Evgenov, 1903** – *Evgenov, V.* (1903). Ocherk desyatiletnei istorii Obshchestva po ustroistvu narodnykh chtenii v gor. Tambove Tambovskoi gubernii v sviazi s istoriei ee obrazovaniia [An Essay on the ten-year history of the society for organising public readings in the city of Tambov of the Tambov governorate in relation to the history of its formation]. *Sbornik-kalendar' Tambovskoi gubernii na 1903 g.* Tambov: Tip. gubern. pravleniya. Pp. 210-234. [in Russian]
- Gennadi, 1872** – *Gennadi, G.N.* (1872). Russkie knizhnye redkosti: bibliograficheskii spisok russkikh redkikh knig [Russian book rarities: a bibliographic list of rare russian books]. SPb. 154 p. [in Russian]
- Gromova, 1934** – *Gromova, A.L.* (1934). Publichnye biblioteki v provintsii v 1830–1850 gg. [Public libraries in the province in 1830–1850]. *Sovetskaya bibliografiya*. 1: 66-97. [in Russian]
- Ivask, 1912** – *Ivask, U.G.* (1912). Chastnye biblioteki v Rossii: opyt bibliograficheskogo ukazatelya [Private libraries in Russia: an attempt at a bibliographic index]. V 2 ch. SPb., 1912. Т. 2. 200 p. [in Russian]
- Makarova, 2006** – *Makarova, N.A.* (2006). Putevoditel' po kolleksii L.A. Voeykova. Nauchno-vspomogatel'nyi retrospektivnyi bibliograficheskii ukazatel' [Guide to the L.A. Voeykov Collection. Scientific-Auxiliary Retrospective Bibliographic Index]. Tambov. [Electronic resource]. URL: https://www.tambovlib.ru/?view=collections.voeykov_makarova (date of access: 10.07. 2025). [in Russian]
- Malykhin, 1965** – *Malykhin, N.G.* (1965). Ocherk po istorii knigoizdatel'skogo dela v SSSR [An essay on the history of book publishing in the USSR]. М. 448 p. [in Russian]
- Nekrasov, 2018** – *Nekrasov, N.A.* (2018). Staraia Ol'shanka – usad'ba Voeykovykh [Staraia Olshanka — The Voeykov Estate]. Тамбов: Музей-усадьба С. В. Рахманинова «Ивановка». 328 p. [in Russian]
- Nikitin, 1986** – *Nikitin, A.* (1986). Knizhnoe sokrovishche Polenovykh, ili Zagadka ekslibrisa «DVP» [The Polenov book treasure, or the riddle of the Exlibris “DVP”]. *Almanakh bibliofila*. М. 20: 115-124. [in Russian]
- ОР ГТГ** – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи [Department of Manuscripts, State Tretyakov Gallery].
- Paradelov, 1904** – *Paradelov, M.Ya.* (1904). Adresnaia kniga russkikh bibliofilov i sobiratelei gravjur, litografii, lubkov i prochikh proizvedenii pechati [Address book of Russian bibliophiles and collectors of engravings, lithographs, lubki and other printed works]. М. 180 pp. [in Russian]

Pogorelov, 1849 – Pogorelov, V. (1849). Obshchestvennaia biblioteka v gorode Ust-Sysol'ske, osnovannaia chastnymi litsami [The public library in the town of Ust-Sysolsk founded by private individuals]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 2: 278-279. [in Russian]

Rubakin, 1975 – Rubakin, N.A. (1975). Etudy o russkoi chitaiushchei publike: fakty, tsifry, nablyudeniia [Essays on the Russian Reading Public: Facts, Figures, Observations]. Izbrannoe: v 2 t. M. 1: 36-106. [in Russian]

Sapogov, 1977 – Sapogov, A.I. (1977). Materialy k istorii publichnoi biblioteki v «Izvestiakh Tambovskoi uchenoi arkhivnoi komissii» [Materials for the history of the public library in the “Proceedings of the Tambov scholarly archival commission”]. Klub liubitelei knigi. XI zasedanie. Tambov. Pp. 1-2. [in Russian]

Spisok..., 1893 – Spisok knig Dmitriia Vasil'evicha Polenova i Leonida Alekseevicha Voeykova, pozhertvovannykh gorodu Tambovu [List of books of Dmitry V. Polenov and Leonid A. Voeykov donated to the city of Tambov]. SPb.: Tip. A. Katanskogo i K^o, 247 p. [in Russian]

Ustav..., 1893 – Ustav Obshchestva po ustroistvu narodnykh chtenii v Tambovskoi gubernii: utverzhden 11 iuliia 1893 goda [Charter of the society for the organisation of public readings in the Tambov governorate: approved 11 July 1893]. Tambov: tip. gubernskogo pravleniya. 14 p. [in Russian]

Ustav..., 1899 – Ustav Obshchestva po ustroistvu narodnykh chtenii v Tambovskoi gubernii: utverzhden 18 iunია 1899 g. [Charter of the Society for the organisation of public readings in the Tambov governorate: approved 18 June 1899]. Tambov: tip. gubernskogo pravleniya. 18 p. [in Russian]

Zhitin et al., 2019 – Zhitin, R.M., Sabetova, M.V., Patrina, L.N. (2019). Chastnaia iniciativa kak faktor sozdaniia Naryshkinskoi narodnoi chitalni v g. Tambove [Private initiative as a factor in the creation of the Naryshkin public reading room in the city of Tambov]. *Manuscript*. 12(11): 34-38. [in Russian]

Zhitin et al., 2020 – Zhitin, R.M., Topil'skii, A.G., Patrina, L.N. (2020). Knigi XVIII veka v sobranii Tambovskoi oblastnoi universal'noi nauchnoi biblioteki im. A.S. Pushkina [Eighteenth-century books in the collection of the Tambov regional universal scientific library named after A.S. Pushkin]. *Neofilologiya*. 6(21): 153-163. [in Russian]

Объединённая библиотека Поленовых-Воейковых в истории книжной культуры Тамбовской губернии конца XIX в.

Руслан Магометович Житин ^{a, *}, Алексей Геннадьевич Топильский ^a, Вадим Павлович Николашин ^a

^a Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается роль библиотеки Поленовых-Воейковых в развитии книжной культуры Тамбовской губернии в конце XIX в. Проанализирована значимость частновладельческих коллекций местных дворян, которые в своих имениях смогли создать уникальные по составу личные библиотеки. Показано, что собрание появилось в результате объединения семейных коллекций двух выдающихся людей своего времени – знаменитого русского археолога и библиографа, историка, дипломата Д. В. Поленова (1806–1878) и тамбовского краеведа Л. В. Воейкова (1818–1885). В ней присутствовали только разрешённые цензурой произведения. В то же время в подборке практически отсутствовали критические произведения Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Мельникова-Печерского. При этом уже после объединения эта библиотека была передана в общественное использование на базе «Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове», закрепив за собой статус одного из самых крупных и разнообразных книжных собраний региона. Целью данной организации стало знакомство широкой публики, главным образом из неимущих слоёв населения, с элементарными научными представлениями о природе, событиями отечественной и мировой истории, произведениями художественной литературы. Установлено, что соединённая библиотека Поленовых-Воейковых представляла собой одну из самых крупных частновладельческих книжных коллекций в истории Тамбовской губернии. Её совокупный фонд включал в себя более 3 тыс. томов, обобщающих тематически разнообразные произведения русских и зарубежных авторов. Формирование этой коллекции шло на протяжении второй половины XVIII–XIX в. разными поколениями семьи Поленовых и Воейковых. Передача их объединённой библиотеки в фонды Нарышкинской читальни обогатила книжную культуру Тамбовщины, способствовала развитию просвещения в регионе.

Ключевые слова: личные библиотеки, помещики, Тамбовская губерния, культура чтения, меценаты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istorik08@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), nikolashin.vadim@yandex.ru (В.П. Николашин)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 439-450
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.439

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Note” by V.M. Nemchinov from the Collection of G.V. Yudin as a Source on the History of Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries

Aleksandra A. Sitnikova ^{a, *}, Maria A. Kolesnik ^a, Natalia N. Pimenova ^a, Anna A. Shpak ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article addresses a pressing topic in historical research, presenting the results of an examination of a private written source of interest within regional historiography. The article presents a study of a document entitled “Note by V.M. Nemchinov”, part of the G. V. Yudin collection housed in the State Archives of Krasnoyarsk Krai. This collection contains numerous documents, including private ones, of scholarly interest within the study of the history of Eastern Siberia. This document is examined as a historical source revealing aspects of public consciousness in the early 20th century. Furthermore, the article characterizes the historical and cultural context of its origin and evaluates the document from the perspective of its genre, which highlights details that enable the reconstruction of social perceptions. The article also presents the results of a detailed study of sources that shed light on the personality of the “Note”’s author, Valentin Mikhailovich Nemchinov. For the first time, the contents of the “Note” are examined in detail. The author provides a comprehensive description of the geographic and economic characteristics of several settlements in the Transbaikal Territory and the adjacent territory of Manchuria. Particular attention is paid to the description of such towns as Mysovsk (now Babushkin), Verkhneudinsk (now Ulan-Ude), Chita, and Aksha. The document provides an overview of the population of these towns, the presence of various enterprises, and the main activities of the local residents. Conclusions are drawn regarding the connection of the author of the “Note”, V.M. Nemchinov, to the Nemchinov family of merchants, well-known in Krasnoyarsk, as well as his activities in the city and collaboration with the industrialist and merchant G.V. Yudin. The specifics of the description of the territory of Eastern Siberia by the author of the “Note” are revealed in the context of the history of entrepreneurship: the identification of individual cities with the most vibrant trading life, the narrative of their connection by railway, which ensured the economic well-being of many of them, the importance of natural conditions for their development, as well as the potential for trade between Siberian merchants and Chinese border territories.

Keywords: Valentin Mikhailovich Nemchinov, Eastern Siberia, entrepreneurship, history of the Transbaikal Krai, collection of G.V. Yudin.

1. Введение

Изучение авторских рукописных источников конца XIX – начала XX в. является одним из ключевых направлений исторической науки, ориентированной на реконструкцию исторического контекста регионального развития Российской империи этого периода. Большое значение имеют источники, связанные с историей Восточной Сибири как обширного макрорегиона, значимого в контексте внутренней и внешней политики Российского государства. История Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. остаётся одной из наиболее актуальных тем отечественной истории (Попов, 2011; Казарин, 2024; Шишкин, 2010; Савченко, Тревиш, 2017; Климова, 2022). В данном контексте

* Corresponding author

E-mail addresses: MKolesnik@sfu-kras.ru (M.A. Kolesnik), aasemenova@sfu-kras.ru (A.A. Sitnikova), npimeova@sfu-kras.ru (N.N. Pimenova), aashpak@sfu-kras.ru (A.A. Shpak)

особый интерес представляют источники, имеющие личное авторство и, одновременно, проливающие свет на стратегию и тактику российской политики на отдалённых территориях, изучение которых позволяет реконструировать не только ход событий, но и мотивацию их ключевых участников, исторические особенности управленческих решений в повседневном государственном администрировании. В этом контексте уникальную ценность приобретают частные коллекции и личные архивы, сформированные представителями региональных элит – купцами, промышленниками, меценатами, которые зачастую выступали не только как собиратели, но и как субъекты документального наследия исторической эпохи (Маслова, 2004; Бородихин, 2010; Макарова, 2012; Чиркин, 2025).

Одним из ценных, но до сих пор малоизученных комплексов источников по истории Восточной Сибири является т.н. «коллекция Г.В. Юдина», выдающегося сибирского предпринимателя, коллекционера, издателя, мецената и просветителя Енисейской губернии рубежа XIX–XX вв. Его собрание включает рукописи, письма, записки, редкие издания и другие ценные архивные материалы. Среди них до настоящего времени неопубликованная и неизученная «Записка Валентина Михайловича Немчинова» представляет собой значимый исторический источник, отражающий специфику общественных и административных процессов в Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. Актуальность её исследования обусловлена недостаточной изученностью частных письменных источников по истории Восточной Сибири и государственного администрирования этим регионом Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и необходимостью введения в широкий научный оборот исторических сведений, которые в ней содержатся.

2. Материалы и методы

2.1. Основными материалами для настоящего исследования послужили документы из собрания Геннадия Васильевича Юдина, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация), в том числе «Записка Валентина Михайловича Немчинова» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4732. Л. 1–6) (далее – «Записка») как репрезентативный и ранее неопубликованный документ, изучение которого позволит выявить новые исторические сведения, в том числе в аспекте управления отдалёнными территориями Российской империи. В состав коллекции Г.В. Юдина входят разнообразные рукописные и печатные материалы: письма, записки, отчёты, деловая и частная корреспонденция, отражающие широкий круг общественных, культурных и экономических аспектов жизни Восточной Сибири конца XIX – начала XX в., содержание которых также привлекалось для достижения целей исследования.

2.2. Настоящее исследование базируется на применении совокупности исторических, включая источниковедческие, методов, направленных на выявление происхождения, содержания и контекста изучаемого документа. Текстологический и сравнительно-исторический методы позволили выявить историческую динамику событий, связанных с деятельностью В. М. Немчинова и его окружения, зафиксировать специфику этой деятельности, а также определить исторические, социальные и административные обстоятельства создания «Записки». Сравнительный подход обеспечил возможность сопоставления данных «Записки» с другими архивными материалами, что позволило уточнить биографические сведения об авторе.

Историко-генетический метод и контент-анализ текста «Записки» и связанных с ней архивных материалов способствовали выявлению представлений и оценок, отражающих историю социального восприятия региональных процессов Сибири в Российской империи рубежа XIX и XX вв. Комплексное использование методов позволяет рассмотреть «Записку В. М. Немчинова» как источник по истории общественного сознания Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. Применение комплексного подхода вызвано необходимостью охарактеризовать историко-культурный контекст возникновения документа, провести историографический, содержательный анализ «Записки В.М. Немчинова», определить её значение в системе источников по региональной истории и тем самым восполнить пробелы, связанные со слабой изученностью исторических источников рукописного авторского происхождения, имеющих прямое отношение к администрированию отдалёнными территориями России данного периода.

3. Обсуждение

Введение в научный оборот частных, неофициальных документов является одной из ключевых тенденций современной исторической науки. «Записка В. М. Немчинова», будучи частью обширной коллекции Г.В. Юдина, представляет собой комплексный источник, анализ которого требует обращения к междисциплинарному полю, находящемуся на стыке источниковедения, текстологии, истории управления и истории повседневности. Теоретической основой для такого анализа служат исследования, посвящённые специфике «записок», «записных книжек» и других текстов смежных видов.

Данная «Записка» как частный письменный источник с историографической точки зрения рассматривается с позиции официального документа и является документальным сообщением, адресованным непосредственно Г. В. Юдину.

В историографии и источниковедении мемуары, дневники, письма и родственные им «записки» относятся к группе «источников личного происхождения» (Приймак, Валегина, 2018; Sertakova et al., 2025; Чертков, 2024a; Чертков, 2024b; Чертков, 2025; Asochakova, Chistanova, 2023; Комлева, Родина, 2023; Булгакова, 2023), что подразумевает применение к ним специальной методики критического анализа. Жанр «записок» в текстологических исследованиях характеризуется жанровой пластичностью, так как отсутствует жёсткая форма, повествование происходит от первого лица, присутствуют фрагментарность и совмещение документального и художественного. Такие качества делают записки сложным источником, так как, с одной стороны, они сохраняют непосредственные впечатления и оценочные суждения очевидцев, а с другой - требуют тщательной текстологической и контекстной критики из-за возможной «литературной» обработки, редакций и жанровых трансформаций (Скрипник, 2014). Записки, хоть и фрагментарны, но часто фиксируют повседневные наблюдения и локальные подробности (топонимы, названия учреждений, описание маршрутов, экономические характеристики), которые не попадают в официальные сводки, но чрезвычайно полезны для реконструкции локальной, региональной истории и социальных практик. Это свойство особенно ценно при работе с источниками по истории отдалённых регионов (таких, как Восточная Сибирь), где официальная документация может быть фрагментарной или одномерной (Кузнецов, 2010). Исследователи подчёркивают, что записка в силу своей «персональной» природы особенно пригодна для исследования: 1) менталитета и специфики речевых оценок; 2) локальных практик (административных, коммерческих, транспортных и т. п.); 3) сети связей и коммуникаций между местными элитами, то есть тех сторон жизни, которые формируют «микроисторию» региона (Шевцов, 2016; Евтушенко, 2017). В этом контексте изучение ранее неопубликованного текста «Записки В. М. Немчинова» в качестве источника даёт первичные положения о географическом и экономическом положении Забайкальской области и Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв., жанровая природа записки обеспечивает наличие в ней ряда исторических локальных деталей, дополняющих официальные документы и дающих возможность более адекватно реконструировать историю общественных представлений об этих территориях.

Изучением региональной истории Забайкальской области занимаются разные исследователи по ряду аспектов: истории освоения (Беспалько, 2014; Федотова, 2009), экономического развития и хозяйственного освоения региона, истории освоения минерально-сырьевых ресурсов, развития промыслов (Гурова, 2020; Санданов, 2016; Минакир и др., 2020; Кальмина, 2015), истории развития государственного аппарата на восточносибирских территориях, принятия реформ (Жалсанова, 2008; Протасов, 2014; Малыгина, Кондратьев, 2020; Андреев, 2011; Курас, 2012; Архипова, 2015).

Коллекция Г.В. Юдина как совокупность исторических источников представляет собой собрание разнообразных документов по истории не только города Красноярска и Енисейской губернии, но и в целом по истории Восточной Сибири. Сочетание в её структуре официальных и неофициальных источников создаёт уникальное поле для реконструкции культурно-информационных потоков региона, выявления соотношения между «официальным» и «личным» дискурсами в отражении исторических событий (Колокольцева, 2019). Сравнение с другими документами коллекции Юдина (Преображенский, 1960; Kolesnik et al., 2025; Шиндина, 2020) показывает, что подобные тексты нередко использовались современниками как вспомогательный материал при составлении официальных отчётов и историко-статистических обзоров (Половникова, 1997). Всё это позволяет рассматривать их не только как частные свидетельства, но и как звено в системе регионального документооборота, формировавшегося на рубеже XIX–XX вв. в условиях удалённости от центра и необходимости компенсировать недостаток административной информации неофициальными сообщениями в формате записки.

Библиотека Г.В. Юдина, куда входит «Записка», включала в себя не только книги, но и обширный архив рукописей, карт, атласов, альбомов, гравюр и фотографий (Половникова, 1997; Дэш, Корниенко, 2015). Особую ценность представляют материалы по истории, а именно: описания путешествий, труды по археологии и этнографии, полные комплекты местных газет, в том числе «Енисейских губернских ведомостей», памятные книги статистических комитетов, а также коллекция изданий, принадлежавших декабристам, жившим на поселении в Сибири (Kolesnik et al., 2025). Наличие как официальных публикаций (издания губернских археографических комиссий, «Сборники» Императорского Русского исторического общества), так и частных записей, писем и рукописей (включая автографы С.Т. Аксакова, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и др.) подчёркивает комплексный характер собрания (Шиндина, 2020). Сам хозяин коллекции, Г.В. Юдин, не только собирал, но и самостоятельно систематизировал материалы, о чём свидетельствует сохранившийся рукописный карточный каталог, переданный вместе с коллекцией в Библиотеку Конгресса США (Дэш, Корниенко, 2015). В некоторых изданиях, выпущенных им самим, Юдин даже размещал готовые библиографические карточки для удобства каталогизации в других библиотеках (Шиндина, 2020), что говорит о его осознанном подходе к формированию информационного ресурса. Таким образом, коллекция Юдина является не только собранием редких материалов, но и результатом целенаправленной работы по созданию универсальной базы исторических знаний о Российской империи, её сибирских землях, что повышает ценность документа коллекции как исторического источника.

В целом можно отметить устойчивое внимание исследователей-историков к частным письменным источникам как к самостоятельному феномену исторической культуры, обладающему собственной структурой, логикой и ценностной системой фиксации событий. Записки, дневники, письма и иные формы частной документации рассматриваются не только как вспомогательные материалы, но и как носители особого типа исторического знания, в то же время обладающего высокой степенью документальности. Рассмотрение коллекции Г.В. Юдина в совокупности её элементов позволяет говорить о коллекции как о репрезентативном комплексе культурной памяти региона. При этом «Записка В.М. Немчинова» ранее не была издана и не была предметом исторического анализа ни в одном из аспектов. Восполнить этот пробел призвано данное исследование.

4. Результаты

4.1 Автор текста «Записки» Валентин Михайлович Немчинов

Автором рассматриваемой в данном исследовании докладной записки о географическом и экономическом положении Забайкальской области и Маньчжурии, адресованной красноярскому предпринимателю, промышленнику и библиофилу Г.В. Юдину, является Валентин Михайлович Немчинов. Он, по предположению некоторых исследователей, является представителем известного в Сибири купеческого рода Немчиновых. Версию о том, что В.М. Немчинов вероятнее всего приходится сыном купцу Михаилу Фёдоровичу Немчинову, в книге «Что в имени тебе моем...» об исторических захоронениях Троицкого кладбища г. Красноярска выдвигает О.П. Аржаных, красноярский краевед, глава культурно-исторического музея «Некрополь» (Аржаных, 2008: 227). Там же, на Троицком кладбище г. Красноярска, находится захоронение ещё одного из Немчиновых, статского советника, имя которого на надгробии не сохранилось, отчество – Александрович (29.11.1832–18.12.1890). По мнению О.П. Аржаных, он являлся двоюродным братом известным сибирским купцам Немчиновым – Якову Андреевичу и Михаилу Фёдоровичу. Я.А. Немчинов (1813–1894) известен как предприниматель и меценат, тарский купец первой гильдии, один из самых богатых людей Сибири конца XIX в., чайный монополист (Брычков, 2009). М. Ф. Немчинов приходился Якову Андреевичу троюродным братом, и тот немало сделал для Михаила Фёдоровича: по предложению Я.А. Немчинова и его компаньона А. Котельникова он отправился из г. Тары в г. Кяхту, получил у троюродного брата опыт работы экономом при доме и возможность войти в знакомства с купцами гостиницы двора Кяхты (Жиров, 2007: 22; Жиров, 2008: 17).

Известно, что В.М. Немчинов был довольно близко знаком и сотрудничал с Г.В. Юдиным. Так, О.П. Аржаных, имея в виду письма В.М. Немчинова к Г.В. Юдину, полагает, что в 1889 г. он через посредничество Юдина поддерживал связь с Красноярском. Тем не менее документы говорят о том, что В.М. Немчинов в это время служил непосредственно в Красноярске. В выпуске «Енисейских губернских ведомостей» за 1890 г. от 10 марта упоминается В. Немчинов: в официальной части газеты сообщается, что приказом Енисейского губернатора от 20 февраля 1890 г. №12 за выслугу лет ряд лиц произведён в «Коллежские Секретари – Губернские Секретари». И среди тех, кто назначен на новую должность, упомянут «Столоначальник Красноярск. Окружного Суда Валентин Немчинов» (Указ и. д. Енисейского губернатора..., 1890: 2). На то, что речь в приказе идёт о том самом В.М. Немчинове, авторе докладной записки Г.В. Юдину, указывает упоминание ещё одной фамилии. В конце письма Юдину от 25 февраля 1889 г. В.М. Немчинов добавляет: «P.S. – Барокъ телеграммою назначен судьёю въ Енисейскъ» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4732. Л. 2), а в приказе, опубликованном в «Енисейских губернских ведомостях» сразу после назначения В. Немчинова, также указан А. Барок: «и. д. Енисейского Окружного Суда Александръ Барокъ» (Указ и. д. Енисейского губернатора..., 1890: 2). Однако, согласно формуляру 1889 г. в личном деле Немчинова Валентина Михайловича из архива Енисейского губернского прокурора, он, служивший столоначальником Красноярского окружного суда в свои 24 года, был выпускником Омской военной гимназии и сыном чиновника (ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 294. Л. 4–6). Действительно, в архивных документах Енисейского губернского управления в формулярном списке имеются данные коллежского секретаря, заседателя Минусинского окружного суда Михаила Александровича Немчинова, и в графе XIV о семейном положении среди указанных троих детей также упомянут сын Валентин 1864 г. рождения (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 23. Л. 21). Совпадает и наличие у В. М. Немчинова сестёр (согласно формуляру М. А. Немчинова, Мария 1856-го и Александра 1868 г. рождения), об одной из них В. М. Немчинов пишет в своём письме Г. В. Юдину (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4732. Л. 3).

Судя по датам жизни на надгробии неизвестного Немчинова на Троицком кладбище в Красноярске, захоронение может принадлежать Михаилу Александровичу Немчинову, отцу Валентина Михайловича. О.П. Аржаных предполагает, что, судя по расстоянию от края надгробия до отчества, несохранившееся имя должно состоять не более чем из четырёх букв: «Например, Петр, Яков, Иван» (Аржаных, 2008: 227). Но на то, что захоронение может принадлежать человеку и с именем «Михаил», указывает год рождения на надгробии – 1832, поскольку в формуляре от 1869 г. указано, что М.А. Немчинову 37 лет. Однако для уверенного утверждения того, что могила принадлежит именно М.А. Немчинову, отцу автора изучаемого текста, требуется отдельное исследование, в частности, доказательство назначения М.А. Немчинова статским советником и

получения им государственной награды, как указывает надпись надгробия: «Здесь покоится прах статского советника и кавалера ... Александровича Немчинова р. 1832г. 29 ноября ск. 1890, 18 дек.» (Аржаных, 2008: 227). В формуляре за 1869 г. о М.А. Немчинове сказано, что он «знаков отличия не имеет» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 23. Л. 21).

Таким образом, Валентин Михайлович Немчинов, скорее всего, не имеет близкого родства к известному роду купцов Немчиновых, а происходит из семьи коллежского секретаря М.А. Немчинова (дворянина по чину). В.М. Немчинов служил столоначальником Красноярского окружного суда, а с 1890 г. назначен на должность коллежского/ губернского секретаря (что означает, как минимум, личное дворянство), а также был близко знаком с красноярским промышленником, купцом и библиофилом Г.В. Юдиным, для которого и составил рассматриваемую в настоящем исследовании докладную «Записку».

4.2 Исторические данные о Восточной Сибири к. XIX – н. XX в. в записке В.М. Немчинова

В содержании докладной «Записки В.М. Немчинова» к Г.В. Юдину речь идёт о географических особенностях, экономическом состоянии и характеристике населения в Забайкальском крае и Маньчжурии. В контексте настоящего исследования представляют интерес данные В.М. Немчинова о Забайкальском крае как территории, которая в это время входила в состав Российской империи и активно осваивалась в контексте внутривосточных и внешнеполитических интересов Российского государства. Аналитика современного автору «Записки» состояния Забайкальского края представлена в её тексте описанием ключевых городов региона – Мысовска, Нижнеудинска, Читы и Акви, также в записке упоминаются такие города, как Кяхта (Троицкосавск), Нерчинск, Сретенск, но развёрнутое описание данных городов отсутствует.

В качестве наиболее значимого города Забайкальского края В.М. Немчинов выделяет Мысовск. Мысовск получил статус города в 1902 г. и своё официальное название (в 1941 г. город был переименован в Бабушкин, современный центр одного из районов Республики Бурятия). В.М. Немчинов так объясняет высокую значимость города для сибирского региона и перспективность его дальнейшего развития: «Мысовск – стоит на берегу Байкала и в будущем обещает быть торговым центром, во-первых, в силу весьма крупного Байкальского рыбного промысла, центрирующего свои действия в Мысовске, и, во-вторых, в силу постоянного скопления, а затем рассортировки там всех грузов и товаров, идущих с запада на восток и, наоборот, с востока на запад, так как в первом случае т.е. грузы, идущие с запада, в Мысовске с парохода переходят на железную дорогу, а во втором случае с дороги на пароход; в-третьих, Мысовск является единственным в Забайкалье таможенным и карантинным пунктом и, в-четвертых, он же должен быть перевальным пунктом Кругобайкальской железной дороги и начальным пунктом дороги Забайкальской» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4623. Л. 1-2). В.М. Немчинов отмечает, что на данный момент город переживает период возрождения: он был преобразован из выселка, основанного в 1760-е гг. кяхтинскими купцами для организации удобной торговли с Китаем, городское население пополнялось ссыльными, с 1892 г. местные купцы начали ходатайствовать о присвоении выселку статуса города, и в 1902 г. (за год до написания «Записки») этот статус был действительно получен, что свидетельствует о его интенсивном развитии в этот исторический период. В «Записке» отмечено, что в 1903 г. в городе проживают преимущественно ссыльные и приезжие, в то время как коренных жителей Бурятии в Мысовске практически не встречается. Основная трудовая деятельность населения в городе – работа на Кругобайкальской железной дороге, а также речной и озёрный промысел омуля. В.М. Немчинов видит перспективу для развития города как раз в развитии рыбного промысла. При этом, как отмечает автор «Записки», торговля иными товарами в городе развита слабо. При оценке ценовой политики в разных городах Забайкальского края В.М. Немчинов использует сравнения либо с иркутскими, либо с красноярскими ценами, отмечая, что в Мысовске «цены иркутские».

Второй город, описанный в «Записке», – Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ). Сегодня это г. Улан-Удэ – столица Республики Бурятия. В то время как в записке город Верхнеудинск описан как рядовое поселение, автор сравнивает его с Ачинском – небольшим, но значимым для развития промышленности городом Енисейской губернии и, по-видимому, оценивает вероятность интенсивного развития Верхнеудинска ниже Мысовска. При этом В.М. Немчинов всё же отмечает, что, несмотря на то, что город небольшой, здесь гораздо интенсивнее развита торговля, чем в Мысовске, и что Верхнеудинск удачно расположен в плане путей сообщения: есть железная дорога, ведущая в г. Читы, и почтовый тракт, ведущий в г. Кяхту. В отличие от Мысовска, где преобладают ссыльные среди населения, в Верхнеудинске ссыльных почти нет, а население – казачьи семьи и «местные аборигены», как их называет автор записки, то есть буряты, которые заведуют торговлей в городе. В.М. Немчинов отмечает, что цены на товары и стоимость жилищной аренды в Верхнеудинске значительно ниже иркутских: основные позиции, на основе которых автор делает заключение о ценах, – аренда квартир, хлеб и вино. В качестве основного занятия жителей Верхнеудинска в «Записке» названы хлебопашество и скотоводство, причём отмечается, что урожаи в этом регионе хорошие. Отдельно указано: «За последнее время замечается большой наплыв кавказцев, забирающих в свои руки торговлю в ренсковых и портерных» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4623.

Л. 2) (то есть в винных магазинах). Особое внимание В.М. Немчинова к винным магазинам объясняется тем, что предприниматель и купец Г.В. Юдин сам занимался продажей вина, поэтому адресату важно было знать, как обстоят дела с такой торговлей в других регионах Сибири.

Третий город Забайкальского края, описанный в «Записке», – это Чита. Основное население города – казаки и их семьи. Особая важность этого сибирского города для тогдашней Российской империи определяется тем, что он обозначен как «резиденция губернатора и забайкальского архиерея». Городская торговля в Чите описана В.М. Немчиновым более подробно, чем торговля в Мысовске и Верхнеудинске: пофамильно перечислены все купцы, ведущие торговлю. В.М. Немчинов выделяет купцов-торговцев первостепенного и второстепенного значения, а также указывает фамилии тех, кто занимается винной торговлей, держит винные склады, в частности, он называет фамилии Голдобина, Петушинского и Кобылкина. Причём отмечает, что городская торговля вином практически полностью сосредоточена в руках Петушинского, а Голдобин и Кобылкин торгуют преимущественно в окрестностях города. В записке указано: «Чита представляет из себя хорошее поле для деятельности лиц, имеющих возможность открыть первоклассную гостиницу или место для народного гулянья. Пивной завод хотя и построен, но пиво по качеству своему прямо невозможное, между тем, как потребителей его масса» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4623. Л. 2). Данный фрагмент подтверждает тот факт, что целью «Записки», скорее всего, было исследование возможностей для предпринимательства в Забайкальском регионе: в качестве основного делового направления рассматривалось винное и пивное производство, кроме того, В.М. Немчинов рассматривал иные варианты потенциально выгодного предпринимательства в Забайкальском регионе, выделяя, например, гостиничное дело. В этом контексте понятно обязательное внимание В.М. Немчинова к дорожным сообщениям региона как к потенциальным путям поставок товаров. Он отмечает, что в Чите основным путём для поставки товаров является река Ингода, по которой ходят плоты и баржи до гг. Сретенска и Нерчинска. Основным занятием в Чите в начале XX века, по мнению автора, являются хлебопашество и скотоводство, также им указано, что в городе был открыт чугунолитейный завод, бездействующий на момент написания «Записки», так как не нашлось предпринимателей, пожелавших вложить средства в его развитие.

Город Акша в «Записке» описан как весьма малопривлекательный для ведения торговли. Основное население города – казачье, в силу чего и в самом городе, и в его округе нет потребности в обширной винной и другой алкогольной торговле: достаточно винного магазина купца Кобылкина, который сам живёт в Акше. В.М. Немчинов сравнивает Акшу с Базаихой – посёлком, расположенным рядом с г. Красноярском. Дорога от Читы до Акши описана как довольно сложная – с несколькими перевалочными пунктами через село Маккавеево и курортный посёлок Дарасун. Автор пишет, что в городе существует единственный магазин купца Бадмаева. Положение в городе описано как бедственное вследствие неурожая, наводнения, падежа скота, эпидемий; население вынуждено выживать охотой и промыслами. В итоге В.М. Немчинов делает вывод: «Одним словом Акша и ее уделы обладают крайне незавидным положением и вряд ли могут быть привлекательны для какого бы то ни было предпринимателя» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4623. Л. 3).

Перспективы развития Забайкальского края в этот период были связаны с тем, что край граничит с Китаем, поэтому вторая часть записки посвящена описанию Маньчжурии как ближайшего китайского региона. В.М. Немчинов описывает такие города этого региона, как Харбин, Хайлар и Цицикар, более подробно останавливаясь на описании Харбина. В «Записке» подробно раскрыты пути сообщения с китайскими городами через Забайкальский край; представлен характер населения – 80 тыс. жителей, из которых 60 тыс. китайцев, далее по количеству идут «восточные народности» (армяне, черкесы, лезгины, персы), следующие по количеству – русские, незначительное количество поляков, немцев и американцев; описаны особенности городского устройства: город состоит из трёх частей: пристань Сунгари, «новый город» и «старый Харбин»; основная трудовая деятельность харбинского населения в это время – работа на железной дороге или в торговле; также подробно описана ценовая политика: цены на квартиры, на мясо, на меха, на алкоголь и т.п. В.М. Немчинов пишет о существующем положении в винной и пивной торговле в Харбине, о гостиничном деле и приходит к выводу, что открытие винного и пивного заводов в Харбине будет весьма выгодным делом для предпринимателей, что подтверждается случаями предпринимательского успеха русских бизнесменов в Харбине. Автор «Записки» обращает внимание на то, что развитие гостиничного дела тоже может оказаться прибыльным делом.

5. Заключение

В результате изучения архивных источников, сопоставления ряда фактов, содержащихся в них, сделаны выводы о непричастности автора «Записки» Валентина Михайловича Немчинова к роду известных в г. Красноярске купцов Немчиновых. Таким образом, предположение О.П. Аржаных в этом отношении не подтвердилось, но определено происхождение автора из семьи коллежского секретаря М.А. Немчинова (имеющего личное дворянство в соответствии чину), а также его служба в должности коллежского/губернского секретаря (что также даёт право на личное дворянство).

«Записка В.М. Немчинова» к Г.В. Юдину была написана с целью оценки перспектив развития винного, пивного и гостиничного бизнеса в Забайкальском крае и на прилегающих к нему китайских территориях, поскольку автор находился в приятельских отношениях с купцом и предпринимателем Г.В. Юдиным, имевшим доходы с собственного пивоваренного завода, чей коммерческий интерес мог быть удовлетворён содержанием изученного документа. Тем самым текст «Записки» раскрывает новые данные об истории восточносибирского предпринимательства в Российской империи рубежа XIX–XX вв., в том числе в контексте сбора предварительной информации о перспективности той или иной формы предпринимательства и коммерции на отдалённых сибирских территориях.

Как источник исторических данных о Восточной Сибири рубежа XIX–XX вв. данная «Записка» позволяет узнать о населении, роде его деятельности, экономическом благосостоянии таких городов Забайкальского края, как Мысовск (сейчас Бабушкин), Верхнеудинск (сейчас Улан-Удэ), Чита и Акша. Подчёркивается, что обширные территории региона объединяются железной дорогой – Транссибирской магистралью, которая была введена в строй в 1900 г. и во многом обеспечивала экономическое благополучие отдалённых территорий Российского государства. Кроме того, автор «Записки» обращает внимание на наличие водных путей сообщения и выгоды, которые они дают восточносибирским городам и поселениям. В целом территория Восточной Сибири в «Записке В.М. Немчинова» оценивается как весьма перспективная с точки зрения развития здесь коммерции российскими предпринимателями, в том числе в контексте торговых связей с пограничным Китаем.

Литература

- Андреев, 2011 – Андреев Ч.Г. Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2011. № 1. С. 102–115.
- Аржаных, 2008 – Аржаных О.П. Что в имени тебе моем... Красноярск, 2008. 474 с.
- Артемяева, 2013 – Артемяева Е.Б. Личные библиотеки известных деятелей Сибири и Дальнего Востока (конец XVIII – середина XX в.) // *Библиосфера*. 2013. № 3. С. 3–10.
- Архипова, Дамешек, 2015 – Архипова А.И., Дамешек И.Л. Северо-восток Сибири в сегменте правительственной политики конца XIX – начала XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2015. Т. 11. С. 58–64.
- Беспалько, 2014 – Беспалько Д.Н. История возникновения и развития населённых пунктов Забайкальского края в материалах академических экспедиций XVIII века // *Вестник ИрГТУ*. 2014. № 4 (87). С. 51–57.
- Бородихин, 2010 – Бородихин А.Ю. Древнерусская книжность сибирских хранилищ: археографический аспект // *Библиосфера*. 2010. № 3. С. 36–41.
- Брычков, 2009 – Брычков П.А. Омская мозаика: очерки по истории города и края. Омск, 2009. 470 с.
- Булгакова, 2023 – Булгакова Т.Д. Шаманская личная сказка в генезисе нанайского героического эпоса // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16. № 11. С. 1878–1890.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гарбуз, 2011 – Гарбуз И.В. Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века // *Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология*. 2011. № 3. С. 31–39.
- Гурова, 2020 – Гурова О.Н. Региональные аспекты освоения минерально-сырьевых ресурсов (на примере Забайкальского края) // *Известия Уральского государственного горного университета*. 2020. № 2 (58). С. 188–195.
- Дэш, Корниенко, 2015 – Дэш Б.Л., Корниенко А.А. Проект Библиотеки Конгресса США, посвященный коллекции Юдина, и новая работа с французскими изданиями из библиотеки Юдина / VIII Юдинские чтения: материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях. Красноярск, 13–16 октября 2015 года. Ч. 1. Красноярск: Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, 2015. С. 47–59.
- Евтушенко, 2017 – Евтушенко О.А. Письменное воплощение административного дискурса: служебные, докладные, объяснительные записки // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2017. № 1 (162). С. 46–50.
- Жалсанова, 2008 – Жалсанова Б.Ц. «Реформа проводится бесповоротно...». Документы Национального архива Республики Бурятия о волостной реформе в Забайкальской области. 1901–1904 гг. // *Отечественные архивы*. 2008. № 1. С. 87–98.
- Жиров, 2007 – Жиров А.А. К биографии Михаила Федоровича Немчинова // *Проблемы экономической и социальной истории Сибири. Вторая половина XIX – начало XX в. (на службе у казны и капитала): сб. науч. ст.* 2007. Вып. 7. С. 20–23.
- Жиров, 1997 – Жиров А.А. Тарские кяхтинцы // *Земля Иркутская*. 1997. № 9. С. 14–19.
- Казарин, 2024 – Казарин В.Н. Образ государственной власти в Сибири в исследованиях иркутских историков. 1918–1920-е гг. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2024. Т. 49. С. 101–114.

- Кальмина, 2015 – Кальмина Л.В. Особенности национальной торговли (торговое предпринимательство в Верхнеудинске во второй половине XIX – начале XX века) // *Историко-экономические исследования*. 2015. № 4. С. 627-641.
- Климова, Гончаров, 2022 – Климова О.Г., Гончаров Ю.М. Методологические и историографические проблемы изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2022. 182 с.
- Колокольцева, 2019 – Колокольцева Н.Ю. Характеристика документов личного происхождения по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. // *Известия АлтГУ*. 2019. № 6 (110). С. 57-61.
- Комлева, Родина, 2023 – Комлева Е.В. Родина М.В. Ломоносова - деревня Денисовка глазами красноярского купца М.К. Сидорова (1865 г.) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16. № 12. С. 2113-2120.
- Кузнецов, 2010 – Кузнецов И.В. О принципах системного изучения литературы // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2010. № 11. С. 11–21.
- Курас, 2012 – Курас Л.В. Западное Забайкалье в начале XX в.: борьба за землю // *Гуманитарный вектор. Серия: История, политология*. 2012. № 2. С. 97–104.
- Макарова, 2012 – Макарова Е.А. Феномен частных библиотек г. Томска конца XIX – начала XX в. // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2012. № 1. С. 67-79.
- Минакир и др., 2020 – Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 1. С. 66-99.
- Половникова, 1997 – Половникова И.А. К истории юдинского собрания книг и рукописей // *Макушинские чтения*. 1997. № 4. С. 56-59.
- Попов, 2011 – Попов Р.И. Купечество Европейской России в освоении Восточной Сибири во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. Ярославль, 2011. 28 с.
- Преображенский, 1960 – Преображенский А.А. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края // *Археографический ежегодник за 1958 год*. 1960. С. 267-292.
- Приймак, Валегина, 2018 – Приймак Н.И., Валегина К.О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2018. 72 с.
- Протасов, 2014 – Протасов Е.Т. Источники и литература по истории становления государственного аппарата Республики Бурятия и ее политической элиты // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014. № 6 (89). С. 279-283.
- Савченко, Трейвиш, 2017 – Савченко А.Б., Трейвиш А.И. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX веках // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2017. № 3. С. 90-102.
- Санданов, 2016 – Санданов Ю. Б. Развитие промыслов и сенокосения в хозяйственной жизни населения Забайкальской области во второй половине XIX в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 5-1. С. 47–51.
- Скрипник, 2014 – Скрипник А.В. Специфика жанра «записок» в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Сильфиде» В.Ф. Одоевского // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 15-17.
- Указ и. д. Енисейского губернатора..., 1890 – Указ исполняющего должность Енисейского губернатора Февраля 20 дня 1890 г. №12 // *Енисейские губернские ведомости*, 1890. №10. С. 2-3.
- Федотова, 2009 – Федотова Т.В. Влияние переселенческого движения на формирование русской топонимической системы Восточного Забайкалья // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2009. № 3. С. 84–92.
- Чирков, 2025 – Чирков В.Ф. Коллекционирование в Сибири: к истории вопроса // *Искусство Евразии*. 2025. № 2 (37). С. 276-287.
- Шевцов, 2016 – Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск: Издательство Томского университета, 2016. 622 с.
- Шиндина, 2020 – Шиндина А.Б. Удивительные факты из истории книг Юдинского собрания // *Альманах библиофила*. 2020. № 43. С. 64-75.
- Шишкин, 2010 – Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // *Власть и общество в Сибири в XX веке*. 2010. № 1. С. 3-36.
- Чертков, 2024a – Чертков А.С. Сборник архивных документов «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» как исторический источник // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2024a. Т. 8. № 2. С. 61-70.
- Чертков, 2024b – Чертков А.С. «Всепоподданнейшее предложение и известие...» Генриха фон Фика как источник для изучения отягощения ясачных жителей в период подготовки второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга в первой половине XVIII в. // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2024b. Т. 8. № 1. С. 74-85.

[Asochakova, Chistanova, 2023](#) – Asochakova V. N., Chistanova S. S. The Iconographic Tradition of Pribenisei Siberia: Notes on the History of Formation and Regional Specifics // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16 (12). Pp. 2097-2103.

[Kolesnik et al, 2025](#) – Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Pimenova, N. N., Shpak A. A. The Krasnoyarsk City in the 1900–1910s in the Collection of Archival Materials from the Archive of the Siberian Industrialist and Bibliophile G.V. Yudin // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1556-1567. DOI: 10.13187/bg.2025.3.1556

[Sertakova et al, 2025](#) – Sertakova E.A., Leshchinskaia N.M., Koptseva M.S., Zotov S.O. The Tungusic-Manchurian Peoples of the Russian Empire in the Works of the First Yenisei Governor A.P. Stepanov and Sibireved G.I. Spassky // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1152-1163. DOI: 10.13187/bg.2025.3.1152

References

[Andreev, 2011](#) – Andreev, Ch.G. (2011). Iz istorii podgotovki zemleustroitel'noy reformy v Zabaykalye v kontse XIX – nachale XX vv. [From the history of the preparation of the land management reform in Transbaikalia in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 1: 102-115. [in Russian]

[Artemyeva, 2013](#) – Artemyeva, E.B. (2013). Lichnye biblioteki izvestnykh deyateley Sibiri i Dal'nego Vostoka (konets XVIII – seredina XX v.) [Personal libraries of prominent figures of Siberia and the Far East (late 18th – mid-20th century)]. *Bibliosfera*. 3: 3-10. [in Russian]

[Arkhipova, Dameshek, 2015](#) – Arkhipova, A.I., Dameshek, I.L. (2015). Severo-vostok Sibiri v segmente pravitel'svennoy politiki kontsa XIX – nachala XX v. [The northeast of Siberia in the segment of government policy of the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 11: 58-64. [in Russian]

[Arzhanykh, 2008](#) – Arzhanykh, O.P. (2008). Chto v imeni tebe moem... [What's in my name...]. Krasnoyarsk. 474 p. [in Russian]

[Asochakova, 2023](#) – Asochakova, V.N., Chistanova, S.S. (2023). The Iconographic Tradition of Pribenisei Siberia: Notes on the History of Formation and Regional Specifics. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(12): 2097-2103.

[Bespalko, 2014](#) – Bespalko, D.N. (2014). Istoriya vzniknoveniya i razvitiya naselennykh punktov Zabaykal'skogo kraia v materialakh akademicheskikh ekspeditsiy XVIII veka [The history of the emergence and development of settlements in the Trans-Baikal Territory in the materials of academic expeditions of the 18th century]. *Vestnik IrGTU*. 4 (87): 51-57. [in Russian]

[Borodikhin, 2010](#) – Borodikhin, A.Yu. (2010). Drevnerusskaya knizhnost' sibirskikh khranilishch: arkheograficheskiy aspekt [Old Russian book culture in Siberian repositories: an archaeographic aspect]. *Bibliosfera*. 3: 36-41. [in Russian]

[Brychkov, 2009](#) – Brychkov, P.A. (2009). Omskaya mozaika: ocherki po istorii goroda i kraia [Omsk mosaic: essays on the history of the city and region]. Omsk. 470 p. [in Russian]

[Bulgakova, 2023](#) – Bulgakova, T.D. (2023) Shamanskaya lichnaya skazka v genezise nanaj'skogo geroicheskogo eposa [Shamanic Personal Tale in the Genesis of the Nanai Heroic Epic]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(11): 1878-1890. [in Russian]

[Chertkov, 2024a](#) – Chertkov, A.S. (2024). Sbornik arkhivnykh dokumentov «Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii XVII v.» kak istoricheskii istochnik [A collection of archival documents «The Colonial Policy of the Moscow State in Yakutia in the 17th Century» as a historical source]. *Northern archives and expeditions*. 8(2): 61-70. [in Russian]

[Chertkov, 2024b](#) – Chertkov, A.S. (2024). «Vsepoddanneishee predlozhenie i izvestie...» Genrikha fon Fika kak istochnik dlya izucheniya otyagoshcheniya yasachnykh zhitelei v period podgotovki vtoroi Kamchatskoi ekspeditsii Vitusa Beringa v pervoi polovine XVIII v. [“The most humble proposal and news...” by Heinrich von Fick as a source for studying the burden of yasak-paying residents during the period of preparation for the second Kamchatka expedition of Vitus Bering in the first half of the 18th century]. *Northern archives and expeditions*. 8(1): 74-85. [in Russian]

[Chirkov, 2025](#) – Chirkov, V.F. (2025). Kollektionirovanie v Sibiri: k istorii voprosa [Collecting in Siberia: on the history of the issue]. *Iskusstvo Evrazii*. 2 (37): 276-287. [in Russian]

[Desh, Kornienko, 2015](#) – Desh, B.L., Kornienko, A.A. (2015). Proekt Biblioteki Kongressa SShA, posvyashchennyy kollektzii Yudina, i novaya rabota s frantsuzskimi izdaniyami iz biblioteki Yudina [The Library of Congress project dedicated to the Yudin collection and new work with French editions from the Yudin library]. *VIII Yudinskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh. Ch. 1*. Pp. 47-59. [in Russian]

[Evtushenko, 2017](#) – Evtushenko, O.A. (2017). Pis'mennoe voploshchenie administrativnogo diskursa: sluzhebnye, dokladnye, ob'yasnitel'nye zapiski [Written embodiment of administrative discourse: official, report, explanatory notes]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(162): 46-50. [in Russian]

[Fedotova, 2009](#) – Fedotova, T.V. (2009). Vliyanie pereselencheskogo dvizheniya na formirovanie russkoy toponimicheskoy sistemy Vostochnogo Zabaykal'ya [The influence of the resettlement movement on

the formation of the Russian toponymic system of Eastern Transbaikalia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 3: 84-92 [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of Krasnoyarsk Krai].

Garbuz, 2011 – Garbuz, I.V. (2011). Zemel'nye otnosheniya v Zabaykal'skoy oblasti vo vtoroy polovine XIX veka [Land relations in the Trans-Baikal region in the second half of the 19th century]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 3: 31-39. [in Russian]

Gurova, 2020 – Gurova, O.N. (2020). Regional'nye aspekty osvoeniya mineral'no-syr'evykh resursov (na primere Zabaykal'skogo kraya) [Regional aspects of mineral resource development (on the example of the Trans-Baikal Territory)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*. 2(58): 188-195. [in Russian]

Kazarin, 2024 – Kazarin, V.N. (2024). Obraz gosudarstvennoy vlasti v Sibiri v issledovaniyakh irkutskikh istorikov. 1918–1920-e gg. [The image of state power in Siberia in the studies of Irkutsk historians. 1918–1920s]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 49: 101-114. [in Russian]

Kalmina, 2015 – Kalmina, L.V. (2015). Osobennosti natsional'noy trgovli (torgovoe predprinimatel'stvo v Verkhneudinske vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka) [Features of national trade (commercial entrepreneurship in Verkhneudinsk in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 4: 627-641. [in Russian]

Klimova, Goncharov, 2022 – Klimova, O.G., Goncharov, Yu.M. (2022). Metodologicheskie i istoriograficheskie problemy izucheniya istorii sibirskogo predprinimatel'stva vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Methodological and historiographical problems of studying the history of Siberian entrepreneurship of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet im. I.I. Polzunova, 182 p. [in Russian]

Kolesnik et al., 2025 – Kolesnik, M.A., Sitnikova, A.A., Pimenova, N.N., Shpak, A.A. (2025). The Krasnoyarsk City in the 1900–1910s in the Collection of Archival Materials from the Archive of the Siberian Industrialist and Bibliophile G.V. Yudin. *Bylye Gody*. 20(3): 1556-1567.

Kolokoltseva, 2019 – Kolokoltseva, N.Yu. (2019). Kharakteristika dokumentov lichnogo proiskhozhdeniya po istorii sibirskogo kupechestva vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Characteristics of documents of personal origin on the history of the Siberian merchant class of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya AltGU*. 6(110): 57-61. [in Russian]

Komleva, Rodina, 2023 – Komleva, E.V., Rodina, M.V. (2023). Lomonosova – derevnya Denisovka glazami krasnoyarskogo kupcza M.K. Sidorova (1865 g.) [The birthplace of M.V. Lomonosov – the village of Denisovka through the eyes of the Krasnoyarsk merchant M.K. Sidorov (1865)]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(12): 2113-2120. [in Russian]

Kuznetsov, 2010 – Kuznetsov, I.V. (2010). O printsipakh sistemnogo izucheniya literatury [On the principles of systematic study of literature]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 11: 11-21. [in Russian]

Kuras, 2012 – Kuras, L.V. (2012). Zapadnoe Zabaykal'e v nachale XX v.: bor'ba za zemlyu [Western Transbaikalia in the early 20th century: the struggle for land]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Istoriya, politologiya*. 2: 97-104. [in Russian]

Makarova, 2012 – Makarova, E.A. (2012). Fenomen chastnykh bibliotek g. Tomska kontsa XIX – nachala XX v. [The phenomenon of private libraries in Tomsk at the end of the 19th – early 20th centuries]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. 1: 67-79. [in Russian]

Minakir et al., 2020 – Minakir, P.A., Isaev, A.G., Dem'yanenko, A.N., Prokapalo, O.M. (2020). Ekonomicheskie makroregiony: integratsionnyy fenomen ili politiko-geograficheskaya tselesoobraznost'? Sluchay Dal'nego Vostoka [Economic macroregions: an integration phenomenon or political-geographical expediency? The case of the Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 16(1): 66-99. [in Russian]

Polovnikova, 1997 – Polovnikova, I.A. (1997). K istorii yudinskogo sobraniya knig i rukopisey [On the history of the Yudin collection of books and manuscripts]. *Makushinskie chteniya*. 4: 56–59. [in Russian].

Popov, 2011 – Popov, R.I. (2011). Kupechestvo Evropeyskoy Rossii v osvoenii Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – pervoy chetverti XIX vv. [Merchants of European Russia in the development of Eastern Siberia in the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. Yaroslavl'. 28 p. [in Russian]

Preobrazhenskiy, 1960 – Preobrazhenskiy, A.A. (1960). Kolleksiya G. V. Yudina v Gosudarstvennom arhive Krasnoyarskogo kraya [The G. V. Yudin Collection in the State Archives of Krasnoyarsk Krai]. *Arheographicheskiy ezhegodnik za 1958 god*. 267-292. [in Russian]

Priymak, Valegina, 2018 – Priymak, N.I., Valegina, K.O. (2018). Memuary, dnevniki, pis'ma kak istoricheskiy istochnik: uchebnoe posobie [Memoirs, diaries, letters as a historical source: a textbook]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «LEMA», 72 p. [in Russian]

Protasov, 2014 – Protasov, E.T. (2014). Istochniki i literatura po istorii stanovleniya gosudarstvennogo apparata Respubliki Buryatii i ee politicheskoy elity [Sources and literature on the history of the formation of the state apparatus of the Republic of Buryatia and its political elite]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 6(89): 279-283. [in Russian]

- [Savchenko, Treyvish, 2017](#) – Savchenko, A.B., Treyvish, A.I. (2017). Istoriko-geograficheskie osobennosti osvoeniya severnykh i arkticheskikh territoriy Rossii v XVII–XIX vekakh [Historical and geographical features of the development of northern and Arctic territories of Russia in the 17th–19th centuries]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 3: 90–102. [in Russian]
- [Sandanov, 2016](#) – Sandanov, Yu.B. (2016). Razvitie promyslov i senokosheniya v khozyaystvennoy zhizni naseleniya Zabaykal'skoy oblasti vo vtoroy polovine XIX v. [The development of trades and haymaking in the economic life of the population of the Trans-Baikal region in the second half of the 19th century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 8 (5-1): 47–51. [in Russian]
- [Sertakova et al, 2025](#) – Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Koptseva, M.S., Zotov, S.O. (2025). The Tungusic-Manchurian Peoples of the Russian Empire in the Works of the First Yenisei Governor A.P. Stepanov and Sibireved G.I. Spassky. *Bylye Gody*. 20(3): 1152–1163. DOI: 10.13187/bg.2025.3.1152
- [Skripnik, 2014](#) – Skripnik, A.V. (2014). Spetsifika zhanra «zapisok» v «Zapiski sumasshedshego» N.V. Gogolya i «Sil'fide» V.F. Odoevskogo [The specifics of the «notes» genre in «Diary of a Madman» by N.V. Gogol and «Sylphide» by V.F. Odoevsky]. *Filologiya i kul'tura*. 3(37): 15–17. [in Russian]
- [Shevtsov, 2016](#) – Shevtsov, V.V. (2016). Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Government periodical press of Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk, 622 p. [in Russian]
- [Shindina, 2020](#) – Shindina, A.B. (2020). Udivitel'nye fakty iz istorii knig Yudinskogo sobraniya [Amazing facts from the history of books of the Yudin collection]. *Al'manakh bibliofila*. 43: 64–75. [in Russian]
- [Shishkin, 2010](#) – Shishkin, V.I. (2010). Gosudarstvennoe upravlenie Sibir'yu v kontse XIX – pervoy treti XX v. [State administration of Siberia in the late 19th – first third of the 20th century]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke*. 1: 3–36. [in Russian]
- [Ukaz I. d. Eniseiskogo gubernatora..., 1890](#) – Ukaz I. d. Eniseiskogo gubernatora Fevralya 20 dnya 1890 g. №12 [Decree of the Acting Governor of Yenisei, February 20, 1890, No. 12]. *Eniseiskie gubernskie vedomosti*. 1890. 10: 2–3. [in Russian]
- [Zhalsanova, 2008](#) – Zhalsanova, B.Ts. (2008). «Reforma provoditsya bespovorotno...» Dokumenty Natsional'nogo arkhiva Respubliki Buryatiya o volostnoy reforme v Zabaykal'skoy oblasti. 1901–1904 gg. [“The reform is being carried out irreversibly...” Documents of the National Archive of the Republic of Buryatia on the volost reform in the Trans-Baikal region. 1901–1904]. *Otechestvennye arkhivy*. 1: 87–98. [in Russian]
- [Zhironov, 2007](#) – Zhironov, A.A. (2007). K biografii Mikhaila Fedorovicha Nemchinova [On the biography of Mikhail Fedorovich Nemchinov]. *Problemy ekonomicheskoi i sotsial'noi istorii Sibiri. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. (na sluzhbe u kazny i kapitala)*. 7: 20–23. [in Russian]
- [Zhironov, 1997](#) – Zhironov, A.A. (1997). Tarskie kyakhtintsy [Tara Kyakhtinians]. *Zemlya Irkutskaya*. 9: 14–19. [in Russian]

«Записка» В.М. Немчинова из коллекции Г.В. Юдина как источник по истории Восточной Сибири к. XIX — нач. XX в.

Александра Александровна Ситникова ^{a, *}, Мария Александровна Колесник ^a,
Наталья Николаевна Пименова ^a, Анна Андреевна Шпак ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальной теме в исторических исследованиях, поскольку в ней представлены результаты изучения частного письменного источника, представляющего интерес в рамках региональной историографии. В статье представлено исследование, посвящённое изучению документа под названием «Записка В.М. Немчинова», входящего в состав коллекции Г.В. Юдина, хранящейся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), в которой содержатся много документов, в том числе частного характера, представляющих собой научный интерес в рамках изучения истории Восточной Сибири. Документ этот рассматривается как исторический источник, раскрывающий особенности общественного сознания в начале XX в. Кроме того, охарактеризован историко-культурный контекст возникновения документа, дана оценка документу с точки зрения жанра, в котором обозначаются детали, дающие возможность реконструировать общественные представления. Также в статье представлены результаты подробного изучения источников, проливающих свет на личность автора «Записки» –

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: MKolesnik@sfu-kras.ru (М.А. Колесник),
aaasemenova@sfu-kras.ru (А.А. Ситникова), npimeova@sfu-kras.ru (Н.Н. Пименова),
aashpak@sfu-kras.ru (А.А. Шпак)

Валентина Михайловича Немчинова. Впервые подробно рассматривается содержание «Записки», в которой автор даёт ёмкое описание географических и экономических особенностей некоторых поселений Забайкальского края и граничащей с ним территории Маньчжурии. Особое внимание уделено описанию таких городов, как Мысовск (ныне г. Бабушкин), Верхнеудинск (ныне г. Улан-Удэ), Чита и Акша. Документ даёт представление о составе населения этих городов, наличии в них разного рода предприятий, а также об основных видах деятельности местных жителей. Сделаны выводы о версии причастности автора «Записки» В.М. Немчинова к роду известных в Красноярске купцов Немчиновых, а также о его деятельности в городе и сотрудничестве с промышленником и купцом Г.В. Юдиным. Раскрыта специфика описания территории Восточной Сибири автором «Записки» в контексте истории предпринимательства: выделение отдельных городов с наиболее оживлённой торговой жизнью, повествование о связанности их железной дорогой, обеспечивающей экономическое благополучие многих из них, о значении природных условий для их развития, а также о потенциале торговли сибирских купцов с китайскими приграничными территориями.

Ключевые слова: Валентин Михайлович Немчинов, Восточная Сибирь, предпринимательство, история Забайкальского края, коллекция Г.В. Юдина.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 451-459
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.451

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Gateways of Mobility” in Imperial Russia: Interaction with Migrants of Other Ethnicities (based on the example of the Chinese)

Andrey A. Avdashkin ^{a, *}

^a Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article examines the interactions between migrants and Russian authorities, using the example of the Chinese. The author focuses on mobility hubs or gateways. Shenk's concept of “gateways of transcontinental migration” serves as a research lens, examining checkpoints and interactions at key transportation hubs. The narrative focuses on two main locations: resettlement centers and the *Millionka* Chinese quarter in Vladivostok. Drawing on documents from the State Archives of the Russian Federation (GARF) and the United State Archives of the Chelyabinsk Region (OGACHO), as well as periodicals, this article analyzes the perspective on interactions with Chinese migrants in these locations. Given the complex context of interaction, on the one hand, the Chinese were perceived as a faceless actor in mobility processes (one of many) or as a necessary labor force, while on the other, the Chinese were seen as a source of numerous sanitary risks and social problems caused by the situation in the host society. Government officials often emphasized problems of unsanitary conditions, overcrowding, and deviant behavior in their observations, which, whether consciously or not, nevertheless led to a certain dehumanization of migrants. The experience of everyday interaction in the context of such “mobility gateways” could have long-term consequences for defining the contexts of intergroup (interethnic) relations, identifying vectors for implementing state policy toward migrant groups, and shaping ethnic stereotypes in Russia in the early XXth century.

Keywords: Late Imperial Russia, migration, mobility, Chinese, Chelyabinsk resettlement center, Millionka.

1. Введение

Миграция остаётся крайне чувствительной темой для российского общества на всех этапах его исторического развития. Репрезентации этого явления открыточны, не все группы с миграционным опытом обладают возможностью воспроизводства коллективной памяти о своём пребывании в принимающей стране (См.: [Линченко, Аникин, 2024](#)). Память о проживании той или иной мигрантской группы в российском обществе обладает важным значением, в том числе для формирования коллективных представлений об опыте взаимодействия с ней, регулировании повседневных отношений «своих» и «чужих». Так вышло, что мигранты, в особенности, когда речь заходит об их иноэтничности, как в случае с китайцами, воспринимаются весьма подозрительно, сквозь призму различных коллективных опытов, положительных и отрицательных стереотипов. В России, в отличие от стран Юго-Восточной Азии, Северной Америки или Европы ([Гордон, 2022; Ван, 2024](#)), не сложилась разветвлённая китайская диаспора. Однако дискуссии о ней, формах её организации в пространстве носили достаточно острый характер в позднеимперский период.

Упоминания о китайских кварталах или локациях, связанных с миграцией из Китая в позднеимперской России, эпизодически встречаются в прессе, отражены на страницах

* Corresponding author

E-mail addresses: adrianmaricka@mail.ru (A.A. Avdashkin)

художественных произведений, музейных экспозициях, иногда – в городских вернакулярах. Затронутую проблему невозможно рассмотреть в рамках одной рукописи, поэтому внимание фокусируется только на основных локациях и сюжетах, связанных с китайской миграцией в Россию в начале XX в.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составили заметки секретаря Переселенческого управления М. Гребенщикова, уполномоченного Министерства иностранных дел В. Граве и др., содержащие позицию властей империи в отношении китайской миграции. Материалы дореволюционных печатных изданий позволяют проследить, как применялись механизмы социальной эксклюзии/инклюзии для описания мест проживания китайских мигрантов.

Свою важную роль в подготовке данной рукописи играли материалы Департамента полиции Министерства внутренних дел из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация) (например, Ф. 102). Они содержат документы о китайской миграции (оценки санитарных и иных рисков, общие подходы властей и др.). Документы, отложившиеся в фонде Заведующего передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири Министерства земледелия Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) (Челябинск, Российская Федерация), содержат целый комплекс сведений о движении партий китайских рабочих через Челябинский переселенческий пункт (Ф. И-13). Помимо отчётности о движении эшелонов, снабжении рабочих продовольствием и санитарных мероприятиях, изученные документы позволяют судить о проблемах взаимодействия представителей российских властей с группами китайских рабочих.

Формат рукописи ограничен, поэтому не все источники использованы в полном объёме. Столь разнородный комплекс данных оставляет у читателя справедливые вопросы о его репрезентативности. Однако привлечение этих материалов позволяет преодолеть познавательные ограничения, накладываемые характером имеющихся источников, и увидеть динамику изучаемого явления.

Наиболее рельефно затронутые проблемы способны раскрыть контакты с мигрантами там, где происходило их передвижение, регистрация, там, где они чаще всего попадали в поле зрения представителей российских властей. Б. Шенк концептуализировал искомые нами объекты как шлюзы трансконтинентальной миграции (Шенк, 2019). Под ними автор подразумевал специфический тип социальной и пространственной организации, возникновение которого пришлось на рубеж XIX–XX вв. Такие пункты формировались как места модерности, сочетающие в себе одновременно функции контроля, управления, фиксации статических данных и удовлетворение различных потребностей многочисленных мигрантов, следовавших через них. Тем самым шлюзы трансконтинентальной миграции возникли в ответ на массовость миграции и развитие инфраструктуры мобильности (железнодорожное сообщение, морской и речной транспорт), значительным повышением роли научного и экспертного знания (медицинское сопровождение и статистическая фиксация данных). Свою роль вносило и усиление контроля над мобильностью со стороны государственных институтов.

Шлюзы трансконтинентальной мобильности отличает не только время возникновения (рубеж XIX–XX вв.). Для них характерно расположение в значимых или узловых точках транспортной инфраструктуры – это могут быть крупные морские порты или железнодорожные узлы, как в случае с Челябинском и Владивостоком, где сочетались функции по управлению, осуществлению контроля и учёту мигрантов. Кроме того, такие шлюзы мобильности являлись важным местом встречи мигрантов, собственно «других», с представителями российских властей и экспертного сообщества, а опыт этих контактов тщательно фиксировался. Избранный подход позволял автору фокусироваться на двух основных локациях, где происходило взаимодействие принимающей стороны и китайских мигрантов в позднеимперской России. На локальном уровне все перипетии взаимодействия принимающей стороны и «других» можно рассматривать более чётко.

Челябинский переселенческий пункт предназначался для крестьян, следовавших в Восточные районы империи. Основная его миссия заключалась в оказании медицинской помощи и регистрации сначала внутренних мигрантов, а затем, с началом Первой мировой войны, и внешних – китайских рабочих, законтрактованных для работы на уральских предприятиях. Однако в культурной памяти российского общества переселенческий пункт практически забыт и никак не музеефицирован. Первый китайский рынок во Владивостоке сложился уже в середине XIX в. и именовался Манзовским. Вскоре городские власти обеспокоили целый комплекс санитарных проблем, связанных с содержанием домов и торговых прилавков. К началу XX в. Миллионка и китайский квартал стали для современников синонимами. На сегодняшний день память о китайском квартале практически стёрта из памяти горожан, не отражена в городском ландшафте.

3. Обсуждение

В исторической литературе уже достаточно подробно освещены важные вопросы китайской миграции (Ларин, 2009), но собственно имагологические сюжеты только недавно стали объектом

изысканий в хронологических рамках поздней империи (Кудрявцева, 2014; Семенчук, 2023; Позняк, 2023). Ранее исследователи фокусировались на представлениях о государстве Китай, а не о его представителях или местах их проживания (Лукин, 2007; Резвухина, 2021). На примере Владивостока, Сингапура и Сан-Франциско показано, как полемика о гигиене, здравоохранении и улучшении жилищных условий оставила пласт представлений и текстов, раскрывающих историю китайских кварталов сквозь призму истории запахов, эмоций и чувств (Урбански, 2021). Антисанитария, особая атмосфера и театрализованные представления с азиатской спецификой олицетворяли многие грани коллективной памяти о проживании китайцев в России (Нестерова, 2008; Позняк, 2024). Пристальный интерес вызывает репрезентация спорных эпизодов двухсторонних отношений через создание и развитие музеев и мемориальных комплексов в российско-китайском приграничье (Зуенко, 2023). В их числе находятся массовые беспорядки в Благовещенске (1900 г.), ставшие предметом дискуссий в позднеимперские годы и проработки этого опыта уже в современной России (Дятлов и др., 2020).

4. Результаты

4.1. Переселенческие пункты

Известно, что медико-санитарный комплекс вопросов ставился во главу угла в дискуссиях о запрете ввоза рабочей силы из Китая. Приамурский генерал-губернатор Л.Н. Гондатти настаивал на том, что китайцы, приезжавшие на территорию империи, являлись «очагом всевозможных болезней» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 56. Л. 2). В Харбине и на станции Маньчжурия оборудовались специальные врачебно-пропускные пункты для медицинского осмотра китайских рабочих. По пути следования, в Челябинске и Иркутске китайцы осматривались, мылись в бане, получали необходимые прививки, заболевших рабочих отправляли назад (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 10. Ч. 26. Л. 133). В материалах фонда И-13 зафиксирована своего рода рутина, связанная с обеспечением движения через Челябинский переселенческий пункт партий китайских и корейских рабочих, проведением дезинфекции их одежды, снабжением их продовольствием и т.д. (ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1093. Л. 2; Д. 1095). Помимо прочего, Челябинский переселенческий пункт являлся лишь точкой остановки в составе масштабной логистической системы, по которой непрерывно перемещались по территории империи иноэтничные мигранты, где происходили «встречи» с ними представителей российских властей. Это позволяет «встроить» эту локацию в общегосударственный контекст мобильности.

Таблица 1. Железные дороги, предприятия и учреждения на территории России, для которых через Харбин отправляли китайских рабочих (1 января 1916 г. – 1 сентября 1917 г.) (Ходяков, Чжао, 2017: 23-24)

№ п/п	Наименование предприятия или учреждения	Численность
1	Полевое строительное управление	17 053
2	Николаевская железная дорога	116
3	Северные железные дороги	2164
4	Мурманская железная дорога	9133
5	Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога	6358
6	Богословский горный округ	4323
7	Коломенский медный рудник	176
8	Надеждинский завод	422
9	Нижнетагильский завод	177
10	Петромариновские и Варваропольские копи	677
11	Новосильцевское горнопромышленное общество	90
12	Мариупольское металлургическое общество	172
13	Культинская мануфактура	54
14	Туринская фабричная дача Сан-Донато	401
15	Усьвинское лесничество	444
16	Кольчугинская железная дорога	68
17	Алапаевские заводы	848
18	Угольные копи кн. Абамелек-Лазарева	2046
19	Куратинская джутовая мануфактура	62
20	Всероссийская организация земских и городских строительных партий	6397
21	Черноморская железная дорога	2151
22	Тверь-Городское самоуправление	34
23	Донецко-Грушевское акционерное общество	118
24	Общество Мальцовских заводов	193

№ п/п	Наименование предприятия или учреждения	Численность
25	Николае-Павдинский горный округ	433
26	Волхово-Рыбинская железная дорога	95
27	Трапезундская железная дорога	66
28	Московско-Казанская железная дорога	435
29	Ярославский автомобильный завод	60
30	Приморская железная дорога	322
31	Южно-Русская каменноугольная промышленность	314
32	Новотолжанский сахарный завод	540
33	Кыштымские горные заводы	178
34	Верх-Исетские горные заводы	712
35	Воронежская городская управа	174
36	Камское акционерное общество	509
37	Перевезено для обслуживания нужд, точно не определённых в донесениях управления КВЖД	9608
Итого		67121

В первую очередь в таких местах встреч принимающей стороны и мигрантов наиболее заметны могут быть социальные конфликты. Разумеется, они не носили систематического характера и были обусловлены в целом переводом экономики империи на военные рельсы, многочисленными трудностями в организации быта рабочих и т.д. Так, в Рапорте для заведующего передвижением переселенцев по европейской России и Сибири за ноябрь 1916 г. встречено упоминание о том, что, находясь на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге, китайские рабочие регулярно принимали участие в бунтах. Контингент китайских рабочих там насчитывал порядка 6 тыс. Бывало, что они по десять дней отказывались выходить на работы. При попытке установить трудовую дисциплину рабочие отвечали актами агрессии – «смертельно избивали своих старшинок и десятников».

Главной причиной этих конфликтов становилось неудовлетворительное обеспечение продовольствием, плохие условия проживания в бараках и необеспеченность рабочих тёплой одеждой. Бараки, построенные Управлением дороги, практически не удерживали тепло, «они являлись холодными, сырыми, крыши были покрыты соломой». Последнее обстоятельство приводило к фатальным последствиям. В результате пожара (в документе особенно подчёркнуто, что жандарм подтвердил факт пожара) погибли 14 рабочих, ещё 6 получили сильные ожоги. Работа фактически в «болоте» приводила к тому, что обувь быстро изнашивалась, и китайские рабочие утрачивали мотивацию к продуктивному труду.

Документ завершается констатацией того, что необходимо «ободрять китайских рабочих, поскольку они тогда работают старательно». Местные должностные лица вместо диалога и поиска выхода из ситуации дистанцировались от проблем. Более того, некоторые из них (как выделено в документе – с высшим образованием) «почитали за удачу высечь китайца» (ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1081. Л. 139–140).

Принимая во внимание крайне сложные условия быта и осуществления трудовой деятельности, одной из существенных проблем, которую фиксировали в источниках, являлись побеги рабочих. Нельзя сказать, что это явление носило массовый характер, но дезертирство группами и по одиночке задавало рамки восприятия «других» в лице китайцев. Вот один из примеров. Так, во время стоянки на станции Екатеринбург, во время обеда, из партии в 110 рабочих дезертировало 25 человек.

Поводом к побегу стала агитация, как сказано в документах, «неизвестного еврея, владеющего китайским языком». Это лицо разъясняло китайским рабочим крайне тяжёлые условия и несправедливость на предприятиях князя Абамелек-Лазарева. В свою очередь, условия по заработной плате на военных предприятиях ст. Ревда преподносились как более хорошие с целью «переманивания рабочих»: от 3 руб., тогда как на заводах Абамелек-Лазарева рабочие получали порядка 1 руб. 40 коп. за вагонетку угля (25 пудов). Для задержания агитатора и бежавших в результате его действий китайцев из Екатеринбурга вызывали жандармов, но поиски не принесли результатов (ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 1093. Л. 257–258).

4.2. Миллионка: портовый город или место встречи империи с китайцами

В конце XIX-начале XX в. интенсивные транснациональные связи через морские порты и расширение трудовой миграции из Азии превратили Дальний Восток в часть глобального мира. Растущее присутствие китайцев в империи вызвало сложные реакции государства, интеллектуальных элит и широких слоёв общества, воплощённые в идеях «желтой опасности» (Дятлов, 2020: 19-25). Категоризация китайских кварталов, собственно мест проживания китайских мигрантов, как в случае с Владивостоком, возникла из необходимости сравнения России с другими государственными проектами, где китайская миграция вызывала бурную полемику, служила одним из важных источников формирования идентичности на фоне взаимодействия с «другим».

Повседневные контакты с китайцами в империи происходили в пределах городов, преимущественно на восточных окраинах, а настойчивые усилия местных администраций локализовать китайских мигрантов в пространстве более чётко не увенчивались успехом (Нестерова, 2008). Наблюдение за такими кварталами неизбежно предполагало особый акцент на телесности их обитателей, резко отличавшейся от ставших привычными европейских стандартов. Пристальное внимание современников неизменно привлекали длинные косы и одежды, похожие на юбки (Шрейдер, 1897: 6, 12; Новости и Биржевая газета, 1900; Курьер, 1901). Вот характерное высказывание из прессы тех лет: «...у них не разберешь, баба он али мужик. Одно слово, манза» (Новости и Биржевая газета, 1900).

Помимо самих жителей, важной составляющей локаций, маркированных в качестве китайских, выступала специфическая архитектура и особые запахи. В большинстве случаев речь шла о тесном, шумном лабиринте трущоб. С одной стороны, наблюдателей пугала вероятность там заблудиться (ходили слухи о варке мыла из заплутавших чужаков), а с другой – тревогу вызывали широкие возможности для потенциальных злоумышленников надёжно затеряться и скрыться от контроля администрации в многочисленных лазейках китайского квартала. Имидж Миллионки как локации, практически непроницаемой для государственной власти, во многом способствовал росту подозрительности в отношении китайцев, способных скрыть у себя «всякого рода отщепенцев». На этой основе появились многочисленные сравнения мест жительства китайцев с «клоакой», «ульем», «дном» и др. Во многом это вызвано широко распространёнными стереотипами о многочисленности мигрантов, которых современники нередко воспринимали исключительно как массу, «толпу» или «саранчу» (Нестерова, 2008; Дятлов и др., 2020: 18).

Отправляясь на заработки, китайцы чаще всего занимали ниши в сфере торговли и тяжёлого физического труда, что обусловило чрезвычайную плотность расселения в жилищах; зачастую они руководствовались принципом экстремальной экономии на многих потребностях. Не случайно санитарный врач Владивостока отмечал, что существенная часть зданий, где фиксировалось нарушение жилищного режима, занимали именно китайцы. Уличные туалеты в местах их проживания подтекали, внутренний двор занимали многочисленные кухни, ночлежки, курильни, публичные дома и др. заведения, работавшие без лицензий (Урбански, 2023: 287). Антисанитарию, скученность и замкнутость воспринимали чуть ли не как неотъемлемое проявление культурных особенностей китайских мигрантов, а не социально-политический контекст их жизни в принимающем обществе.

Подчас вымысел и весьма вольные интерпретации авторов публицистических текстов и заметок преподносились как проверенные и достоверные факты, а китайцы неизбежно дегуманизировались перед читателем и изображались серьёзной угрозой. Их окружали ареалом нечистоплотности, отсутствия элементарных представлений об организации быта и опрятности, а «грязь в местах проживания меркла перед трущобами Сенной площади» (Гребенщиков, 1887: 113-114). Неизменным атрибутом китайскости называли неприятные запахи, «смерд и дым», исходивший от опиумных курил, кухонь и небольших печек.

Важной составляющей представлений о пространстве, где жили китайцы, являлись описания нечистоты, «плохой организации отхожих мест, потоков помоев и кухонных отходов, вони жилищ» (Гребенщиков, 1887: 113-114; От Владивостока до Никольского..., 1894; Граве, 1912: 117; Богословский, 1913). В. В. Граве так описывал свои впечатления от посещения центральной части Владивостока: «...грязь, ужасный запах и скученность напоминали худшие кварталы Пекина» (Граве, 1912: 125). Городской голова В. П. Маргаритов констатировал, что Владивосток окружен «некультурным народом, у которого регулярно свирепствуют эпидемии» (Урбански, 2021: 289). После вспышки холеры 1890 г. специальная комиссия констатировала скученность и неудовлетворительную санитарную ситуацию в городских квартирах китайцев.

Однако память о китайских кварталах в позднеимперской России связана не только с телесностью их обитателей и общей экзотической атмосферой. К сожалению, одним из сюжетов являлось насилие и социальные конфликты, жертвами которых по воле случая могли становиться выходцы из Поднебесной. Таким важным эпизодом стали массовые беспорядки в Благовещенске в 1900 г., названные «Благовещенской утопией» (В. Благовещенская «Утопия»..., 1910), после которых китайцы, столь важные для функционирования городской инфраструктуры и экономики, на некоторое время просто пропали. Трагическое стечение обстоятельств – оторванность от метрополии, явные просчёты управленцев в оценке сложившегося положения, неспособность городских чинов оперативно навести порядок и взять ситуацию в свои руки, предотвратить панику и прогнозировать поведение фрустрированных жителей – привели к беспорядкам и гибели нескольких тысяч невинных китайцев.

Трагические события в Благовещенске вызвали широкую огласку, в том числе за границей, но о них предпочли как можно скорее «забыть», а само дело «замять». Никто из управленцев не хотел тогда признать факты некомпетентности властей как центра, так и регионов. Сам факт погрома и массового убийства в реалиях того времени наносил бы крайне болезненный удар по имиджу империи как европейской и просвещённой, поэтому ответственность за произошедшее поспешили возложить на отдельных должностных лиц и анонимную толпу. В скором времени жизнь в

Приамурье вернулась в привычный ритм, и китайцы – торговцы и рабочие – вновь стали важной частью городской жизни (Дятлов и др., 2020).

5. Заключение

Таким образом, рассмотренный пример шлюзов мобильности демонстрирует, как в позднимперской России происходило интенсивное формирование и переосмысление опыта взаимодействий между представителями российских властей и мигрантов, в данном случае китайцев. В результате чего административные практики контроля и учёта мобильности играли важную роль в межгрупповых отношениях. Органы власти оценивали китайцев не только как важный источник рабочей силы, но и как устойчивый фактор санитарных рисков, роста социальной напряжённости, на что накладывалась культурная инаковость китайских мигрантов, специфические ракурсы, с которых их телесность оценивалась принимающей стороной. Ключевую роль в этом процессе играли точки трансконтинентальной миграции, такие как Челябинский переселенческий пункт (равно как и аналогичные ему локации) и Владивостокская «Миллионка». Там происходили непосредственные контакты и фиксация повседневного или рутинного опыта взаимодействия. Этот опыт – специфический по своей сути ввиду контекста – обладал долгосрочными мировоззренческими последствиями не только для отношений принимающей стороны и мигрантов. В этом контексте на дальнейших исторических этапах оценивались стратегии реализации государственной национальной политики и ракурсы преломления феномена этничности как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00467, <https://rscf.ru/project/25-18-00467>.

Литература

- Богословский, 1913 – Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // *Вестник Азии*. 1913. № 13. С. 20-33.
- В. Благовещенская «Утопия»..., 1910 – В. Благовещенская «Утопия» // *Вестник Европы*. 1910. № 7. С. 231-241.
- Ван, 2024 – Ван Ц. Китайская диаспора Дальнего Востока России: история, современность и перспективы // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 1. С. 66-78.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Гордон, 2022 – Гордон А.В. Маршруты идентичности в китайской диаспоре Франции // *Диалог со временем*. 2022. № 78. С. 243-259.
- Граве, 1912 – Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912.
- Гребенщиков, 1887 – Гребенщиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб.: тип. Я.И. Либермана, 1887.
- Дальний Восток, 1894 – *Дальний Восток*. 1894. № 112.
- Дятлов, 1910 – Дятлов В.И. Благовещенская «Утопия» // *Вестник Европы*. 1910. № 7. С. 231-241.
- Дятлов и др., 2020 – Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Зуенко, 2023 – Зуенко И.Ю. Музеи и мемориальные объекты в российско-китайском трансграничье: перспективы создания «компромиссной» версии общей истории // *Сравнительная политика*. 2023. Т. 14. № 3. С. 23-38.
- Кудрявцева, 2014 – Кудрявцева Т.М. «Китай-царь»: китайцы в восприятии русского народа в период «боксерского восстания» (по материалам русской печати) // *Клио*. 2014. № 8. С. 82-85.
- Курьер, 1901 – *Курьер*. 1901. 3 марта.
- Ларин, 2009 – Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
- Линченко, Аникин, 2024 – Линченко А.А., Аникин Д.А. Память миграционных сообществ в музейном пространстве Москвы: дискурсивные стратегии и режимы видимости // *Диалог со временем*. 2024. № 87. С. 184-197.
- Лукин, 2007 – Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.
- Нестерова, 2008 – Нестерова Е.И. «Атлантида городского масштаба»: китайские кварталы в дальневосточных городах (конец XIX – начало XX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 44-58.
- Новости и Биржевая газета, 1900 – *Новости и Биржевая газета*. 1900. 25 июля.
- ОГАЧО – Объединённый государственный архив Челябинской области.

От Владивостока до Никольского..., 1894 – От Владивостока до Никольского по ж. д. *Журнал «Дальний Восток»*. 1894.

Позняк, 2023 – Позняк Т.З. Китайские мигранты и региональная администрация на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX в. в свете исследований Джеймса Скотта // *Ойкумена*. 2023. Т. 66. № 3. С. 12–24.

Позняк, 2024 – Позняк Т.З. Повседневная история городов российского Дальнего Востока второй половины XIX - начала XX в.: итоги и перспективы изучения // *Россия и АТР*. 2024. № 123 (1). С. 59-80.

Резвухина, 2021 – Резвухина А.И. «Крадущийся тигр, затаившийся дракон»: репрезентация стран Дальнего Востока в российских карикатурах 1890-1905 гг. // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 3. С. 174-198.

Семенчук, 2023 – Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX-XX вв. об народах Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 489. С. 143–152.

Урбански, 2021 – Урбански С. «Китайская чума»: синофобские дискурсы во Владивостоке, Сан-Франциско и Сингапуре в конце XIX- начале XX века // *Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение* / Под. ред. Болутновой, Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение. С. 269-294.

Урбански, 2023 – Урбански С. За степным фронтиром: История российско-китайской границы. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Ходяков, Чжао, 2017 – Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 7-30.

Шенк, 2019 – Шенк Ф.Б. Шлюзы трансконтинентальной миграции как места модерности // *Вестник Пермского университета. История*. 2019. № 1 (44). С. 114-128.

Шрейдер, 1897 – Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1897.

References

Bogoslovskii, 1913 – Bogoslovskii, L. (1913). Krepost'-gorod Vladivostok i kitajcy [The fortress-city of Vladivostok and the Chinese]. *Vestnik Azii*. 13: 20-33. [in Russian]

Dal'nij Vostok, 1894 – Dal'nij Vostok. 1894. 112. [in Russian]

Dyatlov i dr., 2020 – Dyatlov, V.I., Guzei, Ya.S., Sorokina, T.N. (2020). Kitaiskii pogrom. Blagoveshchenskaya «Utopiya» 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov [The Chinese pogrom. The Blagoveshchensk “Utopia” of 1900 in the assessment of contemporaries and descendants]. SPb.: Nestor-Istoriya. [in Russian]

Dyatlov, 1910 – Dyatlov, V.I. (1910). Blagoveshchenskaja «Utopija» [The Blagoveshchensk “Utopia”]. *Vestnik Evropy*. 7: 231-241. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Gordon, 2022 – Gordon, A.V. (2022). Marshruty identichnosti v kitajskoj diaspora Francii [Routes of identity in the Chinese diaspora of France]. *Dialog so vremenem*. 78: 243-259. [in Russian]

Grave, 1912 – Grave, V.V. (1912). K Kitaitsy, koreitsy i yapontsy v Priamur'e. Trudy Amurskoj jekspedicii. Vyp. XI [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur Region. Works of the Amur Expedition. Vol. XI]. Sankt-Peterburg, Tipografija V.F. Kirshbauma. [in Russian]

Grebenshchikov, 1887 – Grebenshchikov, M.G. (1887). Putevyje zapiski i vospominanija po Dal'nemu Vostoku [Travel Notes and Memoirs of the Far East]. Sankt-Peterburg, Tip. Ja.I. Libermana. [in Russian]

Hodjakov, Chzhao, 2017 – Hodjakov, M.V., Chzhao, Ch. (2017). Trudovaja migracija kitajcev v Rossiju v gody Pervoj mirovoj vojny [Labor migration of Chinese to Russia during the First World War]. *Novejšaja istorija Rossii*. 1: 7-30. [in Russian]

Kudrjavitseva, 2014 – Kudrjavitseva, T.M. (2014). «Kitaj-car'»: kitajcy v vosprijatii russkogo naroda v period «bokserskogo vosstaniija» (po materialam russkoj pečati) [“China-Tsar”: Chinese in the perception of the Russian people during the “boxer rebellion” (based on Russian press materials)]. *Klio*. 8: 82-85. [in Russian]

Kur'er, 1901 – Kur'er. 1901. 3 marta. [in Russian]

Larin, 2009 – Larin, A.G. (2009). Kitajskie migranty v Rossii. Istorija i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. M., Vostochnaja kniga. [in Russian]

Linchenko, Anikin, 2024 – Linchenko, A.A., Anikin, D.A. (2024). Pamjat' migracionnyh soobshhestv v muzejnom prostranstve Moskvy: diskursivnye strategii i rezhimy vidimosti [Memory of migrant communities in the museum space of Moscow: discursive strategies and regimes of visibility]. *Dialog so vremenem*. 87: 1840197. [in Russian]

Lukin, 2007 – Lukin, A.V. (2007). Medved' nabljudat za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVII–XXI vekah [The Bear watches the dragon. The image of China in Russia in the 17th – 21st centuries]. M., Vostok-Zapad: AST. [in Russian]

- [Nesterova, 2008](#) – Nesterova, E.I. (2008). «Atlantida gorodskogo masshtaba»: kitajskie kvartaly v dal'nevostochnyh gorodah (konec XIX – nachalo XX v.) [“Atlantis on an Urban Scale”: Chinese quarters in Far Eastern cities (late 19th – early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 44-58. [in Russian]
- [Novosti i Birzhevaja gazeta, 1900](#) – *Novosti i Birzhevaja gazeta*. 1900. 25 ijulja. [in Russian]
- [OGACHO](#) – Ob"edinennyj gosudarstvennyj arkhiv Chelyabinskoy oblasti [Unified State Archives of Chelyabinsk Oblast].
- [Ot Vladivostoka do Nikol'skogo..., 1894](#) – Ot Vladivostoka do Nikol'skogo po zh. d. [From Vladivostok to Nikolskoye by rail]. *Zhurnal «Dal'nii Vostok»*. 1894. [in Russian]
- [Poznjak, 2023](#) – Poznjak, T.Z. (2023). Kitajskie migranty i regional'naja administracija na rossijskom Dal'нем Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. v svete issledovanij Dzejmsa Skotta [Chinese migrants and the regional administration in the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries in the light of James Scott's research]. *Ojkumena*. 66(3): 12-24. [in Russian]
- [Poznjak, 2024](#) – Poznjak, T.Z. (2024). Povsednevnaia istorija gorodov rossijskogo Dal'nego Vostoka vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: itogi i perspektivy izuchenija [Everyday history of the Russian Far East cities in the second half of the 19th – early 20th centuries: results and prospects of the study]. *Rossija i ATR*. 123(1): 59-80. [in Russian]
- [Rezvhina, 2021](#) – Rezvhina, A.I. (2021). «Kradushhijsja tigr, zataivshijsja drakon»: reprezentacija stran Dal'nego Vostoka v rossijskikh karikaturah 1890-1905 gg [“Crouching Tiger, Hidden Dragon”: Representation of Far Eastern Countries in Russian Caricatures of 1890-1905]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 3(3): 174-198. [in Russian]
- [Semenchuk, 2023](#) – Semenchuk, K.A. (2023). Cerkovnaja periodicheskaja pechat' rubezha XIX-XX vv. ob inorodcah Sibiri i Dal'nego Vostoka [Church periodicals at the turn of the XIX-XX centuries about the natives of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 489: 143-152. [in Russian]
- [Shenk, 2019](#) – Shenk, F.B. (2019). Shljuzzy transkontinental'noj migracii kak mesta modernosti [The Sluices of Transcontinental Migration as Sites of Modernity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 1(44): 114-128. [in Russian]
- [Shrejder, 1897](#) – Shrejder, D.I. (1897). Nash Dal'nij Vostok [Our Far East]. Sankt-Peterburg, Izdanie A.F. Devriena. [in Russian]
- [Urbanski, 2021](#) – Urbanski, S. (2021). “Kitajskaja chuma”: sinofobskie diskursy vo Vladivostoke, San-Francisko i Singapore v konce XIX – nachale XX veka [“Chinese Plague”: Sinophobic Discourses in Vladivostok, San Francisco and Singapore in the late 19th and early 20th centuries]. *Regiony Rossijskoj imperii. Identichnost', reprezentacija, (na)znachenie*. Pod. red. Bolutnovoj, Sanderlenda. M., Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 269-294. [in Russian]
- [Urbanski, 2023](#) – Urbanski, S. (2023). Za stepnym frontirom: Istorija rossijsko-kitajskoj granicy [Beyond the Steppe Frontier: A History of the Russo-Chinese Border]. M., Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- [V. Blagoveshchenskaya «Utopiya»..., 1910](#) – V. Blagoveshchenskaya «Utopiya» [V. Blagoveshchenskaya “Utopia”]. *Vestnik Evropy*. 1910. 7: 231-241. [in Russian]
- [Van, 2024](#) – Van, C. (2024). Kitajskaja diaspora Dal'nego Vostoka Rossii: istorija, sovremennost' i perspektivy [The Chinese Diaspora in the Russian Far East: Past, Present and Future]. *Quaestio Rossica*. 12(1): 66-78. [in Russian]
- [Zuenko, 2023](#) – Zuenko, I.Ju. (2023). Muzei i memorial'nye ob"ekty v rossijsko-kitajskom transgranich'e: perspektivy sozdanija «kompromissnoj» versii obshhej istorii [Museums and memorial sites in the Russian-chinese borderland: prospects for creating a “compromise” version of a common history]. *Sravnitel'naja politika*. 14(3): 23-38. [in Russian]

«Шлюзы мобильности» в имперской России: взаимодействие с иноэтничными мигрантами (на примере китайцев)

Андрей Александрович Авдашкин ^{a, *}

^a Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия мигрантов и российских властей на примере китайцев. Основное внимание автора фокусируется на узлах, или т.н. шлюзах мобильности. В качестве исследовательской оптики автор использует концепцию «шлюзов трансконтинентальной миграции», сформулированную Ф.Б. Шенком, где рассматривались пункты контроля и взаимодействий на ключевых транспортных узлах. Повествование сосредоточено на двух основных

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: adrianmaricka@mail.ru (А.А. Авдашкин)

локациях: переселенческие пункты и китайский квартал «Миллионка» во Владивостоке. Опираясь на документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), материалы периодической печати, анализируется взгляд на взаимодействие с китайскими мигрантами в таких локациях. Учитывая непростой контекст взаимодействия, с одной стороны, китайцы воспринимались как безликий актор процессов мобильности (один из многих) или как необходимая рабочая сила, а с другой – китайцы выглядели источником многочисленных санитарных рисков, социальных проблем, вызванных ситуацией в принимающем обществе. Представители органов власти нередко акцентировали в своих наблюдениях проблемы антисанитарии, скученности и факты девиантного поведения, что, осознанно или нет, но всё же приводило к определённой дегуманизации мигрантов. Опыт повседневного взаимодействия в условиях функционирования таких «шлюзов мобильности» мог повлечь за собой долгосрочные последствия для определения контекстов межгрупповых (межэтнических) отношений, поиска векторов в реализации государственной политики в отношении мигрантских групп и формирования этнических стереотипов в России начала XX в.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, миграция, мобильность, китайцы, Челябинский переселенческий пункт, Миллионка.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2026. 21(1): 460-468
DOI: 10.13187/bg.2026.1.460

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Development of the Russian Youth Movement (1905–1917): Selected Pages

Oleg E. Chuikov ^{a, *}, Igor A. Gordeev ^b, Svetlana A. Savostyanova ^c, Ilya V. Tyurin ^d

^a Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

^b Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

Abstract

The manuscript is devoted to the analysis of youth military-patriotic (scouting) and religious organizations in the Russian Empire in the early twentieth century, based on their charters and rules published in pre-revolutionary periodicals. The source base of the study comprises a set of materials related to the youth movement in pre-revolutionary Russia. The methodological framework includes content analysis, systems analysis, and other approaches.

Religious youth initiatives and military-patriotic scouting organizations in the Russian Empire began to develop actively in the early twentieth century, following broader global trends. These organizations may be conditionally divided into religious and scouting associations. The former include the well-known Christian youth society *Mayak* ("The Lighthouse"). Its principal aim – especially during the wartime period – was social service: assistance to incapacitated persons and large families, as well as voluntary and unpaid work in hospitals, orphanages, and similar institutions. The society also provided educational services and organized cultural and spiritual leisure activities.

Scouting organizations possessed a pronounced military-patriotic character, with a corresponding hierarchical structure and system of subordination. Their main goal was the formation of the child's personality on the basis of patriotism, honesty, humaneness, kindness, frugality, careful attitudes toward nature, and related values. Particular attention was paid to physical training and to certain specialized skills associated with military reconnaissance (survival in the wilderness, tracking, handling weapons, etc.).

Keywords: youth movement in the Russian Empire, history of the youth movement, youth organizations, Russian Empire, early twentieth century.

1. Введение

Молодежные движения различной направленности, как в современном обществе, равно так и на рубеже XIX–XX веков, отражают внимание к проблемам подрастающего поколения, а также потребность в воспитании нравственности, патриотизма и гуманизма.

Не являлась исключением и Российская империя, где различные молодежные движения стали появляться почти одновременно с возникновением аналогичных движений в других западных государствах.

В данной работе на основе документов различных молодежных объединений начала XX века мы попытаемся дать общую характеристику молодежного движения в дореволюционной России.

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov)

2. Материалы и методы

Материалами данного исследования послужил комплекс опубликованных документов «Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг.» ([Русское и советское..., 2002](#)). Представляется целесообразной классификации их по критерию предмета исследования:

1. Материалы, описывающие дореволюционные скаутские организации. К таковым относятся документы о военно-патриотических молодежных сообществах, в которых присутствовала система организации и соподчинения, свойственная воинским подразделениям, а навыки, приобретаемые в этих сообществах, были частично унифицированы с навыками армейских разведчиков:

- «Краткие сведения о Русской организации юных разведчиков» ([Жуков, 1916](#));
- «Будь готов, скаут! Правила Организации юных скаутов» ([Будь готов, скаут, 1910](#));
- «Честь – превыше всего! Правила потешных Пятой сибирской стрелковой дивизии» ([Честь – превыше всего, 1911](#));
- «Основы русского скаутизма» авторства И.Н. Жукова ([Основы русского скаутизма, 1916](#));
- «Скаутская иерархия» ([Скаутская иерархия, 1916](#)).

2. Материалы, описывающие дореволюционные молодежные религиозные (христианские) организации. Указанные организации (как, зачастую, и скаутские) имели свои собственные печатные издания, в которых публиковали уставы, правила и особенности деятельности своих сообществ. В данной работе мы использовали документы, касающиеся столичного религиозного молодежного сообщества «Маяк», а именно:

- «Русское движение христианской молодежи» ([Русское движение..., 1905](#));
- «Социальная работа молодых христиан» ([Социальная работа..., 2002](#)).

3. Третью группу составляют материалы, освещающие деятельность молодежного «сокольского» движения. Данное движение может быть отнесено к скаутским, но с некоторыми отличиями, в частности упором на военные/боевые навыки, усиленную физподготовку, использование в тренировках устаревших видов оружия для придания сообществу ореола рыцарства; в отличие от ярко выраженных в части лояльности режиму скаутских организаций, «сокольское» движение было ориентированным на государственную лояльность. В работе были использованы отрывки из устава «Союза русского сокольства» (1910 г.) ([Из изложения основ..., 2002](#)).

В качестве методической основы применялись такие методы как: метод контент-анализа: основной метод анализа исторических источников применялся для исследования доступных нам документов по дореволюционному молодежному движению; историко-системный метод: подразумевает комплексный подход в исследовании молодежного движения Российской империи с учетом социальной, экономической и политической обстановки; метод синтеза: общенаучный метод исследования применен для обобщения результатов и выводов нашего исследования.

3. Обсуждение

Фундаментальных работ по нашей тематике нами не выявлено; из таковых имеются лишь комплексные работы, посвященные молодежной политике и скаутскому движению в целом, в частности монография «Молодежь и молодежная политика. Философия, история, теория» ([Ильинский, 2001](#)), а также диссертационное исследование В.И. Соколовой «Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики» ([Соколова, 2010](#)), в которой делается краткий анализ и дореволюционного скаутского движения.

Из статей в научных периодических изданиях, отметим следующие работы.

Процесс зарождения всемирного скаутского движения, в том числе и в дореволюционной России, исследуется В.И. Соколовой ([Соколова, 2014](#)). Общую характеристику дореволюционного молодежного движения (как христианских, так и скаутских, т. е. военно-патриотических) дает В.В. Егоров ([Егоров, 2018](#)).

Молодежное движение в годы Первой русской революции (1905–1907) в белорусских губерниях Российской империи анализирует С.И. Бусько ([Бусько, 2019](#)). Студенческие движения на украинских территориях дореволюционной России на примере довоенных молодежных товариществ Галичины исследуются Р.Я. Кузьминым ([Кузьмин, 2016](#)). Ю.Е. Григорьевых освещает особенности создания и деятельности скаутских организаций Прикамья в межреволюционный период 1917 года ([Григорьевых, 2017](#)). Движение молодежных организаций Орловской губернии Российской империи освещает Р.П. Осипов ([Осипов, 2013](#)).

Физкультурно-оздоровительное и общеукрепляющее молодежное дореволюционное движение так называемых «соколов» (или «сокольское движение») исследуют в своих работах Е.А. Батова, В.Г. Ставцева ([Батова, Ставцева, 2023](#)), Н.Н. Качулина ([Качулина, 2015](#)), и др.

Добровольческую гуманитарную и военно-патриотическую деятельность молодежи в период Первой мировой войны освещает Н.И. Горлова ([Горлова, 2018](#)). В ряде современных публикаций также затрагивалась такая тема как дети на полях Первой мировой войны. Так, этой теме посвящены работы Горана Райовича ([Rajović, Bratanovskii, 2023](#)) и А.А. Черкасова с соавторами ([Cherkasov et al., 2016](#)).

Приведенные работы не являются полноценным историографическим обзором по проблеме исследования и не претендуют на исчерпывающий характер, однако приведённого материала

достаточно для понимания сущности и особенностей молодежного военно-патриотического и/или религиозного движения.

4. Результаты

Считаем уместным рассмотреть доступные нам источники в хронологическом порядке.

Одним из первых документов, посвященных молодежному движению начала XX века, является выдержка из Устава общества содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей «Маяк» ([Русское движение..., 1905](#)); впервые документ был представлен научному сообществу авторами сборника «Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг.» ([Русское и советское..., 2002: 18-21](#)). Целью общества была помощь в нравственном, физическом и духовном становлении юношей в возрасте от 17-ти лет. Общество могло нанимать работников, приобретать, продавать и арендовать недвижимость, бытовые приборы и пр., а также издавать печатную литературу.

Общество издавало собственный журнал с аналогичным именем и состояло под попечительством принца Александра Петровича Ольденбургского. Во главе «Маяка» стоял Совет из 15 избираемых членов во главе с выборным председателем, включая и иностранных граждан, но в количестве не более трех ([Русское и советское..., 2002: 18](#)).

В целом, создание и деятельность общества «Маяк» показывает востребованность таких христианских молодежных организаций, в ряде аспектов их практики перекликались с более поздними формами молодежной самоорганизации в Российской империи.

Позднее, в 1910 году, начнет действовать полноценное скаутское молодежное сообщество «Юный разведчик». Документ «Будь готов, скаут! Правила Организации юных скаутов» был опубликован в одноименном журнале «Юный разведчик» за 1910-й год ([Будь готов, скаут, 1910](#)); опубликован в сборнике «Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг.» ([Русское и советское..., 2002: 12-13](#)).

В документе содержатся основные правила и принципы комплектования и деятельности организации скаутов, которые будут расширены в более поздних документах.

Присяга скаутов включала три пункта: «1. Верность Богу и Государю. 2. Готовность во всякое время помогать ближним. 3. Соблюдать законы разведчиков» ([Русское и советское..., 2002: 12](#)).

В этом документе принимается девиз скаутов «Будь готов!», который впоследствии был перенят пионерской организацией.

«Законы» скаутов изложены достаточно кратко и включали в себя: преданность государю, родине, своим офицерам; сохранять честь, помогать ближним, исполнять свой долг, по-дружески относиться к окружающим людям, и по-братски – к другим скаутам, быть вежливым, исполнительным, веселым и бодрым, бережливым, а также гуманным по отношению к животным и птицам ([Русское и советское..., 2002: 12](#)).

Руководителем организации был так называемый «Главный разведчик» из числа взрослых мужчин. Ему подчинялись «сотники» – офицеры, которые могли быть и из юных скаутов. Сотня делилась на 3-4 взвода, которыми командовал взводный; взвод делился на 2-3 «дозора», в который входили 6-8 разведчиков. Во главе дозора стоял дозорный, который мог выбрать себе заместителя/помощника из состава своего дозора. Несколько «сотен» формировались в «дружину», во главе которой всегда стоял офицер и назывался воеводой. Дружина имела название по месту формирования: Московская, Нижегородская и т.д.

Скауты носили на левой стороне груди отличительные значки трех степеней с надписью «Будь готов на защиту родины» в зависимости от личных заслуг и статуса в иерархии организации ([Русское и советское..., 2002: 12-13](#)). За проступки, порочащие честь, скаут мог быть лишен значка.

Первые полтора десятилетия XX века – время активного создания скаутских обществ. Сибирь не осталась в стороне от этого процесса, причем молодежное общество в данном регионе сразу носило воинскую направленность – в начале 1911 года были сформированы две «потешные» роты, относившиеся к 5-й Сибирской стрелковой дивизии. «Личный состав» «потешных» рот набирался на добровольной основе из учащихся городского, железнодорожного и реального училищ г. Верхнеудинска в возрасте от 8 до 19 лет, командовал ими генерал-лейтенант Сергей Евстафьевич Дебеш; всего было набрано 350 чел. ([Русское и советское..., 2002: 14](#)).

Для данного «потешного войска» были сформулированы правила ([Честь – превыше всего, 1911](#)), а также создано собственное печатное издание – журнал «Потешный», где публиковался «устав» данного «подразделения» и особенности его деятельности.

Правила «потешных рот» предусматривали стоять за честь и славу «императора и России» (очередность сохранена; это позволяет делать выводы о пропагандируемой приоритетности ценностей – прим. авт.), быть честным, дисциплинированным, вежливым, пунктуальным, внимательным и добросовестным, чистоплотным, бережливым, держать слово, отдавать честь офицерам императорской армии, знаменам, погребальным процессиям и пр. Также в правилах значились поддержка друг друга, взаимовыручка, гуманное отношение к животным ([Честь – превыше всего, 1911: 16](#)).

Отметим, что скаутское движение в Российской империи неразрывно связано с именем Иннокентия Николаевича Жукова (1875–1948), который не только популяризировал его идею в дореволюционный период, но был и одним из основателей пионерского движения в Советской России.

Жуков в своей монографии «Русский скаутизм. Краткие сведения о Русской организации юных разведчиков» ([Основы русского скаутизма, 1916](#)), на основе выдержки из документов «Первого Всероссийского съезда инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом» обозначил идеи русского скаутизма. Документ датирован 1915 годом.

Предваряла основные «законы» разведчиков специальная «молитва», в основе которой лежала, как указали бы современные психологи, мотивация достижений, говоря утром «Господи, помоги мне быть сегодня лучше, чем я был вчера», а вечером «Господи, помоги мне быть завтра лучше, чем я был сегодня» ([Основы русского скаутизма, 1916: 11](#)). Отметим, что весьма сильна была и религиозная составляющая «программы», так как имело место обращение к Богу.

В качестве главных идей (так называемых «законов») Съезд провозглашал принципы скаутизма, как «исполнение своего долга перед Богом, Родиной и Государем» ([Основы русского скаутизма, 1916: 11](#)), причем обозначенные дефиниции находились по убыванию своей значимости.

Другими принципами провозглашались любовь к Родине и полезность ей, честность и необходимость держать данное слово, гуманность и деятельный альтруизм, в особенности слабозащищенным категориям подданных (пожилым людям, детям и женщинам), дисциплинированность и исполнительность, вежливость, аккуратность, умение сохранять хорошее настроение и силу духа и т. п. Также требовалось подчиняться суду чести и гуманно обращаться с животными.

Отдельными пунктами далее шли так называемые «заповеди». Чем они отличались от законов и какова была их иерархическая соподчиненность/приоритетность, нам неизвестно. «Заповедей» было 10 штук (аналогия прослеживается явно, поэтому комментировать это в данном исследовании, считаем, нецелесообразным); они подразумевали бескорыстность, самоотдачу для Родины, человечества, защиту слабых, деятельную справедливость, заботу о собственном здоровье, теле и духе, воспитание силы воли, вера в будущее, набожность и пр. Многие «заповеди» были в аллегорической форме, например, «8. Расти вверх, как могучий дуб, а не стелись по земле, как ползучая ива», или «5. Пусть воля твоя будет как лук, туго натянутый» ([Основы русского скаутизма, 1916: 12](#)). Также требовалось подражать покровителю скаутов, Георгию Победоносцу, побеждая зло не только вокруг себя, но и, прежде всего, в самом себе. И, традиционно, содержался призыв к крепкой вере в Бога.

Торжественная клятва предусматривала исполнение долга «перед Богом, Родиной и Государем», ежедневную деятельную помощь близким, а также исполнение вышеназванных «законов разведчиков».

В разделе «Обычаи разведчиков» И.Н. Жуков прямо ссылается на таковые со всего мира; таким образом, можно сделать вывод, что российский скаутинг ориентировался на всемирный. Правила изложены в простой разговорной форме и сводятся к раннему подъему и быстрому вставанию с постели, некоторые правила личной гигиены, физиологии и уборки своей комнаты, методики поддержания присутствия духа, вежливость, и пр. Также прописывался запрет на курение, забрасывание начатого дела, держание рук в карманах (под данным правилом, вероятно подразумевалось неготовность к молниеносной реакции в ситуации драки, боя и пр., так как вынимание рук требует хоть небольшого, но времени – обосновывается правило фразой «иначе не будешь «Всегда готов»» ([Основы русского скаутизма, 1916: 14](#)); как видим, некоторые пионерские лозунги и элементы одежды (в частности, галстуки) были переняты Жуковым с имперского скаутского движения – *прим. авт.*). Также требовалось знание адресов всех неотложных служб.

В отряды принимались дети мужского пола 12–18 лет любых сословий и вероисповеданий; в отдельных случаях, возраст мог быть более ранним, но при условии отличающейся форменной одежды. Также были и отряды для девочек (так называемых «герл-скаутов»). Для зачисления в отряд необходимо было не только разрешение родителей, но и администрации школы.

Организация отряда описана И.Н. Жуковым следующим образом. Новички проходят обучение в течение месяца, после чего могут претендовать на звание «разведчика 2-го разряда», еще через месяц – соответственно «разведчика 1-го класса». После успешного прохождения экзамена («испытания»), он приносит клятву и имеет право носить форму.

Экзамены могут учитывать различные специализации («подача скорой помощи, пожарное дело, поварское, электротехника, телеграфное дело, садоводство, пчеловодство»), успешное прохождение которых отмечается специальным наруканым знаком; за особые заслуги даются значки «Белого Медведя» и «Волка», а также почетные звания ([Основы русского скаутизма, 1916: 15](#)).

Каждый отряд имеет свое уникальное имя. Также достаточно подробно описываются правила отдачи салюта.

«Краткие сведения о Русской организации юных разведчиков» И.Н. Жуков изложил в журнале «Юный разведчик» ([Жуков, 1916](#)). Автор говорит о пропагандируемых рыцарских, а не военизированных идеалах, и целью является привитие подрастающему поколению положительных качеств, таких как любовь к Родине, к окружающим людям и окружающему миру, воспитание силы

духа, уверенности в своих силах, доброты и щедрости и т. п. «...Юные разведчики – друзья всем и братья всем другим разведчикам не только России, но и всего мира. Однообразный во всех странах костюм разведчиков является как бы символом и прообразом будущего братства народов. ... Узелок на галстуке напоминает им об их ежедневной обязанности оказывать услуги всем, особенно старым людям, детям и женщинам» (Жуков, 1916: 315). И, конечно же, в приоритете – исполнение долга перед «Богом, Отечеством и Государем», что говорит о патриотическом направлении скаутизма в Российской империи.

В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, в «Справочник по скаутизму» была издана статья «Скаутская иерархия» (Скаутская иерархия, 1916), в которой излагалась система скаутской субординации.

Система внутреннего соподчинения актуальна лишь для тех скаутских организаций, которые входили во Всероссийский союз обществ «Русский скаут». Во главе самого Союза стоял не человек, а представительный орган – Центральный комитет Союза, которому подчинялся председатель, его заместитель и члены комитета, а также казначей и секретарь (Скаутская иерархия, 1916: 9).

Центральному комитету подчинялся Главный скаутмастер и Инспектор союза. Ниже них в системе соподчинения стояли местные скаутские Комитеты.

Скаутские ранги предусматривали следующую иерархию (в порядке убывания «званий»): начальник отряда, старший инструктор, начальник отделения, старший звеньевой, скаут со званием «волк» или «медведь», опытный скаут, скаут I разряда, скаут II разряда.

В скаутский отряд входили также помощник, избираемый начальником отряда, штаб (куда входили старший скаутмастер, инструкторы, завхоз, врач, секретарь и казначей), начальник отделения и его помощник, старший звеньевой и, собственно, скауты.

Отряд включал в себя 8 отделений, состоящих из 4 звеньев, каждое из которых насчитывало 10 скаутов (Скаутская иерархия, 1916: 10).

Как было указано выше, молодежное движение включало не только военно-патриотические, но и социально-религиозные движения. Одним из наиболее крупных и известных являлся уже упомянутый «Христианский союз молодых людей «Маяк». Целью таких обществ ставилась социальная работа, то есть помощь нетрудоспособным гражданам, многодетным семьям, добровольная и бесплатная работа в больницах, сиротских приютах и т. п. Одним из документов является статья «Социальная работа молодых христиан», являющаяся выдержкой из обращения «Маяка» к молодежи Петрограда; документ введен в научный оборот авторами сборника «Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг.» (Социальная работа..., 2002). Данный источник датирован 1917 годом, то есть в разгар революционной и на фоне весьма сложной фронтовой ситуации.

В обращении содержится призыв к трудящейся молодежи старше 17-летнего возраста вступить в ряды «Маяка», указывая на возможность полезного проведения досуга, самосовершенствования как физического, так и духовного. Членство в обществе было бесплатным, за исключением образовательных программ (преподавалась кратковременная школьная программа, а именно письмо, чтение, арифметика, русский и иностранные языки, черчение и пр.); за дополнительную плату, предоставлялась возможность игры на различных музыкальных инструментах, сольного и хорового пения и пр. Также можно было заниматься и гимнастическими упражнениями, программы которых предусматривались для всех возрастов (Социальная работа..., 2002: 21).

Бесплатно проводились научные лекции, концерты, экскурсии, а также библиотечные услуги с выдачей книг на дом. Также, при «Маяке» функционировал «центр занятости», который мог содействовать в трудоустройстве.

И, наконец, нельзя не отметить документ, который описывает движение так называемого русского «сокольства» – молодежного движения военно-патриотической направленности. Документ этот представляет выдержку из изложения Основ русского сокольства «В мышцах – сила, в сердце – отвага, в мыслях – родина» (Из изложения основ ..., 2002) и впервые был опубликован в сборнике документов «Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг.» (Русское и советское..., 2002: 10). Как уже было указано выше, сокольское движение входит в сферу научных интересов современных ученых (см., в частности, Батова, Ставцева, 2023; Качулина, 2015).

Основы пропагандируют следующие принципы воспитания молодежи, которые весьма сильно совпадают с движением скаутизма (следовательно, не будет ошибки «соколизм» считать разновидностью скаутизма) (Русское и советское..., 2002: 10):

- «Гармоничное развитие духа и тела» путем постоянного «совершенствования на пользу своего народа... и всего человечества»;
 - Обязательное физическое воспитание («гимнастическо-воспитательную систему М. Тырша»)
- и личное самосовершенствование и самообразование;
- Братство;
 - Деятельная активность и «служение Русскому Народу»;
 - Борьба с денационализацией;

– Крепкая семейственность как в прямом смысле, так и в отношении «сокольской» организации;

– Религиозность и, одновременно, веротерпимость («должно быть верно своей вере, относясь в то же время ко всем другим религиям со свойственными Русскому Народу уважением и доброжелательством»).

– Активное общемировое сотрудничество, взаимопомощь, основанная на принципах классовой, сословной, религиозной, расовой и национальной толерантности («...сокольство стремится к установлению мирного сотрудничества всех классов на принципах братских отношений, справедливости, права и равенства во имя общего блага»).

Символом сокольства был трехцветный национальный бело-сине-красный флаг – российский «триколор».

Может ввести в заблуждение постоянное упоминание эпитетов «славянский», «русский», «русский народ» и пр., что может привести к ошибочной трактовке положений Основ как проявления русского национализма и даже нацизма. Однако этимология понятий «русский» и «российский» в дореволюционной России были абсолютными синонимами, в отличие от сегодняшнего дня; а термин «славянский» ассоциировался с «Великой Россией», то есть с большой общей Родиной. Следовательно, указанные Основы русского сокольства с точки зрения дореволюционной русскоязычной этимологии не несли какого-либо националистического контекста.

5. Заключение

Молодежное религиозное или военно-патриотическое скаутское движение в Российской империи стало активно развиваться с начала XX века, следуя в этом плане общемировым тенденциям.

Организации можно условно разделить на религиозные и скаутские. К первым относится наиболее известное христианское молодежное общество «Маяк». Главной его целью, особенно в военный период, была социальная работа, то есть помощь нетрудоспособным гражданам, многодетным семьям, добровольная и бесплатная работа в больницах, сиротских приютах и т. п. Также оно предоставляло образовательные услуги, занималось организацией культурно-духовного досуга.

Скаутские организации имели ярко выраженную военно-патриотическую специфику с соответствующей воинской системой организации и соподчиненности. Главной их целью было формирование личности ребенка, на основе принципов патриотизма, честности, гуманности, добродушия, бережливости, бережного отношения к природе и пр.

Особое внимание в скаутских обществах уделялось физическому воспитанию, а также некоторым специфичным навыкам войскового разведчика (основы выживания в дикой природе, следопытства, обращения с оружием и пр.).

Литература

[Батова, Ставцева, 2023](#) – Батова Е.А., Ставцева В.Г. Сокольская гимнастика в системе физического воспитания студентов-медиков // *Наука-2020*. 2023. № 1 (62). С. 69-73.

[Будь готов, скаут, 1910](#) – «Будь готов, скаут!». Правила Организации юных скаутов // *Юный разведчик*. М., 1910.

[Бусько, 2019](#) – Бусько С.И. Молодежь в революции 1905-1907 гг. (на примере белорусских губерний) // *София: электронный научно-просветительский журнал*. 2019. № 1. С. 133-138.

[Горлова, 2018](#) – Горлова Н.И. Опыт волонтерской деятельности школьников в годы Первой мировой войны: исторический обзор // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2018. № 2. С. 17-22.

[Григорьевых, 2017](#) – Григорьевых Ю.Е. Революции 1917 года в России и создание молодежных организаций в Прикамье // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право*. 2017. № 3. С. 52-58.

[Егоров, 2018](#) – Егоров В.В. Христианские и военно-патриотические молодежные организации в России дореволюционного периода / *Актуальные проблемы, технологии и инновации в образовании и науке. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции*. Волгоград: Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, 2018. С. 52-57.

[Жуков, 1916](#) – Жуков И.Н. Краткие сведения о Русской организации юных разведчиков // *Юный разведчик*. Пг., 1916.

[Из изложения основ..., 2002](#) – В мышцах – сила, в сердце – отвага, в мыслях – родина. Из изложения основ Русского Сокольства / Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг. / Сост. П.П. Александров-Деркаченко. М.: ОМП-Пресс, 2002.

[Ильинский, 2001](#) – Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия, история, теория. М.: Голос, 2001.

[Качулина, 2015](#) – Качулина Н.Н. Развитие сокольского движения в российской империи в конце XIX – начале XX вв. // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 6-1. С. 223-225.

Кузьмин, 2016 – Кузьмин Р.Я. Український студентський союз: центральний координаційний орган студентських товариств Галичини в 1909-1914 роки // *Гілея: научний вестник*. 2016. № 110 (7). С. 46-51.

Осипов, 2013 – Осипов Р.П. Молодежное движение орловского региона в 1870–1904 гг. // *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2013. № 3 (32). С. 208-211.

Основы русского скаутизма, 1916 – Основы русского скаутизма. Из документов первого Всероссийского съезда инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом / Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о Русской организации юных разведчиков. Пг., 1916.

Русское движение..., 1905 – Русское движение христианской молодежи. Из устава общества содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей «Маяк» / Пятый год жизни и деятельности общества «Маяк». СПб., 1906.

Русское и советское..., 2002 – Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг. / Сост. П.П. Александров-Деркаченко. М.: ОМП-Пресс, 2002.

Скаутская иерархия, 1916 – Скаутская иерархия / Справочник по скаутизму. М., 1916.

Соколова, 2010 – Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. М., 2010.

Соколова, 2014 – Соколова В.И. Зарождение молодежного движения в мире (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Вестник Чувашского университета*. 2014. № 4. С. 85-90.

Социальная работа..., 2002 – Социальная работа молодых христиан. Из обращения Христианского союза молодых людей к молодежи Петрограда / Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг. Сост. П.П. Александров-Деркаченко. М.: ОМП-Пресс, 2002.

Честь – превыше всего, 1911 – «Честь – превыше всего!» Правила потешных Пятой сибирской стрелковой дивизии // *Потешный*. 1911. № 10.

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. Vol. (5). Is. 1. Pp. 4-11.

References

Batova, Stavtseva, 2023 – Batova, E.A., Stavtseva, V.G. (2023). Sokol'skaya gimnastika v sisteme fizicheskogo vospitaniya studentov-medikov [Sokolskaya gymnastics in the system of physical education of medical students]. *Nauka-2020*. 1(62): 69-73. [in Russian]

Bud' gotov, skaut, 1910 – «Bud' gotov, skaut!». Pravila Organizatsii yunyh skautov [“Be ready, scout!”. Rules of the Young Scout Organization]. *Yunyi razvedchik*. M., 1910. [in Russian]

Bus'ko, 2019 – Bus'ko, S.I. (2019). Molodezh' v revolyutsii 1905-1907 gg. (na primere belorusskikh gubernii) [Youth in the revolution of 1905–1907 (using the Belarusian provinces as an example)]. *Sofiya: elektronnyi nauchno-prosvetitel'skii zhurnal*. 1: 133-138. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov, A.A., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 4-11.

Chest' – prevyshe vsego, 1911 – «Chest' – prevyshe vsego!» Pravila poteshnykh Pyatoi sibirskoi strelkovoi divizii [“Honor above all!” Rules for the Fifth Siberian Rifle division's amusing games]. *Poteshnyi*. 1911. № 10. [in Russian]

Egorov, 2018 – Egorov, V.V. (2018). Khristianskie i voenno-patrioticheskie molodezhnye organizatsii v Rossii dorevolutsionnogo perioda [Christian and military-patriotic youth organizations in pre-revolutionary Russia]. *Aktual'nye problemy, tekhnologii i innovatsii v obrazovanii i nauke. Sbornik nauchnykh statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Volgograd: Volgogradskii kooperativnyi institut (filial) Rossiiskogo universiteta kooperatsii. Pp. 52-57. [in Russian]

Gorlova, 2018 – Gorlova, N.I. (2018). Opyt volonterskoi deyatelnosti shkol'nikov v gody Pervoi mirovoi voiny: istoricheskii obzor [The experience of schoolchildren's volunteering during the First World War: a historical review]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. 2: 17-22. [in Russian]

Grigor'evykh, 2017 – Grigor'evykh, Yu.E. (2017). Revolyutsii 1917 goda v Rossii i sozдание molodezhnykh organizatsii v Prikam'e [The revolutions of 1917 in Russia and the creation of youth organizations in the Kama region]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*. 3: 52-58. [in Russian]

Il'inskii, 2001 – Il'inskii, I.M. (2001). Molodezh' i molodezhnaya politika. Filosofiya, istoriya, teoriya [Youth and youth policy. Philosophy, history, theory]. M.: Golos. [in Russian]

Iz izlozheniya osnov..., 2002 – V myshtsakh – sila, v serdtse – otvaga, v myslyakh – rodina. Iz izlozheniya osnov Russkogo Sokol'stva [Strength in the muscles, courage in the heart, homeland in the

mind. From the foundations of the Russian Falconry]. Russkoe i sovetskoe molodezhnoe dvizhenie v dokumentakh 1905–1937 gg. Sost. P.P. Aleksandrov-Derkachenko. M.: OMP-Press, 2002. [in Russian]

[Kachulina, 2015](#) – *Kachulina, N.N.* (2015). Razvitie sokol'skogo dvizheniya v rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX vv. [Development of the Sokol movement in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 6-1: 223-225. [in Russian]

[Kuz'min, 2016](#) – *Kuz'min, R.Ya.* (2016). Ukraïns'kii students'kii soyuz: tsentral'nii koordinatsiini organ students'kikh tovaristv Galichini v 1909-1914 roki [Ukrainian Students' Union: The Central Coordinating Body of Student Associations in Galicia in 1909-1914]. *Gileya: nauchnyi vestnik*. 110(7): 46-51. [in Ukrainian]

[Osipov, 2013](#) – *Osipov, R.P.* (2013). Molodezhnoe dvizhenie orlovskogo regiona v 1870–1904 gg. [Youth movement of the Oryol Region in 1870–1904]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye humanitarnye issledovaniya*. 3(32): 208-211. [in Russian]

[Osnovy russkogo skautizma, 1916](#) – *Osnovy russkogo skautizma*. Iz dokumentov pervogo Vserossiiskogo s"ezda instruktorov i lits, interesuyushchikhsya skautizmom [Fundamentals of Russian scouting. From the documents of the first all-Russian congress of instructors and persons interested in scouting]. Zhukov I.N. Russkii skautizm. Kratkie svedeniya o Russkoi organizatsii yunikh razvedchikov. Pg., 1916. [in Russian]

[Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.

[Russkoe dvizhenie..., 1905](#) – *Russkoe dvizhenie khristianskoi molodezhi*. Iz ustava obshchestva sodeistviya npravstvennomu, umstvennomu i fizicheskomu razvitiyu molodykh lyudei «Mayak» [Russian christian youth movement. From the charter of the society for promoting the moral, mental, and physical development of young people “Mayak”]. Pyaty god zhizni i deyatel'nosti obshchestva «Mayak». SPb., 1906. [in Russian]

[Russkoe i sovetskoe..., 2002](#) – *Russkoe i sovetskoe molodezhnoe dvizhenie v dokumentakh 1905–1937 gg.* [Russian and soviet youth movement in documents from 1905–1937]. Sost. P.P. Aleksandrov-Derkachenko. M.: OMP-Press, 2002. [in Russian]

[Skautskaya ierarkhiya, 1916](#) – *Skautskaya ierarkhiya* [Scout hierarchy]. Spravochnik po skautizmu. M., 1916. [in Russian]

[Sokolova, 2010](#) – *Sokolova, V.I.* (2010). Molodezh' Chuvashii v 1917–1985 gody: istoricheskii opyt realizatsii sovetskoi molodezhnoi politiki [Youth of Chuvashia in 1917–1985: historical experience of implementing soviet youth policy]. Diss. na soisk. uch. st. doktora ist. nauk. M. [in Russian]

[Sokolova, 2014](#) – *Sokolova, V.I.* (2014). Zarozhdenie molodezhnogo dvizheniya v mire (vtoraya polovina KhIKh – nachalo XX vekov) [The emergence of the youth movement in the world (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4: 85-90. [in Russian]

[Sotsial'naya rabota..., 2002](#) – *Sotsial'naya rabota molodykh khristian*. Iz obrashcheniya Khristianskogo soyuza molodykh lyudei k molodezhi Petrograda [Social work of young christians. From the appeal of the Christian union of young people to the youth of Petrograd]. Russkoe i sovetskoe molodezhnoe dvizhenie v dokumentakh 1905–1937 gg. Sost. P.P. Aleksandrov-Derkachenko. M.: OMP-Press, 2002. [in Russian]

[Zhukov, 1916](#) – *Zhukov, I.N.* (1916). Kratkie svedeniya o Russkoi organizatsii yunikh razvedchikov [Brief information on the Russian organization of young scouts]. *Yunyi razvedchik*. Pg. [in Russian]

К вопросу о развитии русского молодежного движения (1905–1917): некоторые страницы

Олег Евгеньевич Чуйков ^{a, *}, Игорь Анатольевич Гордеев ^b, Светлана Александровна Савостьянова ^c,
Илья Владимирович Тюрин ^d

^a Курский государственный медицинский университет Минздрава России, Курск, Российская Федерация

^b Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^c Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: chuiikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков)

Аннотация. Рукопись посвящена анализу молодежных военно-патриотических (скаутских) и религиозных объединений в Российской империи в начале XX века на основе их уставов и правил, опубликованных в дореволюционных периодических изданиях. Материалом для данной работы послужил ряд источников, посвященных молодежному движению дореволюционной России. Методологическую основу исследования составляют метод контент-анализа, системный анализ и др.

Молодежное религиозное или военно-патриотическое скаутское движение в Российской империи стало активно развиваться с начала XX века, следуя в этом плане общемировым тенденциям.

Организации можно условно разделить на религиозные и скаутские. К первым относится наиболее известное христианское молодежное общество «Маяк». Главной его целью, особенно в военный период, была социальная работа, то есть помощь нетрудоспособным гражданам, многодетным семьям, добровольная и бесплатная работа в больницах, сиротских приютах и т.п. Также оно предоставляло образовательные услуги, занималось организацией культурно-духовного досуга.

Скаутские организации имели ярко выраженную военно-патриотическую специфику с соответствующей воинской системой организации и соподчиненности. Главной их целью было формирование личности ребенка, на основе принципов патриотизма, честности, гуманности, добродушия, бережливости, бережного отношения к природе и пр.

Особое внимание в скаутских обществах уделялось физическому воспитанию, а также некоторым специфичным навыкам войскового разведчика (основы выживания в дикой природе, следопытства, обращения с оружием и пр.).

Ключевые слова: молодежное движение в Российской империи, история молодежного движения, молодежное движение, Российская империя, начало XX века.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 469-478
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.469

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Phenomenon of Student Press in the Early 20th Century as an Object of Historical Anthropology: Toward a Reading of “Texts from Below” (“Artichokes and Almonds” and “Anopheles”)

Ruslan A. Tleptsok ^{a, *}

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article explores the phenomenon of student periodicals in the Russian Empire in the early 20th century through the lens of historical anthropology. The key objects of analysis are the handwritten journals of the Petrovskaya Agricultural Academy – “Artichokes and Almonds” and “Anopheles” – which are considered valuable “texts from below” that allow us to reconstruct the everyday life, mentality, and practices of students. The paper highlights the methodological difficulties of attribution and typology of student publications, conditioned by the liminal status of students as a social group and the mixed composition of editorial boards. The author thoroughly analyzes how the texts of these journals constructed group identity, expressed protest sentiments through Aesopian language, satire, and irony, and captured key aspects of everyday life: the “stomach economy” and gastronomic practices (using the restaurant “Martyanich” as an example), the semiotics of clothing, gender relations, and bodily practices. It is concluded that student periodicals represent a comprehensive source for studying not only political ideas but also the formation of new social identities, the “history of feelings”, and the symbolic codes of student subculture in the pre-revolutionary era.

Keywords: historical anthropology, Petrovskaya Agricultural Academy, student press, “texts from below”, the everyday life of students in the Russian Empire, “Artichokes and Almonds”, “Anopheles”, microhistory.

1. Введение

Студенческая среда Российской империи второй половины XIX – начала XX в. с точки зрения исторической антропологии представляет собой уникальное социальное и культурное пространство («микрокосм»), выступавшее мощным генератором общественных идей и одним из основных очагов формирования протестного дискурса. Именно в этой среде, через призму повседневных практик, коммуникации и формирования корпоративной идентичности, кристаллизовались новые модели социального поведения и интеллектуальные стратегии. Функции студенческой периодики начала XX в. были многогранны, не ограничиваясь трансляцией актуальных знаний и интеллектуального обмена; она играла ключевую роль в консолидации академического сообщества, формировании корпоративной культуры и становлении самостоятельной общественной позиции студенчества.

В Российской империи всплеск самостоятельной издательской активности студентов пришёлся на конец XIX в., а своего апогея достиг в начале XX в. Однако классификация этого спектра периодической печати сопряжена со значительными методологическими сложностями, вытекающими из самой природы явления. Ключевыми проблемами являются атрибуция и типология студенческих изданий. При обращении к персонификации издания важным становится критерий

* Corresponding author

E-mail addresses: bum102@yandex.ru (R.A. Tleptsok)

редакционной коллегии. Наиболее простой для идентификации случай – издания, редколлегия которых состояла исключительно из студентов. Однако значительно чаще встречались смешанные редакции, включавшие преподавателей, выпускников или даже учащихся других учебных заведений. Подобное сотрудничество, с одной стороны, обогащало содержание, а с другой – размывало границы сугубо «студенческого» голоса, что требует более гибкого подхода к классификации. Антропологический подход позволяет выявить ключевые методологические сложности атрибуции и типологии этих изданий, которые проистекают из самой природы студенчества как переходной, «лиминальной» социальной группы. Проблема персонификации, например, через анализ редакционной коллегии, показывает, что границы «студенческого голоса» были крайне подвижны. Наиболее интересны для исследования именно смешанные редакции, включавшие преподавателей, выпускников и учащихся других заведений, поскольку они демонстрируют сложность сетевых связей и процесс культурной трансмиссии, размывавший чёткие корпоративные рамки.

Не менее значима с антропологической точки зрения и проблема тематической принадлежности. Деятельность студентов-журналистов не ограничивалась университетским микрокосмом, активно осваивая внешнее пространство. В таких случаях фокус идентичности смещался с принадлежности к студенческой корпорации на лояльность политическим партиям, художественным течениям (символизм, футуризм) или профессиональным сообществам. Это требует от исследователя анализа не столько формальных критериев, сколько того, как в текстах конструировалась и переживалась эта множественная идентичность. Несмотря на эти сложности, к началу XX в. оформились две основные модели университетской периодики, отражавшие разные стороны студенческой жизни. Официальная («Известия», «Ученые записки») выполняла репрезентативную функцию, интегрируя студенчество в академическую иерархию. Неофициальная или полуофициальная ветвь, получившая мощный импульс после ослабления цензуры в 1905–1907 гг., представляла собой «поле экспериментов» – от литературных альманахов и юмористических листков до политических прокламаций. Она была пространством, где в непосредственной практике создания текстов (например, в литературном «Артишоки и миндаль» или сатирическом «Анофелес» Тимирязевской академии) формировался язык, ценности и символические коды студенческой субкультуры. Целью данного исследования является анализ студенческих журналов Московского сельскохозяйственного института (в 1917 г. ему вернули историческое название – Петровская сельскохозяйственная академия) «Артишоки и миндаль» и «Анофелес» как комплексных источников для изучения студенческой субкультуры.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования сформирована на основе комплекса опубликованных и неопубликованных источников, которые можно разделить на три основные группы. Первую группу составили архивные документы. Для реконструкции истории студенческой жизни и печати были привлечены документы из Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ) (Москва, Российская Федерация), а именно: Фонд 453 «Голицынские высшие женские сельскохозяйственные курсы» – использована переписка администрации курсов с попечителем учебного округа, касающаяся регулирования студенческих собраний и публикаций, что позволило провести сравнительный анализ гендерных аспектов в студенческой среде; Фонд 459 «Канцелярия Попечителя Московского учебного округа, г. Москва. 1836–1917». В работе привлечён корпус циркуляров ректората и отчётной документации инспекторов. Эти источники являются ценным ресурсом для изучения институциональных стратегий надзора за неформальными студенческими объединениями и так называемой «негласной» (неофициальной и зачастую оппозиционной) печатью, раскрывая систему превентивных и запретительных мер, реализуемых образовательной бюрократией.

Вторую группу составили сборники опубликованных документов и нормативные акты. Для определения правового поля, в котором функционировали высшие учебные заведения и их студенческие сообщества, исследование опирается на корпус официальных законодательных и справочных изданий. Анализ данной группы источников проведён в диахроническом ключе, что позволяет проследить эволюцию государственной политики в отношении академических прав и автономии. Устав Петровской земледельческой и лесной академии 1865 г. (Устав..., 1865) – базовый документ, закрепляющий первоначальные принципы организации академии и положения её слушателей. Устав Петровской земледельческой и лесной академии 1873 г. (Устав..., 1873) отражает изменения в управленческой и образовательной парадигме после периода «контрреформ» и ужесточения контроля над студенчеством. Положение о Московском сельскохозяйственном институте 1894 г. (Положение, 1894) – знаковый нормативный акт, фиксирующий окончательное оформление статуса института и его внутреннего распорядка на рубеже веков. Сравнительно-сопоставительный анализ этих уставов позволил выявить динамику ограничений и разрешений в сфере студенческой самоорганизации и печати.

Третья группа представлена материалами дореволюционной периодической печати. Данная группа источников обеспечивает непосредственный доступ к голосам изучаемой среды, выполняя функцию как репрезентативного, так и коммуникативного источника. В центре исследования

находятся сатирические студенческие журналы, являющиеся концентрированным выражением корпоративного самосознания, юмора и критической мысли. «Артишоки и миндаль» (1913 г.) – ежемесячный сатирический журнал, чьё содержание служит ценным материалом для анализа повестки дня, языковых кодов и форм самоиронии студенчества. «Анофелес» (1914 г.) – другое значимое периодическое издание, позволяющее через призму сатиры и карикатур реконструировать реакции студенческой среды на актуальные общественно-политические и академические события. Официальные и общественно-политические издания в данном исследовании также представлены. Для создания целостного контекста и выявления диалога между студенчеством и обществом привлекались официальные издания администраций вузов и ведущие общественно-политические журналы и газеты соответствующего периода. Это позволяет соотнести «внутренний» мир студенческой печати с «внешним» дискурсом. Таким образом, комплексное использование всех трёх групп источников создаёт надёжную основу для многоаспектного исследования феномена студенческой жизни и печати в Российской империи начала XX в.

Журнал «Артишоки и миндаль» (1913) демонстрирует сложную семиотику студенческой культуры. Название журнала, сочетающее аграрную символику (артишок) и метафорическое осмысление действительности (миндаль), отражает гибридный характер студенческого дискурса. Структурно журнал включал несколько рубрик, где через сатиру репрезентировались аспекты академического быта, а также материалы, фиксирующие повседневные практики и гастрономические привычки студенчества. Издание Студенческого общества самообразования журнал «Анофелес» (1914) акцентирует исследовательское внимание уже на проблематике названия. Семиотика названия (*Anopheles* – лат. малярийный комар) функционирует на двух уровнях: как отражение естественнонаучной ориентации академии и как метафора «заражения» либеральными идеями. Значимо, что журнал издавался в пространстве неформального клуба «Спиридоньч», чьё название отсылает к Святому Спиридону Тримифунтскому – покровителю земледелия, что иллюстрирует процесс секуляризации религиозных символов в академической среде. Таким образом, корпус студенческой периодики Петровской сельскохозяйственной академии представляет собой уникальный комплекс источников для реконструкции не только идеологических позиций, но и повседневных практик, эмоционального ландшафта и символических кодов студенческой субкультуры предреволюционной эпохи.

Методологической основой исследования является историческая антропология, ориентированная на реконструкцию повседневности, ментальности и практик прошлого. В рамках данного подхода применялись различные методы. Микроисторический анализ позволил детально изучить конкретные выпуски журналов «Артишоки и миндаль» и «Анофелес» – для раскрытия через них более широких социальных и культурных процессов. Текстуальный и дискурс-анализ способствовали выявлению в материалах журналов (фельетонах, сатирических заметках, поэзии, карикатурах) языковых кодов, символов, нарративных стратегий и способов конструирования групповой идентичности («свой/чужой»). Семиотический анализ позволил «прочитать» интерпретацию культурных кодов, заложенных в названиях журналов и клуба «Спиридоньч», а также в семиотике одежды и телесных образов в карикатурах. Привлечение методов истории эмоций способствовало научному анализу проявлений специфических эмоциональных состояний, таких как «*Studentische Schwermut*» (студенческая меланхолия), в текстах журналов для реконструкции эмоционального ландшафта студенчества. Критерием отбора источников стало документально подтверждённое участие студентов Петровской академии в создании и редакционной работе данных изданий.

3. Обсуждение

Историографический анализ проблемы студенческой печати начала XX в. демонстрирует эволюцию исследовательских подходов. Наметившийся уже в дореволюционный период процесс историографического осмысления (Сватиков, 1916) продолжился в советский период (работы П.С. Гусятникова, А.Н. Ацаркина, Г.А. Тишкина, В.В. Пешникова), в рамках которого рассматриваемая проблематика изучалась преимущественно в русле истории КПСС и комсомола (Ацаркин, 1933). Изучение дореволюционной студенческой печати осуществлялось через призму марксистско-ленинской идеологии с акцентом на её революционную и антиправительственную роль (Гусятников, 1971). Историография изучаемой проблематики формировалась под влиянием генеральной линии партии, которая видела в печати прежде всего инструмент агитации и пропаганды. Основное внимание уделялось изданиям, которые трактовались как часть революционного движения и борьбы с самодержавием. Ценность студенческой печати виделась в распространении «передовых» идей и критике государственного строя. Студенческие издания анализировались с точки зрения их социального происхождения и ориентации на «прогрессивные» силы общества (Тишкин, 1976). Одобрялись те из них, которые, по мнению исследователей, выражали интересы демократической молодёжи. Советские исследователи обращались к истории студенческой печати прежде всего для демонстрации исторической преемственности и обоснования правильности

избранного политического курса (Пешников, 1973). Этот подход отличался идеологической заданностью и игнорировал внутренний мир, мотивацию и культурные практики самих студентов.

С конца 1980-х – начала 2000-х гг. наметился поворот к более комплексному изучению темы. Исследования А.Н. Болкунова, Ю.А. Носовой, Н.Н. Юркиной и других авторов стали рассматривать студенческую печать как элемент корпоративной культуры и самоидентификации. В фокусе внимания оказались механизмы самоорганизации, дискуссии о роли интеллигенции и повседневная жизнь вузов (Болкунов, 2008). Современный этап характеризуется интеграцией методологии исторической антропологии и новой интеллектуальной истории. Студенческие журналы и газеты анализируются не как пассивные проводники идеологии, а как «тексты практик», реконструирующие систему ценностей, языки самоописания и стратегии поведения в условиях революционной трансформации (Носова, 2007). Таким образом, в историографии произошёл переход от анализа содержания изданий к изучению через них человеческого измерения истории. Для этого этапа характерен отход от жёстких идеологических схем и поворот к более комплексному изучению темы. В фокус внимания исследователей попадают корпоративная культура, самоидентификация и повседневная жизнь студенчества (Юркина, 2023). Ярким примером системного исследования является монография А.Е. Иванова «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации» (Иванов, 2004), в которой студенчество изучается как особая социальная группа со своими традициями и практиками самоорганизации. Таким образом, историография феномена студенческой печати проделала путь от идеологизированного освещения до комплексного анализа, в рамках которого историко-антропологический подход открывает возможности для реконструкции человеческого измерения истории.

4. Результаты

Мощным импульсом для развития, особенно неофициальной ветви, стало ослабление цензуры после событий 1905–1907 гг. Введение «Временных правил о печати» в 1905 г. способствовало настоящему буму студенческих изданий, которые стали важным элементом общественного дискурса предреволюционной эпохи. Таким образом, студенческая периодика рубежа веков представляет собой сложный, многогранный и неоднородный феномен. Его изучение требует комплексного подхода, учитывающего состав редакций, тематику, целевую аудиторию и общественно-политический контекст. По мере накопления и систематизации данных о конкретных изданиях (таких как литературный «Артишоки и миндаль» или сатирический «Анофелес») становится возможным построение более чёткой и репрезентативной типологии. На современном этапе правомерным критерием для формирования исследовательской выборки служит сам факт документально подтверждённого участия студентов в создании того или иного журнала или газеты, что позволило очертить масштабы и значимость этого уникального культурно-исторического явления. Таким образом, изучение студенческой периодики через призму исторической антропологии позволяет рассматривать её не просто как набор изданий, а как сложный, многогранный феномен повседневности, в котором отражались процессы становления личности, групповых границ и взаимодействия с властными структурами. Критерием для исследовательской выборки в этом контексте становится документально подтверждённое участие студентов в создании изданий, что открывает возможность для реконструкции внутреннего мира, практик и идентичностей студенчества предреволюционной эпохи.

Петровская земледельческая и лесная академия (ныне – Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева), основанная в 1865 г., в этом отношении была одним из наиболее значимых центров. Её демократичный устав, допускавший обучение лиц всех сословий, и концентрация прогрессивно мыслящей молодёжи и профессуры создавали уникальную атмосферу, благоприятную для свободомыслия и критического осмысления действительности (Устав, 1865: 1). Важнейшим проявлением этой атмосферы стало возникновение полулегальных студенческих изданий, среди которых особое место занимают журналы «Артишоки и миндаль» и «Анофелес». Эти издания, известные сегодня лишь по фрагментарным фиксациям в историографии, сохранились и представляют собой ценный исторический источник для изучения повседневной жизни, ценностных ориентаций и форм протестной активности студенчества дореволюционного времени. Для осуществления системного анализа нелегальной студенческой периодики в контексте протестного дискурса, характерного для студенчества Петровской академии начала XX в., необходимым представляется разрешение нескольких задач. Прежде всего – реконструкция историко-культурного контекста академии как среды возникновения издания, выявление идейных и тематических особенностей содержания журнала, анализ форм и методов выражения протестных настроений (сатира, ирония, прямые требования) и, наконец, определение места журналов в системе периодики того времени.

Рассмотрение студенческого журнала начала XX в. через призму исторической антропологии позволяет выйти за рамки чисто политической или литературной истории и погрузиться в повседневный жизненный мир, ментальность и практики молодого интеллигента той эпохи. Такой журнал представляет собой уникальный «текст снизу», сквозь который можно реконструировать не

только идеи, но и саму «человеческую ткань» истории – ценности, страхи, язык, формы общения и солидарности. Прежде всего, это касается структур повседневности и «истории чувств». Официальные документы и мемуары часто дают внешний, отрефлексированный взгляд. Нелегальное или полуполегалное, рукописное студенческое издание – это моментальный снимок текущих переживаний. В его материалах (фельетонах, стихах, отчётах о собраниях) запечатлена повседневность студенчества. Здесь как отражение материального мира: описания быта в съёмных комнатах, трудности с финансированием издания, «меню» бедного студента, так и поведенческие практики, вобравшие в себя процесс тайной редакционной работы, конспиративные встречи, ритуалы посвящения в кружки, которые часто описывались или высмеивались. Не менее значим и эмоциональный ландшафт. Язык журнала передаёт специфический сплав юношеского максимализма, тоски (*Studentische Schwermut*), чувства социальной несправедливости и энтузиазма веры в грядущие перемены. Это прямая дорога к «истории эмоций».

Термин «*Studentische Schwermut*» (нем. – студенческая меланхолия, хандра) использовался в немецком языке и для описания специфического эмоционального состояния, связанного с жизнью студенчества. Это понятие сложилось в немецкой академической традиции в конце XIX в. и описывало особую форму меланхолии или хандры, присущую студенческой среде. Культурный феномен «*Studentische Schwermut*» – это не просто депрессия, а скорее романтизированное, рефлексивное состояние, характерное для молодых людей в период интенсивного интеллектуального и личностного становления. Оно сочетает в себе чувство одиночества, тоски, критическое восприятие мира и поиск своего места в нём. Использование термина в научных работах, особенно по исторической антропологии или истории образования, служит важным аналитическим инструментом – ключом к пониманию ментальности мира студентов, позволяет исследователям глубже понять внутренний мир, повседневность и эмоциональный ландшафт студентов прошлого, что, в свою очередь, помогает реконструировать не только их политические или академические практики, но и субъективные переживания. Анализ студенческой периодики, структурного наполнения студенческих журналов – идеальный источник для изучения этого феномена. Через поэзию, личные заметки, сатиру и дискуссии в «Артишоки и миндаль» и «Анофелес» можно увидеть проявления этой коллективной меланхолии, часто переплетавшейся с социальным протестом.

Не менее значимым представляется и конструирование групповой идентичности посредством дифференциации «свой/чужой». Журналы являлись не просто рупором, а инструментом создания воображаемого сообщества единомышленников. Важными в данном контексте становятся язык и используемая кодификация. Журналы «Артишоки и миндаль» и «Анофелес» относятся к категории рукописных студенческих журналов, распространённых в высших учебных заведениях России начала XX в. Подобные издания были формой внутренней коммуникации, средством самовыражения и сплочения студенческого сообщества. Их полуполегалный статус определял способ распространения – чаще всего в узком кругу доверенных лиц. Возникший на рубеже 1913–1914 гг. студенческий журнал «Анофелес» представляет собой характерный продукт интеллектуальной и общественной жизни академии периода Первой русской революции. Издание, выпущенное в количестве шести номеров, было инициативой «Студенческого общества самообразования». Значимо, что деятельность этого «Общества» была сосредоточена в неформальном студенческом клубе, располагавшемся в одном из корпусов академии и носившем название «Спиридоньч». Данное название отсылает к фигуре Святого Спиридона Тримифунтского, почитаемого в христианской традиции в качестве небесного покровителя земледелия, скотоводства и крестьянского труда. Уже сам этот факт позволяет выявить специфическую культурную семиотику студенческой среды. Выбор столь специфического патроната для клуба, в стенах которого издавался журнал, носящий научное название (от лат. *Anopheles* – малярийный комар), может быть интерпретирован как проявление характерного для российской интеллигенции сложного отношения к традиции. С одной стороны, здесь присутствует формальное признание аграрной специфики Альма-матер через апелляцию к религиозному символу.

С другой – эта отсылка, будучи помещена в контекст прогрессистского и, вероятно, оппозиционного по духу издания, приобретает несомненные черты интеллектуальной иронии и светской перекодировки сакрального образа. Название журнала «*Anopheles*» – это род комаров, переносающих малярию, что символизировало «заражение» идеями свободы и критики существующих порядков. Это название также отражало интерес студентов к естественным наукам, которые были основой образования в академии. Таким образом, название клуба «Спиридоньч» служит ярким примером гибридизации традиционного и современного дискурсов в академическом сообществе начала XX в.

Название второго журнала – «Артишоки и миндаль» – уже само по себе является любопытным культурным артефактом. Оно сочетает в себе символы, отсылающие к аграрному профилю заведения (артишок как сельскохозяйственная культура), и образы, указывающие на иронию, экзотику или метафорическое осмысление действительности (миндаль). Такое название отражало творческий, несколько эпатажный дух создателей. Использование специфического жаргона, ироничных клише для профессоров и властей, цитат из «своих» авторов (К. Маркса, Ф. Ницше, Н.К. Михайловского) служили маркером принадлежности. Тот, кто понимал эти коды, был «свой». Через сатиру и критику

конструировался образ «чужого» – чиновника – «бюрократа», профессора – «ретрограда», благонамеренного однокурсника – «конформиста». Текстуальный анализ журналов позволяет фиксировать, как внутри небольшой группы формируются механизмы включения и исключения.

Историческая антропология уделяет внимание телесным практикам. Нелегальная деятельность редакций накладывала на студенческую периодику особый отпечаток, явственно проявившийся в политике жестов. Карикатуры и описания в журнале (например, изображение городского с брюхом или министра с жабьей головой) были не просто иллюстрациями, а актами символического насилия, «развенчания» власти через унижение её телесного образа. Характерным примером служит аллегорическая карикатура «Слон и Моська» на страницах «Анофелеса». Где Моська была представлена тянущей поводок и облаивающей слона, причём имела человеческое лицо одного из молодых профессоров и с характерной подписью: «а слон себе идет вперед» ([Анофелес, 1914: 4](#)). Подобная практика десятилетиями формировалась в стенах академии.

Журнал «Артишоки и миндаль» содержал характерную рубрику «Ужасы Петровки». Само название рубрики говорит о её критической направленности. В ней в сатирической форме описывались неудобства, абсурдные правила и конфликты академического быта. Одним из сюжетов этой рубрики была ироничная заметка о «смерти» надежды попасть на курсы луговодства: «После продолжительной и тяжелой агонии тихо скончалась надежда попасть на курсы луговодства. Вынос тела ежедневно из департамента земледелия. Отпевание в аудитории номер 17» ([Артишоки и миндаль, 1913: 14](#)). Эта заметка является ярким примером студенческого юмора и одновременно – критики бюрократических препонов в образовании. Как выяснилось, курсы луговодства, существовавшие с 1912 г. при Департаменте земледелия, имели столь жесткие квоты и требования к абитуриентам (например, ежегодно принималось не более 20 человек с высшим образованием), что для многих студентов они были практически недостижимы. Таким образом, через форму тоск-некролога студенты выражали реальное недовольство системой. Не уступал в критической иронии и «Анофелес», сопроводивший объявление «о создании музыкального кружка трудами наших товарищей» изображением «фиги» ([Анофелес, 1914: 14](#)).

Значительное внимание на страницах журналов уделяется проблеме питания. Пища как проблема исторической антропологии становится маркером социального статуса студенчества и экономического неравенства. Рацион студента был прямым отражением его материального положения, которое резко варьировалось – от детей богатых помещиков и промышленников до разночинцев, живших в крайней нужде. В повседневности студентов Петровской академии первичным явлением была «экономика желудка». Для многих студентов проблема ежедневного пропитания была центральной. Скучная стипендия, деньги от уроков или переводов уходили на еду. Это порождало специфическую «гастрономию бедности»: питание в дешёвых столовых и трактирах считалось обыденностью (например, знаменитый «Русский трактир» на Маховой (Ванькин кабак) или «Крым» на Трубной для московских студентов). Петровское студенчество при наличии денег неизменно отдавало предпочтение ресторану – «Мартьяныч» и трактиру «У Арсентьяча». Ресторан Петра Николаевича Мартьянова в подвале Верхних торговых рядов мог разместить одновременно 300 посетителей. Изначально ресторан «Мартьяныч» не пользовался значительной популярностью, что было обусловлено рядом неблагоприятных факторов. Его расположение в подвальном помещении и непосредственная близость к устоявшимся гастрономическим центрам Москвы – таким как трактир Тестова, «Славянский базар» и Большой Московский трактир – создавали серьёзную конкурентную среду. Вопрос, таким образом, заключается в том, какими стратегиями руководство заведения сумело компенсировать исходные недостатки и добиться широкой известности.

Ключевым фактором успеха стало не столько физическое, сколько функциональное расположение. Расчёт делался на специфический контингент – студентов, посетителей деловых и торговых кварталов, которые, перемещаясь между лавками, нуждались в месте для кратковременного отдыха и недорогого перекуса. Но наиболее значимой стратегией стало предложение на рынке уникального ценового и качественного предложения. Ресторан славился сочетанием широкого ассортимента высококачественных блюд и демократичных цен. Кухня «Мартьяныча» была «необыкновенной» и включала как традиционные русские кушанья (блины с икрой, сибирские пельмени, молочный поросёнок с кашей), так и экзотические для того времени деликатесы (устрицы, импортные алкогольные напитки, свежие фрукты не в сезон). При этом стоимость полноценного ужина из трёх блюд с бокалом шампанского составляет всего один рубль, что делало его доступным для студентов. Провозглашённый девиз «Обслуживание первоклассное! Цены второклассные!» точно отражал эту маркетинговую политику ([Московское наследие, 2019: 52-57](#)). Именно ценовая доступность стала основным фактором притяжения для новой, растущей городской аудитории – учащейся молодёжи (студентов и курсисток), для которых посещение ресторана стало элементом городской социализации. Это позволило заведению занять уникальную нишу, предложив модель «приличного» и демократичного общественного досуга, что и обеспечило ему прочное место в московской жизни студенчества. Характерно, что на страницах журналов неоднократно фиксируется возвращение к сюжету памятных посещений «Мартьяныча» ([Артишоки и миндаль, 1913](#)).

С точки зрения исторической антропологии, деятельность владельца ресторана «Мартьяныч» представляет собой яркий пример конструирования новых социальных практик и символических пространств в городской культуре начала XX в. Его талант лежал не столько в области маркетинга в его узком понимании, сколько в мастерском создании и управлении символическим капиталом заведения. Ключевым инструментом этого конструирования была реклама как форма мифотворчества. Публикуемые в массовых изданиях (*Московское наследие*, 2019: 55), таких как сытинское «Русское слово», рекламные поэмы выполняли функцию не просто информирования, а ритуального заклинания. Они не перечисляли цены и меню, а создавали сложный образ ресторана как центра притяжения, места, где разворачивается сама жизнь современной Москвы. Эти тексты можно рассматривать как нарративы, формирующие коллективные представления о досуге и престиже. Но подлинной инновацией было превращение самого ресторанного пространства в площадку для перформативных практик. «Мартьяныч» функционировал не как статичное место для принятия пищи, а как трансформируемая сцена, где регулярно разыгрывались различные культурные сценарии: музыкальный дивертисмент и «гоголевские обеды», где блюда назывались именами литературных героев, представляли собой форму культурной рефлексии и игры. Это позволяло посетителям не просто есть, а участвовать в символическом действе, приобщаясь к высокой культуре в неформальной обстановке. Превращение зала в «уголок Парижа», «зверинец» или «морское дно» было актом символической трансгрессии – выхода за пределы обыденности. Эти практики позволяли горожанам совершать «воображаемые путешествия», что было особенно ценно в эпоху, когда массовый туризм ещё не сформировался.

Таким образом, «Мартьяныч» становился «гетеротопией» (*Фуко*, 2006) – иным, альтернативным пространством, где действовали свои правила и где повседневность могла быть временно отменена. Особое значение с антропологической точки зрения приобретают коллективные ритуалы, проводившиеся в ресторане. Празднование Татьянина дня, собиравшее в 1913 г. 600–700 студентов, было не просто застольем, а мощным актом корпоративной и городской идентификации. Ресторан становился ритуальным центром, где академическое сообщество воспроизводило и укрепляло свою солидарность. Точно так же встреча Нового года в «Мартьяныче» превращалась в коллективный ритуал перехода, знаменующий смену временного цикла в специально предназначенном для этого символическом месте. Следовательно, феноменальная популярность «Мартьяныча» объясняется не только кулинарными достоинствами, но и его способностью отвечать на глубокие антропологические потребности горожан в игре, ритуале, символическом участии в коллективной жизни и временном выходе за рамки социальных норм. Трактир «У Арсентьяча» располагался в Большом Черкасском переулке и славился рыбными блюдами и ветчиной. Трактиры Москвы того времени для студенчества выполняли не только функцию мест, где можно было поесть, но и выполняли роль своеобразных деловых клубов, где встречались люди, объединённые общей профессией или интересами. Простейшая еда на съёмных квартирах дополняла структуру питания «мира студента–петровца», и описание перманентного чувства голода проявлялось в фиксации проблематики в юмористических разделах «Артишока и миндаля» и «Анофелеса».

«Артишоки и миндаль» неоднократно обращаются к комеморации совместных приёмов пищи. Совместные трапезы могли как стирать, так и подчёркивать социальные границы. Пища становилась в студенческой среде не просто физиологической потребностью, а мощным социальным маркером. Совместные трапезы (в столовых, на съёмных квартирах) были важнейшим ритуалом, укреплявшим корпоративные связи (*Анофелес*, 1914: 5–6). За столом велись дискуссии, заключались дружеские союзы (*Артишоки и миндаль*, 1913: 6). Более состоятельные студенты могли позволить себе пирушки в ресторанах, кафе или трактирах, что также было формой социального различия (*Анофелес*, 1914: 10, 13, 15). Упоминания о еде в студенческих журналах (например, в юмористических заметках о «вечном голоде» или описаниях праздничных обедов) – ценный источник для понимания этих практик (*Артишоки и миндаль*, 1913: 2).

Ещё одним важнейшим маркером являлась перманентная фиксация во всех журналах на внешнем облике «студента–петровца». Одежда выступала в студенческой среде не только как «униформа» и способ идентичности, но как сложный семиотический код. Ношение официальной студенческой формы (фуражки, шинели, мундир с пуговицами) было обязательным вне стен учебного заведения. Это был знак принадлежности к государственной системе образования и дисциплины. В то же время в стенах университета или на неформальных собраниях допустима была гражданская одежда, что символизировало личную свободу. Определённые детали костюма становились политическими жестами. Например, ношение красного галстука являлось символом революционных убеждений, а неряшливость в одежде («рубаха-косоворотка», растрёпанные волосы) сознательно демонстрировала интеллектуальную принадлежность к богеме или пренебрежение к «мещанским» условностям. Анализ фотографий и карикатур в «Артишоки и миндаль» и рисунков Долин-Ивановского даёт богатейший материал для «прочтения» этого языка одежды.

Начало XX в. – время кардинальных изменений в гендерном вопросе, и студенческая среда была его авангардом. После волнений 1905 г. в институт стали принимать женатых, которым ранее запрещено было учиться здесь, а учащимся разрешили вступать в брак, что ранее тоже воспрещалось.

Очевидно, руководство вуза пошло на эти либеральные меры для того, чтобы ослабить революционный дух. Спустя три года, в 1908 г., в институт начали принимать и женщин. Правда, не на основные факультеты, а на специально созданные для них «Голицынские сельскохозяйственные курсы». От желающих учиться отбоя не было. По сведениям историка А.Б. Оришева, «первый прием составил 62 человека. В 1915 г. было принято уже 200 слушательниц, а желавших поступить на курсы было 910 человек. Общее же число студенток достигало 1500» (Оришев, 2016: 35). Организация «Голицынских курсов» проходила по схеме, заложенной указом 1905 г. о разрешении открывать частные женские курсы с программой обучения выше средней школы (Иванов, 1991: 100). Утверждалось «Положение» о курсах, создавались советы (попечительский, куда вошли С.К. Голицына, Д.Н. Прянишников, директор МСХИ И.А. Иверонов и др.; педагогический, или Совет преподавателей); утверждалась программа; набирались слушательницы (ЦГАМ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1-8). «Голицынские курсы» существовали на частные и общественные средства: пожертвования попечителей, в первую очередь С.К. Голицыной (Прянишников, 1957: 202), и взносы слушательниц (в размере 125 руб. в год) (ЦГАМ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 142. Л. 4). Само присутствие курсисток в городском академическом пространстве было вызовом патриархальным нормам. Они зачастую сталкивались с предубеждениями, финансовыми трудностями и необходимостью совмещать учёбу с ведением хозяйства. Их опыт радикально отличался от опыта студентов-мужчин.

Университетская среда становилась пространством для формирования новых, более равноправных отношений между полами, основанных на интеллектуальном партнёрстве, общности политических и научных интересов. Однако эти отношения часто наталкивались на ревность, сплетни и пережитки старой морали. В студенческой периодике эта «борьба полов» активно обсуждалась – от фельетонов о кокетках до серьёзных очерков о женской эмансипации и суфражизме. Так, журнал «Анофелес» обращался к проблеме суфражизма посредством гротескной подачи путём изображения «разумовских» суфражисток с мужеподобными грузными комплекциями «дядя Саша и тетя Маша» (Анофелес, 1914: 14). Традиционная студенческая корпоративность была по своей сути маскулинной (обряды посвящения, кружковая деятельность). Появление женщин в этом пространстве ломало устоявшиеся модели, создавало новые формы общения и конфликты, что является крайне интересной проблемой для антропологического исследования.

Изучение социальной стратификации, питания, одежды, гендерных отношений расширяет мир повседневности студента Петровской академии начала XX в., позволяет увидеть, как «большая история» проживалась на микроуровне телесных практик и повседневных взаимодействий студенчества, превращая его в уникальную социальную группу на острие социальных изменений в России начала XX в. Таким образом, нелегальная студенческая периодика представляет для исторической антропологии ценнейший комплексный источник. Он позволяет услышать не только программные заявления, но и живой голос молодого человека начала XX в., увидеть, как идеологии усваивались, переживались и воплощались в конкретных практиках повседневной жизни. Через его призму история студенческого движения предстаёт не как хроника политических организаций, а как антропология молодости в условиях социального и политического кризиса, исследование того, как рождалась и утверждала себя новая социальная идентичность.

5. Заключение

Анализ сохранившихся фрагментов «Артишоков и миндаля» позволяет выявить ключевые особенности протестного дискурса, характерного для студенчества Петровской академии. Прежде всего, это аллегория и эзопов язык. В условиях возобновления цензуры и риска репрессий прямая критика государственной политики была опасна. Поэтому протест выражался опосредованно – через аллегории, иронию, сатиру на бытовом уровне. История с «умершей надеждой» на курсы луговодства – классический пример использования эзопова языка для критики не конкретного чиновника, а всей системы ограничений в образовании. Критика повседневности – качества еды в столовой, сложностей учебного процесса, несправедливости преподавателей – не была мелочной. В контексте эпохи она носила политический характер. Борьба за улучшение условий жизни в академии воспринималась как часть более широкой борьбы за достоинство и права личности. Немаловажным фактором являлось формирование корпоративной идентичности. Высмеивая «ужасы Петровки», студенты одновременно конструировали общее чувство «мы», противопоставленное «они» – начальству, бюрократии. Журналы становились инструментом сплочения и выработки общей ценностной платформы, основанной на идеалах справедливости, взаимопомощи и свободы. Дискурс журнала отражал эти идеи, трансформируя их в сатирическо-бытовой план. Однако, в отличие от радикальных революционных изданий, призывавших к насильственному свержению строя, «Артишоки и миндаль», «Анофелес» представляли собой форму «мягкого», культурного сопротивления. Его главной целью было не разжигание революции, а защита корпоративных интересов, критика конкретных недостатков и, что немаловажно, творческое самовыражение молодой интеллигенции. В этом смысле журналы были важной вехой в формировании гражданской позиции будущей научной и технической элиты России.

Литература

- [Анофелес, 1914](#) – Анофелес. М., 1914. 16 с.
- [Артишоки и миндаль, 1913](#) – Артишоки и миндаль. М., 1913. Февраль. 19 с.
- [Ацаркин, 1933](#) – *Ацаркин А.Н.* Пролетарское юношеское движение в Москве (1917 г.) М.: ОГИЗ, Молодая гвардия, 1933. 271 с.
- [Болкунов, 2008](#) – *Болкунов А.Н.* Возникновение и становление студенческой периодики в России // *Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика.* 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 74-82.
- [Гусятников, 1971](#) – *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение России 1899–1907 гг. М.: Мысль, 1971. 264 с.
- [Иванов, 1991](#) – *Иванов А.Е.* Высшая школа в России конца XIX – начала XX века. М.: Институт истории СССР, 1991. 392 с.
- [Иванов, 2004](#) – *Иванов А. Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый Хронограф, 2004. 408 с.
- [Московское наследие, 2019](#) – Московское наследие. Специальный выпуск. М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2019. 132с.
- [Носова, 2007](#) – *Носова Ю.А.* Типологические особенности изданий для студентов в России начала XX в. // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2007. №1. С.85-89.
- [Оришев, 2016](#) – *Оришев А.Б.* Тайны российской аграрной науки: тимирязевский прорыв. [б. м.]: Издательские решения, 2016. 398 с.
- [Пешников, 1973](#) – *Пешников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение России. М.: Высш. шк., 1973. 104 с.
- [Положение, 1894](#) – Высочайше утвержденное положение о Московском сельско-хозяйственном институте и штат: [утверждено 6 июня 1894 г.]. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 26 с.
- [Прянишников, 1957](#) – *Прянишников Д.Н.* Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1957. 335 с.
- [Сватиков, 1916](#) – *Сватиков С.Г.* Студенческая печать с 1755 по 1915 гг. М., 1916. 36 с.
- [Тишкин, 1976](#) – *Тишкин Г.А.* Рукописные издания студентов университета в 1857–1858 годах / Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1976. Т. 3. С. 71-84.
- [Устав..., 1865](#) – Устав Петровской земледельческой и лесной академии [Штат Петровской земледельческой и лесной академии и состоящей при ней фермы] [Утв. 27 окт. 1865 г.]. СПб., 1865. 17 с.
- [Устав..., 1873](#) – Устав Петровской земледельческой и лесной академии: утвержден 16/28 июня 1873 года. М.: Губернская типография, 1873. 46 с.
- [Фуко, 2006](#) – *Фуко М.* Другие пространства. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984. С. 191–205.
- [ЦГАМ](#) – Центральный государственный архив г. Москвы.
- [Юркина, 2023](#) – *Юркина Н.Н.* Эволюция корпоративной культуры русского студенчества в XIX – начале XX века // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.* 2023. № 4 (81). С. 27-37.

References

- [Anofeles, 1914](#) – Anofeles [Anopheles]. M., 1914. 16 p. [in Russian]
- [Artishoki i mindal', 1913](#) – Artishoki i mindal' [Artichokes and almonds]. M., 1913. Fevral'. 19 p. [in Russian]
- [Atsarkin, 1933](#) – *Atsarkin, A.N.* (1933). Proletarskoe yunosheskoe dvizhenie v Moskve (1917 g.) [Proletarian youth movement in Moscow (1917)]. M.: OGIz, Molodaya gvardiya. 271 p. [in Russian]
- [Bolkunov, 2008](#) – *Bolkunov, A.N.* (2008). Vozniknovenie i stanovlenie studencheskoj periodiki v Rossii [The emergence and development of student periodicals in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika.* 8(2): 74-82. [in Russian]
- [Gusyatnikov, 1971](#) – *Gusyatnikov, P. S.* (1971). Revolyutsionnoe studencheskoe dvizhenie Rossii 1899–1907 gg. [Revolutionary student movement of Russia 1899–1907]. M., 264 p. [in Russian]
- [Ivanov, 1991](#) – *Ivanov, A.E.* (1991). Vysshaya shkola v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka [Higher education in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. M., 392 p. [in Russian]
- [Ivanov, 2004](#) – *Ivanov, A.E.* (2004). Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii [Student corporation of Russia in the late 19th – early 20th centuries: experience of cultural and political self-organization]. M., 408 p. [in Russian]
- [Moskovskoe nasledie, 2019](#) – Moskovskoe nasledie. Special'nyj vypusk. [Moscow heritage. Special issue]. M., 2019. 132 p. [in Russian]
- [Nosova, 2007](#) – *Nosova, Y.A.* (2007). Tipologicheskie osobennosti izdanij dlya studentov v Rossii nachala XX v. [Typological features of publications for students in Russia at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. severo-kavkazskij region. obshchestvennye nauki.* (1): 85-89. [in Russian]

- Orishev, 2016** – Orishev, A.B. (2016). Tainy rossiiskoi agrarnoi nauki: timiryazevskii proryv [Secrets of Russian agricultural science: the Timiryazev breakthrough]: [b. m.]. 398 p. [in Russian]
- Peshnikov, 1973** – Peshnikov, V.V. (1973). V.I. Lenin i studencheskoe dvizhenie Rossii [V.I. Lenin and the student movement of Russia]. M. 104 p. [in Russian]
- Polozhenie, 1894** – Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie o Moskovskom sel'skokhozyajstvennom institute i shtat [Utv. 6 iyunya 1894 g.] [The highest approved regulations on the Moscow Agricultural Institute and its staff: [approved on June 6, 1894]]. SPb., 26 p. [in Russian]
- Pryanishnikov, 1957** – Pryanishnikov, D.N. (1957). Moi vospominaniya [My memories]. M., 335 p. [in Russian]
- Svatikov, 1916** – Svatikov, S.G. (1916). Studencheskaya pechat' s 1755 po 1915 gg. [Student press from 1755 to 1915]. M., 36 p. [in Russian]
- Tishkin, 1976** – Tishkin, G.A. (1976). Rukopisnye izdaniya studentov universiteta v 1857–1858 godakh [Handwritten publications by university students in 1857–1858]. Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. (3): 71-84. [in Russian]
- Ustav..., 1865** – Ustav Petrovskoi zemledel'cheskoi i lesnoi akademii [Charter of the Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy]. [Shtat Petrovskoi zemledel'cheskoi i lesnoi akademii i sostoyashchei pri nei ferm] [Utv. 27 okt. 1865 g.]. SPb., 1865. 17 p. [in Russian]
- Ustav..., 1873** – Ustav Petrovskoi zemledel'cheskoi i lesnoi akademii: utverzhden 16/28 iyunya 1873 goda [Charter of the Petrovskaya Agricultural and Forestry Academy: approved on June 16/28, 1873]. M.: Gubernskaya tipografiya, 1873. 46 p. [in Russian]
- Fuko, 2006** – Fuko, M. (2006). Drugie prostranstva. Intellekтуалы i vlast' [Other spaces. Intellectuals and power]. M. Pp. 191-205. [in Russian]
- TsGAM** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskv [Central State Archives of Moscow].
- Yurkina, 2023** – Yurkina, N.N. (2023). Evolyutsiya korporativnoi kul'tury russkogo studenchestva v XIX – nachale XX veka [The evolution of the corporate culture of Russian students in the 19th and early 20th centuries]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. (4): 27-37. [in Russian]

Феномен студенческой печати начала XX века как объект исторической антропологии: к прочтению «текстов снизу» («Артишоки и миндаль» и «Анофелес»)

Руслан Асланович Тлепцок ^{a, *}

^a Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена студенческой периодики Российской империи начала XX в. через призму методологии исторической антропологии. В качестве ключевого объекта анализа выступают рукописные журналы Петровской земледельческой академии – «Артишоки и миндаль» и «Анофелес», рассматриваемые как ценные «тексты снизу», позволяющие реконструировать повседневность, ментальность и практики студенчества. В работе подчёркиваются методологические сложности атрибуции и типологии студенческих изданий, обусловленные лиминальным статусом студенчества как социальной группы и смешанным составом редакций. Автор детально анализирует, как в текстах этих журналов конструировалась групповая идентичность, выражались протестные настроения с помощью эзопова языка, сатиры и иронии, а также фиксировались ключевые аспекты повседневной жизни: «экономика желудка» и гастрономические практики (на примере ресторана «Мартьяныч»), семиотика одежды, гендерные отношения и телесные практики. Делается вывод о том, что студенческая периодика представляет собой комплексный источник для изучения не только политических идей, но и способов формирования новой социальной идентичности, «истории чувств» и символических кодов студенческой субкультуры в предреволюционную эпоху.

Ключевые слова: историческая антропология, Петровская земледельческая академия, студенческая печать, «тексты снизу», повседневность студенчества Российской империи, «Артишоки и миндаль», «Анофелес», микроистория.

* Корреспондирующий автор

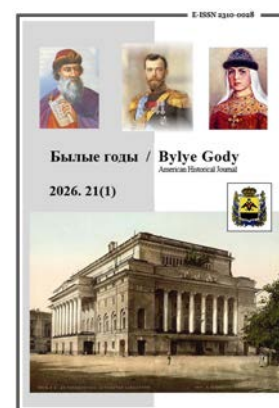
Адреса электронной почты: bum102@yandex.ru (Р.А. Тлепцок)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 479-490
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.479

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ways of Forming National Identity in Children's and Youth Organizations of the Russian Empire in the early 20th century

Ivan A. Bulatov ^{a, *}, Iuliia M. Bystrova ^a

^a Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russian Federation

Abstract

In the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, the Russian Empire was going through the process of becoming a nation, and the state tried to actively participate in this process, forming a civil nation. To a certain extent, the youth movements that appeared in the country in the first decade of the last century also became the vehicles of this activity. Although all of them arose on a public initiative, patriotic work was carried out in them, which did not contradict the state ideology, although each had its own specifics. The Sokol gymnastic movement, which came from the Czech Republic, stood on the ideas of pan-Slavism, seeing Russia as the leader of Slavic countries, and English scouting promoted the ideas of international brotherhood within this organization. The “children's companies of the military system and gymnastics”, better known as the “poteshnie”, which appeared in Russia and had no contacts with other countries, differed from them. Sokol, as primarily a physical education organization, was least engaged in patriotic education and mainly focused on building a supranational Slavic identity. The Scouts and “poteshnie”, though to varying degrees, paid a lot of attention to patriotism and national unity. The paper specifically examines the methodology of such education and concludes that some of these methods are still relevant today.

Keywords: poteshnie, scouts, Sokol, out-of-school education, national education, the Russian Empire, civic identity, O.I. Pantukhov, A.A. Lutskevich, children's parades.

1. Введение

В XIX в. Европа переживала период становления наций, и Российская империя не была исключением. Под влиянием процессов индустриализации, урбанизации, развития грамотности и появления массовых призывных армий стирались местные отличия и формировалась русская нация. Важно помнить, что она изначально складывалась на имперских, то есть общегражданских (если под гражданской идентичностью тут понимать подданство без гражданских прав, что многими исследователями считается достаточной характеристикой нации (Угрин, 2017: 73-79; Тишков, 2013: 100; Connor, 2004: 43)), а не этнических началах (Хрох, 2000: 14; Миллер, 2006: 157-157). Отечественные педагоги, начиная со второй половины XIX в., также озаботились созданием национальной школы, под которой подразумевалась как её бессословность, так и построение воспитания в ней на национальных культурных основаниях (Ушинский, 1990: 194; Дмитриев, 1913: 1-3; Ковалевский, 1922: 250-251). Ещё одним инструментом для конструирования национальной идентичности становились детско-юношеские движения, которые успели бурно расцвести в России в 1909–1917 гг.: «потешные», скауты и, в меньшей степени, гимнастическое общество «Сокол», работавшее в том числе и с детьми.

Все эти движения были направлены на формирование патриотических установок и придерживались основных принципов «теории официальной народности», хотя интенсивность

* Corresponding author

E-mail addresses: bulatovivan64@gmail.com (I.A. Bulatov), bystrovau@yandex.ru (Iu.M. Bystrova)

идеологической работы у них и разнилась. Фактически они формировали идентичность гражданской нации, пытаясь привить любовь к России и гордость за её историю. Эти задачи актуальны и сегодня, и, в силу этого, изучение методов, использованных ими в процессе деятельности, представляет особый интерес.

2. Материалы и методы

Детские движения Российской империи привлекали к себе значительный интерес общественности и государства, в силу чего до нас дошло много источников по их истории. В частности, им много внимания уделяла пресса. С одной стороны, это журналы, непосредственно отражавшие позицию данных движений, такие как «Потешный» и «Сокол», с другой – периодика, посвящённая общественным и политическим вопросам: журналы «Русский спорт» и «Природа и люди», газеты «Сибирская жизнь», «Уральская жизнь» и «Русский инвалид». Особое место занимают издания этих движений: брошюры (Коничек, 1911; Пантюхов, 1912), методические материалы (Жуков, 1916) и постановления съездов (Скаутизм в России, 1916). К этому же блоку документов примыкают мемуары основателей скаутского (Пантюхов, 1969) и «потешного» (Луцкевич, 1912) движений. Особняком стоят материалы, не относящиеся напрямую к детско-юношеским движениям, но помогающие лучше понять контекст, в котором они развивались, – это работы педагогов (Шацкий, 1962; Шацкая, 1919; Сорока-Росинский, 1991) и философов (Бердяев, 2012; Булгаков, 1993) того времени.

Важный материал также предоставляют неопубликованные источники. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) (Москва, Российская Федерация) хранятся архивные дела военного министерства, включающие преимущественно переписку, касающуюся деятельности «потешного» движения. Российский государственный исторический архив (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) содержит материалы по организации детских парадов в присутствии императора в столице в 1911–1912 гг. Более полную картину о движении «потешных» помогают составить материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), в котором находятся материалы МВД, касающиеся подведомственных ему «потешных», в том числе юных пожарных. Также в работе использовались документы из Государственного архива Саратовской области (ГАСО) (Саратов, Российская Федерация), дополняющие работу данными по детским движениям в Поволжье.

Основополагающим подходом к исследованию стал метод историзма: объект изучения – детско-юношеские движения Российской империи – рассматривается в контексте эпохи, в рамках развития национальной педагогики и общих тенденций эпохи модерна. Также используется историко-генеалогический метод, в рамках которого детские организации анализируются на всех этапах своего развития, а у тех, что пришли из-за рубежа, оценивается влияние, оказанное местом их первоначального формирования. Компаративистский подход позволяет сравнивать методику работы с подростками в разных организациях и выделить общие черты в этой деятельности. Практики, конструирующие национальную идентичность у детей, рассматривались через призму таких подходов, как банальный и экстатический национализмы.

3. Обсуждение

Хотя детские движения поздней Российской империи довольно часто попадают в фокус исследовательского интереса, непосредственно тема конструирования ими национальной идентичности редко становится предметом исследования, равно как и методика такой работы. Традицию изучения «потешничества» и скаутинга в Советском Союзе заложили работы Н.К. Крупской, которая признавала патриотическую направленность этих движений, говоря об этом как о попытке повлиять на подростка: «овладеть его душой, пропитать его духом шовинизма, милитаризма» (Крупская, 1959: 12). В рамках парадигмы, заложенной Н.К. Крупской, советские исследователи критиковали идеологическую направленность скаутизма, перенимая опыт в организации работы и в плане физического развития. После распада СССР стали появляться статьи, менее критические по отношению к детским движениям Российской империи. Из монографий особо следует выделить классическую работу Ю.В. Кудряшова (Кудряшов, 2005), который, с опорой на уникальные источники, анализирует методику работы скаутов, в том числе патриотической направленности, а также обращается к работе движения «потешных», отмечая среди причин его быстрого затухания: «бедность форм и методов работы с детьми» и «национальную и религиозную ограниченность» (Кудряшов, 2005: 30). Обобщающий характер также носит книга И.А. Булатова (Булатов, 2023), в которой анализируется деятельность трёх основных детско-юношеских движений по конструированию национальной идентичности; однако большая часть монографии посвящена такой работе в эмиграции. Патриотическая работа в разных движениях рассматривается в трудах П.А. Меркулова (Меркулов, 2014) и В.Ю. Рылова (Рылов, 2010). Достоинством последней статьи является изучение роли черносотенцев в развитии трёх изучаемых движений. Методы патриотического воспитания у «потешных» на материале Западной Сибири анализируются О.В. Гефнер (Гефнер, 2010). Из статей, посвящённых сокольскому движению, можно выделить работы Н.Н. Качулиной (Качулина, 2017), М.А. Смирнова (Смирнов, 2013) и А.В. Василюк (Василюк, 2014).

4. Результаты

Массовые детско-юношеские движения стали феноменом XX в. и были вызваны к жизни глобальными процессами эпохи модерна. С одной стороны, в городах скопилось много детей с большим ресурсом свободного времени, с другой стороны, процесс формирования наций и гражданского общества, а также появление массовых армий, основанных на принципе всеобщей воинской повинности, требовали особой работы с ними. Характерно, что создание в России детских движений было запущено пожеланием Николая II подготовить массы крестьянской молодёжи к военной службе (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1948). Такая идея могла появиться и раньше, в любой момент после перехода на призывную армию. Однако данная затея менее чем за десять лет закончилась возникновением скаутизма, охватывавшим небольшую часть городской молодёжи и ставившим целью не подготовку к военной службе, а развитие гражданственности и личности своих членов. Допризывная подготовка, в свою очередь, передавалась школам (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1952–1953). Это показывает, что детские движения были сложным инструментом, который плохо годился для простых массовых задач. При этом общественные организации подходили для более тонкой работы, и вместе с развитием личности и гражданского чувства у ребёнка они могли помочь конструировать общую национальную идентичность и патриотизм.

Гимнастическое общество «Сокол» пришло в Россию из Чехии, где появилось в 1862 г. С самого момента своего основания это движение занималось не только физическим развитием своих членов, но и идеологической работой по сплочению чешской нации и укреплению её национального самосознания (Василук, 2014: 95). Находясь в составе Австро-Венгерской империи и противостоя германизации, чешские соколы делали ставку на панславизм как один из ключевых элементов своей идеологии. Россия, как самое сильное славянское государство, пользовалась у соколов большим авторитетом, отражением чего стало принятие русского национального флага в качестве знамени всего сокольского движения (Качулина, 2017: 68, 70).

В нашей стране ещё с конца XIX в. стали появляться общества, взявшие за основу гимнастическую систему соколов, их терминологию, структуру и методику работы. Но о реальной дате появления соколов в Российской империи у историков нет единого мнения, так как отсутствует определённая ясность в понимании того, какое событие можно считать точкой отсчёта (Булатов, 2023: 57–58). Однако можно констатировать, что к 1907 г. это общество легально работало в Российской империи, пользовалось большой популярностью и с каждым годом вовлекало всё больше членов (Никитин, 1912–1913а: 72; Л.Г., 1912–1913: 121; Качулина, 2017: 67). При этом имела место и постепенная русификация движения: это проявилось в создании Союза русского сокольства (СРС) и внесении в устав этой организации пункта, что после её вступления в Союз славянского сокольства СРС сохраняет за собой полную свободу действий «как русская организация» (Никитин, 1912–1913). На мероприятиях мог исполняться русский сокольский марш, написанный к сокольскому празднику в Санкт-Петербурге в мае 1909 г. (Внутренние известия, 1909). Можно также отметить, что общественность, интересующаяся спортом, осознавала разницу между чешскими и русскими соколами. Так, в статье «Гимнастический пасквиль», вышедшей в журнале «Русский спорт», доктор В.Н. Песков негативно отзывался о чешских соколах, при этом делая оговорку, что это не относится к их русским коллегам, так как «это – совершенно другое» (Песков, 1910: 15).

Русофильство соколов не могло не импонировать русским патриотическим кругам, которые относились с большим недоверием к немцам и видели в панславистах своих естественных союзников (Несколько слов..., 1912). Возможно, по этой причине они пришли по душе черносотенцам, которые в меру своих возможностей поддерживали это движение (Рылов, 2010: 151; Внутренние известия, 1909). При этом среди соколов имел место раскол по вопросу о том, ограничивать ли членство в организации по национальному признаку (Меркулов, 2014: 287, 288). Часть соколов была близка по взглядам к правым, что им припоминали в либеральной прессе. Например, в томской газете «Сибирская жизнь», близкой к кадетам, В. Анучин сначала разбирает идеологию сокольского движения, а потом делает вывод, что «поскольку оно является и националистическим, в условиях русской и тем более сибирской жизни – это дитя мертворожденное» (Анучин, 1912). Для обоснования националистической сути сокольства В. Анучин обращается к брошюре «Сокольство» за авторством С.О. Комничека. И тут он не преувеличивает, хотя надо отметить, что автор не представлял всё движение, а только его часть, стоявшую, вслед за чехами, на позициях этнонационализма. Святополк Осипович Коничек, чех, перебравшийся в Москву в 1899 г. и являвшийся председателем московского отделения всеславянского общества «Славия», был также и видным деятелем московского сокольства. Вышеупомянутая брошюра «Сокольство», увидевшая свет в 1911 г., по сути является апологетикой русского национализма. С.О. Коничек призывал не поддаваться под влияние никаких партий, ни правых, ни левых, а «во имя всенародного блага» бороться с засильем одной партии. Но при этом в его трактовке народ – это этнонациональная, а не гражданская общность; он выступает именно за русское сокольство, а не российское. В идеях создания российского сокольства он видит попытку включить туда польское сокольство, что им не одобряется. Был он и против включения в движение «не сочувствующих идее инородцев» (Коничек, 1911: 22–24), что, пожалуй, не одобрил бы потомок крымских ханов Н.А. Султан-Крым-Гирей, который в 1910 г. стал заместителем главы

новообразованного Союза русского сокольства. С.О. Комничек являлся рупором той части русских соколов, которые были ориентированы на «чистый» чешский вариант. И тут можно согласиться с В. Анучиным, который писал, что чехи у себя на Родине противостоят «пришельцам и угнетателям немцам», в России же русским противостоять некому (Анучин, 1912). По этой причине общий курс данного движения был нацелен на создание общегражданской идентичности, что нашло отражение в постановлении 1-го съезда Союза русского сокольства, где говорилось, что это движение «должно служить одним из элементов спаяния племен Российской империи во имя блага и мощи России, как великого славянского государства» (Коничек, 1911: 27).

Что касается методики работы по конструированию идентичности, то следует признать, что у соколов в большей степени упор делался на славянскую её составляющую. Что проявлялось в форме, приветствии, терминологии (Булатов, 2023: 62-63). Хотя отдельные элементы построения общегражданской идентичности также присутствовали. Например, как на праздниках, так и на обычных тренировках исполнялся гимн, звучала похвала царю и произносилось троекратное «ура» (Вятские соколы, 1910; Смирнов, 2013: 180).

В 1909 г. в Российской империи появляется массовое специализированное детское движение. Первые отряды именовались «классы военного строя и гимнастики», но спустя некоторое время образовалось и прижилось повседневно название «потешные», отразившее сущность вкладываемой в них идеи. Основателем этого движения считается Антиох Андреевич Луцкевич, инспектор народных училищ в Бахмуте. В историографии устоялось мнение, что он начал работу весной 1908 г. Хотя это не совсем верно. В том году он открыл на свои средства показательное училище, а вот весной 1909 г. в нём он создал первый «класс военного строя и гимнастики» (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1948). Незадолго до того, как оказаться в Бахмуте, он занимал аналогичную должность в Одесском градоначальстве (с 1 марта 1906 г.). Однако из-за своих консервативных и черносотенных взглядов он пришёлся не по душе местной либеральной общественности и уже через некоторое время был переведён в Бахмут. Заступничество одесского Союза русских людей, с которым у него сложились хорошие отношения, не помогло отменить это решение (Луцкевич, 1912: 1, 8-9). Этот факт биографии хорошо демонстрирует взгляды А.А. Луцкевича, которые были характерны для основанного им движения в дальнейшем. Хотя скауты в своей работе также занимались патриотическим воспитанием, для многих консерваторов организация, пришедшая из Англии, была подозрительной. А вот придерживавшийся черносотенных взглядов А.А. Луцкевич сомнений не вызывал, что подтверждается поддержкой «потешных» соответствующими организациями (Рылов, 2010: 153-154; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 48; Размолюдин, 2001: 78; В.С.Е., 1911: 21). Перед парадом в Санкт-Петербурге в июле 1911 г. местное отделение Всероссийского Национального Союза предложило взять на себя координацию досуга иногородних «потешных» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 173-174).

При этом черносотенцы не были основными покровителями «потешного» движения. Вместе с остальными общественными организациями, такими как общества трезвости, и частными инициативами отдельных лиц, они шли в фарватере политики властей. Большинство ведомств выпускало циркуляры о необходимости создания «потешных» отрядов. Таким образом основная масса «рот военного строя» создавалась при военных частях и учебных заведениях (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1951-1952), что и определило идеологическую направленность этого движения в духе «уваровской триады».

Военное министерство с первых дней курировало эту деятельность, поэтому на его базе была создана специальная межведомственная комиссия под руководством генерал-лейтенанта Леонида Вильгельмовича Леша. 21 мая 1911 г. эта комиссия представила Совету Министров «Положение о подготовке к военной службе в учебных заведениях и вне их», в котором были сформулированы основные правила устройства «потешного» движения. Так как комиссия не успела закончить работу, то «Положение» затрагивало только работу с детьми вне школ (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1949). Формы патриотического воспитания почти не фигурировали в данном документе. Можно отметить, что единственным разрешённым к использованию детьми был признан государственный триколор (до этого наблюдалось гораздо большее разнообразие). Эта мера обосновывалась тем, что дети в силу возраста не могут полностью осознавать ценность символов, поэтому во избежание возможных случаев их поправа следовало минимизировать их количество. На практике же это был удачный ход в рамках конструирования общей государственной идентичности: с одной стороны, это приучало детей по всей империи собираться под единым государственным флагом, с другой – предупреждало формирование объединений под иными символами, так как подобное могло вести к расколу общества. Примечательно, что немногими недовольными этим решением оказались «потешные» при Союзе русского народа в Одессе, которые просили оставить изготовленное ими знамя, состоящее из триколора, вышитых на нём икон и императорских инициалов (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 48-49об.). После отказа стало понятно, что власти не будут поощрять в воспитательной сфере монархистов больших, чем сам царь. Положение не накладывало никаких ограничений на вступление в отряды по национальному признаку, принимались все «русские подданные». Обучение должно было вестись на русском языке. Как мы видим, формат работы подразумевал именно

общегражданский подход: вовлекались все подданные империи, обучение шло на общегосударственном языке и под государственным флагом.

Что касается практики, то она вполне соответствовала теории. Практически не встречается упоминаний об ограничениях по национальному или религиозному признаку. Один такой случай относится к Одессе, где предлагалось принимать в «потешные организации» только христиан (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 63, 64). Возможно, это связано с уже упоминавшимися контактами «потешных» с черносотенцами в этом городе. Другой случай имел место в Кишиневе, где планировалось собрать «потешных» из еврейских детей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 132, 133). В труде Ю.В. Кудряшова «Российское скаутское движение» говорится, что вступать в движение могли только православные (с возможностью исключения для мусульман в смешанных регионах) и только «российские подданные» (Кудряшов, 2005: 30), а также ограничивалось вовлечение немцев и евреев. Однако в официальных бумагах встречается только информация о «российских подданных», о чём говорилось выше, что не может считаться серьёзным ограничением. Пример же Одессы не являлся типичным для всей страны. При этом в донесениях из частей империи со смешанным населением регулярно приходила информация об участии в движении детей разных национальностей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 520б.; 1-й Закаспийский..., 1910: 12; К смотру потешных, 1912; В.С.Е., 1911: 13). В статье В.Ю. Рылова отмечается негодование черносотенцев по поводу «наплыва» еврейских детей в «потешное» движение (Рылов, 2010: 154), что показывает национальную открытость «потешных».

Педагогическая методология «потешных» была достаточно бедна и, как верно отмечает Ю.В. Кудряшов, «особенно это касалось нравственного воспитания», к которому можно отнести патриотическое воспитание, и которое сводилось преимущественно к «нравоучительной беседе», в редких случаях «соединённой с музыкой, пением» (Кудряшов, 2005: 30). Для иллюстрации можно привести в пример «Расписание занятий по военному строю с потешными пригготовительного, I, II, III, (IV и V сборн.) классов Саратовской 1-й мужской гимназии на 1912–1913 гг.». Помимо собственно строевой подготовки, предполагалось проводить в течение учебного года только беседы, а с мая по август – прогулки с объяснением военной теории. Интересен и выбор тем для лекций. В сентябре планировалось затронуть следующие темы: «Значение организации потешных. Титулование Государя Императора и членов Императорской семьи. Дисциплина и её значение». После этого говорили только об устройстве армии. И это было шагом вперёд, так как в предыдущем году были запланированы только занятия военным строем при минимуме теории, а вместо летних прогулок в августе велась подготовка к параду (ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 718. Л. 100б., 120б.). Скорее всего, эти нововведения были связаны с деятельностью комиссии Леша, рекомендовавшей в программе обучения для начальных школ проводить словесные занятия, на которых нужно было рассказать об императоре, Отечестве и его истории, войнах, в которых оно участвовало, и государственных символах (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 796. Л. 15). В Саратове мы видим классическую работу с «потешными», хотя и встречались более привлекательные для молодёжи методы, такие как манёвры, предшественники советских зарниц, или специальная подготовка у пожарных (Юные пожарные, 1910; ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 893. Л. 5-50б.), но это были исключения, не влиявшие на общую картину.

На фоне «потешных» выгодно смотрелись скауты. Эта пришедшая из Англии организация в 1910 г. делала в России первые робкие шаги, а к 1914 г. полностью вытеснила своих предшественников с поля внешкольного воспитания. Можно обозначить две главные причины такого положения вещей. Во-первых, государство осознало, что эффективнее перенести военную подготовку и занятия гимнастикой в школы, это позволяло охватить большие массы детей без нужды их заинтересовывать особыми методами, вследствие чего широкая поддержка «потешных» была свёрнута. Во-вторых, скаутская методика воспитания через игру была гораздо привлекательнее того, что предлагали их предшественники, поэтому в конкуренции общественных организаций, без господдержки, они выглядели предпочтительнее как в глазах детей, так и их родителей.

Слабым местом скаутов в глазах патриотической общественности выглядели их английские корни, поэтому с первых дней предпринимались попытки их «русификации». Сразу после возникновения они стали известны как «юные разведчики», что их в какой-то степени роднило с «потешными», в среде которых существовали, например, юные пожарные (Bulatov, Kovaleva, 2024: 1952). Основатель русского скаутинга, на тот момент поручик (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26518. Л. 319), Олег Иванович Пантюхов, вспоминал, что в первые дни на скаутов «косо поглядывали» и как они с павловским комендантом Сабуровым «тщетно старались придумать более русское название и русские особенности в русской форме» (Пантюхов, 1969: 207). «Тщетно» видимо относится к первоначальной попытке ввести в качестве формы кафтаны и барашковые шапки, однако вскоре выяснилась их непригодность для подвижных игр и жизни на природе, и пришлось возвращаться к английскому варианту одежды. В остальном же адаптироваться получалось. Название, как уже говорилось, было переведено, и первые отряды в Царском Селе, Санкт-Петербурге и Москве в прессе именовались «юными разведчиками», правда, с уточнением, что они работают по системе английского генерала Баден-Пауэлла. Также в дни становления отряда О.И. Пантюхова его жена Нина Михайловна нарисовала эскиз первой русской скаутской медали «Мальчик под деревом». Согласно легенде, за прототип она взяла наследника престола Алексея, которого вполне могла видеть, так как её муж

служил в охранявшем царскую семью лейб-гвардии 1-м Стрелковом Его Величества батальоне. Надпись по кругу медали была: «Вера в Бога. Верность Царю. Помощь ближним» (Пантюхов, 1969: 207). Как видно, на первых двух местах стояли элементы «уваровской триады», и только затем шёл один из главных принципов скаутинга.

Апогей русификации пришёлся на момент становления скаутов как организации в 1915–1916 гг., когда проходили 1-й и 2-й съезды по скаутизму. Тут следует отметить, что даже слово «скаутизм» было русифицированной версией калькированного «скаутинга» (scouting). На Первом съезде участники пришли к консенсусу о необходимости заменить заимствованные термины «скаут» и «скаутмастер» на русские аналоги. Иннокентий Николаевич Жуков, секретарь общества «Русский скаут», а позднее один из основоположников пионерии, предложил также переработать книгу основателя движения генерала Баден-Пауэлла с учётом русской специфики и использовать примеры из отечественной, а не английской истории (Скаутизм в России, 1916: 32–33, 73). На Втором съезде тенденция по усилению размежевания с Англией продолжилась: например, 9 скаутских законов у англичан были заменены на Первом съезде на 10 (Скаутизм в России, 1916: 84–85), а на Втором на 12. Что характерно, если у англичан первый закон был «На честь разведчика должны полагаться», то в адаптированной версии первым стал: «Исполнять свой долг перед Богом, Родиной и Государем» (Бахтерев, 2023). Поясняя этот закон, И.Н. Жуков писал в русском пояснении к книге основателя скаутинга Р.С.С. Баден-Пауэлла следующее: «У детей, у которых не потускнела в сердце любовь к матери-матери, так естественно пробуждать любовь к Родине-матери, – любовь к родной природе, к родному языку, к родному народу и его истории» (Баден-Пауль, 1916: 316).

В большинстве своём скауты были настроены патриотично, но при этом аполитично. Можно сказать, что скаутинг стал международной «франшизой» патриотического воспитания. Этот факт отметил и современник, основатель отечественного скаутского движения О.И. Пантюхов, размышлявший после поездки летом 1911 г. к скаутам Голландии и Великобритании о том, как враги во время англо-бурских войн теперь работают по одному методу «над главным стимулом всякой победы – над моральной подготовкой молодежи» (Пантюхов, 1912: 14). Этому не мешала и существовавшая установка на международное скаутское братство. В какой-то степени такой подход перекликается с идеей о национальном и всечеловеческом, разрабатываемой на рубеже прошлого и позапрошлого веков русскими религиозными философами. Согласно этому взгляду, человек для творческой реализации и для того, чтобы стать полноценной частью человечества, должен был познать свою национальную культуру и через неё выйти на более высокий уровень (Бердяев, 2012: 107; Булгаков, 1993: 439, 451). На этом пути важно было избежать космополитизма, то есть отрыва от национальных корней, и шовинизма. Нет оснований полагать, что скауты смотрели на своё движение через призму такого подхода, но на протяжении всего своего существования лидеры движения рассуждали о необходимости патриотического, а в эмиграции – и национального воспитания, без скатывания в шовинизм, но при этом и без перехода к «чистой» английской схеме работы, при участии в международном скаутском братстве (Булатов, 2023: 92, 189).

Если говорить о методах конструирования национальной идентичности в детских организациях, то здесь можно выделить работу на нескольких уровнях. Первый, самый очевидный, был отражён в риторике руководителей движения и проводился в первую очередь через беседы и литературу. Скауты, так же как и «потешные», не пренебрегали этим методом работы. Беседа у вечернего костра была отдельным методическим приёмом и активно использовалась. Причём доверительные отношения, складывающиеся во время таких выходов, усиливали эффективность такого общения. Помимо этого, мы можем отметить методы банального и экзотического национализма (в данном случае термин «национализм» означает практики, формирующие и поддерживающие национальную идентичность) (Булатов, 2023: 16). Первым термин «банальный национализм» ввёл в обиход Майкл Биллинг (Billig, 1995). Под банальным национализмом понимаются специально не осмысливаемые практики, которые конструируют и укрепляют национальную идентичность в повседневной жизни: поднятие флага, использование монет с национальным гербом, исполнение гимна и т. д. (Hearn, Antonsich, 2018: 595; Jones, Merriman, 2009: 172). У скаутов это проявлялось как в использовании государственных символов, адаптации законов и литературы, так и в более прикладных аспектах. Например, в резолюции Первого съезда подчёркивалась желательность распространения русских игр, таких как лапта и городки (Скаутизм в России, 1916: 89). Практиковалось пение русских песен. При этом скаутинг, как более гибкое движение, довольно быстро оброс собственными песнями, которые должны были действовать на сплочение групповой идентичности этой организации. А вот «потешные» таковых не создали, поэтому предпочитали военные или народные. В Омске, как пишет историк О.В. Гефнер, патриотическое воспитание шло в том числе через «хоровое пение русской песни и пляски» (Гефнер, 2010: 165). Обучение «национальным и народным песням» рекомендовала и комиссия Леша (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 796. Л. 15). Возможно, на это повлияла поступившая в комиссию выписка из отчёта Войскового наказного атамана Сибирского казачьего войска, в которой было отмечено: «отсутствие в казачьем обиходе русской народной песни... и таких развивающих игр, как например, танцы и хороводы». В этом месте Николай II сделал пометку: «Печальная картина» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2.

Д. 794. Л. 550б.). Важность пения для формирования национальной идентичности понимало и правительство. Так, в примерных программах обучения, написанных в рамках проекта реформы школы министра Игнатьева, указывалось на целесообразность обучения игре на русских музыкальных инструментах (акцент делался на балалайку), а из трёх отделов обучения светскому пению первыми шли народные песни, а вторыми – патриотические (Материалы..., 1915: 332, 342). Созданное в 1906 г. С.Т. Шацким общество «Сетлемент», занимавшееся досугом детей из бедных семей, также уделяло внимание музыкальному развитию своих подопечных. Жена основателя «Сетлемента» В.Н. Шацкая издала книгу «Музыка в детском саду», где были описаны исполнявшиеся русские детские песни, зачастую написанные на основе народных (Шацкая, 1919). А в 1907 г. детский хор общества готовился поставить маленькую оперу по кантате «Сказание о великом граде Китеже» С.Н. Василенко (Шацкий, 1962: 284). Очень высоко значение народных песен оценивал и выдающийся педагог Виктор Николаевич Сорока-Росинский, писавший о них следующее: «Слушая с колыбели родную песню, ребенок воспитывается в направлении к этим глубоко интимным сторонам души, ... и сливается с жизнью великого целого, нации» (Сорока-Росинский, 1991: 84).

«Потешные», как говорилось выше, так тяготели к национальной и военной символике, что её пришлось ограничить «Положением о подготовке к военной службе в учебных заведениях и вне их». Что касается формы, то до введения «Положения» она не регламентировалась, и дети ходили либо в одежде, принятой в их учебных заведениях, либо в той, которая имитировала форму военных или пожарных частей, при которых создавались потешные роты (Новицкий, 1930: 22; А.П., 1910: 17; Севастопольские..., 1911: 16; ЦГАКФД СПб. Фотодокумент Ж 295). В ситуации с военными – это должно было создавать связь с воинскими традициями как отдельных подразделений, так и в целом с военной историей России. Для усиления монархического чувства практиковалась раздача портретов Николая II, царевича Алексея и Петра I (Высочайший смотр..., 1911: 2; Парад, 1911: 2; ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 893. Л. 28).

Термин «экстатический национализм» предложил М. Скей для описания влияния на нации массовых торжеств (Skey, 2008: 151). И в данном случае мы сталкиваемся с очень разными подходами у скаутов и «потешных». Юные разведчики в первые годы существования использовали парады для саморекламы, но в целом относились к ним нейтрально, что было закреплено в резолюции Первого съезда по скаутизму, где говорилось о недопустимости участия скаутов в мероприятиях, куда они привлекались «в качестве декоративного элемента» (Скаутизм в России, 1916: 91). У их конкурентов ситуация кардинально отличалась. Можно сказать, что целью тренировок у скаутов в течение учебного года были летние лагеря на свежем воздухе, а у «потешных» итогом работы становились парады: военные, общегражданские и, если очень повезёт, перед императором в Санкт-Петербурге. Дети участвовали в мероприятиях разного уровня: в слободе с населением 30 тыс. человек на торжества выходило 600 мальчиков (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 76, 760б.), в Киеве на встречу царя – 5000 (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 337), а упоминавшиеся выше парады в столице, прошедшие 28 июля 1911 г. и 1 августа 1912 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 688. Л. 84, 292; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 460. Л. 118), собирали около 6 тыс. ребят (К Царскому смотру..., 1911: 1; РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 779. Л. 10), отбираемых со всей страны ведущим специалистом по «потешному» движению полковником С.И. Назимовым (К парад..., 1911: 19; РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 688. Л. 33, 34, 91–93об., 100). Интересно осмысление важности парадов именно в аспекте нацистроительства автором под псевдонимом См-ъ в статье «Задачи потешных». Он писал о «национальном воспитании» и важности для них массовых мероприятий. При этом он понимал проблему достаточно глубоко и высказывался против детей на военных парадах, агитируя за общегражданские манифестации в царские и дни чествования героев (См-ъ. В., 1912: 7).

Направленность обучения «потешных» на подготовку к парадом не осталась незамеченной современниками. За это их критиковали в прессе (Думы и потешные, 1911: 2), что было неудивительно, так как агенты охранного отделения отмечали, что левые общественные круги настроены к движению негативно, а в ряде статей отмечали «глумление» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 12. Д. 297. Л. 4). Данное отношение сохранилось впоследствии и в СССР (Крупская, 1959: 12). Интересно, что и видные чиновники неодобрительно относились к методологическому перекосу в сторону публичных выступлений. Например, Санкт-Петербургский губернатор уже в 1910 г. отмечал, что своей основной задачей руководители «потешных» видели «поверхностную муштровку» к парадом (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 794. Л. 6.).

Детско-юношеские движения в Российской империи существовали достаточно короткий промежуток времени. «Потешные» – фактически с весны 1910 по 1913 г. (хотя Луцкевич начал работу в 1909 г., а отдельные отряды действовали и к моменту начала Первой мировой войны) (Генкель, 1915: 507), то есть с представления императору «роты военного строя» А.А. Луцкевича до передачи задач по подготовке молодёжи к службе школам в 1913 г., а скауты – с 1910 по 1917 г. По этой причине сложно судить об эффективности их работы. Повлиять на революционные события они никак не могли, так как дети, с которыми они работали, были слишком малочисленны, и большинство не успело достичь зрелости к началу этих трагических событий. Определённым показателем может служить участие в Первой мировой войне выходцев из этих движений, однако у нас нет данных о

судьбе членов «потешных», что же касается скаутов, то можно констатировать их патриотический настрой, проявившийся как в участии в боевых действиях, так и в работе в тылу (Булатов, 2023: 102-104; Кудряшов, 2005: 48-49).

5. Заключение

Объективные исторические процессы, протекавшие в Европе и России в XIX в., привели к появлению как современных наций, так и специализированных детских движений. Государство, заинтересованное в сплочении общества в рамках новой общегражданской идентичности, после начала процесса отмирания сословий обратилось и к новому способу работы с детьми. Тем более что патриотически настроенные общественные круги первоначально взяли часть работы с детьми на себя, а с 1913 г., когда функции «потешных» по военной подготовке и физическому развитию передали в школы, вся внешкольная работа с детьми стала общественной.

На фоне происходивших в России и мире событий (революционные волнения, рост милитаризма и войны) детско-юношеские движения не могли не усилить патриотический компонент в воспитательной деятельности, а вследствие этого и деятельность по укреплению национальной идентичности, которая в то время трактовалась в имперском смысле слова «русскость». По этой причине национальных ограничений на вступление детей в организации не было, хотя на местах и шла полемика по этому вопросу (особенно у соколов и «потешных»).

Методы такой работы в основном сводились к беседам на соответствующие темы, в том числе и монархической направленности, а также практикам банального национализма через оказание уважения государственным символам и включение их в свою атрибутику. Для «потешных» и соколов были ещё характерны элементы экстатического национализма: участие в парадах и публичные выступления являлись важной частью их деятельности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00156, <https://rscf.ru/project/24-28-00156/>.

Литература

- 1-й Закаспийский..., 1910 – 1-й Закаспийский потешный полк // *Потешный*. 1910. № 4. С. 12-13.
- А.П., 1910 – А.П. Кронштадтский детский батальон // *Потешный*. 1910. № 5. С. 15-17.
- Анучин, 1912 – Анучин В. О сокольстве // *Сибирская жизнь*. 1912. № 101. С. 4.
- Баден-Пауль, 1916 – Баден-Пауль Р. Юный разведчик. Пг.: т-во В.А. Березовский, 1916. 334 с.
- Бахтерев, 2023 – Бахтерев Д.В. Российское разведчество сквозь призму эволюции скаутских законов // *Научные высказывания*. 2023. №22 (46). С. 26-32.
- Бердяев, 2012 – Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
- Булатов, 2023 – Булатов И.А. Национальное воспитание в русских детских организациях первой половины XX в. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2023. 456 с.
- Булгаков, 1993 – Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах Т. 2. Избранные статьи. М.: Издательство «Наука», 1993. 603 с.
- Василук, 2014 – Василук А.В. Становление личности Мирослава Тырша – основателя чешского «сокола» // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 2 (28). С. 94-96.
- Внутренние известия, 1909 – Внутренние известия. Санкт-Петербург // *Русский инвалид*. 1909. № 87. С. 2.
- В.С.Е., 1911 – В.С.Е. «Потешные» в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1911. № 11. С. 9–25.
- Высочайший смотр..., 1911 – Высочайший смотр потешным // *Уральская жизнь*. 1911. № 164. С. 2.
- Вятские соколы, 1910 – Вятские соколы // *Вятская речь*. 1910. № 172. С. 3.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСО – Государственный архив Саратовской области.
- Генкель, 1915 – Генкель Г.Г. Мои юные разведчики // *Природа и люди*. 1915. № 32. С. 505-507.
- Гефнер, 2010 – Гефнер О.В. Военные и патриотическое воспитание молодёжи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // *Вестник Омского университета*. 2010. № 2(56). С. 162-172.
- Дмитриев, 1913 – Дмитриев Н.В. Национальная школа. СПб., 1913. 186 с.
- Думы и потешные, 1911 – Думы и потешные // *Уральская жизнь*. 1911. № 147. С. 2.
- К параду..., 1911 – К параду потешных войск // *Потешный*. 1911. № 17–18. С. 19.
- К смотру потешных, 1912 – К смотру потешных // *Русский спорт*. 1912. № 31. С. 6.
- К Царскому смотру..., 1911 – К Царскому смотру потешных // *Потешный*. 1911. № 20. С. 1.
- Качулина, 2017 – Качулина Н.Н. Исторические условия распространения сокольского движения в Российской Империи // *Научный альманах*. 2017. № 4–2 (30). С. 66-70.
- Ковалевский, 1922 – Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк: Союз «Единство Руси», 1922. 333 с.

- [Коничек, 1911](#) – *Коничек С.О.* Сокольство. М.: Славия, 1911. 29 с.
- [Крупская, 1959](#) – *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 10 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957–1963. Т. 5. 1959. 688 с.
- [Кудряшов, 2005](#) – *Кудряшов Ю.В.* Российское скаутское движение. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2005. 598 с.
- [Л.Г., 1912–1913](#) – *Л.Г.* Заграничные известия. Статистика сокольства // *Сокол*. 1912–1913. № 6–7. С. 121.
- [Луцкевич, 1912](#) – *Луцкевич А.А.* Бахмутские «потешные». Бахмут, 1912. 62 с.
- [Материалы..., 1915](#) – Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Пг.: Сенатская тип., 1915. 547 с.
- [Меркулов, 2014](#) – *Меркулов П.А.* Исторический опыт разработки и реализации государственной молодёжной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Орел: ОФ РАНХиГС, 2014. 488 с.
- [Миллер, 2006](#) – *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического развития. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- [Несколько слов..., 1912](#) – Несколько слов по поводу статьи г. Тарасова «Гимнастика» // *Русский спорт*. 1912. № 33. С. 4.
- [Никитин, 1912–1913](#) – *Никитин Л.* Известия сокольских обществ // *Сокол*. 1912–1913. № 2. С. 37.
- [Никитин, 1912–1913а](#) – *Никитин Т.Р.* Идеалы сокола и задачи сокольских организаций // *Сокол*. 1912–1913. № 4–5. С. 70–72.
- [Новицкий, 1930](#) – *Новицкий Е.* Страничка из истории скаутизма // *Часовой*. 1930. № 35. С. 22–23.
- [Пантюхов, 1912](#) – *Пантюхов О.И.* В гостях у бой-скаутов. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1912. 14 с.
- [Пантюхов, 1969](#) – *Пантюхов О.И.* О днях былых. Maplewood, NJ, 1969. 315 с.
- [Парад, 1911](#) – Парад // *Уральская жизнь*. 1911. № 165. С. 2.
- [Песков, 1910](#) – *Песков В.Н.* Гимнастический пасквиль // *Русский спорт*. 1910. № 34. С. 15.
- [Размолодин, 2001](#) – *Размолодин М.Л.* Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль: Александр Рутман, 2001.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Рылов, 2010](#) – *Рылов В.Ю.* Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2010. № 7 (78). С. 150–158.
- [Севастопольские..., 1911](#) – Севастопольские потешные роты // *Потешный*. 1911. № 10. С. 16–17.
- [Скаутизм в России, 1916](#) – Скаутизм в России. Труды первого съезда по скаутизму. Пг.: об-во «Русский скаут», 1916. 128 с.
- [См-ъ. В., 1912](#) – *См-ъ. В.* Задачи потешных // *Русский спорт*. 1912. № 50. С. 6–7.
- [Смирнов, 2013](#) – *Смирнов М.А.* Сокольская гимнастика как феномен развития физической культуры на территории Российской империи в начале XX века // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2013. № 4–3(80). С. 178–180.
- [Сорока-Росинский, 1991](#) – *Сорока-Росинский В.Н.* Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1991. 239 с.
- [Тишков, 2013](#) – *Тишков В.А.* Российский народ. Теория и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
- [Угрин, 2017](#) – *Угрин И.М.* Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. М.: ИФ РАН, 2017. 106 с.
- [Ушинский, 1990](#) – *Ушинский К.Д.* Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Педагогика, 1988–1990. Т. 1. 1988. 414 с.
- [Хрох, 2000](#) – *Хрох М.* Ориентация в типологии // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 9–24.
- [ЦГАКФФД СПб](#) – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.
- [Шацкий, 1962](#) – *Шацкий С.Т.* Педагогические сочинения: в 4 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962–1964. Т. 1. 1962. 503 с.
- [Шацкая, 1919](#) – *Шацкая В.Н.* Музыка в детском саду. М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1919. 40 с.
- [Юные пожарные, 1910](#) – Юные пожарные // *Потешный*. 1910. № 1. С. 16.
- [Billig, 1995](#) – *Billig M.* Banal nationalism. London: Sage, 1995. 200 p.
- [Bulatov, Kovaleva, 2024](#) – *Bulatov I., Kovaleva D.* The formation of civic identity in the “poteshnie” movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 1 // *Bylye Gody*. 2024. 19(4). Pp. 1946–1957.
- [Connor, 2004](#) – *Connor W.* The timelessness of nations // *Nations and Nationalism*. 2004. 10(1–2). Pp. 35–47.

- [Hearn, Antonsich, 2018](#) – Hearn J., Antonsich M. Theoretical and methodological considerations for the study of banal and everyday nationalism // *Nations and Nationalism*. 2018. 24 (3). Pp. 594-605.
- [Jones, Merriman, 2009](#) – Jones R., Merriman P. Hot, banal and everyday nationalism: Bilingual road signs in Wales // *Political Geography*. 2009. 28 (3). Pp. 164-173.
- [Skey, 2008](#) – Skey M. "Carnivals of Surplus Emotion?" Towards an Understanding of the Significance of Ecstatic Nationalism in a Globalising World // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. 6 (2). Pp. 143-161.

References

- [1-i Zakaspiiskii..., 1910](#) – 1-i Zakaspiiskii poteshnie polk [1st Transcaspian Poteshnyi Regiment]. *Poteshnie*. 1910. 4: 12. [in Russian]
- [A.P., 1910](#) – A.P. (1910). Kronshtadtskii detskii batal'on [Kronstadt Children's Battalion]. *Poteshnie*. 5: 15-17. [in Russian]
- [Anuchin, 1912](#) – Anuchin, V. (1912). O sokol'stve [About sokol's]. *Sibirskaya zhizn'*. 101: 4. [in Russian]
- [Baden-Paul', 1916](#) – Baden-Paul', R. (1916). Yunyi razvedchik [Young scout.]. Petrograd: t-vo V.A. Berezovskii, 334 p. [in Russian]
- [Bakhterev, 2023](#) – Bakhterev, D.V. (2023). Rossiiskoe razvedchestvo skvoz' prizmu evolyutsii skautskikh zakonov [Russian intelligence through the prism of the evolution of scouting laws]. *Nauchnye vyskazyvaniya*. 22(46): 26-32. [in Russian]
- [Berdyayev, 2012](#) – Berdyayev, N.A. (2012). Filosofiya neravenstva. [Philosophy of Inequality]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. 624 p. [in Russian]
- [Billig, 1995](#) – Billig, M. (1995). Banal nationalism. London: Sage. 200 p.
- [Bulatov, 2023](#) – Bulatov, I.A. (2023). Natsional'noe vospitanie v russkikh detskikh organizatsiyakh pervoi poloviny XX v. [National education in Russian children's organizations of the first half of the XX century]. Saratov. 456 p. [in Russian]
- [Bulatov, Kovaleva, 2024](#) – Bulatov, I., Kovaleva, D. (2024). The formation of civic identity in the "poteshnie" movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 1. *Bylye Gody*. 19(4): 1946-1957.
- [Bulgakov, 1993](#) – Bulgakov, S.N. (1993). Sochineniya v dvukh tomakh [Works in two volumes]. T. 2. Izbrannye stat'i. M.: Izdatel'stvo Nauka. 603 p. [in Russian]
- [Connor, 2004](#) – Connor, W. (2004). The timelessness of nations. *Nations and Nationalism*. 10(1-2): 35-47.
- [Dmitriev, 1913](#) – Dmitriev, N.V. (1913). Natsional'naya shkola [National School]. SPb. 186 p. [in Russian]
- [Dumy i poteshnie, 1911](#) – Dumy i poteshnie [Thoughts and poteshnie]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 147: 2. [in Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- [GASO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [The State Archive of the Saratov region].
- [Genkel', 1915](#) – Genkel', G.G. (1915). Moi yunye razvedchiki [My young scouts]. *Priroda i lyudi*. 32: 505-507. [in Russian]
- [Gefner, 2010](#) – Gefner, O.V. (2010). Voennyeipatrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX v.: «poteshnoe» dvizhenie v gorodakh Zapadnoi Sibiri [Military and patriotic education of youth at the beginning of the XX century: the "poteshnoe" movement in the cities of Western Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2(56): 162-172. [in Russian]
- [Hearn, Antonsich, 2018](#) – Hearn, J., Antonsich, M. (2018). Theoretical and methodological considerations for the study of banal and everyday nationalism. *Nations and Nationalism*. 24(3): 594-605.
- [Jones, Merriman, 2009](#) – Jones, R., Merriman, P. (2009). Hot, banal and everyday nationalism: Bilingual road signs in Wales. *Political Geography*. 28(3): 164-173.
- [K paradu..., 1911](#) – K paradu poteshnykh voisk [To the parade of poteshnie troops]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 19. [in Russian]
- [K smotru poteshniekh, 1912](#) – K smotru poteshniekh [To the show of poteshnie]. *Russkii sport*. 1912. 31: 6. [in Russian]
- [K Tsarskomu smotru..., 1911](#) – K Tsarskomu smotru poteshnykh [For the Royal review of the poteshnie]. *Poteshnyi*. 1911. 20: 1. [in Russian]
- [Kachulina, 2017](#) – Kachulina, N.N. (2017). Istoricheskie usloviya rasprostraneniya sokol'skogo dvizheniya v Rossiiskoi Imperii [Historical conditions for the distribution of the Sokolsky movement in the Russian Empire]. *Nauchnyi al'manakh*. 4-2(30): 66-70. [in Russian]
- [Kovalevskii, 1922](#) – Kovalevskii, P.I. (1922). Russkii natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii. [Russian nationalism and national education in Russia]. N'yu-Iork: Soyuz Edinstvo Rusi. 333 p. [in Russian]
- [Konichek, 1911](#) – Konichek, S.O. (1911). Sokol'stvo [Sokol movement]. M.: Slaviya. 29 p. [in Russian]
- [Krupskaya, 1959](#) – Krupskaya, N.K. (1959). Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays.]: V 10 v. Moskva: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1957–1963. V. 5. 688 p. [in Russian]
- [Kudriashov, 2005](#) – Kudriashov, Yu.V. (2005). Rossiiskoe skautskoe dvizhenie [Russian scout movement]. Arkhangelsk. 593 p. [in Russian]

- L.G., 1912–1913** – L.G. (1912–1913). Zagranichnye izvestiya. Statistika sokol'stva [Foreign news. Sokol statistics]. *Sokol*. 6–7: 121. [in Russian]
- Lutskevich, 1912** – Lutskevich, A.A. (1912). Bahmutskie «poteshnie» [Bahmut's poteshnie]. Bakhmut. 62 p. [in Russian]
- Materialy..., 1915** – Materialy po reforme srednei shkoly: Primernye programmy i ob"yasnitel'nye zapiski, izdannye po rasporyazheniyu g. Ministra narodnogo prosveshcheniya [Materials on the reform of secondary schools: Model programs and explanatory notes, published by order of the Minister of Public Education]. Petrograd: Senatskaya tip. 1915. 547 p. [in Russian]
- Merkulov, 2014** – Merkulov, P.A. (2014). Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XXI v.) [Historical experience of development and implementation of state youth policy in Russia (second half of the 19th – beginning of the 21st centuries)]. Orel: OF RANKhiGS. 488 p. [in Russian]
- Miller, 2006** – Miller, A.I. (2006). Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo razvitiya [The Romanov Empire and nationalism: an essay on the methodology of historical development]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p. [in Russian]
- Neskol'koslov..., 1912** – Neskol'ko slov po povodu stat'i g. Tarasova «Gimnastika» [A few words about Mr. Tarasov's article "Gymnastics"]. *Russkii sport*. 1912. 33: 4. [in Russian]
- Nikitin, 1912–1913** – Nikitin, L. (1912–1913). Izvestiya sokol'skikh obshchestv [News of Sokol Societies]. *Sokol*. 2: 37. [in Russian]
- Nikitin, 1912–1913a** – Nikitin, T.R. (1912–1913). Idealy sokola i zadachi sokol'skikh organizatsii [The ideals of Sokol and the tasks of Sokol organizations]. *Sokol*. 4–5: 70–72. [in Russian]
- Novitskii, 1930** – Novitskii, E. (1930). Stranichka iz istorii skautizma [A page from the history of scouting]. *Chasovoi*. 35: 22–23.
- Pantyukhov, 1912** – Pantyukhov, O.I. (1912). V gostyax u boj-skautov [Visiting the boy scouts]. Maplewood, NJ. SPb.: tip. Gl. upr. udelov. 14 p. [in Russian]
- Pantyukhov, 1969** – Pantyukhov, O.I. (1969). O dnyakh bylykh [About the days gone by]. Maplewood, NJ. 315 p. [in Russian]
- Parad, 1911** – Parad [Parade]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 165: 2. [in Russian]
- Peskov, 1910** – Peskov, V.N. (1910). Gimnasticheskii paskvil' [Gymnastic libel]. *Russkii sport*. 34: 15. [in Russian]
- Razmolodin, 2001** – Razmolodin, M.L. (2001). Chernosotennoe dvizhenie v Yaroslavle i guberniyakh Verkhnego Povolzh'ya v 1905–1915 gg. [The Black Hundred movement in Yaroslavl and the Upper Volga provinces in 1905–1915]. Yaroslavl': Aleksandr Rutman. 247 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi storicheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Rylov, 2010** – Rylov, V.Yu. (2010). Patrioticheskie voenno-sportivnye organizatsii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii nachala XX veka [Patriotic and military-sports organizations in the socio-political life of Russia at the beginning of the XX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7(78): 150–158. [in Russian]
- Sm. V., 1912** – Sm. V. (1912) Zadachi poteshnykh [Poteshnie tasks]. *Russkii sport*. 50: 6–7. [in Russian]
- Sevastopol'skie..., 1911** – Sevastopol'skie poteshnie rot'y [Sevastopol poteshnie companies]. *Poteshnyi*. 1911. 10: 16. [in Russian]
- Skautizm v Rossii, 1916** – Skautizm v Rossii. Trudy pervogo s"ezda po skautizmu [Scouting in Russia: Proceedings of the First Congress of Scouting]. Petrograd: ob-vo «Russkii skaut». 1916. 128 p. [in Russian]
- Smirnov, 2013** – Smirnov, M.A. (2013). Sokol'skaya gimnastika kak fenomen razvitiya fizicheskoi kul'tury na territorii Rossiiskoi imperii v nachale XX veka [Sokol gymnastics as a phenomenon of the development of physical culture in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva*. 4–3(80): 178–180. [in Russian]
- Soroka-Rosinskii, 1991** – Soroka-Rosinskii, V.N. (1991). Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]. M.: Pedagogika. 239 p. [in Russian]
- Tishkov, 2013** – Tishkov, V.A. (2013). Rossiiskii narod. Teoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [The Russian people. The theory and meaning of national identity]. M.: Nauka, 649 p. [in Russian]
- Ugrin, 2017** – Ugrin, I.M. (2017). Rossiiskaya gosudarstvennost' i imperskaya paradigma: filosofskii analiz [Russian statehood and the imperial paradigm: a philosophical analysis]. M.: IF RAN. 106 p. [in Russian]
- Ushinskii, 1988** – Ushinskii, K.D. (1988). Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]: v 6 v. Moskva: Pedagogika, 1988–1990. V. 1. 414 p. [in Russian]
- Shatskii, 1962** – Shatskii, S.T. (1962). Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]: v 4 v. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1962–1964. V. 1. 503 p. [in Russian]
- Shatskaya, 1919** – Shatskaya, V.N. (1919). Muzyka v detskom sadu [Music in kindergarten]. M.: Vseros. tsentr. soyuz potreb. o-v. 40 p. [in Russian]

- [Skey, 2008](#) – Skey, M. (2008). "Carnivals of Surplus Emotion?" Towards an Understanding of the Significance of Ecstatic Nationalism in a Globalising World. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 6(2): 151.
- [TsGAKFFDSPb](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Film and Photo Documents of St. Petersburg].
- [Vasilyuk, 2014](#) – Vasilyuk, A.V. (2014). Stanovlenie lichnosti Miroslava Tyrsha – osnovatelya cheshskogo «sokola» [The development of Miroslav Tyrš, the founder of the Czech "Sokol"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2(28): 94-96. [in Russian]
- [Vnutrennie izvestiya, 1909](#) – Vnutrennie izvestiya. Sankt-Peterburg [Internal news. St. Petersburg]. *Russkii invalid*. 1909. 87: 2.
- [V.S.E., 1911](#) – V.S.E. (1911). «Poteshnie» v Sibiri ["Poteshnie" in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 11: 9-25. [in Russian]
- [Vyatskie sokoly, 1910](#) – Vyatskie sokoly [Vyatka sokols]. *Vyatskaya rech'*. 1910. 172: 3. [in Russian]
- [Vysochaishii smotr..., 1911](#) – Vysochaishii smotr poteshnym [The highest review of the poteshnie]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 164: 2. [in Russian]
- [Yunye pozharnye, 1910](#) – Yunye pozharnye [Young firefighters]. *Poteshnyi*. 1910. 1: 16. [in Russian]

Пути формирования национальной идентичности в детско-юношеских организациях Российской империи в начале XX века

Иван Александрович Булатов ^{a, *}, Юлия Михайловна Быстрова ^a

^aСаратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. Российская империя переживала процесс становления нации, и государство старалось активно участвовать в этом процессе, формируя гражданскую нацию. Проводниками этой деятельности в определённой степени стали и детско-юношеские движения, появившиеся в стране в первое десятилетие прошлого века. Все они возникли по общественной инициативе, в них велась патриотическая работа, не противоречащая государственной идеологии, хотя и в каждом была своя специфика. Гимнастическое движение «Сокол», пришедшее из Чехии, стояло на идеях панславизма, видя в России лидера славянских стран, а английский скаутинг пропагандировал идеи международного братства внутри данной организации. От них отличались «детские роты военного строя и гимнастики», более известные как «потешные», появившиеся в России и не имевшие контактов с другими странами. При этом «Сокол», как, прежде всего, физкультурная организация, в наименьшей степени занимался патриотическим воспитанием и в основном сосредотачивался на выстраивании наднациональной славянской идентичности. Скауты же и «потешные», хотя и в разной степени, уделяли патриотизму и сплочению нации много внимания. В работе особо рассматривается методика такого воспитания и делается вывод об актуальности части этих методов и сегодня.

Ключевые слова: потешные, скауты, Сокол, внешкольное воспитание, национальное воспитание, Российская империя, гражданская идентичность, О.И. Пантюхов, А.А. Луцкевич, детские парады.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bulatovivan64@gmail.com (И.А. Булатов), bystrovau@yandex.ru (Ю.М. Быстрова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 491-496
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.491

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Socio-Demographic Composition of Kharkiv University Students during World War I

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Andrii E. Lebid ^{a, b}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b East European Historical Society, Houston, USA

Abstract

The article reconstructs and interprets the social structure of the student body at Kharkiv University during the 1914–1916 academic years. The study is based on mass administrative sources – official printed lists of students for the 1914–1915 and 1915–1916 academic years that provide systematic information on faculty affiliation and social origin, recorded in estate-based categories. Methodologically, the study combines a comprehensive quantitative analysis with a qualitative institutional interpretation of the data, enabling analysis at two levels: the university as a whole and a comparative faculty-level perspective. The results demonstrate that the university entered the wartime period with a socially mixed profile rather than a strictly noble-dominated one. Students of burgher origin constituted the core of the student body, while the nobility retained a significant presence, and the peasant component was already substantial at the beginning of the war. A comparison between the 1914–1915 and 1915–1916 academic years reveals a consistent direction of change: the share of nobles decreased, the proportion of students of peasant origin increased, and burghers maintained their dominant position. These shifts indicate that the war did not generate social transformation *ex nihilo* but rather intensified pre-existing tendencies within the university. A comparative faculty-level analysis reveals a pronounced asymmetry in wartime dynamics. The Faculty of Medicine functioned as the most socially open segment of the university and displayed the strongest growth of students of peasant origin, supporting the interpretation of medical education as a channel of professional mobility under conditions of wartime demand. In contrast, the Faculty of History and Philology remained the most elite part of the university, maintaining a comparatively high share of noble students and demonstrating strong institutional inertia. The Faculty of Law occupied an intermediate position, combining a notable noble presence with a stable burgher core, while the Faculty of Physics and Mathematics exhibited the greatest structural stability and the slowest pace of social change. The article argues that the impact of World War I on the social composition of Kharkiv University should be understood primarily as a catalytic effect rather than a decisive disruption. The observed transformations are interpreted as selective (asymmetrical) modernization, in which openness by social origin increased unevenly across faculties, whereas other boundaries, most notably the gender boundary of the classical university remained unchanged in the analyzed period. The findings provide an empirically grounded basis for further research on 1917–1918, when revolutionary developments may have altered not only quantitative proportions but also the institutional principles of access, accounting, and governance in higher education.

Keywords: Kharkiv University, social structure, social origin, higher education history, social mobility.

1. Introduction

The social history of universities in the Russian Empire in the early twentieth century allows us to view higher education not only as an educational system but also as a tool for recruitment, professionalization,

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

and social mobility. The university retained its corporate features and traditions while simultaneously responding to societal changes: economic development, the growing role of professions, and shifting educational attitudes and expectations among the urban strata. The Great War of 1914–1918 was a transformative factor, including within the higher education system. It affected student enrollment numbers, career strategies, and the demand for specific specialties. However, the war did not serve as a "universal equalizer". The university's response was uneven and largely dependent on its faculties: applied fields were more likely to open up to non-privileged groups, whereas the humanities maintained a high degree of social selectivity. The events of the February and October Revolutions of 1917 radically changed the political environment of the university, yet they did not signify the immediate termination of university tradition. At the level of institutional continuity, it is more accurate to speak of a transitional period from 1917 to 1920 – when the university operated under conditions of autocracy, crisis management, and the revision of administrative models and subsequently of the systemic reform of the Soviet era. This reform led to the transformation of the classical university into an Institute of Public Education in 1920, with the partial preservation of its material base, some faculty members, and the ongoing challenge of maintaining academic traditions.

2. Materials and methods

The source material for this study comprises the student lists of Kharkiv University for the 1914–1915 (*Spisok studentov...*, 1915; *Dopolnitel'nyi spisok...*, 1915) and 1915–1916 (*Spisok studentov...*, 1916) academic years. These are administrative and accounting documents that record student data by faculty, specifically containing information regarding social background. The primary advantage of such sources is their standardized format. While the military-historical context is crucial for explaining these changes, our quantitative data exclusively cover the 1914–1916 period. The student list of Kharkiv University for the 1916–1917 academic year is accessible (*Alfavitnyi spisok...*, 1917), but its format differs significantly from those of the 1914–1915 and 1915–1916 academic years used in our study. Unlike preceding years, the 1916–1917 alphabetical list records students primarily in alphabetical order with faculty abbreviations, lacking systematic indications of social origin. This omission makes it impossible to reconstruct the social structure of the student body using the methodological framework applied to the 1914–1916 materials. Consequently, the lists for the 1916–1917 academic year were excluded from the quantitative tables in this article and were not used to construct dynamic series. Their inclusion without methodological adjustment would have violated the principle of source comparability. Nevertheless, despite the absence of social origin data, the 1916–1917 alphabetical list allows for the reconstruction of the student body's size and faculty structure. This facilitates tracing the overall scale of the university and faculty proportions immediately preceding the revolutionary events of 1917.

The methodological foundation of this study is a combination of quantitative socio-historical analysis with institutional and source-study approaches, enabling the examination of the Kharkiv University student body as a historically determined social community formed within a specific administrative and regulatory framework. Quantitative analysis was conducted using a continuous counting method, covering the entire available student population for each academic year without employing sampling techniques. This approach minimizes the risk of statistical distortion and permits an accurate comparison of both university-wide indicators and faculty structures. To ensure data comparability, social categories were aggregated into distinct groups (nobles, burghers, peasants, and other estates) following the internal logic of the source.

The analytical procedure entailed several successive levels. First, the social composition of the university as a whole was reconstructed for each academic year, allowing us to record the general proportions and dynamics between 1914–1915 and 1915–1916. Second, a structural analysis was conducted wherein each faculty was treated as a distinct social and functional unit with its own recruitment logic and professional orientation. This approach highlighted the asymmetrical nature of social change, avoiding oversimplification of the university student body. The qualitative interpretation of quantitative data was performed within the framework of the institutional approach, which views the university as a system characterized by internal hierarchy, traditions, and adaptive mechanisms. In this context, faculties are interpreted not merely as educational divisions but as structural segments of the university fulfilling different social functions. This perspective links shifts in the social composition of the student body to the specificities of professional training, the demand for specialists, and broader transformations within imperial society under wartime conditions.

Special attention is given to the principle of methodological limitation. The study deliberately adheres to the informational constraints of the utilized sources: the gender dimension is noted solely based on the presence or absence of women in the student lists, without attempting to extrapolate these findings to non-university forms of women's education. Social mobility is interpreted as a structural opportunity rather than an individual trajectory. This stance ensures consistency among the research questions, the source base, and the resulting conclusions. Consequently, the selected methodology successfully integrates precise quantitative source analysis with a historically accurate interpretation of the institutional context, enabling the reconstruction of the socio-structural dynamics of Kharkiv University students during the 1914–1916 academic years.

3. Discussion

The study of university students in the Russian Empire encompasses several established research

areas. The first involves the history of the student movement and political activism. In these works, social composition is often relegated to background context and rarely serves as a primary subject of analysis. The second area is the social history of education, wherein students are examined as integral components of state and societal modernization processes, the formation of the intelligentsia, professional groups, mobility channels, and the broader intellectual environment. Various scholarly studies outline the general background of social transformations, specifically in education, emphasizing the growing role of urban estates, the gradual erosion of estate boundaries in career practices, and the expansion of education as a valuable resource. Against this backdrop, universities gradually evolved beyond the "noble corporation" model, although the pace of this transition varied across regions and institutions.

A distinct body of scholarly literature focuses on the university as an institution, examining its relations with the government, the professorial corporation, its internal structure, and the function of faculties. This literature underscores the concept that the university was not homogeneous; its faculties performed distinct social functions. Medical education was generally viewed as highly "practical"; legal education served as a pathway to the civil service and elevated social status; while historical and philological studies provided a space for cultivating cultural capital.

Our previous publications establish a consistent research trajectory centered on the university as an institution during the late imperial era, exploring its governance mechanisms, regulatory frameworks, the role of administrative positions in implementing state educational policy, and interactions with the academic corporation (Lebid, Shevchenko, 2021). A logical extension of this institutional perspective was a series of studies focusing on the rectory as a pivotal element of university administration in the Russian Empire during the nineteenth and early twentieth centuries. In a specific study on Kharkiv University, the rectorate is analyzed as an "indicator" of the interplay among bureaucratic control, internal autonomy, and the corporate practices of a classical university (Lebid, 2022a). Concurrently with this institutional focus, we investigated the socio-structural dynamics of the student body, albeit within a different chronological timeframe. Notably, in an article analyzing the social composition of Kharkiv Imperial University students during the second half of the nineteenth century, we tested an approach utilizing accounting sources and proposed a model for the quantitative reconstruction of the student body's social profile (Lebid, 2022b). In the context of the previous institutional series, we analyzed several university centers in Ukraine (Kharkiv, Kyiv, Odesa), establishing a comparative interpretive horizon. The present study, which focuses on Kharkiv University from 1914 to 1916, lays the empirical foundation for future comparisons of student social composition across Ukrainian universities. This will ultimately facilitate the integration of managerial and social dimensions into a comprehensive comparative study.

4. Results

Kharkiv University possesses a rich institutional history. In modern historiography concerning the social history of higher education in the Russian Empire during the late nineteenth and early twentieth centuries, a consensus has emerged suggesting that universities gradually shed their character as exclusive noble corporations, transforming into socially mixed institutions. This process is typically linked to urbanization, the development of a professional economy, and the heightened educational expectations of urban estates (Ivanov, 1999; Ivanov, 2023; Mironov, 2003). Conversely, some scholars view World War I as a critical turning point capable of drastically altering the social composition of students through military mobilization, personnel losses, and shifts in educational policy. The analyzed data from Kharkiv University help clarify the relationship between these two interpretations.

The data for the 1914–1915 academic year (Table 1) indicate that at the onset of the war, the university already possessed a socially mixed structure: burghers constituted the largest group, the nobility maintained a significant but non-dominant position, and the peasant component was clearly evident. This indicates that the departure from a purely noble-centric model began well before the conflict and cannot be attributed solely to the war. Nevertheless, a comparison between 1914–1915 and 1915–1916 (Tables 2–3) reveals distinct transformations: a decline in the share of the nobility and a concurrent rise in the peasant component, alongside the stable dominance of burghers. Therefore, the war did not forge a new social model but rather accelerated and exacerbated pre-existing trends. Empirical analysis confirms that while the war's impact was significant, it was not decisive.

Institutional studies of universities consistently emphasize that faculties function not merely as administrative units but execute diverse social roles, attracting distinct student demographics (Andreev, 2009). Yet, in broader generalizations, this premise often remains theoretical rather than empirically validated. An examination of Kharkiv University's faculties (Tables 4–6) addresses this gap. In the 1914–1915 academic year (Table 4), an internal social hierarchy is readily apparent. The Faculty of History and Philology emerged as the most elite. Here, the proportion of nobles significantly exceeded the university average, while the peasant component remained minimal. This configuration aligns with the interpretation of humanities education as an arena for accumulating cultural and symbolic capital, wherein social selectivity endures even amidst broader transformations. Conversely, the Faculty of Medicine exhibited the greatest social openness, even in the pre-war period. This faculty boasted the highest share of peasants among all disciplines. This finding supports the widespread understanding of medical education as a primary conduit

for professionalization and vertical mobility. The Faculty of Law occupied a transitional space: it retained a substantial noble presence but was dominated by students of burgher origin oriented toward state and legal careers. The Faculty of Physics and Mathematics displayed a highly "balanced" profile, merging elements of elitism with relative openness.

The war years of 1915–1916 did not dismantle this faculty hierarchy but rendered it more dynamic (Tables 5–6). The most pronounced shifts occurred within the Faculty of Medicine, where the influx of students of peasant origin peaked, while the share of nobility plummeted to the lowest level across all faculties. This trend solidifies medicine's role as the primary driver of the university's social openness during wartime, substantiating institutional hypotheses with quantitative evidence. The Faculty of Law experienced the most significant reduction in its noble component, potentially reflecting altered career strategies among privileged groups. Concurrently, the sustained dominance of burghers underscores the stability of this faculty's social function. The Faculty of Physics and Mathematics exhibited the slowest rate of change, highlighting the inherent inertia of the academic and scientific sector. Despite a slight decrease in its noble cohort, the Faculty of History and Philology remained the most elite, illustrating the humanities segment's resilience to external shocks. Thus, the military context did not eliminate inter-faculty distinctions; rather, it amplified them. These dynamic highlights the asymmetrical nature of social change within the university.

A distinct historiographical focus addresses women's education and the gender boundaries inherent in the university system. Researchers have convincingly demonstrated that even as access to education expanded, classical universities remained exclusively male corporations, forcing women's higher education to develop within alternative institutional frameworks. The examined records from Kharkiv University for 1914–1916 empirically substantiate this thesis: there are no women documented in the student lists. Consequently, the university's modernization proved highly selective: the relaxation of estate-based barriers coincided with the rigid enforcement of normative gender restrictions.

In summary, Kharkiv University during the 1914–1916 academic years exemplifies an institution undergoing selective modernization. The war accelerated ongoing social shifts but failed to dismantle the internal faculty hierarchy or alter the foundational regulatory framework governing educational access. Social openness was predominantly localized in applied disciplines, whereas the humanities retained heightened selectivity, and gender boundaries remained wholly unchanged.

Table 1. Social composition of students at Kharkiv University in 1914–1915 (*Spisok studentov...*, 1915; *Dopolnitel'nyi spisok...*, 1915)

Social group	%
Nobles	32.0
Burghers	37.2
Peasants	19.2
Other estates	11.6

Table 1 shows a fairly balanced, but definitely "urban" profile of the student body. The largest share is made up of burghers, which is logical for a university located in a large city and regional center. The nobility takes the second position and remains a highly noticeable component. At the same time, almost one-fifth of the students come from peasant backgrounds, which is a crucial indicator that the university was not a closed club of privilege.

Table 2. Social composition of students at Kharkiv University in 1915–1916 (*Spisok studentov...*, 1916)

Social group	%
Nobles	28.3
Burghers	38.2
Peasants	21.5
Other estates	12.0

In 1915–1916, the total number of students decreases, but the format of the changes is more significant. The share of nobles decreases by almost 4 %, while the share of peasants increases. The burghers not only retain first place but also strengthen their position. This demonstrates the "pulling up" of non-privileged groups within the university structure against the backdrop of military mobilization and societal restructuring. These changes should not be attributed to the war alone. Rather, it accelerates existing trends. The decline in the share of nobles may reflect both a mobilization factor and a shift in educational strategies within a privileged environment. Concurrently, the growth of the peasant component reveals the increased attractiveness of vocational education for broader social groups.

Table 3. Dynamics of the social composition of students (1914–1915, 1915–1916)

Social group	1914–1915, %	1915–1916, %	Change
Nobles	32.0	28.3	-3.7
Burghers	37.2	38.2	+1.0
Peasants	19.2	21.5	+2.3
Other estates	11.6	12.0	+0.4

Table 3 summarizes the main point: the university becomes slightly more socially open, but the changes are not revolutionary. The burghers remain the "nucleus"; the decline of the nobility and the growth of the peasantry form the primary vector. For a historian, it is crucial not to exaggerate the scale: we do not observe a breakdown, but a shift in the weight of components within an already mixed composition.

Table 4. Social composition of students by faculty in the 1914–1915 academic year ([Spisok studentov..., 1915](#); [Dopolnitel'nyi spisok..., 1915](#))

Faculty	Nobles, %	Burghers, %	Peasants, %	Other, %
Faculty of Law	34.1	37.3	17.4	11.2
Faculty of Medicine	22.1	40.4	25.1	12.4
Faculty of Physics and Mathematics	31.6	35.6	20.3	12.5
Faculty of History and Philology	44.6	33.8	11.9	9.7

Table 4 shows that the "social portrait" of the university consists of different faculty models. The Faculty of History and Philology is the most elitist. Almost half of the enrolled students are of noble origin, and the share of peasants is the lowest. This perfectly aligns with the role of humanities education as a space of cultural capital and symbolic status. The Faculty of Medicine, conversely, demonstrates the greatest social openness. The share of students from rural backgrounds exceeds a quarter. The Faculty of Law serves as a "compromise" – featuring a noticeable presence of nobles but dominated by burghers. The Faculty of Physics and Mathematics mirrors the Faculty of Law but maintains a slightly higher peasant component and a lower share of "others," which may indicate a distinct enrollment configuration and different educational motivations.

Table 5. Social composition of students by faculty in the 1915–1916 academic year ([Spisok studentov..., 1916](#))

Faculty	Nobles, %	Burghers, %	Peasants, %	Other, %
Faculty of Law	28.8	38.7	19.3	13.2
Faculty of Medicine	19.3	39.6	29.4	11.7
Faculty of Physics and Mathematics	29.8	37.6	21.2	11.4
Faculty of History and Philology	40.5	35.4	12.9	11.2

In 1915–1916, the general faculty hierarchy was preserved, but an important detail emerged: the most significant changes occurred where practical demand existed. The Faculty of Medicine increased the representation of students of peasant origin to almost one-third, while the share of nobles fell below 20 %. This reflects enhanced mobility within the applied segment. At the Faculty of Law, the decline in the share of the nobility is more pronounced than at the Faculty of Physics and Mathematics. Concurrently, the burghers retain their dominance, supporting the thesis that legal education was the primary resource for urban estates seeking careers in the legal and administrative spheres. The Faculty of History and Philology remained the most elite even in wartime, highlighting the institutional inertia of the humanities segment.

Table 6. Changes in the share of nobles and peasants by faculty (1914–1915, 1915–1916)

Faculty	Δ nobles	Δ peasants
Faculty of Law	-5.3	+1.9
Faculty of Medicine	-2.8	+4.3
Faculty of Physics and Mathematics	-1.8	+0.9
Faculty of History and Philology	-4.1	+1.0

As shown, the largest increase in the number of students from rural areas occurred at the Faculty of Medicine. This provides crucial evidence that the social openness of the university was not uniform but

possessed local peculiarities. The most significant drop in the share of the nobility is recorded at the Faculty of Law, alongside a noticeable decline at the Faculty of History and Philology. The Faculty of Physics and Mathematics exhibits the slowest rate of change.

In terms of gender, the student lists for the 1914–1915 and 1915–1916 academic years record the absolute absence of women among classical university students, which is inherently an indicator of the institutional limits on higher education access during the late imperial period. The social "openness" of the university during the war was highly selective. The relaxation of estate-based barriers in certain segments coexisted with the preservation of strict normative and practical restrictions for women. Their enduring exclusion demonstrates the sustainability of the university's corporate model.

The findings confirm the general conclusion that universities gradually moved beyond the confines of the nobility, and urban estates became the primary source of students. At the same time, the sources from Kharkiv University allow us to observe the transformation mechanisms more precisely. The primary contribution of the faculty-level approach is its demonstration of divergent trajectories. Medicine functioned as a tangible channel for vertical mobility – the growth of the peasantry is the largest here, and the share of the nobility is the lowest across all faculties. The humanities segment (the Faculty of History and Philology) demonstrates inertia, remaining the most elitist of all faculties during wartime. The Faculty of Law operated as an adaptive faculty – rapidly losing its noble cohort but maintaining strong burgher representation. The Faculty of Physics and Mathematics changed slowly, which can be attributed to both the specifics of educational selection and the rigorously academic nature of the specialty.

5. Conclusion

At the outbreak of World War I (the 1914–1915 academic year), the student body of Kharkiv University already exhibited a mixed social structure characterized by the dominance of burghers, a substantial share of nobility, and a noticeable peasant component. During the 1915–1916 academic year, specific shifts occurred: the proportion of nobles decreased, the share of peasants increased, and the burghers retained their core status. The faculties also varied in their social functions: the Faculty of Medicine was the most open, the Faculty of History and Philology remained conservative regarding noble representation, the Faculty of Law proved adaptive, and the Faculty of Physics and Mathematics maintained its conservative academic model. Ultimately, World War I served as a catalyst that unevenly intensified pre-existing trends and transformations, driving the asymmetrical modernization of the university environment between 1914 and 1916.

References

- [Alfavitnyi spisok..., 1917](#) – Alfavitnyi spisok studentov Khar'kovskogo universiteta 1916–1917 uch. g. [Alphabetical list of students of Kharkiv University in the 1916–1917 academic year]. Khar'kov: Tipografiia "Pechatnoe Delo", 1917. 112 p. [in Russian]
- [Andreev, 2009](#) – Andreev, A. (2009). Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Russian universities of the XVIII – first half of the 20th centuries]. M.: ROSSPEN. [in Russian]
- [Dopolnitel'nyi spisok..., 1915](#) – Dopolnitel'nyi spisok studentov i postoronnikh slushatelei Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta na 1914–1915 akademicheskii god [Additional list of students and external listeners of the Imperial Kharkov University for the 1914–1915 academic year]. Khar'kov: Tipografiia "Pechatnoe Delo", 1915. 10 p. [in Russian]
- [Ivanov, 1999](#) – Ivanov, A. (1999). Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'nyi sostav i obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie [Students in Russia in the late 20th and early 20th centuries: social composition and socio-political movement]. M.: Nauka. [in Russian]
- [Ivanov, 2023](#) – Ivanov, A. (2023). Universitety i vlast' v Rossiiskoi imperii: nachalo XX v. [Universities and power in the Russian Empire: early 20th century]. M.: Printsipium. [in Russian]
- [Lebid, 2022a](#) – Lebid, A. (2022). The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1309-1319.
- [Lebid, 2022b](#) – Lebid, A. (2022). The Social Composition of Students at Kharkov Imperial University in the Second Half of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 266-274.
- [Lebid, Shevchenko, 2021](#) – Lebid, A., Shevchenko, N. (2021). Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century. *Bylye Gody*. 16(4): 1716-1727.
- [Mironov, 2003](#) – Mironov, B. (2003). Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early 20th centuries)]. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin. [in Russian]
- [Spisok studentov..., 1915](#) – Spisok studentov Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta na 1914–1915 akademicheskii god [List of students of the Imperial Kharkov University for the 1914–1915 academic year]. Khar'kov: Tipografiia "Pechatnoe Delo", 1915. 269 p. [in Russian]
- [Spisok studentov..., 1916](#) – Spisok studentov Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta na 1915–1916 akademicheskii god [List of students of the Imperial Kharkov University for the 1915–1916 academic year]. Khar'kov: Tipografiia "Pechatnoe Delo", 1916. 298 p. [in Russian]

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 497-511
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.497

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Administrative Culture of Suspicion: A Denunciation Campaign against the Newspaper “Kazakh”

Yerden Ye. Ibrayev ^a, Gulmira K. Nurusheva ^{a, *}, Dmitriy M. Legkiy ^a, Akmaral Ye. Yeralina ^a

^a Kostanay Regional University named after Akhmet Baitusynuly, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, based on archival materials from the Orenburg Region State Archives, analyzes a little-known episode: the 1914 “denunciation campaign” against the editorial board of the Kazakh newspaper “Kazak” and its leaders, A. Baitursunov and M. Dulatov. Using source analysis and discourse analysis of administrative documents, the authors demonstrate that denunciation in late imperial Russia was not only a form of private political persecution but also part of an institutionalized mechanism of colonial surveillance.

Letters from “trusted Kyrgyz from the Turgai and Ural regions” sent to the Ministry of Internal Affairs and governor's offices demonstrate a strategy by which some of the local elite positioned themselves as loyal intermediaries between the “authorities” and the “ignorant masses”. The bureaucratic trajectory of these appeals – from local officials to the police department – is traced, revealing the depth of the inclusion of peripheral regions in the imperial surveillance system. A comparison of the texts of denunciations and official responses allows us to reconstruct the logic of imperial administrative culture, in which suspicion and denunciation became the primary instruments of control over the national outskirts.

Keywords: Russian Empire, political investigation, denunciation, newspaper “Kazakh”, Akhmet Baitursynov, Myrzhakyp Dulatov, colonial policy, bureaucratic control.

1. Введение

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии наблюдается возрастающий интерес к исследованию механизмов политического контроля и надзора в Российской империи конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется изучению практик доноительства и информационных коммуникаций между центром и периферией, которые обеспечивали функционирование имперской власти в многонациональном пространстве.

В контексте казахской истории начала XX века эта проблематика приобретает особое значение. Именно в этот период формируется новая общественная и интеллектуальная элита, объединённая вокруг печатных изданий – прежде всего газеты «Казакъ» (Оренбург, 1913–1918). Это издание стало не только медиатором модернизационных идей, но и объектом постоянного внимания со стороны имперских властей и полицейского сыска.

Одним из наименее изученных эпизодов в истории «Казакъ» является серия доносов 1914 года, направленных против редакции газеты и её основателей Ахмета Байтурсынова и Мыржакыпа Дулатова. Эти документы – «прошения доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова и оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова – представляют собой уникальные свидетельства того, как внутри имперской системы формировались механизмы лояльности и подозрения, переплетающие интересы колониальной администрации и местной элиты.

* Corresponding author

E-mail addresses: erden-ibraev@mail.ru (Ye.Ye. Ibrayev), nauka_istkaz@mail.ru (G.K. Nurusheva), Legk_d@mail.ru (D.M. Legkiy)

Исследовательская проблема заключается в выявлении и интерпретации механизмов политического доноительства как формы административного надзора в колониальных регионах Российской империи на примере кампании доносов против редакции газеты «Казакъ» (1914 год).

В научной литературе до сих пор отсутствует специальное исследование, рассматривающее эти документы не как отдельный эпизод общественной борьбы, а как источник по истории имперского бюрократического контроля и «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013). Настоящая работа предлагает анализ этой практики в контексте взаимодействия центра и периферии, языка власти и подданнической речи, создавая тем самым новое поле для интерпретации колониального опыта позднимперской эпохи.

Цель настоящей статьи – на основе комплексного источниковедческого анализа выявленных документов показать, каким образом донос функционировал как инструмент колониального контроля и как его бюрократическая обработка отражала особенности взаимодействия между центром и периферией. Задачами исследования являются:

1. Реконструкция хронологии и содержания «кампании доносов» 1914 года;
2. Определение социального происхождения и мотивации авторов обращений;
3. Анализ нарративных стратегий текстов доносов и ответов властей;
4. Выявление роли доноса как элемента административной и идеологической практики Российской империи в её национальных окраинах.

Исследование опирается на документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4), сопоставленные с материалами Департамента полиции и перепиской губернаторских управлений. Методологическую основу составляют подходы исторической антропологии государства, дискурс-анализа административных текстов и концепция внутреннего колониализма (А. Эткинд, С. Королев).

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы данного исследования составляют материалы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), фонд 21, опись 9, дело 4, предоставленные профессором Абсадык А.А. Комплекс документов охватывает период с августа по ноябрь 1914 года и включает свыше десяти официальных бумаг – прошений, писем, рапортов и резолюций, связанных с доносами на редакцию газеты «Казакъ» и её руководителей Ахмета Байтурсынова и Мыржакыпа Дулатова.

Ключевыми текстами являются два анонимных «прошения доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей»: первое – на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова (30 августа 1914 года), второе – оренбургскому губернатору Н.А. Сухомлинову (2 сентября 1914 года). Эти документы заверены начальником Оренбургского губернского жандармского управления генерал-лейтенантом Г.П. Бабичем и сопровождаются обширной бюрократической перепиской, в том числе письмами губернаторов и циркулярами Департамента полиции (октябрь – ноябрь 1914 года).

Содержательно данный корпус представляет собой редкий пример колониальной коммуникации между периферией и центром Российской империи. В текстах отчётливо проявляются механизмы языкового посредничества и административного перевода, когда частные жалобы превращались в документы государственного значения. Важно, что в них сочетаются черты личного доноса (обвинения во «вредной деятельности», «ложном учении», «обмане киргизского народа») и бюрократического жанра с устойчивыми оборотами «всепокорнейше просим» и «разбить всю шайку».

Помимо архивных источников, в работе использованы опубликованные материалы и исследования, позволяющие соотнести выявленные документы с политическим контекстом эпохи. Это, прежде всего, труды о газете «Казакъ» и движении Алаш (М. Койгельдиев, К. Нурпейсов, А. Абсадыков), а также современные исследования о практике доноительства и полицейского надзора в Российской империи (А. Эткинд, С. Королев). Такое сочетание архивных и историографических источников позволяет рассматривать феномен доноса не изолированно, а как элемент широкой системы имперского наблюдения.

В методологическом отношении исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий источниковедческий анализ, дискурс-анализ административных текстов и концепции исторической антропологии государства.

1. Источниковедческий анализ применяется для выявления происхождения, жанровой специфики и подлинности документов. Анонимность «доверенных киргиз» рассматривается как сознательная стратегия самосокрытия, указывающая на страх перед репрессивным аппаратом и одновременно на внутреннюю включенность авторов в колониальную систему.

2. Дискурс-анализ позволяет раскрыть структуру языка доноса: формулы лояльности, образы врага, риторические конструкции страха и просьбы. Внимание уделено тому, как текстуально конструируется понятие «вредной деятельности» и каким образом власть воспроизводит язык подозрения через административные ответы.

3. Антропология государства и теория внутреннего колониализма (А. Эткинд, С. Королев) дают возможность рассматривать донос не только как коммуникацию между гражданином и властью, но и как форму вовлечения периферийных сообществ в дисциплинарную систему империи.

Комбинация этих подходов позволяет трактовать документы 1914 года не как случайный эпизод, а как проявление более широкой практики имперского управления, где донос выступал посредником между частной враждой и государственной репрессией.

Таким образом, архивный комплекс, представленный в деле ГАОО (Ф. 21. Оп. 9. Д. 4), имеет двойную значимость: с одной стороны, как уникальный исторический источник, позволяющий реконструировать конкретный случай политического давления на казахскую интеллигенцию; с другой – как текстуальное свидетельство функционирования имперского механизма подозрения в условиях нарастающего кризиса колониальной системы управления накануне Первой мировой войны.

3. Обсуждение

Проблематика политического надзора и доносительства в колониальных обществах в последние десятилетия активно обсуждается в мировой историографии. Работы Б. Андерсон (Anderson, 2006), Э.Л. Столер (Stoler, 2009) и Т. Баллантайн (Ballantyne, 2012) обращают внимание на роль письменных практик как инструмента имперского управления и конструирования лояльности. Подобный подход разделяют Дж. Бербанк и Ф. Купер (Burbank, Cooper, 2010), рассматривающие империю как систему административных технологий, обеспечивающих господство через текст и архив. Авторы Д.Р. Брауэр и Э.Дж. Лаззерини в своём труде (Brower, Lazzerini, 1997) рассматривают бюрократические практики как часть более широкой логики имперской идентичности.

Настоящее исследование продолжает этот дискуссионный ряд, предлагая рассмотреть кампанию доносов против газеты «Казакъ» как локальное проявление универсального имперского механизма письменного контроля.

Архивные материалы, положенные в основу настоящего исследования, впервые были введены в научный оборот А.А. Абсадык в статье «Газета “Казакъ” и её оппоненты в казахском обществе в годы Первой мировой войны» (Absadyk et al., 2022). В указанной работе были выявлены ключевые документы Оренбургского губернского жандармского управления – прошения «доверенных киргиз» Тургайской и Уральской областей и переписка между губернатором Н.А. Сухомлиновым и начальником управления Г.П. Бабичем. Эти источники заложили основу для дальнейшего анализа механизмов политического контроля в колониальной степи.

Настоящее исследование опирается на тот же корпус архивных документов, но рассматривает их не в контексте общественной полемики, а как пример функционирования имперского механизма подозрения – особой административной практики, через которую Российская империя осуществляла власть на периферии. Такой подход позволяет соединить источниковедческий анализ с концепцией «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013) и социально-философским пониманием доноса как формы взаимодействия подданного и государства (Королев, 1996).

История доносов против редакции газеты «Казакъ» вписывается в более широкий контекст имперских практик политического контроля, о чём в последние десятилетия писал ряд исследователей. Прежде всего, А.В. Эткинд, развивая концепцию «внутренней колонизации», показал, что Российская империя выстраивала систему надзора не только по отношению к инородческим окраинам, но и внутри самого русского общества, распространяя метафору колониального управления на всю территорию империи (Эткинд, 2013). В этой логике Казахская степь выступала не просто периферией, а пространством, где административные практики подозрения и контроля проявлялись наиболее откровенно.

Материалы архивного дела против Байтурсынова и Дулатова подтверждают наблюдение Эткинды: империя стремилась управлять через текст – создавая письменные свидетельства о лояльности и отклонении. Донос как жанр административного письма становился частью этого текстуального порядка. В исследовании С.А. Королёва (Королев, 1996) отмечается, что донос в российской культуре был не только моральным или правовым явлением, но и формой самовыражения в условиях дефицита публичного диалога. Для подданного империи жалоба и донос часто совпадали: оба становились средствами включения в коммуникацию с властью.

Исследования новейшего времени дополняют эту картину конкретными примерами полицейской практики. Так, современные исследования казахстанских авторов показали, что ещё в 1907–1910 годах Ахмет Байтурсынов находился под негласным надзором оренбургского отделения охранного отделения, причём система наблюдения продолжала действовать и после снятия прямых обвинений (Ибраев и др., 2022). Этот вывод особенно важен для понимания контекста 1914 года: доносы против редакции «Казакъ» стали не началом, а продолжением длительного процесса наблюдения за формирующейся казахской интеллигенцией.

Публикация Д.М. Легкого, Е.Е. Ибраева и др. (Legkiy et al., 2024) позволяет реконструировать реакцию русской либеральной общественности на арест Байтурсынова в 1909 году. Эти документы раскрывают важный аспект политического поля империи – существование каналов общественной защиты, обращённых к власти теми же инструментами письма, что и доносы. Таким образом, система

контроля порождала зеркальные формы обращения – жалобы, прошения, петиции, – которые лишь усиливали документальную власть государства.

Контекст казахского движения начала XX века, подробно исследованный К.Н. Нурпеисовым (Нурпеисов, 1995) и М.К. Койгельдиевым (Койгельдиев, 2008), помогает понять, почему именно «Казакъ» оказался в центре внимания полицейских структур. Газета выполняла функцию символического объединителя нового слоя национальной интеллигенции, стремившейся к модернизации и политическому самоопределению. Однако для имперской администрации сама идея организованной публичности, выходящей за рамки чиновничьей иерархии, воспринималась как угроза стабильности.

Соединение этих подходов – социально-философского анализа доноса (Королев, 1996), теории «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013) и конкретных архивных кейсов (Ибраев и др., 2022; Legkiy et al., 2024) – позволяет рассматривать дело против «Казакъ» как пример действия колониального механизма подозрения. Империя не ограничивалась цензурой текстов, она конструировала сеть наблюдения, где подданные становились свидетелями друг против друга.

В этом смысле донос – не только источник информации для власти, но и часть самой властной структуры. Как показал Эткинд, в имперской культуре контроль осуществлялся через постоянное производство письменных свидетельств: отчётов, рапортов, жалоб. В казахском случае эта система проявилась особенно отчётливо: на стыке языков, правовых кодов и административных практик.

Таким образом, история кампании доносов против «Казакъ» в 1914 году демонстрирует, как колониальная империя воспроизводила себя через письмо. Архивные документы, исследованные современными авторами, свидетельствуют, что власть не только фиксировала проявления нелояльности, но и создавалась из самой возможности подозрения.

4. Результаты

4.1. Кампания доносов 1914 года: хронология и участники

Поступившие в августе-сентябре 1914 года доносы на редакцию газеты «Казакъ» представляют собой один из наиболее показательных примеров того, как в системе колониального управления Российской империи функционировал механизм политического сыска. Уже в первые недели после начала Первой мировой войны Департамент полиции, обеспокоенный возможными проявлениями нелояльности в национальных окраинах, усилил наблюдение за мусульманской прессой. В этом контексте газета «Казакъ», объединявшая ведущих представителей казахской интеллигенции – Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова и Алихана Букейханова, – оказалась в центре внимания жандармского надзора.

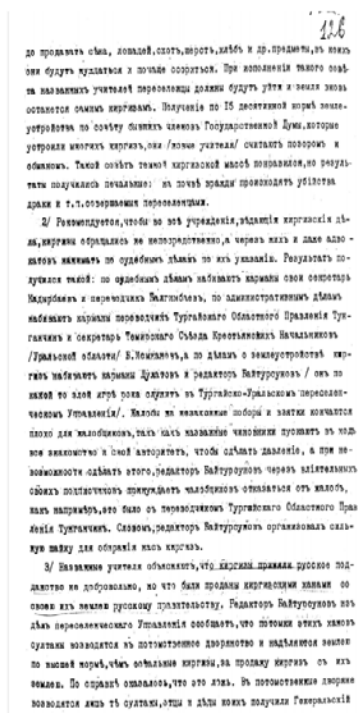
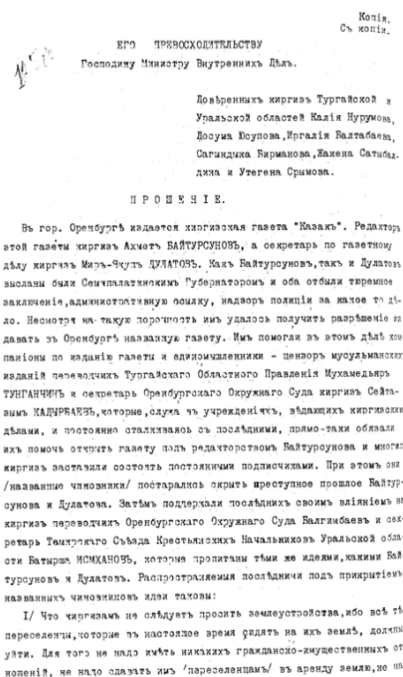

Рис. 1, 2. Копия «Прошения» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» от 30 августа 1914 года на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова, заверенная начальником Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Бабицем
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125-126.

Первые доносы поступили 30 августа 1914 года. Документ, озаглавленный как «Прошение доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей», был адресован министру внутренних дел Н.А. Маклакову. Он заверен начальником Оренбургского губернского жандармского управления генерал-лейтенантом Г.П. Бабичем и содержит прямые обвинения против редакции газеты: «Редактор этой газеты киргиз Ахмет Байтурсунов, а секретарь по газетному делу киргиз Мир-Якуп Дулатов... несмотря на такую порочность им удалось получить разрешение издавать в Оренбурге названную газету» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125).

В прошении фигурирует широкий спектр обвинений – от «взяток и незаконных поборов» до «разжигания вражды между киргизами и переселенцами». Особое внимание авторы обращают на якобы «вредное влияние» газеты на крестьянскую политику и на «ложные советы» Байтурсунова о землеустройстве: «Киргизам не следует просить землеустройства... При исполнении такого совета учителей переселенцы должны будут уйти и земля вновь останется самим киргизам» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126).

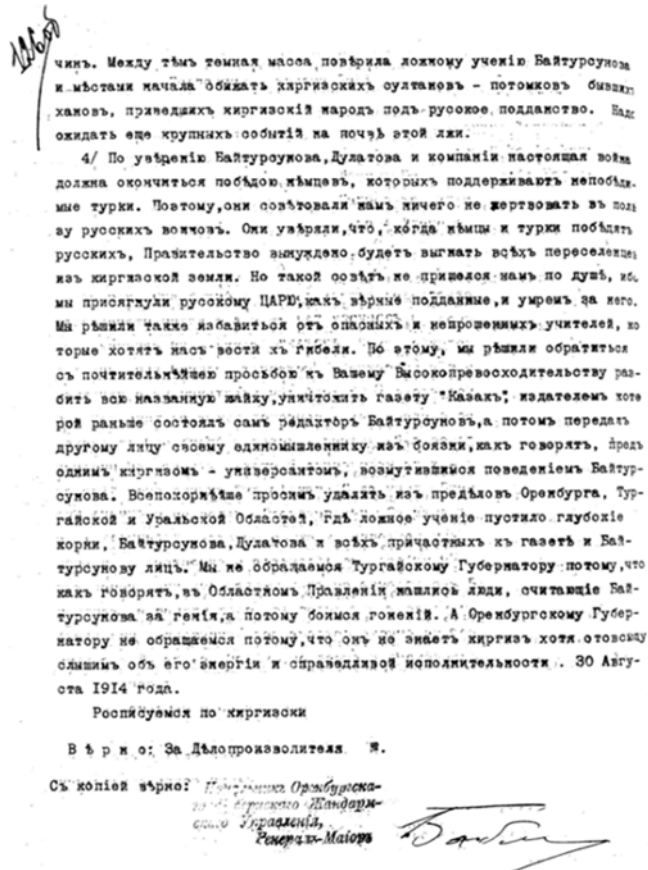

Рис. 3. Копия «Прошения» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» от 30 августа 1914 года на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова, заверенная начальником Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Бабичем
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126об.

Через несколько дней, 2 сентября 1914 года, аналогичное прошение направляется Оренбургскому губернатору Н.А. Сухомлинову и поступает в канцелярию 6 сентября (входящий № 9844). Документ подписан группой лиц: «Калий Нурумов, Досум Юсупов, Иргали Балтабаев, Сагындык Бирманов, Жокен Сатыбалдин, Утеген Срымов» – и представляет собой более развернутую версию первого доноса. Здесь вновь повторяются обвинения в «противоправительственной деятельности» и добавляются новые мотивы, отражающие текущий политический контекст: «Редактор Байтурсунов и его помощник Дулатов... учат нас, что настоящая война окончится победой немцев, ибо за последних заступились непобедимые турки, поэтому молиться за русских не надо» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118–118об.).

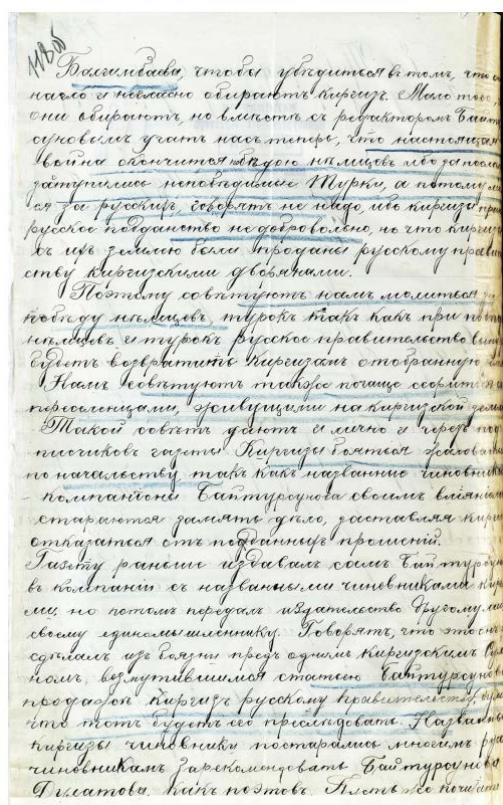
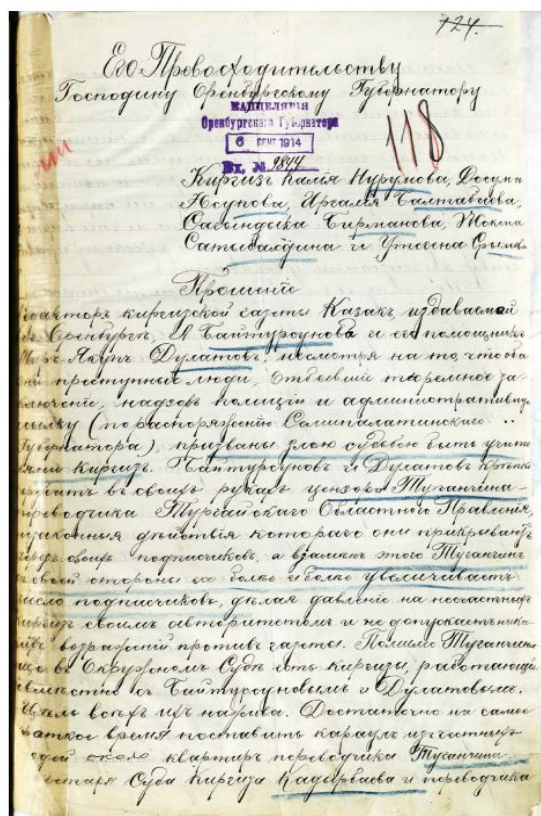

Рис. 4, 5. «Прошение» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» на имя Оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова от 2 сентября 1914 года
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118–118об.

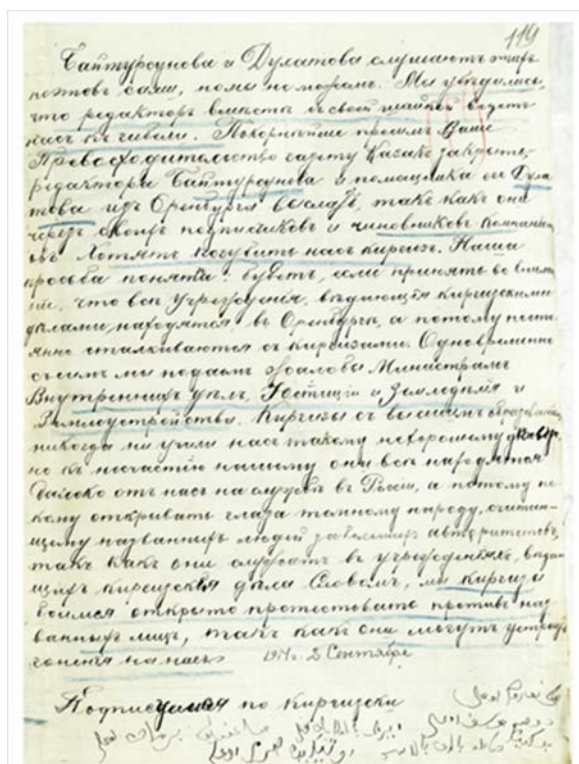

Рис. 6. «Прошение» за подписью «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей» на имя Оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова от 2 сентября 1914 года
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119.

Такие утверждения, очевидно не соответствовавшие действительности, были рассчитаны на то, чтобы вызвать подозрение в нелояльности мусульманского населения в условиях военного времени. В текстах доносов сочетаются элементы личной вражды, страх перед реформами и риторика имперской лояльности. Авторы не только обвиняют Байтурсынова и Дулатова, но и демонстрируют подчеркнутое подданническое усердие:

«Мы присягнули русскому Царю, как верные подданные, и умрем за него... Всепокорнейше просим уничтожить газету “Казакъ” и удалить её редакторов из пределов Оренбурга и Тургайской области» (ГАОО. Ф.21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119).

С точки зрения социальной принадлежности, заявители, по всей видимости, представляли прослойку потомственной казахской знати, обеспокоенной утратой традиционных привилегий. В тексте неоднократно звучат жалобы на «ложное учение» Байтурсынова, будто бы подрывающее авторитет потомков ханов и султанов. Подобная аргументация свидетельствует, что донос выступал не только инструментом репрессивного контроля, но и средством внутриэлитной борьбы, в которой часть казахской аристократии стремилась использовать имперскую бюрократию для подавления нового национального движения.

Реакция властей на полученные доносы была незамедлительной. Уже 8 сентября 1914 года оренбургский губернатор Н.А. Сухомлинов направляет начальнику губернского жандармского управления Г.П. Бабичу секретное предписание: «Прошу Ваше Превосходительство произвести по содержанию прошения негласное расследование, о результатах которого меня уведомить» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117).

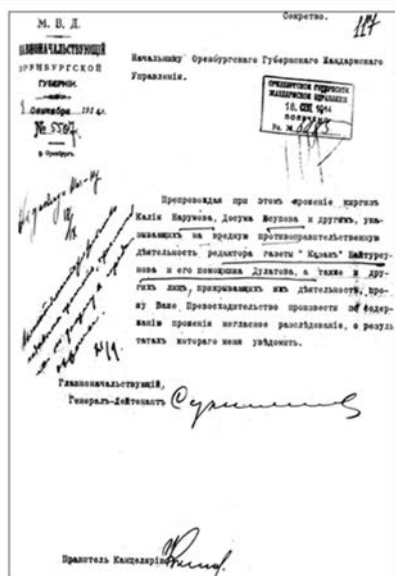

Рис. 7. Письмо Оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова начальнику Оренбургского Губернского Жандармского Управления Г.П. Бабичу от 8 сентября 1914 года
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117.

В дальнейшем документы проходят через все уровни имперской бюрократии. 4 октября 1914 года Департамент полиции направляет копию прошения тургайскому губернатору М.М. Эверсману с поручением сообщить «необходимые сведения по содержанию прилагаемого прошения для доклада г. министру внутренних дел». Таким образом, частное обращение провинциальных «доверенных киргиз» превратилось в дело государственного значения, попавшее в орбиту центральных ведомств.

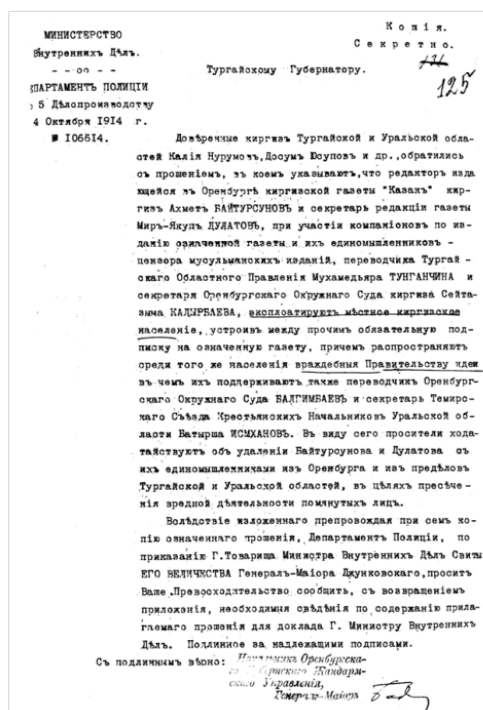

Рис. 8. Распоряжение Департамента полиции по 5 делопроизводству МВД от 4 октября 1914 года за № 10664, заверенное начальником Оренбургского губернского жандармского управления Г.П. Баби́чем для Тургайского губернатора М.М. Эверсмана
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125

Однако уже на стадии проверки жандармское управление выражает сомнение в подлинности обращений. В докладе Г.П. Баби́ча от конца октября 1914 года говорится: «По прошению киргиз Нарумова и др. ведётся негласное наблюдение за Байтурсуновым и Дулатовым... но приступить к переписке невозможно, так как неизвестны адреса заявителей и они никому здесь неизвестны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 123).

Позднее, в письме от 24 ноября 1914 года, тот же чиновник прямо указывает на анонимность и, вероятно, фиктивность авторов: «Означенные в прошении доверенные, очевидно желая укрыть себя, не указывают своих адресов и не говорят от какого они уезда, волости или аула... фамилии же их никому из местных обывателей не известны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127).

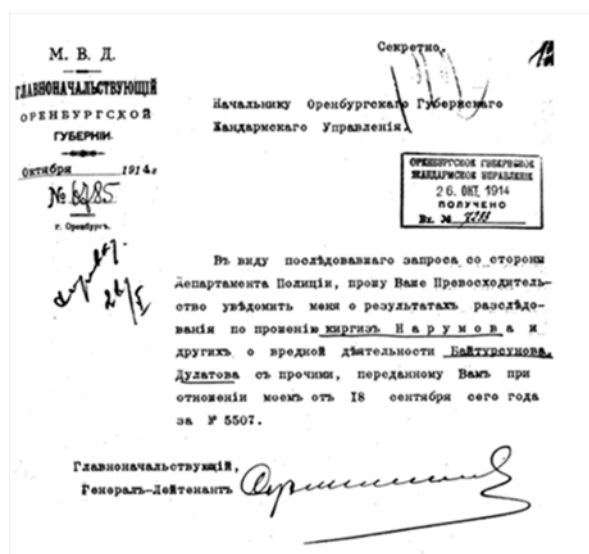

Рис. 9. Письмо за № 6785 Оренбургского Губернатора Н.А. Сухомлинова начальнику Оренбургского Губернского Жандармского Управления Г.П. Баби́чу, полученное 26 октября 1914 года
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 122.

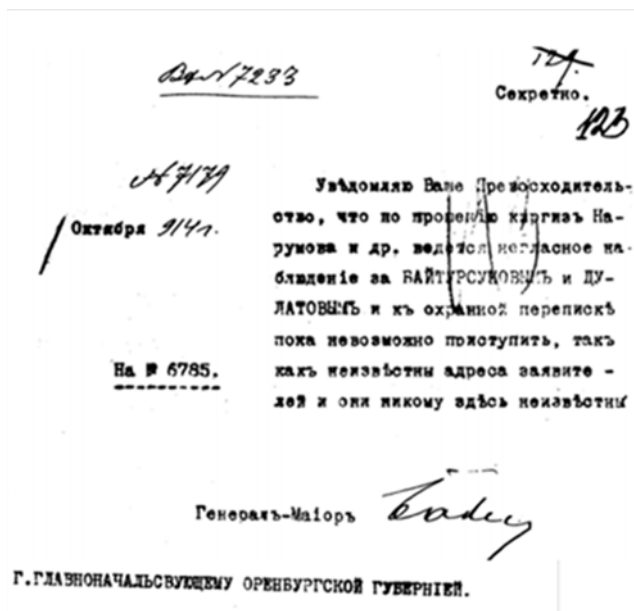

Рис. 10. Уведомление начальника Оренбургского губернского жандармского управления, генерал-майора Г.П. Бабица г. Главноначальствующему Оренбургской губернией Н.А. Сухомлинову, конец октября 1914 года (№ 7179 на № 6785)
Источник: ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 123.

Тем не менее, несмотря на сомнение в достоверности, надзор за Байтурсиновым и Дулатовым был установлен и сохранялся вплоть до 1916 года. Это свидетельствует о том, что сама структура имперской власти превращала донос в инструмент продолженного контроля, независимо от его истинности.

Рассмотрим теперь, кто мог стоять за этой серией обращений и какую роль донос играл в структуре внутрисоциальных конфликтов.

Анализ языка и структуры жалоб позволяет предположить, что инициатором выступал человек, принадлежавший к знатному роду, имевший высшее образование и административный опыт – сочетание, крайне редкое для казахской среды начала XX века (Absadyk et al., 2022: 1474). В тексте обращений встречаются выражения, указывающие на принадлежность автора к потомкам ханской династии, а также упоминания о «бывшем члене Государственной Думы», обсуждавшем с правительственными чиновниками вопрос земельных наделов для казахов. Такие детали позволяют предположить участие Бакытжана Каратаева – потомка хана Младшего жуза Абулхаира, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, депутата II Государственной думы и одного из организаторов газеты «Казахстан» (Боранбаева, 2014: 85). Его публицистическая деятельность в журнале «Айкап» и поддержка идеи оседлого образа жизни известны как выражение особой модернизаторской программы, отличной от позиции редакции «Казакъ», выступавшей за сохранение кочевого хозяйства как формы защиты земельных прав (Absadyk et al., 2022: 1474).

В свете этих расхождений конфликт между Байтурсиновым и Каратаевым можно рассматривать не только как личное противостояние, но и как проявление внутреннего идейного раскола в среде казахской элиты, усугублённого колониальной ситуацией. Донос в этом контексте становился не только инструментом имперской администрации, но и средством внутрисоциальной борьбы, встраивавшимся в общую систему письменных обращений к власти. Подобная двойственность – слияние личных, родовых и политических мотивов с бюрократическими практиками – показывает, насколько глубоко имперский механизм подозрения проникал в локальные сообщества.

Таким образом, события 1914 года показывают, как взаимодействие частной инициативы и государственного аппарата создавало устойчивый механизм политического давления. Для местных элит донос становился способом демонстрации лояльности и защиты сословных интересов; для имперской администрации – формой поддержания дисциплины и наблюдения в периферийных регионах. «Кампания доносов» против газеты «Казакъ» – это не случайный эпизод, а симптом системного процесса, в котором письменное обвинение превращалось в бюрократический акт воспроизводства власти.

4.2. Донос как текст: риторика лояльности и подозрения

Анализ языка и структуры доносов 1914 года позволяет рассматривать их не только как административные документы, но и как особый политический текст, в котором проявляются

механизмы колониальной коммуникации между подданным и властью. Эти прошения представляют собой тщательно сконструированные нарративы, направленные на то, чтобы убедить имперскую администрацию в существовании «вредных элементов» внутри казахского общества и одновременно подчеркнуть безусловную лояльность самих заявителей.

В жанровом отношении тексты доносов сохраняют форму традиционного прошения, но их смысловое наполнение демонстрирует переход от личной жалобы к политическому обвинению. Уже первая фраза письма от 30 августа 1914 года задаёт эмоциональный и идеологический тон: «Редактор этой газеты киргиз Ахмет Байтурсунов, а секретарь по газетному делу киргиз Мир-Якуп Дулатов... несмотря на такую порочность, им удалось получить разрешение издавать в Оренбурге названную газету».

Риторическая конструкция «несмотря на порочность» создаёт двойной эффект: она формирует образ «незаслуженного позволения» и одновременно маркирует редакторов «Казакъ» как «морально неблагонадёжных». Подобный приём характерен для имперского языка доносительства, где моральное осуждение замещает юридическое доказательство.

Другой устойчивый мотив – патриотическая саморепрезентация авторов как «верных подданных». В обоих прошениях встречается идентичная формула: «Мы присягнули русскому Царю, как верные подданные, и умрём за него».

Эта декларация лояльности выполняет прагматическую функцию – легитимирует донос как акт гражданского долга. При этом она контрастирует с резкими обвинениями против «вредных учителей», «шайки» и «ложного учения». Таким образом, текст строится на риторике подозрения, где каждый признак просвещения или политической активности приравнивается к измене.

Особое внимание заслуживает лексика страха и просьбы. Авторы не только выражают «преданность», но и конструируют собственную уязвимость, представляя себя жертвами влияния Байтурсунова: «Мы боимся открыто протестовать против названных лиц, так как они могут устроить гонения на нас» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 121).

Эта фраза показывает, как в языке доноса переплетаются подчинение и агрессия: жалобщики позиционируют себя как беззащитных подданных, но одновременно требуют от власти «разбить всю шайку» и «уничтожить газету». Таким образом, покорность превращается в аргумент для репрессии.

Центральный образ, формирующий дискурсивную структуру текста, – оппозиция между «тёмной массой» и «ложными учителями». Авторы доносов утверждают, что Байтурсунов и Дулатов «вводят народ в заблуждение» и «сеют вражду между киргизами и переселенцами». Эта бинарная схема полностью совпадает с официальным нарративом имперской власти, представлявшей любые формы национального самосознания как проявление «вредного фанатизма». Следовательно, донос воспроизводит язык метрополии в устах местных подданных, что делает его инструментом культурного самоколонизирования.

Интересно, что в письме от 2 сентября 1914 года появляются новые элементы политической мифологии – страшилка о «победе немцев и турок» и «запрете молиться за русских». Эта фраза имеет символический характер: «Редактор Байтурсунов и его помощник Дулатов учат нас, что настоящая война окончится победой немцев, ибо за последних заступились непобедимые турки».

Подобный сюжет не отражает реальных событий, но воспроизводит дискурс измены, востребованный в период военной мобилизации. Он демонстрирует, как в условиях Первой мировой войны имперская администрация поощряла доносы, содержащие идеологические клише о «мусульманской опасности».

Анализ речевых стратегий позволяет выделить три ключевых компонента дискурса доносов:

1. Декларативная лояльность – повторение подданныхских формул и апелляция к царю как к верховному гаранту справедливости.
2. Моральная дискредитация – использование терминов «порочность», «шайка», «ложное учение», заменяющих юридическую аргументацию.
3. Текст страха – нарратив собственной уязвимости, создающий легитимацию для репрессивных мер.

Все эти элементы формируют типичную для позднеимперской эпохи риторику подозрения, при которой письменное обращение к власти становилось не столько сообщением о преступлении, сколько способом воспроизводства административного контроля.

Важно подчеркнуть, что чиновники, анализировавшие эти письма, сами использовали аналогичный язык. В отчётах генерал-майора Г.П. Бабица повторяются выражения «вредная деятельность», «влияние на киргизскую массу», «тенденциозная окраска газеты». Тем самым донос не только информировал власть, но и встраивался в её дискурсивное поле, становясь частью бюрократической системы производства знания о подданных.

Таким образом, тексты доносов 1914 года демонстрируют двойную функцию языка колониального управления: с одной стороны, речь покорности, направленная снизу вверх; с другой – речь подозрения, циркулирующая внутри самой имперской администрации.

Именно эта взаимозависимость делает донос не частным эпизодом, а элементом структурного взаимодействия между подчинёнными и властью, где текст становится медиатором репрессии.

4.3. Реакция имперских властей и бюрократическая обработка доносов

Административная реакция на поступившие доносы в 1914 году раскрывает характерную для позднеимперской бюрократии логику автоматического воспроизводства подозрения. Несмотря на сомнительный характер обращений и их явную анонимность, каждое письмо становилось поводом для целой цепочки служебных переписок, циркуляров и расследований. Таким образом, донос, даже не обладая признаками достоверности, функционировал как триггер бюрократического действия, неизбежно запуская процедуру надзора.

Уже 8 сентября 1914 года, спустя менее чем неделю после получения «Прошения доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей», оренбургский губернатор Н.А. Сухомлинов направил секретное предписание начальнику губернского жандармского управления Г.П. Бабичу:

«Прошу Ваше Превосходительство произвести по содержанию прошения негласное расследование, о результатах которого меня уведомить» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117).

Тем самым частное заявление немедленно было переведено в регистр полицейского дознания. Уже через десять дней на документе появляется отметка: «Получено 18 сентября 1914 г. Оренбургским губернным жандармским управлением». Эта скорость показывает, что бюрократический механизм политического контроля в периферийных губерниях действовал с высокой степенью автоматизма и подчинённости вертикали МВД.

Следующим звеном в цепочке стало распоряжение Департамента полиции, поступившее 4 октября 1914 года (№ 106614) и подписанное «по приказанию Товарища Министра внутренних дел, генерал-майора Джунковского». В нём требовалось «сообщить необходимые сведения по содержанию прилагаемого прошения для доклада г. Министру внутренних дел». Документ заверен подписью Г.П. Бабича и направлен тургайскому губернатору М.М. Эверсману (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125).

Тем самым донос, исходивший якобы от группы «доверенных киргиз», стал предметом внимания сразу трёх уровней власти – губернского, областного и центрального. Бюрократическая логика требовала не столько проверки фактов, сколько формального отчёта о реакции, что придавало делу государственный масштаб.

Параллельно шла внутренняя переписка между губернаторами. 26 октября 1914 года Н.А. Сухомлинов вновь обращается к Г.П. Бабичу с требованием: «Прошу уведомить меня о результатах расследования по прошению киргиз Нарумова и других о вредной деятельности Байтурсунова, Дулатова и прочих» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 122).

В ответном письме (№ 7179) генерал-майор Бабиш сообщает:

«Ведётся негласное наблюдение за Байтурсуновым и Дулатовым, но к охранной переписке пока приступить невозможно, так как неизвестны адреса заявителей, и они никому здесь неизвестны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 123).

Эта формулировка особенно показательна: признавая отсутствие реальных авторов, власть, тем не менее, сохраняла наблюдение за лицами, упомянутыми в доносе. Таким образом, ложное обвинение не теряло юридической силы, а напротив, – становилось основанием для легитимного контроля.

5 ноября 1914 года тургайский губернатор Эверсман подтверждает получение распоряжения МВД и поручает провести «негласное дознание» силами подведомственных чинов. Через три недели, 24 ноября 1914 года, Бабиш направляет развёрнутый отчёт (№ 1363) с результатами расследования. Документ представляет собой своего рода резюме политического досье на редакцию газеты «Казакъ»:

«Редактором этой газеты состоит киргиз Ахмет Байтурсунович Байтурсунов; секретарём – Мир-Якуп Дулатов, автор брошюры “Уян Казакъ”; среди сотрудников – Алихан Букейханов и Абубакир Алдиаров. Газета прогрессивная, с некоторой тенденциозной окраской» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127–127об.).

Далее следует обстоятельное изложение биографий, прежних арестов и ссылок, ссылающееся на документы Семипалатинского и Тургайского губернаторов. В отчёте подчёркивается, что «газета Казакъ подвергалась взысканиям только один раз, но имеет значительное влияние (до 2500 экземпляров)».

Наиболее примечательна заключительная часть донесения Бабиша, где он прямо выражает сомнение в подлинности заявителей: «Я сомневаюсь, чтобы это прошение было подано доверенными киргиз, т. к. они не указывают своих адресов, не представляют полномочий, и фамилии их никому не известны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127).

Несмотря на это, сам факт сомнения не вёл к прекращению дела. Наблюдение продолжалось, а «дело Байтурсунова и Дулатова» оставалось под контролем полиции вплоть до 1916 года. Таким образом, бюрократическая система демонстрировала самовоспроизводимость подозрения – даже при отсутствии доказательств.

Содержательно переписка показывает, что власть реагировала на доносы в рамках устоявшегося административного ритуала. В каждом из писем повторяются одинаковые формулы: «прошу уведомить о результатах», «препровожаю при сем копию прошения», «поручаю произвести негласное дознание». Эти канцелярские клише свидетельствуют о том, что бюрократическая машина не столько искала истину, сколько воссоздавала сам процесс контроля, превращая подозрение в перманентное состояние.

С этой точки зрения, дело против газеты «Казакъ» демонстрирует типичную для колониальной империи ситуацию: инициированный снизу донос становится административным фактом, который обязан породить бюрократическую активность. Даже если «доверенные киргизы» никогда не существовали, их текст был достаточно реальным для того, чтобы стать частью полицейского архива.

Таким образом, реакция имперских властей на доносы 1914 года показывает не только иерархию надзора, но и институциональную зависимость системы от практики доносительства. Каждый подобный случай усиливал власть аппарата, легитимировал существование жандармского наблюдения и подтверждал необходимость дальнейшего контроля за «неблагонадёжными элементами». В этом смысле бюрократическая обработка доносов выступала не инструментом правосудия, а механизмом постоянного воспроизводства имперской дисциплины.

4.4. Донос как элемент колониального механизма надзора

Архивные материалы, рассмотренные в статье, позволяют реконструировать конкретный эпизод функционирования имперской системы политического контроля в колониальной периферии Российской империи. «Кампания доносов» 1914 года против редакции казахской газеты «Казакъ» выявила несколько структурных особенностей этой системы.

Во-первых, донос выступал не частной инициативой, а институционализированной практикой, встроенной в механизм имперского управления. Независимо от достоверности сведений, каждое подобное обращение автоматически включалось в бюрократический цикл – от местного губернатора до Департамента полиции. Эта автоматизация превращала подозрение в административную норму.

Во-вторых, текст доноса выполнял функцию медиатора между властью и обществом. Он был написан языком покорности, но содержал обвинительную энергию, направленную на устранение новых интеллектуальных лидеров казахского общества. Таким образом, донос представлял собой форму письменного сотрудничества колонизированных с колонизатором, где лояльность выражалась через инициативное воспроизводство имперского дискурса.

В-третьих, рассмотренные документы демонстрируют, что имперская бюрократия нуждалась в доносе как в способе самооправдания. Проверка и пересылка обращений, даже явно анонимных, обеспечивали непрерывность полицейской деятельности, создавая иллюзию «бдительного контроля». В этом проявляется ключевая черта позднеимперского режима – зависимость аппарата власти от перманентного производства подозрения.

Наконец, исследованный случай показывает, что практика доносительства имела колониальный характер, заключавшийся в двойном переводе – культурном и административном. Местные авторы усваивали язык метрополии, а бюрократическая система превращала этот язык в юридическую реальность. В результате донос становился частью символической инфраструктуры империи, обеспечивая её существование через текст, страх и дисциплину.

Тем самым дело против газеты «Казакъ» иллюстрирует переход от репрессивной цензуры к саморегулируемому механизму контроля, основанному на инициативном письме подданных. Донос в этой системе был не отклонением, а нормой, не нарушением порядка, а самой формой его воспроизводства.

5. Заключение

История кампании доносов против газеты «Казакъ» в 1914 году выявляет фундаментальные механизмы функционирования позднеимперской административной системы. Событие, на первый взгляд локальное и эпизодическое, оказывается симптомом более глубоких процессов – институционализации подозрения и трансформации коммуникации между государством и подданными в эпоху кризиса имперского порядка.

Архивные документы в настоящем исследовании демонстрируют, что надзор в колониальной степи строился не только на силе или законе, но прежде всего на тексте. Письмо – будь то донос, прошение или рапорт – выступало медиатором власти, превращая частное высказывание в элемент государственной процедуры.

В случае с газетой «Казакъ» донос стал инструментом институционального самоподтверждения бюрократии. Отсутствие фактов не ослабляло подозрение, а напротив, укрепляло его как форму административного существования. Тем самым проявлялась типичная черта имперского управления – способность поддерживать контроль через производство документов, независимо от их истинности.

Рассмотренные материалы показывают, что имперская система не просто наблюдала за своими подданными – она создавала их заново в собственных текстах. Для Байтурсынова и его современников эта практика означала не только личное испытание, но и момент исторического перехода: из традиционного общества, где власть воспринимается как внешняя сила, к обществу, в котором власть формируется через письмо и знание.

В этом смысле дело «Казакъ» – не частный эпизод казахской истории, а ключ к пониманию логики позднеимперского государства. Оно показывает, как административное подозрение стало универсальным языком империи и как именно этот язык обеспечивал её долговременность, но одновременно – подготавливал условия для её распада.

Литература

- Боранбаева, 2014** – Боранбаева Б. Гумар Караш. Общественно-политическая деятельность. Алматы: Издательство «Арыс», 2014. 232 с. [на каз. языке].
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Ибраев и др., 2022** – Ибраев Е.Е., Легкий Д.М., Табулденов А.Н. «Дальнейшее наблюдение за ним установлено». Ахмет Байтурсынов под надзором царской охраны (1907-1910 годы) // *Отан тарихы*. 2022. №2 (98). С. 123-133. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123
- Койгельдиев, 2008** – Койгельдиев М.К. Движение Алаш. Алматы, 2008. 468 с.
- Королев, 1996** – Королев С.А. Донос в России социально-философские очерки. М.: Прогресс-Мультимедиа, 1996. 237 с.
- Нурпеисов, 1995** – Нурпеисов К.Н. Общественно-политическая деятельность казахской интеллигенции (конец XIX – начало XX вв.). Алматы, 1995. 246 с.
- Эткинд, 2013** – Эткинд А.В. Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М., 2013. 448 с.
- Absadyk et al., 2022** – Absadyk A. A., Boranbaeva S. B., Mukhitov K., Legkiy D. M. The Kazak newspaper and its opponents in the Kazakh society during the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1470-1481. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1470
- Anderson, 2006** – Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 256 p.
- Ballantyne, 2012** – Ballantyne T. Webs of Empire: Locating New Zealand's Colonial Past. Vancouver: UBC Press, 2012. 376 p.
- Brower, Lazzerini, 1997** – Brower D.R., Lazzerini E.J. (Eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 368 p.
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. 528 p.
- Legkiy et al., 2024** – Legkiy D.M., Ibrayev Ye.Ye., Tabuldenov A.N., Turezhanova S.A. «So Far, No Charges Have Been Brought Against Him». Speech by the Russian Public in Defense of the Arrested Kazakh Poet A. Baitursynov in 1909 // *Bylye Gody*. 2024. 19 (2): 927-936. DOI: 10.13187/bg.2024.2.927.
- Stoler, 2009** – Stoler A.L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton: Princeton University Press, 2009. 336 p.

References

- Absadyk et al., 2022** – Absadyk, A.A., Boranbaeva, S.B., Mukhitov, K., Legkiy, D.M. (2022). The Kazak newspaper and its opponents in the Kazakh society during the First World War. *Bylye Gody*. 17(3): 1470-1481. DOI: 10.13187/bg.2022.3.1470
- Anderson, 2006** – Anderson, B. (2006). Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 256 p.
- Ballantyne, 2012** – Ballantyne, T. (2012). Webs of Empire: Locating New Zealand's Colonial Past. Vancouver: UBC Press. 376 p.
- Boranbaeva, 2014** – Boranbaeva, B. (2014). Gumar Karash. Obschestvennopoliticheskaya deyatelnost [Gumar Karash. Socio-political activities]. Almaty: «Aris». 232 p. [in Kazakh]
- Brower, Lazzerini, 1997** – Brower, D.R., Lazzerini, E.J. (Eds.). (1997). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington: Indiana University Press. 368 p.
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank, J., Cooper, F. (2010). Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press. 528 p.
- Etkind, 2013** – Etkind, A.V. (2013). Vnutrenniiaia kolonizatsiia: imperskii opyt Rossii [Internal colonization: the imperial experience of Russia]. M. 448 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyy arhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region].
- Ibrayev i dr., 2022** – Ibrayev, Ye.Ye., Legkiy, D.M., Tabuldenov, A.N. (2022). “Dal'neishee nabludenie za nim ustanovleno”. Akhmet Baitursynov pod nadzorom tsarskoi okhranki (1907–1910 gody) [“Further Surveillance of Him Was Established”: Akhmet Baitursynov under the Supervision of the Tsarist Secret Police (1907–1910)]. *Otan tarikhy*. 2(98): 123-133. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123 [in Russian]
- Koigeldiev, 2008** – Koigeldiev, M.K. (2008). Dvizhenie Alash [The Alash movement]. Almaty. 468 p. [in Russian]
- Korolev, 1996** – Korolev, S.A. (1996). Donos v Rossii: sotsial'no-filosofskie ocherki [Denunciation in Russia: Socio-philosophical Essays]. M.: Progress-Multimedia. 237 p. [in Russian]
- Legkiy et al., 2024** – Legkiy, D.M., Ibrayev, Ye.Ye., Tabuldenov, A.N., Turezhanova, S.A. (2024). «So Far, No Charges Have Been Brought Against Him». Speech by the Russian Public in Defense of the Arrested Kazakh Poet A. Baitursynov in 1909. *Bylye Gody*. 19(2): 927-936. DOI: 10.13187/bg.2024.2.927
- Nurpeisov, 1995** – Nurpeisov, K.N. (1995). Obshchestvenno-politicheskaya deiatel'nost' kazakhskoi intelligentsii (konets XIX – nachalo XX vv.) [The socio-political Activity of the Kazakh intelligentsia (late 19th – early 20th centuries)]. Almaty. 246 p. [in Russian]
- Stoler, 2009** – Stoler, A.L. (2009). Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton: Princeton University Press. 336 p.

Административная культура подозрения: кампания доносов против газеты «Казакъ»

Ерден Ерназарович Ибраев^a, Гульмира Келдыбаевна Нурушева^{a, *}, Дмитрий Максимович Легкий^a, Акмарал Ериковна Ералина^a

^a Костанайский региональный университет им. Ахмета Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на архивных материалах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) анализируется малоизвестный эпизод – «кампания доносов» 1914 года против редакции казахской газеты «Казакъ» и её руководителей А. Байтурсынова и М. Дулатова. Используя методы источниковедческого анализа и дискурс-анализа административных документов, авторы показывают, что донос в условиях позднеимперской России выступал не только формой частного политического преследования, но и частью институционализированного механизма колониального надзора.

Письма «доверенных киргиз Тургайской и Уральской областей», направленные в Министерство внутренних дел и губернаторские канцелярии, демонстрируют стратегию самопозиционирования части местной элиты как лояльных посредников между «властью» и «тёмной массой». Прослеживается бюрократическая траектория этих обращений – от местных чиновников до департамента полиции, – выявляющая глубину включения периферийных регионов в систему имперского сыска. Сопоставление текстов доносов и официальных ответов позволяет реконструировать логику функционирования имперской административной культуры, в которой подозрение и донос становились основным инструментом контроля над национальными окраинами.

Ключевые слова: Российская империя, политический сыск, донос, газета «Казакъ», Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, колониальная политика, бюрократический контроль.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erden-ibraev@mail.ru (Е.Е. Ибраев), nauka_istkaz@mail.ru (Г.К. Нурушева), Legk_d@mail.ru (Д.М. Легкий)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 512-521
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.512

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 3

Goran Rajović ^{a, b, c, *}, Sergei N. Bratanovskii ^d, Alexander Y. Epifanov ^e, Ivan N. Kuksin ^f

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Synergy University, Moscow, Russian Federation

^f Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is the third and final part of our work on the study of sources on the activities of the partisans in the Russian Empire during the First World War (1914–1918). The research materials were documents from the Russian State Military Historical Archive. Historiographical, historical-genetic, historical-systemic and other methods were used as a methodological complex.

By the summer of 1916, 50 partisan detachments had been created, but not all of them operated behind enemy lines.

The ideologist of the Russian partisan movement during the First World War, A.G. Shkuro, and his patron in the highest military circles, A.P. Bogaevsky, indicated the pros and cons of the partisan work done in the above documents.

On the positive side, the following were noted: successful sabotage activities at the end of 1915 near Nevel and Kukhotskaya Volya; great desire of the Russian army personnel to serve in partisan detachments; a good ideological concept of the partisan movement; high personal motivation and patriotism of the fighters of the partisan detachments.

Of the negative aspects, the following are noted: the reluctance of many commanders to use the partisan detachment for its direct, sabotage purpose; unsatisfactory provision of rotation of the detachment's personnel, as well as ammunition, food, and medicines.

As a solution to these problems, Shkuro and Bogaevsky propose creating small sabotage and reconnaissance groups sent to the enemy's rear for appropriate work, while the main detachment is in good hiding (forest, swamps, etc.), maintaining combat capability for direct clashes with the enemy in cases of self-defense of the detachment. It is also proposed to immediately change the command of the detachment in case of incompetence, namely, failure to comply with the main task of the partisan detachment: covert and multiple attacks on the enemy's infrastructure through sabotage in the deep rear. The guerrillas should also pay attention to propaganda work among the population.

Keywords: The First World War, 1914–1918, the partisan movement during the First World War, the Russian Empire.

1. Введение

Исследование партизанского движения в годы Первой мировой войны представляет значительный интерес, так как является относительно малоизученным.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

Данная рукопись – продолжение первой и второй части нашей работы, посвящённой анализу источников по партизанскому движению, организованному Российской императорской армией в годы Первой мировой.

2. Материалы и методы

Материалами для данной рукописи послужили архивные документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), опубликованные в труде «Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов» (Кубань и кубанцы..., 2025), а именно: секретный приказ походного атамана при Его Императорском Величестве об утверждении «Наставления о партизанских отрядах» от 30 октября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 79), секретная телеграмма начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта М.Ф. Квещинского генералу-квартирмейстеру Верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко о деятельности партизанских отрядов от 1 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 32–37), письмо есаула А.Г. Шкуро начальнику штаба походного атамана А.П. Богаевскому о формировании коннопартизанского отряда 29 января 1916 г. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 313–320) и секретный рапорт от 8 марта 1916 г. есаула А.Г. Шкуры августейшему походному атаману великому князю Борису Владимировичу о прибытии пополнения в Кубанский коннопартизанский отряд (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 321–323), доклад начальника штаба походного атамана А.П. Богаевского о целях и задачах, стоящих перед партизанскими отрядами в период текущей кампании 1916 г. от 9 июня 1916 г. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 157–161).

Методология данного исследования более подробно описана в первой и второй частях нашего исследования и включает комплекс таких методов, как историографический анализ, историко-генетический метод, историко-системный метод, метод синтеза и др.

3. Обсуждение

Историография и её хронология более подробно описаны в первой и второй частях нашего исследования (Rajović et al., 2025; Rajović et al., 2025a).

Здесь укажем лишь, что в своей работе мы апеллировали к работам по партизанскому движению в годы Первой мировой войны, а также некоторым историческим изысканиям таких авторов, как В.Г. Семенов и В.П. Семенова (Семенов, 1994; Семенов, 2009; Семенов, Семенова, 2017; Семенов, 2023), В.Н. Клембовский (Клембовский, 1919), А.Н. Никитин (Никитин, 1979), Ю.Г. Курепин (Курепин, 2013), В.В. Марковчин (Марковчин, 2010), А.В. Грачев (Грачев, 2019; Грачев, 2021; Грачев, 2019), В.П. Трут (Трут, 2016), В.А. Паршуков (Паршуков, 2023), В.А. Шулдяков (Шулдяков, 2008), О.А. Хорошилова (Хорошилова, 2014), М.В. Шиловский (Шиловский, 2016), Н.С. Ларьков (Ларьков, 2009), А.А. Строков (Строков, 1974), Д.Н. Логофет (Логофет, 1915), Е.П. Денисенко (Денисенко, 2024), А.И. Смолик (Смолик, 2017), М.В. Цуба (Цуба, 2011), И.А. Фирсова, Н.А. Милеишна, Д.Г. Давыдов (Фирсова и др., 2019) и др.

4. Результаты

Как было указано в предыдущих частях, в Российской империи на 4-х фронтах в 1915 г. действовало 42 партизанских отряда, которые были организованы армией. Подъесаул А.Г. Шкуро в рапорте походному атаману, генерал-майору А.П. Богаевскому изложил основные принципы организации партизанского движения; рапорт был «услышан наверху», и работа организовывалась с указанными принципами (были освещены во второй части нашей работы). В данной, третьей и заключительной части, мы проанализируем четыре важных документа, хранящихся в РГВИА, а именно:

1. Секретный приказ походного атамана при Его Императорском Величестве об утверждении «Наставления о партизанских отрядах» от 30 октября¹ 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 79).
2. Секретная телеграмма начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта М.Ф. Квещинского генералу-квартирмейстеру Верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко о деятельности партизанских отрядов от 1 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 32–37).
3. Письмо есаула А.Г. Шкуро начальнику штаба походного атамана А.П. Богаевскому о формировании коннопартизанского отряда 29 января 1916 г. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 313–320).
4. Секретный рапорт от 8 марта 1916 г. есаула А.Г. Шкуры августейшему походному атаману великому князю Борису Владимировичу о прибытии пополнения в Кубанский коннопартизанский отряд (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 321–323).
5. Доклад начальника штаба походного атамана А.П. Богаевского о целях и задачах, стоящих перед партизанскими отрядами в период текущей кампании 1916 г. от 9 июня 1916 г. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 157–161).

Документы, особенно № 3–5, весьма объёмные; источник № 3 в переводе на условный печатный лист (УПЛ) занимает объем в 0,65 УПЛ, а источник № 5 – 0,52 УПЛ. Поэтому цитировать

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

указанные источники в полном объёме в масштабе данной статьи, к сожалению, не представляется возможным. Вследствие этого мы будем выборочно цитировать наиболее интересные, с нашей точки зрения, моменты вышеуказанных документов.

1. Секретный приказ походного атамана при Его Императорском Величестве об утверждении «Наставления о партизанских отрядах» от 30 октября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 79) состоит из пяти параграфов и уточняет процесс организации партизанских отрядов (см. части 1-ю и 2-ю нашей работы). Приказ говорит о немедленной необходимости начать партизанские действия в тылу неприятеля, оговаривается свобода действий партизанских отрядов ввиду невозможности заранее оценить их диспозицию: «Что же касается самой деятельности партизан, то ввиду крайнего разнообразия обстановки и местных условий, в которых им придется действовать, дать какие-либо категорические указания не представляется возможным; все будет зависеть от находчивости, отваги и ловкости как начальника отряда, так и его подчиненных» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 79). Основные задачи партизан – нарушение коммуникаций, тыловые удары, уничтожение живой силы и материального обеспечения противника.

Также предписывается, что доблестная смерть партизана (зачастую – казака, так как большая часть партизанских отрядов состояла именно из казаков; в письме речь идёт именно про казаков – *Прим. авт.*) значительно более предпочтительна, чем позорный плен. Пресекались и грабежи со стороны партизан, о каковых следовало немедленно докладывать «походному атаману» и возбуждать дела в военно-полевых судах.

2. «Телеграмма начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта М.Ф. Квещинского генералу-квартирмейстеру Верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко о деятельности партизанских отрядов» в ставку Верховного главнокомандующего от 1 ноября 1915 г. Помечена грифом «секретно». Копии направлены в Каменку, генералу Литвинову, в Минск, генералам Смирнову и Радкевичу, в Станьков, генералу Рогозе, в Слуцк, генералу Лешу (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 32–37).

В телеграмме указаны некоторые недостатки в организации партизанского дела. В частности, указывается, что до настоящего времени партизанскому делу не уделяли должного внимания, замещая деятельность партизанских отрядов разведывательными отрядами. Таким образом, обращается внимание главкома на необходимость правильной организации партизанской работы, исходя из её задач, прежде всего, как диверсионного, а не разведывательного значения: «...Главнейшей целью действий партизанских отрядов является постоянная угроза тылу противника, нападение на все то, что плохо прикрыто, и порча средств сообщения и подвоза точка» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 508. Л. 32–37).

Особое внимание акцентируется на налаживании связи с мирным населением и возбуждении сочувственного отношения к русской армии и ненависти – к неприятелю.

3. Письмо есаула А.Г. Шкуро начальнику штаба походного атамана А.П. Богаевскому о формировании коннопартизанского отряда 29 января 1916 г. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 313–320).

Как было указано выше, это весьма объёмный документ, который достоин отдельного исследования. Мы в масштабах нашей работы обратим внимание лишь на основные его идеи.

А.Г. Шкуро, идеолог, организатор, теоретик и практик партизанской работы в период Первой мировой, в своём донесении сообщает о недостатках во взаимодействии его отряда и других частей Русской императорской армии.

Командир коннопартизанского отряда вначале отчитывается об успехах в проделанной работе, о формировании отряда подрывников и соответствующего боекомплекта; налажена работа по обучению подрывному делу: «...командиром морского полка особого назначения флота генерал-майором Мазуровым командировано 9 нижн. чин. специалистов по подрывному делу и порче всевозможных технических железнодорожных сооружений. Эти люди уже прибыли и в качестве инструкторов ведут занятия. С собой они привезли 300 шт. толовых патронов и весь необходимый инструмент, что весьма большая любезность со стороны генерала Мазурова и является единственным светлым пятном на фоне моей последующей организаторской деятельности» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 313). Велись тренировки не только личного состава, но и лошадей с целью их привыкания к близким разрывам снарядов. Также проводились теоретические и практические занятия по военной топографии.

Далее идут жалобы, которые, если позволено так сказать в научной работе, являются своего рода «криком души». Перечисляя небоевые должности в отряде, а также больных, Шкуро пишет: «Таким образом, отряд в настоящее время состоит из 119 казаков при 2 офицерах, и если из этого числа исключить 10 каз., занимающих посты летучей почты, обслуживающей отряд, затем 4-5 больных, необходимый внутренний наряд, фуражира вечно едущего за фуражом, коноводов, прислугу и другие непредвиденные расходы, то остается для дела не более 70 винтовок, с каковой силой предпринять что-либо серьезное я не могу, т.к. считаю себя слишком слабым. ... Вместо того чтобы получить по 60 каз. из 3 полков, я получил их только от двух полков» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 314).

Далее идёт изложение причин подобного непонимания командирами дивизий и полков правильной организации партизанской работы: «Должен откровенно сказать, что вообще почти везде

и всюду я встречаю полную индифферентность, сплошной ужасный скептицизм, а зачастую ничем не прикрываемую насмешку и злую иронию. Обидно за русских людей, обидно и тяжело сознавать, что если человек, хотя и небольшой по своему положению, но если этот человек стремится помочь своей Родине и своему Царю хотя бы некоторым риском не зря сложить свою голову, то он вместо помощи всюду наталкивается на всевозможные мелочные уколы, удары и препятствия» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 315).

Как видим, А.Г. Шкуро прежде всего сетует на скептицизм в организации партизанского движения. Командиры подразделений не просто саботируют его начинание, но и усмеваются над успешностью тыловой диверсионной работы, даже несмотря на смертельный риск и героический настрой партизанских отрядов.

Порой жалобы имеют весьма истеричный характер: «...И вот какова картина: сверху, с самого верху, хорошее, благожелательное отношение, а ниже, если исходит не от него, не его инициатива, одним словом, не видно для себя какой-либо выгоды, то сплошное гонение и вставление палок в колеса! Вот это, кажется, натуральная российская действительность!!!

Вы простите, извините меня, но мне больно, обидно за все! Уже нервы не выдерживают, натянуты до последнего и вот-вот лопнут! Ведь кругом общее негодование, как это я смел быть представлен Государю, великому князю, и чуть у меня малейшая неудача – удовольствие сплошное» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 315).

Далее идут конкретные фамилии командиров, которые саботируют приказ ставки от 1 ноября 1915 г. (см. выше). Апеллирует он к аналогичным жалобам и командиров других партизанских отрядов.

Другой проблемой Шкуро называет подбор «добровольцев». Как выяснилось, в партизанские отряды набирают людей не на добровольной основе и не из числа идейных бойцов, а лишь таких, какие являются обузой для самого командира, которому пришла разнарядка выделить бойцов для партизанской работы. А с теми солдатами, которых выделяют командиры других частей, есть проблемы, прежде всего в части боевого слаживания. Также большой проблемой является продовольственное довольствие партизан: «Вся трудность в организации подобных отрядов заключается в том, чтобы людей, набранных, что называется, с бору да с сосенки, сплотить воедино, в одну сплошную монолитную массу, а затем, одним словом, бросить их на самое рискованное, опасное предприятие, могущее дать весьма существенные результаты, главная же трудность – это доставить людям возможность быть сытым» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 316).

Помимо этого, Шкуро указывает на дисциплинарный момент, связанный уже с самими партизанами.

По его совершенно справедливой, на наш взгляд, идее, командир отряда должен подчиняться напрямую командующему фронтом (и/или походному атаману).

Однако на практике ситуация получалась совсем другая. Командир соединения или части, выполнив приказ сверху о создании партизанского отряда, набирал с вверенных ему войск небольшой отряд замотивированных 20-30 молодых бойцов во главе с корнетом или прапорщиком. Однако, апеллируя к приказам главкома о подчинении напрямую высшему руководству фронта и не желая подчиняться командиру полка или дивизии, молодой командир отряда с младшим офицерским званием становился фактически неуправляемым. Соответственно, неуправляемым становился и сам отряд, который ходил на диверсионно-разведывательную вылазку без согласования с другими военными подразделениями и партизанскими отрядами (которые, в сущности, также являлись военным подразделением – *Прим. авт.*), требуя при этом к себе, как к элитному подразделению, особого отношения и полного содействия: «...Это (партизанская работа в целом, и финансовое и продовольственное обеспечение отряда, в частности – *Прим. авт.*) много серьезнее и требует к себе серьезного, вдумчивого отношения, почему я и думаю, что назначать начальниками отрядов юных корнетов и хорунжих несколько рискованно, т.к. таковые назначения могут вызвать криминалы. Очень часто на фронте попадают небольшие партии. Партии человек по 30 под командою прапорщика или корнета. Молодежь захлебывается от восторга, что они словчились удрать из полка от всевозможных нарядов, цука командира эскадрона или полка и, кроме того, получили право никому не подчиняться за исключением самого главнокомандующего фронтом, вот тут-то и гуляет эдакий юноша по всему необъятному фронту, и знать никого не знает» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 316).

Решение проблемы Шкуро видит в увеличении отрядов до 200-300 человек с поставленным в командование отрядом обер-офицера уровня капитана/есаула/ротмистра (соответственно, в пехотных/казацких/кавалерийских частях), а также увеличении числа офицеров и унтер-офицеров свыше положенного штата.

Другой важной проблемой, которой уделяет много внимания А.Г. Шкуро, является финансовое и продовольственное обеспечение отряда. Удалённость от своего полка затрудняет таковое. Полковая отчётность требует сдать все финансовые отчёты командиров подразделений до 5-го числа нового месяца. Если отряд находится в вылазке в 50-100 верстах от полка, то успеть к сроку невозможно; таким образом, задерживается отчётность всей части и, соответственно, необходимые выплаты в новом месяце.

Далее идут жалобы на материальное довольствие офицеров, которое отличается в худшую сторону от того, которое у данного офицера (включая и самого Шкуро) было в полковой части. Решение проблемы идеолог партизанской войны видит в возможности сдачи отчёта в ближайшем к отряду интендантстве, в задачу которого и должна была входить оперативная доставка отчётов командованию.

В заключении Шкуро сетует на качество обеспечения вооружением его отряда: «...Вообще история с винтовками, посланными мне еще в ноябре месяце распоряжением штаба Западного фронта, вышла курьезная, ведь тех винтовок я совсем не получил, и путем длительной переписки добился получения 130 шт. германских винтовок только 16 января. Но винтовки оказались на 20 % негодные, без штыков, без погонных ремней, без принадлежностей. Доказательство точного и скорого выполнения повелений сверху. Такова наша печальная русская действительность» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 319).

Нельзя отказать А.Г. Шкуро и в честолюбии. Он просит переименовать отряд его именем, так как «...для истории войска в будущем это может представить интерес» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 319).

4. Рапорт есаула А.Г. Шкуры (Шкуро – *Прим. авт.*) августейшему походному атаману великому князю Владимиру о прибытии пополнения в Кубанский коннопартизанский отряд от 8 марта 1916 г. с пометкой «Секретно» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 321–323).

Рапорт раскрывает организационные подробности создания и функционирования партизанского отряда. Информация отчасти повторяет ту, которая изложена в письме А.П. Богаевскому (предыдущий документ).

Шкуро указывает, что первоначально отряд имел 60 человек, вооружённых германскими винтовками без штыков (о чём просил настоятельно – см. 1-ю часть нашего исследования), по 85 патронов на бойца, также отряд имел 100 ручных бомб, 2 подрывных выюка (лошадь с амуницией, приспособленной для перевозки подрывного оборудования; помимо логистического назначения, могли использоваться и для дистанционного подрыва, поэтому снабжались взрывчаткой (толом) и бикфордовым шнуром – *Прим. авт.*) и прибор летта (стационарное взрывное устройство с таймером подрыва – *Прим. авт.*) (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 321).

Процесс боевого слагивания происходил в боевой обстановке: «Хотя отряд еще окончательно не был сформирован, но, чтобы познакомиться с людьми в боевой обстановке, распоряжением к-ра 3-го Кавказского корпуса, отряд был двинут на фронт в районе р. Шары и Выгановского озера, и было приступлено к разведке противника и знакомству с местностью. Каждую ночь по 2 партии выходило на разведку, стараясь проникнуть как можно глубже в расположение противника» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 321).

Шкуро подчёркивает, что боевые столкновения с немцами 13 февраля 1916 г. выявили несколько слабых сторон в вооружении отряда. Небольшое количество боекомплекта вынуждало подпускать неприятеля максимально близко для уверенного поражения. Близкая дистанция с неприятелем приводила к началу ближнего боя, где отсутствие штыков сказывалось крайне неблагоприятно. Выручила отличная выучка и храбрость солдат, а также умение вести эффективный огонь. Как докладывает Шкуро, соотношение потерь, – как материальных, так и личного состава, – было весьма неблагоприятно для противника: партизан убито 1 чел., тяжело ранено 1 чел., легко ранено 2 чел.; захвачено 8 ружей, 12 комплектов амуниции, револьвер и бинокль; потери немцев составили 16 убитых, включая одного офицера, 8-10 человек ранены (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 321).

Бойцы отряда были представлены к наградам. Из офицеров медик отряда был представлен к ордену Св. Владимира 4 ст., начальник партии (взвода – *Прим. авт.*) – к ордену Св. Анны 2 ст. Из нижних чинов 12 чел. были удостоены Георгиевских крестов 1 и 3-4 ст., и 13 чел. Георгиевскими медалями 1-4 ст. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 322).

Также Шкуро докладывает о значительных небоевых потерях вследствие болезней, в силу чего действовать в тылу неприятеля приходится количеством не более чем 80 бойцов, и просит отдать в его распоряжение 75 бойцов 2-го Черноморского Кубанского казачьего дивизиона 3-й армии, которые были набраны, однако потом распущены в силу внутренних противоречий полкового и партизанского руководства.

Оптимальным А.Г. Шкуро считает отряд количеством в 200 чел., при которых ударный состав будет составлять 150-170 чел., что позволит решать значительно более серьёзные задачи в неприятельском тылу (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 323).

5. И, наконец, 5-й анализируемый в данной части нашего исследования документ – это доклад от 9 июня 1916 г. в ставку начальника штаба походного атамана Африкана Петровича Богаевского о целях и задачах, стоящих перед партизанскими отрядами в период текущей кампании 1916 г. (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 157–161).

Богаевский докладывает, что к 9 июня 1916 г. сформировано партизанских отрядов, из которых 19 выполняют разведывательную работу, 14 отрядов «содержатся на учете при своих частях», а 18 – выполняют «более серьезные задачи» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 157).

Богаевский, как и Шкуро в рапорте от 29 января 1916 г. (см. выше), сетует на безразличие старшего и высшего командного состава к вопросу организации партизанского движения в своих

частях, делая создание отрядов простой формальностью: «К сожалению, многие войсковые начальники относятся или не сочувственно, или безразлично к идее партизанских действий и существующие партизанские отряды изнывают в собственном тылу от недостатка боевой работы. ...Некоторые войсковые начальники и начальники партизанских отрядов имеют не вполне правильный взгляд на задачи современной партизанской войны, почему штаб августейшего походного атамана считает своим долгом высказать свои соображения по данному вопросу» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 157).

А.П. Богаевский отмечает следующие недостатки в организации партизанской работы:

1. Отряды не выполняют свою главную задачу – диверсионную деятельность в тылу противника.

Наиболее эффективны, по словам походного атамана, партизаны оказались в осуществлении разведки.

Вместе с тем «доблесть и лихость» партизан порой приводили к ненужным прямым боестолкновениям с передовыми частями неприятеля; значительный численный перевес немцев и оборонительная позиция приводили к тяжёлым потерям в отряде, а разрушение коммуникаций неприятеля не осуществлялось.

Богаевский сравнивает партизанское движение с таковым в Отечественную войну, справедливо указывая, что в 1812 г. партизаны действовали против разбитого как в моральном, так и в материальном отношении неприятеля; в случае же боестолкновений с немцами, партизанам приходится вести бой с мотивированным и хорошо вооружённым противником, закрепившимся в укрепрайонах и на передовой; к тому же противник является весьма дисциплинированным и технически оснащённым. Поэтому эффективность партизанских отрядов оставляет желать лучшего.

Выход из сложившейся ситуации А.П. Богаевский видит в создании нескольких небольших диверсионно-разведывательных групп (ДРГ), которые могут незаметно «просачиваться» на коммуникации немцев из скрытного места дислокации партизанского отряда в тылу противника (как правило, в густом лесу); эти ДРГ со значительно большей эффективностью способны осуществлять диверсионную деятельность в глубоком тылу, в частности, разрушать коммуникации и логистику, повреждать и уничтожать подвозимый провиант, фураж и боеприпасы, а также заниматься широкой пропагандистской деятельностью, распространяя листовки и пр. Ударное же ядро отряда с постоянным количеством бойцов не менее 100 чел. (фактически, это бойцы, находящиеся на отдыхе после вылазки) с отличным вооружением, включая автоматическое, должно находиться в укрытии в труднодоступном месте (в лесах, болотах и пр.) с целью самообороны отряда.

ДРГ и отряды должны быть в полной мере снабжены деньгами, подрывными средствами, оружием; причём между партизанскими подразделениями («отрядами») должно быть налажено чёткое сетевое взаимодействие: «...Выпускать желательно сеть отрядов, хорошо снабженных подрывным имуществом, деньгами, огнестрельными ружьями и пулеметами систем, находящихся на вооружении противника. В более крупных отрядах кроме пулеметов желательно иметь по одному горному выючному орудью и обязательно, если даже нет орудий, иметь в каждом отряде несколько артиллеристов для порчи таковых в случае захвата и обращения захваченных [орудий] против противника. ...В каждом отряде также необходимо иметь несколько специалистов: железнодорожников, подрывников и шоферов – для всякого рода разрушений [и] эксплуатации местных технических средств» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 158). Помимо указанных специалистов, в отряде необходимо иметь переводчиков, проводников, связистов, большой запас почтовых голубей. Проникать в тыл необходимо в наиболее разреженных участках фронта.

2. Отсутствие своевременного подвоза продовольствия, фуража, боеприпасов и медикаментов. По словам Богаевского, именно своевременное обеспечение и скрытное проникновение в тыл в разреженном участке немецкого фронта обеспечило успех отрядов в их прямом, диверсионном, назначении – осенью 1915 г. под Невелем и Кухочкой Волей.

3. Недостаточная компетентность командиров отрядов, мотивом которых является не причинение ущерба противнику, а личное честолюбие и выслуга перед начальством. Такие командиры, по словам Богаевского, неверно понимают идею партизанского движения, поэтому вступают в прямые боестолкновения с превосходящим противником, теряя фактор скрытности, раскрывая замысел русского командования и неся тяжёлые, но, в сущности своей, бесполезные потери. Таким образом, необходима своевременная замена некомпетентных командиров.

Богаевский свой доклад подтверждает примерами, в частности: «9 июля у уроч. Чарны Даль этим отрядом было произведено лихое удачное нападение с тыла на роту венгерцев, беспокоивших Новоузенский полк, причем рота была частью истреблена, частью разбежалась, а 4 офицера и 57 нижних чинов попали в плен. Потери отряда были ничтожны. Дело красивое [...], но совершенно не партизанское; это могла сделать любая хорошая сотня той же Уссурийской дивизии. Партизанское дело оторвало из полков много отличных людей; партизаны получили отличное снабжение [...] о них столько говорят [...], и в более удобные периоды все же нет тех результатов, которых от них ждут. Партизаны являются предметом зависти, нареканий и насмешек, бездействуя в своем тылу, а они могли бы стать грозой для немцев и их аккуратности, но необходимо предъявлять к ним серьезные

требования, давать соответствующие задания, широкие средства и, безусловно, широкую свободу при выполнении этих задач. ...Если же это невыполнимо, лучше партизан распустить по частям, чтобы не ослаблять напрасно последние, и отказаться от партизанской идеи раз и навсегда» (РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 67. Л. 158).

Также приводится идея о том, что в случае отсутствия и/или невозможности партизанской работы следует распустить партизанский отряд с целью усиления основного армейского подразделения.

Таким образом, А.П. Богаевский подвёл итоги партизанской работы за первый год её действия, выявив положительные и отрицательные её стороны.

5. Заключение

В приведённых документах, а именно: секретном приказе походного атамана при Его Императорском Величестве об утверждении «Наставления о партизанских отрядах» от 30 октября 1915 г., секретной телеграмме начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта М.Ф. Квещинского генералу-квартирмейстеру Верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко о деятельности партизанских отрядов от 1 ноября 1915 г., письме есаула А.Г. Шкуро начальнику штаба походного атамана А.П. Богаевскому о формировании коннопартизанского отряда 29 января 1916 г., секретном рапорте от 8 марта 1916 г. есаула А.Г. Шкуры августейшему походному атаману великому князю Борису Владимировичу о прибытии пополнения в Кубанский коннопартизанский отряд, а также докладе начальника штаба походного атамана А.П. Богаевского о целях и задачах, стоящих перед партизанскими отрядами в период текущей кампании 1916 г. от 9 июня 1916 г., содержатся основные позитивные и негативные стороны партизанского движения за первый год его организованной деятельности.

К лету 1916 г. было создано 50 партизанских отрядов, которые, однако, не все действовали в тылу неприятеля.

Идеолог русского партизанского движения в годы Первой мировой войны – А.Г. Шкуро и его покровитель в высших военных кругах – А.П. Богаевский, в приведённых документах указали плюсы и минусы проделанной партизанской работы.

Из позитивных сторон отмечены: удачная диверсионная деятельность в конце 1915 г. под Невелем и Кухоцкой Волей; большое желание личного состава русской армии служить в партизанских отрядах; хорошая идеологическая концепция партизанского движения; высокая личная мотивация и патриотизм бойцов партизанских отрядов.

Из негативных сторон отмечают: нежелание многих командиров использовать партизанский отряд по его прямому, диверсионному, назначению; неудовлетворительное обеспечение ротации личного состава отряда, а также боеприпасами, продовольствием, медикаментами.

В качестве решения указанных проблем Шкуро и Богаевский предлагают создавать небольшие диверсионно-разведывательные группы, засылаемые в тыл противника для соответствующей работы, в то время как основной отряд находится в хорошем укрытии (лес, болота и пр.), сохраняя боеспособность для прямого боестолкновения с неприятелем в случаях самообороны отряда. Также предлагается немедленная смена командования отряда при некомпетентности, а именно – несоблюдении главной задачи партизанского отряда: скрытного и множественного нанесения ударов по инфраструктуре противника посредством диверсий в глубоком тылу. Также партизаны должны уделять внимание пропагандистской работе среди населения.

Литература

Грачев, 2019 – Грачев А.В. К вопросу о составе и боевой деятельности партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии в Первой Мировой войне (декабрь 1915 – февраль 1917 г.) // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 2019. № 22. С. 46-51.

Грачев, 2021 – Грачев А.В. Сибирские казаки партизанские отряды на фронте Первой мировой войны / *Регионы России в военной истории страны. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции*. Йошкар-Ола, 2021. С. 164-170.

Денисенко, 2024 – Денисенко Е.П. Документы архивного фонда М.О. Бича об армейском партизанском движении 1915-1916 гг. на территории Беларуси // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*. 2024. № 2. С. 187-191.

История казачества..., 1995 – История казачества Азиатской России. В 3-х томах / Под ред. В.В. Алексеева. Т. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. Екатеринбург, 1995.

Клембовский, 1919 – Клембовский В.Н. Партизанские действия. Исследование. Пг.: Издание Петроградского отдела Главного управления военно-учебных заведений, 1919.

Кубань и кубанцы..., 2025 – Кубань и кубанцы в годы Первой мировой войны (1914-1918): сборник документов / Сост. С.Г. Темиров, А.В. Бабиц. Краснодар: Традиция, 2025.

Курепин, 2013 – Курепин Ю.Г. Забытые герои. Екатеринбург, 2013.

- [Ларьков, 2009](#) – Ларьков Н.С. Партизанское движение / Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009.
- [Логофет, 1915](#) – Логофет Д.Н. С театра военных действий (впечатления) // *Разведчик*. 1915. 22 дек. (№ 1311). С. 789-791.
- [Марковчин, 2010](#) – Марковчин В.В. Одиссея атамана Анненкова. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2010.
- [Никитин, 1979](#) – Никитин А.Н. Мемуары как источник по истории партизанского движения в Сибири в годы гражданской войны. Автореф. диссерт. канд. истр. наук. Томск, 1979.
- [Паршуков, 2023](#) – Паршуков В.А. Подвиги казаков партизанских отрядов на фронтах Первой мировой войны / *Военно-исторические чтения. 1943 год. Время коренного перелома в Великой Отечественной войне. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Симферополь, 2023. С. 187-190.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Семенов, 1994](#) – Семенов В.Г. Партизаны-казаки на защите Отечества. Любовь и восток: эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. М., 1994.
- [Семенов, 2009](#) – Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг. Дополнение к биографическому справочнику. Оренбург, 2009.
- [Семенов, 2023](#) – Семенов В.Г. Конно-партизанский отряд 11-й кавалерийской дивизии в годы Первой мировой войны / *Генеалогия и архивы. Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции*. Сост. Н.А. Антипин. Челябинск, 2023. С. 566-572.
- [Семенов, Семенова, 2017](#) – Семенов В.Г., Семенова В.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург, 2017.
- [Смолик, 2017](#) – Смолик А.И. Партизанское движение в Беларуси в период немецкой оккупации (1914–1918 гг.) // *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем*. 2017. № 2. С. 134-140.
- [Строков, 1974](#) – Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.
- [Трут, 2016](#) – Трут В.П. Казачество в Первой мировой войне // *Вестник истории, литературы, искусства*. 2016. Т. 11. С. 261-277.
- [Фирсова и др., 2019](#) – Фирсова И.А., Милешина Н.А., Давыдов Д.Г. Военно-патриотическая деятельность женщин в Первой мировой и Великой Отечественной войнах: сравнительный анализ // *Гуманитарные науки и образование*. 2019. Т. 10. № 2 (38). С. 133-138.
- [Хорошилова, 2014](#) – Хорошилова О.А. Русские отряды особой важности в период Первой Мировой войны / *Первая Мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей*. Отв. ред. И. Н. Новикова и др. СПб.: СПбГУ, 2014.
- [Цуба, 2011](#) – Цуба М.В. Партизанскі рух на піншчыне ў гады Першай сусветнай вайны // *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*. 2011. № 1. С. 40-45.
- [Шиловский, 2016](#) – Шиловский М.В. Повседневность партизанского движения в Сибири в 1918–1919 гг. (по воспоминаниям В.П. Шевелева-Лубкова) // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2016. № 3 (8). С. 145-150.
- [Шулдяков, 2008](#) – Шулдяков В.А. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 – феврале 1918 года / *Недбаевские исторические чтения (31 марта 2007 г., 18 ноября 2008 г.)*. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 158-188.
- [Rajović et al., 2025](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Kuksin I.N. To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 1 // *Bylye Gody*. 2025. 20(4): 2133-2140.
- [Rajović et al., 2025a](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Kuksin I.N. To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 2 // *Bylye Gody*. 2025. 20(4): 2141-2149.

References

- [Denisenko, 2024](#) – Denisenko, E.P. (2024). Dokumenty arkhivnogo fonda M.O. Bicha ob armeiskom partizanskom dvizhenii 1915-1916 gg. na territorii Belarusi [Documents from the archival fund of M.O. Bicha on the army partisan movement of 1915–1916 on the territory of Belarus]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskuststvovedenie. Filologicheskie nauki*. 2: 187-191. [in Russian]
- [Firsova i dr., 2019](#) – Firsova, I.A., Mileishna, N.A., Davydov, D.G. (2019). Voenno-patrioticheskaya deyatel'nost' zhenshchin v Pervoi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voynakh: sravnitel'nyi analiz [Military-patriotic activities of women in the First World War and the Great Patriotic War: a comparative analysis]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 10. 2(38): 133-138. [in Russian]
- [Grachev, 2019](#) – Grachev, A.V. (2019). K voprosu o sostave i boevoi deyatel'nosti partizanskogo otryada Sibirskoi kazach'ei divizii v Pervoi Mirovoi voine (dekabr' 1915 – fevral' 1917 g.) [On the composition

and combat activities of the partisan detachment of the Siberian cossack division in the First World War (december 1915 – february 1917)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 22: 46-51. [in Russian]

Grachev, 2021 – Grachev, A.V. (2021). Sibirskie kazach'i partizanskie otryady na fronte Pervoi mirovoi voyny [Siberian cossack partisan detachments on the front of World War I]. *Regiony Rossii v voennoi istorii strany. Materialy III Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ioshkar-Ola. Pp. 164-170. [in Russian]

Istoriya kazachestva..., 1995 – Istoriya kazachestva Aziatskoi Rossii. V 3-kh tomakh [History of the Cossacks of Asian Russia. In 3 volumes]. Pod red. V.V. Alekseeva. T. 2. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Ekaterinburg, 1995. [in Russian]

Khoroshilova, 2014 – Khoroshilova, O.A. (2014). Russkie otryady osoboi vazhnosti v period Pervoi Mirovoi voyny [Russian detachments of special importance during the First World War]. *Pervaya Mirovaya voina, Versal'skaya sistema i sovremennost': Sbornik statei*. Otv. red. I. N. Novikova i dr. SPb.: SPbGU. [in Russian]

Klembovskii, 1919 – Klembovskii, V.N. (1919). Partizanskie deistviya. Issledovanie [Partisan actions. Research]. Pg.: Izdanie Petrogradskogo otdela Glavnogo upravleniya voenno-uchebnykh zavedenii. [in Russian]

Kuban' i kubantsy..., 2025 – Kuban' i kubantsy v gody Pervoi mirovoi voyny (1914-1918): sbornik dokumentov [Kuban and the Kuban People during the First World War (1914-1918): collection of documents]. Sost. S.G. Temirov, A.V. Babich. Krasnodar: Traditsiya, 2025. [in Russian]

Kurepin, 2013 – Kurepin, Yu.G. (2013). Zabytye geroi [Forgotten heroes]. Ekaterinburg. [in Russian]

Lar'kov, 2009 – Lar'kov, N.S. (2009). Partizanskoe dvizhenie [Partisan movement]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk. [in Russian]

Logofet, 1915 – Logofet, D.N. (1915). S teatra voennykh deistvii (vpechatleniya) [From the theater of military operations (impressions)]. *Razvedchik*. 22 dek. 1311: 789-791. [in Russian]

Markovchin, 2010 – Markovchin, V.V. (2010). Odisseya atamana Annenkova [Odyssey of ataman Annenko]. Kursk: Yugo-Zapadnyi gos. un-t. [in Russian]

Nikitin, 1979 – Nikitin, A.N. (1979). Memuary kak istochnik po istorii partizanskogo dvizheniya v Sibiri v gody grazhdanskoi voyny [Memoirs as a source for the history of the partisan movement in Siberia during the Civil War]. Avtoref. dissert. kand. istr. nauk. Tomsk. [in Russian]

Parshukov, 2023 – Parshukov, V.A. (2023). Podvigi kazakov partizanskikh otryadov na frontakh Pervoi mirovoi voyny [The exploits of Cossack partisan detachments on the fronts of World War I]. *Voенно-istoricheskie chteniya. 1943 god. Vremya korennogo pereloma v Velikoi Otechestvennoi voine. Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Simferopol'. Pp. 187-190. [in Russian]

Rajović et al., 2025 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Kuksin, I.N. (2025). To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 1. *Bylye Gody*. 20(4): 2133-2140.

Rajović et al., 2025a – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Kuksin, I.N. (2025). To the Issue of the Creation of Partisan Detachments during the First World War (1914–1918). Part 2. *Bylye Gody*. 20(4): 2141-2149.

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Semenov, 1994 – Semenov, V.G. (1994). Partizany-kazaki na zashchite Otechestva. Lyubov' i vostok: esse, dokumenty, spravoch'naya informatsiya, vospominaniya, rasskazy, stikhi [Cossack partisans in defense of the fatherland. love and the east: essays, documents, background information, memories, stories, poems]. M. [in Russian]

Semenov, 2009 – Semenov, V.G. (2009). Ofiterskii korpus Orenburgskogo kazach'ego voiska 1891–1945 gg. Dopolnenie k biograficheskomu spravochniku [Officer corps of the Orenburg Cossack host 1891–1945. Supplement to the biographical handbook]. Orenburg. [in Russian]

Semenov, 2023 – Semenov, V.G. (2023). Konno-partizanskii otryad 11-i kavaleriiskoi divizii v gody Pervoi mirovoi voyny [Horse-partisan detachment of the 11th cavalry division during the First World War]. *Genealogiya i arkhivy. Materialy pyatoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sost. N.A. Antipin. Chelyabinsk. Pp. 566-572. [in Russian]

Semenov, Semenova, 2017 – Semenov, V.G., Semenova, V.P. (2017). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Istoriya v litsakh [Orenburg Neplyuevsky cadet corps. History in faces]. Orenburg. [in Russian]

Shilovskii, 2016 – Shilovskii, M.V. (2016). Povsednevnost' partizanskogo dvizheniya v Sibiri v 1918–1919 gg. (po vospominaniyam V.P. Sheveleva-Lubkova) [Everyday life of the partisan movement in Siberia in 1918–1919 (based on the memoirs of V.P. Shevelev-Lubkov)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 3(8): 145-150. [in Russian]

Shuldyakov, 2008 – Shuldyakov, V.A. (2008). K predystorii «annenkovshchiny»: Otryad osobogo naznacheniya Sibirskoi kazach'ei divizii v marte 1917 – fevrale 1918 goda [On the prehistory of

"annenkovshchina": special purpose detachment of the Siberian cossack division in march 1917 – february 1918]. *Nedbaevskie istoricheskie chteniya* (31 marta 2007 g., 18 noyabrya 2008 g.). Omsk: Izd-vo OmGPU. Pp. 158-188. [in Russian]

Smolik, 2017 – Smolik, A.I. (2017). Partizanskoe dvizhenie v Belarusi v period nemetskoj okkupatsii (1914-1918 gg.) [Partisan movement in Belarus during the German occupation (1914–1918)]. *Rossiia i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem*. 2: 134-140. [in Russian]

Strokov, 1974 – Strokov, A.A. (1974). Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v Pervoi mirovoi voine [Armed forces and military art in World War I]. M. [in Russian]

Trut, 2016 – Trut, V.P. (2016). Kazachestvo v Pervoi mirovoi voine [Cossacks in World War I]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. 11: 261-277. [in Russian]

Tsuba, 2011 – Tsuba, M.V. (2011). Partyzanski rukh na pinshchyne ŷ gady Pershai susvetnai vainy [Partizanski rukh na pinshchyne ŷ gady Pershay susvetnay vainy]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 1: 40-45. [in Russian]

К вопросу о создании партизанских отрядов в годы Первой мировой войны (1914–1918). Часть 3

Горан Райович ^{a, b, c, *}, Сергей Николаевич Братановский ^d, Александр Егорович Епифанов ^e, Иван Николаевич Куксин ^f

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^f Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья является третьей и заключительной частью нашей работы по изучению источников о деятельности партизан в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918). Материалами исследования стали документы Российского государственного военно-исторического архива. В качестве методического комплекса применялись историографический, историко-генетический, историко-системный и другие методы.

К лету 1916 г. было создано 50 партизанских отрядов, которые, однако, не все действовали в тылу неприятеля.

Идеолог русского партизанского движения в годы Первой мировой войны – А.Г. Шкуро и его покровитель в высших военных кругах – А.П. Богаевский, в приведённых документах указали плюсы и минусы проделанной партизанской работы.

Из позитивных сторон отмечены: удачная диверсионная деятельность в конце 1915 г. под Невелем и Кухоцкой Волей; большое желание личного состава русской армии служить в партизанских отрядах; хорошая идеологическая концепция партизанского движения; высокая личная мотивация и патриотизм бойцов партизанских отрядов.

Из негативных сторон отмечают: нежелание многих командиров использовать партизанский отряд по его прямому, диверсионному, назначению; неудовлетворительное обеспечение ротации личного состава отряда, а также боеприпасами, продовольствием, медикаментами.

В качестве решения указанных проблем Шкуро и Богаевский предлагают создавать небольшие диверсионно-разведывательные группы, засылаемые в тыл противника для соответствующей работы, в то время как основной отряд находится в хорошем укрытии (лес, болота и пр.), сохраняя боеспособность для прямого боестолкновения с неприятелем в случаях самообороны отряда. Также предлагается немедленная смена командования отряда при некомпетентности, а именно – несоблюдении главной задачи партизанского отряда: скрытного и множественного нанесения ударов по инфраструктуре противника посредством диверсий в глубоком тылу. Также партизаны должны уделять внимание пропагандистской работе среди населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, 1914–1918, партизанское движение в годы Первой мировой войны, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 522-526
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.522

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian Empire and Primary Education: The Number of School-Age Children and the Number of Students as of January 1, 1915 (A Case Study of the Asian Part of the Country)

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, c, *}, Larisa A. Koroleva ^d, Valentina S. Nikitina ^e

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c East European Historical Society, Houston, USA

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the state of primary education in the Asian part of the Russian Empire as of January 1, 1915, based on archival materials from the Russian State Historical Archive. The focus is on the correlation between the total number of school-age children (8–11 years old) and the number of pupils enrolled in primary schools across 23 administrative units of Siberia, the Far East, the Steppe Region, Central Asia, and Transcaucasia. Using statistical data, the study identifies regional differences in the level of primary school enrollment and determines the percentage of enrolled pupils relative to the total number of children of the corresponding age group.

The research shows that out of more than 2.2 million school-age children in the Asian part of the empire, approximately 550,000 were enrolled in schools, which accounted for about 25 percent. The highest level of enrollment was recorded in the Amur Region, while the lowest was observed in the Fergana Region. The author analyzes the factors influencing these disparities, including geographical remoteness, population density, specific features of colonial policy, and the degree of integration of the regions into the imperial administrative and educational system. The study refines our understanding of the scope and limitations of educational modernization in the eastern peripheries of the Russian Empire on the eve of the revolutionary events.

Keywords: Russian Empire, primary education, school-age children, statistical research, January 1, 1915.

1. Введение

Когда мы говорим об азиатской части Российской империи, то подразумеваем обширные пространства Сибири и Дальнего Востока, Степного края и Туркестана, Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также территории Закавказья. Организационно эти территории входили в состав нескольких учебных округов Российской империи, а именно: Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Приамурского, Туркестанского, и частично Кавказского (Cherkasov, 2023: 1689-1691). Значительная часть этих территорий для Российской империи была недавно приобретенной, в результате дело начального образования на этих территориях сталкивалось с разнообразными проблемами.

2. Материалы и методы

Основным источником нашей работы стали архивные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В частности, нами были использованы материалы статистической диаграммы детей начального школьного возраста (8–

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

11 лет) и числа учащихся по состоянию на 1 января 1915 г. Эта диаграмма охватывает все субъекты Российской империи.

Методологическая основа исследования строится на принципах историзма, научной объективности и источниковедческой критики. Работа ориентирована на количественный анализ архивных статистических данных с последующей исторической интерпретацией полученных результатов.

В исследовании использован историко-статистический метод, позволивший определить абсолютные и относительные показатели охвата начальным образованием по отдельным губерниям и областям. Количественные данные были систематизированы в виде таблицы, после чего проведён сравнительный анализ региональных различий. Это позволило выявить диспропорции между Сибирью, Дальним Востоком, Степным краем, Средней Азией и Закавказьем.

Применён сравнительно-исторический метод, с помощью которого показатели разных регионов сопоставлены между собой в едином хронологическом срезе. Историко-системный подход позволил рассматривать начальное образование как элемент более широкой социальной и административной политики Российской империи на ее восточных окраинах.

Метод обобщения и синтеза использовался для формулирования выводов о характере образовательной модернизации в азиатской части империи накануне 1917 г. В целом методология сочетает количественный анализ с качественной интерпретацией, что позволяет раскрыть как статистические параметры, так и их историческое значение.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования обширна, и она затрагивает историю народного образования на территории азиатской части России в дореволюционный период. Так, например, N.A. Shevchenko и другие обращались к истории народного образования на территории Дальнего Востока, а в частности Амурской области (Shevchenko et al., 2023). Аналогичные процессы на территории Степного края, а именно Семиреченской области изучали Т.А. Magsumov и другие (Magsumov et al., 2023). Также Т.А. Magsumov с соавторами рассматривал систему народного образования Карсской области (Magsumov et al., 2020; Magsumov et al., 2020a), Бакинской губернии (Magsumov et al., 2021; Magsumov et al., 2021a) и Елизаветпольской губернии (Magsumov et al., 2021b; Magsumov et al., 2022; Magsumov et al., 2022a).

К системе народного образования на территории Эриванской губернии обращался А.М. Mamadaliev вместе с соавторами (Mamadaliev et al., 2021; Mamadaliev et al., 2022; Mamadaliev et al., 2022a).

Также мы можем назвать и обобщающие работы по истории народного образования на территории Российской империи в период царствования последнего императора Николая II. Среди таких трудов видное место занимает работа А.А. Cherkasov (Cherkasov, 2011).

4. Результаты

Итак, прежде чем приступить к теме нашего исследования, необходимо представить территории, которые входили в состав азиатской части Российской империи. Всего это было 23 административные единицы (губернии и области).

К Сибири и Дальнему Востоку относились Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Якутская, Амурская, Приморская, Камчатская, Сахалинская области.

К Степному краю: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская и Уральская области.

К Средней Азии относились: Закаспийская, Самаркандская, Сыр-Дарьинская и Ферганская области, а также территории протекторатов (Бухарский эмират и Хивинское ханство).

И, наконец, к этой части России часто относят территории Закавказья: Бакинская, Елизаветпольская, Эриванская губернии и Карсская область.

Таблица 1. Азиатская часть Российской империи, количество детей школьного возраста и количество школьников на 1 января 1915 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1)

№	Губерния, область	Количество детей (8–11 лет)	Количество школьников	Процент учащихся
1	Западная Сибирь			
	Тобольская губерния	184476	64946	35,2
2	Томская губерния	364963	121922	33,4
3	Восточная Сибирь			
	Енисейская губерния	87521	32273	36,8
4	Иркутская губерния	66186	37942	57,3

№	Губерния, область	Количество детей (8–11 лет)	Количество школьников	Процент учащихся
5	Забайкальская губерния	83413	29567	35,4
6	Якутская губерния	29522	3227	10,9
	Дальний Восток			
7	Амурская область	27298	21391	78,3
8	Приморская область	57057	33023	57,8
9	Камчатская область	3641	807	22,1
10	Сахалинская область	3027	407	13,4
	Степной край			
11	Акмолинская область	134913	41793	30,9
12	Семипалатинская область	77762	10591	13,6
13	Семиреченская область	113349	12239	10,7
14	Тургайская область	62784	24858	39,5
15	Уральская область	77693	22069	28,4
	Средняя Азия			
16	Закаспийская область	45019	5144	11,4
17	Самаркандская область	105044	4417	4,2
18	Сыр-Дарьинская область	176347	15202	8,6
19	Ферганская область	186285	3622	1,9
	Закавказье			
20	Бакинская губерния	94917	25642	27,0
21	Елизаветпольская губерния	97955	17900	18,2
22	Эриванская губерния	92869	11417	12,2
23	Карсская область	35216	11090	31,4
Итого		2207257	551489	24,98

Анализируя [Таблицу 1](#) мы можем видеть, что в целом на территории азиатской части Российской империи 1 января 1915 г. находилось более 2,2 млн детей школьного возраста (8–11 лет), из них за школьной скамьей находилось 550 тыс. человек или почти 25 % от общего количества детей школьного возраста. Причинами столь низкого количества обучающихся в начальной школе детей была отдаленность от европейской части страны, малонаселенность территории и то, что значительная часть из этих территорий была сравнительно недавно присоединена к Российской империи. Самый большой процент учащихся приходился на Амурскую область – 78,3, наименьший показатель был у Ферганской области – 1,9 %.

Очевидно, что на разных территориях уровень охвата школами детей был разным. Например, всего на территории Западной Сибири проживало 549439 детей школьного возраста, из них в школах находилось 186868 человек или 34,0 % от общего количества детей ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)). На территории Восточной Сибири проживало 266642 ребенка школьного возраста, из них за партой находилось 103009 детей или 38,6 % ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)). В целом же на территории Сибири проживало 816081 ребенок, из них обучалось 289877 детей или 35,5 % от общего количества детей ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)).

На Дальнем Востоке в то же время проживало 91023 ребенка в возрасте от 8 до 11 лет, из них обучалось 55628 детей или 61,1 % ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)).

На территории Степного края проживало 466501 ребенок, из них обучалось 111550 человек или 23,9 % от общего количества детей региона ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)).

На территории Средней Азии проживало 512635 детей, из них обучалось в начальной школе 28385 детей или 5,5 % от общего контингента детей школьного возраста ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)).

И наконец в Закавказье проживало 320957 детей, из которых обучалось 66049 человек или 20,5 % ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)).

5. Заключение

Проведенный анализ статистических данных по состоянию на 1 января 1915 г. позволяет сделать вывод о значительной неравномерности развития начального образования в азиатской части

Российской империи. Несмотря на то, что общее количество детей школьного возраста превышало 2,2 млн человек, уровень охвата обучением составлял лишь около 25 %, что свидетельствует о структурных проблемах образовательной политики на окраинах империи. Наиболее высокий процент обучающихся наблюдался в регионах с более устойчивой административной и переселенческой инфраструктурой — прежде всего на Дальнем Востоке и в отдельных губерниях Восточной Сибири. В то же время в Средней Азии показатели оставались крайне низкими, что отражает как специфику социально-культурной среды, так и слабую развитость школьной сети. Полученные данные подтверждают, что образовательная модернизация в азиатских регионах носила фрагментарный характер и находилась в прямой зависимости от уровня интеграции территории в общеимперское пространство.

Литература

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.

Magsumov et al., 2020 – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 221-234.

Magsumov et al., 2020a – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.

Magsumov et al., 2021 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 529-545.

Magsumov et al., 2021a – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 822-836.

Magsumov et al., 2021b – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(4): 1042-1047.

Magsumov et al., 2022 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 299-306.

Magsumov et al., 2022a – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 662-669.

Magsumov et al., 2023 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Semirechenskaya Oblast (1867–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1526-1531.

Mamadaliev et al., 2021 – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Volkov A.N. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1800-1813.

Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 386-402.

Mamadaliev et al., 2022a – Mamadaliev A.M., Bogdan V.V., Svechnikova N.V., Miku N.V. The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 714-728.

Shevchenko et al., 2023 – Shevchenko N.A., Kapitanets Yu.V., Zinchuk G.M., Ishekov K.A. To the Issue of Primary Education in the Amur Region in 1859–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1818-1823.

References

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv].

Cherkasov, 2011 – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 10(2): 138-149.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.

Magsumov et al., 2020 – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 221-234.

- [Magsumov et al., 2020a](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the second half of the 19th century and the early 20th century. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 529-545.
- [Magsumov et al., 2021a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Baku Governorate in the Period between the Second Half of the 19th Century and the Early 20th Century. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 822-836.
- [Magsumov et al., 2021b](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2021). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 10(4): 1042-1047.
- [Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 299-306.
- [Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Elisabethpol Governorate in the Period 1868–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 662-669.
- [Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2023). The System of Public Education in Semirechenskaya Oblast (1867–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1526-1531.
- [Mamadaliev et al., 2021](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Volkov, A.N. (2021). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(4): 1800-1813.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 386-402.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – Mamadaliev, A.M., Bogdan, V.V., Svechnikova, N.V., Miku, N.V. (2022). The System of Public Education in the Erivan Province in 1849–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 17(2): 714-728.
- [Shevchenko et al., 2023](#) – Shevchenko, N.A., Kapitanets, Yu.V., Zinchuk, G.M., Ishekov, K.A. (2023). To the Issue of Primary Education in the Amur Region in 1859–1917. *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1818-1823.

Российская империя и начальное образование: число детей школьного возраста и количество обучающихся на 1 января 1915 (на примере азиатской части страны)

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, c, *}, Лариса Александровна Королева ^d, Валентина Сергеевна Никитина ^e

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Хьюстон, США

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния начального образования в азиатской части Российской империи по состоянию на 1 января 1915 г. на основе архивных материалов Российского государственного исторического архива. В центре внимания находится соотношение общего числа детей школьного возраста (8–11 лет) и количества обучающихся в начальных учебных заведениях в 23 административных единицах Сибири, Дальнего Востока, Степного края, Средней Азии и Закавказья. На основании статистических данных выявляются региональные различия в уровне охвата начальным образованием, а также определяется процент учащихся по отношению к общему числу детей соответствующего возраста.

Исследование показывает, что при общем контингенте свыше 2,2 млн детей школьного возраста в азиатской части империи в школах обучалось около 550 тыс. человек, что составляло примерно 25 %. Наиболее высокий уровень охвата зафиксирован в Амурской области, тогда как наименьший — в Ферганской области. Автор анализирует факторы, повлиявшие на различия в образовательных показателях, включая географическую удалённость, плотность населения, особенности колониальной политики и степень интеграции регионов в общеимперское пространство. Работа позволяет уточнить представления о масштабах и ограничениях образовательной модернизации на восточных окраинах Российской империи накануне революционных событий.

Ключевые слова: Российская империя, начальное образование, дети школьного возраста, статистическое исследование, 1 января 1915 г.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 527-538
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.527

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Investigation and Trial of the Participants in the Events of July 11, 1916 in Tashkent: Source-Study and Procedural-Legal Aspects

Oybek A. Makhmudov ^a, Sofya I. Gabrielyan ^{b, *}, Azizbek G. Kholliyev ^b, Salimaxon N. Madyarova ^b

^a Chirchik State Pedagogical University, Republic of Uzbekistan

^b National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article explores the understudied procedural, legal, and source-study aspects of the investigation and trial of the participants in the July 11, 1916, uprising in Tashkent. These events became one of the most prominent episodes of mass protests in the Turkestan Governor-Generalship, provoked by the Imperial Decree on the mobilization of the “alien” (inorodtsy) population for rear-line work during World War I. Based on unpublished materials from the National Archives of Uzbekistan (specifically, the “Turkestan Military District Court” fund), the author reconstructs the mechanisms of the Russian law enforcement and judicial systems under colonial conditions.

The work provides a detailed analysis of the sequence of investigative actions, ranging from crime scene inspections and forensic medical examinations to the interrogation of witnesses from the colonial administration and the accused. The particular attention is paid to the legal qualification of the rebels' actions. The study demonstrates how, through the application of the Penal Code and the Provisions on Measures for the Preservation of State Order, the authorities interpreted the protest as an armed rebellion against the state, which, under wartime conditions, carried the death penalty.

The article describes the activities of the Special Temporary Military Court, the specifics of the “question sheets”, and the role of the defense in the trial. A key element of the research is the analysis of the confirmation of the sentence by Governor-General A.N. Kuropatkin. The author concludes that the significant mitigation of punishments for the majority of the convicted was dictated not only by humanism but also by a pragmatic desire to stabilize the region and avoid further escalation of the conflict. The article emphasizes that despite the formal severity of imperial justice, judicial practice allowed for variability and considered the social factors that had turned peaceful residents into “hardened criminals”. The research contributes to the understanding of the colonial policy of the Russian Empire and the instruments of legal control during periods of crisis.

Keywords: Turkestan, 1916 uprising, Tashkent, colonial administration, investigation, military district court, Penal Code, A.N. Kuropatkin, confirmation of sentence, source studies.

1. Введение

В июне 1916 г. произошли события в Туркестанском генерал-губернаторстве, в результате чего вспыхивали очаги напряжения и противостояния с колониальными властями. Последствием этого стали арест, следствие и суд над участниками восстаний. При этом сама процедура производства следствия и суда никогда специально не рассматривалась исследователями. В основном ограничивались лишь констатацией фактов ареста и суда над восставшими, не затрагивая самих

* Corresponding author

E-mail addresses: sofagabrielan4@gmail.com (S.I. Gabrielyan), oybek81@yandex.ru (O.A. Makhmudov), azizbekholliyev@gmail.com (A.G. Holliyev), madyarova-75@mail.ru (S.N. Madyarova)

процессуальных вопросов, что приводит к некоторым неясностям, недоговоренностям и даже искажениям в оценках общих результатов и последствий событий 1916 г. в Туркестане.

Исходя из этого, мы хотели бы рассмотреть данные события с точки зрения анализа процессуальной и юридической стороны вопроса, на основании действующих на тот момент законов Российской империи и утвержденных в этой области процедур. Необходимо показать, как производились следственные действия, суд и утверждение приговоров над восставшими. Не пытаясь охватить все многочисленные подобные случаи, мы попытаемся осветить некоторые основные моменты процессуальной практики судебно-следственных органов Туркестанского края, на примере следствия и суда над участниками событий 11 июля 1916 г. в Ташкенте, используя, главным образом, архивные материалы.

2. Материалы и методы

В Национальном архиве Узбекистана (НАУз, Ташкент, Узбекистан) сохранился ряд дел, в которых содержатся материалы, касающиеся следствия и суда над участниками событий 11 июля 1916 г. в Ташкенте. Одним из таких дел, представляющих большой интерес, является, хранящееся в фонде И-723 «Туркестанский военно-окружной суд» дело №339 «О вооруженном сопротивлении войскам жителями старого города Ташкента Абдурахман Хакимовым, Юлчи Ибрагимовым и др. в числе 34 чел., с приложением следственного дела». Также нами был привлечен ряд документов из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва, Российская Федерация).

На основании именно документов и ряда других архивных материалов мы пытались рассмотреть процессуально-юридические аспекты того, как происходило следствие и суд над участниками ташкентских событий.

Обнародование Высочайшего повеления «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 71-710б.), послужило поводом к многочисленным выступлениям местного населения против колониальных властей Туркестанского края. С разной быстротой и жертвами с обеих сторон эти выступления были подавлены властями, которые сразу же начинали совершать аресты подозреваемых в участии, организации и «подстрекательстве» к восстаниям.

Проведенное исследование опирается на цивилизационный подход, позволяющий рассматривать исторические процессы в их взаимосвязи. Для анализа проблемы использовались различные исторические методы, такие как:

Диахронический метод помог изучить, как производились следственные действия и суд над участниками событий в Ташкенте.

Идеографический метод позволил выяснить другую сторону восставших. То есть, как видели и понимали происходящее чиновники следственных и судебных органов Туркестанского края. Деятельность российских правоохранительных и судебных властей в Туркестанском генерал-губернаторстве во время событий 1916 г. была рассмотрена в контексте государственной стратегии в крае.

Метод актуализации определил последствия действий российских властей для дальнейшей стабилизации ситуации в регионе.

Типологический метод помог проанализировать подходы к решению проблем вставших перед российскими местными и имперскими властями в результате туркестанских событий 1916 г.

3. Обсуждение

Тема восстаний 1916 года в Туркестане, включая события в Ташкенте и Сырдарьинской области, является значимой частью истории Центральной Азии в имперский период.

Изучение этой темы имеет давнюю традицию, но уровень ее исследования остается неравномерным из-за ограниченного доступа к источникам, идеологических ограничений в различные периоды и недостаточной детализации локальных событий.

В советской историографии события в Туркестане в 1916 г. рассматривались преимущественно с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, подчеркивая классовую борьбу и антиколониальное сопротивление. Основное внимание уделялось социально-экономическим причинам, включая эксплуатацию местного населения и земельные конфликты.

Среди публикаций, которые в разной степени касались рассматриваемой нами темы, хотелось бы отметить работы Е. Федорова (Fedorov, 1925), Т. Рыскулова (Рыскулов, 1924: 270-274; Рыскулов, 1927), Ф. Божко и П. Галузо (Божко, Галузо, 1932), С.Д. Асфендиярова (Асфендияров, 1936), З.Д. Кастельской (Кастельская, 1937), П.А. Ковалева (Ковалев, 1957), Х. Турсунова (Турсунов, 1962) и др.

В период 1920–1960-х гг. был опубликовано несколько весьма содержательных сборников документов и документальных публикаций, посвященных событиям 1916 г., в которых отражались и события, происходившие в г. Ташкенте (Восстание..., 1929: 39-94; Восстание..., 1932; Восстание..., 1937; Восстание..., 1960 и др.).

Но советские исследования мало уделяли внимание юридическим, судебным и правоприменительным аспектам следствия и судов, происходившим после подавления выступлений 1916 г.

в Туркестанском генерал-губернаторстве. Фактически нет и специальных исследований посвященных этой тематике. Исследователи в основном ограничивались констатацией фактов о судах и количестве осужденных в военных судах края.

После крушения СССР начались попытки переосмыслить трагические события 1916 г. с новых методологических и идеологических позиций. В Центральной Азии появились работы, подчеркивающие значение событий для формирования национального самосознания. Среди них можно отметить исследования Д.Х. Зияевой (Зияева, 1991: 42-46; Зиёева, 2000), О.А. Махмудова (Махмудов, 2016: 93-113; Махмудов, 2017: 89-96; Mahmudov, 2019: 95-125; Махмудов, 2020: 98-115; Махмудов, 2020: 92-116), Б.А. Алимджанова (Алимджанов, 2017: 185-194; Алимджанов, 2017: 302-321), А. Джумашева (Джумашев, 2017: 20-40) и др. Из российских исследователей, особенно следует выделить работу Т.В. Котюковой, опубликовавшую целый ряд исследований посвященных событиям 1916 г. в Туркестане (Котюкова, 2011: 98-126; Котюкова, 2017: 60-65; Kotiukova, 2019: 45-70). Помимо этих исследований, она подготовила и издала в 2016 г. большой сборник архивных документов, раскрывающие события 1916 г. в Центральной Азии (Восстание..., 2016).

Также в ряде публикаций появились ряд работ, которые в какой-то мере раскрывают контакты Туркестанского генерал-губернаторства в Российской империей. Вопросы раскрываемые в этих статьях освещают те механизмы, которые в последствии и привели к кровавым событиям 1916 г. Это работы Д.Ж. Уракова (Urakov et al., 2024), С.И. Габриэльян (Gabrielyan et al., 2025) и др.

Из исследований вышедших на английском языке посвященных событиям 1916 г. можно отметить монографию Э.Д. Сокола (Sokol, 1954), вышедшую более 70 лет назад и носящую в целом компиляционный характер. После этого в англоязычной историографии этому вопросу почти не уделялось специального внимания. Лишь в 2019 г. был опубликован специально посвященный событиям 1916 г. в Туркестане сборник статей на английском языке, участие в котором приняли также исследователи из Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и России (The Central Asian..., 2019).

Однако все эти упомянутые выше работы опять же почти не затрагивали аспекты рассматриваемой нами темы. В настоящем исследовании будет предпринята попытка восполнить этот пробел на основе именно архивных документов.

4. Результаты

Одним из ярких эпизодов событий 1916 г. в Туркестане были «беспорядки во дворе Полицейского управления туземной части гор. Ташкента», произошедшие 11 июля 1916 г. в Ташкенте. Как уже было упомянуто, в НАУ Уз находится судебное дело, посвященное этим событиям. Все материалы, включенные в данную единицу хранения, представляют большой интерес как хорошо иллюстрирующее правоприменительную, процессуальную и судебную практику Российской империи на примере следствия и суда над участниками событий 11 июля 1916 г.

Начало производства следственных действий по событиям 1916 г. было дано протоколом Мирового судьи 13-го участка Ташкентского уезда по предложению участкового товарища прокурора в тот же день, на основании которого последнему было «предложено приступить к производству предварительного следствия по признакам 263 и 268 ст[атей] Ул[ожения] о наказ[аниях] (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 285). На основании этого было составлено и постановление о принятии к суду этого дела к производству (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 286). Следствие, как сообщалось прокурором Ташкентского окружного суда прокурору Ташкентской судебной палаты, велось «в непрерывном присутствии Участкового Товарища Прокурора и под личным моим (т.е. прокурора Ташкентского окружного суда – авт.) наблюдением» (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 19).

В этот же день ташкентским Мировым судьей 13 участка был произведен осмотр места происшествия, о чем был составлен «Протокол осмотра», содержащий также и чертеж полицейского управления и двора, где развернулись события 11 июля (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 287-289об.).

Мировым судьей 13 участка в присутствии понятых было произведено судебно-медицинское освидетельствование раненых и убитых во время событий 11 июля (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 292-294, 304-310, 323-328об., 365-366об.).

В тот же день, то есть именно 11 июля 1916 г. были взяты и свидетельские показания у представителей колониальных властей, чинов полиции и военных, участвовавших в подавлении восстания, из которых мы помимо прочего узнаем об их возрасте и вероисповедовании. Первым среди них стал протокол допроса бывшего полицмейстера туземной части г. Ташкента Н.Е. Колесникова сообщившего, что он видел и знает о событиях 11 июля (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 295-296об.). Также имеются протоколы допроса бывшего полицейского пристава 4-го участка г. Ташкента А.М. Мочалова (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 297-299), полицейского пристава 3-го участка г. Ташкента, два показания А.С. Харчева (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 300-302, 484), секретаря полицейского управления туземной части г. Ташкента Ю.О. Трентовиуса (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 321-322), городского Шейхантаурской части г. Ташкента Данияр-ходжа Мусаходжаев (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 334), старшего пешего городского Бешагачской части г. Ташкента И.Е. Сметанин (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 335-337) и других городских (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 337-364об., 367-368, 375-397). Имеется в деле и показания начальника

Ташкентской школы прапорщиков подполковника С.В. Савицкого (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 445-446), сообщающего интересные сведения о произошедших событиях, а также показания казаков из состава конвоя командующего войсками Туркестанского военного округа принимавших участие в разгоне восставших (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 432-433об., 443-444об., 446-446об.), а также протоколы и других чинов школы прапорщиков (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 455, 459-462об.). Начальник города Ташкента С.О. Кочан также дал свидетельские показания о событиях 11 июля (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 452-453об., 458-459). В деле имеются протоколы дознания «сартов» по делу о событиях 11 июля (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 319-320об.).

Главные следственные действия были осуществлены по отношению к виновникам оговоренных событий. Имеются в деле протоколы допроса обвиняемых (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 370-373, 419-423, 424-430об., 467-472об., 474-479, 500-500об.), которые были арестованы сразу же после июльских событий (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 46-46об, 47, 51). Из содержания данных документов, помимо самого описания событий и их взгляда и версий произошедшего, можно узнать их возраст, рожден в браке или вне, место проживания, социальную и этническую принадлежность, грамотный человек или не владеющий грамотой, их семейное положение, профессию и место работы, наличие недвижимого имущества, наличие или отсутствие судимости, наличие особых примет. Заполнялись все эти сведения на специальном типографском бланке. Никто из обвиняемых, согласно рассмотренных протоколов допроса, виновным себя не признал, что не помешало, на основании свидетельских показаний чинов колониальных властей, полиции и военных чинов довести следствие до суда.

Из дела мы узнаем, что один из арестованных восставших – Мулла Садык Сытдык-Казиев скончался в больнице 18 июля «от последствий огнестрельной раны в грудь» (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 390), хотя в справке ташкентской городской больницы от 16 июля он значится как выписавшийся 15 июля (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 364а).

На основании всей совокупности показаний свидетелей и обвиняемых дело было направлено в суд.

Инициировано судебное производство было содержащимся в деле Предложением военного прокурора Туркестанского военно-окружного суда Туркестанскому военно-окружному суду от 29 июля 1916 г. при котором содержится обвинительный акт (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 4-9) и дело «о вооруженном сопротивлении властям сартов туземной части г. Ташкента» в количестве 34 человек, список лиц, вызываемых в судебное заседание (содержащие список подсудимых и свидетелей по делу) (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 10б.-3), копия приказа о предании суду (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 10-10об.) и вещественные по делу доказательства (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 1).

Все подсудимые, в числе 34 человек, содержались «под стражей в Ташкентской областной тюрьме (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 10б.-2), причем трое из них – Якуб Мураджабаев, Пулат-ходжа Иногамходжаев и Мурад-ходжа Мухаммед-Али-ходжаев «сначала были заключены в... тюрьму по постановлению Военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 11 июля, за беспорядки во дворе Полицейского Управления Туземной части г. Ташкента, для отбытия ареста на три месяца. Затем были привлечены к суду» (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 58). В приказе о предании суду перечисляются имена подсудимых и кратко сообщается в чем они обвиняются.

В Обвинительном акте содержится подробное изложение дела, обвинения и имена обвиняемых. Отмечается, что «все подсудимые под судом не были» кроме одного из них, который ранее был присужден «к отдаче в исправительные арестантские отделения на полтора года, которое наказание и отбыл. Обвинительная же формулировка заключалась в том, что «сарты туземной части гор. Ташкента... вознамерившись силою воспрепятствовать исполнению Высочайшего Повеления о реквизиции рабочих туземцев Туркестанского края, около 8 часов утра, 11-го июля месяца с/г., собравшись у полицейского управления туземной части г. Ташкента, состоявшего на положении чрезвычайной охраны, совместно с другими, не обнаруженными на предварительном следствии лицами, в числе более тысячи человек, напали на собравшихся в полицейском управлении чинов полиции и ударами ножей, камней и палок причинили легкие раны секретарю полицейского управления Трентовиусу и городовым Рустамбаеву и Мусаходжаеву и ушибы другим городовым и выстрелом из револьвера убили, бывшего в числе полицейских чинов караульщика Мир Ахмет Ша Мир Акбар Шаева, что предусмотрено 13, 263 и 268 ст. ст. Уложения о наказании Уголовных и Исправительных, 1 п. 18 ст. Положение о мерах к охранению Государственного Порядка и Общественного спокойствия и 279 ст. XXII кн. С.В.П. 1869 г. изд. 4» (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 8об.-9).

Для понимания, какие статьи инкриминировались восставшим, обратимся непосредственно к тексту этих законов. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. эти статьи звучат следующим образом:

«13. В преступлении, содеянном несколькими лицами, принимается в уважение: учинено ли сие преступление по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию, или без оног.

264. Всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть Его с Престола, лишить свободы и власти верховной, или же

ограничить права оной, или Священной Особе Его какое-либо насилие, подвергают виновных в том: лишению всех прав состояния и смертной казни.

268. Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие оскорбительные слова против Государя Императора, или с умыслом будет повреждать, искажать или истреблять выставленные в присутственном или публичном месте портреты, статуи, бюсты или иные изображения Его, тот за сие оскорбление Величества присуждается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетьюми чрез палачей в мере, определенной статьей 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Если виновный дозволил себе сии дерзкие слова или поступки в пьянстве без преднамеренно на то умысла, то он приговаривается: к заключению в смиренном доме на время от шести месяцев до одного года» ([Уложение о наказаниях, 1845: 3, 98, 100](#)).

В Положении о мерах к охранению Государственного Порядка и Общественного спокойствия от 1881 г. эти статьи звучат следующим образом:

«18. Рассмотрение и решение упомянутых дел в военно-окружных и временных военных судах производится с тем:

а) чтобы лицам, виновным в вооруженном сопротивлении властям или нападении на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождалось убийством или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев, или поджогом – определялось наказание, предусмотренное статьей 279 Воинского устава о наказаниях, изд. 1879 года (т.е. смертная казнь – *авт.*)» ([Положение о мерах, 1881](#)).

В Своде военных постановлений от 1869 г., XXII эта статья звучит так:

«279. В военное время, за умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж и умышленное зажигательство или потопление чужого имущества виновные приговариваются: к лишению всех прав состояния и смертной казни» ([Россия. Законы и постановления, 1879: 66](#)).

29 июля состоялось распорядительное заседание Военно-окружного суда по рассмотрению дела о событиях 11 июля в Ташкенте. Состав суда был следующий: вр.и.д. председателя суда генерал-майор Давыдович, и.д. военного судьи полковник Закомельский и подполковник 737 пехей Сибирской дружины Голашевский, за военного прокурора полковник Симонович и при секретаре суда, статский советник Некрасов. Закомельским были доложены обстоятельства дела, имена и количество подсудимых, свидетелей и место проведения заседания суда. Отмечено что «дело особых распоряжений со стороны суда не требует; медлительности и упущений в деле не усматривается». На основании изложенного было постановлено «делу дать ход, рассмотреть по законам и срокам военного времени в особом временном военном суде при закрытых дверях» ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 12-120б.](#)).

Согласно законной процедуре копия обвинительного акта вручалась подсудимым, о чем сохранились протоколы и расписки ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 15-160б.](#)).

Для защиты подсудимых их родственниками были наняты судебные защитники – присяжные поверенные Н.К. Будыка и Н.И. Закаменский, которые путем представления различных новых доказательств и вызова новых свидетелей пытались добиться оправдания подсудимых ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 17-18](#)).

В рассматриваемом деле содержится значительный объем документов, отражающих перипетии дела, вызов свидетелей как обвинителями, так и защитниками ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 19, 21-23](#) и далее).

Для производства над обвиняемыми по делу о событиях 11 июля 1916 г. был сформирован Особый временный военный суд, заседавший в городе Ташкенте. В состав суда были также кооптированы временные члены, которые должны были приносить специальную присягу, к которой приводил православный священник ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 149](#)). Так, например, в судебном заседании, проходившем 4-7 августа 1916 г. в качестве временных членов суда участвовали члены военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа - полковник Залеский и 737 пехей сибирской дружины, подполковник Голашевский ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 150](#)). На этом многодневном заседании, протокол которого также содержится в деле, были рассмотрены обстоятельства дела, заслушаны показания участвовавших в суде 31 подсудимого (дела одного из подсудимых – Уста Адиль Алимбаева было в отдельное производство, а двое подсудимых были ранены и находились на излечении) и свидетелей обеих сторон. В конце последнего дня заседания было объявлено, что приговор будет объявлен на следующий день, то есть 8 августа ([НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 150-157](#)).

Большой интерес в качестве иллюстрации и для того, чтобы понять, как работала судебная система в Российской империи представляет Вопросный лист, в котором временные члены суда должны были указать представленные обвинения в отношении конкретных подсудимых. При знакомстве с этим

документом видно, что значительная часть обвинений против подсудимых довольно часто членами суда были признаны недоказанными (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 158-160об.).

Резолюцией суда, заполняемой на специальном типографском бланке, было постановлено осудить пятерых подсудимых – Абдурахмана Каимсуфиева, Низамиддин-ходжу Зайнутдинходжаева, Гуляма Камалева, Таджибая Юнусходжаева, Мир Касыма Исамухамедова. Постановление гласило: «Лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение», девятых «лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 20 лет каждого». При этом по другим обвинениям, а именно «по обвинению в убийстве и в нападении на чинов полиции, сопровождавшемся нанесением ран – считать по суду оправданными». Еще девятых – Абдурахмана Муллахакимова, Юлчи Ибрагимова, Якуба Муратжапбаева, Пулат-ходжу Инагамходжаева, Мурад-ходжу Мухаммадалиходжаева, Абдугафура Абдукахарова, Пулат-ходжу Ша-Магдыходжаева, Турсунбая Абдухакимова и Азиза Мусабаева – приговорили «лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 20 лет каждого». При этом было постановлено, что все эти девять подсудимых «по обвинению в убийстве и нападении на чинов полиции сопровождавшимся нанесением ран, считать по суду оправданными». Еще пятеро подсудимых – Алим-ходжа Устаякубов, Абдухалил Абдухакимов, Ша-Гияс Ша-Ильяскариев, Муксум Курчибаев и Гулям Юсупджанов – были приговорены «по лишении всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ отдать в исправительные арестантские отделения каждого на 3 года», а еще одного из подсудимых – Ша-Саита Ша-Салихова – приговорили к «заключению в тюрьме на 2 года без лишения прав». Также судом было вынесено решение, что все эти шесть подсудимых «по обвинению в убийстве и нанесении ран, считать по суду оправданными». Еще 11 подсудимых – Махмуд-ходжа Мирзаходжаев, Файзыали Рахимбаев, Пулат-ходжа Мир-Исаев, Мулла Алим Пайзыбаев, Ирناзар-ходжи Икрамбаев, Шакир Камалев, Иргашбай Магомед-Расулев, Сайфутдин Ша-Гиясов, Мир-Сагат Уста-Пайзысуфиев, Кабул Мир-Салихов, Алимджан Мухамед-Алиев – были приговорены судом «по обвинению в явном восстании против властей правительством установленных, сопровождавшихся убийством и нанесением ран и побоев чинам полиции, считать по суду оправданными – по недоказанности сего деяния». Также судом было постановлено «вещественные доказательства по делу: а) анонимное письмо – уничтожить, б) остальные вещи, как неизвестно кому принадлежащие продать и вырученные деньги обратить в доход казны», «судебные по делу издержки взыскать из имущества подсудимых, а в случае несостоятельности их, принять на счет казны».

Далее на бланке указывалось, что «приговор вошел в законную силу 9 августа 1916 года в 2 часа дня», а также «1916 года августа восьмого (8) дня в 2 часа дня приговор сей, объявлен в присутствии Помощника Военного Прокурора Полковника Симоновича при помощнике Секретаря Губернского Секретаря Беки при бытности подсудимых» (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 162-163).

На основании этой Резолюции суда был вынесен приговор. Основанием служили статьи 12, 17, 18, 19, 22-25, 27-29, 31, 43, 45, 46, 58¹, 58², 140, 263, 266 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; статьи 17-я и 18-я пункт 1 Положения о мерах к охранению порядка и общественного спокойствия (Приложение 1 к статье 1 примечания 2 Установления о пределах преступлений); статьи 279 XXII книги Свода военных постановлений 1869 г. издания 4, а также статей 914 и 915 XXIV книги того же Свода (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 167).

На этот приговор суда 9 августа 1916 г. туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным была наложена следующая конфирмация: «Приговор утверждаю. Нижепоименованным подсудимым смягчаю назначенные судом наказание и определяю: 1) Низамиддин-ходжу Зайнутдинходжаева и Гуляма Камалева – сослать в каторжные работы на пять лет каждого с лишением всех прав состояния, 2) Таджибая Юнусходжаева подвергнуть заключению в тюрьме на два года без лишения права, 2) всем девяти подсудимым, присужденным в каторжные работы на 20 лет, наказание это заменить арестом на два (в другом документе указано «на 12» – *авт.*) месяца, 3) Всем пяти подсудимым присужденным к отданию в направление в арестантские отделения, а равно подсудимому Ша-Саиту Ша-Салихову, присужденному к заключению в тюрьме, заменяю назначенное судом наказание арестом на один месяц» (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 168-169). В отношении прокурора Ташкентского окружного суда от 13 августа 1916 г. начальнику Ташкентской областной тюрьмы, указывалось что «приговор вошел в законную силу 9 августа 1916 г.», а также, что «срок содержания осужденным должен считаться с 7 августа 1916 года» (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 10).

Как видно из приведенной конфирмации, А.Н. Куропаткиным приговор суда был очень сильно смягчен, как и остальные приговоры участникам восстаний 1916 г. подтвержденные им. Вообще, следует здесь отметить, что туркестанский генерал-губернатор считал, что не следует «завинчивать гайки», а надо стараться все противоречия и конфликты разрешить миром. Позицию А.Н. Куропаткина по отношению к судебным приговорам участников событий 1916 г. в Туркестане хорошо характеризует высказанное им самим мнение по поводу этой конфирмации, где отмечается, что «все те, кто в силу заблуждения или увлечения является сторонником крайних репрессий должен задуматься над конфирмацией Ташк[ентского] приговора А.Н. Куропатк[ина] и принять во внимание

все те бытовые и иные условия, которые часть мирных туземцев сделали тяжких преступников» (НАУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1888а. Л. 81).

На следующий день после оглашения приговора родственники осужденных подали прошение о получении разрешения на свидание с ними в тюрьме, на что было получено согласие и выданы на это удостоверения (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 232-237, 239-242, 268-269). Подавались также прошения взять заключенного (Уста-Адилъ Алимбаева) на поруки под залог недвижимого имущества. На что был получен отказ (НАУз. Ф. И-723. Оп. 1. Д. 339. Л. 274-274об.).

Однако все же двоим из участников событий 11 июля был оставлен в силе приговор суда о смертной казни. Это были сарты Абдурахман Каим-Суфиев и Мир-Касым Иса-Мухамедок, осуществление приговора над которыми по назначению военного губернатора Сырдарьинской области Галкина должна была осуществиться 12 августа 1916 г. в 11 часов вечера во дворе Ташкентской тюрьмы (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 53).

Подвергнутым суду, на заседании Особого временного военного суда в г. Ташкенте, которого прошло 14 октября 1916 г. ташкентские сарты Мир-Махмут Мир-Сагатов, Уста-Адилъ Алимбаев, Шукурджан Закирджанов Ахун-Баба Абдулла-Азизов были признаны невиновными, в выдвинутом против них обвинении «в вооруженном восстании против властей правительством установленных с намерением воспрепятствовать приведению в исполнению Высочайшего Указа, сопровождавшемся насилием и смертоубийством и нападении на чинов полиции, находившихся при исполнении служебных обязанностей, сопровождавшемся нанесением им ран» (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 72-72об.).

До нас дошел и любопытный казус, связанный с отбытием одним из заключенных своего наказания. Так, 11 января 1917 г. начальнику Ташкентского арестного дома был направлен запрос от прокурора Ташкентского окружного суда о том, почему осужденный «Якуб Мураджапаев освобожден из-под стражи 7 сентября 1916 г., тогда как срок наказания оканчивался лишь 7 октября 1916 г.» (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 120б.). На этот запрос, начальник Ташкентского арестного дома ответил следующее: «С представлением переписки по исправлении надписи моей от 19 декабря 1916 г. за № 529, доношу Вашему Превосходительству, что в таковой была допущена неправильность в порядковом перечислении лиц, так: Якуб Мураджанбаев, вместо “седьмого по порядку” был обозначен “тринадцатым”, что и послужило искажением точности донесения, несогласного также и с имеющейся в “Книге содержащихся под стражей арестантов за 1916 год” отметке, откуда видно, что Мураджанбаев, по отбытии 2-х месячного ареста, был освобожден из под стражи 7-го Октября 1916 г. (а не 7 сентября 1916 г.)» (НАУз. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 472. Л. 13-130б.).

5. Заключение

Итак, рассмотрение процесса следствия и суда над участниками событий 11 июля 1916 г. в Ташкенте позволяет глубже понять не только конкретные процессуально-юридические механизмы Российской империи в период колониального управления Туркестаном, но и общие закономерности подавления антиколониальных выступлений в регионе. На основе архивных материалов Национального архива Узбекистана, в частности, дела № 339 фонда И-723 «Туркестанский военно-окружной суд», а также других документов из фондов И-132 и И-461, мы видим, как колониальные власти применяли существующие законы для быстрого и эффективного усмирения восстаний, вызванных Высочайшим повелением от 25 июня 1916 г. о реквизиции инородческого населения для тыловых работ. Это повеление стало катализатором массовых протестов по всему Туркестанскому генерал-губернаторству, включая Ташкент, где 11 июля вспыхнули беспорядки во дворе Полицейского управления туземной части города.

Основные моменты следствия подчеркивают оперативность и систематичность действий властей. Производство предварительного расследования началось в день событий по инициативе Мирового судьи 13-го участка Ташкентского уезда, на основании предложений участкового товарища прокурора, со ссылкой на статьи 263 и 268 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Эти статьи квалифицировали действия восставших как вооруженное сопротивление властям и оскорбление величества, что отражало восприятие протестов не как социального недовольства, а как угрозы государственному порядку. Осмотр места происшествия, зафиксированный в протоколе с чертежом двора, судебно-медицинские освидетельствования раненых и убитых, а также допросы свидетелей – от полицмейстера Н.Е. Колесникова до городских и военных чинов школы прапорщиков под командованием подполковника С.В. Савицкого – демонстрируют тщательность сбора доказательств. Свидетельские показания, включая возраст, вероисповедание и социальный статус, подчеркивали лояльность колониальной администрации, в то время как допросы обвиняемых на типографских бланках раскрывали их биографические детали: от этнической принадлежности (преимущественно сарты) до отсутствия судимостей у большинства. Никто из 34 арестованных не признал вины, но на основе показаний чинов полиции и военных дело было передано в суд.

Интересный аспект – смерть одного из обвиняемых, Муллы Садыка Сытдык-Казиева, от огнестрельной раны 18 июля, несмотря на противоречивые данные о выписке из больницы, указывает на возможные пробелы в медицинском и следственном учете.

Переход к судебному разбирательству иллюстрирует специфику военно-судебной системы в условиях чрезвычайной охраны. Обвинительный акт от 29 июля 1916 г., составленный военным прокурором Туркестанского военно-окружного суда, обвинял подсудимых в вооруженном сопротивлении с целью воспрепятствовать исполнению императорского указа, ссылаясь не только на Уложение о наказаниях, но и на Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. (статья 18, пункт 1) и Свод военных постановлений 1869 г. (статья 279, предусматривающая смертную казнь за умышленное убийство в военное время). Текст этих законов, приведенный в статье, показывает, что Российская империя интерпретировала протесты как мятеж, приравнивая их к преступлениям против государства. Распорядительное заседание 29 июля под председательством генерал-майора Давыдовича постановило рассмотреть дело в Особом временном военном суде при закрытых дверях, по законам военного времени, что ускоряло процесс и ограничивало публичность.

Судебное заседание 4–7 августа 1916 г., с участием временных членов, например, полковника Залеского и подполковника Голашевского, включало заслушивание 31 подсудимого (трое отсутствовали по причинам здоровья или отдельного производства), свидетелей обеих сторон и защитников – присяжных поверенных Н.К. Будыка и Н.И. Закаменского. Защитники пытались ввести новые доказательства и свидетелей, что отражало формальное соблюдение процедур, хотя и в ограниченном объеме. Вопросный лист, где члены суда оценивали доказанность обвинений, показывает нюансы: многие пункты признаны недоказанными, что привело к частичным оправданиям. Приговор от 8 августа был суров: пятеро (Абдурахман Хакимов и др.) приговорены к смертной казни через повешение, девятеро – к 20 годам каторги, другие – к меньшим срокам или оправданы по отдельным статьям. Однако конфирмация туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина 9 августа существенно смягчила наказания: смертные казни заменены каторгой или арестом для большинства, кроме двоих – Абдурахмана Хаим-Суфиева и Мир-Касыма Иса-Мухамедова, казненных 12 августа во дворе Ташкентской тюрьмы. Куропаткин, как видно из его собственных слов в архивных материалах, выступал против чрезмерных репрессий, подчеркивая необходимость учета «бытовых и иных условий», превративших мирных жителей в «тяжких преступников». Это отражает его прагматичный подход к колониальному управлению, направленный на стабилизацию региона без эскалации конфликта.

Дополнительные аспекты, такие как оправдание троих подсудимых на заседании 14 октября (Мир-Махмут Мир-Сагатов и др.), прошения родственников о свиданиях и поруках, а также казус с преждевременным освобождением Якуба Мураджапбаева из-за канцелярской ошибки, подчеркивают человеческий фактор в судебной системе. Эти детали иллюстрируют, что, несмотря на формальную строгость, практика допускала вариации, ошибки и гуманные жесты, особенно под влиянием высшего командования.

Также следует отметить источниковедческую ценность материалов. Дела, хранящиеся в Национальном архиве Узбекистана, предоставляют уникальный взгляд на процессуальную практику, от протоколов допросов до приговоров, заполненных на типографских бланках, что позволяет реконструировать события без искажений. Процессуально-юридические аспекты раскрывают, как империя адаптировала общие законы к колониальным реалиям – через военные суды и чрезвычайные меры, обеспечивая быстрое подавление. На смягчение приговора суда А.Н. Куропаткин указывает на осознание властями глубинных причин восстаний: социального недовольства, эксплуатации и культурных противоречий, а не только на «подстрекательство». События 11 июля 1916 г. в Ташкенте, показывают баланс между репрессиями и прагматизмом, что в итоге не предотвратило дальнейших волнений, но повлияло на оценки последствий для Туркестана.

Следствие и суд над участниками 11 июля демонстрируют эффективность колониальной юстиции в кризисах, но также ее ограничения – от бюрократических ошибок до этических дилемм. Исследование таких случаев важно для понимания колониальной политики Российской империи, ее правовых инструментов и человеческого измерения, что актуально для современных дискуссий об исторической справедливости и деколонизации нарративов. События 1916 г. не только трагедия жертв, но и урок о том, как юридические процедуры маскируют политические мотивы, а милосердие властей – инструмент контроля.

Литература

Алимджанов, 2017 – Алимджанов Б. События 1916 г. глазами банкиров Туркестана // *Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)*. Москва, 2017. С. 185–194.

Алимджанов, 2017а – Алимджанов Б. Экономическая жизнь в «коренном» Туркестане и события 1916 г. / *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»*. Бишкек: Нео Принт, 2017. С. 302–321.

Асфендияров, 1936 – Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата-Москва, 1936. 150 с.

- Божко, Галузо, 1932** – Божко Ф., Галузо П. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Москва-Ташкент, 1932. 97 с.
- Восстание..., 1929** – Восстание 1916 г. в Средней Азии // *Красный архив*. Выпуск 3 (34). Москва, 1929. С. 39-94.
- Восстание..., 1932** – Восстание 1916 г. в Средней Азии. Под ред. П.Г. Галузо. Ташкент, 1932. 175 с.
- Восстание..., 1937** – Восстание 1916 г. в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1937. 316 с.
- Восстание..., 1960** – Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. 1960. Под ред. А.В. Пяковского. Москва, 1960. 794 с.
- Восстание..., 2016** – Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. 2016 / Под ред. Т.В. Котюковой. Москва, 2016. 468 с.
- Джумашев, 2017** – Джумашев А. Восстания 1916 г. в низовьях Амударьи: характер и особенности // *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»*. Бишкек, 2017. С. 20-40.
- Зиёева, 2000** – Зиёева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати (Мустабид тузумга қарши 1916 йил ва 1918–1924 йиллардаги халқ қурашлари тарихшунослиги). Тошкент, 175 б.
- Зияева, 1991** – Зияева Д.Х. Освещение восстания 1916 года в исторической литературе // *Общественные науки в Узбекистане*. 1991. № 9. С. 42-46.
- Кастельская, 1937** – Кастельская З.Д. Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1937. 68 с.
- Ковалев, 1957** – Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957. 188 с.
- Котюкова, 2011** – Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель-Observer*. № 8. С. 98-126.
- Котюкова, 2017** – Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. как общая трагедия / *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»*. Бишкек, 2017. С. 60-65.
- Махмудов, 2016** – Махмудов О.А. Призраки и страхи колониальных властей Туркестана: мусульманское «духовенство» в восстании 1916 г. / *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале 20 столетия (1916 год: уроки общей трагедии)*. Москва, 2016. С. 93-113.
- Махмудов, 2017** – Махмудов О.А. Участие местного населения в восстании 1916 года: представления и репрезентации российских колониальных чиновников / *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»*. Бишкек, 2017. С. 89-96.
- Махмудов, 2020** – Махмудов О.А. Восстание 1916 г. в «коренных областях» Туркестанского генерал-губернаторства: представления и репрезентации русских колониальных чиновников // *O'zbekiston tarixi*. 2020. № 4. С. 98-115.
- Махмудов, 2020a** – Махмудов О.А. Мусульманский фактор и «духовенство» в туркестанских событиях 1916 года: роль и значение глазами российских чиновников / *Изучение 1916 года: деполитизация и гуманизация знаний о Восстании в Центральной Азии*. Под ред. А. Моррисона и А. Чокобаевой. Бишкек, 2020. С. 92-116.
- НАУз** – Национальный архив Узбекистана.
- Положение о мерах..., 1881** – Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://museumreforms.ru/node/13672#ref-2>
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив
- Россия. Законы и постановления, 1879** – Россия. Законы и постановления. Свод военных постановлений 1869 года. Военно-уголовные уставы: (По 1 июля 1879 г.) / 26. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1879. [2], XII, 267 с.
- Рыскулов, 1924** – Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.) // *Новый Восток*. 1924. № 6. С. 270-274.
- Рыскулов, 1927** – Рыскулов Т. Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927. 125 с.
- Турсунов, 1962** – Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.
- Уложение о наказаниях..., 1845** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб: Типография Второго Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.
- Gabrielyan, 2025** – Gabrielyan S.I., Urakov D.J., Khaynazarov B.B., Otarbaeva G.K. "The Ili Problem" in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 880-892.
- Kotiukova, 2019** – Kotiukova T. The exemption of peoples of Turkestan from universal military service as an antecedent to the 1916 revolt / *The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution*. Alexander Morrison, Cloé Drieu and Aminat Chokobaev (eds.). Manchester, 2019. Pp. 45-70.
- Mahmudov, 2019** – Mahmudov O. The "virtual reality" of colonial Turkestan: how Russian officials viewed and represented the participation of the Local population in the 1916 revolt // *The Central Asian*

Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution. Alexander Morrison, Cloé Drieu and Aminat Chokobaev (eds.). Manchester, 2019. P. 95-125.

[Sokol, 1954](#) – Sokol D.E. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954. 188 p.

[The Central Asian..., 2019](#) – The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution. Alexander Morrison, Cloé Drieu and Aminat Chokobaev (eds.). Manchester, 2019. 360 p.

[Urakov et al., 2024](#) – Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B. (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 2024. 19(2). Pp. 750-762.

References

[Alimdjanov, 2017](#) – Alimdjanov, B. (2017). Sobytiya 1916 g. glazami bankirov Turkestana [The events of 1916 through the eyes of Turkestan bankers]. *Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoj Rossii: neizvestnoe ob izvestnom* (K 100-letiyu Vysochajshago poveleniya 25 iyunya 1916 g.). M. Pp. 185-194. [in Russian]

[Alimdjanov, 2017a](#) – Alimdjanov, B. (2017). Ekonomicheskaya zhizn' v "korennom" Turkestane i sobytiya 1916 g. [Economic life in "native" Turkestan and the events of 1916]. *Mezhdunarodnoe nauchnoe soveshhanie «Pereosmyslenie vosstaniya 1916 goda v Tsentral'noj Azii»*. Bishkek. Pp. 302-321. [in Russian]

[Asfendiyarov, 1936](#) – Asfendiyarov, S.D. (1936). Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane [The national liberation uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata-Moscow. 150 p. [in Russian]

[Bozhko, Galuzo, 1932](#) – Bozhko, F., Galuzo, P. (1932). Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii [The uprising of 1916 in Central Asia]. Moscow-Tashkent. P. 97. [in Russian]

[Djumashe, 2017](#) – Djumashev, A. (2017). Vosstaniya 1916 g. v nizov'yakh Amudar'i: kharakter i osobennosti [The uprisings of 1916 in the lower reaches of the Amu Darya: nature and features]. *Mezhdunarodnoe nauchnoe soveshhanie «Pereosmyslenie vosstaniya 1916 goda v Tsentral'noj Azii»*. Bishkek. Pp. 20-40. [in Russian]

[Gabrielyan, 2025](#) – Gabrielyan, S.I., Urakov, D.J., Khaynazarov, B.B., Otambaeva, G.K. "The Ili Problem" in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy. *Bylye Gody*. 20(2): 880-892.

[Kastel'skaya, 1937](#) – Kastel'skaya, Z.D. (1937). Vosstanie 1916 g. v Uzbekistane [The uprising of 1916 in Uzbekistan]. Tashkent. P. 68. [in Russian]

[Kotiukova, 2011](#) – Kotiukova, T. (2011). Vosstanie 1916 g. v Turkestane: oshibka vlasti ili istoricheskaya zakonmernost'? [The 1916 uprising in Turkestan: a mistake of the authorities or a historical inevitability?]. *Obozrevatel'-Observer*. 8: 98-126. [in Russian]

[Kotiukova, 2017](#) – Kotiukova, T. (2017). Vosstanie 1916 g. kak obshhaya tragediya [The 1916 uprising as a common tragedy]. *Mezhdunarodnoe nauchnoe soveshhanie «Pereosmyslenie vosstaniya 1916 goda v Tsentral'noj Azii»*. Bishkek. Pp. 60-65. [in Russian]

[Kotiukova, 2019](#) – Kotiukova, T. (2019). The exemption of peoples of Turkestan from universal military service as an antecedent to the 1916 revolt. *The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution*. Alexander Morrison, Cloé Drieu and Aminat Chokobaev (eds.). Manchester. Pp. 45-70.

[Kovalev, 1957](#) – Kovalev, P.A. (1957). Tylovye rabochie Turkestana v gody Pervoj mirovoj vojny [Rear workers of Turkestan during the first world war]. Tashkent. 188 p. [in Russian]

[Mahmudov, 2019](#) – Mahmudov, O. (2019). The "virtual reality" of colonial Turkestan: how Russian officials viewed and represented the participation of the Local population in the 1916 revolt. *The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution*. Alexander Morrison, Cloé Drieu and Aminat Chokobaev (eds.). Manchester. Pp. 95-125.

[Makhmudov, 2016](#) – Makhmudov, O.A. (2016). Prizraki i strakhi kolonial'nykh vlastej Turkestana: musul'manskoe «dukhovenstvo» v vosstanii 1916 g. [Phantoms and fears of Turkestan's colonial authorities: the muslim "clergy" in the 1916 uprising]. *TSivilizatsionno-kul'turnye aspekty vzaimootnoshenij Rossii i narodov Tsentral'noj Azii v nachale 20 stoletiya (1916 god: uroki obshhej tragedii)*. M. Pp. 93-113. [in Russian]

[Makhmudov, 2017](#) – Makhmudov, O.A. (2017). Uchastie mestnogo naseleniya v vosstanii 1916 goda: predstavleniya i reprezentatsii rossijskikh kolonial'nykh chinovnikov [Participation of the local population in the 1916 uprising: perceptions and representations of Russian colonial officials]. *Mezhdunarodnoe nauchnoe soveshhanie «Pereosmyslenie vosstaniya 1916 goda v Tsentral'noj Azii»*. Bishkek. Pp. 89-96. [in Russian]

[Makhmudov, 2020](#) – Makhmudov, O.A. (2020). Vosstanie 1916 g. v «korennykh oblastyakh» Turkestanskogo general-gubernatorstva: predstavleniya i reprezentatsii russkikh kolonial'nykh chinovnikov [The 1916 uprising in the "native regions" of the Turkestan governor-generalship: perceptions and representations of Russian colonial officials]. *O'zbekiston tarixi*. 4: 98-115. [in Russian]

[Makhmudov, 2020a](#) – Makhmudov, O.A. (2020). Musul'manskij faktor i «dukhovenstvo» v turkestanskikh sobytiyakh 1916 goda: rol' i znachenie glazami rossijskikh chinovnikov [The Muslim Factor and "Clergy" in the Turkestan Events of 1916: Role and Significance through the Eyes of Russian Officials]. *Izuchenie 1916 goda: depolitizatsiya i gumanizatsiya znaniy o Vosstanii v Tsentral'noj Azii*. Aleksandr Morrison and Aminat Chokobaeva (eds.). Bishkek. Pp. 92-116. [In Russian]

[NAUZ](#) – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].

[Polozheniye o merakh..., 1881](#) – Polozheniye o merakh k okhraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshchestvennogo spokoystviya 1881 g. [Regulation on measures to maintain state order and public peace, 1881. [Electronic resource]. URL: <https://museumreforms.ru/node/13672#ref-2> [in Russian]

[RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvenniy voyenno-istoricheskiy arxiv [Russian State Military Historical Archive].

[Rossiya. Zakony i postanovleniya, 1879](#) – Rossiya. Zakony i postanovleniya. Svod voyennykh postanovleniy 1869 goda. Voyenno-ugolovnyye ustavy: (Po 1 iyulya 1879 g.) / 26. [Russia. Laws and regulations. Code of military regulations of 1869. Military criminal regulations: (Until July 1, 1879) / 26]. Sankt-Peterburg, 1879. [2], XII, 267 p. [in Russian]

[Ryskulov, 1924](#) – *Ryskulov, T.* (1924). Ryskulov T. Iz istorii bor'by za osvobozhdenie Vostoka (Vosstanie kirgiz Turkestana protiv tsarizma v 1916 g.) [From the history of the struggle for the liberation of the east (the Kyrgyz uprising in Turkestan against tsarism in 1916)]. *Novyj Vostok*. 6: 270-274. [in Russian]

[Ryskulov, 1927](#) – *Ryskulov, T.* (1927). Vosstanie tuzemtsev v Srednej Azii v 1916 g. [The uprising of the natives in Central Asia in 1916]. Kyzyl-Orda. 125 p. [In Russian]

[Sokol, 1954](#) – *Sokol, D.E.* (1954). The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore. 188 p.

[The Central Asian..., 2019](#) – The Central Asian Revolt of 1916. A collapsing empire in the age of war and revolution. 2019. Alexander Morrison, Cloé Drieu and Aminat Chokobaev (eds.). Manchester. 360 p.

[Tursunov, 1962](#) – *Tursunov, Kh.* (1962). Vosstanie 1916 goda v Srednej Azii i Kazakhstane [The uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. Tashkent]. Tashkent. 428 p. [in Russian]

[Ulozheniye o nakazaniyakh..., 1845](#) – Ulozheniye o nakazaniyakh ugodovnykh i ispravitel'nykh [Code of Criminal and Correctional Punishments]. Sankt-Peterburg, 1845. [4], IV, 898, XVII p. [in Russian]

[Urakov et al., 2024](#) – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.

[Vosstanie..., 1929](#) – Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii [(The Uprising of 1916 in Central Asia). *Krasnyy arkhiv*. Issue 3 (34). M., 39-94. [in Russian]

[Vosstanie..., 1937](#) – Vosstanie 1916 g. v Kazakhstane. Dokumenty i materialy [The Uprising of 1916 in Kazakhstan. Documents and Materials]. Alma-Ata, 316. [in Russian]

[Vosstanie..., 1960](#) – Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii i Kazakhstane [The uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhsta] A.V. Pyaskovskij (ed.). M. 794 p. [in Russian]

[Vosstanie..., 2016](#) – Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumental'nye svidetel'stva obshhej tragedii [The Uprising of 1916 in Turkestan: Documentary Evidence of a Common Tragedy]. Kotyukova T.V. (ed.). M., 468 p. [in Russian]

[Vosstanie..., 1932](#) – Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii [The Uprising of 1916 in Central Asia]. P.G. Galuzo (ed.). Tashkent, 175. [in Russian]

[Ziyaeva, 1991](#) – *Ziyaeva, D.Kh.* (1991). Osveshchenie vosstaniya 1916 goda v istoricheskoy literature [Coverage of the 1916 Uprising in Historical Literature]. *Obshhestvennye nauki Uzbekistane*. 9: 42-46. [in Russian]

[Ziyoeva, 2000](#) – *Ziyoeva, D.* (2000). Turkiston millij ozodlik xarakati (Mustabid tuzumga qarshi 1916 jil va 1918–1924 jillardagi khalq kurashlari tarixshunosligi) [Turkestan National Liberation Movement (Historiography of the People's Struggles Against the Autocratic Regime in 1916 and 1918–1924)]. Tashkent. 175 p. [in Uzbek]

Следствие и суд над участниками событий 11 июля 1916 г. в Ташкенте: источниковедческие и процессуально-юридические аспекты

Ойбек Анварович Махмудов ^a, Софья Ивановна Габриэльян ^{b, *}, Азизбек Гузалович Холлиев ^b, Салимахон Нуманджановна Мадярова ^b

^a Чирчикский государственный педагогический университет, Узбекистан

^b Национальный университет Узбекистана, Узбекистан

Аннотация. В статье исследуются малоизученные процессуально-юридические и источниковедческие аспекты следствия и суда над участниками восстания 11 июля 1916 года в Ташкенте. Данные события стали одним из наиболее ярких эпизодов массовых протестов в Туркестанском генерал-губернаторстве, спровоцированных Высочайшим повелением о привлечении «инородческого» населения к тыловым работам в годы Первой мировой войны. На основе

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sofagabrielan4@gmail.com (С.И. Габриэльян), oybek81@yandex.ru (О.А. Махмудов), azizbekholliiev@gmail.com (А.Г. Холлиев), madyarova-75@mail.ru (С.Н. Мадярова)

неопубликованных материалов из Национального архива Узбекистана (в частности, фонда «Туркестанский военно-окружной суд») автор реконструирует механизмы функционирования российской правоохранительной и судебной систем в колониальных условиях.

В работе детально анализируется последовательность следственных действий: от осмотра места происшествия и судебно-медицинских экспертиз до допросов свидетелей из числа колониальной администрации и обвиняемых. Особое внимание уделяется юридической квалификации действий восставших. Показано, как через применение статей Уложения о наказаниях и Положения о мерах к охранению государственного порядка протест интерпретировался властями как вооруженный мятеж против государства, что в условиях военного времени предполагало смертную казнь.

Описывается деятельность Особого временного военного суда, специфика работы «вопросных листов» и роль защиты в процессе. Ключевым моментом исследования является анализ конфирмации приговора генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным. Делается вывод, что существенное смягчение наказаний большинству осужденных было продиктовано не только гуманизмом, но и прагматичным стремлением стабилизировать регион и избежать дальнейшей эскалации конфликта. В статье подчеркивается, что, несмотря на формальную строгость имперской юстиции, судебная практика допускала вариативность и учитывала социальные факторы, превратившие мирных жителей в «тяжких преступников». Исследование вносит вклад в понимание колониальной политики Российской империи и инструментов правового контроля в кризисные периоды.

Ключевые слова: Туркестан, восстание 1916 года, Ташкент, колониальное управление, следствие, военно-окружной суд, Уложение о наказаниях, А.Н. Куропаткин, конфирмация приговора, источниковедение.

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 539-550
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.539

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Use of Child and Adolescent Labor in Agricultural Work in Peasant Households of the Altai Province (Based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census)

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The use of child and adolescent labor in agricultural work was an economically necessary condition for the functioning of peasant households and a means of labor education for children, inseparable from their practical participation in the production process. The gender difference in the participation of children and adolescents in agricultural work recorded by the census program (plowing, haymaking, harvesting) consisted in the lower involvement of girls, especially in arable work, which was traditionally considered a male occupation. The practice of wider involvement of children and adolescents in agricultural work in peasant families who have lived in Siberia for a long time, compared with migrant families, is explained by the shorter duration of the growing season in the region, which required maximum concentration of household labor resources when performing basic production activities within the framework of the annual agricultural cycle. A comparative analysis of the use of child labor in the households of peasants belonging to different ethnic groups of the rural population of Altai shows that in the households of German peasant colonists child labor in agricultural work was used on a smaller scale than in the households of peasants of the main Slavic ethnic groups (Russians and Ukrainians), which is explained by the lower damage from military mobilization, caused to the labor potential of this ethnic group, as well as a higher level of technical equipment for field work. The least widespread use of child and adolescent labor was in the households of the aboriginal population (Altaians, Kazakhs), for whom agriculture and stationary cattle breeding were not traditional occupations, but acquired with inclusion in modernization processes.

An analysis of the relationship between the use of child and adolescent labor and the size of production in peasant households showed that it was used on the largest scale in the middle-sown group of households (with sowing from 4 to 12 dessiatines), in small-sown households (with sowing up to 4 dessiatines), its use was restrained by limited demand for labor, and in households of the highest sown group (with more than 12 dessiatines sown) – because they had better opportunities to use the labor of hired workers.

Sending children for employment to outside households was more typical not for old-time residents, but for migrant households, especially newly settled peasants, who were in dire need of funds necessary for the speedy economic and household arrangements in their new place of residence.

Keywords: child labor, labor education, peasantry, agriculture, peasant household, migrant peasants, agricultural census, Siberia, Altai Province.

1. Введение

Формирование привычки трудиться и нравственных представлений, основанных на уважении к труду, было важнейшим средством социализации подрастающего поколения в крестьянском социуме. Овладение трудовыми умениями и навыками, связанными с «работой на земле», являлось

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

необходимым условием подготовки мальчиков-подростков к успешному выполнению по достижении взрослого возраста социальных функций главы семьи (домохозяина) и члена деревенского сообщества, а девочек – к гармоничному совмещению функций домохозяйки и матери с производственной деятельностью, связанной с уходом за скотом и участием в полевых работах.

Из-за невысокого уровня механизации сельскохозяйственных работ, необходимости освоения новых пахотных земель (особенно в суровых природно-климатических условиях Сибири), непродолжительности вегетационного периода привлечение детей и подростков к сельскохозяйственным работам для многих крестьянских домохозяйств являлось экономически необходимым условием их деятельности. Процесс трудового воспитания, формирование трудовых умений и навыков были неотделимы от практического участия детей и подростков в производственном процессе, основанном на характерной для крестьянского домохозяйства семейной кооперации труда.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужила база данных, составленная на основе информации, содержащейся в первичных материалах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. – подворных анкетах крестьянских домохозяйств Алтайской губернии. База данных включает информацию о 13,1 тыс. домохозяйствах, отобранных посредством случайной пятипроцентной выборки из общего числа домохозяйств, переписные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской губернской земской управы Государственного архива Алтайского края (ф. 233) (около 70 % от общего числа проживавших в губернии крестьянских семей) ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

В анкету крестьянского домохозяйства, являвшегося основным объектом переписи, помимо данных о землепользовании и экономическом состоянии, вносились сведения о его членах, которые, кроме демографической информации (пол, возраст, «кем приходится» домохозяину), включали данные об их участии (участвовал/не участвовал) в основных видах производственных работ, составляющих годовой сельскохозяйственный цикл – пахоте, сенокосе, уборке урожая. Анкеты переписи содержат также сведения о найме членов домохозяйств (в том числе детей и подростков) на сельскохозяйственные работы, который учитывался при проведении переписи как один из видов промысловых занятий. Наличие в переписных анкетах отметок о мобилизации мужчин-членов крестьянских домохозяйств призывного возраста в армию позволяет оценить влияние мобилизации на расширение применения подросткового труда в сельском хозяйстве в период Первой мировой войны.

Для обработки и осмысления содержащейся в базе данных информации в статье применялся компьютеризированный статистический анализ. Для выявления специфики использования детского и подросткового труда в домохозяйствах старожилов и переселенцев, в крестьянских семьях различной этнической принадлежности, в группах крестьянских домохозяйств, дифференцируемых по размеру посева и количеству голов скота, использовался сравнительно-исторический метод исследования.

В контексте изучения зависимости от времени водворения переселенческих семей масштабов участия имевшихся в них детей и подростков в сельскохозяйственном найме применялся метод периодизации.

3. Обсуждение

Вопросы трудового воспитания и межпоколенной трансляции трудовых традиций и ценностей в крестьянском социуме в России дореволюционного периода уже привлекали внимание историков ([Листова, 1997](#); [Мальцева, 2009](#); [Шошин, 2009](#); [Шустрова, 2012](#); [Шустрова, 2014](#); [Медведева, Васькина, 2015](#) и др.). В том числе изучался эмпирический опыт этнических групп крестьянства в трудовом воспитании детей ([Гостиева, 1980](#); [Беляева, 2001](#); [Ардт, 2023](#); [Мухина, 2024](#) и др.).

Специфика мужских и женских трудовых обязанностей в крестьянском домохозяйстве, в том числе мальчиков и девочек детского и подросткового возраста, исследуется в публикациях по гендерной проблематике ([Пушкарева, 2002](#); [Мужики и бабы..., 2005](#); [Лаухина, 2007](#); [Долидович, 2011](#); [Безгин, 2013](#) и др.) и истории повседневной жизни российского крестьянства в дореволюционный период ([Безгин, 2004](#); [Мухина, 2012](#) и др.).

На материалах Сибири XVIII – первой половины XIX в. механизм передачи сельскохозяйственных трудовых умений и навыков, трудовое воспитание в рамках производственной деятельности крестьянской семьи изучались М.М. Громыко ([Громыко, 1975](#)) и Н.А. Миненко ([Миненко, 1979](#)).

Роль семьи в процессе производственного обучения и трудового воспитания крестьянских детей в Сибири в конце XIX – начале XX в. рассматривается в публикациях В.А. Зверева ([Зверев, 1985](#)), Т.И. Березиной ([Березина, 1990](#)), Л.А. Явновой ([Явнова, 2013](#)).

В работах историков-аграрников отмечаются изменения в гендерном и возрастном разделении труда, произошедшие в период Первой мировой войны, когда из-за нехватки в крестьянских домохозяйствах взрослых мужчин трудоспособного возраста, вызванной массовым призывом в

армию, расширилось применение труда женщин и подростков в полевых работах ([Крестьянство..., 1983: 248-250](#); [Рынков, Ильных, 2013: 188](#))

Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. еще не использовались в качестве источника для изучения использования детского и подросткового труда в сельскохозяйственном производстве в дореволюционной России.

Задачами исследования, проведенного в рамках данной статьи, являются: определение на основе анализа данных Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Алтайской губернии возрастной и гендерной динамики использования детского и подросткового труда в крестьянских домохозяйствах; выявление специфики использования труда детей и подростков в домохозяйствах старожилов и переселенцев, различных этнических групп крестьянского населения губернии, в домохозяйствах, различавшихся по экономической состоятельности, измеряемой размером посева и поголовьем скота; оценка характера воздействия призыва в армию мужчин-членов домохозяйств призывного возраста на масштабы применения детского и подросткового труда в различных поселенческих, этнических и имущественных группах крестьянских домохозяйств.

4. Результаты

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. проводилась в условиях военного времени, когда значительная часть мужского населения была мобилизована в армию: в Алтайской губернии (до июня 1917 г. – Алтайском округе), как и в целом по Сибири, было мобилизовано более половины мужчин трудоспособного возраста: по данным переписи, удельный вес взрослых мужчин трудоспособного возраста, призванных в армию, составлял среди крестьян-старожилов – 52,7 %, переселенцев – 52,6 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Убыль сельских работников отчасти компенсировалась за счет направления на сельскохозяйственные работы военнопленных, беженцев и призываемых на тыловые работы представителей коренных народов ([Рынков, Ильных, 2013: 186-188](#)). Но в первую очередь образовавшаяся в результате мобилизации острая нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве компенсировалась за счет внутренних источников крестьянских домохозяйств – роста трудовой нагрузки на женщин, подростков, пожилых людей. В 1917 г. в крестьянских домохозяйствах Алтайской губернии женщины составляли почти 2/3 трудоспособных работников рабочего возраста (64 %), 28,9 % из них принимали участие в пахотных работах, 75,4 % – в уборке урожая, 74,1 % – в косье (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)). Расширилось использование в полевых работах труда подростков. Если по данным выборочного обследования, проведенного в Барнаульском уезде в 1911 г., в различных видах производственных работ, связанных с уборкой урожая, доля труда подростков в общем труде членов семьи составляла от 2,3 до 7,2 % ([Зверев, 1985: 115–116](#)), то в 1917 г., согласно данным сельскохозяйственной переписи, на подростков 12–15 лет приходилось уже 13,3 % от всех участвующих в уборке урожая в этом уезде работников (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

В наименьшей степени сложившийся в период войны дефицит рабочих рук повлиял на вовлечение в сельскохозяйственные работы детей доподросткового возраста, так как включение детей в производственный процесс не могло происходить ранее их физического созревания и приобретения необходимых трудовых умений и навыков.

В анкетах сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии зафиксировано участие детей в сельскохозяйственных работах, начиная с 6–7-летнего возраста. В 6–8 лет оно имело sporadический характер, среди мальчиков 9-летнего возраста доля принимавших участие в пахотных работах составляла 7,6 %, в уборке урожая – 9,9 %, 10-летнего возраста – соответственно 16,2 % и 19,7 %, 11-летнего – 17,9 % и 25,9 % ([Таблица 1](#)).

Таблица 1. Участие детей и подростков в различных видах сельскохозяйственных работ с распределением по поселенческим группам, возрасту и полу (% от общего числа детей и подростков соответствующего возраста и пола) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Виды с/х работ,	6 лет		7 лет		8 лет		9 лет		10 лет		11 лет	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
поселенческие группы кр-н												
Пахотные работы												
Старожилы	0,3	0	1,5	0	1,4	0	9,9	0,4	20	1,1	18,4	1,9
Переселенцы	0,1	0,1	0,5	0,2	2,4	0,1	6,5	0,5	14,5	1,9	17,6	3,1

Всего:	0,2	0,08	0,8	0,17	2,1	0,09	7,6	0,46	16,2	1,7	17,9	2,7
Уборка урожая												
Старожилы	0,8	0,3	1,8	1,2	2,2	0,9	10,3	2,8	23,4	4,3	25	6,9
Переселенцы	0,2	0,6	0,8	0,5	2,3	0,4	9,7	1,8	18,1	6,1	26,4	10,3
Всего:	0,4	0,5	1,1	0,7	2,24	0,6	9,9	2,1	19,7	5,6	25,9	9,2
Сенокос												
Старожилы	0,7	0,2	1,4	0,6	2,0	0,6	8,7	2,2	20,5	2,6	20,7	7,2
Переселенцы	0,2	0,5	0,5	0,4	2,0	0,3	7,2	0,8	15,5	4,9	20,2	6,6
Всего:	0,4	0,4	0,8	0,5	2,0	0,4	7,7	1,2	17,0	4,3	20,3	6,8

Таблица 1 (продолжение)

Виды с/х работ,	12 лет		13 лет		14 лет		15 лет		16 лет		17 лет	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Поселенческие группы кр-н												
Пахотные работы												
Старожилы	37,1	4,9	45,2	9,7	64,7	13,3	74,5	18,5	80,9	26,4	82,9	24,2
Переселенцы	34,5	7,1	42,7	11,5	60,0	18,3	70,8	27,7	76,5	34,0	83,4	39,2
Всего:	35,2	6,5	43,5	11,0	61,4	16,8	71,9	25,0	77,8	31,9	83,2	34,5
Уборка урожая												
Старожилы	48,0	18,0	70,9	32,9	77,1	58,9	83,1	80,0	86,3	83,7	86,2	87,9
Переселенцы	43,8	19,0	50,8	30,8	69,5	54,8	76,7	72,1	80,3	84,0	85,3	84,7
Всего:	45,0	18,7	56,3	31,4	68,8	56	78,7	74,4	82,0	83,9	85,6	85,7
Сенокос												
Старожилы	41,3	12,6	56,7	28,7	77,8	54,4	80,6	75,4	83,2	82,5	83,5	84,4
Переселенцы	39,3	14,9	48,0	25,2	64,4	47,0	74,4	66,1	78,6	79,6	83,1	80,2
Всего:	39,8	14,3	50,6	26,2	68,2	49,2	76,3	68,8	79,9	80,4	83,3	81,5

Привлечение детей с малолетнего возраста к сельскохозяйственным работам было связано с распространенным среди крестьян представлением, что детей нужно приобщать к труду «сызмальства», чтобы привычка трудиться вошла в их плоть и кровь с самого детства, иначе у них не сформируется «усердствующей способности» к работе на земле (Тарасова, 2002: 60).

Приобщение детей с раннего возраста к сельскохозяйственному труду объясняется также стремлением использовать для формирования трудовых умений и навыков присущие этому возрасту интерес к занятиям взрослых и стремление подражать им, помогающие воспринимать с раннего возраста трудовые навыки от взрослых членов семьи, старших братьев и сестер. (Зверев, 1993: 153).

При проведении пахотных работ сначала труд детей использовался на наиболее легком их участке, не требующем большой физической нагрузки – в бороновании уже вспаханных старшими членами семьи полей. Мальчик-«бороноволок» вел под уздцы запряженную в борону лошадь, либо ехал на ней верхом (возить малолетних лошади было легче, а взрослым приходилось целый день водить лошадь с бороной в поводу, что считалось нелегкой работой). В случае, если земля была комковатой, отец усаживал сына на борону, чтобы утяжелить ее, а сам вёл лошадь под уздцы. Засев поля был самой ответственной частью земледельческих работ, связанных с посевной кампанией, и им занимался, как правило, глава домохозяйства, но дети шли за отцом и ставили сигнальные вешки, позволяющие избежать повторного засева отдельных участков поля.

С 11–12 лет мальчиков начинали приучать к пахоте. Сначала им выделяли отдельный участок поля, на котором они могли обучаться этому виду крестьянских работ, а в 13–14 лет мальчик-подросток уже мог и самостоятельно вспахать поле. Как видно из данных Таблицы 1, в 1917 г. в пахотных работах принимали участие 18 % всех мальчиков в возрасте 11 лет, в 12-летнем возрасте – 35 %, в 13-летнем – 43,5 %, а в 14-летнем – уже более половины (61,4 %).

Наиболее массовым было участие детей и подростков в производственных операциях, связанных с уборкой урожая из-за необходимости завершения их в максимально короткие сроки. Дети и подростки оказывали помощь взрослым членам семьи в жатве хлебов, вязке снопов, перевозке и складировании их на гумне и в овинах, молотье и веянии, свозке зерна в амбары (Зверев, 1985: 115–116). При этом и в условиях вызванного войной дефицита рабочей силы соблюдался принцип постепенного, определяемого возрастом и физическим состоянием детей вовлечения их в производственный процесс. Если в 10-летнем возрасте в уборочных работах в 1917 г. участвовали

19,7 % всех мальчиков и 5,6 % девочек, в 12 лет – соответственно 45 % и 18,7 %, то в 15 лет – уже 68,8 % и 56 % (см. [Таблицу 1](#)).

Покос травы был самым трудоемким из всех полевых занятий, требовавшим значительных физических усилий, поэтому во время сенокоса дети 7–11 лет привлекались в основном к более легким видам работ: девочки вместе с матерями ворошили сено, сгребали траву в валки, мальчики перевозили копны и т.п. Вместе с тем в этот период уже происходило обучение детей косить, для чего могли специально изготавливаться подходящие для них косы и грабли меньшего размера. С 12–13 лет дети начинали уже принимать участие в основной трудовой операции – косить траву, а в 16–17 лет уже могли косить наравне со взрослыми. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии, если в возрасте 11 лет в сенокосных работах принимали участие 20 % от общего числа мальчиков этого возраста и 6 % девочек, то среди подростков 13-летнего возраста этот показатель возрастал соответственно до 50 % и 26 %, а среди 15-летних – до 76 % и 69 % ([Таблица 1](#)).

Девочки начинали привлекаться к участию в учетных переписях сельскохозяйственных работах в несколько более позднем возрасте, а к пахотным работам, считавшимся мужским занятием, – в основном в семьях, где не было мальчиков. В возрастной группе от 12 до 15 лет доля принимавших участие в пахотных работах девочек-подростков (15 %) была в 3,5 раза ниже соответствующего показателя у мальчиков-подростков (53 %) (подсчитано по данным [Таблицы 1](#)). Для всех выделяемых в [Таблице 1](#) возрастных групп характерны также и более низкие показатели использования труда девочек детского и подросткового возраста в двух других учетных переписях сельскохозяйственных занятиях – сенокосе и уборке урожая (многие девочки занимались огородом, ухаживали за младшими братьями и сестрами, пока родители работали в поле), только уже в раннем юношеском возрасте (16–17 лет) гендерные различия, связанные с участием в этих видах сельскохозяйственных работ, нивелируются.

Рассмотрение данных [Таблицы 1](#) показывает, что во всех половозрастных группах доля детей и подростков, привлекаемых к учетным при проведении переписи сельскохозяйственным работам, в старожильческих домохозяйствах выше, чем в переселенческих (за исключением участия девочек детского и подросткового возраста в пахотных работах), что свидетельствует о том, что в старожильской деревне сложилась практика более раннего и массового привлечения детей и подростков к земледельческому труду, что, по-видимому, объясняется меньшей продолжительностью вегетативного сезона в Сибири по сравнению с европейской частью страны, сокращавшей время проведения основных кампаний годового цикла сельскохозяйственного производства – посевной, сенокоса и уборки урожая и требовавшей в силу этого максимально возможной мобилизации в ходе их проведения всех имевшихся в крестьянских домохозяйствах трудовых ресурсов. Характерные для старожильческих домохозяйств более низкие показатели использования труда девочек детского и подросткового возраста в пахотных работах могут свидетельствовать о большей укорененности среди сибирских старожилов традиционных представлений о гендерном разделении труда в крестьянском хозяйстве, согласно которым пахотные работы считались мужским занятием.

Сравнительный анализ данных об использовании детского и подросткового труда в домохозяйствах крестьян и инородцев различных этнических групп населения, проживавшего на территории Алтайской губернии ([Таблица 2](#)), показывает, что в домохозяйствах немецких крестьян-колонистов привлечение детей и подростков к сельскохозяйственным работам имело менее массовый характер, чем в домохозяйствах крестьян, принадлежавших к наиболее многочисленным этническим группам славянского населения – русских и украинцев. Это объясняется меньшим уроном, нанесенным мобилизацией трудовым ресурсам немецких домохозяйств (в ходе проведенных в период Первой мировой войны мобилизаций в немецких колониях Алтая были призваны в армию 46,9 % всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, а у русских крестьян – 60,4 %, украинцев – 62,5 %), а также более высоким уровнем технической оснащенности полевых работ в хозяйствах немецких крестьян, позволявшим обходиться меньшим количеством работников (подробнее об этом см.: [Razgon et al., 2025: 506](#)).

Отображенные в [Таблице 2](#) более высокие показатели привлечения детей и подростков к сельскохозяйственным работам в домохозяйствах русских крестьян, по сравнению с украинскими, немецкими и белорусскими, могут быть объяснены существенным преобладанием в их составе старожилов (у русских к этой поселенческой группе было отнесено в ходе переписи 39 % хозяйств, а у украинцев, белорусов, немцев – соответственно 4,1 %, 0,6 % и 0 %) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)), у которых, как показано выше, сложилась практика более раннего и широкого привлечения детей к сельскохозяйственному труду.

В наиболее массовом виде труд детей и подростков применялся в домохозяйствах проживавших на Алтае мордовских крестьян (см. [Таблицу 2](#)). У занимавшихся земледелием сибирских татар показатели, характеризующие участие в сельскохозяйственных работах детей подросткового возраста, несколько превосходили соответствующие показатели домохозяйств русских и украинских крестьян (кроме пахотных работ), но в более ранней возрастной группе (8–11 лет) соотношение было обратным, что свидетельствует о том, что приучение детей к сельскохозяйственному труду в татарских семьях начиналось с более позднего возраста, чем в семьях крестьян славянских этносов.

Таблица 2. Использование детского и подросткового труда в домохозяйствах крестьян и инородцев различных этносов (% от общего числа детей и подростков выделяемых половозрастных групп) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Виды сельхозработ, возрастные и гендерные группы	Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Мордва	Казахи	Алтайцы	Татары
Пахотные работы								
8-11 лет (м/ж)	10,6/1,1	12,2/1,4	27,3/0	26,7/0	15,6/0	0/0	0/0	0/0
12-15 лет (м/ж)	52,0/12,4	50,8/22,2	45,5/33,3	42,4/22,2	61,5/12,5	44,4/0	13,3/0	36,4/7,1
Уборка урожая								
8-11 лет (м/ж)	14,3/4,4	14,0/3,8	22,7/0	13,3/0	18,8/3,1	0/0	12,5/0	7,7/0
12-15 лет (м/ж)	62,2/44,9	55,5/39,6	40,9/58,3	51,5/40,7	79,5/42,5	55,6/15,4	40/42,1	72,7/50
Сенокос								
8-11 лет (м/ж)	11,5/3,1	12,5/3,0	26,1/0	6,1/0	18,2/2,9	0/0	3,8/0	7,1/0
12-15 лет (м/ж)	58,5/39,1	52,6/34,2	37,0/50,0	38,2/31,0	67,5/41,9	37,5/10,0	30,3/22,9	66,7/43,8

Наименьшие показатели участия детей и подростков в сельскохозяйственных работах были зафиксированы в ходе переписи в домохозяйствах аборигенного населения (казахи, алтайцы), у которого земледелие и оседлое скотоводство были не традиционными занятиями, а приобретенными в ходе включения в модернизационные процессы. На показателях использования детского труда в сельскохозяйственных работах в домохозяйствах коренного населения региона могло отчасти сказываться и установленное имперским законодательством освобождение «инородцев» от воинской повинности, в результате чего в их домохозяйствах на момент проведения переписи во многом сохранялся сложившийся до войны баланс наличия и использования семейной рабочей силы.

Как видно из данных [Таблицы 3](#), позволяющих установить различия в использовании детского и подросткового труда в сельскохозяйственных работах в хозяйствах разных посевных групп, наиболее высокие показатели использования труда мальчиков детского и подросткового возраста в пахотных и уборочных работах были характерны для базирующихся почти исключительно на семейном труде хозяйств крестьян-середняков (с посевом от 4 до 12 дес.). Использование детского и подросткового труда в земледелии в беднейших хозяйствах (с посевом до 4 дес.) сдерживалось ограниченным спросом на рабочие руки, а в крупнопосевных домохозяйствах – имевшимися у них более широкими возможностями для использования труда наемных работников (в домохозяйствах с посевом более 12 дес., составлявших 21,6 % от общего числа хозяйств с посевами, сосредоточивалось 57,6 % всех учтенных при проведении переписи годовых работников (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))). Малопосевные хозяйства (с посевом до 4 дес.) имели самые низкие показатели привлечения детей и подростков к сельскохозяйственным работам, хотя их трудовой потенциал был снижен мобилизацией в большей степени, чем у хозяйств более высоких посевных групп: в этой группе домохозяйств были мобилизованы в армию 55,6 % взрослых трудоспособных мужчин, тогда как в домохозяйствах с посевом от 4 до 12 дес. – 50,6 %, а с посевом более 12 дес. – 49,5 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

В группах домохозяйств, выделяемых в зависимости от количества имевшихся в них коров, использование детского и подросткового труда в сенокосных работах расширялось по мере увеличения поголовья скота ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Доля детей и подростков, участвующих в сельскохозяйственных работах в крестьянских домохозяйствах, различающихся по размеру посевов и количеству коров, % от общего числа детей и подростков соответствующей половозрастной группы (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Группировка хозяйств по посевам и кол-ву коров	В возрасте от 8 до 11 лет		В возрасте от 12 до 15 лет	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
В хозяйствах с размером посева:	Участие в пахотных работах			

до 4 дес.	6,7	1,1	40,4	9,7
от 4 до 12 дес.	13,1	1,4	54,9	14,4
свыше 12 дес.	10,7	0,9	53,4	17,5
В хозяйствах с размером посева:	Участие в уборке урожая			
до 4 дес.	10,6	3,7	54,3	41,4
от 4 до 12 дес.	16,1	4,3	63,6	43,8
свыше 12 дес.	14,2	4,2	60,9	45,9
В хозяйствах с кол-вом коров:	Участие в косьбе			
1–2	10,2	3,2	55,1	36,0
3–4	11,8	2,9	59,6	38,6
5 и более	12,9	2,7	59,8	43,0

Программа переписи включала сбор сведений об участии членов семьи не только в сельскохозяйственных работах, проводившихся в собственном домохозяйстве, но и об их найме на работу в другие крестьянские домохозяйства. Наем на сельскохозяйственные работы учитывался в ходе переписи как один из видов промысловых занятий, при этом регистрировались участие в нем как взрослых, так и членов домохозяйств детского и подросткового возраста (Таблица 4).

Таблица 4. Участие крестьянских детей и подростков в сельскохозяйственном найме*, % от общего числа детей и подростков соответствующей половозрастной группы (по поселенческим группам, в сравнении со взрослым населением) (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)

Поселенческие группы крестьян	Возрастные группы							
	8-11 лет		12-15 лет		16-17 лет		18-60 лет	18-55 лет
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Старожилы	0,3	0	0,7	0,2	3,6	1,5	1,7	0,8
Переселенцы	0,3	0,07	2,5	0,95	3,0	2,2	3,2	1,3
Переселенцы столыпинского периода (1907–1917 гг.)	0,45	0,1	3,2	1,9	4,1	3,0	4,3	1,5

*При проведении переписи учитывались следующие виды с/х найма: «сельскохозяйственный работник», «поденщик», «батрак», «пастух», «подпасок».

Как видно из данных Таблицы 4, переселенческие семьи чаще, чем старожильские, отдавали детей и подростков в наем ради приработка и «чтобы не было в семье лишнего рта», так как нуждались в денежных средствах, необходимых для скорейшего хозяйственного и бытового устройства на новом месте жительства. В особенности это было характерно для переселенцев-новоселов: в семьях переселенцев, водворившихся на территории Алтая в период столыпинских реформ (1907–1917 г.), доля отдаваемых в сельскохозяйственную работу по найму мальчиков-подростков (12–15 лет), была в 4,5 раза выше аналогичного показателя в старожильских домохозяйствах и в 1,3 раза выше такого же показателя, исчисляемого по всем переселенческим домохозяйствам, а девочек-подростков – выше соответственно в 9,5 и 2 раза.

В старожильских домохозяйствах наиболее часто отдавали в наем подростков юношеского возраста (16–17 лет), доля занятых в сельскохозяйственном найме членов домохозяйств этого возраста была даже выше соответствующего показателя среди взрослых, значение использования производственного опыта которых в собственном хозяйстве ценилось выше трудового вклада подростков.

И в старожильских, и переселенческих семьях среди девушек в возрасте 16–17 лет процент нанимавшихся на сельскохозяйственные работы в сторонние хозяйства был выше, чем соответствующий показатель среди взрослых женщин. По-видимому, это объясняется тем, что, по свидетельствам современников, зачастую девушки в этом возрасте нанимались на работу для того, чтобы заработать себе на приданое (Павлов, 1878: 65).

5. Заключение

Формирование у крестьянских детей трудолюбия, умений и навыков, связанных с работой на земле, происходило в процессе их практического участия в производственной деятельности домохозяйств. Крестьянские дети привлекались к сельскохозяйственным работам с раннего возраста,

гендерное различие проявлялось в том, что труд девочек детского и подросткового возраста использовался в сельскохозяйственных работах в меньших масштабах, чем труд мальчиков, в особенности в пахотных работах, считавшихся традиционно мужским занятием.

Анализ материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. показывает, что в старожильческих семьях имело место более массовое использование труда детей и подростков при проведении сельскохозяйственных работ, чем в семьях крестьян-переселенцев. Складывание этой хозяйственной практики было связано с меньшей продолжительностью вегетационного периода в Сибири в сравнении с европейской частью страны, требовавшей максимального использования трудовых ресурсов крестьянских домохозяйств при проведении всех видов работ годового сельскохозяйственного цикла – пахоты и сева, сенокоса, уборки урожая.

Сравнительный анализ использования детского и подросткового труда в домохозяйствах крестьян, принадлежавших к разным этническим группам сельского населения Алтая, показывает, что в домохозяйствах немецких крестьян-колонистов детский труд в сельскохозяйственных работах использовался в меньших масштабах, чем у крестьян основных славянских этносов (русских и украинцев), что объясняется меньшим уроном, нанесенным трудовому потенциалу этой этнической группы мобилизацией и более высоким уровнем технической оснащенности полевых работ. Самые низкие показатели использования труда детей и подростков в учтенных переписью видах сельскохозяйственных работ характерны для домохозяйств аборигенного населения (алтайцы, казахи), для которого земледелие и оседлое животноводство было не традиционными хозяйственными занятиями, а приобретенными в рамках включения в модернизационные процессы. Отчасти на этих показателях могло сказываться и установленное законодательством освобождение «инородцев» от воинской повинности, в результате чего в их домохозяйствах на момент проведения переписи во многом сохранялся сложившийся до войны баланс наличия и использования семейной рабочей силы.

Анализ зависимости масштабов использования детского труда от экономической состоятельности крестьянских домохозяйств показывает, что привлечение детей к сельскохозяйственным работам наибольших размеров достигало в домохозяйствах средней посевной группы (с посевом от 4 до 12 дес.), в малопосевных домохозяйствах (с посевом до 4 дес.) использование детского труда сдерживалось ограниченным спросом на рабочие руки, а в крупнопосевных (с посевом свыше 12 дес.) – имевшимися у них более широкими материальными возможностями привлечения работников по найму.

Направление детей для работы по найму в сторонние домохозяйства в большей степени было характерно не для старожильческих, а для переселенческих домохозяйств, в особенности недавних переселенцев, испытывавших острую нужду в денежных средствах, необходимых для скорейшего хозяйственного и бытового устройства на новом месте жительства.

Литература

- Ардт, 2023** – Ардт Е.А. Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX – начале XX в.: от рождения до конфирмации // *Сибирь гуманитарная*. 2023. № 4 (4). С. 42-59.
- Безгин, 2004** – Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов: ТГТУ, 2004. 304 с.
- Безгин, 2015** – Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов: ТГТУ, 2015. 192 с.
- Беляева, 2001** – Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2001. 186 с.
- Березина, 1990** – Березина Т.И. Обучение и воспитание детей в процессе сельскохозяйственного труда у русских крестьян Сибири периода капитализма // *Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.)*. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1990. С. 82-92.
- Гостиева, 1980** – Гостиева Л.К. Трудовое воспитание детей в осетинской крестьянской семье в конце XIX – начале XX вв. // *Проблемы истории СССР*. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 90-100.
- Громыко, 1975** – Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975. 351 с.
- Долидович, 2011** – Долидович О.М. Роль и место сибирской крестьянки в хозяйственной жизни региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Омский научный вестник*. 2011. № 3(96). С. 25-28.
- Зверев, 1985** – Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX вв. (трудовые традиции крестьян)*. Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 112-128.
- Зверев, 1993** – Зверев В.А. Дети отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861 – 1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
- Крестьянские хозяйства..., 2009** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан.

Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

[Крестьянство..., 1983](#) – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 400 с.

[Лаухина, 2007](#) – *Лаухина Г.В.* Мужской и женский труд в крестьянском хозяйстве Черноземья во второй половине XIX в. / *Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета*. Липецк, 2007. Вып. 4. С. 88-93.

[Листова, 2001](#) – *Листова Т.А.* Трудовое воспитание в крестьянской среде / *Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований*. М.: Наука, 2001. С. 182-201.

[Мальцева, 2009](#) – *Мальцева О.Ю.* Традиционный календарь и система воспитания детей у русских Южного Урала (конец XIX – начало XX века) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 28(166). С. 53-59.

[Медведева, Васькина, 2015](#) – *Медведева З.А., Васькина О.А.* Система воспитания детей в крестьянском социуме России в конце XIX – нач. XX века // *Национальная ассоциация ученых*. 2015. № 4-7(9). С. 51-54.

[Миненко, 1979](#) – *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.

[Мужики..., 2005](#) – Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство-СПБ, 2005. 686 с.

[Мукина, 2012](#) – *Мукина З.З.* Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299 с.

[Мукина, 2024](#) – *Мукина З.З.* Трудовое воспитание как одна из главных компонент в формировании личности в русской крестьянской семье Центральной России / *Семья и традиционные духовно-нравственные ценности: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году семьи в Российской Федерации*. Курск, 2024. С. 257–266.

[Павлов, 1878](#) – *Павлов А.* 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Типография К. Высоцкого, 1878. 164 с.

[Пушкарева, 2002](#) – *Пушкарева Н.Л.* Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации / *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции*. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2002. С. 65-83.

[Рынков., Ильиных, 2013](#) – *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.

[Тарасова, 2002](#) – *Тарасова С.И.* Традиции как стержень содержания духовного воспитания в русской народной педагогике // *Гаудеамус*. 2002. № 2 (2). С. 56-65.

[Шошин, 2009](#) – *Шошин М.А.* Трудовое воспитание в русской народной педагогике // *Вестник Мордовского университета*. 2009. Т. 19. № 2. С. 383-389.

[Шустрова, 2012](#) – *Шустрова М.Ю.* Трудовое воспитание детей в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. / *Малолетние подданные большой империи: Филипп Арес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Сб. статей*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 341-356.

[Шустрова, 2014](#) – *Шустрова М.Ю.* «На полатах лежать – ломтя не видать»: приобщение детей к труду в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века / *Век нынешний, век минувший. Материалы межрегиональной научно-практической конференции*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 2014. С. 62-72.

[Явнова, 2013](#) – *Явнова Л.А.* Воспитание детей в семьях старожилов и переселенцев Алтая в конце XIX – первой трети XX веков (по материалам устных источников) // *Мир науки, культуры, образования*. 2013. № 3(40). С. 336-339.

[Razgon et al., 2025](#) – *Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V.* Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census) // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 498-510.

References

[Arndt, 2023](#) – *Arndt, E.A.* (2023). Osobennosti vospitaniya detei u nemtsev Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX v.: ot rozhdeniya do konfirmatsii [Peculiarities of child upbringing among Volga Germans in the late 19th and early 20th centuries: from birth to confirmation]. *Sibir' gumanitarnaya*. 4 (4): 42-59. [in Russian]

[Belyaeva, 2001](#) – *Belyaeva, N.F.* (2001). Traditsionnoe vospitanie detei u mordvy [Traditional upbringing of children in Mordvins]. Saransk: Mordovskii gos. ped. in-t. 186 p. [in Russian]

- [Berezina, 1990](#) – *Berezina, T.I.* (1990). Obuchenie i vospitanie detei v protsesse sel'skokhozyaistvennogo truda u russkikh krest'yan Sibiri perioda kapitalizma [Education and upbringing of children in the process of agricultural labor among the Russian peasants of Siberia during the period of capitalism]. *Uchastie krest'yanstva v osvoenii vostochnykh okrain Rossii (konets XVII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk: Izd-vo NGPI. Pp. 82-92. [in Russian]
- [Bezgin, 2004](#) – *Bezgin, V.B.* (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late 19th – early 20th century)]. Tambov: TGTU. 304 p. [in Russian]
- [Bezgin, 2015](#) – *Bezgin, V.B.* (2015). «Na miru» i v sem'e: russkaya krest'yanka kontsa XIX – nachala XX veka. [In the community and in the family: a Russian peasant woman of the late 19th – early 20th centuries]. Tambov: TGTU. 192 p. [in Russian]
- [Dolidovich, 2011](#) – *Dolidovich, O.M.* (2011). Rol' i mesto sibirskoi krest'yanki v khozyaistvennoi zhizni regiona (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role and place of the Siberian peasant woman in the economic life of the region (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 3(96): 25-28. [in Russian]
- [Gostieva, 1980](#) – *Gostieva, L.K.* (1980). Trudovoe vospitanie detei v osetinskoj krest'yanskoi sem'e v kontse XIX – nachale XX vv. [Labor education of children in an Ossetian peasant family in the late 19th and early 20th centuries]. *Problemy istorii SSSR*. M.: Izd-vo MGU. Pp. 90-100. [in Russian]
- [Gromyko, 1975](#) – *Gromyko, M.M.* (1975). Trudovye traditsii russkikh krest'yan Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Labor traditions of the Russian peasants of Siberia (XVIII – the first half of the XIX centuries)]. Novosibirsk: Nauka. 351 p. [in Russian]
- [Krest'yanskije hozyajstva..., 2009](#) – Krest'yanskije khozyaistva Altaiskoi gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917]. [Elektronnyi resurs]: baza dannyx. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). –№ gosregistratsii 2009620044. [in Russian]
- [Krest'yanstvo..., 1983](#) – Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the period of capitalism]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. 400 p. [in Russian]
- [Laukhina, 2007](#) – *Laukhina, G.V.* (2007). Muzhskoi i zhenskii trud v krest'yanskom khozyaistve Chernozem'ya vo vtoroi polovine XIX v. [Male and female labor in the peasant economy of the Chernozem region in the second half of the 19th century]. *Vekhi minuvshogo. Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta*. Lipetsk. 4: 88-93. [in Russian]
- [Listova, 2001](#) – *Listova, T.A.* (2001). Trudovoe vospitanie v krest'yanskoi srede [Labor education among peasants]. *Pravoslavnyaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovanii*. M.: Nauka. Pp. 182-201. [in Russian]
- [Mal'tseva, 2009](#) – *Mal'tseva, O.Yu.* (2009). Traditsionnyi kalendar' i sistema vospitaniya detei u russkikh Yuzhnogo Urala (konets XIX – nachalo XX veka) [The traditional calendar and the system of child upbringing among Russians of the Southern Urals (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 28(166): 53-59. [in Russian]
- [Medvedeva, Vas'kina, 2015](#) – *Medvedeva, Z.A., Vas'kina, O.A.* (2015). Sistema vospitaniya detei v krest'yanskom sotsiume Rossii v kontse XIX – nach. XX veka [The system of child upbringing in the peasant society of Russia in the late XIX – early XX century]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 4-7(9): 51-54. [in Russian]
- [Minenko, 1979](#) – *Minenko, N.A.* (1979). Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoi Sibiri (XVIII – pervoi poloviny XIX v.) [A Russian peasant family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. 350 p. [in Russian]
- [Mukhina, 2012](#) – *Mukhina, Z.Z.* (2012). Semeinyi byt i povsednevnost' krest'yan Kurskoi gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoi Rossii [Family life and everyday life of peasants of Kursk province: traditions and dynamics of changes in post-Reform Russia]. M.: IEA RAN. 299 p. [in Russian]
- [Mukhina, 2024](#) – *Mukhina, Z.Z.* (2024). Trudovoe vospitanie kak odna iz glavnykh komponent v formirovanii lichnosti v russkoi krest'yanskoi sem'e Tsentral'noi Rossii [Labor education as one of the main components in personality formation in a Russian peasant family in Central Russia]. *Sem'ya i traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi Godu sem'i v Rossiiskoi Federatsii*. Kursk. Pp. 257-266. [in Russian]
- [Muzhiki..., 2005](#) – Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya [Men and women. Masculine and feminine in Russian traditional culture. The illustrated encyclopedia]. SPb: Iskustvo-SPB. 2005. 686 p. [in Russian]
- [Pavlov, 1878](#) – *Pavlov, A.* (1878). 3000 verst po rekam Zapadnoi Sibiri. Ocherki i zametki iz skitanii po beregam Tury, Tobola, Irtysha i Obi [3,000 miles along the rivers of Western Siberia. Essays and notes from wandering along the shores of Tura, Tobol, Irtysh and Ob]. Tyumen': Tipografiya K. Vysotskogo. 164 p. [in Russian]
- [Pushkareva, 2002](#) – *Pushkareva, N.L.* (2002). Gendernaya asimetriya sotsializatsii rebenka v traditsionnoi russkoi sem'e i perspektivy ee lomki v usloviyakh sotsial'noi modernizatsii [Gender asymmetry

of child socialization in a traditional Russian family and prospects for its breakdown in the context of social modernization]. *Sotsial'naya istoriya rossiiskoi provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G.R. Derzhavina. Pp. 65-83. [in Russian]

Razgon et al., 2025 – Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V. (2025). Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census). *Bylye Gody*. 20(1): 498-510. DOI: 10.13187/bg.2025.1.498

Rynkov, Il'nykh, 2013 – Rynkov, V.M., Il'nykh, V.A. (2013). Desyatiletie potryaseni: sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1914–1924 gg. [A decade of upheavals: agriculture in Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. 244 p. [in Russian]

Shoshin, 2009 – Shoshin, M.A. (2009). Trudovoe vospitanie v russkoi narodnoi pedagogike [Labor education in Russian folk pedagogy]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 19(2): 383-389. [in Russian]

Shustrova, 2012 – Shustrova, M.Yu. (2012). Trudovoe vospitanie detei v russkoi krest'yanskoi sem'e Verkhnego Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX v. [Labor education of children in the Russian peasant family of the Upper Volga region in the late 19th – early 20th centuries]. *Maloletnie poddannye bol'shoi imperii: Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)*. Sb. statei. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Pp. 341-356. [in Russian]

Shustrova, 2014 – Shustrova, M.Yu. (2014). «Na polatyakh lezhat' – lomtya ne vidat'»: priobshchenie detei k trudu v russkoi krest'yanskoi sem'e Verkhnego Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX veka ["Lying on the bed is not a hunk to be seen": the introduction of children to work in a Russian peasant family in the Upper Volga region at the end of the XIX – beginning of the XX century bed]. *Vek nyneshnii, vek minuvshii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet im. P.G. Demidova. Pp. 62-72. [in Russian]

Tarasova, 2002 – Tarasova, S.I. (2002). Traditsii kak sterzhen' soderzhaniya dukhovnogo vospitaniya v russkoi narodnoi pedagogike [Traditions as the core of the content of spiritual education in Russian folk pedagogy]. *Gaudeamus*. 2(2): 56-65. [in Russian]

Yavnova, 2013 – Yavnova, L.A. (2013). Vospitanie detei v sem'yakh starozhilov i pereselentsev Altaya v kontse XIX – pervoi treti XX vekov (po materialam ustnykh istochnikov) [Upbringing of children in families of old-timers and migrants of Altai in the late 19th – first third of the 20th centuries (based on oral sources)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3(40): 336-339. [in Russian]

Zverev, 1985 – Zverev, V.A. (1985). Rol' sem'i v zakreplenii i peredache opyta khozyaistvennoi deyatel'nosti russkikh krest'yan Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [The role of the family in consolidating and transferring the economic experience of Russian peasants in Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. *Zemledel'cheskie osvoenie Sibiri v kontse XVII – nachale XX vv. (trudovye traditsii krest'yan)*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. Pp. 112-128. [in Russian]

Zverev, 1993 – Zverev, V.A. (1993). Deti ottsam zamena: vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.) [Children replace fathers: reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Izd-vo NGPI. 244 p. [in Russian]

Использование детского и подросткового труда в сельскохозяйственных работах в крестьянских домохозяйствах Алтайской губернии (по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Использование детского и подросткового труда при проведении сельскохозяйственных работ было экономически необходимым условием функционирования крестьянских домохозяйств и средством трудового воспитания детей, неотделимого от практического участия их в производственном процессе. Гендерное различие в участии детей и подростков в учтенных программой переписи сельскохозяйственных работах (пахоте, сенокосе, уборке урожая) заключалось в меньших масштабах привлечения к ним девочек, в особенности к пахотным работам, считавшихся традиционно мужским занятием. Сложившаяся в старожильческих семьях практика более широкого привлечения детей и подростков к сельскохозяйственным работам, по сравнению с переселенческими, объясняется меньшей продолжительностью вегетационного периода в Сибири,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

требовавшей максимальной концентрации трудовых ресурсов домохозяйств во время проведения основных производственных работ в рамках годового сельскохозяйственного цикла.

Сравнительный анализ использования труда детей и подростков в сельскохозяйственных работах в домохозяйствах крестьян различных этнических групп показ не традиционным, что у проживавших на Алтае немецких крестьян-колонистов детский и подростковый труд применялся в более ограниченных масштабах, чем у крестьян, принадлежавших к наиболее многочисленным славянским этносам (русских и украинцев), что объясняется меньшим уроном, нанесенным мобилизацией трудовым ресурсам немецких домохозяйств, и более высоким уровнем оснащенности их усовершенствованным сельхозинвентарем. Наименьшее распространение использование труда детей и подростков в учтенных переписью видах сельскохозяйственных работ получило в домохозяйствах аборигенного населения (алтайцы, казахи), для которого земледелие и стационарное скотоводство были нетрадиционными занятиями, а приобретенными с включением в модернизационные процессы, отчасти это объясняется и сохранением в домохозяйствах коренного населения довоенного баланса использования семейной рабочей силы из-за освобождения «инородцев» от призыва в армию.

Анализ взаимосвязи между использованием детского и подросткового труда и размерами производства в крестьянских домохозяйствах показал, что в наибольших масштабах он использовался в средней по размеру посева группе домохозяйств (с посевом от 4 до 12 дес.), в малопосевных домохозяйствах (с посевом до 4 дес.) его применение сдерживалось ограниченным спросом на рабочие руки, а в домохозяйствах высшей посевной группы (с посевом более 12 дес.) – имевшимися у них более широкими возможностями для использования труда наемных работников.

Направление детей для работы по найму в сторонние домохозяйства в большей степени было характерно не для старожильческих, а переселенческих домохозяйств, в особенности переселенцев-новоселов, испытывавших острую нужду в денежных средствах, необходимых для скорейшего хозяйственного и бытового устройства на новом месте жительства.

Ключевые слова: детский труд, трудовое воспитание, крестьянство, сельское хозяйство, крестьянское домохозяйство, крестьяне-старожилы, крестьяне-мигранты, сельскохозяйственная перепись, Сибирь, Алтай.